

Дж. Масионис

СОЦИОЛОГИЯ

9-е издание

 ПИТЕР®

Социология. 9-е изд.

Масионис Джон

Оглавление

Предисловие
Структура издания
Несколько слов о языке

Часть I. Основы социологии

Глава 1. Социологический подход

Социологический подход
Способность увидеть общее в частном
Способность увидеть необычное в банальном
Индивидуальность в социальном контексте
Важность глобального подхода
Практическое применение социологического подхода
Социология и социальная маргинальность
Социология и социальный кризис
Преимущества социологического подхода
Социология, политика и профессии
Истоки социологии
Социальные перемены и социология
Наука и социология
Социологическая теория
Структурно-функциональная парадигма
Парадигма социального конфликта
Парадигма символического интеракционизма
Практическое использование парадигм: социология спорта
Резюме
Основные понятия
Вопросы для размышления

Глава 2. Социологическое исследование

Основы социологического исследования
Наука как одна из форм истины
Здравый смысл против научных данных
Наука: основные элементы и ограничения
Понятия, переменные и измерение
Идеал объективности
Некоторые ограничения научной социологии
Вторая система координат: интерпретативная социология
Третья система координат: критическая социология
Гендерная принадлежность и исследования
Этика исследования
Методы социологического исследования
Проверка гипотезы: эксперимент
Исследование с помощью вопросов: опрос
Полевое исследование: включенное наблюдение
Использование уже имеющихся данных: вторичный и исторический анализ
Взаимодействие теории и метода
Обобщение пройденного: десять этапов социологического исследования
Резюме
Основные понятия
Вопросы для размышления

Киберсфера. Часть I. Добро пожаловать в эру информационной революции!

Часть II. Основы общества

Глава 3. Культура

Что такое культура?
Культура и человеческий интеллект
Культура, страна и общество
Компоненты культуры
Символы
Язык
Ценности и убеждения
Нормы

- «Идеальная» и «реальная» культура
- Материальная культура и технология
- Новые информационные технологии и культура
- Культурное многообразие: многочисленные образы жизни в мире
- Элитарная и популярная культура
- Субкультура
- Мультикультурализм
- Контркультура
- Культурные изменения
- Этноцентризм и культурный релятивизм
- Глобальная культура?
- Теоретический анализ культуры
- Структурно-функциональный анализ
- Анализ социального конфликта
- Социобиология
- Культура и человеческая свобода
- Культура, становящаяся тормозом
- Культура как свобода
- Резюме
- Основные понятия
- Вопросы для размышления

Глава 4. Общество

- Герхард Ленски: общество и технология
- Общества охотников и собирателей
- Земледельческие и скотоводческие общества
- Аграрные общества
- Индустриальные общества
- Постиндустриальные общества
- Ограничения технологии
- Карл Маркс: общество и конфликт
- Общество и производство
- Конфликт и история
- Капитализм и классовый конфликт
- Капитализм и отчуждение
- Революция
- Макс Вебер: рационализация общества
- Два взгляда на мир: традиция и рациональность
- Рационален ли капитализм?
- Великий тезис Вебера: протестантизм и капитализм
- Рациональная организация общества
- Эмиль Дюркгейм: общество и функция
- Структура: общество вне нас
- Функция: общество как система
- Личность: общество внутри нас
- Современность и аномия
- Развивающиеся общества: разделение труда
- Критическая оценка: четыре взгляда на общество
- Резюме
- Основные понятия
- Вопросы для размышления

Глава 5. Социализация

- Опыт социального общения: ключ к нашей человечности
- Развитие человека: относительное влияние наследственности и окружающей среды
- Социальная изоляция
- Осмысление социализации
- Зигмунд Фрейд: элементы личности
- Жан Пиаже: когнитивное развитие
- Лоренс Колберг: моральное развитие
- Кэрол Гиллиган: гендерный фактор
- Джордж Герберт Мид: социальное «Я»
- Эрик Х. Эриксон: восемь стадий развития
- Агенты социализации
- Семья
- Школа
- Группы равных
- Средства массовой информации
- Социализация и жизнь
- Детство
- Юность
- Зрелый возраст
- Преклонный возраст

Умирание
Жизненный путь: общий обзор
Ресоциализация: тотальные институты
Резюме
Основные понятия
Вопросы для размышления

Глава 6. Социальное взаимодействие в повседневной жизни

Социальная структура: руководство в повседневной жизни
Статус
Набор статусов
Предписанный и достигнутый статус
Доминирующий статус
Роль
Набор ролей
Ролевой конфликт и ролевое напряжение
Выход из роли
Социальное конструирование реальности
«Бывалые»
Теорема Томаса
Этнометодология
Построение реальности: класс и культура
Драматургический анализ: «самопрезентация»
Представления
Невербальная коммуникация
Гендерные и личные самопрезентации
Идеализация
Смущение и такт
Взаимодействие в повседневной жизни: два практических аспекта
Язык: гендерная проблема
Юмор: игра с реальностью
Резюме
Основные понятия
Вопросы для размышления

Глава 7. Группы и организации

Социальные группы
Первичные и вторичные группы
Лидерство в группе
Групповая конформность
Референтные группы
Ин-группы и аут-группы
Размеры группы
Социальная разнородность: раса, класс и гендер
Сети
Формальные организации
Типы формальных организаций
Истоки бюрократии
Отличительные особенности бюрократии
Организационная среда
Неформальный аспект бюрократии
Проблемы бюрократии
Олигархия
Эволюция формальных организаций
Научное управление
Вызов первый: раса и гендер
Второй вызов: организация по-японски
Третий вызов: изменение характера труда
Будущее организаций: противоположные тенденции
Резюме
Основные понятия
Вопросы на размышление

Глава 8. Девиантность

Что такое девиантность?
Социальный контроль
Биологический контекст
Личностные факторы
Социальные основы девиантности
Функции девиантности: структурно-функциональный анализ
Эмиль Дюркгейм: функции девиантности
Теория напряжения Мертона
Девиантные субкультуры

- Ярлык девиантности: анализ с точки зрения символического интеракционизма
 - Теория ярлыков
 - Медиализация девиантности
 - Теория дифференциальной ассоциации Сазерленда
 - Теория контроля Хирши
- Девиантность и неравенство: анализ социального конфликта
 - Девиантность и власть
 - Девиантность и капитализм
 - Преступность среди «белых воротничков»
 - Корпоративная преступность
 - Организованная преступность
- Девиантность и социальная разнородность
 - Преступления из ненависти
 - Девиантность и гендер
- Преступление
 - Типы преступлений
 - Криминальная статистика
 - Профиль уличного преступника
 - Преступность в глобальной перспективе
- Система уголовного права
 - Полиция
 - Суды
 - Наказание
- Резюме
- Основные понятия
- Вопросы для размышления

Глава 9. Сексуальность

- Осмысление сексуальности
 - Пол: биологический аспект
 - Пол и тело
 - Пол: культурный аспект
 - Табу на инцест
- Сексуальные установки в США
 - Сексуальная революция
 - Сексуальная контрреволюция
 - Добрачный секс
 - Секс между взрослыми
 - Внебрачный секс
- Сексуальная ориентация
 - Что задает нам сексуальную ориентацию?
 - Сколько геев в США?
 - Движение за права геев
- Спорные аспекты сексуальности
 - Беременность несовершеннолетних
 - Порнография
 - Проституция
 - Сексуальное насилие и оскорбление
- Теоретический анализ сексуальности
 - Структурно-функциональный анализ
 - Анализ в рамках символического интеракционизма
 - Анализ с позиции социального конфликта
- Резюме
- Основные понятия
- Вопросы для размышления

Киберсфера. Часть II. О том, как новая технология изменяет жизненный уклад

Часть III. Социальное неравенство

Глава 10. Социальная стратификация

- Что такое социальная стратификация?
- Кастовая и классовая системы
 - Кастовая система
 - Классовая система
 - Социальное происхождение и успех: Великобритания
 - Другой пример: Япония
 - Бывший Советский Союз
 - Идеология: власть и стратификация
- Функции социальной стратификации
 - Тезис Дэвиса-Мура
- Стратификация и конфликт
 - Карл Маркс: классы и конфликт
 - Почему не свершилась марксистская революция?

- Макс Вебер: класс, статус и власть
- Стратификация и технология: глобальный подход
- Общества охотников и собирателей
- Земледельческие, скотоводческие и аграрные общества
- Индустриальные общества
- Кривая Кузнеця
- Социальная стратификация: факты и оценки
- Резюме
- Основные понятия
- Вопросы для размышления

Глава 11. Социальные классы в США

- Измерения социального неравенства
 - Доход
 - Богатство
 - Власть
 - Престижность профессии
 - Образование
- Социальная стратификация и происхождение
 - Социальное происхождение
 - Гендер
 - Раса и этничность
 - Религия
- Социальные классы в США
 - Высший класс
 - Средний класс
 - Рабочий класс
 - Низший класс
- Различия, порождаемые классами
 - Здоровье
 - Ценности
 - Политика
 - Семья и гендер
- Социальная мобильность
 - Мифы и реальность
 - Мобильность, связанная с уровнем дохода
 - Мобильность: раса, этничность и гендер
 - Американская мечта: все еще реальность?
 - Глобальная экономика и классовая структура американского общества
- Бедность в США
 - Уровень бедности в США
 - Кто такие бедняки?
 - Объяснения бедности
 - Отсутствие жилья
- Резюме
- Основные понятия
- Вопросы для размышления

Глава 12. Глобальная стратификация

- Глобальная стратификация: краткий обзор
 - Несколько замечаний о терминологии
 - Страны с высоким уровнем доходов
 - Страны со средним уровнем доходов
 - Страны с низким уровнем доходов
- Мировое богатство и бедность
 - Масштабы бедности
 - Грань бедности
 - Бедность и дети
 - Бедность и женщины
 - Рабство
 - Корреляты глобальной бедности
- Глобальная стратификация: теоретический анализ
 - Теория модернизации
 - Теория зависимости
- Глобальная стратификация: взгляд в будущее
- Резюме
- Основные понятия
- Вопросы для размышления

Глава 13. Гендерная стратификация

- Гендер и неравенство
 - Различия между мужчинами и женщинами
 - Гендер с глобальной точки зрения

- Патриархат и сексизм
- Гендер и социализация
- Гендер и семья
- Гендер и сверстники
- Гендер и школьное обучение
- Гендер и средства массовой информации
- Гендер и социальная стратификация
- Работающие женщины и мужчины
- Работа по дому
- Гендер, доход и богатство
- Гендер и образование
- Гендер и политика
- Гендер и вооруженные силы
- Являются ли женщины меньшинством?
- Представительницы меньшинств
- Насилие по отношению к женщинам
- Теоретический анализ гендера
- Структурно-функциональный анализ
- Анализ социального конфликта
- Феминизм
- Основные феминистские идеи
- Типы феминизма
- Оппозиция феминизму
- Взгляд в будущее: гендер в XXI в.
- Резюме
- Основные понятия
- Вопросы для размышления

Глава 14. Раса и этничность

- Социальное значение расы и этничности
- Раса
- Этничность
- Меньшинства
- Предубеждения
- Стереотипы
- Расизм
- Теории предубеждений
- Дискриминация
- Институционализированные предубеждения и дискриминация
- Предубеждения и дискриминация: порочный круг
- Большинство и меньшинство: формы взаимодействия
- Плюрализм
- Ассимиляция
- Сегрегация
- Геноцид
- Расовый и этнический состав населения США
- Коренные американцы
- Белые англосаксонские протестанты
- Афроамериканцы
- Американцы с азиатскими корнями
- Испаноязычные американцы
- Белые этнические меньшинства
- Раса и этничность: перспективы
- Резюме
- Основные понятия
- Вопросы для размышления

Киберсфера. Часть III. Новая информационная технология и социальная стратификация

Часть IV. Социальные институты

Глава 15. Экономика и работа

- Экономика: исторический обзор
- Сельскохозяйственная революция
- Индустриальная революция
- Информационная революция и постиндустриальное общество
- Секторы экономики
- Глобальная экономика
- Экономические системы: пути к справедливости
- Капитализм
- Социализм
- Капитализм всеобщего благосостояния и государственный капитализм
- Капитализм и социализм: сравнительный анализ преимуществ обеих систем
- Изменения, произошедшие в социалистических странах

- Работа в постиндустриальной экономике
 - Уменьшение числа занятых в сельском хозяйстве
 - От работы на фабрике - в сферу обслуживания
 - Двойственность рынка труда
 - Профессиональные союзы
 - Профессии
 - Частная практика
 - Безработица и неполная занятость
 - Теневая экономика
 - Расовая и гендерная неоднородность рабочей силы
 - Новые информационные технологии и работа
- Корпорации
 - Концентрация экономики
 - Конгломераты и корпоративные связи
 - Конкурируют ли корпорации друг с другом?
 - Корпорации и глобальная экономика
- Взгляд в будущее: экономика XXI в.
- Резюме
- Основные понятия
- Вопросы для размышления

Глава 16. Политика и правительство

- Власть и авторитет
 - Традиционная власть
 - Рационально-легальная власть
 - Харизматическая власть
- Политика с глобальной точки зрения
 - Монархия
 - Демократия
 - Демократия и свобода: капиталистический и социалистический подходы
 - Авторитаризм
 - Тоталитаризм
 - Глобальная политическая система?
- Политика в США
 - Американская культура и становление государства всеобщего благосостояния
 - Политический спектр
 - Группы по особым интересам
 - Апатия избирателей
- Теоретический анализ власти в обществе
 - Плюралистская модель: правит народ
 - Модель властной элиты: правит немногочисленная группа
 - Марксистская модель: политика определяется экономической системой
- Политическая борьба без правил
 - Революция
 - Терроризм
- Война и мир
 - Причины войн
 - Терроризм: новая разновидность войны?
 - Сколько стоит милитаризм и каковы его причины?
 - Ядерное оружие
 - Поиски мира
- Взгляд в будущее: политика в XXI в.
- Резюме
- Основные понятия
- Вопросы для размышления

Глава 17. Семья

- Семья: базовые понятия
- Семья: глобальное разнообразие
 - Формы браков
 - Формы проживания супружеских пар
 - Формы наследования
 - Формы власти
- Семья: теоретический анализ
 - Функции семьи: структурно-функциональный анализ
 - Неравенство и семья: анализ с позиции социального конфликта
 - Создание семьи: анализ на микроуровне
- Стадии семейной жизни
 - Ухаживание
 - Начало совместной жизни: идеальный и реальный брак
 - Воспитание детей
 - Семейная жизнь: завершающий этап
- Американские семьи: класс, раса и гендер

- Социальный класс
- Расовая и этническая принадлежность
- Гендер
- Переломные моменты и проблемы семейной жизни
 - Развод
 - Повторный брак
 - Насилие в семье
- Альтернативные формы семьи
 - Неполные семьи
 - Сожительство
 - Гомосексуальные пары
 - Жизнь в одиночестве
- Семья и новые репродуктивные технологии
- Взгляд в будущее: семья в XXI в.
- Резюме
- Основные понятия
- Вопросы для размышления

Глава 18. Религия

- Религия: базовые понятия
 - Религия и социология
- Теоретический анализ религии
 - Функции религии: структурно-функциональный анализ
 - Конструирование священного: парадигма символического интеракционизма
 - Неравенство и религия: анализ с позиции социального конфликта
- Религия и социальные изменения
 - Макс Вебер: протестантизм и капитализм
 - Теология освобождения
- Типы религиозных организаций
 - Церковь
 - Секта
 - Культ
- Религия в истории человечества
 - Религия в доиндустриальных обществах
 - Религия в индустриальных обществах
- Мировые религии
 - Христианство
 - Ислам
 - Иудаизм
 - Индуизм
 - Буддизм
 - Конфуцианство
 - Религия: Восток и Запад
- Религия в США
 - Религиозная принадлежность
 - Религиозность
 - Религия и социальная стратификация
- Религия в изменяющемся обществе
 - Секуляризация
 - Гражданская религия
 - Постконфессиональное общество
 - Религиозное возрождение
- Резюме
- Основные понятия
- Вопросы для размышления

Глава 19. Образование

- Образование во всемирном масштабе
 - Школьное обучение и экономическое развитие
 - Школьное образование в Индии
 - Школьное образование в Японии
 - Школьное образование в Великобритании
 - Школьное образование в США
- Функции школьного образования
 - Социализация
 - Культурная инновация
 - Социальная интеграция
 - Социальная расстановка
 - Латентные функции школьного образования
- Школьное образование и социальное неравенство
 - Социальный контроль
 - Стандартизированное тестирование
 - Распределение по школьным циклам

- Неравенство среди школ
- Доступ к высшему образованию
- Креденциализм
- Привилегии и личные достоинства
- Проблемы, с которыми сталкиваются школы
 - Дисциплина и насилие
 - Пассивность учащихся
 - Прекращение учебы
 - Стандарты обучения
- Актуальные аспекты современного американского образования
 - Выбор школы
 - Школьное обучение людей с ограниченными физическими возможностями
 - Обучение взрослых
 - Проблема педагогических кадров
- Взгляд в будущее: образование в XXI в.
- Резюме
- Основные понятия
- Вопросы для размышления

Киберсфера. Часть IV. Новые информационные технологии и социальные институты

Часть V. Социальные изменения

Глава 20. Коллективное поведение и социальные движения

- Изучение коллективного поведения
- Локализованные общности: толпа
 - Чернь и бунты
 - Толпа, чернь и социальные изменения
 - Объяснение поведения толпы
- Распределенные общности: массовое поведение
 - Слухи и сплетни
 - Общественное мнение и пропаганда
 - Паника и массовая истерия
 - Мода и увлечения
- Социальные движения
 - Типы социальных движений
 - Объяснение социальных движений
 - Гендер и социальные движения
 - Стадии социальных движений
 - Социальные движения и социальные изменения
- Взгляд в будущее: социальные движения в XXI в.
- Резюме
- Основные понятия
- Вопросы для размышления

Глава 21. Социальные изменения: традиционные, современные и постмодернистские общества

- Что такое социальное изменение?
- Причины социальных изменений
 - Культура и изменения
 - Конфликт и изменения
 - Идеи и изменения
 - Демографические изменения
- Современность
 - Четыре особенности модернизации
 - Фердинанд Тённис: утрата общности
 - Эмиль Дюркгейм: разделение труда
 - Макс Вебер: рационализация
 - Карл Маркс: капитализм
- Теоретический анализ современности
 - Структурно-функциональная теория: современность как массовое общество
 - Теория социального конфликта: современность как классовое общество
 - Современность и человек
 - Современность и прогресс
 - Современность: глобальные различия
- Постсовременность (постмодерн)
- Взгляд в будущее: модернизация и глобальное будущее
- Резюме
- Основные понятия
- Вопросы для размышления

Киберсфера. Часть V. Новые информационные технологии и социальные изменения

Алфавитный указатель

John J. Macionis

SOCIOLOGY

9th edition

Prentice
Hall

Upper Saddle River, New Jersey 07458

Оглавление
авторский индекс
иллюстрации

Дж. Масионис

СОЦИОЛОГИЯ

9-е издание

Москва · Санкт-Петербург · Нижний Новгород · Воронеж
Ростов-на-Дону · Екатеринбург · Самара · Новосибирск
Киев · Харьков · Минск

2004

Социальные движения	700
Типы социальных движений	700
Объяснение социальных движений	701
Гендер и социальные движения	709
Стадии социальных движений	709
Социальные движения и социальные изменения	712
Взгляд в будущее: социальные движения в XXI в.	712
Резюме	713
Основные понятия	714
Вопросы для размышления	715
Глава 21. Социальные изменения: традиционные, современные и постмодернистские общества	716
Что такое социальное изменение?	717
Причины социальных изменений	718
Культура и изменения	718
Конфликт и изменения	719
Идеи и изменения	720
Демографические изменения	720
Современность	721
Четыре особенности модернизации	723
Фердинанд Тённис: утрата общности	724
Эмиль Дюркгейм: разделение труда	725
Макс Вебер: рационализация	726
Карл Маркс: капитализм	727
Теоретический анализ современности	728
Структурно-функциональная теория: современность как массовое общество	729
Теория социального конфликта: современность как классовое общество ..	732
Современность и человек	734
Современность и прогресс	736
Современность: глобальные различия	738
Постсовременность (постмодерн)	738
Взгляд в будущее: модернизация и глобальное будущее	742
Резюме	744
Основные понятия	745
Вопросы для размышления	745
Киберсфера. Часть V. Новые информационные технологии и социальные изменения	746
Алфавитный указатель	748

Предисловие

Окончательный вариант рукописи этой книги был почти готов, когда произошли трагические события 11 сентября 2001 г. Редко бывает, чтобы новости одного дня настолько изменили жизнь всех и каждого. Мало кто сомневается, что терроризм неизбежно отразится на жизни в Соединенных Штатах и вообще в мире, ибо забота о собственной безопасности требует пересмотра огромного количества аспектов нашего повседневного существования.

Если посмотреть шире, то эти события вынуждают задуматься, в каком мире мы живем и какого хотим для себя и своих детей. Перед читателями этой книги раскроется вся важность социологии как научной дисциплины.

Письма студентов из США и из других стран, которые я ежедневно получаю по электронной почте, свидетельствуют о силе социологии, способной помочь людям познать их мир, а зачастую — изменить самих людей. Так, материал, представленный в настоящем пособии, недавно был использован в ходе слушаний в Верховном суде США («Фальво против Школьного округа Овассо, штат Индиана» — *Falvo v. Owasso Ind. School District*, 2001). Всем преподавателям известно чувство радости, когда удастся изменить к лучшему жизнь наших учеников. В моем случае это повод, чтобы вновь усовершенствовать эту книгу — «Социология», которая наряду с менее пространным трудом «Общество: основы» (*Society: The Basics*) является самым популярным руководством по данной дисциплине.

Надеюсь, что вы найдете «Социологию» солидной, содержательной и вдохновляющей книгой, которую вдобавок, по свидетельству многих студентов, просто интересно читать.

Структура издания

Часть I знакомит читателя с основами социологии. В основу дисциплины положен *социологический подход* — предмет основного внимания главы 1, где объяснено, каким образом это захватывающее воззрение позволяет увидеть мир в новом свете. В главе 2 освещается *социологическое исследование*, или «социология в действии». Эта глава поясняет научную, интерпретативную и критическую направленность в дисциплине, а также иллюстрирует актуальными, хорошо известными социологическими трудами основные стратегии исследования.

Часть II представляет собой обзор основ социальной жизни. Глава 3 фокусируется на центральном понятии *культуры*, заостряя внимание на культурном многообразии, характеризующем общество и мир. Предмет рассмотрения в главе 4 — понятие об *обществе*; в ней представлены четыре прошедшие проверку временем модели, позволяющие уяснить структуру и динамику социальной организации. Эта важнейшая глава закладывает основы для понимания студентами идей видных мыслителей, в том числе Карла Маркса, Макса Вебера и Эмиля Дюркгейма, а также Герхарда Ленски, о которых будет сказано в следующих разделах настоящей книги. Глава 5 посвящена проблеме *социализации*, здесь показано,

каким образом мы становимся людьми, вовлекаясь в жизнь общества. В главе 6 на микроуровне рассмотрены формы *социального взаимодействия*, которые образуют наше повседневное существование. Содержание главы 7 охватывает аспекты существования *групп и организаций* (в ней разъясняется важность коллективного существования и исследуется, как и почему крупные организации приобрели господствующее влияние над нашим образом жизни). В главе 8 показано, что деятельность общества порождает как *девиантность*, так и *конформность*; также дан обзор работы системы уголовного правосудия. В главе 9 раскрыты социальные основы *человеческой сексуальности*. Здесь обзереваются формы сексуальности в Соединенных Штатах и проанализированы вариации сексуальных обычаев, отмечавшиеся в истории и бытующие ныне.

Часть III открывает перспективу понимания аспектов социального неравенства, и несколько ее глав посвящены *социальной стратификации*. Глава 10 знакомит читателя с основными понятиями и предоставляет теоретические объяснения социального неравенства. На многочисленных примерах показаны исторические изменения в стратификации и механизмы трансформации форм неравенства в нынешнем мире. В главе 11 предложен обзор *социального неравенства в Соединенных Штатах*, оспорены традиционные представления о неравенстве и дана оценка их соответствия результатам научных исследований. Глава 12 расширяет анализ, поскольку в ней рассматриваются вопросы *глобальной стратификации*, обнажены диспропорции в национальном богатстве и власти, разделяющие богатые и бедные нации. Наряду с анализом роли США в глобальной стратификации особое внимание в главах 11 и 12 уделено тому, как глобальные достижения влияют на стратификацию в самих Соединенных Штатах. Глава 13, посвященная *гендерной стратификации*, раскрывает роль гендерной принадлежности в качестве центрального элемента в социальной стратификации как в Соединенных Штатах, так и повсюду в мире. *Раса и этничность*, дополнительный важный аспект социального неравенства, который часто сочетается с классовыми и гендерными различиями, детально рассматривается в главе 14.

Часть IV включает главы, целиком и полностью посвященные каждому социальному институту в отдельности. Это изложение открывается размышлениями об *экономике и труде*, ибо большинство социологов признает, что экономика оказывает наибольшее влияние на все остальные институты общества. В главе 15 прослеживается подъем и упадок промышленного производства в США, возникновение глобальной экономики, а также объясняется значение подобных трансформаций для американцев. В главе 16, касающейся *политики и управления*, анализируется распределение власти в американском обществе, а также дано обозрение мировых политических систем. Кроме того, говорится о вооруженных силах США и проблемах военной угрозы, о терроризме как новой форме ведения войны. В главе 17, посвященной *семье*, разъясняется главенствующее значение семьи для социальной организации и подчеркивается разнообразие семейной жизни в различных обществах. Когда изложение касается *религии* (глава 18), речь заходит об извечном человеческом поиске цели и смысла бытия; представлены основные мировые религии и объяснено, каким образом ре-

лигиозные верования связаны с прочими аспектами социальной жизни. В главе 19, посвященной системе *образования*, анализируются проблемы школьного обучения в индустриальных и постиндустриальных обществах. И вновь американская система образования освещена в сопоставлении с образовательной практикой в других странах.

Часть V затрагивает важные аспекты глобальных социальных изменений. В главе 20 рассматриваются формы *коллективного поведения* и показано, как люди стремятся или сопротивляются социальному изменению, примыкая к *социальным движениям*. Глава 21 завершает изложенное обзором *социальных изменений*, которые ведут от *традиционного общества* к *современному* и *постсовременному*. Книга заканчивается объяснением механизмов и причин изменений общества, а также критическим анализом достоинств и недостатков образа жизни в рамках традиции, современности и постмодерна.

Вспомогательные учебные материалы. В предлагаемом руководстве содержатся многочисленные вспомогательные материалы, направленные на оказание студентам помощи в учебе. В каждой главе жирным шрифтом выделены **основные понятия**, и любое из них сопровождается *точным определением, выделенным курсивом*. Кроме того, во всех главах есть **резюме** и **вопросы для размышления**, которые помогают студентам повторить пройденный материал и оценить свои познания.

Тематические материалы для размышления. В девятом издании¹ «Социологии» в специальных рубриках представлены материалы, отражающие главные темы книги. Информация, касающаяся **глобальной социологии**, направляет читателей на осмысление их собственного образа жизни с учетом захватывающего социального многообразия, которым отличается наш мир. Вопросы, посвященные **практической социологии**, раскрывают важность социологического подхода для познания окружающего мира. Материалы для **критического мышления** учат студентов задаваться социологическими вопросами о своем окружении и помогают им оценить важные спорные вопросы. Такие размышления сопровождаются тремя вопросами типа «А как считаете вы?»

В настоящее пособие впервые включены настоящие социологические карты мира и США, позволяющие сравнить число рождающихся детей, разброс в доходах, предпочитаемые языки и религиозные верования и т. д.

Изучение национальной карты позволяет осветить социальную разнородность Соединенных Штатов. Становится возможным рассмотреть все 3014 округов США, ознакомиться с рядом показателей: количеством самоубийств, доходами на душу населения, трудовой занятостью, посещением колледжей, долей межрасовых браков, наиболее распространенной религиозной конфессией, случаями беременности в среде несовершеннолетних, а также узнать, где люди играют в гольф и где предпочитают вино и пиво. Каждая национальная карта снабжена пояснением, в котором есть несколько вопросов, стимулирующих учащихся в их размышлениях над социальными проблемами.

¹ Данный учебник впервые вышел в США в 1987 г., и с тех пор каждые два года автор выпускал переработанные издания. — *Примеч. науч. ред.*

Несколько слов о языке

Поскольку данное пособие претендует на отражение социального многообразия США, необходимо продумать соответствующую терминологию. Вместо выражения «чернокожие» в большинстве случаев предпочтение отдается словам «афроамериканцы» или «цветные». Выходцы из Латинской Америки называются испаноязычными.

Студенты, однако, должны сознавать, что многие люди не описывают себя такими словами. Хотя понятие *Hispanic* («испаноязычный») широко употребляется в восточных регионах США, а на западе бытуют *Latino* и женская форма *Latina* («латиноамериканцы»), на всей территории Соединенных Штатов люди с испанскими корнями идентифицируют себя с той или иной прародиной, будь то Мексика, Аргентина или какая-либо другая страна Латинской Америки, а также Испания в Европе.

То же самое относится к американцам азиатского происхождения. Большинство выходцев из Азии именует себя, учитывая ту страну, из которой они родом (например, Японию, Филиппины, Тайвань или Вьетнам).

В данном пособии термином «коренные американцы» обозначены все люди, населяющие Америку (включая Гавайские острова), чьи предки жили здесь до прибытия европейцев. Однако и в этом случае большинство людей, входящих в столь широкую категорию, идентифицируют себя со своей исторической родиной (например, чероки, хопи или зуни). Термин «индейцы» относится лишь к тем коренным американцам, которые проживают в континентальной части Соединенных Штатов, и не охватывает коренное население Аляски или Гавайских островов.

Обучение глобальному мышлению приводит нас также к осторожному использованию языка. Слово «американец» там, где речь идет исключительно о Соединенных Штатах, в данном тексте не употребляется, ибо под ним в буквальном смысле понимается принадлежность к двум континентам. При разговоре о нашей стране термин «экономика США» оказывается корректнее, чем «американская экономика». Это правило может показаться мелочным, но в нем заложено важное признание того, что в двух Америках мы выступаем лишь одним (хотя и очень значимым) обществом из многих.

Джон Масионис

ДОХОД ИЛИ ПОДАРОК

ЧАСТЬ I

Основы социологии

ДОХОД ИЛИ ПОДАРОК

Социологический подход

Уитни Линнеа — веселая, ухоженная десятилетняя девочка, живущая в маленьком городке на Среднем Западе Соединенных Штатов. Как и большинство ее друзей, она любит спорт. Стоит теплый осенний день, и Уитни отвозят из школы на футбольную тренировку. Она забирается в мамин автофургон и устраивается сзади перекусить, пока будут преодолены пять миль до игрового поля. Через час мама вернется и заберет ее. По субботам проходят футбольные состязания: бывает, что матчи, проходящие в дружной местности, требуют потратить на поездки в оба конца целых два часа.

Футбол не единственный вид спорта, которым увлекается Уитни. Когда погода портится, его место занимает плавание; плавательный сезон продолжается до конца марта. Ежедневные тренировки проходят в бассейне ближайшего колледжа — двадцать минут на езду в оба конца, а по субботам случается бывать в разных местах штата.

Весной Уитни играет в футбол и в Детской бейсбольной лиге. В апрельские и майские субботы она обычно спешит с утреннего футбольного матча на дневной бейсбольный, который может проходить в тридцати милях от места, где она находится. С учетом всех тренировок и спортивных состязаний Уитни ее родители накручивают 5 тыс. миль (Ferguson, 1999).

В США около 40 млн молодых людей — примерно трое из четверых — занимаются каким-либо одним или несколькими видами спорта, начиная от футбола и заканчивая плаванием и американским сквошем. Случись вам спросить у них, почему они это делают, большинство, вероятно, ответили бы, что им просто нравится спорт. Но дело не только в том, что они выбирают занятие, которое им приглянулось. В США спортивные состязания намного притягательнее для людей, чем в большинстве других стран. Иными словами, если посмотреть на поведение Уитни под таким ракурсом, можно увидеть, что наш повседневный выбор во многом связан с обществом, которое нас окружает. То, как люди решают проводить свое время, не зависит от «свободной воли», о которой говорят философы. Правильнее будет сказать — и в этом важнейший урок, какой мы извлекаем при изучении социологии, — что социальный мир направляет наши действия и жизненный выбор, как времена года влияют на выбор одежды и занятости.

Социологический подход

Социология — это *систематическое изучение человеческого общества*. Сердцевина ее — особая точка зрения, называемая «социологический подход».

Способность увидеть общее в частном

Питер Бергер (Berger, 1963) понимал под социологическим подходом умение *видеть общее в частном*. Он считал, что социологи выявляют общие образцы в поведении отдельных людей. Хотя каждый человек уникален, общество понуждает людей действовать тем или иным образом — например, увлекаться спортивными состязаниями. Кроме того, в любой отдельно взятой стране оно по-разному воздействует на различные *категории* людей (на женщин, например, иначе, чем на мужчин; на богатых не так, как на бедных, и на детей — не как на взрослых). Мы переходим к социологическому мышлению, когда осознаем, каким образом общие категории, под которые мы подпадаем, формируют наш частный жизненный опыт.

В этой книге исследуется способность общества предопределять наши мысли, чувства и действия. Люди с высоким уровнем доходов, например, имеют обыкновение увлекаться дорогостоящими видами спорта (допустим, горнолыжным), тогда как люди с низким уровнем доходов предпочитают менее затратные виды (бейсбол и баскетбол). Другими словами, выходцы из более благополучной социальной среды склонны придерживаться уверенного и оптимистического взгляда на свою жизнь. Это вовсе не удивляет, если понять, что преимущество их положения обеспечено большими возможностями и лучшими подготовкой и навыками.

Социологический взгляд на мир заставляет нас осознать и важность гендера. Как говорится в главе 13 («Гендерная стратификация»), каждое общество определяет важность принадлежности к мужскому или женскому полу, предоставляет

Нам будет легко уловить власть общества над индивидом, если мы представим, насколько по-разному мы жили бы, случись нам родиться в какой-нибудь из стран, уроженцами которых являются эти дети: в Боливии, Шри-Ланке, Эфиопии, Ботсване, Китайской Народной Республике или Сальвадоре

мужчинам и женщинам разную работу и возлагает на них различные семейные обязанности. В этом отношении оно вновь оказывает на нас влияние на протяжении жизни, внушая, что определенные виды спорта, образование и карьерные цели соответствуют тому или иному полу.

Способность увидеть необычное в банальном

На первых порах применение социологического подхода равнозначно умению *видеть необычное в банальном*. Это вовсе не означает, что социологи фокусируются на эксцентричных элементах общества. Социологическая направленность ума означает отказ от расхожей идеи, будто поведение человека попросту обусловлено *его решением* что-то предпринять. Нет, социологический подход радуется за непривычное представление, согласно которому общество формирует наши жизни.

Для жителей Северной Америки, которым свойствен дух индивидуализма, научение распознавать механизмы, через которые общество влияет на нас, потребует некоторой тренировки. Представим, что кто-то спросил у вас, почему вы «избрали» для себя именно тот колледж, где вы учитесь. В ответ вы смогли бы указать одну из следующих причин:

«Я хотел остаться поближе к дому».

«Я получил стипендию баскетболиста».

«С дипломом журналиста, который здесь получу, я смогу найти хорошую работу».

«Здесь учится моя подруга».

«Мне не удалось попасть в институт, в котором я *действительно* хотел бы учиться».

Подобные ответы вполне правдивы. Но высказана ли в них вся правда?

Рассматривая сам факт посещения студентом колледжа с социологической точки зрения, можно для начала вспомнить, что во всем мире лишь 5 человек из 100 получают высшее образование. И в США всего лишь столетие назад для большинства населения вопрос об учебе в колледже не был актуален.

Если сегодня окинуть взглядом аудитории, становится очевидным, что социальные силы по-прежнему значительно влияют на то, кто учится в колледжах. Типичные их студенты в США — молодые люди, преимущественно в возрасте между 18 и 24 годами. Почему это так? Да потому, что в нашем обществе именно этот период жизни связан с посещением колледжа. Впрочем, значение имеет не только возраст, поскольку закончить вуз удается менее чем половине всех поступивших в него юношей и девушек.

Еще одним фактором являются способность оплатить обучение. Так как высшее образование — удовольствие не из дешевых, студентами чаще всего оказываются выходцы из семей, чьи доходы превышают средние. Как разъясняется в главе 19 («Образование»), если вам повезло жить в семье, годовой доход которой превышает \$75 тыс., вероятность того, что вы будете студентом колледжа, в 3 раза больше по сравнению с тем, кто происходит из семьи с годовым доходом ниже \$20 тыс. В этом и кроется одна из причин того, что в числе людей, «избравших» для себя учебу в колледже, процент белых выше (63%), чем афроамериканцев (59%).

Индивидуальность в социальном контексте

Чтобы осознать способность общества формировать индивидуальный выбор, задумайтесь над количеством детей, которых рожают женщины. В США, как видно из карты мира 1.1, на среднестатистическую женщину за всю ее жизнь приходится меньше двух детей¹.

В Индии, однако, в среднем на одну женщину приходится 3 детей; в Южной Африке — около 4; в Камбодже — около 5; а в Нигерии — около 7.

Почему же возникают эти разительные отличия? Как объясняется в последующих главах, женщины, живущие в бедных странах, реже получают школьное образование и располагают меньшими экономическими возможностями; они по преимуществу ведут домашнее хозяйство и реже пользуются контрацептивами. Понятно, что общество во многом определяет выбор мужчин и женщин, касающийся деторождения.

Власть общества над самым сокровенным выбором человека иллюстрируют и другие данные, связанные со случаями самоубийств. Действительно, что еще может быть столь же личным выбором, как решение покончить с собственной жизнью? Но Эмиль Дюркгейм (1858–1917), один из пионеров социологии, показал, что силы общества не дремлют даже в случае, казалось бы, сугубо частного акта самоуничтожения.

Анализируя официальную хронику в своей родной Франции, Дюркгейм обнаружил, что для некоторых категорий лиц сведение счетов с жизнью — явление более характерное, чем для других. Среди протестантов, состоятельных людей и тех, кто не состоял в браке, процент самоубийств был значительно выше, чем среди женщин, католиков, иудеев, бедняков и семейных граждан. Дюркгейм объяснил различия в терминах *социальной интеграции*: среди людей, имеющих прочные социальные связи, количество самоубийств невелико, тогда как среди отличающихся большим индивидуализмом — высоко.

В том обществе, которое изучал Дюркгейм, доминировали мужчины, пользовавшиеся, конечно же, большей свободой, чем женщины. Однако свобода, несмотря на свои очевидные преимущества, также способствует и социальной изоляции, а потому — росту числа самоубийств. Подобным же образом протестанты оказались более склонными к суициду, чем католики и ортодоксальные иудеи, чьи ритуалы позволяли установить более прочные социальные связи. У состоятельных людей свободы гораздо больше, чем у бедных, — но она, опять-таки, дается ценой более высокого процента самоубийств. Наконец, можете ли вы сказать, почему для одиноких людей риск суицидов выше, чем для семейных?

Анализ Дюркгейма точен и спустя столетие (Thorlindsson & Bjarnason, 1998). На рис. 1.1 показана частота самоубийств для четырех категорий населения Соединенных Штатов.

¹ Является ли деторождение исключительно вопросом личного выбора? Если посмотреть на мир в целом, становится ясно, что это вовсе не так. У женщин из бедных стран бывает намного больше детей, чем у тех, кто живет в богатых государствах. Можете ли вы указать какие-нибудь причины столь глобального различия? Другими словами, это означает: родись вы (и не важно, мужчина вы или женщина) в другом обществе, то вели бы жизнь, совершенно отличную от той, какая у вас сейчас.

Карта мира 1.1. Деторождение в мировом масштабе. Источник: Маскау, 2000

Рис. 1.1. Показатель смертельных исходов, вызванных попыткой самоубийства, подсчитанный для представителей различных полов и рас в США.

Источник: U. S. National Center for Health Statistics, 2000

Цифры отражают число смертей, вызванных попыткой самоубийства, на 100 тыс. человек для каждой категории людей (статистические данные за 1998 г.)

В 1998 г. было зарегистрировано 12,4 самоубийств на каждые 100 тыс. белых граждан, что вдвое превышает показатель среди афроамериканцев (5,7). У последних число самоубийств среди мужчин (10,2) было почти в 6 раз выше, чем среди женщин (1,8). По логике Дюркгейма, более высокие показатели суицидов среди белых людей и мужчин отражают тот факт, что последние обладают большими достатком и свободой; низкие же показатели среди женщин и цветных обусловлены ограниченностью их социального выбора. Таким образом, как и во времена Дюркгейма, мы наблюдаем общие образцы в частных поступках отдельных индивидов.

Важность глобального подхода

10 декабря, Фес, Марокко. Для этого экзотического средневекового города с паутиной узких улочек и переулков характерна своя жизнь – детский смех, безмолвие женщин, закрывающих лица, и спокойные взгляды мужчин, погоняющих ослов, которые впряжены в тележки с товарами. За прошедшие столетия Фес мало изменился. Здесь, на северо-западе Африки, мы лишь на несколько сотен миль отстоим от более привычных ритмов Европы. И все-таки кажется, что город удаляет в прошлое – на целую тысячу лет. Такого путешествия у нас еще никогда не было! Мы никогда так много не думали о своем родном доме!

По мере того как новейшие информационные технологии сближают даже самые удаленные друг от друга уголки Земли, многие академические дисциплины берут на вооружение **глобальный подход**, предполагающий изучение всего мира и того места, которое занимает в нем наше общество. В чем же состоит значение глобального подхода для социологии?

Во-первых, осмысление явлений в мировом масштабе обусловлено логикой развития социологического подхода. Социология разъясняет, что место, занимаемое нами в обществе, оказывает глубокое влияние на наш жизненный опыт. Соответственно положение, отведенное нашему обществу в мировой системе, влияет на каждого жителя США. Ниже описывается «всемирная деревня», что позволяет продемонстрировать глобальные социальные очертания и место, которое занимают в мире США.

Глобальная социология

Глобальная деревня: социальный образ нашего мира

Земля — дом для 6,2 млрд людей, живущих в городской и сельской местности 192 государств. Для того чтобы объять социальную картину мира, представьте себе на минуту, что население планеты сохранилось до одного-единственного поселения, насчитывающего тысячу человек. В этой «глобальной деревне» более половины (610) жителей — азиаты, включая 210 граждан Китайской Народной Республики. Далее, в порядке убывания, мы насчитаем 130 африканцев, 120 европейцев, 85 выходцев из Латинской Америки и стран Карибского бассейна, 5 из Австралии и Южной Океании и только 50 человек из Северной Америки, включая 45 граждан Соединенных Штатов.

Изучение жизненного уклада, характерного для поселения, обнажит некоторые обескураживающие факты: деревня — богатое место с безграничным, как может показаться, ассортиментом товаров и услуг. И тем не менее большинство жителей могут только мечтать о таких сокровищах, ибо в нашей деревне 80% всей прибыли получают всего лишь 200 человек.

Для большинства ее жителей величайшая проблема — обеспечить себя достаточным количеством продуктов. Деревенские рабочие ежегодно производят гораздо больше, чем нужно для того, чтобы накормить каждого; но даже при этом половина жителей, включая большинство детей, недоедает и многие ложатся спать голодными. 200 самым нищим обитателям деревни (у которых всех вместе денег меньше, чем у самого богатого жителя) не хватает чистой питьевой воды и крыши над головой. Слабые и неспособные к работе, некоторые из них изо дня в день становятся жертвами опасных болезней.

Жители деревни гордятся тем, что в их общине много учебных заведений, включая 5 университетов. Диплом об окончании колледжа получили около 50 жителей, но почти половина населения не умеет ни читать, ни писать.

Представители Соединенных Штатов оказались бы в глобальной деревне среди самых богатых людей. Хотя мы склонны считать благополучие нашим достоинством, социологический подход показывает, что эти достижения связаны в основном с привилегированным положением, которое занимают США в глобальной социальной системе.

Источник: Вычисления произведены автором на основе данных, опубликованных Организацией Объединенных Наций и Бюро данных о населении (*Population Reference Bureau*).

Карта мира 1.2¹ служит наглядным путеводителем, позволяющим сравнить экономическое развитие разных стран. В странах с высоким уровнем доходов, включая США, Канаду, Аргентину, страны Западной Европы, Израиль, Саудовскую Аравию, Австралию и Японию, высокопродуктивная экономика в целом обеспечивает людям материальное изобилие. В странах со средним уровнем доходов, включая большинство государств Латинской Америки и страны Восточной Европы, экономика не столь продуктивна, средний уровень жизни приближается к сред-

¹ Данные, потребовавшиеся для создания этой карты, предоставлены Организацией Объединенных Наций. Доля валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения в странах с высоким уровнем доходов составляет, как минимум, \$10 000. Многие, однако, оказываются гораздо более обеспеченными; для Соединенных Штатов эта цифра превышает \$31 тыс. В странах со средним уровнем доходов доля ВВП на душу населения колеблется от \$2500 до \$10 тыс. В странах с низким уровнем доходов эта цифра ниже \$2500. Приведенные здесь цифры отражают новую систему «паритетов покупательной способности валют», принятую Организацией Объединенных Наций. В ходе этих подсчетов цифры доходов не переводились в доллары США напрямую; вместо этого была установлена покупательная способность каждой национальной валюты.

немировому, но значительно отстает от такового в США. В этих странах высок процент бедных людей, которым едва хватает средств на жизнь. В странах с низким уровнем доходов нищета жестока и повсеместна. Невзирая на то что малочисленной элите этих беднейших стран живется очень неплохо, большинство населения борется за выживание, располагая малой толикой тех доходов, которые обычны для Соединенных Штатов.

Странами с высоким уровнем доходов¹ являются *государства с исключительно продуктивными экономическими системами, где большинство населения получает относительно высокие доходы*. К ним относятся США, Канада, Аргентина, страны Западной Европы, Израиль, Саудовская Аравия, Япония и Австралия. Взятые вместе, эти 40 стран производят большую часть мировых товаров и услуг и контролируют большую часть мировых богатств. Граждане этих государств в среднем живут хорошо — и не потому, что они умнее других, просто им повезло родиться в той части мира, которая отличается изобилием.

К странам со средним уровнем доходов относятся *государства с умеренно продуктивными экономическими системами, где доходы людей близки к среднему общемировому уровню*. Их число равняется примерно 90; это большинство стран Восточной Европы, некоторые государства на юге Африки и почти все страны Латинской Америки. Население в них наполовину сельское, наполовину городское; люди ходят пешком, водят тракторы, мотороллеры, ездят на велосипедах и домашних животных — точно так же, как и водят автомобили; в среднем учатся в школах лишь

Одна из важных причин возникновения глобального мышления заключается в том, что мы, проживая в государстве с высоким уровнем доходов, едва ли можем оценить страдания, которыми охвачена значительная часть мира. Этот мальчик растет в африканском государстве Гана; он несет воду для приготовления еды, набранную из общественной колонки; нечистоты же текут по немощеной улице. В бедных странах, подобных этой, половина детей не доживает до взрослого возраста

¹ В тексте предпочитается именно эта терминология взамен общепринятого, но устаревшего деления на страны «развитые», «развивающиеся» и «третьего» мира. Рассмотрению этих вопросов посвящена глава 12 («Глобальная стратификация»).

по несколько лет. В большинстве стран со средним уровнем доходов также существует заметное социальное расслоение, когда отдельные люди баснословно богаты (например, представители бизнес-элиты в государствах Северной Африки), а большое число граждан не имеют ни надежного жилья, ни полноценного питания.

Наконец, около половины людей в мире живут в **60 странах с низким уровнем доходов**, — *в государствах с менее продуктивными экономическими системами, где большинство людей попросту бедны*. Как видно из карты мира 1.2, по преимуществу беднейшие страны мира находятся в Африке и Азии. Здесь также горстка людей исключительно богата, но большинство пытается выжить в условиях нищеты, когда не хватает чистой воды, пищи; царит антисанитария, и — что, наверное, хуже всего — крайне мало надежды на улучшение жизни.

В главе 12 («Глобальная стратификация») подробно рассматриваются причины и последствия глобального распределения богатства и нищеты. Однако материал каждой из глав настоящей книги освещает жизнь в мире, лежащем за пределами США. Это вызвано четырьмя причинами:

1. **Место нашего проживания порождает огромную разницу в формировании жизни людей.** Как мы узнали из карты мира 1.1, жизнь женщин из богатых и бедных стран существенно различается. Чтобы познать себя и оценить положение других, нам следует объять социальную панораму мира, — достойный повод обратить внимание на все карты мира, которые приводятся в данном пособии.
2. **Повсеместно общества становятся все более взаимосвязанными.** Исторически сложилось так, что США не слишком обращали внимание на другие страны, однако в последние десятилетия, как никогда раньше, сблизилась с остальным миром. Современные электронные технологии позволяют за считанные секунды пересылать звуки, изображения и письменные документы в любую точку земного шара.

Одним из последствий применения новых технологий, как будет объяснено в последующих главах, оказывается тот факт, что сегодня люди во всем мире имеют общие предпочтения в музыке, манере одеваться и питании. Пользуясь своим экономическим влиянием, такие страны с высокими доходами, как США, воздействуют на другие нации, в результате люди везде охотно поглощают американские гамбургеры, танцуют под ритмы популярной музыки и все больше и больше общаются друг с другом на английском языке.

Наш образ жизни распространяется по всему миру, но и другие нации влияют на нас. В США ежегодно прибывает почти 1 млн официально зарегистрированных иммигрантов, и американцам приходится торопиться усвоить их моду и кухню, что чрезвычайно усиливает расовое и культурное многообразие в нашей стране.

Транснациональная торговля породила глобальную экономику. Крупные корпорации производят и продают товары по всему миру, а мировые финансовые рынки, связанные спутниковой связью, работают круглосуточно. Биржевые дельцы в Нью-Йорке наблюдают за финансовыми рынками Токио и Гонконга, в то время как фермеры в Айове следят за ценами на зерно в Гру-

зин, бывшей советской республике. С учетом того, что в США 8 из 10 новых профессий связаны с международной торговлей, глобальное мышление становится важным, как никогда.

3. **Многие проблемы, с которыми мы сталкиваемся в США, намного серьезнее в других регионах. Так, в США серьезной проблемой остается проблема бедности, но, как следует из главы 12 («Глобальная стратификация»), в Латинской Америке, Африке и Азии она намного сложнее и масштабнее. Или: хотя в США женщины по-прежнему занимают более низкое, чем мужчины, социальное положение, в бедных странах мира гендерное неравенство выражено намного разительнее.**
4. **Глобальное мышление — хороший способ побольше узнать о себе. Мы не можем гулять по улицам чужого города, не осознавая, что значит жить в США. Сопоставления в глобальном масштабе преподносят нам и неожиданные уроки. В главе 12, например, рассказывается о поселении сквоттеров¹ в индийском городе Мадрасе. Там, несмотря на отсутствие элементарных материальных благ, люди живут, окруженные любовью и поддержкой членов семьи. Почему в таком случае в США нищета ассоциируется с изоляцией и озлобленностью? Являются ли тогда материальные удобства, столь значимые для «изобильной» в нашем понимании жизни, наилучшим способом обрести благополучие?**

Подытоживая сказанное, следует подчеркнуть, что понять самих себя во все более взаимосвязанном мире нам удастся лишь настолько, насколько мы сможем понять других (Macdonis, 1993).

Практическое применение социологического подхода

Применение социологического подхода на практике не вызывает никаких сложностей, когда мы встречаем людей, отличных от нас: они каждый раз невольно напоминают, что наша индивидуальная жизнь формируется обществом. Однако посмотреть на мир с социологической точки зрения помогают и две другие возможные ситуации: когда человек живет как маргинал или в условиях социального кризиса.

Социология и социальная маргинальность

Время от времени каждый ощущает себя «аутсайдером». Однако для некоторых категорий людей быть *аутсайдером* — не входить в господствующую группу — обычное дело, повседневное состояние. Чем очевиднее социальная маргинальность людей, тем в большей мере они способны использовать социологический подход.

Так, ни один афроамериканец не вырастает в США, не осознав значения расовой принадлежности. Однако белые, составляя господствующее большинство, реже задумываются о расе, полагая, что она имеет отношение не к людям как таковым, а только к цвету их кожи. В каком-то смысле «аутсайдерами» являются так-

¹ Сквоттеры (от англ. *to squat* — селиться на чужой земле) — люди, самовольно селящиеся в пустующих домах или застраивающие пустующие участки не принадлежащей им земли. — *Примеч. науч. ред.*

же женщины, геи, инвалиды и престарелые люди. Те, кто находятся на обочине социальной жизни, осознают такие социальные явления, о каких редко задумываются остальные. Следовательно, чтобы лучше усвоить социологический подход, нужно отказаться от привычного представления и посмотреть на свою жизнь под другим углом зрения.

Социология и социальный кризис

Любого из нас периоды перемен или кризиса способны выбить из колеи и заставить обратиться к социологическому подходу. Американский социолог К. Райт Миллс (Mills, 1959) показал это на примере Великой депрессии 1930-х гг. Когда уровень безработицы достиг 25%, безработные оказались бессильны что-либо сделать, но винили в происходящем общество. Они не говорили: «Со мной творится что-то неладное, мне не найти работу»; их оружием невольной стал социологический подход, позволивший им понять: «Экономика рухнула; работы не найти, потому что ее нет!»

Однако не только социальные изменения стимулируют социологическое мышление, но и наоборот: второе порождает первые. Чем больше мы узнаем, как работает «система», тем острее наше желание ее каким-либо образом изменить. Так, когда выяснилась роль гендерной принадлежности, многие мужчины и женщины стали активно устранять традиционные различия, вызванные гендерными ролями.

Иными словами, введение в социологию — это приглашение научиться по-новому увидеть привычные паттерны социальной жизни. Но стоит ли соглашаться на это? В чем же состоят практические преимущества обращения к социологическому подходу?

Преимущества социологического подхода

В нашей повседневной жизни обращение к социологическому подходу дает ряд преимуществ:

1. **Социологический подход помогает нам оценить истинность здравого смысла.** Мы полагаем многие вещи само собой разумеющимися, однако это вовсе не делает их по-настоящему истинными. Хорошим, уже приведенным выше, примером является представление, согласно которому мы — свободные индивиды, лично ответственные за свои жизни. Если считать, что человек — хозяин собственной судьбы, то легко приписать некое превосходство особо успешным людям, а тех, чьи достижения намного скромнее, счесть ущербными. Социологический подход, напротив, побуждает нас сомневаться в истинности подобных убеждений, и в том случае, когда очевидно отсутствие таковой, — разбираться, почему же эти мнения столь прочно укоренены.
2. **Социологический подход помогает нам оценить как возможности, которые предоставляет нам жизнь, так и препятствия.** Социологическое мышление приводит нас к пониманию того, что в той игре, какой является жизнь, мы сами делаем ставки, но масть определяет общество. Чем больше мы вникаем в игру, тем лучшими игроками становимся. Социология позволяет смотреть на мир таким образом, чтобы эффективнее добиваться своих целей.

3. **Социологический подход позволяет нам быть активными членами общества.** Чем больше мы понимаем механизмы работы общества, тем более активными гражданами становимся. Для кого-то это означает поддерживать общество, каким оно является в настоящем; другие могут сделать попытку изменить целый мир. Оценка любого аспекта социальной жизни — независимо от того, какова ваша цель — означает выявление социальных сил и оценку последствий их деятельности.

Ниже описываются возможности, которые предоставляет людям социологический подход, как это видит Ч. Райт Миллс.

4. **Социологический подход помогает нам жить в мире многообразия.** Жители Северной Америки составляют всего 5% населения мира, и, как показано в последующих главах, значительная часть остальных 95% живет совсем иначе, чем мы. Однако обычно люди склонны считать свой собственный образ жизни «правильным», «естественным», «лучшим». Социологический подход побуждает нас критически оценивать относительные достоинства и недостатки любого образа жизни, в том числе и нашего собственного.

Социология, политика и профессии

Преимущества, которые предоставляет знание социологии, не ограничиваются сферой личностного роста. Социологи помогали формировать государственную политику и систему права, участвовали в решении вопросов, касавшихся дегрегации школ, перевозки школьников, порнографии и социального обеспечения. Например, работа Линор Вейцман (Weitzman, 1985), в которой рассматривались финансовые трудности, возникшие у разведенных женщин, «оказала реальное влияние на государственную политику и привела к принятию в Калифорнии четырнадцати новых законов» (Weitzman, 1996; p. 538).

Кроме того, социологическое образование — хорошая подготовка к трудовой деятельности. Американская ассоциация социологов сообщает, что работа ее членов востребована в сотнях профессиональных сфер, среди которых рекламный бизнес, банковское дело, уголовное судопроизводство, образование, управление, здравоохранение, связи с общественностью и научные исследования (Billson & Huber, 1993).

Большинство мужчин и женщин, которые в изучении социологии достигают высот, превышающих степень бакалавра, становятся преподавателями и исследователями. Но все большее число профессиональных социологов работают в разного рода прикладных областях. Например, клинические социологи работают с проблемными клиентами, как и клинические психологи. Правда, если психологи фокусируются на индивиде, то социологи выискивают проблемы в сети его социальных связей. Еще одной разновидностью прикладной социологии являются оценочные исследования. В эпоху господства трезвого расчета администраторам приходится оценивать эффективность едва ли не всех программ и политических решений. Тогда особенно востребованными оказываются именно социологи — и в первую очередь те, кто обладают навыками исследовательской работы (Deutscher, 1999).

ПРАКТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Социологическое воображение: превращение личных проблем в общественные вопросы

Возможности социологического подхода заключаются не только в изменении жизни отдельных людей, но и в трансформировании всего общества. По мнению Ч. Райта Миллса, причиной бедности и других социальных проблем является общество, а не личные промахи людей. Социологическое воображение объединяет людей с тем, чтобы они осуществили изменения путем трансформации *личных проблем* в общественные *вопросы*.

В приводимой далее цитате¹ Миллс объясняет, почему необходимо социологическое воображение:

«Когда общество становится индустриальным, крестьянин превращается в рабочего; феодал сходит со сцены или становится бизнесменом. Когда классы расцветают или приходят в упадок, человек либо имеет работу, либо нет; когда уровень капиталовложений увеличивается или уменьшается, человек либо повышает свое благосостояние, либо разоряется. Когда происходят войны, страховой агент становится ракетчиком, а служащий магазина — оператором радара; жена живет без мужа, а ребенок растет без отца. Ни историю общества, ни отдельную жизнь человека невозможно понять без понимания и того, и другого.

И все-таки люди, как правило, не рассматривают переносимые тяготы с позиции исторических перемен... Благополучие, которым они наслаждаются, обычно не связывают с расцветом и упадком общества, в котором они живут. Редко осознавая запутанную связь между событиями своей собственной жизни и ходом мировой истории, люди обычно и не подозревают, что эта связь значит для их будущего и для осуществления истории, частью которого они могут быть. Они не обладают тем качеством ума, благодаря которому возможно понять взаимодействие между людьми и обществом, биографией и историей, отдельным «я» и миром...

Что им нужно... так это качество ума, которое поможет [увидеть]... что происходит в мире и... что, быть может, творится в них самих. Именно это качество... можно назвать социологическим воображением».

Источник: Mills, 1959; pp.3–5)

Истоки социологии

Подобно «выборам», которые делают индивиды, крупные исторические события редко происходят сами по себе. Социология вызвана к жизни могущественными социальными силами.

Социальные перемены и социология

Поразительные трансформации, произошедшие в XVIII и XIX столетиях, разительно изменили европейское общество. На развитие социологии повлияли три фактора: рост промышленной экономики, основанной на фабричном производстве; стремительный рост городов и новые идеи демократии и политических прав.

¹ В этом отрывке Миллс пользуется словом «человек» (*man* — «человек, мужчина». — *Примеч. перев.*) и местоимениями мужского рода применительно к людям вообще. Обратите внимание, что даже в такой откровенной критике общества, какую дал Миллс, все, что касается гендерной принадлежности, изложено в традиционной для того времени манере.

Новая промышленная экономика. В период европейского Средневековья большинство людей возделывало землю около своего дома или работали на мелких *мануфактурах* (от лат. «делать вручную»). Но к концу XVIII в. изобретатели открыли новые источники энергии — мощь льющейся воды, а потом и пара, что помогло привести в действие огромные машины, установленные на заводах и фабриках. Если до этого рабочие трудились на дому или небольшими группами, то теперь они превратились в часть огромной и безымянной рабочей силы, работающей на чужих людей — владельцев предприятий. Это изменение в системе производства разъединило семьи и ослабило традиции, веками управлявшие жизнью общины.

Рост городов. По всей Европе промышленные предприятия привлекали людей, нуждавшихся в работе. Параллельно с этим развивался и обратный процесс — *ого-раживания*. Землевладельцы отвоевывали все больше и больше земель, превращая фермы в овечьи пастбища, потому что овцы давали шерсть для текстильных фабрик, бурно развивавшихся в то время. Оставленные без земли, фермеры-арендаторы покидали село в поисках работы на новых предприятиях.

Когда города выросли до невиданных размеров, новоявленные горожане столкнулись с нарастающими социальными проблемами, в том числе с загрязнением окружающей среды, преступностью и бездомностью. Проживая на улицах, наводненных чужими друг для друга людьми, они приспособивались к незнакомой, обезличенной социальной среде.

Политические изменения. В Средние века люди воспринимали общество как установленное Богом: монархи считали себя «помазанными на царство», и каждому человеку, какую бы он ни занимал ступень на социальной лестнице, свыше предназначено было сыграть свою роль. Этот теологический взгляд на общество отражен в строках из старого англиканского гимна «Все ясно и прекрасно:

Богач в своем замке,
Бедняк в своей хижине,
Бог их возвышает и смиряет,
И предписывает их положение.

Однако очень скоро экономическое развитие и стремительный рост городов породили новые политические идеи. Приблизительно к 1600 г. прежние устои были подвергнуты энергичным нападкам. В трудах Томаса Гоббса (1588—1679), Джона Локка (1632—1704) и Адама Смита (1723—1790) центр переместился с морального долга людей перед Богом и правителями к идее о том, что человеку надо преследовать собственные интересы. В новой политической атмосфере философы заговорили о *свободе личности и правах индивида*. Вторя Локку, американская «Декларация независимости» гласит, что каждый человек обладает «определенными неотъемлемыми правами», включая «право на жизнь, свободу и поиски счастья».

Французская революция, начавшаяся в 1789 г., явилась символом этого драматического разрыва с прежней политической и социальной традицией. Алексис де Токвилль (1805—1859), социальный мыслитель, заявил, что изменения в обществе, произведенные французской революцией, означали «не что иное, как возрождение всего человеческого рода» (Tocqueville, 1955; p. 13; 1-е изд. — 1856).

Новое общественное сознание. Огромные предприятия, разрастание городов, дух индивидуализма — все это сошлось вместе так, чтобы заставить людей осознать

свое окружение. Когда оказалась расшатанной прежняя социальная почва, в Англии, Франции и Германии (именно там, где перемены были наиболее значительными) родилась новая дисциплина — социология.

Наука и социология

Природа общества захватывала умы блестящих мыслителей античного мира, в том числе китайского мудреца Конфуция (551–479 до н. э.) и греческих философов Платона (ок. 427–347 до н. э.) и Аристотеля (384–322 до н. э.)¹. В дальнейшем эту тему поднимали римский император Марк Аврелий (121–180), средневековые мыслители св. Фома Аквинский (1225?–1274) и Кристина де Пизан (ок. 1363–1431), а также великий английский драматург Вильям Шекспир (1564–1616).

Однако все эти мыслители изображали скорее идеальное общество, чем анализировали реальное. Создавая новую научную дисциплину, основоположники социологии, конечно, задумывались о том, как возможно усовершенствовать социальный мир, но главной задачей все-таки оказалось стремление понять, каким же образом функционирует общество в действительности. Описывая такую направленность мышления, французский философ Огюст Конт (1798–1857) и ввел в обиход термин *социология*. **Последняя** принадлежит к числу самых юных научных дисциплин, будучи намного моложе истории, физики или, например, экономической науки.

Конт (Comte, 1975; перв. изд. — 1851–1854) рассматривал социологию как результат исторического развития, насчитывающего три этапа. На самой ранней, *теологической стадии*, охватывающей период с начала человеческой истории до конца европейского средневековья, наступившего около 1350 г., люди воспринимали общество с религиозной точки зрения, видя в нем проявление воли Бога.

С Ренессанса теологический подход сменился тем, который Конт назвал *метафизической стадией*. На протяжении этого периода люди считали общество, скорее, естественным, нежели сверхъестественным, явлением. Томас Гоббс (1588–1679), например, полагал, что оно отражает не столько божественное совершенство, сколько изъяны эгоистичной людской природы.

То, что Конт назвал *научной стадией* истории, берет начало с деятельности ранних ученых, среди которых следует упомянуть польского астронома Николая Коперника (1473–1543), итальянского астронома и физика Галилео Галилея (1564–1642) и английского физика и математика Исаака Ньютона (1642–1727). Вклад Конта заключался в применении научного способа рассмотрения, поначалу использовавшегося для изучения только явлений физического мира, к изучению общества².

¹ На протяжении всей книги аббревиатура «до н. э.» означает «до нашей эры». Мы пользуемся этой терминологией вместо традиционной «до Р. Х.» («до Рождества Христова»), учитывая религиозное многообразие общества. Аналогичным образом вместо традиционной аббревиатуры «A. D.» (*anno Domini*), мы ставим «н. э.», «наша эра».

² Своеобразной иллюстрацией к указанным Контом этапам может служить экскурс в историю представлений людей: древние греки и римляне принимали планеты за божества; мыслители-метафизики эпохи Ренессанса видели в них астральные силы (способствуя развитию астрологии); ко времени же Галилея ученые считали планеты природными объектами, существование которых подчинено определенным законам.

Позиция Конта была ярким примером **позитивизма**, который определяется как *способ познания, опирающийся на науку*. Конт верил, что общество подчиняется непреложным законам, подобно тому как физический мир повинует гравитации и другим закономерностям природы.

Находясь под сильным влиянием идей французского мыслителя, социология сформировалась как научная дисциплина в США в начале XX в. И до сих пор большинство социологов все еще полагают, что научная составляющая — важнейшая часть их дисциплины. Однако, как видно из главы 2 («Социологическое исследование»), мы уже понимаем, что поведение человека гораздо сложнее, чем движение планет или даже действия других живых существ. Поскольку люди наделены воображением и совершают подчас спонтанные действия, их поведение невозможно до конца объяснить никакими строгими «общественными законами».

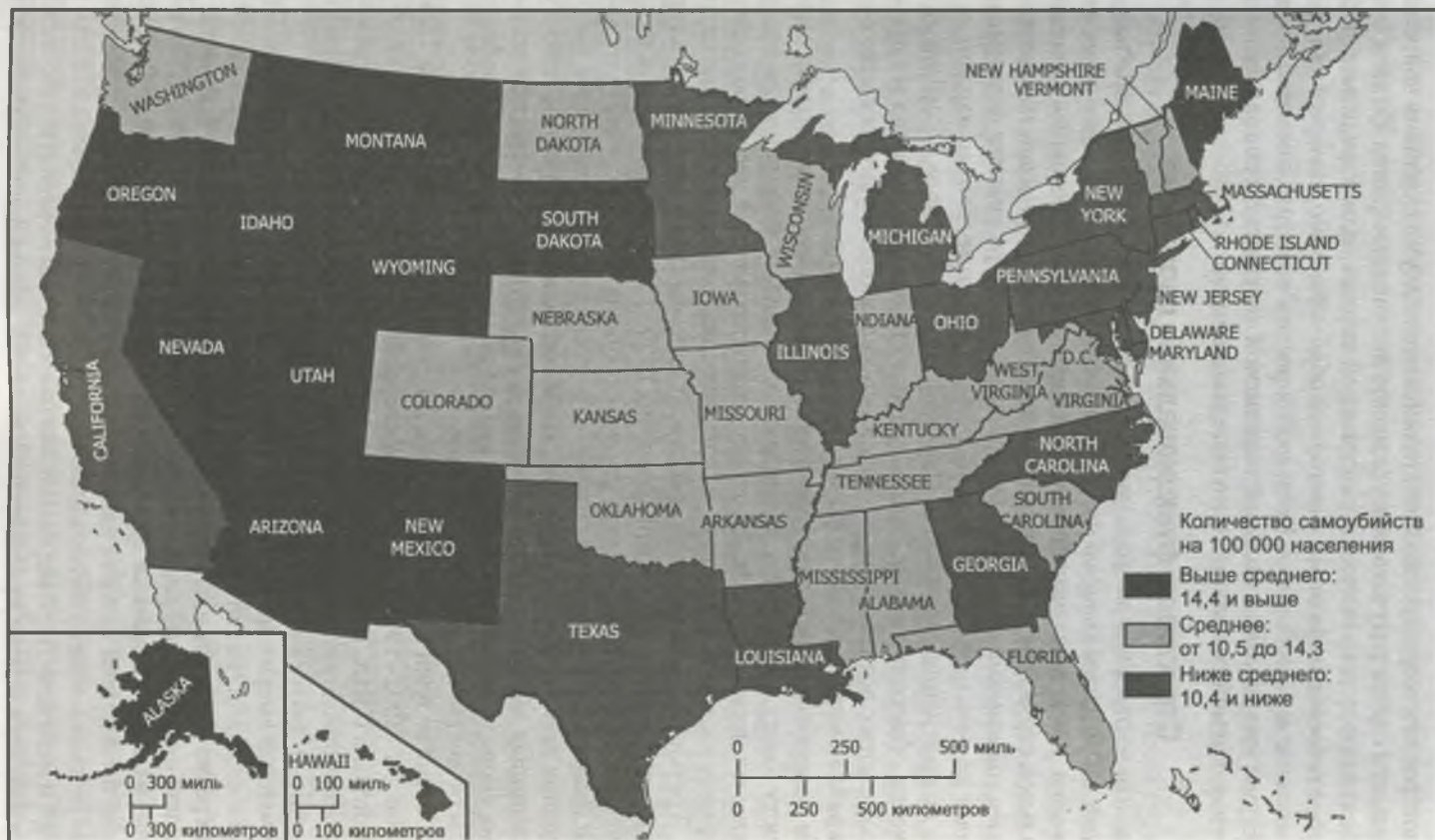
К этому можно добавить, что первых социологов, среди которых был, например, Карл Маркс (1818–1883), идеи которого рассматриваются в главе 4 («Общество»), глубоко беспокоило разительное неравенство в возникшем индустриальном обществе. Они хотели, чтобы социология не только служила познанию социального мира, но и способствовала изменениям, которые бы утвердили социальную справедливость.

Социологическая теория

Сплетение наблюдений с осмыслением подводит нас к другому аспекту социологии — к теории. **Теория** — *утверждение о том, как и почему отдельные факты связаны между собой*. Точнее говоря, задача социологической теории состоит в том, чтобы объяснить социальное поведение в реальном мире. Вспомните теорию Эмиля Дюркгейма, согласно которой особенно склонны к самоубийству категории людей, отличающихся относительно слабой социальной интеграцией (мужчины, протестанты, богатые и не состоящие в браке). Размышляя над проблемой суицидов, Дюркгейм задумался над множеством теорий. Но какая из них была правильной?

Чтобы оценить теорию, как это будет объяснено в следующей главе, социологи собирают данные, применяя разнообразные методы научного исследования. Факты позволяют подтвердить одни теории и отвергнуть или видоизменить другие. Дюркгейм собрал данные, которые вскрывали закономерности, показывавшие, что определенные категории людей более расположены совершать самоубийства. Эти закономерности позволили ему сформулировать теорию, которая наилучшим образом соответствовала всем имевшимся фактам. Карта США 1.1¹ показывает уровень суицидов в каждом из 50 штатов и дает вам возможность самостоятельно заняться теми или иными теоретическими построениями.

¹ На этой карте показано, в каких штатах уровень суицидов высок, в каких он средний и в каких — низкий. Найдите закономерности. В целом, высокий процент самоубийств отмечается в тех штатах, где люди проживают в удалении друг от друга. В более густонаселенных регионах процент самоубийств невысок. Подтверждают ли эти данные теорию самоубийств Дюркгейма или противоречат ей? Почему?

Карта США 1.1. Показатели самоубийств в США. Источник: U. S. National Center for Health Statistics, 2000

При построении теории социологи сталкиваются с двумя главными вопросами: какие предметы следует изучать, как увязывать полученные факты. Ответы на эти вопросы зависят от теоретической «дорожной карты», или парадигмы (Kuhn, 1970). **Теоретическая парадигма** — *исходный образ общества, который направляет ход мышления и исследования*. Социология располагает тремя основными подходами: структурно-функциональной парадигмой, парадигмой социального конфликта и парадигмой символического интеракционизма.

Структурно-функциональная парадигма

Это *схема для построения теории, рассматривающей общество как сложную систему, отдельные части которой работают слаженно для обеспечения единства и стабильности*. Как ясно из названия, данная парадигма сосредоточивает внимание на **социальной структуре**, под которой понимается *любой относительно устойчивый образец социального поведения*. Социальная структура придает форму нашей жизни, идет ли речь о семье, работе или учебе. Кроме того, данная парадигма направлена на выяснение **социальных функций** структуры или *ее последствий для деятельности общества в целом*. Вся социальная структура — от простого рукопожатия до сложных религиозных ритуалов — обеспечивает существование общества, по крайней мере — в той его форме, которая существует.

Своим существованием структурно-функциональная парадигма во многом обязана Огюсту Конту, указавшему на важность социальной интеграции во времена стремительных перемен. Эмиль Дюркгейм, содействовавший введению социологии во французских университетах, основывал свою деятельность также на этом подходе. Третьим основоположником структурно-функциональной парадигмы был английский социолог Герберт Спенсер (1820–1903). Он сравнил общество с человеческим организмом. Как структурные составляющие последнего — скелет, мышцы и различные внутренние органы — функционируют независимо, работая на выживание всего организма в целом, так и социальные структуры действуют сообща, защищая общество. Таким образом, данная структурно-функциональная парадигма упорядочивает социологические наблюдения, выявляя разнообразные структуры общества и изучая их функции.

В США многие идеи Конта, Спенсера и Дюркгейма были продвинуты Талкоттом Парсонсом (1902–1979), главным приверженцем структурно-функциональной парадигмы в США. Парсонс подходил к обществу как к системе и стремился выявить основополагающие задачи, какие любое общество обязано выполнить, чтобы выжить, а также пути реализации этих задач.

Современный американский социолог Роберт К. Мертон уточнил наше понимание самой концепции социальной функции. Он (Merton, 1968) пояснил, что, во-первых, люди редко воспринимают все функции социальной структуры. В качестве **явных функций** он описывает *распознанные и ожидаемые последствия того или иного социального явления*. **Латентные функции** — напротив, нераспознанные и непредусмотренные последствия того или иного социального явления. Например, очевидная функция системы высшего образования в США — обеспечить молодых людей информацией и навыками, необходимыми для работы. По всей вероятности, настолько же важной, хотя и реже признаваемой, является другая функция колледжей —

«сватовство» людей одинакового социального происхождения. Еще одной латентной функцией становится удержание миллионов молодых людей вне рынка рабочей силы, где многие из них, скорее всего, не смогут найти себе никакой работы.

Кроме того, как объясняет Мертон, социальные явления различным образом влияют на разных членов общества (Stern, 1998). Например, традиционные семьи являются хорошей средой для воспитания детей, но в то же время в них привилегированное положение занимают мужчины, а вот женщинам возможностей оставлено немного.

Мертон высказывает еще одно важное соображение: социальная структура не всегда бывает полезной. **Социальные дисфункции** — это *нежелательные для деятельности общества последствия того или иного социального явления*. Люди обычно расходятся во мнениях, когда речь заходит о том, что считать полезным или пагубным. Скажем, являющееся функциональным для одной категории лиц (например, для фабрикантов или лендлордов) для другой (фабричных рабочих и арендаторов) может быть совершенно дисфункциональным.

Критическая оценка. Главная особенность структурно-функциональной парадигмы — представление об обществе как устойчивом и упорядоченном образовании. Социологи, придерживающиеся такого подхода, стремятся выяснить, «что же приводит в движение» эту систему.

В середине XX в. большинство социологов придерживались именно структурно-функциональной парадигмы. Однако затем ее влияние ослабло. Фокусируясь на социальной стабильности и единстве, критики подобного подхода указывают на то, что он тяготеет к забвению классового, расового и гендерного неравенства, порождающего значительную общественную напряженность и конфликты. Сфокусированность на стабильности при невнимании к конфликтам делает данную парадигму несколько консервативной. Своеобразной реакцией на этот подход стала новая теоретическая парадигма — социального конфликта.

Парадигма социального конфликта

Парадигма социального конфликта представляет собой *схему для построения теории, которая воспринимает общество как арену неравенства, порождающего конфликты и изменения*. В отличие от структурно-функционального акцента на солидарности этот подход упор делает на неравенстве. Его сторонники изучают характер связи таких факторов, как социальный класс, раса, возраст, этническая и гендерная принадлежность, с неравномерным распределением денежных средств, власти, образования и социального престижа. Данная парадигма отвергает идею о том, что социальная структура способствует функционированию общества в качестве единого целого, показывая, как социальные образцы служат для выгоды одних людей и обездоливания других.

Социологи, следующие такой парадигме, рассматривают конфликт между доминирующими и непривилегированными категориями лиц — богатыми и бедными, с белой и иного цвета кожей, мужчинами и женщинами. Как правило, люди, принадлежащие к верхушке общества, стремятся защитить свое положение, а не имеющие подобных преимуществ слои пытаются побольше выгадать для себя.

Анализ конфликтов в нашей системе образования показывает, как школьное обучение воспроизводит классовое неравенство в каждом последующем поколении. Так, в средних школах учащиеся распределяют в зависимости от программ — либо подготовки к поступлению в колледж, либо профессионального тренинга. Со структурно-функциональной точки зрения от подобного деления на «потoki» выигрывают все, поскольку школьное обучение соответствует способностям учащихся. Однако, согласно парадигме социального конфликта, подобное разделение зачастую скорее связано с социальным происхождением, чем с талантом, а потому состоятельные ученики причисляются к потокам высшего уровня, тогда как дети бедных заканчивают обучение в потоках низшего уровня.

Таким образом, молодые люди из привилегированных семей получают самое лучшее школьное образование, а в дальнейшем и высокооплачиваемую работу. Дети же из бедных семей не готовы к учебе в колледже и, как и их родители до них, обычно выполняют низкооплачиваемую работу. В обоих случаях социальная ступень словно бы переходит по эстафете от одного поколения к следующему, в то время как школы оправдывают сложившуюся практику тем, что они учитывают индивидуальные результаты (Bowles & Gintis, 1976; Oakes, 1982, 1985).

В США социальный конфликт выходит далеко за рамки системы школьного образования. В последующих главах этой книги объясняется, каким образом неравенство, основанное на классовой, расовой и гендерной принадлежности, укоренено в организации самого общества.

Многие социологи пользуются парадигмой социального конфликта не только для того, чтобы осмыслить общественное устройство, но и для осуществления социальных перемен, устраняющих неравенство. Подобную цель преследовал У. Э. Б. ДюБуа, а также Карл Маркс, чьи труды имели особое значение для развития этой парадигмы. Маркс не терпел тех, кто стремился лишь анализировать общество. В своей хорошо известной декларации (слова ее высечены на его памятнике, расположенном на лондонском кладбище Хайгейт) Маркс утверждал: «Философы так лишь различным образом объясняли мир; тогда как дело заключается в том, чтобы изменить его».

Критическая оценка. В последние десятилетия парадигма социального конфликта снискала большое число приверженцев. И все же, подобно другим подходам, она подвергается критике. Фокусируясь на неравенстве, она не учитывает, что разделяемые всеми ценности и взаимозависимость унифицируют членов общества. Кроме того, по мнению ее критиков, политическая направленность данной парадигмы не позволяет ей претендовать на научную объективность. Однако, как показано во главе 2 («Социологическое исследование»), теоретики конфликта отклоняют критические упреки в свой адрес, возражая, что *все* подходы имеют политические следствия, пусть и различающиеся.

Еще одно замечание в адрес как структурно-функциональной парадигмы, так и парадигмы социального конфликта состоит в том, что они живописуют общество крупными мазками, рассматривая его с позиций «семьи», «социальных классов», «расы» и т. д.

Третий же из указанных теоретических подходов в меньшей степени рассматривает общество с точки зрения масштабных социальных структур, в большей мере — в ракурсе повседневного опыта.

Парадигма символического интеракционизма

Структурно-функциональной парадигме и парадигме социального конфликта присуща общая **макроуровневая ориентация** — *сфокусированность на социальных структурах, которые образуют общество как целое*. Макроуровневая социология охватывает большую картину, весьма похожую на вид огромного города с вертолета, когда видно, как по шоссе дорогам люди перемещаются с одного места на другое или как меняется застройка от богатых кварталов к бедняцким. В социологии существует и **микроуровневая ориентация** — *сфокусированность на социальных взаимодействиях в конкретных ситуациях*. Такое изучение общественной жизни сходно с вниманием к тому, что происходит на улице, например общение детей на школьной спортплощадке или реакция прохожих на бездомных людей. **Парадигма символического интеракционизма**, таким образом, представляет собой *схему для построения теории, которая воспринимает общество как продукт повседневного взаимодействия индивидов*.

Каким же образом из личного опыта десятков миллионов людей образуется «общество»? Один из ответов, представленный в главе 6 («Социальное взаимодействие в повседневной жизни»), гласит, что общество является не чем иным, как общей реальностью, которую люди создают в ходе взаимного общения. Люди — это существа, живущие в мире символов и *означающие* практически все. Следовательно, «реальность» — всего лишь определения значений, которыми мы наделяем свое окружение, обязанности по отношению к другим людям и собственную самоидентичность.

Конечно, этот процесс определения субъективен и различается от человека к человеку. Так, один может определить бездомного как «простого бездельника, ждущего подаяния», и не обратить на него внимания, а другой разглядеть в нем «собрата, оказавшегося в нужде», и предложить ему помощь. Таким же образом, один человек может испытывать чувство безопасности, проходя мимо офицера полиции, совершающего дежурный обход, тогда как другой будет охвачен тревогой. Поэтому социологи, использующие подход символического интеракционизма, смотрят на общество как на сложную, постоянно меняющуюся мозаику субъективных значений.

Парадигма символического интеракционизма уходит корнями в идеи Макса Вебера (1864–1920), немецкого социолога, который подчеркивал необходимость понимать среду с точки зрения тех людей, которые в ней находятся. Подход Вебера рассматривается в главе 4 («Общество»).

С тех времен социологи внесли много нового в микроуровневую социологию, создав целые ее направления. В главе 5 («Социализация») излагаются идеи Джорджа Герберта Мида (1863–1931), который изучал, как мы формируем свои личности на основе социального опыта. Глава 6 («Социальное взаимодействие в повседневной жизни») представляет работу Ирвина Гоффмана (1922–1982), чей *драматургический анализ* описывает людей, подобно актерам исполняющим разнообразные роли. Другие современные социологи, включая Джорджа Хоманса и Питера Блау, разработали *анализ социального обмена*. По их мнению, взаимодействие в обществе направляют те приобретения и потери, которых каждый индивид ожидает при общении с другими (Molm, 1997; Mulford et al., 1998). Например, в ритуале ухаживания люди ищут партнеров, способных предложить им как минимум столько же — с точки зрения физической привлекательности — ума и достатка, сколько они в силах предложить сами.

Критическая оценка. Парадигма символического интеракционизма несколько сглаживает тенденциозность, свойственную макроуровневым подходам к анализу общества. Не отрицая существования таких структур, как «семья» и «социальные классы», парадигма символического интеракционизма напоминает нам, что в своей основе общество сводится к *взаимодействию людей*. Это означает, что микроуровневая социология пытается представить общество таким, каким его реально воспринимают индивиды. Но и у парадигмы символического интеракционизма есть ее обратная сторона: фокусируясь на повседневных взаимодействиях, она оставляет без внимания более крупные социальные структуры, культурные эффекты и такие факторы, как классовая, гендерная и расовая принадлежность.

Таблица 1.1

Три основные теоретические парадигмы

Теоретическая парадигма	Ориентация	Образ общества	Основные вопросы
Структурно-функциональная	Макроуровневая	Система, состоящая из взаимосвязанных частей, которая относительно устойчива, поскольку достигнута общая договоренность о том, что считать желательным с точки зрения морали; каждая часть выполняет особую функцию в обществе, являющимся единым целым	Каким образом общество оказывается интегрированным? Что является главными составными частями общества? Как эти части взаимосвязаны? Каково влияние каждой отдельной части на функционирование общества в целом?
Социального конфликта	Макроуровневая	Система, основанная на социальном неравенстве; каждая часть общества приносит одним категориям людей выгоду большую, чем другим; социальное неравенство ведет к конфликту, который, в свою очередь, порождает социальные изменения	Как разделено общество? Каковы основные формы социального неравенства? Какими способами отдельные категории людей стараются защитить свое привилегированное положение? К каким способам прибегают другие категории людей, бросающие вызов сложившемуся положению дел?
Символического интеракционизма	Микроуровневая	Непрерывный процесс социального взаимодействия в конкретных условиях, основанный на символической коммуникации; индивидуальные восприятия реальности различны и изменчивы	Как воспринимается общество? Каким образом происходит взаимодействие людей, позволяющее создавать, сохранять и изменять социальные образцы? Каким образом индивиды стараются сформировать реальность, воспринимаемую другими? Как изменяется индивидуальное поведение от ситуации к ситуации?

В табл. 1.1 суммированы основные черты структурно-функциональной парадигмы, парадигмы социального конфликта и парадигмы символического интеракционизма.

Каждая парадигма помогает ответить на ряд определенных вопросов. Однако понять общество наиболее полным образом возможно в том случае, если социологический подход включает все три указанные парадигмы, что и будет продемонстрировано при анализе сферы спорта в США.

Практическое использование парадигм: социология спорта

В начале этой главы мы отметили любовь жителей США к спорту. И дело не только в том, что большая часть молодежи занимается им, но и в том, что телевизионные программы — как молодежные, так и для пожилых — изобилуют показом событий из мира спорта, а значительную часть новостей составляют отчеты о результатах различного рода спортивных соревнований. В США выдающиеся игроки, такие как Марк Мак-Гвайр (бейсбол), Шакилл О'Нил (баскетбол) и Венус Уильямс (теннис), относятся к числу самых знаменитых людей. Вообще, в США спорт стал многомиллиардным бизнесом. Как же поясняют три социологические парадигмы это привычное явление нашей повседневной жизни?

Функции спорта. Структурно-функциональный подход сосредоточивает внимание на тех способах, благодаря которым сфера спорта содействует функционированию общества. К очевидным ее функциям относятся отдых, улучшение физического состояния и вполне безвредная «разрядка напряжения». Спорт обладает и важными латентными функциями, начиная от укрепления социальных связей и заканчивая созданием десятков тысяч рабочих мест. Самым же важным является, пожалуй, то, что он побуждает к соревнованию и достижению успеха — моментам, которым в нашем образе жизни отведено главное место.

У спорта есть и дисфункциональные последствия. Бывает, например, что в тех колледжах и университетах, которым важнее вывести на поле команду-победителя, набор учащихся осуществляют исходя из их спортивных, а не учебных способностей. Эта практика не только снижает академические стандарты учебного заведения, но и обделяет спортсменов, оставляя им мало времени на учебу (Upthegrove, Roscigno, & Charles, 1999).

Спорт и конфликты. Анализ социального конфликта начинается с указания на то, что спорт тесно связан с социальным неравенством. Некоторые спортивные виды, в том числе теннис, плавание, гольф и катание на лыжах, обходятся дорого, а потому привлекают в основном состоятельных людей. Однако футбол, бейсбол и баскетбол доступны для всех. Короче говоря, игры, в которые играют люди, являются не только делом выбора, но отражают и их социальное положение.

На протяжении всей истории спорт был преимущественно мужским делом. Так, во время первых современных Олимпийских игр, состоявшихся в 1896 г., женщины были исключены из соревнований; в большинстве регионов США вплоть до недавнего времени девочкам не разрешали играть даже в командах низшей лиги. Такая практика оправдывалась неправильными утверждениями о недостаточной силе и выносливости женщин, чтобы заниматься спортом, или об опасности утраты ими женственности. Таким образом, наше общество побуждает мужчин быть

спортсменами, оставляя другой половине роль зрительниц и болельщиц. Сегодня среди женщин профессиональных спортсменок больше, чем когда-либо в прошлом, и все же они по-прежнему остаются позади мужчин, особенно в наиболее доходных и престижных видах спорта.

Хотя наше общество в течение длительного времени не допускало людей с не белым цветом кожи к участию в соревнованиях, проводившимся в высших лигах, для спортсменов-профессионалов возможность зарабатывать большие деньги за последние десятилетия значительно расширилась. Игроки афроамериканского происхождения были впервые допущены в высшую бейсбольную лигу после того, как Джеки Робинсон сломал расовый барьер и в 1947 г. стал членом команды «Бруклин Доджерс» (*Brooklyn Dodgers*). В 2000 г., спустя более 50 лет, после того как в профессиональном бейсболе легендарный номер Робинсона — «42» — был исключен во всех командах¹, афроамериканцы (12% населения США) составили 13% среди игроков высшей бейсбольной лиги, 67% — среди игроков Национальной футбольной лиги, 78% — в Национальной баскетбольной лиге (*Center for the Study of Sport in Society*, 2000).

Одной из причин притока в профессиональные виды спорта афроамериканцев является то, что успех в спорте — с учетом среднего числа подач или забитых голов — может быть точно определен и на него не влияют расовые предрассудки. Справедливо также, что некоторые из людей с небелым цветом кожи особенно стараются преуспеть в спорте, где у них больше возможностей добиться успеха, чем на иных поприщах (Steele, 1990; Hoberman, 1997, 1998; Edwards, 2000; Harrison, 2000). В последние годы средние заработки спортсменов-афроамериканцев превысили заработки белых игроков.

Однако репутация профессионального спорта в США по-прежнему запятнана расовой дискриминацией. Так, от принадлежности к той или иной расе зависят *позиции* игроков на поле в стандартной расстановке, называемой «стэкинг» (*stacking*). На рис. 1.2 показан результат исследования расового аспекта в футболе.

Обратите внимание, что белые игроки преобладают в нападении, а также играют на центральных позициях по обе стороны от разделительной линии. Вообще говоря, афроамериканцы, по сути, широко представлены всего в пяти видах спорта — бейсболе, баскетболе, футболе, боксе и легкой атлетике. И во всех областях профессионального спорта подавляющее большинство менеджеров, главных судей и владельцев спортивных команд — белые (Gnida, 1995; Smith & Leonard, 1997).

Можно спросить, кто получает выгоду от спортивной деятельности. Хотя отдельные игроки получают астрономические гонорары, а миллионы фанатов с восторгом следят за своими командами, спорт является внушительным бизнесом, составляя предмет собственности для незначительного числа людей (преимущественно белых мужчин). В итоге можно сказать, что спорт в США построен на неравенстве, порождаемом гендерной и расовой принадлежностью, а также экономической властью.

¹ Традиция не вручать больше никому номер уходящего из спорта выдающегося игрока весьма распространена в США; это специфическая форма общественного признания. — *Примеч. науч. ред.*

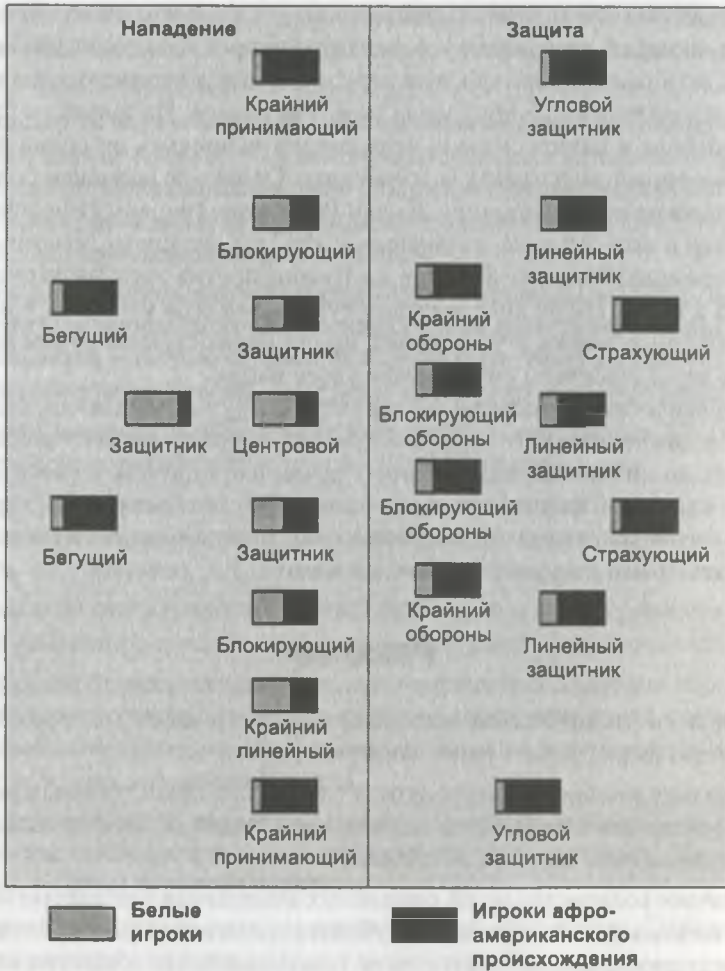

Рис. 1.2. Расовая принадлежность и спорт: «стэкинг» в профессиональном футболе
 Источник: *Center for the Study of Sport in Society, 2001*

Спорт как интеракция. На микроуровне спортивное событие представляет собой сложную драму, развивающуюся в ходе непосредственного общения людей. Отчасти игра ведется в соответствии с позициями игроков и установленными правилами. Но бывает, что соперники действуют спонтанно и непредсказуемо. Соответственно вооруженные парадигмой символического интеракционизма, мы склонны рассматривать спорт не столько как систему, сколько как непрерывный процесс.

Кроме того, придерживаясь этой точки зрения, можно предположить, что каждый игрок понимает происходящее по-своему. Кому-то лучше находиться в обстановке жесткого соперничества, тогда как другим очарование самой игры может казаться важнее победы. (Древние римляне ввели в обиход слово *amateur*, буквально — «любитель», которым обозначали всех, кто занимается каким-либо делом из чистой любви к нему.)

Помимо разного отношения к соревнованию у членов команд создаются разные реальности событий, связанные с разного рода предубеждениями, завистью и амбициями, которые они привносят в игру. Вдобавок к этому поведение каждого отдельно взятого игрока по ходу игры может меняться. Например, в профессиональном бейсболе новичок сначала испытывает неловкость во время первых нескольких соревнований в рамках Высшей лиги. Однако со временем большинство прекрасно приживаются в команде. Джеки Робинсону (первому афроамериканцу, участнику игр в высшей лиге, начавшему в 1947 г.), знавшему, что многие белые игроки и миллионы таких же фанатов настроены против него, было очень трудно привыкнуть к полю, где он впоследствии чувствовал себя как дома. Но потом его выдающиеся способности и уверенный, пронизанный самим духом взаимодействия стиль игры завоевали ему уважение всей нации.

Три теоретические парадигмы – структурно-функциональная, социального конфликта и символического интеракционизма – предоставляют различные интерпретации, но ни одна из них не бывает правильнее другой. Относительно разных проблем каждая парадигма дает свое толкование; чтобы в полной мере оценить силу социологического подхода, надлежит ознакомиться со всеми этими подходами и предлагаемыми в их рамках объяснениями.

Резюме

1. Социологический подход показывает «общее в частном», или способность общества формировать нашу частную жизнь.
2. Поскольку в нашей культуре акцент сделан на индивидуальном выборе, распознавание власти общества над жизнями людей может сначала показаться «поиском необычного в банальном».
3. Различное количество детей, рождаемых женщинами в разных регионах мира, а также исследование числа самоубийств среди некоторых категорий людей, проведенное Эмилем Дюркгеймом, показывают, что общество влияет даже на самые интимные поступки и выбор человека.
4. Глобальное сознание является важной частью социологического подхода, ибо, во-первых, жизнь людей в различных странах весьма и весьма различается; во-вторых, государства становятся все более взаимосвязанными; в-третьих, многие социальные проблемы оказываются наиболее серьезными за пределами США и, в-четвертых, глобальное сознание позволяет нам лучше понять самих себя.
5. Маргинальные в социальном отношении люди чаще других чувствуют на себе силу общества. У всех людей социологическое мышление становится острее в периоды общественного кризиса.
6. Преимущество использования социологического подхода заключается в том, что он, во-первых, помогает нам оценить распространенные убеждения; во-вторых, помогает оценить возможности и препятствия в нашей

собственной жизни; в-третьих, побуждает нас к более активному участию в жизни общества и, в-четвертых, позволяет уяснить социальное многообразие в окружающем мире.

7. Социология возникла в ответ на грандиозные перемены, которые происходили в Европе в XVIII–XIX вв. Внимание людей к механизмам функционирования общества было вызвано благодаря трем кардинальным изменениям — росту промышленной экономики, стремительному росту городов и возникновению новых политических идей.
8. Название «социология» введено Огюстом Контом в 1838 г. Социальные мыслители прошлого сосредоточивались на представлении образа будущего общества — на том, каким оно должно быть. Конт же применил научные методы к познанию общества таким, каково оно есть в настоящем.
9. Теория соединяет наблюдения с интуицией и пониманием. При построении теорий социологи пользуются различными парадигмами.
10. Структурно-функциональная парадигма рассматривает включенность образцов поведения в функционирование общества. Этот подход высвечивает стабильность и интеграцию, уделяя минимум внимания неравенству и конфликтам.
11. Парадигма социального конфликта, подчеркивающая неравенство, конфликты и изменения, грешит недооценкой интеграции и стабильности общества.
12. В отличие от этих масштабных, макроуровневых подходов парадигма символического интеракционизма является микроуровневой схемой, которая нацеливает на рассмотрение непосредственного взаимодействия в конкретных условиях его осуществления.
13. Поскольку каждая парадигма выделяет различные измерения социальных проблем, наиболее полного социологического понимания удастся добиться лишь с учетом всех трех парадигм.
14. Социологическое мышление подразумевает обобщения. Однако в отличие от стереотипа социологическое утверждение:
 - ◆ не применяется без разбора к каждому отдельному представителю какой-либо категории лиц;
 - ◆ подкрепляется фактами;
 - ◆ предлагается для установления истины.

Основные понятия

Глобальный подход — изучение внешнего мира и места, которое занимает в нем наше общество.

Латентные функции — нераспознанные и непреднамеренные последствия того или иного социального паттерна.

Макроуровневая ориентация — сфокусированность на социальных структурах, которые образуют общество как целое.

Микроуровневая ориентация — сфокусированность на социальных взаимодействиях, осуществляемых в конкретных ситуациях.

Парадигма символического интеракционизма — схема построения теории, согласно которой общество — это продукт повседневного взаимодействия индивидов.

Парадигма социального конфликта — схема построения теории, согласно которой общество воспринимается как арена неравенства, порождающего конфликты и изменения.

Позитивизм — путь познания, основанный на научных принципах.

Социальная структура — любой относительно устойчивый образец социального поведения.

Социальные дисфункции — нежелательные последствия того или иного социального явления для деятельности общества.

Социальные функции — последствия социального образца для деятельности общества в целом.

Социология — систематическое изучение человеческого общества.

Стереотипы — преувеличенные описания, применяемые к любому индивиду — представителю той или иной категории лиц.

Страны с высоким уровнем доходов — государства с весьма продуктивными экономическими системами, где для большинства людей характерны высокие доходы.

Страны с низким уровнем доходов — государства с менее продуктивными экономическими системами, где большинство людей живут в бедности.

Страны со средним уровнем доходов — государства с умеренно продуктивными экономическими системами, где личные доходы примерно соответствуют среднему общемировому уровню.

Структурно-функциональная парадигма — схема построения теории, утверждающей, что общество — это сложная система, отдельные части которой работают слаженно, чтобы обеспечить единство и стабильность.

Теоретическая парадигма — исходный образ общества, который направляет способ мышления и исследования.

Теория — утверждение о том, как и почему связаны между собой отдельные факты.

Явные функции — распознанные и ожидаемые последствия того или иного социального явления.

Вопросы для размышления

1. Чем, по вашему мнению, различаются психологический и социологический подходы?
2. Почему у нас пропадает чувство, что мы держим свою жизнь под контролем, когда речь заходит о социологическом подходе? Каким образом он позволяет получить большую власть над нашим окружением?

3. Какие факторы помогают объяснить, почему именно таким образом и именно в указанный период формировалась социология?
4. Руководствуясь тремя главными теоретическими парадигмами, подумайте, какие вопросы вы могли бы задать:
 - ◆ о телевидении;
 - ◆ о войне;
 - ◆ о колледжах и университетах.

Социологическое исследование

Посетив Атланту в зимние праздничные дни, социолог Лу Бенджамин (Benjamin, 1991) позвонила матери своей старой приятельницы по колледжу. Бенджамин хотелось узнать новости о своей подруге Шебе – женщине, которая, как ей было известно, лелеяла ту же, что и она, мечту: получить диплом, работать учителем и писать книги. Мечта Бенджамин сбылась, а вот у Шебы, как это очень скоро выяснилось, дела обстояли намного хуже – ей катастрофически не повезло.

Бенджамин вспомнила, что замечала раньше первые признаки беды. Закончив колледж, Шеба приступила к учебе в канадском университете. Но в письмах к Бенджамин она все чаще критически описывала свой мир; складывалось впечатление, будто Шеба обособляется от других людей. Проблема, по ее мнению, заключалась в расизме. Будучи афроамериканкой, она ощутила себя объектом враждебности на расовой почве. Ее немедленно исключили за неуспеваемость, и она ушла, обвиняя в своей неудаче белых профессоров. Затем вообще покинула Северную Америку, получив наконец степень доктора философии в английском университете и обосновавшись в Нигерии. С тех пор Бенджамин ничего не слышала о своей старой подруге.

Бенджамин была счастлива узнать, что Шеба вернулась в Атланту. Но ее восторг обернулся шоком, когда она увидела Шебу: подруга страдала от психического срыва и едва ли была способна с кем-либо общаться.

Эмоциональный спад Шебы был предметом тревог и беспокойства Бенджамин в течение нескольких месяцев. Она знала, что в этой личной трагедии сошлось множество факторов, но, испытывав жало расизма на себе, именно ему отводила главную роль в истории Шебы. Как бы отдавая дань старой подруге, Бенджамин решила изучить воздействие расовых предрассудков на жизнь незаурядных и хорошо образованных афроамериканцев.

Бенджамин понимала, что бросает вызов расхожему мнению о том, что в наши дни расовая принадлежность не представляет серьезных препятствий, особенно для талантливых афроамериканцев (Wilson, 1978). Но ее собственный опыт – и, как она думала, опыт Шебы, – похоже, противоречил такому суждению.

Чтобы проверить свои идеи, Бенджамин провела два следующих года, опрашивая 100 преуспевших афроамериканцев из всех регионов страны о влиянии расовой принадлежности на их жизнь. В ответах этой «Талантливой Сотни»¹ мужчин и женщин она нашла доказательство тому, что даже для привилегированных афроамериканцев расизм остается тяжелым бременем.

Ниже в этой главе мы сможем детально рассмотреть исследование Лу Бенджамин. Сейчас же обратите внимание на то, как социологический подход помог ей нащупать социальные образцы, воздействующие на жизнь индивидов. Не менее важно и то, что работа Бенджамин демонстрирует социологию *в действии*, процесс *социологического исследования*.

¹ Название Бенджамин произвела от «Талантливой Десятки» – термина, которым У. И. Б. Дюбуа (Du Bois, 1899) пользовался при описании афроамериканских лидеров своего времени.

По мнению многих, ученые трудятся только в лабораториях, где проводят измерения, используя сложное оборудование. Но, как показано в этой главе, если некоторые социологи и занимаются такими исследованиями, большинство работают совсем рядом, — там, где люди: на улицах, в домах и на рабочих местах, в школах и больницах, барах и тюрьмах.

В этой главе анализируются методы, при помощи которых социологи проводят исследования. По ходу изложения мы увидим, что последние подразумевают не только процедуры сбора информации, но и обсуждение вопроса о ценностях. Должны ли социологи стремиться быть объективными? Или им следует указывать на необходимость перемен? Конечно, Лу Бенджамин предприняла свое исследование не только для того, чтобы показать существование расизма; она хотела вывести его на всеобщее обозрение и таким образом бросить ему вызов. Вопросов о ценностях мы коснемся после рассмотрения основ социологического исследования.

Основы социологического исследования

Социологическое исследование начинается с выполнения двух простых требований. Об одном речь шла в главе 1: *используйте социологический подход*. С его помощью удастся повсеместно выявить любопытные образцы поведения, требующие дальнейшего изучения. Именно социологическое воображение Лу Бенджамин подхлестнуло ее интерес к влиянию расовой принадлежности на жизнь талантливых афроамериканцев.

Второе требование вытекает непосредственно из первого: *будьте любознательны и задавайте вопросы*. Бенджамин хотелось побольше узнать о воздействии, которое оказывала принадлежность к определенной расе, на людей, добившихся в жизни серьезных успехов. Она задавала целый ряд вопросов. Кто является лидером чернокожей общины в государстве? Как влияет на самоидентичность лидеров их принадлежность к расовому меньшинству? Совпадают ли их представления о себе с тем, как их и то, что они делают, воспринимают белые люди?

Социологический взгляд на мир и предъявление вопросов образуют фундамент социологического исследования. Они возбуждают наше любопытство, но в дальнейшем перед нами встает задача найти ответы на эти вопросы. Чтобы осмыслить формы понимания, предлагаемые социологией, нам следует уяснить, что «истина» бывает разной.

Наука как одна из форм истины

Когда мы говорим о «знании» чего-либо, то можем подразумевать ряд вещей. Так, большинство жителей США заявляет о вере в Бога. О прямом контакте с Богом могут поведать очень немногие люди, но все утверждают, что *верят* в него. Такой вид знания мы называем верой или верованием.

Истина другого рода связана с высказыванием какого-либо признанного знания. Например, те родители, которых интересуют вопросы воспитания детей, могут ознакомиться с книгами специалистов или проконсультироваться у детского психолога.

Третья разновидность истины основывается на простом соглашении между обычными людьми. Именно так мы приходим к «знанию» о том, что, допустим,

маленьким детям нельзя вести половую жизнь — только потому, что это мнение является единодушным.

Во всем мире что-либо почитаемое людьми за истину оказывается различным, и мы часто сталкиваемся с фактами, которые не совпадают с нашим собственным опытом. Представьте, что вы доброволец из «Корпуса мира» и только что прибыли в маленькое, живущее традиционным укладом латиноамериканское селение. Ваша задача состоит в том, чтобы помочь местным жителям вырастить урожай. В первый же день вашей работы на полях вы наблюдаете странный обычай: крестьяне, посадив семена, кладут сверху мертвую рыбу. В ответ на ваш вопрос они говорят, что рыба — дар богу жатвы. Деревенские старики с суровым видом добавляют, что самым неурожайным выдался год, когда так не сделали.

В представлении этого общества использование рыбы имеет смысл в качестве подношения богу жатвы. Люди верят в это, и каждый, похоже, согласен с тем, что подобная «система» действует. Но вы, обладая научным сельскохозяйственным образованием, только диву даетесь и качаете головой. Научная истина в данной ситуации является чем-то совершенно иным: гниющая рыба удобряет землю, принося лучший урожай.

Диего Ривера, Мексика (1886–1957). Сотворение Земли (*The Creation of the Earth*). Источник: воспроизводится по иллюстрации к *Popol Vuh*¹, акварель. © 2003 Banco de Mexico Diego Rivera and Frida Kahlo Museums Trust

Мифы, как и научные факты, — важное измерение человеческого бытия. На картине «Сотворение Земли» мексиканский художник Диего Ривера (1886–1957) изображает мифическое объяснение происхождения человека. Миф (от греч. «повествование» или «слово») может основываться на реальных фактах, а может не быть таковым. Тем не менее он передает некую исходную истину о смысле и цели жизни. Вопросов же смысла не властна касаться как раз наука, но не искусство

¹ «Пополь Вух» — эпос центральноамериканских индейских племен. — *Примеч. науч. ред.*

Наука воплощает в себе четвертый путь познания истины. **Наука** — логическая система, которая основывает знание на прямых, систематических наблюдениях. **Научная социология** в таком случае есть изучение общества, основанное на систематическом наблюдении за социальным поведением. Держась в стороне от веры, осведомленности знатоков и общего мнения, научное знание опирается на эмпирические данные, т. е. на информацию, которую мы можем проверить при помощи органов чувств.

Наш пример с «Корпусом мира» не означает, что жители ортодоксальных селений игнорируют свидетельства своих органов чувств или что представители технологически развитых обществ отрицают вненаучные пути познания. Например, медик-исследователь, использующий научные принципы для получения нового лекарства от рака, может по-прежнему придерживаться своих религиозных верований; он может обращаться к специалистам при необходимости принятия финансовых решений и разделять политические взгляды своей семьи и друзей. Короче говоря, все мы одновременно придерживаемся разнообразных истин.

Здравый смысл против научных данных

Научные данные иногда расходятся с нашим здравым смыслом. Ниже приводится ряд утверждений, которые многие жители Северной Америки полагают истинными:

1. **Бедняки нарушают закон чаще, чем богатые.** После просмотра телевизионного шоу вроде *Cops* («Полицейские») можно с уверенностью заключить, что полиция арестовывает исключительно людей из «неблагополучных» районов. В главе 8 («Девиантность») объяснено, что бедные люди действительно занимают верхние строчки в статистических отчетах о задержаниях. Но при исследовании обнаруживается и то, что полиция и прокуроры чаще бывают снисходительными к проступкам, которые совершают состоятельные люди. Более того: некоторые законы составлены так, что в большей мере подталкивают к криминализации бедных людей, в меньшей — имеющих достаток.
2. **США — общество среднего класса, где большинство людей более или менее равны.** Данные, представленные в главе 11 («Социальные классы в США»), показывают, что богатейшие люди, составляющие в нашей стране 5% населения, контролируют более половины общего национального достояния. Если люди равны, тогда, получается, некоторые из них более «равны».
3. **Большинство бедняков не желают работать.** Исследование, описанное в главе 11, показывает, что это утверждение справедливо для некоторых, но не для большинства бедных людей. На самом деле в США около половины бедняков — дети и старики, от которых никто и не ждет, чтобы они работали.
4. **Различия в поведении мужчин и женщин отражают «человеческую природу».** Как видно из главы 3 («Культура»), большая часть того, что мы называем «человеческой природой», создана обществом, в котором нас воспитали. Кроме того, как говорится в главе 13 («Гендерная стратификация»),

в некоторых обществах «мужественность» и «женственность» понимаются совершенно иначе, чем в нашем.

5. **Большинство людей вступают в брак по любви.** Вряд ли какое-либо иное утверждение было бы для жителей США настолько же самоочевидным. Однако вызывает удивление, что во многих других обществах брак мало зависит от любви. Почему это так, объясняется в главе 17 («Семья»).

Эти примеры подтверждают старую поговорку: «Беда не в том, чего мы не знаем; беда в том, что мы, как нам кажется, *знаем*». Все мы воспитаны в доверии к общепринятым истинам, находимся под шквалом советов, раздаваемых знатоками, и испытываем нажим со стороны окружающих нас людей, которые хотят, чтобы мы придерживались их взглядов. Как взрослые люди мы обязаны критически оценить то, что видим, читаем и слышим. Именно это и помогает нам осуществить социология.

Наука: основные элементы и ограничения

В главе 1 мы рассказали, как первые социологи — в частности, Огюст Конт и Эмиль Дюркгейм — обратились к научным принципам для изучения общества, рассматривая его подобно тому, как естествоиспытатели исследуют материальный мир. Научный подход к познанию, именуемый *позитивизмом*, основан на постулате, что вне нас существует объективная реальность. Задача ученого — открыть эту реальность, собрав эмпирические данные — факты, которые мы в силах верифицировать нашими органами чувств.

С этой главы начинается изложение основных элементов научной социологии. Затем мы обсудим некоторые ограничения, которые накладывает научная (или позитивистская) социология, и представим альтернативные подходы.

Понятия, переменные и измерение

Основополагающим элементом науки является **понятие** — *мысленный конструкт, отображающий некую часть мира в неизбежно упрощенной форме*. «Общество», как и его составные части — например, «семья» и «экономика», — это понятия. Социологи также пользуются такого рода конструктами, когда описывают индивидов, указывая, например, на «расу» или «социальный класс».

Переменная представляет собой *концепт, значение которого меняется от раза к разу*. Например, в магазине переменная «цена» меняется в зависимости от товаров. Аналогичным образом мы пользуемся понятием «социальный класс» для идентификации принадлежности людей к высшему, среднему, рабочему или низшему слоям общества.

Использование переменных зависит от **измерения** — процесса определения значения переменной в каждом конкретном случае. Некоторые переменные измерить легко — например, когда кассирша подсчитывает на выходе стоимость покупок. Однако значительно более сложное дело — измерение социологических переменных. Скажем, социального класса, к которому принадлежит данный человек.

Вы можете посмотреть, как он одет, прислушаться к манере речи или обратить внимание на его домашний адрес. Или же, стараясь быть более точным, расспросите о доходах, роде деятельности и образовании.

Поскольку почти любую переменную можно измерить не одним, а несколькими способами, социологам часто приходится решать, какие же факторы будут учитываться. Например, очень высокий уровень доходов может квалифицировать индивида как принадлежащего к «высшему классу». Но как быть, если доходы получены от продаж автомобилей, — занятия, которое большинство людей считают делом «среднего класса»? Если у человека образование всего восемь классов, возможно ли отнести его к категории «низшего класса»? В подобном случае социологи разумно (но произвольно) объединяют перечисленные показатели — доходы, род занятий и образование, чтобы приписать индивида к социальному классу, как об этом рассказано в главах 10 («Социальная стратификация») и 11 («Социальные классы в США»).

ПРАКТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Три удобных (и простых) статистических показателя

Все мы пользуемся понятием «среднего», идет ли речь о средней стоимости галлона бензина или о средней стипендии первокурсников. Социологи тоже заинтересованы в средних величинах и, описывая типичное, пользуются тремя разными статистическими показателями.

Допустим, что нам нужно описать заработную плату семи сотрудников факультета социологии из местного колледжа:

\$35 тыс., \$41 тыс., \$35 тыс., \$35 тыс., \$43 тыс., \$42 тыс., \$78 295.

Простейшим статистическим показателем является *мода* — значение, которое в серии цифр встречается чаще других. В нашем примере мода равняется \$35 000, так как эта величина обнаруживается трижды, тогда как прочие — лишь однократно. Если бы все значения появлялись только по одному разу, то моды бы не было; если бы два значения появились трижды (или дважды), то было бы две моды. Несмотря на легкость определения, социологи редко используют данный показатель, так как это очень грубое измерение «среднего».

Более употребимым статистическим показателем выступает *среднеарифметическое* для ряда цифр, которое вычисляется путем складывания всех значений и деления результата на их число. Сумма семи зарплат равняется \$309 995; после деления на семь получается средняя цифра доходов, равная \$44 285. Но обратите внимание на то, что среднее значение превышает цифру доходов шести социологов из семи. Так как *среднеарифметическое* повышается или понижается самой высокой или самой низкой величинами (в данном случае \$78 295, суммой выплат одному социологу, который работает еще и деканом), ему присущ тот недостаток, что оно дает искаженную картину любого распределения, содержащего крайние величины.

Медиана — это средний случай: величина, которая оказывается посередине ряда цифр, выстроенных от низших к высшим. В нашем случае медианный доход для семерых составляет \$41 700, потому что у трех человек зарплаты выше, а у трех других — ниже этого уровня. (При четном числе величин медиана лежит посередине между двумя срединными значениями.) Поскольку крайние величины не влияют на медиану, она дает более правильную картину «средней» величины, чем *среднеарифметическое*.

При измерении переменных социологи сталкиваются еще с одной интересной проблемой: они должны работать с огромными массами людей. Как, например, вы опишете доходы миллионов семей США? Потоки цифр несут в себе мало смысла и ничего не говорят нам о людях в целом. Социологи потому и прибегают к *статистическим показателям*. Материал из раздела «Практическая социология» поясняет, как именно они это делают.

Определение понятий. Измерение всегда в чем-то произвольно, так как значение любой переменной частично зависит от ее определения. Кроме того, сама попытка уточнить, каково значение в реальной жизни таких абстрактных понятий, как «любовь», «семья» или «интеллект», может привести к затяжным дебатам еще до того, как измерить их в качестве переменных.

Поэтому хорошее исследование сопровождается **операционализацией переменной**, или *доскональным уточнением предмета измерения, прежде чем приписать переменной то или иное значение*. Скажем, перед тем, как измерить понятие социального класса, нам нужно точно решить, что именно мы хотим измерить (например, уровень доходов, продолжительность обучения в школе, престижность профессии). Иногда социологи измеряют несколько подобных аспектов; тогда они уточняют, каким же образом возможно объединить все переменные в один общий показатель. Знакомясь с результатами исследования, всегда обращайтесь внимание на способы операционализации каждой переменной учеными. То, как они определяют термины, очень сильно сказывается на результатах.

У молодежи, проживающей в густонаселенных городских кварталах, проблемы с полицией более вероятны, чем у молодых людей, которые живут в просторных пригородных районах. Означает ли это, что перенаселенность ведет к совершению правонарушений? Исследователям известно, что колебания в уровне перенаселенности и частоте арестов соотносимы, но они же продемонстрировали, что связь между ними является ложной: оба фактора порождаются благодаря третьему — падению уровня доходов

Решая, каким образом операционализовать переменные, социологи могут учитывать мнение изучаемых людей. Например, исследователи в Бюро переписи (*U. S. Census Bureau*) определяли расовую и этническую принадлежность с 1977 г. следующими понятиями: белые, чернокожие, испаноязычные, азиаты и уроженцы островов Тихоокеанского региона, а также американские индейцы и коренные жители Аляски. Одна из проблем, связанных с этим списком, заключается, например, в том, что какой-либо человек может быть испаноязычным и чернокожим одновременно; выходцы из арабских стран могут не отождествлять себя ни с одной из перечисленных категорий. Не менее важно и то, что в США становится все больше людей, которые принадлежат сразу к *нескольким расам* (Cose, 1997; O'Hare, 1998). В итоге при проведении переписи в 2000 г. людям позволялось описывать свою расовую и этническую принадлежность, указывая не одну, а несколько категорий.

Надежность и валидность. Измерение, чтобы оказаться реализованным, должно быть надежным и валидным. **Надежностью** называется *постоянство при измерении*. Иначе говоря, при повторном проведении процедура должна приносить тот же результат, что при первом. Но постоянство не является гарантией **валидности**, под которой понимается *точность при измерении именно того, что предназначено быть измеренным*. Другими словами, валидное измерение означает нечто большее, чем неизменное попадание в одну и ту же мишень, — это попадание в десятку.

Провести валидное измерение труднее, чем это может показаться на первый взгляд. Допустим, вы намерены изучить степень религиозности людей. Разумной стратегией было бы спросить у респондентов, как часто они посещают службы. Но равнозначно ли посещение храмов религиозности? Вполне возможно, что религиозные люди ходят на службы чаще других, но бывает и так, что они участвуют в ритуалах по привычке или потому, что этого хочет от них кто-то другой. Более того: некоторые глубоко верующие индивиды сторонятся религиозных сообществ. Таким образом, даже когда измерение дает неизменные результаты (делая их надежными), оно все еще может упускать подлинную, намеченную мишень (и не быть валидным). Позднее, в главе 19 («Религия»), мы предлагаем при измерении религиозности учитывать не только посещение церкви, но и верования индивида, а также ту меру, в которой его жизнь пронизана религиозными убеждениями. В целом тщательное измерение совершенно необходимо для социологического исследования, но нередко становится настоящей проблемой.

Связи между переменными. Когда измерения проведены, исследователи могут переходить к выполнению своей главной задачи — установлению связи между переменными. В идеале это выявление **причины и следствия** — *отношения, в котором изменение одной переменной вызывает изменение другой*. Причинно-следственные связи окружают нас повсеместно; их можно сравнить с подготовкой к экзамену, которая приводит к получению высокой оценки. *Переменная, которая вызывает изменение* (в данном случае учеба), — **независимая переменная**. *Переменная, которая изменяется* (в данном случае экзаменационная оценка), — **зависимая переменная**. Иными словами, значение одной зависит от значения другой. Почему так важно соотносить переменные как причину и следствие? Подобное соотношение позволяет нам *предсказать*, как одна форма поведения порождает другую.

Но то, что две переменные изменяются сообща, еще вовсе не свидетельствует о наличии между ними причинно-следственной связи. В США, например, количество заключаемых браков снижается до минимальной цифры в январе, — в том месяце, на который приходится наибольшая смертность среди населения. Из этого вряд ли следует, что люди умирают, потому что им не удастся вступить в брак (или не женятся, потому что умирают). В действительности все зависит от плохой январской погоды на территории большей части страны (и, может быть, от послепраздничной хандры), — именно в этом причина и малого числа браков, и высокого числа смертей. Справедливо и обратное: в более теплые и солнечные летние месяцы отмечаются наивысшая частота браков и наименьшая смертность. Поэтому исследователи должны посмотреть вглубь, чтобы найти концы причин и следствий.

Обратимся к другой ситуации. Социологи давно признали, что правонарушения в молодежной среде в большей мере характерны для тех, кто живет по соседству с множеством других людей. Допустим, мы операционализируем переменную «молодежная преступность» как количество арестов (если таковые были), когда индивид, не достигнувший 18 лет, задерживался полицией, а «перенаселенность» определим как количество квадратных метров жилой площади, приходящейся на одного человека. Мы обнаружим, что переменные связаны: уровни преступности высоки в густонаселенных районах. Но вправе ли мы заключить, что перенаселенность (в данном случае — независимая переменная) есть именно то, что приводит к преступности (зависимая переменная)?

И вовсе не обязательно. **Корреляция** представляет собой *совместное изменение двух (или нескольких) переменных*. Мы знаем, что перенаселенность и преступность связаны тем, что они изменяются вместе, как это продемонстрировано на рис. 2.1, а.

Эта связь *может* означать, что перенаселенность вызывает правонарушения, однако может значить и то, что здесь срабатывает некий третий фактор, вызывающий изменение *обеих* изучаемых переменных. Чтобы его выявить, подумайте, какие люди живут в перенаселенных домах: у них мало денег и нет выбора, это бедняки. К тому же имена их детей чаще, чем других, попадают в полицейские сводки. Следовательно, скученное проживание и молодежная преступность существуют вместе, поскольку *и то, и другое* вызывается, как показано на рис. 2.1, б, третьим фактором — бедностью. Кажущаяся связь между скученностью и преступностью «оправдывается» третьей переменной — низким уровнем доходов, — которая заставляет изменяться первые две. Итак, первоначальная связь оказывается **ложной корреляцией**, под которой понимается *обманчивая, хотя и очевидная, связь между двумя (или несколькими) переменными, вызванная какой-то другой переменной*.

Разоблачение корреляции как ложной требует от нас работы детектива, которому помогает техника, называемая **контролем**. Под ним понимается сохранение постоянства всех переменных, кроме одной, позволяющее прояснить ее роль. В приведенном примере мы предполагаем, что уровень доходов может порождать ложную связь между скученностью проживания и преступностью. Для проверки проконтролируем доходы (т. е. сохраним этот фактор неизменным, наблюдая за молодыми людьми, пред-

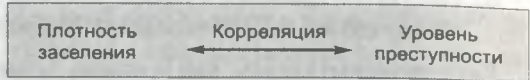
ставляющими среду, где доходы одинаковы), и посмотрим, сохранится ли корреляция между перенаселенностью и преступностью. Если это произойдет, несмотря на контроль переменной (т. е. среди молодых людей, проживающих в условиях большей скученности, уровень преступности окажется выше, чем у тех, кто живет в других условиях, хотя уровень доходов двух групп одинаков), то у нас будет больше оснований считать, что перенаселенность действительно влечет за собой преступность. Но если связь исчезнет, стоит нам взять под контроль уровень доходов, как это показано на рис. 2.1, *в*, то это ложная корреляция. Исследование показывает, что в таком случае корреляция между скученностью проживания и преступностью почти полностью исчезает (Fischer, 1984). Итак, мы разобрались в связях между тремя переменными, что иллюстрирует рис. 2.1, *з*. Плотность заселения и уровень преступности образуют ложную корреляцию; данные показывают, что обе переменные возрастают и снижаются в зависимости от уровня доходов людей.

Подведем итог: корреляция означает лишь то, что две переменные или большее их число изменяются совместно. Причинно-следственные связи отмечаются, когда соблюдено несколько условий:

1. Продемонстрированная корреляция;
2. Независимая (или каузальная)¹ переменная, по времени предшествующая зависимой переменной;

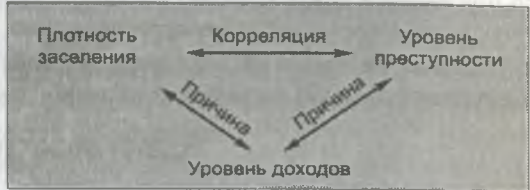
¹ От лат. *causa* — причина. — *Примеч. науч. ред.*

а

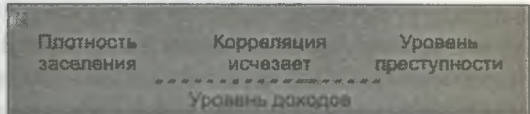
Если две переменные изменяются совместно, то говорят об их корреляции. В данном примере плотность проживания и молодежная преступность растут и снижаются вместе.

б

Здесь мы учитываем влияние третьей переменной — уровня доходов. Если он низкий, то влечет за собой проживание в стесненных условиях и высокий уровень преступности *одновременно*. Другими словами, с падением уровня доходов возрастает как частота проживания в стесненных условиях, так и уровень преступности.

в

Если мы будем контролировать уровень доходов — т. е. изучать исключительно лиц с одинаковыми заработками, — то сохранится ли высокий уровень преступности среди тех, кто живет в стесненных условиях? Ответ *отрицательный*. Между этими переменными больше нет никакой корреляции.

з

Это открытие приводит нас к выводу, что уровень доходов становится причиной как проживания в стесненных условиях, так и уровня преступности. Таким образом, две исходные переменные (плотность заселения и уровень преступности) коррелируют, но ни одна из них не может быть причиной другой. Поэтому их корреляция является *ложной*.

Рис. 2.1. Корреляция и причина: пример
Это открытие приводит нас к выводу, что уровень доходов становится причиной как проживания в стесненных условиях, так и уровня преступности. Таким образом, две исходные переменные (плотность заселения и уровень преступности) коррелируют, но ни одна из них не может быть причиной другой, поэтому их корреляция является *ложной*

3. Отсутствие данных в пользу третьей переменной, которая может вызывать между двумя первыми ложную корреляцию.

Естествоиспытателям, как правило, легче установить причинно-следственные связи, чем социологам, так как в лабораторных условиях они могут контролировать многие переменные. Однако проведение исследования непосредственно в процессе выполнения работы или прямо на улицах еще труднее и социологам часто приходится довольствоваться демонстрацией одной лишь корреляции. Более того: поведение человека крайне сложно, в одном поступке заключены десятки каузальных переменных, а потому чрезвычайно трудно установить все причинно-следственные связи в каждой конкретной ситуации.

Идеал объективности

Представим, что десять сотрудников журнала, выходящего в Форт-Ледердейл, штат Флорида, составляют рассказ о лучших ресторанах этого города. За счет издательства они в течение недели разъезжают по городу и пируют. Потом собираются все вместе и сравнивают заметки. Как по-вашему, найдется ли какой-нибудь ресторан, которому будет отдано единодушное предпочтение? Такое маловероятно.

С научной точки зрения каждый из десяти журналистов по-своему операционализирует понятие «лучший ресторан». Для одного он может быть местом, где подают восхитительные стейки по приемлемой цене; для другого выбор зависит от меню, в котором значится питательная и здоровая пища; для третьего же все решает великолепное убранство зала и безупречное обслуживание. Как и многое в жизни, *лучший* ресторан — это дело вкуса.

Личные ценности — нечто замечательное, когда дело касается ресторана, но они затрудняют научное исследование. Запомните, что наука исходит из постулата об объективной реальности. Ученые должны изучать именно ее, никоим образом не сомневаясь в ее подлинности. Поэтому и требуется, чтобы ученые стремились к **объективности** — *состоянию личного нейтралитета при выполнении исследования*. Объективность означает, что исследователи тщательно придерживаются научных процедур, не давая хода своим собственным установкам и убеждениям, чтобы результаты не были тенденциозными.

Конечно, научная объективность является скорее идеалом, нежели обыденностью, ибо никто не может быть совершенно нейтральным по отношению к чему бы то ни было. Даже в предмете, выбранном для исследования, отражается тот или иной личный интерес изыскателя, что можно увидеть на примере рассмотрения вопроса о расовой принадлежности, которое предприняла Лу Бенджамин. Однако научный идеал состоит в том, чтобы сохранить в себе чувство профессиональной отстраненности вне зависимости от результата. Следуя этому идеалу, мы прилагаем все усилия к тому, чтобы выяснить, не искажается ли итог исследования сознательной или бессознательной тенденциозностью. В качестве дополнительной меры предосторожности многие исследователи информируют своих читателей о личных научных симпатиях, благодаря чему их выводы рассматриваются в надлежащем контексте.

Макс Вебер: исследование, свободное от ценностей. Влиятельный немецкий социолог Макс Вебер предположил, что люди склонны отбирать себе темы для

исследования в соответствии со своими личными убеждениями и интересами. Почему бы, в самом деле, одному не заняться проблемой голода в мире, другому — не изучить эффект расизма, а третьему — не исследовать жизнь детей в неполных семьях? Зная, что люди отбирают темы, которые являются важными для них в ценностном отношении, Вебер предостерегал исследователей от подобной манеры и призывал их к *свободе от ценностей* в своих изысканиях. Только беспристрастность (какую мы ожидаем от любого профессионала) позволяет исследователям изучать мир *таким, каков он есть*, нежели рассказывать, каким он, по их мнению, *должен быть*. Для Вебера эта отстраненность является важнейшим элементом науки, ставящим ее вне политики. Иными словами, политики привязаны к тем или иным конкретным результатам; ученые же стараются быть готовыми принять результаты своих изысканий, какими бы они ни оказались.

Аргумент Вебера по-прежнему считается авторитетным, хотя большинство социологов признает, что нам никогда не удастся быть свободными от собственных ценностей или даже осознать все наши проявления тенденциозности (Demerath, 1996). Кроме того, социологи не являются «среднестатистическими» людьми: большинство из них — люди с белым цветом кожи, имеющие высшее образование, чьи политические взгляды отличаются большим, чем у населения в целом, либерализмом (Wilson, 1979). Социологам следует помнить, что и на них самих влияет их собственное социальное положение.

Один из способов снизить масштаб искажений, обусловленных личными ценностями, — **воспроизводимость** (*повторение исследования другими исследователями*). Если ученые, которые решаются повторно провести исследование, используют те же самые процедуры и получают те же самые результаты, то можно удостовериться в правильности таковых. Вероятно, желание воспроизвести научное изыскание еще раз объясняет, почему поиск (англ. *search*), приобретает приставку *re-*, превращаясь в *research* — исследование (новый поиск).

В любом случае не забывайте, что логика науки не гарантирует объективной, абсолютной истины. Предлагаемое наукой представляет собой *самокорректирующийся* подход к познанию, благодаря которому исследователи могут преодолеть собственную тенденциозность. Соответственно объективность и истина не в каком-то одном исследовании, — они в самом научном процессе.

Некоторые ограничения научной социологии

Наука — один из важных путей познания. Тем не менее применительно к социальной жизни у нее есть ряд значимых ограничений:

1. **Поведение человека слишком сложно для социологов, чтобы те могли с точностью предсказать какие-то действия индивида.** Астрономы потрясающе точно вычисляют движение небесных тел, но кометы и планеты не обладают мышлением. Люди же, напротив, наделены собственным рассудком, а потому не бывает, чтобы два разных человека одинаково реагировали на одно и то же событие. Социологам, следовательно, приходится довольствоваться демонстрацией того, что те или иные действия, как правило, свойственны *категориям* людей. Это не провал социологии. Здесь просто отражается реальность того, что мы делаем: изучаем творческих и спонтанных людей.

2. Так как люди реагируют на окружающую их среду, простое присутствие исследователя способно повлиять на изучаемое поведение. Взгляд астронома не оказывает влияния на удаленную комету. Но большинство людей реагирует, когда за ними наблюдают. Некоторые начинают испытывать тревогу, сердятся или занимают оборонительную позицию; другие пытаются «помогать», делая то, чего, по их мнению, ожидает от них исследователь.
3. Социальные закономерности изменяются; то, что справедливо для одного времени или места, может не быть истинным для другого. Законы физики применимы всегда и повсюду в мире. Но поведение человека настолько изменчиво, что никаких непреложных социологических законов не существует.
4. Поскольку социологи сами являются частью социального мира, который они изучают, им трудно быть свободными от ценностей при выполнении исследований. На химика, случись ему поставить неудачный опыт, происходящее в пробирке редко влияет в личном плане. Но социологи живут в своей «пробирке» — в обществе, которое изучают. Потому социальным ученым труднее проконтролировать и даже распознать личные ценности, способные исказить результаты их труда.

Вторая система координат: интерпретативная социология

Все социологи согласны с тем, что научное изучение социального поведения сопряжено с некоторыми реальными трудностями. Но некоторые ученые идут дальше, предполагая, что наука в том виде, в каком она позволяет изучить мир природы, упускает из виду важную составляющую социального мира — *смысл*.

Человеческие существа не просто действуют; мы предаемся *осмысленной* деятельности. Макс Вебер, который первым обратился к этой структуре, утверждал, что правильным фокусом социологии становится в таком случае *интерпретация*, или постижение разного рода смыслов, которыми наполнена повседневная жизнь. **Интерпретативная социология** — *изучение общества, сфокусированное на разнообразных смыслах, которые люди приписывают своему социальному миру*.

Интерпретативная социология отличается от научной, или позитивистской. Во-первых, вторая сфокусирована на действиях людей; первая же — на том смысле, который люди придают поведению. Во-вторых, если научная социология усматривает объективную реальность «вовне», то интерпретативная исходит из того, что люди сами конструируют реальность в течение своей жизни. В третьих, если научная социология склоняется в сторону *количественных* данных, т. е. числовых измерений социального поведения, то интерпретативная предпочитает *качественные* данные, т. е. восприятия исследователей, касающиеся того, как люди понимают окружающий мир.

В итоге можно сказать, что научный подход хорошо приспособлен к исследованиям в условиях лаборатории, где сохраняется отстраненность ученых, проводящих тщательные измерения. Интерпретативный подход лучше соответствует исследованиям, осуществляемым вне стен лабораторий, когда исследователи общаются с людьми, выясняя, каким смыслом те наполняют свою повседневную жизнь.

Вебер считал, что ключ к интерпретативной социологии заключен в немецком слове *Verstehen*, которое означает «понимание», ведь задача ее последователей не только наблюдать за людьми, но и войти в их понимание смысла мира, чтобы оценить, *почему* они поступают именно так, а не иначе. Субъективные мысли и чувства — то, что наука не склонна учитывать, считая «тенденциозностью» — теперь оказываются в центре внимания исследователей (Berger & Kellner, 1981; Neuman, 1997).

Третья система координат: критическая социология

В социологии существует и третий методологический подход. Подобно интерпретативной социологии, критическая сформировалась как реакция на научные изыскания. На сей раз, однако, камень преткновения — объективность.

Научная социология считает, что реальность — нечто пребывающее «вовне» и задача исследователя сводится к изучению и документальному подтверждению именно этого. Но Карл Маркс — основоположник критического подхода, отвергал идею о том, что общество существует в качестве естественной системы с установленным порядком. Считать так, по его словам, — все равно, что сказать, будто общество невозможно изменить. С этой точки зрения научная социология попросту поддерживает существующее положение дел.

В отличие от нее **критическая социология** представляет собой *изучение общества, сфокусированное на необходимости социальных изменений*. Вместо научного вопроса: «Как общество функционирует?» критические социологи задаются моральными и политическими вопросами, среди которых главным является: «Должно ли общество существовать в его нынешней форме?» На это они, как правило, отвечают отрицательно. Задача, как говорил Маркс (Marx, 1972; p. 102; 1-е изд. — 1845), не в том, чтобы всего лишь изучать мир, а чтобы его *изменить*. Вынося ценностные суждения о способах улучшения общества, критические социологи отвергают поставленную Вебером задачу быть свободным от ценностей.

Сторонники такого подхода стремятся изменить не только общество, но и характер самого исследования. Они считают изучаемых людей равноправными себе и поощряют их участие в принятии решения, что следует изучать и как надо выполнить работу. Нередко исследователи и изучаемые ими субъекты используют сделанные открытия, чтобы выступить в защиту обездоленных людей и приблизиться к политической цели, которая состоит в построении общества равных (Nielsen, 1990; Stanley, 1990; Reinharz, 1992; Wolf, 1996; Hess, 1999).

Строгие приверженцы научной социологии не соглашались с этим, обвиняя критическую социологию (независимо от подхода — феминистского, марксистского или какого-либо иного) в том, что ее политический характер мешает объективности и она не способна избавиться от тенденциозности. Критические социологи отвечают на подобный упрек, что *все* исследования являются политическими и тенденциозными, поскольку либо призывают к осуществлению перемен, либо отказываются от этого. Таким образом, у социологов нет выбора и они не в силах лишиться своей деятельности политического аспекта, но могут выбрать, на *чью* сторону им встать.

Критическая социология — активный политический подход, привязывающий познание к действию, стремящийся не только познать мир, но и усовершенствовать

его. Обобщая, надо признать: к научной социологии склонны исследователи с более консервативными взглядами; а к критической — те, чьи позиции отклоняются в левую от либерализма сторону, вплоть до радикальных.

Существует ли взаимосвязь методологических подходов и теории? Сказать, что она совершенно очевидна, не представляется возможным; например, социолог, предпочитающий критический подход, собирая данные, может использовать научные методы. Но каждый из трех подходов ближе к определенной теоретической парадигме (см. главу «Социологический подход»): научный — к структурно-функциональной, интерпретативный — символического интеракционизма, критический — социального конфликта. В табл. 2.1 обобщены различия между тремя методологическими подходами.

Таблица 2.1

Три методологических подхода в социологии

	Научный	Интерпретативный	Критический
Что такое реальность?	Общество является упорядоченной системой; реальность пребывает «вовне»	Общество является непрекращающимся взаимодействием; реальность является социально сконструированными значениями	Общество представляет собой формы неравенства; реальность в том, что одни господствуют над другими
Как мы проводим исследование?	Собираем эмпирические данные; в идеале — количественного характера; исследователь старается быть объективным наблюдателем	Разрабатываем качественное объяснение субъективного смысла, который люди придают своему миру; исследователь выступает участником	Исследование является стратегией для осуществления желаемого изменения; исследователь — активистом
Соответствующая теоретическая парадигма	Структурно-функциональная парадигма	Парадигма символического интеракционизма	Парадигма социального конфликта

Многие социологи предпочитают какой-то один подход другому; однако важно иметь представление обо всех трех (Gamson, 1999).

Гендерная принадлежность и исследования

В последние годы социологи осознали, что на исследования влияет **гендер** — *черты личности и социальные позиции, рассматриваемые членами общества как женские и мужские*. Маргрит Эйхлер (Eichler, 1988) выделяет пять эффектов, которые гендер может оказывать на исследование:

1. **Андроцентризм.** *Андроцентризмом* (от греч. «андро» — принадлежащий к мужскому полу) называется подход к проблеме с точки зрения мужчин. Иногда исследователи поступают так, как будто важна лишь мужская дея-

тельность, а все, что делают женщины, игнорируется. Ученые, занимавшиеся изучением профессий, годами сосредоточивались на оплачиваемых видах деятельности для мужчин и упускали из виду домашнее хозяйство и воспитание детей, которые традиционно возлагаются на женщин. Понятно, что исследование, направленное на осмысление поведения человека, не вправе оставить без внимания целую половину человечества.

2. Не меньшие ограничения на социологические исследования накладывает **гигиеницизм** — взгляд на мир с точки зрения женщин. Однако в нашем обществе, где господствуют мужчины, эта проблема не столь распространена.
3. **Сверхобобщение**. Оно возникает, когда исследователи пользуются данными, полученными от людей, принадлежащих лишь к одному полу, для подкрепления выводов о «человечестве» или «обществе» в целом. Получение информации от горстки чиновников-мужчин в сочетании с последующими выводами об обществе в целом хорошо иллюстрируют проблему сверхобобщения. В другом случае изучение практики детского воспитания на основе данных, предоставленных исключительно женщинами, позволяет исследователям говорить о «материнстве», но не о «родительстве», которое является более общим понятием.
4. **Гендерная слепота**. Неспособность вообще учитывать гендерную переменную называется «гендерной слепотой». Как явствует из всей этой книги, различий между жизнью мужчин и жизнью женщин не счесть. Скажем, «заболеть» гендерной слепотой можно в том случае, если, например, изучая престарелых американцев, не учесть, что большинство стариков-мужчин живет вместе со своими супругами, тогда как престарелые женщины обычно одиноки.
5. **Двойные стандарты**. Исследователи должны проявлять осторожность, чтобы не исказить предмет своего исследования различием в суждениях о мужчинах и женщинах. Например, исследователь, изучающий вопросы семьи и называющий супружескую пару «мужем и женой», может определить мужчину как «главу дома» и рассматривать его соответственно, видя в женщине простую исполнительницу «вспомогательных работ по хозяйству».
6. **Интерференция**¹. Гендерная принадлежность искажает исследование, если субъект реагирует на пол исследователя и **тем самым вторгается** в процедуру исследования. Так, при изучении небольшой сицилийской общины Морин Джованнини (Giovannini, 1992) обнаружила, что многие мужчины реагировали на нее не как на исследователя, а как на женщину. Гендерная динамика воспрепятствовала использованию некоторых методик например частных бесед с мужчинами, что было расценено как занятие, неподобающее одинокой женщине. Кроме того, местные жители не допустили Джованнини в места, традиционно считавшиеся запретными для женщин.

В том, чтобы сосредоточиться на представителях того или иного пола, нет ничего дурного. Но все социологи, а также люди, читающие их труды, должны помнить о важности гендерной принадлежности в любом исследовании.

¹ От англ. *interference* — помехи. — Примеч. науч. ред.

Этика исследования

Как и все прочие исследователи, социологи сознают, что их деятельность способна не только помочь, но и навредить субъектам и общинам. По этой причине Американская ассоциация социологов (ASA) — главное профессиональное объединение социологов в Северной Америке — установила официальные правила проведения исследований (*American Sociological Association, 1997*).

Социологи в своей деятельности должны стремиться быть честными и компетентными. Они обязаны раскрывать все исследовательские открытия, не упуская никаких важных данных. Этика обязывает их делать результаты доступными для других социологов, особенно для тех, кто желает воспроизвести исследование.

Помимо этого социологи должны гарантировать безопасность субъектов, принимающих участие в программе исследования. Если последнее станет разворачиваться таким образом, что появится угроза благополучию участников, исследователи должны немедленно прервать процесс. Кроме того, они должны защищать неприкосновенность частной жизни любого, кто окажется вовлечен в исследовательскую программу. Последнее условие не всегда легко выполнить, так как бывает, что на исследователей оказывается давление (даже полицией или судами) с требованием раскрыть информацию. Поэтому им следует очень хорошо подумать о степени своей ответственности в деле защиты субъектов и обсудить этот вопрос с участниками. Собственно, строго выдержанное в этическом отношении исследование требует *информированного согласия участников*. Это означает, что субъекты понимают всю меру ответственности и риска, сопряженных с исследованием, и согласны — до того, как начнется работа — принять в нем участие.

Другое важное правило касается финансирования. Социологи должны включать в публикуемые результаты своей деятельности ссылки на все источники финансовой поддержки. Им также необходимо избегать столкновения интересов, способного скомпрометировать честность их труда. Исследователям, к примеру, ни в коем случае нельзя получать финансирование от организации, которая стремится в своих собственных целях повлиять на результаты исследования.

Наконец, существуют глобальные аспекты исследовательской этики. Прежде чем приступить к исследованию за рубежом, социологи должны в достаточной мере ознакомиться с особенностями выбранного для изучения общества, — это позволит понять, что именно *местные* жители сочтут нарушением права на неприкосновенность частной жизни или источником личной угрозы. В таком поликультурном обществе, как США, то же правило касается изучения людей, чье культурное прошлое отличается от американского.

Методы социологического исследования

Метод исследования — это *последовательный план проведения исследования*. Далее в главе рассматриваются четыре наиболее часто используемых метода социологического исследования. Ни один из них не является принципиально лучше или хуже других. Исследователи в своих действиях уподобляются плотнику, который

выбирает особый инструмент для выполнения той или иной работы; они выбирают метод в соответствии с предметом, который хотят изучить, и информацией, которую желают получить.

Проверка гипотезы: эксперимент

Логика науки наиболее отчетливо выражается в эксперименте — *методе исследования, призванном выявить причину и следствие в строго контролируемых условиях*. Экспериментальное исследование *объясняет*, отвечая не на вопрос: «Что происходит?», а на вопрос: «Почему?» Как правило, исследователи разрабатывают эксперимент для проверки гипотезы — *неподтвержденного утверждения о связи между переменными*.

В идеале эксперимент складывается из четырех этапов:

1. Экспериментатор уточняет переменную, которая изменяется (зависимую переменную, или следствие»), и переменную, которая предположительно вызывает изменение зависимой переменной (независимую переменную, или «причину»).
2. Исследователь измеряет зависимую переменную.
3. Подвергает зависимую переменную воздействию независимой («обработка»).
4. Исследователь вновь измеряет зависимую переменную, чтобы узнать, состоялось ли предсказанное изменение. Если да, то эксперимент подтверждает гипотезу; если нет, гипотеза нуждается в пересмотре.

Изменение зависимой переменной может быть связано с какой-либо иной причиной, отличной от предполагаемой. Чтобы быть уверенными в том, что они выявили правильную причину, исследователи тщательно контролируют другие факторы, способные вмешаться в эксперимент и повлиять на результат. Такого контроля легче всего добиться в лаборатории — месте, которое специально создано для проведения исследований. Еще одна стратегия, позволяющая нейтрализовать внешние влияния, состоит в разделении субъектов на *экспериментальную и контрольную группы*. В начале работы исследователь измеряет зависимую переменную для субъектов из обеих групп, но в дальнейшем подвергает обработке, или воздействию независимой переменной, только экспериментальную группу. (Контрольная же обычно получает *плацебо*¹, подвергаясь с виду аналогичной обработке, которая, однако, никак не влияет на эксперимент.) Затем исследователь вновь измеряет субъектов в обеих группах. Любой фактор, возникающий в ходе изучения и влияющий на людей из экспериментальной группы (например, новостное событие), должен воздействовать и на членов контрольной, тем самым словно бы «стираясь». Сравнивая результаты измерений групп до и после эксперимента, исследователь может оценить, в какой степени изменение вызвано независимой переменной.

¹ Плацебо (от лат. *placebo* — правлюсь) — лекарственная форма (таблетки, порошки, капли и т. д.), содержащая нейтральные вещества и используемая в экспериментах для изучения роли внушения в лечебном эффекте какого-либо лекарства. — *Примеч. науч. ред.*

Хоторнский эффект. Еще одним поводом для беспокойства экспериментаторов служит то, что субъекты, как показал один классический эксперимент, могут изменить свое поведение попросту потому, что им оказывается особое внимание. В конце 1930-х гг. Западная электрическая компания наняла исследователей, чтобы те изучили производительность труда рабочих, занятых на Хоторнском заводе близ Чикаго (Roethlisberger & Dickson, 1939). В одном из экспериментов проверялась гипотеза о том, что производительность можно повысить путем улучшения освещения. Сначала исследователи измерили производительность труда рабочих (зависимая переменная). Затем они улучшили освещение (независимая переменная) и вторично измерили производительность. Последняя повысилась, подтверждая гипотезу. Но потом, когда команда исследователей уменьшила освещение, производительность снова подскочила. Что же происходило? Со временем исследователи поняли, что рабочие трудились усерднее (даже если им было плохо видно) просто потому, что за ними наблюдали. От этого исследования пошло название — **Хоторнский эффект**, под которым понимается *изменение поведения субъекта, вызванное простым осознанием того, что его изучают*.

В качестве иллюстрации: «Стэнфордская окружная тюрьма». Тюрьмы — та среда, где царит насилие, но связано ли это лишь с тем, что в них собраны «нехорошие» люди? Или, как заподозрил Филип Зимбардо, сама тюрьма каким-то образом порождает поведение, связанное с насилием? Этот вопрос привел исследователя к разработке захватывающего эксперимента, который он назвал «Стэнфордская окружная тюрьма» (Zimbardo, 1972; Haney, Banks & Zimbardo, 1973).

Зимбардо настаивал, что к насилию склонны даже эмоционально здоровые люди, если они попадают в тюрьму. Поэтому он описал *тюремную среду* как независимую переменную, способную вызывать *насилие* — зависимую переменную.

Для проверки гипотезы исследовательская команда Зимбардо сначала соорудила на базе психологического корпуса Стэнфордского университета вполне правдоподобную «тюрьму». Затем они дали рекламное объявление в газету города Пало Альто, предлагая молодым мужчинам за денежное вознаграждение поучаствовать в двухнедельном исследовательском проекте. Каждого из 70 откликнувшихся они подвергли серии физических и психологических тестов, после чего отобрали 24 самых здоровых.

Следующим этапом стало произвольное разделение мужчин на две равные категории — «заключенных» и «охранников». По плану и те и другие должны были провести в фальшивой тюрьме две следующие недели. Заключенные приступили к своей части эксперимента вскоре после того, как полиция Пало Альто «арестовала» их в собственных домах. Когда мужчин обыскали и заковали в наручники, полиция доставила их в местный полицейский участок, где у них сняли отпечатки пальцев. Затем полиция переправила своих пленников в Стэнфордскую тюрьму, где их заперли охранники. Зимбардо установил видеокамеру и стал наблюдать, что будет дальше.

Эксперимент превысил рамки оговоренного. Вскоре и охранники и заключенные пропитались чувствами злобы и враждебности друг к другу. Охранники унижали заключенных, поручая им чистить туалеты голыми руками. Заключенные сопротивлялись и оскорбляли охранников. Через четыре дня исследователи изъ-

яли пять узников, у которых отмечались «крайняя эмоциональная подавленность, плач, ярость и обостренная тревога» (Haney, Banks & Zimbardo, 1973; p. 81). Первая неделя еще не закончилась, а ситуация уже ухудшилась настолько, что исследователи прервали эксперимент. Зимбардо объясняет:

На поверхности оказалась самая уродливая, глубинная патологическая сторона человеческой природы. Мы ужаснулись, когда увидели, что некоторые юноши (охранники) обращаются с другими, как с презренными животными, получая удовольствие от жестокости, тогда как другие (заключенные) превратились в жалких, лишенных всего человеческого роботов, которые думали только о побеге, собственном выживании и растущей ненависти к охранникам (Zimbardo, 1972; p. 4).

События, развернувшиеся в «Стэнфордской окружной тюрьме», подтвердили гипотезу Зимбардо о том, что тюремное насилие укоренено в социальной природе самих тюрем, а не в личности заключенных и охранников. Это открытие поставило вопрос о роли тюрем в нашей стране, подразумевающий необходимость фундаментальной реформы. Но обратите внимание, что данный эксперимент показал, сколь вероятной может быть угроза физическому и психическому благополучию субъектов. Такого рода опасность не всегда бывает очевидной, как в приведенном случае. Исследователи должны тщательно обдумывать, каким будет потенциальный ущерб для субъектов на всех этапах их деятельности, и прерывать любое исследование, если причиняется даже малейший вред, как это и сделал Зимбардо.

Исследование с помощью вопросов: опрос

Опрос — это метод исследования, в рамках которого субъекты отвечают на ряд утверждений или вопросов анкеты или интервью. Опросы, будучи наиболее широко распространенным методом исследования, особенно удобны в том случае, когда изучаются установки — например, политические, религиозные и расовые убеждения, потому что мысли людей не поддаются непосредственному наблюдению. Иногда опросы подсказывают нечто о причинах и следствиях, но обычно предоставляют данные *описательного* характера, живописуя картину людских мнений по какой-либо проблеме.

Генеральная совокупность и выборка. Опрос нацелен на **генеральную совокупность**, под которой подразумеваются *люди, находящиеся в фокусе исследования*. При изучении проблемы расизма, описанном в начале этой главы, генеральной совокупностью для Лу Бенджамин выступили талантливые афроамериканцы. Вместе с тем интересующиеся общественным мнением прогнозируют исходы выборов, прибегая к опросам, в ходе которых каждый взрослый житель страны рассматривается в качестве популяции.

Очевидно, что общение с миллионами людей утомит даже самого терпеливого исследователя, располагающего хорошей материальной базой. К счастью, точные результаты можно получить более простым путем: исследователи собирают данные в ходе общения с **выборкой** — частью генеральной совокупности, отображающей целое. Логикой выборки пользуются постоянно и все. Если вы окинете взглядом класс и увидите, что пять или шесть учащихся клюют носами, то заключите, что лекция кажется классу скучной. Для подобного вывода вы составляете сужде-

ние обо *всех* («генеральная совокупность») из наблюдения за *некоторыми* («выборка»). Но как нам узнать, насколько точно отображает выборка всю популяцию?

Это помогает сделать *случайная выборка* — произвольное извлечение исследователями элементов из генеральной совокупности, так что у всех них есть равные возможности быть отобранными. Математические законы вероятности гласят, что случайная выборка с высочайшей вероятностью отображает генеральную совокупность.

Начинающие исследователи иногда допускают ошибку, полагая, будто «случайный» отбор людей с улицы приводит к выборке, репрезентативной для всего города. К сожалению, подобная стратегия не дает всем горожанам равного шанса быть включенными в выборку. Прежде всего на любой улице, находится ли она в богатом районе или институтском городке, преобладают люди определенного типа. Кроме того, любому исследователю легче общаться с одними, нежели с другими, что вновь порождает тенденциозность.

Хотя добиться хорошей выборки очень непросто, она может сэкономить много времени и денег. Мы избавляемся от утомительной работы, требующей общения с каждым представителем генеральной совокупности, и все-таки получаем, по сути, те же самые результаты.

Применение вопросников. Отбор субъектов — лишь первый этап опроса. Кроме него необходим еще план предъявления вопросов и записи ответов. В большинстве случаев для этого используется вопросник¹.

Вопросник — это *серия письменных вопросов, которые исследователь предъявляет субъектам*. В вопроснике одного вида содержатся не только вопросы, но ряд указанных ответов (по аналогии с многоальтернативным тестом). Данный *закрытый формат* облегчает анализ результатов, но, сужая диапазон ответов, способен исказить данные. Например, Фредерик Лоренц и Brent Брутон (Lorenz & Bruton, 1996) обнаружили, что количество заявленных студентами часов, расходуемых на учебу в течение недели, зависит от предложенных вариантов. Когда исследователи предъявляли студентам варианты в диапазоне от 1 часа и меньше и до 9 часов и больше, 75% ответили, что занимаются по 4 часа в неделю и меньше. Но когда другой, сопоставимой группе предложили выбор в диапазоне от 4 часов и меньше до 12 часов и больше (цифра подразумевала, что студенты должны заниматься дольше), учащиеся вдруг сделались прилежнее и только 34% из них ответили, что занимались по 4 часа в неделю и меньше.

Ко второй разновидности относятся вопросники с *открытым форматом*, позволяющие субъектам отвечать свободно, выражая различные оттенки своего мнения. Недостаток этого подхода заключается в том, что исследователь порой вынужден осмысливать ужасающе огромное количество вариантов ответов.

Исследователь должен также решить, как именно ему предъявить вопросы субъектам. Чаще всего прибегают к *вопросникам для самостоятельной проработки*, рассылая их респондентам по обычной или электронной почте и обращаясь с просьбой заполнить анкету и переслать ее обратно. Поскольку исследователь никогда не присутствует, когда субъекты читают вопросник, последний должен быть написан четко и в располагающей форме. *Предварительное тестирование* с помо-

¹ Анкета. — *Примеч. науч. ред.*

щью вопросника для самостоятельной проработки на малом числе людей, прежде чем рассылать его всей выборке, способно исключить дорогостоящую и неприятную ситуацию, когда выясняется — с серьезным запозданием, — что инструкции или вопросы привели респондентов в замешательство.

Использование обычной и электронной почты позволяет исследователю при минимальных расходах контактировать с большим количеством людей, населяющих обширную географическую область. Но многие респонденты воспринимают такие вопросники как почтовый мусор, а потому заполняется и отсылается обратно не больше $\frac{1}{2}$ вопросников (в 2000 г. население вернуло всего $\frac{2}{3}$ анкет, затребованных Бюро переписи населения США (*U. S. Census Bureau*). Чтобы принудить противящихся субъектов дать ответ, исследователи должны рассылать контрольные письма (или, как поступает Бюро переписи, посещать людей на дому).

Наконец, не забывайте, что многие люди не в состоянии самостоятельно заполнить анкету. Этого явно не могут сделать маленькие дети, многие пациенты больниц, а у поразительно высокого числа взрослых попросту нет необходимых навыков чтения и письма.

Проведение интервью. *Интервью — ряд вопросов, которые исследователь задает респондентам лично.* Если формат закрытый, зачитывается вопрос или утверждение и после субъекта просят выбрать из нескольких вариантов ответ. Как правило, интервью присущ открытый формат, благодаря чему субъекты вольны отвечать как им угодно, а исследователи могут зондировать почву при помощи дополнительных вопросов. Однако исследователь должен остерегаться влиять на субъекта, последнее легко достигается простым движением брови, когда человек начинает отвечать.

Как для вопросников, так и для интервью крайне важно, в какие слова облечен вопрос, так как это сильно влияет на ответы людей. Например, когда их спрашивают, возражают ли они против того, чтобы гомосексуалисты служили в армии, большинство взрослых в США отвечают «да». Однако, если спросить, следует ли правительству уволить гомосексуалистов с военной службы, они говорят «нет» (*NORC, 1991*). Повлиять на субъектов может и эмоционально насыщенный язык. Например, употребление термина «матери-одиночки, живущие на пособие» вместо «женщины, получающие помощь от общества» привносит в вопрос эмоциональную составляющую, которая побуждает людей отвечать негативно. Материал в рубрике «Критическое мышление» позволяет пристальнее посмотреть на важность подбора слов при опросе общественного мнения.

Наконец, исследователи могут смутить респондентов двойным вопросом, например: «Считаете ли вы, что правительство должно сократить дефицит, урезав финансирование и подняв цены?» Проблема здесь в том, что субъект может согласиться с одной частью вопроса, но отвергнуть другую; поэтому принуждение субъекта к тому, чтобы он сказал «да» или «нет», искажает мнение, которое исследователь пытается измерить.

Иллюстрация: изучение афроамериканской элиты. Мы открыли эту главу рассказом о том, как Лу Бенджамин пришла к мысли исследовать влияние, оказываемое расизмом на талантливых мужчин и женщин афроамериканского происхождения. Бенджамин заподозрила, что личный успех не спасает от враждебности, вызванной цветом кожи. Свою точку зрения она основывала на собственных впе-

чтлениях, будучи единственным чернокожим профессором в истории Университета Тампы. Но было ли это исключением или правилом? Чтобы ответить на этот вопрос, Бенджамин намеревалась разобраться, досаждают ли расизм, и если досаждают, то как, другим, подобным ей людям.

Склонившись в пользу опроса, она предпочла не рассылать анкету, а интервьюировать респондентов, потому что, во-первых, хотела вступить в беседу со своими субъектами, задавать им уточняющие вопросы и затрагивать темы, которые могли не прийти изначально ей на ум. Вторая причина, по которой Бенджамин отдала предпочтение интервью, заключается в том, что расизм — весьма болезненная тема. Участливый исследователь сумеет облегчить субъектам ответы на неприятные вопросы.

Выбор интервью потребовал ограничить число людей, участвующих в исследовании. Бенджамин ограничилась 100 мужчинами и женщинами. Хотя число людей было небольшим, у нее ушло более двух лет на составление графика, поездки и встречи с респондентами. Она провела еще два года за расшифровкой аудиозаписи своих интервью, отсортировывая из многочасовых разговоров все, что имело отношение к расизму, и записывая результаты.

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Исследовательские вопросы: одно или два слова изменяют все

Одобрят ли люди своего президента? Лица, занимающиеся социологическими опросами, считают, что одобрительный рейтинг растет и падает в зависимости от нескольких коротких слов. В годы правления Клинтона опросы показывали, что большинство взрослых имеют благоприятное мнение о Клинтоне как президенте. Но когда исследователи спросили людей, что они думают о Клинтоне как о человеке, одобрительный рейтинг обычно снижался до 20%.

Эта разница показывает, как на ответы людей влияют слова, в которые облечены вопросы. В 1998 г. журнал «Ньюсуик» нанял команду исследователей, чтобы измерить общественные установки в отношении абортов. Результаты этого общенационального исследования еще раз продемонстрировали, насколько важны всего несколько слов в формировании реакции общественности. Один вопрос звучал так: «Считаете ли вы лично, что аборт — это зло?» В этом случае 57% респондентов сказали «Да», а 36% — «Нет» (остальные либо не были уверены, либо не стали отвечать). Глядя на эти результаты, легко заключить, что большинство людей настроено против абортов. Другой вопрос был составлен так: «Независимо от вашего личного отношения к абортам, предпочитаете ли вы или отвергаете, чтобы женщина в этой стране имела выбор и могла сделать аборт по рекомендации врача?» Теперь за легальные аборты высказалось 69% и только 24% были против, — наглядная поддержка тех, кто в этих дебатах отстаивал право на аборт.

Возможно ли, чтобы у людей были сразу два мнения по поводу прерывания беременности? По-видимому, большинство внимательно прислушивается к тому, как поставлены вопросы. Хотя множество людей, когда речь заходит о личном мнении, считает аборты злом, еще больше тех, кто считает, что у женщин — при наличии врачебной рекомендации — должна быть возможность сделать аборт, если они примут такое решение.

Последний пример; посмотрите, как подобраны слова в этих вопросах. Первый звучит так: «Считаете ли вы, что полиция работает хорошо?» Второй: «Согласны ли вы с тем, что полиция работает хорошо?» Ответ на какой из них продемонстрирует большую поддержку полиции? Почему?

ПРАКТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Чтение таблицы: важный навык

Таблицы содержат большой объем информации, хотя отведенное им пространство очень сжатое, а потому научиться читать таблицы означает повысить эффективность работы с литературой. При виде таблицы сначала посмотрите на название, чтобы понять, какая информация в ней содержится. Скажем, табл. 2.2 представляет профиль 100 субъектов, принявших участие в исследовании Лу Бенджамин. В верхней строке таблицы вы видите 8 переменных, которые определяют этих мужчин и женщин. Читая каждый столбец, обращайтесь внимание на категории в пределах каждой переменной; проценты в каждом столбце суммарно составляют 100. Начав с левой позиции в верхней строке, мы видим, что в выборке Бенджамин преобладали мужчины (63% мужчин против 37% женщин). С точки зрения возраста большинство респондентов (68%) были средних лет, и большинство из них выросло преимущественно в черных общинах южных, северных и центральных регионов Соединенных Штатов.

Эти люди действительно являются профессиональной элитой. Обратите внимание, что половина из них имеет либо докторскую степень (32%), либо диплом врача или юриста (17%). Учитывая их широкую образованность (и профессорскую должность самой Бенджамин), нас не должно удивить, что наибольший процент (35) работают в научных учреждениях. С точки зрения доходов это преуспевающие лица, ежегодно зарабатывающие свыше \$50 тыс. (заработная плата, которая к тому времени была лишь у 25% процентов всех работников в США). Наконец, мы видим, что в своей политической ориентации эти 100 человек придерживаются в основном левоцентристских взглядов. Отчасти это отражает обширность их образования (что побуждает к прогрессивному мышлению) и тенденцию ученых занимать либеральный сектор в политическом спектре.

Сначала, составляя выборку, Бенджамин собиралась задействовать всех, кто занесен в справочник «Кто есть кто в чернокожей Америке». Но она отказалась от этой идеи и предпочла начать с людей, которых знала, и попросить их предложить другие кандидатуры. Эта стратегия называется *составлением выборки по принципу снежного кома*, поскольку со временем количество включенных субъектов стремительно увеличивается.

Подобный метод привлекает тем, что это легкий способ выполнить исследование: мы начинаем со знакомых людей, которые, в свою очередь, знакомят нас со своими друзьями и коллегами. Недостаток же состоит в том, что при этом редко получается выборка, репрезентативная по отношению ко всей генеральной совокупности. По-видимому, в выборке Бенджамин было много единомышленников, и она, без сомнения, отличалась тенденциозностью в том плане, что люди, в нее включенные, готовы были откровенно говорить о расовых вопросах. Бенджамин понимала эти проблемы и постаралась сделать выборку как можно более пестрой с точки зрения пола, возраста и региона проживания. В табл. 2.2 представлен статистический профиль респондентов Бенджамин; материал в рубрике «Практическая социология», расположенный ниже, содержит некоторые рекомендации по чтению таблиц.

Интервью Бенджамин состояли из серии вопросов открытого формата, так что ее респонденты могли говорить, что хотели. Как обычно бывает, беседы протекали в самых разных условиях. Она встречалась с участниками исследования в офисах (своем или их), в гостиничных номерах и в автомобилях. В каждом случае Бенджамин записывала беседу на пленку; само же интервью, как правило, длилось от двух с половиной до трех часов, так что она не отвлекалась на то, чтобы записывать его вручную.

Талантливая Сотня: афроамериканская элита в представлении Лу Бенджамин

Пол	Возраст	Расовое окружение в детские годы	Район проживания в детстве	Достигнутый уровень образования	Сфера деятельности	Доход	Политическая ориентация
Мужской — 63%	35 и моложе — 6%	Преимущественно чернокожее — 71%	Запад — 6% Север или Центральный регион — 32%	Докторская степень — 32%	Колледж или университет — 35%	Выше \$50000 — 4%	Радикально левая — 13%
Женский — 37%	36–54 — 68% 55 и старше — 26%	Преимущественно белое — 15% Смешанное — 14%	Юг — 38% Северо-Восток — 12% Прочие — 12%	Медицинский или юридический диплом — 17% Магистерская степень — 27%	Частный сектор, коммерческая деятельность — 17% Частный сектор, некоммерческая деятельность — 9%	\$35000 — \$50000 — 8%	Либеральная — 38% Умеренная — 28% Консервативная — 5%
100%	100%	100%	100%	100%	Государственное управление — 22% Индивидуальная деятельность — 14% На пенсии — 3%	Ниже \$20000 — 6%	Зависит от конкретной проблемы — 14% Неустановленная — 2%
						100%	100%

Источник: Lois Benjamin, *The Black Elite: Facing the Color Line in the Twilight of the Twentieth Century* (Chicago: Nelson-Hall, 1991), p. 276

Соблюдая этику исследования, Бенджамин предложила участникам сохранить полную анонимность. Но даже при этом многие, включая таких знаменитостей, как Вернон Э. Джордан-младший (бывший президент Национальной городской лиги) и Ивонна Уокер-Тэйлор (первая женщина-президент в Уилберфорском университете), уже привыкли быть на виду общественности и разрешили Бенджамин упомянуть свои имена.

Больше всего удивило автора исследования, что на ее просьбу многие информанты реагировали с горячей готовностью. Казалось, что эти обычно занятые мужчины, и женщины прилагают все силы, чтобы внести свой вклад в ее проект. Кроме того, многих из них по ходу интервью начинали обуревать сильнейшие эмоции. Бенджамин сообщает, что в какой-то момент беседы около сорока ее респондентов начинали плакать. Исследование явно позволило им дать волю чувствам и поделиться переживаниями, в которых они раньше никогда не признавались. Как реагировала Бенджамин на такие эксцессы? Она говорит, что смеялась и плакала вместе со своими респондентами.

Это исследование в меньшей степени относится к научной и в большей — к интерпретативной (она хотела выяснить, что означает для ее респондентов расовая принадлежность) и критической (она предприняла исследование отчасти из стремления доказать, что расовые предрассудки никуда не исчезли) социологии. В самом деле: многие субъекты признавались в своем страхе того, что расовая принадлежность когда-нибудь сведет на нет достигнутый ими успех, а другие говорили о невидимом расовом барьере, не позволяющем им занимать высшие посты в нашем обществе. Суммировав полученные данные, Бенджамин заключила, что, несмотря на улучшение социального положения афроамериканцев, чернокожее население США продолжает сталкиваться с враждебностью на расовой почве.

Полевое исследование: включенное наблюдение

Исследование Лу Бенджамин демонстрирует, что социологические исследования выполняются не только в лабораториях, но и в полевых условиях, т. е. там, где протекает повседневная жизнь. Самой распространенной стратегией в последнем случае является **включенное наблюдение** — *метод, при котором исследователи систематически наблюдают за людьми, присоединяясь к их обыденным занятиям.*

Включенное наблюдение позволяет исследователям посмотреть на социальную жизнь изнутри в условиях, диапазон которых очень широк, — от ночных клубов до религиозных учебных заведений. Специалисты по культурной антропологии обычно прибегают ко включенному наблюдению (которое они называют *полевой работой*) при изучении общин в других странах. Свое описание незнакомых культур они называют *этнографическим*. Социологи предпочитают именовать свои отчеты о людях, наблюдаемых в конкретной среде, *кейс-стади (case study)*.

Начиная полевое исследование, большинство исследователей еще не имеет никакой конкретной гипотезы. Порой они даже не знают, какими окажутся вопросы, важные для них. Соответственно, большая часть полевых исследований имеет *разведывательный* и *описательный* характер.

Как явствует из названия, у включенного наблюдения два аспекта. Так, обретенное «внутренней» точки зрения зависит от превращения в участника ситуации:

приходится проводить время с другими людьми, стараясь действовать, мыслить и даже чувствовать так же, как и они. Следовательно, по сравнению с экспериментами и опросами включенное наблюдение следует немногим правилам. Но именно эта гибкость позволяет исследователям изучить неизведанное и адаптироваться к неожиданному.

В отличие от других методов исследования включенное наблюдение требует, чтобы исследователь погрузился в среду не на неделю и не на две, но на месяцы и даже годы. Однако в то же время он должен выдерживать некоторую дистанцию наблюдателя, мысленно возвращаясь к записи полевых наблюдений и в конечном счете к их интерпретации. Поскольку исследователю приходится одновременно «играть роль участника», чтобы быть принятым за своего и получить доступ к жизни людей, а также «придерживаться роли наблюдателя» ради сохранения отстраненности, необходимой для вдумчивого анализа, данный метод внутренне драматичен. Исполнение двойственной роли включенного участника и внешнего наблюдателя часто сводится к ряду осторожных компромиссов.

Большинство социологов прибегают к этому методу, действуя в одиночку, так что нужно помнить, что результаты зависят от работы всего лишь одного человека. Включенное наблюдение обычно подпадает под категорию интерпретативной социологии, принося главным образом качественные данные — впечатления и интерпретации, хотя бывает, что исследователи собирают и кое-какие количественные (числовые) данные. С научной точки зрения включенное наблюдение является достаточно «неустойчивым» методом, который основан на личном суждении и которому недостает научной строгости. И все же в таком его характере есть свое преимущество: если бросающаяся в глаза команда исследователей попытается, скажем, устроить официальный опрос, то это во многих случаях разрушит сложившуюся социальную обстановку; что до чуткого включенного наблюдателя, то ему зачастую удается глубоко постичь естественное поведение людей.

Иллюстрация: «Общество на углу улицы». В конце 1930-х гг. молодой аспирант Гарвардского университета по имени Уильям Фут Уайт (1914–2000) чрезвычайно заинтересовался оживленной уличной жизнью, протекавшей в близлежащих бостонских трущобах. Это любопытство побудило его в течение четырех лет практиковать включенное наблюдение в данном районе, который он назвал «Корнервиллем», — так создавалась работа, теперь ставшая классикой социологии.

В то время Корнервилль был домом для итальянских иммигрантов второго и первого поколений. Многие жили в бедности; в Бостоне Корнервилль считался местом, которое лучше обходить стороной: нищее захолустье, населенное рэкетирами. Не желая довольствоваться расхожими стереотипами, Уайт решил самостоятельно разобраться, что за жизнь протекает в этой общине. Его знаменитая книга «Общество на углу улицы» (Whyte, 1981; перв. изд. — 1943) описывает Корнервилль как высокоорганизованное сообщество с четкой системой ценностей, сложными социальными нормами и особыми социальными конфликтами.

В начале своего исследования Уайт перебрал множество методов. Он мог бы отправиться в какой-то из центров корнервилльской общины с вопросником и просить местных жителей заполнить анкету. Или же пригласить представителей в свой

гарвардский офис на интервью. Но нетрудно предугадать, что подобные формальные стратегии не расположили бы к сотрудничеству местных жителей и не позволили бы вникнуть в предмет. Поэтому Уайт решил включиться в жизнь Корнервилля и терпеливо разбираться в специфике этого довольно загадочного места.

Достаточно скоро Уайт открыл для себя проблемы, сопутствующие началу полевого исследования. Прежде всего гарвардскому аспиранту из верхних слоев среднего класса никак было не вписаться в жизнь Корнервилля. Он быстро выяснил, например, что даже дружеский жест, исходящий от чужака, может показаться бесцеремонным и оскорбительным. Уайт, не теряя времени, зашел в местный бар, рассчитывая угостить какую-нибудь особу выпивкой и расположить ее к разговору о Корнервилле. Но, оглядевшись в помещении, он не сумел найти одинокой женщины. Некоторое время спустя подумал, что стоит поискать компанию — мужчину, сидящего с двумя женщинами. Он игриво осведомился: «Прошу прощения. Можно к вам подсесть?» И тут же понял свою ошибку:

Какое-то время, пока мужчина таранился на меня, царило молчание. Затем он предложил спустить меня с лестницы. Я заверил его, что это необязательно, и подкрепил слова тем, что поспешно ретировался без всякой помощи (Whyte, 1981; p. 289).

Как видно из этого инцидента, получить доступ в общину — важнейший (а иногда весьма рискованный) первый шаг в полевом исследовании. «Внедрение» требует терпения, находчивости и немножко везения. Для Уайта лед тронулся, когда он познакомился в местном социальном агентстве с молодым человеком по прозвищу Док. Слушая рассказ Уайта о его отчаянных попытках завести друзей в Корнервилле, Док проникся к нему симпатией и решил взять незнакомца под свое «крыло», чтобы представить его другим членам общины. С помощью Дока Уайт вскоре примелькался в округе.

Дружба Уайта с Доком показывает, что при полевом исследовании важно отыскать *ключевого информанта*. Подобные люди не только вводят исследователя в общину, но часто сами оказываются источником информации, а также и содействуют ему. Использование ключевого информанта сопряжено, однако, с определенным риском. Так как у всякого человека есть свой собственный круг друзей, покровительство такого информанта наверняка приведет к определенному «уклону» в исследовании. Более того, в глазах окружающих репутация этого человека обычно — к добру или к худу — переносится и на исследователя. Вообще, ключевой информант полезен в самом начале, однако в дальнейшем включенному наблюдателю следует расширить свои контакты.

Вступив в мир Корнервилля, Уайт активно взялся за дело. Но вскоре он понял, что ему нужно знать, когда говорить, а когда просто смотреть, слушать и учиться. Однажды вечером он присоединился к компании, обсуждавшей местный игорный бизнес. Желая раздобыть побольше фактов, Уайт невинно спросил: «Я думаю, всех полицейских подкупили?» В мгновение ока

у игрока отвисла челюсть. Он уставился на меня. Затем он стал яростно отрицать, что хоть кого-то из полицейских подкупили, и немедленно перевел разговор на другую тему. Весь остаток вечера я чувствовал себя очень неуютно.

На следующий день Док дал веский совет:

Полегче со словами «кто», «что», «почему», «когда» и «где», Билл. Если ты будешь задавать такие вопросы, с тобой никто не станет разговаривать. Если люди принимают тебя, ты можешь просто отираться возле них и рано или поздно получишь все ответы, даже не спрашивая.

В последующие месяцы и годы Уайт познакомился с жизнью в Корнервилле и даже женился на местной женщине, с которой и провел всю оставшуюся жизнь. Он узнал, что этот район едва ли можно считать стереотипными трущобами. Напротив, — большинство иммигрантов трудились денно и нощно, многие преуспевали, а некоторые похвалялись тем, что отправили детей учиться в колледж. Короче говоря, книга Уайта представляет собой захватывающий материал о делах, чаяниях и разочарованиях одной из этнических общин, а содержащееся в ней богатство подробностей может быть собрано только после длительного включенного наблюдения.

Работа Уайта показывает, что это метод, изобилующий конфликтами и противоречиями. Его гибкость позволяет исследователю реагировать на неожиданное, но она же затрудняет воспроизводимость. Включенность означает сближение с людьми, но наблюдение зависит от сохранения некоторой дистанции. Поскольку здесь нет нужды ни в сложном оборудовании, ни в лаборатории, издержки на него невелики. Но он дорогостоящ с точки зрения времени: большинство исследований занимает год или больше, что, видимо, объясняет, почему включенное наблюдение практикуется реже других методов, описанных в этой главе. Тем не менее глубина понимания, достигаемая в ходе такого рода интерпретативного исследования, чрезвычайно обогащает наши представления о самых разнообразных общинах людей.

Использование уже имеющихся данных: вторичный и исторический анализ

Не все исследования требуют от исследователей сбора собственных данных. Иногда социологи предпринимают **вторичный анализ** — *метод исследования, при котором используются данные, собранные другими.*

В социологической науке чаще всего задействуют статистические данные, собранные правительственными агентствами. Бюро переписи постоянно обновляет информацию о населении США. Сопоставимые данные по Канаде предоставляют Статистическим управлением этой страны, которое является правительственным органом. Если вас интересуют международные данные, обратитесь к многочисленным публикациям Организации Объединенных наций и Всемирного банка. Огромное количество сведений обо всем мире находится от вас не дальше, чем библиотека или Интернет.

Использование уже имеющихся данных — будь то государственная статистика или сведения, предоставленные отдельными исследователями — позволяет сэкономить время и деньги. Поэтому данный подход особенно привлекателен для социологов, чье финансирование весьма скудное. Еще важнее то, что правительственные данные, как правило, бывают совершеннее таких, какие самостоятельно могут получить большинство исследователей.

И все-таки вторичный анализ страдает некоторыми явными недостатками. Прежде всего имеющиеся данные могут быть изложены не в той форме, в которой нужно. Более того: чужая работа всегда порождает вопросы об ее смысловом содержании и точности. Так, в своем классическом исследовании самоубийства Эмиль Дюркгейм признал, что у него не было никакой возможности удостовериться в том, что смерть, расцененная как самоубийство, в действительности не была вызвана несчастным случаем, и наоборот. При сборе данных различные агентства прибегают также к разным процедурам и используют неодинаковые категории, затрудняя сравнение. В итоге получается, что использование данных из вторых рук немного напоминает покупку подержанного автомобиля: выбор богат, но вы должны выбирать осторожно, чтобы вам не всучили барахло.

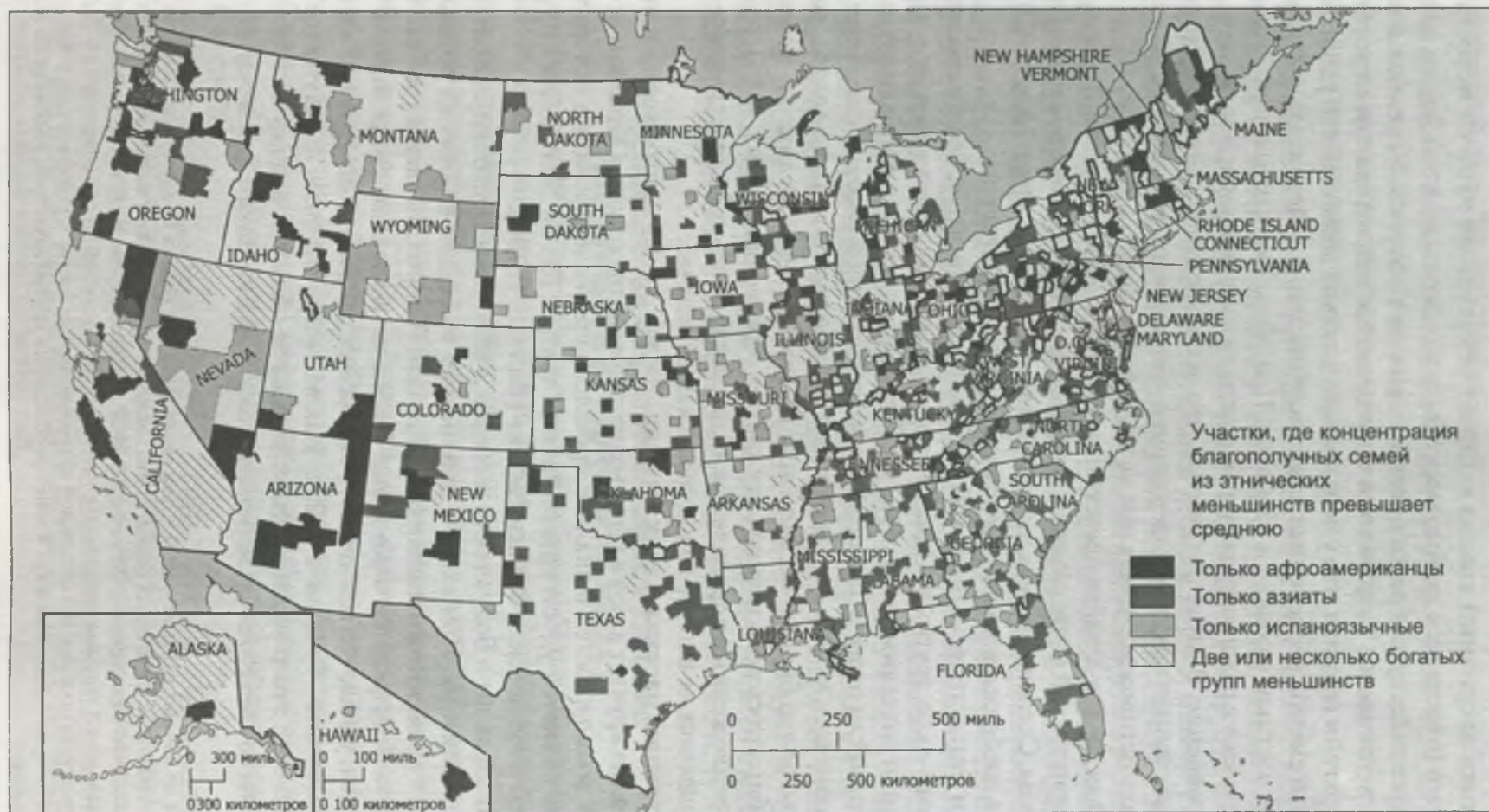
Для иллюстрации давайте представим, что знакомство с отчетом Лу Бенджамин об афроамериканской элите разожгло в нас интерес к преуспевающим меньшинствам нашей страны. Сколько людей к ним принадлежит? Где они живут? Карта США 2.1¹ графически изображает данные Бюро переписи по этому вопросу.

С этими статистическими данными можно ознакомиться бесплатно и проще, чем с какими-либо другими. Однако их использование подразумевает согласие с расовыми и этническими категориями Бюро переписи населения (например, до 2000 г. люди могли отнести себя только к какой-то одной расовой категории). Вдобавок это означает, что вы соглашаетесь с достоверностью цифр дохода, которые люди указывали добровольно, заполняя правительственные анкеты. Кроме того, если вы собираетесь использовать эту карту в собственных целях, то вам придется принять предложенные определения «благополучие» и «выше среднего» даже в случае, если они не вполне совпадают с вашей задачей.

Иллюстрация: рассказ о двух городах. Людям, захваченным настоящим, вторичный анализ вручает ключ к раскрытию секретов прошлого. Образцом исследовательских возможностей в анализе прошлого при использовании исторических источников является удостоенный премии труд Э. Дигби Болтцелла «Пуританский Бостон и квакерская Филадельфия» (Baltzell, 1979b).

Случайный визит в Бодуэнский колледж, в штат Мэн, подтолкнул Болтцелла к началу исследования. При входе в библиотеку колледжа его взгляд остановился на портретах знаменитого писателя Натаниэля Готорна, выдающегося поэта Генри Уодсворта Лонгфелло и Франклина Пирса, четырнадцатого президента США. Он поразился, узнав, что вся эта могучая тройка училась в одном и том же классе Бодуэна, завершив обучение в 1825 г. Как же могло случиться, задумался Болтцелл, что из стен этого маленького колледжа за один год вышло больше знаменитостей, чем из стен его собственного, гораздо более крупного, университета штата

¹ Основанная на данных переписи 1990 г., эта карта выделяет округа Соединенных Штатов с выше чем средней долей состоятельных семей, принадлежащих к этническим меньшинствам; их годовые доходы составляют как минимум \$50 тыс. (В 2000 г. во всей стране в эту категорию попали около $\frac{1}{3}$ афроамериканских и испаноязычных и свыше $\frac{1}{2}$ азиатских семей). Где проживают в США состоятельные представители каждой отдельной категории меньшинств? Существует ли у представителей одной категории тенденция жить в зоне преобладания другой категории? Можете ли вы объяснить это явление?

Карта США 2.1. Благополучные меньшинства в США. Источник: *American Demographics*, декабрь 1992, pp. 34–35. Данные десятилетней переписи 1990 г.

Пенсильвания за всю его историю? Чтобы ответить на этот вопрос, Болтцелл поспешил изучить исторические документы и выяснить, действительно ли Новая Англия дала миру больше известных людей, чем его родная Пенсильвания.

Для сбора данных Болтцелл обратился к «Американскому биографическому словарю», в двадцати томах которого были охвачены 13 тыс. выдающихся мужчин и женщин, отличившихся в политике, юриспруденции и искусстве. «Словарь» поведал Болтцеллу, *кто* оказался значительной личностью; ему же, кроме этого, хотелось как-нибудь измерить, *насколько* весомыми персонами были эти люди. В своей классификации он решил опереться на положение «Словаря», гласившее: чем больше впечатляют достижения человека, тем обширнее его биография. Таким образом, количество строк в жизнеописании составило вполне обоснованный показатель «величия».

К тому моменту, когда Болтцелл выявил 75 человек с наиболее пространными биографиями, он усмотрел поразительную закономерность. На первом месте оказался штат Массачусетс, давший 21 человека из 75 лучших. Штаты Новой Англии, взятые вместе, дали 31. Пенсильвания же, напротив, могла похвастаться всего 2, а со всего региона Среднего побережья Атлантики набралось только 12. При более пристальном рассмотрении Болтцелл открыл, что большинство знаменитостей Новой Англии выросли в Бостоне и его окрестностях. Опять-таки, резкий контраст: из его собственной Филадельфии — города куда более населенного, чем Бостон — не вышло почти ни одной сопоставимой фигуры.

Чем объяснить этот примечательный факт? Болтцелл черпал вдохновение из трудов немецкого социолога Макса Вебера (Weber, 1958; перв. изд. — 1904–1905), который утверждал, что процент региональных достижений зависит в основном от господствующих религиозных верований (см. главу 4, «Общество»). Ответ на загадку Болтцелл нашел в религиозных отличиях, разделявших Бостон и Филадельфию. Первый был пуританским поселением, основанным людьми, которые были решительно настроены добиться превосходства и успеха на общественном поприще. Филадельфия же, напротив, основана квакерами, которые в той же мере стремились избегать общественного внимания.

И пуритане и квакеры бежали от религиозного преследования в Англии, но две эти веры породили очень разные культурные образцы. Убежденные в изначальной греховности человека, бостонские пуритане построили жесткое общество, в котором поведение людей регулировалось институтами семьи, церкви и школы. Они утверждали тяжелый труд как средство прославления Бога и видели в общественном успехе обнадеживающий знак Божьего благословения. Иными словами, пуританство насаждало дисциплинированную жизнь, в ходе которой люди стремятся к свершениям и уважительно к ним относятся.

С другой стороны, филадельфийские квакеры построили свою жизнь на вере в изначальную доброту всех человеческих существ. Они не видели надобности в сильных социальных институтах, призванных «спасать» людей от греховности. Они верили в равенство, а потому даже те, кто разбогател, не считали себя лучше других. Таким образом, богатые и бедные жили одинаково скромно и не стимулировали друг друга ни к поискам славы, ни даже к общественной деятельности.

Таблица 2.3

Четыре метода исследования: резюме

Метод	Применение	Преимущества	Ограничения
Эксперимент	Применяется в исследованиях разведывательного характера, которые уточняют связи между переменными; предоставляет количественные данные	Обеспечивает наилучшую возможность уточнить причинно-следственные связи; исследование довольно легко воспроизвести	Лабораторные условия страдают искусственностью; если среда исследования не будет тщательно проконтролирована, существует опасность получить результаты, отмеченные тенденциозностью
Опрос	Используется для сбора информации о вещах, которые неподвластны прямому наблюдению; удобен при описательных и разведывательных исследованиях; предоставляет количественные или качественные данные	Использование выборки и анкет позволяет охватить крупные совокупности; интервью предоставляют всесторонние ответы	Анкеты должны быть тщательно подготовлены и могут отличаться низким процентом возврата; интервью обходятся дорого и отнимают много времени
Включенное наблюдение	Применяется в ходе разведывательного и описательного изучения людей в «естественных» условиях; предоставляет качественные данные	Позволяет изучить «естественное» поведение; обычно не связано с большими расходами	Отнимает много времени; воспроизведение затруднительно; исследователь должен балансировать, будучи участником и наблюдателем
Вторичный анализ	Предназначен для разведывательных, описательных или объясняющих исследований во всех случаях, когда доступны подходящие данные	Экономит время и средства при сборе данных; делает возможным историческое исследование	Исследователь не контролирует вероятную тенденциозность данных; данные могут лишь частично совпадать с актуальными потребностями исследования

Социологическое воображение Болтцелла придало Бостону и Филадельфии форму двух социальных «опытных пробирок»: одну «наполнили» пуританством, другую — квакерством. Спустя столетия мы видим, что в каждом случае произошла своя «химическая реакция». Две системы убеждений явно вели к различному отношению к личному успеху, что, в свою очередь, сформировало историю каждого региона. Кроме того, нам и по сей день видны результаты этих культурных различий. Бостонское семейство Кеннеди (несмотря на католическое вероисповедание) продолжает являться образчиком пуританского поиска признания и лидер-

ства, но во всей истории Филадельфии никогда не было семьи, которая занимала бы такое высокое общественное положение.

В исследовании Болтцелла была задействована научная логика, но оно иллюстрирует также интерпретативный подход. Его труд напоминает нам, что социологическое исследование часто сопряжено с различными методологическими подходами и живым социологическим воображением.

В табл. 2.3 обобщены четыре основных метода социологического исследования.

Теперь мы перейдем к последнему пункту нашего разбирательства: связи между результатами исследования и социологической теорией.

Взаимодействие теории и метода

Независимо от способа сбора данных социологи должны наполнить факты смыслом и построить теорию. Они делают это двумя путями — с помощью индуктивного логического и дедуктивного логического мышления.

Индуктивным логическим называется мышление, которое преобразует отдельные наблюдения в общую теорию. В таком ключе путь исследователя — это переход от частного к общему: «У меня имеются кое-какие любопытные факты; хотелось бы знать, что они означают?» Индуктивную логическую модель иллюстрирует исследование Э. Дигби Болтцелла. Его данные показали, что один регион страны (Бостон и его окрестности) породил больше знаменитостей, чем другой (район Филадельфии). Он работал по восходящей, начиная с базовых наблюдений и переходя к более общей теории о том, что религиозные ценности стали ключевым фактором, сформировавшим отношение людей к успеху.

Логическое мышление второго типа является нисходящим. **Дедуктивным логическим** называется мышление, которое преобразует общую теорию в отдельные гипотезы, пригодные для проверки. Путь исследователя — от общего к частному: «Поведение людей навело меня на кое-какие размышления; давайте соберем данные и проверим». Работая дедуктивно, исследователь сначала формулирует теорию как гипотезу, а потом выбирает метод ее проверки. Если данные подтверждают эту гипотезу, мы заключаем, что она верна; если опровергают, то теорию необходимо пересмотреть или вообще совершенно отвергнуть.

Эксперимент со «Стэнфордской окружной тюрьмой», поставленный Филипом Зимбардо, показателен в плане дедуктивной логики. Зимбардо начал с общей идеи о том, что тюрьмы изменяют поведение людей. Затем он разработал частную, доступную проверке гипотезу: при помещении в тюрьму даже эмоционально уравновешенные молодые мужчины склонны проявлять насилие. Всплеск насилия, случившийся вскоре после начала эксперимента, подтвердил гипотезу Зимбардо. Если бы исследование привело к установлению между узниками и охранниками дружеских отношений, то первоначальная теория явно нуждалась бы в пересмотре.

Как правило, исследователи прибегают к *обоим* типам логического мышления — подобно тому, когда используется сразу несколько методов. Оба типа мышления проиллюстрированы рис. 2.2: индуктивное построение теории из наблюдений и дедуктивное проведение наблюдений для проверки теории.

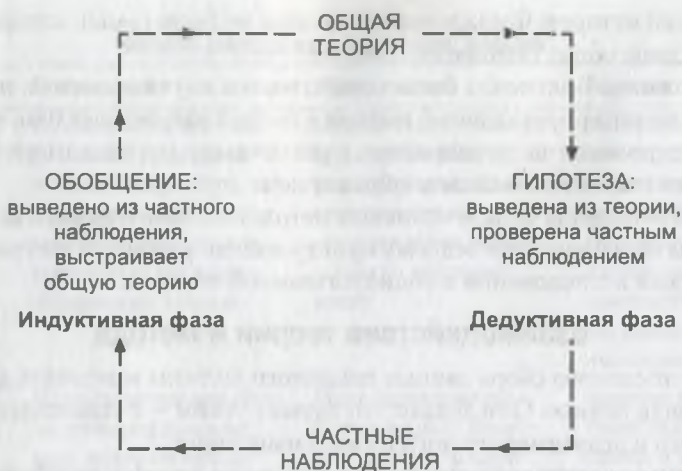

Рис. 2.2. Дедуктивное и индуктивное логическое мышление

Наконец, наполнение фактов смыслом обычно сопровождается упорядочиванием и представлением статистических данных. Порядок, в который социологи выстраивают свои цифры, влияет на выводы, к которым они приходят. Другими словами, подготовка результатов ведет к тому или иному представлению изучаемой реальности.

Часто мы заключаем, что аргумент должен быть истинным лишь потому, что его подкрепляют статистические данные. Однако нам следует с осторожностью относиться к статистике. В конце концов, исследователи сами отбирают, какие данные им предъявить; они интерпретируют свою статистику и могут использовать таблицы и графики так, чтобы подвести читателей к конкретным выводам.

Обобщение пройденного: десять этапов социологического исследования

Мы можем свести воедино материал этой главы, обрисовав 10 этапов процесса выполнения нашего социологического исследования. Каждый этап представлен важным вопросом:

1. **Что является темой исследования?** Любознательность и использование социологического подхода способны породить идеи любого социального исследования. Предмет, который вы избираете для него, наверняка имеет какую-то личную значимость.
2. **Что уже известно другим?** Наверняка вы не первый человек, который интересуется данным вопросом. Сходите в библиотеку и посмотрите, какими методами и теориями пользовались при изучении вашей темы другие исследователи. При обзоре выполненных исследований обращайтесь внимание на возникавшие проблемы.

3. **Какие конкретные вопросы поставлены для исследования?** Намерены ли вы изучить незнакомую социальную среду? Описать какую-то категорию людей? Изучить причинно-следственные связи между переменными? Если ваше исследование имеет поисковый или описательный характер, уточните, *кого* вы хотите изучить, *где* развернется исследование и *в каких* вопросах вам хочется разобраться. Если характер исследования поисковый, то вам кроме сказанного, необходимо сформулировать соответствующую гипотезу и операционализировать каждую переменную.
4. **Что вам понадобится для выполнения исследования?** Сколько у вас времени и денег? Нужны ли для данной работы специальное оборудование или навыки? Сможете ли вы проделать работу самостоятельно? На все эти вопросы вам придется ответить при планировании программы исследования.
5. **Существуют ли какие-нибудь этические нюансы?** Не всякое исследование сопряжено с этическими нюансами, но вы должны быть настороже. Может ли исследование повредить или угрожать чьей-либо частной жизни? Какой план исследования позволит вам свести вероятность нанесения ущерба к минимуму? Пообещаете ли вы субъектам анонимность участия? Если да, то какие гарантии вы даете?
6. **Каким методом вы воспользуетесь?** Рассмотрите все основные стратегии исследования, а также комбинации подходов. Помните, что выбор подходящего метода зависит от характера вопросов, которые вы задаете, и имеющихся у вас ресурсов.
7. **Как вы собираетесь фиксировать данные?** Выбираемый вами метод исследования является системой для сбора данных. Аккуратно фиксируйте всю информацию, делая это так, чтобы ее можно было впоследствии осмыслить (до записи результатов вашей работы может пройти какое-то время). Остерегайтесь любых проявлений тенденциозности, способных вкрась в исследование.
8. **О чем говорят ваши данные?** Изучите информацию с учетом исходных вопросов и решите, как интерпретировать данные, которые вы получили. Если ваше исследование подразумевает конкретную гипотезу, вам придется решить, подтвердить ее, опровергнуть или изменить. Помните, что на ваши данные можно смотреть под разными углами зрения — в зависимости от применяемой вами теоретической парадигмы — и вы должны учесть все возможные интерпретации.
9. **Каковы ваши выводы?** Подготовьте окончательный отчет с изложением своих выводов. В чем ваша работа развивает социологическую теорию, улучшает методы исследования? Имеет ли ваше исследование политическое значение? Что интересного для себя найдет в вашей работе общественность? Наконец, оцените свою работу сами, отмечая возникшие проблемы и вопросы, оставшиеся без ответа.

10. Как вам поделиться тем, что вы узнали? Рассмотрите возможность отправки статьи о вашем исследовании в университетскую газету или устройте ее презентацию в классе, в студенческом городке или, быть может, перед профессиональной социологической аудиторией. Цель состоит в том, чтобы поделиться с другими знанием и дать им возможность отреагировать на вашу работу.

Резюме

1. Двумя основными требованиями к социологическому исследованию являются:
 - ◆ использование социологического подхода;
 - ◆ любознательность и склонность задаваться вопросами об окружающем мире.
2. Научная социология изучает общества, систематически наблюдая за социальным поведением. Этот методологический подход требует тщательной операционализации понятий и гарантии того, что измерение окажется надежным (постоянным) и валидным (точным).
3. Цель науки — раскрытие связей между переменными. Корреляция означает, что две или несколько переменных изменяются вместе. Причинно-следственная связь — тот случай, когда изменение одной переменной вызывает изменение другой. Если такая связь существует, то исследователь, знающий значение независимой переменной, способен предсказать значение какой-либо зависимой переменной.
4. Хотя исследователи отбирают темы в соответствии со своими личными интересами, научный идеал объективности требует, чтобы они постарались отбросить личные ценности и тенденциозность в процессе выполнения исследования.
5. Интерпретативная социология представляет собой методологический подход, который сфокусирован на значении, придаваемом людьми своему поведению. Реальность не «вовне», она конструируется людьми в процессе их повседневных интеракций.
6. Критическая социология представляет собой методологический подход, согласно которому исследование выступает средством социального изменения. Критическая социология отвергает научный принцип объективности, заявляя, что все исследования имеют политический характер.
7. Логика науки наиболее явно выражена в эксперименте, который осуществляется в контролируемых условиях и направлен на уточнение причинно-следственных связей между двумя (или несколькими) переменными.
8. Опросы измеряют установки и поведение людей при помощи вопросников или интервью.
9. Включенное наблюдение представляет собой метод, в рамках которого исследователь непосредственно наблюдает за социальной средой, одновременно пребывая в ней на протяжении длительного периода.

10. Вторичный анализ извлекает пользу из уже имеющихся данных. Этот метод легче и зачастую эффективнее непосредственного сбора данных, а также позволяет исследовать исторические явления.
11. Теория и исследования связаны двояким образом. Дедуктивное логическое мышление начинается с общих теорий и вырабатывает конкретные гипотезы, пригодные для проверки. Индуктивное логическое мышление начинается с частных наблюдений и выстраивает общие теории.

Основные понятия

- Валидность** — точность при измерении именно того, что предназначено быть измеренным.
- Включенное наблюдение** — метод, когда исследователи систематически наблюдают за людьми, присоединяясь к их обычным занятиям.
- Вопросник** — серия письменных вопросов, которые исследователь предъявляет субъектам.
- Воспроизводимость** — повторение исследования другими исследователями.
- Вторичный анализ** — метод исследования, когда исследователь использует данные, собранные другими.
- Выборка** — часть генеральной совокупности, отображающая целое.
- Гендер** — черты личности и социальные позиции, рассматриваемые членами общества как женские и мужские.
- Генеральная совокупность** — люди, находящиеся в фокусе исследования.
- Гипотеза** — неподтвержденное утверждение о связи между переменными.
- Дедуктивное логическое мышление** — мышление, которое преобразует общую теорию в отдельные гипотезы, пригодные для проверки.
- Зависимая переменная** — переменная, которая изменяется под воздействием другой (независимой) переменной.
- Измерение** — процесс определения значения переменной в конкретном случае.
- Индуктивное логическое мышление** — мышление, которое преобразует отдельные наблюдения в общую теорию.
- Интервью** — ряд вопросов, которые исследователь задает респондентам лично.
- Интерпретативная социология** — изучение общества, сфокусированное на разного рода смыслах, которые люди приписывают своему социальному миру.
- Контроль** — сохранение постоянства всех переменных, кроме одной, чтобы ясно увидеть ее эффект.
- Корреляция** — отношение, характеризующее совместным изменением двух (или нескольких) переменных.
- Критическая социология** — изучение общества, сфокусированное на необходимости социальных изменений.

Ложная корреляция — фальшивая, хотя и очевидная, связь между двумя (или несколькими) переменными, вызванная какой-то другой переменной.

Метод исследования — последовательный план проведения исследования.

Надежность — постоянство при измерении.

Наука — логическая система, согласно которой знание основано на прямых, систематических наблюдениях.

Научная социология — изучение общества, базирующееся на систематическом наблюдении за социальным поведением.

Независимая переменная — переменная, которая вызывает изменение другой (зависимой) переменной.

Объективность — состояние личного нейтралитета при выполнении исследования.

Операционализация переменной — доскональное уточнение предмета измерения, прежде, чем приписать переменной то или иное значение.

Опрос — метод исследования, в рамках которого субъекты отвечают на ряд утверждений или вопросов анкеты или интервью.

Переменная — концепт, значение которого меняется от раза к разу.

Понятие — мысленный конструкт, отображающий некую часть мира в неизбежно упрощенной форме.

Причина и следствие — отношение, в котором изменение одной переменной (независимой) вызывает изменение другой (зависимой).

Хоторнский эффект — изменение поведения субъекта, вызванное простым осознанием последнего, что за ним наблюдают.

Эксперимент — метод исследования, призванный выявить причину и следствие в строго контролируемых условиях.

Эмпирические данные — информация, которую мы можем верифицировать при помощи органов чувств.

Вопросы для размышления

1. Что понимается под словами «различного рода истины»? Каковы достоинства и недостатки науки как способа познания?
2. Чем интерпретативная социология отличается от научной? Что можно сказать о критической социологии? Какой подход наилучшим образом описывает деятельность следующих основоположников социологии — Эмиля Дюркгейма, Макса Вебера и Карла Маркса?
3. Почему некоторые социологи настаивают на том, что в солидном исследовании важно соблюсти объективность? Почему с этим не согласны другие социологи?
4. Каковы некоторые отличия «жестких» исследований (например, таких, как научный эксперимент) от «мягких» (например, включенного наблюдения)?

Добро пожаловать в эру информационной революции!

Вступив в новый век (и новое тысячелетие), мы оказываемся очевидцами поразительных перемен, порожденных неизвестной ранее технологией. За последние 200 лет индустриальная революция сформировала облик нашего общества, продиктовав людям и род занятий, и образ мышления. Но в наши дни происходит еще одна, сопоставимая с промышленной революцией, трансформация, которая уже по-другому определяет мир людей.

В конце каждой из пяти частей данной книги мы помещаем специальный раздел под названием «Киберсфера». Эти очерки освещают взаимосвязь между компьютерными и новыми информационными технологиями и теми проблемами, которые поднимаются в предшествующих главах. В части I «Киберсферы» мы касаемся социологического подхода (глава 1) и социологического исследования (глава 2), пытаясь объяснить, в чем же заключается информационная революция.

Машинный век: индустриальное общество

Современная эра начинается приблизительно 250 лет назад; это эпоха, которую мы называем зарей промышленной революции. Сначала в Англии, а вскоре и в США открытие новых источников энергии позволило перейти к другим способам производства товаров. Люди поставили себе на службу энергию рек, затем они стали использовать силу пара, который вырабатывался в угольных печах; появились огромные машины. Прошло немного времени, и индустриальная революция изменила социальную жизнь во всех ее проявлениях; она оторвала людей от домов и погнала на построенные заводы; потребовала научиться навыкам, необходимым для управления механизмами. Со временем рост промышленных предприятий подхлестнул миграцию из сельских районов в стремительно разраставшиеся города, где большинству пришлось привыкать к стремительному темпу обезличенной жизни; через некоторое время переехавшие на новое место оценили преимущества более высокого уровня жизни. Как отмечалось, перемены разожгли в людях интерес к изучению общества и сыграли ключевую роль в зарождении социологии.

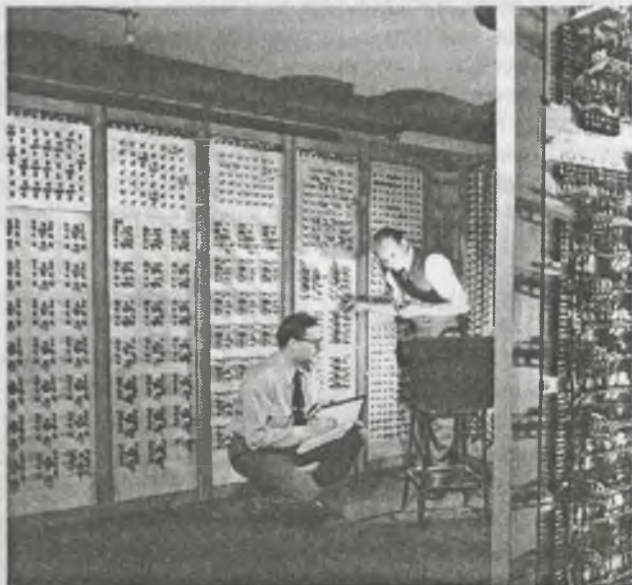
Американская молодежь знакома с компьютерами намного лучше, чем люди пожилые. Для нынешних молодых людей, которым жить в XXI в., компьютеры станут естественной и неотъемлемой частью обыденной жизни

Компьютерный век: информационное общество

В последние десятилетия XX в. мы стали свидетелями еще одного технологического сдвига — информационной революции, которая обещает снова изменить облик нашего мира. Технология, которая будет определять XXI в., опирается на *информацию*: компьютерные и аналогичные способы коммуникации, в том числе и Интернет, факсимильные аппараты, модемы и сотовые телефоны, а также волоконную оптику и спутниковую связь. Тот факт, что мы уже создали укороченные названия для подобных устройств — «Сеть», «факс», «мобильник» и «тарелка» — показывает, сколь прочно они вошли в нашу жизнь.

Компьютерный век начался в 1946 г. в США, когда сотрудники филаделфийской лаборатории запустили машину размером с комнату, набитую проводами и вакуумными трубками. Несмотря на свои гигантские размеры, эта «праматерь всех компьютеров» умела делать не больше, чем сегодняшний 10-долларовый карманный калькулятор. Не удивительно, что Томас Уотсон, глава *IBM*, полагал, что его компания продаст, «быть может, пять компьютеров». Через 30 лет Кен Олсон, основатель корпорации по выпуску цифрового оборудования *Digital Equipment Corporation*, был столь же скептичен, говоря: «Нет никакой причины, по которой хоть кто-нибудь захотел бы иметь компьютер у себя дома» (цит. по: Lunsford, 1996).

Как бы там ни было, но эти люди жестоко ошиблись. В последние десятилетия XX в. очень сложные компьютеры стали основным элементом нашей жизни. Сегодня в США микропроцессоры задействованы в подавляющем большинстве сфер жизни — и дома и на работе. Опросы показывают, что в 2001 г. почти 55% семей американцев имели как минимум один персональный компьютер и почти 45% были подключены к Интернету (U.S. Census Bureau, 2001). В XXI в. компьютеры — более мощные, компактные и транспортабельные — диктуют

Самые первые компьютеры, включая ENIAC (электронный числовой интегратор и компьютер) образца 1946 г., были чудовищными агрегатами, занимавшими целую комнату. (В 1949 г. журнал *Popular Mechanics* («Популярная механика») уверенно предсказал, что будущие компьютеры будут весить не больше 1,5 тонн!) И только когда в 1980-е гг. появились небольшие персональные компьютеры, информационная революция начала изменять жизнь большинства жителей США

новые правила социальной жизни, как когда-то громоздкие механизмы определили заканчивающуюся индустриальную эру.

В чем отличие новой информационной технологии? Прежде всего, изменение затрагивает характер трудовой деятельности человека. Вчерашние промышленные технологии вооружали людей возможностью создавать все больше и больше *вещей*; информационная технология подводит нас к работе с *идеями*, созданию символов и управлению ими. Воплощением промышленной эпохи был заводской конвейер, на котором трудились рабочие, выплавлявшие сталь или собиравшие автомобили. Однако в информационную эпоху типичный работник смотрит на монитор, вводит данные, набирает текст, считает, сочиняет, рисует или занимается дизайном на компьютере.

Второе ключевое изменение, вызванное информационной революцией, — уменьшение значимости расстояний и вообще пространства как такового. В противоположность индустриальным технологиям, требующим от людей трудиться на централизованных предприятиях (где собраны вместе механизмы и энергоносители), информационные позволяют работать практически повсюду, где только удастся поставить компьютер или воспользоваться возможностями сотового телефона. Обратите внимание и на то, что, пользуясь такой технологией для связи с другими людьми, мы зачастую не имеем понятия, в каком месте они находятся. Из термина «киберпространство» явствует, что зарождающийся мир все менее стеснен физическими рамками. Правда, подобно тому, как мы измеряем мощность двигателей в лошадиных силах, оказавшихся лишними благодаря тем же самым моторам, так и при описании новой киберреальности прибегаем к привычным, физическим образам: говорим о сверхскоростной¹ передаче информации, изучаем доску электронных объявлений и входим в онлайн-гостевые комнаты. Эти места тем не менее представляют собой «виртуальную реальность», — они представляют собой компьютерную имитацию, наблюдаемую нами, с которой мы взаимодействуем, но которая реально не существует. Фактически эти вещи существуют лишь в потоке электронов, освещающем экраны наших компьютеров, — электронов, способных обогнуть земной шар со скоростью света.

Как объясняется в последующих главах, эта новая технология изменяет едва ли не все аспекты нашей жизни: придает другую форму культуре и путям познания мира; по-новому связывает нас с людьми; порождает и неизвестные ранее виды преступности, и новые пути поимки преступников; даже изменяет формы социального неравенства. Мало кто сомневается, что в ближайшем столетии мы станем свидетелями и других изменений, которые усилят социологический интерес к окружающему миру.

Новая информационная технология: размышления над теорией

В главе 1 рассматривались три главные теоретические парадигмы социологии. Как помогают они осмыслить новую информационную технологию?

Структурно-функциональный анализ указывает на тот факт, что, поскольку общество является системой, состоящей из множества взаимозависимых элементов, новая технология наверняка повлияет почти на все стороны нашей жизни. С момента изобретения телевидения в 1939 г. было выпущено свыше 2 млрд телевизоров (а в странах с высоким уровнем дохо-

¹ Стремительный рост числа пользователей Всемирной паутины ведет к перегрузке телефонных линий и задержке передачи и получения информации. До тех пор пока высокоскоростные технологии не войдут в более широкий обиход, «скоростное шоссе» будет оставаться скорее грунтовой дорогой.

дов, наподобие США, рост числа телевизоров опережает прирост численности населения). Телевидение изменило наши знания, способы научения, формы отдыха и даже способы общения в семье. Компьютеры еще радикальнее изменят наше существование. Их явный (т. е. преднамеренный и ожидаемый) эффект затронет не только децентрализацию рабочих мест, но и приведет к тому, что рассредоточатся целые города, так как общение и сотрудничество с окружающими уже не потребуют физического присутствия. Разумеется, труднее предугадать латентные (непредусмотренные) последствия, но таковыми могут оказаться и новые виды человеческих сообществ, поскольку люди уделяют меньше внимания своим реальным соседям и больше времени тратят на онлайн-общение с единомышленниками.

Анализ расцвета новой информационной технологии с точки зрения теории социального конфликта, предоставляет контрастирующий взгляд, особенно относительно социального неравенства. Здесь можно отметить, что новая информационная технология стремительно распространилась в среде состоятельных людей, но гораздо в меньшей степени – среди бедного населения; этот феномен иллюстрирует карта США-киберсфера I.1¹.

Уже очевидно, что информационное столетие будет отмечено наличием двух четко разграниченных классов: образованных людей, обладающих утонченными навыками работы с символами (которые наверняка преуспеют), и тех, кто таковых не имеет (они наверняка останутся на низкооплачиваемых должностях). Статистические сравнения показывают, что среди работников, занятых в одной и той же профессиональной сфере, лица, умеющие обращаться с компьютерами, зарабатывают на 15% больше не умеющих этого делать (Ratan, 1995).

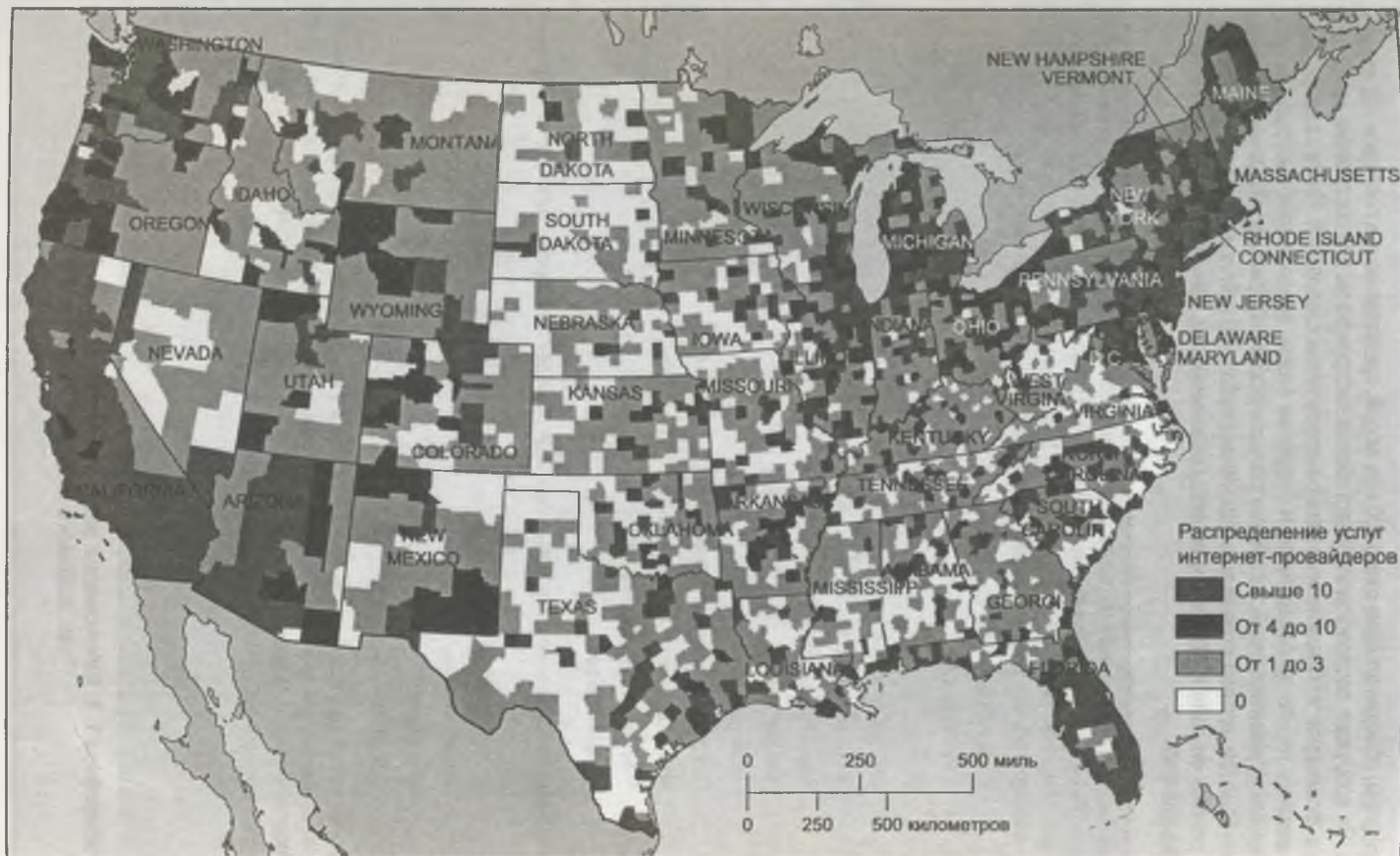
Наконец, согласно парадигме символического интеракционизма, аналитические вопросы задаются на микроуровне. Чем, например, электронная переписка отличается от непосредственного общения? Очевидно, что компьютерная коммуникация, не способная передать ни выражения лица, ни тона голоса, плохо передает эмоции. По этой причине, как показано на рис.-киберсфера I.1, люди творчески превратили значки, представленные на клавиатурах, в символы и породили новый кибер-язык.

Новая информационная технология: вопросы исследования

Каким же образом новая информационная технология сказывается на социологическом исследовании (предмете рассмотрения в главе 2)? Подготовлено целое поколение социологов, которые пользуются компьютерами для эффективного осуществления случайной выборки, выполнения сложного статистического анализа и подготовки письменных отчетов. Очевидно, электронная почта позволяет исследователям «путешествовать» повсеместно, мгновенно и с минимальными издержками. В грядущие годы все больше опросов будет выполняться в режиме онлайн. Электронные опросы заставляют задуматься над тем, повысит ли данная технология процент ответов или анкеты останутся без внимания, будучи принятыми за спам. Закончатся ли кибер-опросы защитой анонимности респондентов или угрозой их праву на неприкосновенность частной жизни?

Неизбежным представляется одно: новая информационная технология намного улучшит связь между исследователями всего мира. Интернет, речь о котором пойдет в следующем очерке

¹ Большинство провайдеров задействовано в округах с высокой плотностью населения и, следовательно, с крупными рынками. В тех же округах проживают большое количество состоятельных людей, способных позволить себе подключиться к Сети. Таким образом, хотя высокие технологии изменяют облик США, темпы изменения выше в городских районах, чем в сельских.

Карта США-киберсфера I.1. Интернет-услуги в США. Источник: Time, March 22, 1999. © 1999, Time, Inc.

киберсферы, объединяет ныне около 400 млн людей, представляющих почти все 192 страны мира. Он вооружает социологов могущественным инструментом для построения сетей, обмена информацией и объединения с целью выполнения исследований. Почти столь же важным является то, что преподавателям и студентам теперь предоставлен быстрый доступ к стремительно увеличивающейся в объеме статистической информации. Например, Бюро переписи США (см. его веб-страницу на <http://www.census.gov>) публикует разнообразные отчеты в режиме он-лайн и ответит на вопросы отдельных лиц, занимающихся собственными исследованиями.

Все началось с рожицы-«смайлика», которая извещает о хорошем настроении или шуточном характере послания. Сейчас рождается новый язык жестов – по мере того как находчивые люди создают новые компьютерные символы-строчки, передающие мысли и эмоции. Ниже приводятся образчики нового кибер-языка (разверните эту страницу на 90° вправо, чтобы оценить лица-«эмотиконы»:

: -) Я над тобой смеюсь.
 : - ') Я хохочу до слез.
 : - O Вау!
 : - X Мой рот на замке!
 : - | | Я на тебя рассердился!
 : - P Я показываю тебе язык!
 : - (Мне грустно.
 : - | Плохи дела.
 % - } Похоже, я перебрал с выпивкой.
 - : (Меня подровняли под индейца!
 + O :) Меня только что выбрали папой!
 @ } → Я дарю тебе розу!

В Японии компьютеры не менее популярны, чем в США. Японцы изобрели свои собственные эмотиконы:

(^_^) Я смеюсь над тобой.
 (*^o^*) Это потрясающе!
 (^o^) Мне хорошо.
 \(^o^)/ Банзай! Это здорово!

Как далеко пойдет этот новый клавиатурный язык? Если у вас достаточно креативности, то возможно все. Ниже представлена программа, обошедшая Всемирную сеть. Она называется *Mr. Asciihead learns the Macarena!* («Мистер *Asciihead* разучивает "макарену!"»). Чтобы увидеть мистера *Asciihead* в действии, обратитесь к ссылке <http://www.TheSociologyPage.com>

o	o	o	o	o	<o	<o>	o>	o
. .	\ .	\ /	//	X	\		<	< >
/\	>\	/<	>\	/<	>\	/<	>\	/<

Рис.-киберсфера 1.1. Кибер-символы: рождающийся язык. Источник: Pollak (1996) and Krantz (1997). «Mr. Asciihead» is the creation of Leow Yee Ling

ЧАСТЬ II

Основы общества

Культура

Дон Доминго — жрец и член куэро, небольшого сообщества, живущего на высоте 15 тыс. футов в Андах, самой высокой горной цепи Южной Америки. Куэро принадлежат к числу самых социально обособленных людей на Земле, редко общающихся с миром за пределами своего дома. Но в 2000 г. этот мир сам явился к куэро. Посланник ООН пригласил Дона Доминго и нескольких других представителей сообщества в Нью-Йорк принять участие в международном саммите мира, предварявшем наступление нового тысячелетия. Дон Доминго принял приглашение, но выдвинул одно условие: он попросил чиновников ООН обеспечить его отряд лошаадьми для 3-дневного путешествия до ближайшей мощеной дороги. Когда курьер согласился, Дон Доминго довольно улыбнулся при мысли о предстоящем визите в Соединенные Штаты.

Несколько недель спустя Дон Доминго и пятеро его собратьев-жрецов прибыли в Куско, древнюю столицу Перу, и очутились на борту авиалайнера «DC-10». Так как в языке кечуа нет слова «самолет», они называли его словом, переводившимся как «большая птица». Когда самолет с ревом помчался по взлетной полосе, мужчины с беспокойством посмотрели в иллюминатор. Вскоре после взлета, они заулыбались и закивали, когда бортпроводник вручил им банки с кока-колой, хотя не имели ни малейшего представления, что с ними делать.

Через несколько часов самолет приземлился в аэропорту Ньюарка, в нескольких милях к западу от Нью-Йорка. Одетые в свои яркие наряды, гости проследовали за представителями принимающей стороны в ожидавший их фургон. Несколькими минутами позже он застрял в вечерней пробке при въезде на главную магистраль Нью-Джерси. «На лошади быстрее», — заметил Дон Доминго, обращаясь к остальным. Неподалеку от шоссе вздымалась небольшая скалистая возвышенность, вызвавшая вопрос: «Как называется эта гора?» Переводчица покачала головой и ответила, что, насколько ей известно, у возвышенности нет никакого названия. Это обескуражило жрецов, почитавших все горы за богов. Когда движение возобновилось, машина устремилась в туннель Линкольна. Пятерым жрецам сделалось еще более не по себе. «*Uccu Pacha*, — негромко сказал остальным Дон Доминго. — Мы входим в преисподнюю».

Сотрудники ООН объявили, что конференция прошла успешно, собрав людей из сотен стран, больших и малых, для обсуждения путей к достижению мира и защиты природной среды земного шара. Жрецы куэро тоже остались довольны путешествием. Вернувшись в Анды, Дон Доминго и его спутники провели много часов, рассказывая соотечественникам о жизни в Нью-Йорке, в том числе о таинственном нисхождении в преисподнюю, которое совершают люди в едва ползущих автомобилях (воспроизводится по Van Biema, 2000).

Мир является домом для более чем 6 млрд людей, имеющих тысячи разных образов жизни. Как открыли для себя жрецы куэро, различия способны восторгать нас, обескураживать и беспокоить. На самом деле, мы легко можем представить реакцию небольшой группы нью-йоркцев, случись им десантироваться в крохотной деревушку племени куэро на вершинах Анд.

На всем земном шаре люди различаются по своему образу жизни. Отличия заметны даже во внешнем виде: сравните изображенных здесь женщин из Бразилии, Кении, Новой Гвинеи и Марокко, а также мужчин с Тайваня, из Индии, Перу и Новой Гвинеи. Менее явными, но еще более значимыми, являются внутренние отличия, ибо культура очерчивает даже наши жизненные цели, чувство справедливости и даже самые сокровенные чувства

Определенного рода различия в образе жизни людей не имеют значения. Если многие нью-йоркцы носят консервативные деловые костюмы, то народ куэро предпочитает ярко расцвеченные одежды. Однако другие культурные различия могут быть весьма глубокими. Если провести опрос людей по всему миру, то можно обнаружить, что в семьях некоторых народностей детей много, а у других — мало; кто-то почитает стариков, а кто-то пренебрегает ими; одни миролюбивы, другие воинственны; кроме того, люди имеют множество религиозных верований и представлений об уважительном и грубом, прекрасном и безобразном, приятном и отталкивающем. Эта поразительная способность к многообразию составляет человеческую культуру.

Что такое культура?

Культурой являются ценности, убеждения, поведение и материальные предметы, которые сообща формируют образ жизни людей. Она вбирает в себя все, что мы думаем, как мы поступаем и чем владеем. Культура — мост в прошлое и проводник в будущее (Soyinka, 1991).

Поведение, считающееся совершенно обычным в одном обществе, может заставить содрогнуться представителей иной культуры. Эта молодая мама и ее 6-недельный сын, живущие в российском городе Санкт-Петербурге, совершенно не боятся 17-градусного мороза и купаются в близлежащем озере. Для русских такое занятие что-то вроде национальной забавы. Однако некоторым американцам подобная практика может показаться жестокой или даже опасной

Чтобы понять ее содержание, нам следует провести различие между мыслями и вещами. **Нематериальная культура** представляет собой *неосязаемый мир идей, создаваемый членами общества*, — от альтруизма до дзэн-буддизма. **Материальная культура** представляет собой материальные ценности, созданные членами общества, — от оружия до застежек-«молний».

Культура не только обуславливает наши деяния, но и помогает сформироваться нашим личностям, именуемым по привычке, хотя и ошибочно, человеческой натурой. Представители воинственного племени яномамё из бразильских тропических лесов считают агрессию естественной, тогда как малазийские семаи, находящиеся от них на расстоянии, равном половине диаметра земного шара, живут в духе мира и сотрудничества. В культурах США и Японии одинаково ценятся успех и упорный труд, но американцы ценят индивидуализм, в отличие от японцев которые ортодоксальнее и ориентированы на коллектив.

1 декабря, Стамбул, Турция. Похоже, что любому порту свойственны две вещи — корабли и кошки. Стамбул, десятый порт на пути нашего следования, кишит кошками, занятыми поисками легкой добычи. Места меняются, и с ними, безусловно, меняются люди, — но только не кошки.

С учетом глубины культурных различий в мире и склонности людей считать свой собственный образ жизни лучшим или более «естественным», чем чужой, понятно, что путешественники — вроде жрецов, описанных в начале главы — часто чувствуют себя неуютно, когда встречаются с иной культурой. Эта неловкость известна как **культурный шок** — *dezориентация личности при ведении непривычного образа жизни*. Ниже («Глобальная социология») рассказано еще об одном слу-

ГЛОБАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Свидание с яномамё: опыт культурного шока

Маленькая алюминиевая моторка старательно пытела, бороздя мутные воды Ориноко — реки, протекающей в глуби бескрайних тропических лесов Южной Америки. Антрополог Наполеон Шаньон был близок к концу 3-дневного путешествия в родные края яномамё, одного из сообществ на Земле, сохранивших наиболее примитивные технологии.

Около 12 тыс. яномамё живут в деревнях, разбросанных вдоль границы между Венесуэлой и Бразилией. Трудно представить жизненный уклад, более отличающийся от нашего, чем этот. Яномамё почти не носят одежды и живут, не зная ни электричества, ни автомобилей, ни прочих привычных для нас удобств. Их традиционное оружие для охоты и войны — лук и стрелы. Большинство яномамё предпочитают не общаться с внешним миром, так что Шаньон должен был показаться им настолько же странным, насколько и они — ему.

К 2 часам дня Шаньон почти достиг пункта своего назначения. Жаркое солнце и влажный воздух были непереносимы. Он обливался потом, а его лицо и руки горели от укусов мошары, вившейся вокруг. Но он не обращал на это внимания, предвкушая, что через несколько минут окажется лицом к лицу с людьми, непохожими ни на кого из тех, с кем ему доводилось встречаться прежде. Сердце Шаньона забилось сильнее, когда лодка уткнулась в берег. Шаньон и его проводник выбрались на сушу и, продираясь сквозь густой подлесок, направились на звуки, доносившиеся из ближайшего селения. Дальнейшее Шаньон описывает так:

Я поднял глаза и разинул рот при виде десятка крепких, голых, потных, отвратительного вида мужчин, взиравших на нас поверх луков с нацеленными стрелами! Огромные комья зеленой табачной массы между их нижними зубами и губами придавали им еще более отталкивающий вид, а из ноздрей стекали или свисали нити темно-зеленой слизи — такие длинные, что достигали [груди] или капали с подбородков.

Моим следующим открытием была почти дюжина злобных, тощих собак, которые норовили схватить меня за ноги и кружили вокруг, как будто я был предназначен им в пищу. Я просто стоял с записной книжкой в руках, беспомощный и жалкий. В нос мне ударила вонь гнилых растений и отбросов, от которой меня чуть не стошнило. Я был в ужасе. Что же это за прием для человека, явившегося к вам жить, учиться вашему образу жизни, подружиться с вами? (Chagnon, 1992; p. 11–12)

К счастью для Шаньона, яномамё признали его проводника и опустили оружие. Шаньон, хотя его заверили в том, что нынешний день он переживет, оставался потрясенным своей неспособностью понять окружающих его людей. И здесь ему предстояло прожить полтора года? Он задавался вопросом, зачем он оставил физику и взялся изучать человеческую культуру.

Источник: Chagnon, 1992

чае культурного шока: история первого посещения исследователем племени яномамё, живущего на берегах Амазонки в Южной Америке.

Для человечества не существует «естественного» образа жизни, пусть даже большинство людей во всем мире именно таким видят свое собственное поведение. Естественное для нас — создание культуры. Любая другая форма жизни — от муравьев и крокодилов до малиновок и зебр — ведет себя уникальным, специфическим для каждого вида образом. В глазах путешественника огромное многообразие жизни людей контрастирует с поведением, скажем, кошек, которые повсюду ведут себя одинаково.

Это единообразие обусловлено тем, что большинство живых существ направляется *инстинктом*, биологической программой, которую животное не контролирует. Некоторые представители фауны — особенно шимпанзе и родственные приматы — способны создавать ограниченную культуру, на что обратили внимание исследователи, наблюдавшие, как те используют орудия и обучают потомство простейшим навыкам. Но креативная мощь людей намного превосходит все это. Иными словами, *только люди гарантируют выживание своего вида, опираясь не на инстинкт, а на культуру* (Harris, 1987). Чтобы понять, как возникла человеческая культура, следует обратиться к истории нашего вида.

Культура и человеческий интеллект

По сравнению со Вселенной, возраст которой насчитывает 15 млрд лет, наша планета гораздо моложе: ей всего 4,5 млрд. Жизнь на Земле появилась не раньше, чем через 1 млрд лет после образования планеты. Прошло еще несколько сотен миллионов лет, прежде чем Землей завладели динозавры, лишь для того, чтобы исчезнуть. Получается, коренной поворот нашей истории, когда появились существа, называемые приматами, произошел 65 млн лет назад.

Из общей массы живых существ они выделяются своим интеллектом: у них наибольший объем мозга по отношению к размерам тела. Около 12 млн лет назад приматы начали развиваться по двум разным линиям, — так отделились люди от больших обезьян, наших ближайших родственников. Но общность происхождения очевидна по чертам, которые люди разделяют с шимпанзе, гориллами и орангутанами: чрезвычайная общительность, нежные и длительные связи для выкармливания детей и взаимной защиты, способность прямо ходить (обычная для людей, но не столь часто встречаемая среди других приматов) и кисти рук, манипулирующих предметами.

Около 3 млн лет назад наши далекие предки сошли с деревьев в высокие травы Центральной Африки. Там, передвигаясь на двух конечностях, они усвоили преимущества коллективной охоты и начали пользоваться огнем, орудиями и оружием; они строили простые укрытия и создавали примитивные одеяния. Эти достижения каменного века могут показаться скромными, но они знаменуют момент, когда наши предки встали на особый эволюционный путь, превращая культуру в основную стратегию выживания. Наконец, приблизительно за 250 тыс. лет до нынешних дней появился наш собственный вид — *homo sapiens* (лат. — «человек разумный»). Человек продолжал развиваться, и 40 тыс. лет назад по Земле уже ходили люди, которые выглядели почти в точности так же, как мы. Обладая большим мозгом, эти «современные» представители *homo sapiens* быстро создали культуру, что показывает множество инструментов и наскальной живописи той эпохи.

Около 12 тыс. лет назад основание постоянных поселений и развитие специализированной профессиональной деятельности на Среднем Востоке (там, где ныне находятся Ирак и Египет) ознаменовали «рождение цивилизации». На этом этапе биологические силы, которые мы называем инстинктами, уже уступили место более действенной схеме выживания: *преобразованию окружающей среды в наших*

собственных целях. С тех самых пор люди так или иначе создавали и переделывали свои миры, чем объясняется сегодняшнее культурное многообразие, захватывающее наше воображение.

Культура, страна и общество

Три сходных термина — «культура», «нация» и «общество» — несут различные оттенки. *Культура* — общий уклад жизни. *Страна* — политический организм, т. е. территория с обозначенными границами (например, США, Канада, Перу или Зимбабве). *Общество*, о чем будет сказано в следующей главе, — организованное взаимодействие людей в стране или в пределах каких-либо других границ.

Соединенные Штаты, следовательно, являются и нацией и обществом. Но многие общества, в том числе и США, — *мультикультурные*: люди ведут различный образ жизни, и эти уклады соседствуют (а иногда конфликтуют).

Сколько культур существует в США? Бюро переписи перечисляет несколько сотен языков, на которых говорят американцы и многие из которых были завезены иммигрантами из всех уголков мира. Вообще на планете специалисты зарегистрировали свыше 5 тыс. языков, а значит, в различные времена существовали как минимум все эти многочисленные культуры (Durning, 1993; Crispell, 1997a). Сегодня, однако, культур насчитывается меньше из-за высокотехнологичных коммуникаций, растущей международной миграции и расширяющейся глобальной экономики. Даже в этой ситуации, как видно из истории куэро, некоторые культуры остаются изолированными и большей частью не затронутыми переменами, происходящими в остальном мире.

А как обстоит дело со странами? Число их то снижается, то возрастает в зависимости от политических событий. Распад Советского Союза и Югославии добавил, например, 19 стран. В 2001 г. в мире было 192 политически независимые страны.

Компоненты культуры

Хотя культуры чрезвычайно отличаются одна от другой, у всех них есть 5 общих компонентов: символы, язык, ценности и убеждения, нормы и материальная культура, включая технологию. Начнем с того, что лежит в основе всех остальных, — с символов.

Символы

Как и все прочие живые существа, люди воспринимают окружающий мир с помощью органов чувств, но в отличие от других мы также создаем реальность *смысла*. Люди преобразуют элементы мира в *символы* — все, что несет в себе особый смысл, признаваемый людьми одной культуры. Слово, гудок, граффити на стене, мигающий красный свет, занесенный кулак — все это символы. Например, способность людей создавать символы и манипулировать ими отражена в том различном смысле, который заложен в простом подмигивании: оно передает заинтересованность, понимание или оскорбление.

Во всем мире люди общаются не только при помощи слов, но и посредством жестов, смысл которых зависит от культуры. Для большинства американцев в женщине, изображенной на левом снимке, нет ничего необычного. Но для жителей мусульманских стран, которые обычно пользуются левой рукой при выполнении гигиенических процедур, подобная манера питания оскорбительна, если не сказать больше! Аналогичным образом привычный жест «о'кеу», которым мы выражаем одобрение и удовольствие, наверняка оскорбит француза, который прочитывает это послание как «ты – ничтожество». Наконец, даже привычный большой палец, поднятый вверх, – жест, которым мы говорим: «Молодчина!», в Австралии доставит вам неприятности, так как для местных жителей он означает «Пошел ты!..»

Мы до такой степени зависим от символов нашей культуры, что принимаем их за нечто само собой разумеющееся. Однако иногда со всей ясностью осознаем символ как таковой, когда кто-то обращается с ним непривычным для нас образом: например, сжигает флаг США во время политической демонстрации. Вхождение в незнакомую культуру тоже напоминает нам о власти символов; культурный шок на деле является неумением «прочитать» смысл в новом окружении. Непонимание символов культуры оставляет человека с чувством потерянности и обособленности, неуверенностью в выборе поступков, а иногда — в страхе.

Культурный шок — двойственный процесс. С одной стороны, путешественники *переживают* его, когда сталкиваются с людьми, ведущими иной образ жизни. Например, американцев, считающих собак обожаемыми домашними любимцами, могут оттолкнуть восточноафриканские масаи, которые игнорируют собак и никогда их не кормят. Тех же путешественников может ужаснуть тот факт, что в некоторых областях Индонезии и в северных районах Китайской Народной Республики люди готовят из собак жаркое.

С другой стороны, путешественник *провоцирует* культурный шок, действуя оскорбительным для других образом. Американец, спрашивающий в индийском ресторане чизбургер, оскорбляет индусов, которые считают коров священными животными и никогда не едят говядины.

Путешествие по миру предоставляет бесчисленные возможности для недопонимания. Оказавшись в незнакомой среде, мы должны помнить, что даже то поведение, которое видится нам невинным и нормальным, может оскорбить других людей, что ясно по представленным фотографиям.

Смысловая нагрузка символов различается и в пределах отдельно взятого общества. меховая шубка может воплощать в себе либо символ преуспевания и успеха, либо бесчеловечное обращение с животными. Таким же образом для одних

флаг Конфедерации¹ символизирует региональное наследие и выступает предметом гордости, но для других является символом расового угнетения (ср. Reingold & Wike, 1998; Broughton, 2001).

Язык

В младенческом возрасте болезнь оставила Хелен Келлер (1880–1968) слепой и глухой. Она была отрезана от мира символов, что крайне ограничило ее социальное развитие. Лишь когда ее учительница, Анна Мэнсфилд Салливен, пробила брешь в изоляции Келлер, используя язык знаков, та начала сознавать свой человеческий потенциал. Эта замечательная женщина, которая впоследствии сама стала признанным педагогом, вспоминает момент, когда она уловила концепцию языка:

Мы шли по тропинке к водной колонке, привлеченные ароматом скрывавшей ее жимолости. Кто-то набирал воду, и учительница сунула мою руку под струю. Когда холодный поток обьял одну кисть, она написала на другой слово *вода*, сначала медленно, а потом быстро. Я стояла неподвижно, все мое внимание было приковано к движению ее пальцев. Внезапно я ощутила туманное представление, как будто припоминала что-то забытое — зов возвращающейся мысли, и секрет языка каким-то образом раскрылся передо мной. Теперь я знала, что «в-о-д-а» означает восхитительное прохладное нечто, изливающееся мне на руку. Это живое слово пробудило мою душу; подарило ей свет, надежду, радость, освободило ее (Keller, 1903; p. 21–24)!

Язык, ключ к миру культуры, есть *система символов, которая позволяет людям общаться друг с другом*. Люди разработали сотни алфавитов. Разнятся даже правила письма: в западных странах большинство людей пишут слева направо, но жители Северо-Западной Африки и Западной Азии пишут справа налево, а в Восточной Азии — сверху вниз. Карта мира 3.1 показывает распределение трех наиболее широко употребляемых языков².

Язык не только является средством коммуникации, но и гарантирует неразрывность культуры. Он представляет собой культурное наследие и ключ к **культурной трансмиссии** — *процессу, посредством которого культура передается от поколения к поколению*. Точно так же как в нашем организме присутствуют гены предков, так и в культуре содержатся бесчисленные символы тех, кто был до нас. Язык — это ключ, опирающийся столетия накопленной мудрости.

¹ Конфедерацией принято называть группу южных штатов, провозгласивших в 1861 г. выход из США и спровоцировавших тем самым Гражданскую войну. — *Примеч. науч. ред.*

² Китайский язык (включая мандаринский, кантонийский и десятки других диалектов) является родным языком для пятой части всего населения мира, которая почти полностью проживает в Азии. Хотя все китайцы читают и пишут одинаковыми иероглифами, они используют несколько десятков диалектов. «Официальным», преподаваемым в школах Китайской Народной Республики и Республики Тайвань, считается мандаринский (диалект Пекина, исторической столицы Китая). Вторым по распространенности китайским диалектом служит кантонийский, язык Кантона; по своему звучанию он отличается от мандаринского приблизительно так же, как французский от испанского.

Английский язык — родной или официальный для нескольких регионов мира (на нем говорит 10% всего населения планеты), он стал предпочтительным вторым языком в большинстве стран.

Наибольшее сосредоточение испаноговорящих в Латинской Америке и, конечно, в Испании. Испанский язык также является предпочтительным вторым языком в США.

Карта мира 3.1. Язык в глобальной перспективе. *Источник:* Peters Atlas of the World, 1990; обновлен автором

Каждое общество передает культуру с помощью речи; этот процесс социологи называют *устной культурной традицией*. Однако приблизительно 5 тыс. лет назад люди изобрели письменность, бывшую, впрочем, достоянием немногих, научившихся читать и писать. Почти всеобщей грамотностью страны с высоким уровнем доходов не могли похвастаться вплоть до XX в. В США по меньшей мере 10% взрослых (около 20 млн человек) до сих пор функционально неграмотны. Они не умеют ни читать, ни писать в обществе, в котором символические навыки становятся все более востребованными. В странах с низким уровнем доходов неграмотными признаны около одной трети мужчин и почти две трети женщин (United Nations Development Programme, 2001).

Язык не только связывает нас с прошлым, но и высвобождает человеческое воображение. По-новому соединяя символы, мы в состоянии охватить почти безграничный диапазон будущих возможностей. Язык ставит людей в особое положение как единственных существ, обладающих самосознанием, осознающих свою ограниченность и смертность, но, несмотря на это, способных мечтать и надеяться на будущее, которое окажется лучше, чем настоящее.

Язык: только ли для людей? Разные животные — большие и малые — обмениваются друг с другом звуками, запахами и жестами. В большинстве случаев эти сигналы инстинктивны. Но некоторые животные могут пользоваться символами для общения с себе подобными и людьми.

Рассмотрим замечательные успехи 12-летнего карликового шимпанзе Канзи. Шимпанзе физически не способны имитировать человеческую речь. Но исследователь Э. Сью Саваж-Румбо открыла, что Канзи мог научиться языку, слушая и наблюдая за людьми. Под руководством Саваж-Румбо Канзи набрал словесный запас из нескольких сотен слов и научился «говорить», указывая на картинки, находившиеся на специальной клавиатуре. Он умел отвечать на вопросы и требования типа: «Ты возьмешь салфетку для своей сестренки?» и «Положи дыню в горшочек». Способности Канзи выходят за рамки простого механического научения, поскольку он может отвечать на запросы, которых не слышал прежде. Канзи обладает языковыми способностями ребенка 2,5 лет (Linden, 1993).

И все-таки языковые навыки шимпанзе, дельфинов и некоторых других животных ограничены. Даже специально обученные представители фауны не могут передавать такие навыки другим особям. Но достижения Канзи предостерегают нас от того вывода, что всяческие притязания на культуру позволительны только людям.

Формирует ли язык реальность? Воспринимают ли куэро, говорящие на языке кечуа, мир иначе, чем американцы, думающие, скажем, по-английски или по-испански? Ответ утвердительный, так как в каждом языке есть свои собственные отличительные символы, служащие кирпичиками для построения реальности.

Эдвард Сапир и Бенджамин Уорф предположили, что языки не являются различными наборами ярлыков для обозначения одной и той же реальности (Sapir, 1929, 1949; Whorf, 1956). Скорее, в любой системе символов есть по крайней мере, отдельные уникальные слова и выражения. Кроме того, все языки сопрягают символы с четко определенными эмоциями. Таким образом, как могут засвидетельствовать люди, владеющие несколькими языками, отдельная идея может «ощу-

щаться» по-разному, будучи выраженной не по-английски или по-китайски, а по-испански (Falk, 1987). Тезис Сапира—Уорфа гласит: *люди воспринимают мир через культурную призму языка.*

Ценности и убеждения

Чем объяснить популярность фильмов с героями вроде Джеймса Бонда, Грязного Гарри, Рэмбо и Эрин Брокович? Каждый из них — воплощение индивидуальности, поскольку полагается на личные навыки и находчивость, чтобы противостоять «системе». Приветствуя таких персонажей, мы одобряем определенные ценности, некие культурные стандарты, отталкиваясь от которых, люди определяют благо, добродетель и красоту и которые в широком смысле являются нормативами жизни в обществе. Ценности — утверждения о должном с позиций культуры.

Они представляют собой широкие принципы, лежащие в основе убеждений, определенных утверждений, которые люди считают истинными. Иными словами, ценности — это абстрактные стандарты блага, а убеждения — частности, которые люди считают истинными или ложными. Например, поскольку у большинства взрослых американцев есть общая ценность, заключающаяся в предоставлении всем и каждому равных возможностей, оно полагает, что обладающая должной квалификацией женщина может быть президентом США (NORC, 2001).

Культурные ценности и убеждения влияют не только на наше восприятие окружающей среды, но и формируют ядро личности. Семья, друзья, школа и религиозные организации учат человека мыслить и поступать в соответствии с определенными принципами, верить в достойные истины и преследовать надлежащие цели. Однако в такой большой и разнородной стране, какой являются США, лишь немногие культурные ценности и убеждения разделяются всеми без исключения. Долгая история иммиграции превратила Соединенные Штаты в мозаику культур. В этом смысле эта страна отличается от многих, например Китая¹ и Японии, которые более однородны в культурном отношении.

Ключевые ценности американской культуры. Хотя культура США не единообразна, Робин Уильямс (Williams, 1970) выделил 10 ценностей, которые широко распространены и, по мнению многих, составляют ядро американского образа жизни:

1. **Равные возможности.** Жители США одобряют не равенство положения, а равенство возможностей. Это означает, что каждому обществу должно обеспечивать шанс преуспеть в соответствии с его индивидуальными талантами и усилиями.
2. **Достижения и успех.** Американский образ жизни побуждает к соревнованию, благодаря которому получаемое человеком вознаграждение отражает его персональные заслуги. Более того: успех придает людям ощущение их собственной значимости — наделяет мантиями «победителей».
3. **Материальный комфорт.** В США успех по преимуществу состоит в том, чтобы делать деньги и получать удовольствие от приобретаемого на них. Хотя

¹ Весьма спорное утверждение, поскольку Китай представляет собой полнэтничное общество, в котором буддийская культура (Тибет и Внутренняя Монголия), мусульманская (уйгуры) соседствуют с даосизмом и конфуцианством. — *Примеч. науч. ред.*

иногда можно слышать, что «счастья не купишь», большинство все равно продолжает стремиться к достатку.

4. **Активность и труд.** Популярными в США герои, начиная с вымышленного археолога Индианы Джонса и заканчивая чемпионом по гольфу Тайгером Вудсом, являются «делателями», которые доводят задуманное до конца. В американской культуре ценятся не *рефлексия* и не пассивное принятие своей судьбы, но *действие* и контроль над событиями.
5. **Практичность и эффективность.** Американцы ценят практику больше теории, или предпочитают действие мечтам. Деятельность ценна в той мере, в какой она позволяет зарабатывать деньги. Родители говорят своим детям: «Главное — то, что поможет тебе получить работу!»
6. **Прогресс.** Американцы — оптимисты, вопреки ностальгии, верящие, что настоящее лучше былого. Мы прославляем прогресс, приравнивая «новейшее» к «наилучшему».
7. **Наука.** От науки и передовых технологий американцы ждут решения проблем и улучшения нашей жизни. Мы считаем себя рациональными людьми, чем, видимо, объясняется одна тенденция американской культуры (особенно заметная среди мужчин) — придавать меньшее значение эмоциям и интуиции как источникам познания.
8. **Демократия и свободное предпринимательство.** Члены американского общества признают права индивидов, которые не должны попирались правительством. Мы считаем, что справедливая политическая система основывается на свободных выборах, в ходе которых взрослые избирают своих лидеров, а также на экономике, которая реагирует на предпочтения отдельных потребителей.
9. **Свобода.** Под нашей культурной ценностью свободы понимается то, что индивидуальной инициативе придается значение большее, чем коллективному конформизму. Хотя нам известно, что каждый имеет свои обязанности перед другими, мы считаем, что люди должны быть свободными в преследовании своих персональных целей, а вмешательство со стороны государства — минимальным.
10. **Расизм и групповое превосходство.** Несмотря на строгие представления об индивидуализме и свободе, большинство американцев продолжают оценивать человека с позиции гендерной, расовой, этнической и классовой принадлежности. Вообще, культура США мужчин ставит выше женщин, белых — выше цветных, выходцев из стран Северной и Западной Европы — над теми, чьи предки приехали из иных краев, богатых — выше бедных. Хотя американцы предпочитают говорить о себе как о нации равных, мало кто сомневается, что некоторые из нас «более равны, чем другие».

Конфликт ценностей. Просматривая список Уильямса, мы видим, что некоторые ценности не согласуются и даже противоречат одна другой (Lynd, 1967; Bellah et al., 1985; Ray, 1997). Так, жители Соединенных Штатов верят в равенство возможностей, но в то же время склоны к дискриминации других по расовому или половому признаку.

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Я не виноват! Новая «культура виктимизации»¹

Студент-юрист, учившийся в университете штата Северная Каролина, вышел на улицу, вооруженный винтовкой «М-1», прицелился и убил двух незнакомых мужчин. Позднее, находясь в психиатрической больнице, он возбудил иск против своего терапевта за то, что сделанного последним оказалось недостаточно для предотвращения его действий. Суд постановил выплатить ему компенсацию в размере \$500 тыс.

В Нью-Йорке мужчина выскочил на пути перед составом подземки; ему повезло остаться в живых, и он обвинил город в том, что поезд не затормозил вовремя и причинил ему серьезные травмы. Размер его компенсации составил \$650 тыс.

В Вашингтоне мэр города, узнав, что его засняли на видеопленку, когда он курил крэк² в гостиничном номере, обвинил свою подружку в том, что она его «подставила», и предположил, будто полиция арестовала его по расовым мотивам.

После того, как дюжина женщин обвинила сенатора от штата Орегон в сексуальном преследовании, он заявил, что его поведение объяснялось алкоголизмом.

В самом знаменитом случае подобного рода бывший городской политик застрелил мэра Сан-Франциско и члена городского совета, списав свои действия на нездоровье, вызванное употреблением слишком большого количества высококалорийной пищи (так называемая защита Твинки).

В каждом из этих случаев кто-то отрицал свою персональную ответственность, взамен объявляя себя жертвой. Члены нашего общества все чаще и чаще перелагают вину на что угодно, что побудило Ирвина Горовитца (Hogowitz, 1993) заявить: наш образ жизни становится «культурой виктимизации», где «каждый является жертвой» и «никто ни за что не отвечает».

Одним из показателей такой тенденции выступает увеличение числа «аддикций» (термин, некогда ассоциировавшийся исключительно с неконтролируемым употреблением наркотиков). Теперь мы слышим о зависимых игроках, обжорах по принуждению, сексуальной аддикции и даже о людях, которые извиняют свою стремительно растущую финансовую задолженность пристрастием к покупкам — шопингу. Книжные магазины завалены практическими руководствами, призванными помочь людям преодолеть массу новых физических и психологических недугов, начиная от «комплекса Золушки» и заканчивая «комплексом Казановы», и даже «синдром «мыльных опер»». А суды США парализованы тяжбами о несчастьях, в которых обвиняется кто угодно, и которые мы привыкли считать составной частью жизни.

Что же происходит? Меняется ли культура Соединенных Штатов? Американским культурным идеалом исторически выступал непреклонный индивидуализм — идея об ответственности людей за все, что их постигает, будь то триумф или трагедия. Но эта ценность была подточена многими способами. Во-первых, сегодня возросло понимание того, как общество формирует нашу жизнь (что отчасти является заслугой социологов). Поэтому жертвами теперь называют себя уже не те категории людей, которые понесли реальный ущерб (коренные американцы, афроамериканцы и женщины). В числе новейших жертв оказались белые мужчины, которые заявляют, что «считаются с кем угодно, только не с ними».

Во-вторых, многие адвокаты, особенно с запуска рекламы их услуг в 1977 г., возбудили чувство несправедливости во многих клиентах, чьи интересы надеялись представлять в суде. За последние 25 лет число миллионных компенсаций выросло более чем в 25 раз.

¹ От англ. *to victimize* — делать кого-либо жертвой. — *Примеч. науч. ред.*

² Наркотический препарат. — *Примеч. науч. ред.*

Наконец, бурный рост разного рода «правозащитных групп» способствует тому, что Амитаи Этциони называет «правовой инфляцией». Помимо традиционных конституционных свобод возникло много новых заявленных прав: права охотников (равно как и животных), права курильщиков (и некурящих), право женщин осуществлять контроль над своим телом (и права новорожденных) и право на владение оружием (а также право на защиту от насилия). Растущее число обвинений в несоблюдении прав повсюду порождает новые и новые жертвы (и обидчиков).

Знаменует ли этот сдвиг в направлении виктимизации фундаментальное преобразование в американской индивидуалистической культуре? Возможно, это действительно так, но новомодная популярность «жертвы» — результат приложения и неких уже устоявшихся культурных сил. Например, претензия на виктимизацию зависит от давнего убеждения, что все имеют право на жизнь, свободу и достижение счастья. Однако новым оказывается то, что сегодняшней лавинообразный рост числа «прав» — нечто большее, чем просто повышение бдительности к проявлениям явной несправедливости: он ослабляет нашу ответственность за собственную жизнь.

А как считаете вы:

1. Слабее ли в настоящее время тот акцент, который делает американская культура, на индивидуализме? Почему?
2. Пережили ли Соединенные Штаты «правовую инфляцию»? Почему вы так считаете?
3. Способствует ли социологический подход рассмотрению людей в качестве жертв? Почему?

Источники. Etzioni, 1991; Taylor, 1991; Hollander, 1995; Roche, 1999

Конфликт между ценностями отражает культурную разнородность американского общества, а также изменения, в ходе которых новые веяния развиваются при сохранении старых традиций. Недавно, например, стойкую веру американского общества в индивидуальную ответственность поколебало явление, которое некоторые обозреватели назвали «культурой виктимизации» (Best, 1997; Furedi, 1998). Эта тема подробнее освещена в рубрике «Критическое мышление».

Конфликт между ценностями ведет к напряжению и зачастую приводит к неуклюжему балансированию между теми или иными убеждениями. Иногда мы решаем, что какая-либо ценность важнее другой (например, поддерживаем равноправие, но выступаем против службы гомосексуалистов в вооруженных силах США). В подобных случаях мы просто учимся уживаться с противоречиями.

Нормы

Большинство жителей Соединенных Штатов всегда готовы посплетничать о соседе. Однако представители общества куэро порицают подобное поведение, считая его грубым и сеющим распри. Оба образца иллюстрируют действие *норм* — *правил и ожиданий*¹, посредством которых общество руководит поведением своих членов. Некоторые нормы являются *проскриптивными*: они говорят нам, чего *нельзя* делать (скажем, работники здравоохранения предостерегают нас от случайных половых связей). С другой стороны, *прескриптивные* нормы говорят нам о том, что мы *должны* делать (например, школьные педагоги преподают в США правила «безопасного секса»).

¹ От англ. *to expect* — ожидать. — Примеч. науч. ред.

Самые важные культурные нормы действуют постоянно и повсеместно. Так, родители ожидают от маленьких детей послушания независимо от обстановки. Другие нормы зависят от ситуации. В США мы ждем от аудитории аплодисментов после концерта, можем аплодировать (хотя это уже не подразумевается само собой) после лекции, но не аплодируем пастору или раввину, когда они заканчивают проповедь.

Нравы и народные обычаи. Уильям Грэхем Самнер (Sumner, 1959; первое изд. — 1906), один из первых американских социологов, признавал, что в нашей жизни некоторые нормы оказываются важнее других. Самнер ввел термин **нравы**, чтобы обозначить *широко наблюдаемые и имеющие огромную моральную значимость нормы*.

К нравам, или системе *табу*, относится запрет в американском обществе на вступление взрослых в сексуальные отношения с детьми.

Меньше внимания люди обращают на **народные обычаи** — *нормы обычного, бессистемного взаимодействия*. Образчиками выступают представления о подобающих приветствиях и манере одеваться. Иными словами, нравы разграничивают должное и недолжное, а народные обычаи — правильное и оскорбительное. Человек, не надевающий галстук к официальному обеду, может вызвать удивленные гримасы, поскольку нарушает народные обычаи. Однако, приди он к обеду в *одном лишь* галстуке, оказались бы поправы установленные культурой нравы, и тогда к этому человеку были бы применены более серьезные санкции.

Социальный контроль. Нравы и народные обычаи — основные правила повседневной жизни. Хотя мы порой сердимся, когда другие заставляют нас соответствовать неким установлениям, всем очевидно, что нормы делают наше общение с окружающими более упорядоченным и предсказуемым. Соблюдение или нарушение правил социальной жизни вызывают соответствующую реакцию со стороны окружающих, которая принимает форму либо поощрения, либо наказания. *Санкции*, форма которых различна — будь то одобрительная улыбка или вскинутая бровь — образуют систему **социального контроля** (*разнообразных средств, которыми члены общества поощряют приверженность нормам; попыток общества регулировать мышление и поведение людей*).

Когда люди выучивают культурные нормы, они приобретают способность оценивать собственное поведение. Неправильный поступок (например, скачивание дипломной работы из Интернета) может вызвать одновременно чувства *стыда* (болезненное ощущение того, что другие не одобряют наши действия) и *вины* (негативное суждение о себе). Такое способны переживать лишь культурные существа. Именно это, наверное, имел в виду Марк Твен, когда замечал, что люди — «единственные животные, способные или обязанные краснеть».

«Идеальная» и «реальная» культура

Ценности и нормы не столько описывают фактическое поведение, сколько предписывают его как *должное*. Следует помнить, что *идеальная* культура всегда отличается от *реальной* (того, что происходит в жизни на самом деле). Иллюстрацией служит тот факт, что большинство мужчин и женщин соглашаются с важностью соблюдать супружескую верность. Однако, по данным одного исследования, около

25% женатых мужчин и 10% замужних женщин признаются, что изменяли супругам (Laumann et al., 1994). Однако моральные требования, выдвигаемые культурой, все равно сохраняют свою важность, что приводит на память старое присловье: «Делай, что я говорю, а не то, что я делаю».

Материальная культура и технология

Помимо таких не вещественных феноменов, как ценности и нормы, любая культура включает множество вполне осязаемых созданий человеческих рук, которые социологи именуют *артефактами*. Китайцы едят не ножами и вилками, а палочками; японцы устилают полы не коврами, а циновками; в Индии многие мужчины и женщины предпочитают просторные одеяния облегающей одежде, которая обычна для жителей США. Чужакам материальная культура может показаться настолько же странной, насколько причудливыми кажутся их язык, ценности и нормы.

В артефактах общества отражены основополагающие культурные ценности. Воинственные яномамё тщательно обрабатывают свое оружие и снабжают стрелы отравленными наконечниками. Напротив, из предпочтения индивидуализма и независимости, которые типичны для американского общества, удастся с помощью пространных рассуждений вывести преклонение жителей США перед автомобилями. Американцам принадлежит 208 млн транспортных средств (по одному на каждого водителя, имеющего права), причем производимые в США автомобили — самые большие в мире. На рис. 3.1 показано, что США — страна автомобилистов, выделяющаяся даже из числа других, где уровень доходов высок.

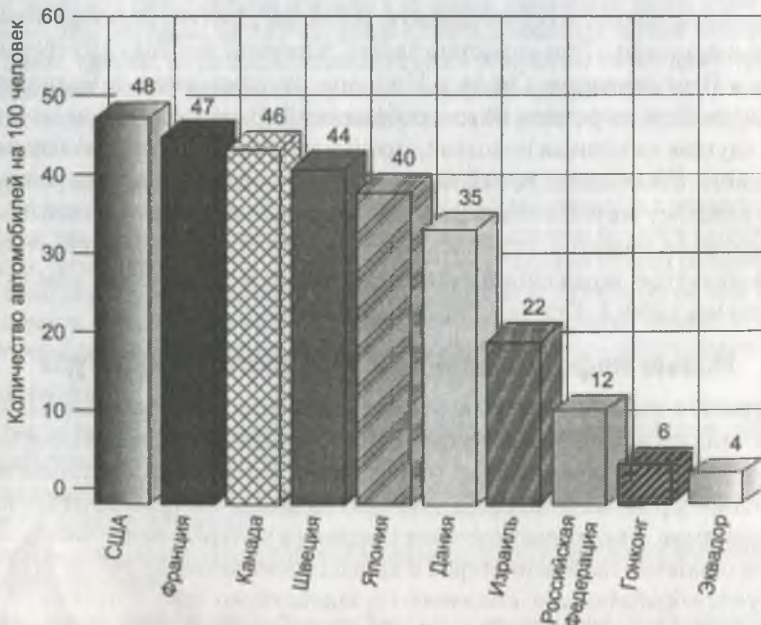

Рис. 3.1. Количество автомобилей в разных странах. Источник: The World Bank, 2001

Материальная культура отражает не только ценности общества, но и его **техно­логию** (*знания, которые помогают людям обустроить жизнь в данных условиях*). Чем таковые сложнее, тем в большей мере люди способны (к добру или ко злу) преобразовывать мир, удовлетворяя собственные нужды.

Поскольку американцы придают огромное значение науке и высоко ценят сложные технологии, люди нашего общества склонны считать культуры с более примитивной технологией менее развитыми. Некоторые факты подтверждают эту оценку. Так, ожидается, что средняя продолжительность жизни тех, кто родился в США сегодня, составит свыше 76 лет; продолжительность жизни яномамё — всего 40 лет.

Однако следует проявлять осторожность и не высказывать пристрастных суждений об иных культурах. Хотя многие яномамё охотно перенимают современную технологию (инструменты из стали и огнестрельное оружие), по мировым стандартам, они неплохо питаются и в большинстве своем очень довольны своей жизнью (Chagnon, 1992). Кроме того, хотя наша могущественная и сложная технология значительно облегчила нам труд и принесла с собой, казалось бы, чудодейственные методики лечения болезней, она также способствовала стрессу, который достиг опасного для здоровья уровня; искалечила окружающую среду и породила такое оружие, что ослепительная вспышка может уничтожить все достижения человечества.

Наконец, нужно отметить, что распределение технологии среди населения неравномерно. Хотя многие из американцев не могут представить себе жизнь без персональных компьютеров, телевизоров и CD-плееров, немалое число жителей США не может позволить себе подобную роскошь. Другие, включая аммитов, отвергают их в принципе. Эти «простые люди», живущие маленькими фермерскими общинами в Пенсильвании, Огайо и Индиане, отказываются от большинства современных удобств из религиозных соображений. В своих традиционных черных одеяниях, едущие на конных повозках, аммиты могут показаться забавными реликтами прошлого. Их общины тем не менее процветают, опираясь на прочные семьи, задающие каждому ощущение идентичности и предназначения. Некоторые исследователи изучали аммитов, стремясь подчеркнуть, что эти общины — «островки здоровья в культуре, зараженной духом коммерции и отданной во власть технологии» (Hostetler, 1980: 4; Kraybill, 1994; p. 28).

Новые информационные технологии и культура

Многие страны с высоким уровнем доходов, включая Соединенные Штаты, вступили в постиндустриальную фазу, где экономическая деятельность все в большей мере основывается на компьютерах и новых информационных технологиях. Если промышленное производство сосредоточено на заводах и предполагает использование механизмов, с помощью которых создаются материальные блага, постиндустриальное основано на компьютерах и других электронных устройствах, которые производят, обрабатывают, сохраняют и задействуют информацию.

Экономика информационной эры требует от рабочих умения обращаться с символами, а не механических навыков индустриальной эпохи — умения говорить,

писать, вычислять, проектировать и создавать образы в искусстве, рекламном деле и предпринимательстве. Новые информационные технологии позволяют нам также *генерировать культуру* в беспрецедентных масштабах. Подробнее об этом рассказано в рубрике «Критическое мышление».

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Виртуальная культура: хороша ли она для нас?

16 января, Орlando, штат Флорида. Диснеевский мир – предмет восторгов для детей, но несколько озадачивает социологов. Это готовая культура: улицы, магазины и события воссоздают атмосферу маленького городка XIX в., населенного персонажами Диснея. Жизнь здесь тщательно контролируется, чтобы обеспечить приятное времяпрепровождение и – разумеется – опустошить наши кошельки.

Информационная революция порождает символы – слова, звуки и образы – быстрее, чем когда-либо прежде, и они расходятся по стране и миру. Что несет нашему жизненному укладу эта новая информационная технология?

В минувшие столетия культура была образом жизни, передаваемым из поколения в поколение. Она была наследием (коллективной памятью общества), которое было нашим по праву, ибо принадлежало нашим предкам (Schwartz, 1996). Но в нарождающемся кибер-обществе все больше культурных символов оказываются новшествами, намеренно созданными немногочисленной культурной элитой, состоящей из композиторов, писателей, кинематографистов и прочих людей, которые заняты в расширяющейся информационной экономике.

Чтобы понять происходящее, задумайтесь над изменяющимся характером культурных героев – людей, выступающих ролевыми моделями и воплощающих в себе культурные идеалы. 100 лет назад ими были реальные мужчины и женщины, изменившие жизнь нации: Джордж Вашингтон, Абигейл Адамс, Бетси Росс, Дэйви Крокетт, Дэниел Бун, Авраам Линкольн и Гарриет Табмен. Конечно, когда общество делает из кого-то героя (почти всегда это происходит по прошествии долгого времени после его кончины), оно «ретуширует» биографию такого человека, подчеркивая успехи и сглаживая недостатки. Но даже в этом случае ставшие героями – реальные исторические лица.

Сегодняшняя молодежь, напротив, сидит на постоянной диете *виртуальной культуры*, образов, которые порождены сознанием современных творцов культуры и подаются с экрана телевизора, кинотеатра или через компьютерные сети. Сегодняшними «героями» являются крокодил Данди, покемоны, Бэтмен, Барби, Барни, диснеевские персонажи, создание которых поставлено на поток, и вечно улыбающийся Рональд Мак-Дональд. Некоторые из этих культурных икон олицетворяют ценности, которые формируют наш образ жизни. Но они не имеют никакого отношения к исторической реальности и почти все созданы с единственной целью – делать деньги.

А как думаете вы:

1. Будет ли возрастать значимость виртуальной культуры по мере углубления информационной революции? Почему вы так думаете?
2. Подрывает или обогащает виртуальная культура наши культурные традиции? Чем она является – благом или злом?
3. Какой имидж Соединенных Штатов за рубежом создаются американскими телевидением и кинематографом?

Источник: Johnson, 1996; благодарен Рональду Джонсону за основную идею, положенную в основу данного материала

Культурное многообразие: многочисленные образы жизни в мире

В США существующее культурное многообразие сразу опознается людьми, когда они улавливают отчетливый акцент в речи окружающих из различных регионов страны, включая Новую Англию, Средний Запад и самый Юг. США — страна религиозного плюрализма, классовых различий и родной дом для индивидуалистов, стремящихся быть особенными и ни на кого не похожими. За прошедшие столетия масштабная иммиграция превратила Соединенные Штаты в самую *мультикультурную* из всех стран с высоким уровнем доходов. Напротив, историческая изоляция сделала Японию самой *монокультурной* из такого ряда.

С 1820 г. (начиная с этого времени правительство США стало отслеживать иммиграцию) по 2000 г. на американские берега прибыло свыше 65 млн человек. Но этим дело не ограничивается: культура Соединенных Штатов продолжает становиться все более смешанной, ибо в страну дополнительно прибывают еще почти по 1 млн человек ежегодно. 100 лет назад, как показывает рис. 3.2, почти все иммигранты приезжали из Европы; теперь же их наибольший приток обеспечивают Латинская Америка и Азия.

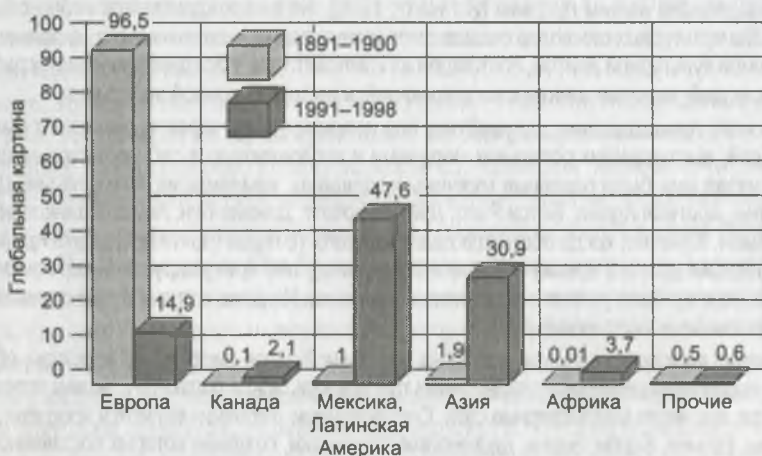

Рис. 3.2. Официально зарегистрированная иммиграция в Соединенные Штаты из разных регионов мира, 1891–1900 и 1991–1998 гг. *Источники:* U. S. Department of Commerce, 1930; U. S. Immigration & Naturalization Service, 1999

Чтобы понять реалии жизни в США, нужно выйти за пределы широких культурных образцов и общих ценностей и рассмотреть культурное многообразие.

Элитарная и популярная культура

Культурное многообразие может подразумевать принадлежность к тому или иному социальному классу. Обычно под «культурой» подразумевают такие виды искусства, как классическая литература, музыка, танец и живопись. Мы называем тех, кто регулярно бывает в опере или драматическом театре, культурными, считая, что они способны оценить «тонкие жизненные материи».

О простых же людях судим не столь благодушно, полагая повседневную культуру принадлежащей к низшему сорту. Так, мы склонны считать музыку Бетховена «культурнее» блюза, кускус — лучше маисового хлеба, а поло — более утонченным, чем пинг-понг.

Из подобных суждений вытекает, что многие культурные образцы оказываются асбсолютно доступными лишь для некоторых членов общества (Hall & Neitz, 1993). Социологи используют термины **элитарная культура** (которую еще называют **культурой для высоколобых**¹), желая обозначить *культурные образцы, отличающие элиту общества, и популярная культура* (*культурные образцы, широко распространенные среди населения*). Однако здравый смысл подсказывает, что первая оценивается выше второй. Поэтому социологи предпочитают говорить о «культуре», обозначая *все* элементы образа жизни в обществе, включая образцы богатых и бедных людей.

Кроме того, есть две причины, по которым нам следует остерегаться разграничения культуры на высокую и популярную. Во-первых, ни члены элиты, ни обычные люди никогда не имеют совершенно одинаковых вкусов и интересов; представители обеих категорий отличаются по самым различным позициям. Во-вторых, не очень понятно, восхваляется ли элитарная культура потому, что она изначально лучше популярной, или же из-за того, что ее поборники обладают большими деньгами, властью и престижем. Например, между словами *violin* и *fiddle*² нет никакой разницы. Но если речь идет о музыке, которая обычно нравится человеку, занимающему более высокое социальное положение, выбирается одно слово; второе употребляется, когда музыкант исполняет произведения, ценимые людьми, стоящие на более низких ступенях общественной иерархии.

Карта США 3.1³ демонстрирует среднее потребление алкоголя на душу населения, что отражает распределение элитарной и популярной культуры в США.

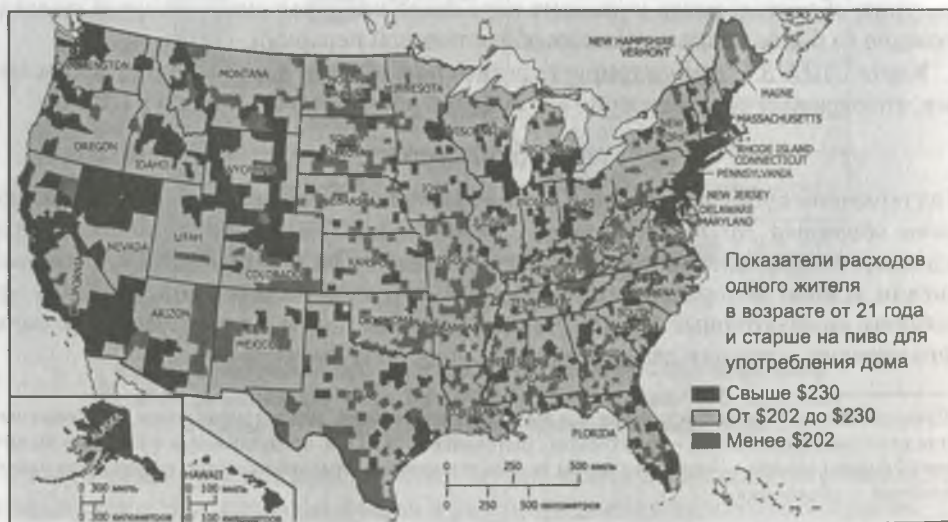
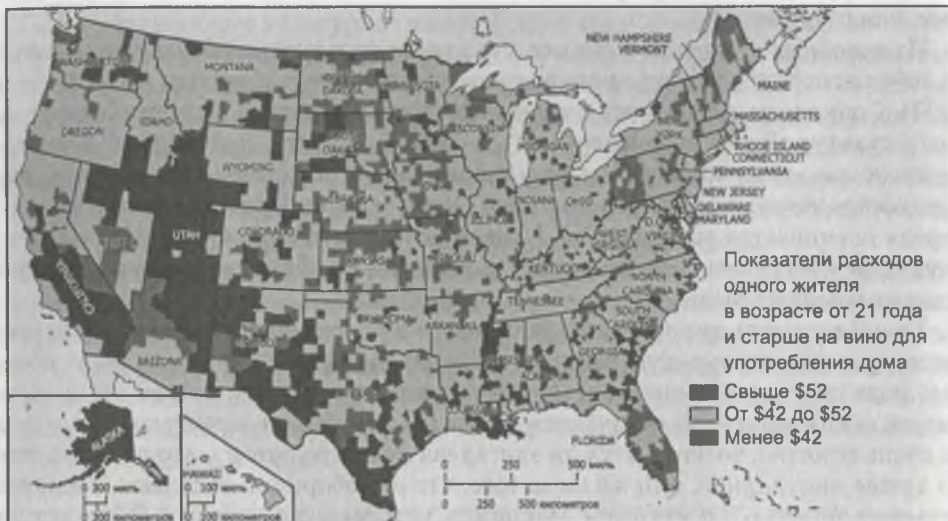
Субкультура

Под термином **субкультура** понимаются *культурные образцы, обособляющие некую часть общества*. Молодежь, которой нравится рэп; американцы польского происхождения; управленцы, тратящие много времени на авиаперелеты; янки Новой Англии, ковбои Колорадо, толпа на побережье Южной Калифорнии, джазовые музыканты, компьютерные фанаты, университетские поэты и любители экстремального туризма — все они демонстрируют субкультурные образцы.

¹ Происхождение термина «культура для высоколобых» таково: 100 лет назад люди, находившиеся под влиянием френологии — фиктивного, бытовавшего в XIX в. представления о влиянии на личность формы черепа, — одобряли вкусы тех, кого называли «высоколобыми», пренебрегая склонностями «узколобых».

² В том и другом случае «скрипка». — Прим. перев.

³ То, что пьют люди, является одним из показателей их принадлежности либо к «высоколобым», либо к «узколобым». Употребление вина дома указывает на высокое положение. Состоятельные люди не только любят выпить бокал вина за обедом, но и предпочитают воду из бутылей водопроводной. Горчицу *Grey Poupon* — горчице *Gulden* и больше любят питаться в *Haagen-Dasz*, чем в местном *Taste-Freeze*. Вместе с тем употребление пива относит человека к числу «узколобых». Доходы у такого человека либо средние, либо низкие; он потребляет много закусок и является завсегдатаем кафе быстрого питания. По карте определите местонахождение центров «элитарной» и «популярной» культуры, которые создали «высоколобые» и «узколобые».

Карта США 3.1. Чего изволите? Употребление алкоголя в США. Источник: *American Demographics* magazine, March 1998, p. 19. © 1998, *American Demographics* magazine, Ithaca, New York

Людей можно с легкостью, но зачастую ошибочно, отнести к какой-нибудь из подобных категорий, так как почти каждый человек участвует во многих субкультурах и вовсе не обязательно, чтобы он был полностью привержен какой-либо одной из них. Однако в некоторых случаях этническая принадлежность и религиозные расхождения разделяют людей, причем иногда это приводит к трагическим последствиям. Задумайтесь над судьбой бывшей Югославии. Недавняя война на Балканах была лишь последней главой в долгой истории ненависти, основанной на культурных различиях. Перед распадом в этой *одной* небольшой стране были *два* алфавита, исповедовались *три* религии, жители говорили на *четырёх* языках, дом нашли себе представители *пяти* основных национальностей, существовало разделение на *шесть* политических республик и культурное влияние оказывало *семь* соседних стран. Очевидно, что субкультуры служат источником не только радостного многообразия, но и напряжения, а то и откровенного насилия (ср.: Sekulic, Massey & Hodson, 1994).

Соединенные Штаты мы уподобили плавильному тиглю, где многие национальности слились в единую «американскую» культуру. Но, если не забывать о нашем культурном многообразии, насколько точен такой образ «плавильного тигля»? Однако субкультуры подразумевают не только *различие*, но и *иерархию*. Считаемся «господствующей» культурой, или культурой «мейнстрима», слишком часто представляет собой набор образцов, ценимых сильными мира сего. Жизнь людей, находящихся в непривилегированном положении, таким образом, относят к «субкультуре». Соответственно, чтобы уравнять правила игры, некоторые социологи предпочитают говорить о мультикультурном пространстве.

Чем принято считать визуальную экспрессию линий и цвета — «искусством» ли, «граффити» (пренебрежительно) или даже «вандализмом» (с порицанием), — зависит от социального положения автора. Как вы характеризуете изображения вроде того, что приведено на этом рисунке, — вполне обычного для городов Северной Америки? Искусство ли это? Почему вы так решили?

Мультикультурализм

Мультикультурализм — образовательная программа, признающая культурную разнородность Соединенных Штатов и содействующая уравниванию всех культурных традиций. Это решительный отход от прошлого, когда наше общество сглаживало культурное многообразие и определяло себя прежде всего с позиции своих европейских (и особенно английских) иммигрантов. Теперь в ходе жарких дебатов задается вопрос, следует ли нам и дальше упираться на данные исторические традиции или выдвинуть на первый план культурную разнородность (Orwin, 1996; Rabkin, 1996).

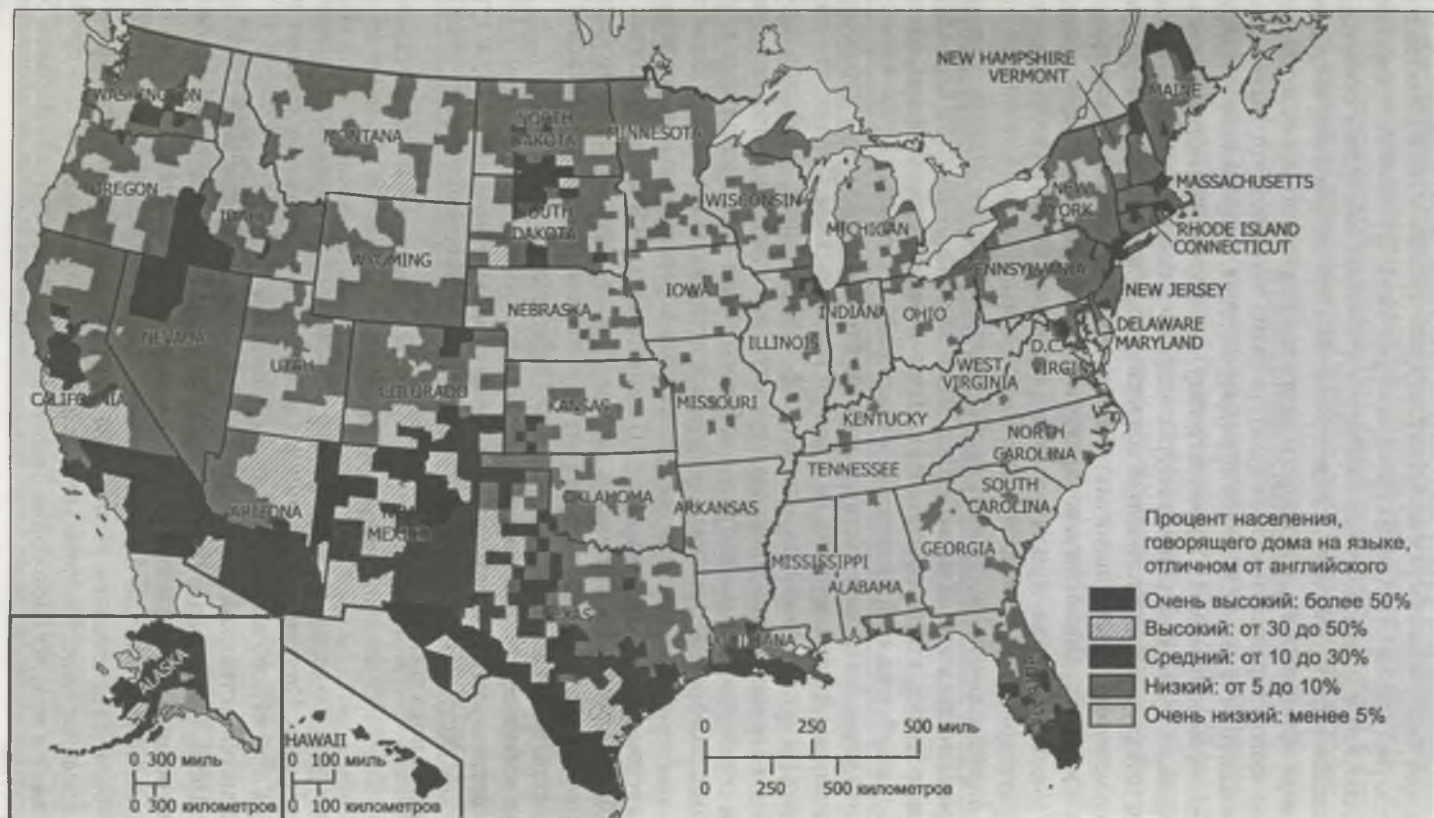
E pluribus unum, известное латинское выражение, выбитое на всех монетах США, означает «из многих единое». Этот девиз символизирует не только политический союз, но и идею о том, что иммигранты со всего мира собрались вместе для построения новой жизни.

Однако с самого начала случилось так, что многочисленные культуры не столько слились воедино, сколько выстроились в иерархию. На самом вершине оказались англичане, которые составляли большинство на заре истории Соединенных Штатов и сделали английский язык национальным. Людям иного происхождения, очутившимся в иерархии ниже, было рекомендовано моделировать себя, подстраиваясь под «лучших представителей общества». На практике получилось, что «переплавка» превратилась в принятие английского образа жизни. В понимании приверженцев рассматриваемого в этом разделе подхода на ранних этапах американской истории данное общество установило английский образ жизни в качестве идеала — предмета всеобщего восхищения и мерила всего и вся.

С тех самых пор историки излагали события с точки зрения англичан и других людей европейского происхождения, уделяя мало внимания перспективам и достижениям коренных американцев и людей с африканскими и азиатскими корнями. Такую позицию сторонники мультикультурного пространства называют **европоцентризмом**, под которым понимается *господство европейских (особенно английских) культурных образцов*. Молефи Кет Асанте, поборник мультикультурализма, утверждает, что, подобно «европейцам XV в., которые никак не могли отказаться от веры в то, что Земля является центром Вселенной, многим людям сегодня нелегко перестать видеть в европейской культуре центр социальной вселенной» (Asante, 1988; p. 7).

Одним из дискуссионных оказался вопрос о языке. Некоторые люди считают, что официальным языком США должен быть английский. К 2001 г. правовые акты об этом были приняты законодательными органами 26 штатов. Но около 45 млн мужчин и женщин — почти одна шестая часть — разговаривают дома на других языках. Испанский — второй по употребляемости, но в стране можно слышать и сотни иных наречий, включая итальянский, немецкий, французский, филиппинский, японский, корейский, вьетнамский и великое множество языков коренных американцев. Карта США 3.2 показывает регионы Соединенных Штатов, где большие массы людей разговаривают дома не на английском, а на других языках¹.

¹ По данным переписи 2000 г., из 255 млн американцев в возрасте старше 5 лет 45 млн (18%) обычно говорят дома не по-английски, а на каком-то ином языке. Из этих людей 60% общаются по-испански, 15% — на азиатских языках, а оставшиеся 25% — на каком-либо другом наречии. (Бюро переписи перечисляет в США 25 языков, на каждом из которых предпочитают говорить свыше 100 тыс. человек). Карта показывает, что не говорящее на английском языке население сосредоточено в определенных регионах страны. В каких же? Чем, по-вашему, объясняется этот феномен?

Карта США 3.2. Языковое многообразие в США. Источник: Time, January 30, 1995

Поборники также живописуют мультикультурное пространство в качестве пути к примирению растущей в США социальной разнородности. В условиях стремительного роста азиатских и испаноязычных сообществ некоторые аналитики предсказывают, что нынешние дети уже станут свидетелями того, что *большинство* американцев составят люди африканского, азиатского и латиноамериканского происхождения.

Помимо этого, сторонники мультикультурализма заявляют, что это — хороший способ повысить успеваемость детей афроамериканцев. В противовес европоцентризму некоторые призывают к **афроцентризму**, *доминированию африканских культурных образцов*, в чем усматривается путь к исправлению многовекового преуменьшения или игнорирования достижений африканских обществ и афроамериканцев.

Хотя в последние годы мультикультурализм снискал себе немало сторонников, он вызвал и критику. Оппоненты говорят, что данный подход поощряет раздробленность вместо единства, призывая людей идентифицироваться со своей собственной категорией, а не со всей нацией. По мнению критиков, вместо того чтобы признать наличие каких-либо общих культурных стандартов истины, провозглашается предпочтительным оценивать идеи, отталкиваясь от расовой (и половой) принадлежности тех, кто их преподносит. Наша человеческая общность, следовательно, распадается на «африканский», «азиатский» и т. д. опыт.

Основной упрек, по словам критиков, состоит в том, что мультикультурализм, вопреки заявлениям его сторонников, не помогает меньшинствам. Похоже, что некоторые поветрия (от исследований, посвященных афроамериканцам, до районов, занятых исключительно чернокожими) поощряют ту самую расовую сегрегацию, которую нашей нации стоило таких больших трудов побороть. Кроме того, в начальных классах, обучающихся по афроцентристским программам, дети лишаются многих важных познаний и навыков из-за того, что им преподают лишь определенные темы, подаваемые под одним углом зрения. Историк Артур Шлезингер-младший заявляет об этом прямо: «Если бы Клиггу из Ку-клукс-клана захотелось использовать школы, чтобы искалечить чернокожих американцев, то он вряд ли нашел бы что-либо эффективнее программы, составленной в духе афроцентризма» (Schlesinger, Jr., 1991; p. 21).

Есть ли возможность прийти хоть к какому-то согласию в этом споре? Почти все признают, что американцам следует обращать больше внимание на культурное многообразие, хотя нахождение конкретной точки равновесия между *pluribus* и *unum* остается пока весьма проблематичным.

Контркультура

Культурная разнородность включает также откровенное отрицание традиционных идей и поведения. **Контркультура** состоит из *культурных образцов, которые резко расходятся с теми, что широко приняты в обществе*.

Во многих обществах контркультура — удел молодежи (Spates, 1976, 1983; Spates & Perkins, 1982). Например, в 1960-е отвергалась культура мейнстрима как связанная с конкуренцией, эгоистичная и материалистическая. Взамен нее хиппи и прочие носители контркультуры предпочитали общинный стиль жизни, принцип которого — «быть», а не «делать»; развитие же личности, или «расширение сознания», ценилось превыше таких материальных благ, как дома и автомобили. Эти представления привели к тому, что некоторые люди оказались «выпавшими» из рамок большого общества.

Контркультуры по-прежнему процветают. В 1990-е гг. воинствующие группы мужчин и женщин, которые противостояли федеральному правительству, призвали к иной политической системе. Подобный экстремизм привел к взрыву федерального здания в Оклахома-сити в 1995 г., когда погибли 168 человек.

Культурные изменения

Наверное, самым главным в нашем мире оказывается то, что «все проходит». Даже динозавры, благоденствовавшие на нашей планете в течение 160 млн лет, ныне лишь ископаемые. Удастся ли человечеству выжить в грядущем? С уверенностью можно говорить только о том, что история человека, связанная с культурой, будет демонстрировать постоянные изменения.

В табл. 3.1 сравниваются взгляды студенчества в 1968 (на пике развития контркультуры 1960-х) и 2000 гг.

Таблица 3.1

Взгляды студенчества на этапе поступления в колледжи США в 1968 и 2000 гг.

Жизненные цели («Жизненно важно» или «Очень важно»)		1968*, %	2000, %	Изменение, %
Выработать философию жизни	Мужчины	79	43	-36
	Женщины	87	42	-45
Быть политически активным	Мужчины	52	32	-20
	Женщины	52	25	-27
Помогать другим в беде	Мужчины	50	53	+3
	Женщины	71	69	-2
Создать семью	Мужчины	64	73	+9
	Женщины	72	73	+1
Добиться успеха в собственном бизнесе	Мужчины	55	45	-10
	Женщины	32	35	+3
Быть очень состоятельным человеком	Мужчины	51	76	+25
	Женщины	27	71	+44

* В некоторых пунктах для сравнения приводятся данные не 1968 г, а начала 1970-х.

Источники: Richard G. Braungart & Margaret M. Braungart, *From Yuppies to Yuppies: Twenty Years of Freshmen Attitudes, Public Opinion, vol. 11, no. 3* (September–October 1988); p. 53–56; Linda J. Sax, Alexander W. Austin, William S. Korn & Kathryn M. Mahoney, *The American Freshman: National Norms for Fall 2000* (Los Angeles: UCLA Higher Education Research Institute, 2000).

Некоторые взгляды изменились незначительно. Сегодня, как и в предыдущем поколении, большинство мужчин и женщин стремятся создать семью. Но нынешние студенты намного более заинтересованы в делании денег, чем в развитии жизненной философии.

Изменение какого-либо одного культурного показателя обычно подстегивает корректировку других. Например, увеличение доли работающих женщин сопровождается изменением семейных поведенческих образцов, к чему относятся увеличение возраста заключения брачных уз и рост числа разводов. Это иллюстрирует принцип *культурной интеграции, тесной связи между различными элементами системы культуры.*

Культурный лаг. Некоторые элементы культуры изменяются быстрее других. По наблюдению Уильяма Огберна (Ogburn, 1964), технология развивается очень быстро, порождая новые элементы материальной культуры (например, детей из пробирки). Она опережает культуру нематериальную (например, представления о родительских правах и обязанностях), которая не успевает эти перемены усвоить. Огберн назвал это несоответствие **культурным лагом**, под которым понимается *тот факт, что некоторые элементы культуры изменяются быстрее других, в результате чего может быть подорвана система культуры*. Как быть с традиционными понятиями о материнстве и отцовстве, когда одна женщина способна родить ребенка, вынашивая яйцеклетку другой, оплодотворенную в лаборатории спермой абсолютно незнакомого человека?

Причины изменений культуры. Изменения культуры вызываются рядом обстоятельств. Первое — *изобретательство*, процесс создания новых ее элементов. Оно подарило нам телефон (1876), аэроплан (1903) и компьютер (конец 1940-х гг.), которые оказали огромное влияние на уклад нашей жизни. Процесс изобретательства продолжается постоянно, на что указывают тысячи заявок, ежегодно подаваемых в Патентное бюро США.

Совершение открытий — вторая причина изменений культуры, подразумевающая распознавание и лучшее понимание чего-то уже существующего — от далекой звезды до продуктов, традиционных для другой культуры, или спортивных достижений женщин. Многие открытия осуществляются в ходе кропотливых научных исследований, однако иные оказываются подарком судьбы (например, так случилось в 1898 г., когда Мария Кюри оставила камень на фотобумаге и заметила, что та засветилась в результате излучения, в итоге чего был открыт радий).

Третьей причиной изменений культуры является *диффузия*, распространение культурных особенностей из общества в общество. Поскольку новая информационная технология позволяет за считанные секунды переслать информацию в любую точку земного шара, культурная диффузия никогда не была настолько выраженной, как в наши дни.

Американское общество, безусловно, дало миру множество важных элементов культуры — от джазовой музыки до компьютеров. Конечно, диффузия — это не односторонний процесс: многое из того, что мы считаем «американским», на самом деле пришло из иных стран. Часы, газеты, деньги, одежда, мебелировка и даже английский язык заимствованы у других культур (Linton, 1937a).

Этноцентризм и культурный релятивизм

10 декабря, небольшое поселение в Марокко. Наблюдая, как многие наши посетители перебирают керамику, производимую крошечным местным заводом, с уверенностью можно сказать, что американцы принадлежат к числу величайших покупателей в мире. Мы восторгаемся китайскими и индийскими коврами ручной работы, рассматриваем изящные металлоизделия из Турции или приобретаем красочные фарфоровые изразцы, которые находим здесь, в Марокко. И конечно, выгодно покупаем все эти предметы. Однако главная причина столь низких цен внушает тревогу: многие товары из стран с низким и средним уровнем доходов произведены 5–6-летними детьми, днями напролет работающими за мизерную плату.

В детстве видится время невинности и свободы от бремени постоянного труда. Однако в бедных странах многие семьи зависят от детского заработка. Поэтому то, что представители одного общества считают правильным и естественным, жители других регионов мира находят обескураживающим и даже аморальным. Наверное, прав был китайский философ Конфуций, заметивший: «Все люди одинаковы; разнятся лишь их привычки».

Практически любую из возможных идей или форм поведения можно обнаружить в том или ином регионе мира, — это разнообразие культуры приносит путешественникам и восторги и огорчения. Австралийцы, включая фонарик, направляют его вниз, а американцы — вверх; японцы дают названия не улицам, а перекресткам, — обычай, который неизменно смущает приезжающих из США, поступающих наоборот; египтяне при разговоре стоят очень близко к собеседнику, что раздражает жителей Соединенных Штатов, привыкших сохранять несколько футов «личного пространства». В сельских районах Марокко в туалетах нет бумаги, что повергает в ужас западных туристов.

В такой богатой стране, как Соединенные Штаты, большинство людей считают само собой разумеющимся, что детство должно быть беззаботной порой, посвященной учебе и играм. Однако в бедных странах многие семьи зависят от детского заработка, и дети, бывает, с утра до вечера заняты тяжелым физическим трудом. Не все культурные обычаи должны приниматься как «естественные» лишь потому, что они существуют. Но по каким универсальным стандартам судить о правильности и неправильности социальных образцов?

Учитывая, что определенная культура обуславливает реальность, понятно, почему люди повсеместно демонстрируют **этноцентризм** (*практику оценки чужой культуры по стандартам родной*). В какой-то мере он необходим людям, чтобы быть эмоционально привязанными к своему образу жизни. Но этноцентризм порождает также непонимание, а иногда — конфликты.

Культурной тенденциозности не лишен даже наш язык. Столетия назад жители Северной Америки и Европы называли Китай «Дальним Востоком». Но этот термин, который не используют китайцы, является этноцентрическим выражением, обозначающим регион, находящийся далеко на востоке от нас. Сами же китайцы называют свою страну, как «Срединную Империю», т. е. они, подобно жителям Запада, считают свое общество средоточием мира. Приведенная ниже карта отражает этноцентризм в действии, представляя «перевернутую» картину западного полушария.

Логической альтернативой этноцентризму является **культурный релятивизм** (*практика оценки культуры исходя из ее стандартов*). Культурный релятивизм прививается нелегко: он требует понимания непривычных ценностей и норм и отхода от культурных стандартов, которым люди следовали всю свою жизнь. Однако по мере того как жители разных стран все чаще контактируют друг с другом,

важность понимания чужих культур возрастает еще больше.

«Опрокинутый» мир. Северная Америка должна находиться «сверху», а Южная — «снизу»; именно так принято нами считать. Но, поскольку Земля — шар, подобные представления являются скорее традициями, чем непреложными истинами. Причина, по которой данная карта западного полушария кажется нам неправильной, заключена не в том, что она географически ошибочна; нет, она попросту попирает наше этноцентрическое допущение, согласно которому Соединенные Штаты должны находиться «над» остальными областями обеих Америк

Деловые люди в США начинают понимать, что успех в мировой экономике зависит от знания тех или иных культурных особенностей. Так, в компании *General Motors* на горьком опыте убедились, что в испаноязычных странах модель «Nova» продается плохо, потому что по-испански ее название означает «не едет». Слоган пивоваренной компании *Coors*, гласивший — «Разгрузись», напугал покупателей, решивших, что пиво вызовет у них диарею. Компания *Braniff Airlines* превратила «Летайте в коже» (*Fly In Leather*) в неуклюжее испанское «Летайте голыми». Компания *Eastern Airlines* преобразовала свой слоган «Мы каждый день обретаем крылья» (*We Earn Our Wings Daily*) в такой: «Мы каждый день отправляемся на небеса». Фрэнк Пурдье пал жертвой неудачного маркетинга, когда его лозунг «Нужен крутой мужик, чтобы приготовить нежного цыпленка» (*It Takes a Tough Man to Make a Tender Chicken*) зазвучал по-испански так: «Сексуально возбужденный мужчина наполнит страстью цыпочку» (Helin, 1992).

Однако проблемы кроются и в самом культурном релятивизме. Если почти любое поведение в каком-нибудь регионе считается нормальным, не означает ли это позволительность всего? Оправдывается ли детский труд тем фактом, что бедные марокканские семьи получают выгоду?

Поскольку все мы люди, обязательно должны быть какие-то универсальные стандарты надлежащего поведения. Но в чем они состоят? И как, пытаясь их разработать, избежать навязывания другим жителям планеты своих собственных стандартов должного? Простых ответов на эти вопросы нет. Только вот, сталкиваясь с чуждым обычаем, нельзя поспешно судить, пока не выяснится, что же по этому поводу думают представители данной культуры. Не забывайте смотреть со стороны и на собственный образ жизни. В конце концов, изучая других, мы глубже познаем себя.

Глобальная культура?

Ныне, как никогда прежде, можно наблюдать распространение общих для всех культур обычаев. Гуляя по улицам Сеула (Южная Корея), Куала-Лумпура (Малайзия), Мадраса (Индия), Каира (Египет) и Касабланки (Марокко), мы видим людей, одетых в джинсы, слышим знакомую поп-музыку и созерцаем рекламу тех же товаров, что и на родине. Вспомните карту мира 3.1, из которой видно, что английский язык на большей части Земли стремительно превращается в предпочитаемый второй язык. Становимся ли мы свидетелями рождения единой глобальной культуры?

Действительно, контакты между странами расширяются, превращаясь в потоки товаров, информации и самих людей.

1. **Глобальная экономика: поток товаров.** Международная торговля никогда еще не переживала такого подъема. Глобальная экономика привела к распространению по всему миру множества потребительских товаров (от автомобилей и ТВ-шоу до музыки и моды).
2. **Глобальная коммуникация: поток информации.** Спутниковая связь позволяет людям видеть и слышать события, происходящие за тысячи миль от них, зачастую — в режиме реального времени.

3. **Глобальная миграция: поток людей.** Осведомленность о ситуации за рубежом мотивирует людей переменить место жительства, переехав туда, где, по их мнению, живется лучше. Кроме того, пути сообщения, особенно воздушные, облегчают перемещение, как никогда раньше. В результате в большинстве стран проживает значительное количество уроженцев других регионов (в том числе около 30 млн человек в США, — 11% населения).

Эти международные связи усиливают сходство мировых культур. Но говорить о глобальной культуре следует с тремя важными уточнениями. Во-первых, мировые потоки товаров, информации и людей неравномерны. В целом зоны городов (центры торговли, связи и проживания населения) связаны между собой прочнее, чем сельские местности, остающиеся в изоляции. Более того: возрастание экономической и военной мощи Северной Америки и Западной Европы означает, что эти регионы в большей мере влияют на остальной мир, чем наоборот.

Во-вторых, тезис о глобальной культуре допускает, что люди, где бы они ни жили, могут позволить себе разнообразные новинки из области товаров и услуг. Как объясняется в главе 12 «Глобальная стратификация», отчаянная нужда, от которой страдает население значительной части мира, лишает людей даже предметов первой необходимости, не позволяя вести спокойную и безопасную жизнь.

В-третьих, хотя многие культурные обычаи обнаруживаются по всему миру, люди не везде приписывают им одинаковый смысл. Так же ли понимают культуру хип-хоп токийские тинейджеры, как их сверстники в Нью-Йорке или Лос-Анджелесе? Или, скажем, нам нравится пища разных народов, хотя мы плохо осведомлены о жизни людей, ее создавших. Иными словами, все люди смотрят на мир через призму своей собственной культуры (Featherstone, 1990; Hall & Neitz, 1993).

Теоретический анализ культуры

Культура помогает нам осмыслить себя и окружающий мир. Специальной же задачей социологов является постижение культуры. Они задействуют несколько теоретических подходов.

Структурно-функциональный анализ

Структурно-функциональная парадигма описывает культуру как комплексную стратегию удовлетворения человеческих нужд. Заимствуя философскую доктрину *идеализма*, этот подход полагает в основу культуры ценности (Parsons, 1966; Williams, 1970). Таковые наполняют смыслом нашу жизнь и объединяют людей. Другие бесчисленные аспекты культуры функционируют различным образом, поддерживая жизненный уклад.

Функциональное мышление помогает нам понять чужой образ жизни. Возьмем, например, фермера-аммита, который у себя в Огайо вспахивает сотни акров с помощью упряжки лошадей. Его методы земледелия могут не соответствовать нашей культурной ценности, касающейся эффективности труда, но, с его точки зрения, эти тяжелые занятия развивают дисциплину, необходимую для ведения глубоко религиозной жизни. Долгие дни, проведенные в совместных трудах, придают аммитам чувство независимости на фоне унификации семей и общин.

Конечно, такие обычаи не лишены и дисфункциональных аспектов. Для некоторых тяжелый труд и жесткое религиозное послушание оказываются чрезмерными, вынуждая их покинуть общину. Кроме того, религиозное рвение иногда препятствует достижению компромисса, что выливается в постоянное дробление мира аммитов (Hostetler, 1980; Kraybill, 1989; Kraybill & Olshan, 1994).

Если культуры — стратегии для удовлетворения человеческих нужд, следовало бы ожидать, что в мире окажется множество общих образцов. **Культурные универсалии** представляют собой *черты, присущие всем известным культурам*. Сравнивая сотни культур, Джордж Мэрдок (Murdock, 1945) выделил десятки культурных универсалий. Одним таким общим элементом выступает семья, чьи функции везде состоят в контроле над сексуальным воспроизводством и надзоре за воспитанием детей. Повсеместно обнаруживаются и похоронные ритуалы, так как всем людским сообществам приходится мириться с реальностью смерти. Еще одной культурной универсалией являются шутки, служащие средством безопасной разрядки социального напряжения.

Критическая оценка. Действенность структурно-функциональной парадигмы состоит в том, что она обнажает механизм, посредством которого культура удовлетворяет человеческие потребности. Тем не менее, подчеркивая господствующие в обществе культурные образцы, этот подход игнорирует культурную разнородность. Поскольку он заостряет внимание на культурной стабильности, принижается роль изменений. Другими словами, культурные системы не настолько стабильны и свободны от конфликтов, насколько уверяет структурный функционализм.

Анализ социального конфликта

Парадигма социального конфликта подчеркивает связь между культурой и неравенством. С этой точки зрения любая культурная особенность выгодна некоторым членам общества в ущерб другим.

Начать анализ в русле теории социального конфликта можно с вопроса о том, почему определенные ценности господствуют в обществе. Многие теоретики конфликта, особенно марксисты, утверждают, что культура формируется общественной системой экономического производства. «Не сознание людей определяет их бытие, — заявил Маркс, — а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» (Marx & Engels, 1978; р. 4; первое изд. — 1859). Следовательно, теория социального конфликта уходит корнями в философскую доктрину *материализма*, согласно которой общественная система материального производства (такая, как наша собственная индустриально-капиталистическая экономика) мощнейшим образом сказывается на остальной культуре. Этот материалистический подход противоречит идеалистическим позициям структурного функционализма.

Анализ социального конфликта привязывает ценности свободной конкуренции к экономике капитализма, которая служит интересам богатой элиты. Кроме того, капиталистическая культура учит нас думать, что у состоятельных и могущественных людей энергии и таланта больше, чем у других, и потому они заслуживают своего богатства и привилегий. Взгляд на капитализм как на нечто «естественное» заставляет отказаться от всяких усилий, направленных на устранение экономического неравенства.

Однако напряженность, порожденная неравенством, приводит к взрыву и движениям за социальные перемены. Недавними образчиками таковых в США выступают движение за гражданские права и женское движение. Оба они стремятся к достижению большего равенства, встречая на своем пути сопротивление защитников существующего положения дел.

Критическая оценка. Парадигма социального конфликта гласит, что культурные системы неодинаково обращены к человеческим нуждам, позволяя некоторым людям господствовать над другими. Это неравенство, в свою очередь, порождает стремление к переменам.

Однако акцентируя способность культуры сеять распри, данная парадигма приводит к недооценке способов, которыми культурные образцы объединяют членов общества. Поэтому для более полного понимания следует учитывать оба взгляда — структурно-функциональный и социального конфликта.

Социобиология

Под культурой обычно подразумевают человеческое творение, но влияют ли на нее биологические факторы? Третьей теоретической парадигмой, с одной стороны, опирающейся на биологию, а с другой — на социологию, выступает **социобиология** (*теоретическая парадигма, которая изучает пути воздействия человеческой биологии на то, как мы создаем культуру*).

Придерживаясь рамок эволюционного подхода, социобиологи указывают на двойной стандарт, согласно которому мужчины относятся к женщинам как к сексуальным объектам чаще, чем таков проделывают женщины с мужчинами. Если согласиться с этим утверждением, то, по мнению многих социологов, подобное поведение — вроде того, что отражено фотографией Рут Оркин, «Американская девушка в Италии» — правильнее понимать как вытекающее из культуры, где доминируют мужчины. © 1952, 1980 Ruth Orkin/Getty Images, Inc.

Социобиология основывается на теории эволюции, выдвинутой Чарльзом Дарвином (Darwin, 1859) в его книге «Происхождение видов». Дарвин утверждал, что живые организмы изменяются на протяжении длительных периодов в результате *естественного отбора*, который сводится к четырем простым принципам. Во-первых, все живые существа живут ради размножения. Во-вторых, схема, подлежащая воспроизводству, заложена в генах, исходных единицах жизни, которые передают признаки одного поколения следующему. В-третьих, случайная изменчивость генов позволяет видам «испытывать» новые жизненные образцы в конкретной среде. Эта изменчивость приводит к тому, что некоторые организмы выживают успешнее других и передают своему потомству благоприятные гены. В конечном счете за тысячи поколений выживают и становятся доминантными те генетические образцы, которые способствуют воспроизводству. Таким образом, по мнению биологов, виды *адаптируются* к окружающей среде, а доминантные признаки проявляются в качестве «натуры» организма.

Социобиологи утверждают, что большое количество культурных универсалий отражает тот факт, что все люди принадлежат к одному биологическому виду. Именно наша общая биология лежит, например, в основе явно универсального «двойного стандарта» сексуального поведения. По словам его исследователя Альфреда Кинзи, «во всем мире мужчины намного чаще, чем женщины, желают иметь сексуальные отношения с множеством партнеров» (цит. по: Varash, 1981; p. 49). Но почему?

Нам всем известно, что дети рождаются благодаря соединению женской яйцеклетки с мужским сперматозоидом. Но биологическая значимость одного сперматозоида и одной яйцеклетки совершенно различна. У здоровых мужчин запас сперматозоидов, вырабатываемых яичками, постоянно пополняется на протяжении большей части жизни. В момент эякуляции мужчина выделяет сотни миллионов сперматозоидов — количество, которого вполне достаточно, чтобы оплодотворить всех женщин в Северной Америке (Varash, 1981; p. 47). В яичниках же новорожденной девочки содержится весь ее жизненный запас фолликулов, или незрелых яйцеклеток. Как правило, яичники женщины выбрасывают по одной яйцеклетке ежемесячно. Итак, если мужчина биологически в состоянии стать отцом многих тысяч детей, то женщина способна выносить лишь малое их количество.

При таком биологическом различии мужчины эффективнее воспроизводят свои гены, когда ведут беспорядочную половую жизнь и с готовностью вступают в сексуальные отношения. Однако эта схема расходится с репродуктивными интересами женщин. Каждая беременность требует вынашивания ребенка в течение 9 месяцев, родов и какого-то времени на послеродовой уход за ребенком. Следовательно, эффективная репродукция с позиции женщины зависит от тщательного выбора мужчины, чьи качества (начиная с того, что он просто останется рядом) способствуют выживанию и в перспективе успешной репродукции ребенка (Remoff, 1984).

«Двойной стандарт», безусловно, зависит не только от биологии и переплетается с историческим господством мужчин над женщинами (Barry, 1983). Но социобиология полагает, что в основе этого культурного образца, как и многих других, лежит биологика. Проще говоря, повсеместность двойного стандарта объясняется тем, что все мужчины и женщины следуют разным репродуктивным стратегиям.

Критическая оценка. Социобиология породила любопытные теории о биологических корнях некоторых культурных образцов. Однако по ряду причин этот подход остается спорным.

Во-первых, некоторые критики опасаются, что он способен оживить биологические аргументы вековой давности, когда некоторые ратовали за превосходство одной расы или одного пола. По мнению же его защитников, псевдонаука расового превосходства полностью отвергается; и действительно, социобиология способствует единению всех людей, так как эволюционная история одна. Социобиология не утверждает, что мужчины и женщины отличаются друг от друга чем-то таким, чего не в состоянии преодолеть культура. Вовсе не провозглашая мужчин более значимыми, чем женщины, этот подход подчеркивает жизненную важность обоих полов для репродукции человечества.

Во-вторых, по мнению критиков, у социобиологов мало фактов в поддержку выдвигаемых теорий. Исследования, проведенные на сегодняшний день, дают основания говорить, что биологические силы не определяют поведение людей сколь либо жестким образом. Скорее, люди *научаются* поведению в пределах культурной системы. Заслуга социобиологии, следовательно, состоит в том, что она объясняет, почему некоторые культурные образцы усваиваются легче других (Barash, 1981).

Культура и человеческая свобода

Предмет рассмотрения этой главы связан с важным вопросом о том, насколько свободны культурные создания. Привязывает ли культура нас друг к другу и к нашему прошлому? Или она способствует индивидуальному мышлению и независимому выбору?

Культура, становящаяся тормозом

Люди не могут жить вне культуры. Но способность к ее созданию имеет и обратную сторону. Возможно, человек — единственное живое существо, которое дает имена. Такая жизнь в мире символов означает также, что мы способны испытывать отчуждение. Культура же во многом является делом привычки, ограничивая наш выбор и понуждая нас в каждом новом поколении повторять спорные образцы, например расовую предвзятость. Кроме того, в век новых информационных технологий мы вправе задуматься над той степенью, в которой средства массовой информации, следуя интересам бизнеса, манипулируют нашей культурой с целью извлечения прибылей.

Наконец, акцент, который американское общество делает на победе в конкурентной борьбе, понуждает искать превосходства, но этот образец также изолирует людей друг от друга. В каких-то отношениях материальные блага вполне устраивают человека, но и отдаляют от той безопасности и того удовлетворения, какие следуют из близких отношений и духовности.

Культура как свобода

Плохо ли это или хорошо, люди могут считаться культурными в точности так же, как муравьи и пчелы заложниками их биологического устройства. Однако одно решающее отличие все-таки существует. Биологические инстинкты создают уже

готовый, заранее запланированный, мир; культура, напротив, заставляет нас совершать выбор всякий раз, когда мы создаем и переделываем мир для себя. Нет лучшего доказательства такой свободы, чем само культурное многообразие американского общества и даже еще большая человеческая разнородность в мире вообще.

Одной из целей, к которой стремятся все социологи, как раз и оказывается осмысление данного культурного многообразия. В материале под рубрикой «Глобальная социология» указаны некоторые отличия культуры Соединенных Штатов от канадской. Но, где бы ни жить, чем лучше мы разберемся в окружающей нас культуре, тем полнее сможем использовать возможности даруемой ею свободы.

ГЛОБАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Соединенные Штаты и Канада: разные культуры?

Для многих жителей Соединенных Штатов эта страна и является «Америкой». Однако на севере континента находится еще одна страна с высоким уровнем доходов – Канада. Как соотносятся культуры двух этих стран?

Сначала следует заметить, что обе страны – образования *мультикультурные*. Иммиграция собрала в США людей со всего мира, и то же самое произошло в Канаде. Как и в США, многие иммигранты прибыли из Европы, а самые последние по времени волны – из Азии и Латинской Америки. В городе Ванкувере, например, расположенном на западном побережье Канады, существует крупная китайская община, соответствующая примерно испаноговорящей общине Лос-Анджелеса.

Канада и Соединенные Штаты отличаются друг от друга в одном принципиальном отношении. В Канаде исторически сложились *две* господствующие культуры: французская (около 25% населения) и британская (примерно 40%). Франкофоны составляют крупное большинство в провинции Квебек (где французский язык имеет официальный статус) и значительное меньшинство – в Нью-Брунсуике (где принято двуязычие).

Другими словами, одинаковы ли главные ценности в США и Канаде? Сеймур Мартин Липсет (Lipset, 1985) считает, что нации различаются. Соединенные Штаты провозгласили свою независимость от Великобритании в 1776 г.; Канада официально отделилась лишь в 1982 г. Таким образом, продолжает Липсет, господствующая культура Канады – нечто среднее между культурами Соединенных Штатов и Великобритании.

Так, для американской культуры свойствен больший индивидуализм, чем для канадской, где сильнее коллективистские отношения. В США корни индивидуализма возводятся к исторической роли ковбоя – независимого человека, и даже закоренелые преступники вроде Джессии Джеймса и Билли Кидда почитаются за героев, поскольку они выступали против властей. В Канаде же, напротив, с огромным уважением взирают на Маунти – известного офицера канадской полиции.

В политическом отношении жители Соединенных Штатов склонны считать, что человек обязан сам позаботиться о себе. Однако в Канаде бытует мнение, что правительство обязано печься об интересе каждого гражданина – как это принято и в Великобритании. В этом одна из причин того, например, что в Канаде существует гораздо более разветвленная система социального обеспечения (включая всеобщее здравоохранение), чем в США (единственная страна с высоким уровнем доходов, не имеющая такой программы). Также примерно 1/2 жителей Соединенных Штатов владеют одной или несколькими единицами оружия, и в этой стране глубоко укоренилась идея, что человек имеет на это право, – хотя она и вызывает споры. В Канаде оружием владеют немногие, и правительство, как и Великобритания, ограничивает право на владение им.

Источники: Lipset, 1985; Macionis & Gerber, 2001

Резюме

1. Культура — это образ жизни, разделяемый членами общества. У некоторых животных имеется ограниченная способность к созданию культуры, но только люди основывают на ней свою жизнь.
2. С развитием человеческого мозга около 3 млн лет назад возникли первые элементы культуры; она заменила биологические инстинкты в качестве основной стратегии выживания нашего вида.
3. Культура опирается на символы. Язык — это система символов, посредством которой культура передается из поколения в поколение.
4. Ценности представляют собой определенные культурные стандарты должного; убеждения — утверждения, которые люди, имеющие общую культуру, считают истинными.
5. Культурные нормы, направляющие человеческое поведение, подразделяются на два вида: нравы имеют огромное моральное значение, тогда как народные обычаи — правила воспитанности.
6. Элитарная культура (для «высоколобых») складывается из образцов, отличающих общественную элиту; популярная культура состоит из образцов, широко распространенных в обществе.
7. США относятся к числу стран с наиболее разнородной культурой. Субкультура — набор отдельных культурных образцов, поддерживаемых определенной частью населения, а контркультура — набор таких образцов, которые существенно расходятся с общепринятым образом жизни. Мультикультурализм представляет собой усилия в рамках системы образования, направленные на улучшение понимания и оценки культурного многообразия.
8. Изобретения, открытия и диффузия порождают культурные изменения. Культурный лаг — следствие того, что отдельные составляющие системы культуры изменяются быстрее других.
9. Этноцентризм подразумевает оценку других людей в соответствии со стандартами культуры того человека, который оказывается сторонним наблюдателем. Культурный релятивизм, напротив, представляет собой оценку чужой культуры в соответствии с ее стандартами.
10. Глобальные культурные образцы порождаются мировыми потоками товаров, информации и людей.
11. С точки зрения структурно-функционального анализа культура является в целом стабильной системой, построенной на основных ценностях. Культурные образцы работают на поддержание общей системы.
12. С точки зрения парадигмы социального конфликта культура — зыбкое поле неравенства и конфликтов. Для отдельных категорий людей культурные образцы оказываются выгоднее, чем для других.
13. Социобиология изучает, как эволюция формирует творение культуры людьми.
14. Культура способна ограничивать социальные возможности, однако мы умеем формировать и переделывать наш мир в соответствии со своими потребностями и мечтами.

Основные понятия

- Афроцентризм** — доминирование африканских культурных образцов.
- Евроцентризм** — господство европейских (особенно английских) культурных образцов.
- Контркультура** — культурные образцы, которые резко расходятся с теми, что широко приняты в обществе.
- Культура** — ценности, убеждения, поведение и материальные предметы, которые сообща формируют образ жизни людей.
- Культурная интеграция** — тесная связь между различными элементами системы культуры.
- Культурная трансмиссия** — процесс, посредством которого культура передается из поколения в поколение.
- Культурные универсалии** — черты, присущие всем известным культурам.
- Культурный лаг** — тот факт, что некоторые элементы культуры изменяются быстрее других, в результате чего может быть подорвана система культуры.
- Культурный релятивизм** — практика оценки культуры по ее собственным стандартам.
- Культурный шок** — дезориентация личности при ведении непривычного образа жизни.
- Материальная культура** — материальные ценности, созданные членами общества.
- Мультикультурализм** — образовательная программа, признающая культурную разнородность Соединенных Штатов и содействующая уравниванию всех культурных традиций.
- Народные обычаи** — нормы обычного, бессистемного взаимодействия.
- Нематериальная культура** — неосязаемый мир идей, создаваемых членами общества.
- Нормы** — правила и экспектации, благодаря которым общество руководит поведением своих членов.
- Нравы** — широко наблюдаемые и имеющие огромную моральную значимость нормы.
- Популярная культура** — культурные образцы, широко распространенные в обществе.
- Символы** — все, что несет в себе особый смысл, признаваемый людьми одной культуры.
- Социальный контроль** — разнообразные средства, которыми члены обществаощряют приверженность нормам; попытки общества регулировать мышление и поведение людей.
- Социобиология** — теоретическая парадигма, которая изучает пути воздействия человеческой биологии на то, как люди создают культуру.
- Субкультура** — культурные образцы, обособляющие некую часть общества.
- Тезис Сапира—Уорфа** — тезис, согласно которому люди воспринимают мир сквозь призму культуры языка.
- Технология** — знания, используемые людьми для обустройства окружающего мира.

- Убеждения** — определенные утверждения, которые люди считают истинными.
- Ценности** — некие культурные стандарты, отталкиваясь от которых, люди определяют благо, добродетель и красоту и которые в широком смысле являются нормативами жизни в обществе.
- Элитарная культура** — культурные образцы, отличающие элиту общества.
- Этноцентризм** — практика оценки чужой культуры по стандартам родной.
- Язык** — система символов, которая позволяет людям общаться друг с другом.

Вопросы для размышления

1. В США хот-доги, гамбургеры, картофель фри и мороженое издавна считались любимой национальной едой. Какими культурными образцами можно объяснить любовь к этим продуктам?
2. Какие уроки культуры преподают нашим детям такие игры, как «Царь горы», пятнашки или прятки? Что вы скажете о школьных соревнованиях по спеллингу? Какие культурные ценности отражают такие детские сказки, как «Умелый Паровозик», и настольные игры «Змейки и лесенки», «Монополия» и «Риск»?
3. В какой мере можно говорить о рождении глобальной культуры? Как вы относитесь к подобной перспективе — положительно или отрицательно? Почему так?
4. Случалось ли вам сталкиваться с какими-либо субкультурами? С какими? Чем они отличаются?

Общество

Сидиди Аг Инака никогда не работал с Интернетом, не отправлял факс и даже не разговаривал по сотовому телефону. В современном мире высоких технологий это может показаться довольно странным. Но ни сам Итака, ни кто-либо в его семье никогда не видели телевизора и не читали газет.

Это кочевники племени туарегов, скитающиеся по бескрайним пескам Сахары на западе Африки, к северу от города Тимбукту в государстве, которое называется Мали. Известные как «голубые люди пустыни» за свои просторные голубые одежды, носимые и мужчинами и женщинами, туареги пасут верблюдов, коз и овец и живут в стойбищах там, где бушуют песчаные бури, а дневная температура нередко достигает 120 градусов по Фаренгейту¹. Их жизнь тяжела, но большинство стараются придерживаться древних традиций. С решительностью во взгляде Инака говорит: «Мой отец был кочевник, его отец был кочевник, я кочевник, мои дети будут кочевниками».

Туареги относятся к числу беднейших людей на планете, живя просто, но трудно. В периоды засухи и они, и их животные рискуют погибнуть. Инака и его народ являются обособленным обществом, изолированным от остального человечества и почти не затронутым современными идеями и передовой технологией. Многим они, без сомнения, покажутся любопытным пережитком прошлого. Но Инака не жалуется: «Такова жизнь моих предков. Такова жизнь, которую мы знаем» (Buckley, 1996; Matloff, 1997; Lovgren, 1998).

В прошлом существовали разнообразные сообщества людей, и в наши дни все еще заметно примечательное многообразие, примером чего служит история туарегов. Но что такое общество? Как и почему изменялись общества на протяжении истории человечества?

Под обществом понимаются люди, взаимодействующие на очерченной территории и имеющие общую культуру. В этой главе кажущееся столь простым понятие будет рассмотрено с четырех различных позиций. Начнем с представления идей Герхарда Ленски, описавшего пути изменения человеческих обществ за последние 10 тыс. лет. Он объяснил важность для социальной жизни технологии и ее революционных последствий. Затем перейдем к концепциям, которые предложили три основоположника социологии. Карл Маркс, как и Ленски, видел в человеческой истории долгий и сложный процесс. Однако для Маркса в ее основе лежит социальный конфликт, который возникает из способа производства материальных благ. Макс Вебер избрал другую точку зрения, указывая, что общество формируется под воздействием идей. Традиционное мышление примитивных обществ Вебер сравнил с рациональным, которое преобладает в современном образе жизни. Наконец, Эмиль Дюркгейм помог выявить различные связи, соединяющие традиционные общества с современными.

¹ 120 °F — примерно 49 °C. — Примеч. науч. ред.

Все четыре концепции отвечают на важные вопросы: что делает людей, подобных членам племени туарегов из песков Сахары, столь разительно отличающимися от представителей привычного нам общества? Как и почему изменяются общества вообще? Какие силы их разделяют? Какие силы сплачивают? После ознакомления с историческими тенденциями постараемся осмыслить проблему того, лучше или хуже становятся общества.

Герхард Ленски: общество и технология

Американцев, воспринимающих как нечто само собой разумеющееся телефоны и телевидение, школы и больницы, наверняка удивят кочевые племена Сахары, которые ведут такую же примитивную жизнь, какой веками придерживались их предки. Труды Герхарда Ленски (Lenski, Nolan & Lenski, 1995; Nolan & Lenski, 1999) помогают нам понять колоссальные различия между обществами, процветавшими и приходившими в упадок на протяжении человеческой истории.

Чтобы обозначить изменения, происходящие по мере того, как общество приобретает новую технологию, Ленски использовал термин **социокультурная эволюция**. Общества с примитивной технологией (например, туарегии) почти не контролируют природу и, следовательно, способны поддерживать лишь немного людей. Технологически развитые, хотя и не обязательно лучшие, наоборот, поддерживают огромные массы людей, жизнь которых отличается большим разнообразием.

Кроме того, чем объемнее технологическая информация, которой располагает общество, тем быстрее оно изменяется. В примитивных обществах перемены протекают очень медленно; Сидиди Аг Инака заявляет, что «живет жизнью своих предков». Современные же высокотехнологические общества изменяются настолько быстро, что разительные трансформации способны произойти всего лишь в течение жизни одного поколения. Представьте, что вы интересуетесь мнением человека, который жил несколькими поколениями раньше, о таймерах, сексе по телефону, искусственном сердце, детях из пробирки, геной инженерии, электронной почте, умных бомбах, космических челноках, ядерной угрозе, транссексуализме, компьютерных хакерах и телевизионных ток-шоу.

Другими словами, новые технологии пронизывают весь жизненный уклад общества. Когда наши предки впервые научились использовать силу ветра, чтобы надувать паруса, они смогли построить корабли, которые отвезли их в новые края, послужили развитию торговли и укрепили военную мощь. В качестве более близкого примера вспомните то, как изменило нашу жизнь распространение компьютерных технологий.

Опираясь на труды Ленски, опишем пять типов обществ в зависимости от их технологии: охотников и собирателей; земледельческие и скотоводческие; аграрные; индустриальные; постиндустриальные.

Общества охотников и собирателей

Самые примитивные общества живут охотой и собирательством, под которыми понимается *использование простых орудий для охоты на животных и сбора растений*. Начиная с момента появления человека (3 млн лет назад) и заканчивая всего лишь 12 тыс. лет от дня сегодняшнего, все люди были охотниками и собирателями.

Подобных обществ было много в мире даже еще в 1800 г. Однако ныне их лишь несколько, включая ака и пигмеев в Центральной Африке, бушменов в Юго-Западной Африке, аборигенов Австралии, индейцев племени каска на северо-западе Канады и малазийских батеков и семаев (Endicott, 1992; Hewlett, 1992).

Плохо контролируя окружающую среду, охотники и собиратели большую часть времени выслеживают дичь и собирают съедобные растения. Отдых от занятий для них возможен лишь в местностях с буйной растительностью, изобилующих пищей. Для поддержания небольшого количества ведущего такой образ жизни людей необходимы обширные пространства, и потому сообщества охотников и собирателей растений представляют собой небольшие группы с несколькими десятками членов. Им также приходится вести кочевую жизнь, перемещаться в другие края, как только истощится растительность в зоне промысла, или двигаться вслед за мигрирующими животными. Они редко основывают постоянные поселения, хотя периодически возвращаются в излюбленные места.

Общества охотников и собирателей построены по родовому признаку. Семья добывает и распределяет пищу, защищает своих членов и обучает детей. Жизнь у всех схожа и сосредоточена на поисках пропитания. Существует определенная специализация по возрастной и гендерной принадлежности. Самые маленькие и самые старые делают, что могут, а здоровые взрослые обеспечивают основную добычу пищи. Женщины собирают растения — самый надежный источник пищи, а мужчины занимаются охотой, делом не столь верным. Хотя мужчины и женщины выполняют разные задачи, большинство охотников и собирателей, по-видимому, придают обоим полам равную социальную значимость (Leacock, 1978).

В таких обществах мало формальных лидеров. Почтением окружен *шаман*, или духовный вождь, престиж которого высок, но который не получает никаких материальных наград и ради пропитания должен работать, как все. Иными словами, общества охотников и собирателей — эгалитарные¹.

Охотники и собиратели пользуются простыми видами оружия — копьями, луками со стрелами и каменными ножами, но редко воюют. Их подлинный враг — силы природы: бури и засуха способны уничтожить источники пищи; они бессильны в случае заболевания или увечья. Такая незащищенность понуждает сотрудничать и пользоваться всем сообще, что повышает шансы на выживание. Тем не менее многие умирают еще в детстве, а 20-летнего возраста достигают не более половины людей (Lenski, Nolan & Lenski, 1995; p. 104).

В XX в. технологически развитые страны постепенно окружили немногих оставшихся охотников и собирателей, сократив их ресурсы. Ленски утверждает, что сегодня такие общества попросту исчезают с лица Земли. К счастью, изучение их образа жизни дало ценную информацию об истории человечества и о нашей связи с миром природы.

Земледельческие и скотоводческие общества

10–12 тыс. лет назад появившаяся технология начала изменять жизнь людей. Люди открыли для себя **земледелие** — применение ручных инструментов для получения урожая. Возделывание почвы мотыгой и проделывание отверстий для семян пал-

¹ От франц. *égalité* — равенство. — Примеч. науч. ред.

кой кажутся простыми и очевидными вещами, но это позволило отказаться от собирательства и «выращивать свое». Первые сельскохозяйственные регионы — плодородные районы Среднего Востока, а позднее территория Латинской Америки и Азии. За 5 тыс. лет культурная диффузия привела к тому, что сельскохозяйственные знания распространились по всем основным частям мира.

Не все общества отказались от охоты и собирательства в пользу обработки земли. По-видимому, жившие среди изобилия растительности и дичи не откликнулись на новые технологические веяния (Fischer, 1979). Не приняли их и люди, населявшие пустынные (на Среднем Востоке или в Сахаре, на западе Африки) и горные регионы. Эти сообщества (в том числе туареги) стали **разводить скот — одомашнивать животных**. Сегодня сельскохозяйственные и скотоводческие общества представлены в Южной Америке, Африке и Азии.

Одомашнивание растений и животных чрезвычайно повысило производство продуктов, употребляемых в пищу, а потому сообщества могли поддерживать уже не десятки, но сотни людей. Пастухи были кочевниками, направляя стада на свежие пастбища. Земледельцы же основывали поселения, которые покидали только после того, как истощалась почва. Объединенные торговлей, эти поселения образовывали общества, популяции которых достигали нескольких тысяч человек.

Когда возникают *излишки материальных благ* (больше, чем нужно для каждодневного проживания), необходимость в поисках пропитания отпадает. Тогда процветают ремесла, торговля. Люди остригают волосы, наносят татуировки. Тогда появляются жрецы. По сравнению с обществами охотников и собирателей сельскохозяйственные и скотоводческие более специализированные и сложные.

Охотники и собиратели верят, что мир населен многочисленными духами. Земледельцы почитают предков и постигают Бога как Творца. В скотоводческих эти верования углубляются, и Бог видится прямо причастным к всеобщему благополучию. Такое восприятие Бога («Господь — Пастырь мой», псалом 23) широко распространено среди американцев, потому что христианство, ислам и иудаизм зарождались как религии у пастушеских народов Среднего Востока.

Развитие промышленных технологий создает социальное неравенство. По мере того как одни семьи производят больше продуктов питания, чем другие, они занимают властное и привилегированное положение. Формирование альянсов, в том числе брачных, с другими элитными семьями позволяет социальным преимуществам закрепляться и сохраняться в поколениях. Наряду с социальной иерархией возникает примитивное государство, опирающееся на военную силу и защищающее господство элиты. Однако, не имея возможности связываться или путешествовать на большие расстояния, правитель контролировал лишь весьма ограниченное число людей, а потому имперские основания проступали еще очень слабо.

Одомашнивание растений и животных сделало примитивные общества более производительными. Но передовая технология никогда не бывает только благом. Как указывает Ленски, по сравнению с охотниками и собирателями в обществах земледельцев и пастухов существует большее социальное неравенство, часто встречается рабовладение, возникают затяжные войны и известен даже канибализм.

Аграрные общества

Приблизительно 5 тыс. лет назад на Среднем Востоке произошла еще одна технологическая революция, которая изменила большую часть мира. Речь идет о возникновении **агрокультуры** (*возделывания почв с помощью плугов, которые тащут тягловые животные или более мощные источники энергии*). Социальная роль таких новшеств, как плуг, приводимый в действие силой животных, ирригация, колесо, письменность, появление цифр и использование различных металлов, оказалась настолько велика, что та эпоха называется «зарей цивилизации» (Lenski, Nolan & Lenski, 1995: 177).

Такая техника обработки земли позволяла крестьянам возделывать намного большие площади, чем это удавалось ранее, когда обрабатывались небольшие делянки. У плугов есть дополнительное преимущество: они взрыхляют и вентилируют почву, повышая ее плодородность. В результате крестьяне поколениями могли обрабатывать одни и те же наделы, что, в свою очередь, способствовало оседлому образу жизни. Так, приблизительно в 100 г. н. э. население аграрной Римской империи составляло 70 млн человек, занимавших площадь свыше 2 млн квадратных миль (Stavrianos, 1983; Nolan & Lenski, 1995: 177).

Как и прежде, повышение производительности труда означало усложнение специализации. Задачи, с которыми раньше справлялись все — расчистка земель под пашни и добывание пищи — превратились в отдельные профессии. Кроме того, специализация привела к устареванию ранней системы бартерного обмена, деньги сделали стандартным платежным средством. Так как они облегчали торговлю, росли города, а их население начало достигать миллионов жителей.

Аграрные общества демонстрируют разительное социальное неравенство. Во многих странах, включая США на заре их истории, значительную часть населения составляли крестьяне или рабы. Элита, будучи освобожденной от ручного труда, занималась философией, искусствами и литературой. Это объясняет историческую связь между «элитарной культурой» и социальными привилегиями, о чем было сказано в главе 3.

У собирателей и охотников, а также в земледельческом обществе, продуктами, которые шли в пищу, занимались в основном женщины. Однако агрокультура выдвигает на позиции социального доминирования мужчин (Boulding, 1976; Fisher, 1979).

Во многих обществах религия закрепляет власть сельскохозяйственных элит, определяя труд в качестве морального долга. Многие чудеса Древнего мира — например, Великая китайская стена или египетские пирамиды — своим появлением были обязаны, возможно, только тому, что императоры и фараоны обладали абсолютной властью, заставляя своих подданных бесплатно трудиться всю их жизнь.

Таким образом, в аграрных обществах беспрецедентную власть приобретают представители элиты. Чтобы удержать в подчинении большие империи, правители нуждаются в услугах множества администраторов. Соответственно наряду с развитием экономики, складывается и политическая система, превращаясь в отдельную сферу жизни.

Из числа описанных аграрные общества отличаются наивысшей специализацией и социальным неравенством. Кроме того, аграрная технология предоставляет людям больше возможностей жизненного выбора. Этим объясняется, что такие общества сильнее отличаются друг от друга, чем земледельческие и скотоводческие.

Индустриальные общества

Индустриальная система (в той ее форме, которая установилась в США, Канаде и других богатых странах мира) — это *производство товаров с использованием передовых энергоисточников, приводящих в движение крупные механизмы*. До наступления промышленной эры главным источником энергии были физическая сила людей и животных. Однако приблизительно в 1750 г. на заводах и фабриках начали применять энергию воды, а после — паровых котлов, что позволяло приводить в действие все более крупные механизмы.

Как показано на рис. 4.1, с наступлением индустриальной эры общества стали изменяться быстрее.

За одно столетие индустриальные общества изменились больше, чем за прошедшую тысячу лет. Как сказано в главе 1, эти ошеломляющие перемены породили саму социологию. В XIX в., благодаря появлению железных дорог и пароходов решительно изменились способы транспортировки, созданные стальные небоскребы превысили высоту кафедральных соборов — символов минувших эпох.

В XX в. появление автомобилей еще значительно трансформировало западные общества, а электричество привело в действие все, что сегодня создает удобства в нашей жизни: освещение, холодильники, лифты и стиральные машины. Вскоре возникли средства электронного сообщения, включая телефон, радио и телевидение, из-за чего мир стал казаться не таким огромным. Нынешнее поколение — свидетель того, как компьютеры резко повысили способность людей обрабатывать информацию.

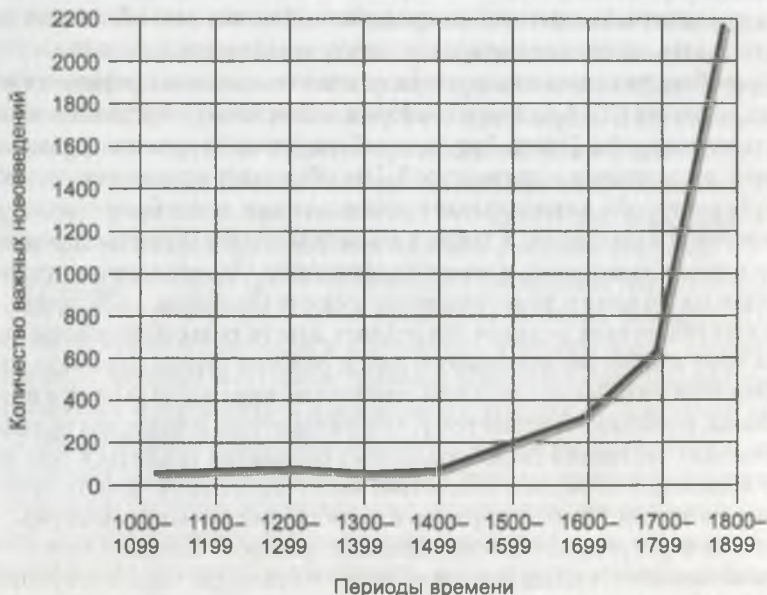

Рис. 4.1. Рост числа технологических нововведений. *Источник:* Lenski, Nolan & Lenski (1995)

Этот рисунок иллюстрирует разительное изменение числа технологических новшеств в Западной Европе после индустриальной революции, произошедшей в середине XVIII в. Технологические нововведения множатся с невиданной скоростью, поскольку каждая инновация дополняет уже существующие элементы культуры, а это, в свою очередь, служит основой для возникновения многих иных инноваций

Изменился и труд. В аграрных обществах большинство мужчин и женщин работают либо дома, либо на близлежащих полях. Индустриализация уводит людей от дома к фабрикам, расположенным недалеко от источников энергии (угольных копей, например) и оснащенным гигантскими механизмами. Труд промышленных рабочих, безусловно, намного производительнее, однако в результате утрачиваются близкие рабочие отношения, прочные семейные узы и многие традиционные ценности, верования и обычаи, характерные для аграрных сообществ.

Профессиональная специализация достигла невиданной степени. По сути, люди в индустриальную эпоху воспринимают окружающих с точки зрения выполняемой теми деятельности, а не по родственным связям (как это свойственно жившим в доиндустриальную эру). Кроме того, стремительные изменения и перемена мест приводят к анонимности, культурной разнородности и многочисленным суб- и контркультурам, как это описано в главе 3.

Индустриальная технология трансформирует и семью, сводя на нет ее устоявшуюся роль быть центром социальной жизни. Семья перестает служить основой для экономического производства, обучения и религиозного служения. И, как отмечается в главе 17, технологическое изменение обуславливает отказ от рамок традиционной семьи, рост числа одиноких, разведенных людей, неполных или приемных семей.

Ленски указывает, что на ранней стадии индустриализации преимуществами передовых технологий пользуется лишь небольшая часть населения. Однако со временем благосостояние возрастает, так что все больше людей живет дольше и комфортнее. Хотя бедность остается в индустриальных обществах серьезной проблемой, по сравнению с тем, что было столетием раньше, уровень жизни повысился в 5 раз, а социальное неравенство уменьшилось. Определенное выравнивание, описанное в главе 10 («Социальная стратификация»), происходит потому, что индустриальные общества нуждаются в просвещенной и грамотной рабочей силе. Если в доиндустриальную эпоху огромная часть людей остается неграмотной, то общества промышленной эры гарантируют своим членам школьное образование на основе государственного финансирования и почти каждому гражданину предоставляют многочисленные политические права. Индустриализация усиливает потребность в обладании правом политического голоса, как можно было совсем недавно увидеть на примере Южной Кореи, Тайваня, Китайской Народной Республики, государств Восточной Европы и бывшего Советского Союза.

Постиндустриальные общества

Многие индустриальные общества, включая американское, вступили уже в следующую фазу технологического развития, и можно расширить анализ Ленски, чтобы учесть тенденции последнего времени. Социолог Дэниел Белл (Bell, 1973) ввел термин **постиндустриализм**, чтобы обозначить *технология, которая поддерживает экономику, основывающуюся на информации*. Если в индустриальных обществах производство сосредоточено на заводах и связано с механизмами, помогающими создать материальные блага, то постиндустриальное основано на применении компьютеров и других электронных устройств, которые производят, обрабатывают,

Таблица 4.1

Социокультурная эволюция: резюме

Тип общества	Исторический период	Технология производства	Численность населения
Общества охотников и собирателей	Единственный тип общества, существовавший приблизительно 12 тыс. лет назад; несколько столетий назад все еще оставался распространённым; его немногочисленным современным образчикам грозит исчезновение	Примитивные орудия	25–40 человек
Земледельческие и скотоводческие общества	Возникновение — приблизительно 12 тыс. лет назад; сокращение числа началось примерно с 3000 г. до н. э.	В земледельческих обществах используются ручные орудия для выращивания растений; скотоводческие общества живут благодаря одомашниванию животных	Поселения, насчитывающие несколько сотен человек, связанные торговлей и благодаря ей образующие общества численностью в несколько тысяч человек
Аграрные общества	Возникновение — приблизительно 5 тыс. лет назад; в настоящее время их количество велико, но сокращается	Плуг, движимый силой животных	Миллионы людей
Индустриальные общества	Приблизительно с 1750 г. и до нашего времени	Прогрессивные источники энергии; механизированное производство	Миллионы людей
Постиндустриальные общества	Возникают в последние десятилетия	Компьютеры, которые поддерживают информационную экономику	Миллионы людей

Форма оседлости	Социальная организация	Примеры
Кочевники	Основана на семье; специализация ограничена возрастом и полом; социальное неравенство выражено слабо	Пигмен Центральной Африки Бушмены Юго-Западной Африки Аборигены Австралии Малазийские семаи Канадские индейцы племени каска
Земледельцы создают небольшие постоянные поселения; пастухи ведут кочевой образ жизни	Основана на семье; начинает развиваться религиозная система; умеренная специализация; возросшее социальное неравенство	Общества Среднего Востока приблизительно за 5 тыс. лет до н. э. Различные современные общества Новой Гвинеи и других островов Тихоокеанского региона Племя яномамэ в современной Южной Америке
Города становятся обычным явлением, но в них, как правило, сосредоточена небольшая часть населения	Семья утрачивает значение с возникновением отчетливых религиозных, политических и экономических систем; широкая специализация; возросшее социальное неравенство	Египет в период возведения пирамид Средневековая Европа Многочисленные, преимущественно аграрные, общества в современном мире
В городах проживает большая часть населения	Отчетливые религиозные, политические, экономические, образовательные и семейные системы; высоко специализировано; выраженное, упорно сохраняющееся социальное неравенство, которое со временем несколько уменьшается	Большинство современных обществ в Европе и Северной Америке, Австралия и Япония, производящие подавляющую часть промышленной продукции в мире
Население по-прежнему сосредоточено в городах	Аналогична индустриальным обществам; при этом работа, связанная с обработкой информации и другими услугами, постепенно замещает промышленное производство	Перечисленные выше индустриальные общества, которые вступают в постиндустриальную эру

накапливают и задействуют информацию. Если люди, живущие в индустриальном обществе, выучивают и применяют механические навыки, в постиндустриальную эпоху требуются другие умения — информационного типа. Они нужны, чтобы работать с компьютерами и реализовывать высокотехнологическую коммуникацию в какой-либо иной форме.

Все это резко изменяет профессиональную структуру общества. В главе 15 («Экономика и работа») подчеркивается, что в постиндустриальном обществе для промышленного производства необходимо намного меньше рабочей силы. Взамен возрастает роль офисных работников, менеджеров и др. — всех тех, кто занят обработкой информации (в областях, простирающихся от фундаментальных наук и рекламы до маркетинга и связей с общественностью).

Информационная революция наиболее наглядна в богатых странах, однако новая технология влияет и на мир в целом. Как сказано в главе 3 («Культура»), невиданный общемировой поток товаров, людей и информации связывает общества друг с другом и создает глобальную культуру. Подобно тому как индустриальная технология объединила разрозненные общины, в результате чего возникла национальная экономика, постиндустриальная способствует объединению наций для построения общемировой экономической системы.

В табл. 4.1 сведены воедино способы, благодаря которым технология создает облик общества на разных этапах социокультурной эволюции.

Ограничения технологии

Технология избавляет человечество от многих проблем, повышая производительность труда, уменьшая заболеваемость различными инфекциями, а иногда просто напросто спасая людей от скуки. Но она не дает рецепта быстрого излечения от социальных проблем. Бедность, например, в Соединенных Штатах остается уделом миллионов мужчин и женщин (подробнее об этом см. в главе 11 «Социальные классы в США»), а по всему миру таковых насчитывается 1 млрд (см. главу 12 «Глобальная стратификация»). Технология порождает новые проблемы, которых не могли даже представить себе наши предки (и люди, живущие подобно соплеменникам Сидиди Аг Инака, с рассказа о котором начинается эта глава) Индустриальные общества дают немалые возможности для личной свободы, но часто — ценой утраты чувства общности, которая пронизывала жизнь людей в доиндустриальном мире. Кроме того, хотя большинство могущественных мировых наций сегодня редко ведут полномасштабные внешние войны, накопленного ими запаса ядерных вооружений достаточно, чтобы вернуть нас в технологически примитивное состояние, — если, конечно, человечеству вообще удастся выжить.

Передовая технология породила крупные социальные проблемы, касающиеся окружающей среды. На каждом этапе социокультурной эволюции появлялись все более мощные источники энергии и аппетит людей добыть естественные ресурсы Земли рос непомерно. Жизненно важным оказался вопрос о том, может ли человечество и впредь подвергаться постоянной опасности планету, стремясь к собственному материальному благополучию.

Таким образом, технологические достижения в чем-то улучшили жизнь людей и приблизили население Земли к образу «мировой деревни». Однако установление мира, гарантия справедливости и защита окружающей среды — те проблемы, которые одной только технологией не решить.

Карл Маркс: общество и конфликт

Первое классическое представление об обществе дали работы Карла Маркса (1818–1883), одного из тех, кто стоял у истоков социологии. Внимательно следя за индустриальными преобразованиями в Европе, Маркс большую часть своей жизни провел в Лондоне, столице огромной в те времена Британской империи. Его потрясла производительная мощь новых предприятий. Великобритания и другие индустриальные страны производили товаров больше, чем когда бы то ни было прежде, причем ресурсы со всего мира с немыслимой скоростью направлялись на их фабрики и заводы.

Удивление и негодование Маркса были вызваны тем, что промышленные богатства сосредоточивались в руках немногих. Прогулка по Лондону поражала картинами разительного контраста между блистательным изобилием и убогим запустением. В особняках с десятками слуг проживала горстка аристократов и промышленников. Но большинство людей трудились долгими часами за гроши и жили в трущобах, а то и ночевали прямо на улицах, где многие умирали от голода.

Маркс бился над основным противоречием: как же это возможно, чтобы в невероятно богатом обществе было столько бедных? Не менее важным считал также выяснить, каким же образом удастся изменить эту ситуацию. По мнению многих, Маркс думал посеять в обществе смуту. Но он был движим состраданием и стремился помочь обществу, которое оказалось разделенным, обрести новый и справедливый социальный порядок.

Ключом к мышлению Маркса является идея **социального конфликта, борьбы между сегментами общества за ценные ресурсы**. Конечно, социальный конфликт способен принимать разные формы. Скажем, ссорятся отдельные люди, или какие-то колледжи устраивают традиционные спортивные состязания; страны же нередко воюют. Однако для Маркса самой главной формой оставался классовый конфликт, порождаемый тем способом, каким общество производит материальные блага.

Общество и производство

Живя в XIX в., Маркс был свидетелем ранней стадии промышленного капитализма в Европе. Он отмечал, что эта экономическая система превратила малую часть населения в **капиталистов — людей, владеющих и управляющих фабриками и другими предприятиями ради извлечения прибыли**. Для этого они стремятся продать товар за цену, превышающую его себестоимость. Большая же часть населения превращается при капитализме в промышленных рабочих, которых Маркс называл **пролетариями — людьми, которые продают свой производительный труд за заработную плату**. Между капиталистами и рабочими конфликт неизбежен. Чтобы и впредь извлекать высокие прибыли, первые замораживают заработную плату на низком уровне. Конечно же, рабочие хотят получать больше. Поскольку прибыли

и зарплаты черпаются из одного и того же источника, развивается конфликт. В понимании Маркса, он мог закончиться только с исчезновением самого капитализма.

Все общества состоят из **социальных институтов** — *крупных сфер социальной жизни, или социальных подсистем, организованных для удовлетворения потребностей людей*. Маркс утверждал, что один институт — экономика — господствует над прочими и определяет характер общества. Опираясь на философскую доктрину *материализма*, согласно которой опыт людей определяется способом производства материальных благ, Маркс полагал, что политическая система, семья, религия и образование способствуют утверждению экономики общества. Если Ленски настаивал на особой роли технологии в формировании общества, то Маркс писал об экономике как о «реальной основе» общества (Marx, 1959; p. 43, первое изд. — 1859).

Он рассматривал экономическую систему в качестве *базиса* общества. Другие социальные институты, в том числе семья, политика и религия, базируются на этом фундаменте, образуют *надстройку*. Они сообщают экономические принципы другим сферам жизни, как показано на рис. 4.2.

Социальные институты закрепляют господствующее положение капиталистов, защищая их состояния и законодательно передавая собственность в наследство от одного поколения к следующему в рамках семьи.

Собственно, члены индустриальных капиталистических обществ не считают свои правовые и семейные системы очагами социальных конфликтов. Напротив, люди полагают свое право на частную собственность как «естественное». Американцы считают, что состоятельные сограждане заслужили свое богатство, а у бедных и безработных нет либо навыков, либо мотивации. Маркс отвергал подобные рассуждения. Он настаивал: сосуществование крупных состояний и невероятной бедности — лишь один из возможных вариантов, причем порождаемый именно капитализмом (Cuff & Raune, 1979).

Таким образом, Маркс отвергал капиталистические идеи как *ложное сознание, объяснение социальных проблем не пороками общества, а недостатками людей*. По его мнению, во многих социальных проблемах повинен промышленный капитализм сам по себе. Заблуждение, говорил он далее, вредит людям, поскольку скрывает истинную причину их проблем.

Рис. 4.2. Модель общества по Карлу Марксу

Эта схема показывает материалистическое воззрение Маркса, согласно которому экономическое производство лежит в основе и задает форму всему обществу. Экономика подразумевает как технологию (промышленность, когда речь идет о капитализме), так и социальные отношения (в капиталистической системе — отношения между капиталистами, которые контролируют производство, и рабочими, выступающими источником труда). На эту инфраструктуру, или базис, опирается надстройка общества, куда относятся и его главные институты, и основные культурные ценности и идеи.

Маркс утверждал, что все в обществе способствует поддержанию экономической системы

На картине Норберта Генета «Обед бедняка в зимнем Париже» показана удручающая и привычная нищета мигрантов, переселявшихся в города, пока индустриальная революция набирала обороты. В этих страданиях Карл Маркс усматривал фундаментальное противоречие современного общества: промышленная технология обещает всеобщее материальное изобилие, но капитализм сосредоточивает богатства в руках немногих

Конфликт и история

По мнению Маркса, большинство обществ развивается постепенно, с течением времени. Но иногда случаются стремительные, революционные перемены. Маркс (как и Ленски) отмечал, что перемены могут быть вызваны технологическим прогрессом, однако главным образом они порождаются социальным конфликтом.

Если представления Ленски перевести на язык Маркса, то древние охотники и собиратели строили примитивные коммунистические общества. *Коммунизм* — система, при которой все люди имеют равный доступ к пище и другим материальным благам. Ресурсы, хотя и были скудными, представляли всеобщее достояние, а не частную собственность. Все выполняли примерно одну и ту же работу, так что возможность социального конфликта была невелика.

Земледельческие формы труда, как отмечал Маркс, породили неравенство. В эпоху доминирования земледельческих, скотоводческих и первых аграрных обществ, которые Маркс называл «древним миром», войны велись часто, а победители превращали побежденных в рабов. Небольшая по численности элита («хозяева») и ее рабы были втянуты в непримиримый социальный конфликт (Zeitlin, 1981).

Сельское хозяйство еще больше обогатило верхи общества, разжигая сильную социальную рознь. Крепостные крестьяне, стоявшие на низшей ступени в эпоху европейского феодализма, жили немногим лучше рабов. По мнению Маркса, церковь и государство защищали феодальную систему как якобы созданную по Божьей воле. Следовательно, феодализм — общество «эксплуатации, завуалированной религиозными и политическими иллюзиями» (Marx & Engels, 1972: 337; 1-е изд. — 1848).

Постепенно феодальный строй был подточен новыми производительными силами. С непрерывным возрастанием торговли купцы и искусные ремесленники сформировали в городах класс *буржуазии* (французское слово, означающее буквально «городской»). Расширение торговли все более обогащало буржуазию. С начала XIX в. она уже контролировала и заводы, превращаясь в класс настоящих капиталистов, обладающих реальной властью, которая была сопоставима с имевшейся у старопоместного дворянства. Последнее же, со своей стороны, высокомерно взирало на нарождающийся класс «лавочников», однако со временем именно капиталисты установили контроль над европейскими обществами. Следовательно, если встать на позицию Маркса, новая технология была лишь частью индустриальной революции. Кроме того, это была революция классовая, в результате которой капиталисты свергли старую элиту аграрного общества.

Индустриализация привела и к росту численности пролетариата. Английские землевладельцы превращали поля, некогда возделывавшиеся крепостными, в пастбища для овец, чтобы производить шерсть для текстильных фабрик. Согнанные с земли, крепостные перебирались в города работать на этих предприятиях. Маркс предвидел, что наступит день, когда рабочие объединятся в единый класс и подготовят условия для исторической конфронтации. На сей раз, как он надеялся, классовая революция вознесет угнетенных рабочих над угнетателями-капиталистами.

Капитализм и классовый конфликт

«История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов» — этими словами Маркс и его соратник, Фридрих Энгельс, открыли свое знаменитое заявление «Манифест коммунистической партии» (Marx & Engels, 1972; p. 335; первое изд. — 1848). При индустриальном капитализме, как и в более ранних обществах, существуют два крупных социальных класса — правящий и угнетенный, — в чем отражаются два основных положения в системе производства. Подобно хозяевам и рабам в античном мире и дворянам и крепостным при феодальном строе, теперь в социальный конфликт вовлечены капиталисты и пролетарии. Ныне, как и в прошлом, один класс контролирует другой, будучи собственником средств производства. Маркс использовал термин **классовый конфликт** (а иногда *классовая борьба*) для обозначения *конфликта между целыми классами, связанного с распределением материальных ценностей и власти в обществе.*

Классовый конфликт не есть что-то принципиально новое. Отличие его проявления в капиталистическом обществе, на которое указывал Маркс, состоит в том, насколько конфликт открыт. Аристократия и крепостные при всей разнице их положения были связаны давними традициями и взаимными обязательствами. Индустриальный капитализм уничтожил такие взаимосвязи, гордость и честь уступили место «голым личным интересам». Поскольку между пролетариями и их угнетателями никаких уз нет, Маркс не видел причины, которая помешала бы первым покончить со своим положением.

Хотя индустриальный капитализм вскрыл классовый конфликт, авторы «Манифеста коммунистической партии» понимали, что революция не должна оказаться поспешной. Во-первых, рабочим следует *осознать* свое угнетенное положение и увидеть в капитализме его истинную природу. Во-вторых, им нужно *организо-*

ваться и действовать, чтобы разобраться со своими проблемами. Это означает, что рабочие должны заменить ложное сознание **классовым** (*осознанием себя как класса, сплотившегося в борьбе против капиталистов и в конечном счете против самого капитализма*). Повсеместно наблюдая бесчеловечность раннего капитализма, Маркс предсказывал скорое движение промышленных рабочих, направленное на уничтожение капитализма.

А что же капиталисты? Их сила заключалась в огромных состояниях. Но Маркс усмотрел брешь в такой броне. Побуждаемые стремлением к личной выгоде, они боятся конкуренции. Поэтому Маркс решил, что капиталисты промедлят и не смогут объединиться даже вопреки своим общим интересам. Кроме того, рассуждал он, поскольку капиталисты, желая извлечь максимальные прибыли, удерживают зарплату работников на низком уровне, решимость рабочих возрастет. В итоге, по мнению Маркса, капиталисты сами способствуют собственному уничтожению.

Капитализм и отчуждение

Маркс также заклеймил капитализм за то, что тот порождает **отчуждение** — *ощущение одиночества и страдания, вызванное бессилием*. Находясь под властью капиталистов, пролетариат оказывается обычным товаром — источником рабочей силы, которую можно приобретать и выбрасывать по желанию. Дегуманизация, вызванная условиями и спецификой труда (особенно монотонной, нескончаемой заводской работой), приводит к тому, что рабочим не с чего радоваться жизни. Они чувствуют невозможность улучшения своего положения. Здесь ощутимо проступает еще одно противоречие капиталистического общества: по мере того как люди разрабатывают технологию для приобретения власти над миром, экономика приобретает все больший контроль над ними.

Маркс указал четыре формы отчуждения:

1. **Отчуждение от процесса труда.** В идеале люди трудятся, чтобы удовлетворить свои непосредственные нужды и развить потенциал своей личности. Капитализм, однако, лишает рабочих права участвовать в обсуждении того, что они производят и как они это делают. Многие виды работы сводятся к нудному, непрерывному повторению рутинных действий. Маркса не удивил бы тот факт, что мы везде, где только возможно, заменяем людей машинами. По его убеждению, капитализм давным-давно превратил людей в механизмы.
2. **Отчуждение от продуктов труда.** Продукт труда принадлежит не рабочим, но капиталистам, продающим его и получающим прибыль. Поэтому, рассуждал Маркс, чем значительнее личный вклад рабочих в их труд, тем больше они теряют.
3. **Отчуждение от других рабочих.** Труд, как заявлял Маркс, дает людям возможность наладить связи в общине. Однако индустриальный капитализм лишает атмосферы сотрудничества, наполняя трудовую деятельность духом конкуренции. Из материала врезки видно, что фабричный труд почти не оставляет возможностей для товарищеских отношений.
4. **Отчуждение от человеческой сущности.** Индустриальный капитализм приводит к отчуждению рабочих от их личностных возможностей. Маркс

утверждал, что «рабочий, трудясь, не реализует себя в работе, но отрицает себя; испытывает не благополучие, но отчаяние; не развивает свободно свои физические и душевные силы, но истощается физически, а умственно — обезценивается. Рабочий, следовательно, чувствует себя дома только в часы досуга, тогда как на работе он ощущает себя бездомным» (Marx, 1964a; p. 124–125; первое изд. — 1844). Другими словами, индустриальный капитализм искажает деятельность, которая должна служить выражению лучших качеств человека, превращая ее в тягостное переживание, ведущее к дегуманизации.

ПРАКТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Отчуждение и индустриальный капитализм

Выдержки из книги Стадса Теркела «За работой» (*Working*) показывают, как монотонные производственные операции способны привести рабочего к отчуждению.

Филу Сталлингсу 27 лет, он работает в Чикаго на заводе *Ford* по производству автомобилей:

Я начинаю сборку автомобиля, завариваю первые швы. От меня он отправляется на другую линию конвейера, где ему приделяют пол, крышу, багажник, капот, двери. Затем его водружают на несущую часть. Конвейерных линий — сотни... Я стою на одном месте, на участке примерно в 2–3 фута, всю ночь. Работа прекращается только тогда, когда останавливается линия. Над каждой машиной мы выполняем 32 операции. 48 машин в час, по 8 часов ежедневно. 32 раза умножить на 48 раз и на 8. Подсчитайте, сколько получится. Именно столько раз я нажимаю эту кнопку.

Грохот — о, он ужасен. Если откроешь рот, то можешь проглотить целый сноп искр. (Показывает свои руки.) Вот ожог, вот еще ожоги. С грохотом справиться нельзя. Тебе приходится орать и одновременно управляться с горелкой, не сводя ее со шва.

У меня есть несколько знакомых ребят, но они держатся настороженно и не желают общаться. Это слишком трудно. Ты постоянно предоставлен самому себе. Ты поглощен собой. Ты думаешь о вещах, которые сделал, они сняты тебе. Я постоянно возвращаюсь мыслями в детство — к тому, чем мы занимались с братьями. Самое дорогое, что остается, — прошлое.

Это никогда не прекращается. Это просто длится, длится и длится. Клянусь, что есть те, кто прожил там, умер и никогда не видел конца конвейерной ленты. Им это и нужно, потому что она бесконечна. Она как змея. Вся она — просто туловище, без хвоста. Она опасна.

Шерон Аткинс, 24 года, выпускница колледжа, она работает телефонным диспетчером в системе крупного бизнеса на Среднем Западе:

Я мало общаюсь с людьми. Их не видно. Неизвестно, смеются ли они, язвительные или добрые. Поэтому разговоры получаются очень краткими. Я замечаю это, когда говорю с другими людьми. Моя речь получается сжатой, я говорю отрывистыми фразами — в той же манере, в какой целыми днями разговариваю по телефону...

Ты стараешься заполнить свое время попытками думать о других вещах — как провести уик-энд или о семье. Тебе приходится напрягать воображение. Если оно не очень богатое и быстро надоедает придумывать, просто беда. Только для того, чтобы заполнить время, я пишу плохие на самом деле стихи или письма себе и другим людям и никогда их не отправляю. Письма — фантазии, своего рода бессвязные тексты о том, что я чувствую, о моей подавленности...

Дома я никогда не отвечаю на телефонные звонки.

Маркс рассматривал отчуждение (в его различных формах) как препятствие к социальному взаимодействию. Но он надеялся, что промышленные рабочие преодолеют его, сплотившись в настоящий социальный класс, осознающий причины своих трудностей и готовый к изменению общества.

Революция

По утверждению Маркса, единственным выходом из капкана капитализма является кардинальное изменение общества. Он предсказывал рождение более гуманной системы производства, когда все люди будут равны. Ее он назвал *социализмом*. Хотя Маркс понимал препятствия к социалистической революции, он тем не менее, был разочарован, что ему не дожить и не увидеть восстания английских рабочих. Убеденный в аморальности капитализма, он был уверен: со временем трудящееся большинство осознает, что обладает ключом к лучшему будущему. Это изменение будет, безусловно, революционным и, видимо, даже насильственным. В итоге же, как верил Маркс, социалистическое общество сумеет удовлетворить потребности всех и каждого.

В главе 10 подробнее освещены перемены, произошедшие в индустриальных капиталистических обществах со времен Маркса, а также объясняется, почему столь желанная революция так никогда и не случилась. Кроме того, как показано в главе 16, революция, которую воображал основоположник марксизма, обернулась установле-

В США годами бытовало мнение, согласно которому социализм, как только он устанавливается, подавляет оппозицию, в результате чего правительство невозможно свергнуть. Но это представление потерпело крах, как и сами социалистические режимы Восточной Европы и Советского Союза. Политическую трансформацию этих стран в 1990-е гг. символизировал – из города в город – демонтаж памятников Иосифу Сталину и Владимиру Ленину – первым советским руководителям

нием репрессивных режимов, таких как правление Сталина в Советском Союзе, и они унесли жизни десятков миллионов людей (Hamilton, 2001). Однако Маркс смотрел в будущее с надеждой (Marx & Engels, 1972; p. 362; первое изд. — 1848): «Пролетариям нечего терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир».

Макс Вебер: рационализация общества

Будучи знатоком права, экономики, религии и истории, Макс Вебер (1864–1920) предложил концепцию, которая многими расценивается как величайший вклад в социологию. Этот ученый, родившийся в зажиточной германской семье, выдвинул немало идей, поэтому в предлагаемом обзоре возможно коснуться лишь его понимания того, чем современное общество отличается от ранних типов социальной организации.

В согласии с философским подходом, именуемым *идеализмом*, Вебер выделял пути, которыми человеческие идеи формируют общество. Он понимал власть технологии и во многом соглашался с идеями Маркса насчет социального конфликта. Но оспаривал материалистический марксистский анализ, утверждая, что общества отличаются главным образом по представлениям их членов об окружающем мире. Согласно Веберу, ключом выступают идеи, особенно убеждения и ценности, поскольку современное общество автор считал продуктом не только новой технологии и капитализма, но и нового образа мышления. Этот акцент на идеях, противоречивший тезисам Маркса о роли производства, привел к тому, что ученые назвали наследие Вебера «спором с призраком Карла Маркса» (Cuff & Payne, 1979; p. 73–74).

Вебер сравнивал социальные формы, возникавшие в различные времена и разных странах. При этом он опирался на *идеальный тип* — *абстрактное утверждение о важнейших особенностях любого социального феномена*. Он изучал религию, сопоставляя «идеального протестанта» с «идеальным иудеем», «идеальным индустристом» и «идеальным буддистом», зная, что в точности этим моделям никакие реальные индивиды не соответствуют. Обратите внимание, что употребление Вебером слова *идеальный* не означает, будто рассматриваемый объект «хороший» или «лучший». С точки зрения идеала можно анализировать и преступников и священников. Мы уже прибегали к идеальным типам, когда сравнивали общества охотников и собирателей с индустриальными, а капитализм — с социализмом.

Два взгляда на мир: традиция и рациональность

Отказавшись от классификации обществ по их технологии или системам производства, Макс Вебер сосредоточился на человеческом видении мира. Иными словами, члены доиндустриальных обществ погружены в *традицию*, а индустриальных капиталистических — *рациональны*.

Под *традицией* Вебер понимал *настроения и верования, передающиеся из поколения в поколение*. Те, кто живет традицией, руководствуются прошлым. Конкретные действия они находят правильными и верными единственно потому, что все это было заведено с давних пор.

Но, по утверждению Вебера, в современных обществах люди предпочитают *рациональность* — *целенаправленный, трезвый расчет наиболее эффективных пу-*

тей выполнения отдельной задачи. Рациональное мировоззрение исключает чувства, которые с традиционной точки зрения считаются своеобразной информацией. Как правило, современные люди предпочитают думать и действовать, отталкиваясь от настоящего и учитывая последствия, оценивают профессиональную деятельность, школьное обучение и даже близкие отношения с позиции того, какие вложения потребуется сделать и что они получают взамен.

И промышленную революцию, и капитализм Вебер рассматривал как доказательство утверждения рациональности. Он воспользовался выражением **рационализация общества**, чтобы обозначить *исторический переход от традиции к рациональности как к главенствующей форме человеческого мышления*. Далее он заметил, что современное общество «расколдовалось», когда научное мышление и технология смели паутину сентиментальных привязанностей к прошлому.

Готовность принять новейшую технологию является, следовательно, одним из мощных показателей степени рационализации общества. Чтобы проиллюстрировать этот глобальный феномен, на карте мира 4.1 указано распределение по регионам мира персональных компьютеров¹.

Вообще, персональными компьютерами больше всего пользуются в богатых странах Северной Америки и Европы, тогда как в странах с низким уровнем доходов они редки.

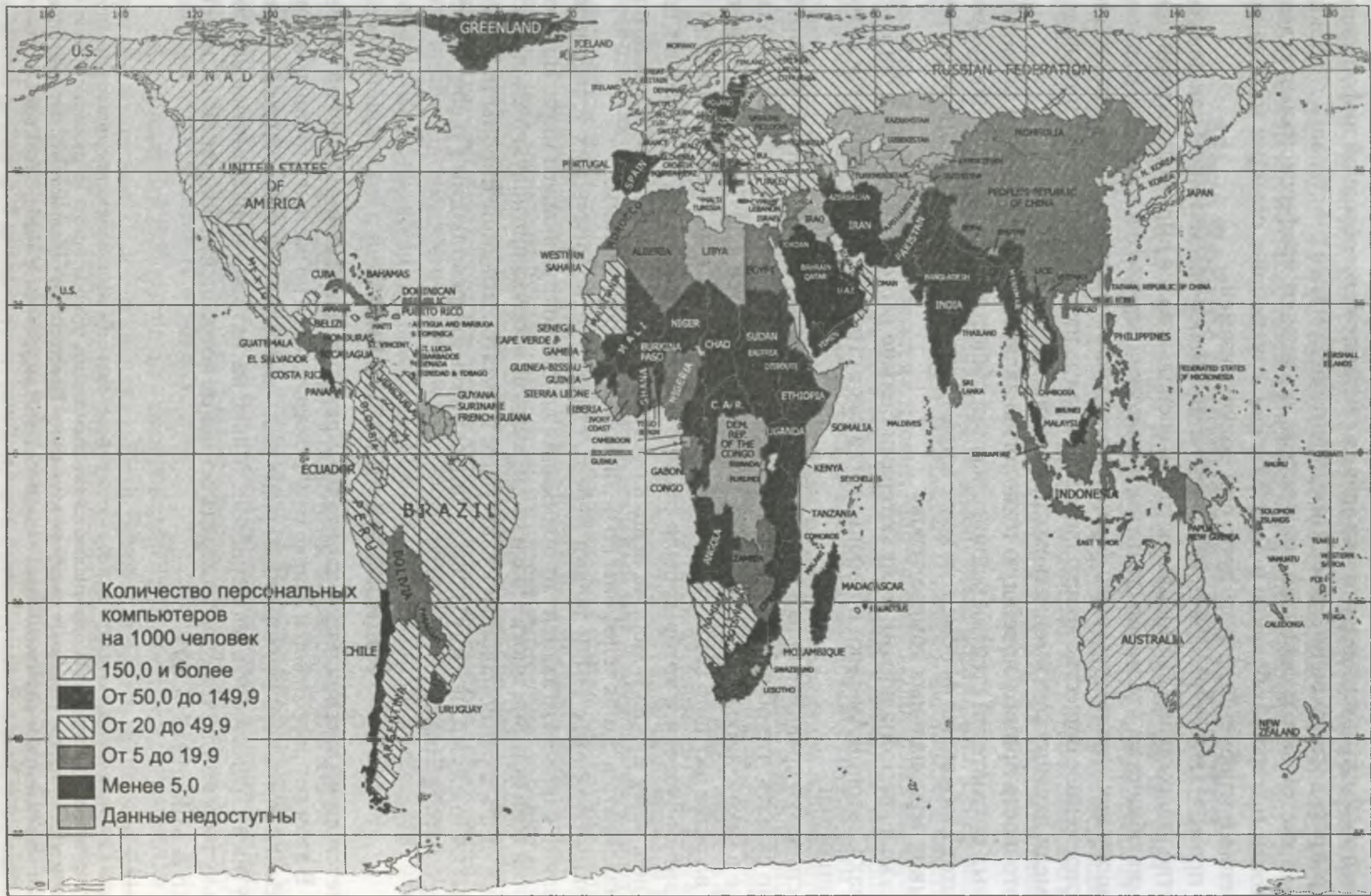
Используя сравнительный подход Вебера и данные, отображенные на карте, можно сказать, что общества по-разному ценят технологический прогресс. Полагаемое в каком-либо одном прорыве, новшество кажется в другом несущественным, а третье активно сопротивляется инновации, видя в ней угрозу традиции. Кочевники-туареги, о которых было сказано в начале этой главы, не признают телефонов: кому нужна подобная вещь в пустыне? В США аммиты отказываются устанавливать в домах телефоны по религиозным соображениям.

Таким образом, с точки зрения Вебера, степень технологических усовершенствований в обществе зависит от понимания людьми окружающего мира. На протяжении всей истории многие люди могли взять на вооружение новую технологию; однако лишь в рациональном культурном климате Западной Европы научные открытия послужили импульсом к индустриальной революции (Weber, 1958; 1-е изд. — 1904–1905).

Рационален ли капитализм?

Является ли индустриальный капитализм рациональной экономической системой? В этом вопросе Вебер и Маркс вновь оказываются по разные стороны баррикад. Вебер считал его воплощением рациональности, так как капиталисты любыми путями стремятся извлечь прибыль. Маркс же находил иррациональным, поскольку тому не удается удовлетворить основные потребности большинства людей (Gerth & Mills, 1946; p. 49).

¹ Страны с традиционными культурами либо не могут позволить себе технологические инновации, либо игнорируют их, а иногда даже сопротивляются таковым; нации, отличающиеся рационалистическим образом жизни, быстро усваивают подобные изменения. Персональных компьютеров, которые определяют современную технологию, много в странах с высоким уровнем доходов, таких как Соединенные Штаты. В странах с низким уровнем доходов они, напротив, незнакомы большинству людей.

Карта мира 4.1. Высокая технология в глобальной перспективе. *Источник. World Bank Atlas by The World Bank*

Великий тезис Вебера: протестантизм и капитализм

Чтобы лучше понять точку зрения Вебера, следует разобраться, как возник индустриальный капитализм. По мнению зачинателя социологии, он представляет собой наследие кальвинизма, христианского религиозного течения, которое выросло из протестантской Реформации. Как объяснял Вебер, кальвинисты подходили к жизни с чрезвычайно строгих и рациональных позиций. Более того: центральным пунктом в религиозной доктрине Джона Кальвина (1509–1564) было *предопределение* (идея о том, что всеведущий и всемогущий Господь предназначил к спасению одних людей и к проклятию — других). Веруя, что судьба каждого предопределена до рождения, кальвинисты считали: люди не в силах ее изменить. Более того, они даже не знают, в чем она заключается. Следовательно, кальвинисты колебались между обнадеживающими видениями духовного спасения и тревожными страхами вечного проклятия.

Незнание своей судьбы было невыносимо, и тогда сторонники Кальвина постепенно пришли к некому решению. Почему бы, рассуждали они, тем, кому уготована слава в мире ином, не видеть признаков божественного расположения в мире *этом*? Такой вывод подтолкнул кальвинистов к интерпретации мирского благополучия как знака Божьей милости. Неистово желая получить подобное утешение, они пустились на поиски успеха, основываясь в выполнении своих задач на рациональности, дисциплине и тяжелом труде.

Их погоня за богатством понуждалась не ими самими, поскольку потакание своим прихотям и мотовство считались греховными. Но кальвинисты не собирались и делиться своими богатствами с бедными, поскольку бедность выступала знаком отвержения Богом. Долгом было следовать тому, что они почитали за личное *призвание*, Божественное назначение, и вкладывать прибыль для достижения еще большего успеха. Так кальвинисты заложили фундамент для капитализма. С религиозным рвением они использовали богатство, чтобы создать еще большее богатство, сэкономили деньги и охотно брали на вооружение новую технологию, помогавшую их усилиям.

Погоня за прибылями отличала кальвинизм от других мировых религий. Католицизм, например, традиционная религия большей части Европы, утверждал пассивное мировоззрение — «инога мира»: добрые дела, смиренно совершенные на земле, принесут награду на небесах. Для католиков материальный достаток совершенно не имел того духовного значения, которое мотивировало кальвинистов. Именно поэтому, заключал Вебер, промышленный капитализм развился преимущественно в тех областях Европы, где были сильны кальвинистские настроения.

Проведенное Вебером исследование кальвинизма дает потрясающее доказательство власти идей над формированием общества (в отличие от утверждения Маркса, что идеи лишь отражают процесс экономического производства). Однако Вебер был не из тех, кто довольствуется простыми объяснениями; он знал: у индустриального капитализма множество причин. По сути, одной из задач исследования было дать бой узкому, сугубо экономическому объяснению современного общества, которое предложил Маркс.

Хотя последующие поколения кальвинистов были менее религиозны, они сохранили стремление к успеху и личную дисциплину, тогда как *религиозная* этика сделалась просто *трудо­вой*. Иными словами, индустриальный капитализм можно рассматривать как «расколдованную» религию, когда стали ценить богатство как таковое. Его изнанку образует тот факт, что практика «отчетности», которую ранние кальвинисты связывали с ежедневным подсчетом моральных деяний, сводилась просто к отслеживанию денежного потока.

Рациональная организация общества

Согласно Веберу, рациональность положила начало индустриальной революции и капитализму, а следовательно, определила современное общество. Вебер выделил семь особенностей рациональной организации общества:

1. **Отчетливо различимые социальные институты.** У охотников и собирателей семья — средоточие всякой деятельности. Однако постепенно отпочковались и другие социальные институты, включая религиозные, политические и экономические системы. В современных обществах появляются еще и новые — образование и здравоохранение. Обособление социальных институтов — рациональный способ эффективного удовлетворения человеческих потребностей.
2. **Крупномасштабные организации.** Современная рациональность очевидна в распространении огромных организаций. Еще в эпоху земледельческих обществ чиновники надзирали за соблюдением религиозных обрядов, общественными работами и военными действиями. В средневековой Европе католическая церковь разрослась в колоссальную организацию с тысячами служителей. В современном рационалистическом обществе, которое существует в США, на федеральное правительство работают миллионы людей, огромное множество также трудится в той или иной крупной организации.
3. **Специализированные задачи.** В отличие от членов традиционных обществ жители современных выполняют широкий круг специализированных работ. Достаточно перелистать городской телефонный справочник, чтобы увидеть, как много существует в наши дни различных профессий.
4. **Личная дисциплина.** Современное общество поощряет самодисциплину. Для первых кальвинистов дисциплина была связана с религиозной верой. Сегодня она, хотя и отдалилась от истоков, по-прежнему стимулируется такими культурными ценностями, как успешность, преуспевание и эффективность.
5. **Осознание времени.** В традиционных обществах люди измеряют время по движению солнца и смене времен года. В отличие от них современные люди точно расписывают события по часам и даже по минутам. Интересно, что часы начали появляться в европейских городах почти 500 лет назад, — в период расширения торговли. Вскоре люди стали считать (если процитировать Бенджамина Франклина), что «время — деньги».
6. **Техническая компетентность.** Члены традиционных обществ оценивают друг друга исходя из того, *кто есть кто*, на основании родственных связей.

Современная рациональность вынуждает человека судить об окружающих по принципу *кто есть что*, — на основании их навыков и умений.

7. **Обезличенность.** Наконец, в рациональном обществе техническая компетентность берет верх над близкими отношениями, делая мир обезличенным. Люди общаются как специалисты, озабоченные конкретными задачами, а не как индивиды, увлеченные — в широком понимании слова — друг другом. Поскольку чувства нелегко контролировать, современный человек обезличивает эмоции.

Рациональность и бюрократия. Церковь в Средние века разрасталась, но, как объяснял Вебер, оставалась изначально традиционной и сопротивлялась изменению. По-настоящему рационалистические организации, одновременно и эффективные, и открытые изменениям, появились только в последние несколько столетий. Та их форма, которую Вебер назвал *бюрократией*, возникла вместе с капитализмом как выражение рациональности, формирующей современное общество. На самом деле, разъяснял автор, у бюрократии и капитализма много общего:

Сегодня капиталистическая рыночная экономика требует прежде всего, чтобы деятельность органов государственного управления была неукоснительно, недвусмысленно, непрестанно действенной, причем все должно происходить как можно быстрее. Обычно очень крупные капиталистические предприятия сами по себе являются различными моделями жесткой бюрократической организации (Weber, 1978; p. 974; первое изд. — 1921).

Как показывает глава 7 («Группы и организации»), некоторые аспекты бюрократии можно обнаружить в сфере бизнеса, правительственных учреждениях, профессиональных союзах и университетах. По мнению Вебера, бюрократическая система отличается рациональностью, поскольку все ее элементы — функции, обязанности и установки — помогают эффективно достигать конкретных целей. Следовательно, главные составляющие современного общества — капитализм, бюрократия и наука — выражают один и тот же основополагающий фактор: рациональность.

Рациональность и отчуждение. Макс Вебер сходилась с Карлом Марксом в признании эффективности индустриального капитализма. Он соглашался и с тем, что современное общество порождает феномен отчуждения, хотя объяснял его иными причинами. Их Маркс усматривал в экономическом неравенстве, Вебер же — в парализующем эффекте бесчисленных бюрократических правил и установлений. Бюрократии, предупреждал Вебер, видят в людях не уникальных индивидов, а лишь канцелярские единицы. Кроме того, работа на крупные организации предполагает выполнение специализированных и подчас откровенно рутинных операций. Вебер предсказывал, что современное общество превратится в огромную и разрастающуюся систему правил, стремящуюся регулировать все и вся и угрожающую сокрушить дух человека.

Как и Маркс, он видел, что, по иронии судьбы, современное общество, призванное служить людям, оборачивается против своих творцов и поработает их. И в точности так же уподобил индустриальный капитализм похоронному колоколу, который звонит по человеку. Вебер живописал современного индивида как «всего

лишь маленький винтик в непрестанно движущемся механизме, предписывающем ему без конца выполнять одну и ту же операцию» (Weber, 1978; p. 988; 1-е изд. — 1921). Хотя Вебер мог бы назвать и преимущества современного общества, на будущее его он взирал с нескрываемым пессимизмом. Он опасался, что рационализация общества низведет людей до уровня роботов.

Эмиль Дюркгейм: общество и функция

«Любить общество — значит, любить нечто вне нас и нечто внутри нас». Это слова Эмиля Дюркгейма (1858–1917), еще одного основоположника социологии. В столь любопытном высказывании (Durkheim, 1974; p. 55; 1-е изд. — 1924) мы обнаруживаем еще одно представление о человеческом обществе.

Структура: общество вне нас

Эмиль Дюркгейм обнаружил, что общество существует вне нас самих. Оно нечто большее, чем образующие его индивиды; живет своей собственной жизнью, которая выходит за рамки нашего личного опыта. Общество существует задолго до нашего рождения; формирует нас, пока мы живем, и остается после того, когда нас не станет. Образцы человеческого поведения — культурные нормы, ценности и убеждения — существуют в качестве устоявшихся структур и потому являются *социальными фактами*, которые обладают объективной реальностью, внешней по отношению к жизни индивидов.

Поскольку общество огромно, оно обладает *силой* направлять наши мысли и действия. Именно поэтому при изучении только человека (как поступают многие психологи и биологи) никогда не удастся уловить самую сущность человеческого переживания. Общество больше суммы его частей; оно существует как сложный организм, уходящий корнями в нашу коллективную жизнь. Третьеклассники, решающие задачку; семья, собравшаяся за столом; люди, покорно ожидающие своей очереди в приемной врача, — все это примеры бесчисленных ситуаций со сходным строением, специально не относящимся ни к одному из их участников в отдельности.

Следовательно, общество, будучи созданным людьми, начинает жить собственной жизнью и требует определенной меры повиновения от своих творцов. Реальность его существования мы осознаем в течение жизни или когда сталкиваемся с соблазнами и ощущаем на себе давление моральных норм.

Функция: общество как система

Установив, что общество имеет структуру, Дюркгейм обратился к понятию *функции*. Значение любого социального факта, объяснял он, больше, чем замечают люди в их повседневной жизни; социальные факты помогают обществу действовать как одно целое.

В качестве иллюстрации возьмем преступление. Конечно, оно доставляет людям боль, приводит к утратам. Но Дюркгейм увидел и иное: преступление оказывается необходимым для продолжения жизни самого общества. Из главы 8 («Детерминантность») станет понятно, что, когда какие-то действия люди определяют как

криминальные, удается конструировать и защищать моральные принципы, благодаря чему наполняется целью и смыслом вся наша коллективная жизнь. На этом основании Дюркгейм отвергал уравнивание преступного с «патологическим» и, напротив, считал, что преступность «нормальна», поскольку общество не может существовать без нее (Durkheim, 1964a, первое изд. — 1893; Durkheim, 1964b, 1-е изд. — 1895).

Личность: общество внутри нас

Дюркгейм утверждал, что общество пребывает не только «вне нас», но и «внутри нас». Иными словами, личность каждого человека формируется благодаря интернализации социальных фактов. Наши действия, мысли и чувства — наша человечность — почерпнуты из общества, которое вскармливает нас. Оно также регулирует и наше поведение посредством моральной дисциплины. Дюркгейм полагал, что по своей сути люди ненасытны и могут пасть жертвой своих желаний. «Чем больше у человека есть, тем большего он хочет, ибо полученное удовлетворение не умиряет, но лишь разжигает потребности» (Durkheim, 1966; p. 248, 1-е изд. — 1897). Общество, следовательно, дав нам жизнь, должно нас обуздывать.

Необходимость социальной регуляции иллюстрирует предпринятое Дюркгеймом исследование самоубийства (Durkheim, 1966; 1-е изд. — 1897), описанное в главе 1. Почему создается впечатление, будто рок-звезды — от Дженис Джоплин до Джима Моррисона и от Джимми Хендрикса до Курта Кобейна — столь расположены к саморазрушению? Дюркгейм дал ответ задолго до появления такой музыки: 100 лет назад, совсем как ныне, *наибольшая* частота самоубийств отмечалась среди *наименее* регулируемых категорий людей. Безграничная свобода, связанная с молодостью, богатством и славой, взымает высокую плату в виде риска совершения самоубийства.

Современность и аномия

По сравнению с традиционными обществами современные налагают на людей меньше ограничений. Дюркгейм признавал преимущества такой свободы, однако предупреждал об усилении **аномии** — *условий, при которых общество мало печется о моральном облике индивидов*. Тенденция, когда многие знаменитости «гибнут под бременем славы», хорошо иллюстрирует деструктивные эффекты аномии. Внезапная слава отрывает людей от семей и привычных дел, разрушает устоявшиеся ценности и нормы, а также лишает поддержки и регуляции действий со стороны общества, что иногда приводит к фатальным последствиям. Поэтому, объясняет Дюркгейм, индивидуальные желания должны быть уравновешены социальными требованиями и соответствующим руководством, — то равновесие, которое иногда трудно дается в современном мире.

Развивающиеся общества: разделение труда

Подобно Марксу и Веберу, Дюркгейм был очевидцем стремительной социальной трансформации Европы, происходившей в XIX в. Однако он по-своему осмыслил это изменение.

Как объяснял Дюркгейм, в доиндустриальных обществах традиция выступает в роли своеобразного цемента, который связывает людей. То, что он назвал *коллективным сознанием*, настолько сильно, что общество мгновенно карает каждого, кто осмеливается усомниться в традиционном образе жизни. Чтобы обозначить *социальные связи, которые основаны на общности мнений и моральных ценностей и сильны между членами доиндустриальных обществ*, Дюркгейм использовал термин **механическая солидарность**. Она складывается благодаря сходству моральных принципов. Дюркгейм назвал такие связи механическими потому, что люди автоматически испытывают чувство сопричастности друг другу.

В ходе индустриализации, продолжал Дюркгейм, механическая солидарность все больше и больше ослабевает, а люди перестают быть связанными традицией. Но это не означает, будто общество распадается. Современная жизнь порождает солидарность другого типа.

Такую интеграцию Дюркгейм назвал **органической солидарностью**, под которой понимаются *социальные связи, основанные на специализации и взаимозависимости и сильные между членами индустриальных обществ*. Там, где солидарность некогда основывалась на общности моральных принципов, теперь фундаментом выступают *различия* между людьми. Это показывает, что специализированный труд в качестве водопроводчиков, консультантов, акушеров или преподавателей социологии заставляет людей опираться друг на друга, поскольку так необходимо сделать.

Следовательно, для Дюркгейма ключом к общественным изменениям служит возрастающее **разделение труда**, или *специализация экономической деятельности*. Макс Вебер говорил, что данный процесс оказывается необходимым для достижения большей эффективности. Дюркгейм дополнил картину, показав, что в современном обществе люди рассчитывают на десятки тысяч себе подобных — по большей части совершенно незнакомых, чтобы приобрести нужные товары и услуги. То есть, являясь членами современного общества, мы все больше зависим от людей, которым доверяем все меньше и меньше. Зачем же нам стремиться к тем, кого мы едва знаем и чьи убеждения могут в корне отличаться от наших? Дюркгейм отвечает: «Потому что нам не прожить без них».

Итак, современность в меньшей степени опирается на *моральный консенсус* и сильнее — на *функциональную взаимозависимость*. Такова своеобразная «дилемма Дюркгейма»: технологическая мощь и большая личная свобода приобретаются ценой упадка морали и возрастающего риска аномии.

Дюркгейма, как Маркса и Вебера, тревожил тот путь, по которому движется общество. Но из всех троих этот социолог был настроен наиболее оптимистично. Он превозносил свободу и право на частную жизнь, одновременно надеясь, что люди сумеют создать законы, регулирующие поведение.

Наконец, возможно ли понять информационную революцию с точки зрения Дюркгейма? Из материала врезки следует, что и он, и другие теоретики, упомянутые в этой главе, сумели бы пояснить особенности, порожденные компьютерной технологией.

ПРАКТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Информационная революция: что сказали бы по ее поводу Дюркгейм и другие?

Новая технология стремительно изменяет облик нашего общества. Основоположники социологии, чьи идеи рассматривались в этой главе, живи они сейчас, были бы жадными наблюдателями разворачивающихся событий. Представим на минуту те вопросы, касающиеся влияния компьютерной технологии на общество, которые могли бы возникнуть у Эмиля Дюркгейма, Макса Вебера и Карла Маркса.

Эмиль Дюркгейм, заостривший внимание на усиливающемся разделении труда в современном обществе, по-видимому, заинтересовался бы, возросла ли специализация в связи с распространением новой информационной технологии. Есть все основания думать, что это именно так. Поскольку электронная связь (допустим, благодаря веб-страницам) предоставляет любому желающему обширнейший рынок профессий (сейчас пользователями Интернета являются уже 400 млн человек), специализация усложняется, поскольку люди не привязаны к ограниченной географической области. Так, если большинство юристов из маленьких городов ведут общую практику, то адвокат информационной эпохи (независимо от места жительства) способен стать специалистом, например по семейному праву в сфере авторских прав, касающихся электронных носителей. В нашу эпоху заметен стремительный рост уже не малого, а микробизнеса, отличающегося высокой степенью специализации, охватывающего все сферы.

Дюркгейм мог бы указать и на то, что Интернет грозит усугублением анонимии. Отчасти это вызвано тем, что компьютеры изолируют людей, ослабляя личные связи. Кроме того, предлагая поток информации, мировая сеть не может помочь в смысле морального руководства и не позволяет вычлнить сведения, являющиеся истинными или достойными познания.

Макс Вебер считал, что современные общества имеют четкую форму благодаря рациональному мировоззрению их членов, и лучшей иллюстрацией тому служит бюрократическая система. Но продолжит ли бюрократия господствовать на социальной сцене в новом столетии? Возможно, нет: хотя организациям выгодно регулировать деятельность работников, выполняющих рутинные операции, обычные для индустриальной эры, в постиндустриальном мире многие виды трудовой деятельности требуют воображения. Возьмите такие профессии «нового века», как проектирование домов, сочинение музыки и сочинение компьютерных программ. Необходимую при этом креативность нельзя регулировать так же, как, скажем, конвейерную сборку автомобилей. Наверно, именно поэтому многие высокотехнологические компании покончили с униформой и таймерами.

Наконец, как отнесся бы к информационной революции Карл Маркс? Поскольку тот считал индустриальную революцию *классовой*, которая позволила собственникам-промышленникам господствовать над обществом, он, вероятно, заинтересовался бы, не приобретает ли власть над нами новая символическая элита. Так, некоторые аналитики указывают, что кино- и теле-сценаристы, продюсеры и актеры располагают сегодня колоссальными состояниями, международным престижем и огромной властью (Lichter, Rothman & Lichter, 1990). Подобно тому как это было в прошлые десятилетия, люди, не имевшие нужных навыков работы на индустриальных предприятиях, оказывались внизу классовой системы, так и теперь не имеющие навыков работы с символами, наверняка превратятся в «низший класс».

Дюркгейм, Вебер и Маркс позволили нам разобраться в специфике индустриальных обществ. По мере вовлеченности в постиндустриальный век поле деятельности для новых поколений социологов расширяется.

Критическая оценка: четыре взгляда на общество

Эта глава началась с ряда важных вопросов об обществе. В завершении дадим краткие ответы на поставленные вопросы с четырех точек зрения.

Что сплачивает общества? Как существует такое сложное явление, как общество? По мнению Ленски, его членов объединяет общая культура, хотя образцы различаются в зависимости от уровня технологического развития общества. Автор также указывает, что с усложнением технологии усиливается разделение общества, порождаемое углублением неравенства, хотя последнее несколько сокращается в результате индустриализации.

Маркс видел не единство, но социальное разделение, основанное на классовой принадлежности. С его точки зрения, элиты могут поддерживать навязанный мир, подлинное же социальное единство наступит лишь с утверждением кооперативного производства. По Веберу, членов общества объединяет мировоззрение. Если в прошлом людей сближала традиция, современные общества породили огромные рационалистичные организации, которые соединяют жизни людей. Наконец, Дюркгейм ставил во главу угла солидарность. Механической солидарности доиндустриальных обществ, основанной на общих моральных принципах, он противопоставлял органическую — современного общества, основанную на специализации.

Как изменились общества? Согласно модели социокультурной эволюции Ленски, общества отличаются друг от друга по технологии. Современное общество выдается своей колоссальной производительной мощью. Исторические различия в системах производства подчеркивал и Маркс, но он указывал на постоянное наличие социального конфликта (за исключением, возможно, общества охотников и собирателей). По Марксу, современное общество отличается лишь тем, что такой конфликт выходит наружу. Вебер рассматривал изменения в зависимости от мировоззрения людей. У членов доиндустриальных обществ был традиционный взгляд на мир, современным же людям свойственно рационалистическое мировоззрение. Наконец, согласно Дюркгейму, традиционные общества отличаются механической солидарностью, основанной на сходстве моральных принципов. В индустриальных обществах господствует органическая солидарность, связанная с производственной специализацией.

Почему общества изменяются? С точки зрения Ленски, социальное изменение — первейшее и главнейшее последствие технологических нововведений, которые со временем приводят к изменению всего общества. Материалистический подход Маркса подает в качестве «двигателя истории» классовую борьбу, подталкивающую к революции и реорганизации. Вебер указывал на механизмы, посредством которых социальному изменению способствуют идеи. Он продемонстрировал, как конкретное мировоззрение, кальвинизм, содействовало индустриальной революции, которая, в свою очередь, почти полностью изменила облик общества. Наконец, в качестве главного аспекта социального изменения Дюркгейм отмечал усиливающееся разделение труда.

Глубокие различия между этими четырьмя подходами не означают, будто какой-то один из них абсолютен верен или ложен. Общество — сложный феномен, и рассматривать его следует, учитывая все четыре позиции.

Резюме

Герхард Ленски

1. Социокультурная эволюция означает анализ влияния технологического прогресса на общества.
2. Древнейшие общества охотников и собирателей состояли из малочисленных кочевых групп, сосредоточенных вокруг семьи. Подобные общества ныне почти полностью исчезли.
3. Первые земледельческие общества возникли 12 тыс. лет назад, когда люди изобрели ручные орудия для возделывания почвы. Скотоводческие общества предполагают одомашнивание животных и торговлю.
4. Агротультура, насчитывающая примерно 5 тыс. лет, — полноценное возделывание почвы при помощи плугов, движимых силой животных. Данная технология позволяет обществам разрастаться в огромные империи, повышать производительность труда, добиваться большей специализацией и приводит в конце концов к усилению неравенства.
5. Индустриализация началась в Европе 250 лет назад после того, как люди начали использовать новые источники энергии для приведения в действие огромных механизмов.
6. В постиндустриальных обществах сфера производства перемещается от изготовления материальных предметов к компьютерным и иным, связанным с обработкой информации, технологиям.

Карл Маркс

1. В материалистическом подходе Маркса акцент сделан на конфликте, возникающем между социальными классами.
2. В «древних» обществах в конфликте участвовали хозяева и рабы; в аграрных — знать и крепостные; в капиталистических — капиталисты и пролетариат.
3. Индустриальный капитализм приводит к отчуждению рабочих — от процесса труда, от продуктов труда, от других рабочих и от внутренних возможностей человека.
4. Маркс полагал, что когда пролетариат перерастет ложное сознание, он свергнет капиталистический строй.

Макс Вебер

1. Согласно идеалистическому подходу Вебера, идеи оказывают мощное воздействие на общество.
2. Вебер сравнил традицию доиндустриальных обществ с рациональностью современных.
3. Он проследил истоки капитализма вплоть до религиозных верований кальвинистов. С его точки зрения, капитализм выступает как «расколдованная» религия.
4. Вебер опасался, что рациональность, особенно в эффективных бюрократических организациях, парализует человеческую креативность.

Эмиль Дюркгейм

1. Дюркгейм объяснил, что общество существует объективно — вне зависимости от индивидов.
2. Он связывал социальные элементы с обществом в целом через их функции.
3. Общества нуждаются в солидарности. Традиционным обществам присуща механическая солидарность, которая основана на сходстве моральных принципов; современные же зависят от органической солидарности, вырастающей из разделения труда.

Основные понятия

Агрокультура — широкое возделывание почв с помощью плугов, которые приводятся в действие тягловыми животными или более мощными источниками энергии.

Аномия — термин Дюркгейма, обозначающий условия, при которых общество мало печется о моральном облике индивидов.

Земледелие — применение ручных инструментов для получения урожая.

Идеальный тип — абстрактное утверждение о важнейших особенностях любого социального феномена.

Индустриальная система — производство товаров с использованием передовых энергисточников, приводящих в движение крупные механизмы.

Капиталисты — люди, владеющие и управляющие фабриками и другими предприятиями ради извлечения прибыли.

Классовое сознание — термин Маркса, относящийся к признанию рабочими себя классом, сплоченным против капиталистов и в конечном счете против самого капитализма.

Классовый конфликт — конфликт между целыми классами, связанный с распределением материальных ценностей и власти в обществе.

Ложное сознание — термин Маркса, предложенный для объяснения социальных проблем не пороками общества, а недостатками индивидов.

Механическая солидарность — термин Дюркгейма, отражающий социальные связи, основанные на общности мнений и моральных ценностей и сильные между членами доиндустриальных обществ.

Общество — люди, вступающие во взаимодействие на определенной территории и имеющие общую культуру.

Органическая солидарность — термин Дюркгейма, отражающий социальные связи, основанные на специализации и взаимозависимости и сильные между членами индустриальных обществ.

Отчуждение — ощущение одиночества и страдания, вызванное бессилием.

Охота и собирательство — использование простых орудий для охоты на животных и сбора растений.

Пастушество — одомашнивание животных.

Постиндустриальная система — технологии, которые поддерживают экономику, основывающуюся на информации.

Пролетарии — люди, которые продают свой производительный труд за заработную плату.

Разделение труда — специализация экономической деятельности.

Рационализация общества — термин Вебера, обозначающий исторический переход от традиции к рациональности как к главенствующей форме человеческого мышления.

Рациональность — целенаправленный, трезвый расчет наиболее эффективных путей выполнения отдельной задачи.

Социальные институты — крупные сферы социальной жизни, или социальные подсистемы, организованные для удовлетворения потребностей людей.

Социальный конфликт — борьба между сегментами общества за ценные ресурсы.

Социокультурная эволюция — термин Ленски, обозначающий изменения, которые происходят по мере приобретения обществом новой технологии.

Традиция — настроения и верования, передающиеся из поколения в поколение.

Вопросы для размышления

1. Одно ли и то же, на ваш взгляд, развитие новой технологии и прогресс? Почему вы так думаете?
2. Поясните отличие материалистических взглядов Маркса от идеалистических Вебера.
3. И Маркса и Вебера беспокоил тот факт, что современное общество отчуждает людей. В чем различие их подходов? Как их понятие об отчуждении соотносится с концепцией аномии Дюркгейма?
4. Рассмотрите изменяющийся статус женщин с тех точек зрения на общество, что были проанализированы в этой главе. Какое объяснение мог бы дать каждый из теоретиков возрастающему гендерному равенству? Можете ли вы дать критику этих теорий с феминистских позиций?

Итак, исследование Гоффмана показывает, что поведение, хотя оно в некоторых отношениях и спонтанно, оказывается шаблонным больше, чем нам хочется.

Социализация

Холодным зимним днем 1938 г. социальный работник поспешно проследовал к дверям жилого дома на одной из ферм Пенсильвании. Расследуя дело о возможном жестоком обращении с ребенком, работник вошел в дом и там, на первом этаже, обнаружил запертую в чулане 5-летнюю девочку. Ее звали Анна, она была втиснута в старое кресло, а ее руки связаны над головой так, что Анна не могла пошевелиться. На ней были какие-то грязные обноски, а руки и ноги казались тонкими как спички (Davis, 1940).

Положение этой девочки можно живописать исключительно в трагических красках. Она родилась в 1932 г. у незамужней и психически больной женщины 26 лет, жившей вместе со своим строгим отцом. Взабешенный «незаконным» материнством дочери, дед даже не пожелал видеть ребенка в своем доме. Поэтому первые 6 месяцев Анна перекочевывала из одного благотворительного заведения в другое. Когда мать уже не смогла оплачивать уход, Анна вернулась во враждебный дедовский дом.

Чтобы смягчить гнев отца, мать Анны поместила ее в чулан и давала ей молока ровно столько, сколько нужно было, чтобы поддерживать в ней жизнь. Там девочка и оставалась — день за днем, месяц за месяцем, почти напрочь лишенная контактов с людьми — в течение 5 лет.

Узнав о спасении Анны, социолог Кингсли Дэвис (Davis, 1940) немедленно отправился взглянуть на нее. Он нашел ее пребывающей под присмотром местных властей в окружном приюте. Дэвис ужаснулся при виде истощенного ребенка, который не умел ни смеяться, ни говорить, ни даже улыбаться. Анна совершенно не шла на контакт, как будто жила одна-одинешенька в пустынном мире.

Опыт социального общения: ключ к нашей человечности

Такова кошмарная история ребенка, лишённого социальных контактов. Анна, физически живая, едва ли выглядела человеком. На ее примере понятно, что ребенок, лишённый социального опыта, не способен мыслить, выражать эмоции и совершать осмысленные действия, становясь скорее предметом, нежели личностью.

Под термином **социализация** понимается *социальный опыт, охватывающий всю жизнь, благодаря которому индивиды развивают свой человеческий потенциал и усваивают культуру*. По сравнению с представителями животных видов, чье поведение биологически запрограммировано, люди нуждаются в социальном опыте, чтобы научиться культуре и выжить. Социальный опыт обуславливает **личность** (*отчетливые постоянные образцы действия, мышления и чувствования человека*). Личность создается благодаря интернализации — или усвоению — нашего окружения. Но без социального опыта личность, как показывает история Анны, не развивается вовсе.

Развитие человека: относительное влияние наследственности и окружающей среды

Беспомощный при рождении, младенец зависит от других, нуждаясь в питании и уходе. История Анны делает эти факты очевидными. Однако 100 лет назад большинство людей ошибочно полагали, будто поведение человека является продуктом нашего биологического устройства.

Чарльз Дарвин: роль природы. Чарльз Дарвин, занимаясь изучением эволюции (см. главу 3 «Культура»), объяснил, что каждый вид развивается на протяжении тысяч поколений по мере того, как генетическая изменчивость улучшает его способность к выживанию и воспроизводству. Признаки, способствующие выживанию, проявляются как «природа» вида. По этой причине в свое время полагали, будто люди, как и другие живые существа, имеют инстинктивную «человеческую природу». При нашей склонности считать свой собственный образ жизни естественным, утверждалось, что наша экономическая система отражает «инстинктивную потребность человека к конкурентной борьбе», что некоторые люди являются «прирожденными преступниками» или что женщины эмоциональны «от природы», тогда как мужчины «от природы» разумны (Witkin-Lanoil, 1984).

Неправильно понимали Дарвина и те, кто пытался осмыслить культурное многообразие. После многовекового изучения мира европейцам было известно, что жители разных краев ведут себя неодинаково. Однако европейцы связывали эти различия не с культурой, а с биологией. Они шли еще дальше, заявляя, будто члены технологически примитивных обществ с биологической точки зрения менее развиты, а потому их нельзя считать полноценными людьми. Этот этноцентрический взгляд помогал оправдывать колониализм: почему бы не эксплуатировать других, если они не кажутся вам людьми?

Социальные науки: роль окружающей среды. В XX в. биологические объяснения поведения человека оказались под огнем критики. Психолог Джон Б. Уотсон (1878–1958) разработал теорию *бихевиоризма*, согласно которой поведение является не инстинктивным, а выученным. Поэтому люди остаются людьми, где бы они не жили, отличаясь лишь своими культурными образцами. Иными словами, исследователь усматривал корни человеческого поведения не в *наследственности*, а в *воздействии окружающей среды*.

Сегодня специалисты, занимающиеся изучением социального мира, проявляют осторожность и *ни одно* человеческое поведение не называют инстинктивным. Это не означает, что биология не играет в поведении человека никакой роли. В конце концов, жизнь людей зависит от функционирования организма. Нам известно и то, что у детей часто бывают общие с их родителями биологические признаки (например, рост и цвет волос) и наследственность сказывается на интеллекте, способностях к музыке и рисованию, а также на личности (например, в реагировании на фрустрацию). Мозг, если он не задействован на ранних этапах жизни человека, не развивается сполна. В то же время *реализация* индивидом того или иного врожденного потенциала зависит от факторов окружающей среды, создающих возможности к его развитию (Plomin & Foch, 1980; Goldsmith, 1983; Begley, 1995).

У младенцев наблюдаются разнообразные рефлексы — биологически обусловленные формы поведения, способствующие выживанию. Сосательный рефлекс, который на самом деле возникает до рождения, позволяет получать питание. Хватательный рефлекс, который можно вызвать, если положить палец на ладонь младенца, после чего его кисть сомкнется, помогает поддерживать контакт с матерью и позднее хватать предметы. Рефлекс Моро, который вызывается испугом, заставляет младенца разводить руки и смыкать их на груди. Это действие, исчезающее через несколько месяцев после рождения, по-видимому, развилось у наших предков, чтобы падающий младенец смог уцепиться за шерсть на теле матери.

Таким образом, не отрицая значения природы, мы можем сказать, что большую роль в формировании человеческого поведения играет окружающая среда. Если выразиться точнее, то *среда — наша природа*.

Социальная изоляция

Конечно, исследователям непозволительно экспериментировать с людьми, помещая их в полную изоляцию. Но 40 лет назад ученые все-таки выполнили показательное исследование, в котором изучалось влияние социальной изоляции на приматов.

Опыты с приматами. Психологи Гарри и Маргарет Харлоу (Harlow & Harlow, 1962) создавали для макак-резусов, поведение которых подчас поразительно напоминает человеческое, разнообразные условия социальной изоляции. Они обнаружили, что при полной изоляции на протяжении всего лишь 6 месяцев (при нормальном питании) развитие обезьян нарушалось. По возвращении в группу эти макаки вели себя пассивно, тревожно и боязливо.

Тогда Харлоу посадили детенышей обезьян в клетки с искусственной «мамой», сооруженной из проволочной сетки с приделанной деревянной головой и «соском» на месте груди, куда выходило отверстие питательной трубки. Впоследствии эти макаки тоже оказались не способны общаться с другими.

Однако когда исследователи накрыли искусственную маму мягкой ворсистой тканью, те смогли к ней прильнуть. Эта близость, как заключили Харлоу, пошла им на пользу, так как позднее у них было выявлено меньше нарушений в развитии.

чем у первых обезьян. Эксперимент подтвердил важность любовного укачивания малышей взрослыми.

Наконец, Харлоу открыли, что детеныши обезьян в состоянии оправиться от 3-месячной изоляции. Но если она достигала 6 месяцев, то наносила необратимый эмоциональный и поведенческий ущерб.

Изучение изолированных детей. Трагические истории детей, изолированных их домашними, показывают пагубность для человека лишения социальных переживаний. Рассмотрим три случая.

Анна: окончание истории. Финал истории с Анной согласуется с открытиями Харлоу. После того как ее нашли, девочке оказывалось всестороннее внимание и вскоре наступило улучшение. Когда Кингсли Дэвис навестил ее через 10 дней, он увидел ее более оживленной и даже улыбающейся. За следующий год Анна достигла устойчивого прогресса, выказывая все больше интереса к людям и постепенно научаясь ходить. Через 1,5 года она могла самостоятельно принимать пищу и играть.

Однако, как могли бы спрогнозировать Харлоу, 5 лет социальной изоляции вызвали необратимые нарушения. В 8 лет умственное развитие Анны было ниже, чем у 2-летнего ребенка. Говорить она начала едва ли не в 10 лет. Возможно, это объяснялось умственной отсталостью ее матери. Загадка так и не была решена, поскольку девочка умерла в возрасте 10 лет от заболевания крови, быть может, связанного с годами жестокого обращения (Davis, 1940, 1947).

Второй случай: Изабелл. Вторая история повествует еще об одной девочке, найденной при очень похожих обстоятельствах примерно в то же время, что и Анна. После изоляции, длившейся свыше 6 лет, этот ребенок — Изабелл — демонстрировал такое же отсутствие реактивности, как и Анна. Правда, в отличие от той Изабелл помогла специальная учебная программа, проводившаяся под руководством психологов. Через неделю Изабелл уже пыталась говорить, а еще через 1,5 года знала около 2 тыс. слов. Психологи заключили, что интенсивные усилия позволили уложить 6 лет нормального развития Изабелл всего в 2 года. К 14 годам Изабелл ходила в 6-й класс, не изжив еще опыта пережитых испытаний, но находясь на пути к более или менее нормальной жизни (Davis, 1947).

Третий случай: Джени. Более недавний случай изоляции в детстве касается калифорнийской девочки, с которой жестоко обращались ее родители (Curtiss, 1977; Pines, 1981; Rumer, 1994). С 2-летнего возраста Джени была привязана в темном гараже к стулу с отверстием. В 1970 г., когда ее нашли, и ей было уже 13 лет, Джени весила всего 59 фунтов¹, а по умственному развитию соответствовала годовалому ребенку. После интенсивного лечения она выздоровела физически, но разговаривает по-прежнему, как маленький ребенок. Сейчас Джени живет в приюте для взрослых инвалидов с нарушенным развитием.

Вывод. Все имеющиеся данные указывают на решающую роль социального опыта в формировании личности. Бывает, что людям удается оправиться от жестокого обращения и изоляции. Но существует та точка, установить которую со всей определенностью нельзя из-за малого числа изученных случаев, после которой изоляция в младенческом возрасте вызывает необратимые нарушения в развитии.

¹ Один фунт равен примерно 453 г. Таким образом, вес Джени составлял 26,7 кг. — *Примеч. науч. ред.*

Осмысление социализации

Социализация — сложный процесс, продолжающийся всю жизнь. В дальнейших разделах главы будет освещена деятельность шести исследователей, которые внесли весомый вклад в наше понимание человеческого развития.

Зигмунд Фрейд: элементы личности

Зигмунд Фрейд (1856–1939) жил в Вене во времена, когда большинство европейцев считали поведение человека биологически predetermined. Врач по образованию, он постепенно обратился к изучению личности и в итоге разработал знаменитую теорию психоанализа.

Основные человеческие потребности. Фрейд полагал, что биология играет ключевую роль в развитии человека, хотя и не как специфические инстинкты. Он предположил, что у людей есть две основные потребности. Первая — в совокуплении, которую Фрейд назвал инстинктом жизни, или *эросом* (по имени древнегреческого бога любви). Вторая — агрессивное стремление, названное инстинктом смерти, или *танатосом* (от древнегреч. «смерть»). Эти противоположные силы действуют на бессознательном уровне и порождают глубинное внутреннее напряжение.

Модель личности по Фрейду. Фрейд объединил основные потребности с влиянием общества, чтобы создать модель личности, состоящую из трех частей: Ид, Эго и Суперэго. **Ид** (от лат. «оно») воплощает *основные влечения человеческого существа*, которые бессознательны и требуют немедленного удовлетворения. Уходя корнями в биологию, Ид существует при рождении, превращая новорожденного в сплошное требование внимания к себе, прикосновения и пищи. Но общество противостоит централизованному на себе Ид, и потому одно из первых слов, какое выучивает ребенок, — «нет».

Чтобы избежать фрустрации, ребенок должен научиться реалистически подходить к миру. Это осуществляется через **Эго** (от лат. «я»), которое есть *сознательные усилия индивида, направленные на уравнивание врожденных влечений к поиску наслаждения с требованиями общества*. Эго развивается, когда мы осознаем себя, но также понимаем, что не можем получить всего, чего хотим.

Наконец, в человеческой личности развивается **Суперэго** (от лат. «над» или «помимо» эго), которое представляет собой *культурные ценности и нормы, интернализированные индивидом*. Суперэго выступает нашей совестью, объясняя нам, *почему* мы не можем получить всего, чего хотим. Оно начинает формироваться, когда ребенок осознает родительский контроль, и созревает, когда человек приходит к пониманию, что поведение каждого должно учитывать культурные нормы.

Развитие личности. Для ребенка, централизованного на Ид, мир является ошеломляющим потоком физических ощущений, которые либо приятны, либо болезненны. Однако с развитием Суперэго он выучивает моральные понятия должного и недолжного. Иными словами, сначала дети способны ощущать добро только физически, но к 3–4 годам они воспринимают добро и зло в согласии со своей оценкой собственного поведения применительно к культурным нормам.

Ид и Суперэго конфликтуют, но у хорошо приспособленного индивида Эго уравнивает эти противоборствующие силы. Если конфликты не разрешаются в детстве, то в дальнейшем они могут всплывать на поверхность в виде расстройств личности.

Культура, выступая в форме Суперэго, *подавляет* эгоистичные требования, заставляя людей считаться с другими. Часто бывает, что противоречивые требования «Я» и общества выливаются в компромисс, который Фрейд назвал *сублимацией*. Она преобразует эгоистичные стремления в социально приемлемое поведение. Сексуальные желания, например, приводят к браку, тогда как агрессия выплескивается в соревновательных видах спорта.

Критическая оценка. Труды Фрейда вызвали споры еще в его собственное время. Теперь критики обвиняют его в суждении о людях с точки зрения мужчин и низведении женщин (Donovan & Littenberg, 1982). Однако Фрейд оказал влияние на всех, кто впоследствии занимался изучением человеческой личности. Особую важность для социологии имеет его представление о том, что мы интернализуем социальные нормы и что детские переживания оказывают стойкое воздействие на наши личности.

Жан Пиаже: когнитивное развитие

Швейцарский психолог Жан Пиаже (1896–1980) изучал человеческую *когницию* — то, как люди мыслят. Наблюдая за собственными тремя детьми, Пиаже заинтересовался не только тем, *что* они знали, но и *как* они познавали мир. В дальнейшем он выделил четыре стадии когнитивного развития.

Сенсомоторная стадия. Первая, сенсомоторная стадия, *уровень человеческого развития, когда индивиды воспринимают мир только чувственно*). На протяжении примерно первых двух лет жизни младенец познает мир лишь с помощью пяти чувств: осязания, вкуса, обоняния, зрения и слуха. Для маленьких людей «знание» сводится к непосредственному, сенсорному восприятию.

Дооперациональная стадия. Примерно в 2-летнем возрасте дети переходят на дооперациональную стадию — *уровень развития человека, когда индивиды впервые начинают использовать языковые и другие символы*. Теперь дети начинают думать о мире разумно и задействуют воображение. Но такие дети, возраст которых составляет от 2 до 6 лет, по-прежнему приписывают смысл лишь отдельным переживаниям и предметам. Они могут назвать любимую игрушку, но не могут объяснить, *какие* игрушки они любят.

Не зная абстрактных понятий, ребенок не в состоянии также судить о размере, весе или объеме. В одном из своих самых известных экспериментов Пиаже ставил на стол два одинаковых стакана с поровну разлитой водой. Он спрашивал у нескольких детей в возрасте 5 и 6 лет, одинаковое ли количество воды находится в стаканах. Они утвердительно кивали. Затем дети наблюдали, как Пиаже брал один из стаканов и переливал его содержимое в более высокий и узкий стакан, где уровень воды повышался. Он спрашивал вновь, поровну ли разлита вода. Дети настаивали, что в более высоком стакане воды больше. К 7 годам дети способны мыслить абстрактно и понимают, что количество воды остается одним и тем же.

Стадия конкретных операций. Далее следует стадия конкретных операций — *уровень человеческого развития, когда индивиды впервые воспринимают причинные связи в своем окружении*). Между 7 и 11 годами дети фокусируются на том, как и почему происходят разные вещи. Кроме того, на этой стадии дети наделяют отдельный предмет или событие более чем одним символом. Если, например, вы скажете 5-летнему малышу «Сегодня среда», то он может ответить: «Нет, сегодня мой день

рождения!»), из чего следует, что он может использовать лишь один символ. Однако 10-летний ребенок, находящийся на стадии конкретных операций, сумеет ответить: «Да, и эта среда — день моего рождения!»

Стадия формальных операций. Последней в модели Пиаже стоит стадия формальных операций — *уровень развития человека, когда индивиды мыслят абстрактно и критически*. Примерно в 12 лет люди начинают мыслить не только о конкретных ситуациях, но и абстрактно. Если бы вы, например, спросили у 7-летнего ребенка: «Кем ты хочешь быть, когда вырастешь?», то получили бы конкретный ответ — допустим: «Учителем». Но большинство тинейджеров умеет мыслить абстрактнее и может ответить: «Мне хотелось бы найти такую работу, чтобы помогать другим». Эта способность к абстрактному мышлению также позволяет молодым людям понимать метафоры. Ребенок, услышав слова: «Хорошая мысль, держи карамельку», может попросить конфету, но подросток распознает шутливую похвалу.

Критическая оценка. Если Фрейд полагал, что людей разрывают противоборствующие силы биологии и культуры, то Пиаже считал разум активным и творческим. Он видел возможность вхождения в мир, развертывающуюся по стадиям, как следствие и биологического созревания, и социального опыта.

Но во всех ли обществах люди проходят все четыре стадии, указанные Пиаже? Жизнь в медленно изменяющемся традиционном обществе ограничивает способность к абстрактному и критическому мышлению. И даже в американском обществе 30% людей, по-видимому, никогда не достигают стадии формальных операций (Kohlberg & Gilligan, 1971).

Лоренс Колберг: моральное развитие

Лоренс Колберг (Kohlberg, 1981) внес свои уточнения в труды Пиаже, занявшись изучением *морального мышления* — способов, которыми индивиды оценивают ситуации как правильные или неправильные. В данном случае развитие вновь происходит по стадиям.

Маленькие дети, воспринимающие мир исходя из боли и удовольствия (сенсомоторная стадия по Пиаже), находятся на *доконвенциональном* уровне морального развития. На этой ранней стадии «правильность» приравнивается к тому, что я ощущаю приятным».

Конвенциональный уровень, вторая стадия Колберга, достигается в начале подросткового возраста (соответствуя стадии формальных операций, последней стадии в системе Пиаже). На этом этапе молодые люди утрачивают толику своего эгоизма, научаясь определять правильное и неправильное с точки зрения того, что нравится их родителям и что согласуется с культурными нормами. На этой стадии при вынесении моральных суждений индивиды также пытаются не просто наблюдать за чужими действиями, но оценивать намерения людей.

На последней стадии морального развития по Колбергу, которой является *постконвенциональный* уровень, индивиды выходят за рамки норм своего общества, чтобы обдумать абстрактные этические принципы. Теперь они размышляют о свободе, независимости или справедливости — возможно, утверждая при этом, что законное еще не означает правильное.

Критическая оценка. Как и работа Пиаже, модель Колберга представляет моральное развитие разложенным на отдельные стадии. Но снова непонятно, приме-

нима ли эта модель к людям из всех существующих обществ. В США многие люди никогда не достигают постконвенционального уровня морального мышления, хотя точные причины этого неизвестны.

Еще одной проблемой является то, что все субъекты в изысканиях Колберга были мальчиками. Автор совершил исследовательскую ошибку, которая описана в главе 2 («Социологическое исследование»): она состоит в распространении результатов, полученных при работе с субъектами мужского пола, на всех людей. Эта проблема побудила его коллегу, Кэрол Гиллиган, изучить влияние гендера на моральное мышление.

Кэрол Гиллиган: гендерный фактор

Кэрол Гиллиган, особенности научного подхода которой освещены в материале врезки, сравнила моральное развитие девочек и мальчиков и нашла, что представители двух полов используют различные стандарты правоты.

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Важность гендерной принадлежности для исследования

Кэрол Гиллиган, образовательный психолог из Гарвардского университета, продемонстрировала влияние гендера на социальное поведение. В ее ранней работе была показана гендерная предвзятость исследований Колберга и других ученых, работавших только с субъектами мужского пола. Но продолжая исследования, Гиллиган (Gilligan, 1990) сделала крупное открытие: мальчики и девочки прибегают к различным стратегиям в принятии моральных решений. Поэтому, игнорируя гендерное различие, мы приходим к неполной картине человеческого поведения.

Не так давно Гиллиган изучила влияние гендера на самоуважение. За 5 лет ее исследовательская команда проинтервьюировала свыше 2 тыс. девочек в возрасте от 6 до 18 лет. Она обнаружила отчетливую тенденцию: маленькие девочки вступают в жизнь уверенно и энергично, но их самоуважение улетучивается в подростковом периоде.

Почему? Гиллиган утверждает, что ответ кроется в том, как американская культура определяет женщин. Идеальной представляется та, что спокойна, сдержанна и услужлива. Кроме того, когда девочки переходят из начальной школы в среднюю, они видят там меньше учителей-женщин и обнаруживают, что наиболее авторитетными фигурами являются мужчины. В результате к 20 годам девочкам приходится бороться за то, чтобы вернуть себе силу личности, которой они располагали десятью годами раньше.

По иронии судьбы, когда Гиллиган и ее коллеги вернулись в частную школу — один из объектов их исследования, чтобы представить свои открытия, они обнаружили новое доказательство своей теории. Самые маленькие девочки, у которых брали интервью, страстно желали, чтобы их имена появились в готовившейся к выходу книге, однако девочки постарше колебались: многие из них боялись стать предметом обсуждения.

А как считаете вы:

1. Каким образом исследование Гиллиган показало важность гендерной принадлежности в познании общества?
2. Как ее работа показала, что социализация может не быть линейной и ступенчатой последовательностью событий?
3. Считаете ли вы, что у мальчиков есть ряд трудностей того же рода, что и у девочек? В чем эти трудности состоят?

Источники: Gilligan, 1990; Winkler, 1990

Гиллиган (Gilligan, 1982, 1990) утверждает, что мальчикам свойствен *подход справедливости* и они опираются на формальные правила в определении правильного и неправильного, девочкам же — *подход заботы и ответственности*, когда ситуация оценивается с прицелом на личные отношения. Воровство, например, с точки зрения мальчиков, дурно, потому что нарушает закон. Девочки более склонны удивиться, зачем кому-то понадобилось воровать, и могут симпатизировать человеку, который крадет, скажем, с целью накормить голодного ребенка.

Колберг усматривает превосходство мужского мышления, основанного на правилах, над женским, отталкивающимся от личности. Но Гиллиган замечает, что безличные правила доминируют в жизни мужчин на работе, тогда как личные отношения занимают большее место в жизни женщин (матерей, обеспечивающих уход). Почему же, в таком случае, спрашивает Гиллиган, мы должны принимать мужские стандарты за норму суждения обо всех?

Критическая оценка. Работы Гиллиган расширяют наше понимание развития человека и гендерных аспектов. Но чем объяснить зафиксированные ею различия между женщинами и мужчинами? В чем здесь дело — в наследственности или среде? По мнению Гиллиган, причиной всему является культурное обусловливание. Соответственно, по мере того как женщины все больше сосредоточивают свою жизнь на работе, моральное мышление, характерное для двух полов, становится не столь различным.

Джордж Герберт Мид: социальное «Я»

Джордж Герберт Мид (1863–1931) разработал теорию *социального бихевиоризма*, чтобы объяснить, каким образом социальный опыт формирует личность индивида (Mead, 1962; первое изд. — 1934). Его подход заставляет вспомнить о ранее описанном подходе Джона Б. Уотсона. Оба учитывали силу влияния среды на поведение. Но если Уотсон сфокусировал все внимание на очевидном поведении, то Мид изучал внутреннее *мышление*, определяющую черту человечности.

«Я». Центральным понятием у Мида является «Я» — термин, обозначающий *ту часть личности индивида, которая складывается из самоосознания и образа «Я»*. Гениальная прозорливость Мида проявилась в том, что он рассматривал «Я» как продукт социального опыта.

Во-первых, «Я» *развивается только при наличии социального опыта*. Оно не является частью организма и отсутствует при рождении. Мид отрицал ту идею, что личность направляется биологическими силами (как настаивал Фрейд) или связана с биологическим созреванием (как утверждал Пиаже). По мнению Мида, «Я» развивается лишь в процессе взаимодействия человека с другими людьми. При отсутствии такового, как мы видели на примерах изолированных детей, организм растет, но «Я» не проявляется.

Во-вторых, *социальный опыт есть обмен символами*. Только люди пользуются словами, движением кисти или улыбкой, чтобы создать смысл. Мы можем выдрессировать собаку, вознаграждая правильное поведение, но животное не придает своим действиям никакого смысла. Люди, напротив, находят его, воображая лежащие в основе тех или иных поступков намерения. Иными словами, собака ре-

агирует на *то, что вы делаете*, а человек реагирует на *то, что у вас на уме*, когда вы это делаете. Таким образом, собаку можно научить отправляться в прихожую и приносить зонтик. Но собака не знает намерений: если она не сможет найти зонтик, у нее не проявится *человеческая* реакция — поискать вместо зонтика плащ.

В-третьих, продолжает Мид, *для понимания намерения необходимо представить ситуацию с чужой точки зрения*. С помощью символов мы видим себя «в чужой шкуре» — глазами другого человека. Поэтому мы способны предугадать реакцию окружающих на наши поступки даже прежде, чем таковые будут совершены. Простой бросок мяча требует, чтобы мы представили, как другой человек поймает этот мяч. Социальная интеракция в таком случае предполагает, что мы смотрим на себя чужими глазами, — процесс, который Мид называл *принятием роли другого*.

Зеркальное «Я». По сути, окружающие — зеркало, в котором мы видим себя. Получается, наши представления о себе самих зависят от того, что, по нашему мнению, другие думают о нас. Если, например, как мы думаем, окружающие считают нас умными, то и мы станем воспринимать себя так же. Но если мы чувствуем, что они считают нас недотепами, то и сами будем относиться к себе именно таким образом. Под выражением **зеркальное «Я»** Чарльз Хортон Кули (1864–1929) понимал образ «Я», *основанный на наших мыслях о том впечатлении, которое мы производим на других*.

И и Ме. Четвертое соображение Мида состоит в том, что *мы, принимая роль другого, осознаем себя*. «Я», следовательно, состоит из двух частей. В качестве субъекта это «Я» активно и спонтанно. Активную сторону Мид назвал *I* (английское личное местоимение «Я» в именительном падеже). Но «Я» еще и объект, когда мы видим себя глазами других. Объективную сторону Мид назвал *me* (английское личное местоимение «Я» в косвенном падеже). Любой социальный опыт состоит из двух компонентов: мы инициируем действие (*I*-фаза «Я») и затем продолжаем его (или нет) исходя из реакции окружающих на нас (*me*-фаза «Я»).

Развитие «Я». Ключ к развитию «Я» — научение принимать роль другого. Имея ограниченный социальный опыт, младенцы могут сделать это только через *имитацию*. Это означает, что они копируют поведение, не понимая лежащих в его основе намерений, а потому не имеют никакого «Я».

Когда дети учатся языку и другим символам, «Я» проявляется через *игру*, которая требует принятия ролей *значимых других*, особенно родителей. Игра в «маму и папу» (зачастую предполагающая буквальное исполнение родительских функций) помогает малышам представить мир с точки зрения родителей.

Постепенно дети учатся принимать роли сразу нескольких других. Они могут переходить от простой игры (например, в догонялки), требующей участия одного человека, к сложным (например, бейсболу), в которых участвует много людей. Примерно к 7 годам большинство детей обладают социальным опытом, необходимым для участия в командных видах спорта.

На рис. 5.1 изображен переход от имитации к простым и сложным играм.

Но остается последняя стадия в развитии «Я». Сложная игра подразумевает принятие роли других лишь в одной ситуации, но социальная жизнь требует, чтобы мы взирали на себя с точки зрения культурных норм, с позиции *любого возможного*

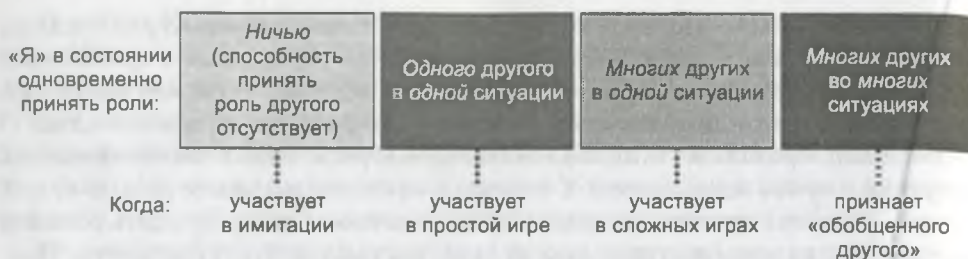

Рис. 5.1. Джордж Герберт Мид описал развитие «Я» как процесс приобретения социального опыта. Это означает, что «Я» развивается, когда мы расширяем свою способность принимать роль другого

другого. Мид использовал термин **обобщенный другой**, под которым понимал широко распространенные культурные нормы и ценности, которые мы используем в качестве системы координат для оценки самих себя.

С течением жизни «Я» продолжает изменяться вместе с нашими социальными переживаниями. И не важно, как много событий и обстоятельств воздействует на нас, мы всегда остаемся творческими существами. Поэтому, заключал Мид, и играем главную роль в нашей собственной социализации.

Критическая оценка. В работе Мида проанализирована сущность социального опыта как такового. Корни и «Я» и общества автор обнаружил в символической интеракции.

По мнению некоторых критиков, представление Мида полностью социально и не включает никаких биологических аспектов. В этом отношении он расходится с Фрейдом (который выявил общие влечения внутри организма) и Пиаже (чьи стадии развития увязаны с биологическим созреванием).

Надо быть очень внимательным и не путать понятия Мида о *I* и *me* с Ид и Суперэго, указанными Фрейдом. Для того Ид укоренен в биологии человека, тогда как Мид отрицал существование каких бы то ни было биологических элементов «Я» (хотя он никогда не уточнял природу «I»). Кроме того, если Ид и Суперэго находятся в постоянной борьбе, то *I* и *me* сотрудничают, действуя сообща (Meltzer, 1978).

Эрик Х. Эриксон: восемь стадий развития

Все упомянутые мыслители указывали на детство как на решающий период для формирования личности. Эрик Х. Эриксон (1902–1994) смотрел на социализацию шире. Он считал, что на протяжении всей жизни мы сталкиваемся с вызовами (Erikson, 1963; первое изд. — 1950).

Стадия 1. Младенчество: вызов доверия (против недоверия). В период от рождения и приблизительно до восемнадцатого месяца жизни младенцы сталкиваются с первым из вызовов жизни: им нужно обрести чувство доверия к миру как безопасному месту. В том, как младенец разбирается с этим вызовом, ключевую роль играют члены семьи.

Стадия 2. Ходунковый возраст: вызов автономии (против сомнения и стыда). Следующий вызов, действующий до 3-летнего возраста, состоит в научении навы-

кам уверенного обращения с окружающим миром. Неудача в приобретении самоконтроля побуждает детей сомневаться в своих способностях.

Стадия 3. Дошкольный возраст: вызов инициативы (против вины). 4–5-летние дети должны научиться быть занятыми в своей среде — включая взаимодействие с людьми вне семьи — или испытывать чувство вины как не оправдавшие ожиданий родителей и других людей.

Стадия 4. Доподростковый возраст: вызов трудолюбия (против неполноценности). Между 6 и 13 годами дети поступают в школу, приобретают друзей и становятся все более самостоятельными. Они либо гордятся своими успехами, либо боятся, что не соответствуют своему статусу.

Стадия 5. Подростковый возраст: вызов идентичности (против смещения идентичности). В отрочестве молодые люди ведут борьбу за обретение идентичности. Тинейджеры отчасти идентифицируют себя с другими, но также желают быть уникальными. Почти все тинейджеры переживают некоторое смещение идентичности в ходе борьбы за ее приобретение.

Стадия 6. Ранний зрелый возраст: вызов интимности (против изоляции). Для молодых взрослых вызовом становится установление и поддержание близких отношений. Влюбленность (а также приобретение близких друзей) подразумевает, что потребность в связи уравнивается с потребностью в обладании независимой идентичностью.

Стадия 7. Средний зрелый возраст: вызов продуктивности (против инертности). Вызов среднего возраста состоит в том, чтобы внести свой вклад в судьбы членов своей семьи, на работе и в мире вообще. Неудача делает людей инертными, поглощенными собственными мелкими хлопотами (вспомните Скруджа из «Рождественской песни» Диккенса).

Стадия 8. Преклонный возраст: вызов интеграции (против отчаяния). К закату жизни, как объясняет Эриксон, люди хотят оглянуться на свои достижения, ощутив интеграцию и почувствовав удовлетворение. Тем, кто был поглощен лишь собой, старость приносит одно отчаяние, касающееся упущенных возможностей.

Критическая оценка. Согласно теории Эриксона, формирование личности — процесс, растянутый на всю жизнь. Более того: успех, достигаемый на одной стадии (например, приобретение доверия в младенческом возрасте), подготавливает нас к следующему вызову.

Одна из проблем, связанная с этой моделью, состоит в том, что не все сталкиваются с этими вызовами точно в таком же порядке, какой представил Эриксон. Неясной остается и дальнейшая судьба индивида, которому не удастся преодолеть вызов на какой-либо из стадий: означает ли это, что он обречен потерпеть неудачу и на всех последующих. Более обширный вопрос, поднятый ранее, когда рассматривались идеи Пиаже, таков: аналогично ли Эриксону определяют успешную жизнь люди, принадлежащие к иным культурам и жившие в другие исторические периоды?

В целом модель Эриксона помогает нам осмыслить социализацию и показывает, каким образом семейная, школьная и прочая среда формирует нас. Теперь пристальнее посмотрим на эти агенты социализации.

Агенты социализации

Любой наш социальный опыт хоть ненамного, но затрагивает нас. Однако некоторые привычные условия имеют для процесса социализации особую важность.

Семья

Семья оказывает сильнейшее влияние на социализацию. Младенцы полностью зависят от других людей, и ответственность обычно ложится на родителей и иных членов семьи. По меньшей мере до поступления детей в школу семья также обучает детей навыкам, преподает им ценности и демонстрирует убеждения. Даже тинейджеры из всех людей больше всего по-прежнему доверяют родителям, о чем говорят результаты недавнего опроса (рис. 5.2).

Из исследования следует, что нет лучшего средства вырастить счастливого, хорошо приспособленного ребенка, чем любящая семья (Gibbs, 2001).

Научение в семье связано не только с целенаправленными действиями родителей, но и с обстановкой, которую создают взрослые. Именно от окружения по большей части зависит, научатся ли дети видеть себя сильными или слабыми, смелыми или тупыми, будут ли они чувствовать, что их любят или просто терпят и, как предполагает Эриксон, будут ли они считать мир заслуживающим доверия или опасным местом.

Помимо этого, семья определяет для детей социальное положение, касающееся расовой, религиозной, этнической и классовой принадлежности. Со временем все эти элементы становятся частью «Я»-концепции ребенка.

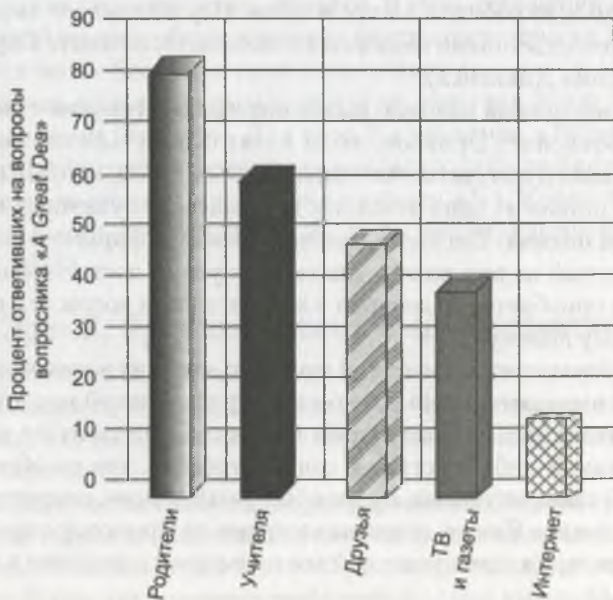

Рис. 5.2. Кому ты доверяешь? Источник: Okrent, 1999

Выборка из 409 тинейджеров-американцев в возрасте от 13 до 17 лет; по Интернету ответил 341 человек (83%). Опрос проводился в апреле 1999 г. Yankelovich Partners, Inc.

Исследование показывает, что классовое положение родителей влияет на их методы воспитания детей (Ellison, Bartkowski & Segal, 1996). От классового положения зависит не только количество денег, расходуемых родителями на детей, но и то, чего они ожидают от них. Из опросов становится понятно, что после просьбы выбрать из перечня личностных черт те, что наиболее желательны в ребенке, представители низшего класса в США предпочитают послушание и конформность. В отличие от них люди с достатком выбирают разумность и креативность (NORC, 2001).

Почему возникает такая разница? Мелвин Кон (Kohn, 1977) объясняет, что люди, стоящие на низших ступенях социальной лестницы, обычно малообразованы и выполняют несложные работы, которые тщательно контролируются. Ожидая, что их дети окажутся в том же положении, они поощряют послушание и ради него даже могут практиковать физические наказания, например шлепки. Профессиональная деятельность благополучных, более образованных родителей обычно требует воображения и дает больше личной свободы. Поэтому они стараются пробудить те же качества в своих детях. Иными словами, родители действуют так, чтобы пробудить детей идти по их стопам.

Школа

Учеба в школе расширяет социальный мир детей, в который включаются люди иного происхождения. В этом процессе дети усваивают значение, которое общество придает расовой и гендерной принадлежности. Исследования подтверждают, что в своих играх дети тяготеют к группам одной с ними расы и того же пола (Lever, 1978; Finkelstein & Haskins, 1983).

В школах детям преподают множество знаний и навыков. Однако неформальным образом преподносятся и другие уроки, которые можно назвать *скрытым сценарием*. Такие мероприятия, как спеллинг и спортивные игры, повышают ценность соревнования и показного успеха. Кроме того, дети получают бесчисленные неформальные уроки относительно правильного в моральном отношении образа жизни, принятого в их обществе.

Для большинства детей школа также выступает первым опытом общения с бюрократией. Школьный день подчиняется безличным правилам и строгому расписанию. Ясно, что все перечисленное оказывается отличительными признаками многих организаций, где этим детям предстоит работать в дальнейшем.

Наконец, школьная социализация происходит таким образом, что дети распределяются в соответствии с гендерными ролями. Рафаэла Бест (Best, 1983) отмечает, что в школе мальчики больше занимаются физическими упражнениями и немало времени проводят на улице, тогда как девочки зачастую добровольно вызываются помочь учителю с уборкой в классе и в других хозяйственных делах. Гендерные различия сохраняются в колледжах, где женщины тяготеют к искусствам и гуманитарным наукам, а мужчины — к экономике, естественным наукам и компьютерной технике.

Группы равных

К моменту поступления в школу дети уже успевают открыть для себя *группу равных* — социальную группу, члены которой имеют общие интересы, социальное положение и возраст. В отличие от семьи и школы она позволяет детям ускользнуть

из-под непосредственного надзора взрослых. Среди равных дети учатся самостоятельно формировать отношения. Такие группы также позволяют обсудить интересы, которые взрослые, быть может, не разделяют (например, одежду и популярную музыку) или не терпят (наркотики и секс).

Поэтому неудивительно, что родители выражают обеспокоенность кругом друзей своих чад. В стремительно меняющемся обществе группы равных имеют огромное влияние, и установки молодых и пожилых могут различаться из-за «разрыва между поколениями». Значимость групп сверстников обычно максимальна в подростковом возрасте, когда молодые люди начинают откалываться от семей и считать себя взрослыми.

Однако даже в отрочестве родительское влияние на детей сохраняет свою силу. Сверстники могут влиять на преходящие интересы, например к музыке или фильмам; но родители больше влияют на долгосрочные цели такие как поступление в колледж (Davies & Kandel, 1981).

Наконец, любая округа или школа представляет собой социальную мозаику, состоящую из многочисленных групп равных. Как объясняется в главе 7 («Группы и организации»), индивиды склонны позитивно относиться к своей группе и дискредитировать прочие. Кроме того, на людей влияют те группы равных, к которым они хотят присоединиться, — процесс, названный социологами **опережающей социализацией** (*научение, помогающее индивиду достичь желаемого положения*). В школе, например, молодые люди могут имитировать стили и сленг группы, к которой они рассчитывают примкнуть. Или же молодой юрист, надеющийся стать партнером в своей юридической фирме, может, чтобы быть принятым, придерживаться установок и поведения других партнеров.

Средства массовой информации

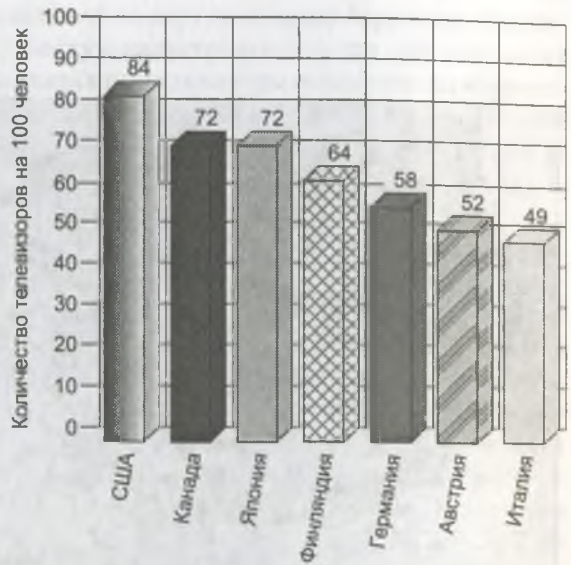
Тихий океан, приближаясь к Японии, 29 сентября. 2 недели мы не видели земли, и нашим социальным миром целиком и полностью стал корабль. Но многим студентам больше, чем земли, недостает телевидения! Чекоторые взяли с собой видеозаписи старых серий «Бeverли-Хиллс 90210», которые пользуются бешеным успехом.

Средства массовой информации, «масс-медиа» — обезличенные средства коммуникации, нацеленные на огромную аудиторию. Слово «медиа» происходит от лат. «середина» и подразумевает соединение людей. Средства массовой информации являются продуктом коммуникационной технологии (сначала газеты, затем радио и телевидение) и распространяют информацию в масштабном порядке.

В современных США СМИ оказывают колоссальное влияние на наши установки и поведение. Телевидение, изобретенное в 1939 г., вскоре сделалось главным из них: у 98% американских семей есть телевизор (телефон у 94%), а у 88% он не один. У $\frac{2}{3}$ семей имеется кабельное телевидение. Как показывает рис. 5.3, США занимают первое место в мире по количеству владельцев телевизоров.

Некоторые категории людей, включая лиц с низким уровнем доходов, проводят у телевизора больше времени, чем другие. Карта США 5.1 демонстрирует,

Рис. 5.3. Количество владельцев телевизоров в мире. Источник: The World Bank, 2001

в каких регионах США люди предпочитают смотреть телевизор, а в каких они более расположены читать на досуге газеты¹.

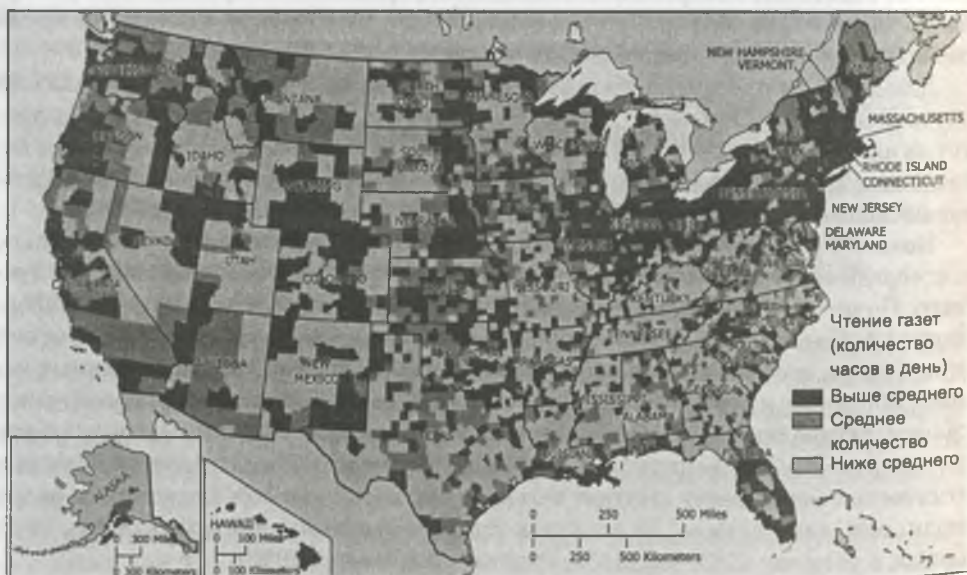
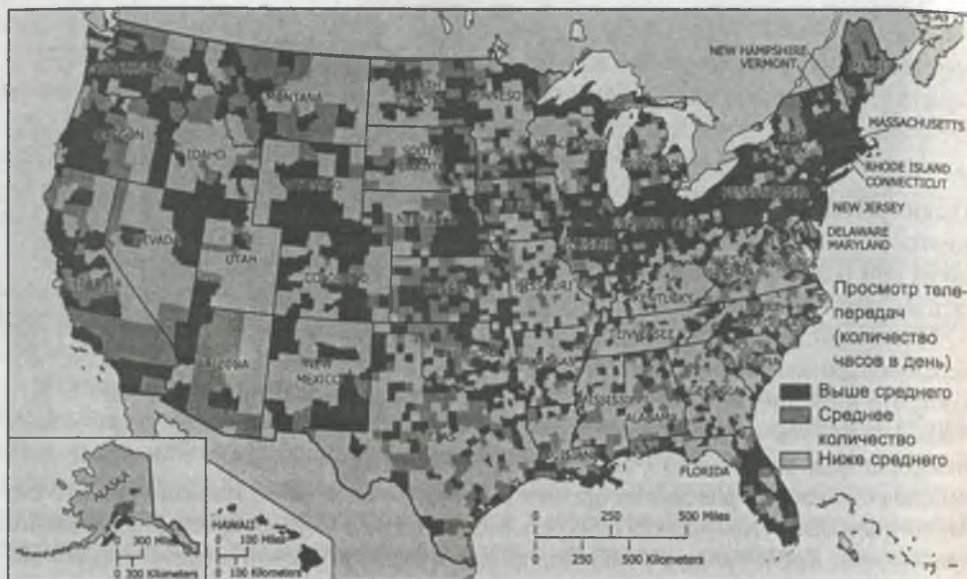
Насколько мы «приклеены к экрану»? Данные опроса показывают, что в среднестатистической семье есть как минимум один телевизор, который работает по 7 часов

ежедневно, а люди проводят за просмотром телепередач почти половину своего свободного времени (Nielsen, 1997; Seplow & Storm, 1997; Cornell, 2000). Исследование, проведенное *Kaiser Family Foundation*, продемонстрировало, что молодые люди в возрасте от 2 до 18 лет «потребляют массовую информацию» на протяжении примерно 5,5 часов в день, включая 3-часовой просмотр телепередач, а остальное время расходуют на просмотр видеозаписей и видеоигры (McPherson, 1999).

Для детей смотреть телевизор становится обычным делом еще до того, как они научаются читать. Они растут, проводя у телевизора столько же часов, сколько тратят на школу и общение с родителями. Так происходит, несмотря на результаты исследований, согласно которым телевидение делает детей пассивными и не использующими свое воображение (Singer & Singer, 1983; APA, 1993; Fellman, 1995).

Комик Фред Аллен сострил однажды, что мы называем телевидение «медиа», т. е. «средним», потому, что качество телепередач нередко оставляет желать лучшего. По многим причинам телевидение (как и другие средства массовой информации) вызывает немало суровых суждений. Отдельные либеральные критики утверждают, что оно зеркальное отражение форм неравенства, свойственных нашему обществу, и что в телевизионных программах редко подвергается сомнению существующее положение дел. В большинстве передач мужчин показывают как доминирующих над женщинами. И это еще не все: хотя представители расовых и этнических меньшинств смотрят телевизор примерно на 40% больше, чем белые люди, они, как правило, не допускаются к составлению программ (Gans, 1980; Cantor & Pingree, 1983; Ang, 1985; Parenti, 1986; Brown, 1990).

¹ На верхней карте показаны округа США, где просмотр телепередач находится на уровне выше среднего, среднем и ниже среднего. Нижняя карта дает сравнительную информацию о времени, которое расходуется на чтение газет. Чем, по-вашему, можно объяснить тот факт, что телевидение чрезвычайно популярно на юге и в сельских районах Западной Виргинии? Объясняет ли ваша теория тенденции, характерные для чтения газет?

Карта США 5.1. Просмотр телепередач и чтение газет в США. Источник: *American Demographics* magazine, August 1993; p. 64. *American Demographics* magazine, November 1998; p. 46

Консервативные критики, находящиеся по другую сторону баррикад, обвиняют телевизионную и кинематографическую индустрию в том, что ими руководит «культурная элита». По их утверждениям, в последние годы «политически корректные» СМИ подняли на щит либеральные ценности, включая права геев и идеи феминизма, оставляя за кадром консервативные ценности (Lichter, Rothman & Rothman, 1986; Woodward, 1992b; Prindle, 1993; Prindle & Endersby, 1993; Rothman, Power, & Rothman, 1993).

Последнее соображение касается средств массовой информации и насилия. В 1996 г. Американская медицинская ассоциация (*American Medical Association — АМА*, 1996) объявила, что насилие, которое демонстрируется в средствах массовой информации, особенно на телеэкране и в кинематографе, достигло предела, который угрожает здоровью граждан США. В современном исследовании обнаружена прочная связь между временем, которое учащиеся начальной школы проводят у телевизора, и пристрастием к видеоиграм, а также агрессивным поведением (Robinson et al., 2001). Похоже, что общественность в целом разделяет обеспокоенность насилем, связанным со средствами массовой информации: три четверти из опрошенных взрослых американцев признались, что либо уходили с киносеанса, либо выключали телевизор из-за большого количества сцен насилия. Как было обнаружено в совсем недавнем национальном исследовании, сцены насилия присутствуют почти в двух третях телевизионных передач, а в большинстве таких случаев персонажи не выказывают угрызений совести и не наказываются (Wilson, 1998).

В 1997 г. телеиндустрия взяла на вооружение систему рейтингов, определяемых для различных программ. Но остается другой, более важный вопрос: действительно

В последние десятилетия некоторые аналитики высказывали предположение о том, что общество США сокращает период детства, побуждая детей вырастать как можно быстрее. Какую роль играют, по-вашему, в этом процессе средства массовой информации? Что вы думаете о растущем числе детей, которые предоставлены сами себе, пока их родители работают? Какие еще факторы влияют на сегодняшний опыт детей?

ли вред от передач, в которых есть сцены секса и насилия, настолько велик, как говорят критики? И еще: почему же эти сцены СМИ предпочитают в первую очередь?

В целом телевидение и другие средства массовой информации обогащают нашу жизнь развлекательными и познавательными программами. Кроме того, знакомят нас с иными культурами и побуждают обсуждать текущие проблемы. Однако их роль особенно телевидения, в формировании нашей жизни остается темой, вызывающей ожесточенные споры.

Наконец, на социальное научение влияют и другие группы помимо семьи, школы и групп равных. В США для большинства людей таковыми оказываются религиозные организации, рабочий коллектив, армия и социальные клубы. Рассмотрев многочисленные источники, становится понятно, что в них заложены разные послания. Поэтому социализация не просто вопрос научения, но сложный процесс впитывания и оценки противоречивой информации разного рода.

Социализация и жизнь

Хотя детство особенно важно для процесса социализации, научение продолжается всю жизнь. Оглянувшись на пройденное, мы видим, что наше общество приводит человеческий опыт в соответствие с возрастом, превращая жизнь в ряд этапов — детство, отрочество, зрелость и наконец старость.

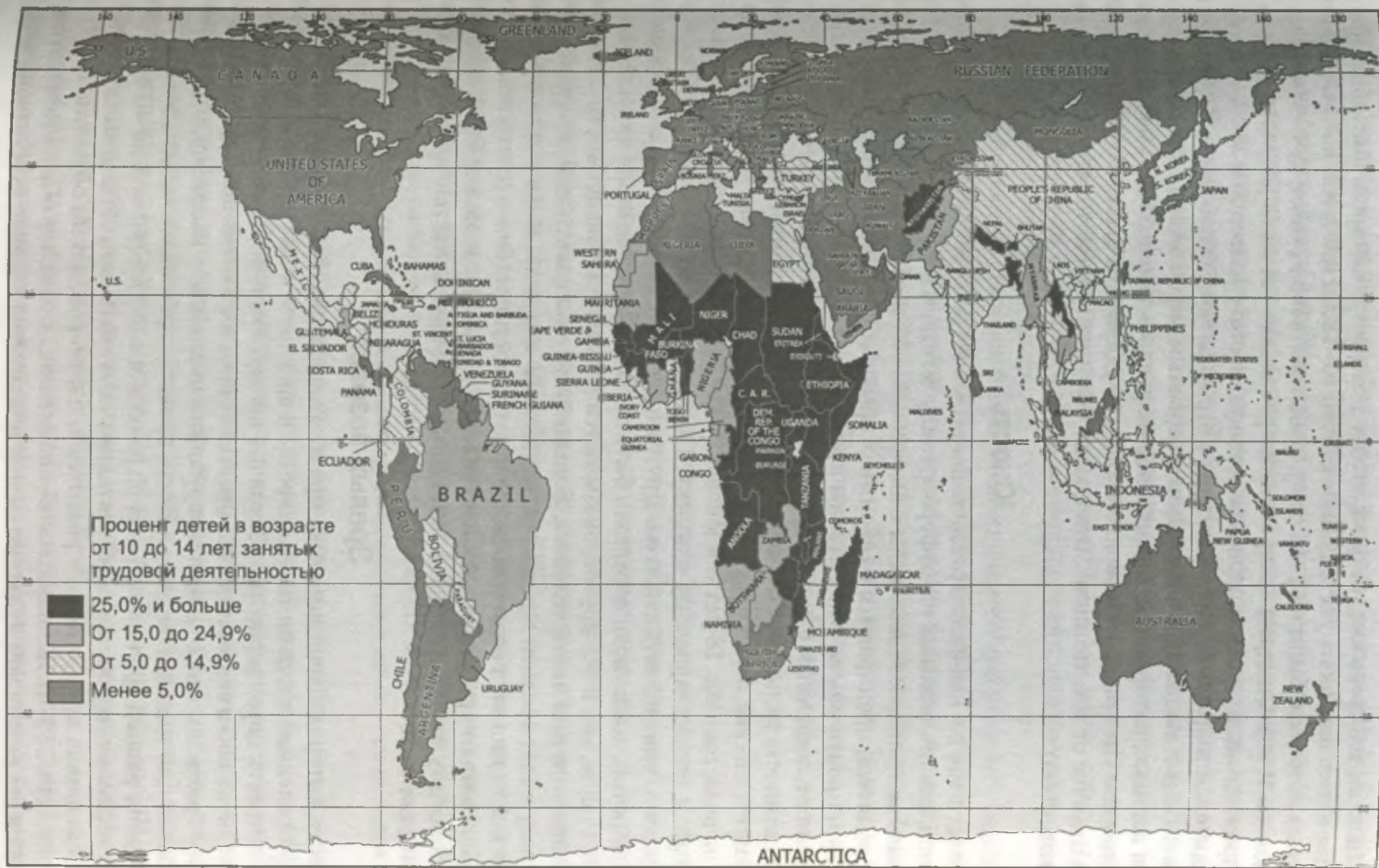
Детство

Несколько лет назад корпорация *Nike*, выпускающая спортивную одежду и обувь, сделалась объектом нападок. Ее кроссовки изготавливаются на Тайване и в Индонезии, нередко маленькими детьми, которые, вместо того чтобы ходить в школу, работают на фабриках. В мире трудятся около 250 млн детей; как минимум 120 млн из них заняты полный рабочий день, получая примерно 50 центов в час (Human Rights Watch, 2001). Из карты мира 5.1 явствует, что чаще всего детский труд используется в африканских и азиатских странах¹.

Критика в адрес корпорации *Nike* была вызвана тем, что большинство жителей Северной Америки считают *детство* — первые 12 лет жизни — порой забав и учебы. Но 100 лет назад дети американцев и европейцев вели жизнь, во многом похожую на ту, какую ныне ведут дети из бедных стран. Как объясняет историк Филипп Арье (Ariès, 1965), идея детства в целом совершенно нова. В Средние века с детьми 4—5 лет обращались, как со взрослыми, и ждали, что те сумеют постоять за себя.

Идею детства мы защищаем потому, что молодежь в биологическом отношении незрелая. Но если посмотреть на мир и оглянуться в историю, то станет очевидно: данная концепция укоренена в культуре. В богатых странах работать обязан вовсе не каждый, потому что детство может быть растянуто и молодые люди смогут овладеть навыками, которые им понадобятся в труде, связанном с передовыми технологиями.

¹ Индустриализация продлевает детство и отстраняет детей от работы и другой деятельности, которые считаются подходящими только для взрослых. Таким образом, детский труд — редкость в США и других странах с высоким уровнем доходов. Однако в менее экономически развитых странах дети выступают важнейшей движущей силой экономики и обычно начинают работать, как только становятся к этому способными.

Карта мира 5.1. Детский труд в глобальном масштабе. Источник: The World Bank, 2001; данные автора; карта воспроизводится по: Atlas of the World, 1990

Однако людей тревожит тот факт, что их дети растут слишком быстро. По словам одного телеведущего, у сегодняшних детей 10–12 лет интересы и переживания примерно те же, что были в 12–14 лет у представителей предыдущего поколения (Нумовитц, 1998). Синдром «скороспелого ребенка» — отчасти результат изменений, произошедших в семье, включая высокую частоту разводов и занятость обоих родителей на работе, из-за чего присмотр за детьми ослабевает. Кроме того жизнь молодых людей наполнена такими взрослыми проблемами, как секс, наркотики и насилие, которые привносит в нее «взрослое» телевидение (не считая кинофильмов и Интернета). Наверное, никого не удивит тот факт, что современные дети в отличие от тех, что жили 50 лет назад, больше подвержены стрессу и тревоге (Gorman, 2000).

Юность

В точности так же как индустриализация выделяет детство в отдельный жизненный этап, юность оказывается буфером между детством и зрелостью. Как правило, мы связываем подростковые годы с эмоциональной и социальной неразберихой, когда родители препираются со своими отпрысками, пытающимися обрести собственную идентичность. Мы склонны приписывать бури юности биологическим изменениям, связанным с половым созреванием, но сумятица скорее отражает несогласованность культурного плана. В средствах массовой информации, например, превозносится секс, а в школах раздают презервативы, тогда как родители настаивают на воздержании. 18-летний юноша может столкнуться с долгом, выполнять который надлежит взрослому человеку, и отправиться на войну, но у него нет права взрослого употреблять алкоголь. Другими словами, юность — пора социальных противоречий, когда люди перестали быть детьми, но еще не стали взрослыми.

Эта стадия, как и все другие, оказывается различной в зависимости от происхождения того или иного человека. Большинство молодых людей из среды рабочих сразу после средней школы оказываются во взрослом мире — они начинают трудиться, становятся родителями. Однако подростки из более состоятельных семей располагают средствами для поступления в колледж и, может быть, аспирантуру, а потому продлевают свою юность, которая продолжается, когда им далеко за 20 и даже за 30.

Зрелый возраст

Зрелость, которая в зависимости от происхождения человека начинается в период между последними годами тинейджерства и временем, когда человеку исполняется 30 лет, есть пора свершений. Закончив школу, люди выбирают себе карьеру и обзаводятся собственными семьями. Личность уже в основном сформирована. В то же время заметные сдвиги в окружении индивида — например, утрата работы, развод или тяжелая болезнь — могут вызвать серьезные изменения в «Я».

Период ранней зрелости. В период ранней зрелости — вплоть до 40 лет — молодые взрослые научаются самостоятельно улаживать свои обыденные дела, зачастую смешивая приоритеты — родителей, партнеров, детей, обучение и работу (Levinson et al., 1978). Женщины особенно склонны «пытаться объять необъятное», так как в американской культуре на них возлагается главная ответственность за

воспитание детей и ведение хозяйства даже в случае, если у них есть ответственная работа помимо дома (Hochschild & Machung, 1989).

Средний зрелый возраст. В среднем зрелом возрасте (приблизительно от 40 до 60 лет) люди ощущают, что обстоятельства их жизни уже вполне сложились. Они также глубже осознают непрочность здоровья, которое молодежь воспринимает как нечто само собой разумеющееся. Женщины, потратившие много лет на семью, находят период среднего зрелого возраста особенно затруднительным. Дети вырастают и уже требуют к себе меньше внимания, а мужей поглощает работа, так что возникают периоды, которые трудно заполнить. У многих разведенных женщин возникают и серьезные финансовые проблемы (Weitzman, 1985, 1996). По всем этим причинам в годы средней зрелости все больше женщин возвращаются к учебе и выбирают себе новую карьеру.

Для всех и каждого старение подразумевает физический упадок — перспектива, которую для женщин американская культура превращает в весьма болезненную. Поскольку хороший внешний вид имеет для них большое значение, морщины, лишний вес и седина могут оказывать травмирующее воздействие. У мужчин, разумеется, тоже есть свои проблемы. Кто-то бывает вынужден признать, что не смог достичь своих карьерных целей. Другие осознают, что карьерный успех дался им ценой отстранения от семьи или пренебрежения собственным здоровьем (Fargell & Rosenberg, 1981; Wolf, 1990).

Преклонный возраст

Старость — последние годы зрелости и последний этап самой жизни — начинается примерно в 65-летнем возрасте. Опять-таки общества придают этому этапу жизни различное значение. В традиционных обществах пожилые люди часто контролируют страну и ее ресурсы. Поскольку эти общества изменяются медленно, пожилые люди приобретают немалую мудрость за свою долгую жизнь, которая одаривает их уважением и почетом (Sheehan, 1976; Hareven, 1982).

Однако в индустриальных обществах большинство молодых трудятся вне рамок семьи, будучи независимыми от стариков. Стремительные изменения ведут к тому, что молодежь воспринимает преклонный возраст как нечто неважное или даже не имеющее никакого веса. Юным людям старики кажутся теми, у кого нет представлений о новых веяниях и модах, а их познания и опыт — не обладая никакой ценностью.

Весьма вероятно, что предвзятость по отношению к престарелым, которая существует в США, будет несколько нивелироваться по мере роста числа пожилых людей. С начала XIX в. процент американцев, возраст которых превышает 65 лет, почти утроился и стариков сегодня насчитывается больше, чем тинейджеров. Более того: поскольку продолжительность жизни неуклонно увеличивается, большинство мужчин и женщин в возрасте 65 лет («молодые старики») может рассчитывать еще на десятки лет жизни. По прогнозам Бюро переписи США (U. S. Census Bureau, 1999), в XXI в. наверняка увеличится доля американцев старше 85 лет, число которых может возрасти почти в 5 раз.

У старости есть важные отличия от более ранних этапов жизненного пути. Взросление обычно подразумевает принятие на себя новых ролей и обязанностей.

Старение, напротив, являет собой обратный опыт: расставание с ролями, которые некогда приносили удовлетворение и обеспечивали социальную идентичность. Пенсионный возраст бывает периодом активной деятельности или может означать утрату ценных занятий, а иногда сопровождаться откровенной тоской. Как и любой переходный этап жизни, уход от дел требует научения новым образцам на фоне того, что человек *отучается* от привычек прошлого. Не менее тяжелой переменной, становится уход с работы мужа или жены, которые теперь вынуждены приспособливаться к партнеру.

Умирание

Всю большую часть истории человечества низкий уровень жизни и примитивная медицина означали, что смерть, вызванная болезнью или несчастным случаем, может последовать на любом этапе жизни. Однако сегодня 85% американцев умирают после 55 лет (*U. S. National Center for Health Statistics, 2001*).

Наблюдая большое количество умирающих, Элизабет Кюблер-Росс (Kubler-Ross, 1969) описала смерть как упорядоченный переход, вызывающий 5 отдельных реакций. Первой реакцией обычно становится *отрицание*, ибо наша культура склонна игнорировать реальность смерти. Второй фазой выступает *гнев*, когда человек понимает смерть как величайшую несправедливость. Далее, гнев сменяется *торгом*, когда человек воображает, что избегнет смерти, заключив сделку с Богом. Четвертая реакция, *смирение*, часто сопровождается психологической депрессией. Наконец, привыкание к мысли о смерти достигается на пятой стадии, которая есть *принятие*. Человек, вместо того чтобы оказаться парализованным страхом и тревогой, теперь старается извлечь максимум из отмеренных дней жизни.

С увеличением процента престарелых мужчин и женщин мы вправе ожидать, что в американской культуре наступит примирение с идеей смерти. В последние годы, например, жители США и других стран более открыто обсуждают кончину людей, и умирание теперь рассматривается как процесс, предпочтительный по сравнению с болезненным и долгим страданием. Кроме того, все больше супругов готовятся ныне к смерти, все юридически и финансово предусматривая. Возможно, что это открытое рассмотрение вопроса облегчает боль оставшегося жить супруга, — предмет размышления для женщин, которые чаще переживают своих мужей.

Жизненный путь: общий обзор

Представленный обзор жизненного пути подводит нас к двум важным выводам. Во-первых, хотя каждая стадия жизни связана с биологическим процессом старения, жизненный путь в целом — социальная конструкция. По этой причине бывает, что в других обществах люди совершенно по-разному воспринимают этапы жизни, а то и не воспринимают их вовсе. Во-вторых, в любом обществе такие этапы являют собой характерные проблемы и перемены, которые подразумевают научение чему-то новому и во многих случаях отучение от привычных обыденных дел.

Общества выстраивают логику жизненного пути в соответствии с возрастом, однако на формирование жизни людей влияют и прочие факторы — классовая, расовая, этническая и гендерная принадлежность. Соответственно описанные нами общие образцы применимы к различным категориям людей по-разному (ср.: Duncan et al., 1998).

Наконец, жизненные переживания зависят и от исторической эпохи, в которую человек родился. **Когорта** — группа людей, выделенная по какому-либо общему признаку, обычно по возрастному. На возрастные когорты влияют одни и те же культурные и экономические тенденции, так что у их членов оказываются сходными установки и ценности (Riley, Foner & Waring, 1988). Например, женщины и мужчины, родившиеся в 1940-х и 1950-х, выросли в эпоху экономической экспансии, которая придала им чувство оптимизма. Сегодняшние студенты, росшие в обстановке заметной экономической неопределенности, не настолько уверены в своем будущем.

Ресоциализация: тотальные институты

Последний тип социализации, оказывающийся опытом для более чем 2 млн американцев, подразумевает помещение — зачастую, принудительное — в тюрьмы и психиатрические заведения. Это особый мир **тотального института** — условия, в которых люди изолированы от общества и ими управляет персонал администрации.

Согласно Ирвингу Гоффману (Goffman, 1961), тотальные институты отличаются тремя особенностями. Во-первых, персонал надзирает за всеми сферами повседневной жизни, включая места питания, сна и работы постояльцев (которые обычно называются «заключенными»). Во-вторых, среда тотального института абсолютно стандартизирована, отличаясь единообразным питанием, формой одежды и занятиями для всех. В-третьих, официальные правила и повседневные режимы диктуют, когда, где и как заниматься заключенным своими обыденными делами.

Такие режимные особенности тотальные институты преследуют ради одной цели — **ресоциализации** (радикального изменения личности заключенного путем тщательного контроля над окружающей средой). В тюрьмах и психиатрических заведениях заключенные физически изолированы за решетками и запорами, там тщательно следят за их доступом к телефону, почте и за контактами с посетителями. Для заключенного такой институт превращается в целый мир, и персоналу проще добиваться долговременного изменения подопечного — или, по крайней мере, кратковременного повиновения.

Ресоциализация — двоякий процесс. Во-первых, персонал разрушает существующую идентичность нового заключенного, используя то, что Гоффман называет «унижениями, деградацией, оскорблением и профанациями «Я»» (Goffman, 1961; р. 14). Заключенный, к примеру, должен отказаться от всякой собственности, включая одежду и средства личной гигиены, необходимые для сохранения неповторимого внешнего вида. Взамен персонал выдает людям единообразную одежду, которая всех делает одинаковыми. Персонал подвергает вновь прибывших «умерщвлению «Я»», включая обыски, пострижение наголо, медосмотры и снятие отпечатков пальцев, а в дальнейшем — присвоение заключенному номера. Оказавшись в закрытых стенах, люди отказываются и от права на личную жизнь, так как за ними постоянно следят надзиратели.

На второй стадии процесса ресоциализации персонал пытается образовать новое «Я» благодаря системе поощрений и наказаний. Обладание книгой, просмотр телепередач или право на телефонный звонок могут казаться чем-то совершенно естественным для людей, которые в этом не участвуют, но в жестких условиях

тотального института эти элементарные права становятся сильнейшим поводом к тому, чтобы соответствовать общепринятым правилам. В конечном счете продолжительность заключения обычно зависит от того, насколько хорошо заключенный уживается с персоналом.

Ресоциализация способна произвести глубочайшие изменения, но тотальные институты по-разному влияют на людей. Если некоторых заключенных считают «реабилитированными» или «исправившимися», то другие, бывает, изменяются мало, а третьи вообще озлобляются и напитываются враждой ко всем окружающим. Наконец, если принять во внимание длительный срок заключения, некоторые так и остаются *вечными заключенными*, не способными к самостоятельной жизни.

Но как же быть с нами, не относящимися к их числу? Что делает с нами социализация — сокрушает ли она наши личности или обогащает нас?

Резюме

1. Социализация — это способ, благодаря которому индивиды развивают в себе человечность и обретают свою идентичность.
2. 100 лет назад люди считали, что поведение человека направляется в основном, биологическим инстинктом. Сегодня мы признаем, что оно формируется по большей части воздействием внешней среды, нежели наследственности.
3. Неизменно пагубные эффекты изоляции от общества показывают, что опыт социального общения имеет решающее значение для человека.
4. Согласно модели Э. Фрейда, человеческая личность делится на три составляющие: Ид воплощает в себе врожденные человеческие влечения (инстинкты жизни и смерти); Суперэго представляет усвоенные культурные ценности и нормы, а Эго являет собой образование, в котором борются требования Ид и запреты Суперэго.
5. Жан Пиаже считал, что в развитии человека отражается как культурное созревание, так и растущий социальный опыт. Он выделил четыре стадии когнитивного развития: сенсомоторную, дооперациональную, стадию конкретных операций и стадию формальных операций.
6. Лоренс Колберг применил подход Пиаже к моральному развитию. Сначала индивиды ценят правоту с доконвенциональной точки зрения, в согласии со своими индивидуальными потребностями. Далее, нормы традиционной морали объясняют родительские установки и культурные нормы. Наконец, постконвенциональное мышление помогает людям критиковать само общество.
7. В качестве реакции на работу Колберга, опиравшегося на наблюдение только субъектов мужского пола, Кэрол Гиллиган открыла, что если мужчины полагаются на абстрактные стандарты правоты, то женщины черпают решение своих проблем из взаимоотношений.
8. Согласно Джорджу Герберту Миду, социальный опыт порождает «Я», которое он описывал как частично автономное образование (I) и частично — на-

- правляемое обществом (*me*). Хотя младенцы имитируют, «Я» развивается в простых и сложных играх, в итоге вбирая в себя «обобщенного другого».
9. Чарльз Хортон Кули употреблял термин «зеркальное Я», объясняя, что мы видим себя так, как, по нашему мнению, нас видят другие.
 10. Эрик Х. Эриксон выделил характерные вызовы, с которыми индивиды сталкиваются на каждом этапе жизни, начиная с младенчества и заканчивая старостью.
 11. Наибольшее влияние на установки и поведение ребенка обычно оказывает семья (самая первая среда социализации).
 12. В школах дети знакомятся с социальной неоднородностью, там проявляется обезличенная оценка их учебной деятельности.
 13. Группы равных освобождают детей из-под надзора взрослых и в подростковом возрасте приобретают огромное значение.
 14. Немалое влияние на процесс социализации оказывают средства массовой информации, особенно телевидение. В США среднестатистический ребенок проводит у телевизора столько же времени, сколько расходует на посещение школы и общение с родителями. По результатам исследований установлено, что агрессивное поведение маленьких детей связано с телевидением и видеоиграми.
 15. Каждый этап жизненного пути — детство, юность, зрелость и старость — социально сконструированы так, что зависят от специфики общества.
 16. Люди, живущие в странах с высоким уровнем доходов, до наступления старости обычно стараются не задумываться о смерти. Для пожилых принятие смерти является частью процесса социализации.
 17. Тотальные институты — тюрьмы и психиатрические больницы — пытаются ресоциализировать заключенных (радикально изменить их личности).
 18. Социализация демонстрирует власть общества над формированием наших мыслей, чувств и поступков. Однако, будучи людьми, мы способны отвечать на это, формируя как себя, так и наш социальный мир.

Основные понятия

Группа равных — социальная группа, члены которой имеют общие интересы, социальное положение и возраст.

Дооперациональная стадия — термин Пиаже, обозначающий уровень развития человека, когда индивиды впервые начинают использовать языковые и другие символы.

Зеркальное «Я» — термин Кули для обозначения образа «Я», основанного на наших мыслях о том впечатлении, которое мы производим на других.

Ид — выдвинутое Фрейдом обозначение основных драйвов человеческого существа.

Когорта — группа людей, выделенная по какому-то общему признаку, обычно — по возрастному.

- Личность** — отчетливые постоянные образцы действия, мышления и чувствования индивида.
- Обобщенный другой** — термин Джорджа Герберта Мида, обозначающий широко распространенные культурные нормы и ценности, которые мы используем в качестве системы координат для оценки самих себя.
- Опережающая социализация** — научение, помогающее индивиду достичь желаемого положения.
- Ресоциализация** — радикальное изменение личности заключенного путем тщательного контроля над окружающей средой.
- Сенсомоторная стадия** — термин Пиаже, обозначающий уровень человеческого развития, когда индивиды воспринимают мир только чувственно.
- Социализация** — социальный опыт, охватывающий всю жизнь, благодаря которому индивиды развивают свой человеческий потенциал и усваивают культуру.
- Средства массовой информации** — обезличенные средства коммуникации, адресованные огромной аудитории.
- Стадия конкретных операций** — термин Пиаже, обозначающий уровень человеческого развития, когда индивиды впервые воспринимают причинные связи в своем окружении.
- Стадия формальных операций** — термин Пиаже, обозначающий уровень развития человека, когда индивиды мыслят абстрактно и критически.
- Суперэго** — термин Фрейда, обозначающий культурные ценности и нормы, интернализированные индивидом.
- Тотальный институт** — условия, в которых люди изолированы от общества и управляются административным персоналом.
- Эго** — предложенное Фрейдом обозначение сознательных усилий индивида, направленных на уравнивание врожденных позывов к поиску наслаждения с требованиями общества.
- «Я»** — термин Джорджа Герберта Мида, обозначающий ту часть личности индивида, которая состоит из самоосознания и образа «Я».

Вопросы для размышления

1. Чему учат нас случаи изоляции от общества относительно важности для человека социального опыта?
2. Сформулируйте два аспекта спора о роли наследственности и окружающей среды. В каком смысле человеческая природа и влияние среды не противостоят друг другу?
3. Всем нам случилось видеть, как маленькие дети закрывают лицо руками и восклицают: «Меня не видно!» Они думают, что если они вас не видят, то и вы их тоже. Как такое поведение связано со способностью малышек «принимать роль другого»? Может ли родитель рассчитывать, что маленький ребенок «увидит вещи с *его*, родительской, точки зрения»?
4. Какие темы являются общими для воззрений Фрейда, Пиаже, Колберга, Гиллиган, Мида и Эриксона? В чем отличаются их теории?

Социальное взаимодействие в повседневной жизни

Гарольд и Сибил едут в гости к одной семейной паре, живущей в незнакомом районе близ Тикондероги (Нью-Йорк). Они опаздывают, так как последние 20 минут кружили, высматривая дорогу к Графитовой горе. Гарольд, все сильнее стискивая руль, начинает закипать. Сибил, сидящая рядом, боится вымолвить слово. Оба понимают, что вечер начинается плохо (Таппел, 1990; р. 62).

Гарольд и Сибил заблудились не только в прямом смысле: они не способны понять, почему все сильнее злятся на ситуацию и друг на друга. Рассмотрим их положение с точки зрения Гарольда. Как большинство мужчин, он терпеть не может разных незадач. Чем дальше он кружит, тем больше теряется. Сибил же не понимает, почему Гарольд не высунется и не спросит у кого-нибудь, где находится дорога к Графитовой горе. Если бы за рулем была она, заводит себя Сибил, они бы уже прибыли на место и сидели бы в уютной обстановке со стаканами в руках.

Почему мужчины не любят спрашивать дорогу? Потому что ценят свою независимость, им неловко обращаться за помощью (и они неохотно ее принимают). Для мужчин обратиться за помощью — все равно, что сказать: «Ты знаешь нечто, чего я не знаю». Потратить на поиск нужного места, но без подсказки, пусть даже и какое-то время, но сохранить самоуважение, по мнению Гарольда, удачное решение.

Если мужчины ценят самодостаточность и чувствительны к иерархии, женщины в большей мере ориентированы на других и стремятся к сближению. С позиции Сибил, обратиться за помощью было бы правильно, ибо поделиться информацией — укрепить социальные связи. Спросить дорогу для нее так же естественно, как для Гарольда — искать самому. Ясно, что если они заблудятся, то это наверняка породит конфликт, так как ни один из них не понимает точку зрения другого.

В центре внимания этой главы находится повседневный опыт типа того, что был описан в случае с Гарольдом и Сибил. Сначала представим основные составляющие, из каких складывается обыденный опыт, а затем проанализируем едва ли не волшебный механизм, благодаря которому непосредственное взаимодействие двух или нескольких людей порождает реальность. Главное понятие в этой главе — **социальное взаимодействие** (*процесс, посредством которого люди действуют и реагируют по отношению к другим*). Благодаря социальному взаимодействию мы создаем реальность, в которой живем. Социальная структура, в свою очередь, направляет наше взаимодействие.

Социальная структура: руководство в повседневной жизни

21 октября, Хошимин, Вьетнам. Этим утром мы покидаем корабль, минуем доки и направляемся в центр Хошимина, ранее известного как Сайгон. Прямительственные сотрудники службы безопасности машут нам из проема тяжелых металлических ворот. К ограде порта прижимаются десятки муж-

чин на особых велосипедах с маленькими колясками, приделанными спереди, — вьетнамский эквивалент таксомоторов. Мы отмахиваемся от них, но следующие 20 минут уходят на то, что мы мотаем головами в ответ на приставания нескольких водителей, которые едут рядом и умоляют воспользоваться их услугами. Мы решаем пересечь улицу, но вдруг осознаем, что вокруг нет ни запрещающих сигналов, ни светофоров, а улица представляет собой непрерывный поток велосипедов, мотоциклов и маленьких грузовиков. Что делать? Местные не выказывают никакого замешательства; они просто идут куда надо, ухитряясь не попасть под транспорт, который немедленно заполняет пространство позади них. Смешаться с движением? С маленькими детьми, сидящими на закорках? Да, мы поступаем именно так; именно это срabатывает во Вьетнаме.

В любом обществе люди, когда они осмысливают обыденные ситуации, опираются на социальные структуры. Как следует из описанного знакомства некой семьи с вьетнамским городом, мир может дезориентировать и даже испугать, когда его культурные нормы не соответствуют нашим ожиданиям. Итак, из чего же строится наша повседневная жизнь?

Статус

Один из кирпичиков социальной структуры — статус (социальное положение, занимаемое индивидом). Социологи не употребляют слово «статус» в его обыденном значении «престижа», когда у президента колледжа «статус выше», чем у только что нанятого ассистента. Скорее, в организации колледжа статусами выступают и «пост президента», и «должность профессора».

В любой жестко ранжированной среде никакое взаимодействие невозможно без взаимной предварительной оценки социального положения участников. Поэтому у военных форма снабжена четкими знаками отличия, обозначающими их уровень полномочий. Не оцениваем ли мы друг друга во многом так же по ходу обыденных интеракций, отмечая приблизительный возраст человека, качество его одежды и манеры, из чего и выводим его социальное положение?

Любой статус является частью нашей социальной идентичности и помогает определить отношение к другим людям. Как заметил один из основоположников социологии Георг Зиммель, «первым условием общения с кем бы то ни было... является знание, с кем именно вы имеете дело» (Simmel, 1950; p. 307).

Набор статусов

У каждого человека есть несколько статусов одновременно. **Набор** таковых складывается из *всех статусов, которыми индивид обладает в данное время*. Девочка-подросток — *дочь* для своих родителей, *сестра* для своего брата, *подруга* для представителей ее социального круга и *вратарь* для членов ее футбольной команды. Такие наборы статусов, точно так же как они ветвятся по многим направлениям, изменяются с течением жизни. Ребенок вырастает в родителя, студент становится юристом; люди вступают в брак, чтобы стать мужьями и женами, иногда вновь оказываясь в одиночестве из-за кончины супруга или развода. Присоединение к организации или нахождение работы увеличивают наш статусный набор; уход от дел уменьшает его. За свою жизнь индивиды приобретают и теряют десятки статусов.

Предписанный и достигнутый статус

Социологи классифицируют статусы с точки зрения того, как люди их получают. **Предписанный статус** есть *социальное положение, которое индивид приобретает при рождении или потом — невольно — в жизни*. Образчиками таковых служат статусы дочери, кубинца, тинейджера или вдовца. Предписанные статусы — дело, в котором людям предоставляется небольшой выбор или его не дается вовсе.

Достигнутый статус, напротив, представляет собой *социальное положение, которое индивид занимает по своему выбору и которое отражает его личные способности и успехи*. В США таковыми выступают статус студента-отличника, олимпийского чемпиона, супруга, компьютерного программиста или вора.

На практике большинство статусов предполагает некое сочетание предписанности и достижений. Это означает, что первые влияют на вторые. Людей, достигающих, к примеру, статуса юриста, наверняка объединяет предписанное преимущество рождения в благополучных семьях. Лишним доказательством здесь выступает и то, что многие менее желательные статусы — например, преступника или безработного — легче достигаются людьми, рожденными в бедных семьях.

Доминирующий статус

Некоторые статусы важнее других. **Доминирующий статус** — тот, который, *имеет особое значение для социальной идентичности и часто выстраивает всю жизнь индивида*. Для большинства людей им оказывается род их занятий, так как он многое сообщает о социальном происхождении, образовании и доходах. В отдельных случаях быть «Бушем» или «Кеннеди» уже достаточно, чтобы оказаться в центре всеобщего внимания.

В негативном смысле доминирующим статусом выступает и серьезная болезнь. Бывает, что даже закадычные друзья избегают людей, больных раком или синдромом

Рольевые модели учат нас тому, что в нашем мире поистине любой человек может восприниматься каким-то особым образом. В декабре 1955 г. водитель городского автобуса в Монтерери, штат Алабама, потребовал в согласии с требованиями закона от пассажирки Розы Паркс встать и уступить место белому человеку. Она отказалась и была арестована, с нее сняли отпечатки пальцев и затем оштрафовали на \$14 за правонарушение. Этот храбрый поступок побудил афроамериканское население Бирмингема бойкотировать городские автобусы, что привело к отмене закона, дискриминирующего автобусных пассажиров

мом приобретенного иммунодефицита (СПИД), просто из-за самой болезни. В большинстве обществ также ограничиваются возможности для женщин независимо от их способностей, в результате чего доминирующим статусом становится гендерная принадлежность (ср.: Webster & Hysom, 1998).

Иногда инвалидность выступает настолько доминирующим статусом, что такие люди воспринимаются окружающими лишь как страдающие недугом, в результате чего к ним не относятся как к полноценным личностям.

Роль

Второй составляющей социального взаимодействия является *роль (поведение, ожидаемое от некого лица с определенным статусом)*. Люди *обладают* статусом и *исполняют* роль (Linton, 1937b). Например, обладание статусом студента означает, что такой человек будет посещать занятия, выполнять задания и в целом станет стремиться обогатить свою личность в процессе учебы.

Статусы и роли также зависят от культуры. В США «дядя» — это брат либо матери, либо отца. Однако во Вьетнаме братья по материнской и отцовской линии называются по-разному и имеют различные обязанности. Конечно, в каждом обществе фактическое исполнение роли различается в зависимости от личности человека, хотя в некоторых обществах допускается большее индивидуальное выражение роли, чем в других.

Рис. 6.1. Статусный набор и ролевой набор

Набор ролей

Поскольку мы обладаем несколькими статусами сразу, повседневная жизнь оказывается смешением многочисленных ролей. Чтобы обозначить *ряд ролей, закрепленных за отдельным статусом*, Роберт Мертон (Merton, 1968) ввел термин **ролевой набор**.

На рис. 6.1 показаны четыре статуса одного индивида, и каждый привязан к отдельному ролевому набору.

Во-первых, как профессор женщина общается со студентами (роль учителя) и с другими учеными (роль коллеги). Во-вторых, будучи исследователем, она собирает данные (роль лабораторного ученого), которые использует в публикуемых трудах (роль автора). В-третьих, женщина обладает статусом «жены», выступая в роли супруги (наперсницы и сексуальной партнерши) по отношению к своему мужу, с которым разделяет хозяйственную роль. В-четвертых, она обладает статусом «матери», выполняя обычные обязанности по отношению к детям (материнская роль) и по отношению к школе и прочим организациям (гражданская роль).

Ролевой конфликт и ролевое напряжение

В индустриальных обществах большинство людей оперирует массой обязанностей, продиктованных их разнообразными статусами и ролями. Как могут подтвердить многие матери, родительские функции, равно как и работа вне дома, могут изматывать как физически, так и эмоционально. Социологи, таким образом, признают существование **ролевого конфликта**, т. е. *конфликта между ролями, соответствующими двум или нескольким статусам*.

Мы переживаем ролевой конфликт, когда нас «разрывает» между несколькими направлениями, но мы стараемся отреагировать на многочисленные статусы, которыми обладаем. Иногда решаем «чем-нибудь поступиться». Например, хорошо известный человек может принять решение не участвовать в избирательной кампании, поскольку ее требования помешают семейной жизни. В других случаях некоторые люди не спешат обзаводиться детьми, чтобы выстроить карьеру.

Даже те роли, которые связаны с каким-то отдельным, единичным, статусом, способны налагать на нас взаимоисключающие требования. **Ролевым напряжением** называется *напряжение между ролями, закрепленными за отдельным статусом*. Начальнику на заводе, быть может, нравится поддерживать дружеские отношения с рабочими. Но в то же время у него есть производственные задачи и ему приходится сохранять дистанцию, необходимую для оценки подчиненных. Иными словами, хотя серьезные проблемы возникают не во всех случаях ролевого напряжения, бывает, что балансировать приходится при выполнении различных ролей, закрепленных даже за одним-единственным статусом (Gigliotti & Huff, 1995).

Одна из стратегий сведения ролевого конфликта к минимуму состоит в том, чтобы «разложить свою жизнь по полочкам» так, чтобы исполнять роли, связанные с одним статусом, в определенное время и в определенном месте, а роли, соответствующие другому статусу, — в совершенно иной обстановке. Знакомым примером этой схемы является решение «оставить проблемы на работе» перед тем, как отправиться домой, к семье.

Выход из роли

После того как Элен Роуз Фукс Ибо (Ebaugh, 1988) оставила жизнь католической монахини ради карьеры социолога в университете, она *вышла из роли*. Это процесс, когда люди расстаются со значимыми социальными ролями. Изучив ряд «бывших», включая экс-монахинь, экс-врачей, экс-мужей и экс-алкоголиков, Ибо выделила элементы, обычные для превращения в «экс-».

Процесс начинается, когда люди начинают сомневаться в своей способности и впредь выполнять определенную роль. Едва в их воображении возникают альтернативные роли, они рано или поздно приходят к поворотному моменту в своей биографии и принимают решение начать новую жизнь. Однако даже на этом этапе прошлая роль, случается, продолжает оказывать влияние на наши жизни. «Экс-» не расстается с образом «Я», сформированным предыдущей ролью, который способен мешать построению нового «Я». Бывшая монахиня, например, может колебаться в решении, быть ли ей стильно одетой и делать ли модные прически.

Кроме того, приходится перестраивать отношения с людьми, знавшими тех по прошлой жизни. Еще одной проблемой является научение новым социальным навыкам. По признанию Ибо, например, монахини, которые начинают встречаться с мужчинами после десятилетий, проведенных в монастыре, часто бывают потрясены, узнав, что сексуальные нормы весьма отличаются от тех, которые они знали, будучи подростками.

Социальное конструирование реальности

Более 60 лет назад нобелевский лауреат, итальянский драматург Луиджи Пиранделло, написал пьесу «Похвала честности». Главным персонажем ее является Анджело Бальдовино, блистательный мужчина с богатым прошлым. Он приходит в респектабельный дом семьи Реини и представляется особенным образом:

Мы неизбежно творим себя. Позвольте мне объяснить. Я вхожу в этот дом и немедленно делаюсь тем, кем я должен стать, кем я могу стать: я создаю себя. Я имею в виду, что подаю себя вам в форме, подходящей для отношений, которые я хочу с вами установить. И вы, конечно, делаете то же самое по отношению ко мне (Pirandello, 1962; p. 157–158).

Из представления героя следует, что, хотя наше поведение направляется статусом и ролью, мы способны также формировать нечто, происходящее от случая к случаю. Другими словами, «реальность» дана вовсе не безоговорочно, как может показаться.

Под выражением **социальное конструирование реальности** понимается процесс, посредством которого люди творчески формируют реальность в результате социального взаимодействия. Эта идея лежит в основе знакомой нам парадигмы символического интеракционизма, описанной в предыдущих главах (Berger & Luckmann, 1966; Maines, 2000). Как следует из замечания Анджело Бальдовино, в сознании любого человека, особенно оказавшегося в незнакомой среде, добрая часть «реальности» остается смутной. Поэтому мы подаем себя в такой манере, которая соответствует среде и нашим целям, а когда то же самое делают окружающие, и выковывается реальность.

Следовательно, социальное взаимодействие предполагает «сложные переговоры». Большинство обыденных ситуаций подразумевает как минимум некоторое согласие относительно происходящего — отчасти потому, что люди распознают разнообразные статусы тех, с кем взаимодействуют. Но даже при этом они вынуждены поступать ожидаемым образом, чтобы сделать свой статус правдоподобным для других: профессор, которого, по общему разумению, полагается воспринимать серьезным человеком, должен и вести себя соответствующе (Ridgeway & Erickson, 2000).

Конечно, участники событий спримут их по-разному — в меру своих интересов и намерений. Иными словами, в ходе любой интеракции каждый участник обладает чуть отличными представлениями о том, чем является «реальность». Даже самые слова, которые мы выбираем, отражают наше видение «поворота» событий. Материал, приведенный ниже в рубрике «Практическая социология», увязывает эту идею с языком, при помощи которого военные создают (или утаивают?) реальность.

«Бывалые»

То, что люди обычно называют «бывалым», показательно в отношении конструирования реальности. В своей автобиографии «Эти опасные улицы» Пири Томас вспоминает свой переезд в испанский Гарлем. Однажды, возвращаясь домой, юный Пири обнаружил, что ему преградил путь Ванеко, главарь местной уличной банды, в окружении еще десятка себе подобных.

- Послушай-ка сюда, мистер Джонни Гринго, — сказал Ванеко, растягивая слова.
- Думай, парень, — велел я себе, — придумай, как сделать, чтобы тебя не запинали.
- Я слышал, что у всех кули со 104-й улицы есть мужество, — сказал я. — Я в этом не уверен. Ты же знаешь, что полно улиц, где «команды» сплошь состоят из панков, которые и подрасть-то не умеют один на один, а топчут тебя всем кагалом. Я надеялся, что это подвигнет Ванеко вести себя честно. Выражение его лица не изменилось.
- Мы, может быть, считаем иначе.
- Черт побери, парень, — мне надо было себя подбодрить, — я попал в переplet...
- Я не с тобой говорю, — сказал я. — Там, откуда я прибыл, вожак есть вожак, потому что у него есть мужество, когда доходит до дела.

Казалось, что Ванеко стало неловко. Он осознал мой упрек и чувствовал себя не в своей тарелке. Его парни тарачились на меня. Теперь им было интересно не столько затоптать меня, сколько посмотреть, чем закончится наша беседа с Ванеко. «Ну», — таким был его ответ.

Я знал, что победил. Конечно, мне предстояло драться, но я могу сражаться с одним человеком, а не с десятью или пятнадцатью. Если я проиграю, меня побьют, и если выиграю, меня тоже могут побить. Я позаботился об этом, сказав: «Я не знаю ни тебя, ни твоих парней, но они, по-моему, настроены мирно. Они не похожи на панков».

Я намеренно вывел его из игры, сказав «они». Теперь его ребята были отдельно от него. Я подрезал его. Теперь ему придется драться со мной один на один, чтобы доказать свою крутизну мне, своим парням и, что самое важное, своей улице. Он вышел из унижительного положения и предложил: «На равных, Гринго?» (Thomas, 1967; p. 56–57).

Эта ситуация обнажает драму — иногда деликатную, иногда жестокую, когда люди креативно выстраивают реальность. Но, разумеется, не каждый оказывается в такой ситуации на равных. Окажись поблизости полицейский, когда Пири и Ванеко намеревались драться, — и оба юноши могли угодить в участок.

ПРАКТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Играем в прятки: тщательно подбираем слова

Военные организации тщательно выбирают слова, чтобы «спрятать» ужасы войны и выставить военные действия нужными и полезными. Вильям Лутц, профессор английского языка в Рутгерском университете, собрал образчики выражений офицеров США в период войны в Персидском заливе. Сравните представленную ниже военную терминологию с ее переводом. Передают ли эти военные обороты реальность или, по-вашему, изменяют ее?

Военный язык

Случайное попадание

Виды оружия, зачищающие территорию

Принуждающий потенциал

Ресурсы подавления

Баллистическое отверстие

Среда зависящая от сценария, послекризисная

Обыденный смысл

Бомбы и снаряды, не достигающие цели и поражающие гражданское население

Кассетные бомбы, которые убивают и уничтожают все, что располагается на конкретной территории

Способность бомб и снарядов уничтожать или травмировать врага

Снижение боеспособности врага путем уничтожения людей и разрушения оборудования

Дыра от попадания пули

Среда, в которой мы побеждаем или проигрываем

Теорема Томаса

Проявляя находчивость и сражаясь с Ванеко, пока оба они не выдохлись, Пири Томас завоевал признание и сделался членом банды. То, что произошло тем вечером в испанском Гарлеме, является примером **теоремы Томаса**, названной так в честь У. И. Томаса (Thomas, 1966; p. 301; первое изд. — 1931). Она гласит: *ситуации, определяемые как реальные, реальны по своим последствиям*.

Применительно к социальному взаимодействию теорема Томаса означает, что, хотя реальность в процессе своего формирования «податлива», она может стать «жесткой» по своим последствиям. В описанном нами случае члены местной бандитской группировки увидели, что Пири Томас ведет себя достойно, и потому в их глазах он действительно *стал* достойным.

Этнометодология

Не считая реальность чем-то «внешним», парадигма символического интеракционизма утверждает: люди творят реальность в ходе повседневного общения. Но как мы определяем для себя реальность? Ответ на этот вопрос является задачей *этнометодологии* — специального подхода в рамках парадигмы символического интеракционизма.

Сам по себе термин состоит из двух частей: древнегреч. *этно* означает людей и их понимание своего окружения; *методология* — набор методов или принципов. Вместе — **этнометодология** (*изучение пути, которым люди осмысливают свое обычное окружение*).

Этнометодология в основном является плодом деятельности Гарольда Гарфинкеля (Garfinkel, 1967), который оспорил господствовавший в те времена взгляд на общество как на широкую, абстрактную «систему» (вспомните структурно-функциональный подход Эмиля Дюркгейма, описанный в главе 4 «Общество»). Гарфинкель хотел проанализировать, каким образом мы осмысливаем бесчисленные знакомые ситуации. Наши разговоры и поведение, объяснял исследователь, покоятся на более глубоких допущениях относительно мира, которые мы обычно считаем чем-то само собой разумеющимся.

Задумайтесь на минуту, из чего исходит человек, задавая кому-то простой вопрос: «Как дела?» Имеется ли в виду состояние здоровья? Мысли? Состояние духа? Финансовое положение? И вообще — ожидается ли ответ или просто так проявляется вежливость?

Этнометодология, следовательно, изучает процесс осмысления социальных контактов. Гарфинкель утверждает, что единственным способом обнаружить, каким образом мы наполняем события смыслом, является целенаправленное *нарушение правил*. Намеренно игнорируя общепринятые установления и наблюдая за реакцией людей, мы «вычленяем» механизм, посредством которого люди выстраивают реальность. Поэтому Гарфинкель предлагал своим студентам отказываться от «правил игры» в самых разнообразных ситуациях. Некоторые студенты, жившие вместе с родителями, начинали вести себя как квартиранты, а не как дети; другие заходили в магазины и затевали торг; третьи увлекали людей в простые игры,

чтобы умышленно попирать правила; иные же заводили беседы и медленно при- двигались все ближе и ближе к собеседнику.

Впоследствии студенты докладывали о реакции окружающих. Как правило, «жертвы» приходили в раздражение, из чего следует, насколько важна для нас повседневная реальность. Попытка точно установить, *почему* люди сердились, заставила студентов обдумать негласные соглашения, которые лежат в основе семейной и коллективной жизни, совершения покупок, честной игры и т. п.

Некоторые социологи считают этнометодологию несерьезным видом исследований, ибо она фокусируется на обычных переживаниях и применяет необычные, даже дикие, методы. И все-таки этот подход помогает нам лучше осознать незаметные образцы повседневной жизни.

Построение реальности: класс и культура

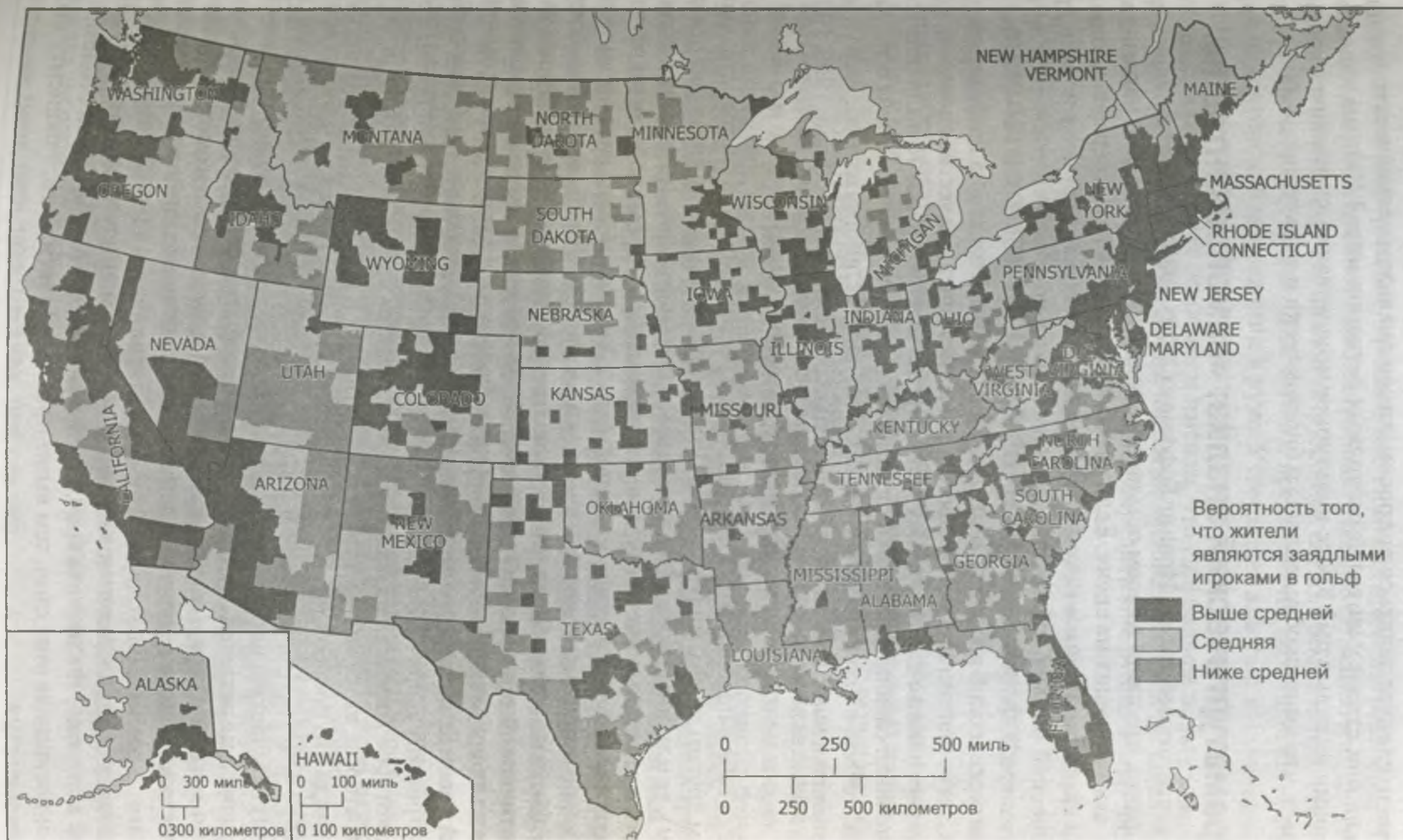
Люди накапливают повседневный опыт не из пустоты. То, что мы делаем или видим в своем окружении, зависит и от наших интересов. Созерцая, например, ночное небо, влюбленные открывают для себя романтику, тогда как ученые рассматривают те же звезды как массы атомов водорода и гелия. Восприятием человека управляет и социальное происхождение, а потому жители, скажем, испанского Гарлема видят мир несколько иначе, чем жители манхэттенского фешенебельного Ист-Сайда.

И действительно, на территории США реальность выстраивается по-разному. Если взять гольф, тот этот вид спорта популярен среди определенных слоев населения. Карта США 6.1 показывает, где любят играть в гольф, а где нет¹.

В глобальной перспективе конструирование реальности различается даже сильнее. Например, возникают такие ситуации: в Лондоне люди, ждущие автобуса, обычно выстраиваются в очередь; жители Нью-Йорка редко бывают такими дисциплинированными. В Саудовской Аравии закон запрещает женщинам садиться за руль — дело, неслыханное в США. В американских мегаполисах страх стать жертвой преступления намного сильнее, чем где-либо еще, включая Лондон, Париж, Рим, Калкутту и Гонконг; это чувство опасности, исходящей от общества, формирует повседневную реальность для десятков миллионов американцев.

Следовательно, люди выстраивают реальность на основе окружающей культуры. В главе 3 («Культура») объяснено, почему жители разных стран неодинаково осмысливают отдельные жесты, так что путешественники неожиданно для себя участвуют в построении другой реальности. Так, в своем исследовании популярной культуры, ДжоЭллин Шивли (Shively, 1992) показывала вестерны мужчинам европейского происхождения и коренным американцам. Обе категории заявили, что фильмы им понравились, но по разным причинам. Белые зрители поняли их как прославление суровых людей, которые сражались, стремясь навязать природе Запада свою волю. Коренные же американцы увидели в тех же фильмах восхваление земли и природы вне каких бы то ни было людских амбиций.

¹ На карте показана популярность гольфа у населения всех 3141 округов США (данные на 2000 г.). Свыше 25 млн человек по всей стране получают от него удовольствие, но по ряду признаков они не типичны. Посмотрите на карту. Какие тенденции вы видите? Подсказкой служит то, что заядлыми игроками в гольф обычно оказываются белые мужчины в возрасте чуть выше среднего для всего населения, доходы которых намного превышают средний уровень.

Карта США 6.1. Увлечение гольфом в США. Источник. *American Demographics magazine*, August 2000

Наконец, следует задаться вопросом, каков диапазон человеческих эмоций. Насколько они схожи у жителей различных регионов мира? Или мы извлекаем наши эмоции из культуры? Кросс-культурное исследование, описанное во врезке, показывает, что эмоции обусловлены и биологически и культурно.

Драматургический анализ: «самопрезентация»

Большую часть своей жизни Ирвинг Гоффман (1922–1982) занимался объяснением того факта, что люди в своем обыденном поведении чрезвычайно напоминают актеров, выступающих на сцене. Если мы вообразим себя режиссерами, наблюдающими за происходящим в некоем ситуационном «театре», то сумеем понять **драматургический анализ** Гоффмана: *изучение социального взаимодействия с точки зрения театрального представления.*

Драматургический анализ позволяет бросить свежий взгляд на понятия статуса и роли. Статус напоминает роль в пьесе, а роль выступает в качестве сценария, подсказывая персонажам диалоги и поступки. «Представление» каждого индивида Гоффман именовал **самопрезентацией**, понимая под ней *старание индивида оставить особое впечатление о себе в сознании других.* Этот процесс, иногда называемый *управлением впечатлением*, состоит из ряда отдельных элементов (Goffman, 1959, 1967).

Представления

Презентуя себя в повседневных ситуациях, мы — сознательно и бессознательно — передаем другим людям информацию. Представление индивида включает одежду (костюм), те или иные предметы, которые мы имеем при себе (реквизит), а также тон голоса и отдельные жесты (художественная манера). Кроме того, люди приспособляют свое представление к среде (сцена). Так, мы можем громко шутить в ресторане, но понижаем голос при вхождении в церковь. Люди разрабатывают условия — бытовые или рабочие, чтобы вызвать в других желаемые реакции.

Практический пример: кабинет врача. Подумайте, как врач использует свой кабинет для передачи конкретной информации пациентам. В США врачи ценят высокий престиж и власть — факт очевидный; чтобы в нем убедиться, достаточно войти в приемную врача. Во-первых, самого врача нигде не видно. Очутившись в месте, которое Гоффман назвал «передним планом» среды, пациент встречается с регистратором, который выступает привратником и решает, посетит ли пациент врача и когда это произойдет. Кто кого ждет, чтобы встретиться, — один из аспектов игры во власть. И при обычном взгляде на приемную врача с пациентами, которые ждут (зачастую нетерпеливо), когда им позволят войти во внутреннее святилище, почти не остается сомнений в том, что события контролирует врач.

«Задним планом» среды оказываются личный кабинет врача и смотровая. Здесь пациент сталкивается с многочисленным реквизитом: медицинскими книгами и дипломами в рамках, благодаря которым подкрепляется впечатление о том, что врач обладает специальными познаниями, необходимыми, чтобы взять ситуацию под свой контроль. В кабинете врач, как правило, остается сидеть за столом; чем больше и роскошнее этот стол, тем выше притязания на власть, а пациенту выделяется только стул.

Еще больше информации передают внешний вид врача и его манеры. Обычный костюм, белый халат, может выполнять практическую функцию и защищать одежду от загрязнения, но его социальной функцией служит немедленное уведомление людей о врачебном статусе. Для того же предназначен фонендоскоп на шее или черный докторский чемоданчик в руке. Утверждает власть и насыщенная терминологией речь доктора. Наконец, пациенты величают его «доктором», но их, в свою очередь, часто называют по первым именам, что еще больше подчеркивает доминирующее положение врача. Общее послание, заложенное в представлении доктора, понятно: «Я помогу вам, но вы должны передать мне руководство над вами».

ГЛОБАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Социология эмоций: везде ли одинаковы чувства людей?

На людном тротуаре Нью-Йорка женщина гневно реагирует на скейтбордиста, который лихо проносится мимо нее. Выражение ее лица, да и слова, передают сильную эмоцию, очень хорошо знакомую жителям Северной Америки. Но так же ли истолкует ее эмоцию наблюдатель из Нигерии, Никарагуа или Новой Гвинеи?

Пол Экман и его коллеги изучили эмоции жителей разных стран, в том числе племен Новой Гвинеи. Они пришли к выводу, что населению мира свойственны 6 основных эмоций: гнев, страх, отвращение, радость, удивление и печаль. Более того: люди повсеместно проявляют эти чувства при помощи одних и тех же отчетливых выражений лица. По Экману, эта общность доказывает, что наша эмоциональная жизнь скорее универсальна, нежели культурно изменчива, и что проявление эмоций биологически запрограммировано в чертах лица, мышцах и центральной нервной системе человека.

Однако Экман отмечает три отношения, в которых эмоциональная жизнь все-таки отличается, будучи зависимой от культуры. Во-первых, *в разных обществах эмоции запускаются различными факторами*. От культуры зависит, определяют ли люди ту или иную ситуацию как оскорбление (вызывающее гнев) или мистическое событие (вызывающее удивление и трепет). Иными словами, жители разных обществ неодинаково реагируют на одно и то же событие.

Во-вторых, *люди проявляют эмоции в соответствии с нормами их культуры*. В каждом обществе существуют правила насчет того, где, когда и перед кем человек может проявить определенные эмоции. Американцы, например, свободнее выражают эмоции дома, в кругу семьи, чем на рабочем месте перед коллегами. Аналогичным образом мы ожидаем от детей выражения эмоций по отношению к родителям, хотя те приучены сдерживаться перед детьми.

В-третьих, *общества различаются тем, как люди справляются со своими эмоциями*. В некоторых выражение чувств поощряется, а в других принято не быть излишне эмоциональным и от людей ожидается подавление их чувств. Кроме того, в обществах проявляются значительные гендерные различия в этом отношении. Американская культура закрепляет эмоциональную экспрессию за женщинами, считая ее ожидаемой, но признаком слабости — для мужчин. Однако в других обществах этот гендерный образец выражен не столь отчетливо или даже не существует вовсе.

В целом люди везде испытывают одни и те же основные эмоции. Но что именно возжигает отдельную эмоцию, как и где человек ее выражает и как люди определяют эмоции вообще — все это, как правило, зависит от культуры.

Источники: Ekman, 1980a, 1980b; Lutz & White 1986; Lutz, 1988

Для большинства жителей США эти выражения передают гнев, страх, отвращение, радость, удивление и печаль. Но везде ли в мире люди определяют их именно так? По результатам исследования, все люди переживают одни и те же основные эмоции и одинаково демонстрируют их другим. Однако культура играет роль в уточнении ситуаций, которые запускают ту или иную эмоцию

Невербальная коммуникация

Романист Уильям Сэнсом описывает вымышленного мистера Приди, английского туриста, прибывшего на побережье Испании:

Он старался ни с кем не встречаться глазами. Во-первых, он хотел дать ясно понять всем этим возможным сотоварищам по отпуску, что они его ни капли не интересуют. Он смотрел сквозь них, по сторонам от них, поверх них — взгляд, затерявшийся в пространстве. Пляж с тем же успехом мог пустовать. Если к нему вдруг выкатывался мяч, он выглядел удивленным; затем позволял легкой улыбке осветить свое лицо («Добродушный Приди»), оборачивался, потрясенный тем, что на пляже находятся какие-то люди; перебрасывал мяч назад с улыбкой, адресованной себе, но не *людям*...

Потом [он] свернул свое пляжное покрывало и сумку в аккуратный рулон, непроницаемый для песка («Методичный и Благоразумный Приди»); медленно встал, чтобы потянуться всем своим огромным телом («Приди-Тигр») и отшвырнул сандалии («Легкомысленный Приди») (Sanson, 1956; цит. по: Goffman, 1959; p. 4–5).

Любому стороннему наблюдателю мистер Приди без единого слова передает огромное количество сведений о себе. Этим иллюстрируется процесс **невербальной коммуникации** (с использованием вместо речи телодвижений, жестов и выражений лица).

Люди с помощью различных частей тела создают его *язык*, посредством которого сообщают информацию окружающим. Самой важной формой языка тела служат выражения лица. Улыбка передает, например, удовольствие, хотя мы различаем выверенную улыбку «Добродушного Приди» на пляже, произвольную улыбку

ку радости при встрече с другом, болезненную улыбку смущения и широкую, ничем не стесненную улыбку самодовольства, которую часто ассоциируем с котом, слопавшим канарейку.

Еще один важнейший элемент невербальной коммуникации — контакт глазами. Как правило, мы прибегаем к нему, желая завязать социальное взаимодействие. Некто, находящийся в помещении, «ловит наш взгляд», начиная беседу. Напротив, избегать взгляда другого человека значит показать, что коммуникация нежелательна. За нас говорят и руки. Распространенные в обществе жесты способны помимо прочего передавать оскорбление, требование остановиться и подвезти, приглашение присоединиться к нам или требование от других стоять на месте. Кроме того, жесты дополняют слова, произнесенные вслух. Если указать на кого-либо в угрожающей манере, то этим усилится слово предупреждения, или пожатие плечами добавляет оттенка неопределенности фразе «Я не знаю», а быстрые взмахи руками сообщают безотлагательность единственному слову: «Скоро!»

Язык тела и обман. Как известно любому актеру, исполнить свою роль в совершенстве очень трудно. В повседневном представлении непреднамеренный язык тела может противоречить смыслу, который мы рассчитываем передать. Так, подросток объясняет, почему он вернулся домой поздно, но мать сомневается в его словах, потому что он избегает смотреть ей в глаза. Кинозвезда в телевизионном ток-шоу заявляет, что в кассовом провале ее последнего фильма «нет ничего страшного», но нервное притоптывание ногой говорит о другом. С практической точки зрения тщательное наблюдение за невербальной коммуникацией (большую часть которой нелегко проконтролировать) позволяет разоблачить обман подобно тому, как детектор лжи фиксирует предательские изменения дыхания, частоты пульса, потоотделения и кровяного давления.

Взгляните на две фотографии (врезка «Сумеешь ли ты спрятать свои лживые глаза?»). Можете ли вы сказать, какая улыбка честная, а какая лживая? Распознать фальшивое представление трудно, так как ни один из жестов тела прямо не указывает на ложь. Но, поскольку любая самопрезентация сопровождается столь большим количеством выражений лица, мало кто может лгать, не допуская ошибки и не вызывая подозрений у внимательного наблюдателя. В материале врезки более подробно освещена проблема обмана в повседневной жизни.

Жесты рук различаются в культурах. И все-таки люди повсеместно определяют смехотворение, усмешку или ухмылку в ответ на чью-то самопрезентацию как указание, что этого человека не принимают всерьез. Поэтому во всем мире люди, которые не в силах сдержать свое веселье, тактично прикрывают лицо ладонью

ПРАКТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Сумеешь ли ты спрятать свои лживые глаза?

Игрокам в покер и офицерам полиции давно известно, что умелый лжец обладает реальными преимуществами. Обман — привычный элемент повседневного взаимодействия, ибо даже обычная вежливость иногда требует от нас не говорить того, что мы думаем на самом деле. Удастся ли вам определить попытку обмана со стороны другого человека? Пол Экман предлагает обращать пристальное внимание на четыре элемента представления — слова, голос, язык тела и выражение лица:

1. **Слова.** Хорошие лжецы проигрывают в уме линию поведения, но не всегда могут избежать огрешности в языке — такого, чего они не думали выразить именно так, как получилось. Например, молодой человек, который обманывает родителей, говоря, что его соседом по комнате является друг-юноша, а не любовница, может ошибочно употребить слово «она» вместо «он». Чем сложнее обман, тем скорее обманщик допустит разоблачительную ошибку.
2. **Голос.** Ключи к разоблачению обмана содержатся в тоне и формах речи, ибо их трудно контролировать. Человеку (особенно, если он старается спрятать сильную эмоцию) нелегко сделать так, чтобы голос не дрожал и не пресекался. Аналогичным образом человек может говорить быстрее (намек на гнев) или медленнее (свидетельство печали). На неладное указывает нервный смех, необоснованные паузы между словами и междометия типа «а» и «м-м».
3. **Язык тела.** Догадаться об обмане наблюдатель может и по «утечке информации», которую допускает язык тела. Сутильные телодвижения, например, создают у нас впечатление о нервозности, и то же относится к быстрому слглатыванию и учащенному дыханию. Это особенно хорошие показатели обмана, потому что контролировать их могут очень немногие. Иногда обман раскрывается, когда тело не ожидаемым образом, — если человеку, например, не удастся подкрепить слова, предполагающие волнение.
4. **Выражение лица.** Так как выражения лица тоже плохо поддаются контролю, они часто выдают фальшивое представление. Вы угадали, какое из лиц принадлежит лжецу? Если при настоящей улыбке обычно бывает расслабленное выражение, а от глаз разбегаются множество «лучиков», то притворная улыбка кажется принужденной и неестественной, с малым числом морщинок вокруг рта и глаз.

Гендерные и личные самопрезентации

Поскольку социализация женщин приводит к тому, что они становятся менее напористыми, чем мужчины, то более чутко относятся и к невербальной коммуникации. Гендерная принадлежность играет важную роль в личном представлении. Опираясь на работу Нэнси Хенли, Майкола Гамильтона и Барри Торна (Henley, Hamilton & Thorne, 1992), мы можем расширить наше представление о личном представлении, чтобы высветить значимость гендера.

Манера поведения. *Манера поведения* — ключ к личной власти. Говоря проще, властные люди наслаждаются большей свободой в своих действиях; подчиненные действуют более формально и застенчиво. Непристойные замечания, брань или водружение ног на стол бывают приемлемыми для босса, но не для секретаря. Аналогичным образом властные персоны могут перебивать других, когда пожелают, а от подчиненных ждут, что те проявят почтение и будут молчать (Smith-Lovin & Brody, 1989; Henley, Hamilton & Thorne, 1992; Johnson, 1994).

Поскольку женщины обычно занимают менее властные позиции, манера поведения является в той же мере и гендерной проблемой. Как объясняется в главе 13 («Гендерная стратификация»), в США примерно половина всех работающих женщин занята в сфере услуг или имеет дело с бумагами, что ставит их под контроль начальников — как правило, мужчин. Женщины, следовательно, выстраивают свое представление тщательнее мужчин и в ходе обыденного взаимодействия чаще подчиняются другим.

Использование пространства. Сколько места требуется для личного представления? Власть играет ключевую роль, так как использование большего пространства является признаком персональной значимости. Мужчины (в отличие от женщин) обычно распоряжаются именно таким пространством, — прохаживаются ли они туда-сюда перед аудиторией или непринужденно располагаются на пляже. Почему? В нашей культуре женственность традиционно измерялась тем, *сколь мало* пространства занимает женщина (стандарт «утонченности»), а мужественность — тем, *сколь много* места занимает мужчина (стандарт «крутизны»).

Для обоих полов понятие **личного пространства** означает *зону вокруг индивида, на частное владение которой он выказывает определенные притязания*. В США люди обычно при разговоре стоят друг от друга на расстоянии нескольких футов; на Среднем Востоке, напротив, они расположены гораздо ближе. Но, как и повсюду, мужчины привычно вторгаются в личное пространство женщин. Однако вторжение женщины в личное пространство мужчины обычно считается приглашением к сексу. В этом случае вновь оказывается, что в повседневном взаимодействии у женщин власти меньше, чем у мужчин.

Разглядывание, улыбки и прикосновения. Обмен взглядами побуждает к общению. Женщины больше, чем мужчины, стремятся поддержать такой контакт. Но у мужчин есть своя особенная манера — *разглядывание*. В понимании Хенли, Гамильтона и Торна мужчины, разглядывая женщин, притязают на доминирование и определяют их в качестве сексуальных объектов.

Улыбки, хотя они часто передают удовольствие, могут быть и признаком облегчения или подчинения. Поэтому в мире, где господствуют мужчины, женщины улыбаются чаще.

Наконец, *прикосновение* друг к другу передает интимность и заботу. Однако, если рассматривать его вне близких отношений, это нечто, что мужчины делают с женщинами (и — реже — с другими мужчинами). Врач-мужчина дотрагивается до плеча своей медсестры, когда они изучают отчет; молодой человек прикасается к талии своей подружки, когда переводит ее через улицу, а мужчина — инструктор по лыжам дотрагивается до молодых женщин в процессе обучения. В подобных случаях прикосновение может вызвать некоторую реакцию, но прилагается к тонкому ритуалу, посредством которого мужчины притязают на доминирование над женщинами.

Идеализация

В основе поведения человека лежат сложные мотивы. Но, по мнению Гоффмана, мы конструируем представление, чтобы *идеализировать* наши намерения. Так человек старается убедить других (и, возможно, себя), что в его поступках отражаются не эгоистические мотивы, а идеальные культурные стандарты.

Идеализацию легко проиллюстрировать, обращаясь к истории врачей и пациентов. В больнице врачи участвуют в представлении, которое обычно называется «обходом». Входя в палату, врач нередко останавливается в ногах больного и молча изучает историю болезни пациента. Затем между врачом и пациентом происходит короткая беседа. В идеальном смысле эта процедура означает, что медицинский работник лично навещает больного, чтобы осведомиться о его состоянии.

На самом же деле картина вовсе не столь безупречна. Бывает, что врач видит по несколько десятков пациентов в день и мало что помнит о многих из них, а потому чтение истории болезни — возможность вспомнить, как зовут пациента и чем он страдает. Если будет выявлено, насколько обезличенным оказывается такое внимание, это подорвет культурное представление о врачах как о лице, которое глубоко озабочено благополучием других.

Врачи, профессора колледжей и прочие профессионалы обычно идеализируют мотивы, побуждающие их избрать ту или иную карьеру. Они говорят, что в своей деятельности «делают вклад в науку», «помогают людям», «служат обществу» и даже «внемлют призыву Бога». Они редко признают не столь достойные, но распространенные мотивы, заключающиеся в погоне за доходами, властью, престижем и досугом, которые предоставляют эти профессии.

В более общем смысле идеализация — составная часть ритуала вежливости. Улыбаясь и любезно разговаривая с людьми, которые нам не нравятся, мы допускаем незначительную ложь, облегчающую нам осуществление социального взаимодействия. Даже когда мы подозреваем других в притворстве, вряд ли станем разрушать их представление по причинам, которые раскрываются ниже.

Смущение и такт

Лектор, приглашенный в колледж, неправильно произносит его название; сенатор встает из-за стола, чтобы держать речь, не замечая салфетки, которая так и висит у него на шее; президента тошнит на государственном обеде. Как тщательно ни планируют свои представления эти люди, происходят всяческие накладки. Результатом становится *смущение*, или дискомфорт, вытекающий из испорченного представления. Гоффман просто называет смущение «потерей лица».

В нем заключена постоянная опасность, так как, во-первых, в любом представлении обычно содержится некоторая доля лжи. И, во-вторых, в большинстве случаев оно связано с элементами, которые в бездумный момент способны поколебать предусмотренное впечатление.

Любопытным фактом является то, что аудитория обычно прощает издержки в представлении, позволяя актеру избежать смущения. Если мы указываем на изъян («Простите, но вы знаете, что у вас расстегнута ширинка?»), говорим это тихо и только затем, чтобы помочь человеку избежать еще большего конфуза. В сказке Ганса Христиана Андерсена «Новое платье короля» ребенка, который кричит, что король идет голым, бранят за грубость, хотя он говорит сущую правду.

Нередко аудитория фактически помогает выступающему исправить подпорченное представление. *Такт* означает помощь человеку в «сохранении лица». Так, услышав, как предполагаемый специалист делает на удивление неточное замечание, люди могут тактично проигнорировать реплику, как будто ее и не было. Или же приветливый смех может показать, что они расценили сказанное как шутку. Или слушатель может просто ответить: «Я уверен, что вы не это имели в виду», отмечая утверждение, но не позволяя ему разрушить представление выступающего. Памятуя об этом, мы в состоянии понять замечание Авраама Линкольна: «Такт есть умение описывать других такими, какими они сами видят себя».

Почему такт представляется настолько обычным явлением? Потому, что смущение порождает неловкость не только у выступающего, но и у всех. Подобно тому как зрителям в театре бывает неловко, когда актер забывает строчку, так и людям, которые наблюдают неуклюжее поведение, последнее напоминает о хрупкости их собственного представления. Поэтому социально сконструированная реальность выступает дамбой на пути хаотичного потока. Если что-то представление слегка подпорчено, другие тактично помогают исправить дело. В конце концов, к выстраиванию реальности прилагает руку каждый, и никому не хочется, чтобы она вдруг исчезла.

Итак, исследование Гоффмана показывает, что поведение, хотя оно в некоторых отношениях и спонтанно, оказывается шаблонным больше, чем нам хочется думать. Почти 400 лет назад Шекспир уловил эту идею в памятных строчках, которые до сих пор звучат правдиво:

Весь мир — театр,
В нем женщины, мужчины — все актеры.
У них свои есть выходы, уходы,
И каждый не одну играет роль¹.

Взаимодействие в повседневной жизни: два практических аспекта

Мы рассмотрели основные элементы социального взаимодействия. В последних разделах настоящей главы то, что мы узнали, рассматривается применительно к двум важным, но в то же время чрезвычайно разным аспектам обыденной жизни — языку и юмору.

¹ У. Шекспир. Как вам это понравится / Перевод Щепкиной-Куперник. — М.: Искусство, 1959.

Язык: гендерная проблема

Как вытекает из главы 3 («Культура»), язык — это нить, которая объединяет членов общества в символическую сеть, именуемую культурой. Язык передает не только поверхностный, но и более глубоко заложенный смысл. Один из таких глубинных уровней связан с гендерной принадлежностью. Язык отличает мужчин и женщин как минимум в трех отношениях, касающихся власти, ценности и внимания¹.

Язык и власть. Оседлав новенький мотоцикл, молодой человек гордо вырывается к дому своего приятеля и жадно спрашивает: «Разве она не красавица?» С первого взгляда кажется, что вопрос никак не касается гендера. Однако почему он, говоря о предмете своего обожания, употребляет местоимение «она», а не «он» или «это»? Ответ заключен в том, что люди часто пользуются словами для установления контроля над своим окружением. Это означает, что мужчина относит местоимение женского рода к мотоциклу (или машине, или лодке, или другому предмету) потому, что оно отражает власть *собственности*.

Еще одна властная функция языка связана с именами людей. В США и многих других странах женщина по традиции, выходя замуж, берет себе фамилию мужа. Хотя в США мало кто сочтет это явной констатацией права собственности мужчины, многие полагают, что здесь отражается такое доминирование. По этой причине все больше замужних женщин (почти 15%) сохраняют свою фамилию или оставляют себе сразу две.

Язык и ценности. В английском языке к мужскому роду обычно относится все, что имеет большую ценность, силу или значимость. Например, прилагательное *virtuous*, означающее «морально достойный» или «блистательный», происходит от лат. *vir* («муж»). Напротив, позорное слово *hysterical* («истеричный») — от древнегреч. *hyster* («матка»).

Во многих известных отношениях язык придает двум полам и разную ценность. Традиционно мужские слова — *king* («король») или *lord* («лорд, господин»), сохранили свое позитивное значение, тогда как сопоставимые с ними *queen* («королева»), *madam* и *dame* («дама, женщина») приобрели в современном употреблении негативные коннотации. Таким образом, язык одновременно отражает социальные установки и помогает их закрепить.

Аналогичным образом употребление суффиксов *-ette* и *-ess* для обозначения принадлежности к женскому роду обычно обесценивает слова, к которым они добавляются. Так, *major* («старший») стоит выше, чем *majorette* («старшая»), как и *host* («хозяин») по отношению к *hostess* («хозяйка»). И конечно, мужские группы с такими названиями, как *Los Angeles Rams*, звучат солиднее, чем женские — вроде *Radio City Music Hall Rockettes*.

Язык и внимание. Язык формирует реальность и тем, что приковывает большее внимание к мужским видам деятельности. В английском языке местоимение множественного числа *they* («они»), нейтрально в гендерном отношении. Но соответствующие местоимения единственного числа *he* («он») и *she* («она») уточняют

¹ Следующие разделы опираются в основном на работу Хенли, Гамильтона и Торна (Henley, Hamilton & Thorne, 1992). Дополнительный материал взят из работ Торна, Крамарэ и Хенли (Thorne, Kramarac & Henley, 1983) и Ромэна (Romaine, 1999).

гендерную принадлежность. В соответствии с правилами современной грамматики многие люди употребляют *he* наряду с притяжательным *his* («его») и объектное *him* («ему»), когда речь идет обо *всех* людях. Поэтому мы полагаем, что поговорка «Кто колеблется, тот пропал» частично относится не только к мужчинам, но и к женщинам. Но в этой практике также отражается культурный образец, состоящий в пренебрежении к существованию женщин.

В английском языке нет гендерно нейтрального личного местоимения 3-го лица. Однако в последние годы местоимения множественного числа *they* («они») и *them* («им») приобрели некоторое значение местоимения единственного числа (*A person should do as they please* — «Человек должен делать то, что ему нравится»). Это употребление нарушает грамматические правила, но не приходится сомневаться, что английский язык меняется, вбирая в себя такого рода нейтральные в гендерном отношении конструкции.

Помимо грамматики смешение гендера и языка наверняка останется источником непонимания между мужчинами и женщинами. В материале врезки, открывшей эту главу, где рассказывалось о Гарольде и Сибил, которым никак не удавалось отыскать дом своих друзей, лишний раз проиллюстрировано, как представители разных полов зачастую и разговаривают на разных языках.

Юмор: игра с реальностью

Юмор — важная часть обыденной жизни. Но, хотя над шутками смеются все, мало кто задумывается, почему та или иная вещь оказывается смешной или почему юмор представлен во всех мировых культурах. Для анализа природы юмора можно применить многие идеи, прозвучавшие в этой главе¹.

Основы юмора. Юмор — продукт конструирования реальности; если точнее, он происходит из контраста между двумя различными реальностями. В целом одна реальность является *общепринятой*, т. е. тем, чего люди ожидают в конкретной ситуации. Другая реальность оказывается *нетрадиционной* (неожиданным поправлением культурных образцов). Юмор, следовательно, возникает из противоречия, неоднозначности и двойного смысла, обнаруживаемых в различных определениях одной и той же ситуации. Знакомясь с материалом в рубрике «Критическое мышление», обратите внимание, как эти принципы срабатывают в газетных заголовках.

Смешать реальности и получить нечто юмористическое можно разными способами. Контраст между реальностями рождается из утверждений, противоречащих самим себе, как, например: «Ностальгия — это не то, чем она обычно бывает». Юмор может создаться при замене слов, как в высказывании Оскара Уайльда: «Работа есть проклятие пьянствующего класса». Остроту создает даже простая перестановка слогов, как получается в случае (вероятно, вымышленном) с народной песней: *I'd rather have a bottle in front of me than a frontal lobotomy*².

¹ Идеи, обсуждаемые здесь, принадлежат автору (Macdonis, 1987), если не оговорено иначе. Общий подход опирается на труды, рассмотренные в этой главе, особенно на идеи Ирвинга Гоффмана.

² Непереводимая игра слов: «Лучше бутылка передо мной, чем фронтальная лоботомия». Возможны отечественные варианты из поэзии Алексея Сычева: «Под сарабанду Сара банду обезоружила — и все»; «Напала саранча на ранчо зажиточного Самаранча» (цит. по: А. Сычев «Экзерсис»: СПб., 1999). — *Примеч. перев.*

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

«Нарочно не придумашь»: подлинные заголовки, над которыми потешаются люди

Юмор порождается смешением двух отдельных и противоположных реальностей. Здесь приведено несколько подлинных газетных заголовков. Прочтите каждый и выделите общепринятый смысл, подразумеваемый автором, а также нетрадиционную интерпретацию, которая вызывает юмор.

«Печете пирог — не забывайте о детях»

«Пьяница залетает на девять месяцев»

«Выживший из пары сиамских близнецов воссоединяется с родителями»

«Панды не спарились: за дело берется ветеринар»

«Тайфун проносится по кладбищу: сотни трупов»

«Отряд помогает при искусании собакой прохожего»

«Шахтеры отказываются работать до наступления смерти»

«За десять лет убийца дважды приговорен к смерти»

«В авиакатастрофе что-то пошло не так, как нужно»

А как считаете вы?

1. Какие ожидаемые и неожиданные значения можно указать в каждом заголовке?
2. Какие заголовки самые смешные? Почему?
3. Можете ли вы привести другие повседневные юмористические примеры?

Источник: выражаю благодарность Каю Флетчеру

Конечно, шутку можно построить иначе: комик заставляет аудиторию *ожидать* нетрадиционного ответа, но сам дает весьма и весьма заурядный. Так, когда репортер спросил у знаменитого головореза Вилли Саттона, зачем он грабил банки, тот сухо ответил: «Потому что там лежат деньги». Как бы ни была построена шутка, чем ярче противоречие между двумя определениями реальности или несоответствие их, тем смешнее получается.

Комик, когда острит, может различными способами усилить эту дистанцию. Одна распространенная техника заключается в том, чтобы в беседе с другим актером сначала выдать банальную ремарку, а затем, обратившись к аудитории, перейти к другой, неожиданной, линии. В фильме братьев Маркс Гручо оказывается в философском настроении, когда говорит: «Если не считать собаки, то лучший друг человека — это книга». После этого, понижая голос и поворачиваясь к камере, возражает: «А *внутри* у собаки так темно, что ничего не прочтешь!» Такое «переключение каналов» подчеркивает несоответствие двух частей. Следуя той же логике, сценические комедианты могут «перенастроить» аудиторию на привычные ожидания, вставив фразу «Но если серьезно, ребята...» после первой шутки и перед следующей.

Для создания наиболее яркого смыслового контраста комики тщательно следят за своим представлением — точными словами, которыми они пользуются, и временем их высказывания. Острота «удается», если комик создает острейшее противоречие меж-

ду реальностями, и точно так же при небрежном представлении юмор кажется плоским. Поскольку ключом к юмору оказывается противопоставление реальностей, мы понимаем, почему в своем кульминационном пункте шутка называется *остротой*.

Динамика юмора: «уловить шутку». Человек, который не понимает в шутке ни общепринятой, ни нетрадиционной реальности, может пожаловаться: «Я этого не понимаю». Чтобы «уловить» юмор, аудитория должна достаточно хорошо понимать обе вовлеченные реальности, чтобы оценить их различие. Но комики способны усилить остроту тем, что пропускают какой-то важный кусок информации. Поэтому аудитория должна обращать внимание на *высказанные* элементы шутки и потом самостоятельно восполнять пробелы.

В качестве наглядного примера возьмем рассуждение телепродюсера Хэла Роача по поводу своего сорокового дня рождения: «Знай я, что доживу до 100 лет, я лучше бы следил за своим здоровьем!» В данном случае понимание шутки зависит от осознания того, что Роач, должно быть, весьма усердно следил за собой, о чем и говорит его долгожительство. Или возьмем одно из высказываний У. К. Филдса: «Какой-то пролаза выдернул затычку из посуды с моим завтраком». «Прощай, завтрак!» — думаем мы про себя, чтобы закончить шутку.

Вот шутка посложнее: что получится, если у человека инсомния, дислексия и он вдобавок агностик? Ответ: человек, который всю ночь сомневается, существуют ли собаки. Чтобы понять такую шутку, нужно знать, во-первых, что инсомния означает бессонницу; во-вторых, что при дислексии человек переставляет буквы в словах; и в третьих, что агностики сомневаются в существовании Бога¹.

Зачем же аудитория должна прилагать такие усилия, чтобы понять шутку? Получаемое удовольствие усиливается от сознания того, что нам удалось разрешить загадку. Кроме того, способность понимать шутки придает ценный статус смышленного, хорошо осведомленного человека. Мы можем также понять фрустрацию в случае непонимания шутки: страх прослыть тупым плюс лишение удовольствия, которое испытывают другие. Не удивительно, что аутсайдеры в таких ситуациях иногда притворяются, будто уловили остроту, или же кто-то тактично объясняет шутку так, чтобы человек не чувствовал себя за бортом.

Но, как гласит старое присловье, если вам приходится объяснять шутку, она выйдет не очень смешной. Объяснение не только ослабляет силу языка и своевременности высказывания, от которых зависит острота, но и устраняет умственную включенность, значительно понижая удовольствие для слушателя.

Тематика юмора. Во всем мире люди смеются и улыбаются, отчего юмор становится универсальной человеческой чертой. Но по тому, что им кажется смешным, они отличаются; юмор с трудом переводим на другие языки.

1 октября, Кобе, Япония. Способны ли вы оценить шутки людей, живущих на другом конце света? За обедом я прошу двух японских коллег, женщин, рассказать мне какой-нибудь анекдот. «Вы знаете, что такое сгаюн?» — спрашивает Асако. Я киваю. «Как вы попросите сгаюн по-японски?» Я отвечаю, что понятия не имею. Она хохочет, произнося нечто, звучащее как «сгаюн, сгаюн».

¹ Игра слов: God — Бог, и dog — собака. — Примеч. перев.

² Мелок, косметический карандаш. — Примеч. перев.

*Ее приятельница Майюми тоже смеется. Мы с женой неловко сидим с деревянными лицами. Асако немного развеивает наше смущение, объясняя, что «дайте мне» по-японски будет *кигеуо* – слово, которое звучит похоже на *стауон*. Я выдавливаю улыбку.*

Таким образом, то, что кажется смешным японцу, может не показаться забавным в Китае, Ираке или США. В известной степени и социальная разнородность США означает, что разные люди находят смешными различные ситуации. Жители Новой Англии, южане и жители Запада шутят по-своему, и то же можно сказать по отношению к латиноамериканцам и американцам с англосаксонскими корнями, 15- и 40-летним, банкирам с Уолл-стрит и участникам родео с Юго-Запада.

Однако в любом случае юмор связан с тем, чему присуща двойственность смысла, или *противоречивость*. Например, первые шутки, с которыми многие из нас ознакомились в детстве, касались функций организма, являющихся культурными табу. Рассмешить малышей способно простое упоминание об «актах, о которых не принято говорить», или даже о некоторых частях тела.

Есть ли шутки, которые преодолевают культурные барьеры? Да, но они должны касаться универсальных человеческих переживаний, например предательства товарища.

Мне приходит в голову множество острот, но ни одна из них, похоже, не работает. Людям, никогда не бывавшим в США, трудно понять анекдоты об этой стране. Есть ли что-то более универсальное? Озарение: «Два приятеля идут по лесу и натываются на огромного медведя. Один нагибается завязать потуже шнурки на кроссовках. «Джейк, – говорит другой, – что ты делаешь? Тебе этого медведя не перегнать!» «Мне и не нужно обгонять медведя, – отвечает Джейк. – Мне нужно всего лишь обогнать тебя!» Улыбки со всех сторон.

Юмор и здоровье всегда были связаны. В Средние века люди употребляли слово *гуморы* (от лат. *humidus* – «влага»), понимая под ним баланс жидкостей организма, от которого зависит человеческое благополучие. Современные исследователи документально заверяют выраженную способность юмора снижать стресс и улучшать здоровье, подтверждая старую поговорку: «Смех – лучшее лекарство» (Robinson, 1983; Haig, 1988). Но в крайних случаях люди, которые воспринимают общепринятую реальность с неизменным легкомыслием, рискуют быть признанными девиантными или даже психически больными (обычный стереотип изображает душевнобольных людьми, постоянно и беспричинно смеющимися, а психиатрические больницы американцы издавна нарекли «веселыми фермами»).

Функции юмора. Юмор обнаруживается повсеместно, так как выступает предохранительным клапаном, который позволяет выйти потенциально деструктивным чувствам. Это значит, что он предоставляет возможность не быть серьезным и выразить отношение по чувствительному вопросу. Сказав нечто противоречивое, человек может также прибегнуть к помощи юмора, чтобы разрядить ситуацию простым заявлением: «Я, собственно, ничего не имел в виду: это была просто шутка!»

Аналогичным образом люди используют юмор, чтобы снять напряжение в неприятных ситуациях. В одной работе, посвященной медицинским осмотрам, было

установлено, что большинство пациентов, стремясь уменьшить нервозность, начинают шутить с докторами (Baker et al., 1997).

Юмор и конфликт. Если юмор обладает способностью расслаблять смеющихся, то его можно задействовать, чтобы навредить другим. Например, мужчины, которые рассказывают анекдоты про женщин, обычно выражают по отношению к ним некоторую долю враждебности (Powell & Paton, 1988; Benokraitis & Feagin, 1995). Таким же образом остроты в адрес гомосексуалистов обнажают напряжение, царящее в США вокруг сексуальной ориентации. Юмор часто является признаком настоящего конфликта там, где одна или обе стороны предпочитают не предавать его гласности (Primeggia & Varacalli, 1990).

«Уничижительные» шутки позволяют одной категории людей чувствовать себя хорошо за счет другой. Собрав и проанализировав шутки из различных обществ, Кристи Дэвис (Davies, 1990) заключила, что почти повсеместно одной из движущих сил, скрывающихся за юмором, оказывается конфликт между этническими группами. Типичная этническая шутка высмеивает какую-то непривилегированную категорию людей, тем самым утверждая превосходство шутника и его аудитории. С учетом англоамериканских традиций общества США поляки и другие этнические и расовые меньшинства в течение долгого времени были объектом насмешек, как происходило с ньюфаундленцами («ньюфи») в Восточной Канаде, с ирландцами — в Шотландии, с сикхами — в Индии, с турками — в Германии, с хауса — в Нигерии, с тасманийцами — в Австралии и с курдами — в Ираке.

Люди из непривилегированных слоев тоже высмеивают власть имущих, хотя обычно с некоторой осторожностью. В США женщины посмеиваются над мужчинами точно так же, как афроамериканцам смешны обычаи белых, а бедные насмешничают над богатыми. Во всем мире люди избирают своих лидеров мишенями для острот, а в некоторых странах официальные лица принимают подобные шутки всерьез, желая подавить их (ср.: Speier, 1998).

Итак, значение юмора гораздо больше, чем может показаться. Это способ умозрительного бегства от привычного мира, который никогда не соответствует полностью нашим желаниям (Flaherty, 1984, 1990; Yoels & Clair, 1995). Становится понятно, почему в США так много комиков вышло из числа угнетенных людей, включая евреев и афроамериканцев. Покуда у нас сохраняется чувство юмора, мы утверждаем свою свободу и не становимся пленниками реальности. Улыбаясь, мы хотя бы чуть-чуть изменяем себя и окружающий мир.

Резюме

1. Социальная структура обеспечивает руководящие принципы поведения, что помогает сделать повседневную жизнь предсказуемой и доступной пониманию.
2. Главным компонентом социальной структуры является статус. Внутри полного набора статусов доминирующий имеет особую важность для идентичности индивида.
3. Предписанные статусы не зависят от человеческой воли, тогда как достигнутые приобретаются. На практике большинство статусов оказываются как предписанными, так и достигнутыми.

4. Роль — динамическое выражение статуса. Несовместимые роли, сопряженные с двумя или несколькими статусами, порождают ролевой конфликт; несовместимые роли, сопряженные с одним-единственным статусом, вызывают ролевое напряжение.
5. Под «социальным конструированием реальности» понимается идея о том, что мы выстраиваем социальный мир через наше взаимодействие с другими.
6. Теорема Томаса гласит, что ситуации, определенные как реальные, становятся таковыми в своих последствиях.
7. Этнометодология вскрывает допущения и представления людей об их социальном мире.
8. Драматургический анализ рассматривает повседневную жизнь как театральное представление, показывая, что люди стараются создать конкретные впечатления в сознании других.
9. Власть общества влияет на представление. Это одна из причин того, что поведение мужчин обычно отличается от женского.
10. Повседневное поведение опасно для человека вероятностью смущения или «потери лица». Чтобы предотвратить срыв чужого представления, люди ведут себя тактично.
11. Языковые средства имеют жизненно важное значение для процесса социального конструирования реальности. Они неодинаково определяют мужчин и женщин — как правило, демонстрируя преимущество первых.
12. Юмор проистекает из разницы между общепринятым и нетрадиционным определением ситуации. Поскольку он служит элементом культуры, жители разных стран находят забавными несхожие ситуации.

Основные понятия

Доминирующий статус — статус, имеющий особое значение для социальной идентичности и часто выстраивающий всю жизнь индивида.

Достигнутый статус — социальное положение, которое индивид занимает по своему выбору и которое отражает его личные способности и успехи.

Драматургический анализ — термин Ирвинга Гоффмана для изучения социального взаимодействия с точки зрения театрального представления.

Личное пространство — зона вокруг индивида, на частное владение которой он выказывает определенные притязания.

Невербальная коммуникация — коммуникация с использованием вместо речи телодвижений, жестов и выражений лица.

Предписанный статус — социальное положение, которое индивид приобретает при рождении или потом — невольно — в жизни.

Ролевое напряжение — напряжение между ролями, закрепленными за отдельным статусом.

Ролевой конфликт — конфликт между ролями, соответствующими двум или нескольким статусам.

Ролевой набор — ряд ролей, закрепленных за отдельным статусом.

Роль — поведение, ожидаемое от некоего лица с определенным статусом.

Самопрезентация — старание индивида оставить особое впечатление о себе в сознании других.

Социальное взаимодействие — процесс, посредством которого люди действуют и реагируют по отношению к другим.

Социальное конструирование реальности — процесс, посредством которого люди творчески формируют реальность с помощью социального взаимодействия.

Статус — социальное положение, занимаемое индивидом.

Статусный набор — все статусы, которыми индивид обладает в данное время.

Теорема Томаса — утверждение У. И. Томаса, согласно которому ситуации, определяемые как реальные, реальны по своим последствиям.

Этнометодология — термин Гарольда Гарфинкеля для изучения пути, которым люди осмысливают свое обыденное окружение.

Вопросы для размышления

1. Подумайте, как инвалидность может быть доминирующим статусом. Какие допущения свойственно делать людям относительно умственных способностей лиц, признанных инвалидами из-за физических проблем, например с церебральным параличом? Какие допущения делаются насчет сексуальности индивида?
2. Слово *conversation* (разговор, беседа) имеет тот же корень, что и религиозный термин *convert* (новообращенный), из чего следует, что мы общаемся, ожидая изменения со стороны всех участников. В каком же смысле добропорядочная беседа требует открытой исповедальности от всех собеседников?
3. Джордж Джин Натан однажды съязвил: «Я пью лишь затем, чтобы сделать других людей интересными». Что это значит с точки зрения конструирования реальности? Можете ли вы выделить элементы юмора в этом заявлении?
4. Вот шутка о социологах: «Вопрос: сколько нужно социологов, чтобы заменить лампочку? Ответ: ни одного, потому что с ней все в порядке; нужно менять *систему!*» Что смешного в этой шутке? Какие люди поймут ее сразу? Какие, скорее всего, не поймут? Почему?

Группы и организации

Много лет назад, в 1948 г., жители Пасадены, штат Калифорния, не обратили большого внимания на открытие нового ресторана. И все же в дальнейшем малый бизнес, владельцами которого были братья Морис и Ричард Мак-Дональды, не только заметно изменил ресторанный индустрию; была введена новая организационная модель, скопированная в бесчисленных предприятиях всех мыслимых разновидностей. Главная идея братьев Мак-Дональдов, которая сегодня называется «фаст-фуд» (быстрое питание), – быстрое и недорогое обслуживание больших масс людей. Братья выучили персонал выполнять четко специализированные действия так, чтобы один человек жарил гамбургеры, а другие их «упаковывали», готовили картофель фри, смешивали молочные коктейли и подавали еду заказчикам, работая по конвейерному методу.

Шли годы, братья Мак-Дональды преуспевали и решили переместить свой единственный ресторан из Пасадены в Сан-Бернардино. Именно там в 1954 г. им нанес визит Рэй Крок, странствующий торговец смесителями и миксерами.

Крок был захвачен эффективностью придуманной братьями системы и разглядел возможность создания целой сети ресторанов быстрого питания. Все трое, став партнерами, составили план. Однако вскоре Крок выкупил *McDonalds* и сделался одним из людей, чья биография стала историей величайшего успеха всех времен. На сегодняшний день около 28 тыс. ресторанов *McDonalds* приготовили свыше 150 млрд гамбургеров в США и в 120 других странах мира.

Успех Мак-Дональдов доказывает не только популярность гамбургеров. Еще важнее роль ресторанов *McDonalds* в утверждении по всему миру принципов, которых придерживается компания (Ritzer, 1993, 1998, 2000).

Начнем с анализа *социальных групп*, ячеек людей, с которыми мы имеем дело в повседневной жизни. Как станет понятно, в XX в. рамки групповой жизни чрезвычайно расширились. Будучи вращенным в узких границах мира семьи, соседских отношений и сферы мелкого бизнеса, американское общество стало постепенно другим: возникли крупный бизнес и прочие бюрократические образования, которые социологи именуют *формальными организациями*. В этой главе предстоит осмыслить механизм расширения этих масштабов и их значение для нас как индивидов.

Социальные группы

Каждый человек стремится обрести чувство принадлежности к целому, выражающееся в опыте групповой жизни. **Социальная группа** образуется *двумя или большим числом людей, которые идентифицируют себя друг с другом и взаимодействуют.*

Будучи людьми, мы являемся членами групп, которые могут быть большими и малыми, временными или длительно существующими. США считаются страной, где люди в особенности склонны образовывать группы, связанные родством, наследством или каком-либо интересом

Люди объединяются в пары, семьи, становятся друзьями, собираются в церкви, образуют клубы, деловые предприятия, являются соседями и составляют крупные организации. Вне зависимости от формы группа возникает из людей с общими опытом, объектами симпатий и интересами. Иными словами, участники социальных групп, сохраняя свою индивидуальность, также видят в себе особое «мы».

Не каждое собрание индивидов можно назвать группой. Люди с одинаковым статусом — женщины, домовладельцы, гомосексуалисты, солдаты, миллионеры и католики — вовсе не группы, это *категории*. Они, хотя и знают других людей с таким же статусом, все-таки с большинством из них незнакомы.

А как насчет студентов, собравшихся в лекционном зале, или купальщиков, жарким днем заполнивших пляж? В таких условиях отдельные люди могут общаться, но лишь с немногими. Эти временные собрания людей лучше назвать *толпой*. В целом толпы отличаются анонимностью и недолговечностью, чтобы считаться группами.

Однако надлежащие обстоятельства способны преобразовать толпу в группу. Если люди застревают в лифте, они обычно признают беду общей и обращаются друг к другу за помощью. Иногда устойчивые связи возникают после несчастий и катастроф.

Первичные и вторичные группы

Знакомые обычно приветствуют друг друга улыбкой и словами: «Привет! Как дела?» Ответ на это, как правило, таков: «Прекрасно, спасибо. А у тебя?» Подобные слова чаще предписаны сценарием, нежели оказываются правдой. В большинстве случаев детальный рассказ об *истинном* положении своих дел заставит людей почувствовать себя настолько неловко, что они поспешат ретироваться.

Социологи выделяют два типа социальных групп — в зависимости от степени искренней личной заинтересованности участников друг в друге. Согласно Чарльзу Хортону Кули (1864–1929), *первичной* является *малая социальная группа, члены которой связаны личными и длительными отношениями*. Сближаясь благодаря *первичным отношениям*, люди обычно проводят много времени вместе, занимаются множеством дел и чувствуют, что хорошо знают друг друга. Невзирая на периодические конфликты, члены первичных групп проявляют подлинную заботу о взаимном благополучии. Самой важной первичной группой общества выступает семья.

Кули назвал эти личные и тесно сплоченные группы именно так, потому что они принадлежат к числу первых групп, с которыми мы встречаемся в жизни. Кроме того, семья и начальные игровые группы имеют первостепенную важность для процесса социализации, формируя установки, поведение и социальную идентичность.

Первичные отношения дарят людям ощущение безопасности. В привычном социальном кругу семьи или друзей человек знает, что может быть «самим собой», не заботясь о впечатлении, которое он производит.

Члены первичных групп помогают друг другу во многих отношениях, но взаимоотношения воспринимают как самоцель, не считая их средством для достижения какой-либо иной цели. Иными словами, мы предпочитаем считать, что родство и дружба связывают людей. Кроме того, члены первичной группы склонны считать друг друга уникальными и незаменимыми. В семье мы особенно преданы и эмоционально привязаны к родственникам. Бывает, что братья и сестры не ладят между собой, но они всегда остаются близкими людьми.

Вторичная группа — это крупная и обезличенная социальная группа, члены которой преследуют определенную цель или занимаются определенной деятельностью. Она, в общем, совершенно отличается от первичной. *Вторичные отношения* сопровождаются слабыми эмоциональными связями и незначительным личным знакомством. Большинство вторичных групп недолговечно, а их возникновение и исчезновение не представляют особой важности. Образчиками таковых выступают, к примеру, студенты, изучающие курс социологии, которые, наверное, никогда больше не увидят многих из своей компании по окончании семестра.

Вторичные группы включают намного больше людей, чем первичные. Так, десятки и даже сотни человек работают вместе в одном офисе, но большинство из них почти не обращают внимания на окружающих. В некоторых случаях вторичная группа со временем может превратиться в первичную, как это происходит, когда сослуживцы на протяжении многих лет работают в одном офисе. Но в целом члены вторичной группы не воспринимают себя как «мы».

Если члены первичных групп ориентированы *на личность*, то вторичных — *на цель*. Безусловно, это не означает, будто последний вариант предполагает враждебность или холодность. Взаимодействие студентов, сослуживцев и деловых партнеров зачастую оказывается замечательным, даже если оно обезличенное. Однако если люди, составляющие первичную группу, определяют себя соответственно тому, *кто* они в родственном отношении или по личным качествам, то во вторичных группах главное, *что из себя представляет* другой или что он способен сделать. Иными словами, в последнем случае люди «ведут счет», памятуя о том, что они дают другим и что получают взамен. Такая ориентация на цель предполагает

особое поведение: члены вторичной группы обычно держатся официально и вежливо. Поэтому в подобной ситуации мы спрашиваем: «Как дела?» — не ожидая услышать правдивый ответ.

В табл. 7.1 суммированы особенности первичных и вторичных групп.

Таблица 7.1

Первичные и вторичные группы: резюме

	Первичная группа	Вторичная группа
Качество отношений	Ориентация на личность	Ориентация на цель
Длительность отношений	Обычно продолжительные	Разная; отношения часто непродолжительны
Диапазон отношений	Широкий; отношения обычно связаны со многими делами	Узкий; отношения обычно связаны с немногими делами
Субъективное восприятие отношений	Являются целью сами по себе	Являются средством для достижения цели
Типичные примеры	Семья, круг друзей	Служивцы, политические организации

Не забывайте, что эти черты определяют группы в идеале; реальные же группы включают и те и другие элементы. Но расположение таких понятий на разных полюсах континуума помогает нам описывать и анализировать жизнь групп.

Многие люди считают, что в маленьких городах и сельской местности царят преимущественно первичные отношения, а для больших городов более характерны вторичные связи. Это представление во многом верное, но некоторые городские районы — особенно населенные людьми из одной этнической или религиозной категории — отличаются тесной сплоченностью проживающих там.

Лидерство в группе

Как функционируют группы? Важным элементом групповой динамики оказывается лидерство. Во многих маленьких дружеских группах лидера нет вовсе, но в большинстве крупных вторичных групп существует официальный ряд начальников.

Две роли лидеров. Существуют две разновидности лидерства. **Инструментальное лидерство** представляет собой *руководство группой, которое сосредоточивается на выполнении задач*. Члены группы рассчитывают на таких лидеров, надеясь, что дела окажутся выполнены. **Экспрессивное лидерство** — *руководство группой, фокусирующееся на коллективном благополучии*. Этих лидеров интересует не столько достижение целей, сколько укрепление групповой морали и сведение к минимуму напряжения и конфликтов между членами группы.

Инструментальные лидеры, поскольку они сосредоточены на успешном выполнении деятельности, обычно поддерживают с другими членами официальные (вторичные) отношения. Отдают приказы и поощряют или наказывают подчиненных в соответствии с их вкладом в групповую деятельность. Экспрессивные лидеры устанавливают более теплые личные (первичные) связи. Они готовы поддержать того, кто переживает тяжелые времена, способствуют сплочению группы и снимают напряжение шутками. Если инструментальный лидер предпочитает получить

уважение в глазах членов группы, то экспрессивному, как правило, удается снизить больше личной *симпатии*.

В традиционной американской семье два типа лидерства связаны с гендерной принадлежностью. Исторически сложилось так, что культурные нормы возлагали инструментальное лидерство на мужчин, которые как отцы и мужья принимали на себя основную ответственность за финансовое обеспечение семьи и принятие важных семейных решений. Экспрессивное лидерство традиционно выпадало на долю женщин: матери и жены стремились установить между членами семьи взаимоотношения согласия и взаимной поддержки. В результате дети больше уважали отцов, но теснее привязывались к матерям (Parsons & Bales, 1955; Macionis, 1978a).

Равенство мужчин и женщин сглаживает разграничение между инструментальным и экспрессивным лидерством, основанном на гендере. В большинстве современных групп мужчины и женщины берут на себя обе роли лидеров.

Три стиля лидерства. Социологи характеризуют лидерство и с точки зрения стиля, в котором принимаются решения. *Авторитарное лидерство* фокусируется на инструментальных соображениях, предполагает личную ответственность за принятие решений и требует строгого подчинения от нижестоящих. Хотя оно может и не нравиться группе, авторитарный лидер, способный действовать быстро, высоко ценится в периоды кризиса.

Демократическое лидерство более экспрессивно и ставит целью вовлечь в процесс принятия решений всех. Несмотря на менее успешные действия в кризисные периоды, которые оставляют мало времени для дискуссий, демократические лидеры обычно опираются на идеи всех членов группы, чтобы выработать творческое решение проблем.

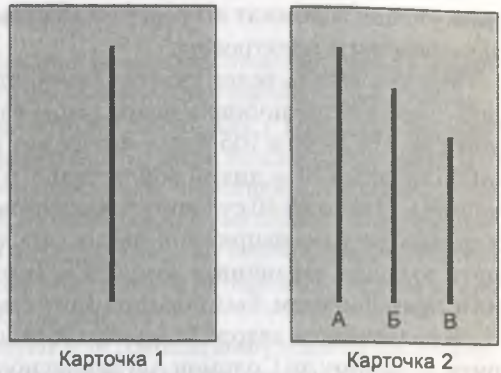
Лидерство tunc laissez-faire (nonустановительского, отстраненного tunc) (в переводе с французского приблизительно означает «оставить в одиночестве») позволяет группе функционировать в целом самостоятельно. Для достижения групповых целей этот стиль обычно бывает наименее эффективным (White & Lippitt, 1953; Ridgeway, 1983).

Групповая конформность

Группы влияют на поведение своих членов и способствуют конформности. «Вписанность» дает надежное ощущение принадлежности к коллективу, однако в своих крайних проявлениях групповой прессинг может быть неприятным и порой опасным. Более того: даже незнакомые друг с другом люди способны усилить конформность, как это показали эксперименты Соломона Аша и Стенли Милгрэма.

Исследование Аша. Соломон Аш (Asch, 1952) выполнил классический эксперимент, продемонстрировавший могущество групп в создании конформности. Автор набирал студентов якобы для изучения зрительного восприятия. Перед началом эксперимента он объяснил всем членам малой группы, кроме одного, что их подлинная задача заключена в том, чтобы оказывать давление на остающегося в неведении индивида. Рассаживая по 6–8 студентов вокруг стола, исследователь показывал им «стандартную» линию (карточка 1 на рис. 7.1) и предлагал ответить, какой из линий на карточке 2 она соответствует.

Рис. 7.1. Карточки, использованные в эксперименте Аша при изучении групповой конформности. Источник: Asch, 1952

Любому человеку с нормальным зрением легко было сразу увидеть, что правильным ответом является линия «А» на карточке 2. Поначалу, как и задумывалось, все отвечали верно. Однако потом тайные сообщники Аша начинали отвечать неправильно, подвергая наивного субъекта (посаженного за стол так, чтобы его ответ был предпоследним) в изумление и неловкость.

Что же происходило? Аш обнаружил, что одна треть всех субъектов подлаживалась к другим, давая неправильные ответы. Из этого недвусмысленно следует, что многие из нас готовы отказаться от собственного мнения — лишь бы не отличаться от остальных, даже незнакомых, людей.

Исследование Милгрэма. Стенли Милгрэм, бывший студент Соломона Аша, предпринял свои собственные эксперименты по изучению конформности. В его спорном исследовании (Milgram, 1963, 1965; Miller, 1986) автор объяснял мужчинам, что они примут участие в опыте по изучению влияния наказания на научение. Одному субъекту за другим он поручал исполнять роль «учителя», а еще одного человека — на самом деле помощника ученого — помещал в соседнюю комнату в качестве «ученика».

Учитель смотрел, как ученика усаживают в хитроумное устройство, похожее на электрический стул. Исследователь смазывал запястье ученика гелем для электродов, объясняя, что это «защитит его от ожогов». Затем исследователь прикреплял к запястью электрод и затягивал кожаные ремни, говоря, что они «воспрепятствуют излишним движениям, когда ученика подвергнут электрошоку». Хотя процедура ожидалась болезненная, исследователь заверял учителя в том, что она не вызовет «необратимого поражения тканей».

Затем исследователь отводил учителя обратно в соседнюю комнату, объясняя, что «электрический стул» соединен с «шоковым генератором» — фиктивным, но правдоподобного вида прибором, на котором значилась надпись: «Электрошоковый генератор, тип "ZLB", приборостроительная компания *Dyson Instrument Company, Waltham, Mass.*». Сверху был диск, который якобы регулировал напряжение в диапазоне от 15 В («легкий шок») до 300 («сильный шок») и 450 В («опасно: предельно допустимый шок»)

Посаженому перед «шоковым генератором» учителю велели зачитывать вслух пары слов. Затем он должен был повторять первое слово из каждой пары и ждать,

пока ученик вспомнит второе. При каждом неправильном ответе учитель был обязан применить электрошок.

Исследователь велел учителю начинать с самого слабого шока (15 В) и с каждой ошибкой увеличивать напряжение еще на 15 единиц. Именно так и поступал учитель. На 75, 90 и 105 В он слышал, как ученик стонет; при 120 раздавались крики боли; при 270 — дикий вопль; при 315 — битье о стену; после этого — мертвая тишина. Никто из 40 субъектов, выступивших в роли учителя, даже не усомнился в процедуре, пока напряжение не достигало 300 В, а 26 — почти $\frac{2}{3}$ — проходили весь путь до конца, заканчивая дело 450 В. Готовностью, с которой люди повиновались властным фигурам, был поражен даже сам Милгрэм.

В дальнейшем автор (Milgram, 1964) модифицировал свой опыт, чтобы проверить, не потому ли Соломон Аш зафиксировал столь высокую групповую конформность, что задание, использованное для измерения последней, было тривиальным? Сумели бы принудить людей к применению электрошоков еще и группы, состоящие из обычных лиц, — персон, не облеченных властью?

На сей раз Милгрэм собрал группу из трех учителей, двое из которых были его помощниками. При ошибке ученика каждый из трех должен был предложить уровень напряжения; после чего группе следовало применить *самое низкое* напряжение из предложенных. Такая организация процесса вооружала наивного субъекта властью применять шок меньшего напряжения, независимо от предложений других.

С каждой ошибкой «подсадные утки» предлагали применять все большее напряжение, оказывая давление на третьего участника, чтобы он поступил так же. И, по сути, они преуспели. Субъекты прибегали к напряжению втрое и вчетверо выше того, что применяли те, кто действовал в одиночку, в контрольных условиях. Таким образом, следует, что люди склонны действовать по указке не только «фигур, облеченных законной властью», но и групп, состоящих из обычных индивидов, — даже в случаях, когда это связано с причинением вреда другому человеку.

Исследование Джениса. Ирвин Л. Дженис (Janis, 1972, 1989) утверждает, что групповому давлению уступают и специалисты. Дженис настаивает, что ряд ошибок внешнеполитического ведомства США, включая неспособность предвидеть нападение японцев на Перл-Харбор в годы Второй мировой войны и неудачную войну во Вьетнаме, стал результатом групповой конформности в высших политических кругах.

Здравый смысл подсказывает нам, что групповая дискуссия способствует принятию решений. Дженис возражает; согласно этому автору, члены группы часто стремятся к консенсусу, который исключает иные точки зрения. Исследователь назвал этот процесс **групповым мышлением**, понимая под ним *тенденцию к согласованности между членами группы, что приводит к узкому взгляду на тот или иной вопрос*.

В 1961 г. классическим образчиком группового мышления оказалось решение о вторжении на Кубу. Вспоминая этот факт, Артур Шлезингер-младший, советник президента Кеннеди, признался, что испытывает чувство вины, поскольку «вел себя столь сдержанно в процессе тех роковых кабинетных дискуссий». И добавляет: группа одергивала любого, кто пытался оспорить то, что Шлезингер назвал «бессмыслицей» (цит. по: Janis, 1972; p. 30, 40).

Референтные группы

Как мы оцениваем свои установки и поведение? В этом нам помогает **референтная группа** — *социальная группа, которая служит эталоном при оценках и решениях.*

Юноша, воображающий реакцию своей семьи на женщину, с которой он встречается, задействуют семью в качестве референтной группы. Аналогичным образом начальник, который пытается выявить реакцию своих подчиненных на новую отпусчную политику, принимает их в качестве стандарта, на который он опирается. Как следует из этих примеров, референтные группы бывают первичными и вторичными. В любом случае наша потребность в конформности означает, что мы находимся под сильнейшим влиянием чужих установок.

В качестве референтных люди используют и те группы, к которым *не* принадлежат. Хорошо подготовиться к интервью при приеме на работу — значит, одеться так же, как и сотрудники намеченной компании. Приведение себя в соответствие группам, в которые мы не входим, как стратегию, направленную на принятие, иллюстрирует процесс *опережающей социализации*, описанный в главе 5 («Социализация»).

Исследование Стоиффера. В годы Второй мировой войны Сэмюел А. Стоиффер (Stouffer, 1949) выполнил классическое исследование динамики референтной группы. Исследователи просили солдат оценить свои шансы или же любого другого солдата получить повышение в подразделении. Предполагалось, что наибольший оптимизм по поводу продвижения по службе обнаружится у солдат, занятых на хозяйственных должностях и относящихся ко вспомогательным командам, где повышения не редкость. Однако исследование Стоиффера выявило прямо противоположное: оказалось, что наиболее позитивно на свои шансы выдвинуться смотрели солдаты из воинских подразделений с низким процентом повышений.

Ключом к пониманию таких результатов оказываются группы, на которые равнялись военные, оценивая себя. Те, что были приписаны к подразделениям, где повышения происходили нечасто, оглядывались вокруг и видели людей, которые также не продвинулись. Следовательно, хотя они не получили повышения сами, его не добились и другие, а потому первые не чувствовали себя обделенными. Перед глазами же солдат из подразделений, в которых отмечался высокий процент повышений, стояли те, кто поднимался по карьерной лестнице быстрее, чем они. В таком случае даже военные, получившие повышение в звании, наверняка считали, что их обошли.

Урок, который следует вынести из сказанного, состоит в том, что суждения о себе самих мы выносим не в изоляции; не сравниваем мы себя и с первыми попавшимися людьми. Будучи независимыми от ситуации *в абсолютном смысле*, у нас формируется субъективное ощущение своего благополучия, когда мы сопоставляем себя с конкретными референтными группами (Merton, 1968; Mirowsky, 1987).

Ин-группы и аут-группы

Все мы предпочитаем какие-то одни группы другим — либо в силу политических взглядов, либо из соображений социальной престижности, а то и просто с оглядкой на манеру одеваться. Так, в кампусе колледжа возможна ситуация, когда студенты, придерживающиеся левых взглядов, презируют тех своих сверстников, которых они считают консервативными. Греки, в свою очередь, пренебрежительно

относятся к компьютерным «занудам» и «зубрилам», которые работают слишком усердно. Без сравнительной смеси позитивных и негативных оценок не обходится почти ни один социальный ландшафт.

Подобными суждениями иллюстрируется еще один элемент групповой динамики: противопоставленность ин- и аут-групп. **Ин-группой** называется *социальная группа, сообщающая своим членам чувство достоинства и преданности*. Она увязана с **аут-группой**, под которой понимается *социальная группа, выступающая объектом соперничества или оппозиции*. Ин- и аут-группы базируются на той идее, что «мы» обладаем ценными чертами, которых нет у «них».

Напряжение, царящее между группами, яснее очерчивает их границы и дарует людям более точную социальную идентичность. В то же время данная групповая динамика формирует стереотипы и искажает реальность. Точнее говоря, члены ин-групп придерживаются, как правило, позитивных взглядов на себя и неоправданно негативных взглядов — на разнообразные аут-группы.

Свою роль играет и власть. Могущественные ин-группы способны определять других как аут-группу с низшим статусом. Так, белые люди исторически взирали на цветных именно так и подчиняли их себе в социальном, политическом и экономическом отношениях. Интернализуя эти установки, меньшинства вынуждены бороться за преодоление негативных образов «Я». Иными словами, ин- и аут-группы воспитывают лояльность, но порождают конфликт (Tajfel, 1982; Bobo & Hutchings, 1996).

Размеры группы

Если вы приходите на вечеринку первым, то оказываетесь в положении, позволяющем наблюдать кое-какую любопытную групповую динамику. До тех пор пока в комнате не соберется 6 человек, все присутствующие обычно поддерживают одну общую беседу. Но когда прибывают новые люди, группа вскоре разделяется на две или более ячейки. Размеры группы играют важную роль в характере взаимодействия ее членов.

Чтобы уяснить влияние таковых, рассмотрим количество связей между людьми — от 2 до 7. Как видно из рис. 7.2, два человека образуют одну связь; появление третьего создает три связи, а четвертого — шесть.

Увеличение количества участников на одного умножает число взаимосвязей намного быстрее, так как каждый новый человек может общаться уже со всеми присутствующими. Поэтому в момент, когда вокруг одной темы объединяются семь человек, они соединены 21 «каналом». На этом этапе при наличии такого количества открытых каналов группа, как правило, разделяется.

Диада. Немецкий социолог Георг Зиммель (1858–1918) изучал социальную динамику в предельно малых группах. Чтобы обозначить *социальную группу из двух членов*, он (Simmel, 1950; 1-е изд. — 1902) воспользовался термином **диада**.

Зиммель объяснил, что в диаде социальное взаимодействие обычно бывает интенсивнее, чем в больших группах, поскольку ни одному из членов не приходится делить внимание другого с кем-то еще. В американском обществе примеры диады — это любовные отношения, брак и тесная дружба.

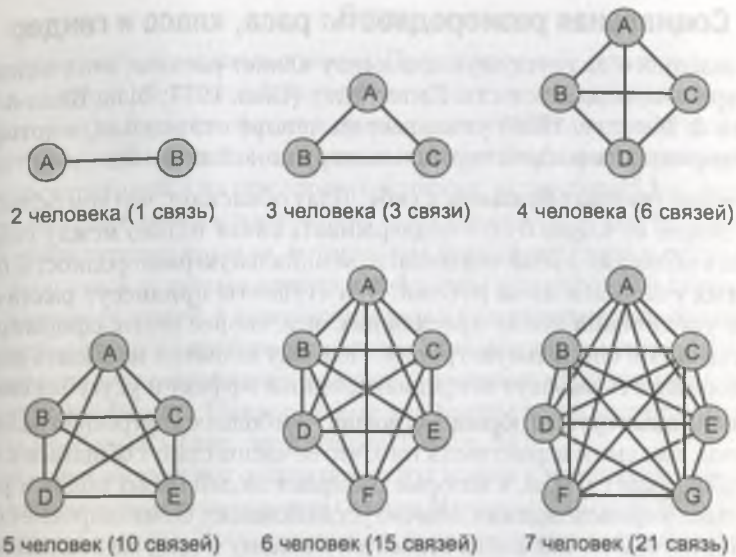

Рис. 7.2. Размеры группы и взаимосвязи ее членов

Но, подобно стулу с двух ножках, диады неустойчивы. Обоим членам диады приходится потрудиться над сохранением взаимосвязи; если один выпадает, группа прекращает существование. Поскольку устойчивость брака важна для общества, диада супружеская поддерживается правовыми, экономическими и часто религиозными узами.

Триада. Помимо диады Зиммель изучал и **триаду** — социальную группу из трех членов. Она предполагает три связи, каждая из которых объединяет двух человек из трех. Триада устойчивее диады, так как один участник может выступать в качестве посредника при напряжении отношений между двумя другими. Такая групповая динамика позволяет понять, почему члены диады (скажем, супружеская пара) нередко обращаются к третьему (консультанту), чтобы снять возникшее между ними напряжение.

Вместе с тем два человека из троих могут объединиться, чтобы навязать свои взгляды третьему, или же двое могут интенсифицировать свои отношения, заставляя третьего чувствовать себя вне игры. Когда, например, у двоих из тройки развивается романтический интерес друг к другу, они начинают понимать смысл старой поговорки: «Двое — компания, трое — толпа».

Когда численность групп превышает трех человек, они становятся устойчивее и способны выживать, даже если лишаются нескольких своих членов. В то же время процесс разрастания ведет к тому, что сокращается интенсивное личное общение, возможное лишь в самых малых группах. Поэтому большие группы основываются не на личной привязанности, а скорее на формальных правилах и установлениях. В конце концов, их многочисленные участники позволяют активнее контактировать с внешним миром, открывая дверь новым установкам и поведению (Carley, 1991).

Социальная разнородность: раса, класс и гендер

Помимо сказанного на групповую динамику влияет расовая, этническая, классовая и гендерная принадлежность. Питер Блау (Blau, 1977; Blau, Blum & Schwartz, 1982; South & Messner, 1986) указывает на четыре отношения, в которых социальная разнородность воздействует на межгрупповой контакт:

1. **Крупные группы обращены к себе.** Блау объясняет, что чем больше группа, тем скорее ее члены будут поддерживать связи только между собой. Допустим, в колледже пытаются повысить социальную разнородность, приглашая многих учащихся из-за рубежа. Эти студенты привнесут различия, но по мере увеличения числа приехавших они, скорее всего, сформируют свою собственную социальную группу. Поэтому попытки повысить социальную разнородность вызовут непреднамеренный эффект и усугубят сепаратизм.
2. **Гетерогенные группы обращены вовне.** Чем больше внутренняя разнородность группы, тем выше вероятность того, что ее члены станут общаться с чужаками. Студенческие группы, в которые набирают людей обоих полов и разного социального происхождения, обычно устанавливают более широкие социальные контакты, чем те, чьи члены относятся к одному и тому же социальному типу.
3. **Социальное равенство облегчает контакты.** Если группы имеют одинаковое социальное положение, их члены охотнее вступают во взаимодействие друг с другом. Таким образом, замкнутость группы обусловлена числом групп, которые образуют социальную иерархию.
4. **Физические границы порождают социальные.** Склонность членов группы взаимодействовать с другими людьми уменьшается в той степени, в какой социальная группа физически обособляется от остальных (имеет, например, отдельную спальню и столовую).

В современных кампусах ценят социальную разнородность. Но возникает проблема: как гарантировать, что все категории учащихся окажутся полноценно интегрированными в жизнь учебного заведения. Сделать это не всегда легко. Согласно теории Блау о групповой динамике, с увеличением численности студентов, принадлежащих к меньшинствам, эти мужчины и женщины способны сформировать свою собственную группу и, вероятно, ослабить взаимодействие с другими.

Сети

Сеть — паутина слабых социальных связей. Представьте себе сеть в виде «расплывчатой» группы, состоящей из людей, которые вступают друг с другом в случайный контакт, но у которых нет чувства границ и принадлежности. Если группу возможно сравнить с «кругом друзей», то сеть — с «социальной паутиной», расширяющейся вовне и зачастую простирающейся на огромные расстояния, включающей массы людей.

Некоторые сети близки к тому, чтобы стать группами, — так, например, можно сказать об институтских друзьях, которые поддерживают связь и после окончания обучения, пользуясь услугами электронной почты и телефонной связи. Чаще, однако, сеть включает людей, о которых мы знаем или которые знают о нас, но с кем мы общаемся редко, если вообще общаемся. Одна женщина с устоявшейся репутацией общественного организатора говорит об этом так: «Мне звонят домой, кто-то спрашивает: “Это Розинн Наварро? Кое-кто посоветовал мне обратиться к вам. У меня есть проблема”» (цит. по: Kaminer, 1984; p. 94).

Сетевые связи заставляют ощутить, что мы живем в маленьком мире. Еще в одном своем классическом эксперименте Стенли Милгрэм (Milgram, 1967; Watts, 1999) вручал людям в Канзасе и Небраске письма, предназначенные для нескольких человек в Бостоне, которых первые не знали. Адресов не было, и участникам поручали направить письма другим людям, их личным знакомым, которые могли бы найти адресатов. Милгрэм выяснил, что письма доходили до нужного человека по цепочке, состоявшей в среднем из 6 субъектов. Этот результат привел исследователя к мысли, что все люди отстоят друг от друга «на шесть ступеней разделения».

Сетевые связи бывают слабыми, но они могут быть могущественным ресурсом. Для иммигрантов, которые стараются обжиться в новой общине; деловых людей, стремящихся расширить свою деятельность, или для человека, ищущего работу, те, кого они знают, зачастую оказываются не менее важными, чем то, что они знают (ср.: Luo, 1997; Hagan, 1998; Petersen, Sapotra & Seidel, 2000).

Сети опираются на колледжи, клубы, соседей, политические партии и интересы индивида. Очевидно, что в некоторых сетях присутствуют люди, которые богаче других и наделены большими властью и престижем, — говорят «надежные связи». Сети, состоящие из более привилегированных категорий людей, включая белых, по сравнению с афро- и латиноамериканцами, представляют собой более ценную форму «социального капитала», который, например, скорее позволит людям из этих категорий занимать высокооплачиваемые должности (Kasinitz & Rosenberg, 1996; Green, Tigges & Diaz, 1999).

Кроме того, у некоторых людей сети обширнее, чем у других; они, таким образом, контактируют с большим числом лиц. Как правило, самые широкие социальные сети включают молодых людей с хорошим образованием, проживающих в больших городах (Markovsky et al., 1993; Kadushin, 1995; O'Brien, Hassinger & Dershem, 1996; Fernandez & Weinberg, 1997; Podolny & Baron, 1997).

Сети формируются и по гендерному признаку. Хотя обычно мужские и женские одинаковы по величине, женщины подключают большее число родственников (и других женщин), а мужчины — сослуживцев (и других мужчин). По данным исследования, для женских связей характерен другой оттенок, чем для типичных сетей «друзей-приятелей». Однако все равно с приближением к гендерному равен-

ству в США мужские и женские сети становятся более похожими между собой (Moore, 1991, 1992; Wright, 1995; Mencken & Winfield, 1999; Reskin & McBrier, 2000).

Наконец, новая информационная технология породила всемирную сеть беспрецедентных размеров, — Интернет. Эта форма коммуникации XXI в. подробнее рассматривается в разделе «Интернет: Всемирная сеть», а на карте мира 7.1 можно увидеть доступность услуг интернета в мировом масштабе¹.

ГЛОБАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Интернет: Всемирная сеть

Его зарождение напоминает сюжет фильма «Dr. Strangelove», популярного в 1960-х гг., в годы «холодной войны». 30 лет назад правительственные чиновники и ученые пытались вычислить, как управлять страной после атомного нападения, которое, по их мнению, должно было вывести из строя телевидение и телефонную связь. Блестящим решением было создать систему коммуникации без центрального пункта управления, без ответственных лиц и без единого распределительного щита — короче говоря, электронную паутину, которая объединила бы страну в одну огромную сеть.

К 1985 г. паутина, состоящая из линий высокоскоростной передачи данных, была создана и интернет смог появиться на свет. Сегодня он соединяет тысячи колледжей и университетов и десятки тысяч государственных учреждений, которые участвуют в оплате его работы. Десятки миллионов деловых предприятий и людей у себя дома также подсоединяются к этой «информационной магистрали» при помощи модемов и договоров с провайдерами.

Сколько людей являются пользователями Интернета? Установлено, что в 2002 г. он свяжет более 400 млн человек в 180 (из 192) странах.

Что предлагает Сеть людям? Популярные поисковые устройства вроде «YAHOO!» открывают сайт, где вы вольны искать практически все, что только придет вам в голову. При помощи электронной почты можно завязать кибер-роман, написать автору своего учебника или даже послать письмо президенту США. Благодаря интернету вы можете присоединиться к дискуссионным группам, «виртуально» посещать музеи, получать данные из государственных учреждений, знакомиться с веб-страницами, представляющими социологический интерес, или повторять материал при подготовке к экзамену по данному предмету. Не обремененный никакими формальными правилами пользования, Интернет содержит в себе потенциал, который ограничен лишь нашим воображением.

Наверное, по иронии судьбы оказывается, что именно эта свобода раздражает некоторых людей. Критики заявляют, что «электронная демократия» угрожает нашей политической системе; родители боятся, что их дети доберутся до общедоступных сайтов сексуальной направленности, а пуристы выходят из себя, когда интернет наводняет реклама.

Эта «вольница» напоминает реальный мир. Поэтому понятно, что сегодня все больше и больше людей пользуются паролями, логинами и другими «воротами» для создания замкнутых субсетей, ограниченных единомышленниками. Из одной огромной сети, следовательно, рождается несметное количество социальных групп.

Источники: Elmer-DeWitt, 1993, 1994b; Hafner, 1994; O'Connor, 1997

¹ На этой карте показана мировая статистика доступа в Интернет исходя из числа пользователей на каждые 10 тыс. человек. Высокий уровень характерен для стран, где и уровень доходов высок, а также многих стран со средним уровнем доходов. В отличие от них, почти в половине государств (в основном с низким уровнем доходов) доступ в Интернет незначительный. Какое влияние оказывает это на возможности людей получать информацию? Каковы вероятные последствия такого расхождения с точки зрения глобального неравенства в будущем?

Формальные организации

Столетие назад большинство жителей США проживало малыми группами, которые ограничивались кругом семьи, друзей и соседей. Теперь жизнь все более вращается вокруг **формальных организаций** — *крупных вторичных групп, организованных для эффективного достижения своих целей.*

Они (например, корпорации и правительственные учреждения) отличаются от семей и круга соседей принципиально. Их огромная величина лишает социальные отношения личной окраски и способствует установлению официальной, спланированной атмосферы. Иными словами, формальные организации действуют целенаправленно, но не ради удовлетворения личных потребностей, а для выполнения сложных работ.

Если задуматься, то организация 285 млн членов общества — невероятное достижение, связанное с осуществлением разного рода деятельности (от сбора налогов до оказания почтовых услуг). При выполнении большинства из этих задач мы опираемся на крупные формальные организации. В правительстве США, самой крупной из таких организаций в стране, занято свыше 5 млн человек, которые являются сотрудниками сотен учреждений и служат в вооруженных силах. Крупные организации живут самостоятельной жизнью и вырабатывают собственную культуру, так что с приходом и уходом членов их деятельность остается неизменной на протяжении многих лет.

Типы формальных организаций

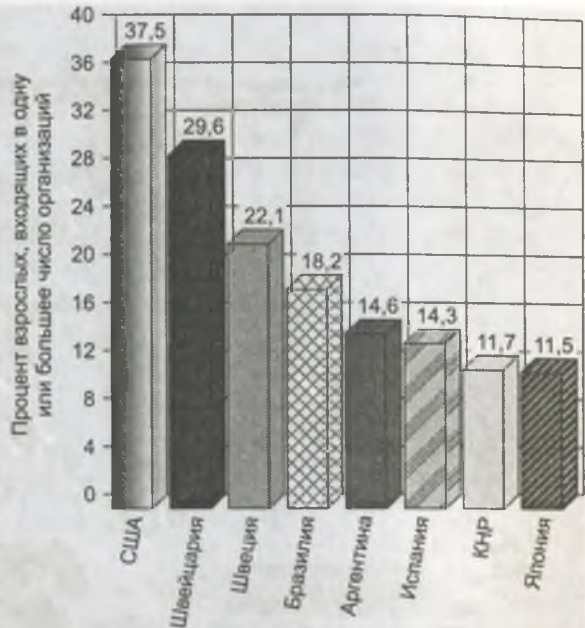
Амитаи Этциони (Etzioni, 1975) выделил три типа формальных организаций, отличающихся причинами, по которым люди в них состоят, — утилитарные, нормативные и принудительные организации.

Утилитарные организации. Почти любой человек, работающий ради заработка, принадлежит к *утилитарной организации* — той, что платит людям за их труд. Так, в сфере крупного бизнеса создается прибыль для собственника и заработная плата — для служащих. Вступление в утилитарную организацию обычно оказывается делом индивидуального выбора, хотя понятно, что большинству людей приходится так делать, чтобы получить средства к существованию.

Нормативные организации. В *нормативные организации* люди вступают не ради заработка, но во имя какой-то цели, которую они считают морально достойной. К таким организациям, которые иногда называются *добровольными ассоциациями*, относятся общественные группы (например, «Клуб Львов», «Лига женщин-избирателей» и «Красный Крест»), а также политические партии и религиозные организации. В глобальной перспективе жители США тяготеют к добровольным ассоциациям (Curtis, Grabb & Baer, 1992). Рисунок 7.3 позволяет сравнить членство в художественных организациях в ряде стран.

Принудительные организации. Членство в *принудительных организациях* осуществляется насильственными методами. Это означает, что людей вынуждают присоединяться к таким организациям в качестве наказания (тюрьмы) или с целью лечения (психиатрические больницы). Принудительные организации имеют

Рис. 7.3. Членство в художественных организациях. Источник: Inglehart et al., 2000

особые внешние признаки — например запертые двери и зарешеченные окна, а надзор за их членами осуществляет специальный охраняющий персонал. Люди в них

на какое-то время изолируются как «заключенные» или «пациенты», чтобы добиться радикального изменения их установок и поведения. Вспомните из материала главы 5 («Социализация») о власти *тотальных институтов*, которые в состоянии трансформировать человеческое чувство собственного «Я».

При разнице в понимании преимуществ любая отдельно взятая организация может подпадать под все перечисленные категории. Например, психиатрическая больница является принудительной организацией для пациента, утилитарной — для психиатра, нормативной — для человека, добровольно помогающего больницам в свободное время.

Истоки бюрократии

История формальных организаций насчитывает не одну тысячу лет. Элиты, контролировавшие первые империи, опирались на чиновников, которые собирали подати, вели военные кампании и возводили монументальные строения — от Великой китайской стены до египетских пирамид.

Однако эти древние организации были ограничены в двух отношениях. Во-первых, у них не было технологий для быстрой коммуникации, путешествий на большие расстояния, а также для сбора и хранения информации. Во-вторых, в доиндустриальных обществах сильна традиция, а потому организационные задачи заключались не в изменении культурных систем, а в их сохранении. Но за последние несколько веков в ряде регионов мира возникло то, что Макс Вебер назвал «рациональным мировоззрением», — процесс, описанный в главе 4 («Общество»). В Европе и Северной Америке индустриальная революция возвестила рождение новой организационной структуры, озабоченной эффективностью, которую Вебер назвал *бюрократией*.

Хотя формальные организации крайне важны в современных странах с высоким уровнем доходов, они далеко не новы. 25 веков назад китайский философ Конфуций поддерживал идею о том, что в правительственных учреждениях должна работать самая талантливая молодежь. Это повлекло за собой мероприятия, которые, наверное, явились первой в мире системой экзаменов при зачислении на государственную службу. Изображенные на рисунке будущие бюрократы пишут сочинения с целью продемонстрировать свое знание конфуцианских текстов

Отличительные особенности бюрократии

Бюрократия представляет собой *организационную модель, рационально выстроенную для эффективного выполнения задач*. Официальные лица, воплощающие бюрократию, целенаправленно проводят и пересматривают свою политику, стремясь добиться большей эффективности. Чтобы оценить силу и размах бюрократической организации в XXI в., задумайтесь над следующим: любой из почти 300 млн телефонов в США за считанные секунды может связать вас с любым другим аппаратом — в частном доме, на работе, в автомобиле или даже в рюкзаке путешественника, странствующего по далеким тропам в горах Адирондак. Люди Древнего мира и помыслить не могли о столь молниеносной коммуникации.

Конечно, телефонная система зависит от технологических факторов — электричества, волоконной оптики и компьютеров. Но она не могла бы существовать без умения организации отслеживать каждый звонок: с какого телефона он исходит и какому абоненту адресован, когда это происходит и сколько времени продолжается, и после подавать эту информацию в виде телефонных счетов, число которых ежемесячно превышает 100 млн.

Какие же конкретные черты способствуют наращиванию организационной эффективности? Макс Вебер (Weber, 1978; 1-е изд. — 1921) выделил шесть ключевых элементов идеальной бюрократической организации:

1. **Специализация.** Наши предки большую часть своего времени проводили в поисках пищи и крова. Бюрократия, напротив, возлагает на индивидов четко специализированные обязанности.
2. **Должностная иерархия.** Бюрократии организуют персонал в соответствии с должностями, выстроенными по вертикали. Над каждым человеком стоят «вышестоящие» лица в организации, а он, в свою очередь, осуществляет надзор за теми, кто занимает низшее положение. Как правило, бюрократические организации принимают форму пирамиды, где на верхушке находится несколько человек, а масса людей — у подножия.
3. **Правила и установления.** Культурные традиции мало что значат для бюрократии. Ее деятельность направляется рациональным выполнением правил и установлений. В идеале бюрократия стремится функционировать абсолютно предсказуемым образом.
4. **Техническая компетентность.** Чиновники и бюрократы обладают технической компетентностью, позволяющей им выполнять свои обязанности. Бюрократические организации, как правило, набирают новых членов в соответствии с набором критериев и ведут регулярный мониторинг их деятельности. Такая обезличенная оценка резко контрастирует с древним обычаем ценить родственников больше, чем чужаков, независимо от их талантов.
5. **Обезличенность.** Бюрократия ставит правила превыше личных прихотей, в результате чего с клиентами обращаются столь же единообразно, как и с работниками. Из этого отстраненного подхода проистекает понятие «безликий бюрократ».
6. **Формальная, письменная коммуникация.** Согласно старому высказыванию, сердце бюрократии принадлежит не людям, но бумагам. Непосредственному собеседованию бюрократия предпочитает формальные, письменные директивы и отчеты, которые накапливаются в бесконечных ячейках и управляют деятельностью организации.

Таблица 7.2

Малые группы и формальные организации: сравнительная таблица

	Малые группы	Формальные организации
Деятельность	Обычно члены занимаются одними и теми же делами	Обычно члены выполняют различные, высокоспециализированные операции
Иерархия	Часто неформальная, или отсутствует вообще	Четко определенная, соответствующая должностям
Нормы	Неформальное применение общих норм	Четко расписанные правила и установления
Критерии членства	Переменные, часто основаны на личной привязанности или родстве	Техническая компетентность в выполнении предписанных задач
Отношения	Переменные: обычно первичные	Обычно вторичные, с отдельными первичными связями
Коммуникации	Обычно бессистемная, непосредственная	Обычно формальная, в письменном виде
Фокус внимания	Ориентирован на личность	Ориентирован на задачу

Бюрократические организации наращивают эффективность благодаря тщательному подбору кадров и ограничению непредсказуемого влияния личных вкусов и мнений. В табл. 7.2 обобщены различия между небольшими социальными группами и крупными формальными организациями.

Организационная среда

Ни одна организация не существует в вакууме. Деятельность любой организации зависит не только от ее собственных целей и политики, но и от **организационной среды** — совокупности факторов вне организации, влияющих на ее деятельность. К ним относятся технологические, экономические и политические тенденции, наличествующая рабочая сила и другие организации.

Современный облик организаций сформирован *технологией*, которая связана с компьютерами, телефонными системами и копирующими аппаратами. Это обеспечивает большой доступ к информации и к людям, о чем и не мыслили в прошлом. Одновременно компьютерные технологии позволяют менеджерам вести пристальный мониторинг за деятельностью работников (Markoff, 1991).

На организации влияют *экономические и политические тенденции*. Повсюду сказываются периоды экономического роста и спада. Кроме того, большинство отраслей экономики имеет дело с зарубежной конкуренцией, а также — с изменениями в законодательстве на родине: например, с новыми стандартами охраны окружающей среды.

Помимо сказанного на организации влияют и *демографические характеристики*, такие как размеры и состав населения вокруг. Средний возраст, средний уровень образования и социальная разнородность местной общины определяют существующую рабочую силу, а иногда — рынок сбыта продуктов или услуг организации.

Другие организации также образуют среду. Больнице, чтобы оставаться конкурентоспособной, приходится реагировать на изменения в страховом бизнесе и на организации, представляющие врачей, сестер и других работников. Она также должна идти в ногу со временем: закупать современное оборудование и обеспечивать комплекс процедур на том же уровне, что и в соседних медицинских учреждениях; это же касается и расценок на услуги.

Неформальный аспект бюрократии

Идеальная бюрократия, согласно Веберу, целенаправленно регулирует каждый шаг человека. Однако в реальных организациях люди достаточно креативны (и упрямые), чтобы противостоять бюрократическим шаблонам. Неформальное отношение может повлечь за собой обычные недоработки, но также обеспечивает необходимую гибкость (Scott, 1981).

Возникновение неформальной атмосферы отчасти связано с личностными особенностями лидеров организации. При изучении американских корпораций документально подтверждено, что качества и черты характера индивидов, в том числе личная харизма и навыки межличностного общения, могут оказать огромное влияние на результаты деятельности организации (Halberstam, 1986; Baron, Hannan & Burton, 1999).

В лидерстве авторитарного, демократического и попустительского типов (описанных выше) любой организационный план отражается так же, как и отдельная

личность. Кроме того, в реальном мире бывает, что лидеры и их сподвижники злоупотребляют организационной властью ради своей выгоды. И чаще даже возникает ситуация, когда лидеров уважают за успехи их подчиненных. Например, некоторые заместители пользуются намного более высоким авторитетом и имеют несравнимо больше обязанностей, чем это видно по их окладам и официальному названию должностей.

Коммуникация демонстрирует еще один пример неформального положения в крупных организациях. Директивы и другие письменные извещения выступают официальным способом распространения информации. Обычно, однако, люди создают неформальные сети, или «системы тайного сообщения», по которым моментально расходятся различные известия, хотя и не всегда достоверные. Такие системы, где в ходу не только электронная переписка, но и устное слово, особенно важны для подчиненных, ибо вышестоящие лица могут утаивать от них важную информацию.

Распространение электронной переписки несколько «сплющило» организационные иерархии, так как этот способ общения позволяет даже служащим самого низкого уровня обходить непосредственных начальников и обращаться напрямую к руководителю организации или даже ко всем сослуживцам сразу. Некоторые организации возражают против такой связи по «открытому каналу» и ограничивают использование электронной почты своими сотрудниками. Корпорация *Microsoft* (адрес основателя которой, Билла Гейтса, нигде не указан, но ему, тем не менее,

Джордж Тукер. Правительственное бюро (1956). Яичная темпера, гипсовая панель

Картина Джорджа Тукера «Правительственное бюро» убедительно показывает, сколь бесчеловечна бывает бюрократия. Художник изображает удручающе однообразную публику, низвергнутую с человеческого пьедестала и низведенную до заурядных «дел», подлежащих скорейшей сортировке. Обособившиеся на своих постах от других, чиновники являются «безликими бюрократами», озабоченными больше цифрами, чем оказанием реальной помощи (обратите внимание, что художник располагает пальцы чиновников на калькуляторах)

поступают сотни электронных писем в день) разработала «экраны», которые позволяют достигать конкретного компьютерного терминала письмам, исходящим лишь от желательных адресатов (Gwynne & Dickerson, 1997).

Располагая новой информационной технологией и извечной человеческой изобретательностью, члены организаций стараются персонализировать свои деятельность и среду. Подобные попытки вынуждают пристальнее взглянуть на некоторые проблемы бюрократии.

Проблемы бюрократии

Мы полагаемся на бюрократию, когда речь заходит о направлении различных жизненных перемен, но многим людям крупные организации не по душе. Бюрократия способна дегуманизировать людей и манипулировать ими, а потому говорят, что она представляет угрозу для политической демократии.

Бюрократическое отчуждение. Макс Вебер расписывал бюрократию как модель производительности. Несмотря на это, он остро осознал исходящую от нее опасность *дегуманизации* людей, служить которым бюрократия предназначена. Та самая обезличенность, что ведет к повышению эффективности, одновременно не позволяет чиновникам и клиентам реагировать на уникальные, личные нужды человека. Наоборот: чиновники должны обращаться с каждым клиентом одинаково, как со стандартным «делом».

По Веберу, формальные организации порождают *отчуждение* тем, что приравнивают человеческое существо к «маленькому винтику в непрестанно движущемся механизме» (Weber, 1978: 988; первое изд. — 1921). Хотя формальные организации призваны служить на благо человечества, автор опасался, что в конечном итоге люди сами превратятся в службу этих формальных организаций.

Бюрократическая неэффективность и ритуализм. *Неэффективность*, т. е. неспособность организации осуществлять деятельность, ради которой она существует, — проблема известная. По материалам одного доклада Администрация общих служб (*General Services Administration*) — государственное учреждение, которое закупает оборудование для федеральных служащих, по три года кряду рассматривает заявки на новый компьютер. Эта проволочка гарантирует, что к тому времени, когда компьютер придет, он уже успеет устареть (Gwynne & Dickerson, 1997).

Проблема неэффективности отражена в понятии о *красной ленте* (в память о той, которой английские управленцы в XVIII в. перевязывали официальные доклады; Shipley, 1985). Под ней понимается нудная поглощенность организационной рутинной и процедурами. Роберт Мертон (Merton, 1968) отмечает, что представление о «красной ленте» позволяет по-новому взглянуть на знакомое понятие о групповой конформности. Он ввел термин **бюрократический ритуализм**, имея в виду *такую озабоченность правилами и установлениями, когда под угрозой оказывается достижение организационных целей*.

Ритуализм парализует творчество человека и тормозит деятельность организации. Он возникает отчасти в силу того факта, что те организации, в которых выплачиваются скромные, фиксированные оклады, не позволяют чиновникам оперировать финансовыми рычагами так, чтобы обеспечить эффективную работу. Кроме

того, бюрократический ритуализм выступает еще одной формой отчуждения, которая, по опасениям Вебера, должна народиться из бюрократической жесткости (Whyte, 1957; Merton, 1968; Coleman, 1990; Kiser & Schneider, 1994).

Бюрократическая инерция. Хотя иногда бюрократы не слишком побуждаемы к эффективной работе, у них есть все основания держаться за свои места. Осознав цели организации, чиновники могут даже активно способствовать ее, организации, сохранению. По словам Вебера, «как только бюрократия оказывается полностью сформированной, она попадает в число социальных структур, которые крайне трудно разрушить» (Weber, 1978; p. 987; 1-е изд. — 1921).

Бюрократическая инерция — тенденция бюрократических организаций к само-сохранению. Формальные организации начинают жить своей собственной жизнью, не имеющей отношения к официально стоящим перед ними задачам. Например, Министерство сельского хозяйства США имеет офисы почти во всех округах, хотя работающие фермы существуют лишь в одном округе из семи (Littman, 1992).

Обычно сохранению организации способствует переопределение ее целей. Сейчас, например, министерство сельского хозяйства выполняет ряд задач, которые не имеют непосредственного отношения к фермерству, включая изучение влияний наследственности и среды.

Олигархия

На заре XX в. Роберт Михельс (1876–1936) указал на связь между бюрократией и политической олигархией, *правлением немногих над многими* (Michels, 1949; 1-е изд. — 1911). Согласно тому, что Михельс назвал «железным законом олигархии», бюрократическая пирамида вручает немногочисленным лидерам ответственность за организационные ресурсы.

Макс Вебер относил высокую организационную эффективность на счет строгой иерархии ответственности. Но Михельс возражал, отмечая, что эта иерархическая структура также сосредотачивает в своих руках власть и потому подвергает опасности демократию, так как чиновники могут — а зачастую так и поступают — воспользоваться своим доступом к информации, ресурсам и СМИ в собственных интересах.

Кроме того, бюрократия отгораживает чиновников от общественности, как это бывает в случаях, когда президент корпорации или должностное лицо «недоступны для комментариев», которых от них ждет местная пресса, или когда президент США утаивает документы от конгресса, пользуясь «привилегией исполнительной власти». Таким образом, олигархия благоденствует в иерархической структуре бюрократии и уменьшает степень подотчетности лидеров населению (Tolson, 1995).

Политическая конкуренция, ограничение сроков пребывания у власти и система проверок и балансов защищают правительство США от превращения в открытую олигархию. Но даже при этом должностные лица пользуются значительными преимуществами в политической жизни страны. На выборах в конгресс в 2000 г. из 437 конгрессменов, добивавшихся переизбрания, проиграла всего 15 человек (Giroux, 2000; Pierce, 2000).

Эволюция формальных организаций

Проблемы бюрократии — особенно отчуждение, которое она порождает, и ее тяготение к олигархии — проистекают из двух отличительных черт организации: иерархии и ригидности. Для Вебера бюрократия выступала нисходящей системой: правила и установления, разработанные наверху, руководят всеми аспектами жизни людей с помощью цепочки нисходящих приказов. Сто лет назад в США идеи Вебера нашли отражение в организационной модели, названной научным управлением. Начнем с ее рассмотрения, а после опишем три вызова, брошенных ей в течение XX в., которые постепенно привели к рождению новой модели — «гибкой организации».

Научное управление

Фредерик Уинслоу Тейлор (Taylor, 1911) высказал простую вещь: бизнес в США ведется в основном с прискорбной неэффективностью. Управленцы того времени плохо представляли, как им улучшить результаты деятельности своих фирм, а работники полагались на устаревшие навыки былых поколений.

Для повышения эффективности, объяснил Тейлор, бизнес должен строиться исходя из принципов науки. **Научное управление** — *применение научных принципов в работе деловой или другой крупной организации.*

Это требует трех шагов. Во-первых, управляющие пристально наблюдают за выполнением задачи каждым работником, идентифицируя все сопутствующие операции и замеряя время, необходимое для выполнения каждой из них. Во-вторых, они анализируют данные, стараясь открыть способы более эффективного выполнения каждой задачи. Так, управляющие могут принять решение снабдить работников фабрики другими орудиями труда или скорректировать производственные операции. В-третьих, управление осуществляет руководство и поощряет работников, благодаря чему те исполняют свою деятельность эффективнее. Например, заводскому рабочему, перетаскивающему за день по 20 т чугуна, теперь покажут, как перетаскивать 40, и повысят зарплату за большую продуктивность. Применяя научные принципы подобным образом, Тейлор заключил, что компании стали рентабельнее, у работников выросла заработная плата, а потребители в итоге стали приобретать продукцию по меньшей цене. Как выразился пионер автомобилестроения Генри Форд, «ежедневно экономьте по десять шагов каждого из 12 000 служащих — и вы сэкономите 50 миль напрасной ходьбы и растроченной впустую энергии» (Allen & Hуman, 1999; p. 209).

На заре 1900-х гг. советам Тейлора последовали автомобильная компания Форда и многие другие предприятия, в результате чего эффективность их деятельности повысилась. Со временем, однако, формальные организации столкнулись с тремя новыми вызовами, которые были связаны с расовой и гендерной принадлежностью, с усиливающейся конкуренцией со стороны зарубежных производителей и с изменениями в самом производственном процессе. Кратко рассмотрим каждый из них.

Вызов первый: раса и гендер

В 1960-х гг. критики указывали на неэффективность и несправедливость кадровой политики в крупных деловых и прочих организациях. Вместо того чтобы напимать служащих исходя, как предполагал Вебер, из их компетентности, они не брали на

работу женщин и представителей других меньшинств. В результате подавляющее большинство менеджеров составляли белые мужчины.

Формы исключения. В США, как видно из рис. 7.4, даже к концу XX в. 40% трудоспособного населения все еще сохраняли за собой 59% управленческих мест.

Белые женщины составляли 42% населения, но занимали всего 28% управленческих постов (U. S. Equal Employment Opportunity Commission, 2001). Представители других меньшинств отставали еще больше.

Согласно Розабет Мосс Кантер (Kanter, 1977; Kanter & Stein, 1979), отлучением женщин и представителей меньшинств от работы игнорируются таланты более чем половины населения. Кроме того, люди, недостаточно представленные в организации, нередко ощущают себя членами социально изолированных аут-групп, — к ним относятся с неприязнью, не принимают всерьез и дают мало шансов на продвижение.

Кантер утверждает, что предоставление женщинам и другим меньшинствам свободного доступа в организацию улучшит деятельность каждого, мотивируя служащих трудиться усерднее и быть более приверженными интересам компании. Напротив, в организации с большим количеством бесперспективных должностей производительность труда ее работников снижается. Кроме того, открытая организация побуждает лидеров определять личный вклад каждого служащего, что идет ей только на пользу. Именно в ригидных организациях чиновники — те, кому нет оснований быть креативными — ревностно охраняют свои привилегии и держат в узде подчиненных.

«Женское преимущество». Некоторые исследователи утверждают, что женщины обладают управленческими навыками, способными укрепить организацию.

Рис. 7.4. Распределение менеджеров в частном бизнесе США по расовой, половой и этнической принадлежности, 1999. Источники: U. S. Census Bureau, 2001; U. S. Equal Employment Opportunity Commission, 2001

Например, Дебора Таннен (Таппен, 1994) заявляет, что женщины больше «сфокусированы на информации» и охотнее задают вопросы, чтобы вникнуть в проблему. Мужчины же «сфокусированы на образе», а потому озабочены тем, как вопросы, задаваемые ими в конкретной ситуации, скажутся на репутации.

В другом исследовании, касающемся женщин, наделенных исполнительной властью, Салли Хельгесен (Helgesen, 1990) обнаружила еще три тенденции, связанные с гендерной принадлежностью. Во-первых, женщины больше, чем мужчины, ценят навыки коммуникации и чаще делятся информацией. Во-вторых, они оказываются более гибкими лидерами, обычно предоставляя своим подчиненным большую автономию. В-третьих, по сравнению с мужчинами женщины склонны подчеркивать взаимосвязанность всех операций, выполняемых в организации. Таким образом, они привносят фактор «женского преимущества», стремясь к большей гибкости и демократичности.

Итак, одна из задач традиционной бюрократии — стать более открытой и гибкой, чтобы воспользоваться преимуществом опыта, идей и креативности всех людей. Результат этого очевиден: увеличение прибыли.

Второй вызов: организация по-японски

В 1980 г. американские корпорации испытали шок, открыв, что самой популярной автомобильной маркой в стране является не *Chevrolet*, не *Ford* и не *Plymouth*, а *Honda Accord*, сделанная в Японии. Для людей, помнивших 1950-е гг., слова «сделано в Японии» обычно означали дешевый и никудышный продукт. Успех японской автомобильной индустрии (а вскоре после этого компаний по выпуску электронных приборов, фотоаппаратов и прочих изделий) заставил аналитиков заговорить об «организации по-японски». Как вообще такая маленькая страна сумела бросить вызов мировому экономическому гиганту?

В японских организациях отражается мощный коллективистский дух этого народа. Если американцы превозносят жесткий индивидуализм, то японцы ценят сотрудничество. По своей сути формальные организации в Японии похожи на очень крупные первичные группы. Уильям Учи (Uchi, 1981) выделяет пять отличий японских формальных организаций от американских:

1. **Наем и продвижение.** В США организации подают продвижение по службе и повышение оклада как вознаграждения, которые следует завоевывать в индивидуальном соперничестве. Однако в японских организациях нанимают выпускников школ сразу скопом и всем служащим в группе назначаются одинаковые оклады и предписываются одинаковые обязанности. И только через несколько лет выявляется кто-то один, достойный специального продвижения.
2. **Пожизненная гарантия.** В США от служащих ожидают, что те будут переходить из компании в компанию для карьерного роста. Кроме того, американские компании немедленно увольняют лишних работников в периоды экономического спада. Большинство же японских фирм нанимает сотрудников на всю жизнь, воспитывая прочное чувство обоюдной лояльности. Если выполняемые профессиональные процедуры устаревают, то японские компании избегают увольнений, переводя работников на новые места.

ГЛОБАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Японская модель: приживется ли она в США?

Наша компания хочет, чтобы мы работали, как японцы. По утрам все раскланиваются, буд-то марионетки, а уходя домой, целуют друг друга в щечку. Работаешь командой, стучишь друг на друга и теряешь контроль над своей судьбой. В нашей стране такое не пройдет.

Джон Броди

Президент компании *United Paperworks Local, 448 Chester, Pennsylvania*

Конкуренция со странами Азии и — все больше — Европы вынуждает американские компании переосмыслить деятельность корпоративных организаций на мировом рынке. Руководители бизнеса изучают японские промышленные предприятия, построенные здесь, в США. Эти «пересаженные организации», управляемые на американской территории фирмами *Honda, Nissan, Toyota*, хорошо адаптировались в новой среде, достигнув того же уровня эффективности и качества, который принес им славу в Японии. Они также предоставили свыше 250 тыс. рабочих мест для американских рабочих.

И все же в США звучат голоса — рабочих, профсоюзных лидеров и менеджеров, в которых по поводу импорта методики японской организации слышна такая же скорбь, какая высказывалась в связи с ввозом японских автомобилей. В американской корпоративной культуре по-прежнему ценится иерархия, превозносится индивидуализм и сохраняется память о долгой истории конфликта между трудом и управлением. В результате рабочие и менеджеры настороженно относятся к таким традиционным японским обычаям, как подключение рабочих к процессу принятия решений.

В США некоторые служащие считают, что участие работников в управлении приведет к увеличению нагрузки на них. Так, продолжая нести ответственность за сборку автомобилей, рабочие должны будут заботиться о контроле за качеством, себестоимости и общей эффективности производства — то, о чем обычно беспокоится администрация. Также, по мнению отдельных работников, всесторонняя подготовка, которую столь ценят японцы, выливается в бесконечные переходы с работы на работу, из-за чего постоянно приходится обучаться новым навыкам. Многие профсоюзные лидеры опасаются, что любая смычка рабочих и менеджеров подрвет могущество профсоюза. И некоторые менеджеры с опаской относятся к программам участия рабочих в управлении. Учитывая былые порядки, можно сказать, что разделение власти при постановке производственных задач или составлении графиков отпусков не всегда дается легко. Наконец, американские корпорации стремятся к немедленной отдаче, что отбивает у них желание вкладывать время и деньги в организационную реструктуризацию.

Но под натиском усиливающейся конкуренции в мире американские организации медленно изменяются. Правительство сообщает, что на 70% крупных предприятий в сфере бизнеса начались определенные реформы такого рода. Производительность и прибыли обычно выше там, где рабочие участвуют в принятии решений. Кроме того, создается впечатление, что большинство служащих, привлеченных к программам управления, — даже те, кто, может быть, не желают раскланиваться по утрам на манер марионеток, — получают большее удовольствие от своей работы. Рабочие, издавна занимавшиеся сугубо физическим трудом, теперь имеют возможность заняться и умственным.

3. **Всестороннее участие.** Если американцы разделяют быт и работу как не связанные друг с другом сферы жизни, то японские компании играют намного более значительную роль в жизни своих сотрудников. Они обеспечивают ипотеку, спонсируют отдых и расписывают социальные события. Такое взаимодействие укрепляет коллективную идентичность и дает почтительным японским служащим возможность неформально высказывать свои предложения и критические замечания.
4. **Широкая подготовка.** Рабочим в США свойственна высокая специализация, и многие на протяжении всей своей трудовой жизни выполняют одну и ту же процедуру. Однако японская организация готовит работников к участию во всех фазах своей деятельности, рассчитывая, что служащие останутся в компании на всю их трудовую жизнь.
5. **Коллективное принятие решений.** В США важные решения принимают главные администраторы. Хотя японские лидеры тоже несут ответственность за организационную деятельность, они собирают работников в «кружки качества» для обсуждения касающихся их решений. К более тесным рабочим отношениям побуждает и низкая в Японии разница между окладами начальников и работников: около 10% от той, которая типична в США.

Эти особенности позволяют японцам ощутить организационную лояльность. Поскольку их личные интересы увязаны с интересами компании, работники реализуют свои амбиции именно в ней. Ныне японские компании стали больше похожи на свои американские аналоги тем, например, что увольняют некоторых сотрудников. Однако японский акцент на *коллективизме* служит культурным эквивалентом акцента на *индивидуальных* достижениях, свойственного американскому обществу.

Японские организации повлияли на многие компании в США. Но перенос организационной системы из одной культуры в другую — задача не из легких, как это понятно из врезки «Японская модель: приживется ли она в США?»

Третий вызов: изменение характера труда

Необходимость модификации традиционных организаций возникает не только из-за набирающей силу мировой конкуренции, но и в силу изменения характера самого труда. В главе 4 («Общество») был описан переход от индустриального производства к постиндустриальному. Все больше людей вместо того, чтобы работать на заводах, где задействуются громоздкие механизмы для производства *вещей*, теперь прибегают к компьютерным и другим электронным технологиям для создания или обработки *информации*. Следовательно, для постиндустриального общества характерны организации, действующие на информационной основе.

Фредерик Тейлор разработал свою концепцию научного управления в эпоху профессий, которые связаны с выполнением рутинных, хотя и зачастую поистине каторжных, работ. Рабочие добывали уголь, наполняли литейные формы жидким металлом, приваривали автомобильные панели поточным методом или вбивали раскаленные заклепки в стальные балки при строительстве небоскребов. Помимо этого, в эпоху Тейлора значительная часть американских рабочих состояла из им-

мигрантов, большинство из которых были малообразованными людьми, плохо знающими английский язык. Рутинный характер индустриальных профессий в сочетании с ограниченными навыками рабочей силы заставил Тейлора относиться к труду как к серии четко обозначенных задач, поставленных управленцами и выполняемых работниками.

Многие профессии нынешнего информационного века заметно отличаются от описанных: труд дизайнеров, художников, писателей, композиторов, программистов, держателей бизнеса и других требует креативности и воображения. Что это означает для формальных организаций? Они явно отличаются от тех, которые существовали 100 лет назад:

1. **Креативная автономия.** Организациям известно, что сотрудники, обладающие навыками информационного века, — ценнейший ресурс. Начальники могут ставить производственные задачи, но не в состоянии диктовать, как именно выполнять те из них, какие связаны с воображением и проницательностью. Поэтому искусные работники обладают *креативной автономией*, — за ними изо дня в день осуществляется лишь незначительный надзор, пока они в конце концов не представят ценные идеи.
2. **Соревнование трудовых команд.** Многие организации предоставляют нескольким группам служащих свободу в работе над проблемой, обещая наибольшее вознаграждение тем, кто найдет оптимальное решение. Соревнование трудовых команд — стратегия, впервые использованная в японских организациях — позволяет учесть творческий вклад каждого сотрудника и одновременно ослабить отчуждение, которое часто царит в традиционных организациях (Yeatts, 1991, 1994; Maddox, 1994).
3. **Упложенная организация.** Распространяя ответственность за творческое решение проблем на всех сотрудников, организации принимают упложенную форму. Это означает, что пирамида традиционной бюрократии замещается формой организации с меньшим числом командных уровней в цепи, как это показано на рис. 7.5.
4. **Большая гибкость.** Типичная организация индустриальной эпохи представляла собой жесткую структуру, руководимую сверху. В подобных организациях удастся проделать большую работу, но они не особенно креативны и не способны быстро реагировать на изменения во внешней среде. Идеальной моделью информационной эпохи выступает *гибкая* организация (та, что одновременно рождает новые идеи и быстро адаптируется к стремительно изменяющимся условиям мирового рынка).

Не менее важным, чем эти изменения, оказывается и то, что многие современные профессии вовсе не требуют креативности в работе. Постиндустриальная экономика породила две разновидности труда: творческий, требующий высокого мастерства, и работу в сфере услуг, не предполагающую особых навыков. Например, профессиональная деятельность в сфере быстрого питания однообразная и выполняется под неусыпным надзором, а потому очень похожа на фабричный труд вековой давности в отличие от командной работы в информационных организациях. Если одни организации приняли гибкую, упложенную форму, другие, как это будет объяснено, продолжают использовать жесткую цепочку командных уровней.

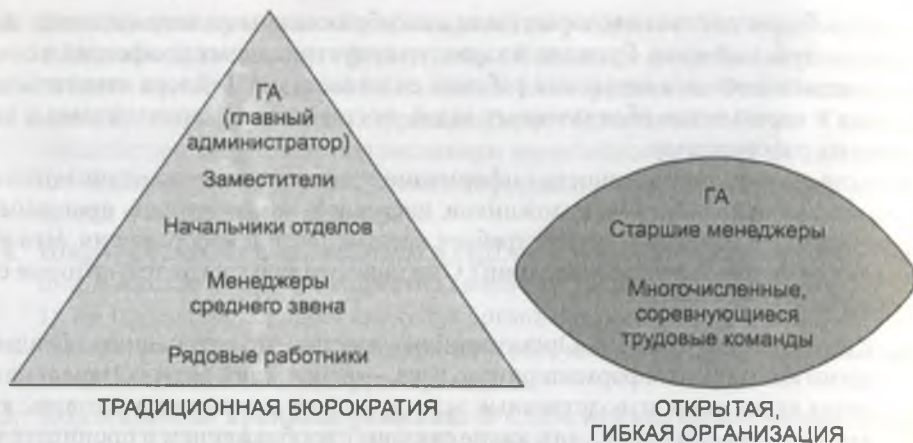

Рис. 7.5. Две организационные модели. *Источник:* рисунок автора

Традиционная модель бюрократических организаций имеет форму пирамиды с четко обозначенной цепочкой начальников. Директивы спускаются сверху вниз, а доклады об исполнении направляются снизу вверх. В подобных организациях есть множество правил и установлений, а работники выполняют специализированные трудовые операции. Более открытые и гибкие организации имеют уплощенную форму и больше похожи на мяч для игры в американский футбол. Иерархических уровней в них меньше, а ответственность за выработку идей и принятие решений распределяется по всей организации. Многие сотрудники работают в командах и хорошо осведомлены о деятельности всей организации.

«Макдональдизация» общества¹

Как говорилось в начале главы, братья Мак-Дональды добились невероятного успеха, охватив сеть, ныне насчитывающей 28 тыс. ресторанов, Соединенные Штаты и весь мир. В Японии находится свыше 2400 их фирменных вывесок, а самый большой в мире ресторан *McDonald's* находится в столице Китая Пекине.

9 октября, Макао. Обойдя полмира, мы теперь находимся здесь, в португальской колонии Макао – на маленьком островке земли, отпочковавшемся от побережья Китая². Здесь мало кто говорит по-английски, а жизнь на улицах кажется совершенно иной, далекой от городских ритмов Нью-Йорка, Чикаго и Лос-Анджелеса. Я поворачиваю за угол и утыкаюсь в (кого же еще?) Рональда Мак-Дональда! Я так долго питался неизвестно чем, и вы, надеюсь, простите меня за то, что я не устоял перед соблазном бигмака. Но самое поразительное, что еда – гамбургер, картофель фри и напиток – выглядит, пахнет и на вкус в точности такая же, как дома, за 10 тыс. миль отсюда!

Сегодня *McDonald's* встречаются почти повсеместно, но в США это нечто большее, чем просто ресторан: это символ американского образа жизни. Дело не только в том, что у людей всего мира *McDonald's* ассоциируется с Соединенными Штатами, но и в том, что здесь, на родине, один из опросов показал: Рональда Мак-Дональда знают 98% детей, и он не менее знаменит, чем Санта-Клаус.

¹ Значительная часть материала данного раздела основана на работах Ритцера (Ritzer, 1993, 1998, 2000).

² Ныне Макао возвращен под юрисдикцию Китая. — *Примеч. науч. ред.*

Становится ли макдональдизация глобальным веянием времени? И да и нет. Шестые *McDonald's* и других компаний быстрого питания по миру было триумфальным, и свои основные доходы они ныне извлекают не в США, а за рубежом. Но в некоторых странах *McDonald's* подстроился под местные культурные нормы. Например, эти женщины в торговом пассаже, жительницы города Даран в Саудовской Аравии, заказывают пищу у прилавка с табличкой «Только для женщин», что отражает традиционные гендерные нормы этого государства

Еще важнее, что организационные принципы, на которых зиждется компания *McDonald's*, начинают господствовать во всем обществе. Американская культура «макдональдизируется», — неуклюжая попытка сказать, что во многих аспектах американцы моделируют свою жизнь с оглядкой на эту ресторанный сеть. Родители покупают игрушки в таких всемирно известных магазинах, как *Toys 'Я' Us*; мы отправляемся в *Jiffy Lube*, где нам за 10 минут заменят машинное масло; непосредственное общение все активнее замещается автоответчиками, электронной перепиской и спамом; отпуска все чаще проводятся по программам курорт- и тур-пакетов; телевидение отменяет новости 10-секундным звучанием; приемные комиссии оценивают студентов, которых в глаза не видели, по среднему баллу; а профессора рекомендуют учебники, которые написаны «призраками»¹, и оценивают студентов при помощи тестов, какие издательскими компаниями выпускаются массовыми тиражами. Этот список можно продолжать и продолжать.

Макдональдизация: четыре принципа. Что общего между всеми этими нововведениями? По Джорджу Ритцеру (Ritzer, 1993), макдональдизация общества происходит в соответствии с четырьмя основными организационными принципами:

1. **Эффективность.** Рэй Крок, гений маркетинга, организовавший экспансию ресторанов *McDonald's*, выделил на обслуживание заказчика 50 секунд, за которые тому обязаны приготовить гамбургер, картофель фри и молочный коктейль.

¹ В ряде популярных пособий по социологии не указаны авторы. Данная книга не принадлежит к числу таких изданий.

Сегодня одним из самых популярных блюд компании является «Эгг Мак-Маффин» — полноценный завтрак в одном-единственном сэндвиче. В ресторане заказчики пользуются подносами или отъезжают от раздаточного окошка с готовым пакетом и дальше уже поступают с ним, как заблагорассудится.

Сегодня эффективность — средоточие американской жизни. Американцы склонны думать, что если нечто сделано быстро, то, стало быть — исключительно по этой причине, и хорошо.

2. **Расчет.** В первой инструкции для работников *McDonald's* говорилось, что сырой гамбургер должен весить 1,6 унции, его поперечный размер равняться 3,875 дюймам, а содержание жира составлять 16%. Кусочек сыра весит ровно пол-унции. Картофель нарезается ломтиками в $\frac{9}{32}$ дюйма толщиной каждый. Подумайте, как много предметов в вашем доме, на работе и в кампусе разработано и выпущено в массовом порядке, подчиняясь единообразному плану. Сегодня не только окружающая среда, но сами жизненные переживания — от путешествия через штаты до просмотра телепередач дома — стандартизированы больше, чем когда бы то ни было.
3. **Единообразие и предсказуемость.** Человек, где бы он ни находился, почти повсюду может зайти в ресторан *McDonald's* и везде получить одни и те же сэндвичи, напитки и десерт, приготовленные по одному и тому же рецепту¹. Предсказуемость является результатом работы абсолютно рациональной системы, которая выверяет каждое действие и не оставляет места случайностям.
4. **Контроль через автоматизацию.** Самым ненадежным элементом в системе *McDonald's* оказывается человеческий фактор. В конце концов, у всех людей выдаются хорошие и плохие дни, они иногда витают в облаках или просто решают что-нибудь сделать по-своему. Стремясь минимизировать непредсказуемость человеческого фактора, в *McDonald's* установлено автоматическое оборудование для приготовления пищи при фиксированной температуре в течение четко отмеренных промежутков времени. Даже кассовый аппарат в *McDonald's* — это практически просто клавиши с нарисованными блюдами, так что процедура заказа упрощается до предела.

Таким же образом место банков занимают автоматические говорящие машины, автоматизированные пекарни выпекают хлеб почти без вмешательства человека, а куры и яйца (или яйца и куры?) производятся на автоматизированных инкубаторных станциях. В супермаркетах лазерное сканирование постепенно вытесняет подсчеты стоимости покупок вручную. Большую часть покупок мы делаем в торговых пассажах, где все — от температуры и влажности до ассортимента товаров и продуктов — пребывает под пристальным контролем и надзором (Ide & Cordell, 1994).

¹ Когда *McDonald's* «захватил весь мир», к ассортименту его блюд были добавлены или изменены в соответствии с местными вкусами некоторые продукты. В Уругвае, например, покупателям нравятся Мак-Гуэво (гамбургер с яйцом-пашот на верхушке); норвежцы могут приобрести Мак-Лакс (сэндвич с жареной лососиной); голландцы предпочитают грёнтебургеры (бургер с овощами); в Таиланде *McDonald's* предлагает самурайские бургеры со свиной (бургеры со свиной с соусом терияки); японцы могут купить сэндвич «татсута» с цыпленком (цыпленок, приправленный с соевым соусом и имбирем); филиппинцы едят Мак-Спагетти (спагетти в томатном соусе с кусочками хот-догов), а в Индии, жители которой не едят говядину, *McDonald's* предлагает вегетарианский Махарайя-Мак (Sullivan, 1995).

Может ли рациональность быть иррациональной? В популярности и эффективности ресторанов *McDonald's* не приходится сомневаться. Но есть и другая сторона монеты.

Макс Вебер с тревогой следил за экспансией формальных организаций, опасаясь, что они обуздают воображение и сокрушат человеческий дух. По мнению автора, рациональные системы эффективны, но ведут к дегуманизации, и эту точку зрения подтверждает *McDonald's*. Каждый из четырех только что рассмотренных принципов ограничивает творчество человека, возможность выбора и свободу. Вторя Веберу, Ритцер констатирует, что «предел иррациональности при макдональдизации выражается в том, что люди могут утратить контроль над системой, и она начнет контролировать нас самих» (Ritzer, 1993; p. 145).

Будущее организаций: противоположные тенденции

В начале XX в. в США появились неуклонно разрастающиеся организации, большинство из которых приняло описанную Максом Вебером бюрократическую форму. Они напоминали армии, предводительствуемые всесильными генералами, которые отдавали приказы своим капитанам и лейтенантам. Заводская пехота делала то, что ей говорили.

С появлением постиндустриальной экономики во второй половине столетия и с ростом конкуренции из-за рубежа многие организации предпочли уплощенную, более гибкую модель, поощряющую общение и творчество. Такие «интеллигентные организации» (Pinchot & Pinchot, 1993) оказались более продуктивными. Не менее важно и то, что для людей высокого мастерства, чья деятельность в информационную эпоху требует креативной автономии, они создали атмосферу меньшего отчуждения, которое столь беспокоило Макса Вебера.

Но это только часть истории. Хотя постиндустриальная экономика вызвала к жизни многие профессии, требующие высокой квалификации, она породила еще даже большее количество профессий в сфере услуг, отличающихся монотонными и однообразными операциями, образчиком чего выступает *McDonald's*, где в свое время довелось поработать каждому восьмому жителю США (Ritzer, 1998). Работа такого рода, которую Ритцер называет «Мак-Джобс»¹, дает мало преимуществ из тех, которые приносят удовлетворение работникам, занятым деятельностью, требующей высокой квалификации. Напротив, автоматизированные рутинные операции, главные в индустрии быстрого питания, в телемаркетинге и других, схожих областях, очень напоминают то, что столетием раньше описывал Фредерик Тейлор.

Кроме того, организационная гибкость, предоставляющая обеспеченным работникам большую автономию, для рядовых служащих таит в себе постоянную угрозу «сокращения штатов» (Sennett, 1998). Это означает, что из-за глобальной конкуренции организации стремятся заполучить креативных сотрудников, а также снизить расходы, сократив как можно больше рабочих мест, предполагающих выполнение рутинных операций. В итоге одни люди начинают еще более преуспевать, а другие обеспокоены тем, как бы им не потерять работу и свести концы с концами. Эта тенденция подробно рассматривается в главе 11 («Социальные классы в США»).

¹ От англ. job — «работа, профессия» — Примеч. перев.

Иными словами, многие аналитики заключают, что американские организации остаются предметом зависти для всего мира, поскольку высокоэффективны. Действительно, можно привести немного примеров, где на земле так быстро и надежно, как в США, доставлялась почта (J. Wilson, 1991). Однако следует помнить, что одним людям будущее видится намного более радужным, чем другим. Кроме того, организации представляют постоянную угрозу праву на частную жизнь — обстоятельство, о котором не следует забывать, заглядывая в будущность американских организаций.

Резюме

1. Социальные группы выступают строительными блоками общества, которые связывают индивидов друг с другом и выполняют разнообразные задачи.
2. Первичные группы обычно невелики и ориентированы на личность; вторичные — крупны и ориентированы на достижение целей.
3. Инструментальное лидерство сопряжено с реализацией целей группы; экспрессивное фокусируется на моральном духе и благополучии членов.
4. Поскольку члены группы часто ищут консенсуса, вторые могут воздействовать на людей, добываясь конформности.
5. Индивиды задействуют референтные группы (как ин-, так и аут-группы) для формирования установок и вынесения оценок.
6. Георг Зиммель охарактеризовал диаду — социальную группу из двух человек — как напряженное, но неустойчивое образование; триада, добавляя он, может легко преобразоваться в диаду путем исключения одного члена.
7. Питер Блау изучал совокупное влияние на поведение участников группы ее величины, гомогенности, а также социального положения и физической особенностей групп.
8. Социальные сети представляют собой паутину связей, соединяющих людей, которые имеют разную идентичность и взаимодействие которых ограничено. Интернет — огромная электронная сеть, объединяющая миллионы людей по всему миру.
9. Формальные организации представляют собой крупные вторичные группы, которые стремятся эффективно выполнять сложные задачи. Они подразделяются на утилитарные, нормативные и принудительные — в соответствии с причинами, по которым к ним присоединяются их члены.
10. В современном обществе бюрократические организации разрастаются, чтобы эффективно выполнять задачи. Бюрократия опирается на специализацию, иерархию, правила и установления, техническую компетентность, безличное взаимодействие и формальные, письменные коммуникации.
11. Технологические, политические и экономические тенденции, демографические характеристики и другие организации — все это в совокупности формирует среду, в которой приходится действовать конкретному деловому предприятию или учреждению.

12. В идеале бюрократия способствует эффективности, но она также может привести к отчуждению и рождению олигархии, а также способствовать подрыву права на частную жизнь.
13. 100 лет назад принципы научного управления, указанные Фредериком Тейлором, отразили специфику американских организаций. С тех пор организации приняли более открытую и гибкую форму; среди числа их членов увеличился процент женщин и представителей других меньшинств; они стали реагировать на конкуренцию, особенно со стороны Японии, и смещать фокус внимания с промышленного производства к постиндустриальной обработке информации.
14. Отражая коллективистский дух японской культуры, существующие в этой стране формальные организации в отличие от американских основываются на личных связях.
15. «Макдональдизация» общества сопровождается ростом автоматизации и укреплением обезличенности.
16. Будущее организаций, по-видимому, будет связано с противоположными тенденциями: с одной стороны, стремление к большей автономии для высококвалифицированных работников; с другой — надзор и дисциплина, которые оказываются уделом менее квалифицированных работников, занятых в сфере услуг.

Основные понятия

- Аут-группа** — социальная группа, выступающая объектом соперничества или оппозиции.
- Бюрократическая инерция** — тенденция бюрократических организаций к самосохранению.
- Бюрократический ритуализм** — такая озабоченность правилами и установлениями, когда под угрозой оказывается достижение организационных целей.
- Бюрократия** — организационная модель, рационально выстроенная для эффективного выполнения задач.
- Вторичная группа** — крупная и безликая социальная группа, члены которой преследуют определенную цель или занимаются определенной деятельностью.
- Групповое мышление** — тенденция к согласованности между членами группы, что приводит к узкому взгляду на тот или иной вопрос.
- Диада** — социальная группа, состоящая из двух членов.
- Ин-группа** — социальная группа, сообщающая своим членам чувство достоинства и преданности.
- Инструментальное лидерство** — руководство группой, которое сосредоточивается на выполнении задач.
- Научное управление** — термин Фредерика Тейлора, касающийся применения научных принципов в работе деловой или другой крупной организации.

- Олигархия** — правление немногих над многими.
- Организационная среда** — совокупность факторов вне организации, влияющих на ее деятельность.
- Первичная группа** — малая социальная группа, члены которой связаны личными и продолжительными отношениями.
- Референтная группа** — социальная группа, которая служит эталоном при оценках и решениях.
- Сеть** — паутина слабых социальных связей.
- Социальная группа** — двое или большее число людей, которые идентифицируются друг другом и взаимодействуют друг с другом.
- Триада** — социальная группа, состоящая из трех членов.
- Формальная организация** — крупная вторичная группа, организованная для эффективного достижения своих целей.
- Экспрессивное лидерство** — руководство группой людей, фокусирующееся на коллективном благополучии.

Вопросы на размышление

1. Чем первичные группы отличаются от вторичных? Приведите примеры тех и других из собственного опыта.
2. Назовите шесть отличительных признаков бюрократии по Макс Веберу. Чем отличаются новые, более гибкие, организации?
3. Джордж Ритцер (Ritzer, 1996; p. 1), критик «макдональдизации», предлагает развесить в ресторанах быстрого питания следующие вывески: «Социологи предупреждают, что постоянное посещение ресторанов *McDonald's* оказывает разрушительное действие на физическое и психологическое здоровье, а также на общество в целом». Согласны ли вы с этим? Почему?
4. В XX в. впервые за всю историю получили широкое хождение аббревиатуры: *IRS, IRA, IMF, IBM, CIA, WPA, PLO, NATO, CNN, WB, WWF* и *CDC*. Что говорит это изменение о социальных тенденциях?

Девиантность

Рикки Мак-Гинн сидел в своей камере в Хантсвилльской тюрьме, штат Техас, вытирая рот и вперившись взглядом в пол. Он только что покончил с чизбургером, картофелем фри и выпил «Dr. Pepper», закончив последнюю, как он думал, трапезу в своей жизни. 43-летний Мак-Гинн был признан виновным в зверском убийстве своей 12-летней падчерицы и приговорен к смерти. Приговор приведут в исполнение всего через несколько часов.

Затем, за 18 минут до того, как Мак-Гинн должен был умереть, губернатор штата Техас Джордж Буш приостановил казнь. Адвокаты заявили, что анализ на ДНК докажет невиновность Мак-Гинна. Губернатор согласился отложить экзекуцию (Alter, 2000).

За последние годы отношение общества к смертной казни претерпело изменения. Наиболее страшило, что приговоренными окажутся невиновные. В 2000 г. губернатор штата Иллинойс Джордж Райан отдал приказ приостановить смертные казни в этом штате, потому что были свидетельства, согласно которым 13 приговоренных, ожидавших смерти в иллинойских тюрьмах, на самом деле были невиновны.

Впрочем, в деле Рикки Мак-Гинна отсрочка была недолгой. Уполномоченные лица провели анализы ДНК, которых требовали его адвокаты, и результаты подтвердили его виновность. Без права на повторные апелляции 27 сентября 2000 г. Мак-Гинн вновь заказал себе последний обед и был умерщвлен с помощью смертельной инъекции.

В этой главе анализируется проблема насильственных преступлений и других криминальных деяний, составляется профиль преступников и рассматривается система уголовного права. Однако сначала мы коснемся более широкого вопроса: причин, по которым общества устанавливают стандарты должного и недолжного. Как мы увидим, закон выступает всего лишь частью сложной системы социального контроля: общество учит каждого из нас соответствовать — большую часть времени — бесчисленным правилам. Начнем с определения нескольких основополагающих понятий.

Что такое девиантность?

Девиантность — осознанное нарушение культурных норм. Поскольку тем и направляется почти любая человеческая деятельность, понятие девиантности чрезвычайно емкое. Одной ее разновидностью выступает преступление — нарушение уголовного законодательства, официально принятого в обществе. Даже криминальная девиантность охватывает широкий спектр поведения, начиная от мелких дорожно-транспортных нарушений и заканчивая изнасилованием и убийством.

Большинство примеров нонконформности, которые сразу приходят в голову, касается негативных случаев нарушения правил: например, кражи из ночного магазинчика, жестокое обращение с ребенком или управление автомобилем в нетрезвом виде. Но и чрезмерно усердствующих людей — учеников, которые слишком часто поднимают руку, или тех, кто неумно восторгается новой компьютерной технологией — мы тоже считаем девиантными, даже если относимся к ним с известным уважением (Huls, 1987).

Не всякая девиантность предполагает действие или даже выбор. Само *существование* некоторых категорий людей может быть тягостным для других. Пожилые люди кажутся молодым безнадежно «отставшими от реальности», а некоторые белые испытывают дискомфорт от одного лишь присутствия цветных. Физически здоровые люди часто считают инвалидов аут-группой — в точности так же, как богатые сторонятся бедных, ибо те не соответствуют их стандартам.

Социальный контроль

Все мы находимся под **социальным контролем**, состоящим в *разнообразных средствах, которыми члены общества поощряют приверженность нормам*. Он представляет собой *попытки общества регулировать мышление и поведение людей*. Зачастую этот процесс протекает неформальным образом: например, родители хвалят или бранят своих детей либо приятели высмеивают чьи-либо музыкальные вкусы. Серьезная девиантность может потребовать вмешательства **системы уголовного права**, под которой понимается *официальная реакция полицейских, судебных и тюремных властей на заявленные нарушения закона*.

Иными словами, речь идет о большем, чем индивидуальный выбор или личный недостаток. *Как общество определяет девиантность, кто получает клеймо девиантной личности и что люди предполагают сделать в этом случае* — все связано с характером организации общества. Однако данный факт люди осознали лишь с течением времени.

Биологический контекст

В главе 5 («Социализация») сказано, что 100 лет назад люди понимали — или, точнее, неправильно понимали — поведение человека как выражение биологических инстинктов. Поэтому на заре изучения криминальности акцент делался на биологических причинах. В 1876 г. итальянский врач Чезаре Ломброзо (1835–1909), работавший в тюрьмах, предположил, что преступников можно узнать по физическим чертам: низким лбам, выдающимся челюстям и скулам, большим ушам, заметному оволосению тела и необычно длинным рукам. Ломброзо заявил, что преступники напоминают обезьяноподобных предков.

Но физические признаки, на которые указывал итальянский врач, можно найти во всей популяции. Сегодня мы знаем, что никакие физические черты того типа, что описал Ломброзо, не позволяют отличить преступников от законопослушных граждан (Goring, 1972; первое изд. — 1913).

В середине столетия Уильям Шелдон (Sheldon, Hard & McDermott, 1949) избрал иную линию, предполагая, что можно спрогнозировать криминальность по особенностям фигуры. Он проверил сотни юношей, изучая их телосложение и кри-

минальную биографию, после чего пришел к выводу, что уголовные наклонности чаще всего проявляются у мускулистых молодых людей атлетического сложения. Шелдон Глюек и Элеанор Глюек (Gluek & Gluek, 1950) подтвердили вывод Шелдона, но предупредили, что отменное физическое развитие вовсе не обязательно ведет к преступности. По их мнению, родители держатся на некоторой дистанции от крепко сложенных сыновей, которые, в свою очередь, когда вырастают, не слишком чутко относятся к окружающим. Более того: люди, которые ожидают от мускулистых юношей хулиганских действий, сами же и провоцируют их на подобное агрессивное поведение.

Сегодня генетики заняты поисками возможной связи между биологическим устройством и преступными наклонностями. Хотя никому так и не удалось обнаружить исчерпывающего доказательства конкретной связи, общее генетическое строение людей вместе с социальными влияниями, по всей вероятности, объясняет некоторую наклонность к криминальным деяниям. Иными словами, биологические факторы могут оказывать реальный, но скромный эффект на возможную преступную деятельность индивида (Rowe, 1983; Rowe & Osgood, 1984; Wilson & Herrnstein, 1985; Jencks, 1987; Pallone & Hennessy, 1998).

Критическая оценка. Биологические теории объясняют преступность лишь отчасти. Исследователи указывают, что насильственные преступления в подавляющем большинстве случаев совершают мужчины и что приемных детей родители чаще подвергают жестокому обращению, чем родных. Но мы слишком мало знаем о связях между генами и поведением людей, чтобы делать из этого однозначные выводы (Daly & Wilson, 1988).

Более того: коль скоро биологический подход предполагает изучение конкретного индивида, он не позволяет установить, как вышло, что определенные виды поведения с самого начала стали считаться девиантными. Поэтому, хотя нам предстоит еще многое выяснить о влиянии биологии человека на поведение, гораздо большее внимание в современных исследованиях уделяется социальным влияниям (Gibbons & Krohn, 1986; Liska, 1991).

Личностные факторы

Подобно биологическим теориям, психологические объяснения девиантности фокусируются на индивидуальной аномальности. Некоторые личностные черты считаются наследственными, но большинство психологов уверены, что личность формируется главным образом под воздействием социального опыта. Девиантность, следовательно, рассматривается как продукт «неудачной» социализации.

Иллюстрацией к психологическому подходу служит исследование, выполненное Уолтером Реклессом и Саймоном Динитцем (Reckless & Dinitz, 1967). Реклесс и Динитц начали с того, что попросили ряд преподавателей разделить 20-летних студентов-мужчин на тех, у кого вероятны и у кого маловероятны проблемы с законом. Затем они проинтервьюировали юношей и их матерей, чтобы оценить концепцию «Я» у каждого опрошенного и их отношение к окружающим. Анализируя полученные результаты, Реклесс и Динитц обнаружили: «хорошие мальчики» сознательнее (Суперэго по Фрейд), они умеют справляться с фрустрацией и идентифицировали себя с культурными нормами и ценностями. Напротив, «плохие

мальчики» были менее сознательными, плохо переносили фрустрацию и ощущали себя пребывающими вне традиционной культуры.

Нетрудно догадаться, что у «хороших мальчиков» было меньше трений с полицией, чем у «плохих». Поскольку все они проживали в районе, где делинквентность была широко распространенным явлением, исследователи приписали беспроблемный образ жизни личности, которой удается обуздать девиантные импульсы. Опираясь на эту идею, Реклесс и Динитц назвали свой анализ *теорией сдерживания*.

Критическая оценка. Психологи продемонстрировали, что особенности личности имеют отношение к девиантности. Но факт тот, что большинство тяжких преступлений совершается людьми с нормальным психологическим профилем.

В целом и биологические и психологические теории рассматривают девиантность как индивидуальную черту, не касаясь механизма изначального возникновения концепций должного и недолжного; причин, по которым одних правонарушителей люди считают девиантными, а других — нет; и роли власти в формировании общественной системы социального контроля. Чтобы изучить эти вопросы, перейдем к социологическому анализу девиантности.

Социальные основы девиантности

Хотя мы склонны рассматривать девиантность с позиций свободного выбора или личных недостатков индивидов, все поведение — и девиантное и конформное — создается обществом. Далее указываются и объясняются три социальных источника девиантности:

1. **Девиантность различается в зависимости от культурных норм.** Ни одна мысль и ни один поступок не бывают девиантными по природе; они становятся таковыми лишь по отношению к определенным нормам; последние повсюду разные, а потому отличается и девиантность. В отдельных областях Невады разрешена проституция, запрещенная во всех других штатах. Казино в Атлантик-сити и Лас-Вегасе, а также на речных судах на Миссисипи и в многочисленных резервациях коренных американцев продолжают завлекать расточительных игроков, но во всех прочих регионах США азартные игры запрещены. Более того, в большинстве крупных и малых городов существует какой-то один уникальный закон. Так, в Саут-Падре-Айленд (штат Техас) запрещено носить галстуки; в Маунт-Проспект (штат Иллинойс) нельзя разводить голубей и пчел; в Лос-Анджелесе запрещены газовые опрыскиватели листьев; в Гувере (штат Южная Дакота) не допускается ловить рыбу с керосиновыми фонарями, а в Беверли-Хиллз четко определено количество теннисных мячиков, которые могут находиться на корте (Sanders & Ногн, 1998; Steele, 2000).

Если обратиться к мировой практике, то понимание девиантности оказывается еще разнообразнее. В Албании запрещено любое публичное проявление религиозной веры: там, например, нельзя осенять себя крестным знаменем; Куба и Вьетнам преследуют своих граждан за «общение с иностранцами»; в Сингапуре запрещена торговля жевательной резинкой; в Иране полиция может арестовать женщину за пользование косметикой; граждане США рискуют арестом, если посетят Ливию.

В характере девиантности отражаются впитанные людьми моральные ценности.

В Беркли, кампусе Калифорнийского университета, издавна гордились непредвзятой терпимостью к сексуальному разнообразию. Поэтому, когда в 1992 г. Эндрю Мартинес вздумал ходить на занятия чуть ли не голым, люди не стали обвинять «голого парня» в аморальном поведении. Однако даже в политически корректной атмосфере Беркли так продолжалось недолго: администрация исключила Мартинеса из числа студентов, усмотрев в его наготе сексуальное оскорбление общественных нравов

2. Люди становятся девиантными, когда оказываются таковыми в глазах других. Культурные нормы нарушают все, иногда вплоть до того, что преступают закон. Большинству из нас, например, случается на ходу разговоривать с собой или «заимствовать» авторучки с рабочего места. Будет ли подобное поведение расценено как признак психического заболевания или криминал, зависит от того, как окружающие воспринимают, определяют его и реагируют на него.
3. Как установление, так и нарушение правил подразумевает социальную власть. Закон, по утверждению Карла Маркса, оказывается средством защиты интересов власть имущих. Бездомный, стоящий на углу и поносящий правительство, рискует быть арестованным за нарушение порядка; кандидат в мэры, ведя избирательную кампанию, делает то же самое, и полиция его охраняет. Иными словами, нормы и их применение отражают социальное неравенство.

Функции девиантности: структурно-функциональный анализ

Главное, что выявила структурно-функциональная парадигма: девиантность — необходимая составляющая социальной организации. Это соображение было высказано 100 лет назад Эмилем Дюркгеймом.

Эмиль Дюркгейм: функции девиантности

В своем новаторском исследовании девиантности Эмиль Дюркгейм (Durkheim, 1964a, первое изд. — 1893; 1964b, 1-е изд. — 1895) высказал поразительную идею: в девиантности нет ничего аномального. По сути, она выполняет четыре важнейшие функции:

1. **Подтверждает культурные ценности и нормы.** Будучи носителями морали, люди предпочитают какие-то установки и формы поведения другим. Но понятие о добродетели опирается на противоположное — о пороке: не может быть добра без зла, а правосудия без преступления. Девиантность, следовательно, нужна для определения и поддержания нравственности.
2. **Реакция на девиантность уточняет границы морального.** Считая отдельных людей девиантными, общество разграничивает должное и недолжное. В колледжах, например, четко различаются честная учеба и обман, — это выражается в наказании тех, кто списывает.
3. **Реакция на девиантность способствует социальному единению.** Как правило, реакция людей на существенную девиантность — общее возмущение. Таким образом, по мнению Дюркгейма, они постоянно подтверждают связывающие их моральные узы. Например, после атаки террористов на Всемирный торговый центр и Пентагон в 2001 г. чувство боли и ярости объединило не только пострадавших, но всю нацию.
4. **Побуждает к реализации социальных изменений.** Девиантные люди сдвигают моральные границы общества, предлагая альтернативы существующему положению дел и побуждая к изменениям. Как заявлял Дюркгейм, то, что девиантным расценивается в данный период времени, завтра может стать моральной нормой (Durkheim, 1964b; p. 71). Например, в 1950-х рок-н-ролл заклеили как морально упадническую музыку, но всего через несколько лет он превратился в многомиллиардную индустрию.

Иллюстрация: пуритане в Массачусетс-Бей. Жизнеспособность теории Дюркгейма доказывается изучением пуритан из Массачусетс-Бей, которое предпринял Кай Эриксон (Erikson, 1966). Автор показывает, что даже пуритане, столь дисциплинированная и глубоко религиозная группа, имеют представление о девиантности, что позволяет им четко обозначить границы моральных норм. Слова Дюркгейма вполне могут касаться пуритан:

Представьте себе сообщество святых, совершенный монастырь, где собрались образцовые люди. Там ничего не будут знать о так называемых преступлениях, но провинности, которые мирянину показались бы [незначительными], произвели бы тот же скандал, какой порождает обычное преступление в обычных умах... По той же самой причине совершенный и честный человек судит свои малейшие прегрешения с суровостью, которую большинство приберегает для деяний, в большей мере заслуживающих называться преступлениями (Durkheim, 1964b; p. 68–69).

Иными словами, девиантность имеет отношение не только к нескольким «паршивым овцам»; это необходимое условие «добропорядочной» социальной жизни.

Девиантность бывает универсальной, но ее *характер* зависит от моральных проблем, которые стремятся прояснить люди. Пуритане, например, периодически

оказывались захваченными «волнами преступности», например, таковым стал всплеск «охоты на ведьм» в Салеме в 1692 г. Реагируя на каждый случай «колдовства», они отшлифовывали свои представления о важнейших моральных проблемах. Когда речь заходила о надлежащих верованиях, они чувствовали одних своих членов и проклинали других, девиантных.

Наверное, самое интересное из открытого Эриксоном — то, что хотя характер преступлений изменялся, процент людей, которых пуритане считали девиантными, оставался неизменным. Эта устойчивость, по мысли исследователя, подтверждает точку зрения Дюркгейма, согласно которой девиантные лица нужны для уточнения изменяющихся границ морали в обществе. Иными словами, постоянно относя небольшое число людей к девиантным, пуритане очерчивали моральный контур своего сообщества.

Теория напряжения Мертона

Возможно, что девиантность важна для функционирования общества, но Роберт Мертон (Merton, 1938, 1968) утверждал: избыточное ее проявление оказывается следствием определенных общественных порядков. Точнее говоря, степень и характер девиантности зависят от того, какие *средства* (скажем, возможность учиться и работать) предоставляет общество для достижения культурных *целей* (например, финансового успеха).

Конформность, по словам Мертона, — преследование традиционных целей одобренными средствами. Поэтому в американских историях о людях, которые достигли успеха, прославляются те, кто приобретает состояние и престиж благодаря своему таланту и упорному труду. Но не у всех, стремящихся добиться таких традиционных форм успеха, есть возможность его достичь. Люди, выросшие в бедности, имеют мало шансов, если действуют по правилам; они могут попытаться заполучить деньги преступным путем — торгуя, допустим, кокаином. Этот тип девиантности Мертон назвал *инновацией*: использование нетрадиционных средств (наркоторговли) для достижения культурно одобренной цели (приобретения состояния). На рис. 8.1 показано, что инновация сопряжена с принятием культурной цели и отказом от традиционных средств к ее достижению.

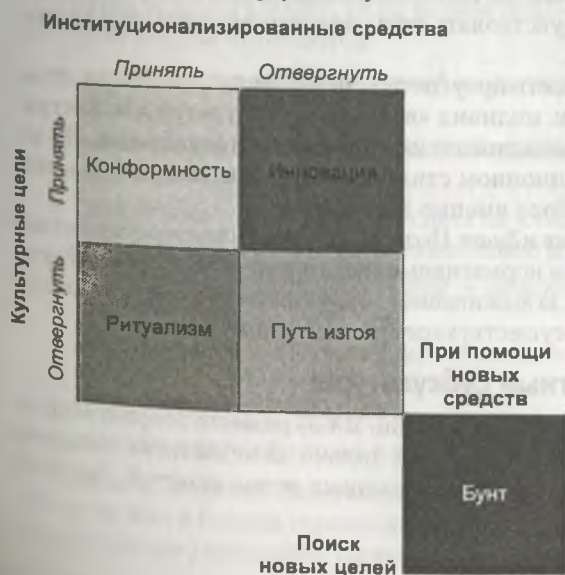

Рис. 8.1. Мертоновская теория девиантности. Источник: Merton, 1968

По Мертону, напряжение между акцентом, который делает американская культура на богатстве, и ограниченной возможностью разбогатеть порождает воровство, наркоторговлю и прочую уличную преступность, особенно среди бедноты. Так, печально известный гангстер Аль Капоне в чем-то был вполне традиционной фигурой: он гнался за славой и удачей, составляющими самую суть «американской мечты». Но, как и многие представители меньшинств, которым не удалось открыть дверь, ведущую к «законному успеху», Капоне двинулся к вершине своим путем. Как сказал один из исследователей:

Типичным преступником в эпоху Капоне был мальчик, видевший, какие вещи считаются признаком успеха в обществе, в котором ему приходится пробираться наверх, — «кадиллак», крупный счет в банке, первоклассная квартира. Как же добиться столь узнаваемого статуса? Это был мальчик с незаурядными способностями, воображением и инициативой; оказался он в иных условиях, то стал бы капитаном индустрии или важной политической фигурой своего времени. Но у него не было возможности поступить в Йельский университет и стать банкиром или брокером; диплом юриста, окончившего Гарвардский университет, был для него за семью печатями. Однако имелся сравнительно простой способ приобрести все эти блага, которые, как ему постоянно твердили, были доступны для него, американского гражданина, и без которых он ощутил бы, что не является таковым в полном смысле этого слова. Он мог стать гангстером (Allsop, 1961; p. 236).

Наверное, не стоит удивляться тому, что Капоне, у которого было мало шансов поступить в Йельский или Гарвардский университет, избрал своей первой профессией сотрудничество с гангстером, называвшим себя мистером Фрэнки Йейлем и владевшим ночным клубом под названием *Harvard Inn*. («Гарвард Инн»).

Невозможность оказаться на вершине успеха с помощью нормативных средств влечет за собой и другую разновидность девиантности, которую Мертон назвал *ритуализмом* (см. рис. 8.1). Бюрократы, занимающие низкие ступени на своей служебной лестнице, зная, что они добьются лишь небольшого финансового успеха, цепко держатся за правила, чтобы чувствовать себя уважаемыми людьми и казаться таковыми в глазах посторонних.

Еще одна реакция на неспособность преуспеть — *ретретизм*¹, отказ и от культурных целей, и от средств. По сути, индивид «выпадает» из культуры мейнстрима. Изгоями оказываются некоторые алкоголики, наркоманы и бездомные. Их девиантность заключается в нетрадиционном стиле жизни и, что, может быть, еще серьезнее — в их добровольном выборе именно такой жизни.

Реакцией на фиаско является также и *бунт*. Подобно изгоям, бунтари отрицают как культурное определение успеха, так и нормативные средства его достижения. Бунтари — такие, как радикальные «борцы за выживание» — идут дальше, формируя контркультуру и отстаивая альтернативы существующему социальному порядку.

Девиантные субкультуры

Ричард Клоуорд и Ллойд Оулин (Cloward & Ohlin, 1966) развили теорию Мертона, предположив, что преступление рождается не только из недостатка законных возможностей, но и от легкой доступности незаконных возможностей. Другими

¹ От англ. *retreat* — уход, отступление. — Примеч. науч. ред.

словами, либо девиантность, либо конформность порождаются *структурой сравнительных возможностей*, которая задает рамки человеческой жизни.

Биография Аль Капоне показывает, как амбициозный человек, которому было отказано в законных возможностях, сумел воспользоваться возможностями незаконными, поставляя алкоголь в годы, когда тот был запрещен (1920–1933). Следовательно, незаконные возможности способствуют развитию *криминальных субкультур*, которые обеспечивают людей знаниями, навыками и другими ресурсами для преуспевания нетрадиционными способами. Капоне, например, построил криминальную империю. В самом деле: гангстеры специализируются на разнообразных видах криминальных деяний в соответствии с имеющимися возможностями и ресурсами (Sheley et al., 1995).

Но что происходит с людьми, которые не находят для себя никаких возможностей — ни законных, ни незаконных? В таких случаях девиантность зачастую выходит на поверхность в форме *конфликтных субкультур* (вооруженных уличных банд), когда к насилию подталкивают фрустрация и жажда почета. Те, кому не удается преуспеть даже с помощью криминальных методов, могут влиться в *ретреститские субкультуры*, выпасть за рамки общества из-за злоупотребления алкоголем и другими наркотиками.

Альберт Коэн (Cohen, 1971; 1-е изд. — 1955) полагает, что делинквентность наиболее распространена среди молодых людей из низших классов, потому что они располагают наименьшими возможностями добиться традиционного успеха. Поскольку общество ими пренебрегает, они пытаются обрести чувство собственного достоинства, создавая делинквентную субкультуру. В ней «достоинствами объявляются те качества, которые у них *есть*»; поведение, на которое они *способны*» (Cohen, 1971; p. 66). Если тебя боятся на улице, это небольшая заслуга в масштабах всего общества, но в рамках местной округи такая слава может удовлетворить желание юнца «быть достойной фигурой».

Уолтер Миллер (Miller, 1970; первое изд. — 1958) добавляет, что делинквентные субкультуры отличаются:

- *проблемностью*, возникающей из-за частых конфликтов с педагогами и полицией;
- *жесткостью*, так как физические параметры и сила ценятся превыше всего, особенно среди мужчин;
- *ловкостью* — умением преуспеть на улицах, перехитрить или «кинуть» других и избежать того же по отношению к себе;
- *потребностью в возбуждении* — поиском острых ощущений, риска и опасности;
- *фатализмом* — ощущением, что люди не являются хозяевами собственной жизни;
- *жаждой свободы*, которая нередко принимает форму враждебности по отношению к авторитетным и властным фигурам.

Наконец, Элайджа Андерсон (Anderson, 1994) объясняет, что большинство людей, живущих в бедных городских районах, придерживаются традиционных («благоразумных») ценностей. Однако отдельные молодые люди, столкнувшись с мест-

ной преступностью и насилием, враждебным отношением полиции, а иногда даже с пренебрежением со стороны родителей, берут на вооружение «уличный кодекс». Стремясь показать, что он в состоянии позаботиться о себе и, следовательно, выжить на улице, молодой человек «играет мускулами», демонстрируя готовность противостоять любой угрозе. Согласно такому кодексу, объясняет Андерсон, даже погибнуть от чужой руки для него лучше, чем быть объектом презрения окружающих. Некоторым удается избежать опасности, но риск закончить свои дни в тюрьме — или еще хуже — остается для этих молодых людей, выброшенных на обочину общества, очень высоким.

Критическая оценка. Заслуга Дюркгейма заключается в том, что он указал на функции девиантности. Однако, как показывают данные, общество не всегда единодушно в своей реакции на преступность; бывает, что страх перед ней понуждает людей отказаться от общественной жизни (Liska & Warner, 1991; Warr & Ellison, 2000).

Мертоновскую теорию напряжения критиковали за то, что отдельные виды девиантности (например, воровство) она объясняет намного лучше, чем другие (скажем, преступления в состоянии аффекта или совершенные в силу психического заболевания). Кроме того, вопреки теории напряжения не все ищут счастья в богатстве.

Главный аргумент Клоуорда и Оулина, Коэна, Миллера и Андерсона — то, что девиантность отражает структуру возможностей в обществе, — был подтвержден результатами последующих исследований (ср.: Allan & Steffensmeier, 1989; Uggen, 1999). Однако эти теории ошибочны в том своем пункте, что при суждении о должном и недолжном все люди придерживаются одинаковых культурных стандартов. Нам следует быть осторожными, чтобы при определении девиантности не задеть ни в чем не повинных людей из бедных слоев населения. Если мы причислим к преступлениям не только уличное воровство, но и биржевое мошенничество, то в преступники попадут более состоятельные люди. Наконец, все структурно-функциональные теории подразумевают, что девиантным оказывается любой, кто нарушает установленные правила. Однако, как показывает материал следующего раздела, превращение в девиантную личность на самом деле представляется чрезвычайно сложным процессом.

Ярлык девиантности: анализ с точки зрения символического интеракционизма

Парадигма символического интеракционизма объясняет, как люди определяют девиантность в обыденных ситуациях. Тогда дефиниции и девиантности и конформности оказываются на удивление гибкими.

Теория ярлыков

Парадигма символического интеракционизма позволила выдвинуть теорию ярлыков — положение, согласно которому девиантность и соответствие нормам вытекают не столько из человеческих деяний, сколько из реакции на них других людей. Здесь подчеркивается относительность девиантности — тот факт, что люди способны определять одно и то же поведение как им заблагорассудится; т. е. это поведение, которое люди считают отклоняющимся от норм (Becker, 1966).

ГЛОБАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Петушинные бои: культурный ритуал или издевательство над животными?

Вам не покажут этого по телевизору, но одним из самых популярных в мире видов спорта — от Северной Америки до Европы и Азии — являются петушинные бои. Они узаконены в некоторых округах Луизианы, Техаса, Нью-Мексико и Аризоны; являются крупным бизнесом в Мексике, а на Филиппинах выступают своего рода национальной забавой. Арена для петушинных боев важна там не меньше, чем главная площадь в каком-нибудь городке на американском Среднем Западе: она есть в каждой деревне, и там по выходным дням и в праздники собираются целые толпы зрителей.

На первый взгляд петушинные бои близки к азартным играм. Дневные и вечерние поединки могут состоять из десяти боев. Бой начинается с того, что владельцы петухов ставят птиц друг перед дружкой и заключают пари на сильнейшую. Зрители делают ставки. За ставками следит *кристо* — специальный человек, который стоит с протянутыми руками и принимает деньги.

Когда ставки сделаны и деньги лежат на столе, начинается сама битва. Каждый петух снабжен маленьким острым лезвием, пристегнутым к левой лапке. Петухи не особенно нуждаются в науськивании, но владельцы сначала раскачивают птиц, а потом бросают их на линии, прочерченные по песку арены. Едва коснувшись земли, птицы налетают друг на дружку, превращаясь в клубок из перьев и лап.

Бывает, что за несколько минут поединка одна из птиц выдыхается; владелец вмешивается, приводит ее в чувство, и бой продолжается. Однако вскоре лезвие находит свою цель. Победитель — птица, которая будет жить, чтобы сразиться на следующий день, — возвышается над поверженной, для которой бои закончились навсегда.

Во многих странах мира петушинные бои являются важным мужским ритуалом. Владельцы боевых петухов растят их по два года, часто — с колоссальными затратами, и заботятся о них, как о родных сыновьях. Мужчины проверяют таким образом свою мужественность, определяют место в неофициальной иерархии общины и преподают сыновьям уроки чести, соперничества и мужества.

Многих сторонних наблюдателей это зрелище отталкивает. Но для своих петушинные бои важны. Следует ли заклеймить происходящее как жестокость или отнестись к зрелищу с уважением, как к церемонии?

Источники: по материалам *The Economist*, 1994; Harris, 1994; и результатам личных исследований автора на Филиппинах

Представим такие ситуации: женщина берет что-то из одежды у своей соседки по комнате; женатый мужчина, будучи в командировке, «снимает» проститутку; *мэр* передает крупный городской контракт главному спонсору своей избирательной кампании. Во всех случаях «реальность» зависит от реакции других. Что произошло в первом случае — одалживание или кража? Последствия второй истории зависят в основном от того, узнают ли о поведении мужчины дома. А как поступает чиновник: выбирает хорошего подрядчика или оплачивает политические долги? Социальное конструирование реальности оказывается вариативным процессом обнаружения, определения и реакции.

В целом, поскольку «реальность» зависит от времени и места, то, что в одном обществе считается конформностью, в другом оказывается девиантностью. В ма-

териале врезки рассказывается о петушиных боях. Что это за спорт — важный культурный ритуал или издевательство над животными?

Первичная и вторичная девиантность. Эдвин Лемерт (Lemert, 1951, 1972) заметил, что в некоторых случаях нарушение норм — например, прогуливание уроков или употребление алкоголя в возрасте, когда это запрещено законом — вызывает слабую реакцию со стороны окружающих и мало влияет на «Я»-концепцию человека. Подобные эпизоды Лемерт называет *первичной девиантностью*.

Но что же происходит, когда определенного рода поведение окружающие не только замечают, но и предпринимают в связи с ним некие действия? Если люди, например, начинают называть молодого человека «пьяницей» и исключают его из своего социального круга, он может еще больше озлобиться, станет пить больше и искать компании тех, кто одобрит его поведение. Такая реакция приводит в действие *вторичную девиантность*, благодаря чему человек постоянно нарушает нормы и приобретает девиантную идентичность. Все это показывает практическое осуществление теоремы Томаса (см. главу 6 «Социальное взаимодействие в повседневной жизни»), которая гласит: «Ситуации, определенные как реальные, становятся таковыми по своим последствиям».

Стигма. Вторичная девиантность знаменует начало того, что Ирвинг Гоффман (Goffman, 1963) называет *девиантной карьерой*. Когда подобное поведение прочно входит в привычку, люди обычно приобретают *стигму, выраженный негативный ярлык, который сильнейшим образом изменяет понимание индивидом себя и его социальную идентичность*.

Стигма становится доминирующим статусом (см. главу 6), подминая под себя другие аспекты социальной идентичности так, что индивид дискредитируется в сознании других, превращаясь в социально изолированное лицо. Иногда сообщество в целом определяет именно такой статус человеку в процессе того, что Гарольд Гарфинкель (Garfinkel, 1956) называет *церемонией низведения*. Примером служит приговор за криминальное деяние, что похоже на школьный выпуск, только наоборот: человек готовится получить не позитивный, а негативный ярлык.

Наделение ярлыками в ретроспективе и на перспективу. Утверждая стигму человека, люди *наделяют его ярлыками в ретроспективе*, интерпретируя его прошлое под углом зрения девиантности, проявляемой в настоящем (Scheff, 1984). Например, когда обнаруживается, что священник занимался растлением малолетних, люди задумываются: «А ведь он всегда любил окружать себя детьми». Такой способ искажает биографию индивида своей крайней избирательностью и способствует углублению девиантной идентичности.

Также отмечается и *наделение ярлыками на перспективу*. Это означает, что люди выводят будущие поступки из девиантной идентичности. Например, о священнике могут сказать: «Он так и будет поступать, пока его не поймают». Подобные ожидания способны повысить вероятность того, что они сбудутся.

Ярлыки и психические заболевания. Как отнестись к женщине, которая полагает, что Иисус ежедневно ездит с ней в автобусе на работу, — больна ли она психически или просто выражает свою глубокую религиозную веру? Если холодной ночью бездомный бродяга упирается, когда полиция хочет забрать его в городской приют, то болен ли он психически или просто отстаивает свою независимость?

Психиатр Томас Сас (Szasz, 1961, 1970, 1994, 1995) утверждает: люди навешивают ярлык «безумия» на то, что является всего лишь «инаковостью». Поэтому нам следует полностью отказаться от концепции психического нездоровья. Болезнь, продолжает автор, есть нечто материальное и затрагивает только тело; «психическое» же заболевание — миф. Мир полон людей, чья «инаковость» в мыслях и действиях может нас раздражать, но это еще не повод называть кого бы то ни было психически больным. Навешивание подобных ярлыков, по мнению Саса, просто привязывает конформность к стандартам людей достаточно могущественных, чтобы навязывать свою волю другим.

Большинство профессионалов, охраняющих психическое здоровье, отвергают мнение, объявляющее соответствующие заболевания фикцией. Но некоторые приветствуют труды Саса, считая, что в них указано на опасность использования медицины для усиления конформности. В конце концов, у большинства из нас бывают периоды сильнейшего стресса или иной душевной неустойчивости. Подобные эпизоды, хотя и прискорбны, обычно преходящи. Но если другие реагируют на них навешиванием негативных ярлыков, то отдаленным результатом может стать усугубление девиантности, принимающей форму сбывающегося пророчества (Scheff, 1984; Rosenfeld, 1997).

Медикализация девиантности

Теория ярлыков, особенно идеи Саса и Гоффмана, помогает уяснить то, как общество понимает девиантность. За последние 50 лет рост влияния психиатрии и вообще медицины в США привел к **медикализации девиантности** (*трансформации моральной и правовой девиантности в медицинскую характеристику*).

Это означает замену одного набора ярлыков на другой. С точки зрения морали мы оцениваем людей и их поведение исходя из понятий «плохо» и «хорошо». Однако научная объективность современной медицины не разрешает выносить каких-либо моральных суждений; это выставление клинического диагноза — «болен» или «здоров».

В качестве иллюстрации можно напомнить, что вплоть до середины XX в. алкоголиков считали морально слабыми людьми, которых легко соблазнить выпивкой. Однако специалисты-медики пересмотрели свою точку зрения на алкоголизм: теперь большинство считает его болезнью, а алкоголиков — не «плохими», а «больными». Так и обжорство, наркомания, жестокое обращение с детьми, сексуальная неразборчивость и прочие паттерны поведения, которые обычно оценивались с позиции морали, сегодня широко подаются в качестве заболеваний, от которых людей нужно лечить, а не наказывать.

Различия, произведенные ярлыками. Наше определение девиантности как либо моральной, либо медицинской проблемы чревато тремя последствиями. Во-первых, от него зависит, кто именно реагирует на девиантность. Преступление против общепринятой морали обычно вызывает реакцию у членов общины или полиции. Однако медицинский ярлык переводит ситуацию под контроль клинических специалистов, включая консультантов, психиатров и врачей общего профиля.

Второе различие заключено в *характере реакции людей* на девиантность. Моральный подход определяет девиантную личность как «преступника», подлежаще-

го наказанию. Однако с медицинской точки зрения «пациенты» нуждаются в лечении (конечно, для их собственного блага). Поэтому, если по замыслу наказание идет рука об руку с преступлением, то лечебные программы предназначены для пациентов и могут превращаться почти в любую разновидность терапии, которая, по мнению специалиста, предотвратит заболевание в будущем (von Hirsch, 1986). В результате, если наказание пристально отслеживается законом, то лечение не столь надежно гарантирует «надлежащую процедуру».

Третьим, и самым важным, является то, что такого рода ярлыки предполагают различие в *личной компетенции девиантного человека*. Если судить с моральной точки зрения, то мы можем быть правы или неправы, но в любом случае несем ответственность за свое поведение. Однако названные больными, мы предстаем людьми, неспособными контролировать (или, в случае «психического заболевания» даже понимать) наши действия. Такие некомпетентные люди, в свою очередь, подвергаются принудительному лечению. По этой причине попытки определять девиантность в медицинских терминах должны предприниматься с крайней осторожностью.

Теория дифференциальной ассоциации Сазерленда

Научение любому образцу поведения, традиционному или девиантному, представляет собой социальный процесс, протекающий в группах. Следовательно, согласно Эдвину Сазерленду (Sutherland, 1940), склонность индивида к конформности или девиантности зависит от количества контактов с другими, которые либо поощряют, либо отвергают традиционное поведение. В этом заключается теория *дифференциальной ассоциации* Сазерленда.

Ее можно проиллюстрировать исследованием, посвященным употреблению наркотиков и алкоголя среди американской молодежи (Akers et al., 1979). Ответы на вопросники, розданные в младших и старших классах средней школы, показали тесную взаимосвязь между уровнем потребления алкоголя и наркотиков и степенью, в которой подобные действия поощрялись группами сверстников. Исследователи сделали вывод, что молодые люди берут на вооружение делинквентные образцы в той мере, в какой они встречают одобрение и вознаграждаются за положительное определение девиантности в противовес конформности.

Теория контроля Хирши

Социолог Тревис Хирши (Hirschi, 1969; Gottfredson & Hirschi, 1995) разработал *теорию контроля*, гласящую, что социальный контроль зависит от способности представить последствия своего поведения. Автор полагает, что перед всеми людьми время от времени возникают определенные девиантные соблазны. Однако большинство удерживается от них, представив реакцию семьи и друзей; кроме того, почти любого человека остановит перспектива разрушения карьеры. Однако те люди, которым кажется, будто им нечего терять, становятся нарушителями правил.

Если быть точнее, продолжает Хирши, то существуют четыре типа социального контроля:

1. **Привязанность.** Прочные социальные связи побуждают к конформности; слабые связи, которые установились в семье, группе равных и школе, оставляют людям свободу для погружения в девиантность.

2. **Приверженность.** Чем больше человек привержен реализации законных возможностей, тем больше преимущества конформности. Напротив, тот, кто не слишком уверен в своем будущем успехе, скорее склонится к девиантности.
3. **Включенность.** Широкая включенность в деятельность, которая расценивается как законная — в работу, учебу и спорт, — тормозит развитие девиантности. У тех же людей, что «болтаются без дела» в ожидании удачи, хватает времени и энергии на девиантную деятельность.
4. **Убежденность.** Твердая убежденность в общепринятой морали и уважение к авторитетным фигурам сдерживают девиантные наклонности. Не слишком сознательные люди, оставленные без надзора, больше подвержены соблазнам и искушениям (Osgood et al., 1996).

В анализе Хирши сведены воедино более ранние представления о причинах девиантного поведения. Обратите внимание, что относительная социальная привилегированность человека и сила его моральных устоев помогают ему придерживаться общепринятых норм (Wiatrowski, Griswold & Roberts, 1981; Sampson & Laub, 1990; Free, 1992).

Критическая оценка. Разнообразными теориями, созданными в рамках символического интеракционизма, девиантность рассматривается как процесс. Теория ярлыков связывает ее не с *действием*, а с *реакцией* окружающих. Таким образом, одни люди причисляются к девиантным, тогда как другие, ведущие себя или мыслящие в точности так же, — нет. Понятия вторичной девиантности, девиантных карьер и стигмы демонстрируют, каким образом это приводит к соответствующей «Я»-концепции.

Насилие, творимое бандами, — обычное дело для больших городов США. Молодежь, выброшенная на обочину американской жизни, вступает в банды и выбирает насилие как средство для того, чтобы обрести ощущение принадлежности и значимости. Однако цена зачастую оказывается несоизмеримо высокой. Этот покрытый граффити мемориал в память о погибшем члене банды находится в Бриджпорте, штат Коннектикут

И все же у теории ярлыков есть ряд недостатков. Во-первых, игнорируется тот факт, что некоторые разновидности поведения — например, убийство — порицаются почти повсеместно (Wellford, 1980). Поэтому теория ярлыков точна в том случае, когда дело касается менее серьезной девиантности — например, наркомании или психического заболевания. Во-вторых, результаты исследования последствий такого рода вынесения ярлыков неубедительны (Smith & Gartin, 1989; Sherman & Smith, 1992). Усугубляется ли девиантность или приостанавливается? В-третьих, перспектива быть отнесенным к девиантным лицам возмущает не каждого, некоторые к этому сами стремятся (Vold & Bernard, 1986). Например, люди участвуют в акциях гражданского неповиновения и охотно дают себя арестовать, чтобы привлечь внимание к социальной несправедливости.

Значительное влияние на социологию оказали теории дифференциальной ассоциации Сазерленда и контроля Хирши. Но они не объясняют, почему социальные нормы и законы объявляют девиантными определенные виды деятельности. Этого важного вопроса касается анализ социального конфликта, который будет рассмотрен в следующем разделе.

Девиантность и неравенство: анализ социального конфликта

Парадигма социального конфликта показывает, каким образом в девиантности отражается социальное неравенство. Согласно данному подходу, объявление кого-либо или чего-либо «девиантным» зависит от категории людей, которые располагают властью.

Девиантность и власть

Александр Лиазос (Liazos, 1972) указывает, что общая черта людей, которых мы обычно считаем девиантными («психов», «шлюх» и «извращенцев») — бесправие. Подобное клеймо несут на себе уличные женщины (но не корпоративные деятели, загрязняющие окружающую среду) и безработные бродяги (но не торговцы оружием).

Теория социального конфликта объясняет данный феномен трояким образом. Во-первых, нормы — и особенно законы — любого общества отражают, как правило, интересы богатых и властных слоев. Люди, посягающие на их состояния — отнимая собственность, призывая к более равноправному обществу — объявляются «обычными ворами» или «политическими радикалами». Как отмечалось в главе 4 («Общество»), Карл Маркс утверждал: закон — и все социальные институты — защищают интересы богатых. Или, как подает это Ричард Квинни, «капиталистическое правосудие осуществляется классом капиталистов — для класса капиталистов и против рабочего класса» (Quinney, 1977; p. 3).

Во-вторых, даже если их поведение оспаривается, власть имущие располагают ресурсами, позволяющими воспротивиться навешиванию девиантных ярлыков. Руководители корпораций, отдающие приказы о сбросе ядовитых отходов, редко несут за это персональную ответственность. Более того: как выяснилось в суде над О. Дж. Симпсоном, богачи, даже будучи обвиненными в насильственных преступлениях, сопротивляются тому, чтобы их называли преступниками.

В-третьих, широко распространенная убежденность в естественном и благом характере норм и законов маскирует их политическую суть. По этой причине мы можем порицать неравноправное применение законов, но не задумываемся над их якобы изначальной справедливостью (Quinney, 1977).

Девиантность и капитализм

В марксистских традициях Стивен Спитцер (Spitzer, 1980) утверждает, что девиантные ярлыки навешиваются на тех людей, которые препятствуют капиталистической деятельности. Во-первых, поскольку капитализм опирается на частный контроль над материальными благами, те люди, которые угрожают чужой собственности (особенно бедные, крадущие у богатых), оказываются основными кандидатами на статус девиантных. Напротив, таковыми вряд ли назовут богачей, эксплуатирующих неимущих. Так, лендлорды, облагавшие бедных арендаторов непосильной рентой и изгонявшие всех, кто не мог заплатить, не считались угрозой для общества; это был всего лишь «бизнес».

Во-вторых, коль скоро капитализм зависит от производительного труда, те люди, которые не могут или не хотят работать, рискуют быть причисленными к категории девиантных. Многие члены нашего общества полагают, что все безработные, пусть и не по своей вине, девиантны.

В-третьих, капитализм зависит от уважения к властным фигурам, а потому нарушающими нормы считаются те, кто так не поступает. Примерами здесь выступают дети, которые прогуливают школу или дерзят родителям и учителям, а также взрослые, не сотрудничающие с работодателями или полицией.

В-четвертых, девиантным наверняка назовут любого, кто открыто оспаривает капиталистическое *status quo*. В эту категорию попадают активисты антивоенных движений, радикальные защитники окружающей среды и профсоюзные лидеры.

Вместе с тем общество определяет позитивным все, что служит процветанию капиталистической системы. Например, чемпионы в различных видах спорта считаются знаменитостями, так как они выражают ценности индивидуальных достижений и конкуренции, столь важные для системы капитализма. Спитцер отмечает, что мы осуждаем употребление наркотиков, содействующих бегству от реальности (марихуаны, психоделиков, героина и крэка), но одобряем те наркотические средства, которые способствуют приспособлению к *status quo* (алкоголь, табак и кофеин).

Капиталистическая система стремится также контролировать людей, в нее не вписывающихся. Старики, инвалиды по психическим и соматическим заболеваниям, а также изгои, по классификации Роберта Мертона (люди, пристрастившиеся к алкоголю или другим наркотикам), считаются «излишним, но сравнительно безобидным» общественным бременем. Такие люди, по словам Спитцера, контролируются службами социального обеспечения. Но и те люди, которые открыто бросают вызов капиталистической системе (скажем, низшие слои городского общества и революционеры) — инноваторы и бунтари, согласно Мертону, — контролируются системой уголовного права, а в острые периоды — и вооруженными силами: например, национальной гвардией.

И система социального обеспечения, и система уголовного права обвиняют в социальных проблемах не само общество, а человека. Лица, живущие на пособие, считаются недостойными иждивенцами; бедняков, которые дают выход своей ярости, клеймят как мятежников; любого, кто критикует правительство, называют радикалом или коммунистом, а тех, кто пытается незаконным путем приобрести то, чего им не получить иначе, отлавливают, как обычных уголовников.

Преступность среди «белых воротничков»

В 1987 г. Майкл Милкен, биржевой маклер с Уолл-стрит, попал на первые полосы газет как самый высокооплачиваемый работник за полувековой отрезок истории США. Его годовое жалование и премии составили \$550 млн, *около \$1,5 млн в день*. Такая сумма ставила Милкена сразу после Аль Капоне, чьи заработки, говорят, в 1927 г. достигли \$600 млн в нынешнем эквиваленте (Swartz, 1989). У Милкена было нечто общее с Капоне: его посадили за мошенничество в бизнесе.

Милкен совершил преступление «белых воротничков» — *совершаемое людьми высокого социального положения в их профессиональной деятельности* (Sutherland & Cressey, 1978). Как показывает это дело, подобная преступность не связана с насилием, и в ее случае вооруженные полицейские едва ли будут нужны. Такого рода преступники используют свое могущественное профессиональное положение, чтобы обогатить себя и других, в результате чего обществу причиняется немалый ущерб (Hagan & Parker, 1985; Vold & Bernard, 1986). По этой причине социологи иногда называют эти деяния «белых воротничков» (совершаемые представителями власти и управляющими корпораций) *преступлениями в костюмах (in the suites)* в противовес *уличной преступности (in the streets)*.

Наиболее частые преступления «белых воротничков» — банковские хищения, мошенничество в бизнесе, взяточничество и нарушения антимонопольного законодательства. Конечно, некоторые из таких правонарушений приносят обществу незначительный ущерб. Но многие дела — например, скандал вокруг ссуд и сбережений в 1980-е — привлекают к себе огромное внимание и причиняют колоссальный вред (Weisburd et al., 1991). Государственная программа по спасению вкладов обошлась налогоплательщикам США в \$600 млрд, — по \$2500 на человека.

Сазерленд (Sutherland, 1940) объясняет, что преступления «белых воротничков» обычно заканчиваются не в зале суда, а гражданскими слушаниями. *Гражданское право* регулирует деловые отношения между частными сторонами, тогда как *уголовное* определяет моральную ответственность индивида перед обществом. На практике, таким образом, тот, кто проигрывает гражданское дело, оплачивает нанесенный ущерб, но не называется преступником. Кроме того, корпоративные чиновники защищены тем, что чаще всего в такого рода преступлениях обвиняют организацию, а не конкретных людей.

В редких случаях, когда все-таки обвинение предъявляется и выносится приговор, существует один шанс из двух, что преступники так и не окажутся за решеткой. По некоторым данным, к тюремному заключению были приговорены всего 54% расхитителей, признанных виновными федеральными судами США; остальных отпустили на поруки или заставили выплатить штраф (U. S. Bureau of Justice Statistics, 2000).

Корпоративная преступность

Иногда закон нарушают не отдельные люди, а целые компании. **Корпоративное преступление** — это *незаконные действия корпорации или лиц, действующих от ее имени*.

Диапазон таких правонарушений — от продажи заведомо дефектной или опасной продукции до сознательного загрязнения окружающей среды (Benson & Cullen, 1998). Если удастся доказать злой умысел со стороны руководителей или их агентов, эти люди подвергаются уголовному преследованию. Однако, как и в случае с преступностью «белых воротничков», большинство такого рода действий остается безнаказанным, а многие никогда не предаются широкой огласке.

Однако подобная преступность угрожает жизни людей, причем дело не только в долларах. Так, угледобывающие компании десятилетиями подвергают шахтеров риску, вынуждая их дышать угольной пылью, из-за чего сотни людей ежегодно умирают от легочных заболеваний. Смертность от всех *известных компаниям* профессиональных факторов, представляющих опасность для жизни, превышает 100 тыс. случаев в год (Reiman, 1998; Carroll, 1999; Jones, 1999b). Не так давно компания *Bridgestone Firestone* выбросила на рынок бракованные автомобильные покрышки, утаив сведения об опасности их использования, пока ей все-таки не пришлось отозвать обратно 6,5 млн единиц этого товара. При эксплуатации шин *Bridgestone Firestone* в США отслоение протекторов привело к гибели 271 человека, а в судах рассматривались многочисленные иски (Eisenberg, 2000; Morris & Lavelle, 2000).

Организованная преступность

Организованная преступность — *бизнес, поставляющий незаконные товары или услуги*. Иногда криминальные организации принуждают людей к сотрудничеству, как это бывает, когда банда вымогает деньги у мелких торговцев ради «их же защиты». Однако в большинстве случаев организованная преступность связана с продажей желающим незаконных товаров и услуг, включая секс, наркотики и азартные игры.

В США она процветала более 100 лет. Ее деятельность расширилась, когда потоки иммигрантов обнаружили, что это общество не собирается открывать для них свои возможности. Поэтому некоторые амбициозные представители меньшинств (подобно Аль Капоне, о котором было сказано выше) добились успеха на свой манер, особенно в годы «сухого» закона, когда с 1920 по 1933 г. на всей территории США запретили продажу алкогольных напитков.

Известным образчиком организованной преступности является итальянская мафия. Но есть и другие криминальные организации, в которые входят афроамериканцы, китайцы, колумбийцы, кубинцы, гаитяне, русские и представители почти всех остальных расовых и этнических категорий. Более того: сегодняшняя организованная преступность занята разнообразнейшей деятельностью, включая наркоторговлю, проституцию, подделку кредитных карточек и торговлю фальшивыми документами для нелегальных иммигрантов (Valdez, 1997).

Критическая оценка. Согласно теории социального конфликта, имущественное и властное неравенство руководит изданием и применением законов и прочих норм. Поэтому системы уголовного правосудия и социального обеспечения

выступают в роли политических агентов, контролируя те категории людей, которые угрожают существованию капиталистической системы.

Однако, как и другие представления о девиантности, теория социального конфликта имеет своих противников. Во-первых, из нее следует, что законы и прочие культурные нормы непосредственно создаются в кругах людей, располагающих властью и богатством. Такое представление чересчур упрощенное, ибо законы помимо прочего защищают рабочих, потребителей и окружающую среду, иногда расходясь с интересами толстосумов.

Во-вторых, из анализа социального конфликта следует, что преступность — явление, зависящее от того, насколько высока степень экономического неравенства. Однако, как отметил Дюркгейм, девиантность существует повсюду, независимо от экономической системы.

В табл. 8.1 суммированы рассмотренные нами социологические объяснения преступности и других типов девиантности.

Таблица 8.1

Социологические объяснения девиантности: резюме

Теоретическая парадигма	Основные представления
Структурный функционализм	Девиантность определяется по-разному, но обнаруживается во всех обществах; девиантность и та социальная реакция, которую она влечет за собой, укрепляют моральные устои общества; девиантность также может задавать направление социальному изменению
Символический интеракционизм	Ничто не бывает девиантным изначально, но может быть названо таковым в силу реакции других людей; эти реакции весьма вариативны; причисление кого-либо к девиантным личностям может привести к развитию вторичной девиантности и девиантных карьер
Социальный конфликт	Законы и прочие нормы отражают интересы власть имущих; тех, кто угрожает <i>status quo</i> , обычно причисляют к девиантным личностям; социальный ущерб, причиненный властью имущими, реже расценивается как криминал, чем ущерб, нанесенный людьми, не облеченными властью

Девиантность и социальная разнородность

Что именно считается девиантным, во многом зависит от власти и привилегий, которыми располагают те или иные категории людей. В следующих разделах указаны примеры: мотивация преступлений, основанная на расовой ненависти и этнической враждебности, и связь девиантности с гендерной принадлежностью.

Преступления из ненависти

Преступление из ненависти — *преступное действие, направленное против человека или его собственности, которое совершается преступником, побуждаемым расовой или какой-либо иной предвзятостью.*

В преступлении из ненависти может отражаться враждебность по отношению к чьей-либо расовой, религиозной принадлежности, происхождению, сексуальной ориентации или физической инвалидности.

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Преступления из ненависти: что карается законом — действия или установки?

Холодным октябрьским вечером Тодд Митчел, тинейджер-афроамериканец, стоял с приятелями перед своим жилым комплексом в Кеноша, штат Висконсин. Они только что посмотрели фильм «Миссисипи в огне» и рассвирепели от сцены, где белый мужчина избивал чернокожего паренька, который на коленях молил его о пощаде.

«Не хотите заняться белыми?» — спросил Митчел. Через несколько минут они увидели белого мальчика, шедшего в их сторону по другой стороне улицы. Митчел скомандовал: «Вон идет белый пацан; берем его!» Группа окружила мальчишку, избивала его до крови и оставила лежать без сознания. В качестве трофея нападавшие забрали его теннисные туфли.

Полиция вскоре арестовала напавших и предъявила им обвинение в нанесении побоев. Присяжные признали Митчела виновным в нанесении особо тяжких побоев, *побуждаемом расовой ненавистью*. Вместо приговора к 2-летнему тюремному заключению Митчел отправился за решетку на 4 года.

Как видно из этого случая, закон карает преступления из ненависти более сурово, если преступник исходил из предвзятого отношения к той или иной категории людей. Сторонники выдвигают три аргумента в поддержку закона о преступлениях из ненависти. Во-первых, при оценке уголовной ответственности всегда важен умысел преступника, а потому нет ничего нового в том, чтобы рассматривать ненависть в таком качестве. Во-вторых, преступления на почве расовой или какой-либо иной предвзятости сильнее разжигают страсти в обществе, чем совершенные, скажем, из денежных интересов. В-третьих, жертвам преступлений из ненависти обычно наносятся более тяжелые увечья, чем в иных случаях.

Критики возражают, говоря, что хотя некоторые примеры таких преступлений, связаны с закоренелым расизмом, большинство из них представляет собой импульсивные действия, совершенные молодыми людьми. Кроме того, как указывают они, законы о преступлениях из ненависти угрожают свободе слова, гарантированной Первой поправкой. Подобные законы позволяют судам выносить приговоры не за действие, но за установки. Как предостерегает профессор юриспруденции из Гарварда Алан Дершовиц, «я ненавижу фанатизм, но гораздо больше боюсь того, что суд попытается контролировать умы граждан». Иными словами, по мнению критиков, законы о преступлениях из ненависти позволяют наказывать не за поведение, а за убеждения.

В 1993 г. Верховный суд США оставил приговор Митчела в силе. В своем единодушном решении судьи констатировали, что правительство не должно наказывать индивида за его убеждения. Но, рассудили они, убеждение лишается защиты, когда становится мотивом для преступления.

А как считаете вы:

1. Действительно ли преступления на почве ненависти наносят больший ущерб, чем те, к которым привела, допустим, алчность? Почему?
2. Сторонником или противником законов о преступлениях из ненависти вы являетесь? Почему?
3. Должны ли представители меньшинств — например, афроамериканцы — подпадать под действие законов о преступлениях из ненависти так же, как и белые? Почему?

В 1998 г. большинство людей были шокированы зверским убийством Мэтью Шепарда, студента-гея из университета штата Вайоминг, которое совершили двое мужчин, переполненных ненавистью к гомосексуалистам. Государственная оперативная комиссия по проблемам геев и лесбиянок сообщает, что каждый пятый гей и каждая пятая лесбиянка подвергаются оскорблению действием и свыше 90% из них выслушивают в свой адрес оскорбления, связанные с их сексуальной ориентацией (см.: Berrill, 1992; p. 19–20). Жертвами преступлений из ненависти особенно часто становятся люди с многочисленными стигмами — например, геи-афроамериканцы. Федеральное правительство ежегодно регистрирует свыше 8 тыс. преступлений на почве ненависти.

К 2001 г. 43 штата и федеральное правительство ввели закон об ужесточении наказания за преступления, вызванные ненавистью. Сторонники подобных мер удовлетворены, но противники заявляют, будто подобные законы карают не поступки, но мысли. Законы, касающиеся таких преступлений, подробнее рассматриваются выше («Преступления из ненависти: что карается законом — действия или установки?»).

Девиантность и гендер

Практически во всех обществах женщины связаны более строгими нормативными установлениями, чем мужчины. В США жизнь женщин исторически сосредоточивалась на выполнении домашних обязанностей. Даже теперь возможности для их самореализации на работе, в политике, спорте и на военной службе остаются ограниченными. В других же странах мира перед женщинами воздвигнуты еще большие препятствия. В Саудовской Аравии они лишены права голоса и им запрещено водить машину; в Иране женщину, которая посмеет обнажить свои волосы или прилюдно пользоваться косметикой, могут даже высечь.

Гендерный фактор сказывается и в рассмотренных ранее теориях девиантности. Так, предложенная Робертом Мертоном, например, кажется маскулинной тем, что определяет культурные цели с точки зрения финансового успеха. Накопление богатства — по крайней мере в традиционном представлении — преимущественное дело мужчин, тогда как женщины социализируются таким образом, чтобы определять успех с точки зрения отношений и связей, особенно брачных и материнских (Leonard, 1982). Теория, сфокусированная на женщинах, могла бы признать существование напряжения, исходящего из того, что культурный идеал равенства наталкивается на реальность неравенства, обусловленного гендерной принадлежностью.

Если говорить о теории ярлыков, следует отметить, что гендер влияет на наше определение девиантности, ибо люди обычно используют различные стандарты при оценке поведения мужчин и женщин. Более того, поскольку общество позволяет мужчинам властвовать над женщинами, первым удается избежать ответственности за виктимизацию второй социальной группы. Так, в прошлом тех мужчин, которые сексуально преследовали женщин или совершали изнасилование, даже не всегда считали преступниками.

Вместе с тем женщинам, которые подверглись виктимизации, приходится убеждать недоброжелательную аудиторию, что они не провоцировали сексуального

преследования. В исследованиях подтверждается важная истина: определение людьми ситуации как девиантной — и причин такого положения — зависит от пола действующих лиц и гендерного состава аудитории (King & Clayson, 1988).

Наконец, хотя анализ социального конфликта сфокусирован на социальном неравенстве, значением гендера он пренебрегает. Если, как вытекает из теории социального конфликта, главной причиной преступности является экономическое неблагополучие, почему женщины (экономическое положение которых намного хуже, чем мужчин) совершают гораздо меньше преступлений, чем мужчины?

Преступление

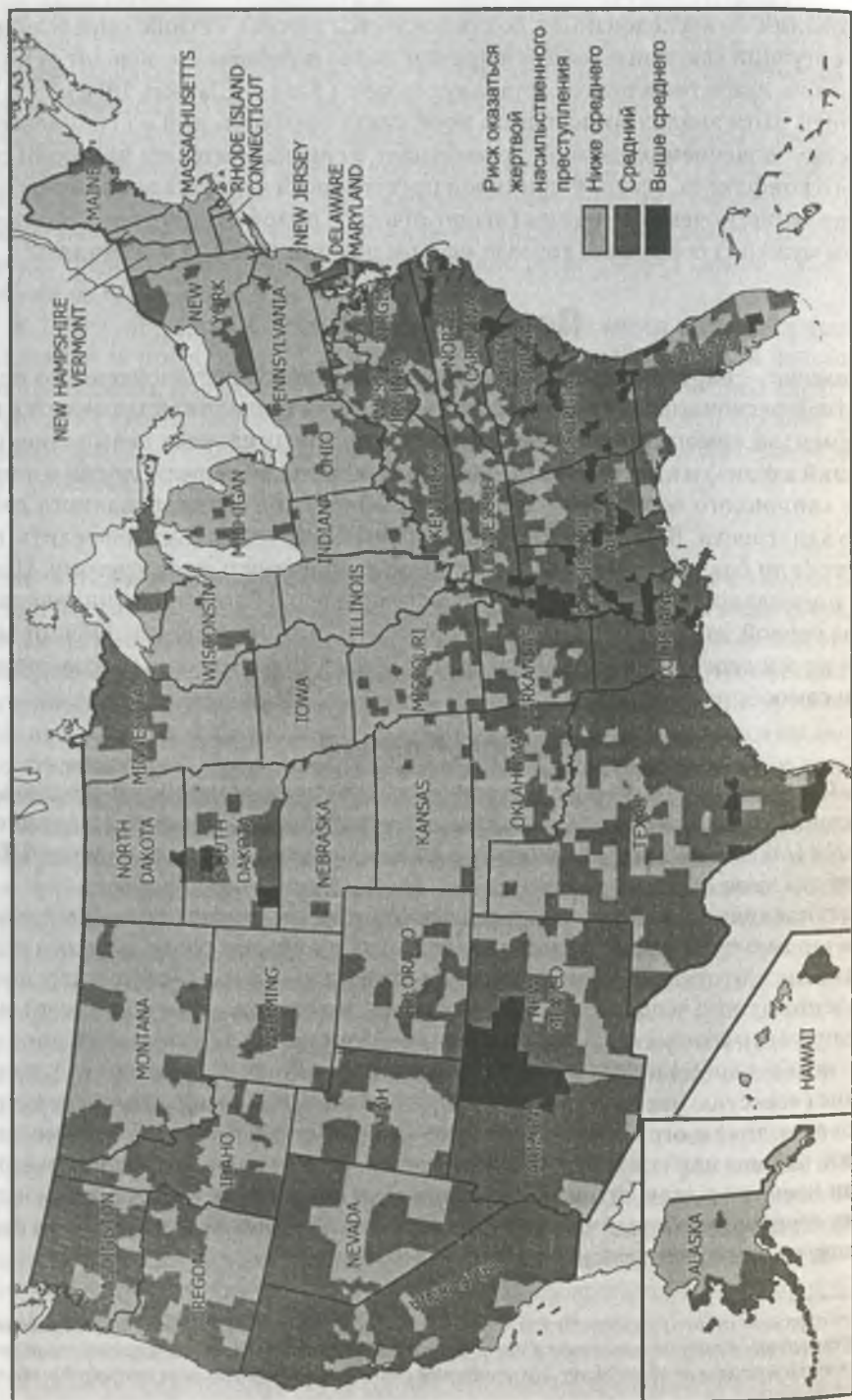
Преступление — нарушение уголовного законодательства, установленного правительством региона, штата или государства. Все преступления складываются из двух элементов: самого по себе *деяния* (или в некоторых случаях невыполнения требований закона) и *преступного умысла* (в юридической терминологии — *mens rea*, или «виновного сознания»). Умысел колеблется от спланированного действия до халатности. В последнем случае человек не хочет никому навредить, но действует (или бездействует) так, что это может причинить вред другому. Прокуроры оценивают степень умысла, решая, например, обвинить ли индивида в убийстве первой, второй степени или в убийстве по неосторожности. Обвинения может и не последовать, если власти сочтут убийство оправданным, совершенным при самообороне.

Типы преступлений

В США Федеральное бюро расследований собирает информацию об уголовных преступлениях и регулярно отчитывается о результатах в издании под названием *Crime in the United States* («Преступность в США»). «Криминальный индекс» ФБР образуют два типа преступлений.

Преступлениями против личности называются *такие, которые связаны с насилем или угрозой применения насилия по отношению к другим лицам*. К такого рода преступлениям относятся умышленное убийство и убийство («преднамеренное умерщвление одного человеческого существа другим» на юридическом языке), нападение при отягчающих обстоятельствах («незаконное нападение одного лица на другое с целью нанесения серьезных или тяжких телесных повреждений»), изнасилование («сексуальное познание женщины, совершенное насильственным путем и против ее воли») и ограбление («изъятие или попытка изъять нечто ценное из-под опеки, охраны или контроля лица или лиц силой или под угрозой применения силы или насилия и/или путем запугивания жертвы»). Карта США 8.1 демонстрирует ту степень, в которой человек рискует стать жертвой насильственного преступления; на ней представлены все округа США¹.

¹ Эта карта отражает степень опасности для человека стать жертвой насильственного преступления. В целом самый высокий риск отмечается в сельских округах с низким уровнем доходов, где велика доля мужчин в возрасте от 15 до 24 лет. По прочтении соответствующего раздела попробуйте объяснить этот феномен.

Карта США в. 1. Риск оказаться жертвой насильственного преступления в США. Источник: American Demographics, December 2000

Преступлениями против собственности называются *такие, которые связаны с похищением чужой собственности*. К ним относятся кража со взломом («незаконное проникновение в помещение для совершения [тяжкого преступления] или кражи»), похищение имущества («незаконное изъятие, унесение, увод или угон чужой собственности»), кража автотранспортного средства («кража или попытка кражи моторного транспортного средства») и поджог («любое умышленное или злонамеренное поджигание или попытка поджога чужой собственности»).

Третьей категорией преступлений, не причисленных к основным криминальным индексам, выступают **преступления без потерпевших** — *нарушения закона, когда нет явных потерпевших*. Они также называются «преступлениями без исков», — например, незаконное употребление наркотиков, проституция и азартные игры. Однако данный термин неудачен. Насколько без жертв обходится преступление, если людям приходится воровать, чтобы удовлетворить свое наркотическое пристрастие? Как быть с беременной женщиной, которая потребляет крэк, угрожая жизни своего ребенка? Наверное, правильнее сказать, что люди, совершающие такого рода преступления, являются сразу и жертвами и преступниками.

Поскольку общественные представления настолько различны, повсеместно различаются и законы. В США азартные игры разрешены лишь в нескольких округах 23 штатов; проституция узаконена лишь в одном (сельские округа Невады). Но оба вида деятельности широко практикуются по всей стране. Примерно в половине штатов законом запрещено гомосексуальное (и определенное гетеросексуальное) поведение, практикуемое с обоюдного согласия взрослых партнеров. Там, где существуют такие законы, они применяются не слишком сурово и избирательно.

Криминальная статистика

Статистические данные, собранные Федеральным бюро расследований, говорят о росте преступности в период между 1960 и 1990 гг., после чего ее уровень пошел на спад. Полиция ежегодно регистрирует почти 12 млн серьезных преступлений. На рис. 8.2 представлена динамика разнообразных тяжких преступлений.

Однако, знакомясь с криминальной статистикой, следует помнить, что она учитывает только те преступления, которые зарегистрировала полиция. Если фиксируются почти все убийства, нападения — особенно людей, которые знают друг друга — зачастую не попадают в полицейские сводки. Еще меньше данных о преступлениях против собственности, особенно когда потери невелики.

Исследователи проверяют официальные статистические данные о преступности при помощи *опросов о виктимизации*, в ходе которых репрезентативную выборку спрашивают об опыте столкновения с преступными проявлениями. Согласно полученным данным, уровень преступности вдвое или вчетверо превышает тот, что преподносится в официальных отчетах (Russell, 1995b).

Профиль уличного преступника

Правительственные отчеты позволяют составить лишь приблизительный портрет людей, арестованных за насильственные преступления и преступления против собственности. Проанализируем эти статистические данные, учитывая возраст преступников, их гендерную, классовую, расовую и этническую принадлежность.

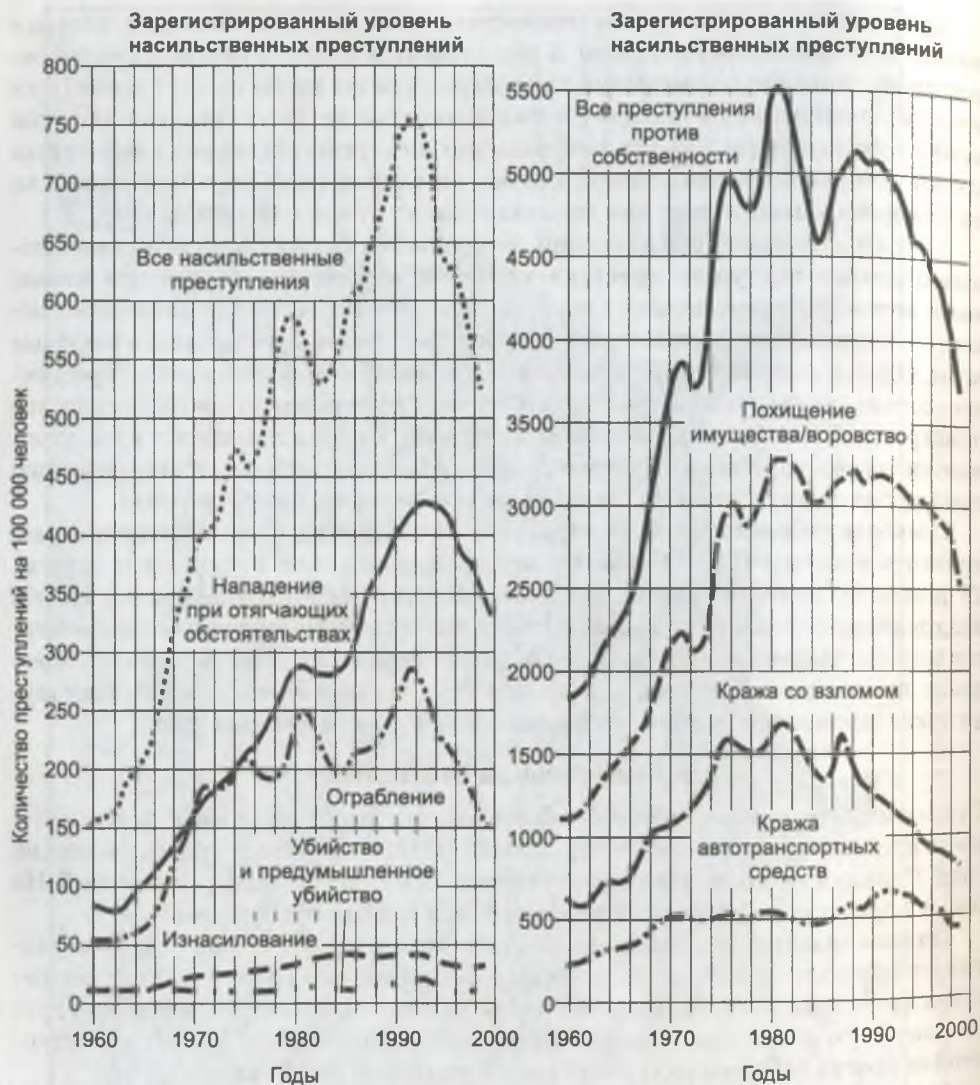

Рис.8.2. Уровни преступности в США, 1960–2000. Источник: U.S. Federal Bureau of Investigation, 2001

На графиках изображены уровни преступности, касающиеся различных насильственных преступлений и преступлений против собственности за последние десятилетия

Возраст. Кривая официальной регистрируемой преступности резко поднимается в подростковом возрасте и достигает пика к 20 годам, после чего идет на спад. Люди от 15 до 24 лет составляют всего 14% американцев, но в 2000 г. на их долю пришлось 39,1% всех арестов за насильственные преступления и 46,85 — за преступления против собственности.

Молодежь совершается все большее число тяжких преступлений, — такова тревожная тенденция. В 1990-х гг. именно на эту группу населения пришелся рост

арестов в связи с изнасилованиями, ограблениями и поджогами (U. S. Federal Bureau of Investigation, 2001)

Гендер. Хотя по гендерному признаку население делится приблизительно поровну, в 2000 г. полиция в 70,1% случаев, связанных с преступлениями против собственности, задерживала представителей мужского пола. Иными словами, за подобные преступления мужчин арестовывают в 2 раза чаще, чем женщин. Если же речь идет о насильственных преступлениях, то разрыв еще больше: 82,6% арестованных — мужчины, только 17,4% — женщины (пропорция 5 : 1).

Подобное вызвано тем, что служители закона неохотно признают женщин преступницами. Однако разрыв сокращается, на что влияет, очевидно, усиление равенства полов в американском обществе. В период между 1991 и 2000 гг. *рост* числа арестованных женщин на 17,6% контрастировал со *снижением* числа задержанных мужчин — на 3,8% (U. S. Federal Bureau of Investigation, 2001). Подобный феномен наблюдается по всему миру — с наибольшей гендерной разницей в уровне преступности там, где возможности женщин подвергаются наиболее жестким ограничениям.

Социальный класс. ФБР не занимается оценкой классово-принадлежности арестованных, а потому нет и соответствующих статистических данных. Но в исследованиях подтверждается, что уличная преступность распространена в среде людей, занимающих низшее социальное положение (Wolfgang, Figlio & Sellin, 1972; Clinard & Abbott, 1973; Braithwaite, 1981; Thornberry & Farnsworth, 1982; Wolfgang, Thornberry & Figlio, 1987). И все-таки связь между классово-принадлежностью и преступностью сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Так, многие люди смотрят на бедных как на тех, кто не столь значим, в отличие от богатых, чьи состояния и власть придают им «респектабельность» (Tittle & Villemez, 1977; Tittle, Villemez & Smith, 1978; Elias, 1986). Хотя преступность — особенно насильственные преступления — представляют серьезную проблему в беднейших городских кварталах, большинство подобных преступлений совершается немногочисленными закоренелыми преступниками; большая часть людей, проживающих там, вообще не имеет задержаний полицией (Wolfgang, Figlio & Sellin, 1972; Elliott & Ageton, 1980; Harries, 1990).

Помимо этого связь между социальным положением и криминальными деяниями зависит от характера преступления (Braithwaite, 1981). Если под преступностью понимать не только уличные нарушения закона, но и противозаконные действия в сфере «белых воротничков» и корпораций, «типичный преступник» внешне предстанет гораздо более состоятельным человеком.

Раса и этничность. И расовая и этническая принадлежность жестко коррелируют с уровнем преступности, хотя причины этого многочисленны и сложны. Официальная статистика гласит, что в 2000 г. 69,7% арестованных за преступления, включенных в индекс ФБР, составили белые люди. Однако, если принимать во внимание пропорции различных расовых групп, получится, что афроамериканцы арестовывались чаще белых. Афроамериканцы составляют 12,3% населения, но на их долю приходится 31,0% арестов за преступления против собственности (по сравнению с 66,2% у белых) и 37,8% арестов за насильственные преступления (59,9% у белых) (U.S. Federal Bureau of Investigation, 2001).

Чем объясняется большая частота арестов среди афроамериканцев? Во-первых, криминализация их среды отражает ту меру, в какой предвзятое отношение к цветным или лицам определенной классовой принадлежности побуждает белых полицейских арестовывать чернокожих, а граждан — заявлять в полицию об афроамериканцах как о потенциальных преступниках (Liska & Tausig, 1979; Unnever, Frazier & Henretta, 1980; Smith & Visser, 1981; Holmes et al., 1993; Covington, 1995).

Во-вторых, в США расовая принадлежность тесно связана с социальным положением, что, как уже было сказано, влияет на вероятность вовлечения человека в уличную преступность. Многие бедняки, видящие вокруг изобилие, воспринимают общество несправедливым и, следовательно, чаще склоняются к совершению преступлений (Blau & Blau, 1982; Anderson, 1994; Martinez, 1996).

В-третьих, у белых и чернокожих различаются формы семейной жизни: $\frac{2}{3}$ неиспаноговорящих чернокожих детей (по сравнению с $\frac{1}{5}$ неиспаноговорящих белых сверстников) рождаются у матерей-одиночек. В целом, проживание без отца означает, что за ребенком меньше присматривают, и такие семьи обычно бывают беднее, чем полные. Если принять во внимание, что $\frac{1}{3}$ детей афроамериканцев растет в бедности (по сравнению с $\frac{1}{8}$ белых), то не стоит удивляться более высокому уровню преступности в среде цветных (Sampson, 1987; Courtwright, 1996; Jacobs & Helms, 1996; *U.S. Census Bureau*, 2001).

В-четвертых, нельзя забывать, что из официального индекса преступности исключены аресты за ряд правонарушений — от вождения автотранспортного средства в нетрезвом состоянии до криминальных деяний в среде «белых воротничков». Это приводит к тому, что типичным преступником принято считать афроамериканца. Если же расширить определение преступления и включить в него вождение транспортного средства в состоянии интоксикации, мошенничество в бизнесе, растраты и жульничества с декларациями о доходах, то процент белых преступников резко возрастает.

Наконец, представители некоторых категорий населения практически никогда не арестовываются. Скажем, выходцы из Азии, составляющие около 4% американцев, фигурируют лишь в 1,2% всех арестов. Как следует из главы 14 («Раса и этничность»), образование и доходы этих американцев превышают средний уровень. Кроме того, в культуре выходцев из Азии подчеркивается семейная солидарность и дисциплина — факторы, которые сдерживают криминальные проявления.

Преступность в глобальной перспективе

Хотя в последнее время кривая преступности в США пошла вниз, по мировым стандартам уровень преступности в США остается высоким. В 2000 г. здесь было совершено 15 517 убийств, примерно по одному за каждые полчаса. В таких больших городах, как Нью-Йорк, редко бывает, чтобы день прошел без убийства; нью-йоркцы попадают под шальные пули чаще, чем жители любого другого крупного города мира, в которых стреляют умышленно.

В целом количество насильственных преступлений в США почти в 5 раз превышает европейский уровень; преступления против собственности — в 2. Контраст окажется еще разительнее, если сравнить Соединенные Штаты и азиатские страны, в том числе Индию и Японию, где уровень насилия и число преступлений против собственности являются одними из самых низких в мире.

Эллиот Карри (Curtie, 1985) полагает, что преступность проистекает из акцента американской культуры на индивидуальном экономическом преуспевании, которое часто достигается за счет укрепления семей и окружения. Кроме того, в США существует исключительное многообразие культур как результат многовековой иммиграции, которое ослабляет связи внутри сообществ. Такой же эффект оказывает экономическое неравенство, и в США оно выражено сильнее, чем в большинстве других стран с высоким уровнем доходов. Соответственно вместе с фрустрацией, которая отмечается в среде неимущих, относительно слабый социальный каркас американского общества приводит к появлению многочисленных форм криминального поведения.

Еще одним фактором, способствующим насилию в США, выступает широкое и свободное владение огнестрельным оружием. От него погибают около $\frac{2}{3}$ всех людей, становящихся жертвами убийства. С начала 1990-х гг. в Техасе и нескольких других южных штатах количество смертей, последовавших в результате применения огнестрельного оружия, превысило число жертв автомобильных аварий. Как видно из рис. 8.3, США далеко обогнали другие страны с высоким уровнем доходов по числу смертей, вызванных применением легкого огнестрельного оружия.

По данным опросов, почти половина американских семей имеет хотя бы какое-то огнестрельное оружие (J. Wright, 1995; NORC, 2001). Другими словами, последнее в США столько же, сколько взрослых людей; одну третью часть всего арсенала составляет легкое огнестрельное оружие, фигурирующее в сводках о насилии. Владение оружием во многом отражает то обстоятельство, что люди боятся преступности, но такой свободный доступ к нему делает преступность еще более беспощадной.

Но, по мнению тех, кто критикует контроль над владением оружием, существуют вполне достаточные ограничения, не позволяющие тому попадать в руки преступников, кото-

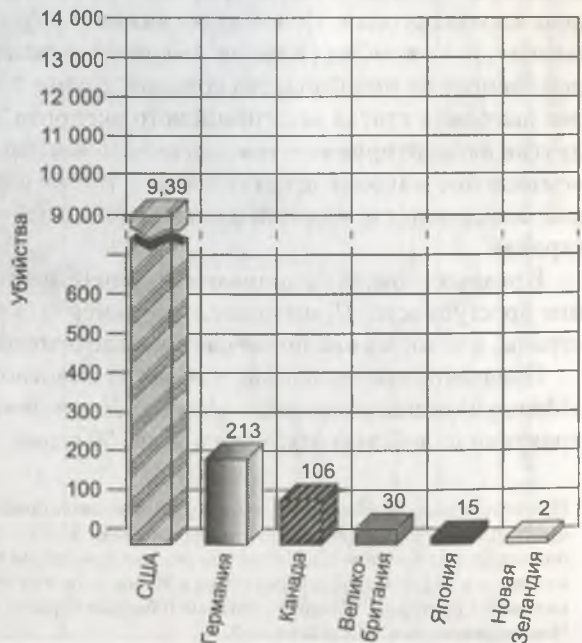

Рис. 8.3. Количество убийств с применением легкого огнестрельного оружия, 1996. Источник: Handgun Control, Inc., 2001

рые заполучают его нелегальным путем (J. Wright, 1995). Это время после подачи заявки, в течение которого нужно ждать разрешения, когда в магазинах, торгующих оружием в розницу, уточняются биографические данные покупателя (согласно требованиям «Билля Брэди» от 1993 г.). Нам вообще нельзя рассматривать контроль над владением оружием как панацею в войне с преступностью. Эллиот Карри (Currie, 1985) отмечает, что число калифорнийцев, ежегодно погибающих от простого ножа, превышает число канадцев, становящихся жертвами оружия всех разновидностей. Однако большинство экспертов считают, что контроль над оружием снизит уровень насилия, приводящего к смертельным исходам.

Уровень преступности растет в некоторых крупнейших городах мира, включая Манилу (Филиппины) и Сан-Паулу (Бразилия), где стремительный прирост населения ведет к тому, что появляются миллионы людей, живущих в отчаянной нищете. Однако за пределами этих городов традиционный характер обществ с низким уровнем доходов и прочные семейные структуры дают местным общинам возможность неформальным образом контролировать преступность (Clinard & Abbott, 1973; *Der Spiegel*, 1989).

Некоторые разновидности преступлений всегда были международными, в том числе терроризм, шпионаж и торговля оружием (Martin & Romano, 1992). Но в наши дни «глобализация», которая захватила многие аспекты жизни, касается и преступности. В последнем случае уместнее всего упомянуть незаконную торговлю наркотиками. В США незаконный оборот наркотиков оказывается проблемой «спроса». Речь идет о том, что в США существует высокий спрос на кокаин и другие наркотики и очень многие молодые люди рискуют попасть в тюрьму или даже погибнуть насильственной смертью — лишь бы принять участие в прибыльном деле наркоторговли. Но столь же важна и другая сторона проблемы — «предложение». В Колумбии (Южная Америка) выживание как минимум 20% всех людей зависит от производства кокаина. Кроме того, наркотик — не только наиболее выгодная статья колумбийского экспорта, но и расходуется лучше, чем все другие экспортируемые товары, вместе взятые, включая кофе. Соответственно осмысление мировой преступности — той же наркоторговли — означает понимание социальных и экономических условий, царящих как в США, так и в других странах.

В разных странах применяются различные стратегии, направленные на обуздание преступности. Примером служит смертная казнь. На карте мира 8.1 указаны страны, в которых она применяется и где отменена¹.

Общемировая тенденция — отказ от смертной казни: по данным организации «Международная амнистия» (*Amnesty International*, 2001), начиная с 1976 г. от этой практики полностью отказалось более 50 стран.

¹ На карте показаны 86 стран и территорий, где закон предусматривает смертную казнь за обычные преступления; еще в 14 к смерти приговаривают в исключительных случаях, когда преступление подпадает под военное законодательство или совершено во время войны. Смертная казнь не применяется в 75 странах и регионах; еще в 20 она хотя и не отменена, но в течение более 10 лет на нее наложен мораторий. Сравните богатые и бедные страны: какую общую тенденцию вы опознаете? Чем выделяются США и Япония?

Система уголовного права

10 декабря, Касабланка, Марокко. Касабланка! Забораживающая смесь африканской, европейской и ближневосточной культур. Возвращаясь с прогулки через средневековый район г. Медины, расположенного на побережье Северной Африки, мы наталкиваемся на полицейских, вытянувшихся вдоль бульвара в цепочки и стоящих между нами и нашим кораблем, пришвартованным в гавани. Полиция обеспечивает безопасность большого числа влиятельных лидеров, собравшихся в близлежащем отеле на исламскую конференцию. Закрыты ли улицы? Никто ни о чем не спрашивает; кажется, что люди отслеживают невидимую линию, отстоящую от полицейских примерно на пятьдесят футов. Я разыгрываю из себя нахального горожанина и начинаю пересекать улицу, чтобы спросить (на ломаном французском), можно ли нам пройти, но застываю под пристальными взглядами нескольких офицеров. Их пальцы нервно барабаниют по прикладам автоматов. Для беседы момент явно неподходящий.

Система уголовного права — формальная система социального контроля со стороны общества. В некоторых странах мира полиция пристально следит за поведением людей; в других, включая Соединенные Штаты, власть полиции не столь велика и последняя реагирует лишь на конкретные нарушения уголовного законодательства. Кратко осветим основные компоненты системы уголовного права: полицию, суды и наказание приговоренных преступников.

Полиция

Полиция — первая точка соприкосновения людей с системой уголовного права. В отличие от многих других государств в США полиция отзывчива и подотчетна гражданам (Bailey, 1998). Конечно, отслеживать деятельность 281 млн человек удастся в той мере, насколько это в силах осуществлять 654 601 штатному офицеру полиции США (данные на 2000 г.). В результате полиции приходится тщательно отбирать ситуации, заслуживающие ее внимания, и линию поведения в них.

Как полиция выполняет свои обязанности? В работе, посвященной поведению полицейских в 5 городах, Дуглас Смит и Кристи Вишер (Smith & Visser, 1981; Smith, 1987) пришли к такому выводу: поскольку полиция вынуждена реагировать расторопно, в ситуации необходимо разбираться, принимая во внимание 6 важных аспектов. Во-первых, *насколько серьезно преступление?* Чем более серьезной сочтет ситуацию полиция, тем вероятнее произойдет арест. Во-вторых, *чего хочет жертва?* Как правило, если она требует, чтобы полиция произвела арест, та именно так и поступает. В-третьих, *намерен ли подозреваемый сотрудничать с полицией?* Сопротивление полиции повышает шансы подозреваемого быть арестованным. В-четвертых, *арестовывался ли подозреваемый раньше?* Полиция скорее заберет в участок человека, которому уже приходилось побывать под арестом, — это, по-видимому, вызвано тем, что предыдущий арест предполагает наличие вины. В-пятых, *есть ли свидетели?* Смит и Вишер утверждают, что присутствие очевидцев побуждает полицию взять ситуацию под более строгий контроль, — даже забрать нарушителя с улицы (с территории подозреваемого) в полицейский участок (где имущество за служителями закона). В-шестых, *какова расовая принадлежность*

подозреваемого? Смит и Вишер настаивают на том, что при всеобщем равенстве полиция все-таки чаще арестовывает цветных, чем белых, считая подозреваемых афро- или латиноамериканцев либо более опасными, либо вероятнее всего виновными.

Суды

После ареста суд устанавливает виновность или невиновность подозреваемого. Принцип работы американских судов — процесс противостояния юристов: один представляет обвиняемого, а другой — государство; это происходит в присутствии присяжных, которые следят за судебными процедурами.

Однако на практике около 90% уголовных случаев разрешается до суда, когда заключается **сделка о признании вины** (*судебные переговоры, в ходе которых обвинитель смягчает обвинение в обмен на признание подсудимого в совершении преступления*). Например, государство может предложить человеку, обвиняемому в краже, предъявить ему менее суровое обвинение в ношении инструментов для взлома в обмен на признание вины.

Сделки такого рода практикуются широко, поскольку они экономят время и средства, расходуемые на судебные заседания. Суд необязателен, если факты не вызывают разногласий. Более того: поскольку на протяжении последнего десятилетия число уголовных дел за год удвоилось, у прокуроров просто нет возможности довести каждое из них до суда. Быстро расправляясь с большинством дел, суды сохраняют свои ресурсы для самых важных разбирательств.

Но сделки о признании вины требуют от подсудимых (пока невиновных, согласно презумпции невиновности) того, чтобы они признали свою вину. Человек может передать это право суду, но в этом случае он рискует получить более суровый приговор в случае признания его виновным. Кроме того, у малоимущих обвиняемых общественный защитник — адвокат, нередко низкооплачиваемый, который и серьезному делу не может уделить достаточного времени (Novak, 1999). Вообще, сделки о признании вины бывают эффективными, но они подрывают как процесс противостояния сторон, так и права некоторых обвиняемых.

Наказание

Когда убивают девочку (например, в случае, описанном в начале этой главы), часть людей задаются вопросом «почему?», но почти все считают, что кто-то должен ответить за преступление. Действительно, иногда желание покарать преступника столь сильно, что правосудие отступает.

Такие случаи вынуждают нас спросить, почему общество должно наказывать правонарушителей. На протяжении многих лет ученые называли 4 основные причины наказания, в том числе возмездие, сдерживание путем устрашения, реабилитацию и социальную защиту.

Возмездие. Старейшим оправданием наказания выступает общественная жажда мести. Зная о силе этой страсти, судья Верховного суда США Оливер Уэнделл Холмс констатировал, что «у закона нет другого выбора, как только удовлетворить [эту] жажду» (цит. по: Carlson, 1976).

Таким образом, первая причина для наказания — удовлетворение потребности общества в **возмездии** (*акте морального отмщения, которым общество причиняет*

преступнику страдание, соизмеримое с тем, что повлекло за собой его преступление). Возмездие вытекает из взгляда на общество как на моральный противовес. Когда преступность нарушает баланс, соизмеримое наказание восстанавливает моральный порядок в согласии с библейским изречением «око за око».

В Средние века большинство людей считали преступление грехом — против Бога и общества, что оправдывало жесткую реакцию. Сегодня, хотя критики говорят, что возмездие не может исправить преступника, многие люди считают отмщение достаточной причиной для наказания.

Сдерживание путем устрашения. Вторым оправданием для наказания служит сдерживание путем устрашения (*попытка обуздать преступность при помощи наказаний*). Сдерживание основано на идее просветителей XVIII в. о том, что люди — расчетливые и рациональные существа, которые не нарушат закон, если будут знать, что болезненность наказания перевесит удовольствие от преступления.

Сдерживание путем устрашения стало реформой в ответ на жестокие наказания, основанные на возмездии. Зачем казнить людей за воровство, рассуждали реформаторы, если от воровства можно отпугнуть приговором к тюремному заключению? Когда концепция сдерживания путем устрашения завоевала широкое признание, в большинстве индустриальных обществ казни и физические увечья были заменены более мягкими формами наказания такими как заключение в тюрьме.

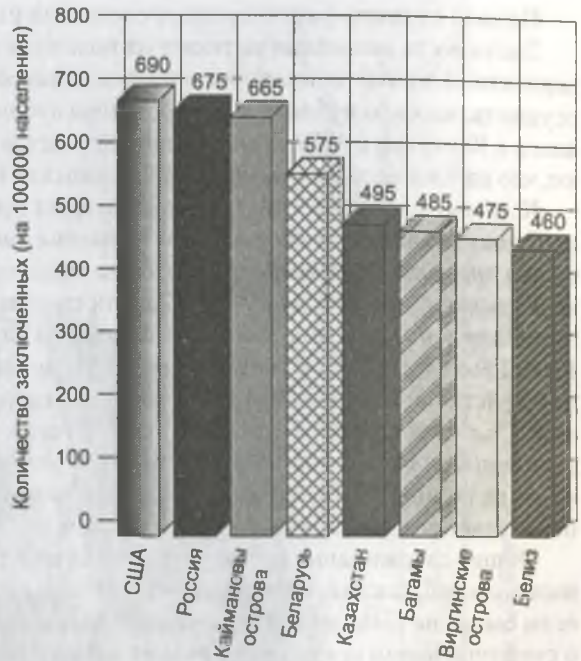
Наказание может сдерживать двояким образом. *Специфическое сдерживание* убеждает конкретного преступника в том, что игра не стоит свеч. *Общее же* служит примером для других.

Реабилитация. Третьим оправданием для наказания считается реабилитация, *программа исправления преступника с целью предотвращения новых правонарушений*. Практика реабилитации возникла в XIX в. наряду с социальными науками. Социологи того времени считали, что преступность порождается социальной средой, отмеченной бедностью или отсутствием родительского надзора. Логично, следовательно, было заключить, что если преступники научаются быть девиантными, то их можно научить подчиняться правилам; ключом к этому служит контроль над окружающей средой. В *исправительных домах* создавались контролируемые условия, люди там могли научиться правильному поведению (вспомните описание тотальных институтов в главе 5 «Социализация»).

Как и сдерживание путем устрашения, реабилитация мотивирует преступника быть конформным. Однако во втором случае подчеркивается конструктивное улучшение, тогда как сдерживание и возмездие причиняют виновному страдание. Кроме того, если возмездие требует, чтобы наказание соответствовало преступлению, то реабилитационные процедуры подбираются для каждого преступника в индивидуальном порядке. Таким образом, одни и те же преступления влекут за собой одинаковые акты возмездия, но могут сопровождаться разными программами реабилитации.

Социальная защита. Последним оправданием для наказания выступает социальная защита — *средства, благодаря которым общество не позволяет преступнику совершать дальнейшие преступления — либо временно (заключение), либо навсегда (казнь)*. Подобно сдерживанию путем устрашения, социальная защита оказывается рациональным подходом к наказанию, призванным защитить общество от преступности.

Рис. 8.4. Государства с наибольшим количеством заключенных, данные на 2000 г. Источник: Walmsley, 2000

Ныне в тюрьмах США находятся 2 млн человек, и еще 4,5 млн осуждены условно или отбывают испытательный срок. С 1980 г. как реакция на ставшее более жестким отношение общественности и рост числа арестов за преступления, связанные с наркотиками, количество заключенных в США утроилось. Численность тюремного населения растет в большин-

стве стран с высоким уровнем доходов, но все-таки, как видно из рис. 8.4, Соединенные Штаты отправляют за решетку больше своих граждан, чем все остальные государства мира (Sutton, 2000; Walmsley, 2000).

Критическая оценка. В табл. 8.2 обобщенно представлены четыре мотива, оправдывающих наказание.

Таблица 8.2

Четыре мотива, оправдывающих наказание: резюме

Возмездие	Самое древнее оправдание для наказания. Наказание — расплата за аморальность; наказание, в принципе, должно быть сопоставимо по суровости с самой девиантностью
Сдерживание путем устрашения	Подход, характерный для начала современной эпохи. Считается, что девиантность подрывает общество и то берет ее под свой контроль. Люди рассматриваются как рациональные существа, пскущиеся о собственных интересах; сдерживание путем устрашения срabтывает потому, что болезненность наказания перевешивает удовольствие, извлекаемое из девиантности
Реабилитация	Современная стратегия, связанная с развитием социальных наук. Девиантность воспринимается как продукт социальных (например, бедности) или личных проблем (например, психического заболевания). Социальные условия улучшены; реабилитационные процедуры увязаны с особенностями преступника
Социальная защита	Современный подход, более легкий для применения, чем реабилитация. Если общество не может или не хочет реабилитировать преступников или реформировать социальные условия, то людей защищают путем заключения в тюрьму или казни преступников

Однако оценить фактические последствия наказания — задача не из легких.

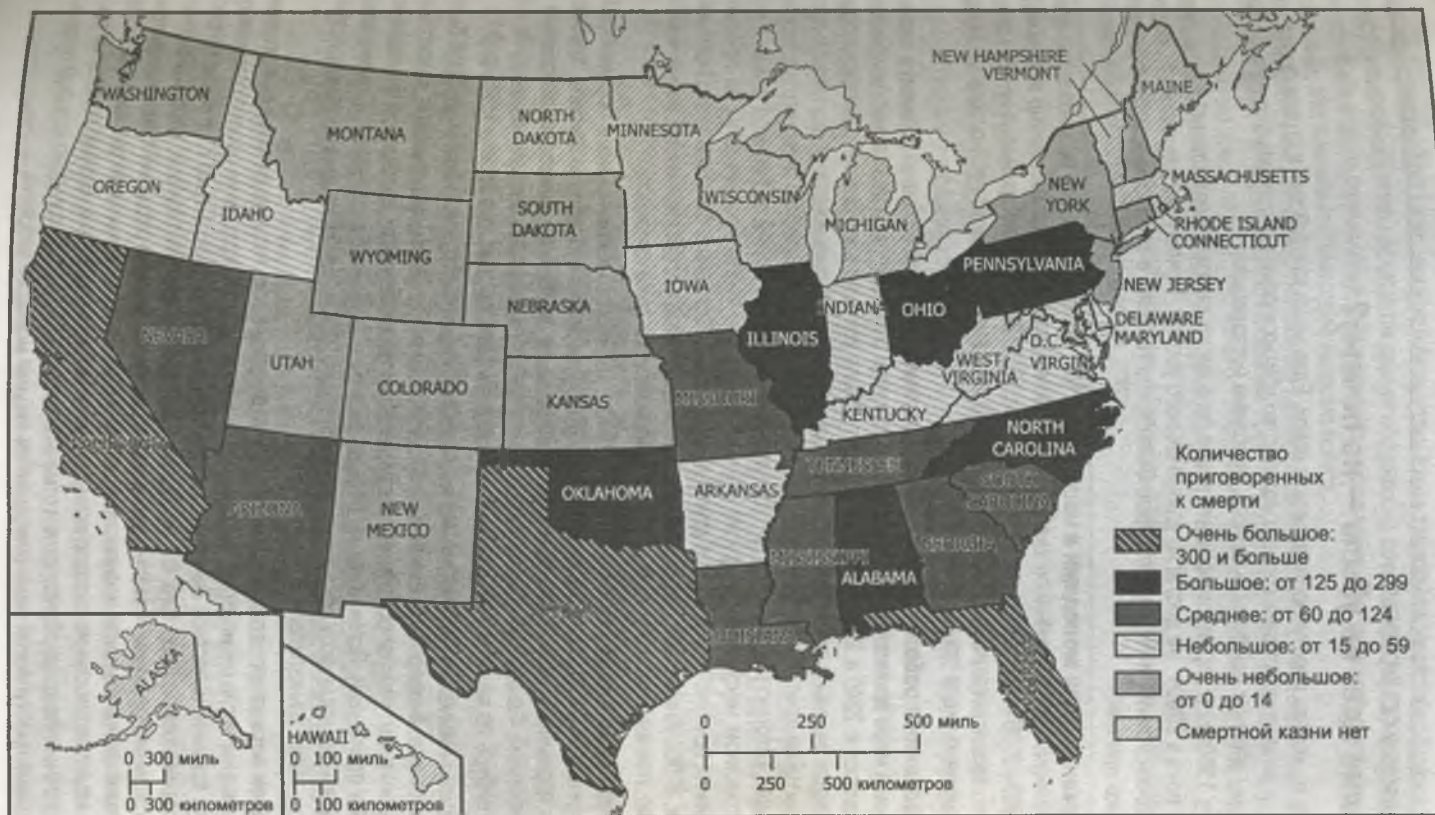
Значимость возмездия вытекает из положения Дюркгейма о том, что наказание девиантной личности повышает моральное самосознание людей. Оно традиционно и осуществлялось на публике. Хотя последняя публичная смертная казнь в США состоялась в Кентукки в 1937 г., современные средства массовой информации гарантируют, что население знает о казнях, совершаемых за тюремными стенами (Kittrie, 1971).

Конечно, наказание отпугивает некоторых преступников. Тем не менее **уголовный рецидивизм** — *повторные преступления лиц, признанных виновными в совершении преступных деяний* — остается на высоком уровне. Примерно три четверти всех заключенных в США уже отбывали срок раньше, и не пройдет и нескольких лет после освобождения, как около половины из них вернутся в тюрьму (McNulty, 1994; Petersilia, 1997). В свете подобных тенденций мы вправе усомниться в реальной действенности наказания, призванного сдерживать виновных путем устрашения. Полиции становится известно всего лишь об одной третьей части всех преступлений, и только каждое пятое из таких деяний заканчивается арестом. Максима «наказание неотвратимо» звучит фальшиво, когда мы учитываем, что ему подвергается лишь малая часть преступников.

Общее сдерживание путем устрашения еще труднее проанализировать с научных позиций, так как нам невозможно узнать, каким бы образом повели себя люди, если бы им не было известно о наказаниях, каким подвергаются другие. В дебатах о смертной казни противники указывают на данные исследований, согласно которым высшая мера наказания не слишком значима в качестве фактора общего сдерживания. Более того: Соединенные Штаты — единственное западное общество с высоким уровнем доходов, где принято казнить преступников. Еще тревожнее тот факт, что некоторые смертные приговоры выносятся, как отмечалось в начале главы, по ошибке, и за период с 1973 г. 87 человек были исключены из числа смертников. Это означает, что судить нужно саму смертную казнь (Sellin, 1980; van den Haag & Conrad, 1983; Archer & Gartner, 1987; Lester, 1987; Bailey & Peterson, 1989; Bailey, 1990; Bohm, 1991; Tanber, 1998; Alter, 2000). На карте США 8.2 указаны 38 штатов, в которых смертная казнь сохранена, и показано, что половина приговоренных к смерти сосредоточена лишь в 5 из них¹.

Тюрьмы обеспечивают кратковременную социальную защиту, держа преступников вне улиц, но мало чем могут помочь в плане долгосрочного изменения установок и поведения (Carlson, 1976; Wright, 1994). По-видимому, реабилитация — это утопия, поскольку, по теории дифференциальных ассоциаций Сазерленда, многолетнее содержание преступников вместе и взаперти, как правило, укрепляет криминальные установки и навыки. Кроме того, тюремное заключение разрывает все социальные связи, оставшиеся у заключенных во внешнем мире, что, согласно теории контроля Хирши, повышает вероятность совершения ими новых преступлений после освобождения.

¹ США и Япония — единственные в мире страны с высоким уровнем доходов, где сохраняется практика смертной казни. Однако во всех 50 штатах Америки законы о смертной казни различаются: половина из 3527 смертников сосредоточена в 5 штатах. Какая закономерность вам видится в этом? Можете ли вы объяснить ее?

Карта США 8.2. Смертная казнь в США. Источник: U. S. Bureau of Justice Statistics, 2000

ПРАКТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Насилие идет на убыль — но почему?

В 1980-е гг. кривая преступности взлетела вверх. Едва ли не каждый жил в страхе перед насилием, и во многих крупных городах количество убитых и раненых превращало целые районы в зоны военных действий. Казалось, проблема неразрешима.

Затем, в 1990-е гг., произошло нечто такое, что число тяжких преступлений стало снижаться, пока в 2000 г. не достигло удивительного уровня. Почему это случилось? Опираясь на точки зрения и теории, которые были представлены в этой главе, можно указать несколько причин:

1. **Снижение доли молодежи в населении.** Мы уже отмечали, что во множестве преступлений насильственного характера повинны молодые люди (особенно мужчины). В 1990–2000 гг. доля населения в возрасте от 15 до 24 лет упала примерно на 5% (отчасти в связи с легализацией аборт в 1973 г.), что, видимо, вносит свой скромный вклад в снижение числа тяжких преступлений.
2. **Изменения в работе полиции.** Снижение преступности (и ее былой подъем) в значительной мере пришлось на долю больших городов. В Нью-Йорке, где количество убийств снизилось с 2245 в 1990 г. до 673 в 2000 г., была взята на вооружение политика *общественной охраны порядка*, когда полиция занимается не только арестами, но также и профилактикой преступлений, не позволяя им состояться. Полицейские знакомятся с территорией, которую патрулируют, и останавливают молодых людей за переход улицы в неположенном месте или за другие мелкие проступки, чтобы проверить их на предмет ношения оружия. Кроме того, в крупных городах задействовано *большее* число полицейских. В Лос-Анджелесе, например, за 1990-е гг. личный состав увеличился более чем на 2 тыс. полицейских, и в этом городе уровень насилия тоже снизился.
3. **Увеличение числа тюрем.** С 1985 по 2000 г. количество заключенных в тюрьмах США увеличилось с 750 тыс. до 2 млн человек. Это обусловлено суровостью законов, требующих тюремного заключения за многие преступления, особенно — имеющие отношения к наркотикам. По словам одного автора, «если посадить лишний миллион человек, то это как-нибудь да скажется на уровне преступности» (Zimring, цит. по: Witkin, 1998; p. 31).
4. **Экономические улучшения.** На протяжении последних 10 лет экономика США была на подъеме. Безработица снизилась, а увеличение числа работающих людей делает маловероятным, что они пойдут на преступление от безысходности, вызванной экономическими причинами. Логика проста: больше работы — меньше преступлений. Однако едва в экономике наметился спад, что произошло после 2000 г., как снижение уровня преступности также замедлилось.
5. **Упадок наркоторговли.** Многие аналитики сходятся в том, что самым важным фактором в снижении числа насильственных преступлений выступает сокращение оборота разновидности кокаина, известной как крэк. Он появился приблизительно в 1985 г., и насилие распространялось по мере того, как молодежь — особенно в центрах городов, вооруженная огнестрельным оружием — включилась в наркоторговлю, которая расцвела пышным цветом. Не имея шанса отыскать нормальную работу и получив возможность незаконных заработков, молодое поколение вызвало волну насилия, захлестнувшую всю страну. Широким распространением крэка объясняется и отмеченная выше тенденция, согласно которой насильственные преступления чаще совершаются лицами молодого возраста.

Однако к началу 1990-х гг. популярность крэка стала снижаться, поскольку люди осознали ущерб, наносимый этим наркотиком целым общинам. В сочетании с неуклонным улучшением экономического положения и ужесточением наказаний за преступления, связанные с наркотиками, это понимание повернуло насилие вспять.

Не забывайте, что нынешнее положение дел выглядит лучше по сравнению с картиной, наблюдавшейся 10 годами ранее. Проблема преступности, по словам одного исследователя, «поблекла, но лишь потому, что начало 1990-х было столь неудачным. Поэтому не будем обманывать себя, считая, будто все трудности уже разрешены. Это не так».

Источники: Boggess & Bound, 1997; Blumstein & Rosenfeld, 1998; Fagan, Zimring & Kim, 1998; Witkin, 1998; Winship & Berrien, 1999; Donahue & Leavitt, 2000

Наконец, стигма прошлой судимости может воздвигнуть непреодолимые препятствия к построению новой жизни. По данным одного исследования с привлечением несовершеннолетних преступников из Филадельфии, юноши, приговоренные к длительным срокам тюремного заключения — а потому наверняка приобретшие криминальные стигмы, — продолжали свою преступную деятельность, совершая после освобождения не только новые, но и более тяжкие преступления (Wolfgang, Figlio & Sellin, 1972).

Наконец, мы не вправе рассчитывать, что система уголовного права способна искоренить преступность. Полиция, суды и тюрьмы сыграли свою роль в недавнем снижении уровня преступности («Насилие идет на убыль — но почему?»). Но дело не только в них. Насколько это удалось показать в настоящей главе, преступность и прочее девиантное поведение проистекают не только из деяний «плохих людей», но и из самого общества.

Резюме

1. Девиантностью называется нарушение норм — от этикетных до применения грубого насилия.
2. Результаты биологических исследований, начиная с наблюдений за осужденными, проведенных Чезаре Ломброзо в XIX в., и заканчивая последними генетическими данными, мало что дали для понимания причин девиантности.
3. В психологических исследованиях девиантность связывается с ненормальностью личности, вызванной либо биологическими, либо внешними причинами. Психологические теории помогают объяснить некоторые разновидности девиантности.
4. Девиантность имеет, скорее, социальные, нежели индивидуальные корни, так как она: а) различается в зависимости от культурных норм; б) социально определена; в) отражает формы власти в обществе.
5. Применяя структурно-функциональную парадигму, Дюркгейм объяснил, что девиантность подкрепляет нормы и ценности, уточняет границы морального, способствует социальному единению и стимулирует социальные изменения.

6. Парадигма символического интеракционизма лежит в основе теории ярлыков, согласно которой девиантность касается реакции людей на поведение индивида, но не самого поведения. Приобретение стигмы способно привести к вторичной девиантности и девиантной карьере.
7. С опорой на идеи Карла Маркса теория социального конфликта утверждает, что законы и прочие нормы отражают интересы власть имущих. Хотя преступность в среде «белых воротничков» и корпораций наносит обществу колоссальный ущерб, такие правонарушители редко признаются преступниками.
8. Официальная статистика показывает, что пик арестов связан с поздним подростковым возрастом, потом их число неуклонно идет на спад. 70% арестованных за преступления против собственности и 83% за насильственные действия — мужчины.
9. Люди, занимающие низшее социальное положение, чаще вовлекаются в уличную преступность, чем имеющие большие социальные привилегии. Однако если причислить к уголовным деяниям преступность среди «белых воротничков» и корпораций, разрыв сократится.
10. За уличные преступления арестовывается больше белых людей, чем афроамериканцев. Однако, принимая во внимание их пропорцию в населении, получается, что они чаще подвергаются аресту. Уровень же задержаний американцев азиатского происхождения находится ниже среднего.
11. При выполнении своей работы полиции приходится тщательно разбираться в ситуации. Арест будет произведен, когда преступление серьезное, имеются очевидцы или обвиняемым является афро- или латиноамериканец.
12. В США большинство уголовных дел никогда не доходит до суда, но разрешается через сделку о признании вины. По широко распространенному мнению, этот метод, хотя и эффективен, ставит менее могущественных людей в невыгодное положение.
13. Оправданиями для наказания выступают возмездие, сдерживание путем устрашения, реабилитация и социальная защита. Поскольку наказания едва поддаются научной оценке, оно — как и собственно девиантность — разжигает споры в социологических и общественных кругах.

Основные понятия

Возмездие — акт морального отпущения, благодаря которому общество причиняет преступнику страдание, соизмеримое с тем, что повлекло за собой его преступление.

Девиантность — осознанное нарушение культурных норм.

Корпоративная преступность — незаконные действия корпорации или лиц, действующих от ее имени.

- Медиализация девиантности** — трансформация моральной и правовой девиантности в медицинскую характеристику.
- Организованная преступность** — бизнес, поставляющий незаконные товары или услуги.
- Преступление** — нарушение уголовного законодательства, официально принятого в обществе.
- Преступление из ненависти** — преступное действие, направленное против человека или его собственности, которое совершается преступником, побуждаемым расовой или какой-либо иной предвзятостью.
- Преступления без потерпевших** — нарушения закона, при которых нет явных потерпевших.
- Преступления против личности** — преступления, связанные с насилием или угрозой применения насилия к другим лицам.
- Преступления против собственности** — преступления, связанные с похищением чужой собственности.
- Преступность в среде «белых воротничков»** — преступления, совершаемые людьми высокого социального положения в их профессиональной деятельности.
- Реабилитация** — программа исправления преступника с целью предотвращения новых правонарушений.
- Сделка о признании вины** — судебные переговоры, в ходе которых обвинитель смягчает обвинение в обмен на то, что подсудимый признает свою вину.
- Сдерживание путем устрашения** — попытка обуздать преступность при помощи наказаний.
- Система уголовного права** — официальная реакция полицейских, судебных и тюремных властей на выявленные нарушения закона.
- Социальная защита** — средства, благодаря которым общество не позволяет преступнику совершать дальнейшие преступления либо временно (заклЮчение), либо навсегда (казнь).
- Социальный контроль** — разнообразные средства, которыми члены общества поощряют приверженность нормам; попытки общества регулировать мышление и поведение людей.
- Стигма** — выраженный негативный ярлык, который сильнейшим образом изменяет понимание индивидом себя и его социальную идентичность.
- Теория ярлыков** — положение, согласно которому девиантность и соответствие нормам вытекают не столько из человеческих деяний, сколько из реакции на них других людей.
- Уголовный рецидивизм** — повторные преступления лиц, признанных виновными в совершении преступных деяний.

Вопросы для размышления

1. В чем состоит отличие социологического взгляда на девиантность от расхожего представления, согласно которому дурные люди совершают дурные поступки?
2. Перечислите функции девиантности согласно Дюркгейму. Способно ли общество, с позиций этого автора, когда-нибудь освободиться от девиантности? Почему?
3. Наверное, вы слышали старую поговорку: «Брань на ворота не виснет». Объясните, каким образом теория ярлыков оспаривает это утверждение.
4. В ходе недавнего исследования выяснилось, что каждый третий чернокожий мужчина в возрасте от 20 до 29 лет либо находится в заключении, либо проходит испытательный срок, либо осужден условно (The Sentencing Project, 2000). Какие факторы, упомянутые в этой главе, помогают объяснить данный феномен?

Сексуальность

В Сакраменто, штат Калифорния, стоял обычный осенний день, и учащиеся галдели, возвращаясь в местную среднюю школу после летних каникул. Коридоры были заполнены большими группами молодых людей; юноши и девушки обменивались рассказами о лете и радостно приветствовали своих друзей. Но главной была одна тема: возвращение преподавателя по имени Дэвид Уорфилд, который летом переменял свой пол с мужского на женский и взял себе новое имя — Дана Риверс.

Уорфилд, проработавший в этой школе почти 10 лет, был популярным, удостоенным наград преподавателем журналистики, а еще комментировал школьные футбольные матчи. В прошлом году он уведомил администрацию о своей «гендерной дисфории» — патологическом состоянии, в результате которого он, будучи мужчиной физически, ощущал себя женщиной. Это состояние, по его объяснению, возникло у него еще в детстве. Он отчаянно старался «быть мужчиной», но просто не мог этого сделать. Уорфилд уже начал получать гормональную терапию и в следующем году планировал подвергнуться операции по изменению пола.

Совет администрации школы неоднозначно воспринял замыслы Уорфилда. Его члены настаивали, чтобы по возвращении к работе он (она) ни слова не говорил(а) о каких-либо деталях своей операции. Однако Риверс рассказала об этом многим учащимся, что вынудило некоторых родителей обратиться с жалобами. Инцидент разделил школьный коллектив на тех, кто был за, и тех, кто был против того, чтобы Риверс продолжала свою педагогическую деятельность. В скором времени школьный совет уволил Риверс (Hornblower, 1999).

В деле Даны Риверс ясно одно: сексуальность является важным — и противоречивым — аспектом жизни американского общества. Очевидно также, что многие молодые люди, как и ряд родителей, слишком мало знают о сексуальности. В этой главе излагаются некоторые данные, полученные в ходе научного изучения данного аспекта. С социологической точки зрения предметом нашего основного внимания станет определение обществом сексуальности и сексуальное самовыражение людей.

Осмысление сексуальности

Сколько времени в день вы проводите без тени мысли о сексуальном? Если вы не слишком отличаетесь от большинства людей, то ответите: «Не так уж и много». Это происходит потому, что сексуальность не сводится исключительно к «сексу». Она — лейтмотив, пронизывающий все общество; эта тема поднимается повсюду — в кампусе, на работе, и особенно в средствах массовой информации. Кроме того, индустрия секса — включая порнографию и проституцию — самостоятельный биз-

Мы говорим, что красота бывает таковой только в глазах наблюдателя, поэтому очень важна культура в установлении стандартов привлекательности. Все люди, изображенные здесь — жители Марокко, Южной Африки, Нигерии, Бирмы, Японии и Эквадора, — считаются красивыми в своих странах. Социобиологи также отмечают, что всех людей на земном шаре, где бы они ни жили, привлекает юность, поскольку это касается нашего выбора для воспроизводства: оно легче всего дается в начале периода зрелости

нес с многомиллиардным оборотом. Как показывает история Даны Риверс, сексуальность — важная составляющая наших мыслей о себе самих, а также оценки нас окружающими. Поистине, в жизни найдется немного сфер, где сексуальность *не* играла бы вообще никакой роли.

Но, невзирая на такую ее значимость, понимают ее немногие. Почти всегда секс выступал культурным табу, и потому люди не говорили о нем — по крайней мере в благопристойных беседах. В результате, хотя секс способен доставить немало удовольствия, он вызывает стыд, а иногда — откровенный страх. Даже ученые долгое время считали его запретной темой для научного исследования. И только в середине XX в. исследователи обратили внимание на жизненно важный аспект социальной жизни. С тех пор, как будет видно из дальнейшего, мы очень много узнали о сексуальности человека.

Пол: биологический аспект

Полом называется *биологическое различие между мужчинами и женщинами*. Оно предназначено для репродуктивности человека. Яйцеклетка женщины и сперматозоид мужчины, содержащие в себе по 23 хромосомы (биологические коды, которыми зашифровано развитие организма), сливаются, чтобы образовав оплодо-

творенное яйцо. Одна из этих хромосомных пар определяет пол ребенка. С материнской стороны в ней представлена X-хромосома, а с отцовской — X или Y. Если отцовская X-хромосома соединится с материнской X-хромосомой, то образуется зародыш женского пола (XX), а если отцовская — Y, зародыш мужского пола (XY).

Через несколько недель пол эмбриона начинает определять его развитие. Если эмбрион мужского пола, то тестикулярная ткань начинает вырабатывать тестостерон — гормон, запускающий развитие мужских гениталий. Если данного гормона нет, у эмбриона возникают женские гениталии. В США на каждые 100 девочек рождается примерно 105 мальчиков, но, поскольку уровень мужской смертности выше, ситуация оказывается обратной: женщины образуют некоторое большинство, когда люди достигают 35-летнего возраста (U. S. National Center for Health Statistics, 2001).

Пол и тело

Мужчин и женщин отличает друг от друга разница в строении тела. С самого рождения у них наблюдаются разные **первичные половые признаки**, к которым относятся *гениталии, репродуктивные органы*. В период полового созревания у них развиваются **вторичные половые признаки** — *телесные отличия помимо гениталий, которые характерны для биологически зрелых мужчин и женщин*. Перспектива беременности, родов и кормления грудью приводит к тому, что у зрелых женщин развиваются более широкие бедра, увеличивается грудь и образуется мягкая жировая ткань как резервный запас питательных веществ. У зрелых мужчин обычно увеличивается мышечная масса в верхней половине туловища, кожные покровы обрастают волосами и становится низким голос. Конечно, это обобщенные различия, так как бывают мужчины, у которых волос на теле меньше, а голос тоньше, чем у иных женщин.

Гермафродиты. Пол не всегда обозначен так четко, как мы только что описали. В редких случаях гормональный дисбаланс, возникающий еще до рождения, приводит к появлению на свет **гермафродита** (от *Hermaphroditus* — потомка древнегреческих богов Гермеса и Афродиты, в котором объединились оба пола) — *человеческого существа, у которого в той или иной комбинации представлены мужские и женские половые органы*.

Поскольку в нашей культуре не предусмотрена половая двойственность, некоторые люди реагируют на гермафродитов со смущением или даже отвращением. Однако в других культурах реакция окружающих оказывается совершенно иной. Например, представители племени покота в Восточной Африке не обращают внимания на то, что им кажется простой биологической ошибкой, а представители племени навахо взирают на гермафродитов с почтением, видя в них полноту женского и мужского начала (Geertz, 1975).

Транссексуалы. Некоторым гермафродитам делают хирургические операции на гениталиях, чтобы они выглядели (а иногда и функционировали) как сексуально нормальные мужчины и женщины. Другие люди намеренно изменяют свой пол: *транссексуалами называются те, кто ощущает свою принадлежность к какому-либо из полов, хотя биологически принадлежит к противоположному*. Именно это про-

Как и многое в нашей жизни, представления о поцелуях различаются в зависимости от места проживания. Маори, жители Новой Зеландии, трутся носами, когда хотят выразить любовные чувства

изошло с Даной Риверс. На самом деле в США десятки тысяч людей ощущают себя пойманными в капкан чужого тела. Большинство из них становятся *трансгендерными* (трансвеститами), т. е. перестают придерживаться традиционных представлений о внешнем виде и поведении мужчин и женщин. Многие идут на шаг дальше и превращаются в транссексуалов после хирургического изменения своих гениталий (Tewksbury & Gagné, 1996; Gagné, Tewksbury & McGaughey, 1997).

Пол: культурный аспект

Сексуальность имеет биологическую основу. Но у нее, как и у всех аспектов человеческого поведения, есть и выраженная культурная подоплека. Биологии достаточно для объяснения захватывающих брачных ритуалов в животном мире, однако у людей нет аналогичной биологической программы. У нас существует своеобразный «сексуальный драйв»: люди находят секс приятным занятием и хотят его, а вот наше биологическое устройство диктует нам специфику сексуального поведения не больше, чем желание что-либо съесть определяет выбор каких-то особых продуктов или манеры поведения за столом.

Культурные вариации. В разных обществах почти любой сексуальный обычай отличается широкой вариативностью. В своем ярком исследовании сексуальности в США Альфред Кинзи (Kinsey, 1948) показал, что большинство пар, по их собственному признанию, совершают половой акт лишь в одной позиции: лицом к лицу, когда женщина находится снизу, а мужчина — сверху. На другом конце света, в Южных Морях, большинство пар *никогда* не занимаются сексом в подобной манере. Когда жители тех мест узнали от западных миссионеров об этом обычае, они посмеялись над странной «миссионерской позой».

Разнятся в культурах даже самые простые обычаи выражать любовные чувства. Если большинство американцев целуются на людях, то китайцы позволяют себе сделать это только в приватной обстановке. Французы, не стесняясь, обмениваются поцелуями на публике, чаще всего — два раза (в обе щеки), а бельгийцы — трое-

кратно (тоже в щеки, попеременно). Маори, коренные жители Новой Зеландии, трутся носами, а в Нигерии большинство людей не целуются вообще.

Столь же зависит от культурных традиций и чувство стыдливости. Если потревожить женщину, когда она принимает ванну, то какие части тела она прикроет? По данным Элен Колтон (Colton, 1983), исповедующая ислам закрывает лицо; жительница Лаоса — грудь, островов Самоа — пупок; женщина с Суматры — колени, а европейская женщина одной рукой прикрывает грудь и другой — область гениталий.

В каких-то обществах сексуальность ограничивают, в других — проявляют большую снисходительность. В Китае, например, нормы строго ее регулируют, чтобы люди реже вступали в добрачные половые связи. В США — по крайней мере в последние десятилетия — добрачная половая жизнь стала нормой, и люди могут заниматься сексом, даже если между ними нет никаких серьезных отношений.

Табу на инцест

Существуют ли какие-то культурные представления о сексе, которые были бы универсальными для всех стран? Ответ утвердительный. Универсальным культурным законом, обнаруживаемым во всяком сообществе, является **табу на инцест** (*культурная норма, запрещающая сексуальные связи и браки между близкими родственниками*). В США закон и культурные нравы не позволяют близким родственникам (братьям и сестрам, родителям и детям) заниматься сексом и заключать браки. Однако конкретный состав членов семьи, на которых распространяется такое табу, различен в зависимости от того или иного общества. У некоторых народов (например, у североамериканских индейцев навахо) табу на инцест касается матери и других родственников по ее линии. Известны и такие сообщества (включая древние Перу и Египет), где среди знати одобрялись браки между братьями и сестрами (Murdock, 1965; первое изд. — 1949).

Почему на инцест повсеместно накладывается запрет? Отчасти дело объясняется биологией: у всех животных спаривание родственных особей чревато рождением потомства с отклонениями. Но этим фактом не объясняется, почему это табу существует только у людей. Иначе говоря, контроль над сексуальностью в среде близких родственников представляется обязательным элементом социальной организации. Во-первых, подобный запрет ограничивает сексуальное соперничество в семьях, допуская секс только для супругов (и запрещая половые контакты, например, между родителями и детьми). Во-вторых, поскольку семейные узы определяют права и обязанности людей по отношению друг к другу, воспроизводство в результате сексуальных контактов между близкими родственниками привело бы к **безнадежной** путанице в родственных отношениях; если, например, у матери и сына родится дочь, то кем она им будет приходиться? В-третьих, требуя от людей заключать браки вне родных семей, табу интегрирует общество, поскольку люди ищут себе партнеров для создания новых семей.

Табу на инцест было устойчивой сексуальной нормой в США и в других странах мира. Однако со временем многие принятые в нашей стране подобные нормы изменились. В XX в., как мы сейчас увидим, общество пережило сексуальную революцию, а впоследствии — сексуальную контрреволюцию.

Сексуальные установки в США

Что думают о сексе американцы? В отношении сексуальности наша культурная ориентация всегда отличалась непостоянством. С одной стороны, большинство европейских иммигрантов прибыли с жесткими представлениями о «правильном» сексуальном поведении, которые отводя ему только репродуктивную роль, реализуют сугубо в границах брака. Как объяснялось в главе 8, пуритане, поселившиеся в Новой Англии, требовали соблюдения конформности во всех установках и образцах поведения и сурово карали любое несоответствие даже в тех случаях, когда сексуальное «нарушение» имело приватный характер, не выходя за пределы отдельно взятого дома. Стремление контролировать сексуальность сохранилось надолго: так, еще в 1960-е гг. в некоторых штатах закон запрещал продажу презервативов в магазинах. Даже сегодня в ряде штатов существуют законы, запрещающие гомосексуализм и разного рода «противоестественные» акты.

Но это только одна сторона истории сексуальности в США. Как сказано в главе 3, американская культура характеризуется индивидуализмом, и, по мнению очень многих, следует предоставить людям свободу делать все, что тем вздумается, если это не причинит вреда окружающим. Убежденность, что все занятия людей дома, в частных условиях, — это их личное дело, превращает секс в вопрос индивидуальной свободы и личного выбора.

Итак, на чем же остановиться? Каким же обществом являются США, когда речь заходит о сексуальности, — запретительным или снисходительным? И тем, и другим. С одной стороны, многие американцы продолжают считать сексуальное поведение важным показателем морального облика человека. С другой стороны, секс повсеместно эксплуатируется и прославляется, а также активно пропагандируется в средствах массовой информации.

Задав себе такие границы, перейдем к изменениям в сексуальных установках и поведении, которые происходили на протяжении XX в. Как мы увидим, перемены были значительными.

Сексуальная революция

В XX в. люди стали свидетелями сильных подвижек в сексуальных установках и обычаях. Первые признаки такого рода перемен появились в 1920-е гг., когда миллионы мужчин и женщин покинули свои фермы и провинциальные городки, переехавшись в стремительно растущие крупные города. Там, живя вдалеке от семей и общаясь друг с другом на работе, молодые люди наслаждались большей сексуальной свободой. В этом кроется одна из причин, по которым десятилетие запомнилось как «бурные двадцатые».

В 1930-е и 1940-е гг. Великая депрессия и Вторая мировая война замедлили перемены. Но в послевоенный период, после 1945 г., Альфред Кинзи подготовил почву для того, что получило название *сексуальной революции*. Свою первую работу, посвященную сексуальности, он и его коллеги опубликовали в 1948 г.; она вызвала повсеместный шок. Кинзи не так уж много сказал о сексуальном поведении, хотя и привел кое-какие удивительные результаты; все дело было в том, что ученые занялись изучением секса, — именно это вызвало пересуды, охватившие всю

страну. В конце концов, тогда нелегко было разговаривать о сексе даже дома, в сугубо личной беседе.

Две книги Кинзи (Kinsey, 1948, 1953) стали бестселлерами еще и потому, что была открыта правда о среднестатистическом американце: оказалось, он намного реже придерживался традиционных сексуальных обычаев, чем думалось большинству населения США. Таким образом, обе книги воспитывали непривычную сексуальную откровенность, которая способствовала наступлению сексуальной революции.

В конце 1960-х гг. последняя достигла пика. В общественной жизни господствовала молодежная культура, а новая сексуальная свобода закрепилась в высказываниях типа «нравится — делай» и «секс, наркотики и рок-н-ролл». Некоторым людям, конечно, претила идея «сексуального взвинчивания и самоодурманивания», но поколение, рожденное в условиях демографического взрыва в период 1945—1960 гг., было первой в истории США когортой, которая выросла на идее, что секс является частью повседневной жизни всех и каждого независимо от семейного положения.

Технология тоже сыграла свою роль в сексуальной революции. Противозачаточные таблетки, вошедшие в обиход в 1960 г., не только предотвращали беременность, но и облегчали сексуальные отношения. В отличие от презерватива и диафрагмы, которыми приходится пользоваться во время полового акта, таблетку можно принять в любое время суток. Теперь женщины, как и мужчины, могли заниматься сексом без всякой специальной подготовки.

Для женщин сексуальная революция имела особое значение, так как их половая жизнь исторически регулировалась строже, чем мужчин. Применяя практику *двойных стандартов*, общество позволяет (и даже побуждает к этому) мужчинам вести сексуально активный образ жизни, одновременно ожидая от женщин целомудренного поведения до замужества и супружеской верности — в дальнейшем. Этот вывод подтверждается данными опроса, приведенными на рис. 9.1.

Среди людей, родившихся в США в период между 1933 и 1942 гг. (тех, кому сегодня за 60), 56% мужчин и только 16% женщин признались, что к своему 20-летию имели двух сексуальных партнеров или более. Сравните этот огромный разрыв с образцом, выявленным у лиц, родившихся в период демографического взрыва между 1953 и 1962 гг. (кому сейчас за 40), достигших зрелости по завершении сексуальной революции. В этой категории 62% мужчин и 48% женщин заявляют, что к 20-летнему возрасту имели двух сексуальных партнеров или более (Laumann et al., 1994; p. 198). Из этого следует, что сексуальная революция повысила общую сексуальную активность, но сильнее изменила поведение женщин, нежели мужчин.

Общей тенденцией, таким образом, выступает большая сексуальная открытость, которая возрастает по мере экономического развития общества, и можно понять глобальные формы контроля над рождаемостью, представленные на карте мира 9.1¹.

¹ На этой карте показан процент замужних женщин, прибегающих к современным методам контрацепции (барьерным методам, контрацептивным таблеткам, имплантатам, спринцеванию, внутриматочным контрацептивным спиральям или стерилизации). Чем же отличаются страны с высоким уровнем доходов от бедных? Можете ли вы объяснить эту разницу?

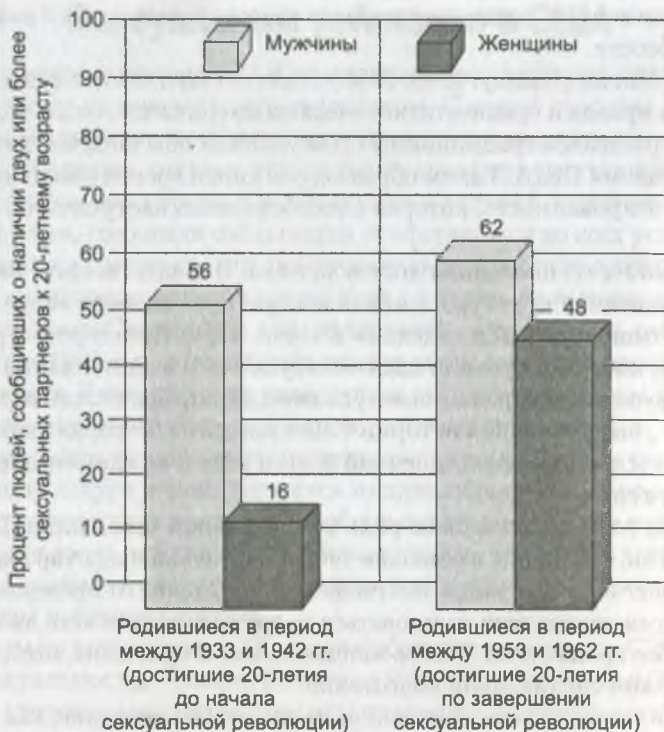

Рис. 9.1. Сексуальная революция: конец двойных стандартов. Источник: Laumann et al., 1994; p. 198

Сексуальная контрреволюция

Сексуальная революция превратила секс в предмет обыденного обсуждения, а сексуальную активность сделала делом индивидуального выбора. И хотя американское общество всегда относилось к сексу двояко, сексуальная революция тоже была противоречивым событием. К 1980 г. атмосфера сексуальной свободы, которой были отмечены конец 1960-х и 1970-е гг., подверглась критике со стороны отдельных лиц, посчитавших ее свидетельством морального упадка нации. Таким образом, началась *сексуальная контрреволюция*.

Если говорить языком политики, то она стала консервативным призывом вернуться к «семейным ценностям», отказаться от сексуальной свободы ради сексуальной ответственности. На практике такой поворот на 180° означал возвращение секса в границы брака. Критики противились не только идее «свободной любви», но и таким тенденциям, как сожительство (совместное проживание) и рождение внебрачных детей.

Если оглянуться назад, становится очевидным, что сексуальная контрреволюция не поколебала идею о праве человека самому решать, когда и с кем ему вступать в сексуальную связь. Однако в результате большее число людей стало ограничивать количество сексуальных партнеров или полностью воздерживаться от секса. Во многих случаях подобные решения принимаются из соображений морали.

Карта мира 9.1. Применение методов контрацепции в глобальной перспективе. Источник: Маскау, 2000

Но для других случаев в решении ограничить свою сексуальную жизнь отражается страх перед заболеваниями, передающимися половым путем. Хотя инфекционными болезнями люди с 1960-х гг. стали страдать реже, венерическими — намного чаще. Сам факт, что некоторые венерические заболевания (например, генитальный герпес) неизлечимы, а другие (СПИД) смертельны, стало для людей хорошим поводом тщательно обдумывать свой сексуальный выбор.

Добрачный секс

Насколько же изменилось сексуальное поведение в США после сексуальной революции и контрреволюции? Любопытна одна тенденция, касающаяся добрачного секса, — вероятности того, что молодые люди вступят в сексуальные отношения до супружества.

Сначала разберемся, что *говорят* по этому поводу взрослые американцы. Из табл. 9.1 видно, что около 35% характеризуют добрачные сексуальные отношения как «непозволительные всегда» или «почти всегда». Еще 20% считают, что добрачный секс «непозволителен лишь иногда», а около 40% не видят в нем «ничего плохого». Нынешнее поколение воспринимает его терпимее, чем раньше, но все равно общество разделяется по данному вопросу на два лагеря.

Таблица 9.1

Как мы относимся к добрачному и внебрачному сексу

Вопрос: «Изменение морали и отношения к сексу в нашей стране широко и обстоятельно обсуждалось. Если мужчина и женщина вступают в добрачную сексуальную связь, то как вы считаете: всегда ли это непозволительно, почти всегда непозволительно, непозволительно лишь иногда или в этом нет ничего плохого? Как вы относитесь к тому, чтобы семейный человек имел сексуальные связи на стороне?»

	Добрачный секс, %	Внебрачный секс, %
«Всегда непозволителен»	26,7	77,8
«Почти всегда непозволителен»	8,4	10,6
«Лишь иногда непозволителен»	20,5	7,0
«В этом нет ничего плохого»	39,9	2,5
«Не знаю»/не ответили	4,5	2,1

Источник: General Social Surveys, 1972–2000: Cumulative Codebook (Chicago: National Opinion Research Center, 2001), pp. 17–18

Теперь посмотрим на *действия* молодежи, касающиеся добрачных половых отношений. В среде женщин за прошедшее время произошли заметные изменения. В работах Кинзи (Kinsey, 1948, 1953; см. также Laumann et al., 1994) сообщалось, что из людей, родившихся в начале 1900-х гг., примерно 50% мужчин и всего лишь 6% женщин вступали в добрачные сексуальные связи, не достигнув возраста 19 лет. Исследования детей, появившихся на свет в эпоху демографического взрыва после Второй мировой войны, показывают некоторый рост числа сексуальных отношений до брака у мужчин и значительный — примерно на одну треть — у женщин.

Самые последние изыскания, когда предметом внимания стали мужчины и женщины, родившиеся в 1970-х гг., показывают, что к переходу в выпускной класс средней школы 76% юношей и 66% девушек имеют опыт добрачных половых связей (Laumann et al., 1994; p. 323–324). Таким образом, хотя в целом отношение общественности к добрачному сексу остается неоднозначным, подобное поведение широко практикуется в молодежной среде.

Секс между взрослыми

Если верить средствам массовой информации, то американцы отличаются высокой сексуальной активностью. Но не приукрашивают ли реальность эти расхожие образы? Как отмечает Лауманн (Laumann, 1994), уровень сексуальной активности жителей США различается. Поведенческие образцы распределяются так: одна треть взрослых сообщают, что имеют с партнером несколько сексуальных контактов в год или не имеет их вовсе; еще одна треть занимаются сексом один или несколько раз в месяц; оставшаяся треть занимаются сексом со своим партнером два раза в неделю или более.

Кроме того, вопреки широко распространенному образу холостых волокит именно семейные люди чаще всего занимаются сексом со своими партнерами и партнершами. Состоящие в браке люди также признаются в наибольшем удовлетворении сексуальными отношениями как в эмоциональном, так и в физическом отношении (Laumann et al., 1994).

Внебрачный секс

Как быть с людьми, которые занимаются сексом не только с партнером по браку, но и на стороне? То, что люди традиционно называют «изменой» (социологи предпочитают более нейтральный термин — «внебрачный секс»), встречает широкое осуждение. Из табл. 9.1 видно, что почти 90% взрослых американцев считают, что если семейный человек занимается сексом не с партнером (партнершей) по браку, это «непозволительно всегда» или «почти всегда». Норма сексуальной верности в браке была и остается серьезным элементом американской культуры.

Но если обратиться к поведению, выяснится: культурный идеал нередко отличается от реальности. Наверное, никого не удивит, что внебрачная половая жизнь распространена гораздо шире, чем некоторые предполагают. Вместе с тем такой секс отмечается не столь часто, как думают многие. Лауманн указывает, что около 25% женатых мужчин и как минимум 10% замужних женщин имели хотя бы одну внебрачную половую связь. Или, если посмотреть иначе, 75% мужчин и 90% женщин сохраняют сексуальную верность своим партнерам на протяжении всей супружеской жизни (Laumann et al., 1994; p. 214; NORC, 2001; p. 1135).

Сексуальная ориентация

За последние десятилетия общественное мнение относительно сексуальной ориентации претерпело заметные изменения. Под **сексуальной ориентацией** понимается *предпочтение индивида, касающееся сексуальных партнеров: того же пола, противоположного, обоих или ни одного из полов*. Во всех человеческих обществах нормой

считается **гетеросексуальность** (от древнегреч. *hetero* — «другое из двух»), *сексуальная ориентация, при которой индивид испытывает влечение к лицам противоположного пола*. Однако в любом обществе значительная часть людей характеризуется **гомосексуальностью** (от древнегреч. *homo* — «то же самое»), *сексуальной ориентацией, при которой индивид испытывает влечение к представителям одного с ним пола*. Размышляя над этими категориями, не забывайте, что гетеросексуальность и гомосексуальность не исключают друг друга. Это означает, что люди не обязательно попадают под какую-либо одну категорию, но могут иметь и ту и другую сексуальную ориентацию в той или иной степени. На рис. 9.2 эти две сексуальные ориентации представлены в виде континуума, из которого видно, что большинство людей испытывают по крайней мере некоторое влечение к представителям обоих полов.

Тот факт, что сексуальная ориентация не определена четко, указывает на важность третьей категории — **бисексуальности** (*сексуальной ориентации, при которой индивид испытывает влечение к представителям обоих полов*). Одни бисексуалы испытывают одинаковое влечение к мужчинам и женщинам; других какой-то один из полов привлекает больше другого. Наконец, еще одной, дополнительной, разновидностью сексуальной ориентации выступает **асексуальность** — *сексуальная ориентация, при которой индивид не испытывает влечения ни к одному из полов*.

Важно отметить и то, что сексуальное влечение не тождественно сексуальному поведению. Вне всяких сомнений, некоторым людям случалось испытывать влечение к лицам одного с ними пола, но лишь немногие действовали в соответствующей манере. Это связано с культурными ограничениями, налагаемыми на наши поступки.

Культурные системы неодинаково принимают различные сексуальные ориентации. В США и во всем мире гетеросексуальность выступает нормой потому, что, рассуждая с позиции биологии, гетеросексуальные отношения обеспечивают продолжение рода. Но даже при этом условии в большинстве обществ терпимо относятся к гомосексуальности. Так, в Древней Греции у мужчин, принадлежавших к высшему классу, гомосексуальность считалась высшей формой отношений; отчасти потому, что древние греки считали женщин интеллектуально неполноценными. Тогда гетеросексуальность выступала необходимым условием для продолжения рода, но «настоящие» мужчины предпочитали гомосексуальные отношения (Kluckhohn, 1948; Ford & Beach, 1951; Greenberg, 1988).

Рис. 9.2. Континуум сексуальной ориентации. Источник: Kinsey et al., 1948

Что задает нам сексуальную ориентацию?

Предметом ожесточенных споров является прежде всего вопрос о том, как складывается сексуальная ориентация. Но все доводы сводятся к двум общим представлениям: согласно первому, она порождается обществом; согласно второму, продиктована биологическими причинами.

Сексуальная ориентация: продукт общества. Как считают сторонники этой точки зрения, члены всех обществ конструируют набор смысловых значений, которые позволяют им осмыслить сексуальность. Поэтому представления о ней разнятся в зависимости от времени и места. Мишель Фуко (Foucault, 1990; первое изд. — 1978), например, утверждает, что еще сто лет назад не существовало отдельной категории лиц, именовавшихся «гомосексуалистами», и только потом ученые, а в итоге и общественность начали пользоваться этим понятием. Иными словами, конечно же, некоторые люди имели опыт, который мы назвали бы гомосексуальным. Но ни они, ни другие не усматривали в этом поведении ничего, что позволило бы превратить его в основание некой особой идентичности.

Антропологи предъявляют дополнительные доказательства, что сексуальная ориентация конструируется обществом. По данным исследований, типы гомосексуальности разнятся в зависимости от обществ. В Сибири, например, у чукчей существует ритуальный обычай, в соответствии с которым мужчина переодевается в женщину и выполняет женскую работу. У самбийцев, живущих на восточном нагорье Новой Гвинеи, практикуется ритуал, когда мальчики оказывают оральные сексуальные услуги мужчинам, полагая, что поглощение семени придаст им мужественности. Существование в мире столь различающихся поведенческих образцов говорит о том, что сексуальная ориентация и ее проявления во многом зависят от самого общества (Herdt, 1993; Murray & Roscoe, 1998).

Сексуальная ориентация: продукт биологии. Все больше научных данных заставляет предположить, что сексуальная ориентация имеет врожденный характер, уходя корнями в биологию человека — во многом так же, как врожденная правили леворукость. Отстаивая эту позицию, Саймон Ле Вэй (LeVay, 1993) связывает сексуальную ориентацию со строением человеческого мозга. ЛеВэй исследовал мозг мужчин — гомосексуалистов и гетеросексуалов — и обнаружил небольшое, но значимое различие в размерах гипоталамуса, отдела мозга, ответственного за гормональную регуляцию. Существует мнение, что данное анатомическое отличие влияет на формирование сексуальной ориентации.

На нее также оказывают воздействие и генетические факторы. В одном исследовании с участием 44 пар братьев, которые все были гомосексуалистами, у 33 пар был выявлен отчетливый генетический признак, связанный с X-хромосомой. Подобные результаты приводят некоторых исследователей к мысли о «голубом гене» (Namer & Copeland, 1994).

Критическая оценка. Биологическое происхождение сексуальной ориентации подтверждается все большим числом научных свидетельств, хотя в настоящее время разумнее считать, что она зависит и от общественных, и от биологических факторов (Glaude, Green & Hellman, 1984; Weinrich, 1987; Troiden, 1988; Isay, 1989; Puterbaugh, 1990; Angier, 1992; Gelman, 1992). Кроме того, мы должны помнить, что

там, где речь идет о сексуальной ориентации, нельзя говорить о четко очерченных категориях. Это означает, что у большинства людей, считающих себя гомосексуальными, имеется некоторый гетеросексуальный опыт, и наоборот: у тех, кто считает себя гетеросексуальным, есть некоторый гомосексуальный опыт. Поэтому объяснение сексуальной ориентации представляется крайне трудной задачей.

Для геев и лесбиянок эта проблема имеет ко всему прочему и очень важный политический аспект. В той мере, в какой сексуальная ориентация имеет биологическую природу, гомосексуальность — дело выбора не более, чем, скажем, цвет кожи. Если это так, то почему бы геям и лесбиянкам не рассчитывать на ту же законодательную защиту от дискриминации, какую имеют афроамериканцы (Herek, 1991)?

Сколько геев в США?

Какой процент американцев составляют геи? На этот вопрос нелегко ответить, поскольку сексуальная ориентация, как мы уже объяснили, не позволяет говорить о каких-либо четко очерченных категориях. К тому же люди не всегда признаются в своих сексуальных предпочтениях незнакомым собеседникам и даже членам семьи. Основоположник сексуальных исследований Альфред Кинзи (Kinsey, 1948, 1953) установил, что около 4% мужчин и 2% женщин имеют очевидную гомосексуальную ориентацию, хотя сам он считал, что в биографии как минимум одной трети мужчин и одной восьмой части женщин имеется хотя бы один гомосексуальный эпизод, закончившийся оргазмом.

В свете исследований Кинзи многие социологи ученые считают, что геи составляют 10% всего населения. Но данные недавнего национального опроса, касавшегося сексуальности в США, показывают, что на результатах сильно сказывается операционализация «гомосексуальности» (Laumann et al., 1994). Из фрагмента (а) на рис. 9.3 видно, что в США около 9% мужчин и приблизительно 4% женщин в возрасте от 18 до 59 лет признали наличие в своей биографии *отдельных* гомосексуальных эпизодов. Второй ряд цифр показывает, что у значительной части мужчин (меньшей, чем у женщин) имеется сексуальный опыт, приобретенный в детстве, но не по завершении пубертатного периода. А 2,8% мужчин и 1,4% женщин считают себя частично или полностью гомосексуальными.

Наконец, Кинзи относился к сексуальной ориентации как к черте типа «или-или»: большая гомосексуальность само собой подразумевает меньшую гетеросексуальность. Но влечения к лицам того же или противоположного пола могут возникать независимо друг от друга. Таким образом, на одном полюсе находятся бисексуалы, испытывающие сильное влечение к представителям обоих полов; на другом — асексуальные типы, которых мало привлекают и те и другие.

По данным упомянутого национального опроса, бисексуалами сочли себя менее 1% взрослых. Однако кажется, что бисексуальные переживания вполне обычны (по крайней мере временно) для молодежи, особенно в студенческой среде (Laumann et al., 1994; Leland, 1995). Получается, что многие бисексуалы не считают себя ни геями, ни «натуралами», а в их поведении отражаются элементы и той и другой ориентации.

а Сколько геев в США?

б Отношение к гомосексуальным связям, 1973–2000

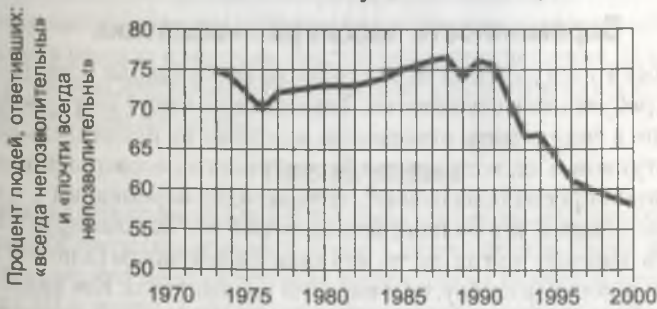

Рис. 9.3. Сексуальная ориентация в США: результаты опроса. Источники: Laumann et al., 1994; NORC, 2001

Движение за права геев

В последние десятилетия общественное мнение по поводу гомосексуальности сместилось в сторону большего принятия. В 1973 г., как видно из рис. 9.3, б, приблизительно две трети взрослых американцев объявляли гомосексуальные связи «неприемлемыми всегда» или «почти всегда». За 1970-е и 1980-е гг. этот процент изменился мало, но к 2000 г. упал ниже 60 (NORC, 2001; p. 243).

Это изменение в значительной мере связано с движением за права геев, которое возникло в середине XX в. (Chauncey, 1994). В те времена большинство людей не обсуждали проблему гомосексуальности, и в профессиональных сообществах (включая федеральное правительство и вооруженные силы) было принято увольнять любого человека, заподозренного в гомосексуальных наклонностях. Жесткой линии придерживались и профессионалы, занятые в сфере охраны психического здоровья, которые считали гомосексуальность «болезнью» и иногда направляли гомосексуалистов в психиатрические больницы, где якобы существовала возможность их вылечить.

Из-за такой атмосферы нетерпимости большинство лесбиянок и геев «уходили в подполье», держа свою сексуальную ориентацию в строгом секрете. Однако в 1960-х гг. движение за права геев обрело силу. Одна из важных вех — 1973 г., когда Американская ассоциация психиатров объявила, что гомосексуальность является не болезнью, а просто «формой сексуального поведения».

Защитники прав гомосексуалистов ввели в обиход и термин **гомофобия**, имея в виду *страх перед тесными личными контактами с людьми, которые считаются геями, лесбиянками или бисексуалами* (Weinberg, 1973). Понятие «гомофобия» (буквально — «боязнь подобия») переводит стрелки на общество; вместо вопроса: «В чем заключается извращенность геев?» возникает новый: «В чем извращенность людей, которые нетерпимы к иной сексуальной ориентации?»

Спорные аспекты сексуальности

В США с сексуальностью сопряжены многочисленные споры, ведущиеся по целому ряду вопросов. Мы коснемся четырех проблем: беременности несовершеннолетних, порнографии, проституции и сексуального насилия.

Беременность несовершеннолетних

Из-за возможности наступления беременности сексуальная жизнь — особенно половой акт — требует ответственности. Тинейджеры могут быть зрелыми в биологическом, но не в социальном отношении, а потому не предвидеть всех последствий своих поступков. Так, хотя кривая беременности несовершеннолетних снижалась, результаты опросов показывают, что ежегодно беременеют 1 млн несовершеннолетних американок, и в большинстве случаев это не планируется.

Беременность означает не только то, что многим девушкам (а порой и будущим отцам) не удастся закончить школу, но и высокий риск нищеты. Как видно из рис. 9.4, количество родов, приходящееся в нашей стране на несовершеннолетних, превышает аналогичные показатели в других странах с высоким уровнем доходов.

Привела ли сексуальная революция к росту случаев беременности несовершеннолетних? Ответом, как это ни удивительно, будет «нет». В 1950 г. таких примеров было больше, чем теперь, хотя это объясняется тем, что тогда люди вступали в брак в более юном возрасте. Также часто бывало, что беременность приводила к поспешному замужеству. В результате беременных американок, не достигших совершеннолетия, было много, но подавляющая часть из них — замужние. Сегодня, напротив, многие забеременевшие девушки не спешат стать супругами. Примерно в половине всех случаев дело заканчивается абортom; остальные предпочитают рожать

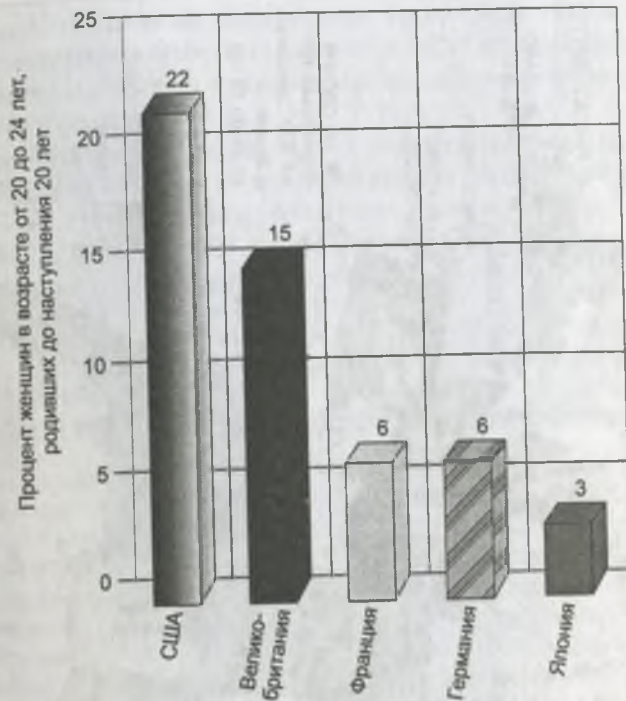

Рис. 9.4. Материнство среди несовершеннолетних. Источник: The Alan Guttmacher Institute, 2000

(Voydanoff & Donnelly, 1990; Holmes, 1996a). Карта США 9.1 показывает, где проживают американки, рожавшие в возрасте от 15 до 19 лет¹.

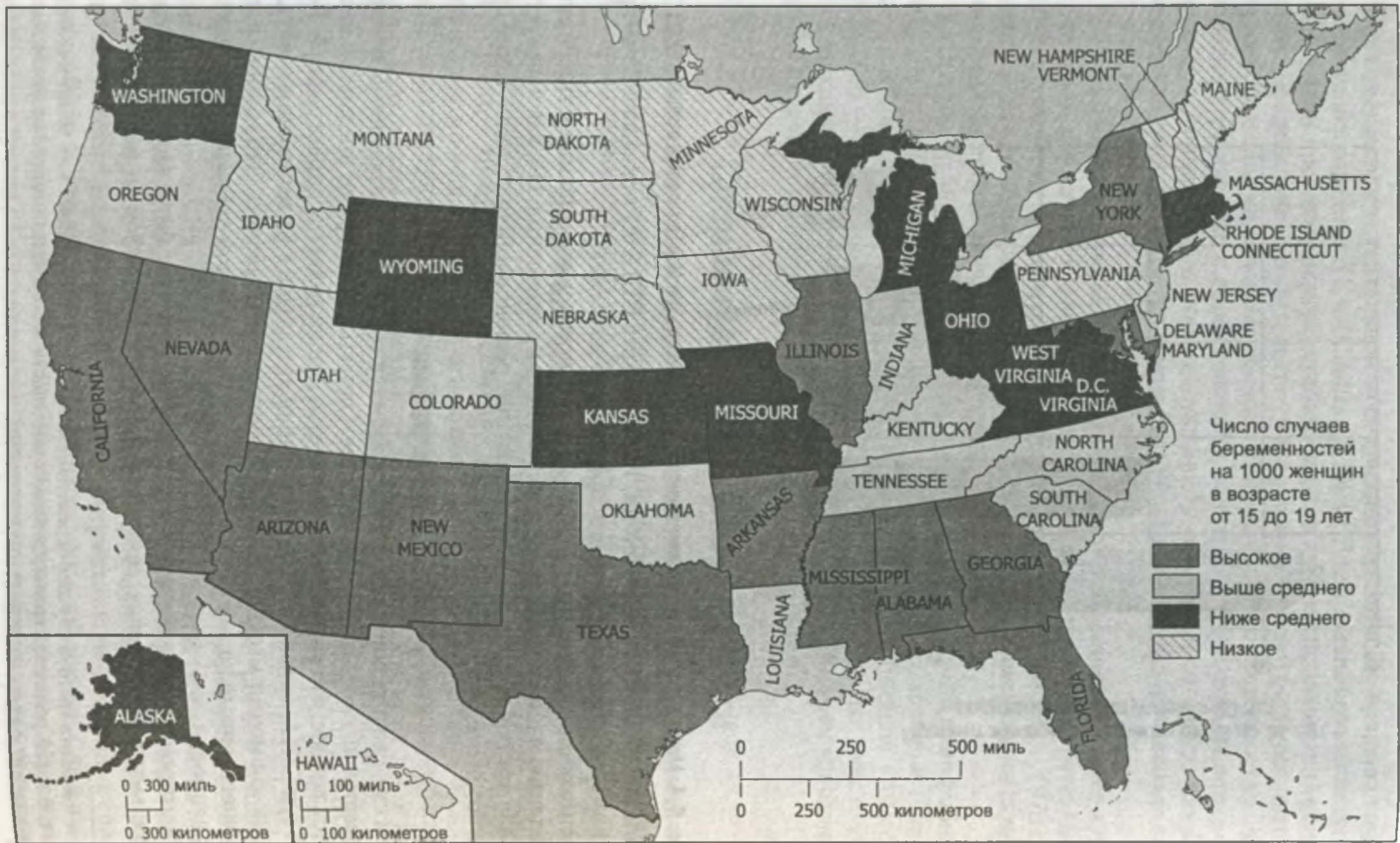
Обеспокоенность высоким уровнем беременности несовершеннолетних привела к введению в школах программ сексуального просвещения. Но, как явствует из материала врезки «Сексуальное просвещение: решение или проблема» такие программы сомнительны и спорны.

Порнография

В общем смысле под **порнографией** понимается *сексуально откровенный материал, вызывающий сексуальное возбуждение*. Однако долгое время предметом спора оставался вопрос, что же конкретно является или не является порнографией. Верховный суд США, признав различия в отношении людей к живописанию сексуальности, уполномочил местные общины самостоятельно решать, что именно попирает «общественные нормы» приличия и не имеет никакой компенсаторной социальной ценности.

Если отбросить определения, то в США порнография, безусловно, популярна: видеofilмы для взрослых, сексуальные услуги по телефону и несметное коли-

¹ На карте показана частота случаев беременности женщин в возрасте от 15 до 19 лет в середине 1990-х гг. В каких регионах страны уровень беременности несовершеннолетних особенно высок? В каких низкий? Как вы объясните эти тенденции?

Карта США 9.1. Беременность несовершеннолетних в США. Источник: The Alan Guttmacher Institute, 1999

чество сексуально откровенных кинофильмов и журналов — все это вместе образует индустрию с ежегодным оборотом примерно в \$10 млрд. Цифра возрастает по мере того, как люди выходят на новые и новые порнографические сайты в Интернете; их насчитывается сотни тысяч.

Критика порнографии традиционно основывалась на *моральных* соображениях. Как подтверждают результаты национальных опросов, 60% взрослых американцев озабочены тем, что «материалы сексуального содержания подрывают мораль» (NORC, 2001; p. 244). Сегодня, однако, на порнографию смотрят и как на проблему *власти*, поскольку она выставляет женщин игрушками для мужских сексуальных утех.

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Сексуальное просвещение: решение или проблема?

В большинстве современных школ предусмотрены программы сексуального просвещения для преподавания основ сексуальности. Преподаватели рассказывают подросткам, как растет и изменяется их тело, как рождаются дети и как избежать беременности, контролируя процесс зачатия или воздерживаясь от секса.

Поскольку половина американских тинейджеров признается, что в 16 годам у них уже имеется сексуальный опыт, о таком же своем опыте к 17 годам говорит половина девушек, создается впечатление, что программы сексуального просвещения имеют смысл. Но, как указывают критики, с расширением числа подобных программ уровень сексуальной активности несовершеннолетних *повысился*. Похоже, эта тенденция свидетельствует, что сексуальное просвещение вовсе не препятствует молодежному сексу; совсем наоборот: оно, возможно, побуждает несовершеннолетних к скорейшему началу половой жизни. Критики считают, что только родители имеют право вести с детьми разговоры о сексуальных отношениях, ибо в отличие от учителей способны передать им свои представления о дурном и хорошем.

Однако сторонники сексуального просвещения возражают, утверждая, что результаты исследований не подтверждают вывод о возрастании сексуальной активности молодежи. Они вообще утверждают, что к последнему детей побуждает существующая культура — та, что всячески превозносит сексуальность. Если дело в этом, то рациональная стратегия заключена в их гарантированном понимании своих действий и принятии разумных мер предосторожности для защиты себя от нежелательной беременности и венерических заболеваний.

А как считаете вы:

1. В школах можно ознакомиться с конкретными фактами, касающимися сексуальности. Но затрагивают ли педагоги эмоциональные проблемы, которыми часто сопровождается секс? Моральные аспекты? Почему?
2. Что вы думаете о родителях? Их ли дело заниматься сексуальным просвещением своих детей? Поинтересуйтесь у сокурсников, много ли инструкций сексуального содержания они получили от своих родителей.
3. Считаете ли вы, что молодые люди вообще имеют слабые представления о сексуальности? Или полагаете, что им известно слишком много? Какие конкретные изменения вы предложили бы внести в рассмотрение проблемы нежелательной беременности *несовершеннолетних*?

Источники. Gibbs, 1993; Stodghill, 1998; Voss & Kogan, 2001

Кроме того, некоторые критики считают ее причиной насилия совершаемого в отношении женщин. Хотя документально подтвердить причинно-следственную связь между тем, что люди видят, и их поступками, нелегко, результаты исследований подтверждают: порнография заставляет мужчин смотреть на женщин не как на людей, а как на вещи. Общественность разделяет озабоченность в связи с распространением порнографической продукции и насилием: почти половина взрослых видит в этом прямую зависимость (NORC, 2001; p. 245).

Все люди настроены против материалов, которые им кажутся оскорбительными, но многие также ценят свободу слова и художественного самовыражения. Тем не менее оппозицию порнографии составляет необычная коалиция консерваторов (порицающих из моральных соображений) и сторонников прогресса (не одобряющих ее по политическим причинам).

Проституция

Проституцией называется *продажа сексуальных услуг*. Часто именуемая «древнейшей профессией в мире», проституция всегда была широко распространена, и приблизительно каждый пятый взрослый американец признается в том, что ему пришлось оплачивать сексуальные услуги в то или иное время (NORC, 2001; p. 1135). Считая секс выражением интимных взаимоотношений двух человек, люди находят идею платного секса неприятной. Как следствие на всей территории США, за исключением некоторых областей Невады, проституция запрещена законом.

Если говорить обо всем мире, то наибольшего размаха проституция достигает в странах с низким уровнем доходов, где сильны патриархальные настроения, а традиционные культурные нормы ограничивают возможности женщин зарабатывать себе на жизнь. На карте мира 9.2 показаны места наибольшего распространения проституции¹.

Типы проституции. Большинство проституток (многие предпочитают нейтральный термин «сексуальные работники») — женщины, но они подпадают под разные категории. *Девочки по вызову* — элитные проститутки: как правило, привлекательные, молодые женщины с хорошим образованием, которые сами договариваются о встрече с клиентами по телефону. Специальные страницы газет в любом крупном городе пестрят рекламными объявлениями, предлагающими «услуги сопровождения», посредством которых женщины (и гораздо реже мужчины) предлагают за плату как компанию для совместного времяпрепровождения, так и секс.

«Сексуальные работники среднего звена» трудятся в «массажных салонах» или публичных домах под контролем своих менеджеров. У них меньше возможностей при выборе клиентов, и их услуги оплачиваются ниже; кроме того, они получают не больше половины того, что зарабатывают.

¹ Вообще, проституция широко распространена в тех обществах, где женщины занимают низшие ступени социальной лестницы. Китайская Народная Республика — во всяком случае официально — похвастается гендерным равенством, включая искоренение «порока»: проституции, которая угнетает женщин. В большей части Латинской Америки, где сильны патриархальные влияния, проституция, напротив, дело обычное. Патриархат силен и во многих исламских странах, однако религия выступает противовесом, и потому проституция имеет ограниченный характер. В западных странах с высоким уровнем доходов масштаб распространения проституции средний.

На самом дне иерархии сексуальных работников находятся *уличные проститутки* — женщины и мужчины, работающие на улицах больших городов. Проституток-женщин контролируют мужчины-сутенеры, которые забирают большую часть полученных теми денег. Работающие на улице больше других групп рискуют стать жертвами насилия со стороны сутенеров и клиентов (Gordon & Snyder, 1989; Davidson, 1998).

Большинство проституток предлагают гетеросексуальные услуги. Геи, занимающиеся проституцией, также берут плату за секс. Исследователи сообщают, что многие из этой группы лиц пострадали от своих семей и друзей, которые отреклись от них из-за их сексуальной ориентации (Weisberg, 1985; Boyer, 1989; Kruks, 1991).

Преступление без потерпевших? В США проституция почти повсеместно считается противозаконным занятием, но многие люди видят в ней преступление без потерпевших (см. главу 8). Следовательно, вместо того чтобы неизменно следить за соблюдением законов, запрещающих проституцию, полиция устраивает эпизодические акции преследования. Похоже, наше общество желает контролировать проституцию, полагая, однако, что ликвидировать ее никогда не удастся.

Является ли торговля сексом преступлением без потерпевших, которое никому не вредит? Конечно, многие люди, придерживающиеся принципа «живи сам и не мешай жить другим», скажут именно так. Но эта точка зрения игнорирует тот факт, что проституция подвергает многих женщин оскорблениям и насилию, а также играет роль в распространении заболеваний, передающихся половым путем, включая СПИД. Кроме того, многие женщины, живущие в бедности, попадают в капкан торговли сексуальными услугами — в основном для чужой выгоды, тогда как сами рискуют жизнью.

Сексуальное насилие и оскорбление

Хотя половая жизнь сопровождается любовные отношения, секс может переплетаться с насилием и ненавистью. Сексуальное насилие — от словесного оскорбления до изнасилования и убийства — широко распространено в США.

Изнасилование. Хотя многие люди считают изнасилование разновидностью секса, в действительности оно является выражением власти, актом насилия, в ходе которого секс — средство, чтобы ранить, унижить или подавить другого человека. По данным Федерального бюро расследований США, изнасилованию ежегодно подвергается около 90 тыс. женщин. Эта цифра отражает лишь официальные данные, фактически она намного выше (McCormick, 1994, Federal Bureau of Investigation, 2001).

Официальное определение изнасилования, данное федеральным правительством, звучит так: «Плотское познание женщины, осуществленное с применением силы и против ее воли». Поэтому в официальные статистические сводки попадают только жертвы женского пола. Но насилуют и мужчин: на их долю, по-видимому, приходится 10% всех случаев. Большинство мужчин, насилующих представителей своего же пола, не являются гомосексуалистами: они — гетеросексуалы, побуждаемые желанием не секса, а доминирования над другим человеком (Groth & Birnbaum, 1979; Gibbs, 1991a).

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Изнасилование во время свидания: разоблачение опасного мифа

Эйприл Сандерс была вне себя от волнения: ей предстояло свидание с Бобом Мак-Мэгном — старшекурсником, от которого она была без ума. В субботу вечером, в 10 часов, они встретились с Бобом на южной окраине Артс-Квот и, непринужденно болтая, направились через кампус на вечеринку. Чем больше Боб говорил, тем сильнее он нравился Эйприл.

Когда они слились с толпой, собравшейся на излюбленной студентами площадке, там уже гремела музыка и пиво лилось рекой. Они выпили по несколько кружек и потанцевали. Потом подсели к столику, где пировали какие-то приятели Боба, угощавшиеся крепким ликером. Боб протянул Эйприл стакан. Она помедлила, но затем улыбнулась и выпила до дна. Он наполнял ее стакан снова и снова, и вскоре у Эйприл закружилась голова. Она знала, что выпила слишком много, и все, чего ей хотелось, — пойти домой и лечь спать. Краснея от стыда, она сказала, что хочет отправиться к себе, в общежитие. «Без проблем», — ответил Боб и настоял, что проводит ее.

Придя домой, Эйприл впустила и Боба, а сама стала искать аспирин. Они сидели на кушетке и беседовали, когда Боб попытался ее поцеловать. Казалось, что в ту секунду перед ней был совершенно другой человек, настойчиво принуждавший Эйприл к сексу. «Не надо, Боб!» — умоляла Эйприл, охваченная страхом. Но Боб был решителен и силен, и она просто не сумела его остановить.

Через 10 минут все кончилось, Боб встал и ушел. Первой реакцией Эйприл было желание принять душ. «Я чувствовала себя ужасно грязной, — вспоминала она впоследствии. — Я терла и терла себя, как заведенная». Она проплакала несколько часов, пытаясь понять, почему вечер закончился так кошмарно. «Неужели меня изнасиловали? — спрашивала она себя. — Я говорила ему "нет", я пыталась остановить его». Но ее беспокоило и другое: «Кто мне поверит? Мы вместе выпивали. Я впустила его в свою комнату».

Утром Эйприл Сандерс пошла к декану, чтобы заявить о нападении. Позднее, в тот же день, у нее состоялась беседа с двумя офицерами полиции. Полиция провела расследование, но действовала неохотно, так как Боб заявил, будто половой акт произошел по обоюдному согласию, а рассказ Эйприл оставался бездоказательным, ибо не было ничего — ни ссадин, ни разорванной одежды, ни результатов медицинского осмотра.

Случай с Эйприл Сандерс абсолютно типичен. Фактически половина как минимум всех жертв сексуальной агрессии не обращается в полицию. Одной из причин этого может быть то, что многие женщины и мужчины не понимают, что такое изнасилование. По сути, в США настолько распространены три заблуждения, касающиеся изнасилования, что их можно назвать мифами.

Миф 1: насилуют только незнакомые. Сексуальное нападение вызывает в сознании образ незнакомца, крадущегося в темноте и внезапно набрасывающегося на ничего не подозревающую жертву. Однако в четырех случаях изнасилования из пяти жертва знает преступника. Поэтому понятие об «изнасиловании в ходе свидания» или «изнасиловании по знакомству» больше соответствует реальному положению дел.

Миф 2: женщины сами провоцируют насильников. По мнению многих, изнасилованная женщина наверняка повела себя так, что мужчина счел ее расположенной к сексу. Разве Эйприл Сандерс не согласилась пойти выпить? Разве она не впустила Боба в свою комнату глубокой ночью? Подобные сомнения в собственных действиях часто парализуют жертв. Но пойти с мужчиной куда бы то ни было или даже пригласить его к себе домой означает согласие на секс с ним не больше, чем согласие на избивание бейсбольной битой.

Миф 3: изнасилование — это просто секс. О каком преступлении можно говорить, если к горлу женщины не приставляли ножа и не связывали и не затыкали рот кляпом? На это можно ответить, что по закону принуждение женщины к сексу без ее согласия является *насильственным преступлением*. «Занятие сексом» подразумевает интимность, заботу и, самое главное, обоюдное согласие, тогда как при изнасиловании ничего этого нет. Оно не только жестоко самим фактом физического насилия, но и подрывает, если совершено по знакомству, доверие жертвы к людям. Особенно глубокие психологические раны остаются у той половины жертв изнасилования, которым нет еще и 18 лет; 1/3 из них подвергается нападению со стороны своих отцов и отчимов (Greenfield, 1996).

Чем больше люди будут верить этим мифам, тем больше женщин окажется жертвами сексуальной агрессии. Древние вавилоняне побивали изнасилованных замужних женщин камнями, будучи убеждены в их измене. За прошедшие тысячелетия представления мало изменились, и это позволяет понять, почему даже сейчас из 20 насильников лишь 1 отправляется за решетку.

Проблема изнасилования нигде не обсуждалась столь широко, как в кампусах. Студенческая среда побуждает к скорому сближению и доверию. В то же время многим студентам еще немало предстоит узнать об интимных отношениях и о самих себе. Поэтому студенческая жизнь не только сближает, но и повышает вероятность сексуального насилия.

Сегодня, чтобы справиться с этой бедой, во многих учебных заведениях активно рассматриваются мифы об изнасиловании и роли алкоголя в студенческой жизни. Студентам — и мужчинам и женщинам в равной мере — нужно уразуметь две простые истины: секс без согласия женщины является изнасилованием, и если женщина говорит «нет», то она имеет в виду именно «нет» и только «нет».

А как считаете вы:

1. Почему, на ваш взгляд, мифы об изнасиловании распространены так широко?
2. Какие программы и правила в вашем учебном заведении касаются сексуальной агрессии?
3. Какие дополнительные меры необходимо принять?

Источники. Gibbs, 1991a, 1991b; Gilbert, 1992

Изнасилование в ходе свидания. Расхожий миф гласит, что изнасилование совершают только те, кого жертвы не знают. Однако в действительности большинство таких случаев совершается людьми, знакомыми с жертвой, и обычно происходит в привычной обстановке, часто — дома. По этой причине «изнасилованием в ходе свидания» и «изнасилованием по знакомству» называется сексуальное насилие, осуществляемое над женщинами знакомыми ей мужчинами.

Многие жертвы такого насилия не заявляют о преступлении. По мнению некоторых, нападение не может быть изнасилованием, поскольку преступник — знакомый. Но тенденция изменяется, и о подобных эпизодах заявляют все большее число женщин. Подробнее эта тема рассматривается в материале врезки.

Теоретический анализ сексуальности

Нам будет понятнее *человеческая сексуальность*, если мы воспользуемся социологическими теоретическими парадигмами. В следующих разделах поочередно коснемся трех основных парадигм.

Структурно-функциональный анализ

Структурно-функциональный подход высвечивает вклад того или иного социального явления в общее функционирование общества. Поскольку сексуальность является важным аспектом социальной жизни, общество регулирует сексуальное поведение.

Необходимость регулирования сексуальности. С биологической точки зрения секс обеспечивает воспроизводство нашего вида. Однако культурные и социальные институты регламентируют, *с кем и когда* этим заниматься. Например, в большинстве обществ порицаются женатые люди, которые вступают в сексуальные связи с кем-либо, кроме своих супругов. В противном случае — если не обуздывать сексуальные страсти — семейная жизнь, особенно воспитание детей, окажется под угрозой.

Другим примером, уже обсуждавшимся в этой главе, является табу на инцест. Повсеместное существование данной нормы показывает, что общество не допускает абсолютно свободного выбора сексуальных партнеров. Воспроизводство в рамках семьи, если помимо супругов в него включены и другие родственники, подрывает систему родственных связей и запутывает отношения между людьми.

Сексуальность всегда строго контролировалась, поскольку секс обычно приводит к появлению детей, причем контроль распространялся не только на родителей, но и на их чад. Это видно по традиционному различию между «законнорожденностью» (в браке) и «незаконнорожденностью» (вне брака). Но если общество может эффективно влиять на рождаемость, его нормы становятся более снисходительными. Так произошло в США, где в XX в. секс превысил рамки основной, репродуктивной, функции и воспринят как форма интимности и даже отдыха (Giddens, 1992).

Латентные функции: проституция. Ущерб, который наносит проституция, очевиден: это распространение болезней и эксплуатация женщин. Но есть ли какие-нибудь латентные функции, позволяющие понять, почему проституция широко распространена вопреки попыткам общества обуздать ее? Определенно, это так, объясняет нам Кингсли Дэвис (Davis, 1971): проституция выполняет несколько полезных функций. Она позволяет удовлетворить свои сексуальные потребности большому числу людей, для которых секс — труднодоступное занятие, в том числе солдатам, путешественникам, а также людям с непривлекательной внешностью или испытывающим проблемы с установлением интимных отношений. Кроме того, добавляет Дэвис, доступность секса без каких-либо взаимных обязательств может даже помочь стабилизировать некоторые браки, в которых нет любви, отчего они могут в противном случае распасться.

Критическая оценка. Структурно-функциональная парадигма помогает оценить важную роль сексуальности в организации общества. Табу на инцест и другие культурные нормы свидетельствуют, что общество всегда уделяло внимание тому, кто и с кем занимается сексом, а главное — как осуществляется репродуктивная функция.

Однако этот подход игнорирует колоссальное многообразие сексуальных представлений и обычаев, обнаруживаемых в каждом обществе. С течением времени сексуальные образцы изменяются настолько же, насколько они разительно отличаются друг от друга в различных странах. Чтобы оценить пестроту и изменчивость сексуальности, обратимся к парадигме символического интеракционизма.

Анализ в рамках символического интеракционизма

Парадигма символического интеракционизма показывает, как люди конструируют повседневную реальность, взаимодействуя друг с другом. Как объясняется в главе 6, данный процесс высоко вариативен, отчего взгляды на сексуальность, принятые в какой-то отдельной группе или обществе, могут значительно отличаться от других. Аналогичным образом людские представления о сексуальности изменяются с течением времени.

Социальное конструирование сексуальности. За XX в. почти все связанные с сексуальностью поведенческие образцы глубоко трансформировались. Наглядный пример тому — изменение отношения к девственности. 100 лет назад в нашем обществе нормой — по крайней мере для женщин — было сохранение девственности до вступления в брак. Это соблюдалось строго, ибо без эффективного контроля над рождаемостью лишь девственность невесты могла гарантировать мужчине, что она не вынашивает в своем чреве чужое дитя. Однако на сегодняшний день мы сделали огромный шаг вперед, отделив секс от воспроизводства, в результате чего норма соблюдения девственности ослабла. В США из числа тех, кто родился между 1963 и 1974 гг., лишь 16,3% мужчин и 20,1% женщин утверждают, что оставались девственными на момент заключения первого брака (Laumann et al., 1994: 503).

Еще один пример того, как наше общество конструирует сексуальность, касается молодежи. 100 лет назад детство было порой невинности и неосведомленности в сексуальных вопросах. Однако за последние десятилетия мышление изменилось. Хотя мы не ждем от детей сексуальной активности, большинство людей полагают, что подрастающее поколение должно быть просвещено в сексуальном отношении к годам отрочества, чтобы сделать разумный выбор своего сексуального поведения.

Сравнения в мировом масштабе. С расширением обзора нагляднее становится вариативность смысла, наполняющего сексуальность. В одном классическом исследовании было показано, что некоторые культуры относятся к детской сексуальности гораздо терпимее, чем другие. Антрополог Рут Бенедикт (Benedict, 1938), годами изучавшая образ жизни меланезийцев, живущих на юго-западе Новой Гвинеи, сообщила: взрослые там не обращают большого внимания на сексуальные эксперименты, которыми малыши занимаются друг с другом. Меланезийские родители закрывают глаза на это, поскольку до наступления половой зрелости секс не приводит к появлению детей. Возможно ли, чтобы большинство американских родителей отреагировали так же?

Будучи частью культуры, значительно разнятся и сексуальные обычаи. Обрезание младенцев мужского пола (обычай, требующий полного или частичного удаления крайней плоти) широко практикуется в США, но редко — в других частях света. Наоборот, в США почти не делают обрезание девочкам (удаление клитора), хотя этот обычай распространен в некоторых регионах Африки и Среднего Востока (Crosette, 1995, Huffman, 2000). (Подробнее об обрезании девочек см. главу 13 «Гендерная стратификация».)

Критическая оценка. Достоинства парадигмы символического интеракционизма заключаются в демонстрации сконструированной природы привычных социальных явлений. Понимая, что люди «конструируют» сексуальность, мы можем грамотнее оценить многообразие таких обычаев в разных эпохах и странах.

Однако у этого подхода есть и недостатки; например, один связан с тем, что не все одинаково изменчиво. На протяжении всей истории Америки — и других стран — мужчины предпочитали смотреть на женщин с сексуальной точки зрения. Если этот поведенческий образец широко распространен, то, как мы увидим в следующем разделе, должна срабатывать какая-то более широкая социальная структура.

Анализ с позиции социального конфликта

Парадигма социального конфликта высвечивает феномен неравенства. Следовательно, данный подход показывает, каким образом сексуальность одновременно и отражает формы социального неравенства, и способствует их созданию.

Сексуальность: отражение социального неравенства. Вспомните рассказ о проституции, которая запрещена почти на всей территории США. Даже при этом условии надзор дает сбой, особенно когда дело доходит до разбирательств, кого арестовывать, а кого — нет. Хотя в сексуальном акте участвуют две стороны, из отчетов видно, что полиция гораздо чаще арестовывает проституткок-женщин (которые бесправны), чем клиентов-мужчин (способных за себя постоять). Аналогичным образом из всех женщин, занимающихся проституцией, арест угрожает, прежде всего лицам с наименьшими доходами и, скорее всего, из числа меньшинств (COYOTE, 2000). Мы также вправе задуматься, пошло бы в проститутки так много женщин, если бы они равные с мужчинами экономические возможности.

Сексуальность: порождение социального неравенства. Теоретики социального конфликта, особенно феминистки, указывают на сексуальность как на основу неравенства между мужчинами и женщинами. Как такое возможно? Определять женщин только на основе сексуальности — значит считать их недочеловеками и низводить до объектов мужского интереса и внимания. И стоит ли удивляться тому, что слово «порнография» происходит от древнегреч. *porne*, означающего «сексуальную рабыню мужчины»?

Если мужчины относятся к женщинам именно так, легко понять, почему многие считают порнографию (потребители которой почти сплошь мужского пола) орудием власти. Поскольку порнография обычно изображает женщин стремящимися доставить удовольствие мужчинам, она укрепляет представление о власти последних.

Некоторые критики, настроенные более радикально, сомневаются, что когда-нибудь удастся удалить из гетеросексуальных отношений этот властный аспект. Большинство теоретиков социального конфликта не отвергают гетеросексуальность напрочь, но сходятся в том, что сексуальность способна унизить и унижает женщин. Критики указывают, что в нашей культуре сексуальность часто подается как некий спорт (мужчины «ведут счет» числу женщин, с которыми переспали) и насилие («трахнуть», «грохнуть» и «натянуть») — все эти глаголы, например, употребляются в разговорах как о драке, так и о сексе).

Теория «странной» идентичности. Наконец, под прицел теории социального конфликта попадают не только мужчины, доминирующие над женщинами, но и гетеросексуалы, доминирующие над гомосексуалистами. В последние годы, когда многочисленные геи и лесбиянки вышли из «подполья» в поисках общественного признания, некоторые социологи попытались отразить позицию геев. Под теорией

«странной» идентичности понимается *растущее число научных данных, позволяющих бросить вызов гетеросексуальной тенденциозности в американском обществе.*

Такая позиция основана на том, что наше общество отличается **гетеросексизмом** (*воззрением, которое привешивает ярлык «странного» любому, кто не является гетеросексуалом*). Гетеросексуальная культура подвергается преследованию широкий круг людей, включая геев, лесбиянок, бисексуалов, транссексуалов и даже асексуальных индивидов. Кроме того, невзирая на согласие большинства с недопустимостью предвзятого отношения к женщинам (сексизм) и цветным (расизм), гетеросексизм встречает широкое понимание, а иногда и приобретает формы закона. Так, из наших вооруженных сил нельзя уволить женщину-военнослужащую за «женские поступки», ибо это стало бы откровенной гендерной дискриминацией. Зато ее можно уволить за гомосексуальные отношения, если она — сексуально активная лесбиянка.

В нашем обыденном понимании мира гетеросексизм существует и на более тонком уровне. Называя кого-нибудь «сексуальным», разве мы не имеем в виду привлекательность этого человека для *гетеросексуалов*?

Критическая оценка. Применение парадигмы социального конфликта дает возможность рассмотреть в сексуальности как причину, так и следствие неравенства. В частности, данная парадигма помогает нам осмыслить власть мужчин над женщинами и доминирование людей с гетеросексуальной ориентацией над гомосексуалистами.

В то же время этот подход упускает из виду тот факт, что сексуальность не для всех связана с властью: многие пары получают удовольствие от полноценных сексуальных отношений, которые углубляют их привязанность друг к другу. Кроме того, парадигма социального конфликта почти не учитывает усилий, предпринятых

Контроль над женской сексуальностью — устойчивый лейтмотив в истории человечества. В Средние века европейцы соорудили «пояс целомудрия» — металлическое устройство, которое женщины застегивали на себе, замыкая промежность, и которое не позволяло осуществить половой акт (а также, вероятно, мешало отправлению других естественных потребностей). Сегодня подобных устройств нигде не встретишь, однако социальный контроль над сексуальностью сохраняется. Можете ли вы привести примеры?

нашим обществом по искоренению несправедливости. Мужчины уже реже характеризуют женщин как сексуальные объекты (во всяком случае прилюдно), чем несколько десятилетий тому назад. Более того: растет общественная обеспокоенность сексуальным преследованием (см. главу 13 «Гендерная стратификация»), что некоторым образом повлияло на снижение роли сексуальности в трудовых коллективах. Также имеется достаточно свидетельств, что движение за права геев гарантировало гомосексуалистам большие возможности и социальное принятие.

Резюме

1. До выхода в свет работ Кинзи (Kinsey, 1948, 1953) секс долго оставался табуированной темой в культуре США. Эти труды были в числе первых научных социологических публикаций, касавшихся сексуальности человека.
2. Пол — это биологическое различие между мужчинами и женщинами; он определяется при зачатии, когда сперматозоид соединяется с яйцеклеткой.
3. Мужчины и женщины отличаются друг от друга не только гениталиями (первичными половыми признаками), но и развитием тела по мере созревания (вторичными половыми признаками). У гермафродитов наблюдается то или иное сочетание мужских и женских гениталий. Транссексуалами называются люди, которые ощущают свою принадлежность к полу, противоположному биологическому.
4. У большинства животных секс вызывается действием биологического механизма, но для людей он является делом как культурного определения, так и личного выбора. В мире существуют самые разные формы поцелуев, стыдливости и красоты, что говорит о культурной основе сексуальных обычаев.
5. Наше общество традиционно придерживалось жестких установок по отношению к сексуальности, хотя со временем они смягчились. Отсюда видно, что секс является не только биологическим, но и социальным явлением.
6. Сексуальная революция, начало которой восходит к 1920-м гг., но набравшая обороты в 1960-е и 1970-е гг., привела к большей открытости во всех аспектах жизни, связанных с сексуальностью. По данным исследований, соответствующие изменения скорее коснулись женщин, чем мужчин. К 1980 г. назрела сексуальная контрреволюция, порицавшая попустительство и призывавшая вернуться к более консервативным «семейным ценностям».
7. За XX в. в США увеличился процент людей, имеющих опыт добрачных сексуальных отношений. Исследования показывают, что на момент перехода в выпускной класс средней школы примерно $\frac{3}{4}$ юношей и $\frac{2}{3}$ девушек имеют опыт половой жизни.
8. Уровень сексуальной активности взрослого населения США изменчив: одна треть сообщает, что занимается сексом с партнером несколько раз в год или не занимается вообще; еще одна треть занимается сексом один или несколько раз в месяц; оставшаяся треть — два раза в неделю или более.
9. Несмотря на широкое осуждение внебрачного секса, около 25% женатых мужчин и 10% замужних женщин признаются в эпизодах сексуальной неверности.

10. Сексуальной ориентацией называется романтическое и эмоциональное влечение индивида к другому лицу. Существуют четыре основные разновидности ориентации: гетеросексуальность, гомосексуальность, бисексуальность и асексуальность. Сексуальная ориентация порождается тем или иным сочетанием биологических и культурных факторов и человеческого выбора.
11. Процент гомосексуалистов в населении зависит от того, как исследователи определяют гомосексуальность. О некотором гомосексуальном опыте сообщают около 9% взрослых мужчин и 4% взрослых женщин (по сравнению с 2,8% мужчин и 1,4% женщин, которые признают за собой гомосексуальную идентичность).
12. Движение за права геев преследовало целью добиться большего принятия гомосексуалистов. Во многом благодаря этому процент американцев, порицавших гомосексуальность как морально непозволительное явление, неуклонно снижался, и в настоящее время такие люди составляют приблизительно половину населения.
13. В США ежегодно около 1 млн несовершеннолетних девушек беременеют. Уровень беременности несовершеннолетних снижался начиная с 1950 г., когда многие девушки выходили замуж и рожали детей. Однако сегодня большинство забеременевших несовершеннолетних американок не состоят в браке и рискуют оказаться среди беднейших слоев, особенно если девушки бросают учебу.
14. Не предусматривая никакого универсального определения для порнографии, закон разрешает местным общинам самостоятельно устанавливать стандарты приличий. Многие консерваторы осуждают порнографию за ее аморальность; либералы же порицают ее как унижающую женщин.
15. Проституция, продажа сексуальных услуг, запрещена почти на всей территории США. Хотя многие считают проституцию преступлением без потерпевших, она превращает женщин в жертву и способствует распространению заболеваний, передающихся половым путем.
16. В официальные сводки ежегодно попадает около 90 тыс. случаев изнасилования, однако их реальное количество превышает эту цифру в несколько раз. Хотя многие считают изнасилование сексуальным актом, в действительности оно является грубым выражением власти. Большинство изнасилований совершается людьми, знакомыми с жертвой.
17. Структурно-функциональная теория выявляет потребность общества в регулировании сексуальной активности. Универсальной нормой здесь выступает табу на инцест, сохраняющее чистоту и прозрачность родственных связей.
18. Парадигма символического интеракционизма заостряет внимание на многообразии смысловых значений, которыми люди наполняют сексуальность. Из этого следует, что общества отличаются друг от друга своими сексуальными установками и обычаями; подобным же образом в пределах отдельно взятого общества сексуальные образцы изменяются с течением времени.
19. Теория социального конфликта увязывает сексуальность с неравенством. С этой точки зрения мужчины доминируют над женщинами, в частности тем, что низводят их до уровня объектов сексуального интереса.

Основные понятия

- Асексуальность** — сексуальная ориентация, при которой индивид не испытывает влечения ни к одному из полов.
- Бисексуальность** — сексуальная ориентация, при которой индивид испытывает влечение к представителям обоих полов.
- Вторичные половые признаки** — телесные отличия (помимо гениталий), которые характерны для биологически зрелых мужчин и женщин.
- Гермафродит** — человеческое существо, у которого в той или иной комбинации представлены мужские и женские половые органы.
- Гетеросексизм** — воззрение, когда «странным» считается любой, кто не является гетеросексуалом.
- Гетеросексуальность** — сексуальная ориентация, при которой индивид испытывает влечение к лицам противоположного пола.
- Гомосексуальность** — сексуальная ориентация, при которой индивид испытывает влечение к представителям одного с ним пола.
- Гомофобия** — страх перед тесными личными контактами с людьми, которые считаются геями, лесбиянками или бисексуалами.
- Первичные половые признаки** — гениталии, органы репродукции.
- Пол** — биологическое различие между мужчинами и женщинами.
- Порнография** — сексуально откровенный материал, вызывающий сексуальное возбуждение.
- Проституция** — продажа сексуальных услуг.
- Сексуальная ориентация** — предпочтение индивида тех или иных сексуальных партнеров: одного с ним пола, противоположного, обоих или ни одного из полов.
- Табу на инцест** — культурная норма, запрещающая сексуальные связи и браки между близкими родственниками.
- Теория «странной» идентичности** — развивающаяся область знания, которая оспаривает гетеросексуальную тенденциозность в социологии.
- Транссексуалы** — люди, ощущающие свою принадлежность к какому-либо полу, несмотря на свою биологическую принадлежность к противоположному.

Вопросы для размышления

1. Что социологи понимают под сексуальной революцией? Какие изменения она повлекла? Можете ли вы привести какие-нибудь причины этих перемен?
2. Что такое сексуальная ориентация? Почему исследователям трудно измерить эту характеристику?
3. Считаете ли вы, что закон должен регулировать сексуальные изображения в книгах, фильмах и Интернете? Почему?
4. Как общества регулируют сексуальность? Какую роль играет сексуальность в социальном неравенстве?

О том, как новая технология изменяет жизненный уклад

Подытоживая свое новаторское исследование о способах коммуникации, Маршалл Мак-Люэн (McLuhan, 1969) пишет: «Любая инновационная технология творит новую среду обитания человека». Иными словами, технология не только влияет на нашу трудовую деятельность, но задает оттенок и форму всему жизненному укладу людей. Во втором разделе «Киберсферы» мы остановимся, чтобы поразмыслить над некоторыми отношениями, благодаря которым информационная революция изменяет культуру и общество.

Информационная революция и культурные ценности

В главе 3 («Культура») отмечалась важность, которую члены общества придают материальным удобствам. Многие американцы в разные времена понимали под успехом хорошие заработки и удовольствие от обладания купленными на них вещами — домами, машинами и модной одеждой. Однако появляются признаки того, что в наступившем столетии ценности могут сместиться с простодушной сосредоточенности на накоплении вещей (продуктов индустриальной технологии) к умению оценивать идеи (продукты информационной технологии). К такого рода новшествам относятся путешествия и бесчисленные разновидности опыта в виртуальной реальности, а также озабоченность собственным благополучием, включая самоактуализацию, которая сделалась популярной в последние десятилетия (Newman, 1991).

Социализация в компьютерном веке

Полвека назад в США телевидение переписало правила социализации заново, и, как говорилось в главе 5 («Социализация»), современная молодежь проводит у телевизора времени больше, чем тратит на общение с родителями. Сегодня экраны не ограничиваются телевидением; они — наши окна в кибернетический мир, где мы с помощью компьютеров связываемся друг с другом, развлекаемся и просвещаемся. Но эта тенденция к киберсоциализации поднимает ряд важных вопросов.

Во-первых, не сгладит ли распространение компьютерной информации региональную разнородность, которой отмечена история США, когда Новая Англия отличалась от южной глубинки, а Средний Запад — от западного побережья? Мы знаем, что новая информационная технология связывает нашу страну со всем остальным миром, а потому вправе ожидать, что увидим расцвет как национальной культуры, так, со временем, и глобальной.

Во-вторых, какое влияние оказывает киберкультура на наших детей? Хорошо ли для них выстраивать всю свою жизнь вокруг компьютеров? По крайней мере для большинства из них компьютерные образы и информация играют важную роль в познании себя и мира. Не снижает ли это значимость родителей, к чему когда-то привело телевидение? Конечно, киберсоциализация сумеет развлечь и направить, но в силах ли она удовлетворить эмоциональные потребности детей? Способствует ли она их моральному развитию? В конце концов, для ребенка нет ничего более важного и менее «техногенного», чем теплые объятия.

В-третьих, кто будет контролировать киберсоциализацию? Родители — точно так же, как раньше они выражали тревогу в связи с тем, что их дети сидят у телевизора — теперь обеспокоены информацией, на которую, бродя по Интернету, могут натолкнуться их чада. На сегодняшний день позиция федеральных судов такова: Всемирная паутина должна функционировать

Родители прекрасно понимают, что почти неограниченный доступ к любой информации бывает сомнительным благом. Как перекрыть детям доступ к порнографическим и другим нежелательным материалам, размещенным на страницах Интернета? Или же спросим иначе: нужно ли это делать?

при минимальном вмешательстве со стороны правительства. Что же мы как родители и граждане, ждем от содержимого виртуальной культуры? Должна ли информационная индустрия гнаться за прибылью? Должны ли существовать стандарты, гарантирующие образовательное содержание в определенном объеме? Кто должен принимать соответствующие решения?

Кибер-«Я»

Под именем *VegDiet* человек входит в некий чат, каких в Интернете тысячи, ибо это огромная всемирная сеть. Через несколько секунд *VegDiet* активно обсуждает мировые проблемы еще с тремя людьми: *MrMaine*, *Ferret* и *RedWine*.

Растущая популярность компьютерных чатов дает нам возможность разобраться в отличии онлайн-общения от более традиционного взаимодействия. Изучив общение он-лайн, Деннис Уоскул (*Waskul*, 1997) назвал «развопощенным» то «Я», которое мы передаем посредством компьютера. Применяя драматургический подход Ирвинга Гоффмана, (см. главу 6), Уоскул отмечает: компьютерная технология не учитывает огромного количества «подсказок», касающихся идентичности человека, — это его местонахождение, внешность, одежда, возраст и пол, — и являет лишь такую, которую тот выбирает для предъявления.

Киберпространство, следовательно, дает нам огромную свободу апробировать разные идентичности, и последствия такого шага незначительны и преходящи. Как объяснил один посетитель чата, «он-лайн — игра... Только здесь я могу поиграть в мое личное Я» (*Waskul*, 1997; p. 21).

Но подождите минутку: неолуддиты

В XVIII в. группы английских ткачей, настроенных против индустриальной революции, странствовали, разрушая новые машины везде, где удавалось проникнуть на фабрику. Луддиты (названные так в честь их лидера, Неда Лудда) были убеждены, что новая технология их эпохи приведет к исчезновению профессий и ухудшит жизнь в целом (*Zachary*, 1997).

Хотя луддиты проиграли битву и не смогли воспрепятствовать изменениям, сегодня их дух живет в людях, настроенных против информационной революции. Эти неолуддиты, как их называют, не имеют общих программ. Но они сходятся в том, что нам не следует очертя голову мчаться в кибернетическое будущее без критического осмысления того, каковы же предполагаемые положительные и отрицательные изменения, привносимые новейшей технологией.

Неолуддиты напоминают нам, во-первых, о том, что технология не бывает социально нейтральной. Она не просто существует в мире, но *изменяет* его, направляя человечество по какому-то одному пути, отсекая альтернативные. Почитая технологию за благо как само собой разумеющееся, мы, подчеркивает Теодор Рожак (Roszak, 1986), отказываемся от власти самостоятельно определять собственную жизнь. Заменяют ли компьютеры хорошего учителя? Мы хорошо помним, что ни одному компьютеру пока не удалось ни написать картину, ни сочинить поэму или симфонию. Главное же, наверное, в том, что компьютеры не способны рассматривать этические вопросы о добре и зле.

Живя в условиях передовой культуры, мы легко представляем себе преимущества новой технологии. Но должны также помнить, что технология, обслуживая нас, с таким же успехом может человека и принизить, и даже уничтожить. В конце концов, луддиты выступали не против технологии; они лишь хотели гарантий, что она послужит людям, удовлетворяя их нужды, а не наоборот.

— В Интернете никто не знает, что ты собака. *Источник:* Peter Steiner. © 1993, из коллекции New Yorker.

Что такое социальное неравенство?

О. А. А. А.

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО

ЧАСТЬ III

Социальное неравенство

Социальная стратификация

10 апреля 1912 г. океанский лайнер «Титаник» отправился от доков Саутгемптона (Англия) в свое первое плавание через Северную Атлантику к Нью-Йорку. Гордый символ нового индустриального века, этот огромный корабль перевозил 2300 мужчин, женщин и детей, и некоторые из них наслаждались такой роскошью, какую не в состоянии себе представить большинство современных путешественников. Люди победнее теснились на нижних палубах, отправляясь в поисках лучшей жизни в США.

Спустя два дня команда получила по радио предупреждение об айсбергах, появившихся в тех широтах, через которые пролегал путь корабля, но не придавала этому значения. Около полуночи, когда судно стремительно двигалось на запад, вахтенный офицер был ошеломлен, увидев, что прямо перед ним из спокойного океана возвышается массив льда. Через несколько мгновений «Титаник» столкнулся с огромным, как само судно, айсбергом, который пропорол его борт, словно гигантский корабль был всего лишь большой консервной банкой.

Морская вода хлынула в трюмы, и судно стало крениться носом в воду. Через 25 минут люди в спешке погрузились в спасательные шлюпки. К двум часам ночи нос судна полностью ушел под воду, а корма поднялась высоко вверх. Через несколько минут все огни погасли. В кромешной тьме сотни пассажиров и членов команды провели последние минуты жизни, цепляясь в надежде за палубу, прежде чем «Титаник» исчез в холодных водах Атлантики (Lord, 1976).

Новость о трагической гибели более чем 1600 человек облетела весь мир. Однако если посмотреть на этот ужасный несчастный случай беспристрастно, в ракурсе социологии, можно отметить, что некоторые категории пассажиров имели намного больше шансов выжить, чем другие. Правила того века гласили, что в спасательные шлюпки сажали сначала женщин и детей, поэтому 80% жертв оказались мужчинами. Сыграл свою роль и классовый признак. Больше чем 60% пассажиров первого класса спаслись, потому что располагались на верхних палубах; там для них прозвучало предупреждение и имелось большее число спасательных шлюпок. Из пассажиров второго класса выжили лишь 36%, а третьего (они размещались на нижних палубах) — только 24%. На борту «Титаника» класс, как оказалось, означал намного больше, чем качество каюты. Это было вопросом жизни или смерти.

Судьба находившихся на борту «Титаника» — драматичная иллюстрация того, насколько социальное неравенство влияет на существование людей, а иногда и на саму их жизнь. В этой главе рассматривается важное понятие социальной стратификации. Как продолжение этой темы в главе 11 сказано о социальном неравенстве в США, а в 12-й — о том, какое место занимают США в глобальной системе богатства и бедности.

Что такое социальная стратификация?

Десятки тысяч лет люди жили небольшими обществами охотников и собирателей. Хотя члены этих групп выбирали кого-либо как самого быстрого, сильного или опытного в собирании пищи, каждый занимал примерно одно и то же социальное положение. Но с усложнением обществ — этот процесс детально описан в главе 4 — происходили важные изменения. Некоторые категории людей начали возвышаться над другими, что позволило им захватить больше денег, власти и авторитета.

Социальная стратификация — это *система, посредством которой общество распределяет категории людей по иерархии*. Она базируется на четырех основных принципах.

1. **Социальная стратификация — это особенность общества, а не просто отражение индивидуальных различий.** Многие из нас размышляют о социальном положении, обращая внимание на личный талант и достижения, и в результате часто преувеличивают ту меру, в какой нам подвластна наша судьба. Вряд ли более высокий процент спасшихся пассажиров первого класса на «Титанике» объясняется тем, что эти люди были умнее или лучше умели плавать, чем пассажиры второго и третьего классов. Они спаслись во многом потому, что на судне существовала система привилегий. Так и дети из богатых семей скорее, чем из бедных, отличаются хорошим здоровьем, хорошей успеваемостью в учебе, добиваются успеха в работе и дольше живут. Ни богатые, ни бедные не ответственны за возникновение социальной стратификации, однако эта система определяет жизнь всех людей.

2. **Социальная стратификация сохраняется из поколения в поколение.** Чтобы убедиться в том, что стратификация — это черта обществ, а не индивидов, следует обратить внимание на тот факт, что неравенство существует из поколения в поколение. Во всех обществах социальное положение, которое занимают родители, передается и их детям.

На некоторых людей, особенно в обществах, которым свойствен высокий уровень доходов, влияет **социальная мобильность** (*изменение положения в социальной иерархии*). Она бывает восходящей или нисходящей. Безусловно, радуют достижения Бритни Спирс или Майкла Джордана, некогда занимавших довольно скромное положение, а теперь добившихся известности и богатства. Но люди также перемещаются и вниз по ступеням иерархии, терпя неудачи в бизнесе, теряя работу или заболевая. Чаще же всего социальный уровень людей меняется как бы в «горизонтальном» плане, когда они меняют одну работу на другую. Для большинства людей социальное положение остается почти одинаковым в течение всей жизни.

3. **Социальная стратификация универсальна, но изменчива.** Социальная стратификация повсеместна. Но *в чем и насколько* люди неравны, зависит от конкретного общества. В одном случае это обусловлено престижем, в другом богатство или власть — главный признак различий между

людьми. Кроме того, в одних обществах отмечается большее неравенство, а в других меньшее.

4. **Социальная стратификация предполагает не только неравенство, но и определенные убеждения.** Любая система неравенства не только дает некоторым людям больше преимуществ, чем другим, но и определяет такой порядок как справедливый. Общества различаются и тем, в чем состоит неравенство людей, и объяснениями того, *почему* же люди вынуждены занимать неодинаковое положение.

Кастовая и классовая системы

Социологи отличают «закрытые» (предусматривающие небольшие изменения в социальном положении) и «открытые» системы (допускающие значительную социальную мобильность) (Тумин, 1985).

Кастовая система

Кастовая система — это *социальная стратификация, основанная на предписании социального положения, т. е. на происхождении*. Как таковая эта система закрытая, поскольку лишь происхождение определяет судьбу человека, вероятность социальной мобильности, основанной на индивидуальных достижениях, незначительна или вообще отсутствует. Кастовые системы жестко распределяют людей по категориям, в рамках которых они остаются всю свою жизнь.

Два примера: Индия и Южная Африка. Многие аграрные общества — образцы кастовой системы. Одним из примеров является Индия. В традиционных индийских деревнях проживает большая часть населения этой страны. В Индии система каст (*варн* — от санскрит. «цвет») состоит из четырех категорий: это брахман, кшатрий, вайшья и шудра. Однако на местном уровне каждая складывается из сотен субкастовых групп (или *джати*).

Каста также играла важную роль в истории Южной Африки. До недавнего времени политика *апартеида* в этой стране обеспечивала 5 млн южноафриканцев европейского происхождения богатство и власть, позволяя доминировать над приблизительно 35 млн чернокожих жителей страны. Между ними находились еще 3 млн людей смешанной расы — «цветные» — и около 1 млн азиатов. В предлагаемой далее информации («Раса как каста: сообщение из Южной Африки») указывается, каково же состояние кастовой системы в Южной Африке теперь.

В кастовой системе сам факт рождения людей формирует их дальнейшую жизнь. Во-первых, традиционным кастовым группам соответствуют определенные профессии, поэтому на протяжении многих поколений члены одной семьи выполняют работу одного и того же типа. Хотя в Индии определенную деятельность (например, занятие сельским хозяйством) могут выполнять все, касты различаются тем, что делают их члены (священники, парикмахеры, специалисты по выделке кожи, уборщики и т. д.). В Южной Африке белые все еще занимают большинство престижных рабочих мест, а многие чернокожие занимаются неквалифицированным физическим трудом.

ГЛОБАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Раса как каста: сообщение из Южной Африки

На южной оконечности Африканского континента находится Южно-Африканская Республика, по величине равная примерно Аляске и с населением около 44 млн человек (по данным на 2001 г.). Издавна населенная чернокожими людьми, эта область привлекла белых голландских торговцев и фермеров в середине XVII в. Во время второй волны колонизации (в начале XIX в.) ее наводнили иммигранты из Великобритании, которые вытеснили голландцев в глубь страны. К началу 1900-х британцы захватили власть, объявив об образовании Южно-Африканского Союза. В 1961 г. Великобритания утратила контроль над этой страной и признала независимость ЮАР.

Однако реальную свободу получило лишь белое меньшинство. За многие годы до этого в целях обеспечения политического контроля над черным большинством белые ввели политику *апартеида*, или расового разделения. Апартеид был узаконен в 1948 г., в результате чего чернокожее население было лишено прав на гражданство, владение землей и участие в правительстве. По сути, черные южноафриканцы стали более низкой кастой, получая плохое образование и выполняя вспомогательную, низкооплачиваемую работу. При этой системе даже в доме белых из «среднего класса» был по крайней мере один чернокожий слуга.

Преуспевающее белое меньшинство защищало апартеид, утверждая, что чернокожие угрожали их культурным традициям или, проще говоря, были низшими существами. Но сопротивление апартеиду постоянно росло, вынуждая белых отвечать жестокими военными мерами, чтобы сохранить свою власть.

Постоянное сопротивление — особенно со стороны молодых чернокожих, жаждущих права политического голоса и расширения экономических возможностей, — со временем привело к политическим изменениям. Помимо давления со стороны коренного населения апартеид критиковали многие государства, включая США. К середине 1980-х гг. положение дел начало меняться, когда южноафриканское правительство предоставило ограниченные политические права людям смешанной расы и азиатам. Затем всем позволили формировать профсоюзы, устраиваться на работу, ранее разрешенную только для белых, и иметь собственность. Власти страны также начали демонтировать систему законов, которая устанавливала расовое разделение в общественных местах.

Темп изменений набрал силу к 1990 г., когда из тюрьмы выпустили Нельсона Манделу. В 1994 г. по итогам первых национальных выборов, в которых приняли участие люди всех рас, Мандела был избран президентом, и на этом закончилось столетие правления белого меньшинства.

Несмотря на впечатляющие политические изменения, социальная стратификация в Южной Африке все еще основана на расовой принадлежности. Даже имея право на собственность, $\frac{1}{3}$ черных южноафриканцев безработные, и большинство продолжает жить в крайней нищете. В наихудших условиях живут приблизительно 7 млн *укулелека*, что на языке кхоса означает «пограничные люди». Название населенного пункта Соуэто-Бай-де-Си («Соуэто у моря») может напоминать о месте для летнего отдыха, но в действительности это дом для тысяч укулелека, которые живут в жалких, перенаселенных лачугах, сделанных из ящиков, искореженного металла, картона и другого хлама. Там нет электричества. Не имея водопровода и канализации, люди используют ведра, чтобы выносить нечистоты; женщины выстраиваются в очередь к единственному крану, откуда поступает вода, которым пользуется более 1000 человек. Трудно найти хоть какую-нибудь работу, а те, кто все-таки обретают ее, счастливы заработать \$200 в месяц. Нынешний президент Южной Африки Табо Мбеки, избранный в 1999 г., возглавляет нацию, все еще не избавившуюся от последствий столетнего господства расовой кастовой системы. Сфера

туризма сейчас на подъеме, что обещает в ближайшие годы экономический бум. Но страна может полностью избавиться от наследия прошлого только в том случае, если предоставит всем гражданам равные возможности.

Источники: Fredrickson, 1981; Wren, 1991; Hawthorne, 1999; Mabry & Masland, 1999.

Во-вторых, поддержанию жесткой социальной иерархии способствует институт брака, согласно которому супруги должны принадлежать к одной категории: «смешанные» браки запрещены, поскольку тогда возникает путаница с распределением детей по кастовым категориям. Система требует, чтобы люди женились на равных себе. Социологи называют это явление *эндогамным* браком (от древнегреч. *эндо* — «внутри»). В Индии родители традиционно выбирают супругов своим детям, и часто еще до того, как те достигают юношеского возраста. До 1985 г. в Южной Африке межрасовые браки (и даже половая связь) были запрещены законом; сегодня же они разрешены, но поскольку большинство чернокожих и белых все еще живут в обособленных районах, они по-прежнему редки.

В-третьих, кастовые нормы предписывают людям оставаться среди «себе подобных». Индусы поддерживают эту сегрегацию, полагая, что «чистый» с ритуальной точки зрения человек, принадлежащий к более высокой касте, будет «осквернен» контактом с человеком более низкого положения. Апартеид в Южной Африке был устроен во многом так же.

Наконец, кастовые системы опираются на сильные культурные предубеждения. Индийская культура построена на моральном принципе, согласно которому человек разделяет пожизненную принадлежность к определенной профессии независимо от того, какова она. Хотя в Южной Африке законов апартеида больше не существует, большинство людей все еще проводят различие между «белой» и «черной» профессиональной деятельностью.

Касты и сельская жизнь. Кастовые системы существуют в аграрных обществах, потому что сельский уклад жизни зависит от развитого чувства долга и дисциплины. Касты сохраняются в сельских районах Индии даже через 60 лет после формальной их отмены; власть таковых ослабла в больших городах, где люди имеют больше возможностей в выборе работы и партнеров для брака. Точно так же быстрая индустриализация Южной Африки сделала более важным личный выбор и права человека, поэтому отмена апартеида была лишь вопросом времени. В развитых индустриальных странах, например в США, сохраняются некоторые элементы кастовой системы, однако обращение с людьми исходя исключительно из расовой и гендерной принадлежности ныне чревато обвинениями в расизме и дискриминации по половому признаку.

Обратите внимание, что отмена каст не означает конец социальной стратификации. Напротив, она знаменует собой всего лишь изменение ее характера, как это показано в следующих разделах.

Классовая система

Сельское хозяйство диктует сохранение в течение жизни человека установленного порядка, созданного кастовыми системами. Но индустриальное производство зависит от развития таланта людей, что приводит к образованию *классовой си-*

стемы — социальной стратификации, основанной как на происхождении человека, так и на индивидуальных достижениях.

Классовая система более открыта; для людей, получивших образование и овладевших соответствующими навыками, характерна социальная мобильность по отношению к социальным позициям родителей. Социальная мобильность стирает классовые различия, так что даже близкие родственники могут иметь разное социальное положение. Границы стираются также, когда люди переезжают на жительство в другую страну или из сельской местности в город, стремясь получить образование и найти работу (Lipset & Bendix, 1967; Cutright, 1968; Treiman, 1970). Как правило, вновь прибывшие соглашаются на низкооплачиваемые должности, таким образом продвигая других вверх по социальной лестнице (Tyree, Semyonov, & Hodge, 1979).

Разделение людей по расовому, половому признакам или социальному происхождению в индустриальных и постиндустриальных обществах рассматривается как неправильное, все обладают равными политическими правами и равны перед законом. Кроме того, в обществах, где уровень доходов высок, профессия человека не определяется его происхождением, а является предметом его личного выбора. Большой индивидуализм также проявляется в свободе избрания супруга.

Меритократия. По сравнению с аграрными обществами, где касты — норма жизни, индустриальные общества движутся к **меритократии**¹ — *социальной стратификации, основанной на личных заслугах.* Поскольку члены индустриальных обществ должны обладать широким диапазоном способностей (помимо навыков ведения сельского хозяйства), стратификация основана не только на происхождении, но и на «заслугах», под которыми мы подразумеваем выполняемую работу, а также то, насколько хорошо с ней справляется человек. Содействуя развитию меритократии, индустриальные общества стремятся установить равенство возможностей, хотя при этом ожидается, что люди достигнут неравных результатов.

Если бы воцарилась абсолютная меритократия, социальное положение полностью зависело бы от способностей и усилий человека. Такая система отличалась бы развитой социальной мобильностью, и в ней стирались бы социальные категории, по мере того как люди непрерывно перемещались бы по системе вверх или вниз — в зависимости от достигнутого. В кастовых обществах «заслуга» предполагает упорный труд, требующий низкой квалификации, например в сфере сельского хозяйства. В кастовых системах считаются достойными уважения те люди, которые покорно выполняют свою работу и остаются «на своем месте».

Конечно, кастовые системы устроены так, что человеческий потенциал тратится впустую, но они отличаются высокой степенью упорядоченности. И здесь кроется ответ на важный вопрос: почему индустриальные и постиндустриальные общества сохраняют некоторые особенности кастовых (например, право наследования состояний), не становясь меритократиями. Это связано с тем, что в противном случае понижается значимость семьи и других социальных групп. В конце концов, экономическая эффективность — еще далеко не все. Хотели бы мы оценивать членов своей семьи исключительно по их работе? Думается, нет. Следовательно,

¹ От англ. *merit* («заслуга»), которое, в свою очередь, происходит от лат. «достойный похвалы».

классовые системы, существующие в странах с высоким уровнем доходов, постепенно становятся меритократиями. Так повышается их эффективность и производительность труда, но сохраняются элементы кастового общества, позволяющие поддерживать порядок и социальное единство.

Статусная согласованность — это *степень согласованности социального положения человека по различным параметрам социального неравенства*. Кастовая система отличается ограниченной социальной мобильностью и высокой статусной согласованностью, так что положение человека, определяемое по критериям богатства, власти и престижа, остается одним и тем же. Особая же мобильность классовых систем приводит к меньшей статусной согласованности. Так, в США у преподавателя колледжа, имеющего ученую степень, может быть высокий социальный престиж, но достаточно скромный доход. Низкая статусная согласованность означает, что *классы* менее жестко определены, чем *касты*.

Социальное происхождение и успех: Великобритания

Хороший пример, показывающий, как в классовых системах сочетаются признаки кастового общества и меритократии, — Великобритания (в состав которой входят Англия, Уэльс, Шотландия и Северная Ирландия). Это индустриальная страна, у которой продолжительная история аграрного общества.

Сословная система. В средние века в Англии была система трех *сословий*, подобная кастовой. *Первое* сословие — наследственная аристократия — составляла 5% населения; ей принадлежало большинство земель, считавшихся в те времена главной формой богатства (Laslett, 1984). Большинство аристократов не имело никакой профессии, потому что воспринимало торговлю или любое другое занятие недостойными себя. Поскольку у знати было предостаточно слуг, она проводила время так, чтобы совершенствовать мастерство верховой езды и ратного дела, лелеять свой утонченный вкус, занимаясь живописью, музыкой и литературой.

Чтобы обширные земельные владения не были раздроблены наследниками, закон *первородства* требовал, чтобы они переходили к старшему сыну или другому родственнику мужского пола. Младшие сыновья вынуждены были искать другие источники доходов. Некоторые становились священниками (*вторым сословием*), духовная власть которых подкреплялась обширными земельными владениями церкви. Другие молодые люди из высшего сословия оказывались военными или адвокатами или осваивали другие профессии, которые считались подобающими людям знатного происхождения. В эпоху, когда женщины не могли наследовать собственность отца и лишь немногие из них имели возможность зарабатывать на жизнь, гарантированное будущее дочери аристократа зависело от удачного брака.

Ниже аристократии и духовенства на ступенях сословной иерархии находилось большинство мужчин и женщин, принадлежащих к *третьему сословию*, или простолюдином. Многие работали на земле, принадлежавшей аристократии. Большинство простолюдинов были плохо образованными или вообще неграмотными.

Когда промышленная революция вызвала рост английской экономики, некоторые из этих простолюдинов, жившие в городах, заработали столько денег, что смогли бросить вызов аристократии. Усиление меритократии, возросшая значимость денег, а также развитие образования и расширение юридических прав в конце кон-

цов привели к тому, что границы между сословиями были стерты и возникла классовая система.

Возможно, как знак времени следует рассматривать случаи, когда нуждающиеся в деньгах дворяне продают наследные титулы с молотка. Например, в 1996 г. титул «лорд Уимблдонский» был выставлен на аукцион графом Спенсером, братом принцессы Дианы, чтобы выручить за него \$300 тыс., требующихся на ремонт водопровода в одном из его особняков (МакКее, 1996).

Великобритания сегодня. В современной Великобритании существует классовая система, пусть даже и несущая на себе отпечаток феодального прошлого. Небольшая группа британских семейств владеет перешедшими к ним по наследству состояниями, обучает своих детей в дорогих школах и играет важную политическую роль. Монарх, королева Елизавета II, считается главой государства, а палата лордов в парламенте состоит из пэров, половина из которых — дворяне. Однако контроль над правительством перешел к палате общин, премьер-министр и другие политические деятели, которые не принадлежат к дворянским родам, достигают такого положения на основе своих достижений, побеждая на выборах, а не по праву происхождения.

Примерно одна четвертая британцев относится к «среднему классу». У многих вполне приличный доход, получаемый от работы и бизнеса и вложения в форме акций и облигаций.

Около половины жителей Великобритании по своему положению находятся ниже среднего класса, считают себя «рабочим классом», имея скромные доходы от физического труда. В последние десятилетия отмечалось падение объемов промышленного производства, например, уменьшение добычи угля и производства стали, что привело к высокому уровню безработицы среди рабочих. Некоторые оказались просто нищими, сместившись в число еще четверти британцев, лишенных всяческих социальных и экономических благ. Люди из низшего класса (проще говоря, бедняки) сконцентрированы в северных и западных областях Великобритании, затронутых жестоким экономическим кризисом.

Современная британская классовая система совмещает в себе элементы кастового общества и меритократии, в результате чего общество в значительной мере стратифицировано, положение людей неравное, в то же время часть из них переходит вверх или вниз по ступеням социальной лестницы. Как следствие исторической сословной системы можно расценить тот факт, что социальная мобильность в меньшей степени свойственна Великобритании, чем США (Kerckhoff, Campbell & Winfield-Laird, 1985). Более жесткая система неравенства, существующая в Великобритании, отражается, например, в той важности, которая придается акценту. Характерные образцы речи возникают в любом обществе, когда люди поколениями отделены друг от друга. Американцы рассматривают акцент как признак, указывающий на место жительства человека (немногие перепутают «гнусавый выговор» выходцев со Среднего Запада и протяжное произношение южан), для британцев же это черта принадлежности к определенному социальному классу, отличие представителей элиты, которые говорят на литературном английском языке, от прочих. Как говорят, два акцента настолько различны, что, по-видимому, британцы — единственный народ, разделенный общим языком.

Другой пример: Япония

Социальная стратификация в Японии также имеет черты кастового общества и меритократии. Япония — это одновременно самая старая в мире монархия и современное общество, где богатство определяется индивидуальными достижениями.

Феодальная Япония

К V в. н. э. Япония представляла собой аграрное общество с жесткой кастовой системой; население разделялось на знать и простолюдинов; всеми управляла императорская семья. Император, власть которого считалась божественной, и его помощник (или *сёгун*) надзирали за множеством региональных военачальников на местах.

Ниже аристократии в иерархии располагались *самураи*, каста воинов, само название которой означает «служить». Эта вторая категория японского общества состояла из солдат, которые обучались военному искусству и жили согласно кодексу чести, основанному на абсолютной верности их вождям.

Как и в Великобритании, большинство японцев в то время были простолюдинами, трудившимися в поте лица, чтобы обеспечить себе скудное пропитание. Однако в отличие от европейца простой японец не принадлежал к самой низшей социальной категории. На дне были *буракумины*, или «изгои», контактов с которыми избегали как господа, так и простолюдины. Имея много общего с низшей кастой в Индии, представители «дна» жили отдельно, выполняли самую грязную работу и, конечно же, не могли изменить свое положение.

Традиционная кастовая система, предполагающая различные социальные категории людей, все еще существует в современной Японии. Эти женщины, служащие в гостинице, кланяются в знак уважения снимавшему номер мужчине, когда он уезжает (на старом американском автомобиле, по-видимому, «Плимуте» 1957 г.)

Япония сегодня. К 1860-м гг. (период Гражданской войны в США) знать поняла, что Япония не может войти в современную, индустриальную эру со своей традиционной кастовой системой. Кроме того, как и в Великобритании, некоторые дворяне стремились женить своих детей на богатых простолюдинах, у которых денег было больше, чем у них. По мере того как Япония открывалась для остального мира, традиционная кастовая система становилась не столь жесткой. В 1871 г. была юридически отменена социальная категория «изгоев», хотя даже сегодня люди смотрят свысока на потомков представителей этой касты. После поражения Японии во Второй мировой войне дворянство утратило закрепленное законодательно общественное положение и император остается лишь символом традиций Японии, не владея реальной властью.

Социальная стратификация в Японии значительно отличается от кастовой системы, существовавшей столетия назад. Сегодня японское общество состоит из «верхнего», «среднего» (здесь различаются два слоя — «верхний» и «нижний») и «нижнего» классов. Но между ними нет никаких устойчивых границ, и многие переходят из одного класса в другой. Однако поскольку японцы уважают свои традиции, происхождение человека всегда учитывается при оценке его социального положения. Официально все равны перед законом, хотя на практике многие люди все еще смотрят друг на друга сквозь призму вековой системы каст (Higoshi, 1974; Norbeck, 1983).

Наконец, на формирование японского общества продолжают влиять традиционные представления о гендерных ролях. Юридически оба пола равны, но мужчины доминируют над женщинами во многих отношениях. Японские родители скорее пошлют на учебу в колледж сыновей, а не дочерей, поэтому до сих пор заметен значительный разрыв в уровне образования мужчин и женщин (Brinton, 1988). Большинство работающих японок занимают должности, которые ниже оплачиваются, и лишь изредка бывают руководителями. Таким образом, фактор индивидуальных достижений в современной классовой системе Японии не исключает учета традиционного доминирования мужчин.

Бывший Советский Союз

Бывший Союз Советских Социалистических Республик (СССР), который конкурировал с США как военная сверхдержава на протяжении почти всего XX в., возник после революции 1917 г. Она положила конец феодальной сословной системе, во главе которой стояли потомственные дворяне, в результате чего земли, заводы и другие средства производства перешли из частной собственности под контроль государства.

Бесклассовое общество? Русская революция вдохновлялась идеями Карла Маркса, который писал, что частная собственность на средства производства — основа существования социальных классов (см. главу 4 «Общество»). Когда государство взяло под свой контроль экономику, советские чиновники стали хвалиться тем, что построили первое в истории бесклассовое общество.

Однако аналитики за пределами СССР скептически относились к таким заявлениям (Lane, 1984). Они указывали, что по профессиональной деятельности советские люди фактически разделялись на четыре неравные категории. На вершине социальной иерархии пребывали высшие должностные лица, или *аппаратчики*. Далее располагалась советская интеллигенция, в том числе чиновники низшего

После развала Советского Союза в 1991 г. эта страна начала переход к рыночной экономике. С тех пор некоторые люди стали очень богатыми, другие же потеряли работу, когда закрылись старые, неэффективно работавшие предприятия. В результате за чертой бедности оказались около трети российских граждан.

Сцены, подобные этой (москвичка, просящая милостыню), стали обычным явлением

ранга, преподаватели вузов, ученые, врачи и инженеры. Ниже — рабочие, а на самом низком уровне — крестьяне.

Эти категории людей имели различный уровень жизни, так что в бывшем Советском Союзе не было абсолютно бесклассового общества. Но государственный контроль над заводами, землями, вузами и больницами действительно ограничивал экономическое неравенство (хотя это усилило роль власти) по сравнению с такими капиталистическими странами, как США.

Вторая русская революция. После десятилетий строительства советского общества в соответствии с идеями Карла Маркса (и Владимира Ленина) в Советском Союзе начались изменения. Это случилось после того, как в 1985 г. лидером страны стал Михаил Горбачев. Он проводил в жизнь программу, названную *перестройкой*. Горбачев понимал, что, хотя советская система сократила неравенство в экономической сфере, почти все советские люди были бедными, и их жизненный уровень оказался ниже, чем у жителей западных стран. Тогда лидер СССР предпринял попытку стимулировать экономический рост, ослабив неэффективный централизованный контроль над экономикой.

Реформы Горбачева стали одним из самых драматичных социальных движений в истории. Во всей Восточной Европе социалистические государства рухнули, а в 1991 г. перестал существовать и Советский Союз. Люди обвиняли в своей бедности и отсутствии основных свобод репрессивный правящий класс бюрократов коммунистической партии. В СССР, например, только 6% населения состояли в коммунистической партии, которая управляла всей страной.

Советская история показывает, что социальное неравенство означает не одно лишь обладание экономическими ресурсами. В СССР, возможно, не отмечалось

крайних форм богатства и бедности, существовавших в Великобритании, Японии и США. Но все равно был класс элиты, господство которого было обусловлено властью, а не богатством. Таким образом, несмотря на тот факт, что и Михаил Горбачев, и его преемник Борис Ельцин зарабатывали гораздо меньше, чем американский президент, они обладали огромной властью.

Какой же в Советском Союзе была социальная мобильность? В течение XX в. она возрастала так же, как в Великобритании, Японии и даже США. Быстрый рост промышленности и политика властей привлекли множество обедневших крестьян к работе на заводах и в конторах (Dobson, 1977; Lane, 1984; Shipler, 1984). Это явление социологи называют **структурной социальной мобильностью** — изменением в социальном положении большого числа людей благодаря переменам, происходящим в самом обществе, а не индивидуальным усилиям.

24 ноября. Одесса. Украина. Когда судно подходило к Одессе, южному порту бывшего Советского Союза на Черном море, пошел первый за время нашего путешествия снег. Недалеко от причала мы увидели ведущую в город крутую Потемкинскую лестницу. Там прозвучали первые выстрелы русской революции. С нашего последнего посещения прошло 6 лет, и многое изменилось; Советский Союз распался. Что стала ли лучше жизнь? Для некоторых людей — несомненно: появились шикарные магазины, в которых хорошо одетые покупатели выбирают отменные вина, модельную одежду и импортные духи. Снаружи стоят блестящие новые «Вольво», «Мерседесы» и даже несколько «Кадиллаков» рядышком с небольшими «Ладами» «прежних времен». Что для большинства людей жизнь, очевидно, теперь намного хуже. Вдоль дорог тут и там барахолки, где люди продают предметы домашнего обихода. Многие просто в отчаянии; мясо стоит \$4 за фунт, в то время как средняя зарплата составляет примерно \$50 в месяц. Даже город вынужден экономить, отключая уличное освещение в восемь часов. Настроение большинства людей кажется столь же унылым, как улицы Одессы.

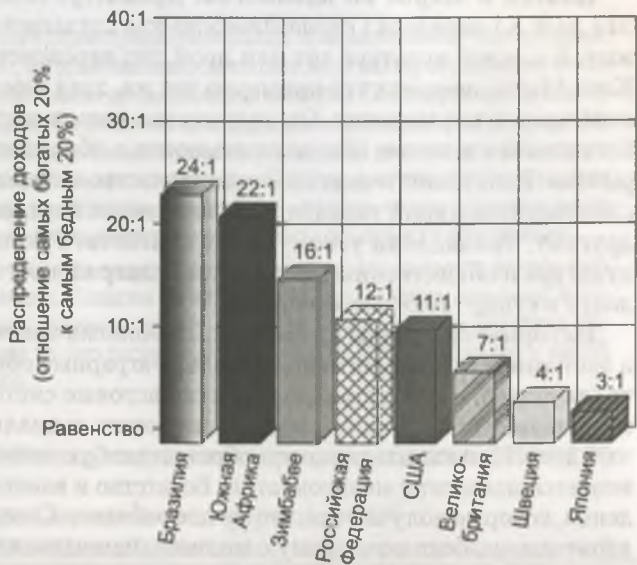

Рис. 10.1. Экономическое неравенство в отдельных странах, 1990–2000 гг. Источники: U. S. Census Bureau, 2001; The World Bank, 2001

Эти самые последние данные демонстрируют, как распределялся доход в период 1990–2000 гг.

В течение 1990-х гг. структурная социальная мобильность в Российской Федерации ослабла. Между 1990 и 1998 гг. средняя продолжительность жизни мужчин в России снизилась на 8 лет, а женщин — на 2 года. Это объясняется многими факторами, в том числе плохой системой здравоохранения, но российские граждане явно страдают и от бурного периода экономических изменений (Rona-Tas, 1994; Specter, 1997b; Bohlen, 1998; Gerber & Hout, 1998).

Безусловно, закрытие неэффективных государственных предприятий оздоравливает национальную экономику. Но большинство граждан переживают трудные времена, поскольку уровень их жизни падает. Кроме того, поскольку управляемые государством предприятия становятся частными, пропасть между богатыми и бедными увеличивается, что отражено на рис. 10.1. В то время как некоторые приветствуют свершающиеся перемены, другие изо всех сил держатся за привычную жизнь, надеясь, что уровень жизни когда-нибудь повысится.

Идеология: власть и стратификация

Отмечая социальное неравенство во всем мире, можно задаться вопросом, почему общества не стремятся равномернее распределять материальные ресурсы. Системы, подобные кастовой, существовали в Великобритании и Японии на протяжении многих столетий, обеспечивая передачу земель и власти во владение нескольких сотен семейств. В течение 2000 лет люди в Индии разделяют идею, что привилегированное или бедственное положение связано с рождением.

Главная причина существования социальных иерархий, таким образом, лежит в области идеологии — *культурных убеждений, которые оправдывают социальную стратификацию*. Убеждение — например, представление о том, что богатые умны, а бедные ленивы, — относится к идеологии в той степени, в которой оно определяет богатого человека как достойного уважения и означает, что бедные заслужили свое тяжелое положение.

Платон и Маркс об идеологии. Древнегреческий философ Платон (427–347 до н. э.) определял *справедливость* как соглашение о том, кому что принадлежит. В каждой культуре тот или иной тип неравенства считается справедливым. Карл Маркс понимал это примерно так же, хотя намного критичнее, чем Платон, относился к неравенству. Он критиковал капиталистическое общество за то, что богатством и властью обладают немногие, а общество оправдывает все «законами рынка». Капиталистическое законодательство закрепляет право собственности, наследование которой гарантирует, что деньги передаются от одного поколения к другому, принадлежа узкому кругу семейств. Таким образом, согласно Марксу, культура и общественные институты поддерживают элиту общества, поэтому так долго и существуют иерархии.

Исторические виды идеологии. Идеология изменяется вместе с подвижками в экономике и технологиях. Поскольку аграрные общества зависят от рутинного труда людей, в них устанавливаются кастовые системы. Они предполагают, что выполнение обязанностей, соответствующих социальному статусу, — это моральный долг. При капитализме приобретает особую ценность личная инициатива, развивается идеология меритократии. Богатство и власть превращаются в вознаграждения, которые получают те, кто лучше работает. Согласно логике индустриального капитализма, бедняки, к кому с милосердием относились во времена феодализма,

становятся объектами презрения, не заслуживающими уважения. Эта жесткая позиция высказана Гербертом Спенсером (см. врезку).

История показывает, насколько трудно изменить социальную стратификацию. Однако всегда кто-то бросает вызов существующему положению вещей. Традиционные представления о «месте», отводимом женщине, сменяются иными с появлением экономических возможностей, которыми располагают женщины. Прогресс в обретении расового равноправия в Южной Африке ярко иллюстрирует повсеместное неприятие идеологии апартеида.

Функции социальной стратификации

Почему общества стратифицированы? Если исходить из структурно-функциональной парадигмы, нужно признать, что социальное неравенство играет важнейшую роль в жизни общества. Эту позицию сформулировали более 50 лет назад Кингсли Дэвис и Вилберт Мур (Davis & Moore, 1945).

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Действительно ли обогащение — это «выживание сильнейших»?

«Выживает сильнейший» — мы все слышали эти слова, к которым прибегают, описывая общество как джунгли, где царит закон конкуренции. Так сказал один из пионеров социологии Герберт Спенсер (1820–1903), чьи идеи о социальном неравенстве и поныне имеют своих сторонников.

Спенсер, живший в Англии, был рьяным приверженцем теории Чарльза Дарвина (1809–1882). Согласно его концепции биологической эволюции, по мере приспособления к естественной среде происходят постепенные изменения видов. Спенсер, желая применить теорию Дарвина к жизни общества, предположил, что оно представляет собой своеобразные «джунгли», в которых «наиболее приспособленные» люди поднимаются к вершине, а слабые постепенно ввергаются в нищету.

В США эта точка зрения была популярна среди влиятельных промышленников того времени. Джон Д. Рокфеллер (1839–1937), который нажил огромное состояние на нефти, рассказывал «социальное евангелие Спенсера» маленьким детям в воскресной школе. По Рокфеллеру, развитие гигантских корпораций — и невероятное богатство их владельцев — очевидный факт природы. Ни Спенсер, ни Рокфеллер не испытывали большой симпатии к бедным, рассматривая нищету как свидетельство неприспособленности в мире конкуренции. Спенсер выступал против программ социального обеспечения, считая их штрафом, взимаемым с «лучших» членов общества (через налоги), и поощрением «худших» членов общества (через выгоды социального обеспечения).

Современные социологи отмечают, что социальное положение — это не просто вопрос личных усилий, как утверждал Спенсер. И совсем не обязательно, что компании или люди, которые зарабатывают больше денег, приносят пользу обществу. Однако мнение Спенсера, согласно которому люди получают то, что заслуживают, — все еще весьма расхожее в нашей индивидуалистической культуре.

А что думаете вы?

1. Что подразумевал Герберт Спенсер, когда говорил о поощрении обществом «выживания сильнейших»?
2. Почему, на ваш взгляд, идеи Спенсера все еще популярны в США?
3. В чем состоит польза обеспеченных людей для общества? Когда можно говорить, что ее нет?

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Большие деньги: достойны ли богатые получаемых ими доходов?

За час работы лос-анджелесский священник зарабатывает около \$5, горничная гостиницы в Новом Орлеане — \$7, водитель автобуса в Сан-Франциско — приблизительно \$15, бармен в Финиксе — \$20, а детройтский рабочий на автозаводе — примерно \$25. Для сравнения, Барри Бондс зарабатывает \$40 тыс. в час, играя в бейсбол за команду *San Francisco Giants*. А как насчет актера Джима Кэрри, получающего \$100 000 за каждый час, который он проводит на съемках фильма? Или Опры Уинфри, зарабатывающей \$200 000 за каждый час, пока она беседует с гостями перед телевизионными камерами? Или Тима Аллена, недавно зарабатывавшего по \$1 млн за съемки каждого получасового эпизода комедии положений «Сделать свой дом лучше» (*Home Improvement*)?

Тезис Дэвиса—Мура предполагает, что вознаграждение отражает ценность работы для общества. Но имеют ли таланты Майкла Джордана, который заработал \$33 млн лишь за один год, играя в баскетбол (больше, чем все другие игроки *Chicago Bulls* вместе взятые), большую ценность, чем усилия всех 100 американских сенаторов или 1000 полицейских? Короче говоря, действительно ли доход отражает социальную значимость людей?

В индустриальных капиталистических странах, например в США, размер заработной платы отражает рыночные условия спроса и предложения. Чем выше ценность созданного вами в рыночной системе, тем большее вознаграждение вы получите. Согласно этому представлению, звезды кино и телевидения, известные спортсмены, авторы популярных песен, врачи и другие профессионалы, а также многие менеджеры в сфере бизнеса обладают редкими талантами, на которые имеется большой спрос; следовательно, они зарабатывают во много раз больше, чем обычный американский рабочий. Даже состояние Элвиса Пресли — через 25 лет после смерти этого популярного певца — все еще увеличивается на \$35 млн ежегодно в виде отчислений за авторские права.

Но критики тезиса Дэвиса—Мура задаются вопросом: действительно ли рынок по достоинству оценивает важность профессии? Скорее, говорят они, в американской экономике господствует небольшая группа людей, которые управляют системой в своих интересах. Руководители корпора-

ций выплачивают себе многомиллионные жалованья и премии независимо от того, преуспевают их компании или нет. Лоренс Эллисон, главный управляющий компьютерной корпорации *Oracle*, заработал в 2000 г. более \$350 млн, хотя цена на акции его компании резко упала. Кроме того, многие люди, которые вносят реальный вклад в успехи общества,

Джулия Робертс — одна из самых высокооплачиваемых женщин в мире киноиндустрии, получающая миллионы за исполнение главных ролей. Почему она зарабатывает во много раз больше, чем многие ее коллеги-актеры?

получают взамен небольшое вознаграждение. Средний преподаватель должен был бы работать более 10 тыс. лет, чтобы получить столько же, сколько заработал Эллисон за один 2000 г.

Таким образом, мы не рискнули бы поставить знак равенства между доходом и социальной ценностью работы. Те, кто считает рыночные категории мерилom профессиональной ценности, утверждают, что лучшего критерия еще никто не придумал. Критики замечают, что наша экономическая система — эта закрытая игра, в которой участвует горстка людей, располагающих деньгами для игры.

А что думаете вы?

1. Считаете ли вы, что высокооплачиваемые деятели шоу-бизнеса, например Джулия Робертс, заслуживают в тысячу раз большего вознаграждения, чем обычный рабочий? Почему?
2. Мы все согласны с тем, что родители выполняют важнейшую задачу, воспитывая детей. Почему работа по воспитанию своих детей не оплачивается?
3. Каков, на ваш взгляд, тот довод, что более высокая оплата труда преподавателей улучшила бы качество их работы? Вы согласны с этим? Почему?

Тезис Дэвиса—Мура

Согласно тезису Дэвиса—Мура, социальная стратификация благотворно влияет на функционирование общества. Как иначе, спрашивают эти авторы, можно объяснить тот факт, что определенная форма социальной стратификации проявляется в каждом обществе?

Дэвис и Мур отмечают, что существуют сотни профессий различной важности. Некоторые виды работы — скажем, мытье окон или ответы на телефонные звонки — довольно легкие и могут быть выполнены едва ли не каждым человеком. Другие — например, проектирование компьютеров или пересадка человеческих органов — сложные и требуют таланта и всестороннего (и дорогостоящего) образования.

Соответственно, как поясняют Дэвис и Мур, чем функционально значимее выполняемая работа, тем выше вознаграждение, которое предоставляет общество. Эта стратегия способствует росту производительности и эффективности труда, поскольку вознаграждение — заработок, престиж, власть и досуг — поощряет людей выполнять важную работу лучше, усерднее. Таким образом, неравное вознаграждение выгодно отдельным людям, а сама его система (которая и лежит в основе социальной стратификации) предпочтительна для общества в целом.

Авторы признают, что любое общество может быть эгалитарным¹, но только в той степени, в какой люди позволяют какому-либо человеку выполнять ту или иную работу. Равенство также предполагает, что выполняющий ее плохо получает то же вознаграждение, что и успешно с ней справляющийся. Такая система явно не стимулирует людей трудиться, прикладывать максимум усилий, что уменьшает эффективность общественного производства.

Тезис Дэвиса—Мура заставляет задуматься, почему всюду существует определенная форма стратификации; но он не дает ясного понимания того, какое вознаграждение должно быть назначено за какую-либо работу или насколько различающимся. Авторы только указывают, что работа, которую общество считает ценной,

¹ От франц. *egalite* — равенство. — Примеч. науч. ред.

должна вознаграждаться в достаточной мере — это отвлекает талантливых людей от не столь важных занятий.

Критическая оценка. Хотя тезис Дэвиса—Мура — важный этап в развитии социологического анализа, он вызывает критику. Например, Мелвин Тумин (Tumin, 1953) задается вопросом, как оценить важность какого-либо занятия. Очевидно, мы не можем сказать, что важна такая работа, за которую больше платят. Это порочная логика (предполагается, что выполнение ценной профессиональной деятельности высоко вознаграждается, а затем и определяется важность работы по уровню данного вознаграждения; тезис верен исключительно по определению). Возможно, высокий уровень выплат, предоставляемых обществом, скажем, врачам, — это результат преднамеренных усилий медиков, стремящихся ограничить приток новых специалистов в свою область и таким образом увеличить спрос на их услуги.

Кроме того, действительно ли оплата труда отражает вклад человека в развитие общества? С доходом, приближающимся к \$100 млн в год, известная ведущая телепрограмм Опра Уинфри за 2 дня зарабатывает больше, чем Джордж Буш за целый год на посту президента. Но сможет ли кто-либо утверждать, что вести ток-шоу важнее, чем руководить страной? Во врезке представлены критические размышления о связи между оплатой труда и его социальной значимостью.

По мнению Тумина, тезис Дэвиса—Мура игнорирует, что социальная стратификация может *препятствовать* развитию индивидуального таланта. Находясь в привилегированном положении от рождения, дети богачей имеют много возможностей развивать свои способности, чего лишены одаренные дети бедняков.

Кроме того, предполагая, что социальная стратификация приносит пользу всему обществу, сторонники тезиса Дэвиса—Мура игнорируют еще один факт: социальное неравенство приводит к конфликтам и даже революциям. Эта критическая точка зрения позволяет обратиться к парадигме социального конфликта, в рамках которого совершенно иначе объясняется социальная иерархия.

Стратификация и конфликт

Анализ, проводимый в терминах социального конфликта, показывает, что стратификация не приносит пользы всему обществу, но дает преимущества отдельным людям. Такой анализ основан на идеях Карла Маркса, а также Макса Вебера.

Карл Маркс: классы и конфликт

Карл Маркс, идеи которого рассматривались в главе 4 («Общество»), объяснял, что большинство людей либо владеют средствами производства, либо работают на других членов общества, и только так. Подобное служит основой для появления социальных классов. В средневековой Европе аристократия и верхушка духовенства владели землей; крестьяне трудились на ней как арендаторы. Индустриальные классовые системы предполагают, что капиталисты (или буржуазия) управляют фабриками и используют труд рабочих (пролетариата).

Маркс наблюдал значительное неравенство в уровне доходов и власти, являющееся следствием капиталистических отношений, что делало неизбежным кон-

фликт между классами. Он считал, что настанет время, когда притеснения и страдания заставят рабочих организоваться и в конечном счете свергнуть систему капитализма.

Маркс жил в то время, когда небольшое число промышленников скопили огромные состояния. Эндрю Карнеги, Дж. П. Морган, Джон Д. Рокфеллер и Джон Джекоб Астор (один из немногих очень богатых пассажиров, погибших на «Титанике») жили в сказочных особняках, украшенных бесценными произведениями искусства, имели множество прислуги. Их богатство поражало: Эндрю Карнеги, основатель компании *U. S. Steel*, как сообщалось, зарабатывал около \$20 млн в год (более \$100 млн в современном эквиваленте), а средний рабочий в начале XX в. зарабатывал ежегодно только \$500 (Baltzell, 1964; Pessen, 1990).

Но, по мнению Маркса, капиталистическая элита черпает силы не только в экономической активности. Возможности и богатство переходят родственникам — от поколения к поколению. Кроме того, юридическая система защищает частную собственность и права наследования. Наконец, дети элиты общаются между собой в привилегированных школах, устанавливая социальные связи, которые будут им полезны в жизни. Другими словами, с точки зрения Маркса, капиталистическое общество *воспроизводит классовую структуру в каждом новом поколении*.

Критическая оценка. Сделанный Марксом анализ того, как капитализм порождает конфликт между классами, в значительной мере повлиял на взгляды социологов. Но поскольку марксизм — это революционное учение, призывающее к ниспровержению капиталистического устройства, он вызывает резкие возражения.

Эта карикатура под названием «Капитал и труд» появилась в английской прессе в 1843 г., когда идеи Карла Маркса впервые привлекли к себе внимание. На ней ужасное положение английских шахтеров связывается с привилегиями, которыми наслаждаются те, кто владеет отопляемыми углем фабриками

Мощной и справедливой критике подвергается отрицание им главного тезиса, на котором покоится тезис Дэвиса—Мура: чтобы у людей была мотивация для исполнения различных социальных ролей, требуется определенная система неравного вознаграждения. Маркс отделил вознаграждение от результатов труда, поддерживая в целом уравнительную систему, основанную на принципе «от каждого по способностям, каждому по потребностям» (Marx, 1972; p. 388; первое изд. — 1848). Критики утверждают, что именно такой разрыв между вознаграждением и выполнением работы послужил причиной низкой производительности труда в бывшем Советском Союзе и других социалистических странах.

Защитники марксизма возражают, что есть много доказательств, подтверждающих взгляды его основателя, согласно которым люди по своей природе существа социальные, а не эгоистичные (Clark, 1991; Fiske, 1991). Следовательно, индивидуальное вознаграждение (тем более деньги сами по себе) — это не единственный способ мотивировать людей к выполнению их социальных ролей.

Еще одна проблема состоит в том, что революционное движение, которое Маркс считал неизбежным в капиталистических обществах, так и не сложилось. В следующем разделе мы рассмотрим, почему предсказанная Марксом социалистическая революция не произошла, по крайней мере в развитых капиталистических странах.

Почему не свершилась марксистская революция?

Несмотря на предсказание Маркса, капитализм все еще процветает. Почему рабочие в США и других индустриальных обществах не свергли капитализм? Ральф Дарендорф (Dahrendorf, 1959) указывает четыре причины этого.

1. **Фрагментация капиталистического класса.** Сегодня самыми крупными компаниями владеют миллионы акционеров, а не отдельные семейства. Кроме того, ежедневное управление большими корпорациями находится ныне в руках класса менеджеров, которые могут быть или не быть главными акционерами. С широким распространением акций (к концу 1990-х гг. их имели приблизительно 40% взрослых американцев) все больше людей становятся непосредственно заинтересованными в сохранении капиталистической системы.
2. **Более высокий уровень жизни.** Как сказано в главе «Экономика и работа», столетие назад большинство рабочих на фабриках или на фермах выполняли труд «*синих воротничков*», *менее престижную работу, которая предполагает главным образом физический труд*. Сегодня большинство рабочих относятся к «*белым воротничкам*», *поскольку делают более престижную работу, которая предполагает умственную деятельность*. Эти специальности встречаются в торговле, управлении и других сферах. Большинство современных «белых воротничков» не считают себя «промышленным пролетариатом». Также важно, что доход среднего американского рабочего в течение XX в. возрос почти десятикратно, даже учитывая инфляцию, а рабочая неделя уменьшилась. В результате большинство людей считают себя более обеспеченными, чем их отцы и деды; в данном случае имеет место структурная мобильность, поощряющая работников принять существующую систему (Edwards, 1979; Gagliani, 1981; Wright & Martin, 1987).

3. **Рост количества рабочих организаций.** Рабочие теперь оказывают организационное влияние, которого у них не было столетие назад. Получив право организовывать профсоюзы, они выдвигают свои требования администрации предприятий, в качестве весомого аргумента прибегая к угрозе прекращения работы и забастовок. Другими словами, споры между администрацией и рабочими улаживаются таким образом, что не возникает опасность для капиталистической системы в целом.
4. **Более широкая правовая защита.** В XX в. правительства приняли законы, которые делают труд безопаснее, и разработали такие программы, как социальное страхование безработных, защита инвалидов и социальное обеспечение, создающее большую финансовую стабильность для рабочих.

Таблица 10.1

Два объяснения социальной стратификации: краткое обобщение

Структурно-функциональная парадигма	Парадигма социального конфликта
Социальная стратификация поддерживает жизнь общества. Увязка вознаграждения с социальной важностью приносит пользу обществу в целом	Социальная стратификация — результат социального конфликта. Разные возможности доступа к социальным ресурсам отвечают интересам одних людей и вредят другим
Социальная стратификация уравнивает таланты и способности человека и занимаемую им должность	Социальная стратификация ведет к тому, что многие таланты и способности в обществе не будут развиваться вообще
Социальная стратификация полезна и неизбежна	Социальная стратификация полезна лишь для некоторых людей; она не является неизбежностью
Ценности и убеждения, которые узаконивают социальное неравенство, разделяют широкие слои общества	Ценности и убеждения имеют идеологический характер; они отражают интересы более влиятельных членов общества
Поскольку системы социальной стратификации полезны для общества в целом и поддерживаются культурными ценностями и убеждениями, они обычно стабильны	Поскольку системы социальной стратификации отражают интересы только части общества, они едва ли будут стабильны

Источник: Arthur L. Stinchcombe, *Some Empirical Consequences of the Davis-Moore Theory of Stratification*, *American Sociological Review*, Vol. 28, No. 5 (October 1963): 808.

Противоположный взгляд. Общество сгладило многие из острых углов капитализма, и все же немало социологов утверждают, что анализ капитализма, предпринятый Марксом, все еще вполне актуален (Miliband, 1969; Edwards, 1979; Giddens, 1982; Domhoff, 1983; Stephens, 1986; Boswell & Dixon, 1993; Hout, Brooks & Manza, 1993). Во-первых, богатство концентрируется в руках небольшого числа людей; например, 40% всей частной собственности США принадлежат лишь 1% населения (Keister, 2000). Во-вторых, доходы, безопасность и удовлетворенность положением у многих из нынешних «белых воротничков» примерно те же, что у фабричных рабочих столетие назад. В-третьих, многие преимущества, которые имеют

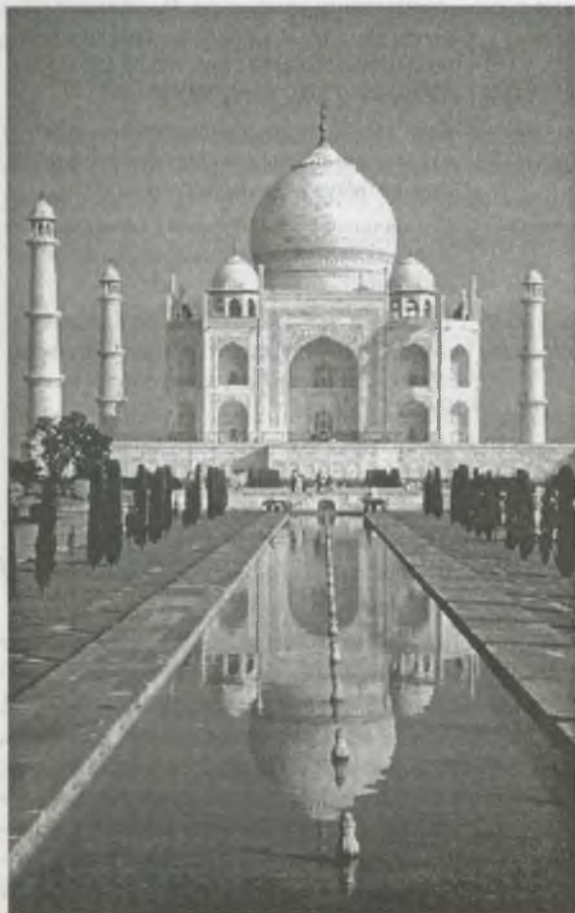
сегодняшние наемные работники, приобретены в результате классового конфликта, описанного Марксом, и борьба за обретенное все еще продолжается. В-четвертых, хотя теперь и существует правовая защита рабочих, закон по-прежнему защищает частную собственность богатей. Следовательно, заключают теоретики социального конфликта, отсутствие социалистической революции в США не отрицает сделанного Марксом анализа капитализма.

В табл. 10.1 указаны главные аспекты двух противоположных подходов, позволяющих понять социальную стратификацию.

Макс Вебер: класс, статус и власть

Макс Вебер, подход которого к социальному анализу описан в главе 4 («Общество»), соглашался с Карлом Марксом в том, что социальная стратификация порождает социальный конфликт, но считал двухклассовую модель Маркса упрощенной. Он полагал, что у социальной стратификации три различных показателя неравенства.

Первый — экономическое неравенство (проблема, столь важная для Маркса), которое Вебер назвал положением *класса*. Он рассматривал «классы» не как некие жесткие категории, а как континуум, расположенный в границах от высшего к низшему. Второй показатель — *статус*, или социальный престиж, и третий — *власть*.

Степень социального неравенства в аграрных обществах выше, чем в индустриальных. Один из признаков не вызывающей сомнений власти правителей — монументальные строения, возводившиеся долгие годы согнанными для этого простыми людьми. Хотя Тадж-Махал в Индии — одно из самых красивых в мире сооружений, в то же время это усыпальница всего лишь одного человека

Иерархия по социально-экономическому статусу. Маркс рассматривал социальный престиж и власть как отражение экономического положения и не считал их отдельными показателями неравенства. Вебер же отмечал, что статусная согласованность в современных обществах подчас достаточно низкая: чиновник местного уровня, например, может располагать значительной властью, однако иметь небольшой достаток или социальный престиж.

Вклад Вебера, таким образом, состоит в том, что он описал социальную стратификацию в индустриальных обществах как многомерное распределение людей по рангам, а не иерархию определенных классов. В соответствии с идеями Вебера социологи используют термин **социально-экономический статус** для обозначения *сложной классификации, основанной на различных измерениях социального неравенства*.

Поскольку люди различаются по этим трем показателям — классу, статусу и власти, Вебер описывал общество не в классовой терминологии, подобно Марксу, а с помощью широкого набора социальных категорий. Таким образом, социальный конфликт, по Веберу, — изменчивое и сложное явление.

Неравенство в истории. Вебер отмечал, что тот или иной из трех показателей социального неравенства проявляется со всей очевидностью в различные моменты истории. В аграрных системах особое значение придается статусу или социальному престижу, подчиняющемуся кодексу чести. Члены этих обществ приобретают статус, следуя культурным нормам, свойственным тем категориям, к которым они принадлежат.

Индустриализация и развитие капитализма уравнивают традиционные социальные группы людей, выделяемые по происхождению, но приводят к поразительному финансовому неравенству. Таким образом, как утверждал Вебер, важнейшим различием между людьми в индустриальных обществах является экономический показатель класса.

Какое-то время спустя в индустриальных и особенно постиндустриальных обществах развивается бюрократическое государство. Увеличение штата чиновников и распространение различного рода организаций повышают роль власти в системе стратификации. Высокопоставленные должностные лица становятся новой элитой, особенно в социалистических обществах, поскольку правительство регулирует там многие аспекты жизни.

Исторический анализ позволяет указать на еще одно отличие идей Вебера от представлений Маркса. Последний полагал, что социальную стратификацию можно ликвидировать, отменив частную собственность на средства производства. Вебер же сомневался в том, что она будет уничтожена после свержения капитализма. По его мнению, это могло бы уменьшить экономическое неравенство, хотя социализм немедленно приведет к его усилению, поскольку создает множество правительственных органов и отдает власть политической элите. Народные восстания против бюрократий, сложившихся в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе, свидетельствуют в пользу позиции Вебера.

Критическая оценка. Многоаспектное представление Вебера о социальной стратификации оказало сильное влияние на социологов. Но его критики (особенно те, кто поддерживает идеи Маркса) утверждают, что, хотя социальные границы класса, возможно, стали менее отчетливыми, индустриальные и постиндустриальные страны все еще демонстрируют разительные примеры социального неравенства.

Кроме того, как мы увидим в главе 11 («Социальные классы в США»), разница в доходах людей за последнее время увеличилась. Соответственно одни поддерживают многомерную иерархию, предложенную Вебером, другие считают, что предположение Маркса о противостоянии богатых и бедных ближе к истине.

Стратификация и технология: глобальный подход

Можно свести воедино множество замечаний, сделанных в этой главе, если рассмотреть соотношение технологии, которая свойственна обществам, и типа социальной стратификации. Для этого требуется учесть модель социокультурного развития, выдвинутую Герхардом Ленски, которая детально описана в главе 4 («Общество»),

Общества охотников и собирателей

Владея простой технологией, охотники и собиратели производят только то, что необходимо для удовлетворения повседневных потребностей. Одни люди могут производить больше, чем другие, но выживание группы зависит от распределения между людьми всего, что они имеют. Таким образом, никто не является более обеспеченным, чем остальные.

Земледельческие, скотоводческие и аграрные общества

По мере того как развитие технологий приводит к созданию избыточного продукта, усиливается социальное неравенство. В земледельческих и скотоводческих обществах немногочисленная элита контролирует значительную часть излишков. Крупномасштабное сельское хозяйство еще более продуктивно, и разительное неравенство — самое заметное во всей человеческой истории — приводит к тому, что различные категории людей ведут совершенно разный образ жизни. Власть аграрной элиты над массами абсолютна, подобно власти богов.

Индустриальные общества

Индустриализация изменяет данную тенденцию, уменьшая неравенство. Побуждаемая потребностью в развитии индивидуального таланта, меритократия начинает доминировать и ослабляет традиционные элиты. Рост производительности повышает уровень жизни большинства, которое было бедным. Кроме того, специализация труда в индустриальных обществах предполагает всеобщую образованность, что резко сокращает неграмотность. Грамотное население, в свою очередь, требует для себя большего участия в принятии политических решений, уменьшая социальное неравенство и ослабляя доминирование мужчин над женщинами.

Через некоторое время даже богатство распределяется среди огромного числа людей (что противоречит предсказаниям Маркса). В 1920-е гг. 1% самых богатых американцев владели примерно 36% всего национального достояния; а к 1980-м гг. в их руках было уже 30% (Williamson & Lindert, 1980; Beeghley, 1989; 1991 *Green Book*). Эти тенденции поясняют, почему марксистские революции произошли в аграрных обществах, — например, в бывшем Советском Союзе (1917), на Кубе (1959) и в Никарагуа (1979), где социальное неравенство было наиболее резко выраженным, а не в индустриальных обществах, как предсказывал Маркс. Однако неравенство в обладании богатствами снова возросло после 1990 г. (Keister, 2000).

Кривая Кузнеца

В истории человечества технологический прогресс сначала увеличивает, но затем уменьшает степень социальной стратификации. Больше неравенство функционально значимо для аграрных обществ, а вот индустриальные извлекают пользу из более эгалитарных условий. Эту историческую тенденцию выявил нобелевский лауреат, экономист Саймон Кузнец (Kuznets, 1955, 1966). Она представлена кривой, показанной на рис. 10.2.

Формы социального неравенства во всем мире сегодня соответствуют кривой Кузнеца. Карта мира 10.1¹ показывает, что страны, где уровень доходов высок,

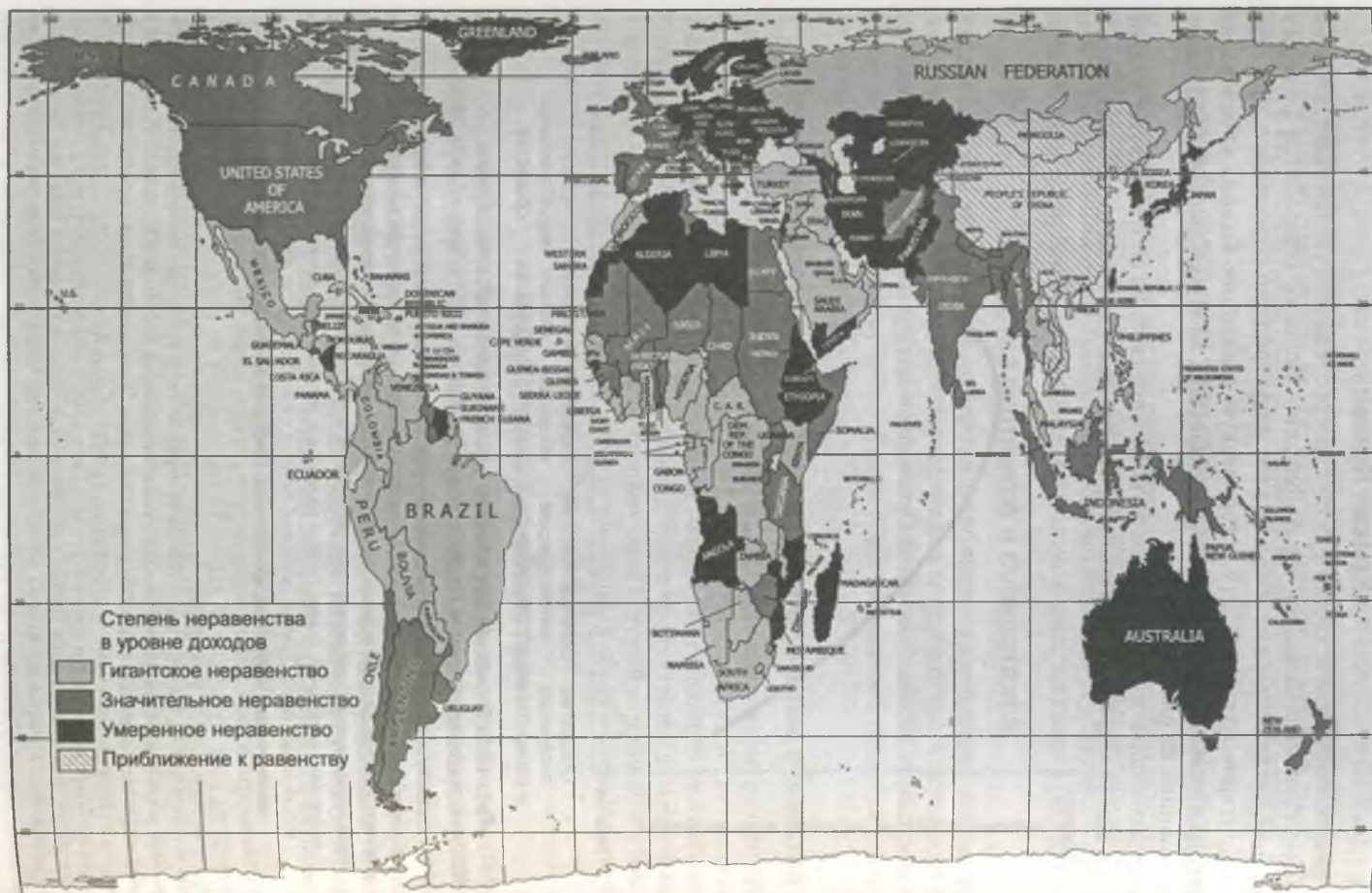

Рис. 10.2. Социальная стратификация и развитие технологий: кривая Кузнеца.

Источник: построена автором на основе работ Кузнеца (Kuznets, 1955) и Ленски (Lanski, 1966)

Кривая Кузнеца показывает, что усложнение технологий, как правило, сопровождается более выраженной социальной стратификацией. Это меняется по мере того, как в индустриальных обществах ослабевают жесткие кастовые различия, открывается больше возможностей и устанавливается равенство людей перед законом. Политические права расширяются, и даже отмечается некоторое выравнивание экономических различий. Кривую Кузнеца также можно применить для сравнения социального положения двух полов. Однако возникновение постиндустриального общества привело к усилению экономического неравенства, как обозначено пунктирной линией, добавленной автором

¹ Общества во всем мире отличаются по жесткости и степени социальной стратификации, а также по уровню жизни в целом. На этой карте показано неравенство в уровне доходов. В странах с централизованной экономикой социалистического типа (например, в Китайской Народной Республике и на Кубе) оно наименьшее, хотя уровень жизни там низок. Постиндустриальные общества с преимущественно капиталистическими экономиками, включая США и большинство стран Западной Европы, имеют более высокий жизненный уровень, но и значительное неравенство в доходах. Экономически менее развитые страны Латинской Америки и Африки (включая Мексику, Бразилию и Демократическую Республику Конго), а также Российская Федерация и большая часть арабского мира демонстрируют наиболее резко выраженное неравенство в уровне доходов.

Карта мира 10.1. Неравенство в уровне доходов (глобальный ракурс).

Источники. Peters Atlas of the World, 1990; новые данные почерпнуты: United Nations Development Programme, 1999

которые прошли через индустриальную эру (это касается США, Канады и стран Западной Европы), отличаются несколько меньшим неравенством в доходах, чем нации, в которых сельское хозяйство остается главной частью экономики (что характерно для Латинской Америки и Африки). Конечно, неравенство в доходах отражает не только развитие технологий, но также политические и экономические приоритеты. Из всех наций с высоким доходом США отличаются наибольшим экономическим неравенством.

Что же нас ждет в будущем? Описанная Кузнецом тенденция проведена нами до постиндустриальной эры (см. пунктирную линию на рис. 10.2). Это показывает усиление социального неравенства. То есть по мере развития информационной революции мы переживаем определенную экономическую поляризацию (которая рассматривается в следующей главе); следовательно, долгосрочная тенденция может отличаться от того, что наблюдал Кузнец полвека назад (Nielsen & Alderson, 1997).

Социальная стратификация: факты и оценки

Шел 2081 г., и все люди наконец стали равны. Не только перед Богом и законом. Они были равны во всех отношениях. Никто не был умнее другого. Никто не выглядел лучше другого. Никто не был сильнее или быстрее кого-либо. Равенство вытекало из 211-й, 212-й и 213-й поправок к Конституции и поддерживалось благодаря постоянной бдительности агентов Генерального Уравнителя.

Этими словами Курт Воннегут (Vonnegut, 1961) начинает рассказ «Харрисон Бержерон», — воображаемый отчет о будущем США, когда социальное неравенство устранено. Воннегут предупреждает, что привлекательное само по себе равенство может быть опасным. В его рассказе описывается кошмар социальной инженерии, посредством которой талант, который отличает одного человека от другого, систематически нейтрализуется правительством.

Чтобы стереть различия, делающие какого-либо человека «лучше» остальных, государство в рассказе Воннегута требует, чтобы физически привлекательные люди носили маски, усредняющие их внешность; интеллектуалы должны носить наушники, воспроизводящие отвлекающий шум, а лучшие атлеты и балерины обязаны прикреплять гири, чтобы быть такими же неуклюжими, как все остальные. Иными словами, хотя и возможно представить, что социальное равенство позволило бы людям максимально использовать свои таланты, Воннегут заключает: эгалитарное общество стремится максимально нивелировать индивидуальность человека.

Как и рассказ Воннегута, во всей этой главе объяснения социальной стратификации включают субъективную оценку. Согласно тезису Дэвиса—Мура, социальная стратификация не только универсальна, но она действительно необходима для эффективной социальной организации. Классовые различия в американском обществе, таким образом, отражают как отличия человеческих способностей, так и относительную важность отдельных специальностей. С этой точки зрения, равенство нежелательно, поскольку оно достигается лишь с помощью репрессивных мер, направленных на навязывание единообразия.

Анализ в ракурсе социального конфликта, который отстаивал Карл Маркс, отражает эгалитарные ценности. Маркс считал, что неравенство дисфункционально

для общества и является причиной страданий и конфликтов. На его взгляд, социальная стратификация возникает из несправедливости и жадности. Потому он и был сторонником принципа уравнительного распределения ресурсов. Маркс полагал, что равенство не снизит, а повысит благосостояние людей.

В главе 11 («Социальные классы в США») рассматривается проблема неравенства в США, и главное место отводится вопросу об имевшейся экономической поляризации. Затем, в главе 12 («Глобальная стратификация») мы рассмотрим положение в мире, задавшись вопросом, почему некоторые нации богаче, чем другие. Как мы увидим, на всех уровнях исследование социальной стратификации предполагает сочетание фактов и субъективных мнений о форме справедливого общества.

Резюме

1. Социальная стратификация — это распределение людей по ступеням иерархии. Стратификация:
 - ◆ черта общества, а не только следствие индивидуальных различий;
 - ◆ существует на протяжении многих поколений;
 - ◆ универсальна, но изменчива по форме;
 - ◆ поддерживается культурными убеждениями.
2. Кастовые системы, распространенные в аграрных обществах, основаны на социальном происхождении (рождении), не допускают социальной мобильности и определяют всю жизнь человека, включая профессию и выбор супруга для брака.
3. Классовые системы с элементами меритократии существуют в индустриальных и постиндустриальных обществах и допускают социальную мобильность, основанную на индивидуальных достижениях.
4. Предполагалось, что социалистические общества, в которых средства производства принадлежат государству, бесклассовые. Хотя в таких обществах обычно отмечается меньшее экономическое неравенство, чем в капиталистических, намного сильнее выражена разница в обладании властью.
5. Социальную стратификацию трудно изменить, поскольку она поддерживается различными социальными институтами, а культурные ценности и убеждения (идеология) представляют некоторые виды неравенства как естественные и справедливые.
6. Тезис Дэвиса—Мура гласит, что социальная стратификация универсальна, потому что способствует повышению экономической продуктивности общества. В классовых обществах неравное вознаграждение привлекает самых способных людей к выполнению наиболее значимой работы.
7. Критики тезиса Дэвиса—Мура отмечают, что:
 - ◆ трудно объективным образом оценить функциональную важность какой-либо работы;

- ◆ стратификация мешает многим людям развивать свои способности;
 - ◆ социальная стратификация приносит пользу одним за счет других, порождая социальные конфликты.
8. По мнению Карла Маркса, главного теоретика социального конфликта, последний ставит капиталистов (буржуазию), владеющих средствами производства и стремящихся получить максимально возможную прибыль, в оппозицию пролетариату, который предоставляет рабочую силу в обмен на заработную плату.
 9. Предсказанная Марксом социалистическая революция не произошла в странах с высоким уровнем дохода — таких, как США. Некоторые социологи считают это подтверждением того, что анализ Маркса был порочен; другие указывают, что наше общество отличается явным социальным неравенством, ему свойствен классовый конфликт.
 10. Макс Вебер выделил три показателя социального неравенства: экономический класс, социальный статус (престиж) и власть. Поскольку положение людей по этим трем показателям может отличаться, стратификация превращается в многомерную иерархию, а не отдельные классы.
 11. Исторически, полагает Герхард Ленски, развитие технологий сделало общества более неравными. Некоторое изменение этой тенденции отмечается в индустриальных обществах, как показывает кривая Кузнецца. Однако новая постиндустриальная экономика в США демонстрирует некоторое усиление экономического неравенства.
 12. Исследование социального неравенства касается не только фактов, но также политических убеждений и субъективных оценок того, как должно быть организовано общество.

Основные понятия

Идеология — культурные убеждения, которые оправдывают социальную стратификацию.

Кастовая система — социальная стратификация, основанная на социальном происхождении, или рождении.

Классовая система — социальная стратификация, основанная и на происхождении, и на индивидуальных достижениях.

Меритократия — социальная стратификация, основанная на личных качествах.

Работа «белых воротничков» — более престижная работа, которая предполагает по преимуществу умственную деятельность.

Работа «синих воротничков» — менее престижная работа, которая означает главным образом физический труд.

Социальная мобильность — изменение положения в социальной иерархии.

Социальная стратификация — система, посредством которой общество распределяет категории людей по иерархии.

Социально-экономический статус — сложное ранжирование людей на основе различных показателей социального неравенства

Статусная согласованность — степень согласованности социального положения человека, определяемого по различным показателям социального неравенства

Структурная социальная мобильность — изменение в социальном положении значительного числа людей, большей частью благодаря изменениям в самом обществе, а не индивидуальным усилиям.

Тезис Дэвиса—Мура — утверждение о том, что социальная стратификация — универсальное явление, поскольку она приносит пользу обществу.

Вопросы для размышления

1. Почему социальная стратификация — это порождение общества, а не просто отражение индивидуальных различий?
2. Чем отличаются кастовая и классовая системы? Что между ними общего? Каким образом индустриализация способствует меритократии в социальной стратификации?
3. Почему, согласно тезису Дэвиса—Мура, директор колледжа должен зарабатывать больше, чем преподаватель или секретарь? Что произойдет, если станут всем служащим платить одинаково?
4. В чем предсказания Карла Маркса о капитализме не сбылись? В чем они оказались верны?

Социальные классы в США

Паред советом директоров компании *Apple Computer* встала важная проблема: как выразить признательность президенту компании Стиву Джобсу за то, что благодаря ему она экономически так окрепла. В середине 1990-х гг. основанная Джобсом *Apple Computers* находилась на грани банкротства. В 1997 г. он снова встал у руля, и к началу 2000 г. объем продаж компьютеров *Apple* вырос как никогда, а курс акций взлетел на заоблачную высоту. «Этот человек спас компанию», — сказал один из членов правления.

Джобс заявил, что вернется в *Apple* и станет работать всего лишь за \$1 в год, пока не докажет, что его план оправдан. И действительно, так и случилось. После долгого обсуждения члены совета директоров придумали соответствующую, по их мнению, компенсацию: Джобс получит \$10 млн фондовых опционов (право покупать акции компании по сниженной цене; эквивалентно примерно \$200 млн) и \$90 млн для покупки личного реактивного самолета *Gulfstream V*. «Как мотивировать человека, у которого уже все есть?» — прокомментировал ситуацию один журналист (Jackson, 2000).

Многие люди шутили, что благодаря полученному Джобсом вознаграждению (в том числе реактивный самолет) его зарплата поднялась на недостижимые «высоты». В этой истории, однако, проступает еще одна важная черта американского общества: экономика США — самая сильная и продуктивная в мире — приносит некоторым людям значительно более весомый доход, чем другим. Все мы живем в одной стране, но одновременно и в разных мирах, которые зависят от нашего социального положения. В этой главе рассматривается социальная стратификация в США. Здесь отмечается, что разделяет людей, насколько эти различия сильны и почему они усиливаются.

Измерения социального неравенства

Многие люди считают, что в США создано общество равных возможностей. По сравнению с европейскими странами в Соединенных Штатах никогда не было знати. Исключая историю разделения людей по расовому признаку, американцы никогда не знали кастовой системы, определяющей жесткую иерархию людей.

Однако даже в этом случае американское общество очень сильно стратифицировано. Богатые люди не только обладают значительной долей денежных средств, но и получают более качественное образование, имеют более крепкое здоровье и потребляют львиную долю товаров и услуг. Такие преимущества резко контрастируют с бедностью миллионов американцев, которые заботятся о том, чтобы внести плату за жилье или найти деньги за услуги врача, когда заболевают их дети.

Так почему же многие люди считают, что США — общество среднего класса? Недооценка социального неравенства вызвана рядом обстоятельств. Во-первых, наша правовая система утверждает, что все люди равны перед законом. Во-вторых, в нашей культуре ценятся индивидуальные усилия и невелика роль принадлежности к тому или иному семейному клану. В-третьих, большинство людей не знакомо лично со «сверхбогатыми» или очень бедными согражданами; каждый общается преимущественно с равными себе (Kelley & Evans, 1995). Наконец, богатство страны создает впечатление, что все граждане США как минимум обеспеченные люди.

Когда люди сталкиваются с фактами социального неравенства, они часто говорят о принадлежности к «социальному классу», словно оно обусловлено одним фактором, например количеством денег. Однако система социальных классов США имеет несколько измерений. Как показано в главе 10 («Социальная стратификация»), социально-экономический статус отражает не только финансовое положение (доход, состояние и власть, которую они обеспечивают), но и престиж профессии, а также образование.

Доход

Одним из важных показателей неравенства является *доход (сумма заработной платы и прибыли от инвестиций)*. Бюро переписи населения сообщает, что в среднем американская семья в 2000 г. получила \$50 891. В первой части рис. 11.1 показано распределение доходов среди всех американских семей¹. Доход 20% самых богатых семей (зарабатывавших в год как минимум \$91 701, а в среднем — \$155 531) составлял 47,4% от общей суммы, в то время как доход 20% самых бедных (зарабатывавших менее \$24 тыс. или в среднем — \$14 228) — только 4,3%.

В табл. 11.1 приведены более подробные данные о распределении доходов. В 2000 г. 5% самых высокооплачиваемых семей США заработали не менее \$160 250 (в среднем \$272 354), в их руках оказались 20,8% всего дохода, что превысило общий доход 40% наименее оплачиваемых семей. Самые богатые 0,5% заработали по \$1,5 млн. Другими словами, весьма узкий круг лиц имеет очень высокий доход, тогда как большинство зарабатывает значительно скромнее.

В главе 10 («Социальная стратификация») сказано, что социальное неравенство становится слабее по мере индустриализации общества (это иллюстрируется кривой Кузнеца, рис. 10.2). Таким образом, для США характерно меньшее неравенство по доходам, чем, скажем, для Венесуэлы (Южная Америка), Нигерии (Африка) или Малайзии (Азия).

Однако, как показано на рис. 11.2, в Соединенных Штатах оно выше, чем в большинстве других высокоразвитых стран.

¹ Бюро переписи населения указывает и средний, и медианный доход для семей (под ними понимается «двое или более людей, связанных кровным родством, супружескими отношениями или благодаря усыновлению») и домохозяйств («двое или более людей, живущих в одном помещении»). В 2000 г. средний доход семей равнялся \$65 574, что выше медианного, потому что показатели семей, имеющих высокий доход, повышают среднее значение, но не медианное. Для домохозяйств цифры несколько ниже (среднее значение — \$57 045, а медианное — \$42 148), поскольку семья состоит в среднем из 3,2 человек, а домашнее хозяйство — из 2,6.

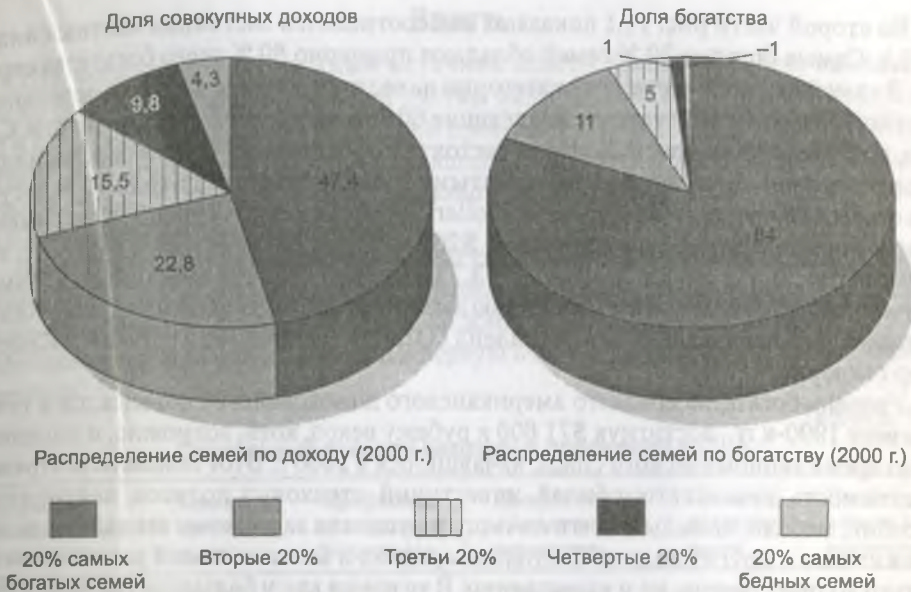

Рис 11.1. Распределение доходов и богатства в США.

Источники. U.S. Census Bureau, 2001; оценка богатства сделана автором на основе работ Кейстера (Keister, 2000) и Расселла и Могелонски (Russell & Mogelonsky, 2000).

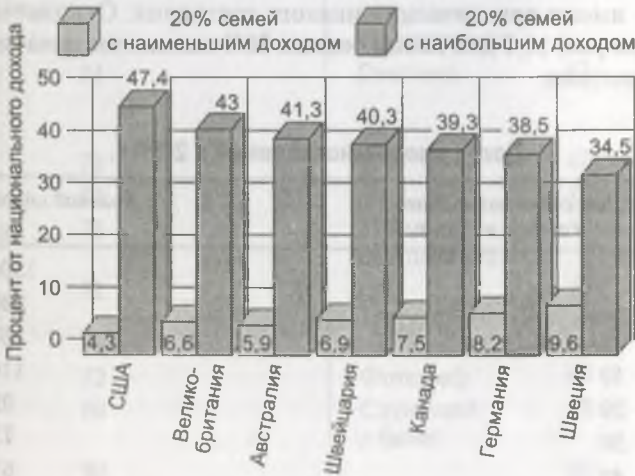

Рис. 11.2. Неравенство доходов в некоторых высокоразвитых странах.

Источники. U.S. Census Bureau, 2001; The World Bank, 2001

Богатство

Доход — только одна из составляющих богатства человека или семьи, под которым подразумевается общая сумма денежных средств и стоимость имущества за вычетом непогашенных долгов. Богатство (акции, другие ценные бумаги и недвижимость) распределено еще неравномернее, чем доход.

Во второй части рис. 11.1 показано, как соотносятся состояния частных лиц в США. Самые богатые 20 % семей обладают примерно 80 % всего богатства страны. В самой верхней части этой категории находятся 5% наиболее состоятельных семейств; это «очень богатые», владеющие 60 % всей частной собственности. Семьи, которые составляют 1 % самых состоятельных граждан (с десятками миллионов долларов), считаются «сверхбогатыми»; им принадлежат около 40 % ресурсов страны (Keister, 2000; Keister & Moller, 2000). 12 кланов супербогачей имеют совокупное состояние, превышающее \$262 млрд (журнал *Forbes*, 2001). Это эквивалентно богатству, каким владеют 3,7 млн семей средних американцев. Такое количество людей могло бы полностью заселить города Чула-Виста (штат Калифорния), Чикаго (Иллинойс), Кливленд (Огайо), Чаттануга (Теннесси), Клир-отер (Флорида).

Уровень богатства среднего американского домохозяйства повышался в течение всех 1990-х гг., достигнув \$71 600 к рубежу веков, хотя, возможно, и понизился во время экономического спада, начавшегося в 2000 г. Этот показатель отражает стоимость домов, автомобилей, инвестиций, страховых полисов, пенсионных пособий, мебели, одежды и всего личного имущества за вычетом закладных на недвижимость и других долгов. Состояние средних и богатых людей различается не только количественно, но и качественно. В то время как у большинства людей оно состоит из дома и автомобиля — имущества, которое не приносит дохода, у богатых оно складывается из акций и других доходных инвестиций.

При сопоставлении доходов и расходов выходит, что беднейшие 40% американских семей не имеют практически никакого состояния. Отрицательные цифры, приведенные на рис. 11.1 для самых бедных 20% населения, означают, что эти семьи опутаны долгами.

Таблица 11.1

Доход американских семей в 2000 г.

Количество семей, имеющих доход выше значения, указанного в правой колонке, %	Годовой доход, тыс. долл.
0,5	1500
1	330
5	160
10	110
20	92
30	73
40	61
50	52
60	41
70	31
80	24
90	10

Источники: Kennickell, Starr-McCluer & Surette, 2000), U.S. Census Bureau, 2001; вычисления автора.

Власть

В США богатство — это важный источник власти. Следовательно, небольшое число семей, владеющих большей частью национального богатства, определяют и политику всего общества. Третий президент США Томас Джефферсон (Jefferson, 1953; 1-е изд. — 1785), сам являвшийся состоятельным человеком, предупреждал, что истинная демократия невозможна, если имущество принадлежит небольшому числу семей.

Более подробно связь богатства и власти рассматривается в главе «Политика и управление». Некоторые аналитики утверждают, что хотя богатые люди и обладают рядом преимуществ, политически они не доминируют. Другие же заявляют, что политическая система ориентирована в первую очередь на защиту интересов «сверхбогатых».

Таблица 11.2

Социальный престиж некоторых профессий в США

Профессии «белых воротничков»	Оценка престижности	Профессии «синих воротничков»	Профессии «белых воротничков»	Оценка престижности	Профессии «синих воротничков»
Врач	86		Директор похоронного бюро	49	
Юрист	75		Агент по продаже недвижимости	49	
Преподаватель колледжа/университета	74		Счетовод	47	
Архитектор	73			47	Машинист
Химик	73			47	Почтальон
Физик/астроном	73		Музыкант/компьютерщик	47	
Инженер в аэрокосмической области	72			46	Секретарь
Стоматолог	72		Фотограф	45	
Священник	69		Служащий в банке	43	
Психолог	69			42	Портной
Фармацевт	68			42	Сварщик
Специалист по коррекции зрения	67			40	Фермер
Медсестра	66			40	Телефонист
Учитель средней школы	66			39	Плотник
Бухгалтер	65			36	Каменщик

Окончание табл. 11,2

Профессии «белых воротничков»	Оценка престиж- ности	Профессии «синих во- ротничков»	Профессии «белых во- ротничков»	Оценка престиж- ности	Профессии «синих во- ротничков»
Спортсмен детского сада	65			36	Воспитатель
Инженер- электрик	64		Канторский служащий	36	
Учитель началь- ной школы	64			36	Парикмахер
Экономист	63			35	Пекарь
Ветеринар	62			34	Машинист бульдозера
Летчик	61			31	Автослесарь
Программист	61		Продавец одежды	30	
Социолог	61			30	Водитель грузовика
Редактор/ журналист	60		Кассир	29	
Актер	58	Полицейский		28	Лифтер
Диктор радио/ТВ	55			28	Сборщик мусора
Библиотекарь	54			28	Водитель такси
	53	Авиатехник		28	Официант
	53	Пожарный		27	Посыльный
Специалист по гигиене полости рта	52			25	Бармен
Художник/ скульптор	52			23	Сельскохо- зяйственный рабочий
Социальный работник	52			23	Домработница
	51	Электрик		22	Продавец- распростра- нитель
Оператор компьютера	50			22	Сторож
				09	Чистильщик обуви

Источник: *General Social Surveys 1972–2000: Cumulative Codebook* (Chicago: National Opinion Research Center, 2001).

Престижность профессии

Работа не только приносит доход, но и связана с социальным престижем. Мы не редко оцениваем людей по их профессии и относимся с уважением к одним и смотрим свысока на других.

Социологи внимательно отслеживают престижность различных профессий (Counts, 1925; Hodge, Treiman & Rossi, 1966; NORC, 2001). Из табл. 11.2 видно, что люди считают престижными профессии, овладение которыми предполагает длительное обучение и которые приносят высокий доход (это, например, медицина, юриспруденция и инженерное дело). Менее престижной считается та работа, которая не только хуже оплачивается, но и требует наличия меньших способностей и не столь продолжительного обучения (например, работника в приемной).

Во всех индустриальных обществах представления о престижности профессий схожи (Ma, 1987; Lin & Xie, 1988). Повсюду профессии «белых воротничков», подразумевающие умственную деятельность и низкий уровень контроля, считаются более престижными, чем профессии «синих воротничков», связанные с физическим трудом и контролем над работником.

Везде профессии, считающиеся особо престижными, приобретают привилегированные категории людей. В наиболее престижных профессиях, представленных в табл. 11.2, доминируют мужчины. Только на 13-м месте в приведенном списке профессий находится специальность медсестры, которая является, как правило, «женской». Также можно заметить, что наименее престижную работу чаще всего выполняют люди не белой расы.

Образование

В индустриальных обществах образование общедоступно, поскольку оно необходимо, чтобы готовить работников для выполнения специализированных задач. В табл. 11.3 приведены данные 1999 г. об образовании американок и американцев в возрасте 25 лет и старше. Как мы видим, среднюю школу из них закончили 84%, а колледж — только 26%.

Тем не менее измерения неравенства взаимосвязаны и в данном случае. Профессия и доход зависят от образования; большинство (но не все) из приведенных в табл. 11.2 наиболее оплачиваемых профессий «белых воротничков» требуют диплома колледжа или другого высшего учебного заведения. Большинство профессий «синих воротничков», которые приносят меньший доход и менее престижны, требуют меньшего обучения.

Социальная стратификация и происхождение

Как было показано в главе 10, для классовой системы в США характерна меритократия (социальная позиция отражает талант и усердие человека). Однако происхождение также очень сильно влияет на то, кем человек в итоге становится.

Социальное происхождение

Ничто не влияет на социальное положение, занимаемое человеком, так сильно, как происхождение. Семья определяет ввод индивида в социальную систему, определяя во многом его образование, профессию и доход. Исследования показывают, что по меньшей мере половина самых богатых американцев — те, состояние которых равно сотням миллионов долларов или более, получили его по наследству (Thurow, 1987; Queenan, 1989). Будущее других людей почти в той же степени определяется бедностью, «передающейся» от поколения к поколению.

Гендер

Разумеется, мужчины и женщины живут в семьях, относящихся к разным социальным уровням. Однако в среднем доход, состояние женщин и престиж их профессий ниже, чем мужчин. В США примерно в 6 раз больше бедных семей, во главе которых — американка (3,1 млн), чем тех, где глава — американец (489 тыс.). Можно привести и другие цифры: среди семей, держащихся на плечах женщин, бедные встречаются в 2 раза чаще (24,7%), чем среди возглавляемых мужчинами (11,5%) (U.S. Census Bureau, 2001). Связь между гендером и социальной стратификацией рассматривается в главе 13 («Гендерная стратификация»).

Таблица 11.3

Образование взрослых граждан США (25 лет и старше), данные 1999 г.

	Женщины, %	Мужчины, %
Не закончили среднюю школу	16,0	15,8
8 лет или меньше	6,8	7,1
9–11 лет	9,2	8,7
Закончили среднюю школу	84,0	84,2
Только средняя школа	34,3	31,9
Колледж (1–3 года)	26,1	24,5
Полный курс колледжа или более высокий уровень образования	23,6	27,8

Источник: U.S. Census Bureau, 2000.

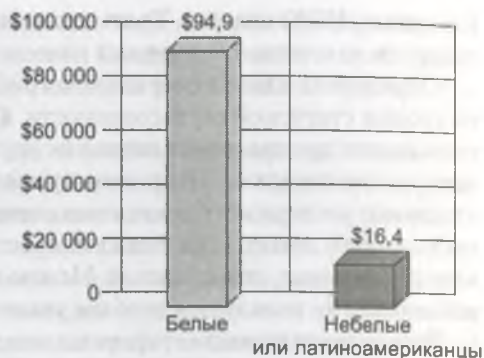
Раса и этничность

Социальное положение в американском обществе зависит и от расовой принадлежности. Белые люди в целом получают лучшее образование и имеют более высокий профессиональный статус, чем афроамериканцы. Так, медианный доход семей афроамериканцев в 2000 г. равнялся \$34 204, что составило 64% от дохода белых (\$53 256). Вполне естественно, что это неравенство приводит к огромным различиям в качестве жизни людей. Например, собственными домами обладает гораздо больше белых семей (70%), чем афроамериканцев (46%) (U.S. Census Bureau, 2000).

Неравенство в доходах во многом связано с тем, что среди афроамериканцев чаще встречаются неполные семьи. Если же сравнить полные, то доход последних составляет 85% от получаемого белыми.

Со временем, как показано на рис. 11.3, разница в доходах приводит к большому разрыву между уровнями богатства (Altonji et al., 2000). В недавнем исследовании американских домашних хозяйств, проведенном Федеральной резервной системой, выявлено, что медианное состояние семей этнических меньшинств, в том числе афроамериканцев, латиноамериканцев и американцев азиатского происхождения (около \$16 400), составляет всего лишь 17% от медианного состояния белых американцев (\$94 900). Состояние богатых семей во многом зависит от расовой принадлежности.

Рис. 11.3. Среднее состояние белых и небелых или латиноамериканцев за 1998 г. *Источник:* Kennickell, Starr-McCluer, & Surette (2000)

Этническая принадлежность также влияет на социальное положение. Исторически сложилось так, что основная доля всех богатств и власти принадлежит в США людям с англосаксонскими корнями. Положение же все американцев латиноамериканского происхождения, число которых стремительно увеличивается, напротив, уже долгое время остается ущемленным. В 2000 г. медианный доход их семей составил \$35 050 (66% от аналогичного показателя для белых семей). Влияние расового и этнического факторов на социальное положение подробно анализируется в главе 14 («Раса и этничность»).

Религия

Социальное положение американцев зависит и от их религиозных взглядов. Среди протестантов, к которым относятся почти $\frac{2}{3}$ жителей США, члены епископальной и пресвитерианской церквей занимают более высокое социальное положение, чем лютеране и баптисты. Столь же высоко на социальной лестнице стоят иудеи. Принадлежащие же к римско-католической церкви занимают более скромные позиции (Roof, 1979; Davidson, Pyle & Reyes, 1995).

Даже Дж. Ф. Кеннеди, член одной из наиболее богатых и влиятельных семей страны, вынужден был преодолеть религиозную оппозицию, чтобы стать в 1960 г. первым президентом-католиком. В нашей истории немало случаев, когда восходящая мобильность требовала от людей принять религиозные взгляды, статус которых был более высоким (Baltzell, 1979b).

Социальные классы в США

Как показано в главе 10 («Социальная стратификация»), в кастовом обществе категории, по которым распределяются люди, устанавливаются очень жестко и совершенно очевидны. В то же время определить социальные категории в более гибкой классовой системе не так легко.

Вспомните шутку о том, как заказавшая пищу пара попросила разрезать ее на шесть частей, потому что они не настолько голодны, чтобы съесть восемь. Все социологи согласны с тем, что социальное неравенство в США существует; но они не могут прийти к согласию, как следует разделить население страны. Некоторые, следуя Карлу Марксу, выделяют два главных класса — капиталистов и пролетариата. Другие указывают шесть (Warner & Lunt, 1941) или даже семь (Coleman &

Rainwater, 1978) классов. Третьи разделяют позицию Макса Вебера, предпочитая говорить не о четко очерченных классах, а о многомерной иерархии статусов.

Определить классы американского общества трудно из-за относительно низкого уровня статусной согласованности. Оценка, производимая по одному измерению, подчас противоречит оценке по другому, в особенности это касается для среднего уровня иерархии. Например, правительственный чиновник обладает большой властью и распоряжается многомиллионным бюджетом, но имеет весьма умеренный личный доход. Или, скажем, престиж духовенства достаточно высок, а вот власть скромная, доход малый. Можно привести еще пример: удачливый биржевой маклер не пользуется особым уважением, однако зарабатывает много денег.

Еще сильнее размывает границы между классами социальная мобильность (она более выражена на среднем уровне иерархии), которая означает, что социальное положение человека может изменяться в течение его жизни. С учетом этих аспектов в США выделяются 4 основных класса: высший, средний, рабочий и низший.

Высший класс

Семьи, принадлежащие к высшему классу, — 5% населения США — зарабатывают в год минимум \$60 тыс., а доход некоторых из них превышает это число в десятки раз. Чем сильнее он увязан с получением наследства в форме акций, облигаций, недвижимости и других капиталовложений, тем обоснованнее претензии семьи на принадлежность к высшему классу.

В 2001 г. журнал *Forbes* опубликовал список 400 богатейших людей США, отметив, что они обладают состоянием как минимум в \$600 млн и среди них было 266 миллиардеров. Общее состояние этих мегабогачей, по данным журнала *Forbes*, составляло \$951 млрд (более \$2,3 млрд на человека). Эти люди и есть, по Карлу Марксу, класс «капиталистов» — те, кто обладает большей частью богатств. Многие представители высшего класса — руководители корпораций или высокопоставленные государственные чиновники. Исторически, хотя сейчас это выражено гораздо слабее, он состоял из протестантов, выходцев из семей англосаксонского происхождения¹ (Baltzell, 1964, 1976, 1988).

Верхний слой высшего класса, иногда называемый «голубой кровью» или просто «высшим обществом», — это менее 1% американцев (Wagner & Lunt, 1941; Coleman & Neugarten, 1971; Baltzell, 1995). Принадлежность к нему почти всегда определяется рождением; это выражено в саркастическом замечании, что самый простой способ стать членом «высшего общества» заключается в том, чтобы родиться им. Большинство таких семей обладают огромным состоянием, доставшимся им по наследству. Потому и говорят, что верхушка общества располагает «старыми» деньгами.

Отстранившись от других людей благодаря своему богатству, представители высшего слоя живут в исторических, престижных районах, например Бекон-Хилл в Бостоне, Риттенхауз-Сквер или Мэйн-Лайн в Филадельфии, Голд-Кост в Чикаго и Ноб-Хилл в Сан-Франциско. Их дети посещают частные школы, где учатся

¹ В социологической литературе эту привилегированную социальную категорию часто обозначают аббревиатурой WASP (*white* — белый, *anglo-saxon* — англосаксонский, *protestant* — протестант). — Примеч. науч. ред.

вместе с другими отпрысками столь же именитых семей; продолжают образование в очень престижных колледжах и университетах. Следуя традициям европейских аристократов, они предпочитают гуманитарные науки и свободные искусства, а не приобретение профессиональных навыков.

Американки, принадлежащие к данной социальной группе, нередко занимаются благотворительной деятельностью. Таким образом они помогают обществу, хотя в то же время устанавливают связи, расширяющие власть элиты (Ostrander, 1980, 1984).

Нижний слой высшего класса. Большинство людей из высшего класса на самом деле относятся к *нижнему* его слою. Многим они кажутся такими же привилегированными, как и верхний слой. Однако этот слой (куда относится и Стив Джобс, о котором говорилось в начале главы) составляют «работающие богачи»; основной источник их дохода — заработок, а не унаследованное богатство. Семьи нуворишей обычно живут в престижных районах, однако большинство из них не вхожи в элитные клубы и не являются членами ассоциаций, в которых состоят владельцы унаследованных состояний.

Американская мечта всегда заключалась в том, чтобы заработать достаточную сумму денег и оказаться в нижнем слое высшего класса. Спортсмен, подписывающий многомиллионный контракт; актер, получающий звездную роль в голливудском фильме; «компьютерный гений», ставший удачливым интернет-бизнесменом, — вот те талантливые и удачливые люди, которые относятся к нижнему слою высшего класса. В разделе «Каста и класс: “Социальный регистр” и “Кто есть кто”» показано, в чем состоит различие между этими людьми и представителями «высшего общества». Первые очень похожи на всех остальных людей, за исключением того, что зарабатывают много денег.

Люди разграничивают нуворишей («новых богатых») и обладателей накопленных со временем состояний («старые деньги»). Те, кто неожиданно стал получать огромные деньги, чаще тратят их на обретение «символов статуса», наслаждаясь роскошной жизнью, стремясь к тому, чтобы окружающие знали об их успехе. В то же время выросшие в роскоши уже привыкли к привилегированному образу жизни и воспринимают его сдержаннее. Таким образом, для представителей нижнего слоя высшего класса (слева) характерно «расточительное потребление», что существенно отличает их образ жизни от того, что ведут более закрытые и сдержанные представители верхнего слоя высшего класса (справа)

Средний класс

Многочисленный средний класс, насчитывающий от 40 до 45 % всех американцев, оказывает огромное влияние на национальную культуру. Эти люди обычно являются героями телевизионных программ и кинофильмов, и именно на них направлена коммерческая реклама. Для среднего класса характерно гораздо большее расовое и этническое разнообразие, чем для высшего.

Верхний слой среднего класса. Более богатая половина людей этой категории относится к *верхнему слою среднего класса* и имеет доход, превышающий средний, — от \$80 тыс. до 160 тыс. в год. Он позволяет накапливать ценное имущество: иметь комфортабельный дом в достаточном районе, несколько автомобилей и капиталовложения. Две трети детей из верхнего слоя среднего класса заканчивают колледж и получают ученые степени. Многие из них делают очень успешную карьеру врачей, инженеров, юристов, бухгалтеров и руководителей компаний. Не располагая властью самых богатых людей, чтобы оказывать влияние на общенациональные или международные события, они в общем играют важную роль на местном политическом уровне.

Средний слой среднего класса. Остальная часть людей из среднего класса занимает центральный уровень в классовой структуре американского общества. Составляющие этот *средний слой* обычно работают на менее престижных должностях, какие характерны для «белых воротничков» (они руководители среднего звена, учителя средней школы и продавцы), или на высококвалифицированных должностях, свойственных «синим воротничкам» (например строитель-подрядчик). Доход в расчете на их домашнее хозяйство находится в пределах между \$40 тыс. и \$80 тыс. в год, что приблизительно равно среднему по США показателю.

Представители среднего класса накапливают за свою трудовую жизнь небольшое состояние (половина всех современных американских домашних хозяйств США хранит хотя бы некоторую сумму в виде акций и других инвестиций). Однако главная составляющая их состояния — дом. Принадлежащие к этому слою обычно заканчивают среднюю школу, но только половина из них получит высшее образование, как правило, в не очень дорогом колледже штата.

Рабочий класс

Примерно одну треть населения составляет рабочий класс (иногда называемый *нижним слоем среднего класса*). По терминологии Маркса, он формирует ядро промышленного пролетариата. Профессиональная деятельность «синих воротничков» обеспечивает доход от \$25 тыс. до \$40 тыс. в год, что ниже среднего уровня, их состояние, если оно вообще существует, невелико. Таким образом, семьи представителей рабочего класса уязвимы для финансовых проблем, которые порождает безработица или болезнь.

Многие профессии, которые присущи рабочим, не приносят личного удовлетворения (требуют дисциплины, но редко творчества) и обременены постоянным контролем. Они в меньшей степени дают и другие преимущества, например медицинскую страховку и пенсионное обеспечение. Примерно половина семей рабочих проживает в собственном доме, как правило, не в престижных районах. Поступление в колледж становится целью, реальной для одной трети их детей.

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Каста и класс: «Социальный регистр» и «Кто есть кто»

Малочисленный и недостижимый высший класс подобен настоящей социальной группе. Существует даже список всех привилегированных семей, — «Социальный регистр» (*Social Register*), впервые опубликованный в 1887 г., когда в результате индустриализации экономики возникли семьи богачей. Сегодня в этот список людей «голубой крови» включено около 40 тыс. семей. Членство в такой группе связано с происхождением человека, поэтому верхний слой высшего класса очень похож на касту: вы или принадлежите к ней, или нет. Стремясь сохранить преемственность, взрослые убеждают своих детей искать партнеров из числа представителей их круга, поддерживать классовую иерархию и в последующих поколениях. Таким образом, для верхнего высшего класса, как и для всех кастовых групп, особой значимостью обладает семья. Вот почему в «Социальном регистре» перечислены *семьи*, а не *отдельные люди*.

Например, информация о Дэвиде Рокфеллере, принадлежащем к одной из наиболее влиятельных семей США, включает адрес его семьи, номер домашнего телефона, девичью фамилию миссис Рокфеллер, имена детей, закрытые школы и колледжи, которые они посещают, и элитарные социальные клубы, членами которых являются члены этой семьи. В данном случае достижения человека не играют роли, поэтому в *Social Register* профессия или область бизнеса никогда не упоминаются.

Нижний слой высшего класса, напротив, состоит из элиты, которая добилась определенных достижений. Эта более крупная категория нуворишей не имеет четких границ, составляющие ее люди не участвуют в различных официальных ритуалах (таких, как «вечеринки дебютантов») в отличие от выходцев из семей с унаследованными капиталами.

Существует соответствующий список людей данного класса: это американское издание «Кто есть кто» (*Who's Who*). В нем вместо уважаемых семей указаны известные люди: выдающиеся спортсмены, успешные бизнесмены, президенты колледжей, лауреаты Нобелевской премии и знаменитые артисты.

«Кто есть кто» дает информацию о нескольких людях, в том числе Дэвиде Рокфеллере, которые встречаются и в «Социальном регистре», но в нем приводятся совершенно иные сведения. Так, относительно Рокфеллера приведены краткая биография (дата рождения, образование, почетные ученые степени), список достижений (военные награды, занимаемые государственные должности, написанные книги) и, что наиболее важно, его должность — президент банка *Chase Manhattan Bank*. Кроме этого, в «Кто есть кто» указан адрес места его работы.

Как видно из этих двух изданий, в США существует два типа элиты. В носящем кастовый характер «Социальном регистре» приводится список авторитетных семей согласно тому, *кто они такие*. «Кто есть кто», построенное по классовому принципу, упоминает людей на основании того, *что они сделали*. Однако, как показывают две записи в случае с Дэвидом Рокфеллером, социальные привилегии и личные достижения иногда совпадают.

А что думаете вы?

1. Что имеется в виду, когда утверждается, что не все богачи одинаковы?
2. Почему семьи, в которых состояния передают от поколения к поколению, отличаются кастовым характером, а нувориши — классовым?
3. Конечно, со временем «новые деньги» превращаются в «старые». Как начинали предшественники некоторых нынешних обладателей семейных состояний (включая Рокфеллеров и Кеннеди)?

Десятилетиями семьи упорно трудившихся американских фермеров могли рассчитывать на принадлежность к среднему классу. Однако тенденция к укрупнению сельскохозяйственного бизнеса поставила будущее небольших семейных ферм под вопрос. Многие молодые люди в сельских регионах оставляют свою деятельность и пытаются сделать карьеру в других областях, некоторые стремятся достичь успеха, используя высокие технологии ведения фермерского хозяйства

Низший класс

Оставшиеся 20% американцев относятся к низшему классу. Невысокий доход делает жизнь этих людей нестабильной и неуверенной. В 2000 г. федеральное правительство отнесло к числу бедных 31,1 млн граждан (11,3% населения). Еще многие миллионы, называемые «работающими бедняками», едва сводят концы с концами, занимая самые непрестижные должности, которые не только не приносят удовлетворения, но и дают доход, не намного превышающий минимальную заработную плату. Только половина из них заканчивает среднюю школу, и всего лишь одна четвертая часть поступает в колледж.

Общество изолирует членов низшего класса, особенно если бедняки относятся к расовым или этническим меньшинствам. Около 40% таких семей низшего класса владеют собственными домами, расположенными чаще всего в самых непривлекательных районах. Бедные кварталы обычно находятся в центральных частях городов, однако люди из низшего класса живут и в сельской местности, что характерно для юга США.

Различия, порождаемые классами

Второе сентября. Маунт Вернон, штат Огайо. Я поворачиваю на велосипеде вправо, съезжая с дорожки, уводящей к гостинице. Там предлагают ночлег и глоток воды. Здесь я встречаю Линду – женщину тридцати с небольшим лет, которая пытается починить свои роликовые коньки. Ее взгляд и ошеломляющий вид вызывают о помощи, поэтому я подхожу посмотреть, могу ли я что-нибудь для нее сделать. Нескольких замков на ее ботинках сломаны. Вблизи она выглядит не очень хорошо. «С вами все в порядке?» – мягко спрашиваю я. «Я очень устала», – отвечает Линда и объясняет почему. После развода она не может вернуть долги, работая на одной низкооплачиваемой должности. Она трудится с 11 утра до 7 вечера клерком в городском банке, выкраивает

4 часа для сна и едет в Колумбус, где за другим компьютером обрабатывает заказы с 2 ночи до 10 утра. Ей остается время только на то, чтобы вернуться в Маунт Вернон и начать все по новой в банке.

Социальная стратификация влияет почти на все аспекты нашей жизни. Сейчас кратко рассмотрим, как наше социальное положение связано со здоровьем, ценностями, политикой и семейной жизнью.

Здоровье

Здоровье и социальное положение взаимосвязаны. Дети бедняков в 3 раза чаще умирают по недосмотру, от болезней, несчастных случаев и насилия в первые годы своей жизни, чем дети богатых родителей. Взрослые, у которых доход выше среднего, в 2 раза чаще обладают прекрасным здоровьем, чем люди с низким доходом. Более того, богатые живут в среднем на 7 лет дольше неимущих, потому что лучше питаются, условия их существования безопаснее и менее стрессогенны, а получаемая ими медицинская помощь квалифицированнее (*U. S. National Center for Health Statistics, 1999*).

Ценности

Различные классы обладают и разными культурными ценностями. «Старые богатые» чтят семейную историю, потому что их социальная позиция основана на состоянии, передающемся из поколения в поколение (Baltzell, 1979b). Обладая привилегиями с рождения, представители верхнего слоя высшего класса сдержанны в своих манерах и вкусах, нуворишам же свойственно *расточительное потребление*, они покупают вещи, которые, как им кажется, привлекут внимание окружающих. Они используют одежду, дома, автомобили и даже самолеты, чтобы продемонстрировать свое социальное положение.

Богатые люди, получившие лучшее образование и более обеспеченные в финансовом плане, толерантнее к нетрадиционным формам поведения, например к гомосексуализму. Представители же рабочего класса, выросшие в атмосфере жесткого контроля и дисциплины и далеко не все посещавшие колледж, менее терпимы (Kohn, 1977; NORC, 2001).

Политика

Принадлежность к тому или иному классу определяет и политические взгляды. Американцы, занимающие привилегированное положение, симпатизируют республиканской партии, не имеющие таких преимуществ — демократической.

Однако когда дело касается конкретных вопросов, эта закономерность усложняется. Желание защитить свое состояние побуждает богатых быть более консервативными в *экономических* вопросах и выступать, например, за снижение налогов. Однако по *социальным* вопросам, например об абортах и прочих феминистских проблемах, высокообразованные богатые люди придерживаются более либеральных взглядов. Занимающие же низкое социальное положение, как правило, либеральны в экономическом отношении, поддерживая масштабные социальные программы, проводимые государством, но консервативнее в социальном (Erikson, Luttbeg, & Tedin, 1980; NORC, 2001).

По сравнению с богатыми у бедных в 2 раза реже отмечается хорошее здоровье, да и живут они в среднем на 7 лет меньше. Последствия низких доходов — неправильное питание, плохое медицинское обслуживание и сильный стресс — отражаются, как печать, на лицах бедняков, которые выглядят намного старше своих лет

Другую отчетливую закономерность можно обнаружить, если рассмотреть участие людей в политической жизни. Люди, имеющие высокий доход, кото-

рые получают больше преимуществ от системы, чаще принимают участие в выборах и вступают в политические организации, чем представители низшего класса.

Семья и гендер

Социальный класс также определяет и семейную жизнь. Семьи американцев, относящихся к низшему классу, многочисленнее, чем среднего, что обусловлено ранним возрастом вступающих в брак и низким контролем над рождаемостью. Рабочие воспитывают детей в духе традиций и в уважении к представителям власти. Родители с более высоким социальным положением передают другой «культурный капитал», приучая детей проявлять индивидуальность и воображение. В обоих случаях родители как бы «прописывают» будущее: дети рабочих, скорее всего, будут трудиться на должностях, которые требуют неукоснительного соблюдения правил, в то время как отпрыски обеспеченных родителей — в областях, требующих большего творчества (Kohn, 1977; McLeod, 1995).

От количества денег зависит и то, насколько возможно развить таланты и способности подрастающего поколения. Например, семья, доход которой составляет \$95 800 в год, потратит на ребенка, родившегося в 2000 г., \$241 700 за 18 лет. Американцы, относящиеся к среднему классу (доход \$50 600 ежегодно) израсходуют на эти цели \$165 630 долларов, а семьи с самым низким доходом, зарабатывающие менее \$38 тыс., смогут выделить на ребенка около \$121 230 (Lino, 2001). Итак, привилегии порождают привилегии, а семейная жизнь воспроизводит классовую структуру в каждом последующем поколении.

Индустриальные классовые системы делают возможной социальную мобильность — как восходящую, так и нисходящую. Обычно она умеренная и происходит постепенно. Социологи следят за этим изменением, сравнивая социальное положение различных поколений одной и той же семьи. Социальная мобильность отмечается, например, когда достижения сына заставляют гордиться его отца

Классы формируют также мир отношений между людьми. Элизабет Ботт (Bott, 1979) обнаружила, что большинство супругов из числа рабочих разделяют ответственность по половому принципу; представители среднего класса напротив, чаще ратуют за равноправие, выполняя многие виды работы совместно и проявляя при этом особую интимность. Карен Уокер (Walker, 1995) обнаружила, что дружба рабочих обычно скреплена материальной помощью; дружеские отношения людей среднего класса порождены общими интересами и совместным проведением свободного времени.

Социальная мобильность

Наше общество динамично и характеризуется значительной социальной подвижностью. Окончание колледжа, получение высокооплачиваемой работы или вступление в брак с богатым человеком характеризуют *восходящую социальную мобильность*; исключение из школы, потеря работы или развод (особенно когда это касается женщин) указывают на *нисходящую социальную мобильность*.

Однако если учитывать длительный период времени, социальная мобильность зависит не столько от индивидуальных изменений, сколько от перемен в самом обществе. Например, в первой половине XX в. индустриализация привела к росту экономики США, в результате чего повысился уровень жизни. Образно говоря, даже не будучи хорошими пловцами, многие люди поднялись на волне процветания. В последнее же время нисходящая *структурная социальная мобильность* ухудшила экономическое положение многих американцев.

Социологи различают кратковременные и долговременные изменения социального положения. **Социальная мобильность внутри поколения — изменение соци-**

альной позиции, происходящее во время жизни человека. **Социальная мобильность между поколениями** — это *восходящая или нисходящая социальная мобильность детей по сравнению с их родителями*. Она не менее важна, потому что позволяет обнаружить изменения в обществе, которые протекают в течение довольно долгого времени и влияют почти на всех его членов.

Мифы и реальность

В Соединенных Штатах, как ни в какой другой стране, «преуспеваю» придается важное значение. Продвижение вверх — это американская мечта. Однако в самом деле социальная мобильность в США так значительна, как хотелось бы думать?

Исследования межпоколенческой мобильности (почти все они касались только мужчин) показали, что почти 40% сыновей тех, кого причисляют к «синим воротничкам», получили профессии «белых воротничков», а почти 30% сыновей, родившихся в семьях последних, выполняли труд «синих воротничков». *Горизонтальная мобильность* — смена профессий людьми одного классового уровня — наблюдается еще чаще: около 80% детей свойственна определенного рода социальная мобильность по сравнению с отцами (Blau & Duncan, 1967; Featherman & Hauser, 1978; Hout, 1998).

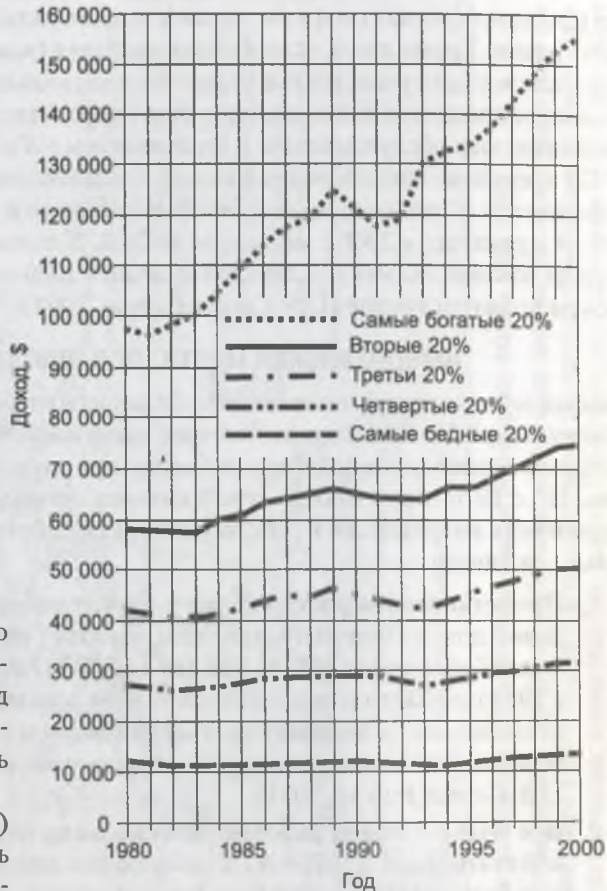
Исследования позволяют сделать четыре вывода о характере социальной мобильности в США:

1. **По крайней мере среди мужчин она достаточно высока.** Широко распространено убеждение в том, что для США характерна высокая социальная мобильность, подтверждается реально. Она является одной из черт индустриальной классовой системы.
2. **Продолжительная социальная мобильность развивается как восходящая.** Индустриализация, значительно укрепившая экономическое развитие США в XX в., в результате чего было создано множество рабочих мест для «белых воротничков», привела к повышению жизненного уровня.
3. **Социальная мобильность внутри поколения обычно незначительна.** Доход большинства молодых семей со временем возрастает (Duncan et al., 1998). Однако лишь немногие выбирают «из грязи в князи». Внезапное увеличение или уменьшение богатства какого-либо человека привлекает внимание СМИ, однако социальная мобильность обычно ограничена перемещением *в пределах* одного классового уровня, но не в преодолении расстояния *между* классами.
4. **Начиная с 1970-х гг. социальная мобильность неравномерна.** Реальный доход (с учетом инфляции) на протяжении XX в. медленно возрастал вплоть до 1970-х, когда достиг своего на тот момент потолка. В 1980-е реальный доход большинства людей почти не изменился, чуть повысившись к концу 1990-х.

Мобильность, связанная с уровнем дохода

За тенденцией не всегда видно, что происходит с различными категориями людей. На рис. 11.4 показано, как изменился доход американских семей с 1980 по 2000 г. У преуспевающих (самых богатых 20%, состав которых постоянно менялся на протяжении этого периода) он увеличился на 59%, с \$97 991 в 1980 г. до \$155 531 в 2000 г.

Рис. 11.4. Средний доход американских семей в 1980–2000 гг. (в долларовом эквиваленте 2000 г., с учетом инфляции). Источник: U. S. Census Bureau, 2001

У представителей среднего класса рост составил примерно 20%, в то время как доход самых бедных 20% населения увеличился всего лишь на 11,5%.

Самые богатые семьи (1%) за последние 15 лет добились очень значительного прогресса. Если в 1980 г. они получали по \$132 451, то в 2000 г. — по \$500 тыс., или почти в 4 раза больше (Edmondson, 1995; Nielsen & Alderson, 1997; U.S. Census Bureau, 2001).

Мобильность: раса, этничность и гендер

Среди белых людей, которые изначально занимают более привилегированное положение, восходящая мобильность в последние десятилетия проявлялась сильнее, чем среди афро- или латиноамериканцев. Благодаря экономическому росту 1980-х и 1990-х гг. очень многие афроамериканцы стали богатыми людьми. Однако общий реальный доход этой категории жителей США за 20 лет изменился слабо. В среднем в 2000 г. он ненамного приблизился к среднему уровню семей белых, достигнув 64% (в 1970 г. показатель равнялся 61%). По сравнению с белыми семьями средний доход латиноамериканцев за этот период даже снизился (в 1975 г. он составлял 67% от дохода белых семейств, а к 2000 упал до 66%) (Featherman & Hauser, 1978; Pomer, 1986; U.S. Bureau of the Census, 2001).

Исторически сложилось так, что для женщин характерна меньшая восходящая мобильность, чем для мужчин, потому что работающие американки трудятся в основном на конторских должностях (например, секретаря) или в сфере обслужива-

ния (скажем, официанткой в ресторане), что не способствует повышению социального уровня. Кроме этого, если их брак распался (как случается почти в 50% случаев), для женщин реальностью становится нисходящая социальная мобильность; помимо сокращения своих доходов они теряют массу преимуществ, связанных с медицинским обслуживанием и страхованием (Weitzman, 1996).

Со временем, однако, разрыв между показателями жизни женщин и мужчин сокращается. У тех американок, которые работали в 1980 г., заработок составлял 60% от мужского; в 2000 г. он возрос до 74%. К сожалению, в некоторой степени это обусловлено *снижением* доходов мужчин в 1980-е гг., а вот у женщин они остались на прежнем уровне (U.S. Census Bureau, 2001).

Американская мечта: все еще реальность?

Ожидание восходящей социальной мобильности глубоко укоренилось в американской культуре. На протяжении большей части национальной истории экономический рост позволял реализовать это желание, а в итоге возрастал жизненный уровень. Но с 1970 г. для многих семей начался период застоя, который подрывает уверенность американцев в собственные силы. Обратите внимание на некоторые новые тенденции:

1. **Приостановился рост доходов у многих работников.** С 1958 по 1974 г. годовой доход 50-летнего мужчины, занятого на работе полный день, увеличился более чем на 50% (с \$22 849 до \$37 747 в эквиваленте 2000 г.). Однако с 1974 по 2000 г. он вырос незначительно, хотя количество отработанных часов стало больше, а первые по важности товары и услуги, как, например, жилье, образование и медицинское обслуживание, подорожали (Russell, 1995a; U.S. Census Bureau, 2001).
2. **Все больше людей работает в нескольких местах.** Согласно Бюро трудовой статистики, в 1975 г. 4,7% работающих американцев были заняты на двух или более местах; к 2000 г. их число возросло до 5,6%.
3. **Многие профессии стали низкооплачиваемыми.** В 1979 г. Бюро переписи населения классифицировало как «людей с низким доходом» 12% работающих, поскольку они получали менее \$6905 долларов; в 1998 г. лиц такой категории, зарабатывающих меньше аналогичной суммы (\$15 208), оказалось 15,4%.
4. **Молодые люди не покидают родительские дома.** 53% молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет живут вместе со своими родителями. Начиная с 1975 г. средний возраст вступления в брак вырос на 3 года (до 25,0 лет для женщин и 26,7 года для мужчин).

Итак, за жизнь одного поколения богатые стали еще богаче. Увеличилось и их количество: сейчас в США насчитывается почти 5 млн человек, чье состояние превышает \$1 млн, что в 4 раза больше, чем 10 лет назад (D'Souza, 1999). Соответственно для некоторых людей американская мечта все еще жива. Однако взгляды большинства более пессимистичны, и очень многие боятся, что шанса подняться до среднего класса у них нет (Kerckhoff, Campbell & Winfield-Laird, 1985; Newman, 1993). Национальная карта 11.1 показывает, в каких регионах США пессимистический взгляд на будущее наиболее распространен.

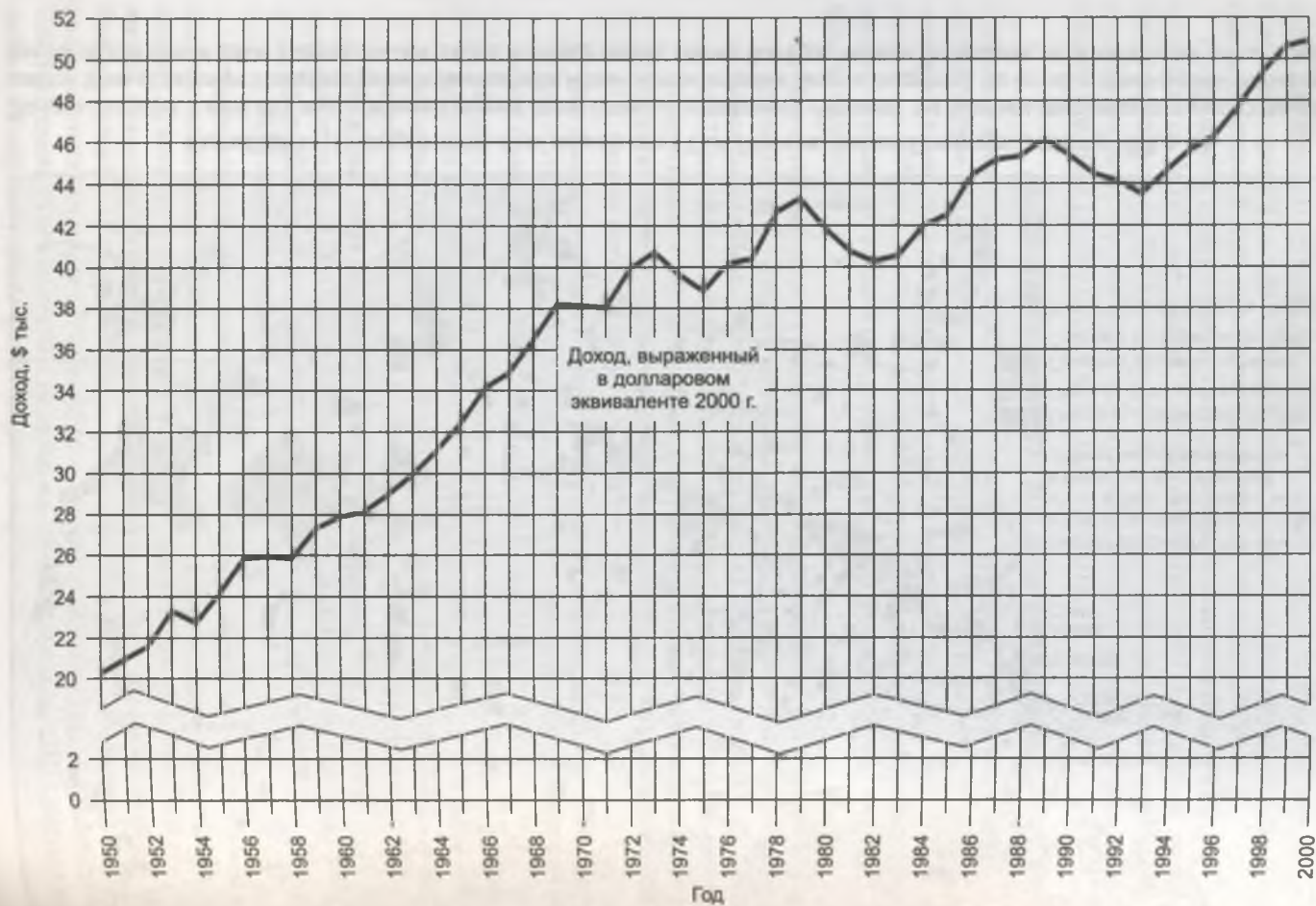

Рис. 11.5. Медианный доход американских семей в 1950–2000 гг. Источник: U.S. Census Bureau, 2001

Кроме *уменьшения числа представителей среднего класса* нисходящей структурной мобильности способствует и рост номенклатуры низкооплачиваемых профессий. Как показано на рис. 11.5, хотя между 1950 и 1973 гг. медианный доход семей удвоился, с 1973 г. он вырос только на 25% (U.S. Census Bureau, 2001).

Глобальная экономика и классовая структура американского общества

В основе недавних подвижек в классовой структуре США лежат глобальные экономические изменения. Значительная доля промышленного производства, которое приносило высокий доход прошлому поколению американских рабочих, перенесена в другие страны. Из-за снижения промышленного производства США теперь выступают в роли крупного рынка для промышленных (например, автомобили) и других товаров, в том числе таких, как стереомагнитофоны, видеокамеры и компьютеры, производимые в Японии, Южной Корее и прочих странах.

Высокооплачиваемые профессии в промышленной сфере, которыми в 1960 г. владели 26% американских рабочих, теперь приносят доход только 15%. Высвободившимся работникам предлагается деятельность в сфере обслуживания, которая часто оплачивается значительно хуже. В корпорациях, которые традиционно хорошо вознаграждали труд своих рабочих, скажем, *USX* (бывшая *United States Steel*), теперь меньше сотрудников, чем в ресторанах *McDonald's*. В то же время сеть *McDonald's* продолжает расширяться, но доход их служащих составляет всего лишь небольшую часть от заработка рабочих сталелитейной промышленности.

Конечно, далеко не все люди проигрывают от такой реорганизации труда. Глобальная экономика создает условия восходящей социальной мобильности для образованных людей, специализирующихся в сфере юриспруденции, финансов, маркетинга и компьютерных технологий. Более того, за период с 1980 по 2000 г. глобализация экономики привела почти к 10-кратному разрастанию рынка ценных бумаг (даже с учетом недавних спадов), что выгодно семьям, у которых есть деньги на капиталовложения.

Однако эта же тенденция совершенно невыгодна многим рабочим, принадлежащим к среднему слою своего класса, поскольку они лишаются своих мест. Более того, чтобы стать конкурентоспособными на мировом рынке, многие компании реструктурируются, сокращая сотрудников — как «синих», так и «белых» воротничков. Соответственно хотя половина из числа всех домохозяйств (и это в 2 раза больше, чем в 1950 г.) отличается тем, что работают двое или более взрослых, многие люди вынуждены трудиться еще упорнее, чтобы сохранить имеющееся (Reich, 1989, 1991; Nelson, 1998; Schlesinger, 1998; Sennett, 1998).

Бедность в США

В результате социальной стратификации появляются не только «имущие», но и «неимущие». Все системы социального неравенства порождают бедность, или, по крайней мере, *относительную бедность* (плохое экономическое положение некоторых людей по сравнению с другими, более обеспеченными). Серьезной же, хотя и решаемой, проблемой является *абсолютная бедность* (нехватка ресурсов, угрожающая жизни).

Как указывается в главе 12 («Глобальная стратификация»), более 1 млрд населения планеты — каждый шестой — рискуют стать абсолютными бедняками. Даже в богатых Соединенных Штатах некоторые семьи настолько бедны, что голодают, живут в помещениях, не отвечающих санитарным требованиям, и страдают из-за плохого здоровья.

Уровень бедности в США

В 1964 г. федеральное правительство установило официальную *границу бедности* и начало вести учет находящихся ниже его, предоставляя им определенные льготы. Идея заключалась в том, чтобы определить людей, живущих на грани абсолютной бедности. Молли Оршански, автор идеи, подразумевала под этим уровень дохода, необходимый «для приобретения достаточного пропитания при условии, что на это уходит не более $\frac{1}{3}$ дохода семьи» (Orshansky, 1969). Иначе говоря, порог бедности в 3 раза выше того уровня средств, которые, по оценкам правительства, необходимо затратить на пропитание. Так, определяется точная сумма в долларах с учетом состава семьи, и государство, ежегодно устанавливая этот предел, делает поправки, отражающие изменения прожиточного минимума.

На рис. 11.6 приведены показатели официального уровня бедности, который подсчитывается с 1960 г. В те времена бедность ощущалась остро, впрочем, изменений немного. В 2000 г. правительство назвало бедными 31,1 млн мужчин, женщин и детей, или 11,3% населения. Еще 12,3 млн — *близки к бедным*; они имели доход, не превышающий 125% от порога бедности.

Для семьи из 4 человек в 2000 г. соответствующая граница определена на уровне \$17 603. Однако годовой доход средней семьи бедняков был гораздо ниже — всего лишь \$10 783. Это означает 60% от суммы, принятой как порог бедности (U.S. Census Bureau, 2001).

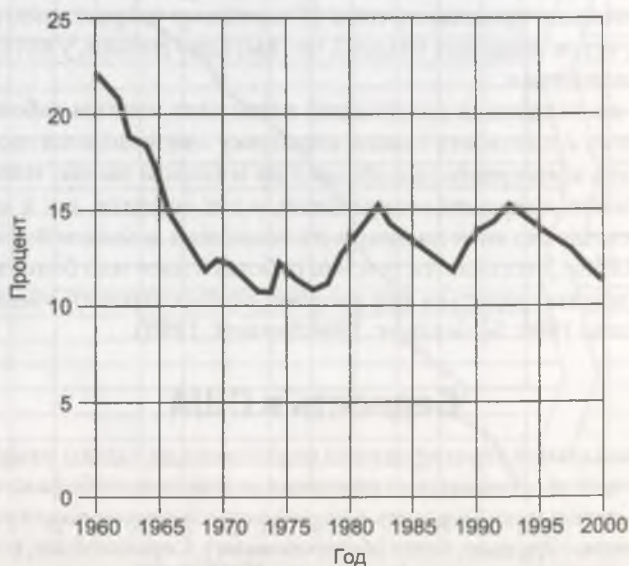

Рис. 11.6. Уровень бедности в США, 1960–2000 гг. Источник: U.S. Census Bureau, 2001

Бедные люди очень хорошо знают, что такое жить на краю пропасти: невозможно купить куртку или дорогие кроссовки, которые так понравились ребенку, и, что еще хуже, постоянное беспокойство, как бы кто-нибудь из членов семьи не получил травму или не заболел. Другими словами, быть бедным — значит постоянно испытывать стресс, неуверенность и (для нескольких миллионов взрослых и детей в США) голод.

Кто такие бедняки?

У бедности нет единого лица. Хотя можно указать определенные категории населения, для которых велик риск оказаться в бедности. Проблема особенно остра, если в конкретном случае речь идет сразу о нескольких таких группах американцев.

Возраст. Еще для предыдущего поколения было характерно, что бедными становились пожилые люди, но сейчас это не так. С 1967 по 2000 г. количество малоимущих среди пожилых (в возрасте старше 65 лет) снизилось с 30 до 10,2% и сейчас составляет 3,4 млн человек. Благодаря программам частного пенсионного обеспечения и крупным правительственным льготам уровень бедности пожилых людей в настоящее время ниже среднего по стране показателя. Но даже в этом случае 11% из них являются бедняками, что обусловлено и старением нации.

Сегодня от бедности особенно страдают дети. В 2000 г. таковыми признаны 16,2% людей младше 18 лет (11,6 млн детей). Иначе говоря, примерно 4 из 10 американских бедняков не достигли 18 лет. Бедность является одной из причин высокого *уровня детской смертности*, который характеризует вероятность выживания ребенка на первом году жизни. Несмотря на то, что США — богатейшая страна мира, она имеет один из самых высоких уровней младенческой смертности среди стран с высоким уровнем дохода.

Раса и этничность. Две трети всех неимущих — белые, одна четвертая часть — афроамериканцы. Однако если сравнить отношение числа бедных людей данной расы к общему числу ее представителей, получится, что бедность в среде афроамериканцев встречается примерно в 3 раза чаще, чем у белых (нелатиноамериканцев). В 2000 г. в бедности жили 22,1% афроамериканцев (7,7 млн человек), 21,2% латиноамериканцев (7,5 млн), 10,8% азиатов и выходцев с тихоокеанских островов (1,1 млн) и 7,5% белых нелатиноамериканцев (13,2 млн). Разрыв между белым большинством и расовыми меньшинствами с 1975 г. почти не сократился (U.S. Census Bureau, 2001).

Гендер и семья. Из всех бедных людей старше 18 лет 61% составляют женщины и 39% — мужчины. Это отражает тот факт, что именно на плечи женщин, которым отводится главная роль в ведении домашнего хозяйства, ложится основное бремя лишений. Из всех оказавшихся в тяжелом положении семей 50% те, где у женщин нет мужей, и только 8% — с одинокими мужчинами.

Термином **феминизация бедности** обозначают *тенденцию, согласно которой женщины составляют все большую долю среди бедняков*. В 1960 г. во главе 25% всех семей неимущих были женщины; в большинстве же были и жены, и мужья. Однако к 2000 г. количество первых удвоилось и достигло 50%.

Таким образом, феминизация бедности — признак более масштабного изменения: появление все большего числа семейств, когда во главе их становится одино-

кая женщина, причем это характерно для всех классов общества. В результате этого, а также повышенного риска оказаться в тисках бедности, получается, что женщины (и их дети) образуют все возрастающую часть бедных американцев.

Бедность в городах и селах. Наиболее велики показатели бедности среди населения центральных городских районов (в 2000 г. таковых было среди всех живущих там 16,1%). В пригородах также проживают бедные люди, однако их всего 7,8%. Таким образом, общий показатель малоимущего городского населения равен 10,8%, что несколько ниже 13,4%, характерных для сельской местности. На карте США 11.2 отображено распределение уровня доходов, а также указаны регионы, где бедность наиболее сильна¹.

Объяснения бедности

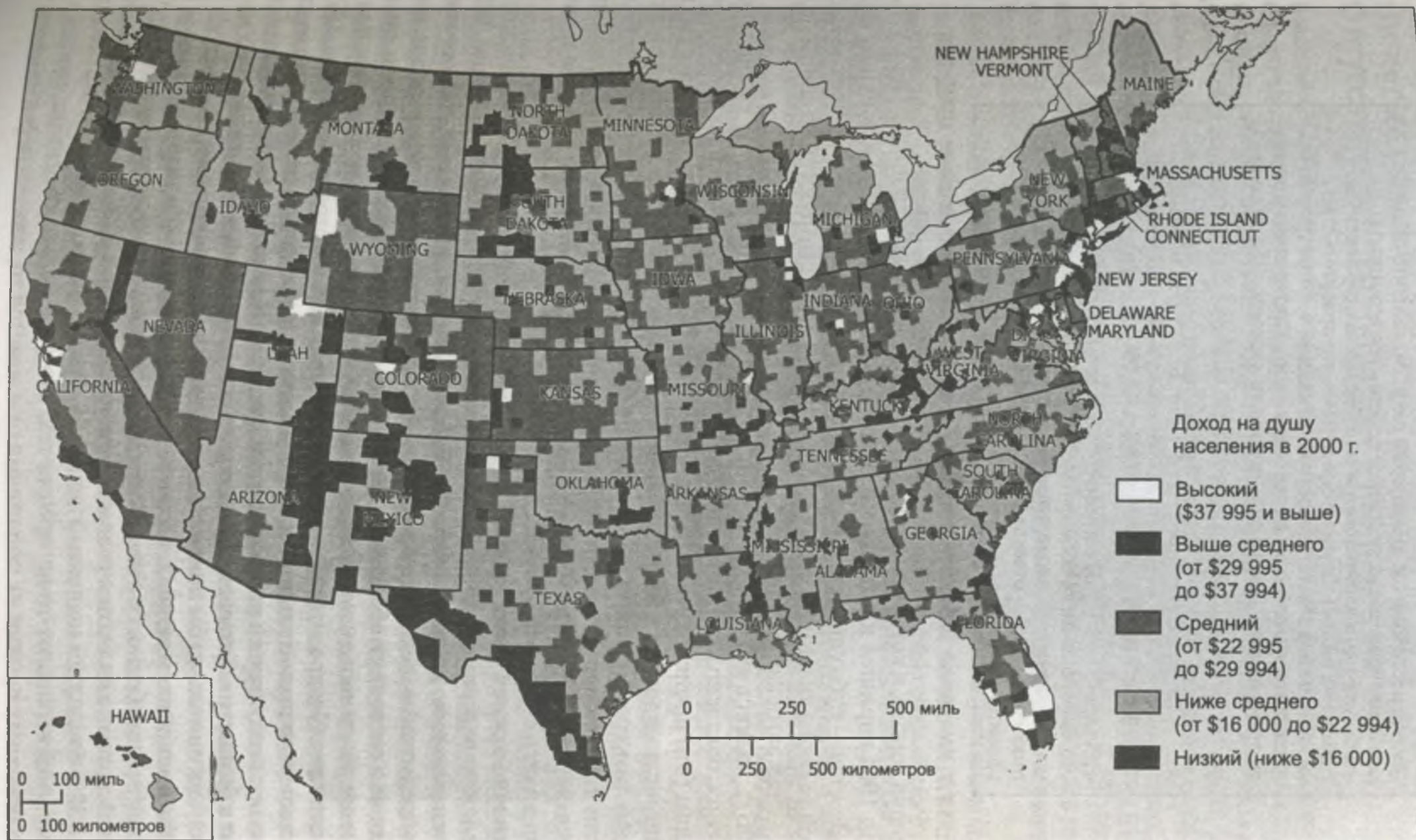
Существование в самой богатой стране десятков миллионов бедняков наводит на серьезные размышления. Но бесспорно и то, что многие люди, официально считающиеся в США малоимущими, живут гораздо лучше, чем относимые к такой же категории граждане других стран: 41% бедных американских семей имеют собственный дом (в среднем с тремя спальными комнатами и гаражом), 60% — стиральную машину, 70% — автомобиль, а 97% — цветной телевизор. Более того, только несколько процентов людей отмечают, что часто испытывают голод (Rector, 1998; Gallagher, 1999). Тем не менее у миллионов американцев слишком низкий доход, чтобы они могли вести здоровый образ жизни.

На рис. 11.7 показано, что в американском обществе нет согласия по поводу того, что следует предпринять для искоренения бедности. Одна четвертая часть респондентов, ответы которых получены в ходе национального опроса, заявили, что бедным людям должно помогать государство; чуть большее количество полагают ответственными самих бедняков. Почти 42% занимают позицию посередине, считая, что ответственность лежит и на правительстве, и на самих людях.

Далее мы подробнее рассмотрим два различных отношения к бедности, которые вызывают активные политические дебаты.

Одна точка зрения: во всем виноваты сами бедные. Сторонники этой точки зрения утверждают, что *в своей бедности, как правило, виноваты сами бедняки*. Граждане Соединенных Штатов всегда ценили уверенность в себе и считали, что социальное положение обусловлено преимущественно талантом и усердием человека. Согласно такому представлению, общество предоставляет много возможностей каждому, кто хочет ими воспользоваться. Получается, что все бедняки или не могут, или не желают работать. Это люди, обладающие слабо развитыми навыками, имеют плохое образование и низкую мотивацию. Такой аргумент отражает правый полюс континуума, показанного на рис. 11.7.

¹ На этой карте показан медианный доход на душу населения (т. е. сколько денег в среднем тратил человек) в более чем 3000 образующих США округов; данные за 2000 г. И самые богатые округа, обозначенные темно-зеленым цветом, и самые бедные (темно-красным) образуют показательную картину. Глядя на карту, что можно сказать о закономерностях распределения богатства и бедности в США? Подтверждают ли эти закономерности наше утверждение о том, что богатство характерно для городов, а бедность — для сельской местности?

Карта США 11.2. Доход на душу населения в США за 2000 г. Источник: *American Demographics*, April, 2000 г., pp. 42–43

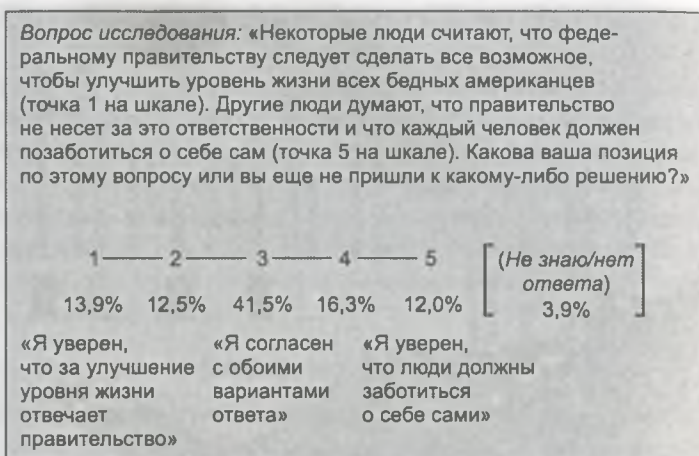

Рис. 11.7. Кто отвечает за бедность, правительство или сами бедняки? Источник: NORC, 2001

Исследуя города, в которых живут латиноамериканцы, антрополог Оскар Льюис (Lewis, 1961) пришел к выводу, что многие бедняки попадают в ловушку *культуры бедности* — субкультуры низшего класса, подавляющей человеческие амбиции. Пройдя социализацию в семьях малоимущих, дети смиряются со своим положением, — так замыкается круг.

В 1996 г., надеясь его разорвать, конгресс США изменил систему социального обеспечения, согласно которой федеральные средства выделялись на помощь бедным людям (это происходило с 1935 г.). И сейчас федеральное правительство перечисляет штатам деньги для поддержки нуждающихся, но устанавливает строгий временной лимит: в большинстве случаев не более 2 лет подряд и в целом не более 5 лет, если человек периодически пользуется системой социального обеспечения. Цель заключается в том, чтобы люди перестали зависеть от правительства и начали обеспечивать себя сами.

Противоположная точка зрения: во всем виновато общество. Согласно другой позиции, которую отстаивает Уильям Джулиус Уилсон (Wilson, 1996a, b; Mouw, 2000), *в бедности виновато главным образом общество*. Уилсон утверждает, что основная причина последней — недостаток рабочих мест в центральных районах городов, из-за чего люди не в состоянии обеспечить свои семьи. Он считает, что пассивность бедняков является *результатом малых возможностей, а не причиной их положения*. В этом смысле позиция Оскара Льюиса — осуждение жертв за их страдания (Ryan, 1976). Утверждение, что правительство должно помочь в преодолении бедности, отражает левый полюс континуума, показанного на рис. 11.7. В разделе «Отсутствие работы приводит к бедности» приведена более подробная информация об аргументах Уилсона и о том, как они могли бы повлиять на государственную политику.

Оценка имеющихся данных. Какие же подтверждения той или иной позиции относительно причин бедности существуют? Официальная статистика показывает, что 48% людей, которые являются главами бедных семейств, в 2000 г. не работали вообще, а еще 32% трудились неполный день (U.S. Census Bureau, 2001). Эти факты, по видимому, подтверждают точку зрения тех, кто во всем винит бедных, поскольку одной из основных причин их положения оказывается то, что *они не работают*.

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Отсутствие работы приводит к бедности

В экономике США за последние десятилетия созданы десятки миллионов новых рабочих мест. Однако афроамериканцам, проживающим в центральных районах городов, катастрофически не хватает работы. Как указывает Уильям Джулиус Уилсон, несмотря на популярность разговоров о реформе системы социального обеспечения, ни одна крупная политическая партия (демократов или республиканцев) не затрагивает вопрос об отсутствии работы в городах.

Ликвидация рабочих мест там, продолжает Уилсон, впервые в истории США привела к тому, что значительная часть взрослых горожан нашей страны не работает. Изучая район Вашингтон-Парк в Чикаго, автор выявил одну вызывающую беспокойство тенденцию. В 1950-х гг. большинство взрослых афроамериканцев, жителей этого района, имели работу, а в середине 1990-х $\frac{2}{3}$ были безработными. Вот как объяснила обстоятельства одна пожилая женщина, переехавшая в этот район в 1953 г.:

«Когда я приехала сюда, здесь все было хорошо. Были прекрасные дома, небольшие особняки, магазины, прачечные и химчистка, принадлежавшая китайцам. У нас были аптеки. У нас были гостиницы. На 39-й улице работали несколько врачей. У нас был средний класс и высший его слой. Однако район превратился из богатого в то, что он представляет собой сегодня» (Wilson, 1996b).

Но почему все пришло в упадок? Восьмилетнее исследование Уилсона позволило найти ответ. В районе почти не осталось рабочих мест. Потеря работы ввергла людей в состояние отчаянной бедности, ослабила семьи и заставила обратиться за социальным пособием. Уилсон подсчитал, что в соседнем районе Вудлаун в 1950 г. находилось более 800 фирм; сегодня осталось лишь 100. Более того, некоторые крупные работодатели прошлого поколения — включая компании *Western Electric* и *International Harvester* — в конце 1960-х гг. были вынуждены закрыть свои заводы. Центральные районы городов стали жертвами экономических изменений, в том числе сокращений, затронувших компании, которые перенесли производства и соответственно рабочие места в другие страны.

Уилсон рисует мрачную картину. Но он также полагает, что решение существует: создать новые рабочие места. Он предлагает сделать это поэтапно. Сначала правительство могло бы нанять людей на любую работу, включая расчистку трущоб и строительство новых домов. Такая программа, напоминая реализованную Управлением общественных работ (*WPA*) в 1935 г. во время Великой депрессии, позволила бы людям отказаться от социального обеспечения и дала бы не только работу, но и надежду. В дополнение к этому федеральное правительство и органы власти штатов должны улучшить школьное образование, повысив его стандарты и обеспечив лучшее финансирование школ. Особенно важно обучить детей языковым и компьютерным навыкам, чтобы подготовить к профессиям, появившимся в результате информационной революции. Улучшение системы местного общественного транспорта позволило бы соединить города (где высок уровень безработицы) и пригороды (где находится большинство рабочих мест). В дополнение к этому следовало бы реализовать особые программы, чтобы одинокие матери и отцы могли совмещать воспитание детей и работу.

Как утверждает Уилсон, его предложение основано на данных исследований. Но он знает, что политики руководствуются иными соображениями. Так, если общество считает, что рабочих мест достаточно, бедные люди воспринимаются как не желающие трудиться, а это делает любые реформы маловероятными. Более того, автор признает, что его предложение, по крайней мере на начальном этапе, приведет к крупным затратам, превышающим выплаты по социальному обеспечению.

Но что будет, если и дальше города будут хиреть, пригороды процветать? Или если нынешнее поколение дошкольников пополнит ряды безработных? Какие бы выгоды мы получили, если бы дали каждому человеку надежду и он оказался удовлетворен своим положением, чем и определяется наш образ жизни?

А что думаете вы?

1. Почему, на взгляд Уилсона, многие центральные районы американских городов так бедны?
2. Что, по его мнению, можно сделать, чтобы справиться с этой проблемой?
3. Согласны ли вы с его анализом бедности? Почему?

Источник: Wilson, 1996b.

Однако *причины*, приводящие к этому, подкрепляют позицию осуждения общества. Женщины, относящиеся к среднему классу, могут совмещать работу и воспитание детей, но это намного сложнее для бедных американок: им невозможно отдать ребенка в детский сад; и лишь очень немногие работодатели реализуют программы ухода за детьми своих сотрудников. Более того, как объясняет Уильям Джулиус Уилсон, многие люди безработные не потому, что избегают труда, а из-за нехватки мест. Таким образом, у большинства бедняков в США практически нет выбора (Popkin, 1990; Schiller, 1994; Edin & Lein, 1996; Wilson, 1996a; Pease & Martin, 1997; Duncan, 1999).

Работающие бедняки. Но не все бедные люди — безработные; есть и *работающие бедняки*, вызывающие симпатию и поддержку у всех людей вне зависимости от взглядов на причины данного явления (Schwarz & Volgy, 1992). В 2000 г. 20% бедных глав домохозяйств (1,3 млн женщин и мужчин) работали 50 недель в году и все же не могли выбраться из нищеты. Еще 32% глав семейств (2,1 млн человек) оставались малоимущими, несмотря на частичную занятость. Около 3% людей, работающих полный день, получают так мало, что остаются бедными (U.S. Census Bureau, 2001). Они страдают от низкого дохода не столько из-за того, что плохо трудятся, сколько из-за низкого заработка. Получая \$6 в час (что выше минимальной почасовой зарплаты в \$5,15), американец, живущий в городе, не в состоянии освободить свою семью из тисков бедности.

Итак, индивидуальные способности и личная инициатива оказывают влияние на социальное положение каждого человека. Однако многие социологические исследования показывают: основная причина бедности коренится в устройстве общества, а не в чертах личности человека. Должно быть, не все в порядке именно с ним, потому что от бедности страдают целые *категории* людей — семьи одиноких женщин, расовые меньшинства, люди, изолированные от других в центральных районах городов. Перед ними всеми стоит множество барьеров, а возможности их ограничены.

Отсутствие жилья

Точное количество бездомных людей неизвестно. Сотрудники Бюро переписи населения ночью 27 марта 2000 г. вышли на улицы американских городов, чтобы провести однодневную перепись бездомных. Они насчитали в приютах 170 706 человек. Однако эксперты сходятся во мнении, что реальное число не имеющих крыши

Бездомные люди существуют и в США, и в других странах, где средний уровень доходов высок. На этом фото изображены бездомные, собравшиеся под мостом в Гамбурге (Германия). Как вы думаете, почему общество не считает проблему бездомности (и в целом бедности) серьезной социальной проблемой?

над головой может достигать 500 тыс. *ежегодно* и в 3 раза больше — до 1,5 млн в *определенный период года* (Kozol, 1988; Wright, 1989; U.S. Census Bureau, 2000; Wickham, 2000).

На смену былым стереотипам о бездомных (мужчина, спящий у дверей, и женщина, перевозящая все свое имущество в магазинной тележке) пришли новые образы: это люди, потерявшие работу в результате закрытия завода, выселенные из-за увеличения квартплаты или перестройки кондоминиума, не способные выкупить закладную за дом или погасить ренту из-за низкого дохода или полного отсутствия работы. Сегодня ни один стереотип не позволяет получить полное представление о бездомных людях.

Большинство таковых указывают, что нигде не работают, но 44% отмечают, что частично заняты (HUD, 1999). Независимо от этого практически всех объединяет одна черта — *бедность*. Соответственно уже приведенные объяснения бедности справедливы и относительно тех, у кого нет жилья. Некоторые люди считают, что *всему виной личные черты* бездомных. Третий последних страдает от наркотической зависимости, а четверть — психически больные. Вовсе не удивительно, что 1% американцев по тем или иным причинам не может приспособиться к жизни в нашем сложном и конкурентном обществе (Bassuk, 1984; Whitman, 1989).

Другие ученые считают, что лишения бездомных обусловлены *социальными факторами*, включая низкий доход и отсутствие дешевого жилья (Kozol, 1988; Schutt, 1989; Bohannan, 1991). Странники такой точки зрения указывают, что $\frac{1}{3}$ всех без-

домных составляют целые семьи, причем дети — самая быстро растущая категория среди них. Чиновник одного города в штате Пенсильвания, в котором из-за закрытия завода исчезло несколько сотен рабочих мест, так описывает последствия экономического спада:

Да, есть новые рабочие места. Есть новые рестораны *McDonald's* и *Burger King*. Вы можете заработать вполне [достаточно], чтобы заплатить за жилье. Но что вы будете делать, если кто-нибудь заболеет? На что вы будете покупать еду и одежду? Возможно, это хорошая работа для подростка, но позволит ли она 30-летнему мужчине, который работал на *General Motors* с восемнадцати лет, обеспечить нормальную жизнь жене и детям? Можно убирать комнаты в гостинице... Можете ли вы представить, что мать-одиночка с 3 детьми сможет обеспечить их и себя, убирая комнаты? (Kozol, 1988).

Никто не спорит, что у многих бездомных отмечаются те или иные расстройства личности, но неизвестно, в какой мере это причина, а в какой — следствие. Структурные изменения в американской экономике, сокращение субсидий людям с низким доходом, а также подорожание жилья, которое стало не по карману беднякам, — все эти факторы способствуют увеличению числа бездомных (Ratnesar, 1999).

Большинство из них живут в городах. Проведенное Министерством жилищного строительства и городского развития обследование более чем 4 тыс. бедняков (большинство из них на момент интервью были бездомными) из разных регионов США показало, что 92% жили в городах, в том числе 71% — в центральных их частях, 21% — в пригородах. Только 8% бездомных оказались из сельской местности (HUD, 1999). Сельские бездомные не только встречаются реже, но и менее заметны. Как сказал один доброволец из сельского округа штата Огайо: «Здесь не увидишь людей, спящих в парке или под мостом» (Splain, 2000). Однако находящиеся в этом небольшом округе (около 15 тыс. жителей) агентства по оказанию социальной помощи обслуживают около 400 человек в год. Некоторые из бездомных находятся в округе временно, переезжая с места на место; другие живут у друзей или родственников, а третьи спят в автомобиле. Этот изменчивый образец поведения и объясняет, почему люди, живущие в сельской местности, могут не осознавать, что в их сообществе также есть бездомные.

Необходимо подчеркнуть, что социальная стратификация характеризует не только США. По сути, наиболее выраженное социальное неравенство обнаруживается не в пределах одной страны, а при сравнении уровня жизни людей из различных государств. В главе 12 проблема социального расслоения будет рассмотрена более широко, там также затрагивается вопрос о глобальном неравенстве.

Резюме

1. Социальная стратификация в США подразумевает неравенство по различным признакам, включая доход, богатство и власть.
2. Профессии «белых воротничков» обычно обеспечивают более высокий доход и престиж, чем профессии «синих воротничков». Многие должности, которые обычно занимают женщины, имеют более низкий социальный престиж и приносят меньший доход.

3. Возможность получения образования также неодинакова для различных людей: более 80% тех, кто старше 25 лет, закончили среднюю школу, но лишь 20% закончили колледж.
4. На социальное положение человека влияют социальное происхождение, раса, этническая принадлежность, пол и религия.
5. Высший класс (5% населения) — это самые богатые и наиболее влиятельные семьи. Большинство членов верхнего слоя высшего класса, или «старых богачей», получают состояние по наследству; состояние же представителей нижнего слоя высшего класса, или «новых богачей», проистекает из их высоких доходов.
6. Люди, принадлежащие к среднему классу (от 40 до 45% населения), финансово обеспечены, но лишь некоторые из них (верхний слой) имеют значительное состояние.
7. Обладая доходом ниже среднего уровня, большинство представителей рабочего класса, или нижнего слоя среднего класса (33%), имеют профессии «синих воротничков», и лишь каждый третий ребенок таких родителей учится в колледже.
8. Примерно пятую часть американцев составляет низший класс; около половины этих людей живут ниже определенной правительством границы бедности. К низшему классу относится непропорционально большое число людей африканского и латиноамериканского происхождения, а также женщин.
9. Социальный класс определяет нашу жизнь, оказывая влияние на здоровье, установки и формы семейной жизни.
10. В США и других странах с высоким уровнем доходов наблюдается достаточно высокая социальная мобильность, однако изменения от поколения к поколению незначительны.
11. Глобализация экономики привела к увеличению состояния богатых семей США, но не изменила или даже уменьшила уровень жизни семей с низким уровнем дохода.
12. Правительство причисляет 31,1 млн людей к бедным. Примерно 40% бедняков — дети до 18 лет. Две трети — белые, однако среди афроамериканцев и латиноамериканцев в процентном отношении бедняков больше. *Феминизация бедности* означает, что главой в бедных семьях являются женщины.
13. Согласно представлению о *культуре бедности*, последняя обусловлена определенными недостатками самих малоимущих. Другие полагают, что бедность вызвана неравным распределением рабочих мест и состояний в обществе.
14. В нашей культуре придается большое значение индивидуальной ответственности; это позволяет понять, почему социальная помощь беднякам уже долгое время вызывает много споров.

Основные понятия

Абсолютная бедность — нехватка ресурсов, угрожающая жизни людей.

Доход — заработная плата плюс прибыль от инвестиций.

Относительная бедность — плохое материальное положение некоторых людей относительно других.

Состояние — общая величина денежных и других активов за вычетом непоплаченных долгов.

Социальная мобильность внутри поколения — изменение социальной позиции, происходящее в течение жизни человека.

Социальная мобильность между поколениями — восходящая или нисходящая социальная мобильность детей по сравнению с родителями.

Феминизация бедности — тенденция, которая выражается в том, что среди бедняков возрастает относительное число женщин.

Вопросы для размышления

1. Если бы вы пытались оценить социальный класс человека и могли задать ему только один вопрос, о чем бы вы спросили? Почему?
2. В июне 2001 г. 66-летний пенсионер из штата Калифорния, бывший бакалейщик выиграл в лотерею \$141 млн, правда после вычета налогов он получит меньше, \$42,3 млн. Сделает ли это его представителем высшего класса? Объясните свой ответ.
3. Как вы оцениваете поддержку по классовому принципу? То есть следует ли нашему обществу предоставлять людям из семей, принадлежащих к низшему классу, льготы при поступлении в колледж и приеме на работу? Почему?
4. Наше общество всегда готово помочь «достойным» беднякам, в том числе пожилым людям, которые не могут о себе позаботиться. В то же время мы менее добры по отношению к «недостойным беднякам» — трудоспособным людям, которые, как считается, сами могут справиться со своими проблемами, но не делают этого. Почему же, на ваш взгляд, мы не прилагаем больше усилий, чтобы снизить уровень бедности среди детей, которые, несомненно, относятся к категории «достойных бедняков»?

Глобальная стратификация

В течение многих месяцев муссонные дожди заливали Филиппины. Наконец, к общей радости, ливни закончились. У огромной мусорной свалки в Маниле собрались люди, вышедшие из своих лачуг, чтобы насладиться солнцем. Затем эти нищие начали копать в горах мусора, пытаясь отыскать что-нибудь ценное для продажи.

Но утро обернулось трагедией: одна из огромных мусорных куч с грохотом обвалилась, погребя под собой дома и людей. Все произошло за мгновение, после чего наступила жуткая тишина.

Через несколько часов спасатели с помощью экскаваторов и лопат приступили к разбору завалов в надежде обнаружить оставшихся в живых. Рабочие и добровольцы надели повязки на лица, чтобы защитить себя от зловонных испарений разлагающихся отходов. К полудню приблизительно 60 человек были спасены. Но по крайней мере 300 оказались погребены под кучами мусора, и лишь немногие из них остались в живых.

День подходил к концу. Пострадавшие и их друзья сидели и плакали. Их взору открывалась печальная картина — все, что осталось от их маленького мира, по иронии судьбы названного «землей обетованной» (по материалам *Associated Press*, 2000).

Возможно, вы удивитесь, узнав, что на мусорной свалке Манилы живут тысячи людей. То же происходит и в Каире, Мехико и многих других больших городах в странах, где уровень доходов низкий. Эти люди — лишь малая толика из примерно 1 млрд человек, которые каждый день упорно трудятся и остаются по сути нищими. Как станет ясным из этой главы, хотя бедность существует и в США, понять ее во всех аспектах возможно только в глобальной перспективе.

Глобальная стратификация: краткий обзор

В главе 11 («Социальные классы в США») описано неравенство, существующее в США. Но в глобальной перспективе социальная стратификация выражена намного резче. На рис. 12.1 показано распределение всемирного дохода между 5 категориями населения. Вспомните, что самые богатые 20% американцев владеют 47% национального дохода (см. рис. 11.1). Однако наиболее богатые — 20% всего человечества — получают около 80% мирового дохода. На другом полюсе континуума — беднейшие 20% американцев, которым принадлежат 4% национального дохода, в то же время та же $\frac{1}{5}$ часть мирового населения пытается выжить на 1% всемирного дохода.

Поскольку последний в значительной мере сконцентрирован в руках одной группы лиц, в Соединенных Штатах даже люди, зарабатывающие меньше установленной правительством границы бедности, живут намного лучше, чем большинство людей на земле. Среднестатистический американец или житель другой развитой страны по мировым стандартам довольно богат. Состояние трех самых богатых в мире *людей* равняется валовому внутреннему продукту (ВВП) 48 самых бедных *стран* (Annan, 1998).

Несколько замечаний о терминологии

Согласно модели, принятой после Второй мировой войны для описания глобальной стратификации, развитые промышленные страны назывались «первым миром», менее развитые социалистические — странами «второго мира», неиндустриальные, бедные государства — «третьим миром». Но такая модель более не актуальна. Она родилась в эпоху холодной войны, когда капиталистический Запад («первый мир») противостоял социалистическому Востоку («второй мир»), а другие страны («третий мир») оставались более или менее вне игры. Но стремительные изменения в Восточной Европе и крах Советского Союза показали, что словуто «второго мира» более нет.

Еще одна проблема состоит в том, что, по данной модели, в состав «третьего мира» входят более 100 стран. Однако в некоторых из них (например, в Чили) ВВП на душу населения в 15 раз выше, чем в беднейших государствах этой группы (скажем, в Эфиопии).

Доля мирового дохода

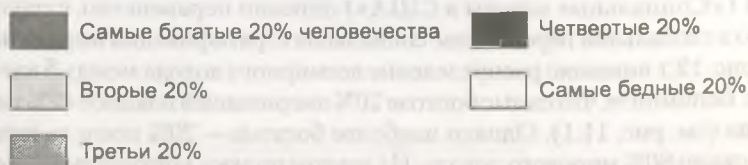
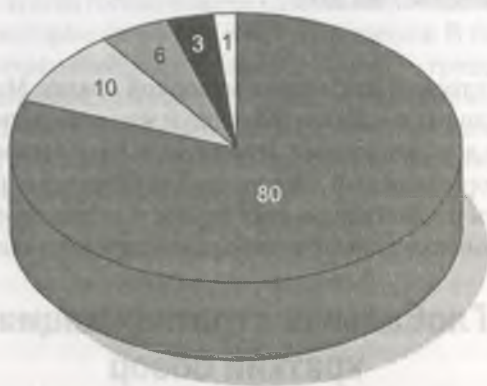

Рис. 12.1. Распределение мирового дохода. *Источники:* рассчитано автором на основе данных United Nations Development Programme, 2000; The World Bank, 2001

Такие факты требуют пересмотреть принципы классификации. Мы выделяем *страны с высоким уровнем доходов* как наиболее богатые, их 40. Затем следуют 90 *стран со средним уровнем доходов*, экономическое развитие которых более или менее типично для мира в целом. Наконец, остальные 60 *стран с низким уровнем доходов* имеют самый плохой показатель производства и отличаются беспросветной и повсеместной нищетой населения.

У этой новой модели есть два преимущества по сравнению с устаревшей системой «трех миров». Во-первых, она исходит из экономического развития, не разделяя государства на капиталистические и социалистические. Во-вторых, лучше отражает различия между странами, поскольку те из них, где уровень доходов низкий, не объединяются в группу «третьего мира».

Однако классификация 192 существующих на земле стран по трем категориям неизбежно приводит к нивелированию многообразия. Каждая из них имеет свою богатую историю, разные государственные языки и особую культуру.

Следует также иметь в виду, что в любой стране существует ее внутренняя стратификация. Таким образом, степень глобального неравенства больше, чем показывает сравнение разных государств, поскольку самые богатые люди в наиболее обеспеченных странах (таких, как США) живут на недостижимой высоте по сравнению с наиболее беднейшими жителями тех стран, где уровень доходов крайне низкий (например, Гаити, Судан и Индия).

Страны с высоким уровнем доходов

В странах, где индустриальная революция произошла 200 лет назад, производительность труда возросла более чем в 100 раз. Чтобы понять возможности индустриальной технологии — и еще более новой технологии, которая является частью информационной революции, — представьте, что маленькая европейская страна Нидерланды производит больше продукции, чем обширная часть африканского континента к югу от пустыни Сахара; аналогично крошечная Бельгия по объему производства обгоняет всю Индию.

Если вы вернетесь к карте мира 1.2, найдете на ней 40 стран с самым высоким в мире уровнем дохода. Это Соединенные Штаты и Канада, Аргентина, страны Западной Европы, Израиль, Саудовская Аравия, Сингапур, Гонконг (теперь в составе Китайской Народной Республики), Япония, Южная Корея, Австралия и Новая Зеландия.

Страны с наиболее развитой экономикой занимают почти 25% всей территории Земли, располагаясь на 5 континентах, хотя и расположены преимущественно в северном полушарии. В 2002 г. их население составило около 1 млрд человек, или примерно 18% общемирового. Три четверти из них живут в городах или пригородах.

Между странами с высоким уровнем доходов существуют значительные культурные различия. Например, в Европе более 30 языков признаны в качестве официальных. Однако для них характерно наличие развитой промышленности, которая обеспечивает общий высокий достаток людей. Доход на душу населения колеблется от \$10 тыс. в год (в Словакии и Саудовской Аравии) до более чем

\$25 тыс. (в США и Норвегии)¹. На жителей этих стран приходится более половины всего мирового дохода.

Производство в богатых регионах мира является капиталоемким; это предприятия, оснащенные крупным машинным оборудованием и работающие по передовой технологии. Страны с высоким уровнем доходов возглавляют информационную революцию; здесь не только живет большинство пользователей компьютеров, но также расположены центральные офисы многих самых крупных корпораций, разработчиков и продавцов компьютерной техники. Кроме того, эти страны контролируют всемирные финансовые рынки, поэтому ежедневные события на биржах Нью-Йорка, Лондона и Токио затрагивают интересы людей во всем мире.

Страны со средним уровнем доходов

В странах со средним уровнем доходов на душу населения приходится от \$2500 до \$10 тыс. Они занимают срединное положение в списке всех государств (но более высокое по показателям благосостояния населения, поскольку большинство людей живет в самых бедных регионах мира). Две трети их населения — городские жители, занятые, как правило, в промышленности. Одна треть проживает в сельской местности; это в основном бедняки; там ощущается нехватка школ, медицинских учреждений, нормального жилья и даже питьевой воды.

Если посмотреть на карту мира 1.2, можно заметить, что почти 90 государств попадают в категорию стран со средним уровнем доходов. Этот список возглавляют Чили (Латинская Америка), Южно-Африканская Республика (Африка) и Малайзия (Азия), где годовой доход равен \$8500. Список замыкают Эквадор (Латинская Америка), Албания (Европа), Египет (Африка) и Индонезия (Азия), в которых соответствующий показатель составляет около \$3 тыс.

Особую группу стран со средним уровнем доходов образуют республики бывшего Советского Союза и страны Восточной Европы (в прошлом — «второй мир»). Там доминировала социалистическая экономика, но народные восстания 1989 и 1991 гг. привели к смене правительств. С тех пор в этих странах стали внедряться рыночные системы, хотя результаты этого оказались сильно различающимися. В некоторых (например, в Эстонии) отмечается рост экономики, тогда как жизненный уровень в других (например, в России) упал.

Вторая, самая большая, категория стран со средним уровнем доходов включает Чили и Бразилию в Южной Америке и Алжир и Ботсвану в Африке. Хотя белое меньшинство в Южной Африке живет так же, как жители Соединенных Штатов, эту страну считают менее развитой, поскольку преобладающее там чернокожее население имеет гораздо меньший доход.

В целом страны со средним уровнем доходов занимают примерно 47% территории планеты, их население равно 3,3 млрд человек (более половины человечества).

¹ В развитых странах годовой доход на душу населения составляет не менее \$10 тыс. Для стран со средним и низким доходом эта цифра колеблется от \$2500 до \$10 тыс. и от \$2500 и меньше соответственно. Все данные отражают используемое ООН понятие «паритетов покупательной способности валют», которое позволяет избежать искажений, вызванных обменными курсами при переводе валют в доллары США. Данные представляют покупательную способность каждой национальной валюты.

Некоторые страны (например, Россия) менее густонаселенные, чем другие (например, Сальвадор), но в отличие от тех, где уровень доходов высокий, плотность населения в них выше.

Страны с низким уровнем доходов

Страны с низким уровнем доходов, где большинство людей бедны, — аграрные общества со слабо развитой промышленностью. Многие из 60 этих государств, отмеченных на карте мира 1.2, находятся в Африке и Южной Азии. Они занимают 28% территории Земли, и в них живут 28% человечества. Плотность населения высока, хотя она больше в азиатских странах (таких, как Бангладеш и Индия) чем в центральноафриканских (например, Чаде и Демократической Республике Конго).

В бедных странах 31% людей живут в городах; большинство же населяют деревни, сохраняя уклад жизни своих предков. Одна вторая всего человечества — крестьяне, которые следуют устоявшимся культурным традициям. При ограниченной индустриальной технологии труд этих людей не очень производителен, что является одной из причин крайней бедности. Голод, болезни и скверное жилье характеризуют жизнь бедняков.

Жителям таких богатых стран, как США, трудно представить масштабы нищеты. Время от времени показываемые по телевидению репортажи о голоде в очень бедных странах — например, из Эфиопии и Бангладеш, производят шокирующее впечатление: бедность заставляет людей день за днем буквально бороться за выживание. За этим видны культурные, исторические и экономические факторы, которые будут рассмотрены далее.

Япония относится к странам с высоким уровнем доходов; индустриальная технология и экономический рост привели к материальному процветанию этих государств. Действие рыночных механизмов становится понятным, если посмотреть на центр Токио (фотография сверху слева). Российская Федерация относится к числу стран со средним уровнем доходов. Индустриальное развитие и эффективность экономики при социализме оказались заторможены; в результате жители Москвы должны были стоять в длинных очередях за самым необходимым (фотография сверху справа). Остается надеяться, что введение рыночной системы поднимет жизненный уровень, хотя в ближайшей перспективе российские граждане должны будут смириться с усилением экономического неравенства. Бангладеш (фотография слева внизу) представляет страны с низким уровнем доходов. Как видно, экономическое развитие этих стран сдерживается, а население быстро увеличивается. В результате бедность становится распространенной

Мировое богатство и бедность

14 октября, Манила, Филиппины. Удивительно, насколько аккуратной выглядела та девочка 7–8 лет. Она была одета в чистое платье; волосы тщательно причесаны. Ее взгляд следовал за нами; американцы с видеокамерой заметно выделяются в этом районе, одном из беднейших в мире.

Костры, вызываемые метаном, выделяющимся от разлагающегося мусора, никогда не гаснут на Дымящейся горе – обширной свалке мусора на северной окраине столицы Филиппин (о ней упоминалось в начале главы). Дым окутывает горы отходов, подобно густому туману. Но Дымящаяся гора не просто свалка; это дом для тысяч людей. Ее жители – беднейшие из бедных. Трудно вообразить условия, столь неприспособленные для существования, чем там. Нищие делают все возможное, чтобы выжить. Они собирают полиэтиленовые пакеты от мусора, которые затем моют в реке, картонные коробки и все, что могут продать. И повсюду ходят дети, которые уже сполна осознают, что такое неравенство. Какие у них перспективы, если они живут в семьях, доход которых составляет всего несколько сотен долларов в год? У них нет шанса получить образование, остается год за годом вдыхать зловонную атмосферу свалки.

На фоне этой человеческой трагедии выделяется одна прекрасная маленькая девочка, надевшая новое платье и вышедшая поиграть.

Затем водитель такси везет нас через заполненные транспортом улицы в другой район Манилы. Разница ошеломляет: удушливого дыма и запаха нет и в полнине; здесь открываются такие виды, которые можно встретить в Майами или Лос-Анджелесе. На заливе виднеются яхты. Больше нет изрытых колеями улиц; теперь мы спокойно скользим по широким бульварам, заполненным дорогами японскими автомобилями. Проезжаем мимо торговых центров, дорогих гостиниц и высотных офисных зданий. Тут и там попадаются замечательные особняки, вход в которые тщательно охраняется. В высотных зданиях с кондиционерами живут богачи Манилы, и в этих районах работают многие из бедняков.

Филиппины, относящиеся к странам со средним уровнем доходов, или Индия, где доходы населения крайне низкие, ярко демонстрируют вопиющую бедность. Действительно, огромное множество людей существует на несколько сотен долларов в год. Это означает, что бремя бедности в таких странах намного тяжелее, чем положение бедняков в Соединенных Штатах. Впрочем, и в США данная проблема не является второстепенной. В богатейшей стране национальной трагедией становится нехватка пищи, не соответствующее стандартам жилье и отсутствие медицинского обслуживания, чего не имеют десятки миллионов людей. Однако нищета в бедных странах – явление более суровое и более распространенное, чем в США.

Масштабы бедности

Нищета в бедных странах гораздо тяжелее, чем в богатых. Данные, приведенные в табл. 12.1, показывают причины такого положения. Первая колонка цифр показывает валовой внутренний продукт (ВВП) стран с высоким, средним и низким уров-

нем доходов¹. Соединенные Штаты, огромная индустриальная страна, имела в 1999 г. валовой внутренний продукт больше \$9 трлн; валовой внутренний продукт Японии превышал \$4 трлн. Сравнение цифр показывает, что уровень производства в самых богатых странах мира в тысячи раз выше, чем в наиболее бедных.

Во второй колонке цифр (табл. 12.1) указан уровень ВВП на душу населения, высчитанный согласно «паритету покупательной силы валют», — тому, что люди могут купить на свои деньги в собственной стране (United Nations, 1995). ВВП на душу населения в таких богатых странах, как США, Франция и Канада, очень высок — более \$20 тыс. В странах со средним уровнем доходов, например в Ботсване и Литве, эти цифры намного ниже — около \$6500. В странах с низким уровнем доходов ВВП на душу населения составляет несколько сотен долларов. Житель Демократической Республики Конго или Эфиопии, например работает почти целый год, чтобы получить столько, сколько обычный рабочий в Соединенных Штатах зарабатывает за несколько дней.

В последней колонке табл. 12.1 приведены показатели качества жизни в перечисленных странах. Этот индекс, рассчитанный ООН, учитывает доход, образование (степень грамотности среди взрослых и продолжительность обучения) и среднюю продолжительность жизни. Величина индекса указана в десятичных дробях и колеблется между гипотетическими крайними значениями — 1 (самый высокий показатель) и 0 (самый низкий). Согласно этим подсчетам, норвежцы имеют наиболее высокий показатель качества жизни (0,939), за ними с небольшой разницей идут американцы (0,934). На другом конце списка находится африканская страна Сьерра-Леоне, жители которой имеют самый низкий показатель качества жизни (0,258).

Данные различия обусловлены тем, что эффективность производства наиболее низкая именно там, где наиболее высок природный ресурс населения. На рис. 12.2 показано, как распределяется население Земли и всемирный доход по регионам с разными уровнями экономического развития. Богатые страны имеют явное преимущество: они располагают 79% всемирного дохода, хотя в них живет лишь 18% человечества. Жители стран со средним уровнем составляют 54% от населения всего мира, на них приходится 18% глобального дохода, а на остальные 28% населения планеты — всего лишь 3% доходов. Таким образом, на каждый \$1, полученный человеком из бедной страны, житель богатой имеет \$41.

Относительная и абсолютная бедность. Различие между относительной и абсолютной бедностью, отмеченное в главе 11, играет важную роль для глобального неравенства. Жители богатых стран, как правило, обращают внимание на *относительную бедность*, имея в виду, что отдельные люди испытывают недостаток в ресурсах, которые для других само собой разумеются. Относительная бедность встречается в любом обществе — будь то богатое или бедное.

¹ Эта карта показывает, в какой мере люди в различных регионах страны согласны с утверждением «Чем дальше, тем более мои ожидания относительно уровня жизни снижаются». В чем же заключается специфика регионов (включая район Апшачи в штатах Кентукки и Западная Вирджиния), где настолько сильно выражен пессимизм? Впрочем, так обстоит дело не только в бедных сельских районах. В богатых городах, включая Нью-Йорк, Чикаго и Лос-Анджелес, люди также боятся потерять свою работу.

Таблица 12.1

Богатство и благосостояние в глобальной перспективе (данные за 1999 г.)

Страна	Валовой внутренний продукт, \$млрд	ВВП на душу населения (с учетом паритета покупательной способности валют)*	Индекс качества жизни
Высокий уровень доходов			
Норвегия	153	28433	0,939
Австралия	404	24574	0,936
Канада	635	26251	0,936
Швеция	239	22636	0,936
США	9152	31872	0,934
Япония	4347	24898	0,928
Франция	1432	22897	0,924
Великобритания	1442	22093	0,923
Южная Корея	407	15712	0,875
Средний уровень доходов			
<i>Восточная Европа</i>			
Польша	155	8450	0,828
Литва	11	6656	0,803
Российская Федерация	401	7473	0,775
Украина	39	3458	0,742
<i>Латинская Америка</i>			
Мексика	484	8297	0,790
Венесуэла	102	5495	0,765
Бразилия	752	7037	0,750
<i>Азия</i>			
Малайзия	79	8209	0,774
Таиланд	124	6132	0,757
КНР	990	3617	0,718
<i>Ближний Восток</i>			
Иран	111	5531	0,714
Сирия	19	4454	0,700
<i>Африка</i>			
Алжир	48	5063	0,693
Ботсвана	6	6872	0,577
Низкий уровень доходов			
<i>Латинская Америка</i>			
Гондурас	5	2340	0,634
Гаити	4	1464	0,467
<i>Азия</i>			
Индия	447	2248	0,571
Бангладеш	46	1483	0,470

Страна	Валовой внутренний продукт, \$млрд	ВВП на душу населения (с учетом паритета покупательной способности валют)*	Индекс качества жизни
<i>Африка</i>			
Демократическая республика Конго	6	801	0,429
Гвинея	4	1934	0,397
Эфиопия	6	628	0,321
Сьерра-Леоне	1	448	0,258

* Эти данные приводятся согласно произведенному ООН подсчету паритета покупательной способности валют, который позволяет устранить искажения и отражает покупательную способность каждой внутренней валюты.

Источник: United Nations Development Programme, *Human Development Report, 2001* (New York: Oxford University Press, 2001).

Однако в глобальном ракурсе важнее *абсолютная бедность* — недостаток ресурсов, который угрожает жизни человека. Абсолютные бедняки недоедают или голодают, что ухудшает их здоровье и сокращает продолжительность жизни. Безусловно, такие люди встречаются и среди американцев. Однако бедность, выступающая непосредственной угрозой для жизни, характерна для незначительной части жителей США; а вот в странах с низким уровнем доходов, напротив, от $\frac{1}{3}$ и более населения отчаянно нуждаются.

Рис. 12.2. Соотношение между доходом и количеством населения в странах с различным уровнем экономического развития. Источники: рассчитано автором на основе данных United Nations Development Programme, 2000; The World Bank, 2001

Поскольку абсолютная бедность приводит к повышенной смертности, еще одним глобальным индикатором становится средняя продолжительность жизни. На карте мира 12.1 указан возраст, в котором умирает половина людей, родившихся в той или иной стране. В богатых регионах большинство доживает до 75 лет; в бедных половина всех смертей приходится на детей в возрасте до 10 лет.

Грань бедности

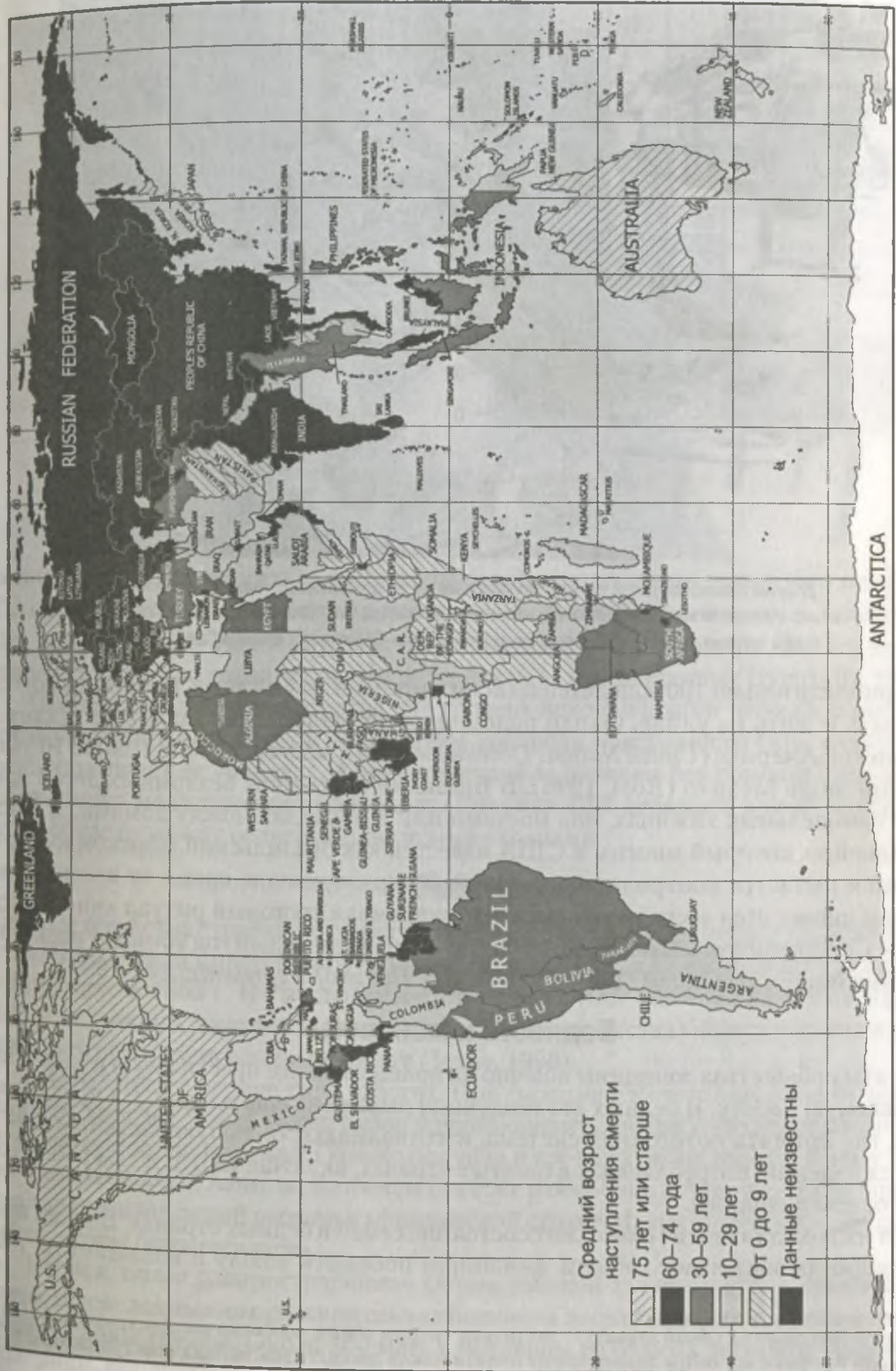
Нищета — явление, более распространенное в бедных, нежели в богатых странах (как, например, США). В главе 11 («Социальные классы в США») отмечалось, что правительство США официально относит к бедным 11% населения. Однако в странах с низким уровнем доходов подавляющее большинство людей живет не лучше, чем американские бедняки, а многие и того хуже. Как показано на карте мира 12.1, высокие показатели смертности среди детей в Африке свидетельствуют, что абсолютная бедность наиболее выражена там, где 50% жителей не хватает еды¹. Во всем мире 15% людей (около 1 млрд) постоянно испытывают хронический голод, который не позволяет им работать в полную силу и приводит к появлению заболеваний (Kates, 1996; *United Nations Development Programme*, 2001).

Взрослый житель такой богатой страны, как США, потребляет приблизительно 3500 калорий ежедневно — избыточное количество, вызывающее ожирение и соответствующие проблемы со здоровьем. Проживающий же в странах с низким уровнем доходов не только физически больше трудится, но и потребляет всего лишь 2000 калорий. В результате он постоянно недоедает — потребляет мало пищи или его рацион недостаточно сбалансирован. За 10 минут, которые требуются на чтение этого раздела главы, в мире умрут 300 больных и ослабленных от голода человек. В день их наберется 40 тыс. человек, или 15 миллионов ежегодно. Несомненно, борьба с голодом во всемирном масштабе — одна из самых серьезных задач человечества в XXI в.

Бедность и дети

В бедных обществах люди умирают рано, поскольку семьи испытывают недостаток в питании, безопасной воде, нормальном жилье и медицинском обслуживании. По оценке организаций, ведущих борьбу с детской бедностью, по крайней мере 100 млн городских детей в бедных странах занимаются попрошайничеством, воровством, проституцией или торговлей наркотиками, чтобы обеспечить доход для своих семей. Такая жизнь почти всегда означает, что дети не посещают школу и подвержены риску заболеваний и насилия. Многие девочки, не имея доступа к врачам, рано беременеют; им самим не на что жить, но они вынуждены кормить своих детей.

¹ На этой карте отмечена возрастная граница, означающая 1/3 всех смертей среди населения той или иной страны. Там, где уровень доходов высок, включая Соединенные Штаты, умирают по преимуществу пожилые, т. е. люди 75 лет или старше. В странах со средним уровнем доходов, в том числе в большинстве государств Латинской Америки, смерть настигает человека на несколько лет или даже десятилетий раньше. В странах с низким уровнем доходов, особенно в Африке и отдельных регионах Азии, умирают в основном дети, половина из которых не доживают до 10 лет.

Карта мира 12.1. Средний возраст наступления смерти в разных странах мира. Источники. The World Bank, 1993; карта взята из *Peters Atlas of the World*, 1990

Десятки миллионов детей кое-как перебиваются на улицах Латинской Америки, и многие из них становятся жертвами болезней, наркотиков и насилия. Что, по-вашему, следует сделать, чтобы положить конец сценам, подобным этой — в Сан-Сальвадоре, столице Сальвадора?

Приблизительно 100 млн детей во всем мире убегают из дома, и им приходится ночевать и жить на улице. Около половины всех малолетних бродяжек живет в Латинской Америке (*United Nations Development Programme, 2000*). Их около 10 тыс. в одном лишь Мехико (Ross, 1996). В Бразилии миллионы бездомных детей живут в самодельных хижинах, под мостами или в проходах между домами. В Рио-де-Жанейро, который многим в США известен как бразильский морской курорт, полиция пытается контролировать число беспризорников; время от времени по улицам проносятся «эскадроны смерти»¹, устраивая кровавый ритуал «чистки города». Сообщения указывают, что в Рио-де-Жанейро каждый год убивают несколько сотен бездомных детей (Larmer, 1992; *U.S. House of Representatives, 1992*).

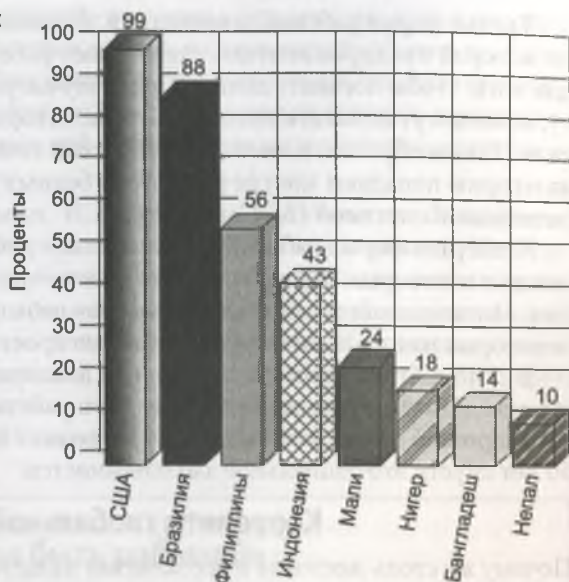
Бедность и женщины

В богатых обществах женщины обычно выполняют менее престижную и ниже оплачиваемую работу. В бедных эта тенденция выражена еще жестче. На предприятиях, где принята потогонная система, изготавливают большую часть одежды и других изделий, потребляемых в богатых странах, включая США, и там работают в основном женщины.

От их дохода зависит само благосостояние семей в бедных странах. В то же время традиция запрещает многим женщинам посещать школу и возлагает на них

¹ «Эскадроны смерти» (*death squads*) — различные группы убийц, особенно распространены в Центральной Америке; их члены ликвидируют политических диссидентов, мелких преступников и т. д., обычно с молчаливого одобрения властей. — *Примеч. перев.*

Рис. 12.3. Процент родов, принятых специально обученным медперсоналом.
Источник: The World Bank, 2001

основную ответственность за воспитание детей и поддержание домашнего хозяйства. По оценке ООН в бедных странах мужчины владеют 90% земли, что намного больше, чем в богатых. Таким образом, приблизительно 70% из 1 млрд человек во всем мире, живущих на грани абсолютной бедности, — это женщины (Нумowitz, 1995).

Представительницы общества, где уровень доходов крайне низкий, располагают ограниченным доступом к средствам контроля рождаемости (что, в свою очередь, повышает ее уровень), и они, как правило, рожают без помощи специально обученного медицинского персонала. Рисунок 12.3 отражает яркий контраст в этой области между бедными и богатыми странами.

Рабство

Бедные общества страдают от многих проблем: голода, неграмотности, войн и рабства. Британская империя запретила рабство в 1833 г.; в Соединенных Штатах это произошло в 1865 г. Но по данным организации *Anti-Slavery International (ASI)*, 400 млн мужчин, женщин и детей (почти 7% человечества) живут сегодня в условиях, которые равнозначны рабству (Janus, 1996).

ASI различает четыре типа рабства. При *системе рабского труда* один человек владеет другим. Число таких рабов трудно оценить, потому что эта практика почти всюду противозаконна. Однако покупка и продажа рабов все еще имеют место во многих странах Азии, на Ближнем Востоке и особенно в Африке. Ниже описана реальная жизнь одной рабыни в африканской стране Мавритании (см. «Бог создал меня, чтобы быть рабыней»).

Вторая, более распространенная форма рабской зависимости — *детское рабство*. В доведенных до отчаяния семьях бедняков детей выгоняют на улицу, где они живут своим трудом. Около 100 млн, в основном из бедных регионов Латинской Америки, попадают в эту категорию.

Третья форма рабской зависимости, *долговое рабство* — это практика, согласно которой предприниматели удерживают рабочих, но их зарплата недостаточна для того, чтобы погасить долги. В этом случае рабочие получают заработную плату, но не могут оплатить продовольствие, которым их обеспечивает предприниматель. Таким образом, с чисто практической точки зрения они порабощены. В эту категорию попадают многие рабочие из бедных стран, занятые на предприятиях с потогонной системой (McCarthy, 1998).

Четвертая форма рабской зависимости — *рабские формы брака*. В Индии, Таиланде и некоторых африканских странах женщин выдают замуж против их желания. Многие заканчивают свою жизнь как рабыни, работающие на семью их мужа; некоторых из них принуждают к занятию проституцией.

В 1948 г. ООН приняла Всемирную декларацию прав человека, в которой написано: «Никто не должен содержаться в рабстве или крепостничестве; рабство и работорговля должны быть запрещены во всех их формах». К сожалению, и более 50 лет спустя это социальное зло сохраняется.

Корреляты глобальной бедности

Почему же столь жестокая и всеохватная нищета по-прежнему существует в большей части мира? Далее приводятся объяснения, вытекающие из следующих фактов, которые касаются жизни в бедных обществах.

1. **Технология.** Около четверти населения в странах с низким уровнем доходов обрабатывает землю вручную или с помощью животных. Поскольку эти источники энергии не могут сравниться с теми, что дает сила пара, нефти или атомной энергии, невозможно использовать сполна сложное машинное оборудование.
2. **Прирост населения.** В наиболее бедных странах отмечается самый высокий в мире уровень рождаемости. Несмотря на потери от бедности, население, например, Африки удваивается каждые 25 лет. Половину людей в этих странах составляют подростки и дети. С таким количеством вступающих в детородный возраст тенденция к росту численности населения будет отмечаться и в будущем. Так, население Чада увеличивалось в последний период на 3,3% ежегодно, поэтому даже при некотором экономическом развитии жизненный уровень в этой стране упал.
3. **Культурные нормы.** Жизнь в бедных обществах обычно основана на традициях. Придерживаясь давно сложившегося образа жизни, люди сопротивляются новшествам, даже если те сулят материальные выгоды. Почему индийцы, придерживающиеся своих обычаев, реагируют на нищету иначе, чем бедняки в США, объясняется ниже (см. «Иной вид бедности: сообщение из Индии»).
4. **Социальная стратификация.** В обществах с низким уровнем доходов богатство распределено крайне неравномерно. В главе 10 («Социальная стратификация») сказано, что социальное неравенство более резко выражено в аграрных обществах, чем в индустриальных. В Бразилии, например, $\frac{1}{2}$ всей обрабатываемой земли принадлежит лишь 1% граждан (Bergamo & Camarotti, 1996).

5. **Гендерное неравенство.** Вопиющее гендерное неравенство, существующее в бедных странах, лишает женщин многих возможностей; обычно это означает большое число детей. Рост населения, в свою очередь, замедляет экономическое развитие. Таким образом, как заключают аналитики, повышение жизненного уровня в значительной части мира зависит от улучшения социального положения женщин.
6. **Глобальные отношения власти.** И, наконец еще одна причина бедности во всемирном масштабе заключается в отношениях между странами. Исторически богатство перетекало от бедных к богатым в результате политики *колониализма, процесса, с помощью которого одни страны обогащаются через политический и экономический контроль над другими.* Колонизация европейцами большей части Латинской Америки и Африки началась примерно 500 лет назад. Такая глобальная эксплуатация позволяла некоторым государствам развивать свою экономику за счет остальных.

ГЛОБАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

«Бог создал меня, чтобы быть рабыней»

Фатма Минт Мамаду — молодая женщина, живущая в североафриканской Исламской Республике Мавритании. Когда ее спрашивают, сколько ей лет, она замолкает и улыбается. Она понятия не имеет, когда она родилась. Она не умеет читать и писать. Знает лишь о том, что должна ухаживать за верблюдами, пасти овец, переносить мешки с водой, стирать одежду, заниматься уборкой и подавать чай своему хозяину. Эта молодая женщина — одна из около 90 000 рабов в Мавритании.

В центральной области этой страны иметь темно-коричневую кожу почти всегда означает быть рабом у хозяина-араба. Фатма принимает такое положение; в своей жизни она не знала ничего иного. Она спокойно объясняет, что она — рабыня, как и ее мать до нее. И ее бабушка еще раньше. «Как Бог создал верблюда, чтобы быть верблюдом, — пожимает плечами она, — так он создал меня, чтобы быть рабыней».

Фатма, ее мать, а также братья и сестры живут в самовольном поселении на окраине Нуакшота, столицы Мавритании. Их дом — хижина размером 3 на 4 метра, построенная из старых досок и строительного мусора. Крышей для них служит кусок ткани; нет никакого водопровода, канализации или мебели. Ближайший источник воды находится на расстоянии полутора километров.

В этом районе рабство возникло 500 лет назад, примерно в то время, когда Колумб открыл Америку. Тогда, по мере того как арабские и берберские племена продвигались по этой области, распространяя ислам, они совершали набеги на местные деревни и обращали людей в рабство. С тех пор так продолжалось на протяжении многих поколений людей. В 1905 г. французские колониальные власти Мавритании запретили рабство. После того, как эта страна получила независимость в 1961 г., новое правительство еще раз подтвердило запрет. Но эти декларации не смогли изменить сильные традиции. Действительно, такие люди, как Фатма, даже не представляют, что значит свобода выбора.

Следующий вопрос более личный: «Вас и других девушек когда-нибудь насильовали?» И снова Фатма задумывается. Без малейшей эмоции она отвечает: «Конечно, ночью мужчины приходят, чтобы мы потом рожали. Вы это имеете в виду под насильем?»

Источник: Burkett, 1997.

Хотя в течение XX в. 130 прежних колоний получили независимость, их эксплуатация продолжается; теперь она приняла форму **неоколониализма** (от древнегреч. *нео* — «новый»), — это *глобальные отношения власти, предполагающие не прямой политический контроль, а экономическую эксплуатацию многонациональными корпорациями. Многонациональные корпорации — гигантские предприятия, деятельность которых охватывает многие страны,* — обладают огромной экономической властью. Их владельцы часто навязывают свою волю странам, где они занимаются коммерческой деятельностью, подобно тому, как поступали колонизаторы в прошлом.

ГЛОБАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Иной вид бедности: сообщение из Индии

Большинство американцев знают, что Индия — одна из беднейших стран на Земле. Объем ВВП на душу населения равен там лишь \$2248 (см. табл. 12.1); именно в Индии живет $\frac{1}{3}$ вообще всех голодающих людей.

Но многим американцам трудно понять реальные масштабы такой бедности. Очень многие из 1 млрд индийцев живут в намного худших условиях, чем люди, которые в Соединенных Штатах считаются «бедными». Первое впечатление путешественника, оказавшегося в Индии, может шокировать. Мадрас, один из самых больших городов этой страны, с населением 7 млн жителей, кажется постороннему наблюдателю погруженным в хаос: улицы, забитые мотоциклами, грузовиками, телегами, которые тянут волю, и толпами людей. Вдоль шоссе на мешковине сидят торговцы и продают фрукты, овощи и готовую пищу, в то время как поблизости работают, беседуют, купаются и спят люди.

Мадрас усеян тысячами поселений из лачуг, ставших домом для полумиллиона бывших сельских жителей, которые пришли сюда в поисках лучшей жизни. Эти трущобы образуют хижины, построенные из веток, листьев и кусков выброшенного картона и жести. Это жилье не приспособлено для жизни, там нет холодильников, водопровода и ванн. При виде этого турист из США чувствует себя неловко; он знает, что люди, живущие в самых бедных районах наших городов, часто бывают недовольны, что иногда выплескивается в насилие.

Но в Индии бедность воспринимают иначе, чем в США. Не видно никаких внушающих беспокойство молодых людей, на улицах нет торговцев наркотиками, не ощущается опасность насилия. В Соединенных Штатах бедность часто означает озлобленность и изоляцию; в Индии даже в трущобах люди живут в сплоченных семьях: дети, родители и часто бабушка и дедушка радушно улыбаются незнакомцу.

Для индийцев, придерживающихся своих традиций, жизнь определяется *дхармой*, что на хинди означает «долг» или «удел». Это учит людей принимать судьбу независимо от того, какова она. Мать Тереза, опекавшая неимущих, поняла саму сущность культурных различий: «У американцев сердитая бедность, — объясняла она. — В Индии бедность сильнее, но она счастливая».

Возможно, не следует описывать человека, который изо всех сил цепляется за жизнь, как счастливого. Но бедность в Индии смягчается сплоченностью и поддержкой семьи и общины, чувством того, что существование не бесцельно, и мировоззрением, согласно которому человек принимает все как есть. В результате, приезжий, впервые столкнувшись с примерами индийской бедности, может недоумевать: «Как люди могут быть настолько бедны и все же довольны, активны и счастливы?»

Источник: на основе исследований автора в Мадрасе, Индия, ноябрь 1988 г.

Глобальная стратификация: теоретический анализ

Есть два основных объяснения неравного распределения богатства и власти в мире: *теория модернизации* и *теория зависимости*. Каждая из них указывает свой путь ликвидации нужды.

Теория модернизации

Теория модернизации — это *модель экономического и социального развития, в рамках которой глобальное неравенство объясняется технологическими и культурными различиями между обществами*. Она появилась в 1950-е гг. — время, когда американское общество было очаровано новой технологией и многие люди в бедных странах относились враждебно к Соединенным Штатам. На фоне усиливающегося во всем мире влияния социалистического Советского Союза творцы американской политики разработали прорыночную внешнеполитическую линию, которой мы и придерживаемся до сих пор¹.

Историческая перспектива. Теоретики модернизации указывают, что еще несколько столетий назад весь мир был беден. Поскольку бедность была нормой на протяжении всей человеческой истории, объяснения требует именно *богатство*.

Оно стало реальностью для европейцев с конца средних веков по мере открытия новых земель и расширения торговли. Вскоре началась промышленная революция, преобразовавшая сначала Западную Европу и затем Северную Америку. Индустриальная технология вместе с развитием капитализма способствовала накоплению новых беспрецедентных состояний. Вначале это новое богатство появилось лишь у немногих. Но индустриальная технология была настолько производительной, что постепенно жизненный уровень даже самых бедных людей начал повышаться. Призрак абсолютной бедности, который бросал зловещую тень на человечество, наконец исчез.

В течение XX в. уровень жизни в странах с высоким уровнем доходов, где началась промышленная революция, возрос по крайней мере четырехкратно. Теперь процесс индустриализации идет во многих азиатских и латиноамериканских странах со средним уровнем доходов, и они также становятся богаче. Но страны с низким уровнем доходов, не обладающие передовой технологией, мало изменились.

Важность культуры. Почему промышленная революция не устранила бедность во всем мире? Согласно теории модернизации, не каждое общество стремилось осваивать новые технологии. Для этого его культура должна придавать особое значение выгодам от инноваций и приверженности материальным ценностям.

В теории модернизации, таким образом, *традиция* считается самым большим препятствием экономическому развитию. В обществах с сильным институтом семьи и уважением к прошлому существует «культурная инерция», мешающая людям принимать новые технологии, которые повысили бы их жизненный уровень. Даже сегодня многие люди выступают против технологического прогресса как угрозы их семейным отношениям, традициям и религиозным убеждениям.

¹ Анализ теории модернизации основан на ряде работ: Rostow, 1960, 1978; Bauer, 1981; Berger, 1986; см. также: Firebaugh, 1996; Firebaugh & Sandu, 1998.

Как указывал Макс Вебер (Weber, 1958, оригинал — 1904–1905), в конце средних веков культурная среда Западной Европы одобрила изменения. Как указывалось в главе 4 («Общество»), протестантская Реформация изменила традиционный католицизм, породив образ жизни, ориентированный на прогресс. Богатство, к которому с подозрением относилась католическая церковь, стало признаком личного достоинства, а растущая роль индивидуализма постепенно заменяла традиционный акцент на родственных связях и сообществе. Вместе взятые, эти новые культурные нормы поддерживали промышленную революцию, которая подталкивала значительную долю населения от бедности к процветанию.

Стадии модернизации по Росту. Согласно теории модернизации, дверь к богатству открыта для всех. Действительно, поскольку технологический прогресс распространяется по всему миру, все общества должны постепенно развиваться в промышленном отношении. По мнению У. У. Росту (Rostow, 1960, 1978), процесс модернизации проходит четыре стадии.

1. **Стадия традиционного уклада жизни.** Воспитанным в уважении к прошлому, людям в традиционных обществах трудно себе представить другую жизнь. Поэтому их жизнь организована вокруг семьи и местных общин и катится по накатанной колее, что не способствует проявлению индивидуальной свободы или осуществлению изменений. Часто жизнь в таких обществах духовно богата, но материально не обеспечена.

Столетие назад большинство стран находились на этом начальном этапе экономического развития. Бангладеш, Нигер и Сомали все еще остаются на традиционной стадии, пребывая в нищете.

2. **Стадия подъема экономики.** По мере того как общество избавляется от власти традиций, люди задействуют свои таланты и воображение, побуждая экономическое развитие. Возникает рынок, поскольку люди производят товары не только для собственного потребления, но и для торговли с другими с целью получения прибыли. Также развиваются больший индивидуализм, готовность рисковать и желание материальных благ, подчас за счет ослабления семейных связей и освященных веками норм и ценностей.

Великобритания достигла стадии подъема экономики примерно к 1800 г., США — к 1820 г. На этой стадии находится сейчас, например, Таиланд, страна в Восточной Азии со средним уровнем доходов. Такое развитие обычно ускоряется благодаря влиянию со стороны богатых стран, предполагающему иностранную помощь, ознакомление с передовой технологией и инвестиционный капитал, а также возможности обучения за границей.

3. **Продвижение к технологической зрелости.** На этой стадии широкое распространение получает идея «роста», которая питает стремление общества к более высокому жизненному уровню. Многосторонне развитая экономика заставляет людей стремиться к использованию преимуществ индустриальной технологии. В то же время они начинают понимать (и иногда сожалеть), что индустриализация разрушает традиционную семью и жизнь сообществ. Великобритания достигла этой точки примерно к 1840 г., США —

к 1860 г. Сегодня Мексика, Пуэрто-Рико и Южная Корея находятся среди регионов, приближающихся к технологической зрелости.

В обществах, находящихся на третьей стадии, значительно уменьшилась абсолютная бедность. Города наполняются людьми, которые оставляют деревни в поисках экономических возможностей, специализация труда делает отношения безличными, а усиление индивидуализма порождает социальные движения, требующие расширения политических прав. Общества, приближающиеся к технологической зрелости, также обеспечивают базовое образование для всех граждан и продвинутое обучение для некоторых из них. Образованный человек считает традиции «прошлым», что открывает путь к дальнейшим изменениям. Социальное положение женщин постепенно приближается к положению мужчин. Даже при таких условиях этот процесс в ближайшей перспективе может поставить перед женщинами неожиданные проблемы.

4. **Высокий уровень массового потребления.** Экономическое развитие постепенно приводит к подъему жизненного уровня, поскольку массовое производство стимулирует потребление промышленных товаров. Проще говоря, люди довольно скоро начинают «нуждаться» в растущем многообразии товаров, производимых обществом.

США, Япония и другие богатые страны перешли на эту стадию около 1900 г. Сейчас на этот уровень экономического развития поднимаются две прежние британские колонии, превратившиеся в небольшие преуспевающие общества Восточной Азии: Гонконг (часть Китайской Народной Республики) и Сингапур (получивший независимость в 1965 г.).

Роль богатых стран. По теории модернизации, странам с высоким уровнем доходов отводится четыре важные роли в глобальном экономическом развитии.

1. **Помощь в контроле численности населения.** Поскольку прирост населения наиболее велик в самых бедных обществах, он может опережать успехи в экономике. Богатые нации могут помочь ограничить прирост населения, экспортируя технологию ограничения рождаемости и способствуя ее использованию. С началом экономического развития уровень рождаемости должен понизиться, как это произошло в промышленно развитых странах, поскольку иметь детей становится экономически невыгодно.
2. **Увеличение производства продовольствия.** Богатые страны могут экспортировать высокотехнологичные методы ведения сельского хозяйства в бедные государства и таким образом повысить производительность сельскохозяйственного производства. Подобные методы, в целом называемые «зеленой революцией», означают посев семян новых гибридов, современные методы ирригации, внесение химических удобрений и пестицидов.
3. **Внедрение индустриальной технологии.** Богатые страны также способны ускорить экономическое развитие в бедных, снабжая те машинами и информационной технологией, что повышает производительность труда. Кроме того, в результате индустриализации рабочая сила перемещается из сельского хозяйства в промышленность и сферу обслуживания.

4. **Предоставление иностранной помощи.** Инвестиционный капитал, каким располагают развитые страны, может повысить шансы бедных обществ на подъем экономики, согласно модели Ростоу. На иностранную помощь можно купить удобрения и финансировать ирригационные проекты, которые увеличивают производительность сельского хозяйства. Финансовая и техническая помощь также позволит строить электростанции и фабрики, чтобы увеличить объемы промышленного производства.

Критическая оценка. Теория модернизации имеет много влиятельных сторонников среди социологов (Parsons, 1966; W. Moore, 1977, 1979; Bauer, 1981; Berger, 1986; Firebaugh & Beck, 1994; Firebaugh, 1996, 1999; Firebaugh & Sandu, 1998). Кроме того, в течение многих десятилетий она формировала внешнюю политику США и других развитых стран. Ее сторонники указывают на быстрое экономическое развитие в Азии — включая Южную Корею, Тайвань, Сингапур и Гонконг — как на доказательство того, что рост благосостояния, сопровождавший индустриализацию в Западной Европе и Северной Америке, возможен повсюду.

Но, во-первых, представители социалистических стран (и западные аналитики, придерживающиеся левых взглядов) резко критикуют теорию модернизации как завуалированную защиту капитализма. По мнению критиков, ее самый серьезный недостаток заключается в том, что в большинстве бедных стран модернизация не произошла. ООН недавно сообщила, что жизненный уровень во многих странах, в том числе на Гаити и в Никарагуа (Латинская Америка), Судане, Гане и Руанде (Африка), фактически ниже, чем в 1960 г. (*United Nations Development Programme*, 1996).

Во-вторых, теорию модернизации критикуют за то, что она не может объяснить, каким образом самые богатые страны, которым выгодно существующее положение, часто блокируют путь бедных стран к развитию. Критики обвиняют первые в том, что столетия назад они добились промышленной мощи, используя свою *силу* в мире. Следует ли сегодня ожидать промышленный рост в бедных странах, если они *слабы*?

В-третьих, продолжают критики, в теории модернизации богатые и бедные общества рассматриваются как отдельные миры, и игнорируется роль международных отношений. Прежде всего именно колонизация повысила благосостояние Европы. Она была экономическим золотым дном для европейских наций, но страны Латинской Америки и Азии до сих пор не могут оправиться от этого.

В-четвертых, критики утверждают, что теория модернизации выставляет наиболее развитые в мире страны как стандарт для всего человечества, будучи этноцентрически предвзятой. Следует помнить, что, придерживаясь нашей западной концепции «прогресса», мы разрушили окружающую среду во всем мире и безрас- судно увязли в конкуренции и практицизме.

И наконец, в-пятых, теория модернизации вызывает критику за утверждение о том, что в глобальной бедности почти полностью повинны сами бедные общества. Критики расценивают такую позицию как обвинение жертв в их собственном тяжелом положении. Вместо этого, утверждают они, анализ глобального неравенства должен сосредоточиться на действиях и беднейших, и богатых наций (Wiarda, 1987).

Такая озабоченность отражает второй главный подход к пониманию глобального неравенства, выразившийся в теории зависимости.

Теория зависимости

Теория зависимости — это модель экономического и социального развития, которая объясняет глобальное неравенство исторической эксплуатацией бедных стран богатыми. Сторонники данной точки зрения возлагают основную ответственность за бедность в мире на развитые государства. Те систематически истощали бедные страны, делая их от себя зависимыми. Этот разрушительный процесс продолжался многие столетия и протекает поныне.

Историческая перспектива. Любой человек согласится, что до промышленной революции в мире не было такого богатства. Однако согласно теории зависимости, люди, живущие в бедных странах, в прошлом были более обеспечены, чем их потомки теперь. Андре Гюндер Франк (Frank, 1975), известный сторонник этой теории, утверждает, что процесс колонизации, который помог развитию богатых стран, также способствовал *ослаблению* бедных обществ.

Теория зависимости основана на идее о том, что экономическое положение богатых и бедных стран мира взаимосвязано, и их невозможно рассматривать по отдельности. Нельзя сказать, что одни просто отстают от других на «пути прогресса»; скорее процветание наиболее развитых стран в значительной степени достигнуто за счет менее развитых. Следовательно, одни нации разбогатели только потому, что другие обеднели. Они стали таковыми в результате глобальной торговли, существующей 500 лет.

Значение колониализма. В конце XV в. европейцы начали колонизацию Америки на западе, Африки — на юге, и Азии — на востоке. Они настолько преуспели в этом, что еще 100 лет назад Великобритания владела примерно $\frac{1}{4}$ всего мира; вошло в обиход даже выражение: «В Британской империи солнце никогда не заходит». Соединенные Штаты, сами первоначально являвшиеся тринадцатью маленькими британскими колониями на восточном побережье Северной Америки, вскоре распростерлись по североамериканскому континенту, купили Аляску и установили контроль над Гаити, Пуэрто-Рико, Гуамом, Филиппинами, Гавайскими островами и частью Кубы.

Между тем европейцы и африканцы занялись жестокой формой человеческой эксплуатации — работорговлей, продолжавшейся с 1500 по 1850 г. А когда мир отверг рабство, европейцы установили контроль над самой Африкой. Как показано на рис. 12.4, господство европейских держав распространялось на подавляющую часть африканского континента до начала 1960-х гг.

Формально колониализм в мире почти исчез. Однако согласно теории зависимости, политическое освобождение не переросло в экономическое. Отношения между бедными и богатыми нациями увековечивают колониальный образец доминирования. Выражающиеся в политике неоколониализма, они являются сущностью капиталистической мировой экономики.

Мировая капиталистическая экономика по Валлерстайну. Иммануил Валлерстайн (Wallerstein, 1974, 1979, 1983, 1984) объясняет глобальную стратификацию, прибегая к модели мировой капиталистической экономики¹. Термин «мировая

¹ Хотя этот раздел основан на идеях Валлерстайна, в нем отражены работы Франка (Frank, 1980, 1981), Делакруа и Рагина (Delacroix & Ragin, 1981), Бергесена (Bergesen, 1983), Диксона и Босуэлла (Dixon & Boswell, 1996), Кентора (Kentor, 1998).

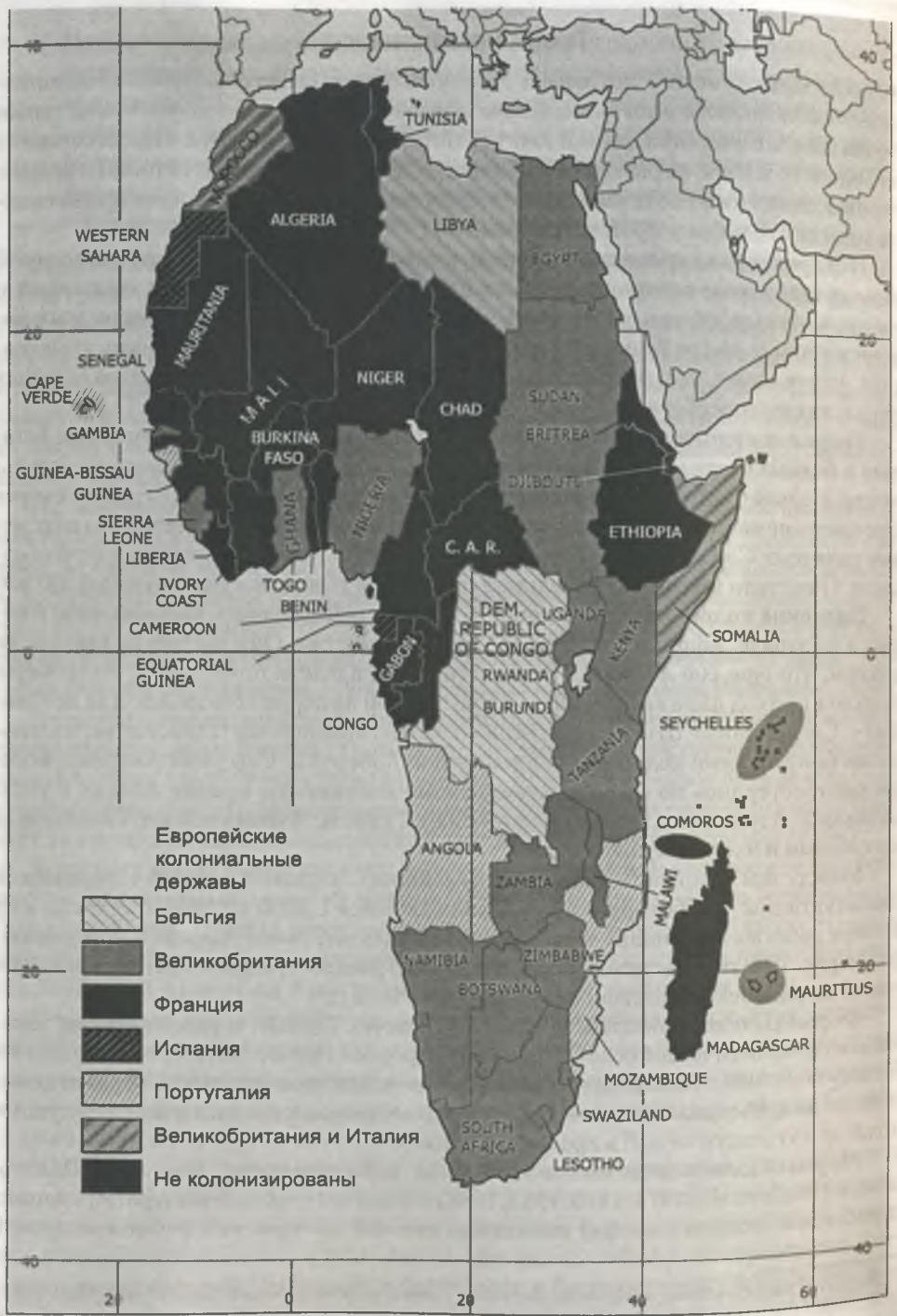

Рис. 12.4. Колониальная история Африки

экономика» предполагает, что процветание или бедность какой-либо страны — следствие всеобщей системы. По мнению Валлестайна, нынешняя глобальная экономика уходит корнями в эпоху колонизации, которая началась 500 лет назад, когда европейцы впервые увидели, насколько богата остальная часть Земли. Поскольку основу мировой экономики составляют страны с высоким уровнем доходов, она капиталистическая по своей природе.

Валлестайн называет богатые страны ее *ядром*. Колониализм сделал их такими, перекачивая сырье со всего света в Западную Европу, где оно питало промышленную революцию. Сегодня во всем мире с выгодой для себя работают многонациональные корпорации, аккумулируя богатства в Северной Америке, Западной Европе, Австралии и Японии.

Страны с низким уровнем доходов находятся на *периферии* мировой экономики. Втянутые в нее колониальной эксплуатацией, бедные нации продолжают служить поддержкой богатым, обеспечивая дешевую рабочую силу и обширный рынок для промышленных изделий. Оставшиеся страны считаются *полупериферией* мировой экономики. К ним относятся такие благополучные страны, как Мексика и Южно-Африканская Республика, имеющие более тесные связи с ядром глобальной экономики.

По мнению Валлестайна, мировая экономика приносит пользу богатым обществам (производя прибыль) и вредит остальной части мира (увечивая бедность). Мировая экономика, таким образом, делает бедные нации зависимыми от богатых. Это подчинение обусловлено тремя факторами.

1. **Узко специализированная, ориентированная на экспорт экономика.** Бедные страны производят лишь несколько сельскохозяйственных культур для экспорта в богатые регионы планеты. Например, латиноамериканские государства поставляют кофе и фрукты, Нигерия — нефть, Филиппины — древесину, а Малайзия — пальмовое масло.

Современные многонациональные корпорации покупают дешевое сырье на бедных рынках и транспортируют его в страны, образующие экономическое ядро, где это сырье обрабатывается на фабриках для последующей выгодной продажи. Подобная практика не позволяет составляющим мировую периферию развивать собственную промышленность и торговать друг с другом.

2. **Недостаток промышленной мощи.** Не имея индустриальной базы, бедные общества попадают в двойную зависимость: они делают расчет на продажу недорогого сырья в богатые страны, а затем покупают всевозможные дорогие промышленные товары, которые доступны им по цене. Классический пример такой зависимости, когда британские колонисты поощряли жителей Индии выращивать хлопок, но запрещали им изготавливать ткань. Англичане отправляли индийский хлопок на английские текстильные фабрики в Бирмингеме и Манчестере, производили ткань и отправляли готовые товары назад в Индию для выгодной продажи.

Странники теории зависимости утверждают, что «зеленая революция», которую расхваливают теоретики модернизации, действует подобным же образом. Бедные страны продают дешевое сырье богатым, а взамен покупают

дорогие удобрения, пестициды и машины. Богатым странам этот обмен намного более выгоден, чем бедным.

3. **Внешний долг.** Неравные отношения в торговле заставляют бедные государства брать кредиты у развитых. Совокупный долг первых перед вторыми составляет более \$2,5 трлн, в том числе сотни миллиардов долларов только Соединенным Штатам. Такая гигантская задолженность приводит к росту безработицы и необузданной инфляции в бедных странах (Walton & Ragin, 1990; World Bank, 2001).

Роль богатых стран. Различие между теориями модернизации и зависимости наиболее резко проявляется в вопросе о роли, которую каждая из них приписывает развитым обществам. Согласно первой модели, они *производят богатство* благодаря капиталовложениям и технологическим инновациям. Соответственно если бедные сообщества стремятся развивать промышленность и вводить более эффективные технологии, они также достигнут процветания. Напротив, сторонники теории зависимости рассматривают глобальное неравенство, учитывая, как страны *распределяют богатство*, и утверждают, что богатые государства характеризуются *чрезмерностью развития*, поскольку их политика привела к *недостаточной развитости* остальной части мира.

Теоретики зависимости отвергают идею, согласно которой программы, разработанные богатыми странами для контроля над рождаемостью и повышения производительности в сельском хозяйстве и промышленности, повышают жизненный уровень в бедных странах. Они заявляют, что такие программы приносят пользу богатым нациям и правящим элитам, а не бедному большинству в странах с низким уровнем доходов (Lappe, Collins, & Kinley, 1981).

В США самым богатым людям удается дистанцироваться от борьбы бедных за выживание. Это намного труднее делать в странах с низким уровнем доходов, хотя бы потому, что там так много бедных. В городах Индии, например, люди обычно обращаются к иностранцам, путешествующим на машине, в надежде получить от них денег

Активисты борьбы с голодом Франсис Мур Лаппе и Джозеф Коллинз (Lappe & Collins, 1986) утверждают, что капиталистическая культура Соединенных Штатов поощряет людей считать бедность чем-то неизбежным. Согласно такой логике, последняя — результат «естественных» процессов, например большого количества детей и природных бедствий (таких, как засуха). Но глобальная бедность не является неизбежной; она порождается преднамеренной политикой. Лаппе и Коллинз указывают, что в мире уже производится столько продовольствия, что при его равномерном потреблении каждый человек на планете страдал бы ожирением. Кроме того, Индия и большинство стран Африки на самом деле *экспортируют* продовольствие, даже при том, что многие жители этих стран голодают.

По мнению Лаппе и Коллинза, контраст бедности и изобилия — это следствие политики богатых наций, в результате которой продовольствие производится для получения прибыли, а не для людей. То есть корпорации богатых стран совместно с элитами бедных используют землю, чтобы выращивать на экспорт выгодные культуры, например кофе, а не для производства основных продуктов (скажем, бобов и зерна), чтобы прокормить семьи местных жителей. Правительства бедных стран поддерживают практику «выращивания на экспорт», потому что нуждаются в прибыли от продажи продовольствия для погашения внешнего долга. У этого порочного круга, как полагают Лаппе и Коллинз, есть свой центр — капиталистическая корпоративная структура глобальной экономики.

Критическая оценка. Главная идея теории зависимости состоит в том, что никакая страна не развивается (или не в состоянии развиться) в изоляции, поскольку глобальная экономика формирует судьбу всех. Приводя в качестве примера Латинскую Америку и другие бедные регионы мира, теоретики зависимости утверждают, что развитие не происходит при давлении, оказываемом богатыми странами. Они призывают к радикальной реформе всей мировой экономики, чтобы она работала в интересах большинства людей.

Во-первых, критики обвиняют сторонников теории зависимости в том, что они ошибочно рассматривают богатство как игру с нулевой суммой¹, словно никто не может стать богаче без того, чтобы кто-то другой не обеднел. Но это не так, продолжают критики, потому что корпорации, мелкие бизнесмены и фермеры могут создавать и действительно создают новое богатство с помощью энергичных усилий и творческого использования новой технологии. В конце концов, указывают они, все мировое богатство с 1950 г. увеличилось в 6 раз.

Во-вторых, продолжают критики, теория зависимости несправедливо возлагает на богатые нации вину за глобальную бедность, поскольку многие из беднейших в мире стран (например, Эфиопия) сами слабо сотрудничают с ними. Напротив, длительная история торговли с богатыми странами впечатляюще улучшила экономику ряда стран, включая Шри-Ланку, Сингапур и Гонконг (все они — бывшие британские колонии), а также Южную Корею и Японию. Таким образом, утверждают критики, большинство фактов указывают на то, что иностранные инвестиции со стороны богатых стран приводят к экономическому развитию, о чем говорят сторонники теории модернизации, а не к ухудшению экономики, как полагают теоретики зависимости (Vogel, 1991; Firebaugh, 1992).

¹ Игра с нулевой суммой — понятие математической теории игр. — *Примеч. науч. ред.*

В-третьих, критики считают, что теория зависимости многое упрощает, поскольку сосредоточена на единственном факторе — мировом капитализме — как причине глобального неравенства (Worsley, 1990). Теория зависимости, таким образом, отводит бедным обществам роль пассивных жертв и игнорирует те факторы в этих странах, которые ухудшают их тяжелое экономическое положение. Социологи давно уже признали важнейшую роль культуры, сказывающейся на формировании готовности людей принять изменения или сопротивляться им. Исламские фундаменталисты в Иране, например, препятствовали экономическим связям с другими странами. Поэтому вина за экономический застой в этой стране едва ли лежит на капиталистических обществах.

Таблица 12.2

	Теория модернизации	Теория зависимости
Историческая закономерность	Весь мир несколько столетий назад был беден; промышленная революция сделала богатыми страны, которые теперь имеют высокий уровень доходов; по мере того как индустриализация постепенно преобразовывает бедные сообщества, нации, вероятно, в большей мере выравниваются и становятся похожими друг на друга	Глобальный паритет был нарушен колониализмом, который сделал одни страны богатыми, а другие — бедными; препятствуя радикальным переменам в мировой капиталистической системе, богатые государства будут становиться богаче, а бедные — еще беднее
Основные причины глобальной бедности	Бедность некоторых стран объясняется их спецификой, включая недостаток промышленных технологий, традиционные культурные нормы, которые препятствуют введению новаций, и быстрый рост численности населения	Глобальные экономические отношения — колониализм раньше и система многонациональных корпораций сейчас — способствовали обогащению стран, где ныне уровень доходов высок, превратив страны с низким уровнем доходов в экономически зависимые
Роль богатых стран	Богатые страны могут помочь и помогают бедным через программы контроля над рождаемостью, предоставляя технологии, которые увеличивают производство продовольствия и стимулируют индустриальное развитие, а также через капиталовложения	Богатые страны сконцентрировали мировые ресурсы, заняв более выгодное положение и породив огромный внешний долг в странах с низким уровнем доходов; богатые нации препятствуют экономическому развитию бедных

На богатые общества также нельзя сбрасывать всю ответственность за опрометчивое поведение лидеров некоторых стран, коррупция и милитаристские кампании которых истощают их нации (примерами могут служить режимы Фердинанда Маркоса и Джозефа Эстрады на Филиппинах, Франсуа Дювалье в Гаити, Мануэля Норьеги в Панаме, Мобуту Сесе Секо в Заире и Саддама Хуссейна в Ираке). Правительства этих государств даже поставки продовольствия используют как

оружие во внутренней политической борьбе. Такая стратегия вызвала массовый голод в Эфиопии, Судане и Сомали. Другие режимы во всем мире (особенно выделенным режим талибов в Афганистане) ничего не делали, чтобы улучшить положение женщин или контролировать уровень прироста населения.

В-четвертых, критики упрекают теоретиков зависимости в том, что они уменьшают экономическую зависимость, явившуюся результатом политики Советского Союза. В ходе Второй мировой войны советская армия установила контроль над большей частью Восточной Европы, СССР политически и экономически доминировал над этими странами. Многие рассматривают восстания, произошедшие в них между 1989 и 1991 гг., как массовое непринятие социалистической колониальной системы Советского Союза.

В-пятых, критики утверждают, что этот подход — больше протест, чем политика, поскольку его сторонники не предлагают конкретных решений проблемы глобальной бедности. Большинство теоретиков зависимости рекомендуют бедным государствам прекратить все контакты с развитыми странами, а некоторые призывают к национализации отраслей промышленности, находящихся в собственности иностранных компаний. Другими словами, теория зависимости — это плохо замаскированный призыв к некоему мировому социализму. В свете тех трудностей, с которыми столкнулись социалистические общества на пути удовлетворения потребностей своих граждан, критики задаются вопросом: спасет ли такая система от бедности?

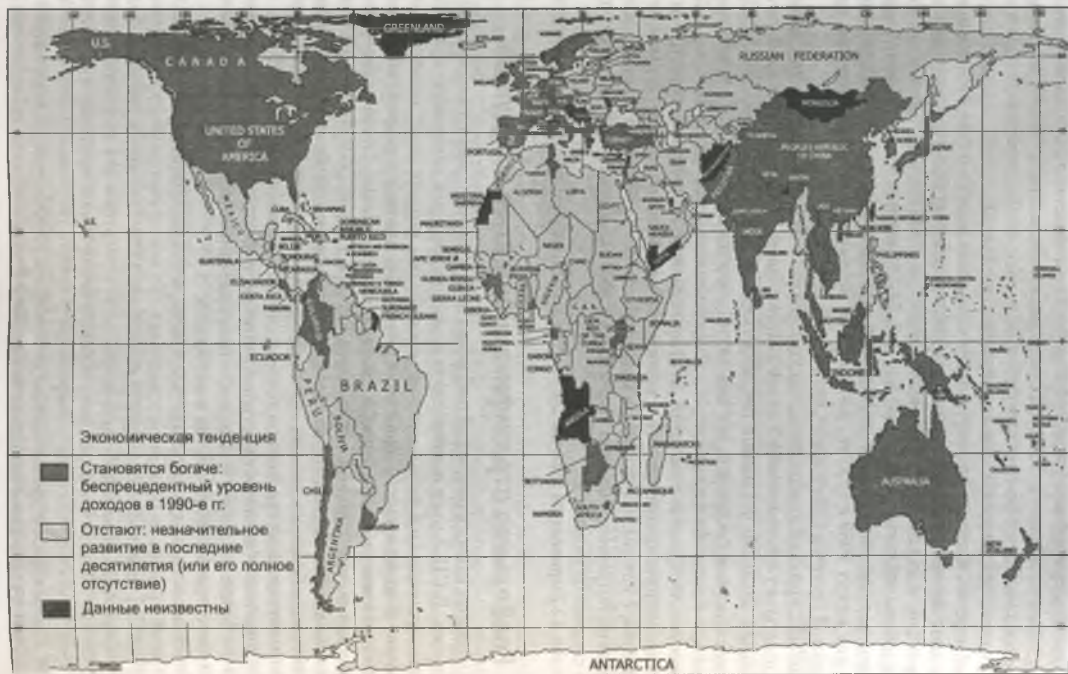
В табл. 12.2 приведены главные аргументы теорий модернизации и зависимости.

Глобальная стратификация: взгляд в будущее

Одна из самых важных тенденций последних десятилетий — развитие глобальной экономики. В США рост производства и экспорта принес рекордную прибыль многим корпорациям и их акционерам, особенно тем, кто уже имеет значительное состояние. В то же время глобализация экономики привела к сокращению рабочих мест на заводах, задев интересы многих средних рабочих. Общий итог — экономическая поляризация в Соединенных Штатах. Однако, как отмечено в этой главе, социальное неравенство намного более выражено в глобальном контексте. Концентрация богатства в одних странах на фоне жестокой нищеты в других, возможно, и есть главная проблема, с которой столкнется человечество в XXI в.

Следовательно, возникает насущная потребность решить проблему глобальной бедности. Какая же теория правильна — модернизации или зависимости? Каждая из них имеет как достоинства, так и недостатки.

В поисках истины лучше обратиться к эмпирическим данным. В течение XX в. жизненный уровень во всем мире повышался. Но даже с учетом этого разительно увеличилась степень неравенства в доходах (рис. 12.5). В то время как производство в странах, где проживает самая бедная одна четвертая часть населения планеты, в течение XX в. почти утроилось, объем экономической продукции стран, где проживает самая богатая одна четвертая часть людей, увеличилась почти шестикратно. Таким образом, согласно этим показателям, экономическое неравенство в мире к 2000 г. стало вдвое большим, чем в 1900 г.

Карта мира 12.2. Процветание и застой в глобальной перспективе. Источник: United Nations Development Programme, 1996; данные обновлены автором

Рис. 12.5. Усиление экономического неравенства в мире. Источник: International Monetary Fund, 2000

Каковы же тенденции последних десятилетий? Есть данные, что неравенство в доходах между странами стабилизируется (Schultz, 1998; Firebaugh, 1999, 2000). По сообщению ООН (The United Nations, 1996), население трети всех стран живет лучше, чем в 1980 г. К ним (см. карту мира 12.2¹) относится большинство обществ с высоким уровнем доходов, а также и многие более бедные страны, особенно в Азии. Эти процветающие регионы – свидетельство того, что рыночные силы, за которые выступают сторонники теории модернизации, могут повысить жизненный уровень.

Однако в другой трети стран жизненный уровень в 1996 г. был ниже, чем в 1980 г. Все большее усиление бедности, особенно в Африке к югу от Сахары, подкрепляет утверждения сторонников теории зависимости, что текущие экономические процессы оставляют в стороне сотни миллионов людей.

Эти факты ставят под сомнение обе точки зрения, приверженцы которых пересматривают свои взгляды о правильных путях развития. С одной стороны, лишь немногие общества, стремящиеся к экономическому развитию, одобряют рыночную экономику, полностью свободную от правительственного контроля, что бросает вызов ортодоксальной теории модернизации и ее предпочтению свободы рыночных отношений. С другой стороны, потрясения в бывшем Советском Союзе и Восточной Европе показывают, что происходит глобальная переоценка социализма. Поскольку эти восстания последовали за десятилетиями низкой эффективности производства и политических репрессий, многие бедные страны отказываются идти по пути развития, предполагающему полный контроль правительства

¹ Приблизительно в 60 странах мира люди имеют более высокий уровень жизни, чем ранее. К ним относятся некоторые богатые общества (США и страны Западной Европы) и некоторые бедные (особенно в Азии). В большинстве же стран, однако, в последние десятилетия жизненный уровень остался тем же или даже понизился. В некоторых, особенно в Восточной Европе и на Ближнем Востоке, с 1980-х гг. наблюдается экономический регресс. Отдельные африканские страны, расположенные южнее Сахары, обеспечены так же, как в 1960 г. Общая закономерность – экономическая поляризация с увеличением разрыва между богатыми и бедными странами.

над экономикой. Поскольку теория зависимости поддерживала социалистические экономические системы, изменения в мировом социализме приведут к переосмыслению этой теории.

Вероятно, главная проблема, порожаемая бедностью, — голод. Многие аналитики задаются вопросом, намерены ли мы обеспечивать средствами к существованию каждого человека на планете.

Хотя будущее положение в мире неясно, мы многое узнали о глобальной стратификации. Согласно теории модернизации, бедность — это отчасти *проблема технологии*. Более высокий уровень жизни для растущего народонаселения зависит от увеличения объемов сельскохозяйственного и промышленного производства. Кроме того, согласно теории зависимости, глобальное неравенство является также *политической проблемой*. Даже добившись более высокого уровня производства, человечество должно найти ответы на важнейшие вопросы о том, как распределять ресурсы в отдельных странах и во всем мире.

Следует отметить, что, хотя экономическое развитие повышает жизненный уровень, оно также приводит к загрязнению окружающей среды. Представьте, например, что будет, если 1 млрд жителей Индии внезапно станут представителями среднего класса, обзаведясь собственными автомобилями, пожирающими бензин и выбрасывающими в атмосферу углекислый газ.

Наконец, огромная и все углубляющаяся пропасть, которая разделяет самых богатых и самых бедных в мире людей, повышает риск войны, поскольку неимущие выступают против социальных условий, которые угрожают их жизни. В конечном счете мы можем достигнуть мира на планете, лишь обеспечив всем людям вполне безопасную и достойную жизнь.

Резюме

1. Во всем мире социальная стратификация более выражена, чем в США. Приблизительно 18% людей на планете живут в таких промышленно развитых странах с высоким уровнем доходов, как США, и получают 79% всего мирового дохода. 54% человечества — жители достаточно индустриализированных стран со средним уровнем доходов, они получают около 18% всего мирового дохода. 28% населения Земли живут в странах с низким уровнем доходов с плохо развитой промышленностью и зарабатывают лишь 3% всемирного дохода.
2. Хотя относительная бедность существует повсюду, для бедных обществ характерна абсолютная бедность. Около 1 млрд человек угрожает нехватка продовольствия. Приблизительно 15 млн, большинство из которых дети, ежегодно умирают по различным причинам, связанным с недостатком питания.
3. Почти повсеместно в мире женщины беднее, чем мужчины. Гендерные предрассудки наиболее распространены в слаборазвитых аграрных обществах.
4. Глобальная бедность — сложная проблема, отражающая ограниченность промышленной технологии, быстрый прирост населения, традиционные культурные нормы, внутреннюю социальную стратификацию, мужское доминирование и глобальные отношения власти.

5. Согласно теории модернизации, для успешного развития необходимо избавиться от традиционных культурных норм и овладеть передовыми технологиями.
6. Теоретик модернизации У. У. Ростоу выделяет четыре стадии развития: традиционный уклад жизни, подъем экономики, продвижение к технологической зрелости и высокий уровень массового потребления.
7. Полагая, что богатые общества контролируют процесс накопления богатства, сторонники теории модернизации заявляют, что эти страны могут помочь бедным, разрабатывая программы контроля над рождаемостью, а также предоставляя новые сельскохозяйственные технологии с использованием гибридных семян и удобрений, увеличивающих производство продовольствия, промышленные технологии, включая машинное оборудование и информационное обеспечение, и иностранную помощь на строительство электростанций и заводов.
8. Критики теории модернизации говорят, что этот подход ограничил экономическое развитие некоторых стран. Они также утверждают, что бедные страны не могут идти тем же путем развития, каким прошли развитые столетия назад.
9. Согласно теории зависимости, глобальное богатство и бедность — исторический продукт капиталистической мировой экономики, возникший сначала вследствие колониализма, а затем в результате деятельности многонациональных корпораций.
10. Иммануил Валлестайн рассматривает страны с высоким уровнем доходов как господствующее «ядро» капиталистической мировой экономики, со средним уровнем доходов — как «полупериферию», и бедные — как глобальную «периферию».
11. Три фактора — ориентация экономики на экспорт, недостаток промышленных мощностей и иностранный долг — увековечивают зависимость бедных стран от богатых.
12. Критики теории зависимости утверждают, что она не учитывает шестикратное увеличение всемирного богатства с 1950 г. Кроме того, к самым бедным в мире странам не относятся те, которые наиболее тесно связаны с богатыми.
13. Как теория модернизации, так и теория зависимости помогают понять глобальное неравенство. В пользу каждой из них свидетельствует ряд фактов. Но поскольку глобальное неравенство продолжает усиливаться, существует насущная необходимость решить различные проблемы, вызванные бедностью.

Основные понятия

Колониализм — процесс, позволяющий некоторым странам обогатиться благодаря политическому и экономическому контролю над другими.

Многонациональная корпорация — гигантское предприятие, сфера деятельности которого охватывает множество стран.

Неоколониализм — новая форма глобальных отношений власти, которая предполагает не прямой политический контроль, а экономическую эксплуатацию многонациональными корпорациями.

Теория зависимости — модель экономического и социального развития, которая объясняет глобальное неравенство исторической эксплуатацией бедных стран богатыми.

Теория модернизации — модель экономического и социального развития, которая объясняет глобальное неравенство технологическими и культурными различиями между обществами.

Вопросы для размышления

1. Основываясь на информации, содержащейся в этой книге, и на других данных, спрогнозируйте масштабы голода в мире через 50 лет. Станет ли эта проблема острее или нет? Почему?
2. Каково различие между относительной и абсолютной бедностью? Опишите с помощью этих двух понятий социальную стратификацию в США и во всем мире.
3. Почему многие аналитики утверждают, что экономическое развитие в странах с низким уровнем доходов зависит от улучшения социального положения женщин?
4. Сформулируйте основные принципы теории модернизации и теории зависимости. Приведите несколько примеров критики каждого подхода.

Гендерная стратификация

«Сначала мы ехали совсем одни... однако совсем скоро мы встретили других женщин, движущихся в этом же направлении. На пересечениях дорог к нам присоединялись все новые и новые повозки из всех уголков страны, и задолго до прибытия в Сенека Фоллз мы образовали целую процессию».

Так писала Шарлотта Вудворд в своем дневнике, когда ехала по ухабыстым грязным дорогам в Сенека Фоллз, маленький городок, расположенный на севере штата Нью-Йорк. Это было в 1848 г., когда рабство во многих штатах США еще было легальным, а социальное положение всех женщин независимо от цвета кожи было во всех отношениях хуже, чем мужчин. В то время в значительной части Соединенных Штатов замужние женщины не могли иметь собственность и оплачиваемую работу, составлять завещание, не имели права выдвигать судебные иски, включая прошения об опеке своих детей; женщины не могли учиться в колледжах, а мужья имели законное право избивать своих жен, если использовали палку не толще большого пальца (именно так появилась фраза «правило большого пальца»).

Примерно 300 женщин собрались в Веслианской церкви города Сенека Фоллз, чтобы оспорить свое положение людей второго сорта. Они слушали, как их лидер Элизабет Кейди Стентон требовала расширить права и возможности женщин, в том числе предоставить им право голоса. Многим это предложение казалось абсурдным и возмутительным; такая идея шокировала даже многих посетительниц конференции. Муж Стентон, Генри, в знак протеста покинул город (по материалам Gurnett, 1998).

За полтора века, прошедших после собрания в Сенека Фоллз, многое изменилось, и предложенное Стентон сейчас считается само собой разумеющимся. Однако, как показано в этой главе, положение женщин и мужчин в США и вообще в мире все еще различается; в большинстве сфер жизни господство мужчин сохранилось до сих пор. В этой главе исследуется важность гендера и объясняется, почему этот фактор, как и классовое положение, является одним из главных показателей социальной стратификации.

Гендер и неравенство

В главе 9 «Сексуальность» рассматривались биологические отличия, разделяющие всех людей на мужчин и женщин. **Гендером** называют *черты личности и социальные позиции, рассматриваемые членами общества как женские и мужские*. Таким образом, гендер является одним из измерений социальной организации, определяющим наши отношения с окружающими и представление о себе. Не менее важно и то, что гендер подразумевает *иерархию*, делящую мужчин и женщин на разные категории по власти, богатству и другим ресурсам. Поэтому социологи

говорят о **гендерной стратификации**, или *неравном распределении материальных благ, власти и привилегий между мужчинами и женщинами*. Другими словами, гендер влияет на возможности и ограничения, с которыми каждый из нас сталкивается в своей жизни (Fetree & Hall, 1996; Riley, 1997).

Различия между мужчинами и женщинами

Многие люди считают, что гендерные различия «естественны», так как существуют биологические различия между полами. Тем не менее нужно быть внимательным и не рассматривать социальные различия в биологическом ракурсе. Например, в 1848 г. женщины были лишены права голоса, потому что многие люди считали, что они «естественным образом» лишены достаточного интеллекта и интереса к политике. Однако такие установки не имеют никакого отношения к биологии. Вместо этого они отражают *культурные традиции*, характерные для конкретного времени и места.

На рис. 13.1 приведен другой пример «естественной» неполноценности женщин: спорт. В 1925 г. большинство людей усомнились бы в том, что лучшие бегуни смогут показать в марафоне время, хотя бы близкое к результатам мужчин. Однако сегодня, как показано на рисунке, лучшие бегуни запросто пробегают марафон быстрее, чем самые быстрые мужчины несколько десятилетий назад, и разрыв между результатами представителей двух полов значительно сократился. Оказывается, что и в этом случае большинство различий между мужчинами и женщинами имеют социальную природу.

Пол – биологическое отличие, и он определяется еще до рождения ребенка. Гендером называют атрибуты, рассматриваемые членами общества как женские и мужские. Гендерные различия основаны на власти, при этом мужские качества обычно имеют социальный приоритет над женскими. Конечно, важность гендера для младенцев неочевидна, однако наши представления о мальчиках и девочках задают направление развития человека на всю жизнь

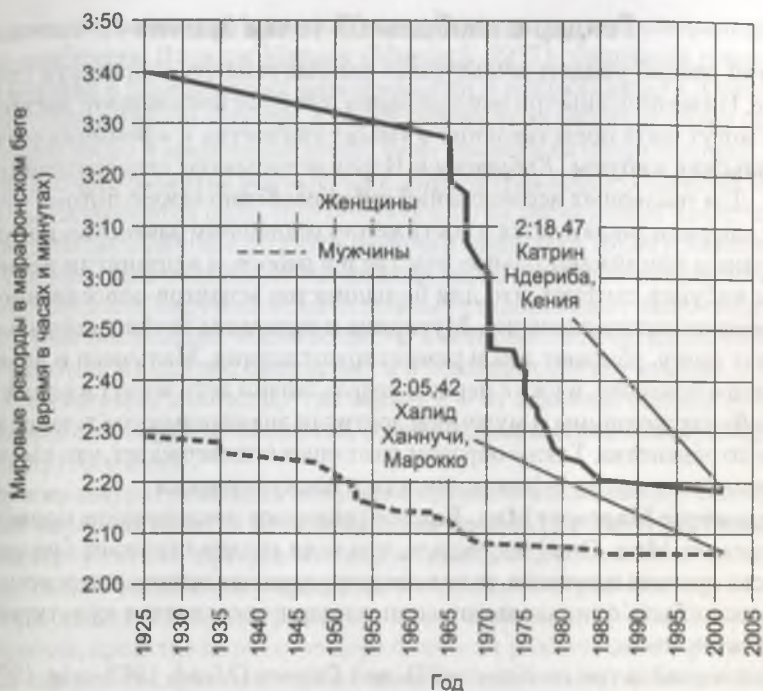

Рис. 13.1. Спортивные достижения мужчин и женщин. *Источники.* The Christian Science Monitor (1995); www.marathonguide.com (2001)

Действительно ли мужчины по своей природе превосходят женщин на спортивном поприще? Ответ на этот вопрос не столь очевиден, как это может показаться. В начале XX в. в марафонском беге мужчины опережали женщин на многие мили. Однако когда перед женщинами открылись более благоприятные спортивные возможности, этот разрыв значительно сократился.

Мировые рекорды в марафоне среди женщин (установлен в 2001 г.) и мужчин (установлен в 1999 г.) различаются на 13 минут

Конечно, между полами есть некоторые физические различия. В среднем мужчины на 10% выше, на 20% тяжелее и на 30% сильнее женщин, особенно в плечевом поясе (Ehrgeneich, 1999). С другой стороны, женщины превосходят мужчин в самой игре под названием «жизнь»: средняя продолжительность жизни мужчин равна 74,1 года, а женщин — 79,5 года (U.S. National Center for Health Statistics, 2001).

В подростковом возрасте для юношей характерно более высокое развитие математических способностей, а для девушек — вербальных навыков, что объясняется и биологическими особенностями, и социализацией (Maccoby & Jacklin, 1974; Baker et al., 1980; Lengermann & Wallace, 1985; Hoftman, 2001). Однако исследования указывают на то, что уровень интеллекта у мужчин и женщин одинаков.

Итак, биологические различия мужчин и женщин невелики, и никакой пол изначально не имеет превосходства над другим. Но, как показывает глобальное исследование гендера, культурные определения двух полов могут различаться очень сильно.

Гендер с глобальной точки зрения

Наилучший способ увидеть культурные основы гендера — провести глобальное сравнение. Ниже описаны три исследования, которые показывают, насколько различными могут быть представления о «маскулинности» и «фемининности».

Израильские киббуцы. *Киббуцами* в Израиле называют сельскохозяйственные коммуны. Для гендерных исследований *киббуц* особенно важен, потому что одна из его целей как раз и заключается в достижении гендерного равенства, когда мужчины и женщины принимают равное участие и в работе, и в принятии решений.

Члены киббуцев считают, что для большинства аспектов повседневной жизни пол не имеет никакого значения. Мужчины и женщины сообща воспитывают детей, готовят пищу, убирают дом и ремонтируют здания. Мальчики и девочки воспитываются одинаково, и уже с первых недель жизни дети живут в одних помещениях. В киббуцах женщины и мужчины достигли значительного (хотя не полного) социального равенства. Таким образом, этот опыт подтверждает, что именно культура формирует понятия о фемининности и маскулинности.

Исследование Маргарет Мид. Важное гендерное исследование провела антрополог Маргарет Мид. Она рассуждала, что если гендер отражает биологические особенности мужчин и женщин, то во всем мире представления о «женском» и «мужском» должны быть одинаковыми; если гендер определяется культурой, то они должны различаться.

Мид исследовала три сообщества Новой Гвинеи (Mead, 1963, orig. 1935). В горах она изучала племя арапеш, мужчины и женщины которого обладали очень похожими установками и поведением. Представители обоих полов проявляли отзывчивость и чуткость к другим людям, что в нашей культуре считается «фемининным».

Южнее этого племени жило другое — мундугу-мор, каннибалы и охотники за головами, резко отличавшиеся от арапеш. И мужчины, и женщины мундугу-мор, как правило, были эгоистичными и агрессивными, т. е. обладали чертами, которые мы считаем более «маскулинными».

Наконец, на западе Мид обнаружила культуру чамбули, в которой, как и в нашей собственной, женщины и мужчины выполняли разные роли. Однако, судя по данным исследовательницы, у чамбули многие гендерные представления были противоположны нашим. Женщины обладали большей властью и отличались рациональностью, а мужчины были покорными, эмоциональными и занимались воспитанием детей. Опираясь на свои наблюдения, Мид пришла к выводу, что понятие о гендере формируется культурой: качества, определяемые в одной культуре как маскулинные, в другой могут считаться фемининными.

Некоторые критики считают открытия Мид «слишком чистыми», как если бы она видела в трех сообществах только те образцы, которые искала. Дебора Гевертц (Gewertz, 1981) оспорила «гипотезу реверсии» Мид, утверждая, что мужчины чамбули на самом деле более агрессивны, а женщины покорны. Гевертц объясняет результаты Мид тем, что она посещала племя чамбули (которые на самом деле называют себя чамбри) в 1930-е гг., когда они лишились значительной части имущества из-за войн с другими племенами. Домашняя работа, утверждает Гевертц, была только временной ролью мужчин чамбри.

Исследование Джорджа Мердока. Проведя более широкое исследование 200 примитивных сообществ, Джордж Мердок (Murdock, 1937) обнаружил некоторое глобальное сходство в определениях фемининности и маскулинности. Охота и война обычно считаются уделом мужчин, а ответственность за работу по дому (например, приготовление пищи и воспитание детей) чаще ложится на плечи женщин. По-видимому, из-за низкого развития технологии в доиндустриальных обществах мужчинам и женщинам назначаются роли, соответствующие их физическим качествам. Более крупные и сильные мужчины охотятся на дичь и защищают группу; женщины рожают детей, поэтому им в обязанности вменяется ведение домашнего хозяйства.

Однако Мердок обнаружил и значительные отклонения от этого общего образца. Рассмотрим земледелие: число обществ, в которых оно считалось женской или мужской работой, примерно одинаково, а в большинстве случаев им занимались оба пола. Что касается многих других занятий — от создания жилищ до татуировки, — то Мердок обнаружил общества, где эти «привилегии» были уделом как одного, так и другого пола.

Гендер и культура: резюме. Глобальное сравнение показывает, что «фемининность» или «маскулинность» многих занятий не во всех обществах определяются одинаково. Кроме этого, в результате индустриализации мышечная сила оказывается не настолько важной, как прежде, это открывает перед людьми больше возможностей и делает гендерные различия менее сильными (Nolan & Lenski, 1999). Таким образом, представления о гендере слишком различаются в разных культурах, чтобы считать его простым отражением биологических особенностей. Вместо этого, как и в случае многих других элементов культуры, смысл, вкладываемый в понятия фемининности и маскулинности, в большей степени зависит от общества.

В каждом обществе люди считают некоторые должности, паттерны поведения и предметы одежды «исзначально» фемининными, а другие — маскулинными. Однако в разных частях мира по этому поводу приняты различные социальные определения. Эти мужчины, пастухи-кочевники племени вудабе из Нигера (Африка), с гордостью демонстрируют свою красоту, что большинство людей нашего общества считает проявлением фемининности

Патриархат и сексизм

Несмотря на то что представления о гендере различаются, для всех стран мира в той или иной степени характерен патриархат (буквально означает «власть отцов»), или *форма социальной организации, при которой мужчины господствуют над женщинами*. Вопреки мифическим историям об обществах, в которых доминировали женщины-амазонки, *матриархат, форма социальной организации, при которой женщины господствуют над мужчинами*, в истории человечества не был документально подтвержден (Gough, 1971; Harris, 1977; Lengermann & Wallace, 1985).

Патриархат в некоторой степени универсален, однако, как показывает карта мира 13.1, относительные показатели власти и привилегий, принадлежащих женщинам и мужчинам разных стран, значительно различаются¹. Согласно данным ООН, самое высокое социальное положение имеют женщины трех скандинавских стран: Норвегии, Швеции и Финляндии. И наоборот, женщины Нигера и Чада (Центральная Африка), а также Джибути (Восточная Африка) и Афганистана (Азия) занимают самое низкое социальное положение по сравнению с мужчинами. По показателю гендерного равенства США занимают восьмое место в мире (United Nations, 1995).

Идеологическую основу патриархата образует **сексизм**, или *убежденность в изначальном превосходстве одного пола над другим*. Сексизм — не просто отражение индивидуальных установок, он встроен в институты нашего общества. *Институциональный сексизм* является, например, частью экономики, выражаясь в том, что женщины занимают, как правило, низкооплачиваемые должности. Аналогичным образом правосудие долгое время закрывало глаза на насилие по отношению к женщинам, особенно со стороны сожителей, мужей и отцов (Landers, 1990).

Изддержки сексизма. Сексизм подавляет таланты и ограничивает амбиции женщин, которые составляют половину населения. В то же время он выгоден мужчинам, однако привилегии достаются им дорогой ценой. Принятые в нашей культуре стандарты маскулинности заставляют чаще прибегать к рискованным формам поведения: курить, употреблять алкоголь, заниматься опасными видами спорта и гонять на автомобиле; именно поэтому автокатастрофы занимают первое место среди причин смерти молодых мужчин. Кроме того, как утверждает Мэрилин Френч (French, 1985), патриархат побуждает мужчин добиваться власти, причем не только над женщинами, но и над своим миром. Маскулинность поэтому имеет отношение не только к автокатастрофам, но и к самоубийствам, насилию и болезням, которые вызывает стресс. Постоянное нетерпение, амбициозность, соперничество и нежелание плыть по течению — прямая дорога к сердечным заболеваниям, а это почти идеально соответствует поведению, которое наша культура считает маскулинным (Ehrenreich, 1983).

Наконец, поскольку мужчины ищут власти над другими людьми, они лишаются возможности создания близких, доверительных отношений. Как сказал один ученый, соперничество призвано отделить «мужчин от мальчиков». Однако на практике оно отделяет мужчин от себя самих и от всех окружающих их людей (Raphael, 1988).

¹ Для различных стран мира характерен разный уровень социального неравенства мужчин и женщин. В целом, положение женщин в богатых странах гораздо лучше, чем в бедных. Но даже в этом случае некоторые страны достигли наибольшего прогресса: в Скандинавии — в Норвегии, Швеции и Финляндии — социальное неравенство полов минимально.

Карта мира 13.1. Возможности женщин с глобальной точки зрения. *Источник. Seager, 1977*

Неизбежен ли патриархат? В доиндустриальных обществах роль женщин сводится почти исключительно к вынашиванию и рождению детей, что ограничивает их возможности. В то же время большой рост и физическая сила мужчин — очень ценные ресурсы. Но индустриализация и особенно совершенствование методов регулирования рождаемости позволяют людям самим решать, как им жить. В современных постиндустриальных обществах, таких как американское, биологические различия уже не могут служить оправданием патриархата.

Тем не менее в США и в остальном мире мужчины все равно доминируют. Означает ли это, что патриархат неизбежен? Некоторые социологи утверждают, что биологические факторы накладывают ограничения на поведение обоих полов, поэтому в среднем для мужчин и женщин характерны различные формы мотивации и поведения, причем мужчины более агрессивны. Если это так, то избавиться от патриархата будет трудно (Goldberg, 1974, 1987; Rossi, 1985; Popenoe, 1993b; Udry, 2000). Однако большинство социологов считают, что гендер представляет собой социальный конструкт, который можно изменить. То, что ни в одном обществе патриархат еще никогда не был устранен, не означает, что мы должны оставаться заложницами прошлого.

Чтобы понять устойчивость этой системы, рассмотрим, как общество насаждает и воспроизводит представления о гендере. Этот процесс начинается в детстве и продолжается всю жизнь человека.

Гендер и социализация

Гендер во многом определяет чувства, мысли и поступки человека на протяжении всей его жизни. Дети очень рано узнают, что общество воспринимает женщин и мужчин как разных; в трехлетнем возрасте они начинают применять гендерные стандарты к себе.

Таблица 13.1

Традиционные представления о гендерной идентичности

Женские черты	Мужские черты
Подчинение	Доминирование
Зависимость	Независимость
Невысокий интеллект и некомпетентность	Высокий интеллект и компетентность
Эмоциональность	Рациональность
Восприимчивость	Напористость
Интуитивный склад ума	Аналитический склад ума
Слабость	Сила
Робость	Храбрость
Способность довольствоваться малым	Амбициозность
Пассивность	Активность
Отзывчивость	Соперничество
Чувственность	Бесчувственность
Сексуальный объект	Сексуальная агрессивность
Привлекательность определяется физической внешностью	Привлекательность определяется достижениями

В табл. 13.1 указаны черты, которые американцы традиционно связывают с «фемининным» и «маскулинным» поведением. Обратите внимание, что многие из них противоположны, хотя некоторые исследования показывают, что большинство молодых людей специально не задаются задачей стать фемининной или маскулинной личностью (Bernard, 1980; Bern, 1993).

Гендер не только влияет на представление человека о себе, но и учит его поступать определенным образом. **Гендерные роли** — это *установки и виды деятельности, которые общество увязывает с тем или иным полом*. Если наша культура определяет мужчин как амбициозных и стремящихся к соревновательности, мы ожидаем, что они выберут командные виды спорта и пожелают занять руководящие позиции. Если мы считаем женщин скромными и эмоциональными, то ожидаем, что они станут оказывать окружающим поддержку и помощь, а также будут склонны плакать по разным поводам.

Гендер и семья

При рождении человека люди обычно сразу спрашивают: «Мальчик или девочка?» Ответ на этот вопрос чрезвычайно важен, потому что он определяет не только пол ребенка, но и вероятное направление всей его жизни.

На самом деле гендерные представления сказываются еще до рождения ребенка, потому что большинство родителей надеются на рождение мальчика, а не девочки. Взрослые стремятся немедленно ввести младенца в «розовый мир» девочек или «голубой мир» мальчиков (Bernard, 1981). Гендерные сообщения содержатся даже в том, как родители обращаются со своими дочерьми и сыновьями. В одном английском университете был проведен такой эксперимент: младенца одевали или как мальчика, или как девочку и передавали его группе женщин; испытуемые обращались с «девочкой» нежно, часто обнимая и лаская, а с «мальчиком» более агрессивно, нередко поднимая ребенка высоко в воздух или подбрасывая его (Bonner, 1984). Урок очевиден: женский мир пассивен и эмоционален, а в мужском ценятся независимость и активность.

ПРАКТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Маскулинность как соперничество

Когда мне было 10 лет, главным для меня было стать мужчиной. В то время наиболее важными отношениями, определявшими мою личность, были отношения с другими мальчишками. Я уже знал, что каждую встречу с другим мальчиком надо рассматривать как соревнование, в котором я должен победить или по крайней мере сохранить собственное достоинство... Этот урок продолжался [в школе], после школы и даже в воскресной школе. Родители, родственники, книги, которые я читал, фильмы, которые смотрел, — все они учили, что мое достоинство заключается в маскулинности, готовности соперничать с другими мальчиками. Обычно это не подразумевало физической борьбы, хотя готовность встать и «сражаться, как мужчина» всегда была окончательной проверкой. Наши отношения обычно оказывались своеобразным перемирием в ходе сражения. В то время девочки еще не входили в наш социальный мир, просто потому что они не участвовали в таком соревновании. Их не нужно было обманывать, от их запугивания не было никакой выгоды, поэтому их так или иначе игнорировали. Иногда, когда вокруг не было взрослых, мы давали друг другу знать о своей привязанности, но большую часть времени поступали так, как нас учили.

Источник: Silverstein, 1977.

Гендер и сверстники

Начав учиться в школе, дети отдаляются от семьи и находят друзей среди сверстников, которые преподают дополнительные гендерные уроки. Как игровые группы формировали у мальчика чувство маскулинности, объясняется в истории под названием «Маскулинность как соперничество».

Наблюдая год за игрой детей, Джанет Левер (Lever, 1978) пришла к выводу, что мальчики предпочитают командные виды спорта со сложными правилами и четкими целями, например сделать пробежку (бейсбол) или тачдаун¹ (американский футбол). В таких играх почти всегда есть победители и проигравшие, что усиливает стремление к власти и агрессивности (маскулинным чертам).

Девочкам тоже не чужды командные виды спорта. Однако они играют в «классы», прыгают со скакалкой или просто разговаривают, поют или танцуют. Эти действия почти не ограничены правилами, а их конечной целью редко является победа. Группы сверстников, как объясняет Левер, учат девочек не соперничеству, а способствуют развитию межличностных навыков коммуникации и сотрудничества, формируя, по-видимому, основу для будущих ролей жен и матерей.

Наблюдения Левер напоминают о гендерной теории морального рассуждения Кэрол Гиллиган (Gilligan, 1982), рассмотренной в главе 5 («Социализация»). Гиллиган утверждает, что мальчики рассуждают, руководствуясь абстрактными принципами. Для них «быть правым» означает «играть по правилам». Девочки же воспринимая мораль как социальную ответственность перед другими людьми. Таким образом, игры, в которые мы играем, оказывают серьезное воздействие на нашу дальнейшую жизнь.

Гендер и школьное обучение

В средней школе девочки, как правило, обучаются навыкам секретарей, официанток и косметологов. Занятия по столярному делу и ремонту автомобилей напротив, привлекают главным образом мальчиков.

В колледже непропорционально много мужчин изучают математику и естественные науки, в том числе физику, химию и биологию. Женщины предпочитают гуманитарные науки (например, английский язык), искусство (живопись, музыка, танец и театр) и общественные науки (включая антропологию и социологию). Новые области науки также в большинстве случаев разделены по гендерному признаку. Например, компьютерная сфера привлекает главным образом мужчин, в то время как курсы по гендерным исследованиям посещает больше женщин.

Гендер и средства массовой информации

С момента, когда телевидение впервые привлекло общественное внимание, что случилось в 1950-е гг., и до нашего времени основные роли играют белые мужчины. Расовые и этнические меньшинства совершенно не были представлены ведущими телевизионными ролями — так продолжалось вплоть до 1970-х гг. Что касается женщин, то даже в том случае, когда показаны представители обоих полов,

¹ От англ. *touchdown* (букв. — «приземление») — момент, когда игрок атакующей команды заносит мяч за лицевую линию поля. — *Примеч. науч. ред.*

мужчины обычно — блестящие детективы, бесстрашные исследователи и опытные хирурги, в то время как женщинам, наоборот, достаются роли менее талантливых персонажей, которые всего-навсего делают историю сексуально интересной.

Традиционно в рекламных роликах изображаются женщины, которые пребывают дома, радостно используют в хозяйстве чистящие средства, готовят еду, пробуют различные устройства и шьют одежду. Мужчины же доминируют в рекламе автомобилей, путешествий, банковских услуг, промышленных компаний и алкогольных напитков. Безликий авторитетный голос за кадром, рассказывающий о товарах по телевидению или по радио, почти всегда принадлежит мужчине (Courtney & Whipple, 1983; Davis, 1993).

При исследовании рекламных объявлений в газетах и журналах Эрвинг Гоффман (Goffman, 1979) задокументировал закономерность, выраженную в том, что мужчины на рисунках обычно изображены выше женщин, что подразумевает мужское превосходство. Он обнаружил, что женщины чаще изображались лежащими (на диванах или кроватях) или сидящими на полу, подобно детям. Лица мужчин выражают компетентность и авторитет, в то время как женщины часто выглядят по-детски. Внимание мужчин было обращено на рекламируемую продукцию, а женщины чаще фокусировались на мужчинах, выполняя второстепенную и подчиненную роль.

В последние годы изображения женщин и мужчин стали более адекватными, но все равно реклама не отдает женщинам должное, активно поддерживая то, что Наоми Вульф называет «мифом о красоте».

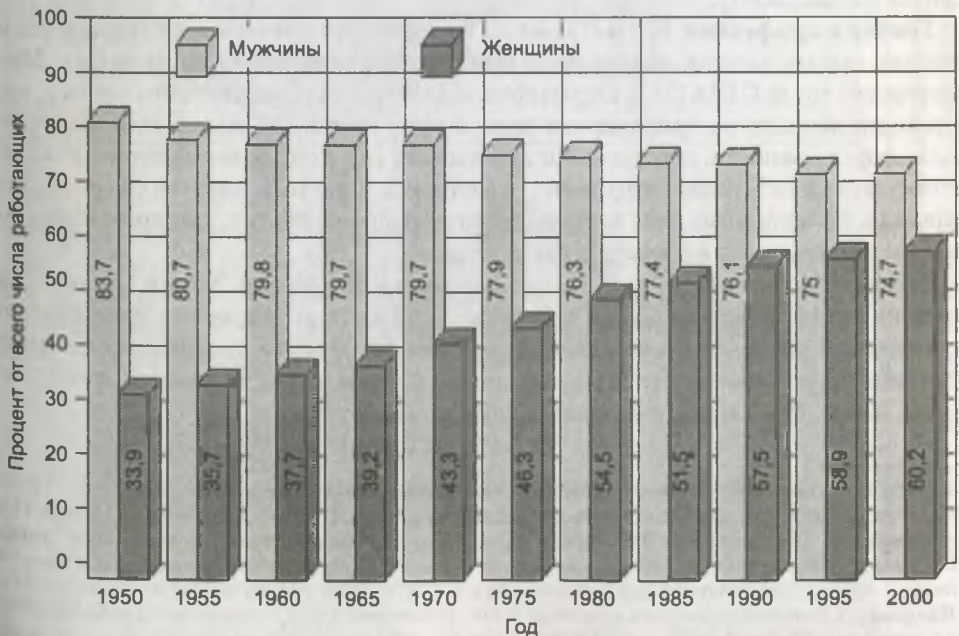

Рис. 13.2. Соотношение мужчин и женщин среди занятого населения в США.

Источник: U. S. Department of Labor, 2001

Гендер и социальная стратификация

Гендер влияет не только на мышление и поступки людей, но и на социальную иерархию. Реальность гендерной стратификации можно увидеть прежде всего в мире труда.

Работающие женщины и мужчины

В 1900 г. лишь каждая пятая женщина США имела работу. В 2000 г., как показано на рис. 13.2, работали и получали за это зарплату 60% женщин в возрасте старше 16 лет, причем три четверти из них работали полный день. Традиционная точка зрения на добывание денег как на исключительно мужскую роль уже неверна.

Изменения в структуре рабочей силы США обусловлены сокращением числа фермеров, ростом городов, уменьшением размера семей и увеличением числа разводов. Таким образом, в США, как и в большинстве других стран мира, работающие женщины считаются теперь скорее правилом, чем исключением. Действительно, в 62% женатых пар США работают оба супруга. Как показывает карта мира 13.2, женщины составляют почти половину рабочей силы США, однако во многих более бедных странах это не так¹.

В прошлом многие работающие американки были бездетными. Однако сегодня работают 62% замужних женщин, воспитывающих детей в возрасте до 6 лет, и 77% тех, у кого детям от 6 до 17 лет. Среди разведенных женщин соответственно трудятся 77% имеющих маленьких детей и 82% тех, у кого более старшие дети (U. S. Census Bureau, 2000).

Гендер и профессия. Несмотря на то, что соотношение работающих мужчин и женщин выравнивается, занимаемые ими должности остаются различными. Министерство труда США (U.S. Department of Labor, 2001) сообщает, что почти $1/2$ работающих женщин распределяются по двум категориям. 23% из них занимают канцелярские должности, которые иногда называют работой «розовых воротничков», потому что на 79% такие сотрудники — женщины. Еще 16% заняты в сфере обслуживания. Большинство этих женщин работают официантками, детскими воспитателями или трудятся в сфере здравоохранения.

В табл. 13.2 перечислены 10 самых «женских» профессий. Хотя к настоящему времени число работающих (и зарабатывающих) женщин возросло, им по-прежнему отведены наименее оплачиваемые должности, которые предполагают весьма ограниченные возможности продвижения по службе и контроль со стороны мужчин (Charles, 1992; Bianchi & Spain, 1996; U.S. Department of Labor, 2001).

¹ На этой карте показано, какую часть рабочей силы составляют женщины. Этот показатель во многом определяется уровнем технологического развития страны. В 2000 г. женщины составляли 47% рабочей силы США, что почти на 10% больше, чем среди людей предыдущего поколения. В странах с высоким уровнем доходов рабочая сила почти наполовину представлена женщинами. Однако в бедных странах они работают еще упорнее, чем в США, хотя их усилия подчас не оплачиваются. Например, в Латинской Америке женщины — это приблизительно $1/3$ оплачиваемой рабочей силы, а в исламских обществах Северной Африки и Среднего Востока соответствующая цифра намного ниже. Исключением из правила являются страны Центральной и Южной Африки, где многие женщины традиционно занимаются сельским хозяйством.

Карта мира 13.2. Занятость женщин в глобальной перспективе.

Источники: Peters Atlas of the World, 1990; информация обновлена автором на основании данных The World Bank, 2001

Таблица 13.2

Профессии, наиболее характерные для женщин (данные за 2000 г.)

Профессия	Число женщин данной профессии	Доля женщин в профессиональной сфере, %
1. Секретарь	2 594 000	98,9
2. Специалист по гигиене полости рта	110 000	98,5
3. Воспитатель яслей и детского сада	617 000	98,5
4. Семейная няня	446 000	97,7
5. Частный воспитатель	268 000	97,5
6. Служащая в приемной	983 000	96,7
7. Помощник стоматолога	210 000	96,4
8. Помощник воспитателя детского сада	457 000	95,2
9. Домработница или служанка	474 000	94,8
10. Стенографистка	146 000	94,7

Источник: U.S. Department of Labor, Bureau of Labor Statistics, *Employment and Earnings*, vol. 48, no. 1, January 2001, pp. 178–183.

Мужчины доминируют в большинстве остальных отраслей, включая строительную индустрию: 99% каменщиков, сварщиков и машинистов тяжелой техники — именно они. Кроме того, мужчинами являются 90% инженеров, 83% полицейских, 72% врачей, 70% судей и юристов и 55% руководителей коммерческих организаций. Согласно данным недавнего исследования, в число самых высокооплачиваемых сотрудников корпораций из списка *Fortune 500* входят 2162 мужчины и 93 женщины или (только 4%). Всего лишь в 9 из 1000 крупнейших корпораций США пост генерального директора занимают женщины (Catalyst, 2001; U.S. Department of Labor, 2001).

Гендерная стратификация на рабочем месте очевидна: медсестры ассистируют мужчинам-врачам, женщины-секретарши помогают мужчинам-руководителям, а женщины-стюардессы подчиняются летчикам, большинство из которых также мужчины. Более того, чем выше доход и престиж профессии в какой-либо области, тем больше соответствующих должностей занимают мужчины. Например, 98% воспитателей детских садов, 83% учителей начальной школы, 58% учителей средней школы, 42% профессоров колледжей и университетов и 16% руководителей колледжей и университетов — женщины (U.S. Department of Labor, 2001).

В чем же именно возможность женщин занять ряд должностей ограничена? Компании определяют некоторые профессии как «мужские», на основании чего делается вывод, что женщины им не соответствуют. Занимаясь исследованиями в сфере угольной промышленности штата Западная Вирджиния, Сьюзен Е. Талличет (Tallichet, 2000) обнаружила, что большинство мужчин считали работу в шахте «неестественной» для женщин и называли работавших там сотрудниц «ненормальными», «сексуально распушенными» и лесбиянками. Из-за этих предубеждений женщины становились изгоями, им трудно было сохранить работу, и почти исключалось повышение по службе.

Но мужское господство не безгранично: его готовы оспорить женщины-предприниматели. Сейчас в США им принадлежит более 9 млн малых фирм, что составляет $\frac{1}{3}$ от их общего числа и в 2 раза больше, чем 10 лет назад. На большинстве таких предприятий работает один человек — сама женщина-руководитель, однако вообще в них заняты $\frac{1}{4}$ всех работающих американцев. Создавая собственное дело, женщины показывают, что способны устроить свою жизнь вне крупных компаний, в которых доминируют мужчины (Ando, 1990; O'Hare & Larson, 1991; Mergenhagen, 1996c; NFWBO, 1996; Winters, 1999; U.S. Department of Labor, 2001).

Работа по дому

В США феномен работы по дому всегда выступал в качестве культурного противоречия: мы утверждаем, что она имеет огромную важность для семейной жизни, и в то же время считаем ее не обладающей престижем и невыгодной во всех остальных отношениях (Bernard, 1981). Работающие женщины теперь меньше времени уделяют домашнему хозяйству, однако *доля* работы, проделываемой ими по дому, осталась примерно такой же. На рис. 13.3 показано, что в среднем женщины посвящают домашним делам 16,5 часа в неделю, тогда как мужчины — 9,2 часа. Кроме того, видно, что такое значительное несоответствие характерно для всех категорий людей (Stapinski, 1998).

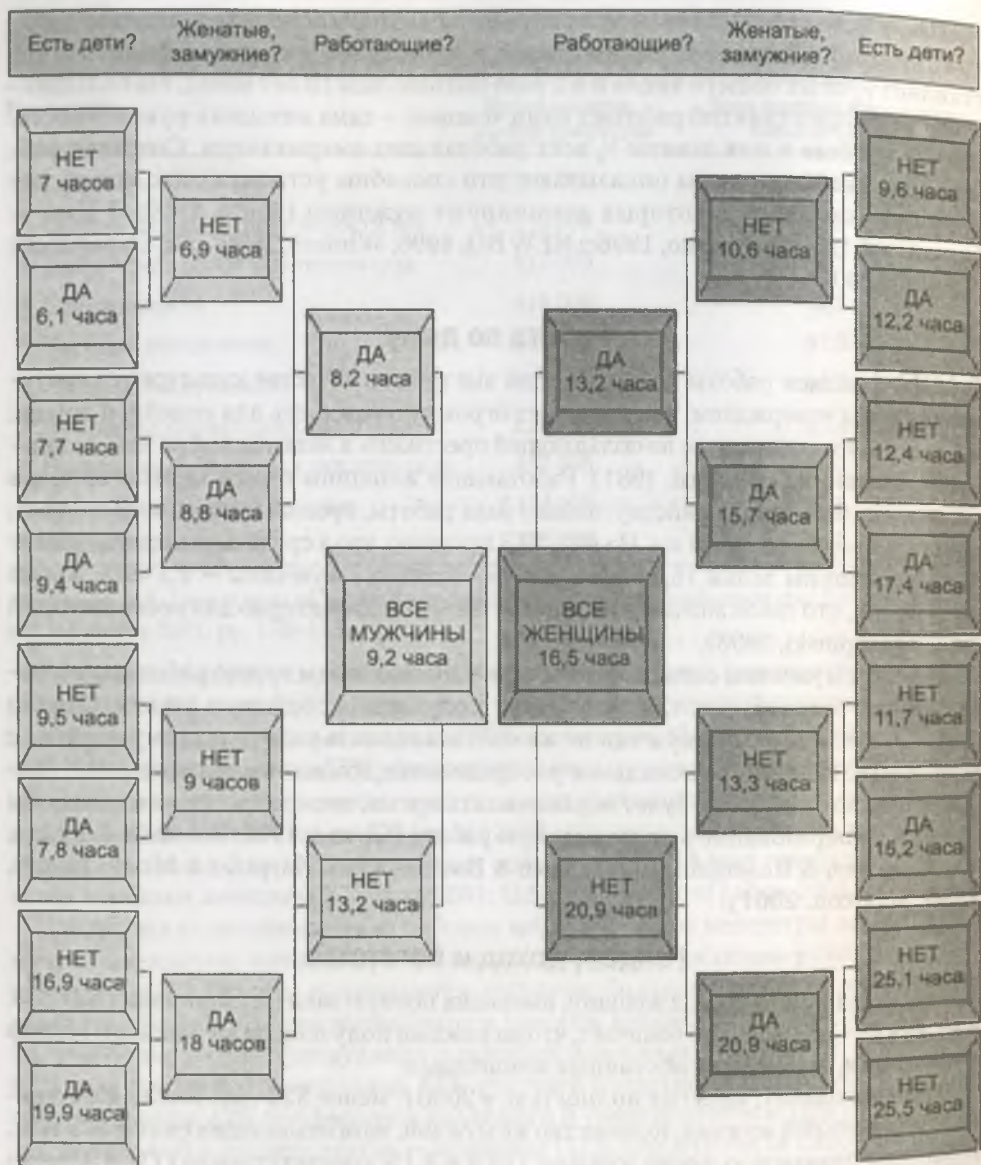
В целом мужчины соглашаются с тем, что женщинам нужно работать, и многие из них рассчитывают, что те станут получать за свой труд деньги. Однако при этом большинство мужчин не желают выполнять работу по дому наравне с супругами. Непропорциональное распределение домашних обязанностей, скорее всего, по-прежнему будет ограничивать время, которое женщины могли бы отвести на образование и оплачиваемую работу (Cowan, 1992; Robinson & Spitze, 1992; Lennon & Rosenfeld, 1994; Heath & Bourne, 1995; Harpster & Monk-Turner, 1998; Stratton, 2001).

Гендер, доход и богатство

В 2000 г. медианный доход женщин, имеющих полную занятость, составил \$27 355, а мужчин — \$37 339. Это означает, что на каждый полученный мужчинами доллар приходится 73 цента, заработанных женщинами.

Среди рабочих, занятых полностью, в 2000 г. менее \$25 тыс. имели 42% женщин и только 26% мужчин. Количество же мужчин, зарабатывающих свыше \$75 тыс., в 3,5 раза превысило число женщин (14,8 и 4,1% соответственно) (U.S. Census Bureau, 2001).

Основная причина того, почему доходы женщины меньше, заключается в *типе* выполняемой ими работы: они занимают, как правило, конторские должности или трудятся в сфере обслуживания. Действительно, профессия и гендер взаимосвязаны. Многие люди все еще воспринимают менее влиятельные должности как «женские», а также недооценивают некоторые профессии только потому, что они характерны для женщин (Parcel, Mueller, & Cuvelier, 1986; Blum, 1991; England, 1992; Bellas, 1994; Huffman, Velasco, & Bielby, 1996; England, Hermsen, & Cotter, 2000).

В среднем женщины проводят за домашними делами 16,5 часа в неделю, а мужчины – 9,2 часа. Данная закономерность не зависит от того, женаты люди или нет, а также от наличия работы и детей.

Рис. 13.3. Работа по дому: кто вносит более весомый вклад? *Источник: Stapinski, 1998*

В 1980-е гг. сторонники гендерного равенства предложили политику сопоставимой ценности. Это означает, что при оплате труда людей следует руководствоваться не исторически двойными стандартами, а фактической ценностью того, что делают люди. Однако в США в отличие от некоторых стран, например Велико-

британии и Австралии, такая политика принята не была, в результате чего американские женщины теряют ежегодно \$1 млрд.

Другая причина гендерного неравенства в доходах связана с семьей. Конечно, дети есть и у мужчин, и у женщин, однако в нашей культуре принято, что за воспитание детей прежде всего отвечают женщины. По беременности и уходу за маленькими детьми многие молодые женщины лишаются возможности работать, в то время как их сверстники мужского пола добиваются значительных карьерных успехов. Это еще одна причина того, почему женщины занимают менее высокие должности, чем мужчины (Fuchs, 1986; Stier, 1996; Waldfogel, 1997).

Более того, женщины, решившие иметь детей, порой не могут получить или удержать должности, предполагающие работу по вечерам и в выходные дни. Чтобы избежать столкновения исполняемых ролей, они соглашаются на работу в тех организациях, которые расположены ближе к дому, предлагают более гибкий график или обеспечивают услуги по воспитанию детей. В отличие от мужчин женщины, преследующие и карьерные, и семейные цели, часто разрываются между двойными обязанностями. Один ученый обнаружил, что дети есть у 90% сорокалетних мужчин-руководителей и только у 35% женщин из аналогичной категории (F. Schwartz, 1989).

Таблица 13.3

Заработок американских мужчин и женщин, занятых полный рабочий день* (данные за 2000 г.)

Некоторые категории профессий	Медианный доход в долларах		Доход женщин от дохода мужчин, %
	Мужчины	Женщины	
Руководители, администраторы и начальники	57 162	36 953	65
Специалисты	58 364	39 319	67
Технологи и техники	46 717	35 818	77
Продавцы	41 266	25 619	62
Различные конторские должности	32 622	25 197	77
Точное производство, квалифицированный физический труд и ремонтные работы	35 197	26 101	74
Механики и операторы станков	28 918	19 196	66
Операторы конвейера	29 461	25 613	87
Грузчики, уборщики оборудования, помощники и разнорабочие	22 157	17 384	78
Работники в сфере обслуживания	25 052	16 873	67
Сельское и лесное хозяйство, рыболовство	19 586	17 618	90
Все вышеуказанные профессии	37 339	27 355	73

* Работники от 15 лет и старше.

Источник: U.S. Census Bureau, 2001.

Два описанных фактора — тип работы и семейные обязанности — объясняют две трети неравенства в доходах женщин и мужчин. Оставшаяся доля связана с третьим фактором — дискриминацией женщин (Pear, 1987; Fuller & Schoenberger, 1991). Последняя запрещена законом, однако приобретает более изощренные формы. Работая в коммерческих организациях, женщины часто сталкиваются со «стеклянным потолком» — невидимым барьером, существование которого хотя и не признается руководителями компаний, не позволяет женщинам занимать высшие руководящие позиции (Benokraitis & Feagin, 1995; Yamagata et al., 1997).

По этим причинам женщины во всех профессиональных сферах зарабатывают меньше, чем мужчины. Как показано в табл. 13.3, разные профессии характеризуются особой величиной неравенства в доходах, однако только в 5 основных категориях профессий заработок женщин составляет свыше 75% от того, что получают мужчины.

Многие люди думают, что женщины обладают большей частью американских состояний; это вызвано, вероятно, тем, что они обычно живут дольше мужчин. Официальная же статистика свидетельствует о другом: среди людей с состоянием, превышающим \$1 млн, 61% — мужчины, хотя вдов в этом клубе миллионеров тоже много (U. S. Internal Revenue Service, 2000). Всего 12% людей, названных журналом *Forbes* самыми богатыми людьми США, — женщины.

Гендер и образование

В прошлом женщины не могли получать хорошее образование, так как их жизнь ограничивалась домашними обязанностями. Однако времена изменились. В 1980 г. большинство дипломов о среднем специальном образовании и степеней бакалавров выданы женщинам; в 1998 г. эта цифра составила 56% (U.S. National Center for Education Statistics, 2001).

Мужчинам и женщинам были предоставлены одинаковые образовательные возможности, в результате чего различия в их специализации также стали уменьшаться. Например, в 1970 г. среди бакалавров в области естественных, компьютерных и инженерных наук лишь 17% были женщинами; к 1998 г. их доля увеличилась до 31%.

В 1993 г. женщины также впервые получили большинство научных степеней, что очень часто помогает занять престижную должность. Во всех исследованных в 1998 г. областях женщины получили 57% степеней магистров и 42% степеней докторов (включая 56% степеней докторов философии в области социологии). Кроме того, женщины вторглись во многие области науки, которые раньше были почти исключительно мужскими. Например, в 1970 г. лишь несколько сотен женщин получили степень магистра бизнес-администрирования, а в 1998 г. — уже более 39 тыс. (39% от общего числа) (U.S. National Center for Education Statistics, 2001).

Тем не менее в некоторых профессиональных областях господство мужчин сохраняется. Из числа получивших в 1998 г. степень юристов — 56%, степень врачей — 58%, стоматологов — 62% составили мужчины (U.S. National Center for Education Statistics, 2001). В американском обществе высокооплачиваемые профессии (а также настойчивость и стремление вырваться вперед, необходи-

мые, чтобы достигнуть в них успеха) все еще считаются маскулинными чертами; этот факт помогает объяснить, почему женщины реже завершают обучение таким профессиям, несмотря на то что на первых курсах количество студенток не уступает числу мужчин (Florentine, 1987; Florentine & Cole, 1992). Вместе с тем число женщин, владеющих данными профессиями, постепенно увеличивается: например, Американская ассоциация адвокатов сообщает, что в 2004 г. в США на юридических факультетах будет обучаться примерно одинаковое число мужчин и женщин (Gest, 2001).

Гендер и политика

100 лет назад в США женщин почти не избирали на политические должности. Более того, до принятия в 1920 г. девятнадцатой поправки к конституции они даже не имели права голоса. Тем не менее еще раньше несколько женщин выдвигались кандидатами на политические посты. В 1872 г. партия равноправия предложила кандидатуру Виктории Вудхалл на пост президента США, однако в соответствии с духом того времени день выборов претендентка провела в нью-йоркской тюрьме. В табл. 13.4 указаны важнейшие этапы движения за политические права женщин.

Таблица 13.4

Важнейшие «прорывы» женщин в политике США

1869 г.	Женщины получили право голоса в штате Вайоминг; в 1870 г. аналогичный закон был принят в штате Юта
1872 г.	Первая женщина-кандидат в президенты (Виктория Вудхалл от партии равноправия)
1917 г.	Первая женщина избрана в палату представителей (Джэннет Рэнкин от штата Монтана)
1924 г.	Первые женщины избраны губернаторами штатов (Нелли Тейлор Росс в штате Вайоминг и Мириам [«Ма»] Фергюсон в штате Техас); обе сменили на этих постах своих мужей. Впервые одна из главных политических партий рассматривала кандидатуру женщины при выборе кандидата на пост вице-президента (Лена Джонс Спрингс)
1931 г.	Первая женщина-сенатор (Хэтти Кэрэвэй от штата Арканзас); завершила срок службы мужа после его смерти и была переизбрана в 1932 г.
1932 г.	Первая женщина в правительстве (Фрэнсис Перкинс, министр труда в правительстве президента Франклина Д. Рузвельта)
1964 г.	Впервые одна из главных политических партий рассматривала кандидатуру женщины при выборе кандидата на пост президента (Маргарет Чейз Смит, представительница республиканской партии)
1972 г.	Впервые одна из главных политических партий при выборе кандидата на пост президента рассматривала кандидатуру женщины афроамериканского происхождения (Ширли Чизхольм, член демократической партии)
1981 г.	Впервые женщина стала членом Верховного Суда США (Сандра Дэй О'Коннор).
1984 г.	Впервые женщина избрана кандидатом в вице-президенты (Джеральдин Ферраро от демократической партии)
1988 г.	Первая женщина избрана три раза подряд на пост губернатора (Мадлен Куниг, губернатор штата Вермонт)

1992 г.	Политический «Год женщин»: рекордное число женщин в сенате (6) и палате представителей (48); первая женщина афроамериканского происхождения избрана в сенат США (Кэрол Мозли-Браун от штата Иллинойс); впервые в одном штате (Калифорния) избраны 2 женщины-сенатора (Барбара Боксер и Диана Фейнстайн); впервые в палату представителей избрана женщина пуэрториканского происхождения (Найдия Веласкез от штата Нью-Йорк)
1996 г.	Первая женщина стала государственным секретарем (Мадлен Олбрайт)
2000 г.	Рекордное число женщин в сенате (тринадцать) и палате представителей (59)
2000 г.	Впервые политические выборы выиграла «первая леди» (Хиллари Родхэм Клинтон, сенатор от штата Нью-Йорк).

Источники: основано на данных статьи Сандры Салманз: Sandra Salmans, *Women Ran for Office before They Could Vote*, *New York Times*, July 13, 1984, p. A11; а также на сообщениях новостей.

Сегодня тысячи жительниц Америки являются мэрами крупных и небольших городов в Соединенных Штатах; десятки тысяч занимают ответственные руководящие посты в федеральном правительстве. В 2001 г. законодательные органы штатов были на 22% составлены из женщин (в 1970 г. было 6%). На карте США 13.1 показано, в каких регионах страны достигнут наибольший политический прогресс в этом¹.

На самом высоком политическом уровне изменения не столь внушительные, хотя большинство взрослых граждан США утверждают, что поддержали бы кандидатуру компетентной женщины на любой пост, включая президентский. По итогам всеобщих выборов 2000 г. 5 из 50 постов губернаторов штатов (10%), 59 из 435 мест в палате представителей (14%) и 13 из 100 мест (13%) в сенате заняли женщины.

Что касается мира в целом, то в 179 мировых парламентах у женщин всего лишь 13,9% мест, хотя они и составляют половину человечества. Это на 3% больше, чем 50 лет назад, однако только в Норвегии, Швеции, Финляндии и Дании (38,7%), а также Исландии (34,9%) и Нидерландах (32,9%) доля женщин-парламентариев сопоставима с их долей в населении (Inter-Parliamentary Union, 2001).

Гендер и вооруженные силы

Женщины служат в вооруженных силах начиная с колониальных времен. Однако в 1940 г., перед началом Второй мировой войны, вооруженные силы только на 2% были укомплектованы ими. В войне в Персидском заливе 1991 г. участвовали 35 тыс. женщин, или 6,5% от всего личного состава, составившего тогда 540 тыс. человек. Из 148 погибших в той войне американских солдат 5 были женщинами.

¹ Хотя женщины составляют 1/2 взрослых граждан США, в законодательных органах штатов у них только 22% мест. Посмотрите, как колеблется этот показатель по различным штатам. Где женщины добились наибольшей политической власти? Какие, по вашему мнению, факторы объясняют эту закономерность?

Карта США 13.1. Женщины в правительстве американских штатов. Источники: Center for American Women and Politics, Eagleton Institute of Politics, Rutgers University, *Women in State Legislatures*, 2001. Доступно в Интернете: <http://www.rci.rutgers.edu/~cawp/pdf/stleg.pdf>, October 23, 2001

В 2001 г. американки составляли уже 15% личного состава вооруженных сил. Только береговая охрана разрешила принимать женщин в различные подразделения; морская пехота, наоборот, закрыла им доступ к $2/3$ должностей. Люди, которые поддерживают ограничение роли женщин в вооруженных силах, утверждают, что в среднем те физически слабее мужчин. В ответ критики отмечают, что женщины-военные лучше образованы и показывают более высокие результаты по тестам интеллекта. Как бы то ни было, суть вопроса состоит в том, что в нашем обществе глубоко укоренился взгляд на женщин как на *воспитателей детей* — людей, которые дают жизнь и помогают окружающим; это совершенно не согласуется с образом женщины, обученной убивать.

Их интеграция в рамки воинской культуры проходит медленно, однако во всех подразделениях вооруженных сил США женщины занимают все больше постов. Это, в частности, обусловлено тем, что высокие технологии стирают различия между должностями, предполагающими боевую выучку и не требующими таковой. Руководствуясь данными радара, пилот боевого самолета может атаковать цель, находящуюся за многие мили от него, в то время как не принимающие непосредственного участия в сражениях бригады медицинской эвакуации вынуждены работать на поле боя (McNeil, 1991; May, Segal, & Hansen, 1992; Wilcox, 1992; Kaminer, 1997).

Являются ли женщины меньшинством¹?

Социологи определяют **меньшинство**² как *любую категорию людей, отличных в физическом или культурном отношении, которым общество отводит особое, подчиненное положение*. Учитывая явно неблагоприятное экономическое положение женщин в нашем обществе, кажется логичным утверждение, что в США женщины образуют меньшинство, хотя по численности и превосходят мужчин.

Однако субъективно многие белые женщины не считают себя таковыми (Hacker, 1951; Lengermann & Wallace, 1985). Частично это объясняется тем, что в отличие от расовых (включая афроамериканцев) и этнических (например, латиноамериканцев) меньшинств белые женщины хорошо представлены на всех, в том числе самых высоких, уровнях классовой структуры.

Тем не менее для каждого социального класса характерно, что женщины обычно имеют более низкий уровень дохода, богатства, образования и власти, чем мужчины. Фактически патриархат ставит социальное положение женщин в изрядную зависимость от мужчин — сначала от отцов, а потом от мужей (Bernard, 1981).

Представительницы меньшинств

Если женщин определить как меньшинство, что сказать о представительницах меньшинств? Их положение еще хуже? В целом это действительно так. В подтверждение достаточно сравнить доход нескольких категорий людей. Приведем сначала данные о зарплате женщин различной расовой и национальной принадлежности:

¹ В английском языке слово *minority* — меньшинство — означает не только тех, кого меньше, но также тех, кто младше по возрасту или рангу. — *Примеч. науч. ред.*

² Мы используем термин «меньшинство» вместо «группа меньшинства», потому что, как объясняется в главе 7 («Группы и организации»), оно представляет собой категорию, а не группу.

медианный доход афроамериканок, работающих полный день, в 2000 г. составил \$25 117 — 85% от \$29 604, заработанных белыми женщинами (не испаноязычными). Последние заработали \$20 527, или всего лишь 69% от дохода белых женщин. Что касается гендерных различий, то доход женщин-афроамериканок и испаноязычных равнялся 83% от полученного мужчинами-афроамериканцами и испаноязычными соответственно.

Если данные объединить, получится, что в 2000 г. афроамериканки заработали 61% от дохода белых мужчин, а испаноязычные — только 50% (U.S. Census Bureau, 2001). Данное неравенство отражает более низкое положение представительниц меньшинств в профессиональной и образовательной иерархиях по сравнению с белыми женщинами (Bonilla-Santiago, 1990). Приведенные данные показывают, что гендер важный, но не единственный фактор, определяющий нашу жизнь. Классовое положение, расовая и этническая принадлежность и гендер пересекаются, формируя многоуровневую систему препятствий для одних людей и преимуществ для других (Ginsburg & Tsing, 1990; St. Jean & Feagin, 1998).

Насилие по отношению к женщинам

Как было отмечено во вступлении к этой главе, выражение «правило большого пальца» вошло в наш язык примерно 150 лет назад, когда общественная мораль требовала, чтобы мужчина не бил свою жену палкой толще большого пальца руки. Даже сегодня женщины очень часто подвергаются насилию со стороны мужчин. По оценкам правительства США, ежегодно против американских женщин совершается 383 тыс. сексуальных преступлений, включая 201 тыс. изнасилований или таких попыток. К этому числу надо прибавить около 2 млн случаев физического насилия (Goetting, 1999; U. S. Bureau of Justice Statistics, 2001).

Это серьезная проблема в общежитиях колледжей и университетов. Согласно последнему отчету министерства юстиции (Department of Justice, 2001), в 2000 г. жертвами изнасилований стали 1,7% студенток колледжей, а еще в отношении 1,1% совершены аналогичные попытки. В 90% всех случаев жертвы знали обидчиков, и большинство преступлений произошли в комнатах женщин.

Вне студенческих городков гендерное насилие также происходит там, где женщины и мужчины чаще общаются, — т. е. дома. Ричард Геллес (цит. по: Roesch, 1984) утверждает, что в Соединенных Штатах семья является организацией с самым высоким уровнем насилия после полиции и вооруженных сил. От него страдают оба пола, однако женщины чаще получают более серьезные травмы, чем мужчины (Straus & Gelles, 1986; Schwartz, 1987; Shupe, Stacey, & Hazlewood, 1987; Gelles & Cornell, 1990; Smolowe, 1994).

Насилие по отношению к женщинам также нередко при случайных связях. Однако, как отмечается в главе 8 «Девиантность», большинство изнасилований совершают мужчины, которых жертвы знают и которым доверяют. Диана Херман (Herman, 2001) считает, что оскорбительное отношение к женщинам стало неотъемлемой частью американского образа жизни. Все формы такого насилия — от улюлюканья, пугающего женщин на улицах городов, и щипков в переполненных вагонах метро до физических побоев дома — выражают стремление мужчин доминировать, которое она называет «культурой изнасилования». Автор утверждает, что

его фундаментальная причина — стремление к *власти*, а не секс, поэтому насилие по отношению к женщинам следует понимать как одно из измерений гендерной стратификации.

В различных регионах мира оно принимает разнообразные формы. В качестве примера можно привести увечающие операции на женских половых органах, которые распространены примерно в трех дюжинах стран и иногда встречаются в США (см. карту мира 13.3¹). Ниже описан случай такой операции, который произошел в штате Калифорния.

Сексуальное преследование. Сексуальное преследование включает *реплики, жесты или физические контакты сексуального свойства, которые носят умышленный, повторяющийся и нежелательный характер*. В 1990-е гг. данный вопрос был поднят на государственный уровень, что привело к полному пересмотру правил общения на рабочем месте.

Женщины составляют большинство жертв сексуального преследования. В первую очередь это объясняется тем, что наша культура побуждает мужчин быть сексуально агрессивными и воспринимать противоположный пол с сексуальной точки зрения. Вследствие этого социальное взаимодействие на работе, в студенческих общеклассных и других общественных местах иногда быстро приобретает сексуальный подтекст. Во-вторых, большинство людей, занимающих руководящие позиции, — включая руководителей компаний, врачей, контролеров конвейера, профессоров и военных офицеров, — мужчины, контролирующие работу женщин. Согласно исследованиям, проведенным в самых разнообразных условиях выполнения профессиональной деятельности, каждая вторая женщина заявила, что становилась объектом нежелательного сексуального внимания (Paul, 1991; NORC, 2001).

Сексуальное преследование иногда носит очевидный и прямой характер, например когда начальник требует сексуальных услуг от подчиненной, угрожая репрессиями, если его притязания будут отвергнуты. Сексуальное преследование *quid pro quo* (латинская фраза, означающая «услуга за услугу») признано судом нарушением гражданских прав.

Однако чаще оно не столь откровенно. Это сексуальные поддразнивания, неприличные шутки или размещение эротических рисунков на рабочем месте — цель которых, возможно, даже не заключается в какой-либо агрессии. Тем не менее *результатом* этих действий, на что обращают внимание многие феминистки, может быть создание *неблагоприятного окружения* (Cohen, 1991; Paul, 1991). Подобные инциденты запутаннее, потому что связаны с различным восприятием одного и того же поведения. Например, мужчина может воспринимать комплимент сотруднице по поводу ее внешности просто как дружеский жест; она же расценивает его как шаг, снижающий производительность ее труда.

¹ Увечающие операции на женских половых органах, иногда называемые «женским обрезанием», проводятся более чем в 40 странах мира, главным образом — в Африке. Таким операциям подвергаются большинство девочек в Судане, Эфиопии и Сомали (восточноафриканские страны). В некоторых азиатских странах, включая Индию, это практикуется только несколькими этническими меньшинствами. В США, Канаде, ряде европейских стран и Австралии случаи подобных операций встречаются только среди отдельных групп иммигрантов.

Карта мира 13.3. Распространенность операций на женских половых органах во всем мире. *Источник: Sender, 1997*

ГЛОБАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Увечашие операции на женских половых органах: насилие во имя морали

Однажды Мезерак Рамсей, родившаяся в Эфиопии, а ныне работающая медсестрой в штате Калифорния, пришла в гости к подруге. Вскоре она заметила 18-месячную дочь хозяйки дома, съжившуюся в углу комнаты, Девочка пребывала в явно подавленном состоянии. «Что случилось?» — спросила гостя.

Рамсей была шокирована, когда женщина сказала, что ее дочери недавно сделали клиторэктомию, или «женское обрезание», которое заключается в хирургическом удалении клитора. Эта процедура, обычно выполняемая без анестезии акушеркой, шаманом племени или врачом, распространена в двух дюжинах африканских стран, включая Нигерию, Того, Сомали и Египет, а также встречается в других национальных группах.

В странах с радикальным патриархальным укладом мужа требуют, чтобы их жены выходили замуж девственницами и оставались сексуально верными на протяжении всего брака. Цель описываемых операций состоит в устранении сексуальных ощущений, что, по мнению некоторых людей, способствует соблюдению женщинами сексуальных норм и делает их более желанными для мужчин. Примерно в каждом пятом случае выполняется еще более тяжелая процедура, называемая инфибуляцией, при которой удаляют все наружные половые органы, а края раны скрепляют вместе, оставляя только небольшое отверстие для мочеиспускания. Перед свадьбой муж имеет право раскрыть рану и убедиться в девственности своей невесты.

Сколько женщин были подвергнуты подобным операциям? По некоторым оценкам, более 100 млн во всем мире. В Соединенных Штатах каждый год проводятся сотни, а возможно, и тысячи таких процедур. В большинстве случаев матери и бабушки, иммигрировавшие из других стран, где сами в свое время подверглись увечашей операции на половых органах, настаивают, чтобы маленькие девочки их семьи последовали их примеру. На самом деле многие женщины-иммигрантки просто требуют этой процедуры, *потому что их дочери теперь живут в США, где сексуальные нравы более свободны*. «Теперь я не буду волноваться за нее, — сказала одна мать из Калифорнии Мезерак Рамсей. — Она будет хорошей девочкой».

С медицинской точки зрения увечашие операции на женских половых органах приводят не только к утрате сексуального удовольствия. Они причиняют сильную боль, которая может продолжаться годами, а также связаны с риском инфицирования, бесплодия и даже смерти. Мезерак Рамсей сама подверглась подобной процедуре в раннем возрасте. Ей посчастливилось избежать серьезных медицинских осложнений, однако все равно она очень страдает, что можно проиллюстрировать следующей историей. Однажды Рамсей предложила молодой американской паре остаться у нее дома. Поздно ночью она услышала женские крики и ворвалась в их комнату. Молодые люди занимались любовью, и женщина испытала оргазм. «Я ничего не поняла, — вспоминает Рамсей. — Я думала, что с американскими девушками что-то не так. Но теперь я знаю, что это со мной что-то неправильно». Или с системой, которая причиняет женщинам такие страдания во имя традиционной морали.

Источник: Crossette, 1995.

Порнография. В главе 9 «Сексуальность» *порнография* была определена как сексуально откровенный материал, вызывающий половое возбуждение. Однако люди имеют разные взгляды на то, что считать или не считать порнографическим. Закон также предоставляет право местным органам управления самим устанавливать рамки, определяющие, какие сексуально откровенные материалы нарушают «общественные стандарты» благопристойности и в то же время не имеют социальной ценности.

Многие частные компании и общественные организации приняли установки, препятствующие поведению, которое может создать «неблагоприятное или угрожающее окружение». На практике это должно устранить сексуальность из рабочей обстановки, чтобы люди могли трудиться, не отягощаясь грузом традиционных представлений об отношениях между женщинами и мужчинами. Возможно, действия, направленные против сексуального преследования, создадут комфортную неформальную атмосферу, способствующую свободному и непринужденному общению сотрудников

Люди могут по-разному понимать, что такое порнография, однако мало кто сомневается в том, что в США — это крупный бизнес. В целом объем продаж рынка видео- и кинофильмов, журналов, телефонных услуг и интернет-сайтов откровенного содержания превышает \$10 млрд в год.

Американское общество традиционно рассматривает порнографию с позиций *морали*. Согласно данным национального опроса, 57% взрослых граждан США выражают озабоченность тем, что «материалы сексуального характера приводят к падению нравственности» (NORC, 2001). Но порнография также представляет собой один из факторов гендерной стратификации. В этом отношении она связана с *властью*, потому что в большей части порнографической продукции женщины предстают в дегуманизованном облике, как игрушки мужчин. Следует отметить, что термин *порнография* происходит от древнегреч. *porne*, которое означает «проститутка, сексуальная рабыня мужчины».

Кроме того, общество обеспокоено тем, что порнография провоцирует насилие по отношению к женщинам. Изображая их сексуальными игрушками, она формирует мнение, будто женщины слабы и не заслуживают уважения. Мужчины могут демонстрировать презрение к ним, предпринимая направленные против них действия. По данным исследований, примерно половина взрослых граждан США считают, что порнография побуждает мужчин к изнасилованиям (NORC, 2001).

Как и сексуальное преследование, данный аспект порождает сложные и противоречивые вопросы. Большинство людей возражают против оскорбительной про-

дукции, но многие считают, что мы должны защищать свободу слова и художественного выражения. Тем не менее общественная поддержка ограничения порнографии усиливается — как со стороны консервативных людей, возражающих против нее из моральных соображений, так и со стороны более либеральных граждан, считающих, что она унижает женщин и угрожает им.

Теоретический анализ гендера

Важность гендера в социальной организации рассматривается во всех основных теоретических парадигмах социологии.

Структурно-функциональный анализ

Согласно структурно-функциональному подходу, общество представляет собой сложную систему, состоящую из многих отдельных, но взаимосвязанных частей. С этой точки зрения функции гендера заключаются в организации социальной жизни.

Как показано в главе 4 («Общество»), члены обществ охотников и собирателей, почти не обладали властью над биологическими силами. Из-за невозможности контролировать рождаемость женщины часто беременели, и обязанность ухода за детьми привязывала их к дому. В то же время благодаря своей силе мужчины были более приспособленными для войны и охоты. С течением времени половому разделению труда был придан законный статус и оно стало восприниматься как само собой разумеющееся (Lengermann & Wallace, 1985).

Индустриальные технологии открывают более широкие культурные возможности. Мускулатура человека перестает быть основным источником энергии, в результате чего уменьшается важность мужской физической силы. Кроме того, возможность контроля над рождаемостью предоставляет женщинам больший жизненный выбор. Члены современных обществ понимают, что традиционные гендерные роли подавляют развитие огромного числа талантливых людей, однако изменения происходят медленно, потому что представления о гендере глубоко укоренились в нашей культуре.

Талкотт Парсонс: гендер и комплементарность. Талкотт Парсонс (Parsons, 1942, 1951, 1954) утверждал, что гендер способствует объединению общества, по крайней мере в его традиционном виде, формируя *комплементарный* набор ролей, объединяющих мужчин и женщин в семье для выполнения различных важных задач. На женщин ложится основная ответственность за управление домашним хозяйством и воспитание детей. Мужчины же играют в обществе роль рабочей силы, связывая семью и больший мир.

Далее Парсонс утверждает, что в ходе социализации общество обучает оба пола соответствующей гендерной идентичности и навыкам, которые понадобятся им во взрослой жизни. Так, оно учит мальчиков, которым суждено работать, рациональности, соперничеству и самоуверенности. Этот комплекс черт Парсонс называет *инструментальным*. Чтобы подготовить девочек к воспитанию детей, при их социализации подчеркиваются качества, которые автор называет *экспрессивными*, например эмоциональная реактивность и отзывчивость к окружающим.

Общество поддерживает соответствие гендеру, объясняет ученый, прививая мужчинам и женщинам страх, что слишком сильное отклонение от принятых стан-

дартов вызовет неприятие противоположным полом. Проще говоря, оно учит женщин рассматривать немаскулинных мужчин как сексуально непривлекательных и соответственно — наоборот.

Критическая оценка. Сторонники структурного функционализма предлагают теорию комплементарности, согласно которой гендер объединяет общество и структурно (что люди делают), и морально (во что они верят). Этот подход был весьма влиятельным в середине XX в., однако теперь он во многом утратил свою значимость.

Во-первых, функционализм предполагает единственный ракурс рассмотрения общества, который близок далеко не всем. Например, многие женщины всегда работали вне дома, поскольку это было вызвано экономической необходимостью, но подобный факт не привлек внимания Парсонса, который исходит из представлений о семье среднего класса. Во-вторых, в анализе Парсонса игнорируется ущерб, который жесткие, традиционные гендерные роли могут нанести отдельным людям и обществу в целом (Giele, 1988). В-третьих, гендерная «комплементарность» Парсонса фактически заключается все в том же подчинении женщин господству мужчин, а совсем не в равенстве полов.

Анализ социального конфликта

С точки зрения социального конфликта гендер подразумевает различия не только в поведении, но и во власти. Прослеживаются убедительные параллели между тем, как соответствующие представления привели к доминированию мужчин над женщинами, и тем, как притеснение расовых и этнических меньшинств обеспечило значительные преимущества белым людям (Hacker, 1951, 1974; Collins, 1971; Lengermann & Wallace, 1985). То есть традиционные взгляды на гендер способствуют не сплоченности общества, а его разделению и напряженности, когда мужчины защищают свои привилегии, а женщины пытаются оспорить статус-кво.

Как сказано в предыдущих главах, парадигма социального конфликта во многом основана на идеях Карла Маркса. Тот сам также был типичным представителем своего времени — его работы посвящены почти исключительно мужчинам. Теорию гендерной стратификации разработал его друг и соавтор Фридрих Энгельс (Engels, 1902; orig. 1884).

Фридрих Энгельс: гендер и класс. Анализируя историю, Энгельс заметил, что в обществах охотников и собирателей, деятельность женщин и мужчин, будучи различной, все же имела одинаковую важность. Удачная охота обеспечивала мужчинам высокий престиж, но немалую часть пищи добывали женщины, собирая дары природы. Однако когда технологические достижения привели к излишкам продукции, на смену социальному равенству и групповому хозяйству пришла частная собственность и в конечном счете классовая иерархия. В это время мужчины получили выраженную власть над женщинами. Обладавшие состоянием представители высшего класса, которым было что передать своим наследникам, хотели быть уверенными в отцовстве; это побудило их регулировать сексуальное поведение женщин. Иначе говоря, желание контролировать имущество привело к возникновению моногамных браков и семей. Женщин стали учить сохранять девственность до замужества, оставаться верными своим мужьям в браке и посвящать свою жизнь рождению и воспитанию детей одного мужчины.

Кроме того, писал Энгельс, капитализм усиливает мужское господство. Во-первых, он приводит к увеличению производства материальных ценностей, что дает мужчинам, владеющим основным имуществом и получающим значительный доход, еще большую власть. Во-вторых, расширяющаяся капиталистическая экономика превращает людей — особенно женщин — в потребителей, которые находят личное удовлетворение в покупке и использовании вещей. В-третьих, чтобы освободить мужчин для работы на фабриках, общество возлагает на женщин ответственность за ведение домашнего хозяйства. По мнению Энгельса, в этом и заключается двойная капиталистическая эксплуатация: в низкооплачиваемом труде мужчин и бесплатном — женщин (Eisenstein, 1979; Barry, 1983; Jagger, 1983; Vogel, 1983).

Критическая оценка. В анализе социального конфликта подчеркивается, как общество создает неравное распределение богатства, власти и привилегий между представителями двух полов. В контексте традиционных идей о гендере это наиболее важно: согласно данному подходу, общество стало бы лучше, если бы удалось свести к минимуму или вообще исключить это измерение социальной структуры.

Однако у анализа социального конфликта есть и критики. Одна проблема заключается в том, что традиционные семьи, которые многими людьми считаются положительными с моральной точки зрения, подаются сторонниками такого подхода как социальное зло. Во-вторых, с более практической позиции, в анализе социального конфликта почти не учитывается, что женщины и мужчины ведут совместную, часто — счастливую, семейную жизнь. Третья проблема — утверждение, что капитализм формирует основу гендерной стратификации. На самом деле аграрные страны обычно более патриархальны, чем индустриальные капиталистические общества; или социалистические страны, включая Китай и Кубу, патриархальность в которых более выражена, чем в США (Moore, 1992; Rosendahl, 1997).

Феминизм

Феминизм — это защита социального равноправия мужчин и женщин, направленная против патриархата и сексизма. Первая волна феминистского движения в США зародилась в 1840-е гг., когда женщины, выступавшие против рабства, включая Элизабет Кэйд Стентон и Лукрецию Мотт, провели параллели между угнетением афроамериканцев и притеснением женщин. Собрание в городе Сенека Фоллз, описанное во вступлении к этой главе, послужило началом социального движения женщин, которое в конце концов позволило им получить право голоса в 1920 г. Однако другие проблемы остались, и в 1960-е гг. возникла вторая волна феминизма, которая существует и по сей день.

Основные феминистские идеи

Сторонники феминизма рассматривают личную жизнь женщин и мужчин сквозь призму гендера. Наши представления о себе (гендерная идентичность), наше поведение (гендерные роли) и социальное положение людей того или иного пола (гендерная стратификация) обусловлены обществом, в котором мы живем.

Среди феминистов существует много разногласий, однако большинство призеренцев данного движения поддерживают пять общих принципов:

- 1. Важность изменений.** Феминизм, несомненно, представляет собой политическое течение, связывающее идеи и действия. Его сторонники критикуют существующее положение и добиваются изменений, направленных на достижение социального равенства женщин и мужчин.
- 2. Расширение возможности выбора.** Феминисты считают, что культурные гендерные представления делят весь спектр человеческих качеств на две противоположные ограниченные категории: женский мир эмоций и сотрудничества и мужской мир рациональности и соперничества. В качестве альтернативы они предлагают «реинтеграцию человечества», которая позволит каждому человеку развивать *все* свои черты (French, 1985).
- 3. Искоренение гендерной стратификации.** Это противостояние законам и культурным нормам, которые ограничивают возможности женщин на получение образования, доходов и работы. Соответственно феминисты выступают за принятие поправки к конституции США о равноправии, гласящей: «Равенство законных прав не должно оспариваться или ограничиваться Соединенными Штатами или каким-либо штатом по признаку пола». Эту поправку, впервые внесенную в конгрессе в 1923 г., поддерживают две трети взрослых граждан США (NORC, 2001), однако она пока не стала законом. Возможно, таков тот факт, что большинство мужчин, доминирующих в государственных законодательных органах, противостоит ее принятию.
- 4. Прекращение сексуального насилия.** Современное женское движение ставит целью искоренить сексуальное насилие. Феминисты утверждают, что патриархат искажает отношения между женщинами и мужчинами, поощряя изнасилования, жестокое обращение, сексуальное преследование и порнографию (Millet, 1970; Bernard, 1982, orig. 1973; Dworkin, 1987).
- 5. Содействие сексуальной свободе.** Наконец, сторонники феминизма считают, что женщины сами должны контролировать свою сексуальность и рождаемость. Они выступают за свободный доступ к информации о контроле над рождаемостью. Как показано на рис. 13.4, в большинстве

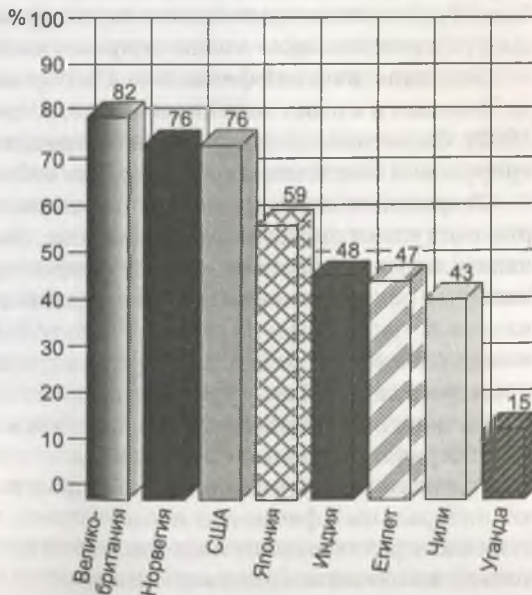

Рис. 13.4. Использование контрацептивов женщинами детородного возраста. Источник: United Nations Development Programme, 2001

стран мира контрацептивы гораздо менее доступны, чем в США. Большинство феминистов также считают, что женщины сами должны делать выбор между рождением ребенка и прерыванием беременности, а не позволять мужчинам, будь то врачи или законодатели, контролировать их репродуктивные функции. Кроме того, многие феминисты поддерживают попытки гомосексуалистов и лесбиянок преодолеть барьеры, с которыми они сталкиваются в господствующей гетеросексуальной культуре (Deckard, 1979; Barry, 1983; Jagger, 1983).

Типы феминизма

Все сторонники рассматриваемого движения признают важность гендерного равенства, однако способы его достижения вызывают разногласия, в связи с чем выделяют либеральный, социалистический и радикальный виды феминизма (Barry, 1983; Jagger, 1983; Stacey, 1983; Vogel, 1983).

Либеральный феминизм. Либеральный феминизм основан на классических либеральных взглядах, согласно которым люди должны иметь право свободно развивать свои таланты и преследовать собственные интересы. Его приверженцы принимают основные принципы организации американского общества, однако пытаются расширить права и возможности женщин, в том числе добиваясь принятия поправки о равноправии.

Они также выступают за репродуктивную свободу всех женщин. Уважая семью как социальный институт, добиваются некоторых изменений, включая более широкую возможность декретного отпуска, а также услуг по воспитанию детей, если мать пожелает работать.

Отстаивая права людей, либеральные феминисты не считают, что всем женщинам нужна коллективная совместная работа. По мере того как общество будет избавляться от законодательных и культурных барьеров, и женщины, и мужчины смогут улучшить свою жизнь, опираясь на индивидуальные достижения.

Социалистический феминизм. Он порожден идеями Карла Маркса и Фридриха Энгельса и в ответ на невнимание тех к проблемам гендера (Philipson & Hansen, 1992). Согласно этой точке зрения, патриархату способствует капитализм, концентрирующий богатство и власть в руках небольшого числа мужчин.

Сторонники социалистического феминизма не считают, что реформы, за которые выступают либеральные феминисты, достаточны. По их мнению, буржуазные капиталистические семьи — это эквивалент домашнего рабства, поэтому их нужно заменить коллективными способами работы по дому и заботы о детях. Более того, изменить традиционную семью можно только в результате социалистической революции, которая создаст государственную экономику, удовлетворяющую потребности всех людей. Такая трансформация основ общества требует, чтобы женщины и мужчины преследовали личное освобождение не по отдельности, как предлагают либеральные феминисты, а сообща.

Радикальный феминизм. Сторонники радикального феминизма также считают либеральный феминизм неадекватным. Они утверждают, что даже социалистическая революция не положит конец патриархату; достичь равенства можно только избавившись от самого гендера.

Один из способов достижения этой цели заключается в использовании новых репродуктивных технологий (см. главу 17 «Семья»), позволяющих избавить женщин от рождения детей. Положив конец материнству, утверждают радикальные феминисты, общество сможет полностью отказаться от семейной системы, освободив женщин, мужчин и детей от тирании семьи, гендера и самого пола (Dworkin, 1987). Таким образом, сторонники радикального феминизма выступают за создание равного и свободного от гендерных представлений общества, для чего необходима еще более радикальная революция, чем та, к которой стремился Маркс.

Оппозиция феминизму

Феминизм вызывает критику и сопротивление со стороны как мужчин, так и женщин, которые придерживаются традиционных взглядов на гендер. Некоторые мужчины противостоят равенству полов по тем же причинам, по которым белые люди исторически сопротивлялись социальному равенству людей с разным цветом кожи: они хотят сохранить собственные привилегии. Другие, в том числе не обладающие ни богатством, ни властью, с подозрением относятся к социальному движению (особенно к его наиболее радикальным проявлениям), которое выступает против традиционных семейных ценностей и отвергает вековые формы отношений мужчин и женщин.

Некоторые мужчины думают, что феминизм угрожает основе их статуса и самоуважения: их маскулинности. Те, кто в ходе социализации научился ценить чувство силы и господства, отрицательно относятся к феминистским идеям, изображающим мужчин мягкими и нежными (Doyle, 1983). Аналогичным образом многие женщины, в жизни которых центральное место занимают муж и дети, считают, что феминизм дискредитирует социальные роли, наполняющие их жизнь смыслом (Marshall, 1985).

Расовая и этническая принадлежность также влияет на установки людей по отношению к феминизму. Наиболее активные сторонники — афроамериканцы (особенно женщины), умеренные — белые, а испаноязычные американцы придерживаются более традиционных взглядов на гендер (Kane, 2000).

Большинство социологов поддерживают феминизм, однако некоторые из них считают, что феминисты намеренно игнорируют данные о различиях в мышлении и поведении между мужчинами и женщинами, которые делают гендерное равенство практически невозможным. Более того, говорят критики, стремясь улучшить положение женщин на работе, сторонники феминизма недооценивают важный и уникальный вклад женщин в развитие детей, особенно в первые годы жизни (Baydar & Brooks-Gunn, 1991; Popenoe, 1993b; Gibbs, 2001).

Наконец, существуют разногласия по поводу того, *каким образом* женщинам следует улучшать свое социальное положение. Большинство взрослых американцев полагают, что женщины и мужчины должны иметь одинаковые права, однако 70% замечают: первым следует добиваться улучшений индивидуально по своим способностям; только 10% одобряют создание групп по защите прав женщин и коллективные действия (NORC, 2001).

Таким образом, сопротивление встречают преимущественно социалистический и радикальный типы феминизма, в то время как либеральный вызывает одобрение.

Более того, мы видим очевидную тенденцию к достижению гендерного равенства. В 1977 г. высказывание: «Гораздо лучше для всех, если мужчина зарабатывает деньги вне дома, а женщина заботится о доме и семье» — одобрили 65% всех взрослых граждан США. Однако в 2001 г. это утверждение поддержали уже только 39% опрошенных (NORC, 2001).

Взгляд в будущее: гендер в XXI веке

В лучшем случае предсказания будущего могут быть только предположениями. Как экономисты расходятся во мнениях о том, каким будет уровень инфляции через год, так и социологи могут предложить лишь общие соображения о состоянии гендера и общества.

Начнем с того, что значительные изменения уже произошли. Полтора века назад положение женщин было исключительно подчиненным. Мужья контролировали имущество семьи, законы не допускали женщин к большинству профессий и должностей, а также не позволяли им голосовать. Сегодня американки все еще остаются в несколько невыгодном социальном положении, однако движение к равенству дало свои плоды. Две трети людей, начавших работать в 1990-е гг., — это женщины, поэтому экономика нового века будет зависеть от их труда.

Такой трансформации способствовали многие факторы. Наверное, наиболее важным из них оказалась индустриализация, которая расширила диапазон человеческой деятельности и изменила природу работы: если раньше та требовала физических способностей, основанных на мужской силе, ныне она стала более интеллектуальной и творческой. В этом смысле положение женщин и мужчин одинаково. Кроме того, мы получили больший контроль над рождаемостью, в результате чего нежелательная беременность уже не так сильно ограничивает жизнь женщин.

Социальному равенству также способствуют сознательные действия людей. Например, жалобы на сексуальное преследование на работе сейчас рассматриваются гораздо серьезнее. В новом веке женщины все чаще будут занимать руководящие позиции в мире бизнеса и политики, а это может привести к не менее крупным социальным изменениям, чем те, которые уже произошли.

Гендер — важный элемент личности человека и семейной жизни, и он глубоко укоренился в морали нашего общества. Поэтому попытки изменить социальные гендерные нормы все так же будут вызывать сопротивление. Хотя изменения могут быть почти незаметными, мы движемся к обществу, в котором женщины и мужчины обладают равными правами и возможностями.

Резюме

1. Гендером называют черты личности и социальные позиции, которые считаются в культуре женскими или мужскими. Общество предоставляет мужчинам больше власти и других ресурсов, чем женщинам, поэтому гендер — это важное измерение социальной стратификации.
2. Хотя все общества в известной степени патриархальны, для различных исторических периодов и культур характерны разные представления о гендере.

3. В процессе социализации люди усваивают гендерные различия на уровне своей личности (гендерная идентичность) и своих действий (гендерные роли). Основные факторы социализации — семья, группы сверстников, школа и СМИ — подкрепляют культурные определения того, что считается фемининным и маскулинным.
4. Гендерная стратификация оказывает значительное влияние на работу людей. Большинство женщин работают и зарабатывают, однако многие выполняют конторскую работу или трудятся в сфере обслуживания. Неоплачиваемый домашний труд по-прежнему также лежит на плечах женщин независимо от того, работают они где-нибудь еще или нет.
5. В среднем доход женщин составляет 73% от мужского. Это неравенство обусловлено различиями в работе и семейных обязанностях, а также дискриминацией.
6. В настоящее время женщины получают чуть больше половины всех степеней бакалавров и магистров. По-прежнему большинство всех степеней докторов наук присуждаются мужчинам.
7. За последние несколько десятилетий число женщин-политиков значительно возросло. Однако все равно подавляющее число выборных лиц, особенно на государственном уровне, составляют мужчины. Кроме того, женщины представляют лишь 15% личного состава вооруженных сил США.
8. Из-за того что женщины имеют другую социальную идентичность и худшее социальное положение, они образуют меньшинство, хотя белые американки в основном так не думают. Представительницы меньшинств находятся в худшем социальном положении, чем белые жительницы США. В целом, их доход составляет только 55% от дохода белых мужчин.
9. В США широко распространено насилие по отношению к женщинам. Наше общество также вынуждено бороться с такими проблемами, как сексуальное преследование и порнография.
10. Сторонники структурно-функционального анализа утверждают, что в доиндустриальных обществах различные роли мужчин и женщин отражают биологические различия полов. В индустриальных выраженное гендерное неравенство становится дисфункциональным и постепенно уменьшается. Талкотт Парсонс писал, что комплементарные гендерные роли способствуют социальной интеграции семей и общества в целом.
11. Сторонники анализа социального конфликта рассматривают гендер как показатель социального неравенства и конфликта. Фридрих Энгельс считал, что возникновение гендерной стратификации связано с развитием частной собственности.
12. Феминизм — это защита социального равноправия мужчин и женщин, направленная против патриархата и сексизма. Его сторонники также борются за искоренение насилия по отношению к женщинам и предоставление тем права контроля над рождаемостью.
13. Существуют три разновидности феминистского мышления: сторонники либерального феминизма добиваются равноправия обоих полов без изменения

настоящего социального устройства; приверженцы социалистического феминизма считают, что социального равенства можно достичь путем отмены частной собственности, а радикальные феминисты выступают за создание общества, свободного от гендерных представлений.

14. Хотя две трети взрослых граждан США поддерживают поправку о равноправии, этот закон, впервые внесенный на рассмотрение конгресса в 1923 г., до сих пор не стал частью американской конституции.

Основные понятия

Гендер — черты личности и социальные позиции, рассматриваемые членами общества как женские или мужские.

Гендерная стратификация — неравное распределение материальных благ, власти и привилегий между мужчинами и женщинами.

Гендерные роли (половые роли) — установки, а также виды деятельности, которые общество связывает с тем или иным полом.

Матриархат — форма организации общества, при которой женщины господствуют над мужчинами.

Меньшинство — любая категория людей, отличных в физическом или культурном отношении, которым общество отводит особое, подчиненное положение.

Патриархат — форма социальной организации, при которой мужчины господствуют над женщинами.

Сексизм — убежденность в изначальном превосходстве одного пола над другим.

Сексуальное преследование — реплики, жесты или физические контакты сексуального свойства, которые носят умышленный, повторяющийся и недобровольный характер.

Феминизм — защита социального равноправия мужчин и женщин, направленная против патриархата и сексизма.

Вопросы для размышления

1. Как связаны пол и гендер? Чем они различаются?
2. Какие методы используются в средствах массовой информации для внушения женщинам и мужчинам традиционных гендерных представлений?
3. Почему гендер является показателем социальной стратификации? Как он связан с другими показателями неравенства, связанными с классом, расой и этничностью?
4. Каковы основные положения феминизма? Чем отличаются либеральное, социалистическое и радикальное течения?
5. В некоторых европейских странах, включая Великобританию, Норвегию, Данию и Финляндию, существует требование, чтобы по меньшей мере 25% кандидатов на государственные посты были женщинами. В конгрессе США только 14% женщин; считаете ли вы, что такой закон необходим?

Раса и этничность

В ясный осенний день почти 50 лет назад в городе Топика, штат Канзас, один священник и его 9-летняя дочь шли, взявшись за руки, к общественной начальной школе, расположенной в четырех кварталах от их дома. Но администрация школы отказалась принять на учебу Линду Браун. Им сказали, что девочка должна посещать другое учебное заведение, расположенное на расстоянии двух миль. Это означало ежедневную ходьбу через шесть кварталов к автобусной остановке, где она иногда по полчаса ждала автобуса. В плохую погоду ребенок мог насквозь промокнуть, дожидаясь, пока придет автобус; однажды она настолько замерзла, что вернулась домой. Почему, спрашивала она у своих родителей, ей нельзя ходить в школу, которая находится ближе к их дому?

Ответ, который непросто дать любящим родителям своей дочери, ставил Линду Браун перед жестоким фактом: цвет кожи сделал ее американским гражданином второго сорта. Несправедливость порядка, при котором существуют отдельные школы для черных и белых детей, заставила семью Браунов и других обратиться с суд от имени Линды Браун и других детей, и в 1954 г. дело Линды рассматривалось в Верховном суде США. В деле *Браун против Совета по образованию Топики, штат Канзас* Верховный Суд единодушно постановил, что разделенные по расовому признаку школы дают афроамериканцам худшее обучение, и отменил принятую с 1896 г. практику «раздельного, но равного» образования для представителей двух рас.

Многие люди приветствовали решение Верховного Суда как важный поворотный пункт в американском образовании. Однако даже в начале XXI в. большинство детей в США все еще посещают не сбалансированные в расовом отношении школы. Хотя наше общество официально привержено принципу, согласно которому все люди созданы равными, расовая и этническая принадлежность продолжает во многом определять жизнь мужчин, женщин и детей.

Неравенство и конфликты, порожденные цветом кожи и культурной принадлежностью людей, еще более выражены в других частях мира. После развала прежнего Советского Союза в начале 1990-х гг. украинцы, молдаване, азербайджанцы и многие другие народы Восточной Европы стремятся вновь обрести свою культурную идентичность. Арабы и евреи на Ближнем Востоке, а также протестанты и католики в Северной Ирландии пытаются преодолеть глубоко укоренившиеся противоречия. Во многих странах мира цвет кожи и культура часто служат причинами вспышек насилия.

По иронии судьбы, цвет кожи и культурная приверженность — источники гордости людей — также заставляют опускаться до ненависти и насилия. В этой главе рассматривается значение расовой и этнической принадлежности, объясняется, как эти социальные конструкты формировали нашу историю и почему сегодня они продолжают играть такую важную роль в мире.

Биологические различия людей намного значительнее, чем предполагает любая система расовой классификации. Это очевидно, если попытаться отнести к отдельным расовым категориям изображенных здесь людей

Социальное значение расы и этничности

Люди часто смешивают расу и этничность. Поэтому и начнем с определения этих терминов.

Раса

Раса — это социальная категория, состоящая из людей, которые имеют общие биологически наследуемые черты, рассматривающиеся членами общества в качестве важных. Люди могут относить друг друга к определенной расе на основе таких физических характеристик, как цвет кожи, черты лица, структура волос и форма тела.

Физические различия возникли у наших предков как результат жизни в разных географических зонах мира. В жарких областях, например, для защиты от солнца у людей развилась более темная кожа (из-за естественного пигмента меланина); в областях с умеренным климатом люди имеют более светлые кожные покровы. Но эти различия в буквальном смысле поверхностны, поскольку все мы — представители одного биологического вида.

Разнообразие наблюдаемых сегодня физических черт — это также и продукт миграции, поскольку генетические характеристики, когда-то доминировавшие в одном регионе, теперь обнаруживаются во многих. Особенно характерно смешение рас для Ближнего Востока (т. е. Западной Азии), исторически являвшегося перекрестком миграции людей. Напротив, расовая однородность свойственна народам, живущим изолированно, — например, японцам. Но в каждой популяции имеется определенная генетическая примесь, и расширение контактов между людьми приведет к еще большему смешению рас в будущем.

Хотя расовые категории указывают на определенные биологические факторы, это все-таки социальный конструкт. Он возникает только потому, что общество считает некоторые физические черты людей значимыми. Во всем мире отмечают существенные различия в этом: как правило, американцы придают больше значения цвету кожи, чем, скажем, бразильцы. Кроме того, определения и значения понятия «раса» со временем изменяются. Например, еще в 1900 г. многие в США считали людей, имевших ирландские и итальянские корни, относящимися к различным расовым категориям, однако такой взгляд изменился к 1950 г. (Loveman, 1999). Сегодня Бюро переписи населения позволяет людям описывать себя, указывая не на одну категорию (возможен выбор из 63 вариантов), таким образом признавая наличие широкого диапазона расового многообразия (Porter, 2001).

Расовые типы. Раса возникла как социальная категория, когда в XIX в. биологи попытались классифицировать все разнообразие физических типов человека, распределяя их по трем группам. Людей со светлой кожей и тонкими волосами они определили как *кавказоидный тип*, людей с более темной кожей и грубыми волосами назвали *негроидным типом*, а с желтой или коричневой кожей и характерными складками век отнесли к категории *монголоидов*.

Социологи считают такие термины в лучшем случае вводящими в заблуждение, а в худшем — вредными. С одной стороны, никакое общество не состоит из биологически «чистокровных» людей. Цвет кожи тех, кого можно бы назвать «кавказоидами» («индоевропейцами», «кавказцами» или привычнее — «белыми») варьируется от очень светлого (типичного для Скандинавии) до очень темного (в южной Индии). Те же вариации существуют среди так называемых «негроидов» (африканцев, или чернокожих) и «монголоидов» (т. е. азиатов). По сути, многие «белые» люди (например, в южной Индии) имеют кожу темнее, нежели немалое число «черных» (например, аборигенов-негроидов в Австралии). С другой стороны, три расовые категории отличаются приблизительно 6% своих генов, что меньше, чем генетические вариации *внутри* каждой из них (Gloash, 2000).

Население США также весьма разнородно. На протяжении многих поколений и повсюду в Америке смешивались генетические черты «негроидных» африканцев, «кавказоидных» европейцев и «монголоидных» индейцев (чьи предки пришли из Азии). Поэтому многие «черные» имеют «белых» предков, а у немалого числа «белых» — часть негроидных генов. Таким образом, раса — это вовсе не «черно-белая» проблема.

Почему люди пользуются набором расовых категорий? Дело в том, что последние позволяют обществам ранжировать людей, заявляя, что некоторые «лучше» других, хотя не существует никаких научных исследований, подтверждающих подобные убеждения. Поскольку же на карту поставлено многое, общества готовы устанавливать даже крайние формы расовых категорий. На протяжении XX в. во многих южных штатах считались «цветными» все, в ком течет хотя бы $\frac{1}{32}$ капля африканской крови (т. е. если у такого человека есть хотя бы один афроамериканский пра-пра-пра-пра-пра-родственник). Сегодня закон позволяет родителям объявлять расу ребенка на свое усмотрение. Но даже при этих условиях большинство американцев все еще очень чувствительно относятся к вопросу о расовой принадлежности.

Тенденция к смешению рас. Число рождающихся ежегодно детей смешанной расы за последние 30 лет утроилось и достигло 159 тыс. в год, или 5% от появив-

шихся на свет. Кроме того, при заполнении бланков переписи населения 2000 г. почти 7 млн человек охарактеризовали себя, отметив две или более расовые категории. Хотя жители США приписывают большую социальную важность расовой принадлежности человека, с биологической точки зрения последняя становится все менее значимой.

Этничность

Этничность — это *общее для группы людей культурное наследие*. Люди определяют себя — или других — как членов *этнической категории*, основываясь на наличии общих предков, языка или религии, которые определяют особую социальную идентичность. Соединенные Штаты — полиэтническое общество: хотя большинство людей говорят на английском языке, приблизительно 45 млн у себя дома и в своих сообществах общаются на испанском, итальянском, немецком, французском или некоторых других языках. Американцы — по преимуществу протестантская нация, но большинство людей с испанскими, итальянскими и польскими корнями относятся к римско-католической конфессии, а многие выходцы из Греции, Украины и России — к восточной православной церкви. Более 6 млн живущих в Америке евреев, имеющих родственные связи с представителями различных наций, имеют общую религиозную историю. Свыше 7 млн мужчин и женщин являются мусульманами, из чего следует, что теперь в США мусульман больше, чем членов епископальной церкви (Blank, 1998).

Подобно понятию расы, этничность — это социальная категория. Люди преувеличивают или преуменьшают значение особенностей своей культуры, чтобы лучше вписаться в окружающее общество или выделиться из него. Общество всегда определяет одни этнические различия как важные, а другие — как малозначимые. Например, столетие назад католиков и евреев считали «другими» в протестантских США. Сегодня дело обстоит иначе. Точно так же в американском обществе именно испаноязычных называют *латинос*, в то время если и говорить о «латинской» культуре, то следует вспомнить, конечно же, об Италии. Но выходцы оттуда, как правило, считаются «европейцами», в меньшей степени отличающимися от американцев (Samara, 2000; Brodtkin, 2001).

И расовая, и этническая принадлежность становятся важными показателями, поскольку общество считает их таковыми. Однако следует иметь в виду, что первая подчеркивает роль биологических черт, тогда как вторая — культурные особенности. Конечно, эти две характеристики взаимосвязаны. Например, американцы японского происхождения имеют характерные физические черты и — те, кто поддерживает традиционный образ жизни, — особую культуру. В табл. 14.1 представлен широкий спектр расового и этнического разнообразия в США, выявленный переписью населения 2000 г.

Люди довольно легко изменяют свою этническую принадлежность: иммигранты могут через некоторое время отказаться от своих культурных традиций или, подобно североамериканским индейцам, пытаться их восстановить (Nagel, 1994; Spencer, 1994). Однако, если они вступают в брак с представителями той же этнической группы, к которой принадлежат сами, расовые особенности сохраняются во многих поколениях.

Таблица 14.1

Расовые и этнические категории в США (данные за 2000 г.)

Расовые или этнические категории*	Приблизительная численность в США	Процент от всего населения
Испаноязычные	35305818	12,5
Мексиканцы	20640711	7,3
Пуэрториканцы	3406178	1,2
Кубинцы	1241685	0,4
Другие испаноязычные	10017244	3,6
Африканского происхождения	34658190	12,3
Коренные жители Северной Америки	2475956	0,9
Североамериканские индейцы		
Эскимосы		
Алеуты		
Выходцы из Азии или с островов Тихого океана	10641833	3,7
Китайцы	2432585	0,9
Филиппинцы	1850314	0,7
Индусы	1678765	0,6
Вьетнамцы	1122528	0,4
Корейцы	1076872	0,4
Японцы	796700	0,3
Гавайцы	140652	<
Полинезийцы	91029	<
Гуамцы	58240	<
Другие азиаты или жители островов Тихого океана	1394148	0,5
Европейцы (помимо испаноязычных)	194552774	70,9
Немцы		
Ирландцы		
Англичане		
Итальянцы		
Французы		
Поляки		
Шотландцы		
Голландцы		
Норвежцы		
Шведы		
Русские		
Франкоязычные канадцы		

< Означает меньше чем 0,1%.

Окончание табл. 14.1

Расовые или этнические категории*	Приблизительная численность в США	Процент от всего населения
Выходцы из Вест-Индии		
Валлийцы		
Две или больше расы	6 826 228	2,4

* Люди латиноамериканского происхождения могут иметь любую расу. Многие также указывают более чем одну этническую категорию. Таким образом, общая сумма превышает 100%.

Источник: U.S. Census Bureau, 2001.

Наконец, этничность предполагает даже больше изменчивости и смешения, чем раса, поскольку большинство людей идентифицируют себя не с одной этнической группой. Например, звезда гольфа Тайгер Вудз описывает себя как на $\frac{1}{8}$ белого, на $\frac{1}{8}$ североамериканского индейца, на $\frac{1}{4}$ негра, на $\frac{1}{4}$ тайца и на $\frac{1}{4}$ китайца (White, 1997).

Меньшинства

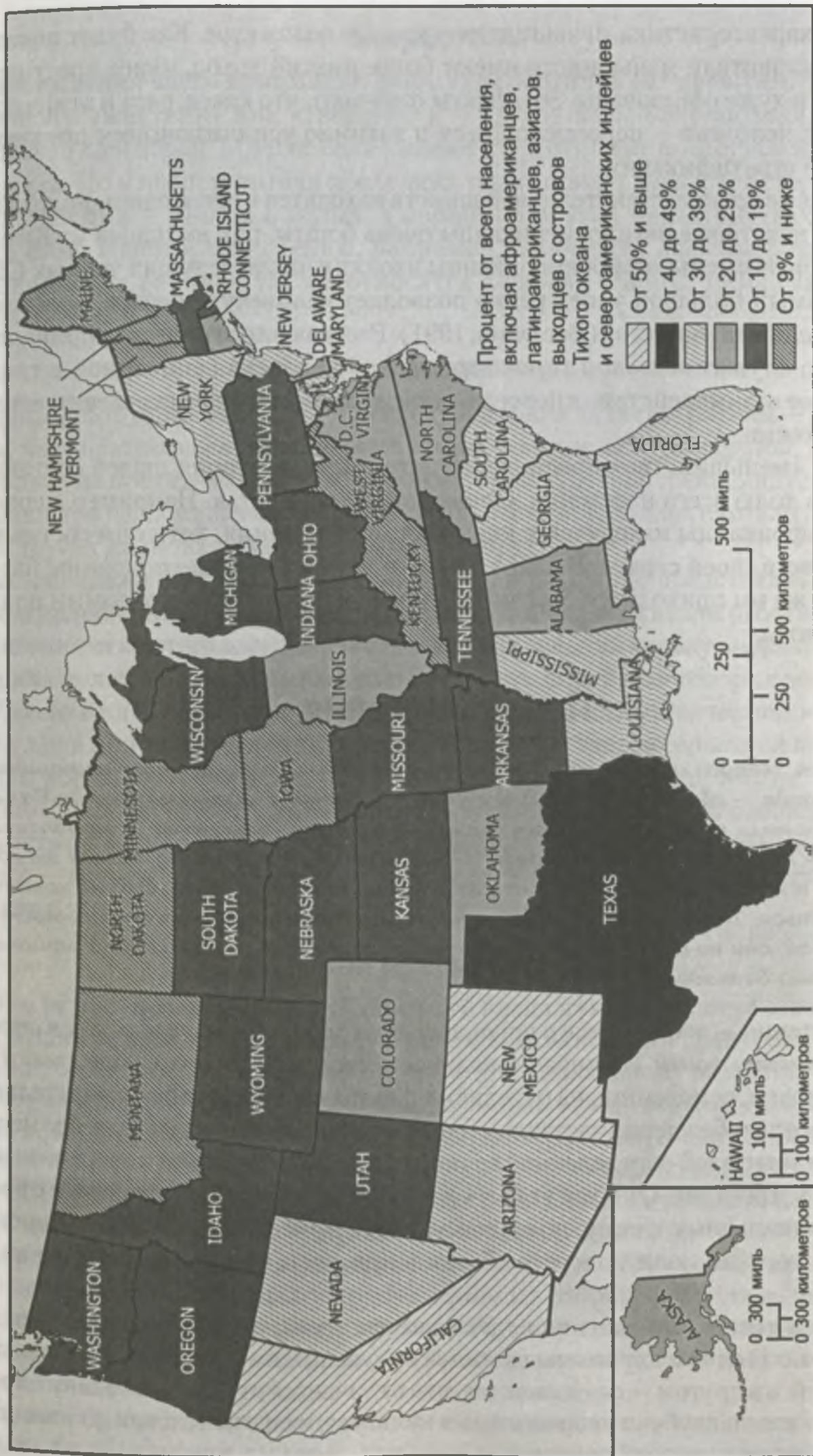
Как описано в главе 13 («Гендерная стратификация»), **меньшинство** — это *любая категория людей, выделяемая обществом на основании физических или культурных особенностей и рассматриваемая как низшая*.

Людей относят к меньшинствам и по расовой, и по этнической принадлежности. Как показано в табл. 14.1, в количественном отношении среди американцев по-прежнему преобладают белые люди нелатиноамериканского происхождения (70% от всего населения). Но абсолютные показатели и процентные показатели от численности всего населения для каждого меньшинства быстро растут; именно потому они стали большинством в трех штатах и в 50 из 100 самых больших городов страны. Через столетие меньшинства, вероятно, составят большинство вообще всех американцев. На национальной карте 14.1 показано, где меньшинства уже в большинстве¹.

Их характеризуют два аспекта. Во-первых, они обладают *своеобразием*. Поскольку в любом обществе люди придают значение расе и эти физические черты почти невозможно изменить, большинство мужчин и женщин из меньшинств остро сознают такие свои особенности. Значение этничности (которую люди *могут* поменять) не столь устойчиво. На протяжении истории Америки некоторые люди (например, реформистские евреи) умалили свою коренную этническую принадлежность, тогда как другие (включая многих ортодоксальных евреев) поддерживали особые культурные традиции и даже образовали свои общины.

5 марта, Даллас, штат Техас. Если посидеть в фойе почти любой большой гостиницы, можно получить наглядный урок о контрастах; большинство гостей, регистрирующихся в отеле или освобождающих номера, — белые; большинство служащих, которые носят багаж, подают пищу и убирают комнаты, — цветные.

¹ К 2000 г. меньшинства составили большинство населения трех штатов — Гавайев, Калифорнии и Нью-Мексико, а также в округе Колумбия. Техас, где 45% жителей относятся к меньшинствам, вскоре также может присоединиться к ним. На другом конце списка — штаты Вермонт и Мэн, где отмечается самый низкий процент расовых и этнических меньшинств (приблизительно 2%). Почти все штаты с высокой долей представителей меньшинств находятся на юге и юго-западе страны?

Карта США 14.1. Штаты, в которых меньшинства уже в большинстве. Источник: America 2000: A Map of the Mix, Newsweek, September 18, 2000, p. 48

Вторая характеристика меньшинств — *низшее положение*. Как будет показано далее, представители меньшинств имеют более низкий доход, менее престижные профессии и хуже образованы. Эти факты означают, что класс, раса и этничность, а также пол человека — пересекающиеся и взаимно усиливающиеся показатели социальной стратификации.

Конечно, не все представители меньшинств находятся в невыгодном положении. Например, некоторые латиноамериканцы очень богаты, ряд выходцев из Китая — известные бизнесмены, а афроамериканцы входят в число ведущих ученых США. Но даже самый большой успех редко позволяет человеку избежать положения представителя меньшинства (Benjamin, 1991). Расовая или этническая принадлежность часто служат *основной характеристикой* человека (описанной в главе 6 «Социальное взаимодействие в повседневной жизни»), которая перевешивает личные достижения.

Термин «меньшинство» предполагает, что такая категория людей составляет небольшую долю всего населения. Однако это не всегда так. Например, чернокожие южноафриканцы находятся в невыгодном положении, хотя они составляют большинство в своей стране. В США женщин немного больше половины населения, но все же им приходится бороться за права и привилегии, которыми пользуются мужчины.

Предубеждения

19 ноября, Иерусалим, Израиль. Мы едем по предместьям этого исторического города — святого места для евреев, христиан и мусульман, когда Рази, наш водитель такси, замечает маленькую группу феллахов — эфиопских евреев — на углу улицы. «Эти люди, — говорит он, — возможно, такие же евреи, как и я, но они другие. Они не умеют водить автомобиль. Они не хотят развиваться. Даже когда в нашей стране им предоставлена возможность обучаться, они не используют ее. Он покачал головой и заявил, что эфиопы «социально безнадежны».

Предубеждения — это *стойкие и иррациональные обобщения, касающиеся определенной категории людей*. Их иррациональность состоит в том, что люди имеют жесткие установки, основанные на отдельных фактах или вообще безосновательные. Кроме того, предубеждения заставляют человека характеризовать всех без исключения представителей определенной группы лиц, с большинством которых он даже никогда не встречался. Они могут быть направлены на принадлежащих к определенному социальному классу, полу, сексуальной ориентации, людей конкретной возрастной группы, политического объединения, расы или этноса, а также на инвалидов.

Предубеждения основаны на *предвзятости* и могут быть позитивными или негативными. В одном случае мы склонны преувеличивать достоинства похожих на нас людей, а в другом — осуждаем тех, кто отличается от нас. Поскольку определенные установки глубоко укоренились в культуре, каждый человек до известной степени имеет свои предубеждения.

Стереотипы

Предубеждения часто принимают форму **стереотипов** (от древгреч. *стерео*, означающего «жесткий» или «твердый»), — *преувеличенного описания людей определенной категории*. Многие белые имеют стереотипные представления о меньшинствах. Но и представители последних также придерживаются стереотипных представлений — иногда о белых, а порой и о других меньшинствах, включая самих себя. Некоторые корейцы, например, описывают афроамериканцев как мошенников, а те точно так же относятся к евреям (Smith, 1996; Cummings & Lambert, 1997).

Расизм

Мощной и разрушительной формой предубеждения является **расизм** — *убеждение в том, что одна расовая категория от природы лучше или хуже другой*. Расизм существовал на протяжении всей мировой истории. Древние греки, индусы и китайцы, несмотря на их многочисленные выдающиеся достижения, считали представителей других национальностей людьми второго сорта.

Расизм также был широко распространен в США, где представления о более низком положении определенных расовых групп поддерживали рабство. Сегодня проявления открытого расизма заметно поубавились, поскольку американская эгалитарная культура предписывает нам оценивать людей, как говорил доктор Мартин Лютер Кинг, «не по цвету их кожи, а по их личностным качествам».

Но даже при таких условиях расизм повсюду остается серьезной проблемой, и люди все еще утверждают, что некоторые расовые и этнические категории «лучше», чем другие. Но, как объясняется ниже («Влияет ли расовая принадлежность на интеллект?»), кажущиеся расовые различия в умственных способностях — всего лишь следствие окружения, а не биологических особенностей человека.

Теории предубеждений

Каковы истоки предубеждений? Социологи предлагают различные ответы на этот волнующий вопрос, отводя основную роль в возникновении предубеждений фрустрации, особенностям личности, культуре или социальному конфликту.

Теория «козла отпущения». Согласно теории «козла отпущения», предубеждения возникают из-за фрустрации людей, которые сами ставят себя в невыгодное положение (Dollard, 1939). Например, белая женщина испытывает фрустрацию, потому что получаемая ею заработная плата на текстильной фабрике очень маленькая. Если она направит свою враждебность на тех, кто управляет предприятием, то, очевидно, подвергнет себя риску; поэтому она может объяснять свою низкую заработную плату присутствием на фабрике рабочих из числа меньшинств. Такие предубеждения не улучшают ее ситуацию, но они служат безопасным способом выразить гнев, и это может ее утешить, что она выше по крайней мере, хотя бы кого-нибудь.

Таким образом, «козел отпущения» — это человек или категория людей, как правило, не обладающие властью, которых люди несправедливо обвиняют в своих

собственных бедах. Поскольку обычно меньшинства — «безопасные мишени», они часто оказываются в такой роли.

Теория авторитарной личности. По мнению Т. В. Адорно и др. (Adorno et al., 1950), крайние формы предубеждений обусловлены чертами личности отдельных людей. Это заключение подтверждается исследованиями, показывающими, что люди, которые обнаруживают сильные предубеждения против одного меньшинства, обычно нетерпимы ко всем другим. Такие *авторитарные личности* жестко следуют традиционным культурным ценностям и рассматривают моральные проблемы, категорично разделяя «правильное» и «неправильное». Обладающие авторитарными чертами также считают общество конкурентным по его природе и иерархически устроенным, где «лучшие» люди (как они сами) неизбежно доминируют над теми, кто слабее. Адорно также отмечает, что люди, терпимые к одному меньшинству, вероятно, принимают всех людей; они более гибки в своих нравственных оценках и рассматривают всех людей как равных.

Адорно считал, что у малообразованных людей, воспитанных равнодушными и требовательными родителями, обычно формируется авторитарная личность. Проведя детство в обстановке раздражения и тревоги, они превращаются во враждебно настроенных, агрессивных взрослых, ищущих «козлов отпущения», которых они рассматривают как низших существ.

Теория культуры. Согласно третьей теории, крайние формы предубеждений характерны для отдельных людей, но определенная степень предвзятости присутствует у каждого человека, поскольку это заложено в нашей культуре. Эмори Богардус (Bogardus, 1968) изучал эффекты обусловленных культурой предубеждений в течение более чем 40 лет. Он сформулировал понятие *социальной дистанции*, чтобы оценить, как относятся люди к различным расовым и этническим категориям. Богардус обнаружил, что большинство американцев испытывают более близкие чувства к тем, кто имеет английские, канадские и шотландские корни, и даже приветствуют брак с ними. Менее благосклонно они относятся к выходцам из Франции, Германии, Швеции и Голландии, а наиболее негативно к афроамериканцам и азиатам.

По Богардусу, предубеждения настолько широко распространены, что мы не можем объяснить нетерпимость как черту авторитарной личности, о чем писал Адорно. Скорее, утверждает Богардус, каждый человек в американском обществе нетерпим в той или иной мере, поскольку живет в «культуре предубеждения», которая учит нас рассматривать некоторые категории людей как «лучшие» или «худшие».

Теория конфликта. Еще одна концепция утверждает, что влиятельные люди с помощью предубеждений оправдывают угнетение других. Поскольку американцы англосаксонских кровей смотрят свысока на незаконно иммигрировавших лагиноамериканцев, обосновавшихся на юго-западе страны, то и платят иммигрантам меньше за тяжелую работу. Точно так же представители элиты извлекают выгоду, когда предубеждения проводят между рабочими расовые и этнические границы и мешают им совместно трудиться и отстаивать общие интересы (Geschwender, 1978; Olzak, 1989).

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Влияет ли расовая принадлежность на интеллект?

Действительно ли американцы азиатского происхождения умнее белых? Правда ли, что белый человек интеллектуально более развит, чем афроамериканец? На протяжении всей истории США многие люди изображали одну категорию людей как более интеллектуально одаренную, чем другую. Подобная логика использовалась для того, чтобы оправдать привилегии якобы высшей категории американцев или запретить представителям будто бы низших групп въезд в США.

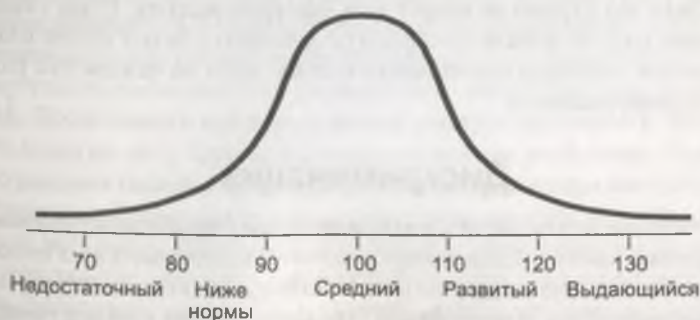
Ученые знают, что распределение показателей человеческого интеллекта образует колоколообразную кривую, как показано на рисунке. Средний интеллект принято определять как коэффициент умственного развития (*IQ*), равный 100 (технически *IQ* показывает измеренный с помощью тестов умственный возраст, разделенный на возраст в годах и умноженный на 100; 8-летний ребенок, выполняющий тестовое задание как 10-летний, имеет *IQ* равным $10/8 = 1,25 \cdot 100 = 125$).

В одной весьма спорной работе, посвященной вопросу о взаимосвязи интеллекта и социального положения, Ричард Херрнштейн и Чарльз Мюррей (Herrnstein & Murray, 1994) сообщают, что рядом исследований обнаружена связь между расой и интеллектом. В частности, средний *IQ* у людей европейского типа равен 100, у выходцев из восточной Азии – 103, а у имеющих африканскую кровь – 90.

Конечно, подобного рода утверждения достаточно категоричны, они бросают вызов нашим демократическим и эгалитарным взглядам, согласно которым никакая раса не может быть от природы «лучшей». Некоторые критики позиции Херрнштейна и Мюррея обвиняют тесты интеллекта в несовершенстве, другие же спрашивают, имеет ли вообще хоть какой-нибудь реальный смысл то, что мы называем «интеллектом».

Как признает большинство социологов, такие тесты действительно измеряют нечто важное, рассматриваемое нами «интеллектом», и соглашаются, что отдельные люди отличаются по интеллектуальным способностям. Но они отвергают идею, согласно которой какая-либо категория людей в целом «умнее» другой. Да, они могут показывать незначительные различия по тестам интеллекта, но важно ответить на вопрос: почему это так происходит.

Томас Сауэлл объясняет, что большинство отмечаемых расовых отличий в развитии интеллекта – результат влияния не биологии, а окружения. В мастерски проведенном социологическом исследовании он установил *IQ* для различных расовых и этнических категорий в начале XX в. Сауэлл обнаружил, что иммигранты из таких европейских стран, как Польша, Литва, Италия и Греция, и из азиатских стран, включая Китай и Японию, имели оценки интеллекта на 10–15 баллов ниже средней по США. Но сегодня люди из тех же самых категорий имеют

средний или выше среднего *IQ*. За 50 лет у американцев, выходцев из Италии, например, среднее значение *IQ* увеличилось почти на 10 баллов, а у американцев с польскими и китайскими корнями — почти на 20.

Поскольку генетические изменения происходят в течение тысяч лет и большинство людей, принадлежащих к определенной категории, выбирали супругов из себе подобных, биологические факторы не могут объяснить более высокие оценки *IQ*. Единственное правдоподобное толкование состоит в том, что изменились культурные образцы. У потомков иммигрантов отмечается повышение интеллекта, поскольку улучшились их условия жизни и появилась возможность обучаться. Сауэлл обнаружил, что подобный образец применим и к афроамериканцам. Средний уровень *IQ* тех представителей данной группы, которые живут на севере, на 10 баллов выше, чем афроамериканцев с юга. Среди их потомков, мигрировавших оттуда на север после 1940 г., *IQ* также повысился, как это было у детей иммигрантов, прибывших в новые земли ранее. Таким образом, если факторы окружения одинаковы для различных категорий людей, расовые различия в уровне *IQ* исчезают.

По мнению Сауэлла, разница в тестовых оценках *IQ* показывает, что имеют значение культурные образцы. Если уроженцы Азии в среднем имеют высокие показатели, это объясняется тем, что их приучили ценить знания и стремиться к совершенству, а не тем, что все азиаты умны. Что касается афроамериканцев, то они не менее интеллектуальны, чем другие люди, но страдают от своего невыгодного положения в прошлом, которое может подорвать уверенность в себе и препятствовать стремлению к достижениям.

А что думаете вы?

1. Если оценки *IQ* и другие измерения интеллекта всегда отражают влияние окружения, до какой степени они обоснованы? В каких случаях вредны?
2. Почему, как полагает Томас Сауэлл, некоторые расовые и этнические категории демонстрируют впечатляющие, быстрые изменения среднего значения *IQ*?
3. Какие действия могут предпринять школы, что повысить уровень *IQ* детей, особенно живущих в бедных семьях?

Источники: Herrnstein & Murray, 1994; Sowell, 1994, 1995.

Согласно другому основанному на теории конфликта аргументу, выдвинутому Шелби Стилу (Steele, 1990), сами меньшинства культивируют климат расового сознания, чтобы получить больше власти и привилегий. Поддерживая расовое сознание, объясняет Стилл, представители меньшинств утверждают, что они — жертвы и поэтому имеют право на особое отношение, продиктованное их расовой принадлежностью. Хотя эта стратегия может дать быструю выгоду, Стилл указывает, что такое мышление способно вызвать обратную реакцию у белых людей или у тех, кто выступает против «особого отношения» к кому-либо на основе его расовой или этнической принадлежности.

Дискриминация

С предубеждениями тесно связана дискриминация (*неравное обращение с различными категориями людей*). Если предубеждения складываются из отношений, то дискриминация — это действия. Она может быть как позитивной (предоставление особых преимуществ) так и негативной (создание людям препятствий). Дискриминация колеблется в пределах от завуалированной до явной.

Рис. 14.1. Формы предубеждений и дискриминации. Источник: Merton, 1976

		Проявляет ли человек дискриминацию?	
		Да	Нет
Проявляет ли человек предубеждения?	Да	Активный расист (человек с предубеждениями, который проявляет дискриминацию)	Нерешительный расист (человек с предубеждениями, который не проявляет дискриминацию)
	Нет	Непоследовательный либерал (человек без предубеждений, который проявляет дискриминацию)	Последовательный либерал (человек без предубеждений, который не проявляет дискриминацию)

Предубеждения и дискриминация часто соседствуют. Например, предубежденный начальник отдела кадров может отказаться принимать на работу представителей меньшинств. Роберт Мертон (Merton, 1976) описывает последнего как *активного расиста* (рис. 14.1). Но предубеждения и дискриминация не всегда связаны, например имеющий предубеждения начальник отдела кадров из опасения судебного преследования *принимает* на работу представителей меньшинств. Мертон называет такого человека *нерешительным расистом*. Люди, терпимые к меньшинствам, но все же проявляющие по отношению к ним, когда это выгодно, дискриминацию, относятся к *непоследовательным либералам*. Наконец, *последовательный либерал*, по Мертону, свободен от предубеждений и проявлений дискриминации.

Институционализованные предубеждения и дискриминация

Обычно мы представляем предубеждения и дискриминацию как наполненные ненавистью идеи или действия определенных людей. Но 30 лет назад Стокли Кармайкл и Чарльз Гамильтон (Carmichael & Hamilton, 1967) указывали, что намного больший вред приносят **институционализованные предубеждения и дискриминация** — *предвзятое отношение, характеризующее работу общественных организаций*, включая школы, банки, правоохранительные органы и места работы. Например, исследования показали, что банки чаще отклоняют заявления о закладных надом от представителей меньшинств, чем от белых людей, даже когда доход и ситуация в районе жительства считаются устойчивыми (Gotham, 1998).

По мнению Кармайкла и Гамильтона, белое большинство не спешит осуждать или даже признавать институционализованные предубеждения и дискриминацию, потому что это часто касается уважаемых должностных лиц и укоренившихся традиций. Подходящим примером может служить принятое в 1954 г. решение Верховного Суда по делу Браун, описанное в начале этой главе. Принцип «раздельное, но равное» был законом страны, поддерживающим институционализованный расизм в форме кастовой системы образования. Сегодня, 50 лет спустя, этот закон, возможно, изменился, но большинство американских детей все еще посещают школы, где обучаются преимущественно представители какой-либо одной расы. Действительно, в 1991 г. суды объявили, что школы никогда не обеспечат равное образование, пока население проживает в различных по расовому

составу районах, причем большинство афроамериканцев живут в центральной части городов, а подавляющее количество белых людей (и американцев азиатского происхождения) — в пригородах.

Предубеждения и дискриминация: порочный круг

Предубеждения и дискриминация усиливают друг друга. Теорема Томаса, рассматривавшаяся в главе 6 («Социальное взаимодействие в повседневной жизни»), предлагает простое объяснение этого факта: *ситуации, определенные как реальные, становятся таковыми по своим последствиям* (Thomas, 1966 : 301, orig. 1931).

Как признавал У. И. Томас, стереотипы оказываются реальными для тех, кто верит в них, и иногда даже для тех, кто становится их жертвами. Здесь также играет роль власть, поскольку некоторые категории людей могут придавать законную силу своим предубеждениям в ущерб другим. Предубеждения белых в отношении к цветным, например, не устанавливают непреложность *врожденного* низшего положения, но способны привести к низшему *социальному* статусу, вынуждая меньшинства занимать низкооплачиваемые рабочие места, учиться в худших школах и жить в особых районах. Следовательно, если белые люди интерпретируют невыгодное социальное положение как свидетельство того, что меньшинства не отвечают их стандартам, они развязывают новый виток предубеждений и дискриминации, порождая *порочный круг* (рис. 14.2).

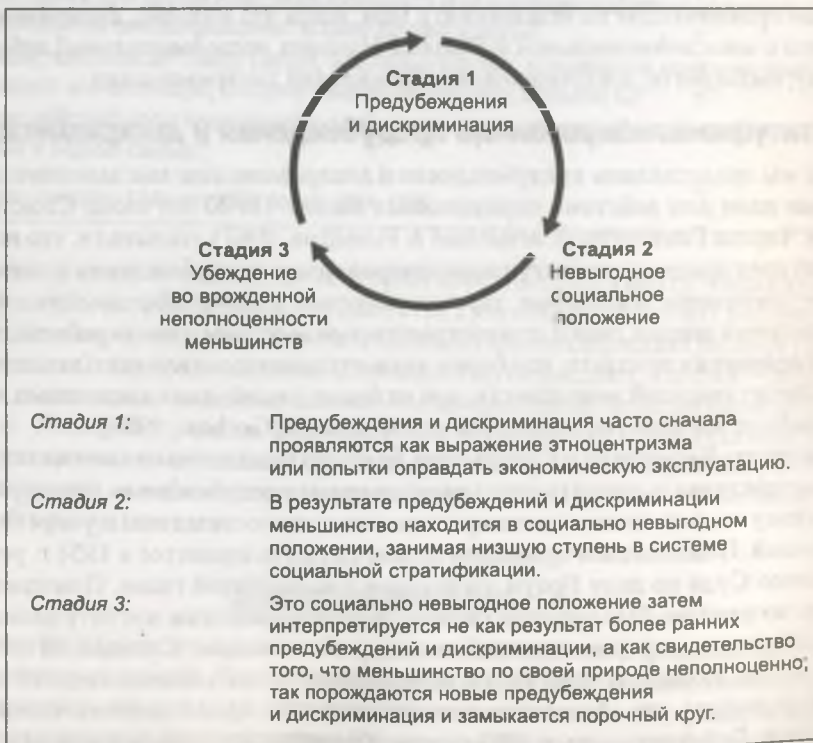

Рис. 14.2. Предубеждения и дискриминация: порочный круг

Большинство и меньшинство: формы взаимодействия

Социологи описывают формы взаимодействия между расовыми и этническими категориями с помощью четырех моделей — плюрализма, ассимиляции, сегрегации и геноцида.

Плюрализм

Плюрализм — это *состояние общества, при котором расовые и этнические меньшинства различаются, но социально равноправны*. Другими словами, каждый человек разделяет идею, что существуют различные культуры и, хотя группы людей различны, их социальное положение одинаково.

Соединенные Штаты — плюралистическая страна в том смысле, что в американском обществе равное положение людей закреплено законом. Кроме того, в больших городах существуют бесчисленные «этнические деревни», где люди с гордостью поддерживают свои культурные традиции. В Нью-Йорке — это испанский Гарлем, Маленькая Италия и китайский квартал; в Филадельфии — итальянский Южный Филли; в Майами — Маленькая Гавана; в Чикаго — Маленький Сайгон; в Лос-Анджелесе — Латино Ист.

Но в действительности США — вовсе не плюралистическая страна, и причины этого те же. Во-первых, хотя многие люди ценят свое культурное наследие, лишь малая часть хочет жить отдельно от других и исключительно с «себе подобными» (NORC, 2001). Во-вторых, американская терпимость к социальному разнообразию ограничена. Одна из реакций на расширение доли меньшинств в населении США — общественное движение за придание английскому языку статуса государственного. В-третьих, как станет ясным из этой главы, люди различных рас и культур имеют неравное социальное положение.

Ассимиляция

Ассимиляция — это *процесс, в результате которого меньшинства постепенно усваивают культурные образцы доминирующей категории людей*. Она предполагает изменения в одежде, ценностях, религии, языке и выборе друзей.

Многие люди думают о США как месте, где смешиваются различные национальности. Это представление было хорошо выражено в пьесе, популярной в начале 1900-х гг.

Америка — огромный божий тигель, в котором сплавляются и преобразуются все расы Европы. Вот стоите вы, добрые люди, — думаю я, когда вижу их на острове Эллис [историческое место въезда для многих иммигрантов в Нью-Йорке], — представители 50 групп, говорящие на 50 языках, имеющие 50 историй и 50 видов ненависти и соперничества. Но вы не будете такими долго, братья, поскольку это божий пламень... Немцы и французы, ирландцы и англичане, евреи и русские, вступайте же в этот тигель! Бог создает американца! (Zangwill, 1921, p. 33; 1-е изд. — 1909).

В действительности, однако, вместо того чтобы «переплавляться» в какой-то новый культурный образец, большинство меньшинств усваивают доминирующую

культуру, установленную ранними поселенцами. Это происходит потому, что ассимиляция — путь к восходящей социальной мобильности и способ избежать предубеждений и дискриминации, направленных на слишком заметных чужаков (Newman, 1973).

Степень ассимиляции зависит от этнической категории. Например, немцы и ирландцы «переплавлялись» сильнее, чем итальянцы, а японцы — в большей мере, чем китайцы или корейцы. Вместе с тем сторонники мультикультурализма выступают против ассимиляции, поскольку она предполагает, что меньшинства — это «проблема», и определяет их (а не представителей большинства) как тех, кто должен измениться.

Следует отметить, что данный процесс затрагивает этническую, но не расовую принадлежность. Например, многие потомки японских иммигрантов отказываются от своих традиций, сохраняя расовую идентичность. Последняя может через определенное время стираться в результате **смещения рас, биологического воспроизведения парами партнеров различных расовых категорий**. Хотя доля межрасовых браков повышается, она все еще низкая; лишь 5% всех американских детей рождаются от людей разных рас.

Сегрегация

Сегрегация — *физическое и социальное разделение категорий людей*. Некоторые меньшинства, особенно такие религиозные группы, как аманиты, добровольно изолируются. Однако обычно большинство ограждает меньшинства, отдаляя их от себя. Раздельными могут быть место жительства, школы, занятия, больницы и даже кладбища. Тогда как плюрализм поощряет различия, не признавая невыгодное положение, сегрегация предписывает разделение, наносящее ущерб меньшинству.

Расовая ее форма имеет в США долгую историю — от рабства и до наличия разделенных по расовому признаку мест жительства, школ, автобусов и поездов. Судебные решения, например решение 1954 г. по делу Браун, *де-юре* (от лат. «согласно закону») привели к уменьшению степени дискриминации в США. Однако *де-факто* («фактически») сегрегация продолжает существовать и поныне в форме бесчисленных общин, которыми живут люди преимущественно одной расы.

В течение последних десятилетий такого рода сегрегация в США несколько нивелировалась (Farley, 1997). Но Дуглас Масси и Нэнси Дентон (Massey & Denton, 1989) документально подтвердили *гиперсегрегацию* бедных афроамериканцев в некоторых старых районах городов. Эти люди мало контактируют с другими вне своих общин. Неудобства гиперсегрегации испытывает одна пятая часть всех афроамериканцев, и только лишь несколько процентов сравнительно бедных белых (Jagarowsky & Vane, 1990; Krivo et al., 1998).

Неудивительно, что живущие в условиях сегрегации меньшинства недовольны своим положением граждан второго сорта, и иногда действия даже одного человека могут послужить причиной изменения. 1 декабря 1955 г. Роза Парк вошла в автобус в Монтгомери, штат Алабама, и заняла место, согласно закону предназначенное для афроамериканцев. Когда в автобус села толпа белых пассажиров, водитель попросил четверых черных освободить их места. Трое так и сделали, но Роза Парк отказалась. Водитель оставил автобус и вернулся с полицией, которая арестовала

ее за нарушение законов расовой сегрегации. Суд позже признал Паркс виновной и оштрафовал ее на \$14. Тот факт, что она встала на защиту справедливости (точнее — «села», защищая ее), привел к бойкоту афроамериканским сообществом Монтгомери городских автобусов и в конечном счете положил конец этой форме сегрегации (King, 1969).

Геноцид

Геноцид — систематическое убийство представителей одной категории людей другими. Хотя эта ужасная форма расизма и этноцентризма нарушает все нормы нравственности, она периодически проявляется в человеческой истории.

Геноцид ярко выражен в завоевании европейцами Америки. Начиная с XVI в. испанцы, португальцы, англичане, французы и голландцы насильственно колонизировали обширные империи. Некоторые туземные народы пали жертвой расчетливого убийства, но большинство вымерли от европейских болезней, к которым у них не было врожденного иммунитета (Matthiessen, 1984; Sale, 1990).

Геноцид также имел место и в XX в. Невообразимый кошмар произошел с европейскими евреями в 1930–1940-е гг.: 6 млн были замучены гитлеровскими нацистами. Советский диктатор Иосиф Сталин истреблял людей в еще большем масштабе, убив около 30 млн реальных и предполагаемых врагов. В период с 1975 по 1980-е гг. коммунистический режим Пол Пота в Камбодже безжалостно уничтожил всех «капиталистов», включая любого, способного говорить на европейском языке, и даже людей, которые носили очки, считавшиеся элитарным символом. В целом, на камбоджийских «полях смерти» погибли приблизительно 2 млн человек (¼ населения этой страны) (Shawcross, 1979).

Как это ни печально, геноцид продолжается. Недавние примеры — хуту, убивающие тутси в Руанде; сербы, преследовавшие боснийцев на Балканах.

Все четыре формы отношений между большинством и меньшинствами отмечались и в США. Хотя многие люди с гордостью указывают на плюрализм и ассимиляцию, важно признать, до какой степени наше общество было построено на сегрегации (афроамериканцев) и геноциде (индейцев). В оставшейся части этой главы будет рассмотрено, как данные формы повлияли на историю и современное социальное положение основных расовых и этнических категорий в США.

Расовый и этнический состав населения США

...Отдай мне твоих усталых и бедных;
Они задыхаются в толпах огромных,
Подобны обломкам, усеявшим берег.
Пошли их ко мне, гонимых, бездомных, —
Мой свет их введет в золотые двери.

Эти слова Эммы Лазарус, начертанные на пьедестале статуи Свободы, выражают культурные идеалы человеческого достоинства, личной свободы и равных возможностей. Действительно, США обеспечили «лучшую жизнь» большему количеству иммигрантов, чем любая другая страна. Но, как показывает история расовых и этнических меньшинств, «золотая дверь» Америки для некоторых открылась шире, чем для других.

Коренные американцы

Термин «коренные американцы» относится к племенам — включая алеутов, эскимосов, чероки, зуни, сиу, могавков, ацтеков и инков, которые первыми заселили западное полушарие. Приблизительно за 30 тыс. лет до того, как Христофор Колумб (1446–1506) открыл Америку, мигрирующие народы по перешейку земли, где сегодня находится Берингов пролив (недалеко от побережья штата Аляска), пришли из Азии в Северную Америку. Постепенно они заселили всю Северную и Южную Америку.

Когда в конце XV в. в Америку прибыли первые европейцы, коренных американцев было несколько миллионов. Но к 1900 г., после безжалостного покорения и геноцида, «исчезающих американцев» насчитывалось лишь 250 тыс. (Dobyns, 1966; Tyler, 1973); земли, которыми они управляли, также впечатляюще сократились, как показано на карте США 14.2¹.

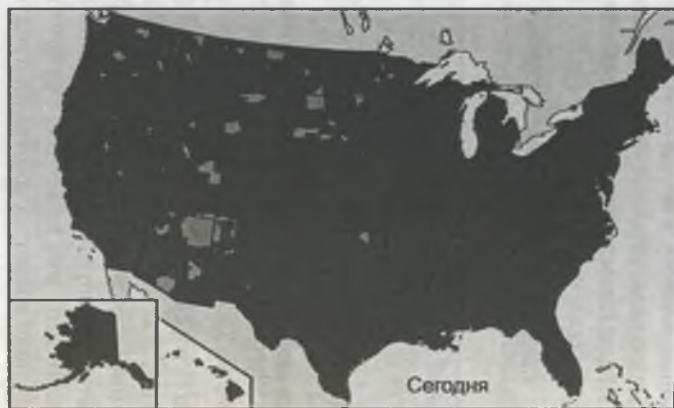
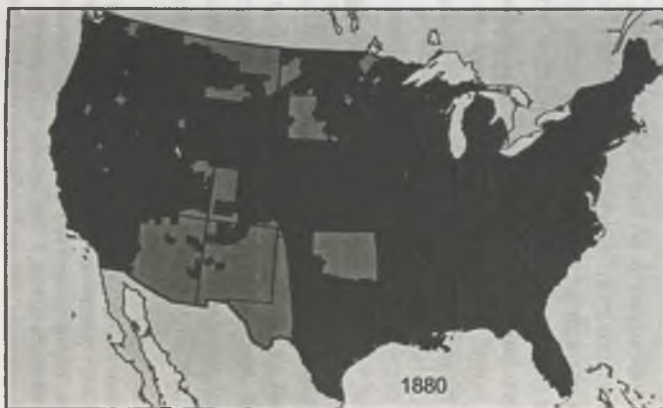
Именно Христофор Колумб первым назвал коренных американцев «индейцами», потому что ошибочно полагал, будто достиг Индии. В действительности он высадился на Багамских островах в Карибском море. Колумб считал островитян пассивными и мирными, что было полной противоположностью практичных и склонных к конкуренции европейцев (Matthiessen, 1984; Sale, 1990). Но те оправдывали захват новых земель, называя своих жертв ворами и убийцами (Unruh, 1979; Josephy, 1982).

После войны за независимость образованное американское правительство стало придерживаться плюралистического подхода к сообществам коренных американцев и стремилось получить больше земли путем заключения соглашений. Оплата за землю была далека от справедливой, однако, когда коренные американцы не захотели ее отдать, правительство применило военную силу для их выселения. К началу 1800-х гг. незначительное число коренных американцев оставалось к востоку от Миссисипи.

В 1871 г. США объявили опеку правительства над коренными американцами и приняли стратегию принудительной ассимиляции. Те продолжали терять земли и вполне могли напрочь забыть свою культуру. Жизнь в резервациях поощряла зависимость, языки предков заменялись на английский, а традиционные их религиозные верования — на христианские. Чиновники из Бюро по делам индейцев забирали детей от родителей и помещали их в школы-интернаты, где те ресоциализировались как «американцы». Власти предоставили контроль над жизнью в резервациях некоторым коренным американцам, поддерживавшим правительственную политику, и отдали землю, традиционно находившуюся в совместном пользовании, в частную собственность ряду семей (Tyler, 1973).

Лишь в 1924 г. коренные американцы получили право на американское гражданство. После этого многие покинули резервации, усвоив еще больше господствующих культурных образцов и вступая в брак с некоренными согражданами.

¹ 200 лет назад североамериканские индейцы контролировали $\frac{1}{4}$ земли, которая в итоге стала современными Соединенными Штатами. Сегодня коренные американцы контролируют 314 резерваций, разбросанных по всем США, что в совокупности составляет лишь 2% территории страны. Как бы вы охарактеризовали местоположение этих резерваций?

Карта США 14.2. Земли, контролируемые индейцами (1790–1998). Источник: © 1998 The New York Times Co.

Во многих больших городах значительную долю населения составляют коренные американцы. Однако в целом они контролируют лишь небольшую долю земли в стране; медианный доход семьи коренных американцев значительно ниже среднего по США, и относительно немногие из них заканчивают колледж (табл. 14.2)¹.

Таблица 14.2
Социальное положение коренных американцев (данные за 2000 г.)

	Коренные американцы	В целом по США
Медианный доход семьи	\$31064	\$50891
Процент бедных семей	27,1%	11,3%
Учились 4 года или больше в колледже (в возрасте 25 лет и старше)	9,3%*	25,6%

* Оценка автора на основе последних доступных данных.

Источник: U. S. Census Bureau, 2001.

Из всесторонних интервью с коренными американцами в одном городе на западе США Джоан Албон (Albon, 1971) заключила, что более низкое социальное положение этих людей отражает целый ряд культурных факторов, включая несоревновательное представление о жизни и нежелание получать высшее образование. Кроме того, она отметила, что многие коренные американцы имеют темную кожу, которая делает их жертвами предрассудков и дискриминации.

Подобно другим расовым и этническим меньшинствам, они недавно подтвердили, что гордятся своим культурным наследием. Организации коренных американцев сообщают о волне новых членов, и теперь многие дети могут говорить на родном языке лучше, чем их родители (Fost, 1991; Johnson, 1991; Nagel, 1996). Кроме того, юридическая автономия резерваций оказалась «козырем про запас» для многих племен, которые построили прибыльные казино и теперь управляют 20% всего американского игорного бизнеса. Но такое финансовое золотое дно коснулось лишь немногих коренных народов; большинство из них терпят свое невыгодное положение с глубоким чувством несправедливости, которую они испытывают со стороны белых людей.

Белые англосаксонские протестанты

Белые англосаксонские протестанты (*White Anglo-Saxon Protestants, WASP*) не были первыми людьми, заселившими Соединенные Штаты, но стали доминирующей группой, как только началась европейская колонизация. Большинство *WASP* английского происхождения, хотя данная категория также включает шотландцев и валлийцев. Более 50 млн американцев, или каждый пятый, заявляют о принадлеж-

¹ Сравнивая уровень образования и особенно дохода, имейте в виду, что различные категории населения США различаются по медианному возрасту. В 2000 г. для всех американцев он был равен 55,3 года. Белые люди (неиспаноязычные) имели медианный возраст 38,6 лет, для коренных американцев он составил 28,0. Поскольку со временем уровень образования и дохода людей повышается, такие возрастные различия объясняют отличия в показателях в табл. 14.2.

ности к *WASP*. На национальной карте 14.3 показано, где в США отмечается наиболее высокая концентрация представителей этой группы населения¹.

Исторически иммигранты *WASP* имели высокую квалификацию и обладали мотивацией добиться успеха, что ныне называется протестантской трудовой этикой. Из-за их большой численности и могущества против них не возникало предубеждений и дискриминации, испытываемых другими категориями иммигрантов. По сути, их историческое господство привело к тому, что другие хотели стать подобными им.

WASP никогда не были единой социальной группой; враждебность разделяла англичан, приверженцев англиканской церкви, и шотландцев и ирландцев-пресвитериан, особенно это было ярко выражено в колониальные времена (Parrillo, 1994). Но в XIX в. большинство *WASP* объединились перед лицом нашествия «нежелательных иностранцев»: немцев в 1840-х и итальянцев в 1880-х гг. Политические движения сумели провести законы, которые ограничили приток иммигрантов. Те, кто мог позволить себе это, укрылись в престижных районах и закрытых клубах. Таким образом, на 1880-е гг. — десятилетие, когда статуя Свободы стала приветствовать иммигрантов, приезжавших в Соединенные Штаты, — также приходится основание первого клуба, куда принимались только *WASP* (Baltzell, 1964).

Примерно к 1950 г. господство данной категории людей, определяемое по степени богатства и уровню привилегий, достигло максимума, на что указывает избрание в 1960 г. первого католического президента Джона Фицджеральда Кеннеди. Но большинство представителей верхнего слоя высшего класса (но не «нувориши» из нижнего слоя того же класса) — это именно *WASP* (Baltzell, 1964, 1976, 1979b, 1988). Культурное наследие их также остается. Английский язык — доминирующий в США, а протестантизм — религия большинства. Наша юридическая система также отражает ее английские корни. Однако историческое господство *WASP* наиболее очевидно сказывается в широко распространенном использовании терминов «раса» и «этничность» при описании всех, кто не *WASP*.

Афроамериканцы

Хотя афроамериканцы сопровождали европейских исследователей в Новом Свете в XV в., большинство ученых считают началом «черной истории» США 1619 г., когда голландский торговый корабль привез 20 африканцев в Джеймстаун, штат Виргиния. Неизвестно, были ли эти люди рабами или обыкновенными пассажирами, но очень скоро человек с черным цветом кожи стал на этих берегах Атлантики восприниматься в качестве раба. В 1661 г. в Виргинии был принят первый закон, признающий рабство (Sowell, 1981).

Оно стало основой системы в южных колониях. Белые люди управляли плантациями с рабами, служившими рабочей силой, и до 1808 г. некоторые из них также

¹ Многие люди связывают белых англосаксонских протестантов с элитными сообществами на Востоке и Западном побережьях США. Но наиболее высокая концентрация *WASP* отмечается в штате Юта (из-за миграции мормонов английского происхождения), в Аппалачах и в северной Новой Англии (из-за исторической иммиграции). Однако в целом *WASP* составляют большую долю американского населения почти всюду, кроме штата Аляска, юга штата Техас и севера Великих равнин. Знаете ли вы, чем это объясняется?

Во многих больших городах значительную долю населения составляют коренные американцы. Однако в целом они контролируют лишь небольшую долю земли в стране; медианный доход семьи коренных американцев значительно ниже среднего по США, и относительно немногие из них заканчивают колледж (табл. 14.2).

Таблица 14.2
Социальное положение коренных американцев (данные за 2000 г.)

	Коренные американцы	В целом по США
Медианный доход семьи	\$31064	\$50891
Процент бедных семей	27,1%	11,3%
Учились 4 года или больше в колледже (в возрасте 25 лет и старше)	9,3%*	25,6%

* Оценка автора на основе последних доступных данных.

Источник: U. S. Census Bureau, 2001.

Из всесторонних интервью с коренными американцами в одном городе на западе США Джоан Албон (Albon, 1971) заключила, что более низкое социальное положение этих людей отражает целый ряд культурных факторов, включая несовершенное представление о жизни и нежелание получать высшее образование. Кроме того, она отметила, что многие коренные американцы имеют темную кожу, которая делает их жертвами предубеждений и дискриминации.

Подобно другим расовым и этническим меньшинствам, они недавно подтвердили, что гордятся своим культурным наследием. Организации коренных американцев сообщают о волне новых членов, и теперь многие дети могут говорить на родном языке лучше, чем их родители (Fost, 1991; Johnson, 1991; Nagel, 1996). Кроме того, юридическая автономия резерваций оказалась «козырем про запас» для многих племен, которые построили прибыльные казино и теперь управляют 20% всего американского игорного бизнеса. Но такое финансовое золотое дно коснулось лишь немногих коренных народов; большинство из них терпят свое невыгодное положение с глубоким чувством несправедливости, которую они испытывают со стороны белых людей.

Белые англосаксонские протестанты

Белые англосаксонские протестанты (*White Anglo-Saxon Protestants, WASP*) не были первыми людьми, заселившими Соединенные Штаты, но стали доминирующей группой, как только началась европейская колонизация. Большинство *WASP* английского происхождения, хотя данная категория также включает шотландцев и валлийцев. Более 50 млн американцев, или каждый пятый, заявляют о принадлеж-

¹ Сравнивая уровень образования и особенно дохода, имейте в виду, что различные категории населения США различаются по медианному возрасту. В 2000 г. для всех американцев он был равен 55,3 года. Белые люди (неиспаноязычные) имели медианный возраст 38,6 лет, для коренных американцев он составил 28,0. Поскольку со временем уровень образования и дохода людей повышается, такие возрастные различия объясняют отличия в показателях в табл. 14.2.

ности к *WASP*. На национальной карте 14.3 показано, где в США отмечается наиболее высокая концентрация представителей этой группы населения¹.

Исторически иммигранты *WASP* имели высокую квалификацию и обладали мотивацией добиться успеха, что ныне называется протестантской трудовой этикой. Из-за их большой численности и могущества против них не возникало предубеждений и дискриминации, испытываемых другими категориями иммигрантов. По сути, их историческое господство привело к тому, что другие хотели стать подобными им.

WASP никогда не были единой социальной группой; враждебность разделяла англичан, приверженцев англиканской церкви, и шотландцев и ирландцев-пресвитериан, особенно это было ярко выражено в колониальные времена (Parrillo, 1994). Но в XIX в. большинство *WASP* объединились перед лицом нашествия «нежелательных иностранцев»: немцев в 1840-х и итальянцев в 1880-х гг. Политические движения сумели провести законы, которые ограничили приток иммигрантов. Те, кто мог позволить себе это, укрылись в престижных районах и закрытых клубах. Таким образом, на 1880-е гг. — десятилетие, когда статуя Свободы стала приветствовать иммигрантов, приезжавших в Соединенные Штаты, — также приходится основание первого клуба, куда принимались только *WASP* (Baltzell, 1964).

Примерно к 1950 г. господство данной категории людей, определяемое по степени богатства и уровню привилегий, достигло максимума, на что указывает избрание в 1960 г. первого католического президента Джона Фицджеральда Кеннеди. Но большинство представителей верхнего слоя высшего класса (но не «нувориши» из нижнего слоя того же класса) — это именно *WASP* (Baltzell, 1964, 1976, 1979b, 1988). Культурное наследие их также остается. Английский язык — доминирующий в США, а протестантизм — религия большинства. Наша юридическая система также отражает ее английские корни. Однако историческое господство *WASP* наиболее очевидно сказывается в широко распространенном использовании терминов «раса» и «этничность» при описании всех, кто не *WASP*.

Афроамериканцы

Хотя афроамериканцы сопровождали европейских исследователей в Новом Свете в XV в., большинство ученых считают началом «черной истории» США 1619 г., когда голландский торговый корабль привез 20 африканцев в Джеймстаун, штат Виргиния. Неизвестно, были ли эти люди рабами или обыкновенными пассажирами, но очень скоро человек с черным цветом кожи стал на этих берегах Атлантики восприниматься в качестве раба. В 1661 г. в Виргинии был принят первый закон, признающий рабство (Sowell, 1981).

Оно стало основой системы в южных колониях. Белые люди управляли плантациями с рабами, служившими рабочей силой, и до 1808 г. некоторые из них также

¹ Многие люди связывают белых англосаксонских протестантов с элитными сообществами на Восточном и Западном побережьях США. Но наиболее высокая концентрация *WASP* отмечается в штате Юта (из-за миграции мормонов английского происхождения), в Аппалачах и в северной Новой Англии (из-за исторической иммиграции). Однако в целом *WASP* составляют большую долю американского населения почти всюду, кроме штата Аляска, юга штата Техас и севера Великих равнин. Знаете ли вы, чем это объясняется?

занимались работоторговлей. Торговцы «живым» товаром, включая европейцев, африканцев и североамериканцев, насильственно перевезли приблизительно 10 млн африканцев в различные страны Америки, в том числе 400 тыс. в Соединенные Штаты. На маленьких парусных судах сотни рабов находились скованными вместе в течение нескольких недель, необходимых для пересечения Атлантического океана. Многие умирали от антисанитарных условий и болезней, некоторые покончили жизнь самоубийством. В целом, половина из них умерли в пути (Tannenbaum, 1946; Franklin, 1967; Sowell, 1981).

Выжить в поездке было еще не все, затем наступали годы рабской жизни. Хотя некоторые африканцы выполняли различную работу в городах, большинство трудились на полях, часто от рассвета до заката и еще дольше во время уборки урожая. Закон позволял владельцам применять любые дисциплинарные меры, которые они считали необходимыми, чтобы рабы были послушными и усердно трудились. Даже убийство раба редко приводило к судебному иску. Владельцы часто разделяли семьи невольников на проводившихся аукционах, где людей покупали и продавали как предметы собственности. Поскольку рабы были неграмотны и удовлетворение всех их основных потребностей зависело от владельцев, они не были властны над своей судьбой (Franklin, 1967; Sowell, 1981).

Как на Севере, так и на Юге было небольшое количество свободных «цветных», работавших мелкими фермерами, квалифицированными рабочими или занимающихся мелким бизнесом. Но жизнь большинства афроамериканцев находилась в явном противоречии с принципами равенства и свободы, на которых были основаны Соединенные Штаты. Декларация независимости гласит:

Мы считаем самоочевидной истиной, что все люди созданы равными, что Богом им дарованы определенные неотъемлемые права, среди которых право на жизнь, свободу и стремление к счастью.

Однако большинство белых людей не распространяли эти идеалы на чернокожих. В деле Дреда Скотта, слушавшемся в Верховном Суде США в 1857 г., рассматривался вопрос: «Являются ли чернокожие гражданами?», и было вынесено постановление: «Мы считаем, что они не граждане, и что они не подразумеваются под словом “граждане” в Конституции, и поэтому не могут требовать ни одного из прав и привилегий, которые обеспечивает этот документ гражданам США» (цит. по: Blaustein & Zangrando, 1968 : 160). Таким образом, возникла, по выражению шведского социолога Гуннара Мюрдала (Myrdal, 1944), *американская дилемма*: отрицание демократическим обществом основных прав и свобод целой категории людей. Чтобы разрешить эту дилемму, многие белые просто определили чернокожих людей как неполноценных от природы.

В 1865 г. 13-я поправка к Конституции поставила рабство вне закона. Три года спустя 14-я поправка аннулировала постановление по делу Дреда Скотта, даровав гражданство всем людям, рожденным в США. Согласно 15-й поправке, ратифицированной в 1870 г., ни раса, ни положение раба в прошлом не могли никого лишиться права голосовать. Однако так называемые законы Джима Кроу — классические примеры институционализированной дискриминации — все еще разделяли американское общество на две расовые касты. Особенно это было заметно в южных шта-

тах, где белые люди избивали и линчевали чернокожих (и некоторых белых), которые бросили вызов существовавшей иерархии.

XX в. разительно изменил жизнь афроамериканцев. После Первой мировой войны десятки тысяч мужчин, женщин и детей присоединились к Большому переселению, оставив сельский Юг и двинувшись на Север, чтобы занять рабочие места на фабриках. Хотя большинство из них открыли для себя значительные экономические возможности, немногие избежали расовых предубеждений и дискриминации, из-за которых в классовой иерархии их ставили ниже, чем белых иммигрантов, прибывающих из Европы.

В 1950-е и 1960-е гг. из переломных судебных решений, ставящих вне закона раздельное обучение в школах и откровенную дискриминацию при приеме на работу и в общественных местах, выросло общенациональное движение за гражданские права. Кроме того, общественное движение за «черную власть» позволило афроамериканцам вновь обрести чувство гордости и целеустремленность.

Несмотря на эти победы, афроамериканцы продолжают занимать зависимое положение в США, как показано в табл. 14.3. Медианный доход их семейств в 2000 г. (\$34 204) был равен лишь 64% от дохода белых (\$53 256)¹, и это соотношение мало изменилось за последние 30 лет. Вероятность стать бедной для семьи чернокожих в 3 раза выше, чем для семьи белых.

Таблица 14.3

Социальное положение афроамериканцев (данные за 2000 г.)

	Афроамериканцы	В целом по США
Медианный доход семьи	\$34204	\$50891
Процент бедных семей	22,1%	11,3%
Учились 4 года или больше в колледже (в возрасте 25 лет и старше)	16,6%	25,6%

Источник: U. S. Census Bureau, 2001.

Число афроамериканских семей, прочно занявших место в среднем классе, в период 1980–2000 гг. повысилось более чем на 50%; 49% зарабатывают свыше \$35 тыс. в год, а 32% — \$50 тыс. больше. Но многие афроамериканцы все еще относятся к рабочему классу или беднякам; за последние 15 лет их доходы сократились, поскольку фабричное производство, жизненно важное для жителей старых районов городов, было перемещено в другие страны, где труд дешевле. Таким образом, уровень безработицы среди чернокожих почти вдвое выше, чем среди белых; 40% подростков с темным цветом кожи не имеют работы (Horton et al., 2000; DeJong & Madamba, 2001; U.S. Department of Labor, 2001).

¹ Разница в медианном возрасте (для белых неиспаноязычных он составляет 38,6 лет; для чернокожих — 30,2 года) объясняет различия в доходе и образовательном уровне. Эти различия также отражают более высокую долю семей с одним родителем среди чернокожих, чем среди белых. Если сравнивать только полные семьи, афроамериканцы (со средним доходом \$50 741 в 2000 г.) зарабатывали 85% от получаемого белыми (\$59 953).

Последнее поколение афроамериканцев добилось значительного прогресса в уровне образования. Доля взрослых, закончивших среднюю школу, возросла от 50 до 75% и более — так почти преодолен разрыв между белыми и чернокожими. С 1980 по 2000 г. количество взрослых афроамериканцев, получивших образование как минимум в колледже, увеличилось от 8 до более чем 16%. Однако из данных, представленных в табл. 14.3, становится ясно, что доля афроамериканцев, проучившихся не менее 4 лет в колледже, лишь немного превышает 1/2 от общенационального стандарта.

Политическое влияние афроамериканцев также усиливается. В результате миграции чернокожего населения в города и перемещения белых в предместья в 5 из 10 американских мегаполисов на пост мэра избраны люди с черным цветом кожи. Однако в общенациональном масштабе лишь 2% избранных лидеров — афроамериканцы. По итогам выборов в конгресс 2000 г. оказалось: из 435 членов палаты представителей — 36 чернокожие, а вот среди сенаторов (которых 100 человек) таковых не было вообще ни одного.

Таблица 14.4

Социальное положение американцев азиатского происхождения (данные за 2000 г.)

Все американцы азиатского происхождения	Американцы китайского происхождения	Американцы японского происхождения	Американцы корейского происхождения	Американцы филиппинского происхождения	В целом по США
<i>Медианный доход семьи</i>					
\$60825*	\$59494*	\$74231*	\$48828*	\$67244*	\$50891
<i>Процент бедных семей</i>					
10,8%	10,8%*	5,4%*	10,5%*	4,9%*	11,3%
<i>Учились 4 года или больше в колледже (в возрасте 25 лет и старше)</i>					
43,9%	47,4%*	40,2%*	40,2%*	45,6%*	25,6%

* Оценка автора на основе последних доступных данных.

Источник: U. S. Census Bureau, 2001.

В течение 350 лет выходцы из Африки боролись за социальное равенство. В общенациональных масштабах мы далеко продвинулись в достижении этой цели. Открытая дискриминация теперь незаконна, и данные исследований указывают на устойчивую тенденцию к уменьшению предубеждений против афроамериканцев (Firebaugh & Davis, 1988; Wilson, 1992; NORC, 2001).

В 1913 г. — через 50 лет после отмены рабства — У. Е. Б. Дюбуа указал на прогресс в улучшении положения чернокожего населения. Но он также предостерег, что кастовая система, основанная на расовом разделении, все еще существует в США, и эта расовая иерархия сохраняется в XXI в.

Американцы с азиатскими корнями

Хотя американцы выходцы из Азии имеют определенную общность в расовых чертах, эту категорию людей, предки которых приехали из разных стран, характеризует огромное культурное разнообразие. В 2000 г. общее количество американцев

азиатского происхождения превысило 10 млн, приблизившись к 4% всего населения США. Наибольшая группа среди них — китайцы (2,4 млн), затем следуют филиппинцы (1,8 млн), индийцы (1,6 млн), вьетнамцы (1,1 млн), корейцы (1 млн) и японцы (796 тыс.). Более трети американцев азиатского происхождения живут в Калифорнии.

Молодые представители этих групп завоевали репутацию хорошо успевающих учеников, и их численность в лучших колледжах и университетах США непропорционально высока. Многие из их предшественников также добились успеха в экономической и социальной сферах; большинство американцев азиатского происхождения теперь живут в предместьях как люди среднего класса (O'Hare, Frey & Fost, 1994). Все же, несмотря на их исключительные достижения (а иногда благодаря им), составляющие данную группу часто обнаруживают, что другие сторонятся их или даже враждебны по отношению к ним (Chua-Еоan, 2000).

В то же время образ американцев азиатского происхождения как «примерного меньшинства» скрывает бедность этих людей. Теперь следует сосредоточиться на истории и современном положении выходцев из Китая и Японии — наиболее сформировавшихся меньшинств американцев азиатского происхождения, а потом кратко рассмотреть недавно прибывших иммигрантов из Азии.

Американцы китайского происхождения. Китайская иммиграция в США началась в 1849 г., во времена золотой лихорадки в Калифорнии. Быстро росли новые города и появлялись новые виды коммерческой деятельности, потребность в дешевой рабочей силе привлекла около 100 тыс. китайских иммигрантов. Большинство приехавших были молодыми людьми, готовыми выполнять тяжелую, непрестижную работу, которой избегали белые. Но в 1870-е гг. начался экономический спад, и отчаявшиеся белые стали соперничать с китайцами при устройстве на любые вакантные места. Внезапно трудолюбивые китайцы стали представлять угрозу. Другими словами, экономические трудности вызвали предубеждения и дискриминацию (Ling, 1971; Boswell, 1986).

Вскоре суды отказались от юридической защиты китайских рабочих, запретив им занимать многие должности, и общественное настроение ополчилось против «желтой опасности». Когда все, казалось, были настроены враждебно, возникла популярная фраза «шанс китайца», описывающая человека, столкнувшегося с необъективностью (Sung, 1967; Sowell, 1981).

В 1882 г. американское правительство приняло первый из нескольких законов, препятствующих китайской иммиграции. Поскольку мужчины, приехавшие из Китая, превосходили китайок по численности почти в 20 раз, возникший дисбаланс сократил количество браков, и к 1920 г. популяция китайцев резко сократилась — до 60 тыс. (Hsu, 1971; Lai, 1980). Китайки, оказавшиеся в США, были очень популярны, и очень скоро от их традиционной покорности мужчинам не осталось и следа (Sowell, 1981).

Реагируя на расовую враждебность, некоторые китайцы переезжали на Восток; многие пытались обрести безопасность в китайских кварталах. Там сохранялись их национальные традиции и сообщества родственников, названные кланами, обеспечивали финансовую помощь и представляли их общие интересы. Однако при этом китайские кварталы препятствовали изучению их жителями английского языка, что ограничивало возможности при трудоустройстве (Wong, 1971).

Из всех этнических меньшинств люди индийского происхождения самые богатые, многие из них работают в медицинской сфере или в иных профессиональных областях. Как вы объясняете тот факт, что одни этнические группы занимают более высокое или более низкое социальное положение, чем другие?

Вновь возникшая потребность в рабочей силе во время Второй мировой войны побудила президента Франклина Рузвельта отменить в 1943 г. запрет на китайскую иммиграцию и расширить гражданские права американцев китайского происхождения, рожденных за границей. Вследствие этого многие переехали из китайских кварталов и смогли культурно ассимилироваться. В 1900 г., например, 70% китайцев в Гонолулу жили в китайском квартале этого города; сегодня таковых меньше 20%.

С 1950 г. американцы китайского происхождения сделали большие успехи. Сегодня они больше не работают исключительно в китайских прачечных и ресторанах; они имеют различные престижные профессии, особенно в сфере науки и новой информационной технологии.

Как показано в табл. 14.4, медианный доход семьи американцев с китайскими корнями в 2000 г. (\$59 494) был выше среднего по США (\$50 891). Это указывает, в частности, на большее число работающих членов семьи¹. Американцы китайского

¹ Медианный возраст для всех американцев азиатского происхождения в 2000 г. был равен 32,7 года, несколько ниже аналогичного общенационального показателя (35,3) и показателя белых (38,6 года). Но диапазон по медианному возрасту велик: японцы — 36,1; китайцы — 32,1; филиппинцы — 31,1; корейцы — 29,1; индийцы — 28,9; камбоджийцы — 19,4; мяо — 12,5 (U. S. Census Bureau, 2000, 2001).

происхождения также имеют завидные результаты в академических достижениях; среди них выпускников колледжей почти вдвое больше, чем в среднем по стране.

Несмотря на их успехи, многие из них все еще борются с завуалированными (а иногда открытыми) предубеждениями и дискриминацией. Такая враждебность — одна из причин того, что показатель бедности среди американцев с китайскими корнями равен среднему по стране. Однако он выше среди тех, кто остается жить в китайских кварталах, работая в ресторанах или выполняя другую низкооплачиваемую работу. Социологи спорят о том, помогают ли расовые и этнические анклав их резидентам или усиливают эксплуатацию (Portes & Jensen, 1989; Zhou & Logan, 1989; Kinkead, 1992; Gilbertson & Gurak, 1993).

Американцы японского происхождения. Японские иммигранты начали приезжать в США в 1860-е гг., и их численность к 1890 г. достигала лишь 3 тыс. Большинство этих иммигрантов поселились на Гавайских островах (аннексированных Соединенными Штатами в 1898 г. и получивших статус штата в 1959 г.), будучи дешевой рабочей силой. Однако после 1900 г., когда число японских иммигрантов в Калифорнии увеличилось и они стали требовать более высокой оплаты своего труда, белое население отреагировало на это ограничением иммиграции (Daniels, 1971). В 1907 г. США подписали соглашение с Японией, сдерживающее въезд мужчин — главпой экономической угрозы, но позволявшее въезжать в США женщинам,

В период 1942–1944 гг. более 100 тыс. японцев были насильственно выселены из их домов, удалены от дел и помещены в лагеря для интернированных лиц. На этой фотографии видно, как мать сдерживает слезы, когда военные готовятся отправить ее с тремя маленькими детьми (обратите внимание на опознавательные бирки) с острова Брейнбридж (недалеко от побережья штата Вашингтон) на материк

чтобы ослабить дисбаланс полов среди японцев в Америке. В 1920-е гг. в Калифорнии и других штатах сегрегация считалась законной, а межрасовые браки были запрещены, что в значительной степени остановило дальнейшую японскую иммиграцию. Лишь в 1952 г. Соединенные Штаты расширили гражданские права японцев, родившихся за границей.

Японские и китайские иммигранты отличались в трех отношениях. Во-первых, японских иммигрантов было меньше, поэтому к ним относились не столь враждебно, как к многочисленным иммигрантам-китайцам. Во-вторых, они знали о США больше, чем китайцы, что помогло быстрее ассимилироваться (Sowell, 1981). В-третьих, японские иммигранты предпочитали занятие сельским хозяйством жизни в городах. Но многие белые выступали против передачи в собственность японцам обрабатываемой земли; так, в 1913 г. в Калифорнии запретили дальнейшую покупку земли. Многие родившиеся за рубежом японцы (называемые *иссей*) ответили тем, что перевели землю на имя своих родившихся в Америке детей (*нисей*), которые имели конституционное право на гражданство.

Американцы японского происхождения столкнулись с самыми большими проблемами после 7 декабря 1941 г., когда Япония разбомбила американский военноморской флот в Перл-Харбор на Гавайях. Тогда боялись, что они станут шпионить в пользу Японии или иным образом противодействовать американским военным успехам. В течение года президент Франклин Рузвельт подписал Правительственное постановление № 9066, беспрецедентный акт, согласно которому переехавшие в Америку японцы должны были удерживаться в лагерях. Вскоре власти переместили 110 тыс. человек (90% всех выходцев с Японских островов, осевших в США, и свыше 2000 живших в 13 латиноамериканских странах) в отдаленные резервации внутри страны (Sun, 1998).

Забота о национальной безопасности всегда усиливается во время войны, но интернирование японцев подвергалось резкой критике. Во-первых, оно было направлено на целую категорию людей, а не на человека, который уличен в совершении какого-либо нечестного акта. Во-вторых, примерно две трети лишенных свободы были *нисей*, т. е. американские граждане по праву рождения. В-третьих, хотя Соединенные Штаты также находились в состоянии войны с Германией и Италией, против выходцев из этих стран не предпринимались никакие огульные действия подобного рода.

Переселение означало поспешную продажу домов, мебели и предприятий по бросовой цене. В результате почти все американцы японского происхождения были разорены. В военных тюрьмах, окруженных колючей проволокой и охраняемых вооруженными солдатами, семьи теснились в одноместных камерах, часто в зданиях, где прежде содержали домашний скот (Fujimoto, 1971; Bloom, 1980). Интернирование закончилось в 1944 г., когда Верховный Суд объявил его неконституционным. В 1988 г. конгресс выделил \$20 тыс. каждой жертве в качестве символической компенсации.

После Второй мировой войны американцы японского происхождения восстановили свое положение. Лишившись традиционных видов коммерческой деятельности, они освоили широкий диапазон новых занятий, и поскольку в их культуре высоко ценятся образованность и трудолюбие, эти граждане США добились замечательных успехов. В 2000 г. медианный доход японских американских домохо-

зайств был почти на 50% выше среднего по стране. Процент бедных семей составлял менее $\frac{1}{2}$ от общенационального.

Восходящая социальная мобильность поощряла культурную ассимиляцию и межрасовые браки. Третьи и четвертые поколения американцев японского происхождения (*сансей* и *ёнсей*) редко живут в японских анклавах, как это все еще делают многие американцы с китайскими корнями, и большинство заключают браки с неапонцами. В результате некоторые забыли свои традиции, даже родной язык. Однако значительная часть принадлежит к национальным ассоциациям, что помогает поддерживать их этническую идентичность (Fugita & O'Brien, 1985). К сожалению, отдельные люди, по-видимому, оказались между двумя мирами, — уже не японцы в культурном отношении, но так и не принятые полностью из-за расовых различий обществом в целом.

Недавно прибывшие из Азии иммигранты. Недавние иммигранты из Азии включают филиппинцев, индийцев, корейцев, вьетнамцев, полинезийцев и гуамцев. С учетом лиц китайского и японского происхождения американцы выходцы из Азии — наиболее быстро увеличивающееся меньшинство, составляющее — $\frac{1}{3}$ от общего числа всех иммигрантов Америки (U. S. Immigration and Naturalization Service, 1999). Если же кратко обозреть положение корейцев и филиппинцев — представителей стран, которые имели особые связи с США, можно понять социальное разнообразие недавно прибывших людей из Азии.

Корейцы. Иммиграция в Соединенные Штаты стала следствием американского участия в корейской войне (1950–1953). Войска США в Южной Корее непосредственно соприкоснулись с корейской культурой, и некоторые солдаты нашли там себе жен. У южных корейцев контакт с военными пробудил интерес к США.

Среди азиатских иммигрантов силен дух предпринимательства. Они скорее, чем белые, в 3 раза чаще, чем латиноамериканцы, и в 4 раза чаще, чем афроамериканцы, становятся владельцами предприятий в сфере мелкого бизнеса (U. S. Census Bureau, 1995). Среди же всех американцев азиатского происхождения именно по преимуществу корейцы обретают такой статус. Например, жители Нью-Йорка знают, что большинство гастрономов там принадлежат корейцам; а жителям Лос-Анджелеса известно, что корейцы управляют большей частью винных магазинов.

Многие выходцы из Кореи усердно работают; впрочем, доход их семей несколько ниже среднего по стране, как показано в табл. 14.4. Кроме того, их неохотно принимают люди, даже из числа других американцев азиатского происхождения.

Филиппинцы. Большое количество иммигрантов из Филиппин частично объясняется тем фактом, что Соединенные Штаты управляли Филиппинскими островами с 1898 (в качестве уступок Испании после испано-американской войны) по 1946 г. (когда Филиппины стали независимой республикой).

Данные, приведенные в табл. 14.4, свидетельствуют, что филиппинцы в целом живут хорошо. Но, присмотревшись, можно обнаружить двойственную тенденцию, когда одни филиппинцы добиваются больших успехов в различных профессиональных областях (особенно в медицинской), а другие изо всех сил пытаются свести концы с концами, занимаясь неквалифицированным трудом (Parrillo, 1994).

Высокие доходы многих филиппинских семей объясняются тем, что работают женщины. Почти 75% из них ходят на работу, в то время как среди корейнок, жи-

тельниц США, таковых 50%. Кроме того, многие из них имеют какую-либо профессию, и это отражает тот факт, что 42% американок филиппинского происхождения прошли 4-летний курс обучения в колледже, по сравнению с 26% американок, имеющих корейские корни.

Таким образом, картина жизни американцев азиатского происхождения достаточно сложная. Японцы ближе всех подошли к достижению социального принятия, но экономические успехи других азиатов, особенно корейцев и китайцев, не уменьшили исторических предубеждений и дискриминации. Хотя многие американцы азиатского происхождения преуспели, часть из них остается бедной. Отмечается одна очевидная тенденция — исключительно высокие темпы иммиграции, а это означает, что люди азиатского происхождения будут играть центральную роль в нашем обществе в XXI в. (Lee, 1994).

Испаноязычные американцы

В 2000 г. испаноязычных жителей США насчитывалось более 35 млн, что составляет 12,5% населения страны. Согласно данным переписи 2000 г., это самая многочисленная категория меньшинств, превосходящая по численности афроамериканцев (12,3% населения). Однако немногие люди, попадающие в эту категорию, описывают себя как «латинос». Как и выходцы из Азии, это группа различных популяций, каждая из которых отождествляется с отдельной страной происхождения (Marín & Marín, 1991). Двое из трех живущих в США латиноамериканцев (20 млн человек) — иммигранты из Мексики, которых иногда называют «чиканос». Далее следуют пуэрториканцы (3 млн), кубинцы (1,2 млн). Многие другие страны Латинской Америки представлены меньшим числом людей.

Большая часть латиноамериканцев живет на юго-западе США. Каждый четвертый калифорниец — из Латинской Америки (в Лос-Анджелесе почти $\frac{1}{2}$ населения города — латиноамериканцы). На национальной карте 14.4 показано, как расселены американцы латиноамериканского, африканского и азиатского происхождения на территории США¹.

Медианный доход семей испаноязычных жителей США — \$35 050 за 2000 г. — значительно ниже среднего по стране². Как сказано в следующих разделах, одни категории иммигрантов из Латинской Америки живут лучше других.

Американцы мексиканского происхождения. Некоторые чиканос — потомки людей, которые жили в части Мексики, аннексированной США после мексикано-американской войны (1846–1848). Однако большинство из них — недавние иммигранты. Фактически в последние десятилетия из Мексики в Соединенные Штаты прибыло больше людей, чем из какой-либо другой страны.

¹ В 2000 г. американцы азиатского происхождения составляли 3,6% американского населения по сравнению с 12,3% афроамериканцами и 12,5% испаноязычными. Карты показывают географическое распределение этих категорий людей в 2000 г. В сравнении видно, что южная половина США — это дом для намного большего числа меньшинств, чем северная половина. Но сконцентрированы ли представители этих трех категорий в одних и тех же регионах? Какие тенденции демонстрируют эти карты?

² В 2000 г. медианный возраст испаноязычных американцев равнялся 25,8, что значительно ниже общенационального в 35,3 года. Эта разница отчасти объясняет неравенство в доходе и уровне образования.

Карта США 14.4. Концентрация американцев латиноамериканского, африканского и азиатского происхождения по округам (данные за 2000 г.). Источник: U. S. Census Bureau, 2001

Таблица 14.5
Социальное положение испаноязычных американцев в США (данные за 2000 г.)

Все испано-язычные	Выходцы из Мексики	Выходцы из Пуэрто-Рико	Выходцы с Кубы	В целом по США
<i>Медианный доход семьи</i> \$35050	\$31123*	\$30129*	\$38312*	\$50891
<i>Процент бедных семей</i> 21,2%	24,1%*	25,8%*	17,3%*	11,3%
<i>Учились 4 года или больше в колледже (в возрасте 25 лет и старше)</i> 10,6%	6,9%	13,0%	23,0%	25,6%

* Данные за 1999 г.

Источник: U. S. Census Bureau, 2001.

Подобно многим другим иммигрантам, американцы с мексиканскими корнями работали чернорабочими на фермах или в других местах. В табл. 14.5 показано, что в 1999 г. медианный доход их семей составлял \$31 123, или около $\frac{2}{3}$ общенационального стандарта. Четверть семей чиканос живет в бедности, что более чем вдвое выше среднего показателя по стране. И, несмотря на улучшение их положения после 1980 г., они все еще получают худшее образование, чем взрослые американцы, и чаще оставляют обучение.

Пуэрториканцы. Пуэрто-Рико (как и Филиппины) перешли под американский контроль в результате окончания испано-американской войны в 1898 г. В 1917 г. пуэрториканцы (но не филиппинцы) стали американскими гражданами.

Нью-Йорк — центр пуэрториканской жизни в континентальной части США, здесь живет около 1 млн пуэрториканцев. Однако приблизительно 40% этого сообщества относятся к числу бедняков, и только 13% в возрасте от 25 лет и старше окончили колледж. Адаптация к культурным образцам материка, что означает и обучение английскому языку, — лишь одна из проблем. Кроме того, пуэрториканцы, имеющие темную кожу, сталкиваются с особенно сильными предубеждениями и дискриминацией. В результате каждый год больше людей возвращается в Пуэрто-Рико, чем прибывает оттуда, поэтому в течение 1990-х гг. Нью-Йорк потерял приблизительно 100 тыс. пуэрториканцев (Navarro, 2000).

Этот феномен «вращающейся двери» препятствует ассимиляции. 75% семей пуэрториканцев в США говорят дома по-испански, в то время как среди выходцев из Мексики таковых 50% (Sowell, 1981; Stevens & Swicegood, 1987). Общение исключительно на испанском языке поддерживает сильную этническую идентичность, но ограничивает экономические возможности. У пуэрториканцев также выше доля домашних хозяйств, возглавляемых женщинами, чем среди иных групп латиноамериканцев, что увеличивает риск бедности.

В табл. 14.5 показано, что в 1999 г. медианный доход семьи пуэрториканцев был равен \$30 129, или 60% от среднего по стране. Хотя давно переселившиеся на материк добились экономических успехов, недавние иммигранты изо всех сил пытаются найти работу. Усредняя все эти различия, можно сказать, что пуэрториканцы

Ник Куиджано. Ла Вида эн Брома, 1988: Уличная жизнь в старом Сан-Хуане
Сила семейных уз и соседских связей показана на этой картине пуэрториканского художника Ника Куиджано, изображающей уличную жизнь в старом районе Сан-Хуана

находятся в наиболее невыгодном социальном положении среди латиноамериканских меньшинств (Rivera-Batiz & Santiago, 1994; Holmes, 1996b).

Американцы кубинского происхождения. В течение десятилетия после возглавленной Фиделем Кастро марксистской революции 1959 г. 400 тыс. кубинцев иммигрировали в Соединенные Штаты. Те, кто сбежал, были высокообразованными профессионалами, которые быстро добились таких же успехов в США, как и у себя на родине (Fallows, 1983; Krafft, 1993).

В табл. 14.5 указывается, что медианный доход домашнего хозяйства кубинцев в 1999 г. составил \$38 312, что намного больше, чем у других латиноамериканцев, но все же ниже среднего по стране. 1 млн выходцев с Кубы удается тонко балансировать, достигая успеха в обществе и сохраняя свою традиционную культуру. Из всех латиноамериканцев кубинцы чаще всех говорят дома по-испански: так делают в 8 из 10 семей. Однако их культурное своеобразие и заметные общины, такие как Маленькая Гавана в Майами, вызывают враждебность со стороны некоторых людей.

Белые этнические меньшинства

Термин «белые этнические меньшинства» признает этническое наследие и невыгодное социальное положение многих белых людей. Это люди, не относящиеся к WASP, предки которых жили в Ирландии, Польше, Германии, Италии или других европейских странах. Более половины американцев попадает в категорию белых этнических меньшинств (U. S. Census Bureau, 2001).

Беспрецедентная эмиграция из Европы в течение XIX в. сначала привела к берегам Америки немцев и ирландцев, и затем итальянцев и евреев. Несмотря на культурные различия, все они надеялись, что Соединенные Штаты дадут большую политическую свободу и экономические возможности, чем их родина. Большинство из них действительно стали жить лучше в Новом Свете, но убеждение, что «улицы в Америке вымощены золотом», оказалось далеким от истины. Многие иммигранты нашли лишь тяжелую работу за низкую плату.

Белые этнические меньшинства также страдали от предрассудков и дискриминации. Нейтивистские организации¹ выступали против въезда в Соединенные Штаты европейцев, не относящихся к WASP, и немало газетных объявлений с предложением работы предупреждали вновь прибывших: «Касается только американцев» (Handlin, 1941 : 67).

В 1921 г. нейтивисты праздновали победу, когда федеральное правительство приняло закон, вводящий квоту на иммиграцию. Она была повышена лишь в 1968 г. Наиболее строго регулировался въезд людей из Южной и Восточной Европы, которые имели более темную кожу и культурные традиции, отличные от англосаксонских протестантских (Fallows, 1983).

В ответ на широко распространенный расизм многие белые этнические меньшинства — подобно другим иммигрантам — образовали свои анклав. Некоторые также заняли устойчивые позиции в некоторых видах коммерческой деятельности и профессиональных областях: итальянцы занялись строительством, ирландцы работали в строительстве и на государственной службе, евреи преобладали в швейной промышленности, а многие греки (как и китайцы) — в розничной торговле продовольствием (Newman, 1973).

Многие представители рабочего класса все еще живут в традиционных сообществах, хотя те, кто преуспел, постепенно ассимилируются. Большинство потомков иммигрантов, которые трудились на предприятиях с потогонной системой и жили в перенаселенных арендуемых квартирах, теперь имеют комфортабельные условия. И они гордятся своим этническим наследием.

Раса и этничность: перспективы

США были и долго будут оставаться страной иммигрантов. Этот феномен породил поразительное культурное разнообразие и истории успеха, надежды и борьбы, рассказанные на сотнях языков.

Большинство иммигрантов прибыли во время большой волны, которая достигла максимума около 1910 г. Следующие два поколения постепенно улучшили свое экономическое положение и несколько ассимилировались. Правительство также предоставило гражданские права коренным американцам (1924), родившимся за рубежом филиппинцам (1942), американцам китайского происхождения (1943) и американцам японского происхождения (1952).

¹ Нейтивистское движение — протекционистское движение с конца 1820-х гг., связанное с борьбой первых американских переселенцев (протестантов) против иммигрантов-католиков. — *Примеч. перев.*

Число иммигрантов, млн

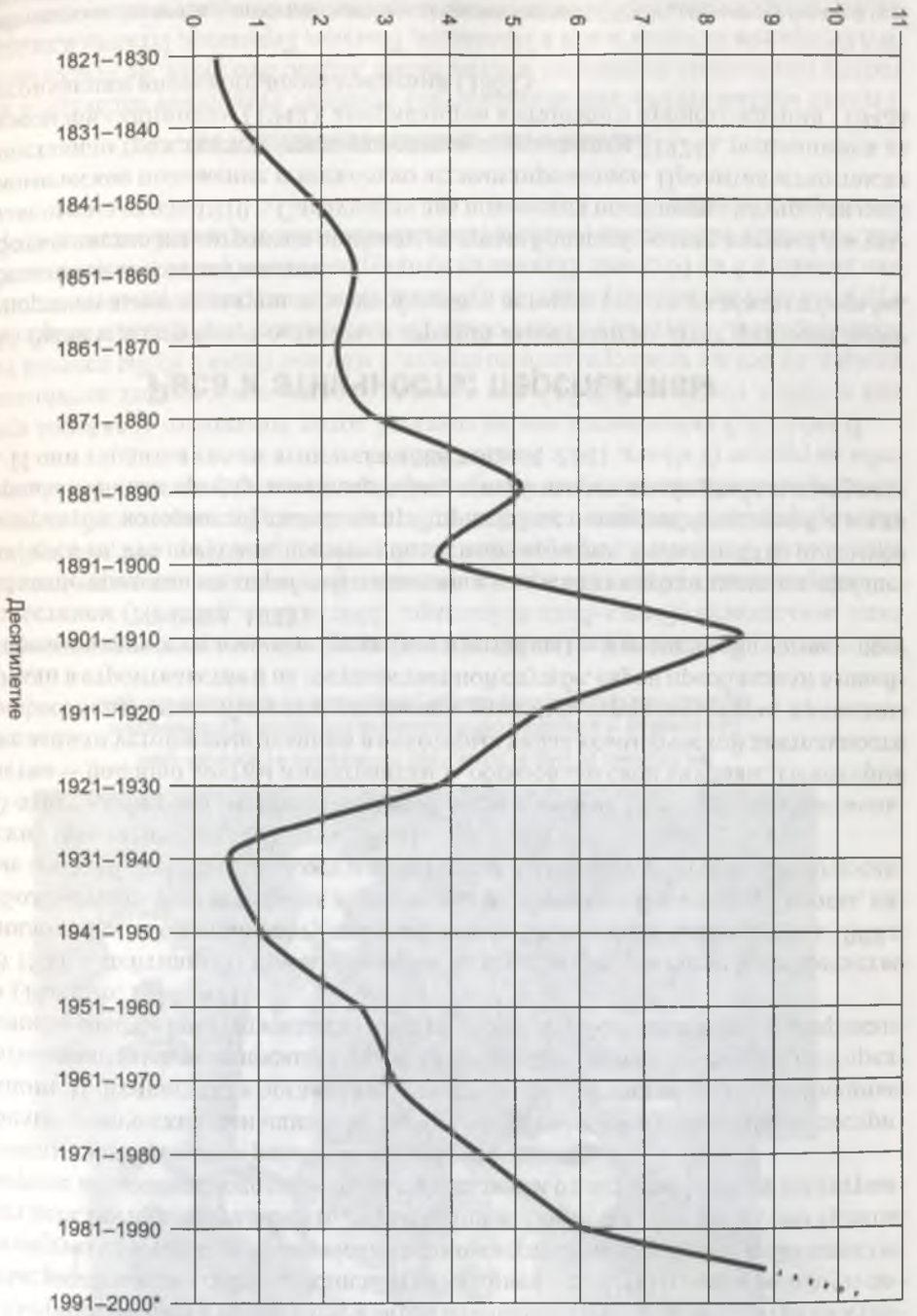

Рис. 14.3. Иммиграция в США по десятилетиям. Источник: U.S. Immigration and Naturalization Service, 1999

Как показано на рис. 14.3, следующая волна иммиграции началась после Второй мировой войны и стала нарастать, когда правительство ослабило иммиграционные законы в 1960-е гг. В течение 1990-х гг. в США ежегодно прибывало по 1 млн человек, что в 2 раза больше, чем во времена большой иммиграции 100 лет назад (хотя вновь прибывшие теперь въезжают в страну, население которой в 5 раз больше, чем ранее). Однако сегодняшние иммигранты прибывают не из Европы, а из Латинской Америки и Азии, больше всего — из Мексики, Филиппин и Южной Кореи.

Вновь прибывшие сталкиваются с теми же самыми предубеждениями и дискриминацией, что и приехавшие давно. Действительно, в последние годы отмечался рост враждебности к иностранцам (иногда называемой *ксенофобией* — от древнегреч. «страх незнакомого»). В 1994 г. калифорнийские избиратели приняли «Предложение 187» — поправку к Конституции штата Калифорния, запротивившую предоставление социальной помощи (включая обучение) незаконным иммигрантам. Они проголосовали также, чтобы все дети изучали в школе английский язык. В 2000 г. некоторые землевладельцы вдоль юго-западной границы США взяли за оружие, чтобы препятствовать въезду большого количества иммигрантов из Мексики, и некоторые политики призвали к решительным действиям для прекращения дальнейшей иммиграции.

Подобно предшественникам, многие иммигранты пытаются раствориться в американском обществе, полностью утратив свою традиционную культуру. Некоторые образовали расовые и этнические анклав, так что Маленькие Гаваны и корейские кварталы сегодня встают в один ряд с Маленькими Италиями и немецкими кварталами прошлого. Как и прибывшие до них, вновь приехавшие питают надежду, что их расовая и этническая идентичность может быть источником силы, а не знаком низшего положения.

Резюме

1. Расы — это социально обусловленные категории, которые разделяют людей по различным физическим особенностям. Хотя 100 лет назад ученые выделили три большие категории — кавказоидов, монголоидов и негроидов, — рас в чистом виде не существует.
2. Этничность основана не на биологических признаках, а на общей культуре. Человек может стремиться подчеркивать или минимизировать свои культурные особенности. Общества также могут выделять или не выделять людей по их культурной принадлежности.
3. Меньшинства, включающие представителей различных расовых и этнических категорий, — это люди, которых общество определяет как социально обособленных и находящихся в невыгодном социальном положении.
4. Предубеждения — это жесткие и необъективные обобщения о некоторой категории людей. Расизм относится к разрушительному типу предубежде-

ний; расисты утверждают, что одни люди по своей природе лучше или хуже других.

5. Дискриминация — образец действий, когда человек неодинаково относится к различным категориям людей.
6. Плюрализм означает, что расовые и этнические категории, хотя и различаются, имеют равное социальное положение. Ассимиляция — процесс, с помощью которого меньшинства постепенно усваивают культурные образцы доминирующей категории людей. Сегрегация — это физическое и социальное разделение людей. Геноцид — истребление определенной группы людей.
7. Коренные американцы — первые люди, заселившие Америку, — подверглись геноциду, сегрегации и принудительной ассимиляции. Сегодня их социальное положение значительно хуже среднего по стране.
8. Белые англосаксонские протестанты преобладали среди первых европейских поселенцев в США, и многие из них до сих пор продолжают занимать высокое социальное положение.
9. Афроамериканцы пережили 200 лет рабства. За его отменой в 1865 г. последовала узаконенная сегрегация. Сегодня, несмотря на юридическое равенство, афроамериканцы все еще находятся в невыгодном положении.
10. Американцы китайского и японского происхождения пострадали как от расовой, так и от этнической враждебности. Хотя еще продолжают существовать некоторые предубеждения и дискриминация, уровень доходов и образованности лиц, принадлежащих к обеим этим категориям, выше среднего. Недавняя иммиграция, особенно корейцев и филиппинцев, сделала американцев азиатского происхождения наиболее быстро растущей расовой категорией населения США.
11. Латиноамериканцы — это ряд испаноязычных этнических групп. Выходцы из Мексики — наиболее многочисленное меньшинство из их числа, сконцентрированное на юго-западе США. Пуэрториканцы, третья часть которых живет в Нью-Йорке, — самые бедные латиноамериканцы, жители США, а кубинцы, осевшие в Майами, — самые богатые.
12. Белые этнические меньшинства — люди с европейскими корнями, не относящиеся к *WASP*. Хотя их положение в течение XX в. и улучшилось, они все еще борются за свое экономическое благополучие.
13. В последние годы иммиграция возросла. Теперь большинство иммигрантов прибывают не из Европы, а из Латинской Америки и Азии.

Основные понятия

Ассимиляция — процесс, с помощью которого меньшинства постепенно усваивают культурные образцы доминирующей категории людей.

Геноцид — систематическое убийство представителей одной категории людей другими.

Дискриминация — любое действие, которое предполагает неравное обращение с различными категориями людей.

Институционализованные предубеждения и дискриминация — предвзятость, свойственная общественным учреждениям.

«**Козел отпущения**» — человек или категория людей, как правило, не наделенные властью, которых люди несправедливо обвиняют в своих бедах.

Меньшинство — любая характеризующаяся физическими или культурными особенностями категория людей, которую общество выделяет как низшую.

Плюрализм — состояние общества, при котором расовые и этнические меньшинства различаются, но обладают социальным паритетом.

Предубеждения — жесткие и иррациональные обобщения о целой категории людей.

Раса — социально обусловленная категория, состоящая из людей, имеющих общие биологически наследуемые черты, которые члены общества считают значимыми.

Расизм — убеждение, что одна расовая категория по своей природе лучше или хуже другой.

Сегрегация — физическое и социальное разделение категорий людей.

Смешение рас — биологическое воспроизводство, осуществляемое партнерами, происходящими из разных расовых категорий.

Стереотип — преувеличенное описание, применяемое к каждому человеку из определенной категории.

Этничность — общее для группы людей культурное наследие.

Вопросы для размышления

1. Укажите различия между расовой и этнической принадлежностью. Что подразумевают, говоря, что раса и этничность социально обусловлены?
2. Каким образом предубеждения и дискриминация дополняют друг друга?
3. На что указывает растущее значение латинской музыки, которую исполняют Глория и Эмилио Эстефан и Рики Мартин, если учитывать этническую ситуацию в США?
4. Как вы считаете, становится ли американское общество свободнее от расовых предрассудков? Действительно ли нужно стремиться к преодолению расовых предрассудков? Почему?

Новая информационная технология и социальная стратификация

Изменения в технологии преобразовывают характер работы. Это также влияет на структуру вознаграждений, изменяя формы социального неравенства. В этой третьей рубрике «Киберсферы» рассматриваются несколько способов, связывающих распространение компьютерной технологии с социальной стратификацией.

Информационная революция и стратификация американского общества

Большинство аналитиков соглашаются, что в последние десятилетия в США отмечается экономическая поляризация, когда обогащаются семьи, которые уже имеют высокие доходы (Persell, 1997; Keister, 2000). В ходе технологической революции, по крайней мере – в ее начале, доход и богатство, как правило, концентрируются у небольшой группы людей, совершивших ключевые открытия, а также создавших и расширивших рынки новых изделий и услуг. Подобно тому как капитаны промышленной революции Джон Д. Рокфеллер и Эндрю Карнеги сколотили огромные состояния 100 лет назад, информационная революция привела к появлению новой элиты. В течение нескольких лет самым богатым человеком в стране был Билл Гейтс, основатель корпорации *Microsoft*, которая производит не нефть или сталь, а операционные системы, используемые в большинстве современных персональных компьютеров. В целом же это можно сказать обо всех, кто вложил деньги (они относятся к тем, кого Карл Маркс назвал «капиталистами») в успешно развивающиеся новые отрасли промышленности и получает наибольшую прибыль. В течение 1990-х гг., когда разворачивалась информационная революция, ключевые показатели на фондовой бирже поднялись в 5 раз, и такие компании новых технологий, как *Microsoft* (программное обеспечение), *Intel* (компьютерные

Компьютеры обеспечивают более широкие возможности для инвалидов. Эта компьютерная система, например, помогает обучаться чтению с губ глухому молодому человеку

микросхемы), *Compaq* (персональные компьютеры) и *Cisco Systems* (компьютерные сети) получили еще более впечатляющие прибыли. Резкий спад на фондовой бирже в 2000 и 2001 гг., особенно затронувший высокотехнологичные компании, урезал их доход. Но все равно высокие технологии составляют ныне огромную долю американской экономики.

Но волна изменений в технологиях не приносит пользу всем. По мере того как компании осваивают новации, стремясь повысить эффективность и прибыль, некоторые люди терпят неудачу. В последние десятилетия, например, десятки миллионов промышленных рабочих мест в США просто исчезли. От этого страдают конкретные рабочие и, как правило, их семьи.

Еще одно влияние новой информационной технологии на социальное неравенство связано с неодинаковыми навыками работы на компьютере. В 2000 г. более 50% всех американцев в возрасте старше 15 лет были пользователями Интернета. Однако это вовсе не какие-то обычные люди; они представляют собой информационную элиту, привилегированную в нескольких отношениях. Приблизительно 95% из них белые (по сравнению с 85% от их доли во всем населении), 60% – мужчины (по сравнению с 59% населения) и 40% – профессионалы или менеджеры (таковых 18% населения). Другими словами, пользователи компьютеров – это люди с доходами выше средних. Среди них выделяются студенты колледжей, но даже в этой группе обнаруживаются различия. На рис.-киберсфера III.1 показано, что студенты, посещающие частные (и более дорогие) колледжи и университеты, с большей вероятностью будут пользоваться электронной почтой, чем посещающие общественные учебные заведения. Студенты колледжей, предполагающих двухлетнее обучение, и тех, где традиционно обучаются чернокожие, меньше используют компьютеры.

Тенденция такова, что через некоторое время пользователи компьютеров начинают точнее отражать структуру населения в целом. Однако на данный момент новые информационные технологии способствуют повышению уровня экономического неравенства, создавая киберэлиту и порождая новые низшие слои общества, состоящие из людей, не владеющих важными теперь навыками (Wynter, 1995; Edmondson, 1997b; Sax et al., 1999).

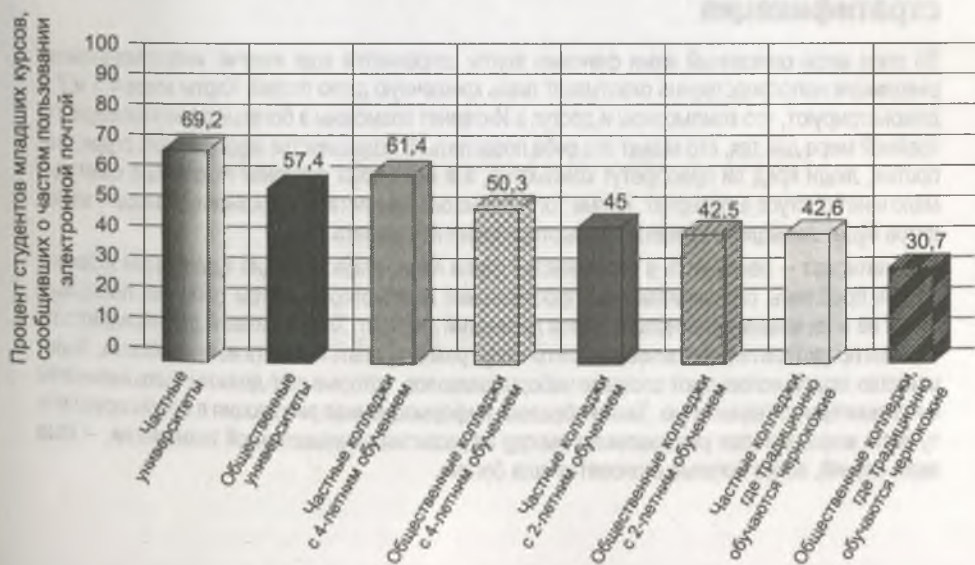

Рис.-киберсфера III.1. Доля студентов младших курсов университетов и колледжей, сообщивших о частом пользовании электронной почтой в течение последнего года (данные за 1999 г.). Источник: Sax et al., 1999

Информационная революция: гендер и раса

Индустриальная революция породила тенденцию, согласно которой женщины и мужчины становятся более равными в социальном отношении. Машинное оборудование разрушило жесткую связь между работой и физической силой; все больше женщин устраиваются на работу, поскольку технология ограничения рождаемости помогла снизить уровень рождаемости, сделав материнство вопросом индивидуального выбора. Информационная революция предвещает продолжение этой тенденции. Работа в компьютерную эру предполагает не создание или перемещение *вещей*, а управление *идеями*, что не дает преимуществ ни мужчинам, ни женщинам.

Кроме того, общение посредством компьютеров скрывает пол человека, очевидный при взаимодействии лицом к лицу, что уравнивает положение мужчин и женщин. То же самое справедливо применительно к расовой и этнической принадлежности, так что возникающее киберсообщество вполне может характеризоваться более активными контактами между людьми всех рас и культур.

Но при этом важную роль играет доступ к компьютерной технологии. До настоящего времени культурная предвзятость в новом киберсообществе благоволила мужчинам: большинство игр, благодаря которым дети знакомятся с компьютерами, были разработаны для мальчиков, так же как компьютерные курсы в колледжах посещали главным образом мужчины. Поскольку представители расовых и этнических меньшинств находятся в невыгодном экономическом положении и посещают школы с худшим финансированием, эта часть нашего населения будет иметь меньше возможностей пользоваться компьютерами — ключом к успеху в новом столетии.

Информационная революция и глобальная стратификация

Во всем мире описанный нами феномен элиты сохраняется еще жестче: информационная революция непосредственно охватывает лишь крошечную долю людей. Карты мира 4.1 и 7.1 демонстрируют, что компьютеры и доступ в Интернет возможны в богатых регионах мира, по крайней мере для тех, кто может это себе позволить. В большинстве африканских стран, напротив, люди вряд ли приобретут компьютер, а в некоторых регионах их вообще слишком мало и нет доступа в Интернет. Кроме того, большое количество африканских языков и алфавитов будет замедлять процесс компьютеризации континента.

Хотя интернет — реальность в большинстве стран Азии, существующие культурные и технические проблемы ограничивают распространение компьютеров в этом регионе, поскольку почти на всех клавиатурах используется латинский алфавит. Хотя в Китае и других азиатских странах представители технической элиты могут разговаривать и писать на английском, большинство людей используют сложные наборы символов, которые еще должны быть включены в компьютерную технологию. Таким образом, информационная революция в целом пришла в ту часть мира, которая уже извлекает выгоду из развития промышленной технологии, — еще один случай, когда богатые становятся еще богаче.

СТАВАНУ

ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО

ЧАСТЬ IV

Социальные институты

ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО

Экономика и работа

Более 35 лет Алекс Моррис проработал докером в лондонском порту. Сегодня ему 55 лет, и он считает себя пенсионером. «Конечно, я уже староват для той работы, которой раньше занимался, — говорит Моррис. — Но главное, ныне вообще больше нет работы для таких парней, как я». Теперь большую часть времени он проводит в одном из пабов, расположенных вблизи порта, — в компании таких же, как он сам, бывших докеров.

И дело совсем не в том, что лондонский порт больше не функционирует: и сейчас корабли приходят в него и уходят практически точно так же, как в течение многих веков. Изменилась технология обработки грузов. «Когда я начинал, — вспоминает Моррис, — 100 парней разгружали один корабль за 5 дней. Потом, в 70-х, пароходы стали загружать контейнерами. Сегодня 8 человек разгружают корабль всего за день». Действительно, во всех портах мира суда разгружаются огромными кранами, которые поднимают контейнеры с грузами и ставят их прямо на платформы грузовиков или на железнодорожные платформы (цит. по: Peters, 2000).

В этой главе речь пойдет об экономике, являющейся, по общему мнению, наиболее влиятельным из всех социальных институтов. Как следует из истории Алекса Морриса, экономика изменилась, и это отнюдь не на всех отразилось благоприятно. Действительно, социологи спорят о том, как должна работать экономика, чьим интересам служить и каковы взаимные обязательства наемных рабочих и работодателей.

Экономика: исторический обзор

Экономика — это *социальный институт, организующий производство, распределение и потребление товаров и услуг*. В качестве таковой она, как правило, оказывается предсказуемой. *Товарами* называются различные предметы потребления — от предметов первой необходимости (пицца, одежда, жилища) и до атрибутов роскоши (автомобили, плавательные бассейны, яхты). *Услуги* — действия, приносящие пользу окружающим (например, «оказанием услуг» можно назвать работу священников, врачей, педагогов и программистов).

Все это обеспечивает выживание или делает жизнь более легкой или интересной. Кроме того, те товары, которые люди производят (в качестве работников) и покупают (в качестве потребителей), представляют собой важные элементы социальной идентификации. Жизнь каждого человека во многом зависит от того, как именно распределяются товары и услуги.

Экономика современных стран с высоким уровнем доходов есть результат социальных перемен, происходивших на протяжении многих веков. Ниже будет сказано о трех технологических революциях, которые не только преобразили производство, но одновременно изменили и социальную жизнь.

Сельскохозяйственная революция

Члены первых человеческих сообществ были охотниками и собирателями, жившими за счет того, что давала им природа. У них были примитивные технологии и не имелось четкой экономической системы. Скорее можно говорить о том, что производство и потребление являлись составной частью жизни семьи.

Как следует из материала, изложенного в главе 4 («Общество»), когда около 5000 лет назад люди стали использовать животных, чтобы обрабатывать плугом землю, возникла новая сельскохозяйственная экономика, в 50 раз более продуктивная, чем охота и сбор съедобных растений. Образовавшийся благодаря этому избыток продуктов означал, что отныне их производством могли заниматься не все члены общества, и многие из них стали «приобретать специальности»: изготавливать орудия труда, разводить животных или строить жилища. Вскоре возникли первые города, связь между которыми осуществлялась торговцами продуктами, животными и другими товарами (Jacobs, 1970). Эти факторы — сельскохозяйственная технология, профессиональная специализация, оседлый образ жизни и торговля — превратили экономику в самостоятельный социальный институт.

Индустриальная революция

К середине XVIII в. сначала в Англии, а затем и в Северной Америке появились признаки приближения второй технологической революции. Развитие промышленности обещало еще более существенные перемены, чем те, какие принесла сельскохозяйственная революция. Индустриализация изменила экономику по пяти фундаментальным направлениям.

1. **Новые источники энергии.** На протяжении всей предшествующей истории человечества термин «энергия» означал физическую силу людей или животных. Но в 1765 г. английский изобретатель Джеймс Уатт создал паровой двигатель. В 100 раз более мощные, чем «живая сила», паровые двигатели вскоре стали использоваться для приведения в действия тяжелых машин.
2. **Сосредоточение трудовых ресурсов на фабриках.** Благодаря машинам, приводимым в действие паровыми двигателями, труд вскоре перестал быть домашним феноменом, он превратился в фабричное занятие: люди стали работать в специальных и обезличенных местах, где установили машины.
3. **Обрабатывающая промышленность и массовое производство.** До индустриальной революции большинство людей производили или собирали сырье (например, зерно, древесину или шерсть). В индустриальной экономике акцент сместился на изготовление из него различных товаров (таких, например, как одежда или мебель), чем большинство людей и занимались в течение всего рабочего дня.
4. **Разделение труда.** Исторически сложилось так, что ремесленники, трудившиеся в своих домах, всю работу от начала и до конца делали сами. На фабри-

ке рабочих постоянно выполнял одну определенную операцию, внося лишь незначительный вклад в каждое готовое изделие. Подобная специализация повысила производительность труда, но уровень профессионализма каждого отдельного рабочего понизился.

5. **Наемный труд.** Вместо того чтобы работать на самих себя дома (подобная индустрия называлась ремесленной), люди, трудившиеся на фабриках, превратились в наемных рабочих, продававших свой труд нанимателям, нередко заботившимся о людях меньше, чем о машинах.

В результате индустриальной революции и наполнения растущего потребительского рынка огромным количеством новых товаров и услуг уровень жизни возрастал. Однако эти блага не были справедливо поделены между всеми членами общества, особенно в период вслед за индустриализацией. Некоторые владельцы фабрик и заводов нажили внушительные состояния, а большинство рабочих жили в условиях, близких к бедности. Дети, трудившиеся на фабриках и в угольных шахтах, зарабатывали по несколько пенсов в день. Женщины не только принадлежали к категории самых низкооплачиваемых работников, но и сталкивались со специфическими проблемами.

Информационная революция и постиндустриальное общество

Примерно к середине XX в. природа промышленного производства снова начала изменяться. США создавали *постиндустриальную экономику* — систему производства, основанную на обслуживании и высокой технологии. Автоматизированное оборудование (а позднее и роботы) настолько уменьшили долю ручного труда в промышленности, что ныне в сфере производства занято меньше людей, чем в сфере услуг, включая торговлю, PR (связь с общественностью), здравоохранение, рекламный бизнес и банковское дело. Иными словами, характерной особенностью постиндустриальной эры является рост числа занятых в сфере услуг и уменьшение количества рабочих мест в промышленности.

Движущей силой этих перемен послужил третий технологический прорыв — появление компьютеров. Как 200 лет назад индустриальная революция привела к использованию машин, так информационная ввела в оборот новые виды товаров и невиданные формы коммуникации, изменившие саму природу работы. Обобщая, можно сказать, что произошли три принципиальные перемены:

1. **От материальных продуктов — к идеям.** Как уже отмечалось в предыдущих главах, характерной особенностью индустриальной эры стало производство товаров; в постиндустриальную эпоху работа заключается в манипулировании символами. Рабочая сила в это время — программисты, писатели, финансовые аналитики, рекламисты, архитекторы, издатели и консультанты по самым разным вопросам.
2. **От физического труда — к умственному.** Если индустриальная революция потребовала умений справляться с физическим трудом, то информационная — общей грамотности: умения правильно говорить и писать и, разумеется, грамотности компьютерной. Люди, умеющие эффективно общаться, сполна используют преимущества, предоставляемые новыми возможностями, перспективы же людей малограмотных не внушают оптимизма.

3. **Из фабрик и заводов — куда угодно.** Промышленное производство собирало рабочих на фабриках, расположенных вблизи источников энергии, а компьютерные технологии позволяют людям работать практически где угодно. В наши дни персональные компьютеры, факсы, мобильные телефоны превратили дом, автомобиль и даже самолет в так называемый «виртуальный офис». Новые информационные технологии стирают грань между работой и домом.

Секторы экономики

Эти революции, которые только что были описаны, отражают изменение соотношения между тремя секторами экономики общества. **Первичный** — это сырьевая отрасль экономики. В странах со слабо развитой индустрией и низким уровнем доходов он включает в себя сельскохозяйственное производство (земледелие и животноводство), рыболовство, ведение лесного хозяйства и горнодобывающую промышленность, будучи самым большим. Из данных, представленных на рис. 15.1, следует, что в странах с низким уровнем доходов продукция первичного сектора составляет 23% всего промышленного производства, в то время как в странах со средним и высоким среднедушевыми доходами (к последним относятся, в частности, США) этот показатель соответственно равняется 9 и 2%.

Вторичный сектор — отрасли экономики, перерабатывающие сырье в создаваемые товары. По мере индустриализации общества он быстро растет. В него входят нефтепереработка (получение из нефти бензина) и металлообрабатывающая промышленность (изготовление из металлов орудий труда и автомобилей). Глобализация экономики означает, что почти во всех странах мира значительная часть промышленного производства приходится именно на вторичный

Рис. 15.1. Удельный вес секторов экономики в странах с разным уровнем доходов. *Источник:* расчеты автора, основанные на United Nations Development Programme, 2000; The World Bank, 2000

сектор. Действительно, как видно из рис. 15.1, в странах с низким уровнем доходов на него выпадает больший объем промышленного производства, чем в тех обществах, где уровень доходов высок.

Третичный сектор — *отрасль экономики, связанная не с товарами, а с услугами.* В странах с низким уровнем доходов на его долю приходится 38% общего производства; индустриализация способствует приросту этого сектора; в странах со средним уровнем доходов и в постиндустриальных обществах он доминирует и составляет 58 и 68% соответственно. Сегодня в США примерно 72% рабочей силы — люди, занятые в сфере обслуживания, в том числе клерки, работники сферы питания и торговли, юристы, медицинские работники, сотрудники правоохранительных органов, рекламисты и педагоги.

Глобальная экономика

Новые информационные технологии сближают людей, проживающих в разных уголках земного шара, и создают предпосылки для возникновения *глобальной экономики* — *расширения экономической деятельности вне государственных границ.*

У глобализации экономики четыре основных последствия. Во-первых, мы являемся свидетелями международного разделения труда, в результате чего различные регионы специализируются в разных секторах экономики. Как показано на карте мира 15.1, в самых бедных странах более 50% всех производимых товаров — сельскохозяйственная продукция¹. Из карты мира 15.2 ясно, что в странах с высоким уровнем доходов наиболее активен сектор предоставления услуг². Иными словами, беднейшие страны специализируются на добыче сырья и его первичной переработке, а наиболее богатые, в том числе и США, — на производстве различных услуг.

Другим последствием глобализации экономики является все возрастающее количество товаров, производителями которых является не одна, а сразу несколько стран. Не надо далеко ходить за примерами. Кофе, который вы пьете по утрам, скорее всего, выращен в Колумбии, доставлен в Новый Орлеан на корабле, ходящем под либерийским флагом, а произведен в Японии на оборудовании из корейской стали с использованием венесуэльского топлива.

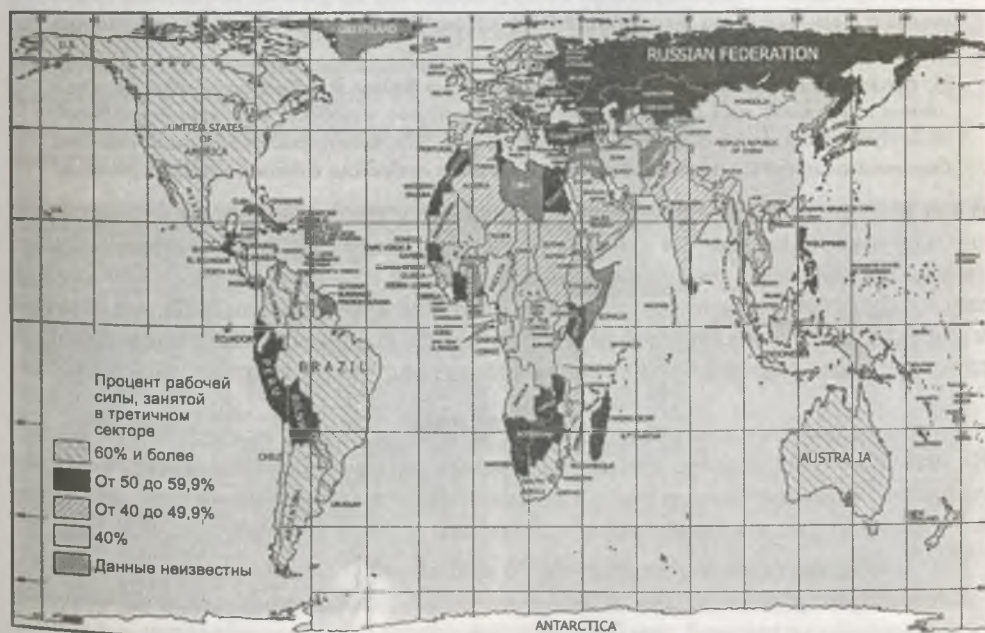
Еще одним результатом такой глобализации становится утрата национальными правительствами контроля над экономической активностью в пределах их государственных границ. Фактически правительства даже не могут регулировать стоимость своих национальных валют, поскольку доллары, фунты стерлингов, йены и другие валюты круглосуточно продаются и покупаются на валютных биржах Токио, Лондона и Нью-Йорка. Мировые рынки рождены благодаря спутниковой связи, объединяющей города, находящиеся в разных точках земного шара.

¹ В наименее развитых странах первичный сектор экономики имеет наибольший удельный вес. Так, в бедных государствах Африки и Азии примерно 50% всех рабочих заняты в сельском хозяйстве. В наиболее экономически развитых странах, включая США, Канаду, Великобританию и Австралию, — совершенно иная картина: там в сельском хозяйстве занято только 2% всей рабочей силы.

² По мере роста национального дохода третичный сектор экономики растет. В США, Канаде, Западной Европе, Австралии и в Японии около 60% всей рабочей силы занято в сфере услуг.

Карта мира 15.1. Глобальная экономика: рабочая сила, занятая в сельском хозяйстве. *Источники:* United Nations Development Programme, 2000; The World Bank, 2000, 2001; Peters Atlas of the World, 1990

Карта мира 15.2. Глобальная экономика: рабочая сила, занятая в сфере услуг. *Источники:* United Nations Development Programme, 2000; The World Bank, 2000, 2001; Peters Atlas of the World, 1990

Глобализация экономики также ведет к тому, что в наши дни небольшое число интернациональных корпораций контролируют значительную часть мировой экономической деятельности. Согласно одним данным, 50% всей производимой в мире продукции — результат деятельности 600 самых крупных международных компаний (Kidron & Segal, 1991).

Мир и поныне разделен на 192 политически независимых друг от друга государства. Но возрастающая экономическая интеграция делает национальную принадлежность менее значимым фактором, чем это было всего лишь десяток лет тому назад.

Экономические системы: пути к справедливости

20 октября, Сайгон, Вьетнам. Плавание вверх по узкой реке Сайгон произвело неизгладимое впечатление на всех, кто достиг совершеннолетия в 1960-х гг. Нам все следует помнить, что Вьетнам — это страна, а не война, и прошло уже более 20 лет с тех пор, как последний американский вертолет, поднявшись в воздух с крыши американского посольства, положил конец присутствию США в этом регионе.

Сайгон на пороге экономического бума (он может очень скоро превратиться в город небывалой деловой активности). Неоновые рекламы, окрашивающие воду залива в разные цвета, дюжина строительных площадок, с которых устремляются в небо строящиеся отели, сооружаемые на деньги западных корпораций, в такси счетчики фиксируют плату за проезд в долларах США, а не во вьетнамских донгах; двери фешенебельных бутиков, обслуживающих приезжих из Японии, Франции и из США (поскольку запрет на посещение Вьетнама американцами был снят в 1994 г.), украшают изображения кредитных карт Visa и American Express.

Во всем этом заключена горькая ирония: после войны, длившейся не одно десятилетие и унесшей миллионы жизней с обеих сторон, и победы коммунистов Вьетнам поворачивается в сторону капитализма. То, что происходит там сегодня, вполне могло бы случиться, если бы Америка победила в войне, гораздо раньше.

В каждой экономической системе есть свои представления о справедливости, поскольку именно экономика в общих чертах определяет, кто и что получает. Существуют две общие модели — капиталистическая и социалистическая. Однако нет такого общества, где экономика была бы исключительно той или иной; капитализм и социализм представляют собой полюсы, между которыми расположен широкий спектр реально существующих экономических систем. Рассмотрим их по очереди.

Капитализм

Капитализм — это экономическая система, при которой природные ресурсы и средства производства товаров и услуг находятся в частной собственности. Как таковая она имеет три отличительные особенности:

1. **Право частной собственности.** В капиталистическом обществе это право распространяется едва ли не на все. Чем ближе экономика к капиталистической как таковой, тем больше приносящих богатство объектов — фабрик, заводов, недвижимости и природных ресурсов — находится в частной собственности.

2. **Стремление к личной выгоде.** Капиталистическое общество нацеливает на накопление частной собственности и считает стремление к получению личной выгоды естественным, ибо «такова природа бизнеса». Более того, как утверждал шотландский философ Адам Смит (1723–1790), стремление индивидуума к удовлетворению собственных интересов способствует процветанию всего общества в целом (Smith, 1937; p. 508; 1-е изд. — 1776).
3. **Конкуренция и суверенитет потребителя.** Идеальная капиталистическая экономика — это свободный рынок, лишенный какого бы то ни было вмешательства со стороны правительства (иногда ее называют французским термином *laissez-faire* — «экономикой, «предоставленной самой себе»). По мнению Адама Смита, в условиях свободной конкуренции она саморегулируется «невидимой рукой» законов, управляющих спросом и предложением.

Смит считал, что потребители регулируют экономику свободного рынка, выбирая наиболее ценные для них товары и услуги. Производители борются за клиентов, выбрасывая на рынок высококачественные товары и услуги по самой низкой (гарантирующей, впрочем, получение прибыли) цене. По выражению Смита, из узкого личного интереса вырастает «огромная польза для огромного числа людей». Вместе с тем правительственный контроль над экономикой искажает рыночные механизмы, поскольку снижает мотивацию производителя, уменьшает количество товаров, ухудшает их качество и ведет к обману потребителей.

В капитализме слово «справедливость» относится к свободному рынку, в условиях которого индивидуум может производить, инвестировать и покупать — в соответствии со своими личными интересами, а также к средствам, позволяющим это делать. Цена товаров или работников определяется соотношением спроса и предложения. Замена большей части рабочей силы автоматами, описанная в начале данной главы, реализуется в том случае, если это выгодно компании и держателям ее акций.

В Гонконге все еще процветает капитализм (левый снимок), о чем свидетельствуют улицы, изобилующие магазинами и рекламами. Черты социализма отчетливее проступают в столице Китая, Пекине (правый снимок), в городе, в котором правительственные здания заметнее, нежели центры деловой активности

США — капиталистическое государство в том смысле, что большинство компаний — в частной собственности. Но даже и при этом условии роль правительства в экономике чрезвычайно велика. Оно само владеет и управляет рядом предприятий, включая почти все школы, дороги, парки и музеи страны, федеральную почтовую службу, сеть железных дорог и всю американскую армию. Федеральному правительству принадлежит и ведущая роль в создании Интернета. Кроме того, оно влияет на ассортимент производимых компаниями товаров с помощью налогообложения и других форм регулирования, контролирует качество и стоимость товаров, воздействует на импорт и экспорт и поощряет бережное отношение потребителей к природным ресурсам.

Но это еще не все. Правительство устанавливает минимальные уровни оплаты труда, вводит стандарты техники безопасности на производстве и контролирует их соблюдение, регулирует слияние корпораций, оказывает финансовую поддержку фермерству и большей части населения США в виде социальных выплат, социальной помощи, кредитов учащимся и льгот для ветеранов. Муниципалитеты, правительства штатов и федеральное правительство вместе взятые являются самым крупным работодателем, на предприятиях которого занято 14% всей рабочей силы страны (U. S. Census Bureau, 2000).

Социализм

Социализм — экономическая система, в которой природные ресурсы и средства производства товаров и услуг являются коллективной собственностью. Собственно социалистическая экономика диаметрально противоположна капиталистической и отличается тремя особенностями:

1. **Коллективное владение собственностью.** Социалистическая экономика ограничивает права индивидуума на обладание частной собственностью, особенно такой, которая используется в качестве средства извлечения дохода. Ее контролирует правительство, делающее жилье и другие товары доступными для всех, а не только для богатых.
2. **Стремление к достижению коллективных целей.** Стремление индивидуума к личной выгоде также противоречит ориентации социализма на коллективизм. То, что капитализм восхваляет как предпринимательскую жилку, социализм осуждает как стяжательство. Именно поэтому в социалистических странах деятельность, приносящая личную выгоду, считается противозаконной и называется «черным рынком».
3. **Государственный контроль над экономикой.** Социализм отказывается от капиталистической, «представленной самой себе» экономики в пользу контролируемой центром, или командной экономики, в которой главная роль принадлежит государству. На том основании, что у потребителей якобы недостаточно информации, необходимой для оценки товаров, и что ими манипулируют рекламодатели, заставляя их покупать выгодное для производителей, а не то, в чем они действительно нуждаются, социализм отвергает и идею, что капиталистическое производство направляется потребителями. Поэтому коммерческая реклама играет в социалистическом обществе лишь незначительную роль.

В социалистическом мире «справедливость» означает не столько свободную конкуренцию и право накапливать богатство, сколько равное удовлетворение

основных потребностей всех членов общества. С точки зрения сторонников социализма, ограничивать заработную плату и льготы рабочих ради увеличения доходов компании — значит заботиться не о людях, а о прибыли, а это несправедливо.

Экономика Китайской Народной Республики и примерно 20 других государств Азии, Африки и Латинской Америки базируется на принципах социализма, а это значит, что там почти вся собственность, приносящая доход, контролируется государством (McColm et al., 1991; Freedom House, 2001). В последние годы, после того как экономика стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза была реструктурирована и приобрела более рыночные очертания, социализм стал менее распространенным явлением.

Социализм и коммунизм. Многие считают, что *социализм и коммунизм* — практически одно и то же. Точнее, однако, определять коммунизм как *гипотетическую политическую и экономическую систему, при которой все члены общества социально равны*. Карл Маркс считал социализм промежуточной стадией на пути к идеальному бесклассовому коммунистическому обществу. Правящие политические партии многих социалистических стран называли себя коммунистическими, однако коммунизм не был построен ни в одном из этих обществ.

Почему? Во-первых, социальная стратификация предполагает различия не только в том, что касается власти, но и в богатстве. Социалистические общества

Сравнение — в мировом масштабе — капиталистической и социалистической экономики свидетельствует о том, что последняя обеспечивает большее экономическое равенство, хотя уровень жизни остается относительно низким. В отличие от социалистической капиталистическая экономика порождает большее финансовое неравенство, хотя уровень жизни, как правило, выше. Однако когда бывший Советский Союз начал движение в сторону рыночной экономики, жизненный уровень большинства населения понизился, в то время как некоторые весьма разбогатели

решили проблему материального неравенства, усилив бюрократические структуры и чрезмерно регулируя повседневную жизнь людей. Но при этом вопреки предсказаниям Карла Маркса государство не «ослабло». Напротив, при социализме политическая элита имеет огромную власть и привилегии.

Возможно, Маркс согласился бы с тем, что коммунистическое общество — это *утопия* (по-гречески — нечто вымышленное, то, что на самом деле не существует). Однако он считал его достойной целью и, возможно, подверг бы суровой критике такие социалистические государства, как бывший Советский Союз, Северная Корея, Китайская Народная Республика и Куба, за то, что они не оправдали надежд, связываемых с построением коммунизма.

Капитализм всеобщего благосостояния и государственный капитализм

Экономические системы в некоторых государствах Западной Европы, включая Швецию и Италию, представляют собой сочетание рыночной экономики с программами широкой социальной поддержки. Аналитики называют этот «третий путь» — *экономическую и политическую систему, сочетающую в себе многое, взятое из рыночной экономики, с программами широкой социальной поддержки, капитализмом всеобщего благосостояния.*

В таких странах государство контролирует часть крупнейших отраслей, производящих товары и услуги, например, транспорт, средства массовой информации и здравоохранение. В Швеции и в Италии «национализировано», т. е. является собственностью государства, около 12% средств производства товаров и услуг. Это значит, что подавляющая часть индустрии находится в руках частных владельцев, но подвергается строгому государственному регулированию. Высокие налоги (в первую очередь это касается богатых) позволяют финансировать различные программы социальной помощи, включая здравоохранение и охрану детства (Olsen, 1996).

Таблица 15.1

Гендерный, расовый и этнический состав работающего населения

Категория населения	Количество работающих	
	миллионы	проценты
Мужчины (от 16 лет и старше)	75,2	74,7
Белые	63,8	75,4
Афроамериканцы	7,8	69,0
Испаноязычные	8,9	80,6
Женщины (от 16 лет и старше)	65,6	60,2
Белые	53,7	59,8
Афроамериканки	8,7	63,2
Испаноязычные	6,4	56,9

Источник: US Department of Labor, *Employment and Earnings*, vol. 48, no. 1 (January 2001), pp. 168–71

Вторая разновидность «сращения» капитализма и социализма — **государственный капитализм** (*экономическая и политическая система, при которой компании находятся в частном владении, но тесно сотрудничают с правительством*). Для

всех быстроразвивающихся стран Тихоокеанского бассейна характерна именно эта экономическая система. Так, и Япония, и Южная Корея, и Сингапур — капиталистические страны, но их правительства работают совместно с большими компаниями, оказывая последним финансовую помощь и контролируя импорт в страну иностранных товаров, чтобы одновременно поддержать конкурентоспособность национальной продукции на международном рынке (Gerlach, 1992).

Капитализм и социализм: сравнительный анализ преимуществ обеих систем

Одним из ключевых параметров, по которому судят об эффективности экономики, является производительность. Как правило, ее критерием выступает валовой внутренний продукт (ВВП) — общая стоимость всех товаров и услуг, произведенных экономикой страны в течение года. Если пересчитать ВВП на душу населения, можно сравнить положение дел в разных странах.

В конце 1980-х гг. данные о ВВП на душу населения в разных капиталистических странах отличались друг от друга, но в среднем, если объединить сведения о США, Канаде и странах Западной Европы, получится около \$13 500. Аналогичный показатель для бывшего Советского Союза и стран Восточной Европы — примерно \$5 тыс. Иными словами, капиталистическая экономика почти в 2,7 раза эффективнее социалистической (United Nations Development Programme, 1990).

Экономическое равенство. Другим критерием оценки эффективности экономической системы служит характер распределения ресурсов между членами общества. Автор сравнительного исследования, проведенного в середине 1970-х гг., в качестве объекта сравнения выбрал отношение доходов 5% самых богатых граждан страны к доходам 5% беднейших (Wiles, 1977). Оказалось, что в странах с преимущественно капиталистической экономикой это соотношение равно 10, а с социалистической — 5. Другими словами, *капиталистическая система обеспечивает более высокий уровень жизни, но способствует большему экономическому расслоению.* Эта же мысль может быть выражена иначе: *по своему экономическому положению граждане социалистических стран меньше отличаются друг от друга, чем капиталистических, но общий уровень жизни в первых ниже.*

Личная свобода. Одним из дополнительных обстоятельств, на которые обращают внимание при сравнении капиталистического и социалистического обществ, оказывается личная свобода граждан. Капитализм делает ставку на *свободу* достижения личного интереса человека. Ведь само существование такого общества зависит от свободного взаимодействия производителей и потребителей при минимальном вмешательстве государства. Что же касается социализма, то он, напротив, акцентирует *свободу от* основных потребностей. Равенство — это цель, требующая вмешательства государства в экономику, оборачивающегося для граждан ограничением личного выбора.

До сих пор ни одной системе не удалось предложить гражданам и политической свободы, и экономического равенства. Политическая система такого капиталистического государства, как США, гарантирует много личных свобод, но разве для бедняка они представляют такую же ценность, как и для богача? Вместе с тем граждане Китая и Кубы пребывают в более равном положении с экономической точки зрения, но лишены свободы самовыражения и не могут беспрепятственно передвигаться внутри своих стран или выезжать за границу.

Изменения, произошедшие в социалистических странах

В 1989 и 1990 гг. народы стран Восточной Европы, захваченных Советским Союзом в конце Второй мировой войны, свергли социалистические режимы. В регулируемое государством экономику Германской Демократической Республики, Чехословакии, Венгрии, Румынии и Болгарии были введены элементы капитализма. В 1991 г. и сам Советский Союз формально перестал существовать; на его бывшей территории начали действовать некоторые принципы свободной рыночной экономики.

Эти стремительные перемены обусловлены рядом причин. Но на передний план выходят два фактора. Во-первых, государства с «самыми социалистическими» экономическими системами намного отстали от своих капиталистических конкурентов. Хотя в этих странах и было достигнуто впечатляющее экономическое равенство, уровень жизни оказался ниже, чем в государствах Западной Европы. Во-вторых, советский социализм был деспотическим режимом, жестко контролировавшим средства массовой информации и ограничивавшим личные свободы граждан. Другими словами, социализм, как и предсказывал Карл Маркс, покончил с экономическими элитами. Но одновременно усилил влияние *политических*, что предвидел Макс Вебер.

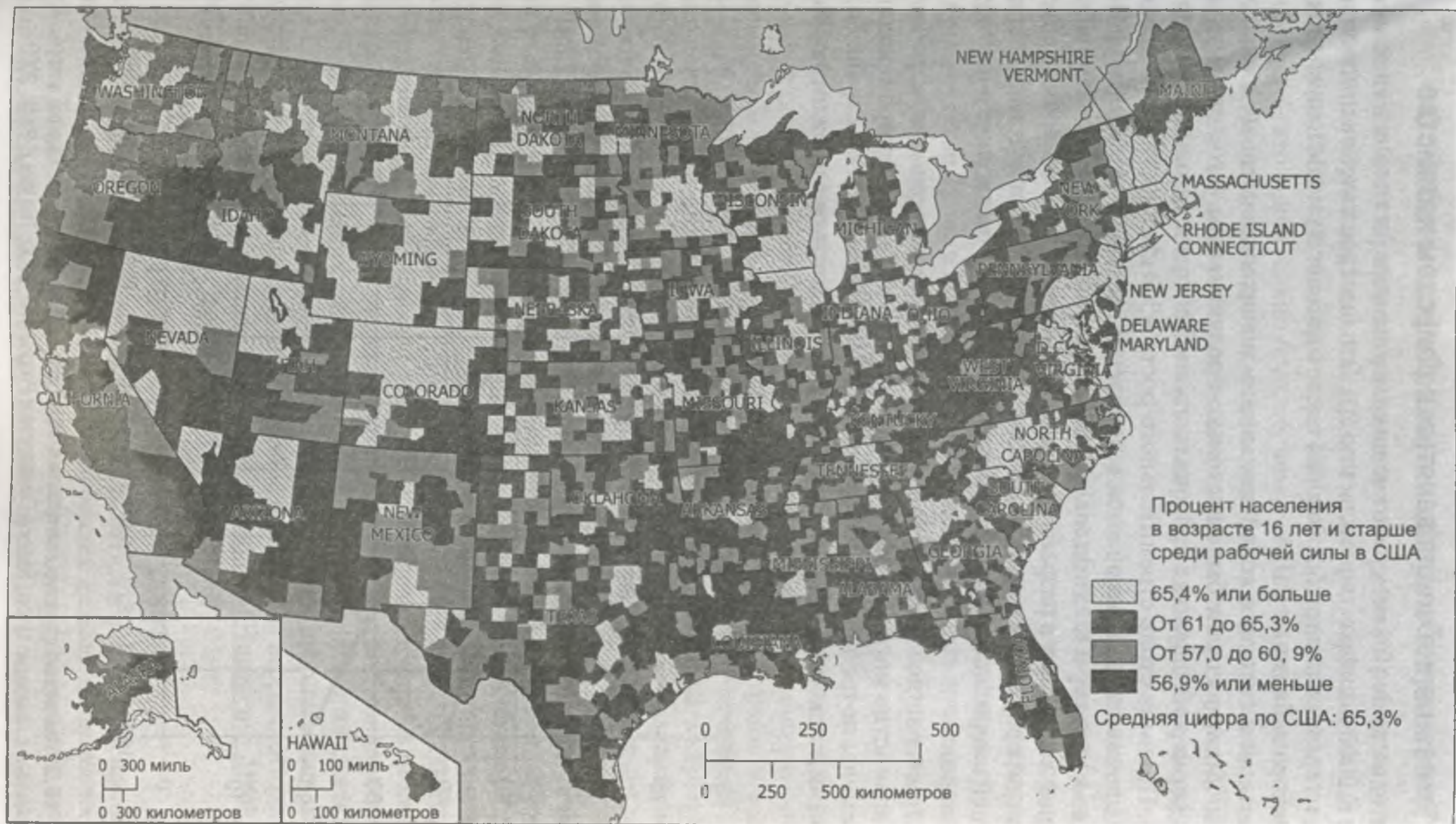
Пока рыночные реформы в странах Восточной Европе идут неровно. В некоторых из них (в Чешской Республике, Словакии, Польше и в государствах Балтии — Литве, Латвии и Эстонии) население живет хорошо, но для граждан других (Румынии, Болгарии и бывших советских республик) рост цен явился серьезным ударом и привел к падению уровня жизни. Руководство этих государств надеется, что прирост объемов промышленного производства в конце концов сможет кардинально изменить ситуацию. Однако уже сейчас становится понятным, что любое повышение уровня жизни будет сопровождаться усилением экономического неравенства (Pohl, 1996; Buraway, 1997; Specter, 1997a).

Работа в постиндустриальной экономике

Экономические перемены происходят не только в мире социализма. По данным правительства США, в 2000 г. в стране работал 141 млн человек, т. е. $\frac{2}{3}$ населения в возрасте 16 лет и старше. Как следует из данных, представленных в табл. 15.1, среди мужчин больше тех, кто занимается оплачиваемым трудом, чем среди женщин (74,7 и 60,2% соответственно), хотя этот разрыв и сокращается. Что касается мужчин, то работают 69,0% чернокожих, 75,4% белых и 80,6% испаноязычных американцев. Аналогичные цифры для американок соответственно равны 63,2%, 59,8 и 56,9%.

Карта США 15.1 показывает, как обстоят дела с занятостью населения в разных регионах страны¹. Поскольку для большинства людей работа — основной источник средств к существованию, те штаты, где уровень занятости выше, являются одновременно и наиболее зажиточными.

¹ Страны с высоким уровнем занятости населения имеют стабильных «потребителей» рабочей силы, включая военные базы, зоны отдыха и большие города. Что же касается стран с низким ее уровнем, то в них, как правило, много пожилых людей (а также студентов). Следует принимать во внимание и пол. Как по-вашему, каков типичный уровень занятости в регионах Соединенных Штатов (если двигаться с юга в направлении угольных шахт Кентукки и Западной Вирджинии, где традиционные культурные нормы диктуют женщинам заниматься домашним хозяйством)?

Карта США 15.1. Обеспеченность работой в разных регионах США. Источники. American Demographic Desk Reference Series #4. Данные получены в 1990 г. по итогам переписи за 10 лет

Уменьшение числа занятых в сельском хозяйстве

В 1900-х гг. едва ли не 40% всех работающих американцев были заняты в сельском хозяйстве. К 2000 г. цифра сократилась до 2%. Это быстрое падение иллюстрируется одной из кривых на рис. 15.2, которая также отражает и уменьшение роли первичного сектора экономики США.

Хотя сегодня в сельском хозяйстве занято значительно меньше людей, чем прежде, оно никогда еще не было настолько продуктивным. Сто лет тому назад типичный фермер обеспечивал продовольствием 5 человек; сегодня один фермер кормит 75. Причина столь стремительного роста эффективности сельскохозяйственного производства заключается в появлении новых сортов более урожайных зерновых культур и пестицидов нового поколения, а также в создании более эффективной техники и в разработке новых технологий выращивания сельскохозяйственной продукции и ее переработки. Кроме того, за последние 50 лет площадь средней американской фермы увеличилась вдвое и составляет в настоящее время 500 акров.

На место вчерашней фермерской семьи пришел *корпоративный агробизнес*. Сельское хозяйство могло бы быть еще более продуктивным, но происходящие в нем перемены потребовали от фермерских сообществ по всей стране болезненной ломки, поскольку им пришлось навсегда расстаться с прежним образом жизни.

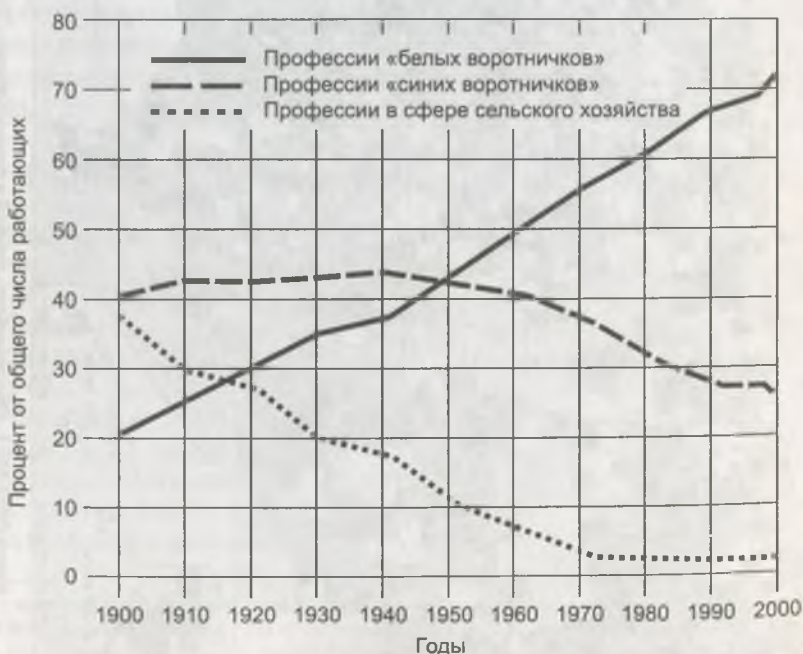

Рис. 15.2. Изменение структуры занятости в США (1900–2000). Источники: Оценки автора, сделанные с помощью United Nations Development Programme, 2000; The World Bank, 2000

От работы на фабрике — в сферу обслуживания

В начале XX в. индустриализация привела к росту числа рабочих, которых называют «синими воротничками». Как следует из данных, представленных на рис. 15.2, примерно до 1960 г. по меньшей мере 40% работающих были заняты в промышленности, — это значительно больше, чем в сельском хозяйстве. Однако уже с 1950-х гг. благодаря начавшейся «революции белых воротничков» многие рабочие стали переходить в сферу обслуживания, новые места в которой к 2000 г. составили 90% от всех вакансий, а 72% вообще всех работников занимались оказанием различных услуг.

Как уже отмечалось в главе 11, расширение сферы обслуживания является одной из причин того, что многие называют США обществом среднего класса. Однако в большинстве случаев такая работа, включая деятельность клерков и продавцов, а также труд в больницах и ресторанах, значительно менее престижна и «доходна», чем профессии «белых воротничков», а подчас и оплачивается ниже труда на производстве. Итак, в постиндустриальную эру многие профессии обеспечивают лишь весьма скромный уровень жизни.

Двойственность рынка труда

По мнению социологов, в современной экономике профессии можно разделить на две категории. **Первичный рынок труда** — это профессии, обеспечивающие широкие выгоды для работников. Этот сегмент составляют такие традиционные профессии «белых воротничков», как врач и юрист, а также топ-менеджер. Таковы специальности, с которыми люди связывают возможность сделать карьеру, получить интересную работу, хорошо зарабатывать и быть уверенным в завтрашнем дне. Они требуют фундаментального образования, а не специального тренинга, и предоставляют хорошие возможности для профессионального роста.

Лишь часть из сказанного выше относится к профессиям, образующим **вторичный рынок труда**, — обеспечивающим минимальные выгоды для работников. Это специальности «синих воротничков», не требующие особой квалификации и преимущественно связанные с работой на конвейере или в сфере обслуживания, в том числе и в различных офисах, — там, где не нужны специальные навыки. Работа тех, кто занят на вторичном рынке труда, хуже оплачивается; эти люди менее уверены в завтрашнем дне и часто неудовлетворены своей профессиональной деятельностью. Результаты одного недавно проведенного исследования свидетельствуют, что в США около 15% работающих получают низкую зарплату и не имеют ни медицинских, ни пенсионных льгот. Основной контингент вторичного рынка труда — женщины и представители этнических меньшинств (Hunnicutt, 1990; Greenwald, 1994; Nelson, 1994; Kalleberg, Reskin & Hudson, 2000).

Профессиональные союзы

Результатом перемен в экономике США стало ослабление роли **профессиональных союзов, организаций рабочих, стремящихся повысить заработную плату и улучшить условия труда при помощи разнообразных стратегий, включая переговоры и забастовки.**

В 1930-е гг., во времена Великой депрессии, количество членов профсоюзов стремительно увеличивалось, и к 1950 г. они объединяли более одной третьей части рабочих, не занятых в сельскохозяйственном производстве. К 1970 г. число членов профсоюза достигло максимума и составило примерно 25 млн человек. С тех пор цифра уменьшилась, и ныне таковых 16,3 млн мужчин и женщин, что равно 14% от общего числа рабочих, за исключением сферы сельского хозяйства, причем среди занятых на предприятиях, принадлежащих государству, членов профсоюзов 37%, а среди сотрудников частных организаций — только 9% (Clawson & Clawson, 1999; Goldfield, 2000).

Аналогичная картина — упадок профсоюзного движения — наблюдается и в других странах с высоким уровнем доходов. Однако в США профессиональные союзы объединяют значительно меньше рабочих, чем в иных регионах мира. В Канаде и в Японии в них состоит около 33% рабочих, в странах Западной Европы — примерно 40% (средняя цифра), в Скандинавии — 80% (Western, 1993, 1995).

Уменьшение количества членов профсоюзов, которое наблюдается во всех странах, является следствием сокращения индустриального сектора экономики. Кроме того, новые рабочие места в сфере услуг таковы, что занимающие их люди менее склонны объединяться в союзы по профессиональному признаку. Однако некоторые аналитики полагают, что пошатнувшаяся уверенность работающих в завтрашнем дне может привести к тому, что в будущем профсоюзы снова станут популярными. И эти предположения вполне обоснованы: в 1999 г. профессиональные объединения пополнились более чем 250 тыс. вступившими в них. Однако профсоюзы будут вынуждены приспособиться к новой глобальной экономике. Членам американских профсоюзных организаций, привыкшим смотреть на иностранных рабочих как на «врагов», придется создавать новые международные альянсы (Mabry, 1992; Church, 1994).

В постиндустриальной экономике США растет число рабочих мест, которые предполагают компьютерную грамотность людей. Занимающим их не приходится ни прикладывать физических усилий, ни подвергать опасности свое здоровье, как это было в прошлом на большинстве предприятий, но одновременно они получают невысокие зарплаты, а их возможности для продвижения по службе ограничены

Профессии

Сегодня, как бы человек ни зарабатывал на жизнь, его называют *профессионалом*. Мы слышим о теннисистах-профессионалах, о профессиональных нянях и даже о профессиональных дезинсекторах¹. В отличие от любителя, который занимается тем или иным делом просто «из любви к искусству», профессионал зарабатывает этим на жизнь. **Профессия** — это *престижная, трудовая деятельность «белых воротничков», требующая получения обширного формального образования*. Термин предполагает публичное признание готовности следовать определенным принципам. Традиционно к профессионалам относят священников, медиков, юристов и ученых; сравнительно недавно этот перечень пополнился архитекторами, бухгалтерами и социальными работниками. Род занятий является профессией постольку, поскольку он отвечает следующим требованиям:

1. **Теоретические знания.** Профессионалы имеют не только определенные технические навыки, но и теоретические знания в той области, которой занимаются. Например, любой человек может оказать первую медицинскую помощь, однако только врачи обладают знаниями, необходимыми для того, чтобы определить, болен человек или здоров.
2. **Частная практика.** Типичный профессионал работает преимущественно не на какую-либо компанию, а занимается частной практикой. Он сам отвечает за свою работу и следит за тем, чтобы не нарушать этических норм.
3. **Уважение со стороны клиентов.** Профессионалы, прошедшие серьезную подготовку, дают советы своим клиентам и рассчитывают на то, что последние будут следовать им.
4. **Забота не о личных, а об общественных интересах.** Традиционно исполнение профессионального долга — это служение обществу, а не забота о собственном финансовом благополучии.

В постиндустриальной экономике появилось немало видов деятельности, для которых характерно стремление к *профессионализации*. Претензия на профессиональный статус зачастую начинается с переименования специальности, намекающего на то, что она требует особых теоретических знаний. Этим достигается и другая цель: с новым названием такая профессия дистанцируется от своего бывшего менее престижного статуса. Например, складские рабочие называют то, чем они занимаются, «инвентаризацией запасов», а дезинсекторы превратились в «специалистов по контролю над насекомыми».

Заинтересованные группы могут также создать свою профессиональную ассоциацию, чтобы формально засвидетельствовать наличие у них специальных навыков. Такая организация в дальнейшем выдает лицензии тем, кто занимается данной деятельностью, и разрабатывает этический кодекс, подчеркивающий ее общественную роль. Стремясь добиться признания, ассоциация профессионалов может также создавать школы или другие образовательные учреждения и даже начать выпуск специализированного журнала (Abbott, 1988). Не все виды деятельности

¹ Дезинсекторы — люди, занимающиеся уничтожением насекомых. — *Примеч. науч. ред.*

претендуют на статус профессий. Некоторые *парапрофессионалы*, включая парюрюстов и медицинских работников среднего звена, обладают специальными навыками, но не имеют широких теоретических познаний, необходимых для того, чтобы называться профессионалами.

Частная практика

Частная практика, не предполагающая работы на какую бы то ни было организацию, когда-то была популярна в США. В 1800 г. ею занимались около 80% работающих, сегодня количество частнопрактикующих людей составляет лишь 6,5% (частной практикой занимаются 8,2% мужчин и 5,7% женщин) (US Department of Labor, 2001).

Среди таковых много юристов, врачей и других профессионалов. Кроме того, растет число частных предпринимателей, бизнес которых связан с Интернетом. Однако большинство работающих на себя — это владельцы малых предприятий, водопроводчики, плотники, независимые писатели, издатели, художники и шоферы-дальнобойщики. В целом, среди них чаще встречаются представители «синих воротничков», нежели «белых».

И последнее замечание. Заслуживает внимания то обстоятельство, что сейчас в экономике США едва ли не 40% малого бизнеса принадлежат женщинам и число «бизнесвумен» растет. Более того, 9,1 млн фирм, которыми владеют американки, обеспечивают работой около 30 млн человек, а их доля в ежегодных продажах приближается к \$4 трлн (Small Business Administration, 2001).

Безработица и неполная занятость

Определенное число безработных существует в любом обществе. Лишь немногие молодые люди, только начинающие свою трудовую деятельность, без проблем находят работу. К безработным относятся и те, кто временно не работает (они уволились с прежнего места и заняты поисками нового или воспитанием детей), а также те, кто участвует в забастовке, находится на излечении или не способен заниматься полезным трудом из-за своей неграмотности.

Однако безработица — во многом следствие самой экономики. Люди лишаются своих мест, когда их специальность становится никому не нужной или когда бизнеса больше нет. Это происходит потому, что не удается выдержать конкуренцию с иностранными производителями или из-за начавшегося в стране экономического спада, когда фирмы, чтобы оставаться на плаву, вынуждены сокращать производство и персонал. С 1980 г. 500 крупнейших американских компаний сократили общее количество рабочих мест на 5 млн — на 25%.

В 2000 г. безработными были 5,7 млн человек старше 16 лет (примерно 4,0% работоспособных граждан). На национальной карте 15.1 показано, что в некоторых штатах страны, включая отдельные регионы Западной Виргинии и Нью-Мексико, уровень безработицы высок, порой в 2 раза выше среднего по Соединенным Штатам. Это согласуется с данными исследования, согласно которым от безработицы или неполной занятости в США больше страдает сельское население (Stofferahn, 2000).

Из рис. 15.3 видно, что среди афроамериканцев безработных более чем в 2 раза больше, чем среди белых (7,6 и 3,5% соответственно). В среднем соотношение безработных мужчин и женщин для обеих рас примерно одинаково.

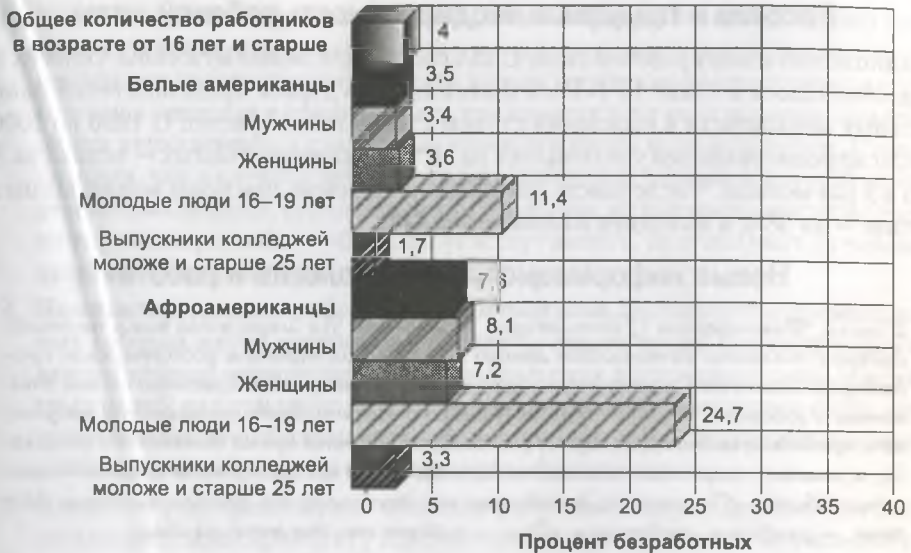

Рис. 15.3. Уровень безработицы для разных категорий взрослого населения США (данные за 2000 г.)

Источники: U. S. Census Bureau, 2000; U.S. Department of Labor, 2000

Для миллионов людей безработица — это серьезная проблема. По данным правительства, более 30 млн человек заняты неполную неделю — не более 34 часов, но лишь 80% удовлетворены своим положением, 20% (6 млн) хотели бы работать больше, однако реализовать это желание не могут (US Department of Labor, 2001).

Теневая экономика

Правительство США требует от своих граждан и от компаний, чтобы они сообщали информацию о своей деловой активности и, прежде всего — о доходах. Та их часть, о которой сведения не подаются, становится **теневой экономикой**. Это *экономическая деятельность, доходы от которой не доводятся до сведения правительства вопреки требованию закона*.

Так или иначе в теневой экономике периодически задействовано большинство граждан: какая-то семья получает дополнительный доход за счет того, что время от времени проводит в своем гараже распродажу старых и ненужных вещей, или подростки утаивают полученное от ухода за соседскими детьми. Разумеется, несравнимо большая часть теневой экономики — такие противозаконные виды деятельности, как торговля запрещенными наркотиками, проституция, взяточничество, казнокрадство, незаконный игорный бизнес и гангстерское ростовщичество.

Однако самый большой сегмент ее «участников» — люди, которые утаивают весь легально получаемый доход или его значительную долю. Занимающиеся частной практикой, например плотники, врачи и владельцы предприятий в сфере малого бизнеса, заполняя налоговые декларации, могут занижать свои доходы; официанты, шоферы такси и другие работники сферы услуг — не сообщать о чаевых. Возможно, каждый утаивает и небольшую сумму, но, не исключено, что в целом по стране бюджет недополучает \$170 млрд (Speer, 1995).

Расовая и гендерная неоднородность рабочей силы

Традиционно основу рабочей силы США составляли белые мужчины. Однако, как уже отмечалось в главе 14 («Раса и этничность»), доля представителей национальных меньшинств в населении страны стремительно растет. С 1990 по 2000 г. число афроамериканцев увеличилось на 16%, а собственно белых — только на 3%, что в 5 раз меньше. Численность латиноамериканской диаспоры возросла еще заметнее — на 58%, а выходцев из Азии — на 41%.

Новые информационные технологии и работа

2 июля, Тикондерога (Ticonderoga), Нью-Йорк. По мере того как я переключиваю с тележки на прилавок мешки с семенами травы и удобрениями, продавщица местного магазинчика хозяйственных товаров сканирует наклеенные на них этикетки и говорит: «Компьютер не только подсчитывает стоимость покупок, но и проводит инвентаризацию, заказывает то, что нужно доставить со склада, и решает, торговлю какими товарами нужно продолжить, а какими — приостановить». «Плохо же, он делает то же, что когда-то делали вы сами. Морин», — улыбаясь, отвечаю я. «Да», — кивает она без тени улыбки.

Компьютеризация и новые информационные технологии — второе принципиальное изменение, произошедшее в сфере труда. Информационная революция изменила не только характер работы, выполняемой людьми, но и само понятие «рабочее место». Существуют также не столь очевидные причины, позволяющие говорить, что компьютеры сделали труд иным (Zuboff, 1982; Rule & Brantley, 1992; Vallas & Beck, 1996).

Хотя информационная революция коснулась преимущественно таких стран с высоким уровнем доходов, как США, влияние высоких технологий начинает сказываться и в странах с низким уровнем доходов. Как вы думаете, изменит ли развитие информационных технологий жизнь вьетнамских крестьян, и если да, то как?

1. **Компьютеризация чревата потерей рабочей квалификации.** Подобно тому как индустриализация вытеснила с рынка труда мастеров-ремесленников, в наши дни компьютеры таят в себе угрозу профессионализму менеджеров. Все чаще решения в сфере бизнеса принимаются не на основании знаний и опыта управленцев, а с помощью компьютерного моделирования. Иными словами, как в случае с описанным магазинчиком, решения, которые прежде принимали люди, сейчас «выносят» машины, от которых зависит не только то, когда произойдет обновление ассортимента, но и получит ли человек запрашиваемую ссуду или нет.
2. **Компьютеры делают работу более абстрактной.** Большинство промышленных рабочих могут «потрогать» продукты своего труда. Постиндустриальные работники манипулируют символами ради достижения таких абстрактных целей, как придание большей привлекательности интернет-сайту, превращение какой-либо компании в более прибыльную или разработка самого удобного в эксплуатации программного обеспечения.
3. **Компьютеры ограничивают общение работников друг с другом.** Чем больше времени люди проводят у компьютерных терминалов, тем меньше они общаются друг с другом.
4. **Компьютеры усиливают контроль работодателей над работниками.** Компьютеры позволяют руководителям непрестанно контролировать количество произведенной продукции независимо от того, где работают люди — у компьютерных терминалов или на конвейере.

Подобные перемены напоминают нам, что технология социально не нейтральна. Она формирует нашу трудовую деятельность и изменяет баланс власти между работодателями и работниками. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, приветствуя одни аспекты информационной революции, люди сопротивляются другим.

Корпорации

Ядром современной капиталистической экономики является **корпорация**. Это *легально существующая организация, обладающая правами и обязанностями, помимо тех, которые имеют ее члены*. Регистрация в качестве корпорации легализует организацию и наделяет ее правом заключать контракты и владеть собственностью. В США более 24 млн компаний и предприятий, и 5 млн из них — корпорации (US Census Bureau, 2000). Процесс регистрации таких также защищает имущество собственников от судебных исков, которые могут возникнуть из-за долгов, образовавшихся в результате экономической деятельности, или вреда, причиненного потребителям; нередко перевод в ранг корпорации означает также и меньший налог на прибыль.

Концентрация экономики

Примерно половина американских корпораций относятся к числу небольших, и их активы не превышают \$100 тыс. Однако доминируют все-таки крупнейшие компании. В 1997 г. 549 корпораций имели активы, превышавшие \$1 млрд, что вкупе составляло $\frac{3}{4}$ всех корпоративных авуаров и прибыли (US Census Bureau, 2000).

ПРАКТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Не оскудеет рука дающего: благосостояние корпораций

Что бы вы сказали, если бы правительство предложило уменьшить налоги на получаемый вами доход и с продаж? А если бы оно предложило вам купить новый дом, предоставив для этого кредит под более низкий, чем рыночный, процент? Вы были бы довольны, если бы правительство избавило вас от коммунальных платежей и само оплачивало бы ваши счета за воду и электричество?

Для простого человека любое из этих предложений звучит слишком заманчиво, чтобы быть правдой. Но деньги, которые мы отдаем в виде налогов, расходуются именно так — но не на отдельных людей, а на крупные корпорации. Тем достаточно просто сообщить о своей готовности перебазировать производство в другое место и ждать, когда предложения от администрации штатов и от местных властей посыпятся на них как из рога изобилия.

Сторонники подобной политики называют правительственную помощь корпорациям «партнерством личности и общества». В доказательство они ссылаются на новые рабочие места, создаваемые компаниями, которые открывают производства в регионах, которые прежде не были охвачены деловой активностью. Для города или деревни с высоким уровнем безработицы обещание открыть фабрику слишком заманчиво, чтобы можно было отказаться от него. Если некоторые стимулы в виде налоговых льгот или бесплатных коммунальных услуг способны соблазнить компанию и заставить ее отклонить другое возможное предложение, такое вложение денег признается удачным.

Однако критики называют подобную политику заботой о благосостоянии корпораций. По их мнению, даже если компании на самом деле создают новые рабочие места, они получают больше, чем отдают. Так, в 1991 г. штат Индиана предложил авиакомпании *United Airlines* льготы на общую сумму \$451 млн, если она согласится построить в штате предприятие по ремонту и техническому обслуживанию самолетов. Компания приняла предложение, построила ремонтный завод и наняла на работу 6300 человек. Однако простые расчеты показывают, что *каждое рабочее место* обошлось штату в огромную сумму — в \$72 тыс. Практически то же самое произошло и в 1993 г., когда штат Алабама предложил компании *Mercedes-Benz* построить в Таскалузе (Tuscaloosa) завод по сборке автомобилей, предоставив ей льготы на сумму \$253 млн. Предприятие построили, и 1500 человек были трудоустроены, т. е. каждое рабочее место обошлось Алабаме в \$169 тыс. В 1997 г. норвежская компания получила от штата Пенсильвания льготы на сумму \$307 млн за возобновление работы части филаделфийской корабельной верфи. После подписания соглашения были приняты 950 человек, т. е. каждое рабочее место обошлось штату в \$323 тыс. Аналогичная ситуация складывается и в других регионах страны. В 1990-х гг. правительство ежегодно тратило на поддержку корпораций свыше \$15 млрд, т. е. больше, чем на оказание помощи неимущим людям.

Корпорации, передислоцирующие свои производства, получают весьма щедрые предложения от политиков, стремящихся к «созданию рабочих мест». Однако если рассматривать эту проблему в масштабах всей страны, то оказывается, что, хотя на новых предприятиях действительно появляется некоторое количество вакансий, чаще производство просто переносится из региона в регион. Нельзя также сказать, что все виды деятельности хорошо оплачиваются. И нет никаких гарантий того, что, обосновавшись на новом месте, корпорация останется там, потому что ничто не может помешать переместить мощности туда, где можно получить наибольшую прибыль. В 1993 г. правительство штата Кентукки и администрация города Луисвилля предоставили компании *General Electric* налоговые льготы на сумму \$19 млн для строительства завода стиральных машин в пригороде Луисвилля. В 1999 г. компания перебазировала производство в штат Джорджия и в Мексику, где уровень оплаты труда ниже, в результате чего 1500 жителей Луисвилля остались без работы.

Самой крупной по продажам американской корпорацией является автомобилестроительная *General Motors*, активы которой равны \$303 млрд. На ее предприятиях работает больше людей, чем в организациях, принадлежащих правительствам штатов Калифорния, Орегон, Вашингтон, Аляска и Гавайи вместе взятых. Объем продаж этой корпорации (в 2000 г. он составил \$185 млрд) равен доходу от налогов, получаемому половиной штатов.

Конгломераты и корпоративные связи

Самый крупный бизнес — конгломераты — *гигантские корпорации, состоящие из многих более мелких*. Они образуются, когда корпорации выходят на иные рынки, создают новые компании или сливаются с другими. Так, корпорация *RJR-Nabisco* представляет собой конгломерат, продающий не только сигареты, но и десятки товаров домашнего обихода.

Даже конгломераты связаны между собой, ибо им принадлежат акции друг друга, и результатом этой взаимосвязи оказываются действующие во всем мире корпоративные альянсы, размеры которых потрясают воображение. Так, *General Motors* владеет корпорациями *Opel* (Германия), *Vauxhall* (Великобритания) и половиной *Saab* (Швеция), а ее партнерами являются японские корпорации *Suzuki*, *Isuzu* и *Toyota*. Корпорации *Ford* принадлежат *Jaguar* и *Aston Martin* (Великобритания) и доля корпораций *Mazda* (Япония), *Kia* (Корея) и *Volvo* (Швеция).

Корпорации связаны между собой также и с помощью *единого директора* (это люди, работающие в тесном контакте друг с другом и являющиеся директорами многих корпораций) (Herman, 1981; Scott & Griff, 1985; Weidenbaum, 1995; Kono et al., 1998). Связи, зарождающиеся в залах заседаний советов директоров, обеспечивают доступ к важной информации о продукции друг друга и о стратегиях маркетинга. Берт Минц и Майкл Шварц установили, что через членов своего правления *General Motors* связана с 700 другими компаниями (Mintz & Schwartz, 1981). Сами по себе эти связи не противоречат общественным интересам, но они могут способствовать такой противозаконной деятельности, как назначение фиксированной цены, и, конечно же, приводят к концентрации власти и богатства.

Конкурируют ли корпорации друг с другом?

Согласно капиталистической модели, предприятия действуют автономно в условиях рыночной конкуренции. Однако крупные корпорации тесно взаимосвязаны, а значит, независимо друг от друга функционировать не могут. Более того, незначительное их число доминирует на многих больших рынках. Следовательно, в действительности многие огромные корпорации по-настоящему не конкурируют между собой.

Закон запрещает крупной компании становиться монополистом, т. е. устанавливать *монополию* (*господство единичного производителя на рынке*), поскольку она может диктовать свою цену. Однако *олигополия* (*господство нескольких производителей на рынке*) — вполне законная и весьма распространенная практика. Она возникает потому, что значительные инвестиции, необходимые для вхождения на такой объемный рынок, как, например, автомобилестроение, доступны только самым крупным компаниям. Более того, настоящая конкуренция сопряжена с риском, а его-то большой бизнес старается избегать.

Власть корпораций в настоящее время столь велика, а конкуренция между ними так ограничена, что государственное регулирование может оказаться единственным способом защиты интересов общества. Однако правительство является единственным и самым крупным потребителем того, что производят корпорации. Федеральные органы управления еще и помогают стремящимся остаться на плаву корпорациям, иногда с помощью многомиллиардных программ выхода из экономических трудностей. Кроме того, как следует из материала, помещенного под рубрикой «Практическая социология», такая помощь была названа ее критиками «заботой о благосостоянии корпораций».

Корпорации и глобальная экономика

Корпорации настолько разрослись и сосредоточили в своих руках такую огромную власть, что именно они контролируют сегодня подавляющую часть мировой экономики. Самые крупные корпорации базируются в США, Японии и Западной Европе, но они считают весь мир одним огромным рынком сбыта. Действительно, основные продажи многих из таких крупных американских компаний, как, например, *McDonald's*, приходится на зарубежные страны.

Бедные регионы привлекают внимание транснациональных корпораций, потому что там сосредоточена наибольшая часть населения и трудовых ресурсов планеты. Кроме того, как следует из данных, представленных на рис. 15.4, труд там значительно дешевле: мексиканский рабочий зарабатывает за две недели столько, сколько немецкий — за день.

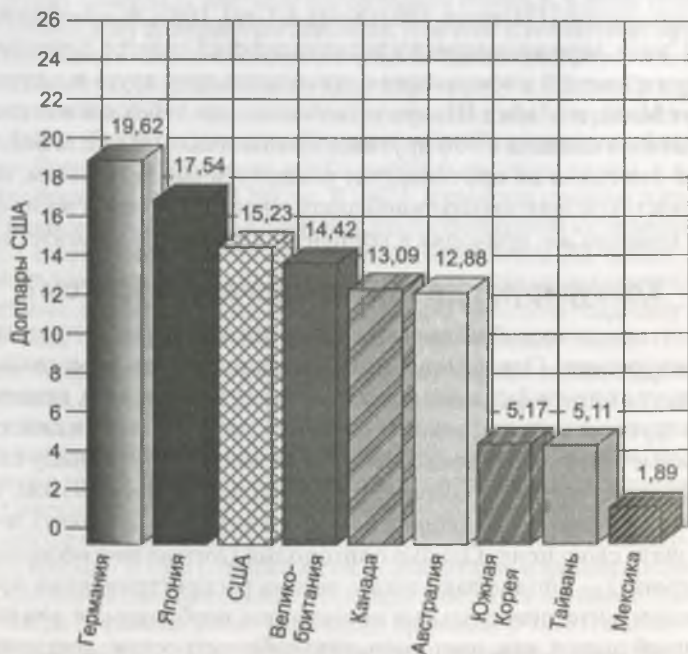

Рис. 15.4. Средняя почасовая оплата труда рабочих промышленных предприятий (1999 г.).

Источник: расчеты автора на основании данных U. S. Department of Labor, 2000

Влияние глобализации экономики на бедные страны неоднозначно (см. главу 12 «Глобальная стратификация»). По одну сторону баррикад находятся приверженцы теории модернизации, полагающие, что глобализация высвобождает огромные созидательные силы капитализма, способствуя тем самым росту уровня жизни в бедных странах. То есть тем корпорации предлагают финансовые инвестиции, доходы от налогообложения, новые рабочие места и более совершенные технологии, ускоряющие экономический рост (Rostow, 1978; Madsen, 1980; Berger, 1986; Firebaugh & Beck, 1994; Firebaugh & Sandu, 1998).

Эти представления оспаривают сторонники теории зависимости, полагающие, что глобализация углубляет неравенство между бедными и богатыми странами. Интернациональные корпорации, по их мнению, действительно создают немного новых рабочих мест, чтобы заблокировать развитие национальной индустрии и подтолкнуть слаборазвитые сообщества к тому, чтобы те занимались изготовлением товаров на экспорт, а не производством необходимого для их внутреннего рынка. Если принять такую точку зрения, получится, что международные корпорации делают бедные страны еще беднее и более зависимыми от богатых (Vaughan, 1978; Wallerstein, 1979; Delacroix & Ragin, 1981; Bergesen, 1983; Walton & Ragin, 1990).

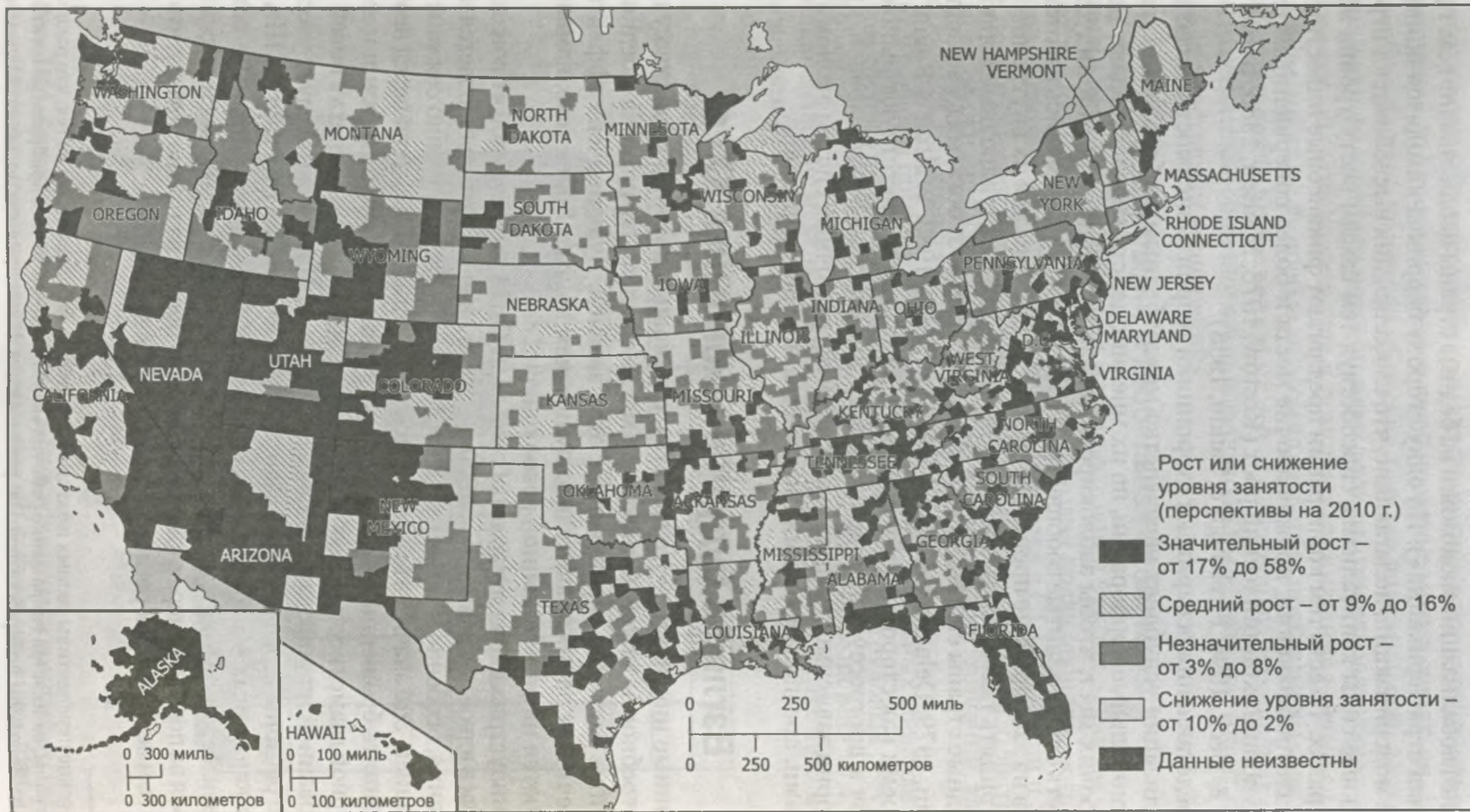
В то время как сторонники теории модернизации приветствуют рынок, видя в нем ключ к прогрессу и процветанию всех живущих на Земле народов, приверженцы теории зависимости призывают к замене рыночных систем экономическими моделями, предполагающими государственное регулирование.

Взгляд в будущее: экономика XXI в.

Общественные институты — те средства, с помощью которых общество удовлетворяет потребности людей. Однако, как мы уже видели, экономика Соединенных Штатов лишь частично справляется с этой задачей. Будучи очень эффективной, она обеспечивает одних значительно лучше, чем других. Более того, изменения в ней диктуются информационной революцией.

В постиндустриальную эру доля рабочей силы США, вовлеченной в производство, уменьшилась вдвое по сравнению с 1960 г.; совсем иная картина наблюдается в сфере обслуживания, особенно в тех ее отраслях, которые непосредственно связаны с компьютеризацией. Это значит, что американское общество оказывается перед необходимостью принять брошенный ему вызов и вооружить миллионы мужчин и женщин компьютерной грамотностью, необходимой им для достижения успеха в новой экономике, основанной на информационных технологиях. Нам также следует учесть, что некоторые регионы страны переживают экономический бум (см. карту США 15.2¹), в то время как в иных — особенно сельских местностях в центре страны — сокращения мест неизбежны. Можем ли мы позволить себе заставить рабочих и их семьи расплачиваться за подобное неравномерное развитие общества только потому, что им довелось жить именно в этих регионах страны, а не в других?

¹ Экономические перспективы разных штатов неодинаковы. В большинстве из тех, что расположены в центре страны, ожидается сокращение рабочих мест. В отличие от них прибрежные штаты и большая часть на Западном побережье активно развиваются. В чем причина подобного неравенства?

Карта США 15.2. Где будут рабочие места? Прогноз на 2010 г. Источник: Woods & Poole Economics, Washington, D. C.

В наступившем веке продолжится и процесс глобализации. 200 лет назад подъемы и спады в региональной экономике отражали события и тенденции, характерные для одного отдельно взятого города. Столетием ранее между городами существовали такие взаимосвязи, когда процветание одного из них зависело от произведенных в нем товаров, пользующихся спросом у населения других регионов страны. Сегодня бессмысленно говорить о национальной экономике, ибо то, что производят и потребляют занятые сельским хозяйством обитатели небольшого городка в Канзасе, может сильнее зависеть от событий в выращивающих пшеницу регионах России, чем от происходящего в столице их собственного штата. Другими словами, рабочие и бизнесмены в США, производящие товары и услуги, реагируют на факторы и силы, которые непосредственно им даже невидны и действуют на значительном от них расстоянии.

Наконец, еще одно замечание. Аналитики в разных уголках земного шара переоценивают традиционные экономические модели. Глобальная экономика показывает, что социализм менее продуктивен, чем капитализм; именно это обстоятельство явилось одной из важных причин падения социалистических режимов в странах Восточной Европы и в бывшем СССР. Но капитализм тоже изменяется. Ныне его функционирование ограничено рамками государственного регулирования, призванного устранить экономическое неравенство, являющееся следствием рыночных систем.

Каковы долгосрочные последствия таких перемен? Два вывода представляются неизбежными. Во-первых, экономическое будущее США и других государств во многом будет зависеть от ситуации на международной арене. В конце концов, возникновение постиндустриальной экономики в США неотделимо от промышленного производства в других странах. Во-вторых, мы должны обратить внимание на имеющие непосредственное отношение к этой проблеме глобальное неравенство и рост народонаселения Земли (Firebaugh, 1999, 2000). От того, уменьшит или углубит глобализация экономики (мировая экономика) разрыв между богатыми и бедными странами, зависит в конечном итоге, куда пойдет наша планета — к миру или к войне.

Резюме

1. Экономика — основной социальный институт, с помощью которого общество производит, распределяет и потребляет товары и услуги.
2. В технологически примитивных обществах экономика выступает в качестве составляющей жизни семьи. Аграрные общества имеют определенную производственную специализацию. Благодаря большему профессиональному расслоению и новым источникам энергии, приводящим в движение машины на фабриках, индустриализация способствует быстрому развитию экономики.
3. Для постиндустриальной экономики характерен переход от производства товаров к предоставлению услуг. Подобно тому как индустриальная революция подтолкнула экономику прошлого, основанную на промышленном производстве, в наши дни информационная революция благоприятствует постиндустриальной экономике.

4. В доиндустриальных обществах доминировал первичный сектор экономики, обеспечивающий сырьевые ресурсы. В индустриальных основную роль играет вторичный сектор, производящий товары. Третичный сектор, связанный с предоставлением услуг, доминирует в постиндустриальных обществах.
5. При глобальной экономике производство и потребление товаров и услуг происходит вне государственных границ. Сегодня почти 50% всего, что дает мировая экономика, производят 600 крупнейших транснациональных корпораций.
6. Капитализм основан на частной собственности на средства производства и стремлении к получению прибыли в условиях рыночной конкуренции. В основе социализма — коллективная собственность на средства производства и государственный контроль над экономикой.
7. Хотя экономика США и является по преимуществу капиталистической, государство активно участвует в экономической жизни. В Швеции, например, и во многих азиатских странах с государственным капитализмом, включая Японию, роль государства в экономике еще значительнее.
8. Капитализм — в высшей степени продуктивная экономическая система, обеспечивающая в целом высокий уровень жизни. Она предоставляет гражданам свободу действовать в личных интересах. Социализм менее продуктивен, но создает условия для большего экономического равенства. Социалистическая система предлагает свободу от основных потребностей.
9. В США количество занятых в сельском хозяйстве уменьшилось до 2% от количества всей рабочей силы. Аналогичная участь постигла и профессии «синих воротничков», которые составляют сейчас лишь 25% от занятых. Заметно возросло количество «белых воротничков»: их доля превышает 70%.
10. Хотя работа в первичном секторе экономики и может приносить большее вознаграждение, многие новые рабочие места в США на вторичном рынке труда связаны с оказанием услуг.
11. Профессия — специфический вид трудовой деятельности «белых воротничков», требующий широких теоретических познаний, возможности работать автономно, авторитета в глазах клиентов и приверженности служению интересам общества.
12. Сегодня 6,5% американских работников занимаются частной практикой. Хотя в их числе много профессионалов, большинство таких — «синие воротнички».
13. Безработица порождена многими причинами, включая и функционирование экономики как таковой; в 2000 г. в США 4% трудоспособного населения не имели работы.
14. Теневая экономика, включающая как криминальный, так и законный бизнес, — это экономическая деятельность, дающая доходы, которые утаиваются от государства.

15. Основа экономики США — корпорации. Крупнейшие из них — конгломераты — владеют большей частью корпоративных активов и прибыли. Многие крупные корпорации являются одновременно и транснациональными: они производят и распределяют продукцию во многих странах мира.

Основные понятия

- Вторичный рынок труда** — профессии, обеспечивающие минимальные выгоды для работников.
- Вторичный сектор** — отрасли экономики, перерабатывающие сырье в создаваемые товары.
- Глобальная экономика** — расширение экономической деятельности без соблюдения государственных границ.
- Государственный капитализм** — экономическая и политическая система, при которой компании находятся в частном владении, но тесно сотрудничают с правительством.
- Капитализм** — экономическая система, при которой природные ресурсы и средства производства товаров и услуг находятся в частной собственности.
- Капитализм всеобщего благосостояния** — экономическая и политическая система, сочетающая в себе многое, взятое из рыночной экономики, с программами широкой социальной поддержки.
- Коммунизм** — воображаемая политическая и экономическая система, при которой все члены общества социально равны.
- Конгломерат** — гигантская корпорация, состоящая из множества меньших.
- Корпорация** — легитимно существующая организация, обладающая правами и обязанностями помимо тех, которые имеют ее члены.
- Монополия** — господство единичного производителя на рынке.
- Олигополия** — господство нескольких производителей на рынке.
- Первичный рынок труда** — профессии, обеспечивающие широкие выгоды для работников.
- Первичный сектор** — отрасль экономики, добывающая природное сырье.
- Постиндустриальная экономика** — система производства, основанная на обслуживании и высокой технологии.
- Профессиональные союзы** — организации рабочих, стремящиеся повысить заработную плату и улучшить условия труда при помощи разнообразных стратегий, включая переговоры и забастовки.
- Профессия** — престижная трудовая деятельность «белых воротничков», требующая получения широкого формального образования.
- Социализм** — экономическая система, при которой природные ресурсы и средства производства товаров и услуг находятся в коллективной собственности.

Теневая экономика — экономическая деятельность, доходы от которой не доводятся до сведения государственных органов вопреки требованию закона.

Третичный сектор — отрасль экономики, связанная не с товарами, а с услугами.

Экономика — социальный институт, организующий производство, распределение и потребление товаров и услуг.

Вопросы для размышления

1. Каковы функции экономики как одного из социальных институтов? Насколько хорошо, по вашему мнению, она справляется с возложенными на нее обязанностями?
2. В чем индустриальная революция изменила экономику США? Какие изменения продиктованы информационной революцией?
3. Чем капитализм отличается от социализма? Сравните эти экономические системы с точки зрения продуктивности, экономического равенства и личных свобод граждан.
4. Что означает выражение «мы живем в эпоху глобальной экономики»? Как ее функционирование влияет на вашу жизнь?

Политика и правительство

Шарлота Уильямс сидела на металлическом складном стуле позади избирательной урны, выпрямившись и не спуская глаз с открытой двери напротив. Это был день выборов, и ей предстояло провести его на избирательном участке № 15 Вашингтона, округ Колумбия, а прошло всего лишь четыре часа ее рабочей смены. Слева от нее мужчина лет 60, склонившись над столом, заполнял свой бюллетень. Кроме него и самой Шарлотты в просторном помещении не было ни души.

Подходя к урне, мужчина улыбнулся и пожал плечами. «Сегодня мы выбираем президента, — начал он, — но никто не торопится прийти и проголосовать». «Вот-вот, и я о том же», — ответила Шарлотта Уильямс, радуясь возможности поговорить. — Людей должно волновать такое событие, но знаете, что я вам скажу, — оно их не волнует. Изменяется система социального обеспечения. А что творится в наших школах, вам самому хорошо известно. Уровень преступности невероятно высок. Простите, но я не могу этого видеть. Я просто не могу видеть такого равнодушия».

Когда проходили президентские выборы 2000 г., их итог решили всего несколько сотен голосов, — и лишь около половины американцев, имеющих право голоса, потрудились прийти на избирательные участки. И самым пассивным оказалось беднейшее население: в выборах президента приняли участие более 75% американцев с высокими доходами и лишь около 40% населения с низкими доходами.

Что означает эта апатия? Быть может, американская политическая система не способна удовлетворить потребности граждан, особенно неимущих? Действительно, можно ли считать общество демократическим, если большинство населения не участвует в политической жизни даже в качестве избирателей, голосующих раз в году?

Эта глава посвящена *политике*, динамике власти внутри страны и на международной арене. *Политика* — это общественный институт, который распределяет власть, задает пути развития общества и вырабатывает решения. Однако, как свидетельствует низкая явка избирателей на некоторые избирательные участки, политика соответствует в большей мере интересам одних слоев населения, чем других.

Власть и авторитет

Каждое общество опирается на **власть**, которую социолог Макс Вебер (Weber, 1978; 1-е изд. — 1921) определил как *способность достигать желаемых целей вопреки сопротивлению других*. Ее реализация — преимущественное дело правительства, *официальной организации, руководящей политической жизнью общества*. Однако, по мнению Вебера, лишь немногие правительства добиваются от своего народа повиновения с помощью непосредственного диктата. Гораздо чаще

население страны уважает (или как минимум принимает) существующую политическую систему.

Любому большому, сложному по своей структуре обществу трудно существовать, если власть исходит исключительно из принципа силы, — тогда жизнь превращается в кошмарный террор. Социальная организация зависит от консенсуса между членами общества о том, каковы его цели (культура), и о приемлемых путях их достижения (культурных нормах).

Следовательно, каждое общество стремится к легитимизации своей власти. Именно поэтому Вебер уделил основное внимание такому понятию, как **авторитет** — *власти, приобретаемой людьми не с помощью принуждения, а законным образом*. Как абсолютная власть трансформируется в стабильный авторитет? Вебер указал три способа, каждый из которых соответствует определенному уровню экономического развития общества.

Традиционная власть

Вебер полагал, что доиндустриальные общества характеризуются **традиционной властью** — той, которая приобретает легитимность *через уважение к давно устоявшимся культурным образцам*. Она как бы входит в коллективную память общества таким образом, что люди считают социальное устройство едва ли не священным. Так воспринимались в древности китайские императоры, подобным же образом утверждалась элита средневековой Европы. В обоих случаях власть традиции была достаточно сильной, чтобы люди при любых обстоятельствах считали представителей правящей по наследству династии чуть ли не богоподобными существами.

Однако с развитием промышленности традиционная власть приходила в упадок. Ханна Арендт отмечает, что та непобедима, пока члены общества имеют общее культурное наследие и мировоззрение (Arendt, 1963). Эту форму власти подрывают специализация, без которой невозможны промышленное производство и современное научное мышление, а также социальные перемены и культурная диверсификация, являющиеся следствием иммиграции. Поэтому маловероятно, что сегодня президент Джордж Буш рискнет поклясться в том, что «будет править милостью Божьей». Но даже несмотря на это, некоторые весьма состоятельные высокопоставленные семейные кланы — Бушей, Кеннеди, Рузвельтов и Рокфеллеров — поколениями занимают привилегированное положение, так что, когда один из представителей этих семейств выходит на политическую арену, в этом есть нечто и от традиционной власти (Baltzell, 1964).

Если в национальной политике США последняя играет незначительную роль, то в других аспектах повседневной жизни она проявляется весьма заметно. **Патриархат**, доминирование мужчин над женщинами, до сих пор широко распространен в мире, хотя атаки на эту традиционную форму власти становятся все более и более ощутимыми. В меньшей степени подвергается нападкам подчинение родителями своих детей. Однако связь традиционной власти с родительским статусом человека становится очевидной всякий раз, когда на вопрос сомневающегося ребенка «Почему?» следует родительское «Потому что я так сказал (или сказала)!». Решение отца или матери не обсуждается: вступить с ребенком в полемику, оказаться с ним «на равных» — значит поколебать традиционную власть родителя над ним.

Рационально-легальная власть

По Веберу, **рационально-легальная власть** (называемая также **бюрократической**) — это власть, *легитимность которой подтверждается законодательно выполняемыми правилами и установлениями*. Это власть, утверждаемая деятельностью законного правительства.

Как уже отмечалось в главе 7 («Группы и организации»), Вебер считал бюрократию организационным костяком рационально мыслящих современных сообществ. Но это еще не все: благоприятствуя бюрократии, рациональное мировоззрение разрушает традиционные привычки и обычаи. Члены современных обществ, где уровень доходов высокий, не благоговеют перед прошлым, принимая за принципы справедливости формально введенные правила, и в первую очередь — законы.

На рационально установленных правилах выстроены также многие властные отношения, завязывающиеся в повседневной жизни. Например, власть деканов и преподавателей, ведущих занятия в аудитории, связана с теми должностями, которые они занимают в бюрократических системах колледжей и университетов. Полицейские тоже являются должностными лицами, представляющими местные властные органы. В отличие от традиционной подобная рациональная, легальная власть вытекает не из принадлежности человека к той или иной семье, а из той должности, которую он занимает в формальной правительственной структуре. Так, если монарх — правитель пожизненный, президент возлагает и снимает с себя властные полномочия в соответствии с законом, потому что его власть определяется должностью, а не личностью.

Харизматическая власть

Вебер утверждал также, что власть может трансформироваться в авторитет благодаря харизме. **Харизматическая власть** *легитимизируется благодаря исключительным личным способностям, побуждающим к преданности и повиновению*. Следовательно, в отличие от традиционной и рациональной, легальной она не столько связана с социальной организацией, сколько является признаком исключительно сильной и привлекательной для окружающих личности.

История человечества знает немало примеров, когда те или иные члены общества становились харизматическими лидерами. Харизма упрочивает положение признанного лидера или делает более убедительным призыв того, кто претендует на такую роль. Такие люди способны превратить аудиторию людей в последователей, создав при этом свои собственные правила и бросив вызов существующему положению вещей. Так, в 1917 г. Владимир Ленин руководил свержением монархии в России; после Второй мировой войны Махатма Ганди возглавил борьбу индийского народа за свободу от британского колониализма; спустя непродолжительное время в США возникло движение за гражданские права, во главе которого встал Мартин Лютер Кинг-младший, а мать Тереза на протяжении всей своей жизни активно помогала жителям индийского города Калькутта и призывала мировую общественность обратить внимание на ужасающую бедность жителей этого мегаполиса.

Поскольку харизматическая власть исходит от определенного человека, любое инициированное им движение после смерти лидера неизбежно переживает кризис. Соответственно, как считал Вебер, живучесть харизматической организации зави-

сит от превращения харизмы в рутинный порядок, т. е. от трансформации харизматической власти в некое сочетание традиционной и бюрократической. Например, христианство возникло как культ, подпитываемый харизмой Иисуса из Назарета. После смерти Иисуса его последователи утвердили его учение институтом церкви (со временем ее центром стал Рим), который базируется как на традиции, так и на бюрократии. Римская католическая церковь в таком виде процветает уже 2 тыс. лет.

Политика с глобальной точки зрения

История человечества знает разные политические системы. Технологически примитивные общества, жившие за счет охоты и собирательства и в свое время разбросанные по всей планете, функционировали как большие семьи. Лидерство в них обычно принадлежало мужчине, наделенному исключительной физической силой или харизмой или обладавшему особыми охотничьими навыками. Но эти лидеры имели лишь незначительную власть, потому что у них не было ресурсов, необходимых для контроля над «подданными», а тем более для установления собственных правил. Следовательно, в примитивных обществах лидеры неотличимы от остальных членов и правительства не были самостоятельными институтами (Nolan & Lenski, 1999).

Для более крупных аграрных обществ характерны разделение труда и избыток материальных благ. Эти общества становятся иерархическими, и контроль над большей частью богатства, а также власть концентрируются в руках немногочисленной элиты; политика выходит за рамки семьи и становится самостоятельным социальным институтом. Лидеры, которым удается удерживать власть и передавать ее своим наследникам из поколения в поколение, могут превратиться в носителей традиционной ее формы; не исключено, что при этом они даже заявляют о данном им свыше праве руководить другими. Такие лидеры способны также извлечь пользу из того, что Вебер назвал рациональной, легальной властью, ибо их обслуживают бюрократическая администрация и законодательная система.

По мере развития общества политическая сфера оказалась соотнесенной с национальным правительством, или *государством*. Но возникновение такого зависит от технологии. Всего лишь несколько веков назад армии передвигались медленно, а связь даже на коротких расстояниях была несовершенной. По этой причине ранние политические империи — например, Месопотамия 5 тыс. лет тому назад — распались на множество *городов-государств*.

Развитие технологий способствовало тому, что на карте появились более крупные образования — *национальные государства*. Сейчас их в мире насчитывается 192, каждое имеет собственную политическую систему, которые возможно проанализировать, поскольку все они подпадают под одну из четырех разновидностей — монархия, демократия, авторитаризм и тоталитаризм.

Монархия

Монархия (от лат. и древнегреч. «один правитель») — тип политической системы, когда власть принадлежит одному семейству и передается из поколения в поколение. Древние аграрные общества преимущественно были монархиями; например,

в Библии упоминаются такие великие цари, как Давид и Соломон. Виндзоры, королевская семья нынешней Великобритании, ведут свой род уже 1000 лет. Значит, по терминологии Вебера, монархия узаконена традицией.

В средневековье *абсолютная монархия*, политическая система, при которой правители, взошедшие на трон по праву наследования, приписывали своей власти божественное происхождение, процветала от Англии до Китая, а также в некоторых частях американского континента. В ряде стран (например, в Саудовской Аравии) монархи и сегодня обладают едва ли не абсолютной властью над своим народом.

Однако в XX в. идеи равенства постепенно подточили монархические основания, и на смену самодержцам во многих странах пришли избираемые народом руководители. Некоторые европейские государства — Великобритания, Испания, Норвегия, Швеция, Бельгия и Дания и Нидерланды и поныне остаются монархиями, однако *конституционными*. Иными словами, монархи превратились в символических глав государств, а подлинными правителями являются избранные политики во главе с премьер-министром, которые руководят государствами в соответствии с принципами, закрепленными в конституциях. Следовательно, в этих странах королевские династии могут формально царствовать, но в действительности правят ими лидеры, пришедшие к власти в результате выборов.

Демократия

Исторической тенденцией в современном мире является движение к демократии — *политической системе, при которой власть осуществляется народом как единым целым*. Но члены демократического общества редко напрямую участвуют в принятии решений: одно лишь огромное их число делает это невозможным. В действительности реализуется система *репрезентативной демократии*, которая отдает власть в руки выборных лидеров, подотчетных своим избирателям.

Большинство богатых стран мира утверждают, что они демократические государства. Экономическое развитие и демократический стиль правления неотделимы друг от друга, ибо оба зависят от уровня просвещенности населения. Более того, из-за индустриализации традиционная власть, свойственная аграрной монархии, уступила место рациональной, легальной. В результате подобного процесса выборов лидеры оказываются на должностях, регулируемых законом. Демократия и подобная разновидность установления легитимности связаны между собой точно так же, как монархия и традиционная форма власти.

Однако США, например, не могут быть признаны истинно демократическими, и тому есть две причины. Во-первых, существует проблема бюрократии. Все демократические политические системы немыслимы без многочисленного чиновничьего аппарата. Так, на службе у федерального правительства США состоят более 2 млн штатных сотрудников, занятых полную рабочую неделю, 6 млн сотрудников по контракту, 1,5 млн военнослужащих и 2,4 млн работников, получающих различные гранты или оплачиваемых из специальных фондов; всего около 12 млн различных государственных служащих. Кроме того, по всей стране еще 15 млн человек работают на местные администрации, общее число которых — около 80 пнс. Большинство людей из занятых в правительственных органах никогда и никем не избирались и не подотчетны народу напрямую (Scaff, 1981; Edwards, 1985; Etzioni-Halevy, 1985; Light, 1999).

Во-вторых, существует экономическое неравенство. В обществе, для которого характерно сильное расслоение, богатые имеют значительно больший политический вес, чем бедные. Джордж Буш-младший смог активно стартовать в президентской гонке 2000 г. во многом потому, что он сам весьма обеспеченный человек и имеет немало состоятельных друзей, благодаря чему он смог за короткое время собрать более \$50 млн. В 1996 и в 2000 гг. газетный магнат Стив Форбс профинансировал свою избирательную кампанию, эти попытки стать хозяином Белого Дома стоили ему более чем \$50 млн (хотя его результаты на первичных выборах оказались очень скромными). Иными словами, мало кто сомневается: в политических играх «деньги не молчат». Если же учесть финансовые возможности корпораций и профсоюзов, в распоряжении которых находятся миллиарды долларов, можно ли рассчитывать, что наша «демократическая» система прореагирует на голоса «простых людей» или хотя бы услышит их? (Burns, Francia & Herrnson, 2000).

Демократия и свобода: капиталистический и социалистический подходы

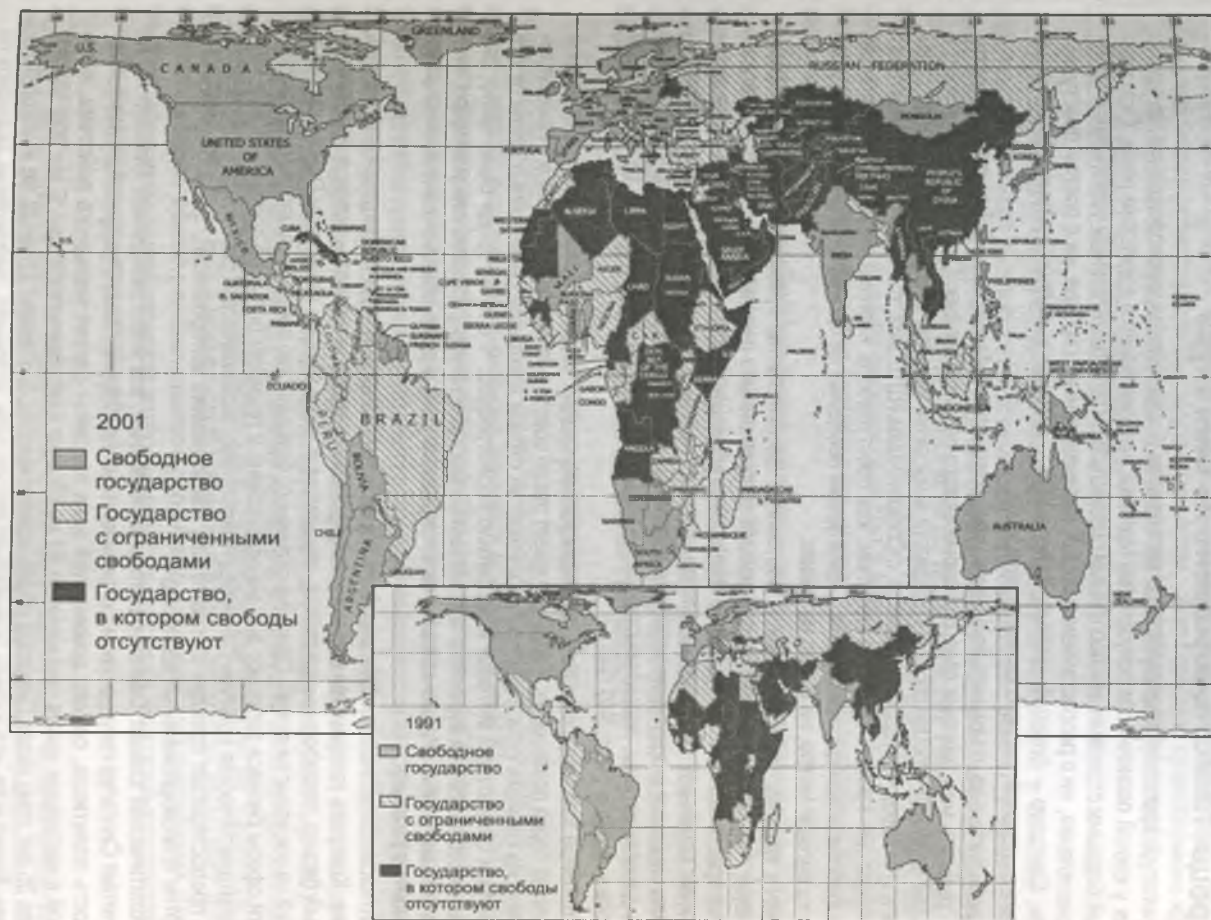
Несмотря на проблемы, которые только что были описаны, богатые капиталистические страны, такие как США, претендуют называться демократическими государствами. Разумеется, таковыми же видят себя и социалистические системы, например Куба и Китайская Народная Республика. Этот курьезный факт наводит на мысль о том, что необходимо обратить более пристальное внимание на *политическую экономию* — взаимодействие политики и экономики.

Политическая жизнь США, Канады и европейских государств определяется преимущественно экономическими принципами капитализма. Погоня за прибылью в условиях рынка требует толкования термина «свобода» как права людей действовать в собственных интересах. Таким образом, на практике это означает личную свободу действовать любым способом, гарантирующим максимальную прибыль для себя или иные выгоды. Кроме того, подобное определение «демократии» предполагает также и право индивидуумов самим выбирать себе руководителей из числа тех, кто претендует на эти должности.

Однако, как уже отмечалось выше, для капиталистического общества характерно поражающее воображение экономическое неравенство. Если каждый действует в соответствии со своими личными интересами, неизбежно возникает ситуация, при которой у одних больше власти для достижения таких целей, чем у других. Именно эта элита и доминирует в экономической и политической жизни страны.

В отличие от капиталистической системы социалистическая претендует на то, чтобы называться демократической, поскольку ее экономика удовлетворяет базовые потребности всех граждан в жилище, образовании, работе и медицинском обслуживании. Например, Куба, хотя она гораздо беднее США, обеспечивает основной медицинской помощью всех своих граждан независимо от их материального положения.

Однако критики социализма считают чрезмерное государственное регулирование общественной жизни в этих странах притеснением. Так, социалистические правительства Кубы и Китая не позволяют своим гражданам свободно перемещаться внутри границ и за их пределами и не терпят никакой организованной политической оппозиции.

Карта мира 16.1. Политические свободы в глобальном масштабе. Источник: Freedom House, 2001

ГЛОБАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

«Мягкий авторитаризм» или спланированное процветание? Сообщение из Сингапура

Сингапур, крошечное государство с населением 4 млн человек, расположенное на островах у южной оконечности полуострова Маллака, многим кажется азиатским раем. Окруженный бедными странами, неспособными справиться ни со стремительным увеличением народонаселения, ни с разрастанием грязных, перенаселенных городов, ни с ростом преступности, Сингапур — богатый, чистый, безопасный — кажется жителям Северной Америки не столько страной, сколько каким-то оазисом.

И действительно, с момента получения независимости от Малайзии в 1965 г., он не перестает удивлять мир темпами своего экономического развития; сейчас Сингапур принадлежит к числу наиболее процветающих государств с высоким уровнем доходов. Однако если сравнить этот город-государство, скажем, с Соединенными Штатами, то окажется, что в нем практически нет таких социальных проблем, как преступность, наличие беднейших кварталов, безработица или детская нищета. Сингапурцам неведомы ни пробки на дорогах, ни граффити на вагонах метро, ни мусор на улицах.

Ключ к порядку, царящему там, — постоянное вмешательство правительства во все сферы жизни; государство активно поддерживает традиционные нравственные ценности и регулирует практически все. Государству принадлежит большая часть жилого фонда, а также акции многих компаний. Оно предоставляет налоговые льготы гражданам, стимулирующие планирование семьи и получение хорошего образования. Чтобы держать под контролем ситуацию на дорогах страны, правительство резко повысило цены на автомобили, и теперь базовая модель седана стоит \$40 тыс.

Уголовное законодательство Сингапура весьма сурово: наркоторговля карается смертной казнью через повешение, а полиция имеет право арестовывать подозреваемых в преступлениях без санкции суда. Государство изгнало из страны некоторые религиозные секты (в том числе и свидетелей Иеговы) и запретило порнографию. Чтобы в городе было чисто, оно наложило запрет на курение в общественных местах и на употребление пищи в метро, ввело весьма значительные штрафы за загрязнение улиц и даже объявило вне закона жевательную резинку.

Что касается экономики Сингапура, то она не подходит ни под одно традиционное определение. Контроль государства над многими сферами деловой активности, включая телевизионный бизнес, телефонные компании, авиалинии и такси, делает экономику Сингапура похожей на социалистическую. Однако в отличие от большинства социалистических предприятий эти сферы бизнеса работают весьма эффективно и приносят большую прибыль. Более того, капиталистическая культура Сингапура приветствует экономический рост (хотя правительство и предостерегает граждан от такого зла, как излишний материализм), здесь расположены сотни транснациональных корпораций.

Политический климат Сингапура столь же необычен, как и его экономика. *Freedom House* считает Сингапур государством с ограниченными свободами. Закон предусматривает выборность политиков, однако доминирует одна партия — партия народного действия, которой в настоящее время принадлежит 81 из 83 мест в парламенте страны. С тех пор, как более 35 лет тому назад Сингапур обрел независимость, она правит страной, не имея оппозиции. Важно и то, что жители значительно острее, чем, например, американцы, ощущают на себе воздействие государства.

Ясно, что Сингапур не является демократией в общепринятом смысле этого слова. Однако большинство граждан этого процветающего государства безоговорочно одобряют свой

образ жизни. То, что предлагает политическая система Сингапура, — не более чем незамысловатая сделка: правительство требует от народа безусловной лояльности в обмен на процветание и безопасность. Критики такой системы обвиняют ее в том, что она эквивалентна «мягкому авторитаризму», насаждающему единомыслие и контролирующему жизнь людей. Однако большинство граждан Сингапура знают о том, какая борьба за существование идет в других странах, и — по крайней мере пока — считают подобную сделку выгодной.

Источник: Branegan, 1991; Freedom House, 1999.

Эти диаметрально противоположные подходы к демократии и свободе поднимают один важный вопрос: совместимы ли экономическое равенство и политическая свобода? Во имя первого социализм ограничивает выбор человека. Капитализм же гарантирует практически неограниченные политические свободы, но на практике они мало что значат для неимущих. Стоит посмотреть на карту мира 10.1, как сразу выяснится, насколько распространено в мире экономическое неравенство. Карта мира 16.1 дает представление о том, широко ли представлены в мире политические свободы¹.

Согласно данным *Freedom House*, организации со штаб-квартирой в Нью-Йорке, отслеживающей политические тенденции в мире, к 2001 г. 86 из 192 независимых государств мира, в которых проживал 41% всего населения планеты, были «свободными» и в них весьма уважались базовые гражданские свободы. Эти данные свидетельствуют о большом успехе демократии: 10 годами ранее свободными было признано лишь 61 государство (*Freedom House*, 2001).

Авторитаризм

Граждане некоторых стран лишены возможности политической жизни. Авторитаризм — *такая политическая система, которая исключает участие народа в управлении государством*. Авторитарное руководство равнодушно к нуждам народа, в таком государстве нет легальных механизмов отстранения лидеров от власти, и оно в значительной степени или полностью лишает граждан возможности высказать свое мнение. Польский социолог Влодзимеж Весоловски (*Wlodzimierz Wesolowski*) писал: «Философия авторитаризма — это защита превосходства государства [над всеми другими] формами организованной социальной активности» (*Wesolowski*, 1990; p. 435).

Абсолютные монархии Саудовской Аравии и Кувейта — абсолютно авторитарные, как и военные режимы в Конго и в Эфиопии, где многие не удовлетворены политикой правителей. Однако деспотическая власть не всегда вызывает протест народных масс. Ниже рассказывается о том, как «мягкий авторитаризм» процветает в Сингапуре — небольшом азиатском государстве («Мягкий авторитаризм» или спланированное процветание?»).

¹ В 2001 г. 86 государств мира, где проживал 41% всего населения планеты, были политически «свободными», т. е. их граждане обладали широкими политическими правами и гражданскими свободами. Еще 58 государств (в них проживало 24% людей) имели ограниченные свободы. Правительства этих стран устанавливали строгие рамки для личной инициативы граждан. Между 1980 и 2000 гг. демократия добилась внушительной победы в Латинской Америке и в Восточной Европе. В Азии Индия, население которой составляет 1 млрд человек, вернулась в число «свободных» государств в 1999 г. В 2000 г. таковым же была впервые признана Мексика.

Тоталитаризм

22 октября, Вьетнам, пригород Сайгона. Для шестерых американских студентов программа обучения за границей свернута, потому что они беседовали с вьетнамскими студентами и принесли в университет фотографии. Вьетнамский министр образования сегодня вечером приказал им покинуть страну, утверждая, что общение американских студентов с вьетнамскими угрожают безопасности Вьетнама.

Политической системой, в наибольшей степени контролирующей народ, является **тоталитаризм** (*абсолютно централизованная политическая система, регулирующая в значительной степени жизнь людей*). Тоталитарные государства возникли только в XX в. вместе с появлением технологий жесткого регулирования жизни людей. Правительство Вьетнама пристально следит за действиями своих граждан и приезжающих в страну. Аналогичным образом действует и правительство Северной Кореи, использующее средства наблюдения и сложнейшие компьютеры для сбора и хранения большого количества информации о своих гражданах и контролирующее их. И хотя некоторые тоталитарные правительства утверждают, что являются проводниками воли народа, большинство из них стремится подчинить его своей воле. Как следует из самого термина «тоталитаризм»¹, они концентрируют в своих руках *всю* власть, что совершенно исключает возможность существования какой-либо организованной оппозиции. Лишая народ права объединяться для достижения политических целей и контролируя доступ к средствам массовой информации, тоталитарные режимы процветают в обстановке социальной разобщенности и страха. Например, простые граждане бывшего Советского Союза не могли приобрести для личного пользования не только телефонные справочники, копировальную технику или факсы, но и точные карты городов.

Жизнь в тоталитарных обществах исключительно политизирована и требует не простого подчинения системе, но и личной преданности ей. В Северной Корее — одном из самых тоталитарных государств мира — портреты лидеров и политические лозунги, раздающиеся из громкоговорителей, напоминают гражданам, что государство требует от них безоговорочного подчинения. Контролируемые государством школы и средства массовой информации представляют только официальные версии событий.

Когда в тоталитарных государствах появляется оппозиция, идеологическая обработка граждан становится особенно интенсивной. Например, в Китайской Народной Республике после студенческих волнений 1989 г. власти требовали информировать обо всех «непатриотично» настроенных людях, даже если это члены семей, и обязали всех студентов пекинских вузов «освежить» свои политические знания, пройдя специальные курсы (Arendt, 1958; Kornhauser, 1959; Friedrich & Brzezinski, 1965; Nisbet, 1966; Goldfarb, 1989).

Политический спектр тоталитарных правительств весьма широк — от фашизма (включая нацистскую Германию) до коммунизма (включая Северную Корею).

¹ От лат. *totalis* — «весь», «полный», «целый». — *Примеч. перев.*

В одних государствах средства производства являются частной собственностью (так было, например, в нацистской Германии, а в более позднее время — в Чили); в других — принадлежат государству (примерами являются Куба, Северная Корея и бывший Советский Союз). Однако во всех случаях полностью контролировать общество стремится одна партия, не допускающая никакой оппозиции.

Глобальная политическая система?

В главе 15 («Экономка и работа») описано становление мировой экономики, благодаря чему все больше компаний функционирует в разных странах. Можно ли говорить о том, что параллельно развивается глобальная политическая система?

С одной стороны, напрашивается отрицательный ответ: хотя современная деловая активность предполагает включенность более чем одной страны, наша планета, как и прежде, поделена на национальные государства. ООН, основанная в 1945 г., можно воспринимать своеобразным шагом на пути к созданию мирового правительства, но пока она не играла заметной политической роли.

С другой стороны, политика становится глобальным процессом. По мнению некоторых аналитиков, транснациональные корпорации представляют новый политический порядок, поскольку обладают колоссальным влиянием на социальную жизнь во всем мире. Иными словами, по мере того как корпорации «перерастают» правительства, политика растворяется в бизнесе.

Информационная революция придала международный статус даже внутринациональной политической жизни. Электронная почта, Интернет, сотовые телефоны, спутниковые передающие системы и факсы — все это означает, что страны больше не могут оставаться «незаметными» в решении своих внутренних вопросов.

И наконец, в настоящее время действуют несколько тысяч неправительственных организаций, членами большинства из которых являются граждане всех стран мира, а объектом внимания — мировая политика. В основном эти организации занимаются такими принципиальными проблемами, с которыми сталкиваются все государства, как права человека (*Amnesty International* — «Международная амнистия») или защита окружающей среды (*Greenpeace* — «Гринпис»). В XXI в. неправительственные организации, скорее всего, будут играть ключевую роль в формировании мировой политической культуры (Boli & Thomas, 1997).

Подводя итоги, можно сказать, что подобно тому, как отдельные государства теряют контроль над своей собственной экономикой, правительства утрачивают способность полностью контролировать политические события, происходящие в границах государства.

Политика в США

После победы США в войне с Великобританией и завоевания независимости на смену британской монархии пришла демократическая политическая система. С тех пор политическое развитие США отражало уникальную историю страны, ее капиталистическую экономику и культурное наследие.

Американская культура и становление государства всеобщего благосостояния

Сущность политической культуры США может быть выражена одним словом — индивидуализм. Истоки этого феномена лежат в «Билле о правах», гарантирующем человеку свободу от чрезмерного вмешательства государства в его жизнь¹. Именно этот индивидуализм имел в виду живший в XIX в. эссеист Ралф Уолдо Эмерсон, когда писал: «Чем меньше правительство правит, тем оно лучше».

Однако сегодня лишь немногие американцы согласились бы с подобным утверждением, ибо большинство осознали, что для поддержания порядка, обороноспособности страны, функционирования системы автомобильных дорог, школ и правоохранительных органов государство необходимо. Более того, оно стало сложнее, превратившись в **государство всеобщего благосостояния** (с системой правительственных учреждений и программ, обеспечивающих населению те или иные выгоды). Государство предоставляет льготы своим еще не родившимся гражданам (через специальные программы питания для беременных женщин) и опекает их до глубокой старости (через систему социальной защиты и страхование здоровья престарелых). Некоторые программы особенно важны для бедных, которых не очень хорошо «обслуживает» капиталистическая экономика, но студенты, фермеры, домовладельцы, представители малого бизнеса, ветераны, артисты и музыканты и даже управленцы из гигантских корпораций также получают субсидии и финансовую поддержку. Действительно, сегодня большинство взрослых американцев рассчитывают на государство как на источник хотя бы части своего дохода (Caplow et al., 1982; Devine, 1985; Bartlett & Steele, 1998).

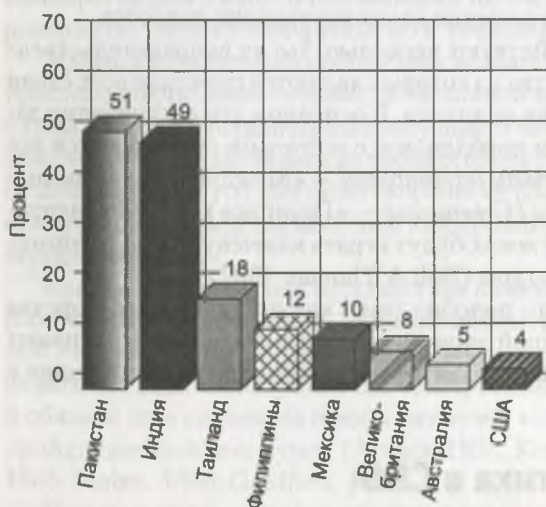

Рис. 16.1. Расходы на содержание государственного аппарата (процент от ВВП, 1999 г.). Источник: U.S. Census Bureau, 2000

¹ «Билль о правах» — первые 10 поправок к Конституции США 1787 г.; принят в 1789 г., вступил в силу в 1791 г. Он провозглашает свободу слова, печати, собраний, религиозного исповедания, отделение церкви от государства, неприкосновенность личности и т. д. — *Примеч. перев.*

Современное государство всеобщего благосостояния — это результат постепенного увеличения численности правительственных учреждений и расширения сферы их деятельности. В 1789 г., когда в большинстве населенных пунктов федеральное правительство было представлено лишь государственным флагом, общий федеральный бюджет составлял \$4,5 млн (\$1,5 на душу населения). С тех пор он постоянно возрастал и в 2000 г. достиг \$1,8 трлн (\$6500 на душу населения).

Когда США только образовались, на 1800 граждан приходился лишь один государственный служащий. Сегодня эта пропорция 11 : 1, а всего на государственной службе занято 25 млн человек, т. е. больше, чем в обрабатывающей промышленности (U. S. Census Bureau, 2000).

Несмотря на весьма значительный рост государственного аппарата, в США он, однако, меньше, нежели в других странах с высоким уровнем доходов. Данные, представленные на рис. 16.1, свидетельствуют о том, что в большинстве европейских стран — в первую очередь Дании и Швеции — он значительно больше.

Политический спектр

Кто поддерживает государство всеобщего благосостояния? Кто стремится к тому, чтобы государственный аппарат рос и дальше? Кто хочет его сокращения? Подобные вопросы выявляют установки, совокупность которых образует *политический спектр*. Сведения, указанные в табл. 16.1, дают представление о том, как взрослые американцы характеризуют свои политические взгляды. 25% респондентов — либералы, т. е. они оказались в «левой» части спектра, более 30% — в известной мере консерваторы, они занимают, таким образом, «правую» его часть. Остальные 37% респондентов, претендующих на «умеренную» позицию, образуют политический «центр» (NORC, 2001; p. 96).

Таблица 16.1

Политический спектр: Общенациональный опрос общественного мнения, 2000

Вопрос, на который отвечали респонденты. В наши дни много говорят о либералах и консерваторах. Сейчас я покажу вам 7-балльную шкалу, отражающую весь спектр политических взглядов — от крайне либеральных (позиция 1) до крайне консервативных (позиция 7). Какой позиции по этой шкале соответствуют ваши политические взгляды?

- 1 — крайне либеральные, 3,8%
- 2 — либеральные, 10,9%
- 3 — умеренно либеральные, 10,1%
- 4 — центристы, 37,4%
- 5 — умеренно консервативные, 13,8%
- 6 — консервативные, 14,6%
- 7 — крайне консервативные, 3,2%
- не смогли или не захотели ответить, 6,1%*

Источник: General Social Surveys, 1972–2000: Cumulate Codebook (Chicago: National Opinion Research Center, 2001); p. 96.

Тот факт, что большое число респондентов признают свои политические убеждения «умеренными», объясняется сочетанием у многих консерватизма с либерализмом (Вагоне & Уффуса, 1981; McVroom & Reed, 1990). Чтобы понять политические установки людей, аналитики рассматривают две составляющие: *экономическую* (экономическое неравенство и возможности, доступные всем категориям граждан) и *социальную* (моральная забота о том, как должны жить люди).

Экономическая составляющая. Ко второй половине XIX в. благодаря индустриализации в США были накоплены огромные богатства, но большая их часть осела у элиты — немногочисленного круга лиц. К 1929 г., когда началась Великая депрессия, было уже ясно, что рыночная система с незначительным государственным регулированием не гарантирует большей части населения финансовой безопасности. Реагируя на сложившуюся в стране ситуацию, президент Франклин Рузвельт провозгласил «новый курс» — программу действий, предполагавшую интенсификацию усилий правительства, направленных на повышение уровня жизни народа, и создавшую основу нынешнего государства всеобщего благосостояния.

Теперь и демократическая, и республиканская партии (две крупнейшие политические организации США) поддерживают базовые принципы такого государства, хотя у них и есть разногласия по поводу того, что нужно, а чего не следует делать правительству. Демократическая партия поддерживает роль государства, в том числе и в регулировании экономики. Республиканская же стремится к сокращению государственного аппарата и сужению сферы его деятельности, особенно в экономической сфере.

Таким образом, либералы (находящиеся преимущественно «по демократическую сторону баррикад») ждут от правительства поддержания здоровой экономики и адекватного уровня занятости. Консерваторы (преимущественно члены и сторонники республиканской партии) полагают, что государственное вмешательство тормозит развитие экономики.

Социальная составляющая. Социальная составляющая — это различные моральные проблемы, в том числе отношение к абортам и к смертной казни, к правам гомосексуалистов и национальных меньшинств. Либералы терпимы к социальной неоднородности. Они сторонники равных прав и возможностей для всех категорий граждан, считают аборт личным делом и возражают против смертной казни, поскольку, по их мнению, как средство борьбы с преступностью она малоэффективна и несправедливо применялась в отношении представителей меньшинств.

На другом полюсе политического спектра — консерваторы, защищающие «семейные ценности». Они поддерживают традиционные гендерные роли и возражают против официального признания однополых браков. Выступают против аффирмативных действий¹ и других «специальных программ» для меньшинств, которые, по их мнению, не столько вознаграждают человека за личную инициативу, сколько за его принадлежность к определенной группе. Консерваторы ратуют за запрет аборт и считают смертную казнь адекватной реакцией на тяжкое преступление.

¹ Политической программы, направленной на ликвидацию расовой дискриминации. — *Примеч. перев.*

В целом, республиканская партия придерживается консервативных как экономических, так и социальных взглядов, а демократическая занимает более либеральную позицию. Практически это означает, что республиканцы защищают традиционные ценности и личную инициативу, а демократы считают, что государство должно играть активную роль в улучшении условий жизни всех членов общества и в ослаблении неравенства. Тем не менее в обеих партиях есть свое консервативное и либеральное крыло, так что разница между либеральным республиканцем и консервативным демократом невелика. Более того, и республиканцы, и демократы высказываются в поддержку большого государственного аппарата — в той мере, в какой это благоприятствует достижению их конкретных целей. Например, президенты Рональд Рейган и Джордж Буш-младший (консервативные республиканцы) — сторонники усиления военной мощи США, а президент Билл Клинтон (более либеральный демократ) стремился усилить роль государства в «системе социальной защиты» и, в частности, распространил государственную медицинскую помощь на все население.

Неоднозначная позиция. Однозначно охарактеризовать политические пристрастия конкретного человека трудно, потому что большинство людей придерживаются разных взглядов на экономику и социальную сферу. Состоятельные американцы склонны проявлять консерватизм в том, что касается экономики (у них есть, что защищать), но придерживаются либеральных взглядов на социальные аспекты жизни общества (поскольку они более образованы). Представители же рабочего класса, напротив, склонны к экономическому либерализму и к социальному консерватизму (Nunn, Crockett & Williams, 1978; Erikson, Luttbeg & Tedin, 1980; McBroom & Reed, 1990). Афроамериканцы — как богатые, так и бедные — придерживаются либеральных взглядов (и в первую очередь — в экономической сфере) и 50 лет на президентских выборах голосуют за кандидата от демократической партии (на выборах 2000 г. более 90% афроамериканцев проголосовали за Альберта Гора). Исторически сложилось так, что выходцы из стран Азии и Латинской Америки и евреи также поддерживают демократов.

Политические предпочтения американцев. Поскольку многие американцы имеют сложные политические установки (придерживаются либеральных взглядов на одни проблемы и консервативных на другие), говорить о четких политических предпочтениях американцев не приходится. Этим США отличаются от европейских стран, где большинство граждан демонстрируют безоговорочную приверженность одной из политических партий. В табл. 16.2 показаны результаты недавно проведенного общенационального опроса взрослых американцев об их политических предпочтениях (NORC, 2001).

Около 44% респондентов считают себя демократами (в той или иной мере), примерно 34% — республиканцами; 20% претендуют на статус независимых и не отдают предпочтения ни одной из двух партий. Хотя подавляющее большинство опрошенных заявило о своем предпочтении какой-либо партии, такая приверженность весьма относительна. Так, в 1994 г. республиканцы выиграли выборы в конгресс, а демократы добились успеха в президентской кампании 1996 г. и на выборах в конгресс в 1996, 1998 и в 2000 гг.

Политические предпочтения американцев, 2000 г.

Партийная принадлежность	Процент респондентов
Демократ	44,2
Ярый сторонник демократической партии	14,7
Не очень последовательный демократ	18,0
Независимый, близок к демократической партии	11,5
Республиканец	33,6
Ярый сторонник республиканской партии	9,3
Не очень последовательный республиканец	14,2
Независимый, близок к республиканцам	10,1
Независимый	20,1
Сторонник другой партии, ответ не получен	2,1

Источник: General Social Survey, 1972–2000: Cumulative Codebook (Chicago: National Opinion Research Center, 2001); p. 88.

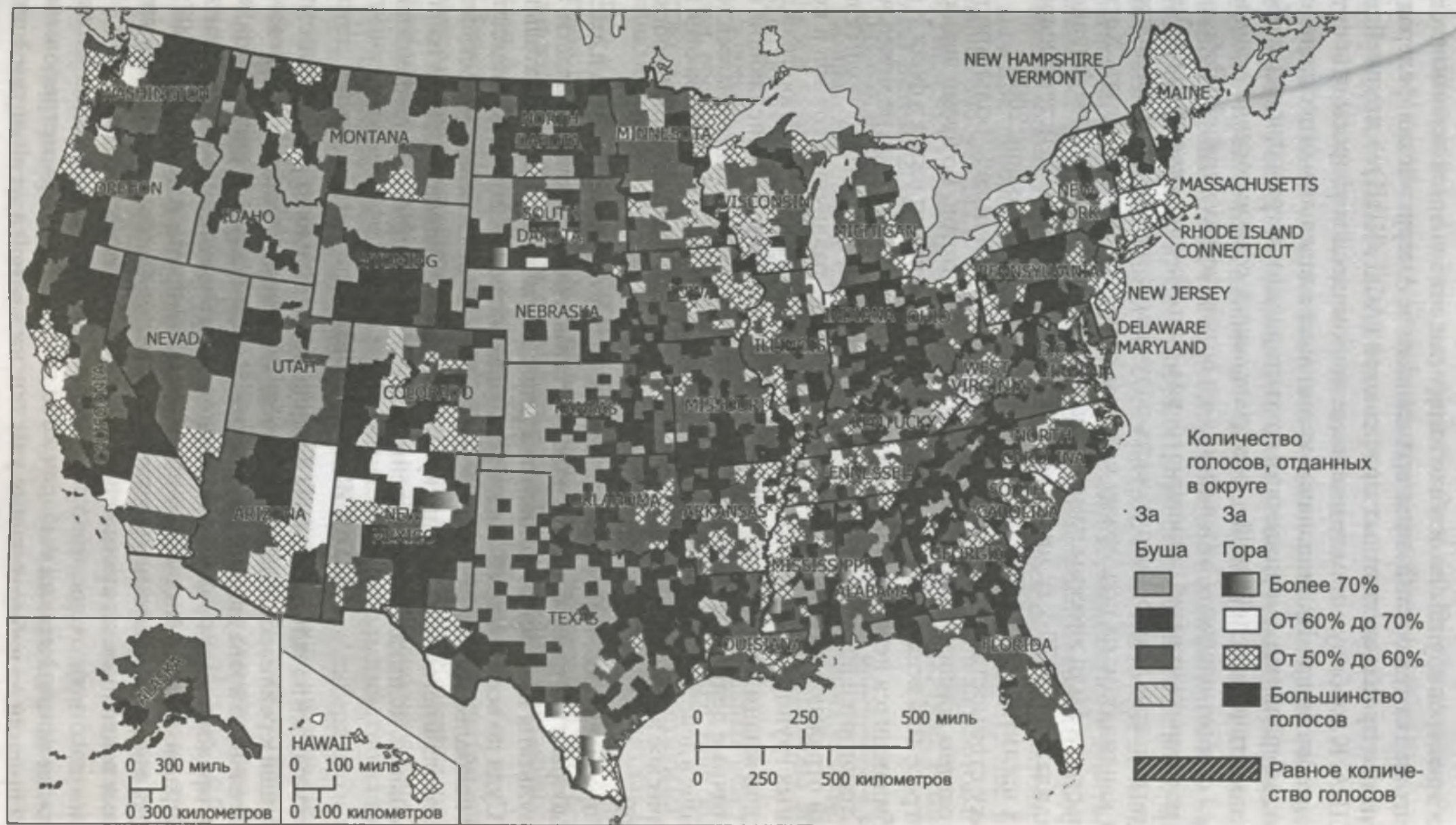
Политические пристрастия городских и сельских жителей различаются. Первые голосуют, как правило, за демократов, вторые — за республиканцев. Карта США 16.1 показывает распределение голосов жителей всех округов на президентских выборах 2000 г.¹

Группы по особым интересам

Конечно же, всем известно о перестрелках, которые недавно произошли в ряде государственных школ США; реакцией на эти события стало движение сторонников контроля над оружием. Национальная ассоциация владельцев нарезного оружия, представляющая несколько миллионов заядлых охотников и миллионы консервативно настроенных людей, начала активно противодействовать его деятельности.

«Оружейное лобби», которому до сих пор удавалось не допускать никаких перемен в этой области, — типичный пример **группы по особым интересам** (*политического альянса людей, заинтересованных в каком-то экономическом или социальном вопросе*). В таких странах, как США, где политические партии сравнительно слабы, подобные группы — ассоциации пожилых людей, водителей туристических автобусов, женские организации, ассоциации фермеров, производителей фейерверков, экологов и бесчисленное количество представителей других специальностей и профессий — процветают. Их адвокатами в политических кругах становятся *лоббисты* (в Вашингтоне их насчитывается более 75 тыс.).

¹ Разрыв между кандидатами на выборах 2000 г. был наименьшим за более чем вековую историю президентских выборов. Около 80% округов проголосовали за Джорджа Буша-младшего, но регионы с высокой плотностью населения — в особенности расположенные вдоль обоих побережий — безоговорочно поддержали Альберта Гора. Чем, по вашему мнению, отличаются друг от друга в социальном плане регионы, проголосовавшие за демократа и республиканца? Почему сельские регионы преимущественно поддерживают республиканцев, а города склонны отдать голоса демократам?

Карта США 16.1. Президентские выборы 2000 г.: распределение голосов между Бушем и Гором по округам.

Источник: Red Zone vs. Blue Zone, *Newsweek*, January 22, 2001

Одним из примеров группы по особым интересам, озабоченной экономическими вопросами, являются организация под названием Американская федерация труда и Конгресс производственных профсоюзов (АФТ/КПП) — крупнейший профсоюз США. К лоббирующим те или иные экономические вопросы относятся не только консервативная Национальная ассоциация владельцев огнестрельного оружия, но и либеральный Американский союз сторонников гражданских свобод.

Комитет политических действий — это организация, сформированная группой, преследующей особые интересы, независимая от политических партий и добывающая своих политических целей с помощью сбора и расходования денежных средств. Такие комитеты направляют основную часть получаемых ими финансов непосредственно тем кандидатам, на поддержку которых они могут рассчитывать. Хотя в законодательство и были внесены изменения, ограничивающие прямое финансирование кандидатов, с 1970-х гг. число комитетов политических действий выросло; сейчас их насчитывается 4400 (U.S. Federal Election Commission, 2000).

Поскольку стоимость избирательных кампаний увеличилась, большинство кандидатов охотно принимает помощь от подобных комитетов. Во время выборов 1998 г. в конгресс 40% всех финансов были получены именно от них, а в фонд $\frac{2}{3}$ сенаторов, добивавшихся переизбрания, поступило от этих комитетов не менее, чем по \$1 млн. Сторонники подобной практики утверждают, что комитеты политических действий отражают интересы многих бизнесменов, различных союзов и профессиональных групп, а потому способствуют более активному участию граждан в политической жизни. Критики же считают, что организации, перечисляющие политикам наличные деньги, делают это, рассчитывая на последующее благосклонное отношение; в действительности же подобные комитеты попросту стараются купить политическое влияние (Allen & Broyles, 1991; Cook, 1993; Center for Responsive Politics, 1998).

В 2000 г. президентские выборы обошлись в \$3 млрд; еще \$3 млрд было израсходовано на выборы в конгресс, в органы власти штатов и местные органы власти. Зависят ли результаты выборов от количества денег, истраченных на избирательную кампанию? Судя по всему, деньги имеют решающее значение, ибо 90% кандидатов, обладавших наиболее богатыми фондами, добились успеха. Обеспокоенность властью денег вызвала многочисленные дискуссии о реформе финансирования избирательных кампаний, но никаких существенных изменений до сих пор не произошло.

Апатия избирателей

Как уже отмечалось в начале этой главы, беспокойство вызывает равнодушие многих американцев к реализации их права голоса. Тенденция к установлению всеобщего избирательного права давняя: 15-я поправка к Конституции, ратифицированная в 1870 г., предоставила право голоса чернокожим мужчинам; в 1920 г. благодаря 19-ой поправке аналогичное право приобрели женщины, и, наконец, в 1971 г. 26-я поправка понизила возраст голосующих до 18 лет. Однако наметилась и противоположная тенденция: на протяжении XX в. систематически уменьшается количество имеющих право голоса граждан, *реально принимающих участие в голосовании*. Во время президентских выборов 2000 г. менее 50% зарегистрированных избирателей пришли на избирательные участки; ни в одной другой стране с высо-

ким уровнем доходов нет столь низких показателей. Все было именно так, несмотря на то что судьбу президентской гонки решила Флорида (там было отдано Джорджу Бушу необходимое для победы количество голосов) 537 голосами (плюс-минус 1–2 голоса) при 2,5 млн проголосовавших.

Кто же склонен участвовать в голосовании и кто, как правило, отказывается от этого права? Гендерные различия в этом роли не играют: мужчины и женщины ведут себя практически одинаково. Белые американцы более активны в реализации своего права голоса, чем афроамериканцы, а наиболее пассивны латиноамериканцы (число первых, вторых и третьих, принявших участие в выборах 2000 г., соответственно равно 64, 58 и 30% от общего количества людей данной категории, зарегистрированных в качестве избирателей). Те, кому есть что терять, — домовладельцы, родители, воспитывающие детей, высокообразованные профессионалы, имеющие хорошую работу, — более дисциплинированные избиратели. Также имеет значение и уровень дохода: среди зарабатывающих более \$75 тыс. в год в 2 раза больше голосующих (76%), чем среди имеющих годовой заработок от \$5 тыс. до \$10 тыс. (38%) (Lewis, McCracken & Hunt, 1994; DeLuca, 1998; Fetto, 1999; U. S. Census Bureau, 2000).

Однако, возможно, самым существенным фактором оказывается возраст: среди избирателей старше 65 лет в 3 раза больше принимающих участие в голосовании, чем среди избирателей от 18 до 24 лет. В 2000 г. лишь около 50% молодых людей потрудились зарегистрироваться.

Разумеется, нельзя ждать 100 %-ной явки на избирательные участки — кто-то болен, временно нетранспортабелен или находится в отъезде. Еще большее количество людей за то время, что прошло между выборами, переехали на новое место и забыли зарегистрироваться. Регистрация и голосование зависят также от умения читать и писать, а это отталкивает от участия в выборах десятки миллионов малограмотных американцев. И еще один аспект. Среди инвалидов с ограниченной подвижностью явка на избирательные участки ниже, чем у остального населения (Schug & Kruse, 2000).

Вместе с тем надо признать, что проблема политической апатии — широко распространенная проблема, касающаяся всего населения. Консерваторы полагают, что подобное безразличие совершенно не страшно, поскольку оно отражает политическую *индифферентность*. Иными словами, большинство из тех, кто не голосует, вполне удовлетворены своей жизнью. Однако либералы (и прежде всего — радикально настроенные политики) считают такую апатию симптомом серьезной проблемы: большинство не голосующих людей *отвернулись* от политики. Они неудовлетворены происходящим в обществе, но сомневаются в реальности того, что выборы приведут к существенным переменам. На рис. 16.2 представлены данные, подтверждающие связь между доходами людей и их участием (или неучастием) в голосовании; не вдаваясь в детали, можно сказать, что большинство обеспеченных людей голосуют, а большинство необеспеченных — нет. Тот факт, что как раз не добивающиеся успеха люди менее других стремятся реализовать свое право голоса, свидетельствует в пользу «либерального» объяснения низкой активности электората.

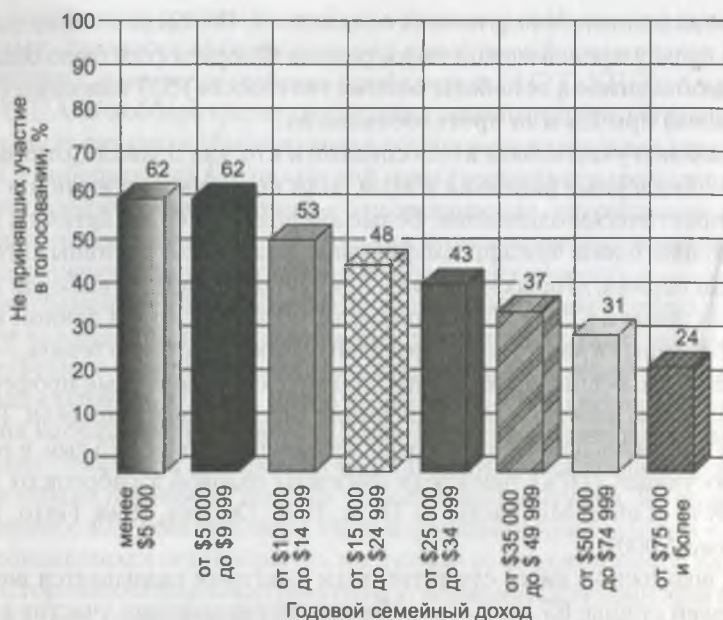

Рис. 16.2. Политическая апатия, связанная с уровнем доходов. *Источник:* U.S. Census Bureau, 1998
 Процент взрослых, сообщивших о своем неучастии в президентских выборах 1996 г., представлен как функция от их ежегодного семейного дохода

Существуют ли какие-нибудь простые меры, способные изменить ситуацию на избирательных участках? Сегодня многие штаты требуют от своих граждан зарегистрироваться задолго до дня голосования. Результаты исследований позволяют предположить, что, если разрешить регистрацию включительно по день выборов, можно увеличить явку избирателей примерно на 7% (Brains & Grofman, 2001).

Теоретический анализ власти в обществе

Социологи давно обсуждают проблему распределения властных полномочий в американском обществе. Власть — один из наиболее трудных для научного изучения феноменов, поскольку процесс принятия решений сложен и протекает за закрытыми дверями. Более того, любую теорию власти трудно отделить от политических пристрастий и личных ценностей ее автора. Тем не менее известны три различные модели власти.

Плюралистская модель: правит народ

Плюралистская модель — такой анализ политики, когда власть видится распределенной между многими группами, имеющими различающиеся интересы. Этот подход тесно связан со структурно-функциональной парадигмой.

Основной тезис плюралистов заключается в том, что политика — это арена для переговоров. Имея ограниченные ресурсы, ни одна организация не может рассчитывать на достижение всех своих целей. Следовательно, организации выступают

в качестве *групп, накладывающих вето*: они добиваются некоторых успехов, но преимущественно препятствуют своим оппонентам достичь ими намеченного. Политический процесс в большой степени зависит от альянсов и от компромисса между бесчисленными группами, преследующими свои интересы, которые широко поддерживают политические движения. Другими словами, плюралисты считают, что власть распределена в обществе таким образом, что каждый человек обладает хотя бы незначительным весом в политической системе (Dahl, 1961, 1982; Rothman & Black, 1998).

Модель властной элиты: правит немногочисленная группа

Модель властной элиты — *анализ политики, согласно которому власть видится сосредоточенной в руках богатых*. Этот подход тесно связан с парадигмой социального конфликта.

Термин *властная элита* введен в научный оборот американским социологом и публицистом Чарльзом Райтом Миллсом (Mills, 1956), утверждавшим, что политическая система США контролируется небольшой группой людей. По мнению автора, властная элита возглавляет каждый из трех основных секторов американского общества — экономику, правительство и армию. Это «супербогатые люди» (управляющие и держатели крупных пакетов акций ведущих корпораций), высшие государственные чиновники (наиболее влиятельные фигуры Вашингтона и столиц штатов) и командные чины американской армии (руководители Пентагона).

Более того, как полагал Миллс, эти элиты переходят из одного сектора в другой, в результате чего их власть консолидируется. Например, Александр Хэйг занимал руководящий пост в корпорации, входил в состав правительства Рональда Рейгана (в 1988 г. он баллотировался на пост президента) и был генералом армии. И Хэйг вовсе не исключение; большинство политических лидеров государственного масштаба приходят в правительство с весьма влиятельных и высокооплачиваемых должностей. Когда после победы на выборах Джордж Буш-младший сформировал администрацию, оказалось, что все ее члены, кроме одного, — миллионеры и большинство из них впоследствии вернется в мир бизнеса.

Сторонники модели властной элиты подвергают сомнению тезис о том, что политическая система США демократична. По их мнению, концентрация богатства и власти столь велика, что голос простого человека просто не может быть услышан. Они отвергают идею плюралистов, что разные центры власти играют друг для друга роль «сдерживающих сил и противовесов». Напротив, люди, в чьих руках сконцентрирована власть, не допускают появления реальной оппозиции (Bartlett & Steele, 2000).

Марксистская модель: политика определяется экономической системой

Третий подход к толкованию американской политической системы — **марксистская политико-экономическая модель**, которая объясняет политику в терминах функционирования экономической системы общества. Подобно сторонникам модели властной элиты, приверженцы марксистской отвергают мысль, что политическая система в США демократическая. Однако если первые обращают основное

внимание на несоответствие между богатством некоторых людей и той ролью, которую они играют в политике, то вторые подчеркивают, что подобное положение обусловлено институтами данного общества и особенно экономикой. Как отмечалось в главе 4 («Общество»), Карл Маркс утверждал, что экономическая система общества (капиталистическая или социалистическая) оказывает огромное влияние на функционирование политической системы. Следовательно, властная элита — это порождение самого капитализма.

Согласно такой точке зрения, любые попытки реформирования политической системы — например, ограничение количества денег, которые богатые люди могут вносить в избирательные фонды кандидатов от политических партий, — не могут привести к созданию истинной демократии. Проблема не в *людях*, обладающих большой властью, и не в тех *людях*, кто не принимает участия в голосовании; проблема — в самой *системе*, в том, что марксисты называют политической экономией капитализма. Иными словами, пока большая часть населения будет эксплуатироваться работодателями (т. е. пока США будут оставаться государством с преимущественно капиталистической экономикой), она окажется отстраненной от участия в политической жизни.

Критическая оценка. В табл. 16.3 обобщенно представлены три модели политической системы США. Какая из них верна? Результаты исследований, проводимых в течение ряда лет, свидетельствуют, что можно найти аргументы в пользу всех. В конце концов, то, как человек воспринимает политическую систему страны и как, по его мнению, она должна функционировать, в одинаковой мере является и научным фактом, и его личным делом, поскольку зависит от его политических ценностей.

Таблица 16.3

Три модели политической системы США: резюме

	Плюралистская модель	Модель властной элиты	Марксистская модель
Как распределяется власть в американском обществе?	Очень рассредоточена	Сконцентрирована	Сконцентрирована
Являются ли США демократическим государством?	Да, потому что все имеют право голоса и ни одна группа (или организация) не доминирует в обществе	Нет, потому что небольшая группа людей доминирует в экономической, политической и военной сферах	Нет, потому что в самой природе капитализма заложено стремление к концентрации богатства и власти
Как следует понимать апатию избирателей?	Апатия — это равнодушие. В конце концов, даже бедняки при желании могут сделать так, чтобы их голос был услышан	Апатию вполне можно понять, если вспомнить, как трудно простым людям противостоять тем, в чьих руках богатство и власть	Апатия — это отчужденность, порожденная системой, при которой большинство людей всегда будут несправными.

Результаты исследования, проведенного Нельсоном Полсби, свидетельствуют в пользу плюралистской модели (Polsby, 1959). Изучив политическую жизнь в городе Нью-Хейвен (штат Коннектикут), автор пришел к выводу, что ключевые решения по разным проблемам, включая реконструкцию городских районов, выдвижение политических кандидатов и работу школ, принимались разными группами. Он обнаружил также, что несколько семей, принадлежавших к высшему классу общества и входивших в местный *Social Register*, были одновременно и экономическими лидерами. Следовательно, заключил Полсби, ни один сегмент общества не правит всеми остальными.

Историю Нью-Хейвена изучал и Роберт Даль, который нашел, что с течением времени власть становилась все более и более рассредоточенной. Следовательно, результаты, полученные исследователем, тоже подтверждают справедливость плюралистской модели. Как писал сам автор, «ни об одном человеке и уж, конечно, ни об одной группе численностью в несколько человек нельзя сказать, что они полностью лишены власти» (Dahl, 1961, p. 228).

В пользу модели властной элиты говорят доводы, приведенные Робертом Линдом и Элен Линд, которые провели исследование в городе Манси (штат Индиана). Имея в виду его типичность, они назвали его *middle town*, т. е. «средним» (Lynd & Lynd, 1937). Ученые собрали информацию о состоянии, сосредоточенном в руках одной-единственной семьи Боллс, бизнес которой заключался в производстве стеклотары, и показали, как эта семья руководит жизнью города. Если у кого-нибудь возникают сомнения относительно того, насколько могущественны Боллсы, писали Линды, достаточно заглянуть в местный банк, в университет, в больницу или в универсальный магазин, чтобы сразу же увидеть эту фамилию. По мнению Линдов, в Манси — и это более или менее верно — властная элита сведена до членов одного семейства.

Изучая политическую жизнь Атланты (штат Джорджия), Флойд Хантер получил дополнительные данные в пользу модели властной элиты (Hunter, 1963; 1-е изд. — 1953). В отличие от Манси в Атланте не оказалось ни одной доминирующей семьи. Тем не менее Хантер выяснил, что все руководящие посты в сфере бизнеса занимали примерно 40 человек, которые и контролировали политическую жизнь города.

С точки зрения сторонников марксизма, суть проблемы не в том, чтобы определить, кто именно принимает политические решения на местном или даже на членов уровне. Гораздо важнее, что, как писал Александр Лайзос, «жизнь всех граждан капиталистического общества определяют его базовые принципы: неравенство социальных классов и приоритетность прибыли, но не людей» (Liazos, 1982; p. 13). Вывод, к которому пришел этот автор, таков: пока базовые институты общества организованы так, что они скорее удовлетворяют потребностям меньшинства, а не большинства, демократическое общество останется недостижимым.

В завершение следует коснуться закономерно возникающего вопроса: как же нужно преобразовать политическую систему США? Она предоставляет едва ли не каждому право участвовать в политическом процессе через реализацию право голоса. Это важно условие, которого лишено большинство людей в мире. Однако сторонники модели властной элиты и марксистской модели отмечают, что поли-

тическая система США менее демократична, чем думают множество людей. Большинство граждан имеют право голоса, но основные политические партии и их кандидаты, как правило, поддерживают лишь приемлемое для наиболее могущественных слоев общества и не вступают в противоречие с функционированием капиталистической экономики (Bachrach & Baratz, 1970).

Какими бы ни были причины недоверия, факт остается фактом: многие граждане США не слишком доверяют своим лидерам. Более 80% взрослых американцев в лучшем случае лишь «отчасти уверены» в том, что конгрессмены и другие государственные деятели будут поступать наилучшим для страны образом (NORC, 2001; p. 904, 1037).

Политическая борьба без правил

Политика всегда предполагает существование разногласий относительно целей общества и средств их достижения. Поэтому политические системы стремятся к тому, чтобы противоречия разрешались по определенным правилам. Однако иногда политическая активность выходит за границы принятой практики.

Революция

Политическая революция — это *свержение одной политической системы ради установления другой*. В отличие от реформы, которая предполагает изменения в рамках существующей системы, революция означает изменение *всей системы как таковой*. Даже смещение одного лидера новым, называемое государственным переворотом, «не дотягивает» до масштабов революции, поскольку такие изменения происходят только на самом верху. Реформа в отличие от революции редко перерастает в насилие. Революции в Восточной Европе, начавшиеся в 1989 г., были на удивление бескровными; исключением была Румыния, где жертвами насилия стали тысячи человек.

Ни одна политическая система не обладает иммунитетом против революции; нельзя также сказать, что в результате последней к власти неизбежно приходит правительство какого-либо одного типа. В США после войны, оказавшейся революционной, на смену власти британской монархии пришло демократическое правительство. Французские революционеры в 1789 г. тоже свергли монархию, но лишь для того, чтобы подготовить почву для ее возвращения в лице Наполеона. В 1917 г. русская революция привела к смене монархического правления социалистическим правительством, которое следовало идеям Карла Маркса. В 1992 г. Советский Союз перестал существовать, на его месте возникла Российская Федерация, вставшая на путь рыночной экономики и больших политических и гражданских свобод.

Несмотря на огромное разнообразие революций, им все же присущи и некоторые общие черты (Tocqueville, 1955, 1-е изд. — 1856; Davies, 1962; Brinton, 1965; Skocpol, 1979; Lewis, 1984; Tilly, 1986):

1. **Возрастающие ожидания.** Хотя здравый смысл и подсказывает, что революции более вероятны в том случае, когда интересы народа откровенно попираются, исторический опыт свидетельствует об обратном: большинство

революций произошли в то время, когда жизнь народа улучшалась. Революционный энтузиазм подпитывается не столько нестерпимым гнетом, сколько возрастающими ожиданиями.

2. **Бездействие правительства.** Революционные настроения крепнут, когда правительство не хочет или не может проводить реформы, особенно если такое требование исходит от мощных слоев общества.
3. **Лидерство радикально настроенных интеллектуалов.** Английский философ Томас Гоббс (1588–1679) отмечал, что интеллектуалы нередко оправдывают революции, а университеты становятся центрами, где подготавливается кардинальная перемена политической системы. В США в 1960-е гг. студенты были зачинщиками многих политических волнений. Они также сыграли решающую роль в движении, которое предшествовало демократическим переменам в Китае, и в восстаниях, произошедших в Восточной Европе.
4. **Установление новой легитимности.** Свергнуть одну политическую систему нелегко, но еще труднее закрепить достигнутый успех и сохранить завоевания революции на долгие годы. Некоторые революционные движения, основанные на ненависти к прежнему режиму, сходят на нет после прихода к власти новых лидеров. Революциям также следует опасаться контрреволюционных настроений, которые инспирируются свергнутыми руководителями. Именно поэтому победившие революции так быстро и безжалостно расправляются с ними.

Научный анализ не дает категорического ответа на вопрос, хороши или плохи революции. Все последствия подобного переворота зависят от взглядов того, кто их оценивает, и становятся очевидными только спустя много лет. Так, судьба бывшего Советского Союза остается неясной.

Терроризм

11 сентября 2001 г. террористы захватили четыре самолета, принадлежавших разным авиакомпаниям, и хотя один самолет потерпел аварию над лесом, три врезались в общественные здания, в которых в то время было множество людей. Эти террористические акты, в результате которых погибли почти 3500 и получили ранения многие тысячи ни в чем не повинных людей, полностью разрушили Всемирный торговый центр в Нью-Йорке и нанесли существенный урон зданию Пентагона в Вашингтоне. Со времен нападения на Перл-Харбор в разгар Второй мировой войны США не переживали ничего подобного. Случившееся — самый серьезный террористический акт из всех, которые когда-либо совершались; он привел к потерям, превосходящим нанесенные всеми прежними терактами.

Терроризм — это произвольные акты насилия или угрозы его применения со стороны какого-либо человека или группы, которые пользуются этим в качестве политической стратегии. Как и революция, терроризм — политический акт, нарушающий правила устоявшихся политических систем. По мнению Пола Джонсона, у него есть четыре отличительные особенности (Johnson, 1981).

Во-первых, хотя террористические акты осуждаются почти всеми государствами, террористы стремятся представить насилие как легитимную политическую

Многие аналитики считают, что после событий 11 сентября 2001 г. наш образ жизни изменился. Почему? Террористы приобретают власть над людьми, вселяя в них страх, страх перед тем, что в действительности может произойти нечто такое, что и вообразить-то невозможно. Это значит, чтобы жить дальше, нужно раз и навсегда поверить в свою фундаментальную безопасность. Как изменилась ваша собственная жизнь после того рокового дня?

тактику. Кроме того, пренебрегают каналами, установленными для ведения переговоров, или отстранены от них. Следовательно, террор — стратегия слабой организации, стремящейся причинить вред врагу, который сильнее ее. В наше время терроризм стал едва ли не обычным делом. По данным Госдепартамента США, в 2000 г. в мире совершено 423 террористических акта, в результате которых погибли 405 и получили ранения 791 человек. 200 (47%) были направлены против США (U.S. State Department, 2001). С учетом того, что случилось 11 сентября 2001 г., число жертв террора значительно увеличилось.

Во-вторых, терроризм является не только оружием отдельных групп, но и некоторых правительств, использующих его в качестве оружия против своего собственного народа. *Государственный терроризм* — использование насилия, как правило, без санкции закона, теми, в чьих руках находится власть. Он является узаконенной формой в некоторых авторитарных и тоталитарных государствах, которые выживают за счет угроз и устрашения. Так, власть Саддама Хуссейна в Ираке объясняется именно этим.

В-третьих, демократические общества в принципе отвергают терроризм, но они особенно уязвимы для террористов, ибо предоставляют своим гражданам все возможные гражданские свободы и не имеют разветвленной полицейской сети. В отличие от них тоталитарные режимы широко практикуют государственный терроризм, но одновременно с этим их многочисленный репрессивный аппарат делает практически невозможным совершение таких актов одиночками.

Не всегда терроризм — оружие одиночек или групп. С 1950 г. Китай силой удерживает Тибет под своим контролем. На снимке: тибетский беженец демонстрирует орудия, с помощью которых его пытали официальные представители китайских властей

Захват заложников и убийства ни в чем не повинных людей вызывают народный гнев, однако реагировать адекватно на подобные события трудно. Прежде чем предпринять какие-либо действия, любое правительство должно выявить тех, кто повинен в произошедшем. Но, поскольку большинство террористических групп — туманные организации, не имеющие формальных связей ни с одним из государств, существующих на законных основаниях, наказание виновных практически невозможно. Вместе с тем, как предупреждает специалист по проблеме терроризма Брайан Дженкинс, отсутствие должной реакции «вдохновляет другие террористические группы, которые начинают осознать, что терроризм может быть очень дешевым способом ведения войны» (цит. по: Whitaker, 1985, p. 29). Но и жесткая силовая реакция на террористические вылазки чревата риском конфронтации с другими государствами.

В-четвертых, возникает вопрос и с определением самого терроризма. Власти убеждены, что имеют право поддерживать порядок любой ценой, даже используя силу, но называют оппозиционеров, прибегающих к силовым методам, «террористами». Так и приверженность разным политическим взглядам может объяснить, почему одного и того же человека один считает «террористом», а другой — «борцом за свободу». Ирония заключается в том, что некоторые из тех, кого США и их союзники преследовали в Афганистане после 11 сентября 2001 г. как «террористов», восхвалялись ими же как «борцы за свободу», когда воевали с вторгшейся на их территорию советской армией.

Война и мир

Возможно, самый драматичный политический аспект — война (*организованный вооруженный конфликт между людьми из разных стран, направляемый их правительствами*). Разумеется, война столь же стара, как и само человеческое общество, однако теперь особенно острой стала необходимость понять ее феномен. Поскольку появилась технологическая возможность уничтожить самих себя, любая война представляет беспрецедентную опасность для всей планеты. Большинство научных исследований, касающихся этого вопроса, в итоге направлены на поддержание мира, устранение войны как способа решения конфликтов (но не обязательно на прекращение вообще всех политических столкновений).

Для многих людей война — экстраординарное событие, хотя весь XX в. то в одном, то в другом уголке Земли вспыхивали военные конфликты. За свою не очень продолжительную историю США участвовали в 11 крупномасштабных войнах, в ходе которых погибло более 1,3 млн и было ранено намного больше американцев (рис. 16.3). Тысячи людей стали жертвами «необъявленных войн» и «боевых действий с участием ограниченных воинских контингентов» в Доминиканской Республике, Ливане, Гренаде, Панаме и в других странах и регионах.

Причины войн

Столь частое возникновение войн может навести на мысль о том, что вооруженная конфронтация — нечто само собой разумеющееся. Хотя многие животные агрессивны от природы, результаты исследований не дают никаких оснований для утверждений, что и люди готовы по любому поводу сражаться друг с другом. Как отмечал Эшли Монтегю, правительствам разных стран, чтобы мобилизовать свои народы на войну, приходится прибегать к принудительным мерам (Montagu, 1976).

Как и все прочие формы социального поведения, война — общественный продукт, но ее цели и масштаб развертывания в разных местах неодинаковы. Семаи (*Semai*), живущие в Малайзии, — одни из самых миролюбивых жителей планеты, редко совершающие акты насилия. Напротив, яномамэ описанные в главе 3 («Культура»), более расположены вести боевые действия.

Если страна определяет, быть войне или миру, при каких обстоятельствах люди пойдут воевать? Куинси Райт установил пять факторов, благоприятствующих войне (Wright, 1987):

1. **Воспринимаемые угрозы.** Государство «становится под ружье» в ответ на угрозу своему народу, территории или культуре. Например, угроза вооруженного конфликта между США и бывшим Советским Союзом утратила свою остроту после того, как обе страны стали меньше бояться друг друга; в 2001 г. Россия даже поддержала антитеррористическую операцию, проводимую Соединенными Штатами.
2. **Социальные проблемы.** Когда внутренние проблемы вызывают едва ли не всеобщую фрустрацию, лидеры должны отвлечь внимание общества и, найдя «козла отпущения» в образе внешнего «врага», атаковать. Некоторые аналитики считают низкие темпы экономического развития Китайской Народ-

ной Республики в прошлом причиной ее враждебного отношения к Вьетнаму, Тибету и бывшему Советскому Союзу.

3. **Политические цели.** Руководители государств иногда используют войну как политическую стратегию. Алжир или Вьетнам — бедные страны — вели войны против иностранного владычества. Что же касается столь могущественных держав, какими являются США, то для них периодическая демонстрация силы (вспомните недавнее развертывание американских войск в Сомали, в Боснии или на Гаити) — способ укрепить свой престиж на международной арене.
4. **Моральные цели.** Государства очень редко признаются, что воюют ради увеличения собственных богатств или власти. Руководство пытается «придать» военным кампаниям моральный облик, прибегая к образам «свободы» и «родины» и сплачивая вокруг них свои народы. Администрация США представляла недавнюю атаку на афганских талибов и на сеть Аль-Каиды в этой стране как типичный случай борьбы добра со злом.
5. **Отсутствие альтернатив.** Пятым фактором, благоприятствующим возникновению войны, является отсутствие альтернатив. Хотя поддержание всеобщего мира — прямая обязанность ООН, в том, что касается смягчения напряженности, ее успехи весьма скромны.

Иными словами, причины войны коренятся в социальной динамике как на национальном, так и международном уровне. Более того, даже война должна вестись по определенным правилам, и их нарушителям грозит обвинение в совершении *военных преступлений* (см. «Война без правил: репортаж из бывшей Югославии»).

Рис. 16.3. Жертвы, понесенные США в 11 войнах. Источники: заимствовано из ряда работ Виновскисом (Maris A. Vinovskis, 1989) и автором

ГЛОБАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Война без правил: репортаж из бывшей Югославии

Война — это насилие и жестокость, но и у нее есть свои правила. Действующие в настоящее время были сформулированы в конце Второй мировой войны, когда державы-победительницы, в числе которых были и США, обвинили немецких и японских военачальников в совершении военных преступлений. ООН разъяснила правила ведения войн в документе, получившем название Женевской конвенции.

Один из важнейших принципов заключается в том, что какими бы жестокими ни были действия, совершаемые солдатами воюющих сторон в отношении друг друга, они не должны сажать в тюрьму, пытаться, насиловать или убивать мирных граждан. Они также не должны сознательно уничтожать собственность гражданских лиц или преднамеренно бомбить или обстреливать города. Тем не менее ряд лет — особенно во время войн середины 1990-х гг. на территории бывшей Югославии — сербы, хорваты и мусульмане совершали все эти военные преступления. Десятки тысяч мирных жителей были убиты, изнасилованы или тяжело ранены а материальные потери населения оказались неисчислимыми. Для суда над военными преступниками уже в 1993 г. по решению ООН в Голландии был создан специальный трибунал.

После Второй мировой войны союзники успешно провели судебный процесс над немецкими военачальниками, и некоторые из них за преступления против человечества были приговорены к смертной казни. Основанием для такого приговора послужили многочисленные документы, хранившиеся в архивах нацистов. На этот раз, однако, задача вынесения приговора оказалась значительно более трудной. Во-первых, сохранилось очень мало документальных свидетельств о конфликте на Балканах; во-вторых, руководство ООН опасалось, что аресты могут помешать и без того непростым дипломатическим усилиям, направленным на установление мира в этом регионе.

С момента начала своего расследования ООН уже предъявила обвинения десяткам высокопоставленных военных, представляющих все конфликтующие стороны, и приговорила виновных к тюремному заключению. В 2001 г. перед Гаагским трибуналом по обвинению в совершении военных преступлений предстал бывший президент Сербии Слободан Милошевич. Однако только несколько человек, обвиненных в военных преступлениях, оказались за решеткой, так что скорее всего, большая часть виновных в гибели мирных граждан не понесут за это никакого наказания.

Терроризм: новая разновидность войны?

После террористических актов 11 сентября 2001 г. правительство США заговорило о терроризме как о новой разновидности войны. Как уже было сказано выше, обычно военные действия ведутся с учетом по крайней мере некоторых правил: воюющие стороны знают друг друга и недвусмысленно обозначают свои цели, среди которых, как правило, есть и такая, как контроль над территорией.

Однако терроризм не вписывается в эту схему. Порой личности совершающих террористические акты и организации, которые они представляют, могут быть неизвестны, а их цели неясны. Действительно, недавние атаки на США не были попытками нанести стране военное поражение или захватить ее территорию. Совершившие их люди не представляли какой-либо конкретной страны, но у них была определенная цель, а вот какая именно — этого в США пока до конца не понима-

ют. Иными словами, эти террористические акции оказались выражением злости и ненависти, попыткой дестабилизировать ситуацию в стране и поколебать моральный дух нации, вселив в души людей гнев и страх.

Традиционные военные действия проходят «симметрично»: в сражениях участвуют армии не менее двух воюющих государств. Терроризм же, напротив, новая формой ведения войны, это — «асимметричный конфликт», в котором небольшая группа нападающих использует выбранные тактику и свою готовность умереть как средство «уравнять шансы» в борьбе против значительно более сильного врага. Кроме того, если террористы беспощадны, страна, подвергшаяся их нападению, обязана быть разборчивой в том, что касается ее ответных мер, ибо может не хватать информации и о непосредственных исполнителях акции, и о том, кого и что они представляют. Именно по этой причине руководство США считает, что ответ на произошедшее 11 сентября 2001 г. предпочтительнее растянуть на несколько лет.

Сколько стóбит милитаризм и каковы его причины?

Цена вооруженного конфликта значительно превосходит стоимость потерь на поле боя. В общей сложности суммарные ежегодные военные расходы всех государств составляют более \$1 трлн, т. е. примерно \$160 на каждого жителя планеты. Это отвлекает ресурсы, которые в другой ситуации могли бы облегчить участь миллионов людей, борющихся за выживание. Если бы у всех государств на планете было достаточно доброй воли и политической мудрости, чтобы направить эти деньги на другие нужды, жизненный уровень населения планеты стал бы значительно выше.

В последние годы расходы на оборону были самыми значительными статьями американского бюджета, составляя 16% от всех федеральных расходов (в 2000 г. они равнялись \$291 млрд). Эта огромная сумма — наследие *гонки вооружений*, соревнования по наращиванию военной мощи, в которое США и бывший Советский Союз вступили после Второй мировой войны.

Но и сегодня, когда Советского Союза уже нет, военные расходы остаются очень высокими. Так, аналитики, сторонники модели властной элиты, полагают, что в США доминирует **военно-промышленный комплекс** (*тесная связь между федеральным правительством, вооруженными силами и оборонной промышленностью*). Следовательно, истоки милитаризма лежат не только во внешних угрозах национальной безопасности, но и в самих общественных институтах (Marullo, 1987).

Второй причиной устойчивости милитаристских позиций и после прекращения холодной войны служат региональные конфликты. Так, в 1990-е гг. локальные войны вспыхивали в Боснии, в Чечне и в Замбии, а в таких регионах, как Ближний Восток, Индонезия и разделенная Корея, ситуация и по сей день остается крайне напряженной. Даже войны «местного значения» чреваты опасностью перерастания в крупномасштабные конфликты с участием и других стран. Так, в 1998 г. Индия и Пакистан провели испытания атомных бомб, вызвав страх перед возможным ядерным конфликтом в этом регионе. По мере того как растет число стран, владеющих ядерным оружием, увеличивается и риск превращения едва ли не любого регионального конфликта в мировую войну с применением ядерного оружия.

Ядерное оружие

Несмотря на смягчение напряженности в отношениях сверхдержав, в мире до сих пор около 25 тыс. ядерных боеголовок, причем их общая разрушительная сила эквивалентна мощи пяти тонн тротила в расчете на каждого жителя планеты. Достаточно использовать в военных целях даже незначительную часть такого оружия, чтобы на большей части Земли жизнь перестала существовать, и нам это известно. Альберт Эйнштейн, гениальный ученый, внесший свой вклад в создание атомной бомбы, писал: «Высвобожденная энергия атома изменила решительно все, *кроме нашего образа мыслей*, и теперь мы движемся в сторону беспрецедентной катастрофы». Иными словами, атомное оружие делает неограниченную войну невообразимой, в то время как мир еще не научился обходиться без войн.

Великобритания, Франция и Китайская Народная Республика имеют внушительные ядерные арсеналы, но основная масса ядерных вооружений приходится на долю США и Российской Федерации. Обе сверхдержавы договорились о сокращении имеющихся у них запасов этого оружия на 50% к 2003 г. Но даже и при условии потепления отношений между странами опасность катастрофической войны не снижается, а возрастает из-за **распространения ядерного оружия** — *приобретения технологии производства ядерного оружия все большим числом государств*. Некоторыми его запасами обладают Израиль, Индия и Пакистан; технологии его производства разрабатываются в Иране, Ираке, Северной Корее и Ливии. Хотя часть государств предприняли шаги, чтобы положить конец распространению ядерного оружия: Аргентина и Бразилия прекратили работы в этой области в 1990 г., а Южно-Африканская Республика в 1991 г. сняла свои ракеты с боевого дежурства, к 2010 г. возможность вести войну с применением ядерного оружия появится у 50 государств. Подобная тенденция делает любой региональный конфликт значительно более опасным, чем ранее (McGeary, 1998; Thomas, Barry & Liu, 1998).

Поиски мира

Как можно уменьшить опасность возникновения войн? Ниже перечислены самые современные стратегии сохранения мира.

1. **Сдерживание.** Логика гонки вооружений связывала безопасность с «балансом страха» между сверхдержавами. Основанное на принципе *безусловного взаимного уничтожения*, суть которого заключается в том, что сторона, которая первой нанесла ядерный удар, неизбежно тоже будет атакована, сдерживание помогло сохранить мир более чем на полвека. Однако у этой стратегии есть свои недостатки. Во-первых, она спровоцировала чрезвычайно дорогостоящую гонку вооружений. Во-вторых, по мере того, как скорость доставки ядерных боеголовок ракетами возрастала, у компьютеров оставалось все меньше и меньше времени на то, чтобы среагировать на мнимую атаку, а это увеличивало риск возникновения несанкционированной войны. В-третьих, сдерживание неспособно предотвратить распространение ядерного оружия, от которого исходит все возрастающая угроза миру.
2. **Высокотехнологичная защита.** Некоторые полагают, что, коль скоро высокие технологии создали оружие, они же способны и избавить человечество

от угрозы войны. Именно эта мысль и стоит за *стратегическими оборонными инициативами (СОИ)*, предложенными администрацией Рейгана в 1981 г. и поддерживаемыми ныне президентом Бушем. В соответствии с СОИ спутники и наземные установки образуют некий щит, или зонтик, способный защитить страну от вражеских ракет. В принципе, эта система должна обнаруживать ракету противника сразу же после ее запуска и уничтожать с помощью лазеров или направленных потоков частиц, прежде чем та войдет в атмосферу. По мнению сторонников данной стратегии, методика «звездных войн» при безупречном техническом воплощении сделает ядерное оружие устаревшим (Thompson & Waller, 2001).

Однако ее критики утверждают, что даже годы исследований, на которые будут потрачены триллионы долларов, в лучшем случае увенчаются созданием лишь весьма ненадежного «зонтика». Распад Советского Союза также поставил под вопрос потребность в такой громоздкой и дорогостоящей системе защиты.

Заслуживает внимание и то обстоятельство, что развитие высоких технологий приводит к разработке не только новых оборонных стратегий, но и неизвестных ранее стратегий ведения войн. Подробнее о возможности «информационной войны» рассказано ниже (см. «Информационная война: пусть твои пальцы нажмут на спусковой крючок»).

3. **Дипломатия и разоружение.** Многие аналитики считают, что лучший путь к миру — дипломатия, а не технология (Dedrick & Yinger, 1990). Первая способна повысить уровень безопасности не за счет создания новых арсеналов, а с помощью разоружения.

Но оно также имеет свои пределы. Ни одно государство не хочет подрывать свою обороноспособность и становиться уязвимым. Успех дипломатии зависит не от «мягких» уступок или «жестких» требований, а от коллективной ответственности всех заинтересованных сторон за общую судьбу (Fisher & Ury, 1988). Хотя США и бывший Советский Союз смогли договориться о сокращении вооружений, Ливия, Северная Корея и Ирак, а также другие страны стремятся к созданию ядерных арсеналов.

4. **Разрешение конфликтов, способных вызвать войну.** Когда США атаковали лагерь террористов в Афганистане, многие знали, что как минимум одно государство, граничащее с этой бедной страной, имеет ядерное оружие. Учитывая угрозу превращения любой локальной конфронтации в региональную (и потенциально — ядерную) войну, вполне возможно, что лучший способ снизить опасность возникновения таковой заключается в мирном разрешении конфликта, лежащего в ее основе. Некоторые мусульмане, например, утверждают, что США заслуживали террористической атаки, потому что их военный персонал размещается во многих мусульманских странах, а также потому, что Соединенные Штаты настояли на введении санкций против Ирака и поддерживают политику Израиля, которую мусульманский мир считает террором по отношению к палестинцам. В то время как подавляющее большинство американцев и граждан других стран отвергают подобное «оправ-

данье» терроризма, возможность установления прочного и длительного мира зависит от разрешения конфликтов, разделивших Ближний Восток. Если это так, то должны ли народы мира продолжать тратить в тысячи раз больше денег на милитаристские программы, чем они расходуют на миротворческие усилия? (Sivard, 1988; Kaplan & Schaffer, 2001).

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Информационная война: пусть твои пальцы нажмут на спусковой крючок

В течение десятилетий ученые и военные изучали возможность использования компьютеров для защиты от ракет и планет. Однако в последнее время военные поняли, что новые информационные технологии способны кардинально изменить само ведение войны: на смену грохочущим танкам и гудящим самолетам могут прийти электронные «умные бомбы», бесшумно проникающие в любую компьютерную систему противника и делающие ее неспособной передавать информацию.

В таких «виртуальных войнах» солдаты, сидящие у мониторов компьютерных терминалов, могли бы рассылать вирусы, выводящие из строя коммуникационные системы противника, заставляющие замолкать телефоны, делающие невозможным контроль за воздушным и железнодорожным транспортом и приводящие к тому, что компьютеры полевых офицеров выдают им ложные приказы, а телевидение транслирует лживые сводки новостей, настраивающие людей против их правительства.

Подобно укусу ядовитой змеи, оружие информационной войны способно быстро парализовать противника еще до начала традиционной атаки. Другая, более обнадеживающая альтернатива заключается в том, что оно может не только подготовить плацдарм для ведения традиционных боевых действий, но и полностью предотвратить их. Если бы жертвами компьютерных войн становились только коммуникационные системы государства, а не его граждане и города, разве все мы не стали бы чувствовать себя в большей безопасности?

Но и в «инфо-войне» таится опасность, поскольку несколько весьма продвинутых операторов, в распоряжении которых находится чрезвычайно сложное электронное оборудование, способны ввергнуть Соединенные Штаты в хаос. Возможно, ни одна страна мира не может сравниться с США в том, что касается военной мощи, но, учитывая возрастающее доверие американского общества к высоким технологиям, оно также и более уязвимо для кибер атак, чем любое другое. В 1996 г. ЦРУ начало работать над созданием оборонительного «центра кибервойны», чтобы избежать «электронного Перл-Харбора», как назвал это один официальный представитель. Конгресс уже выделил более \$2 млрд на обеспечение безопасности компьютерной инфраструктуры США, в том числе и на несколько сот стипендий будущим специалистам в компьютерной сфере, согласившимся после окончания учебы работать на правительство.

А что думаете вы?

1. Возможно ли, что на смену традиционным битвам на полях сражений придут виртуальные военные действия? Пожалуйста, поясните свой ответ.
2. Представляете ли вы себе, каким образом новые информационные технологии могут быть использованы для мирного разрешения конфликтных ситуаций?
3. Могут ли компьютерные технологии увеличить опасность возникновения войны? Если да, то почему?

Источники: Waller, 1995; Weiner, 1996; Page, 2000.

Взгляд в будущее: политика в XXI веке

Подобно тому как изменяются экономические системы, которым была посвящена глава 16, трансформируются и политические. В XXI в. всеобщее внимание привлекают несколько проблем и тенденций.

Одним из неприятных для США вопросов оказывается несовместимость демократических идеалов и низкой политической активности населения. Возможно, правы сторонники плюралистской модели власти, утверждающие, что многие не затрудняют себя участием в выборах, потому что в целом удовлетворены своей жизнью. Но столь же вероятна правда сторонников модели властной элиты, и люди действительно отворачиваются от системы, концентрирующей власть и богатство в руках немногих избранных. Или, как утверждают приверженцы марксизма, граждане считают, что наша политическая система на деле не предоставляет им подлинного выбора, ограничивая его лишь соответствием существующей капиталистической экономической системе. Как бы там ни было, складывается такое впечатление, будто единственный способ побороть широко распространенную апатию — провести радикальную политическую реформу.

Вторая тенденция, рассматривавшаяся в этой главе, — экспансия глобального политического процесса. Информационная революция изменяет политику точно так же, как и экономику (хотя есть основания говорить, что политические перемены происходят медленнее, чем экономические). Современные коммуникационные технологии делают возможной практически мгновенную передачу новостей и результатов политического анализа из одной точки земного шара в другую. Но приведет ли эта глобальная информационная лавина к упрочению демократии благодаря делегированию конкретному человеку большей власти? Или новые информационные технологии вооружат правительства неизвестными ранее средствами манипулирования своими гражданами? Некоторые аналитики поднимают более принципиальный вопрос: действительно ли мы хотим предоставить простому человеку, не являющемуся специалистом, право решать важные проблемы?

Третья проблема — глобальное переосмысление политических моделей. Холодная война между США и СССР облекла политические дебаты в форму двух жестких политических альтернатив, основанных на капитализме и социализме. После окончания холодной войны аналитики предвидят появление более широкого спектра политических систем, в которых государство и экономика связаны друг с другом. Шведский «капитализм всеобщего благосостояния» и японский и южнокорейский «государственный капитализм» — это всего лишь два возможных варианта.

И наконец, четвертое замечание. Во многих частях света все еще сохраняется опасность возникновения войны. Даже несмотря на смягчение напряженности в отношениях между Соединенными Штатами и бывшим Советским Союзом, остаются огромные запасы оружия, и ядерные технологии продолжают распространяться по миру. Могут появиться новые сверхдержавы (весьма вероятный кандидат — Китайская Народная Республика), а региональные конфликты, конечно же, будут продолжать тлеть. Остается только надеяться, что в наступившем веке чувство политической справедливости поможет нам найти мирное решение тех застарелых проблем, которые провоцируют войну.

Резюме

1. Политика — это важнейший социальный институт, посредством которого общество распределяет власть и организует принятие решений. По мнению Макса Вебера, три социальных контекста трансформируют принуждение в легитимную власть — традиция, рационально установленные нормы и правила и личная харизма лидера.
2. Все доиндустриальные общества характеризовались наличием традиционной власти; индустриальные придали власти легитимность через бюрократические организации и законодательство. Харизматическая власть, появляющаяся в любом обществе, поддерживается благодаря ее постепенному превращению в традиционную или в рациональную, легальную.
3. Монархия базируется на традиционной власти и присуща всем доиндустриальным обществам. Несмотря на то что она сохранилась и потом, индустриализация благоприятствует демократии, основанной на рациональной, легальной власти и огромном бюрократическом аппарате.
4. Авторитарные политические режимы лишают народ права участвовать в управлении государством. Тоталитарные политические системы идут даже дальше, строго регулируя повседневную жизнь своих граждан.
5. В мире насчитывается 192 политически независимых национальных государства. Однако одна из глобальных политических тенденций заключается в росте богатства и власти транснациональных корпораций. Кроме того, появление новых технологий, ассоциирующихся с информационной революцией, означает, что национальные правительства больше не могут контролировать информационный поток, идущий через государственные границы.
6. За последние два века правительство США разрослось, и сейчас для обслуживания населения и регулирования экономики оно прибегает к разным способам. Однако ситуация с социальным обеспечением в нашей стране хуже, чем в других обществах с высоким уровнем доходов.
7. Либералы и консерваторы придерживаются разных взглядов как на экономические, так и на социальные аспекты жизни общества. Первые выступают за государственное регулирование экономики и действия, направленные на достижение экономического равенства, а вторые полагают, что государство не должно вмешиваться в эти сферы. Однако, по мнению консерваторов, государственные органы должны регулировать такие моральные аспекты жизни общества, как аборт, а либералы убеждены в том, что правительство должно предоставить своим гражданам право самим решать их.
8. Группы по особым интересам облегчают определенным слоям общества достижение их политических целей. Для этого они используют лоббистов и комитеты политических действий.
9. Многие граждане США затрудняются при определении своих политических взглядов и не отождествляют себя ни с демократами, ни с республиканцами. Более того, в президентских выборах 2000 г. приняли участие менее 50% граждан, имеющих право голоса.

10. Странники плюралистской модели власти исходят из того, что в США власть распределена между всеми членами общества; приверженцы модели властной элиты придерживаются диаметрально противоположной точки зрения: они утверждают, что та сконцентрирована в руках небольшой и богатой группы граждан. В основе марксистской политико-экономической модели лежит представление о том, что политика определяется капиталистической экономикой.
11. Революция радикально изменяет существовавшую до нее политическую систему. Терроризм, вторая неприемлемая политическая тактика, использует насилие как средство достижения политических целей. В террористическую деятельность вовлекаются не только отдельные люди, но и целые государства. Терроризм стал новой формой «асимметричного» ведения войны.
12. Война — это организованный вооруженный конфликт между людьми из разных стран, направляемый их правительствами. Развитие и распространение ядерного оружия сделали угрозу глобальной катастрофы реальной. В конечном итоге всеобщий мир зависит от разрешения проблем и конфликтов, подпитывающих милитаризм.

Основные понятия

Авторитаризм — политическая система, которая исключает участие народа в управлении государством.

Авторитет — власть, приобретаемая людьми не путем принуждения, а законным образом.

Власть — способность достигать желаемых целей вопреки сопротивлению других.

Военно-промышленный комплекс — тесная связь между федеральным правительством, вооруженными силами и оборонной промышленностью.

Война — организованный вооруженный конфликт между людьми из разных стран, направляемый их правительствами.

Государство всеобщего благосостояния — государство с системой правительственных учреждений и программ, обеспечивающих населению те или иные выгоды.

Группа по особым интересам — политический альянс людей, заинтересованных в каком-либо экономическом или социальном вопросе.

Демократия — политическая система, при которой власть осуществляется народом как единым целым.

Комитет политических действий — организация, сформированная группой, преследующей особые интересы; независимая от политических партий и призванная добиваться политических целей путем сбора и расходования денег.

Марксистская политико-экономическая модель — анализ, который объясняет политику исходя из экономической системы общества.

Модель властной элиты — анализ политики, в котором власть видится сосредоточенной в руках богатых.

Монархия — тип политической системы, при котором одно семейство правит из поколения в поколение.

Плюралистская модель — анализ политики, в котором власть видится рассеянной между многими группами с конкурирующими интересами.

Политика — общественный институт, который распределяет власть, задает пути развития общества и вырабатывает решения.

Политическая революция — свержение одной политической системы ради установления другой.

Правительство — официальная организация, руководящая политической жизнью общества.

Распространение ядерного оружия — приобретение технологии производства ядерного оружия все большим числом государств.

Рационально-легальная власть (бюрократическая) — власть, легитимность которой закреплена законодательно выполняемыми правилами и установлениями.

Превращение харизмы в рутинный порядок — трансформация харизматической власти в некое сочетание власти традиционной и бюрократической.

Терроризм — произвольные акты насилия или угрозы его применения со стороны отдельного человека или группы, которые пользуются этим в качестве политической стратегии.

Тоталитаризм — политическая система, которая в значительной степени регулирует жизни людей.

Традиционная власть — власть, легитимность которой устанавливается через уважение к давно устоявшимся культурным образцам.

Харизматическая власть — власть, узаконенная благодаря исключительным личным способностям, побуждающим к преданности и повиновению.

Вопросы для размышления

1. Какая разница между авторитетом и властью? Какие формы власти, приобретаемой законным путем, характерны для доиндустриальных и индустриальных обществ? Почему по мере развития индустриализации на смену монархии постепенно приходила демократия?
2. Объясните, опираясь на американский политический спектр, разброс политических установок американцев. Как классовая принадлежность связана с политическими взглядами?
3. Сравните плюралистскую модель власти, модель властной элиты и марксистскую политико-экономическую модель. Какая из них представляется вам наиболее убедительной? Почему?
4. Как вы считаете, война сегодня вероятнее, чем при жизни предшествующего поколения? Почему?

Семья

Том Грин — семейный человек, даже, если так можно выразиться, «очень» семейный. У 52-летнего жителя Долины Змей (штат Юта) пять жен в возрасте от 24 лет до 31 года. Хотя Грин в свое время официально женился на каждой из них, перед тем, как оформить очередной брак, он разводился с предыдущей женой, чтобы его не смогли обвинить в нарушении закона штата, запрещающего пребывание в браке более чем с одной женщиной (или с одним мужчиной) одновременно. Грин и его пять жен родили больше 30 детей.

В 2001 г., когда Том Грин появился в нескольких национальных телевизионных шоу в качестве защитника полигамии, он оказался в центре конфликта. Судя по всему, Грин не понимал, что, несмотря на все его ухищрения, он все же может быть привлечен к ответственности за свой полигамный брак. Прокуратура штата предъявила ему обвинение в двоеженстве. На суде Грин защищал свой образ жизни как не противоречащий законам морали; его жены тоже защищали и своего супруга, и свою семью. Однако после 4-дневных колебаний жюри присяжных признало его виновным, и он был приговорен к 5 годам тюрьмы. Грин на законных основаниях был также обвинен в изнасиловании, поскольку его первой жене, когда они поженились, было всего 13 лет (остальным в момент заключения брака было от 14 до 16).

Представления Тома Грина о полигамном браке восходят к первым годам существования в Юте церкви мормонов. Однако те запретили подобные браки более века тому назад, и в 1980 г. полигамия послужила причиной отлучения Тома Грина от церкви. Тем не менее он не одинок: есть основания полагать, что сегодня в сельских районах Юты проживают около 25 тыс. полигамных семей.

Не приходится сомневаться, что большинство граждан в США не разделяют представлений Тома Грина о семейной жизни, которые довели его до нарушения закона. Но это вовсе не значит, что американцы единодушны в том, какими должны быть семьи. Напротив, в последние десятилетия ведутся оживленные дискуссии на эту тему. Задумайтесь над цифрами: 50% беременных женщин моложе 30 лет — незамужние. За последние 40 лет количество разводов в США удвоилось, и если такая тенденция сохранится, распадутся около 50% существующих ныне браков. Тот факт, что один из трех новорожденных появляется у незамужней женщины, вкуче с большим количеством разводов, означает, что половина американских детей до достижения совершеннолетия придется какое-то время жить в неполной семье.

Если послушать одних, то невольно решишь, что семья — нечто «отмирающее». Другие же полагают, что это не столько исчезающий, сколько изменяющийся феномен. Действительно, хорошо это или плохо, но семья, возможно, претерпевает трансформации быстрее, чем какой бы то ни было другой социальный институт (Bianchi & Spain, 1996). Не так давно в американской культуре идеальной представлялась семья, когда муж работает, жена — домохозяйка и у них есть дети. Сегодня

лишь немногие разделяют этот примитивный взгляд, и какой бы период ни взять, лишь 30% американских семей соответствуют данному описанию.

В этой главе будет рассказано о том, как изменяется семейная жизнь, о том, почему одни люди называют семью основой социальной жизни, а другие не просто предсказывают ей скорый конец, но и приближают его. Однако начнем с рассмотрения некоторых базовых понятий.

Семья: базовые понятия

Семья — это социальный институт, представленный во всех обществах, объединяющий людей в группы, чтобы те смогли сообща растить и воспитывать детей. Синонимом к семейным узам выступает родство — социальная связь, основанная на кровных, брачных узах или установленная в результате усыновления или удочерения. Хотя институт семьи есть во всех обществах, на протяжении человеческой истории понятие о родственниках изменялось, да и поныне представители разных культур вкладывают в него разный смысл. В США большинство людей считают семейной единицей социальную группу из двух или нескольких человек, связанных кровными узами, браком или отношениями в результате удочерения либо усыновления и обычно проживающих вместе. Ту семью, где человек рождается и куда помимо него самого входят его родители и родные братья и сестры, иногда называют ориентационной, поскольку она играет определяющую роль в социализации

Несмотря на большое разнообразие семейных форм в мире, повсюду существуют праздничные свадебные ритуалы, закрепляющие родство между поколениями. В картине Кармен Ломас Гарца

«Благословение в день свадьбы» отражено то большое внимание, которое уделяется браку.

Холст, алкидные краски. Музей колледжа Смита, Нортхэмптон, Массачусетс

индивида. Став взрослым, он создает *прокреационную семью*, чтобы растить и воспитывать собственных или приемных детей.

Во всем мире семьи вырастают из **брака** — *узаконенной и, очевидно, длительной связи, обычно подразумевающей как экономическую кооперацию, так и сексуальные отношения и воспитание детей, которую люди, как ожидается, будут поддерживать*. Присущее нашей культуре представление о том, что брак — это законное условие для продолжения рода, объясняет появление выражения незаконнорожденные дети, которое относилось к рожденным вне брака. Более того, латинское слово *matrimonium* («брак, супружество») в дословном переводе означает «условия для материнства». Но по мере того, как росло количество детей, рожденных незамужними женщинами (сейчас таких детей около 33%), связь между браком, рождением и воспитанием ослабевала.

Ныне некоторые люди возражают против того, чтобы семьей признавались только супружеские пары, имеющие детей, ибо подобный подход навязывает единственный моральный стандарт. Многие корпоративные и правительственные программы опираются на это традиционное определение, потому не связанные официальными брачными узами, но живущие вместе гетеро- или гомосексуальные пары оказываются лишенными медицинских и прочих льгот, предоставляемых законным супругам. Однако все чаще организации признают в качестве семей не только тех, кто связан брачными или кровными узами, но и людей, духовно близких друг другу и считающих себя семьей, *основанной на взаимной привязанности*.

Бюро переписи населения США также придерживается традиционного определения семьи. Следовательно, социологи, которые используют собранные этим Бюро данные, характеризующие «семьи», должны принять это определение¹. Однако ныне наметилась новая тенденция — к более расширенному толкованию понятия «семья».

Семья: глобальное разнообразие

В доиндустриальных обществах люди значительно шире толковали семью, признавая в качестве таковой и **расширенную семью** (*семейную единицу, включающую не только родителей и детей, но и другую родню*). Подобная группа называется также *семьей родственников*; этим подчеркивается тот факт, что в нее входят все люди «одной крови». Однако индустриализация, следствием которой стали возросшие социальная мобильность и географическая миграция, положила начало **нуклеарной семье** (семейной единице, состоящей из одного или двух родителей и их детей). Последнюю также определяют как *матримониальную семью*, основанную на брачных узах. Хотя немало американцев живут расширенными семьями, именно нуклеарные — самые распространенные. Наиболее значительным изменениям семья как социальный институт подверглась у тех народов, которые достигли наиболее высокого уровня жизни (см. главу 16). По мнению социолога Дэвида Попино, в Швеции самые непрочные семьи (см. «Самые непрочные семьи в мире? Репортаж из Швеции»).

¹ Согласно Бюро переписи населения США в 2000 г. в стране было 105,5 млн домашних хозяйств, причем только 71,8 млн (68%) из них были «семьями». Остальные — одинокие люди или жившие вместе, не связанные родственными или брачными узами люди. В 1960 г. под традиционное определение семьи подпадали 85% домашних хозяйств.

ГЛОБАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Самые непрочные семьи в мире? Репортаж из Швеции

Швеции удалось избежать многих из тех социальных проблем, которые досаждают гражданам США. В шведских городах низок уровень уголовной преступности, наркомании и бедности, которые стали настоящим бедствием для всех наших городов — от Нью-Йорка до Лос-Анджелеса. Складывается такое впечатление, что в этом скандинавском государстве реализованы возможности современного государства всеобщего благосостояния с разветвленной сетью профессиональных правительственных учреждений, способных удовлетворить практически все потребности граждан.

Однако, по мнению Дэвида Попино, разрастающемуся государству всеобщего благосостояния присущ один недостаток, который заключается в том, что в Швеции самые непрочные семьи в мире. Поскольку шведы связывают свои надежды на материальную помощь не столько с супругами, сколько с государством, они не очень охотно вступают в брак в отличие от граждан других государств с высоким уровнем доходов. По этой же причине в Швеции большая доля взрослых граждан, живущих в одиночестве (более 20%, примерно столько же, сколько и в США). Более того, велика и доля совместно проживающих пар, не связанных узами брака (25 против 10% в США), а 50% всех шведских детей родились у тех, чей брак официально не зарегистрирован (в США таких детей около 33%). В Швеции средняя численность домашнего хозяйства — 2,2 человека, а в США — 2,6. И последнее. Шведские пары (состоящие и не состоящие в законном браке) характеризует более выраженная тенденция к разрыву отношений, чем представителей других стран. Согласно Попино, «шведская семья, возможно, самая непрочная — если не в мире, то уж среди развитых европейских государств наверняка, а члены семьи — самые автономные и наименее связанные с группой в целом» (Рорепое, 1991, р. 69).

Попино утверждает, что разрушение шведских семей началось в 1960-е годы XX в. вместе с укреплением позиций индивидуалистической культуры, нацеливающей человека на самореализацию, и с падением влияния церкви. Свою роль сыграл и рост числа работающих женщин. Сегодня в Швеции самый низкий процент домохозяйек (10% по сравнению с 22 в США) и самый высокий процент работающих женщин (77% по сравнению с 60 в США).

Однако самым важным фактором Попино считает экспансию государства всеобщего благосостояния. Шведское правительство заботится о своих гражданах на протяжении всей их жизни. Шведы вправе рассчитывать на то, что правительство поможет им поднять и выучить детей, обеспечит достойной медицинской помощью, поддержит после ухода на пенсию, а когда придет день, — оплатит их похороны.

Многие шведы поддерживали усиление государства всеобщего благосостояния, полагая, что это будет способствовать укреплению семей. Но теперь, по мнению Попино, ясно, что, расширяя спектр предоставляемых льгот, правительство на самом деле *замещало* семью. Взять хотя бы социальное обеспечение детей: шведское правительство имеет в своем распоряжении общественные центры дошкольного воспитания, укомплектованные профессиональными кадрами и доступные родителям с разными доходами. Однако в то же самое время правительство не оказывает никакой финансовой помощи тем родителям, которые хотят растить детей дома. Иными словами, предоставляемые льготы играют роль стимулов, побуждающих людей отдавать на откуп государству то, что в прежние времена члены семьи делали для себя сами.

Но если шведская модель государства позволила решить множество социальных проблем, стóит ли вообще волноваться по поводу разрушения семьи? По мнению Попино, стóит. По двум причинам. Во-первых, на исполнение всех этих «семейных функций» правительству требуется очень много денег, в результате чего в Швеции самые высокие в мире налоги.

Во-вторых, способны ли оплачиваемые правительством служащие больших детских учреждений дать детям ту любовь и то ощущение душевного комфорта, которые предоставляют родители? Это маловероятно, говорит Попино, подчеркивая, что небольшие группы тесно связанных друг с другом людей справляются с некоторыми чисто гуманитарными задачами лучше, чем крупные организации.

Вывод, к которому пришел автор, очевиден: в том, что касается делегирования семейных полномочий государству, шведы зашли слишком далеко. Но одновременно он задает вопрос: а достаточно ли далеко в этом направлении продвинулись американцы? После рождения ребенка швед вправе рассчитывать на отпуск продолжительностью до 1,5 лет, при этом за ним сохраняется 90% среднего заработка. В США согласно Закону о предоставлении отпуска по семейным обстоятельствам (*Family and Medical Leave Act*) 1993 г. работающий человек может рассчитывать только на 90-дневный неоплаченный отпуск по уходу за новорожденным ребенком или больным членом семьи. Должно ли наше общество последовать примеру шведов? Станут ли американские семьи прочнее или, наоборот, семейные узы ослабнут, если появится надежда, что государство поможет работающим родителям растить детей?

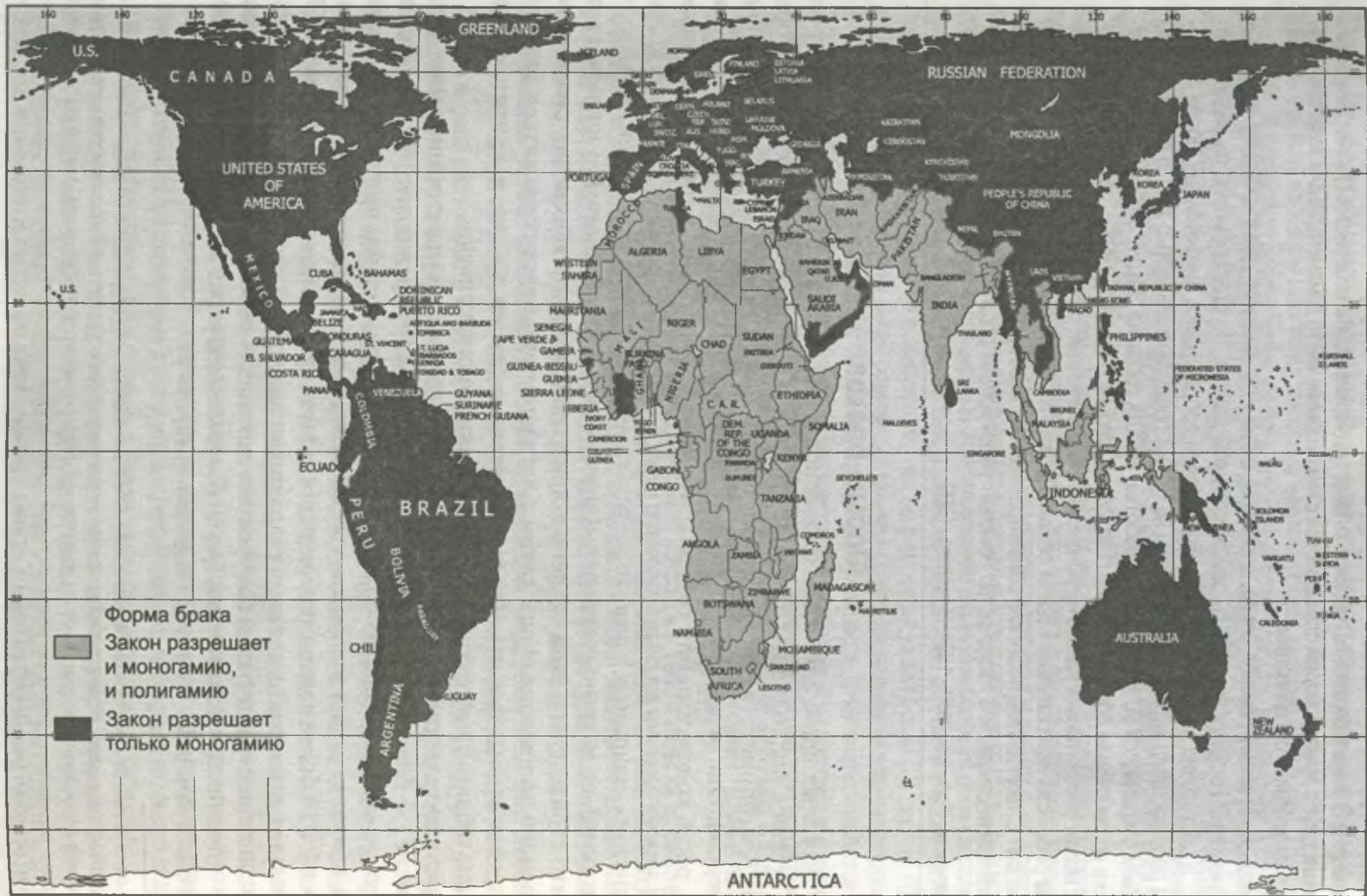
Источники: Popenoe, 1991, 1994; Herrstrom, 1990

Формы браков

От культурных норм, а иногда и от законодательства зависит, признан ли тот или иной человек подходящим или неподходящим брачным партнером. Некоторые нормы благоприятствуют **эндогамии** (*браку между людьми из одной социальной категории*). Она ограничивает выбор брачного партнера кругом лиц того же возраста, расы, конфессии или социального класса. **Экзогамия**, напротив, разрешает браки между людьми из разных социальных категорий. В сельских районах Индии и Пакистана, например, принято жениться людям, принадлежащим к одной касте (эндогамия), но из разных деревень (экзогамия). Логика эндогамии заключается в том, что стоящие на одной ступени социальной лестницы обеспечат такое же общественное положение своим детям, благодаря чему будут сохраняться традиционные социальные формы. Что же касается экзогамии, то она, напротив, создает альянсы и благоприятствует взаимопроникновению культур.

Законодательство индустриальных обществ предписывает **моногамию (единобрачие)** — брак, объединяющий двух партнеров (от древнегреч. *mono* — «один» и *gamos* — «брак»). Однако большое количество разводов и повторных браков в США позволяют предположить, что, возможно, для определения «брачной практики» в США более подходит термин *последовательная моногамия*. Карта мира 17.1 показывает, что если моногамия стала правилом во всех странах Америки и Европы, то многие страны с низким уровнем доходов — особенно в Африке и Южной Азии — допускают **полигамию**, брак, объединяющий трех или большее число людей (от древнегреч. *poly* — «много» и *gamos* — «брак»)¹.

¹ Во всех странах без исключения, находящихся в Западном полушарии, и в большинстве других государств мира законной формой брака считается моногамия. Однако в большинстве стран Африки и Южной Азии законом разрешена и полигамия. Часто такая практика оказывается следствием исламского влияния — религии, разрешающей одному мужчине иметь несколько (до четырех) жен. Однако все-таки большинство браков в таких традиционных обществах моногамны, что объясняется во многом финансовыми соображениями.

Карта мира 17.1. Формы брака в глобальной перспективе. *Источник.* Peters Atlas of the World, 1990

Известны две формы полигамии. Более распространенной оказывается многоженство — **полигиния**, брак, объединяющий одного мужчину и двух или большее число женщин (от древнегреч. *poly* — «много» и *gune* — «жена»). Сторонником именно такой семьи и был Том Грин, с рассказа о котором началась эта глава. Хотя в США полигамия и запрещена законом, во многих азиатских и африканских странах она разрешена законом, это распространенная форма брака. Здесь сказывается влияние исламской традиции. Однако большинство мусульманских семей — моногамны, потому что лишь немногие мужчины могут позволить себе такую роскошь, как содержание нескольких жен и еще большего числа детей.

Полиандрия (от древнегреч. *poly* — «много» и *andros* — «мужчина») — брак, объединяющий одну женщину и двух или большее число мужчин. Это редкая форма встречается, например, на Тибете, в горном регионе, где занятие сельским хозяйством требует больших усилий. В тамошних условиях полиандрия предотвращает деление земли на участки, слишком маленькие для того, чтобы они могли прокормить семью, и распределяет обязанности крестьянского труда между многими мужчинами. Полиандрия связана также и с детоубийством — искусственным прерыванием беременности, которая должна завершиться рождением девочки, или убийством новорожденных девочек, поскольку уменьшение женского населения вынуждает мужчин делить женщин.

В большинстве обществ когда-либо были разрешены несколько форм брака. Тем не менее исследователи уже давно обратили внимание, что наибольшее значение имел моногамный брак (Murdock, 1965; 1-е изд. — 1949). То, что разные культуры отдают предпочтение именно ему, отражает два обстоятельства: содержание нескольких супругов оказывается тяжелым финансовым бременем; количество мужчин и женщин в большинстве обществ примерно одинаково.

Формы проживания супружеских пар

Общества регулируют не только выбор брачного партнера, но и предписывают супругам, где они должны жить. В доиндустриальных обществах большинство новобрачных селились вместе с родителями одного из них, которые защищали и экономически поддерживали новобрачных. Наиболее распространенным способом проживания является **патрилокальность** (буквально с древнегреч. — «местонахождение отца»). Это форма проживания, когда супружеская пара проживает вместе с семьей мужа или поблизости от нее. В некоторых обществах (например, у североамериканских индейцев) более распространен другой способ — **матрилокальность** (дословно — «местонахождение матери»). Такова форма проживания, когда супружеская пара живет вместе с семьей жены или поблизости от нее. Общества, в которых часто случаются локальные вооруженные конфликты, отдают предпочтение первому из двух способов: в минуту опасности сыновья оказываются рядом и защищают родителей. Общества, которые ведут войны за пределами своей собственной территории, могут быть как патрилокальными, так и матрилокальными, в зависимости от того, кто — сыновья или дочери — имеют больший экономический вес (Ember & Ember, 1971, 1991).

Совсем другую форму демонстрируют индустриальные общества. Если позволяют финансы, молодожены предпочитают **неолокальность** (от древнегреч. «новое место»). Это форма проживания, когда супружеская пара живет отдельно как от родителей мужа, так и от родителей жены.

Формы наследования

Наследование — система, благодаря которой в обществе поддерживается родство между различными поколениями людей. В большинстве доиндустриальных обществ родство поддерживалось либо по отцовской, либо по материнской линии. Наиболее распространенным является **наследование по отцовской линии** — система, благодаря которой поддерживается родство между мужчинами, представляющими разные поколения. Дети связаны с остальными членами общества только через их отцов, наследниками собственности тех становятся, как правило, сыновья. Это характерно для большинства скотоводческих и аграрных обществ, в которых мужчины оказываются создателями наиболее ценных ресурсов. Менее распространено **наследование по материнской линии** (система, благодаря которой поддерживается родство между женщинами разных поколений). Такая передача собственности женщинами своим дочерям распространена там, где занимаются преимущественно садоводством и земледелием, когда основными производителями продуктов оказываются именно женщины.

Индустриальные общества с их большим гендерным равноправием признают **билатеральное наследование** — систему, благодаря которой поддерживается родство по мужской и женской линиям. В этом случае дети считают своими родственниками всех тех, с кем связаны и по материнской, и по отцовской линии.

Формы власти

То, что в мире преобладают полигиния, патрилокальность и наследование по мужской линии, свидетельствует об универсальности патриархата. Во всех обществах жены и матери обладают немалой властью, но, как уже отмечалось в главе 13 («Гендерная стратификация»), ни одно из когда-либо существовавших обществ не может быть названо подлинно матриархальным.

В индустриальных — например, в американском — складываются более равноправные семейные отношения, особенно с ростом числа работающих женщин. Однако даже в США главой семьи, как правило, является мужчина. И родители до сих пор предпочитают иметь сыновей, а не дочерей, называют мальчиков в честь отцов.

Семья: теоретический анализ

Как и в предыдущих главах, предлагаем читателям несколько теоретических подходов к осмыслению института семьи, отражающих спектр представлений о нем.

Функции семьи: структурно-функциональный анализ

Согласно структурно-функциональной парадигме, семья выполняет несколько жизненно важных функций. Она выступает главной опорой общества.

1. **Социализация.** В главе 5 отмечалось, что социализация начинается именно в семье и именно последняя играет в данном процессе самую заметную роль. Идеальный случай — семья, в которой родители помогают своим детям стать полноценными и полезными членами общества (Parsons & Bales, 1955). Разумеется, социализация продолжается на протяжении всей жизни человека.

Взрослые люди изменяются после вступления в брак, и, как известно большинству родителей, матери и отцы узнают от своих детей ничуть не меньше, чем дети узнают от них.

2. **Регулирование сексуальной активности.** Все культуры регулируют сексуальную активность, чтобы поддержать установленную систему наследования и право собственности. **Одной из универсальных культурных норм является табу на инцест** (*культурная норма, запрещающая сексуальные связи и браки между близкими родственниками*). Кто именно подпадает под этот запрет, зависит от культуры. Например, у навахо, в сообществе которых действует система наследования по материнской линии, ни мужчина, ни женщина не могут вступить в брак с кем-либо из родственников своей матери. Американское билатеральное общество применяет данное табу к родственникам как с материнской, так и с отцовской стороны, но ограничивает его действие лишь самыми близкими, включая родителей, дедушек и бабушек, родных братьев и сестер, тетей и дядей. Вместе с тем знатные люди в Древнем Египте, в государстве инков и на Гавайях признавали даже браки между родными братьями и сестрами (Murdock, 1965; 1-е изд. — 1949).

Потомство, родившееся от союза близких родственников, о каком бы биологическом виде ни шла речь, может быть физически и умственно неполноценным. Но поскольку этого табу придерживаются только люди, можно предположить, что основная причина контролировать инцест — социальная. Почему? Во-первых, этот запрет ограничивает сексуальную конкуренцию в семьях исключительно отношениями между супругами. Во-вторых, практика заключения браков вне границ семейных кланов приводит к тому, что общество становится более интегрированным и большим. В-третьих, поскольку родство определяет взаимные права и обязанности людей, браки между близкими родственниками могли бы безнадежно спутать все родственные связи и превратиться в угрозу общественному порядку.

3. **Социальная расстановка сил.** Для продолжения рода вряд ли нужны семьи, но они помогают поддерживать социальную организацию. При рождении дети наделяются социальной идентичностью родителей, они приобретают расовую, этническую, религиозную и классовую принадлежность.
4. **Материальная и эмоциональная безопасность.** Многие считают семью «прибежищем в жестоком мире» — прибежищем, в котором можно найти защиту от физической опасности, эмоциональную поддержку и финансовую помощь. Именно поэтому семейные люди нередко обладают более крепким здоровьем, чем одинокие.

Критическая оценка. Структурно-функциональный анализ поясняет, почему общество зависит от семей. Но этот подход не учитывает огромного разнообразия вариантов американских семей и того, как другие социальные институты (например, правительство) способны удовлетворить некоторые из тех потребностей людей, о которых обычно заботится семья. К тому же сторонники данной парадигмы анализа упускают из виду негативные аспекты семейной жизни, в том числе господство мужчин и насилие в семье.

Неравенство и семья: анализ с позиции социального конфликта

Сторонники парадигмы социального конфликта также считают семью главным в американской жизни, но уделяют основное внимание не общественной пользе, а тому, как семьи утверждают социальное неравенство.

1. **Собственность и наследование.** Фридрих Энгельс связал происхождение семьи с потребностью мужчин (и в первую очередь — представителей высших слоев общества) определить своих наследников, чтобы передавать свою собственность только сыновьям (Engels, 1902; 1-е изд. — 1884). Следовательно, семьи благоприятствуют концентрации богатства и в каждом последующем поколении воспроизводят классовую структуру общества (Mare, 1991).
2. **Патриархат.** Для полной уверенности в том, что их наследники — это именно их дети, мужчины должны контролировать сексуальную жизнь женщин. Семейные узы превращают последних в экономическую и сексуальную собственность мужей. В США столетие назад заработки большинства женщин принадлежали их супругам. Ныне, несмотря на поразительные экономические достижения, основная доля ответственности за детей все еще лежит на женщинах, которые также выполняют и большую часть домашней работы (Hochschild & Machung, 1989; Presser, 1993; Keith & Schafer, 1994; Benokraitis & Feagin, 1995; Stapinski, 1998).
3. **Расовое и этническое неравенство.** Расовая и этническая принадлежность поддерживается в поколениях постольку, поскольку люди вступают в брак с представителями своей расы или этноса. Следовательно, эндогамия сохраняет расовую и этническую иерархии.

Критическая оценка. Парадигма социального конфликта высвечивает другой аспект семейной жизни: ее роль в социальной стратификации. Энгельс критиковал семью как неотъемлемую часть капиталистической системы. Однако она (и семейные проблемы) существует и в некапиталистических обществах. Возможно, Энгельс прав и семьи на самом деле связаны с социальным неравенством, но они также осуществляют и такие функции, которые не под силу другим социальным институтам.

Создание семьи: анализ на микроуровне

И структурно-функциональный анализ, и парадигма социального конфликта рассматривают семью как структурированную систему. Что же касается микроуровневого анализа, то его цель — изучить, как люди создают семьи и каков их опыт семейной жизни.

Парадигма символического интеракционизма. В идеале семья предоставляет возможность для близких, интимных отношений (от лат. *intimus* — «самый глубокий, внутренний, сокровенный»). Между членами семьи возникают эмоциональные взаимосвязи. Конечно, роль родителей — наделенных властью — нередко препятствует их сближению с детьми. Лишь когда дети вырастают, родственные связи между поколениями раскрываются в полной мере и строятся на взаимном доверии и взаимопомощи во всех повседневных делах (Macdonis, 1978a).

Перед вами репродукция другой известной картины Кармен Ломас Гарца «Вечер». Художник иллюстрирует важную особенность ухаживания по-испански – активную вовлеченность в него всей семьи, особенно родственников девушки. Молодым людям предоставляется возможность познакомиться поближе, но только под присмотром бдительно наблюдающих за ними представителей старшего поколения. Гуашь. Из частного собрания Софи и Дэниэла Шер, Бирмингем

Анализ с позиции социального обмена. Анализ с позиции социального обмена описывает ухаживание и брак как некие формы ведения переговоров (Blau, 1964). Ухаживание позволяет и мужчине, и женщине оценить плюсы и минусы друг друга в качестве супругов, уточнить, что же каждый из них может предложить взамен. По сути, как утверждают сторонники данного подхода, люди, вступая в брак, стремятся совершить наиболее выгодную «сделку» из всех возможных.

Физическая привлекательность оказывается важным «элементом торга». В патриархальных обществах, в которых «брачный» набор мужчины складывается из богатства и власти, от женщин ожидают другого вклада – красоты. Та играет огромную роль, чем и объясняется традиционная забота женщин о своей внешности и чувствительность к ситуациям, когда речь заходит об их возрасте. Однако с ростом числа работающих женщин уменьшается их экономическая зависимость от мужчин, а это значит, что позиции представителей двух полов, касающиеся отношений «обмена» в браке, сближаются.

Критическая оценка. Микроуровневый анализ уравнивает структурно-функциональный и подход в рамках парадигмы социального конфликта, когда семья рассматривается одним из общественных институтов. Рассмотрение проблемы и под углом зрения символического интеракционизма, и с позиции социального обмена показывает, как человек создает свою семейную жизнь. Однако в этом случае из виду упускается более масштабная картина: семейная жизнь людей, принадлежащих к одной социальной и экономической категории, практически одинакова. Раз-

лично между американскими семьями предсказуемо, оно базируется на социальном статусе и этнической принадлежности, и, как станет ясно далее, все американские семьи обычно проходят определенные стадии, связанные с этапами жизни.

Стадии семейной жизни

Семья — динамический, изменяющийся социальный институт. Новые семьи начинаются с ухаживания, а потом молодожены превращаются в партнеров, «притирающихся» к реалиям семейной жизни. Затем (по крайней мере для большинства супружеских пар) начинаются годы, когда нужно растить и воспитывать детей; и, наконец, наступает пора, когда выросшие дети оставляют родительский дом и начинают обзаводиться собственными семьями. Не вдаваясь в детали, коротко расскажем об этих стадиях.

Ухаживание

2 ноября, остров Канди (Шри-Ланка). Пробираясь сквозь тропические заросли этого прекрасного острова, Гарри, водитель нашего фургона, вспоминает, как он познакомился со своей женой. Вообще-то их знакомство правильнее было бы назвать «сговором»: члены обеих семей были буддистами и принадлежали к одной касте. «Мы с самого начала поладили, — вспоминает Гарри. — Ведь мы воспитывались в одинаковых условиях. Наверное, кто-нибудь из нас мог бы сказать "нет". Но браки по любви заключаются в городах, а не в таких деревнях, как та, в которой я вырос».

В аграрной Шри-Ланке и в сельских регионах всех без исключения стран с низким и средним уровнем доходов большинство людей считают период ухаживания слишком важным, чтобы отдать его на откуп молодым людям (Stone, 1977). «Браки по договору» представляют собой альянс между двумя расширенными семьями, имеющими равный социальный статус, и обычно предполагают «обмен» не только детьми, но и материальными ценностями и услугами. Романтическая любовь не имеет к этому никакого отношения, и родители вполне могут сговориться друг с другом, когда их дети совсем маленькие. Так, 100 лет тому назад в Шри-Ланке и в Индии 50% всех девочек выходила замуж, когда им не было еще и 15 лет (Мауо, 1927; Массе & Массе, 1960). Такие браки между детьми заключаются и поныне («Из колыбели — под венец: репортаж из индийской деревни»).

Поскольку традиционные общества в культурном отношении однородны, социализация практически любого представителя противоположного пола такова, что он может быть хорошим мужем для дочери или хорошей женой для сына. Поэтому родители договариваются о свадьбах, не задумываясь, насколько *совместимы* характеры и физиология их детей; им достаточно быть уверенными, что те *совместимы с точки зрения культуры*.

Индустриализация не только сделала традиционную семью менее прочной, но и лишила расширенную семью ее прежнего значения. Молодые люди сами выбирают себе партнеров и откладывают вступление в брак до тех пор, пока не приобретут финансовой независимости и опыта, необходимого для того, чтобы найти спутника жизни. Свидания позволяют молодежи оттачивать навыки ухаживания и набираться сексуального опыта.

ГЛОБАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Из колыбели — под венец: репортаж из индийской деревни

Когда ее свадьба вот-вот должна была начаться, Сумитра Джогги расплакалась. Были ли это слезы радости? Скорее всего, нет. Невеста — одиннадцатимесячный младенец на руках матери. А жених? Шестилетний мальчик.

В глухой деревушке, расположенной в индийском штате Раджастан, две семьи собрались в полночь, чтобы совершить традиционный брачный ритуал. Сегодня 2 мая — день, который, согласно индусской традиции, особенно хорош для свадеб. Когда церемония начинается, лицо отца Сумитры расплывается в улыбке, а мать продолжает баюкать уснувшую малышку. Жених, в специальном костюме, с красно-золотым тюрбаном на голове, осторожно протягивает руку и сжимает ладонь девочки. Потом, когда церемония подходит к завершающей стадии, он три с половиной раза обводит малышку и ее мать вокруг свадебного костра, а собравшиеся с восторгом наблюдают за первыми шагами новобрачных в качестве мужа и жены.

Индийский закон запрещает браки между детьми, но в сельских регионах сильны традиции, и брачное законодательство там «не действует». В результате, как считают эксперты, ежегодно в брак вступают тысячи детей. «В аграрном Раджастане, — говорит один социальный работник, — к четырнадцати годам все девочки уже замужем. Их родители — безграмотные бедняки, спешащие избавиться от дочерей после того, как у тех начнется менструация».

Ближайшие несколько лет Сумитра Джогги проведет в родительском доме, но когда ей исполнится 8 или 10 лет, состоится вторая церемония, после которой она переедет в дом родителей мужа и заживет жизнью замужней женщины.

Если ответственность, которую возлагает брак, наступает через столько лет, почему семьи спешат женить и выдать замуж своих детей в столь раннем возрасте? Родители девочки знают: чем моложе невеста, тем меньше приданое, которое нужно отдать родителям жениха. Кроме того, когда девочек выдают замуж в таком нежном возрасте, ни у кого не возникает сомнений в ее девственности, и их цена как невесты возрастает. «Договорные браки» — это альянсы, заключаемые между семьями. Никто не думает ни о любви, ни о том, что дети слишком малы, чтобы понять смысл происходящего.

Источник: Anderson, 1995.

Романтическая любовь. Американская культура прославляет *романтическую любовь* — симпатию и сексуальную страсть к человеку противоположного пола — как основу брака. Американцам трудно представить себе брак без любви, и массовая культура — от сказок вроде «Золушки» до современных любовных романов — изображает любовь как ключ к счастливому супружеству. Однако, как следует из данных, представленных на рис. 17.1, в Пакистане, в Индии и во многих других странах, где традиции сильны и по сей день, романтическая любовь играет значительно меньшую роль в выборе спутника жизни.

Чрезмерное внимание, уделяемое в США любовным отношениям, побуждает молодых людей «покидать родные гнезда» и создавать собственные семьи, причем взаимное физическое влечение может помочь молодой паре пройти трудный период привыкания к жизни вдвоем (Goode, 1959). Однако, поскольку чувства — достаточно хрупкая материя, романтическая любовь оказывается менее прочной основой для брака, чем социальные и экономические соображения. В этом и кроется одна из причин того, что в США значительно больше разводов, чем в странах, где культурная традиция ограничивает молодых людей в выборе партнеров.

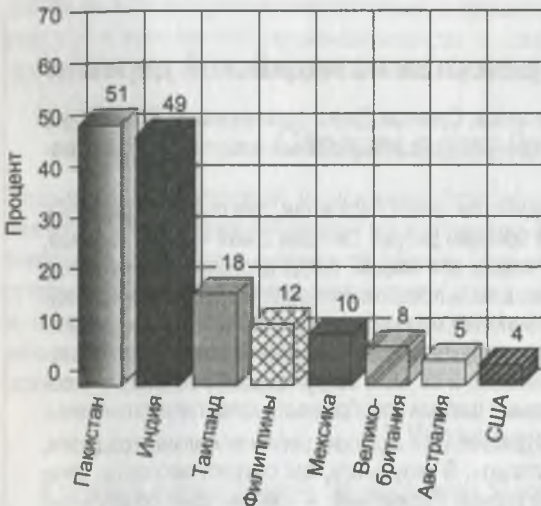

Рис. 17.1. Процент студентов колледжей, готовых вступить в брак без романтической любви. *Источник: Levine, 1993*

Вместе с тем социологи подчеркивают, что даже при таких условиях общество накладывает свой неизгладимый отпечаток на возникновение любовных привязанностей.

Многие из американцев влюбляются в тех, кто принадлежит к одной с ними расе, одному социальному слою и подходит им по возрасту. В американском обществе поощряется **гомогамия** (дословно — «вступление в брак с себе подобным»). Это *брак между людьми, имеющими одинаковые социальные характеристики*.

Начало совместной жизни: идеальный и реальный брак

Благодаря культуре у молодых людей складывается идеализированное представление о браке как о «любви до гроба». Подобный оптимизм может стать причиной разочарования, особенно у женщин, которых приучили считать замужество ключом к счастью. Да и сама романтическая любовь не обходится без изрядной доли фантазии. Мы не всегда влюбляемся в реальных людей, иногда наделяем человека важными для нас качествами и увлекаемся созданным нами самими образом (Berscheid & Hatfield, 1983). Однако после свадьбы многие супруги сталкиваются с повседневными рутинными обязанностями.

Интимные отношения тоже могут стать источником разочарования. Влюбленным и романтически настроенным молодым людям брак может представляться бесконечным медовым месяцем, но наступает отрезвление, и им приходится признать, что секс перестал быть всепоглощающей страстью. Примерно два человека из трех, состоящих в браке, удовлетворены «сексуальной составляющей» отношений со своей «второй половиной», хотя с течением времени «сексуальная жизнь супругов» и идет на спад.

Многие специалисты соглашаются, что супружеские пары, наиболее удовлетворенные своими интимными отношениями, счастливы и в браке. Существование подобной корреляции вовсе не означает, будто секс — ключ к счастью; однако примеров, когда удовлетворяющий обоих супругов секс и хорошие отношения взаимосвязаны, значительно больше, чем противоположных (Hunt, 1974; Tavris & Sadd, 1977; Blumstein & Schwartz, 1983; Laumann et al., 1994).

Супружеская неверность — *внебрачная половая связь* — еще один аспект отношений, по которому реальный брак не совпадает с его идеальным образом, с нашим

культурным идеалом. 90% взрослых американцев, участников недавно проведенного общенационального опроса, считают, что секс вне брака — «всегда непозволителен» или «почти всегда непозволителен». Но даже при этом 21% мужчин и 13% женщин из числа тех, кто заполнил анонимную анкету, признались в том, что как минимум хотя бы раз изменяли своим супругам (NORC, 2001, pp. 243, 1135).

Воспитание детей

Несмотря на те требования, которые предъявляются к взрослым в связи с воспитанием детей, отцовство (материнство) по-прежнему признается одной из самых больших радостей жизни (NORC, 2001, p. 979). Однако, как следует из данных, представленных в табл. 17.1, сегодня лишь немногие хотят иметь более трех детей. По сравнению с тем, что было 200 лет назад, когда американская семья в среднем имела *восемь* детей, ситуация существенно изменилась.

В доиндустриальных обществах многодетность окупалась, ибо чем больше в семье было детей, тем больше и рабочих рук. Поэтому обязанность жены тогда — рожать, и при отсутствии эффективных средств контроля над рождаемостью, дети появлялись у супругов едва ли не каждый год. Конечно, для доиндустриальных обществ характерна высокая детская смертность, и до взрослого состояния доживали отнюдь не все родившиеся: в США еще сравнительно недавно, в 1900 г., до 10 лет не доживало 30% детей (Wall, 1980).

Пользуясь экономическими терминами, можно сказать, что индустриализация превратила ребенка из источника дохода в платежное обязательство. Сейчас воспитание одного ребенка (с учетом его обучения в колледже) стоит \$200 тыс. (Lino, 2001). Поэтому нет ничего удивительного, что на протяжении XX в. семьи неуклонно уменьшались и сейчас типичной стала семья с одним ребенком¹.

Таблица 17.1

Идеальное число детей (результаты опроса взрослых американцев, проведенного в 2000 г.)

Число детей	Процент респондентов
0	1,3
1	3,4
2	50,4
3	23,4
4	8,2
5	0,7
6 или более	0,5
Сколько Бог даст	7,1
Не ответили на вопрос	5,0

Источник: *General Social Survey, 1972–2000: Cumulative Codebook* (Chicago: National Opinion Research Center, 2001), p. 238.

¹ Согласно данным Бюро переписи населения США, в 2000 г. на одну семью приходилось в среднем 0,9 ребенка. Для белых, афроамериканцев и испаноязычных этот показатель равнялся 0,89; 1,15 и 1,53 соответственно.

Тенденция к сокращению численности семьи наиболее заметна в странах с высоким уровнем доходов. Но там, где он низок (в Латинской Америке, Азии и особенно в Африке), картина совсем другая: у многих женщин нет иного выбора, как рожать и растить детей. В этих странах семья с 4, 5 и даже 6 детьми — до сих пор обычное явление.

Отцовство или материнство не только дорогое удовольствие, но и пожизненные обязательства. Когда американское общество предоставило своим гражданам больший выбор в том, что касается организации семейной жизни, возросло число взрослых американцев, которые предпочли отложить рождение ребенка или остаться бездетными. В 1960 г. около 90% женщин в возрасте от 25 до 29 лет, успевших побывать замужем хотя бы однажды, имели (как минимум) 1 ребенка; к 1998 г. их доля сократилась до 70% (U.S. Census Bureau, 2000).

В США около 65% родителей признаются, что хотели бы посвящать своим детям больше времени (Snell, 1990). Но поскольку они не соглашаются на более низкий уровень жизни, экономические реалии требуют от большинства родителей, чтобы они работали вне дома и делали карьеру, даже если это означает, что им придется уделять меньше внимания своим семьям.

Дети работающих родителей большую часть времени проводят в школе. Но затем более 2 млн детей в возрасте от 5 до 14 лет (примерно 13% от общего количества) превращаются в детей, предоставленных самим себе (Capizzano, Tout & Adams, 2001). Защитники традиционных «семейных ценностей» склонны обвинять многих матерей в том, что они жертвуют ради работы своими детьми, которым уделяют слишком мало внимания. Сторонники более прогрессивных взглядов полагают, что женщины становятся объектами подобной критики за свое желание иметь те же самые возможности, которыми уже давно располагают мужчины.

Приняв в 1993 г. Закон о предоставлении отпусков по семейным обстоятельствам, конгресс попытался ослабить конфликт между служебными и семейными обязанностями. Согласно этому закону, в связи с рождением ребенка или в случае серьезной болезни кого-либо из членов семьи работающему человеку может быть предоставлен неоплачиваемый отпуск сроком до 90 дней. Однако большинству взрослых американцев приходится сочетать родительские и профессиональные обязанности. Кто присматривает за ребенком, когда его мама на работе? Ответ на этот вопрос вы найдете в отрывке под названием «Кто присматривает за детьми?»

Семейная жизнь: завершающий этап

Увеличение продолжительности жизни в США означает, что, если супруги не развелись, им, скорее всего, предстоит прожить вместе много лет. Примерно к 50 годам у большинства супругов дети уже вырастают, и остающиеся годы они проведут так же, как начинали совместную жизнь, — вдвоем.

Как рождение детей, так и их уход из дома («опустевшее гнездо») требует от супругов адаптации к новым условиям, хотя нередко именно в этом возрасте их отношения становятся более доверительными. Совместно прожитые годы могут охладить сексуальный пыл мужа и жены, но взаимопонимание и дружеские чувства нередко проявляются с большей силой, чем в молодости.

ПРАКТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Кто присматривает за детьми?

Традиционно ежедневный уход за маленькими детьми был обязанностью матерей. Но поскольку сейчас большинство родителей работают, важнейшая задача для них — предоставить своему ребенку хороший и соответствующий материальным возможностям уход.

Рисунок дает представление о том, кто именно присматривает за малышами до 5 лет, пока их мамы работают. Примерно 50% детей остается на попечении либо отцов (24%), либо кого-либо из родственников (23%), причем 9% приглашают родственника в свой дом, а 14% — отправляются в его. Однако за большинством детей ухаживают вовсе не родственники: 32% детей посещают дошкольные детские учреждения или подготовительные школы и только 6% остаются дома с няней или бэббиситтером¹. За последние 10 лет доля детей, посещающих дошкольные детские учреждения, удвоилась, поскольку многим родителям надлежащий уход за ребенком в домашних условиях не по карману.

Некоторые из таких дошкольных учреждений столь велики, что похожи на площадки для парковки автомобилей, где родители «оставляют» своих малышей на день. Обезличенность таких организаций и большая текучесть кадров препятствуют созданию в них теплой, «домашней» обстановки и последовательному воспитанию, которые необходимы для того, чтобы малыши стали относиться к окружающим их взрослым с доверием. Есть и дошкольные учреждения, лишенные этих недостатков; в них безопасная и здоровая обстановка. Иными словами, *хорошие* детские учреждения хороши для детей, *плохие* плохи.

¹ Бэббиситтер — человек, которого приглашают в дом на определенное время специально для ухода за маленьким ребенком и который получает за свою работу почасовую оплату. — *Примеч. перев.*

Источники: U.S. Census Bureau, 1997; Capizzano, Adams & Sonenestein, 2001.

Личные контакты с детьми обычно продолжают, ибо большинство немолодых американцев живут по соседству хотя бы с одним из своих детей. Более того, примерно треть из них (60 млн) — бабушки и дедушки, многие из которых ухаживают за внуками и помогают своим детям в разных домашних делах. В семьях афро-

американцев (среди них велика доля неполных семей) бабушки играют главную роль (Crispell, 1993; Jarrett, 1994; Rutherford, 1999; Clemetson, 2000).

Другой аспект этой проблемы — то, что немало американцев среднего возраста ухаживают за своими стареющими родителями. При этом совсем не обязательно, чтобы родители фактически переезжали к детям, тем не менее забота о пожилых может оказаться более обременительным делом, чем уход за маленькими детьми. Самых старших бэбибумеров¹ — сейчас им уже за 50 — называют «поколением сэндвичей», поскольку им (и в первую очередь — женщинам) придется потратить на уход за стареющими родителями столько же лет, сколько они в свое время потратили на уход за своими детьми (Lund, 1993).

Смерть одного из супругов знаменует начало заключительного и, конечно же, самого трудного этапа семейной жизни. Как правило, жены переживают своих мужей, потому что, во-первых, женщины живут дольше мужчин, а, во-вторых, потому что жены обычно бывают на несколько лет моложе. Следовательно, им нужно подготовиться к тому, что несколько лет они проведут вдовами. Особенно тяжело приходится вдовцам, ибо у мужчин обычно меньше друзей, чем у женщин, и они хуже справляются с чисто бытовыми проблемами.

Американские семьи: класс, раса и гендер

Все параметры, по которым различаются люди, — классовая, расовая и этническая принадлежность, а также гендер — мощные факторы, воздействующие на супружескую и семейную жизнь. Рассмотрим эти аспекты по отдельности, хотя следует помнить, что в реальной жизни они накладываются друг на друга.

Социальный класс

Социальный класс определяет финансовую стабильность семьи и спектр ее возможностей. В своем ставшем классическим исследовании, которое посвящено женщинам, принадлежащим к рабочему классу, Лиллиан Рубин пишет, что они считают хорошим мужем того, кто имеет постоянную работу, не слишком увлекается спиртными напитками и не прибегает к рукоприкладству (Rubin, 1976). В отличие от этих женщин респондентки Рубин, принадлежавшие к среднему классу, вообще никогда не упоминали ни о чем подобном: то, что муж должен обеспечить семье финансовую и прочую безопасность, они считали само собой разумеющимся. В их представлении идеальный муж — это человек, с которым они могут разговаривать на одном языке.

Это различие отражает тот факт, что люди, занимающие высокое общественное положение, более образованные и занимают должности, которые требуют хороших вербальных навыков. Кроме того, у супругов из среднего класса много общих интересов и дел, в то время как жизнь рабочих семей отличается более отчетливым «гендерным разделением». По мнению Рубин, многие мужчины из рабочего класса имеют традиционные представления о мужественности и самоконтроле и не позволяют себе проявлять свои чувства, что заставляет женщин обращаться за поддержкой друг к другу.

¹ Бэбибумерами (*baby boomers*) в США называют людей, родившихся во время бэбибума (*baby boom*) — демографического взрыва, произошедшего после окончания Второй мировой войны. — *Примеч. перев.*

То, что женщины (и мужчины), по их мнению, надеются найти в браке — и что они на самом деле находят, определяется их принадлежностью к определенному социальному классу. Многие из сказанного справедливо и в отношении детей: те мальчики и девочки, которым повезло родиться в обеспеченных семьях, более здоровы физически и психически, увереннее в себе и настроены достичь более значительных успехов, нежели дети неимущих родителей (Komarovskiy, 1967; Bott, 1971, ориг. 1957; Rubin, 1976; Fitzpatrick, 1988; McLeod & Shanahan, 1993; Duncan et al., 1998).

Расовая и этническая принадлежность

В главе 14 уже было сказано, что расовая и этническая принадлежность — мощные социальные факторы, влияющие на все аспекты семейной жизни. Однако следует помнить, что различаются не только семьи белых, но также семьи афро-, латиноамериканцев и других категорий людей; стереотипные представления о них не соответствуют действительности (Allen, 1995).

Семьи латиноамериканцев. Многие выходцы из Латинской Америки вправе рассчитывать на преданность и поддержку расширенной семьи. Испаноязычные родители активнее вмешиваются в отношения своих детей с лицами противоположного пола, считая брак семейным альянсом, а не союзом, основанным лишь на романтической любви. В некоторых из этих семей также разделяют традиционные представления о гендерных ролях: поощряют маскулинность мужчин — силу, настойчивость и сексуальные подвиги, а что касается женщин, то их не только почитают, но за ними пристально следят.

Однако ассимиляция в обществе изменяет эти традиционные образцы. Например, у многих пуэрториканцев, обосновавшихся в Нью-Йорке, уже нет столь влиятельных расширенных семей, какие были у них на родине. Традиционное господство мужчин над женщинами тоже утрачивает свои былые позиции, что особенно заметно в семьях зажиточных латиноамериканцев, число которых за последние двадцать лет утроилось (Moore & Pachon, 1985; Nielsen, 1990; O'Hare, 1990; Lach, 1999).

Хотя некоторые латиноамериканцы и преуспевают, в целом уровень жизни этой части населения США по-прежнему ниже среднего. По данным американского Бюро переписи населения, в 2000 г. средний доход такой семьи составил \$35 тыс., или 69% от среднего по стране. В результате многие латиноамериканские семьи страдают от стресса, вызванного безработицей и другими проблемами, связанными с бедностью.

Семьи афроамериканцев. Финансовые затруднения испытывают также семьи афроамериканцев. В предыдущих главах уже отмечалось, что в 2000 г. обычная афроамериканская семья заработала \$34 204 — 67% от среднего по стране. Среди чернокожих американцев бедных в 3 раза больше, чем среди белых (не являющихся латиноамериканцами). Бедность означает, что семьи страдают от безработицы, от неполной занятости, а в некоторых случаях и от того, что вынуждены жить там, где высок уровень преступности и наркомании.

В подобных условиях трудно поддерживать прочные семейные узы. Так, 25% афроамериканок в возрасте от 40 до 50 лет никогда не были замужем (аналогичный показатель для белых женщин — 10%) (Bennett, Bloom & Craig, 1989). Получается, что немалая часть чернокожих женщин, зачастую имеющих детей, предпочитают быть одиночками главами своих семей. Как следует из данных, представленных на рис. 17.2,

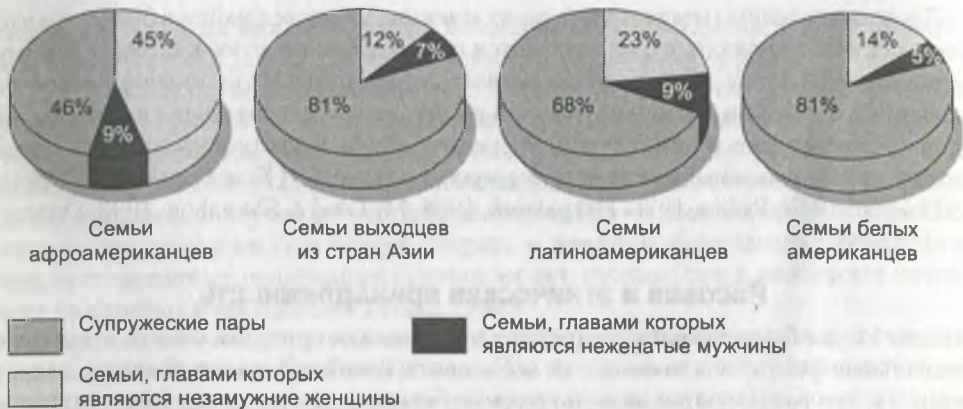

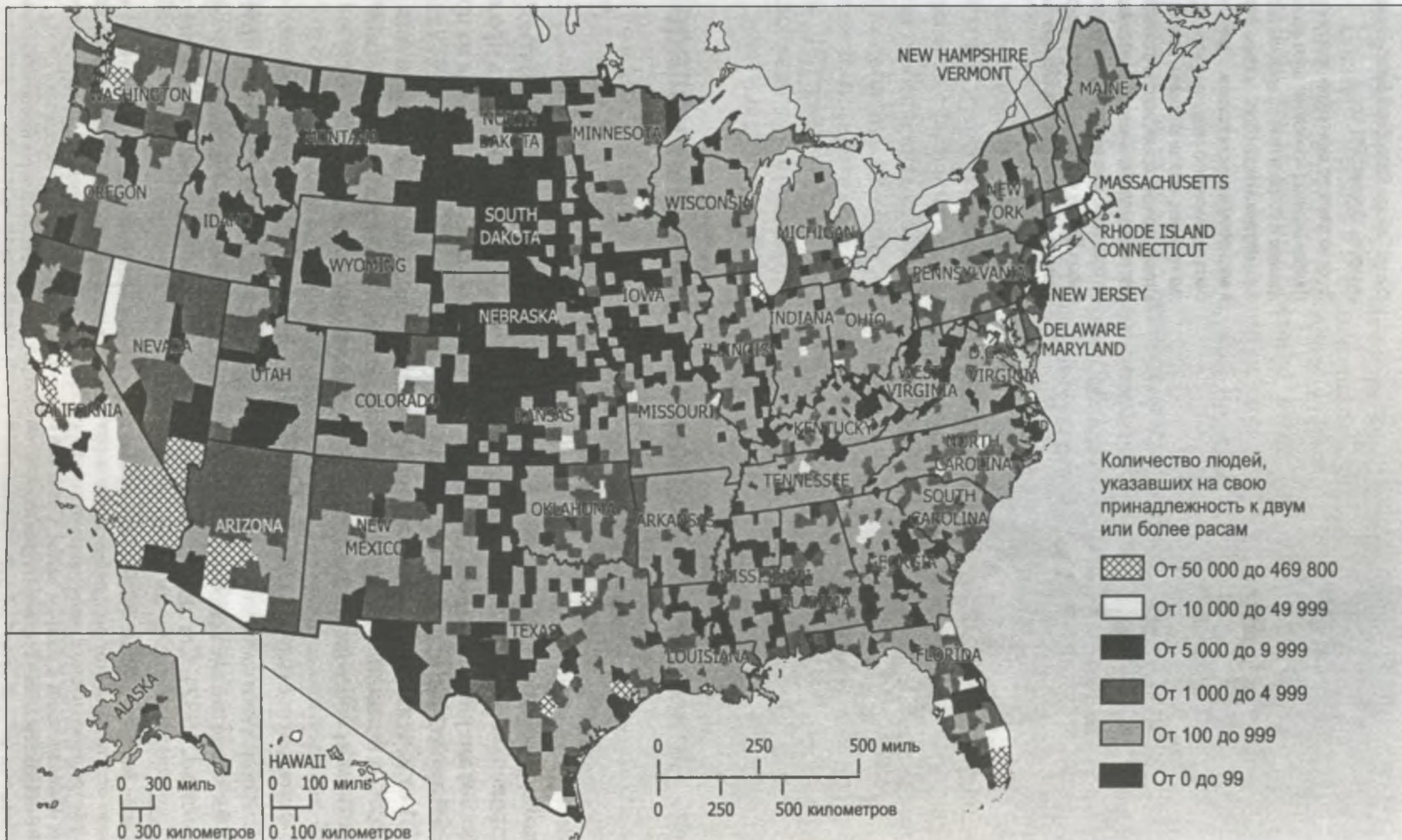
Рис. 17.2 Формы семей в США, 2000. Источник: U. S. Census Bureau, 2001

в 2000 г. женщины возглавляли 45% семей афроамериканцев (для семей латиноамериканцев, выходцев из стран Азии и Океании, а также для белых семей эти показатели составляют — 23, 12 и 14% соответственно) (U.S. Census Bureau, 2001).

Независимо от расовой принадлежности неполные семьи, во главе которых стоят одинокие женщины, всегда больше рискуют увязнуть в бедности. Тот факт, что таково положение 17% семей, главами которых оказываются белые женщины, 34%, где все держится на латиноамериканках, и 35% семей афроамериканок, — показательный пример того, как сочетание социальной, расовой принадлежности и гендера ставит женщину в невыгодные условия. Экономическое положение полных семей афроамериканцев (таковых примерно 50% от общего числа) значительно лучше: их годичный заработок составляет 85% от получаемого в сопоставимых с ними семьях белых американцев. Однако 72% чернокожих детей воспитываются матерями-одиночками, а 31% растут в нищете, т. е. груз детской бедности в США преимущественно несут именно эти семьи (Hogan & Kitagawa, 1985; U.S. Census Bureau, 2001; U.S. National Center for Health Statistics, 2001).

Межрасовые браки. Во многих семьях супруги принадлежат к одному и тому же социальному классу, к одной и той же расе и к одному и тому же этносу. Однако в XX в. со временем этническая принадлежность становилась соображением, которое стало приниматься во внимание все реже и реже. Так, немка или француженка могли запросто выйти замуж за ирландца или англичанина, и это не вызвало бы неодобрения как со стороны их семей, так и общества в целом.

Однако расовая принадлежность все еще остается пугающим фактором. До того как в 1967 г. Верховный Суд США принял решение по делу «Лавинг против штата Виргиния», в 16 штатах межрасовые браки были запрещены законом. Сегодня африканцы, азиаты и индейцы составляют 17% населения США, так что, если бы люди не обращали внимания на расовую принадлежность потенциального спутника жизни, можно было бы ожидать примерно такой же доли «смешанных» браков. Реально их 2,9% — свидетельство, что расовая принадлежность все еще имеет значение в социальных отношениях. Однако количество межрасовых браков неуклонно растет, и большинство американских тинэйджеров говорят о том, что «встречались» с парнем или с девушкой другой расы.

Карта США 17.1. Места проживания людей, считающих себя принадлежащим к разным расам. *Источник.* U.S. Census Bureau, 2001

Сюзан Пайзоу. Свадебный букет. Бумага, акварель. Студия SPM Inc.

За свою длинную карьеру социолога Джесси Бернад провела не одно исследование и собрала немало доказательств того, что для женщин брак оказывается в некотором роде сюрпризом. Приученные считать замужество решением всех жизненных проблем, многие женщины, вступающие в традиционные браки, вскоре сталкиваются с такими проблемами, о существовании которых даже и не подозревали. Картина Сюзан Пайзоу «Свадебный букет» иллюстрирует эту мысль исследовательницы

Поскольку афроамериканцы составляют 12% всего населения США, понятно, что распространены браки между белыми и чернокожими. Однако если учесть пропорции в составе американцев, выходит, что белые, выбирающие себе супругов из представителей другой расы, предпочитают азиатов (U.S. Census Bureau, 2001). На карте США 17.1 отмечены места проживания граждан, которые во время проведения переписи 2000 г. назвали себя принадлежащими к различным расам, что служит доказательством преобладания в этих регионах межрасовых браков¹.

Гендер

Джесси Бернад считает, что, независимо от расовой принадлежности супругов, любой брак представляет собой как бы два разных супружества — женщины и мужчины (Bernard, 1982). Сегодня редкие браки объединяют двух равных партнеров.

¹ Где наиболее распространены межрасовые браки? В настоящее время нет сведений, позволяющих однозначно ответить на этот вопрос, но Бюро переписи населения все-таки опубликовало данные о том, как распределяются по стране люди, относящие себя к более чем одной расе, — те, чьи родители, вероятно, принадлежали к разным расам. Сведения собраны во время переписи населения 2000 г. Как вы можете охарактеризовать регионы проживания этих людей, а следовательно, и регионы наибольшего распространения межрасовых браков?

Позиции патриархата существенно ослабли, однако мы привыкли, что мужья старше, сильнее, успешнее в профессиональном плане, чем жены (McRae, 1986).

Почему же в таком случае принято считать, что женщины выигрывают от брака больше, чем мужчины? (Bernard, 1982). Позитивный стереотипный образ беззаботного холостяка резко контрастирует с негативным образом одинокой старой девы, предполагающим, что женщина может реализовать себя только в роли жены и матери.

Однако, как утверждает Барнард, замужние женщины менее здоровы психически, менее счастливы и более пассивны, нежели одинокие. Женатые мужчины, напротив, живут дольше холостяков, обладают лучшим, чем те, психическим здоровьем и, судя по результатам опросов, чувствуют себя также более счастливыми. Эти различия позволяют понять, почему после развода мужчины активнее, чем женщины, ищут нового партнера.

Вывод, к которому пришла Барнард, таков: нет лучшего гаранта долголетия, здоровья и счастья мужчины, чем женщина, готовая посвятить свою жизнь заботе о нем и обеспечить стабильность и домашний порядок. Исследовательница даже готова добавить, что брак *мог бы быть* благотворным и для женщин, если бы мужья не доминировали над ними и не ждали от них выполнения всей домашней работы. Действительно, результаты исследований подтверждают: наиболее здоровые в психическом отношении супруги — те, кто сообща зарабатывают на жизнь, растят детей и ведут дом (Ross, Mirowsky & Hunter, 1983; Mirowsky & Ross, 1984).

Переломные моменты и проблемы семейной жизни

Энн Лэндерс, известный знаток жизни американского общества, как-то сказала, что из 20 браков «счастливым» можно назвать 1, «удачными» — 5, «сносными» — 10, а остальные 4 — просто «суший ад» (Landers, 1984). Семьи могут быть источником радости, но реальная семейная жизнь многих людей далека от идеальной.

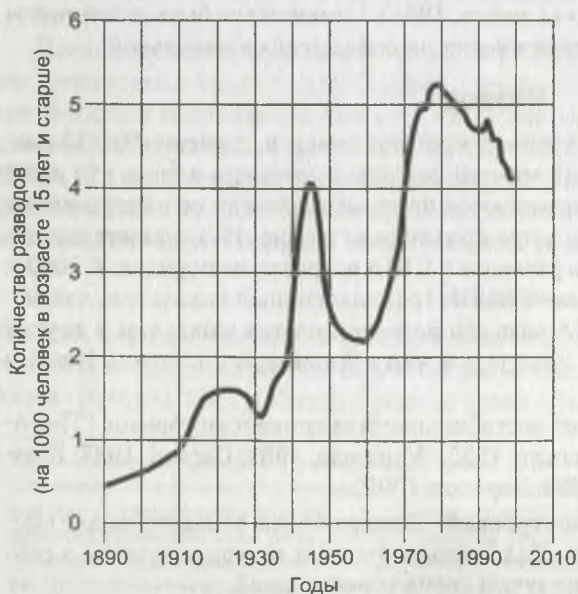
Развод

Американское общество активно отстаивает институт семьи, и примерно 9 из 10 американцев в какой-то определенный момент решают выступить в брак. Но ныне далеко не все супружеские узы оказываются прочными: многие не выдерживают «испытания на прочность». Данные, представленные на рис. 17.3, свидетельствуют, что с 1890 по 2000 г. количество разводов в США возросло на порядок. К 2000 г. в состоянии развода пребывали более 4 пар из 10 (аналогичный показатель для афроамериканцев — 6 из 10). В США разводы регистрируются чаще, чем в других странах: их в 2 раза больше, чем в Канаде, в 4, чем в Японии, и в 10, чем в Италии (U. S. Census Bureau, 2000).

Можно указать несколько причин нестабильности американских браков (Thornton, 1985; Waite, Haggstrom & Kanouse, 1985; Weitzman, 1985; Gerstel, 1987; Furstenberg & Cherlin, 1991; Etzioni, 1993; Popenoe, 1999).

1. **Рост индивидуалистических настроений.** Сегодня члены семьи проводят вместе меньше времени. Мы стали более эгоистичными и скорее думаем о собственном счастье, чем о благополучии своих семей и детей.

2. **Угасание романтической любви.** Поскольку в американской культуре основой брака считается романтическая любовь, угасание страсти нередко означает и разрыв брачных уз. Многие разводятся ради новых отношений, возвращающих им чувство любви и радости жизни.
3. **Приобретение женщинами большей самостоятельности.** В былые времена брак был экономическим союзом, источником поддержки для партнеров и — в первую очередь для женщин. Увеличение числа работающих женщин привело к уменьшению их финансовой зависимости от мужчин. Как следствие, им стало проще принимать решения прекратить не приносящие радости супружеские отношения.
4. **Превращение многих современных браков в источники стрессов.** Если и муж, и жена работают, у них остается меньше времени и сил на семейную жизнь, отчего растить и воспитывать детей сейчас трудно, как никогда. Рождение ребенка стабилизирует некоторые браки, но чаще разводятся именно молодые супруги, у которых и стаж семейной жизни невелик, и дети еще маленькие.
5. **Развод социально приемлем.** В прежние времена на страже брака стояли культурные — и прежде всего религиозные — ценности. Сегодня ситуация изменилась. Развод перестал быть позорным клеймом, каковым был еще 100 лет назад, и ныне семьи и друзья конфликтующих супругов менее склонны отговаривать их от развода.
6. **Упрощение юридической процедуры развода.** В прошлом суды требовали от разводящихся супругов доказательств виновности одного из них или обоих в таких поступках, как супружеская измена или физическое насилие. Сегодня во всех штатах для оформления развода достаточно лишь заявления супругов о том, что их брак фактически уже распался.

опросов общественного мнения свидетельствуют: 50% взрослых американцев считают необходимым усложнить процедуры развода (NORC, 2001, p. 241).

Рис. 17.3. Рост числа разводов в США с 1890 по 2000 г. *Источники:* U. S. Census Bureau, 2000; U. S. National Center for Health Statistics, 2001

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Каким должен быть брак: традиционным или «необязательным»?

«Пока смерть не разлучит нас», — говорим мы, произнося супружескую клятву. На самом же деле в качестве причины, разлучающей супругов, развод сегодня ничуть не менее вероятен, чем смерть одного из них. К этому отчасти привели законы о «разводе по взаимному согласию сторон», принятые во всех штатах после 1960 г. Однако общественное мнение изменилось, и сейчас половина взрослых американцев предпочла бы, чтобы развод стал более сложной процедурой. Впрочем, ни один штат не отказался от принятого ранее закона. Однако в 1997 г. Луизиана выдвинула нечто новое, хотя и не новый порядок развода, а другую форму брака (Walker, 1998).

Закон, принятый в Луизиане и в Аризоне (сейчас возможность последовать их примеру рассматривают еще 20 штатов), предлагает парам на выбор традиционный или *договорной* брак. При заключении второго требуется согласие обоих супругов на то, что они до начала процесса развода обратятся за помощью к консультантам по проблемам брака и семьи. Они должны также согласиться с тем, что развод возможен только в следующих случаях: если один из партнеров изменит другому, бросит другого хотя бы на год, станет алкоголиком или наркоманом, проявит физическое насилие по отношению к другому партнеру или ребенку или окажется в тюрьме по обвинению в совершении тяжкого преступления. Чего не могут сделать супруги, заключившие договорной брак, так это расстаться из-за того, что больше не хотят быть вместе (Nock, Wright & Sanchez, 1999).

Одни поддерживают такую идею, надеясь, что в результате количество разводов в США уменьшится. Другие убеждены: подобный закон направлен на «улучшение качества семейной жизни». В конце концов, если один из партнеров не соглашается на договорной брак, второй вполне может задуматься над причиной отказа и, возможно, даже отказаться от намерения жениться или выйти замуж.

Но у нового закона есть и критики, полагающие, что он попросту превращает несчастливые браки в ловушки для женщин и детей. В таком случае суды захлебнутся исками от пар, стремящихся разорвать свою договорную связь. В качестве доказательства своей правоты эти критики приводят первые статистические данные, свидетельствующие, что в Луизиане договорные браки выбирает лишь незначительная часть молодоженов. Следовательно, даже вступая в брак, люди хотят сохранять за собой право выбора (Whelan, 1998).

А как думаете вы:

1. Действительно ли бракоразводный процесс слишком упрощен? Пожалуйста, поясните свой ответ.
2. Вы бы сами выбрали договорной брак? Почему?
3. Должно ли общество пытаться сохранять браки, если супруги больше не хотят жить вместе? Почему вы так думаете?

Озабоченность столь «элементарным» оформлением разводами привела к тому, что власти некоторых штатов подумывают о реформе брачного законодательства. Подробнее об этом читайте в материале под названием «Каким должен быть брак: традиционным или «необязательным»?»

Кто разводится? Риск развода наиболее высок, когда супруги молоды (особенно если они поженились после непродолжительного знакомства), материально не

обеспечены и не достигли эмоциональной зрелости. Вероятность развода возрастает и в том случае, когда партнеров заставила заключить брак незапланированная беременность или когда один из них или оба становятся алкоголиками или наркоманами. Чаще разводятся также и дети разведенных родителей. По мнению исследователей, в данном случае срабатывает эффект моделирования роли: люди, наблюдавшие за разводом своих родителей, в большей мере склонны рассматривать такую возможность и для себя, чем те, у кого не было подобного опыта (Amato, 2001). Нерелигиозные люди разводятся чаще, чем религиозные.

Разводы также распространены в ситуациях, когда у обоих супругов успешно складывается карьера; возможно, причина этого заключается в стрессах, которые неизбежны в семье, если работают и муж, и жена, а также и в том, что финансово свободные люди не чувствуют себя обязанными продолжать не приносящие радости супружеские отношения. И наконец, к разводам более склонны мужчины и женщины, которые уже единожды развелись; как полагают, одна из причин этого может заключаться в том, одни и те же проблемы переходят вместе с ними из одного брака в другой (Dooth & White, 1980; Yoder & Nichols, 1980; Glenn & Shelton, 1985).

Поскольку матери, как правило, заботятся о бытовой стороне жизни детей, а мужчины зарабатывают больше женщин, благополучие ребенка зачастую зависит от алиментов, выплачиваемых отцами по решению суда. Как следует из данных, представленных на рис. 17.4, такое решение принимается судебными органами в 56% всех случаев разводов супругов, имеющих детей. Однако ежегодно более $\frac{1}{2}$ детей, которым финансовая поддержка положена на законных основаниях, получают лишь часть причитающихся им денег или не получают вообще ничего. Поскольку примерно 2,5 млн «папаш-неплательщиков» уклоняются от выполнения этих финансовых обязательств, на федеральном уровне принят закон, согласно которому работодатели вычитают алименты из заработка злостных неплательщиков. С 1998 г. отказ от уплаты алиментов или переезд в другой штат, чтобы «замести следы», признаются уголовными преступлениями (Weizman, 1985; Waldman, 1992; Graham & Beller, 1996).

Рис. 17.4. Выплата алиментов на детей после развода. Источник: U.S. Census Bureau, 2000

Больше самих супругов могут пострадать от развода дети. Он может вырвать их из привычной домашней обстановки, вовлечь в противостояние родителей и разлучить с тем из них, кого они любят. Но самое серьезное: многие дети считают себя виновниками разлада. Во многих случаях развод кардинально изменяет жизнь ребенка, становясь причиной эмоциональных расстройств и проблем с поведением, риск же того, что он бросит школу и у него возникнут трения с законом, возрастает. И все же, как считают многие специалисты, развод для детей лучше, чем жизнь в обстановке напряженности и насилия. В любом случае, подумывая о разводе, супруги, у которых есть дети, должны помнить о том, что на кону оказывается нечто большее, чем просто их собственное благополучие (Wallerstein & Blakeslee, 1989; Adelson, 1996; Popenoe, 1996; Cherlin, Chase-Landsdale & McRae, 1998).

Повторный брак

Четверо из пяти разведенных вступают во второй брак, причем большинство — в течение первых 5 лет. Сейчас в США едва ли не половина всех браков становится вторым браком по крайней мере для одного из супругов. Мужчины, извлекающие из супружеских отношений большую пользу, охотнее заключают новые узы.

Повторные браки зачастую создают *смешанные семьи*, в которые входят дети наряду с действительными и приемными родителями. Следовательно, в таком случае ребенку нужно разъяснить, кто же образует их нуклеарную (матримониальную) семью. Скажем, сын или дочь вдруг выясняет, что у него/нее есть два старших брата. Одновременно смешанные семьи предоставляют как младшим своим членам, так и старшим возможность сделать семейные роли более гибкими.

Насилие в семье

Идеальная семья — источник радости и помощи. Однако тревожной реальностью становится *насилие в семье* (*эмоциональное, физическое или сексуальное насилие одного члена семьи над другим*). Социолог Ричард Дж. Геллс (Richard J. Gelles) называет семью «наиболее склонной к насилию группой общества, уступающей в этом только полиции и армии» (цит. по: Roesch, 1984, p. 75).

Женщины — жертвы семейного насилия. Случаи насилия в семье нередко остаются неизвестными полиции. Тем не менее в 1999 г. американское Бюро юридической статистики зафиксировало более 791 тыс. эпизодов насилия, действующими лицами которых были сексуальные партнеры. В подавляющем большинстве таких случаев — 85% — насилие совершалось по отношению к женщинам; в 15% — к мужчинам (U. S. Bureau of Justice Statistics, 2001). Из числа ставших жертвами убийств от рук своих настоящих или — чаще — бывших супругов погибли 32% женщин (4% — мужчин). В 1999 г. в результате насилия в семье погибли 1218 американок. В целом, женщины чаще становятся жертвами кого-либо из членов семьи, чем уличных грабителей, насильников или дорожно-транспортных происшествий (Straus & Gelles, 1986; Schwartz, 1987; Shupe, Stacey & Hazlewood, 1987; Blankenhorn, 1995).

Исторически было так, что по закону жены считались собственностью своих мужей, и ни одному мужчине нельзя предъявить обвинение в изнасиловании собственной супруги. Однако ныне во всех штатах действуют *законы о супружеском изнасиловании*.

В прошлом законодательство тоже считало насилие в семье частным, семейным делом, так что жертвам насильников не на что было рассчитывать. Однако сейчас, даже если супруги живут вместе и не находятся в разводе, можно получить судебную защиту от супруга-насильника. В половине штатов действуют законы, запрещающие преследовать бывших партнеров, как-либо угрожать им, а также преследовать кого-либо другого. Во многих населенных пунктах по всем США созданы специальные приюты, предоставляющие временное убежище и юридическую и психологическую помощь женщинам и детям, вынужденным покинуть свои жилища из-за насилия в семье.

Дети — жертвы насилия. Жертвами домашнего насилия становятся не только женщины, но и дети. В 1998 г. зафиксировано примерно 3 млн случаев насилия над детьми и детской беспризорности, в том числе около 1 млн имевших тяжелые последствия для ребенка, приведшие к смерти 1100 детей. Такое насилие не ограничивается физическими травмами; агрессивные настроенные взрослые, злоупотребляя своей властью и доверием ребенка, наносят серьезный вред его эмоциональному благополучию. Чаще других жертвами насилия и беспризорности становятся самые маленькие и самые уязвимые из детей (Straus & Gelles, 1986; Van Biema, 1994; Besharov & Laumann, 1996; U.S. National Clearinghouse on Child Abuse and Neglect, 2000).

Жестокими по отношению к ребенку могут быть как мужчины, так и женщины, причем их нельзя свести к какому-либо одному простому стереотипу. Однако большинство из них все-таки имеют одну общую черту: в детстве они сами стали жертвами насилия в семье. Результаты исследований позволяют говорить, что жестокое обращение с близкими — результат научения, а это значит, что семейное насилие порождает насилие (Widom, 1996; Browning & Laumann, 1997; Levine, 2001).

Альтернативные формы семьи

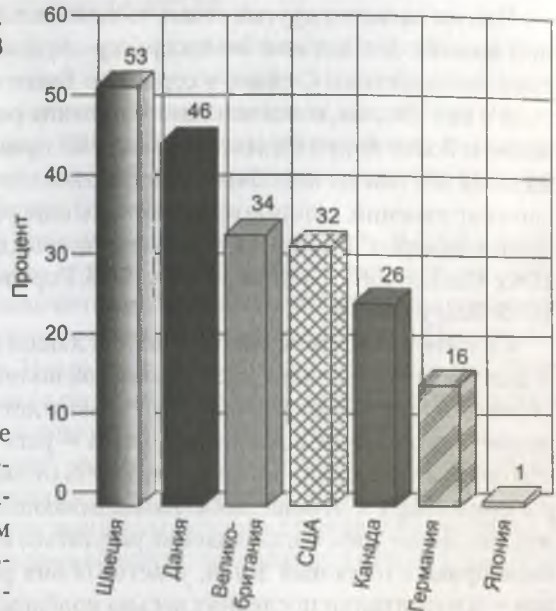
И поныне большинство американских семей — это супружеские пары, имеющие детей. Однако в последние десятилетия семейная жизнь в американском обществе приобрела разнообразные формы.

Неполные семьи

При жизни последнего поколения доля семей с детьми моложе 18 лет, имеющих только одного родителя, удвоилась и сейчас составляет 28%. Иными словами, примерно 27% американских детей живут с одним родителем, и примерно половина из них так и будут продолжать воспитываться до своего 18-летия. Неполные семьи, 78% из которых возглавляются женщинами, — это результат разводов, смертей и решения незамужних женщин родить ребенка. На рис. 17.5 представлены сравнительные данные о количестве внебрачных детей в США и в других странах с высоким уровнем доходов.

Матери-одиночки больше рискуют оказаться в состоянии бедности, потому что наличие детей ограничивает их возможность работать и повышать образовательный уровень. Справедливо и обратное утверждение: вероятность того, что матерью-одиночкой станет молодая женщина, живущая в нищете, выше (Trent, 1994).

Рис. 17.5. Количество внебрачных детей. 1995 г.
Источник: U. S. Census Bureau, 1998

Однако безотцовщина — отнюдь не удел только беднейших слоев населения: по меньшей мере 30% американок беременеют еще в подростковом возрасте, не будучи замужем, и многие решают растить ребенка независимо от того, выйдут они замуж или нет. Посмотрите еще раз на рис. 17.2 и обратите внимание, что главами 54% семей афроамериканцев оказываются одинокие родители. Подобная ситуация реже встречается в семьях латиноамериканцев (32%), белых (19%) и выходцев из стран Азии (19%). Многие одинокие матери обращаются за помощью к своим матерям. Следовательно, в США возрастание числа матерей-одиночек означает одновременно ослабление роли отцов и усиление роли бабушек и дедушек.

Результаты исследований показывают, что воспитание в неполной семье плохо отражается на детях. Некоторые авторы утверждают: поскольку и мать, и отец вносят существенный вклад в социальное развитие ребенка, нереалистично ожидать, что один родитель справится с этой задачей так же хорошо, как двое. Однако самой серьезной проблемой в неполных семьях, особенно если из родителей есть только мать, становится бедность. Растущие в таких условиях дети имеют плохие стартовые условия, получают более скромное образование, а, став взрослыми, вынуждены довольствоваться невысокими заработками. Весьма вероятно и то, что они сами тоже окажутся одинокими родителями (Wallerstein & Blakeslee, 1989; Astone & McLanahan, 1991; Li & Wojtkiewicz, 1992; Boblarz & Raftery, 1993; Popenoe, 1993a; Blankenhorn, 1995; Shapiro & Schrof, 1995; Webster, Orbuch & House, 1995; Wu, 1996; Duncan et al., 1998; Kantrowitz & Wingert, 2001).

Сожительство

Сожительство — совместное ведение хозяйства парой, официально не состоящей в браке. В США за последние 30 с небольшим лет количество таких пар увеличилось на порядок и сейчас составляет примерно 5,5 млн (из них — 4,9 гетеросексуальных и 0,6 гомосексуальных), т. е. примерно 10% от общего числа совместно проживающих людей (Miller, 1997b; U. S. Census Bureau, 2001).

Что же касается других стран, то сожителство как долгосрочная форма семейной жизни с детьми или без них распространено в Швеции и в других скандинавских государствах. Однако в странах с более строгими традициями (и католических), как Италия, сожителство — явление редкое. В США же оно становится все более и более популярным, и сейчас уже примерно 50% всех людей в возрасте от 25 до 42 лет имеют подобный опыт. Кроме того, растет число пар, не оформивших своих отношений, которые имеют хотя бы одного ребенка моложе 18 лет; их доля ныне равна примерно 33% от общего количества гражданских браков (Blumstein & Schwartz, 1983; Mackin, 1983; Gwartney-Gibbs, 1986; Popenoe, 1988; 1991, 1992; Bumpass & Sweet, 1995; Raley, 1996).

Сожителство привлекательно для людей с более независимыми суждениями и для тех, кто разделяет идею равенства полов (Brines & Joynes, 1999). Большинство сожителствуют не более нескольких лет, после чего примерно половина пар решает пожениться, а другая половина — расстаться. Также множатся аргументы, что совместная жизнь может оттолкнуть от заключения брака, поскольку партнеры привыкают к отношениям, накладывающим меньше обязательств, чем супружество. Более того, когда решение расстаться принимает пара, живущая в гражданском браке и имеющая детей, участие обоих родителей — в том числе и финансовое — в воспитании последних весьма проблематично (Popenoe & Whitehead, 1999; Smock, 2000).

Гомосексуальные пары

В 1989 г. Дания стала первой страной, отменившей запрет на гомосексуальные браки. При этом однополым супругам (геям и лесбиянкам) были предоставлены те же права, что и разнополым, в том, что касается наследования, налогообложения и совместного владения имуществом. Примеру Дании последовали Норвегия (1993 г.), Швеция (1995 г.) и Нидерланды (2001 г.). Однако в 1996 г. конгресс США принял закон, запрещающий однополые браки. Они запрещены также законодательствами всех 50 штатов, хотя Вермонт и Гавайи, а также некоторые крупные города (включая Сан-Франциско, Нью-Йорк и канадскую провинцию Онтарио) предоставляют парам геев и лесбиянок некоторые ограниченные льготы, из числа тех, какими обычно располагают супружеские пары.

Большинство американских гомосексуальных пар с детьми — те, что растят своих детей от прежних, гетеросексуальных союзов, но есть и пары с приемными детьми. Однако многие родители-гомосексуалисты предпочитают не распространяться о своей сексуальной ориентации, чтобы не привлекать излишнее внимание к ребенку. Более того, в результате нескольких широко освещавшихся прессой судебных процессов дети были отобраны у гомосексуальных пар, как следует из постановления суда, ради их, детей, собственного блага.

Воспитание ребенка гомосексуальными парами бросает вызов многим традиционным представлениям. Но оно также свидетельствует и о желании многих геев и лесбиянок создавать семьи, подобные тем, какие образуют гетеросексуалы (Bell, Weinberg & Kiefer-Hammersmith, 1981; Gross, 1991; Pressley & Andrews, 1992; Henry, 1993).

Жизнь в одиночестве

Поскольку 9 из 10 граждан Америки состоят в браке, жизнь в одиночестве рассматривается как некое переходное состояние, промежуточный этап в жизни человека. Однако в последние десятилетия многие сознательно выбрали именно этот «способ существования». В 1950 г. только 10% семей состояли из одного человека. К 2000 г. их доля возросла и составила 25%, а общее количество живущих в одиночестве людей равно 27 млн (U. S. Census Bureau, 2001).

Более всего поражает рост числа незамужних молодых женщин. В 1960 г. таковыми были 27% американок в возрасте от 20 до 24 лет; к 2000 г. их стало уже 75%. Данная тенденция обусловлена увеличением количества работающих женщин. Будучи материально независимыми, они считают брак скорее делом выбора, нежели экономической необходимостью. Иными словами, все большее число работающих женщин не желают расставаться со своей свободой только лишь для того, чтобы никто не смог назвать их старыми девами (Edwards, 2000).

Однако, вступив в средний возраст, многие незамужние женщины начинают ощущать, что свободных мужчин недостаточно. Поскольку мы привыкли, что замужество должно «поднимать статус» женщины, чем она старше, образованнее и успешнее как профессионал, тем труднее ей найти подходящего супруга (Leslie & Korman, 1989).

Семья и новые репродуктивные технологии

Достижения современной медицины, в том числе и *новая репродуктивная технология*, тоже изменяют семьи. С тех пор, как англичанка Луиза Браун стала первым в мире «младенцем из пробирки», прошло 25 лет, и за это время на свет появились десятки тысяч детей, зачатых именно таким способом. В течение ближайшего десятилетия 2–3% новорожденных в странах с высоким уровнем доходов своим появлением на свет будут обязаны новой репродуктивной технологии.

«Младенцы из пробирки» появляются на свет в результате искусственного оплодотворения, которое отличается от естественного тем, что соединение яйцеклетки и сперматозоида происходит не в теле женщины, а в стеклянном сосуде благодаря усилиям медиков. Если все прошло успешно, врач имплантирует оплодотворенную яйцеклетку в матку женщины, которой предстоит выносить ребенка, или «замораживает» эмбрион, чтобы его можно было «использовать» позднее.

Сегодня новые репродуктивные технологии помогают родить детей тем парам, которые в противном случае остались бы бездетными. Но со временем с их помощью можно будет уменьшить количество малышей, появляющихся на свет с врожденными дефектами, поскольку генетическое «просеивание» спермы п яйцеклеток позволяет специалистам повысить вероятность рождения здорового ребенка. Но новая репродуктивная технология порождает и ряд совершенно неожиданных и волнующих вопросов. Если одна женщина вынашивает плод, полученный в результате оплодотворения яйцеклетки, взятой у другой женщины, кого из них следует считать матерью? Если пара разводится, кому должно быть предоставлено право воспользоваться «замороженным» эмбрионом? Не может ли, прибегнув к искусственному оплодотворению, один из супругов в дальнейшем завести ребенка про-

тив воли другого? Подобные вопросы напоминают нам о том, что технологии изменяются гораздо быстрее, чем наша способность понять их предназначение и последствия их использования (Thompson, 1994; Cohen, 1998; Nock, Wright & Sanchez, 1999).

Взгляд в будущее: семья в XXI веке

Семейная жизнь в США продолжает изменяться, и это вызывает споры. Приверженцы «традиционных семейных ценностей» дружно выступают против тех, кто считает, что чем больше возможностей для личного выбора, тем лучше. Социологи не могут предсказать, как завершатся эти дебаты, однако 5 тенденций — наиболее вероятные.

Во-первых, разводов, скорее всего, по-прежнему будет много, хотя уже доказано, что это причиняет вред детям. Не стоит, впрочем, забывать и другое: современные браки не менее продолжительны, чем в прошлом веке, когда основной причиной прекращения супружеских отношений была смерть одного из супругов (Kain, 1990). Разница же в том, что сейчас больше пар сами *выбирают* разрыв отношений, не оправдавших их ожиданий. Именно поэтому, хотя количество разводов в последнее время и стабилизировалось, возврат к невысоким показателям, которыми было отмечено начало XX в., мало вероятен.

Во-вторых, в XXI в. формы семейной жизни будут чрезвычайно разнообразны. Сожительство, неполные семьи, гомосексуальные и смешанные семьи — их число будет увеличиваться. Большинство семей до сих пор — плод заключения брачных уз, и у многих супругов есть дети. Но разнообразие всех форм семьи выявляет тенденцию, выражающуюся в стремлении людей к свободному личному выбору.

В-третьих, роль мужчин в воспитании детей по-прежнему будет ограниченной. Такое уклонение от активного исполнения отцовских обязанностей началось в 1950-е гг., которые некоторые называют «золотым веком» семей (Snell, 1990; Stacey, 1990). В последнее время наметилась противоположная тенденция, названная так: «папа, сидящий дома». Речь идет о не очень юных отцах маленьких детей, активно использующих в своей профессиональной деятельности компьютерные технологии. Однако таких мужчин немного — не более 15% от всех отцов, у которых дети дошкольного возраста (Gardner, 1996). Благодаря множеству разводов и резкому увеличению числа матерей-одиночек отчетливее проявляется тенденция к росту числа детей, весьма слабо связанных со своими отцами. Одновременно растут свидетельства в пользу того, что безотцовщина наносит детям вред, хотя бы уже потому, что шансы оказаться в нищете у таких семей весьма велики.

В-четвертых, американские семьи по-прежнему будут ощущать изменения, происходящие в экономике (Hochschild & Machung, 1989). Часто работают и муж, и жена, что превращает брак в союз усталых мужчин и женщин, которые стараются выкроить немного свободного времени для себя и своих детей (Dizard & Gadlin, 1990). Возможно, такие семьи и приближают достижение гендерного равенства, но перспектива этого для семей двойка.

И наконец, пятое и последнее. Значение новой репродуктивной технологии будет возрастать. Озабоченность этической стороной проблемы и соображения по поводу того, *нужно* ли делать все, что *можно* сделать, конечно же, замедлят ее развитие, но новые способы репродукции продолжают изменять традиционный родительский опыт.

Несмотря на удары, которые нанесли американской семье все перемены и разногласия, большинство американцев все же полагают себя счастливыми супругами и родителями, и в обозримом будущем брак и семья будут оставаться основой американского общества.

Резюме

1. Основой любого общества является семья, но в разные эпохи и у разных народов ее формы неодинаковы.
2. В таких индустриальных обществах, как американское, браки моногамны. Многие доиндустриальные общества допускали полигамию как в форме полигинии, так и полиандрии.
3. Наиболее распространенным в мире образом жизни молодоженов выступает патрилокальность, однако индустриальные общества отдают предпочтение неолокальности, а некоторые общества — матрилокальности. В индустриальных странах признается родство как по отцовской, так и по материнской линиям, в доиндустриальных же — только по одной из этих линий.
4. Структурно-функциональный анализ выявляет основные функции семьи: социализацию детей, регулирование сексуальной активности, определение положения в обществе и материальную и эмоциональную поддержку.
5. Теории социального конфликта изучают то, каким образом семья закрепляет социальное неравенство, передавая из поколения в поколение деление людей по классовому, этническому, расовому и гендерному признакам.
6. Анализ на микроуровне — это восприятие форм семейной жизни разными членами семьи.
7. Ухаживание приводит к созданию семей. В США решающую роль в выборе спутника жизни играет романтическая любовь, чего нельзя сказать о многих странах мира. Но даже и в Америке такая любовь обычно связывает людей, принадлежащих к одной социальной категории.
8. Подавляющее большинство супружеских пар имеет детей, хотя со временем размер семьи и уменьшился. Основная причина этого — индустриализация, следствием которой стало отношение к детям как к «финансовым обязательствам», уменьшение детской смертности и увеличение числа женщин, получающих образование и имеющих работу вне дома.
9. Когда выросшие дети покидают родительский дом и создают собственные семьи, жизнь супругов изменяется. Однако многие супружеские пары среднего возраста ухаживают за стареющими родителями, а многие активно помогают растить и воспитывать внуков.
10. Особенности семьи определяются ее социальным положением, а также расовой и этнической принадлежностью. Например, у латиноамериканцев чаще, чем у других, можно встретить расширенные семьи, а у афроамериканцев больше семей, главами которых являются незамужние женщины. Среди всех категорий зажиточные семьи обладают как наибольшими возможностями, так и самой сильной финансовой защищенностью.

11. Гендер оказывает влияние на семейную жизнь, ибо в большинстве браков доминируют мужья. Результаты исследований свидетельствуют, что от супружеских отношений больше выигрывают мужчины, нежели женщины.
12. Разводов сегодня на порядок больше, чем было в прошлом веке; по меньшей мере 4 из 10 нынешних браков завершаются разводами. Большинство из разведенных — особенно мужчины — заключают браки снова, при этом часто возникают смешанные семьи, членами которых становятся и дети от предыдущих союзов.
13. Жертвами насилия в семье чаще всего оказываются женщины и дети, а количество подобных случаев значительно превышает официальную полицейскую статистику. Многие взрослые, терроризирующие свои семьи, в детстве сами были жертвами насилия.
14. Семейная жизнь в США становится все более разнообразной по форме. За последние годы заметно возросло число неполных семей, гражданских браков, гомосексуальных семей и семей, состоящих из одного человека. Хотя закон и не признает гомосексуальных браков, среди геев и лесбиянок немало стабильных партнерств, а число гомосексуальных пар, воспитывающих детей, возрастает.
15. Новая репродуктивная технология, несмотря на всю ее этическую неоднозначность, изменяет традиционные представления об отцовстве и материнстве.

Основные понятия

Билатеральное наследование — система, благодаря которой поддерживается родство по мужской и женской линиям.

Брак — узаконенная связь, обычно подразумевающая как экономическую кооперацию, так и сексуальные отношения вкупе с воспитанием детей, которую люди, как ожидается, будут поддерживать.

Гомогамия — брак между людьми с одинаковыми социальными характеристиками.

Матриархат — форма организации общества, когда женщины господствуют над мужчинами.

Матрилокальность — форма проживания, когда супружеская пара живет вместе с семьей жены или поблизости от нее.

Моногамия — брак, объединяющий двух партнеров.

Насилие в семье — эмоциональное, физическое или сексуальное насилие одного члена семьи над другим.

Наследование — система, благодаря которой в обществе поддерживается родство между различными поколениями людей.

Наследование по материнской линии — система, благодаря которой поддерживается родство между женщинами разных поколений.

Наследование по отцовской линии — система, благодаря которой поддерживает родство между мужчинами разных поколений.

Неолокальность — форма проживания, в рамках которого супружеская пара живет отдельно от родителей как мужа, так и жены.

Нуклеарная (матримониальная) семья — семейная единица, состоящая из одного или двух родителей и их детей.

Патриархат — форма социальной организации, когда мужчины господствуют над женщинами.

Патрилокальность — форма проживания, в рамках которого супружеская пара проживает вместе с семьей мужа или поблизости от нее.

Полиандрия — брак, объединяющий одну женщину и двух или более мужчин.

Полигамия — брак, объединяющий трех или большее число людей.

Полигиния — брак, объединяющий одного мужчину и двух или более женщин.

Расширенная семья (семья родственников) — семейная единица, включающая не только родителей и детей, но и другую родню.

Родство — социальная связь, основанная на кровных, брачных узах или установленная в результате усыновления или удочерения.

Семейная единица — это социальная группа из двух или более человек, связанных кровными узами, браком или узами, возникшими в результате удочерения или усыновления.

Семья — социальный институт, представленный во всех обществах, объединяющий людей в группы, чтобы те смогли сообща растить и воспитывать детей.

Сожительство — совместное ведение хозяйства парой, не состоящей в законном браке.

Супружеская неверность — внебрачная половая связь.

Табу на инцест — культурная норма, запрещающая сексуальные связи и браки между близкими родственниками.

Экзогамия — брак между людьми из разных социальных категорий.

Вопросы для размышления

1. Перечислите несколько изменений, которые претерпела семья как социальный институт после 1960 г. Чем это вызвано?
2. Увеличивается число компаний, которые предоставляют не состоящим в браке гомосексуальным партнерам льготы, обычно предлагаемые супругам (например, в сфере медицинского страхования). Одобряете ли вы эту тенденцию? Пожалуйста, поясните свой ответ. Должны ли компании предоставлять также льготы и гетеросексуальным парам, состоящим в гражданском браке?
3. Как вы думаете, неполные семьи так же хорошо справляются с воспитанием детей, как и полные? Почему?
4. Как вам кажется, какими становятся американские семьи — менее прочными или просто другими? Пожалуйста, аргументируйте свой ответ.

Религия

Новая Англия. Теплый июльский ветерок проникает в белое здание церкви. В такое же время года три века тому назад пуритане основали здесь, в штате Массачусетс, город Челмсфорд. Ожидая начала службы, многие прихожане обмахиваются молитвенниками. Подобно пуританам былых времен, это консервативные люди, верящие в силу молитвы и следующие строгому кодексу правил поведения, который включает и воздержание от спиртных напитков. И вот их голоса сливаются вместе: «Бог велик!» Но звучат слова по-арабски: «Аллах акбар!» Число мусульман в этом типичном городе Новой Англии, как и в других городах и населенных пунктах США, постоянно возрастает.

Согласно самым последним данным, в США проживают от 7 до 10 млн мусульман — больше, чем приверженцев англиканской церкви, пресвитериан или иудеев. Мусульман в США больше, чем мормонов, квакеров, унитариев, адвентистов седьмого дня, христианских сайентологов и свидетелей Иеговы вместе взятых. Некоторые считают, что в США ислам вырос до второй по значению — после христианства — религии (Blank, 1998).

Как бы ни изменялись названия, языки и ритуалы, религия всегда занимала центральное место в жизни американцев. В этой главе будет рассказано о том, что такое религия, о тех изменениях, которые религиозные убеждения претерпели в истории человечества, и о той жизненно важной, но порой противоречивой роли, которую религия играет в современном обществе, где так сильны позиции науки.

Религия: базовые понятия

Французский социолог Эмиль Дюркгейм утверждал, что религия охватывает то, «что выходит за пределы нашего знания» (Durkheim, 1965; p. 62; 1-е изд. — 1915). Мы, люди, называем большую часть предметов, событий и житейских ситуаций «мирскими». **Мирское** — это то, что люди определяют в качестве обыденного элемента повседневной жизни. Другие же явления мы называем **сакральными**¹ — это то, что люди почитают за экстраординарное, вызывающее трепет и благоговение. Отделение его от мирского составляет суть всех религиозных верований. Следовательно, **религия** — социальный институт, включающий верования и практики, основанные на представлении о сакральном.

Анализ мировых религий выявляет огромное разнообразие в вопросах веры. Нет ничего такого, что почиталось бы как сакральное всеми жителями планеты. Хотя

¹ От англ. *sacred* — священное. — Примеч. науч. ред.

Религия базируется на представлении о сакральном. Так называется все экстраординарное, требующее от нас подчинения. Верующие, склонившиеся в поклоне, коленапреклоненные или распростертые на земле, — все это люди, разными символическими способами выражающие свое смирение перед небесной властью и подчинение ей. Этот монах соблюдает ритуал хождения по кругу, который предполагает падение ниц на землю через каждые несколько шагов во время хода вокруг святой гробницы. Так демонстрируется полное подчинение вере

большинство людей относят книги к разряду мирских предметов, евреи считают Тору (первые пять книг иудейской Библии, или Ветхого Завета) священной; как христиане почитают Новый Завет и Ветхий Завет Библии, а мусульмане — Коран.

Однако Дюркгейм (Durkheim, 1965, p. 62) считал, что независимо от того, как сообщества верующих разграничивают мирское и священное, люди воспринимают первое с точки зрения пользы в повседневной жизни. Выходя в Интернет, мы включаем свой компьютер; заводя автомобиль — поворачиваем ключ зажигания. Но к повседневности не имеет отношения то, что считается священным, — обозначаемое словом «запретное». Например, мусульмане, проводя грань между мирским и божественным, прежде чем войти в мечеть, снимают обувь, чтобы не осквернить святое место подошвами, прикасавшимися к земле.

Сакральное воплощается в том или ином **ритуале** — в *формальном, церемониальном поведении*. Важнейшее христианское таинство — причастие. Верующий христианин воспринимает литургические хлеб и вино необычно — как священные символы тела и крови Иисуса Христа.

Религия и социология

Поскольку религия касается идей и истин, превышающих пределы повседневного опыта, ни социология, ни какая-либо другая научная дисциплина не способны ни подтвердить, ни опровергнуть религиозные доктрины. Религия — это вопрос **веры** (*представления, опирающегося скорее на убежденность, чем на научные факты*).

В Новом Завете, например, сказано о вере как «осуществлении ожидаемого и уверенности в невидимом» (Евр. 11:1), а о христианах говорится так: «ибо мы ходим верою, а не видением» (2 Кор. 5:7).

Некоторых глубоко религиозных людей может взволновать мысль о социологах, вторгающихся со своими научными представлениями в их святая святых. Однако не следует бояться социологического изучения религии: оно не угрожает ничьей вере. Социологи анализируют религиозные верования, как семью: чтобы понять религиозную ситуацию в различных странах и связь религии с другими общественными институтами. Они не выносят суждений, «хороша» или «плоха» та или иная религия. Скорее правильнее говорить, что, пытаясь найти ответы на вопросы, почему в определенном обществе религия имеет именно такую форму и как религиозная активность влияет на общество в целом, научная социология демонстрирует глобальный подход.

Теоретический анализ религии

Чтобы изучить религиозные представления, социологи задействовали несколько теоретических парадигм; каждая из них по-своему трактует то, как религия формирует социальную жизнь.

Функции религии: структурно-функциональный анализ

Согласно Дюркгейму, само существование общества и его власть превышают рамки жизни человека (Durkheim, 1965; 1-е изд. — 1915). Иными словами, само общество «богоподобно» и не исчезает со смертью своих членов, бытие которых оно формирует. Таким образом, люди вовлекаются в религиозную жизнь, чтобы прославлять вызывающую трепет власть общества, к которому они принадлежат.

Соответственно люди во всех уголках земного шара трансформируют некоторые предметы повседневной жизни в священные символы их коллективной жизни. Члены технологически примитивных обществ «назначали на эту роль» **тотемы** (*объекты природного мира, сообща определенные как священные*). Тотем (которым может быть животное или выполненное рукой мастера произведение искусства) становится центральной фигурой ритуала, символизирующей власть коллективной жизни над любым человеком. Американский флаг играет в США роль квазисвященного тотема. Его нельзя использовать, например, в качестве одежды; также недопустимо, чтобы он касался земли.

Точно так же и надпись на денежных купюрах «Мы верим в Бога» (появившаяся в 1860-е гг. во времена Гражданской войны), означает, что американцы связаны общей верой. Ощущение сплоченности создается и благодаря тотемному символизму, связанному с местными спортивными командами — от *Patriots* (Новая Англия) до *Bucketeyes* (университет штата Огайо) и *49ers* (Сан-Франциско).

Почему религиозный аспект социальной жизни столь важен? Дюркгейм говорит о трех основных функциях религии, имеющих принципиальное значение для общества.

1. **Социальная сплоченность.** Религия объединяет людей с помощью общих символов, ценностей и норм. Религиозные мысль и ритуал устанавливают

правила «честной игры», благодаря которым становится возможной организованная жизнь общества.

2. **Социальный контроль.** Во всех обществах религиозные идеи служат усилению конформизма. Многие культурные нормы — особенно касающиеся брака и рождения детей — получают в социуме религиозное оправдание. Религия наделяет легитимностью даже политическую систему. Хотя лишь некоторые из современных политиков утверждают, что власть дана им Богом (как это было несколько веков тому назад), многие публично просят Божьего благословения, тем самым подчеркивая нравственность и благочестивость своих помыслов.
3. **Придание смысла человеческой жизни.** Вера дает утешительное чувство, что, хотя земная жизнь человека коротка, она служит высшей цели. Люди, чей дух укреплен верой, менее склонны впадать в отчаяние от житейских невзгод. Именно поэтому религиозные обряды касаются важнейших событий, в том числе рождения, брака и смерти.

Критическая оценка. Согласно структурно-функциональной парадигме Дюркгейма, религия — это коллективная жизнь общества. Однако данный подход преуменьшает роль некоторых проблем, связанных с религией, особенно того, что религиозный фанатизм способен привести к социальным конфликтам. Так, на заре средневековья религиозные убеждения стали импульсом к началу крестовых походов — войн между христианами Европы и мусульманами за Святую Землю, которую представители обеих религий считали священной. Конфликт между мусульманами, иудеями и христианами и по сей день является источником политической нестабильности на Ближнем Востоке. Не угасают конфликты на религиозной почве между протестантами и католиками в Северной Ирландии, не стихают столкновения в Алжире, в Индии, в Шри-Ланке и в других странах и регионах. Иными словами, многие народы вступали в войны, прикрываясь именем Бога, и не приходится сомневаться, что в истории человечества религиозные доктрины спровоцировали больше насилия, чем социальное расслоение.

Конструирование священного: парадигма символического интеракционизма

С точки зрения символического интеракционизма религия (как и все общество в целом) социально сконструирована (хотя, возможно, и не без участия божественных сил). Благодаря различным ритуалам — от ежедневных молитв до таких религиозных праздников, как христианская пасха и иудейский пейсах, — граница между мирским и священным становится отчетливее. Кроме того, как отмечает Питер Бергер, когда люди соотносят свои краткие жизни, подверженные ошибкам, с некоей «космической системой координат», они обретают «видимость полной безопасности и стабильности» (Berger, 1967, pp. 35–36).

Хорошим примером служит брак. Если два человека считают его всего лишь контрактом, ничто не мешает им разорвать узы, когда они этого пожелают. Когда же супруги верят в брак, заключенный «на небесах», узы супружества накладываются значительно более серьезные обязательства. Действительно, чем более религи-

озны люди, тем менее они склонны к разводам. Эту мысль можно сформулировать так: когда люди оказываются в неопределенной или угрожающей жизни ситуации (болезни, войны или стихийные бедствия), они обращаются к священным для них символам.

Критическая оценка. Как утверждает парадигмой символического интеракционизма, религия прячет повседневную жизнь под «священный покров» высшего смысла (Berger, 1967). Разумеется, добавляет Бергер, чтобы сакральное придало высший смысл всему и стабилизировало общество, от людей требуется не обращать внимания на структурированный характер общества. В конце концов, много ли сил может дать вера, если воспринимать ее лишь как стратегию переживания трагедий? Кроме того, этот анализ на микроуровне не учитывает связи религиозных представлений с социальным неравенством, о чем и будет сказано далее.

Неравенство и религия: анализ с позиции социального конфликта

В центре парадигмы социального конфликта стоит вопрос о поддержке, которую религия оказывает социальной иерархии. Как считал Карл Маркс, это служит интересам правящей элиты, потому что таким образом утверждается правомочность существующего порядка и отвлекается внимание народа от социального неравенства.

Например, даже сегодня британский монарх является одновременно и формальной главой англиканской церкви — доказательство существования тесной связи между религиозными и политическими элитами. Это фактически означает, что стремление к политическим переменам одновременно предполагает оппозицию церкви. Религия также вдохновляет людей на то, чтобы с надеждой ожидать, когда они окажутся «в лучшем из миров», и свести к минимуму социальные проблемы этого мира. Хорошо известно следующее определение религии, данное Марксом: «...вздых облегчения угнетенного человека, сентиментальность бессердечно-го мира и душа бездушных условий. Религия есть опиум для народа» (Marx, 1964b, p. 27; первое изд. — 1848).

Религию и социальное неравенство связывает гендер. Практически все важнейшие мировые религии патриархальны.

В течение многих веков могущественные христианские государства Западной Европы оправдывали свою колониальную политику в отношении народов Африки, Латинской Америки и Азии «обращением» язычников. В южных штатах Америки церковь защищала рабство негров, утверждая, что такова воля Божья. И поныне религиозная сегрегация не преодолена. По словам афроамериканской писательницы Майн Анджелу, «в воскресенье, в 11.30 утра, Америка более сегрегирована, чем в любой другой день и час недели»¹.

Критическая оценка. Анализ религии с позиции социального конфликта выявляет ее способность утвердить социальное неравенство. В то же самое время религиозные представления благоприятствуют достижению равенства. Например, в США в XIX в. группы верующих оказались на переднем крае борьбы за отмену рабства. В 1950-е и 1960-е гг. религиозные организации, возглавляемые препода-

¹ Посещение воскресных полуденных богослужений — основная форма участия в религиозной жизни для большинства верующих в США. — *Примеч. науч. ред.*

ным Мартином Лютером Кингом-младшим и другими, образовали ядро движения за гражданские права. В 1960-е и 1970-е гг. многие религиозные деятели активно выступали против войны во Вьетнаме, а некоторые, как станет ясно из дальнейшего изложения, оказали определенную поддержку революционным преобразованиям, имевшим место в Латинской Америке и в других странах.

Религия и социальные изменения

Религия вовсе не такая консервативная сила, какой изобразил ее Карл Маркс. По мысли Макса Вебера, в некоторые моменты истории религия способствовала кардинальным социальным переменам (Weber, 1958; 1-е изд. — 1904—1905).

Макс Вебер: протестантизм и капитализм

Макс Вебер утверждал, что новые идеи нередко становятся двигателем перемен. Так, именно кальвинизм, религиозная доктрина, оказалась той самой искрой, которая положила начало индустриальной революции в Западной Европе.

В главе 4 («Общество») было подробно рассказано о предопределении — доктрине, которую проповедовал Жан Кальвин (1509—1564), лидер протестантской Реформации. Согласно Кальвину, всевластный и всезнающий Бог предопределил судьбы людей таким образом, что спасение суждено лишь немногим, а большинство обречено на вечные муки. Судьба каждого человека — книга за семью печатями, известная до его рождения одному лишь Творцу, — либо вечное блаженство, либо бесконечные адские муки.

Кальвинисты, ведомые тревогой за собственные судьбы, искали — и это вполне понятно — доказательства расположенности к ним Бога и постепенно пришли к восприятию богатства как знака божественного благословения. Религиозные воззрения и несгибаемое чувство долга заставляли кальвинистов усердно трудиться, в результате чего многие сколотили большие состояния. Но накопленные деньги не предназначались ни для удовлетворения собственных желаний, ни для оказания помощи бедным, положение которых кальвинисты считали знаком немилости Бога. Считая себя проводниками Божьей воли на Земле, они верили, что сполна реализуют свое предназначение, если полученную прибыль снова вложат в дело и преумножат свои достижения.

Ведя аскетический образ жизни и используя технологические достижения, кальвинисты закладывали фундамент для расцвета индустриального капитализма. Со временем религиозный пыл, побуждавший ранних сторонников этого верования, поостыл, и осталась «протестантская трудовая этика». Макс Вебер считал индустриальный капитализм «расколдованной» религией. Анализ, проведенный Вебером, ясно показывает, что религиозная доктрина способна кардинально изменить сами устои общества.

Теология освобождения

Христианству издавна присуща забота об обездоленных и угнетенных, к которым оно обращается с настоятельными призывами крепить веру, ожидая наступления лучшей жизни. Однако в последние десятилетия некоторые церковные лидеры

и теологи стали поддерживать **теологию освобождения** — *смешение христианских принципов с политической деятельностью, нередко марксистского содержания.*

Это социальное движение возникло в конце 1960-х гг. и было связано с римско-католической церковью в Латинской Америке; ныне его последователи — христианские активисты, стремящиеся избавить народы бедных стран от ужасающей нищеты. Суть теологии освобождения проста: социальный гнет противоречит христианской морали, поэтому христиане должны бороться за большее социальное равенство, ибо для них это вопрос веры и справедливости.

Вопреки этим начинаниям католиков, папа Иоанн Павел II осудил теологию освобождения за смешение традиционной религиозной доктрины с политическими взглядами левого толка. Однако, несмотря на критику понтифика, ее позиции достаточно сильны в Латинской Америке, там многие считают, что христианская вера, которую они исповедуют, заставляет их стремиться к улучшению условий жизни беднейшего населения планеты (Boff & Boff, 1984; Neuhauser, 1989; Rowlands, 1999).

Типы религиозных организаций

По мнению социологов, сотни различных религиозных организаций, действующих в США, образуют континуум, с *церковью* на одном полюсе и *сектой* — на другом. Обнаружив для любой из религиозных организаций ее место, можно дать ей описание в зависимости от проявленности двух типов — церкви или секты.

Церковь

Основываясь на идеях своего учителя Макса Вебера, Эрнст Трёлч определил **церковь** как *тип религиозной организации, успешно встроенной в общество как таковое.* Организации, подобные церкви, обычно «живут» веками, и их членами являются представители многих поколений одних и тех же семей. В церкви действуют четко установленные нормы и правила; священнослужителями же выступают люди, специально подготовленные для этого и соответствующие требованиям, предъявляемым к посвященному в духовный сан.

Хотя церковь связана с сакральным, она старается не отрываться и от мирских проблем, что делает ее привлекательной в глазах многих людей. Церковная догматика свидетельствует о Боге рационалистически (например, говоря о необходимости добра); предпочтение отдается не конкретным правилам повседневной жизни, а общим нормам нравственности («относись к ближним так же, как ты хотел бы, чтобы они относились к тебе»). Проповедуя нравственность, священнослужители избегают обсуждения социальных тем. Например, многие конгрегации могут прославлять единение всех людей, это не мешает тому, что прихожанами оказываются только белые. Подобная двойственность сводит конфликт между церковью и обществом к минимуму (Troeltsch, 1931).

11 декабря, Касабланка (Марокко). Волны Атлантического океана разбиваются о стены стоищей на самом берегу красивейшей мечети, по общему мнению — самой большой в мире. Ночное небо рассекает зеленый лазерный луч, исходящий из самой верхней точки вздымающегося в высоту здания и указывающий на восток — туда, где находится Мекка, священный для всех мусульман

город, к которому они, опустившись на колени, обращают свои молитвы. Чтобы собрать деньги на сооружение этого монументального храма, король Хассан IV, глава государства и духовный лидер, обложил налогом каждого из своих подданных, поскольку все они официально считаются мусульманами. Этот пример государственной религии резко контрастирует с американскими представлениями об отделении церкви от государства.

Церковь может функционировать либо вместе с государством, либо независимо от него. **Государственная церковь** — церковь, официально объединенная с государством. Примером ее может служить ислам в Марокко. Государственные религии существовали всегда. На протяжении веков католицизм был официальной религией Римской империи, а конфуцианство вплоть до начала XX в. оставалось таковым в Китае. Сегодня англиканская церковь является официальной в Великобритании, а ислам — в Пакистане и Иране. Церковь, имеющая государственный статус, считает всех членов общества своими прихожанами, что создает почву для религиозной нетерпимости. **Деноминация, напротив,** — церковь, независимая от государства, принимающего религиозный плюрализм. Деноминации существуют в тех государствах, где церковь формально отделена от государства, в том числе в США, где существуют десятки христианских конфессий, включая католицизм, баптизм, методистскую церковь и лютеранство, а также различные течения иудаизма, ислама. Члены одной деноминации исповедуют свою собственную веру, но они считают, что у других есть право не соглашаться с ними.

Секта

Секта — тип религиозной организации, стоящей особняком от общества в целом. Члены секты имеют твердые религиозные убеждения и отказывают другим в праве иметь взгляды, отличные от их собственных. Как правило, для членов секты религия является не просто одним из аспектов существования, а образом жизни. Поэтому в некоторых случаях члены секты порывают с обществом все связи, чтобы ничто не мешало им полностью посвятить себя отправлению религиозных обрядов. Так, в полной изоляции пребывают амиши — секта в Северной Америке (Krauybill, 1994). Поскольку культура США считает религиозную терпимость одной из добродетелей, членов сект, утверждающих, что только они исповедуют истинную веру, нередко упрекают в ограниченности.

Секты — менее формальные организации, чем церкви. Так, поведение сектантов бывает непредсказуемым и весьма эмоциональным, в то время как прихожане обычно лишь внимают священнослужителям. Секты также отрицают излишнюю рационализацию религиозных представлений и обращают основное внимание на личное переживание человеком божественной власти. Родни Старк противопоставляет церковное видение находящегося далеко Бога («Отче наш, иже еси на небесех») более непосредственному видению, присущему сектам («Господи, благовослови этого несчастного грешника, стоящего сейчас перед Тобой на коленях») (Stark, 1985; p. 314).

Второе отличие сект от церквей проявляется в формах лидерства. Чем более похожа организация на церковь, тем вероятнее, что ее духовные лидеры специально подготовлены и возведены в сан священнослужителя. Секты, которые про-

славляют личное ощущение Бога, предполагают, что лидеры смогут передать свой эмоциональный опыт и обладают божественным вдохновением. Оно называется **харизмой** (от древнегреч. «милость, божественный дар») — *исключительными личными качествами, способными превратить аудиторию людей в последователей.*

Как правило, секты образуют группы, отколовшиеся от признанных религиозных организаций (Stark & Vainbridge, 1979). Благодаря своей чрезмерной эмоциональности и неформальной структуре секты менее стабильны, чем церкви, и многие из них исчезают с горизонта, не успев «возникнуть». Секты, которые «выживают», обычно становятся более похожими на церкви; становятся более формализованными и структурированными организациями.

Чтобы число их последователей не уменьшалось, многие секты активно рекрутируют, или *привлекают на свою сторону*, новых членов. Поэтому высоко ценится опыт *обращения* — личной трансформации, или религиозного перерождения. Так, свидетели Иеговы в надежде на привлечение адептов активно пропагандируют свою веру.

И наконец, секты и церкви отличаются друг от друга социальным составом своих членов. Поскольку твердо укоренившиеся церкви более тесно связаны с обществом, они склонны привлекать в число своих прихожан людей с высоким социальным статусом. В отличие от церквей секты привлекают преимущественно неудачников. Открытость сект новым членам и их обещания спасения и самореализации привлекательны для людей, которые чувствуют себя социальными аутсайдерами.

Культ

Культ — это *религиозная организация, находящаяся в основном вне культурных традиций общества.* В то время как большинство сект вырастают из традиционных религиозных организаций, культ обычно складывается вокруг фигуры лидера, обладающего чрезвычайно сильной харизмой; тот выступает с таким убедительным призывом начать новую и совершенно другую жизнь, что противостоять ему невозможно. В США существует около 5000 разных культов (Marquand & Wood, 1997).

Поскольку некоторые принципы или обычаи таких организаций нетрадиционны, распространено мнение, будто они представляют собой отклонение от нормы или даже порождение дьявола. Смерть свыше 80 приверженцев культа в г. Вако (штат Техас) в 1993 г. и самоубийство 39 сторонников культа «Небесные Врата» (штат Калифорния) в 1997 г. (людей, утверждавших, что смерть — путь к лучшей жизни, возможно, в обществе пришельцев из других Галактик) подтвердили обоснованность негативного общественного мнения. Другими словами, как полагают некоторые специалисты, назвать какое бы то ни было религиозное сообщество «культом» — равнозначно тому, чтобы назвать его членов ненормальными (Richardson, 1990; Shupe, 1995; Gleick, 1997).

Приходится лишь сожалеть, что о культах сложилось весьма нелестное мнение, ибо, по сути, в этих религиозных организациях нет ничего дурного. Многие религии с многовековой историей, включая христианство, ислам и иудаизм, воз-

никали именно таким образом. Разумеется, большинство культов недолговечно. Одна из причин этого заключается в том, что общество критикует их сильнее, чем секты. Многие культы требуют от своих членов не только принятия доктрин, но и радикального изменения образа жизни. Подобные требования иногда воспринимаются со стороны как идеологическая обработка («промыывание мозгов») их членов, хотя результаты исследований свидетельствуют: психике многих сторонников культов принадлежность к таковым не принесла никакого вреда (Barber, 1981; Kilbourne, 1983).

Религия в истории человечества

Повсюду в мире религия определяет социальную жизнь. Подобно другим социальным институтам, она существенно изменялась на протяжении истории человечества; велики также и кросс-культурные различия между религиозными доктринами.

Религия в доиндустриальных обществах

Религия старше письменности. Находки археологов позволяют говорить о том, что еще 40 тыс. лет тому назад наши предки выполняли религиозные ритуалы. Первобытные охотники и собиратели придерживались **анимизма** (от лат. *anima* — «душа»). Это *представление, согласно которому элементы природного мира являются разумными формами жизни, влияющими на людей*. Люди верили в существование души у лесов, океанов, гор и даже у ветра. Эти представления разделяют многие индейцы, чем и объясняется их исторически сложившееся благоговейное отношение к природе. Хотя охотники и собиратели и могли выделять кого-либо из своей среды в качестве *шамана* — человека, наделенного особыми сакральными навыками, у них не было религиозных лидеров, которые бы выполняли только обрядовые функции и ничего более.

Вера в некую единую божественную силу, «ответственную» за создание мира, возникла у пастухов и земледельцев. Широко распространенное представление о Боге как о пастыре не должно вызывать удивления, поскольку христианство, ислам и иудаизм распространялись среди пастухов.

В аграрных обществах значение религии возросло, и появилось духовенство — люди, возглавлявшие религиозные организации. О том, насколько велика была роль религии в средние века, можно судить по огромным соборам, появившимся тогда в городах Европы.

Религия в индустриальных обществах

Прямым следствием индустриальной революции стало возрастание роли науки в жизни общества. Люди стали обращаться к ученым и врачам за советами и утешением, за чем раньше приходили к священникам.

Но и при этом религия не перестала существовать, ибо наука бессильна в том, что касается высшего смысла человеческой жизни. Иными словами, ответа на вопрос, *как устроен мир*, люди ждут от ученых, а ответа на вопрос, *зачем существуем и мы сами*, и Вселенная, — от религии.

Мировые религии

Разнообразие мировых религий почти столь же велико, как и самих культур. Количество сторонников многих тысяч разных верований «местного значения» исчисляется единицами. В отличие от них *мировые религии* широко известны и имеют миллионы приверженцев. Ниже будут кратко описаны шесть мировых религий, общее количество сторонников которых достигает 4 млрд человек — $\frac{3}{4}$ населения планеты.

Христианство

Христианство — самая распространенная религия; христиан в мире — 2 млрд человек, т. е. примерно треть человечества. Большинство из них проживают в Европе или в Северной Америке: более 85% американцев и канадцев считают себя христианами. Кроме того, как следует из карты мира 18.1, люди, которые хотя бы номинально могут быть отнесены к христианам, составляют значительную часть живущих во многих регионах мира, за исключением — и весьма существенным — Северной Африки и Азии.

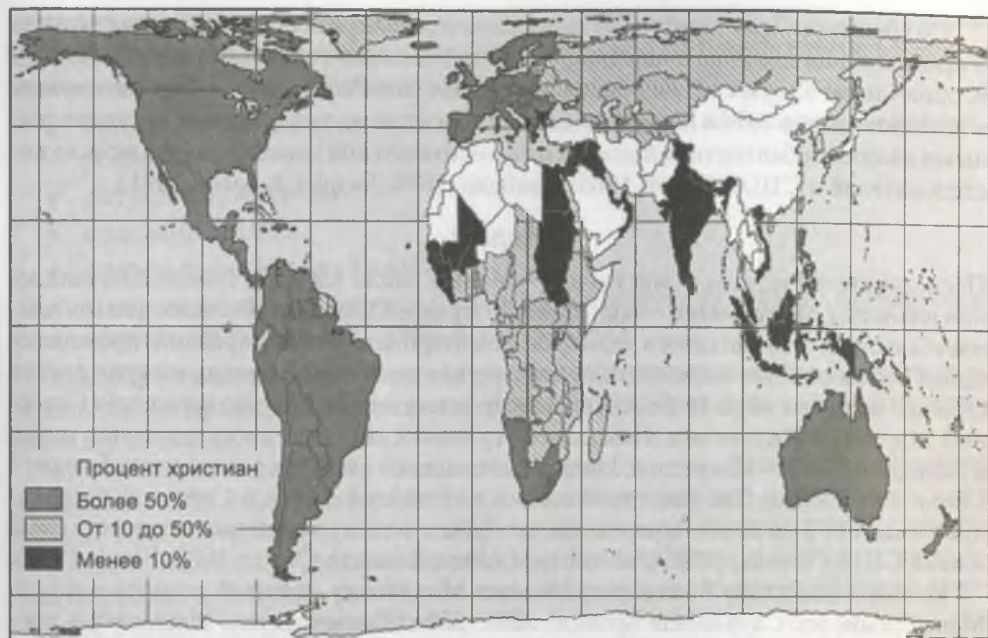
Европейские колонизаторы распространили христианство на большую часть планеты, что происходило в течение последних 500 лет. О его доминировании в странах Запада свидетельствует тот факт, что новое летоисчисление начинается от Рождества Христова.

Христианство начиналось как культ, включавший элементы предтечи — иудаизма. Оно развивалось благодаря харизме Иисуса из Назарета, проповедовавшего идею личного спасения. Иисус прямо не обвинял тогдашнюю власть в обществе и убеждал своих последователей отдать «кесарю кесарево» (Мф. 22:21). Тем не менее его учение было революционным, ибо в нем содержалось обещание торжества веры и любви над смертью и пороком.

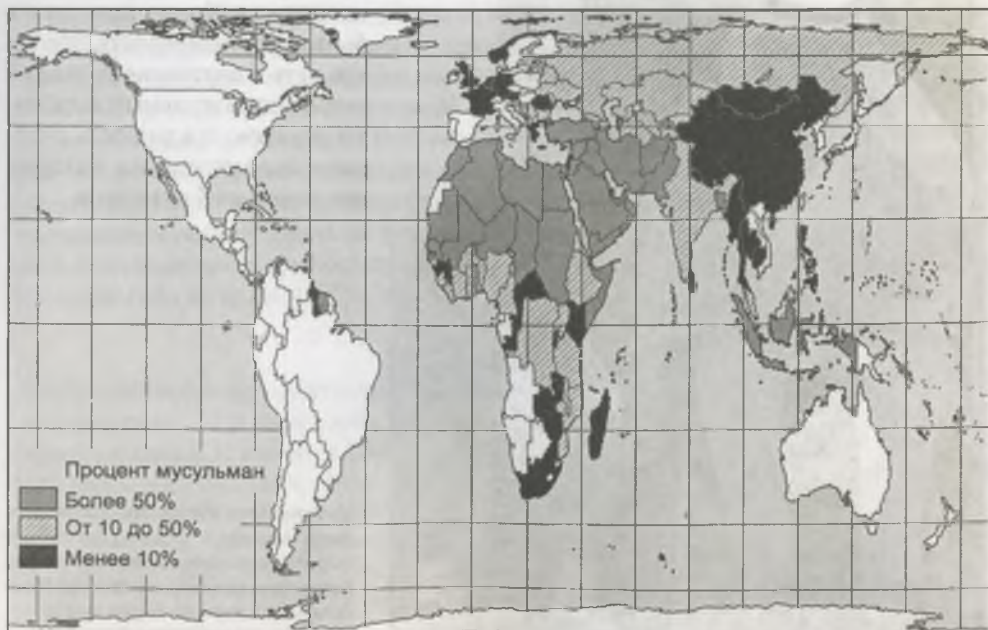
Христианство — один из примеров **монотеизма** (*веры в единую божественную силу*), чем принципиально отличается от традиционного для Римской империи **политеизма** (*веры во многих богов*). Христианство отличается уникальным представлением о едином Боге, существующем в трех ипостасях (Святая Троица): Бога-отца, Бога-сына и Святого духа.

Вера в божественное происхождение Иисуса зиждется на сведениях о его последних земных днях. Приговоренный в Иерусалиме после пыток к смертной казни по обвинению в том, что он представляет собой угрозу для властей, Иисус был распят на кресте. Именно поэтому крест и стал священным для христиан символом. Спустя три дня, согласно христианскому учению, Христос воскрес из мертвых, доказав тем самым, что он — сын Божий.

Апостолы Христа сделали его учение достоянием всего Средиземноморья. Поначалу в Римской империи христиане подвергались гонениям; но в IV в. христианство стало официальной религией государства, вошедшего в историю под именем Священной Римской империи. Зародившееся как культ, через четыре века оно оказалось признанной всеми церковью.

Карта мира 18.1. Распространение христианства в мире. *Источник:* Peters Atlas of the World, 1990

Карта мира 18.2. Распространение ислама в мире. *Источник:* Peters Atlas of the World, 1990

Со временем в христианстве возникли ответвления: римско-католическая церковь и православная церковь с центром в Константинополе (ныне турецкий Стамбул). К окончанию эпохи средних веков протестантская Реформация в Европе привела к возникновению сотни новых конфессий. Десятки из них (самыми многочисленными являются баптисты и приверженцы методистской церкви) имеют немало последователей в США (Smart, 1969; Kaufman, 1976; Jacquet & Jones, 1991).

Ислам

Последователей ислама — мусульман — в мире около 1,2 млрд (около 20% населения планеты). Мусульмане — большинство жителей Ближнего Востока, чем и объясняется склонность западного человека ассоциировать ислам с арабами, проживающими в этом регионе мира. Однако множество сторонников ислама живут в других странах: из карты мира 18.2 следует, что это также и большинство населения Северной Африки и Индонезии. Немалые мусульманские общины существуют также в Западной Азии — Пакистане, Индии, Бангладеш и в южных республиках бывшего Советского Союза. Как уже отмечалось в начале этой главы, в Северной Америке проживают от 7 до 10 млн мусульман, что делает ислам важной частью религиозной жизни США (Weeks, 1988; University of Akron Research Center, 1993; Blank, 1998).

Ислам — это слово Божье, открывшееся Мохаммеду, который родился в городе Мекке (ныне это Саудовская Аравия) около 570 г. Для мусульман Мохаммед — пророк, а не Бог, как Иисус для христиан. Через него поведен Коран, священная книга —

слово Бога (по-арабски — Аллаха). По-арабски слово «ислам» означает и «покорность», и «мир», и Коран призывает быть покорным Аллаху, ибо таков путь к внутреннему умиротворению. Мусульмане выражают эту свою преданность ритуальными молитвами, которые они возносят 5 раз в день.

Многие религии способствуют распространению грамотности, поскольку они требуют от своей паствы изучения священных текстов. Большинство мусульман считают родительским долгом изучение Корана вместе со своими детьми; потом и те будут делать то же самое для новых поколений верующих

После смерти Мохаммеда ислам быстро распространился по миру, хотя он, как и христианство, тоже дал начало нескольким конфессиям. Вместе с тем все мусульмане подчиняются пяти принципиальным требованиям ислама:

- признание Аллаха единственным истинным Богом, а Мохаммеда — его пророком;
- ритуальные молитвы;
- подаяния бедным;
- пост во время месяца Рамадана;
- совершение хотя бы однажды хаджа — паломничества в Мекку, в священную обитель Аллаха (Weeks, 1988; El-Attar, 1991).

Как и христианство, ислам считает, что люди ответственны перед Богом за свои дела на земле. Праведники будут вознаграждены за добродетель на небе, а грешников ждет вечная мука.

Мусульмане также обязаны защищать свою веру — это становилось причиной священных войн против неверных (т. е. они действовали примерно так же, как в средние века христиане-крестоносцы). В последние годы приверженцы исламского фундаментализма в Афганистане, Алжире, Египте, Иране и других странах поставили перед собой цель освободить свое общество от западного влияния, которое они считают тлетворным (Martin, 1982; Arjomand, 1988).

Для многих представителей западной цивилизации женщины-мусульманки — едва ли не самые социально угнетенные люди на Земле. Разумеется, в этом мусульманские страны отличаются друг от друга: например, в Тунисе у женщин гораздо больше прав, чем, допустим, в Саудовской Аравии (Ganley, 1998). В целом, у мусульманок значительно меньше прав и свобод, чем у мужчин, однако многие из них, если не большинство, принимают ограничения, накладываемые на них религией, и черпают уверенность в системе, направляющей поведение как мужчин, так и женщин (S. Peterson, 1996). Мусульмане также отмечают, что патриархальность прочно укоренилась на Ближнем Востоке задолго до рождения Мохаммеда, а некоторые защитники ислама утверждают, будто он даже улучшил положение женщин, ибо требует от мужа справедливого отношения к супруге. Более того, хотя ислам и разрешает мужчине иметь до четырех жен, все-таки призывает ограничиться одной, если появление других заставит мужа несправедливо поступать по отношению к какой-либо из его жен (Qur'an, «The Women», v. 3).

Иудаизм

С позиции чисто арифметической иудаизм, число последователей которого в мире не превышает 15 млн человек, нельзя назвать «мировой» религией в полном смысле этого слова. И только в Израиле евреи составляют национальное большинство. Но для США иудаизм имеет особое значение, потому что в Северной Америке проживает наибольшее число евреев — 6 млн человек.

Прошлое для них — руководство к действию и в настоящем, и в будущем. Иудаизм имеет глубокие исторические корни; он возник примерно за 4 тыс. лет до Рождества Христова в Месопотамии. В те времена евреи следовали анимистическим представлениям, но ситуация изменилась после того, как Иаков — внук Авраама, первый из праотцов, — привел свой народ в Египет.

Там евреи на протяжении многих веков жили в рабстве. В XIII в. до н. э. Бог повелел Моисею избавить свой народ от рабства. Исход из Египта ежегодно отмечается евреями праздником Пейсах. Освободившись, евреи стали монотеистами, признающими единого, всемогущего Бога.

Для иудаизма характерно ощущение неких особых отношений с Богом, которые приводят к тому, что евреи воспринимают себя «избранным народом». Такой договор означает также и обязательство соблюдать законы божьи и — в первую очередь — Десять заповедей, полученных Моисеем от Бога на горе Синай. Евреи рассматривают Ветхий Завет и как свою историю, и как свод обязательств, которые берет на себя еврей. Особое значение имеют первые пять книг Библии (Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие), объединенные общим названием *Tora* (от древнеевр. «учение» или «закон»). Таким образом, в отличие от христианства, в центре которого — забота о личном спасении после смерти, иудаизм обращает основное внимание на нравственное поведение в этом, земном, мире.

Известны три основные иудаистских конфессии. Ортодоксальные евреи (в том числе более 1 млн проживающих в США) строго соблюдают традиционную веру и ритуалы, носят узаконенную одежду, во время религиозных служб не позволяют находиться женщинам вместе с мужчинами и едят только кошерную пищу¹. По таким установлениям ортодоксальные американские евреи напоминают секту. В середине XIX в. многие из иудеев стремились к тому, чтобы слиться с американским обществом, в результате чего возник реформированный иудаизм, число сторонников которого в США сейчас достигает 1,3 млн человек. Консервативный же иудаизм представляет собой нечто среднее между ортодоксальным и реформированным; у него около 2 млн приверженцев.

Независимо от конфессиональной принадлежности все евреи разделили историю преследований и дискриминации. Принадлежность к этой нации определяется коллективной памятью о веках рабства в Египте, о завоевании римлянами и о преследованиях в Европе. Первыми узниками городского гетто оказались итальянские евреи (слово «гетто» происходит от итал. *borgetto* — «поселение за городскими стенами»), и вскоре такие районы стали обычным явлением в разных частях Европы.

Еврейская иммиграция в США началась в середине XVII в. Многие из первых иммигрантов преуспели, немалое их число ассимилировалось в преимущественно христианских общинах. Но когда к концу XIX в. в стране оказалось большое количество евреев, преследования и дискриминация, которую называют в данном случае *антисемитизмом*, стали ощущаться сильнее. Своего пика они достигли во время Второй мировой войны, когда германский нацизм уничтожил 6 млн евреев.

В целом американские евреи преуспели, их социальное положение значительно выше среднего. Однако многие из них озабочены будущностью своей религии, потому что в последние годы более 50% евреев, живущих в США, сочетались браком с людьми других национальностей, которые лишь в редких случаях принимают иудаизм. Важно также, что примерно половина еврейских детей не изучают

¹ Кошерной называется пища, приготовленная по определенным правилам, среди которых — запрет на употребление крови животных и на смешивание молочной пищи и мясной. — *Примеч. перев.*

ни своей культуры, ни обрядов. Подобные тенденции свидетельствуют: усилия евреев, направленные на то, чтобы быть принятыми американским обществом, увенчались успехом. Вместе с тем они внушают некоторую тревогу о судьбе иудаизма в Северной Америке (Bedell, Sandon & Wellborn, 1975; Holm, 1977; Schmidt, 1980; Seltzer, 1980; B. Wilson, 1982; Eisen, 1983; Dershowitz, 1997; Van Biema, 1997a).

Индуизм

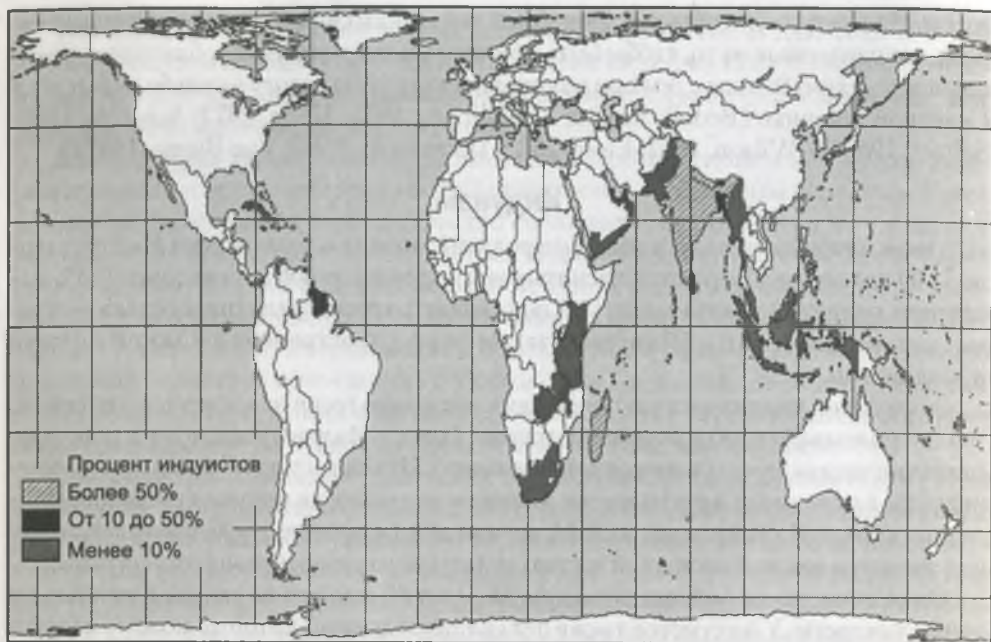
Индуизм, старейшая из всех мировых религий, возник в долине реки Инд примерно 4500 лет назад. Индуистов насчитывается примерно 800 млн человек (14% населения планеты). Карта мира 18.3 показывает, что это религия Востока — преимущественно Индии и Пакистана; также она распространена в Южной Африке и Индонезии.

За столетия индуизм и культура Индии настолько тесно переплелись, что сейчас трудно описывать одно в отрыве от другого (хотя в Индии существует и довольно многочисленная мусульманская деноминация). Эта связь также объясняет, почему индуизм в отличие от христианства, ислама и иудаизма не получил широкого признания в мире. Но, поскольку в США проживают 1,4 млн его последователей, индуизм является важной составной частью культурного разнообразия этой страны.

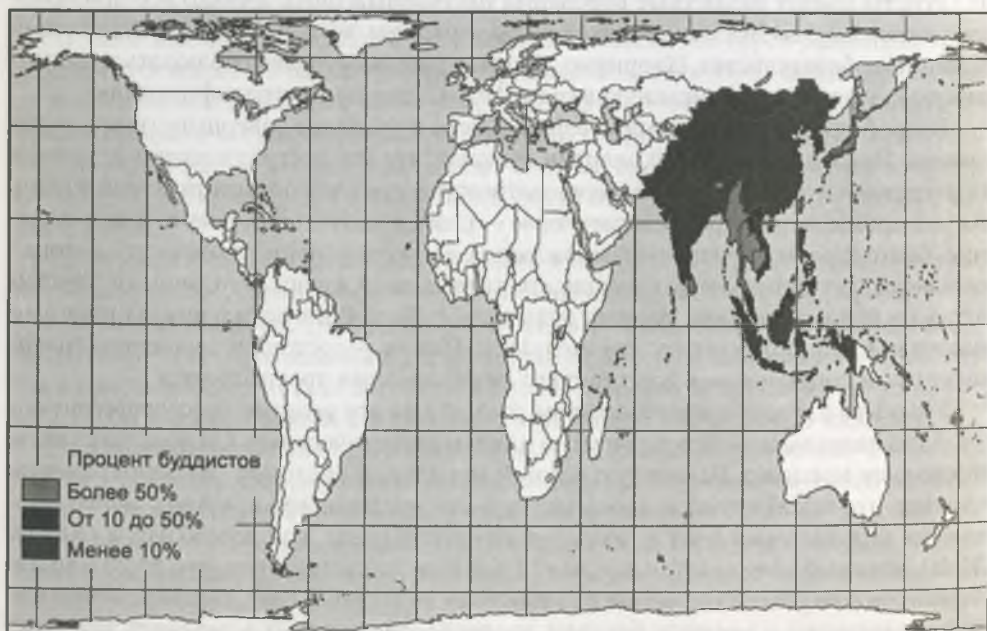
Он отличается от большинства других религий тем, что не связан с жизнью ни одной личности. У индуистов также нет священных книг, которые можно было бы сравнить с Библией или Кораном, и Бог не представляется им некой особой ипостасью. Индуизм иногда называют этической религией (в дальнейшем станет понятно, что это распространяется и на другие религиозные представления Востока). Индуисты имеют различные верования и духовный опыт, однако все признают существование во Вселенной некой силы — *дхармы*, возлагающей на людей определенные обязательства. Например, дхарма призывает людей соблюдать традиционную систему каст, описанную в главе 10 («Социальная стратификация»).

Второй принцип индуизма — *карма* — вера в духовное совершенствование человека. Последователи этой религии считают, что все поступки имеют духовные последствия и нравственное совершенствование требует соответствующей жизни. Карма проявляется через *реинкарнацию* — цикл, включающий смерть и возрождение, благодаря чему человек возрождается на такой стадии духовности, которая соответствует моральному качеству его предыдущей жизни. В отличие от христианства и ислама индуизм не знает суда всемогущего Бога, хотя в циклах реинкарнации каждый получает то, что заслужил. *Мокша* — состояние духовного совершенства, и когда человек достигает его, реинкарнации прекращаются.

Индуизм служит доказательством того, что не все религии безоговорочно могут быть названы монотеистическими или политеистическими. Он монотеистичен, поскольку признает Вселенную единой моральной системой, но одновременно считает, что такой порядок проявляется в каждом элементе природы. Более того, многие индусы участвуют в таких публичных обрядах, как Кумбб Мела (*Kumbh Mela*), который совершается каждые 12 лет и заключается в том, что до 20 млн паломников совершают омовение в священных водах реки Ганг. Одновременно индусы совершают и местные ритуалы, разнообразие которых в деревнях такой огромной страны, как Индия, чрезвычайно велико.

Карта мира 18.3. Распространение индуизма в мире. Источник: Peters Atlas of the World, 1990

Карта мира 18.4. Распространение буддизма в мире. Источник: Peters Atlas of the World, 1990

В США уже давно существуют культы, которым присущи некоторые элементы индуизма, однако эта религия все еще остается неизвестной на Западе. Тем не менее индуизм — могущественная сила, предлагающая как объяснение смысла жизни, так и руководство ею (Pitt, 1955; Sen, 1961; Embree, 1972; Kaufman, 1976; Schmidt, 1980).

Буддизм

Буддизм зародился в недрах богатой культуры Индии 2500 лет назад. Сегодня в мире насчитывается около 350 млн буддистов, т. е. 6% населения планеты, и практически все они живут в азиатских странах. Как следует из карты мира 18.4, буддистами являются более $\frac{1}{2}$ жителей Мьянмы (Бирмы), Таиланда, Камбоджи и Японии; широко распространен буддизм в Индии и в Китайской Народной Республике. Из всех мировых религий ближе всего к буддизму по своей доктрине индуизм, однако, подобно христианству, буддизм возводится к жизни одного человека.

Сиддхартха Гаутама родился в знатной непальской семье около 563 г. до н. э. С юных лет его интересовало все, что связано с духовной жизнью. В возрасте 29 лет он пережил решительный духовный перелом, за которым последовали годы странствий и медитации. Его странствование закончилось, когда он достиг того, что буддисты называют *бодхи*, или просветлением. Постигший смысл жизни Гаутама стал Буддой.

Последователи Будды, вдохновленные его личной харизмой, распространили это учение — *дхарму* — во все концы страны. В III в. до н. э. правитель Индии принял буддизм и разослал по всей Азии миссионеров.

Буддисты верят, что страдание — неотъемлемая часть жизни. Корни этой идеи лежат в странствовании самого Будды по стране, население которой жило в ужасающей бедности. Однако, как учит Будда, богатство не несет избавления от страданий. Напротив, приверженность материальным ценностям мешает духовному развитию. Вместо того чтобы предаваться своим эгоистичным заботам, нужно преодолевать их через медитацию, цель которой — достижение *нирваны* (состояния просветления и покоя).

Буддизм весьма созвучен индуизму в отрицании Божьего суда и признании того, что каждое мирское деяние имеет свои духовные последствия. Второе, что роднит эти две религии, — вера в реинкарнацию. Буддизм учит, что только просветление прервет череду смертей и возрождений и окончательно освободит человека от страданий (Schumann, 1974; Thomas, 1975; Van Biema, 1997b).

Конфуцианство

Начиная примерно с 200 г. до н. э. и до начала XX в. конфуцианство было государственной религией Китая. Кардинальные перемены произошли после Революции 1949 г., когда коммунистическое правительство Китайской Народной Республики стало жестоко подавлять религию. Ныне, хотя официальная власть и не предоставляет никакой точной информации на этот счет, сотни миллионов китайцев все еще так или иначе следуют конфуцианским установлениям. Почти все сторонники этой религии живут в Китае, хотя эмигрировавшие оттуда позволили ей распространиться и в других странах Южной Азии. В Северной Америке проживают около 100 тыс. приверженцев конфуцианства.

Конфуций, или, точнее, Кунг Фу-цзы, жил между 551 и 479 гг. до н. э. Как и Будду, Конфуция волновали людские страдания. Реакцией Будды был похожий на сектантство уход от мира в духовную жизнь; в отличие от него Конфуций призывал своих последователей к участию в мирских делах, следуя моральному кодексу. Именно поэтому конфуцианство тесно переплелось с традиционной китайской культурой. Это еще один пример того, что может быть названо национальной религией: как индуизм во многом синонимичен индийской культуре, так и конфуцианство воплощает в себе образ жизни китайцев.

Центральным понятием в конфуцианстве выступает *дэнь*, или человеколюбие. На практике это означает, что необходимо всегда подчинять свои личные интересы моральным принципам. В семейной жизни человек должен быть предан близким и внимателен к ним. Семьи, в свою очередь, не должны забывать о своих обязанностях перед обществом. Таким образом, моральные обязательства позволяют обществу стать единым целым.

Более всего конфуцианство отличается от других религий отсутствием четкого представления о священном. Если вспомнить анализ Дюркгейма, можно сказать, что конфуцианство есть прославление священного характера самого общества как такового. Хотя не исключено и другое определение: это не столько религия, сколько модель нравственной жизни. Действительно, многовековое господство конфуцианства в Китае помогает понять, почему жители этой страны так скептически относятся ко всему сверхъестественному. Но и как модель нравственного образа жизни конфуцианство имеет немало роднящих его с религией положений и правил, которые нацелены на доброту, заботу о ближнем и социальную гармонию (Kaufmann, 1976; Schmidt, 1980; McGuire, 1987).

Религия: Восток и Запад

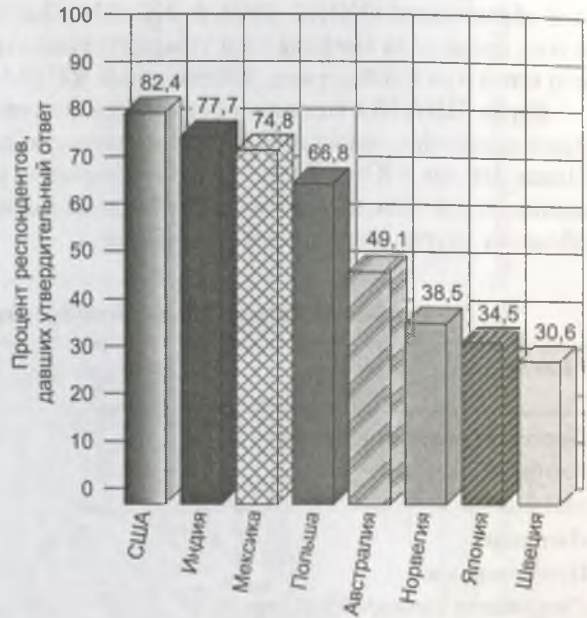
Этот обзор мировых религий выявляет два основных различия между системами религиозных воззрений западных и восточных обществ. Во-первых, западные религии (христианство, ислам, иудаизм), как правило, основаны на представлении о Боге. Что же касается восточных (индуизма, буддизма, конфуцианства), то они скорее похожи на свод этических правил, а потому проводят менее четкую границу между сакральным и мирским.

Во-вторых, верующие, которые представляют общества Запада, образуют религиозные сообщества: объединяются в организации, совершают коллективные молитвы в определенное время и в определенном месте. Восточные религии неформально «встроены» в сами культуры народов. Именно поэтому, например, иностранец вполне может встретить в японском храме одновременно и туристов, и молящихся, которые приходят туда, совершают необходимые ритуальные действия и уходят, не обращая внимания на окружающих.

Но эти расхождения не заслоняют общего, что присуще всем религиям, — концепции высшей нравственной силы или цели, которая возвышается над индивидуализмом и повседневными человеческими заботами. Несмотря на различия путей, все религии дают людям ощущение того, что их жизни служат высшей цели.

Вопрос, который задавался во время социологического опроса: «Дает ли вам религия утешение и силы»

Рис. 18.1. Религиозность во всемирном масштабе. Источник: Inglehart, 2000

Религия в США

США по сравнению с другими регионами мира, может считаться религиозной страной. Как следует из данных, представленных на рис. 18.1, 8 американцев из 10 признаются, что «религия дает им утешение и силы», т. е. в США доля верующих значительно превышает таковую в большинстве других стран с высоким уровнем доходов.

Однако специалистам этого мало: им важно понять, насколько религиозны американцы. И они занимаются изучением данной проблемы. В то время как одни утверждают, что религия занимает центральное место в жизни американцев, другие считают иначе: ослабление позиций традиционной семьи в сочетании с возрастанием роли науки и технологий подрывает религиозные чувства и веру (Collins, 1982; Greeley, 1989; Woodward, 1992a; Hadaway, Marler & Chaves, 1993).

Религиозная принадлежность

Многие жители США идентифицируют себя с той или иной религией. Во время проведения общенационального опроса о своих религиозных предпочтениях заявили 85% респондентов (NORC, 2001; p. 129). Данные, представленные в табл. 18.1, свидетельствуют, что более 50% взрослых американцев считают себя протестантами, 25% — католиками, 2% — сторонниками иудаизма. Значительное количество жителей США — приверженцы других религиозных представлений (от анимизма до дзэн-буддизма), что делает американское общество таким же религиозно неоднородным, как и любое другое в мире.

Около 60% американцев считают себя членом какой-либо религиозной организации, а 90% говорят, что в детстве получили (как минимум) начальное религиоз-

ное образование (NORC, 2001, p. 373–374). Карта США 18.1 дает представление о том, какая доля американцев утвердительно отвечает на вопрос о принадлежности к той или иной церкви, действующей в США¹.

Карта США 18.2 позволяет понять большее: она показывает, что религии, с которыми идентифицируют себя большинство верующих, в различных регионах разные². Новая Англия и Юго-Запад — преимущественно католические, в южных штатах доминирует баптизм, а в северных преобладают лютеране. В Юте и в граничащих с ней областях других штатов много мормонов.

Таблица 18.1

Конфессиональная принадлежность граждан США, 2000 г.

Религия	Процент респондентов, признавших свою принадлежность
Протестантские конфессии	56,2
Баптисты	20,6
Методисты	9,3
Лютеране	5,4
Пресвитериане	3,4
Сторонники англиканской церкви	1,9
Все прочие или не принадлежащие ни к одной из вышеназванных конфессий	15,6
Католики	25,1
Иудаисты	2,3
Прочие или не ответившие на вопрос	1,7
Религиозных предпочтений нет	14,7

Источник: *General Social Surveys, 1972–2000: Cumulative Codebook* (Chicago: National Opinion Research Center, 2001), p. 129–130

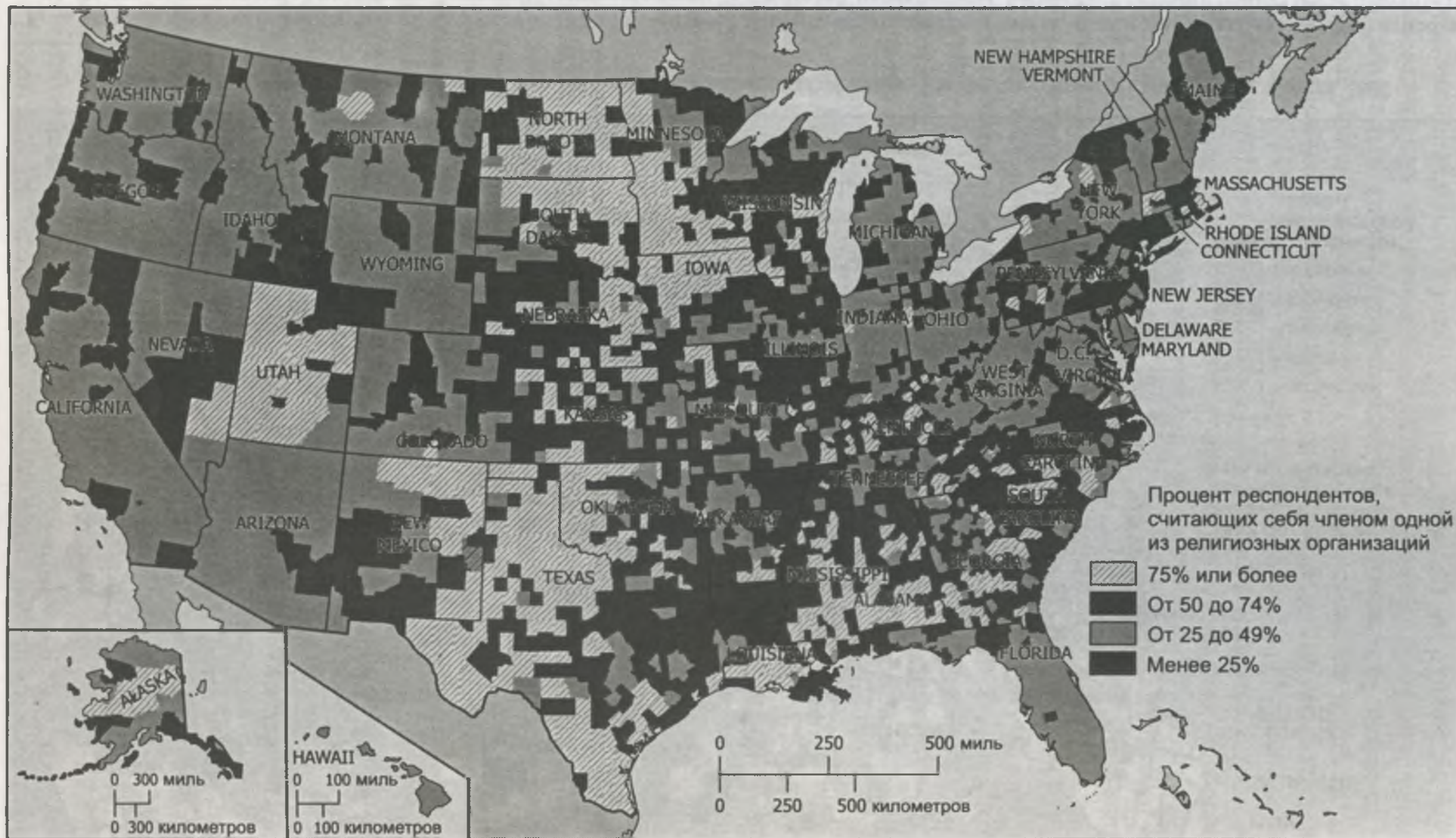
Религиозность

Религиозность — это *значимость религии в жизни человека*. Разумеется, признание кем-либо своих конфессиональных предпочтений выступает лишь одним из критериев его религиозности, к тому же — весьма поверхностным. Религиозность человека зависит от того, как определяется само это понятие.

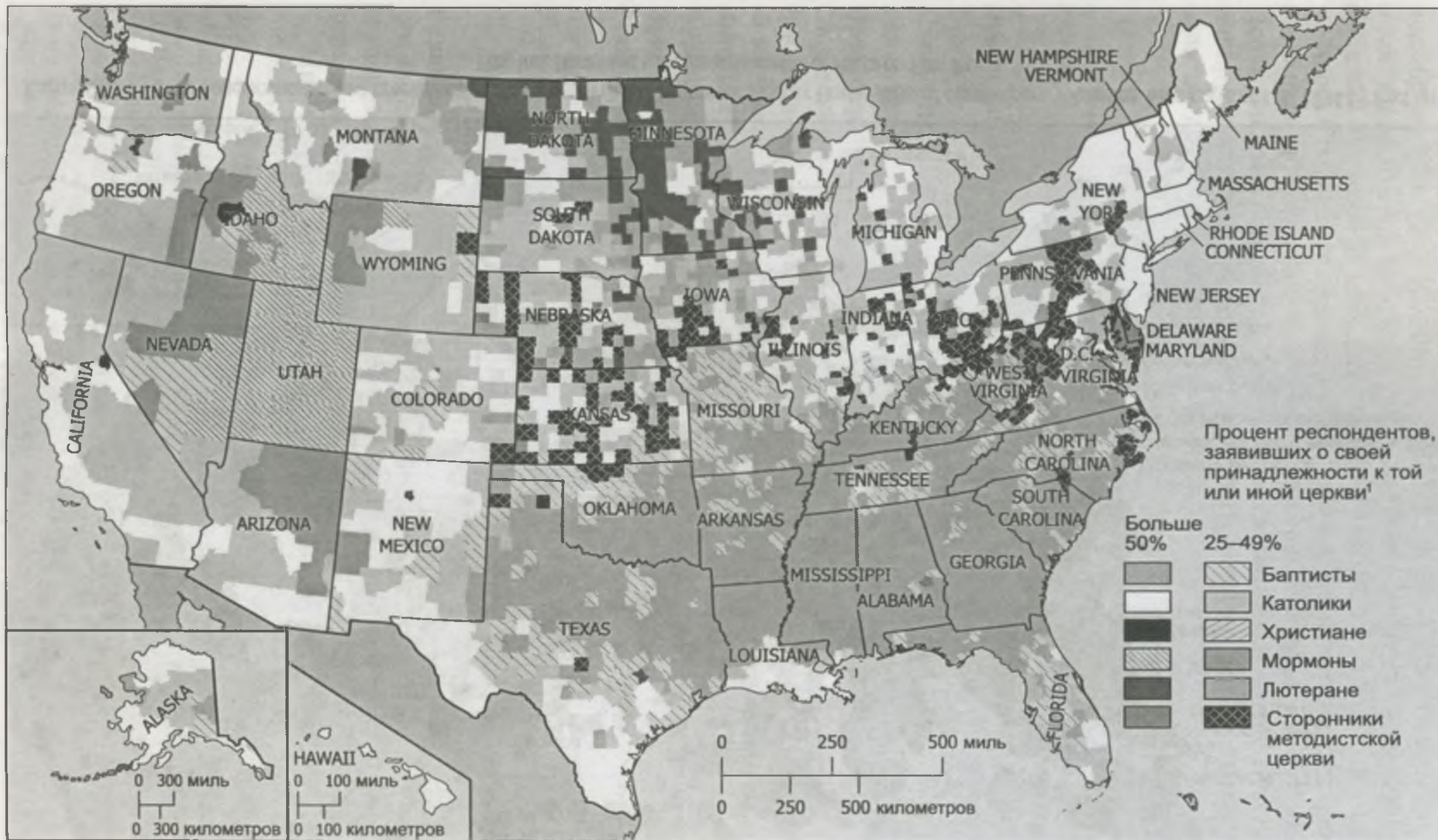
Много лет назад Чарльз Глок (Glock, 1959, 1962) предложил оценивать религиозность по пяти измерениям. Термином *эмпирическая* религиозность обозначается

¹ В целом американцы более религиозны, чем жители других стран с высоким уровнем доходов. Однако принадлежность к какой-либо религиозной организации — явление, которое в одних регионах США распространено более, нежели в других. Какую тенденцию вы можете отметить? Чем вы можете объяснить ее?

² В большинстве округов по меньшей мере 25% жителей, заявляющих о своей принадлежности к определенной конфессии, принадлежат к одной и той же религиозной организации. Следовательно, хотя в общенациональном масштабе религиозные предпочтения американцев и отличаются разнообразием, большинство из них живут в общинах, где доминирующей оказывается одна конфессия. В результате каких исторических факторов возник этот феномен?

Карта США 18.1. Конфессиональная принадлежность граждан США. Источник: Rodger Doyle, *Atlas of Contemporary America*. Map copyright © 1994 by Facts on File, Inc. Reprinted with the permission of Facts on File, Inc

Карта США 18.2. Религиозные предпочтения жителей разных регионов страны. Источник: The Glenmary Research Center, Atlanta, Georgia, 1990

¹ Если членами двух или более конфессий являются от 25 до 49% жителей данного округа, представлена та, количество прихожан которой наибольшее. Округа, где нет ни одной конфессии, к которой бы принадлежали 25% жителей, не закрашены. К числу исключений принадлежат округ Палм Бич в Южной Флориде, основная масса населения в котором — евреи, и округ Холмс в центре Огайо, где доминируют амиши.

степень эмоциональности индивида в вере, *ритуальной* называется частота свершения молитв или посещения храма. *Идеологическая* означает степень веры индивида в религиозную доктрину. *Последовательная* отражает то, насколько сильно религиозные убеждения проявляются в повседневной жизни человека. И наконец, *интеллектуальная* — мерило знаний человека об истории и догматах той религии, к последователям которой он себя причисляет. Любой из нас с одинаковым успехом может оказаться более религиозным по каким-либо измерениям и менее религиозным — по другим, так что оценка религиозности — задача не из легких.

Когда взрослым американцам задают прямой вопрос, 86% из них отвечают, что верят в божественную силу, хотя тех, кто «знает, что Бог существует, и несколько не сомневается в этом», — только 61% (NORC, 2001; p. 375). Эти показатели эмпирической религиозности относительно высоки.

Измерения идеологической религиозности дают цифры более низкого порядка. В жизнь после смерти верят 72% взрослых жителей США. Показатели ритуальной религиозности еще ниже: 55% американцев говорят, что молятся хотя бы раз в день, а 29% — что они посещают религиозные службы еженедельно или практически еженедельно (NORC, 2001, pp. 133, 138, 131).

Понятно, что ответить на вопрос «насколько мы религиозны?» нелегко. Многие люди, возможно, приписывают себе большую религиозность, чем это есть на самом деле. Например, группа исследователей поставила своих наблюдателей во всех храмах и молельных домах округа Аштабула (штат Огайо), которые зафиксировали количество прихожан, пришедших на воскресные службы. Опрос общественного мнения, проведенный вслед за этим, выявил: о своем посещении воскресных служб заявили в 2 раза больше людей, чем это оказалось в реальности. Вывод, к которому пришли исследователи, заключается в следующем: регулярно посещают церковь не более 20% населения (Hadaway, Marler & Chaves, 1993). Критики обвиняют этих авторов в том, что они, возможно, недооценивают реальное число людей, приходящих на религиозные службы. Учитывая все имеющиеся свидетельства, можно утверждать, что от 25 до 35% населения, скорее всего, регулярно бывают в церкви (Caplow, 1998; Hout & Greeley, 1998; Woodberry, 1998).

Несмотря на то что большинство американцев признаются, что они «хотя бы немного религиозны», в целом истинно верующих людей, возможно, не более 33%. Более того, степень религиозности зависит от конфессиональной принадлежности. Самыми религиозными следует признать сектантов, за ними следуют католики, потом — протестанты. Как правило, более религиозны пожилые люди и женщины, чем молодежь и мужчины соответственно (Stark & Glock, 1968; Hadaway, Marler & Chaves, 1993; Sherkat & Ellison, 1999).

Религия и социальная стратификация

Социологи, изучающие религию, пришли к выводу, что религиозные предпочтения связаны с другими уже знакомыми нам социальными образцами. Мы рассмотрим три: классовую, расовую и этническую принадлежность.

Социальный класс. Результаты изучения справочника *Who's Who in America*, содержащего информацию о людях, добившихся наивысших достижений, свидетельствуют: 33% из тех, кто имеет определенные религиозные предпочтения, —

прихожане англиканской церкви. Пресвитериане и приверженцы Епископальной церкви, Объединенной церкви Христа составляют менее 10% населения. Среди упомянутых в этом справочнике 12% евреев, хотя общее количество евреев в США — только 2% от всего населения.

Исследование показало, что представители других конфессий, включая конгрегационалистов, методистов и католиков, принадлежат преимущественно к среднему классу. Более низкое социальное положение типично для баптистов, лютеран и сектантов. Разумеется, социальное расслоение велико и внутри каждой конфессии (Roof, 1979; Davidson, Pyle & Reyes, 1995; Waters, Heath & Watson, 1995).

Протестанты, имеющие высокий социальный статус, — это те люди, корни которых в Северной Европе, чьи семьи приехали в Америку не менее 100 лет тому назад. Им практически не пришлось столкнуться ни с предрассудками, ни с дискриминацией, и у них было вполне достаточно времени для того, чтобы занять определенное положение в обществе. Католикам, эмигрировавшим в США позднее, из-за их религиозной принадлежности пришлось преодолевать более значительные социальные барьеры.

Если учесть, что иудеи нередко были вынуждены противостоять антисемитизму со стороны большинства людей, исповедующих христианство, то их высокий социальный статус представляется неожиданным. Эти достижения преимущественно связаны с культурой, поскольку евреи традиционно высоко ценили и ценят образование и трудолюбие. Хотя немало евреев начинали свою жизнь в США в бедности, на протяжении жизни нескольких поколений они значительно улучшили свое положение.

Этничность и раса. Во всем мире религиозные предпочтения связаны с этнической принадлежностью человека. Многие религии доминируют у какого-либо народа или в каком-либо географическом регионе. Ислам — по преимуществу религия арабов, населяющих Ближний Восток, индуизм пронизывает культуру Индии, а китайское общество пропитано идеями конфуцианства. Что же касается христианства и иудаизма, то они не подчиняются этой закономерности: хотя обе эти религии — западные, и христиане, и иудеи разбросаны по всему свету.

В США религиозная и национальная идентификация тоже тесно взаимосвязаны. Например, известны *англосаксонские* протестанты, *ирландские* католики, *русские* евреи и православные *греки*. Подобное соотношение — следствие притока эмигрантов из стран, в которых главенствует какая-либо религия. Однако едва ли не каждая этническая категория демонстрирует религиозную неоднородность. Например, среди американцев с английскими корнями можно встретить протестантов, католиков, мусульман, а также приверженцев иудаизма, индуизма или других религий.

Исторически сложилось так, что церковь играла важнейшую роль в жизни афроамериканцев. Большинство выходцев из Африки, привезенных в Западное полушарие на судах работоторговцев, стали исповедовать христианство, но они привнесли в него элементы африканских верований. Ведомые этой «смешанной» религией, чернокожие христиане ввели в церковный обиход ритуалы, которые европейцу кажутся чересчур непринужденными и эмоциональными (Frazier, 1965; Roberts, 1980).

Когда с 1940 г. началась миграция афроамериканцев, переселявшихся с сельскохозяйственного Юга на индустриальный Север, церковь сыграла важнейшую роль в их размещении и в борьбе с бедностью и с предрассудками (cf. Pattillo-McCoу, 1998). Более того, многим одаренным чернокожим мужчинам и женщинам церкви позволили добиться выдающихся достижений. Преподобные Ральф Эбернэти, Мартин Лютер Кинг-младший и Джесси Джексон — лидеры, признанные не только в США, но и во всем мире.

Религия в изменяющемся обществе

4 июня, Тикондерога, Нью-Йорк. Наша летняя церковь — маленькая, летом на воскресную службу приходит от силы человек сорок. В наше время, говорят постоянный прихожанин Эд Келлер, церкви выжить непросто: матчи детских команд назначаются именно на воскресенье, Wal-Mart и другие универмаги открываются рано, а многие уже заранее предвкушают удовольствие подольше поспать после тяжелой трудовой недели. Живущие здесь, вроде бы, верующие люди, но их мало.

Со временем все социальные институты претерпевают трансформации. Подобно тому как за последнее столетие изменились экономика, политика и семья, другой стала и религиозная жизнь американского общества.

Секуляризация

Секуляризация — историческое снижение значимости сверхъестественного и сакрального. Для общества в целом это означает ослабление религиозного влияния в повседневной жизни. Для религиозных организаций — меньше внимания к тому, что связано с загробным миром (например, с жизнью после смерти), и больше — к земным делам (например, предоставлению пристанища бездомным и организации питания голодающих). Секуляризация означает также, что функции, которые когда-то принадлежали церкви (например, благотворительность), теперь стали уделом таких нерелигиозных организаций, как *United Way* («Общий путь») и правительства.

Секуляризация (от позднелат. *sacularis* — «мирской, светский») характеризует современные общества, взявшие на вооружение высокие технологии, основанные на научном подходе к пониманию мира. Например, ныне люди предпочитают рожать, болеть и умирать в присутствии врачей, обладающих научными познаниями, а не священников, чьи знания проистекают из веры. Одно лишь это свидетельствует, что сейчас религия играет менее значимую роль в повседневной жизни людей, чем раньше. Харви Кокс развивает эту мысль:

Мир все меньше и меньше обращается к религиозным правилам и ритуалам в поисках их морали или их смысла. Для одних религия стала хобби, для других — неким знаком национальной или этнической идентификации, но для большинства она источник эстетического наслаждения. Тех же, для кого она — господствующая система, включающая личные и космические ценности и объяснения, становится все меньше и меньше (Сох, 1971, р. 3; 1-е изд. — 1965).

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Должны ли учащиеся молиться в школе?

В Миннеаполисе пасмурный весенний день. Вечереет. Две дюжины подростков пришли, чтобы вместе помолиться. Входя в комнату, они приветливо улыбаются друг другу. Когда все расселись, молитва началась, подростки подхватывали ее друг за другом. Одна девочка молилась за своего брата, мальчик — за успех предстоящей кампании по сбору продуктов для нуждающихся; кто-то просил Бога помочь любимому учителю, переживающему нелегкие времена. Затем их голоса слились, и они стали молиться за всех учителей своей школы, принадлежащих к другим конфессиям. Помолвившись, подростки запели христианские гимны, потом стали читать Библию, а перед расставанием все дружно обнялись.

Необычным было то, что коллективная молитва совершалась в средней школе Патрика Генри, в *общественном* учебном заведении. По мере того как все большее число учащихся устраивают собрания, подобные этому, в общественных школах от Атлантического до Тихого океана происходит нечто вроде религиозного Ренессанса.

Те, кому 45 лет, конечно, помнят время, когда во всех государственных школах день традиционно начинался с молитвы и чтения Библии. В 1963 г. Верховный Суд постановил, что такая практика нарушает Конституцию США, в которой закреплено отделение церкви от государства.

Большинство представителей органов образования поняли данное постановление так, что любая религиозная деятельность в государственных школах незаконна. Но с самого начала критики обвинили их в том, что, поддерживая все прочие формы активности и клубы и запрещая религиозные формы, они превращают школы в *анти*религиозные заведения. В 1990 г. Верховный суд вынес новое решение, согласно которому религиозным группам было предоставлено право собираться в помещениях, являющихся собственностью школы, если членство в этих группах добровольное и если встречи проходят во внеурочное время, но лучше, чтобы их проводили сами школьники, а не взрослые.

Ныне религиозные группы учащихся действуют уже в 25% общественных школ. Такие евангелические христианские организации, как *First Priority* («Первейшее дело») и *National Network of Youth* («Национальная юношеская сеть») используют и Интернет, и устное слово, чтобы упрочить положение религии во всех государственных школах страны. Противники подобной практики опасаются, как бы религиозный пыл не заставил некоторых учащихся оказывать давление на своих товарищей и принуждать их к вступлению в религиозные группы, а это значит, что дискуссия по поводу сотворения молитв в государственных школах будет продолжена.

А как думаете вы?

1. Надо ли предоставлять религиозным клубам ту же свободу действий под школьной крышей, что и другим организациям? Почему?
2. Авторы американской Конституции в 1-й поправке записали, что конгресс не вправе признавать ни одну религию в качестве официальной и принимать законы, ограничивающие свободу отправления религиозных обрядов. Распространяется ли, по вашему мнению, эта поправка на «школьные молитвенные собрания»?
3. В 1995 г. президент Билл Клинтон сказал: «В 1-й поправке нет ничего, что превращало бы наши государственные школы в зоны, свободные от религии». Должны ли школы поддерживать духовное образование и развитие, быть нейтральными по отношению к религиозной деятельности или препятствовать ей? Пожалуйста, поясните свой ответ.

Источник: Van Biema, 1998, 1999.

Если Кокс прав, не случится ли так, что в один прекрасный день религия исчезнет? Социологи отвечают отрицательно. Большинство граждан Америки открыто признают, что верят в Бога, а о том, что они каждый день молятся, говорят столько же людей, сколько и об участии в национальных выборах. В действительности число принадлежащих к религиозным организациям возросло по сравнению с 1850 г. Следовательно, секуляризация не возвещает о смерти религии. Во-первых, хотя некоторые аспекты религиозности (например, вера в жизнь после смерти) и ушли в тень, другие (например, принадлежность к определенной церкви) стали очень важными. Во-вторых, хотя некоторые религии теряют своих адептов, количество сторонников других религий увеличивается. Иными словами, секуляризация остается предметом жарких научных дискуссий (Hammond, 1985; Hout & Greeley, 1987; McGuire, 1987; Gorski, 2000).

В американском обществе бытуют два мнения о том, хороша или плоха секуляризация. Для консерваторов любое ослабление позиций религии — признак падения нравственности. Другие считают, что секуляризация освобождает людей от навязываемых им верований прошлого и у них появляется возможность самим выбирать, во что верить. Секуляризация также помогла привести некоторые обычаи (например, посвящение в духовный сан только мужчин) в соответствие с широко распространенными социальными установками (открыв доступ к церковной иерархии не только мужчинам, но и женщинам).

Еще в 1963 г. Верховный суд США запретил проведение молитв в школах как нарушающее закрепленное в Конституции отделение церкви от государства. Но в последние годы религия вернулась во многие государственные школы. (Подробнее об этом см. «Должны ли учащиеся молиться в школе?»)

Гражданская религия

Одни из аспектов секуляризации — возникновение того, что Роберт Белла назвал **гражданской религией**. Это *квазирелигиозная лояльность, объединяющая индивидов в светском по своей сути обществе*. Иными словами, хотя некоторые аспекты религиозности и ослабевают, само гражданство приобрело некоторые религиозно окрашенные качества.

Действительно, большинство граждан США считают американский образ жизни силой, способной нести добро миру. Многие также видят религиозные аспекты и в политических движениях как либерального, так и консервативного толка (Williams & Demerath, 1991). Гражданская религия предполагает совершение определенных ритуалов — от исполнения национального гимна на спортивных соревнованиях до размахивания флагом на парадах. Во время всех этих мероприятий американский флаг играет роль священного символа национальной идентификации, и от людей ожидается уважительное к нему отношение.

Гражданская религия не является какой-то особой доктриной. Однако она приносит в политическую систему светского общества многие элементы традиционной религии.

Постконфессиональное общество

В обществе, лишенном формальных связей между церковью и государством, религиозные организации превращаются в деноминации. Но в последние десятилетия все больше людей удовлетворяют свое стремление к духовному совершенствова-

нию вне устоявшихся религиозных организаций. Подобное сочетание тяги к духовности с бегством от традиционных конфессий позволяет утверждать, что Соединенные Штаты становятся *постконфессиональным обществом*. Иными словами, увеличивается число людей, которые признаются, что их волнует духовная жизнь, но не в том смысле, как ее понимают традиционные конфессии.

В чем же конкретно состоит разница между духовностью и религиозностью? Первая — это некая форма религиозной экспрессии:

поиск религии... сердца, а не ума. Это религиозная экспрессия, которая не принимает в расчет ни доктрины, ни догмы и предполагает наслаждение прямым переживанием божественного независимо от того, как его называют — «Святой Дух», «божественное сознание» или «истинное Я». Она подлинная и личная, и в ней больше от снижения уровня стресса, чем от спасения, больше терапевтического, нежели теологического. Речь скорее идет не о том, чтобы быть справедливым, а о том, чтобы чувствовать себя таковым. И она так же связана с телом, как и с душой (Cimino & Lattin, 1999, p. 62).

С традиционной точки зрения может показаться, что такое толкование понятия «духовность» означает скорее психологический ракурс, нежели религиозный. Однако, как доказывает феномен гражданской религии, в современном мире возникают ее новые формы.

Не стоит также забывать и о том влиянии, которое оказывает на религиозную жизнь США высокий уровень иммиграции. Когда эмигранты из Латинской Америки, Азии и других стран оказываются включенными в «плавильный котел» США, они привносят элементы своей традиционной религии в те идеи, с которыми сталкиваются на новой родине. Результатом становится религиозная инновация (Yang & Ebaugh, 2001).

Религиозное возрождение

Одновременно с расцветом «новой эры» духовности перемены затронули и организованную религию. Число приверженцев таких традиционных, бывших когда-то господствующими церквей, как англиканская и пресвитерианская, с 1960 г. уменьшилось практически вдвое. Однако за тот же самый период столь же значительно увеличилось число членов консервативных религиозных организаций (включая мормонов, адвентистов седьмого дня и особенно членов христианских сект). По мере того как многие подобные церквям организации распространялись по миру, немалая часть их приверженцев, по-видимому, предпочла общины, более похожие на секты и предлагающие своим членам более эмоциональный религиозный опыт (Stark & Bainbridge, 1981; Roof & McKinney, 1987; Jacquet & Jones, 1991; Warner, 1993; Iannaccone, 1994).

Религиозный фундаментализм. Одной из самых заметных религиозных тенденций современности стало усиление позиций **фундаментализма** (*консервативной религиозной доктрины, оппозиционной к рационалистичности и приспособлению к миру, отстаивающей возрождение традиционной, иномирной религии*). В США он нашел наибольшее число приверженцев среди протестантов. Так, самая многочисленная религиозная община США — Баптисты Юга (*Southern Baptists*). Однако ка-

толики, иудеи и мусульмане тоже не остались в стороне от фундаменталистских течений. Растущему влиянию науки и распаду традиционной семьи религиозные фундаменталисты противопоставляют защиту так называемых «традиционных ценностей». Они полагают, что либеральные церкви слишком открыты переменам. В целом их точка зрения имеет 5 отличительных особенностей (Hunter, 1983, 1985, 1987):

1. **Фундаменталисты трактуют священные тексты буквально.** Чтобы воспрепятствовать тому, что они считают чрезмерной рационализацией более либеральных религиозных организаций, фундаменталисты настаивают на буквальной интерпретации Библии и других священных текстов. Например, христианские фундаменталисты верят, что мир был создан Богом именно так, как описано в первой книге Библии.
2. **Фундаменталисты отвергают религиозный плюрализм.** По их мнению, толерантность и релятивизм подрывают личную веру. Именно поэтому они считают свои религиозные убеждения истинными, а веру оппонентов — ложной.
3. **Фундаменталисты стремятся к личному переживанию присутствия Бога.** В отличие от других религиозных организаций, сосредоточенных на мирских делах и рациональном, фундаментализм стремится вернуться к «старым добрым временам» религии и к духовному возрождению. Для христианских фундаменталистов тот факт, что человек «заново рожден» и имеет личные отношения с Богом, должен найти отражение в его повседневной жизни и стать самоочевидным.
4. **Фундаментализм противостоит «секулярному гуманизму».** Фундаменталисты полагают, что приспособление к происходящим в мире переменам подрывает религиозную веру. *Секулярный гуманизм* — понятие, обозначающее наметившуюся в американском обществе тенденцию обращаться в поисках ответа на вопросы о том, как жить, не к Богу, а к помощи ученых и различных специалистов.
5. **Многие фундаменталисты разделяют консервативные политические взгляды.** Хотя фундаменталисты и предпочитают не участвовать в мирских делах, некоторые из их лидеров, включая Ральфа Рида, Пэта Робертсона и Гари Бауэра, занялись политической деятельностью, чтобы противодействовать «либеральной повестке дня» — в том числе феминизму и правам гомосексуалистов. Фундаменталисты выступают за запрет аборт и гомосексуальных браков и против пропаганды либерализма в средствах массовой информации; они поддерживают традиционную семью, в которой есть и отец, и мать, и стремятся вернуть то время, когда в школах проводились коллективные молитвы (Hunter, 1983; Speer, 1984; Ellison & Sherkat, 1993; Green, 1993; Manza & Brooks, 1997; Thomma, 1997; Rozell, Wilcox & Green, 1998).

Критики фундаментализма считают его негибким и лицемерным. Однако, по мнению многих, обладая большей религиозной определенностью и уделяя особое внимание эмоциональному переживанию присутствия Бога, он становится заманчивой альтернативой более рационалистичным, толерантным конфессиям мэйн-стрима (Marquard, 1997).

ПРАКТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Киберцерковь: религиозные логины

В течение многих десятилетий единственной связующей нитью между христианским монастырем в мексиканской пустыне и остальным миром была ухабистая дорога, покрытая красноватой пылью. От монастыря, коричневого глинобитного сооружения, затерянного в глуши на северо-западе Нью-Мексико, до ближайшей линии электропередачи не менее 20 миль, а до ближайшего телефона – и все 50. Каждого, кто совершает 2-часовое путешествие в автомобиле из Альбукерка, встречает потемневшая от времени надпись, вырезанная на дереве: «Позвоните в колокольчик».

Но в конце XX в. для живущих в монастыре братьев началась информационная эра. Расположенная на крыше дюжина солнечных батарей снабжает электричеством персональный компьютер, связанный с сотовым телефоном, что позволяет монахам донести свои слова до посетителей их сайта, живущих в разных уголках Земли.

Как же расценивает эту высокотехнологичную религию социология? Можно начать с того, что мы не впервые сталкиваемся с ситуацией, когда новая технология изменяет религиозные формы. 600 лет назад в средневековой Европе личная беседа была единственным способом распространения религиозных идей. Церковники собирались в университетах крупнейших городов своего времени, а прихожане ходили на службы в храмы. Число экземпляров Библии и других священных текстов было небольшим, они представляли редкость; обитатели монастырей тратили годы на создание рукописных копий. Но религиозное последование стало другим, после того как в 1456 г. Иоганн Гуттенберг, немецкий изобретатель, создал специальный пресс и издал первую печатную книгу – Библию. (В 1999 г. Биографический телеканал признал его человеком, оказавшим самое большое влияние на развитие человечества за последнюю 1000 лет.) В течение полувека в разных странах Европы были напечатаны миллионы книг, большинство из которых имели религиозное содержание. Нет ничего удивительного, что вслед за этим вскоре последовала серьезная трансформация религиозных представлений: началась Реформация. Распространение религиозных идей подтолкнуло многих переосмыслить укоренившиеся принципы и обычаи.

В XX в. благодаря радио (начиная с 1920-х гг.) и телевидению (после 1950 г.) возможности священнослужителей донести свою веру значительно расширились, и стало ясно, что «медиа-конгрегация» более не ограничена стенами одного какого-нибудь здания. В 1990-е, когда на тысячах веб-сайтов оказались размещены основные положения традиционных церквей, неизвестных культов и групп «новой эпохи», Интернет усилил эту тенденцию.

Как компьютерные технологии повлияют на религиозную жизнь? Поскольку сейчас людям доступно больше информации, чем когда бы то ни было раньше, их духовные воззрения не обязательно должны ограничиваться религиозными организациями, как ранее. Это может положить начало постконфессиональному обществу. Новые информационные технологии также знаменуют собой начало эпохи «киберцерквей». Телевидение доказало свою способность «передать» и личную харизму, и духовные послания религиозных лидеров самой большой аудитории из всех, когда-либо существовавших. Возможно, Интернет приведет к возникновению «виртуальных конгрегаций», которые будут превосходить те, что были раньше, и по численности, и по культурному разнообразию.

Источник: Ramo, 1996

Какие религиозные течения называют «фундаменталистскими»? В США больше всего оснований для признания таковыми дают консервативные христианские евангелические организации, в том числе Пятидесятники, Баптисты Юга, Адвентисты седьмого дня и Ассамблеи Бога. Некоторые национальные социальные дви-

жения, например движение мужчин «Держащие слово» (*Promise Keepers*) и движение женщин «Избранные женщины» (*Chosen Women*), имеют фундаменталистскую ориентацию. Результаты общенациональных опросов свидетельствуют, что 32% взрослых американцев считают свое религиозное воспитание «фундаменталистским», 40 — «умеренным», а 23% — либеральным (NORC, 2001, р. 148).

Электронная церковь. Некоторые современные религиозные организации, особенно фундаменталистского толка, превратились в «телевизионные» церкви, характерной особенностью которых стали «проповеди в прайм-тайм», и этим они сильно отличаются от маленьких деревенских конгрегаций минувших лет (Hadden & Swain, 1981). Такая религиозная форма существует только в США. Благодаря ей Билли Грэм, Орэл Робертс, Пэт Робертсон, Роберт Шуллер и другие добились большей известности, чем подавляющее большинство проповедников прошлого. Около 5% американской телевизионной аудитории (около 10 млн человек) регулярно смотрят религиозные передачи, а около 20% (около 40 млн) еженедельно выбирают одну из религиозных программ (NORC, 2001).

В последнее время возрастает число религиозных организаций, пользующихся для пропаганды своих взглядов компьютерными технологиями. Эту тенденцию папа римский Иоанн Павел II назвал «новым евангелизмом». Социологический взгляд на он-лайнный поиск Бога отражает материал под названием «Киберцерковь: Религиозные логины».

Резюме

1. Религия — один из важнейших социальных институтов — основана на разграничении мирского и священного. Она не имеет отношения к научным доказательствам, а представляет собой вопрос веры, которую люди выражают в различных ритуалах.
2. Социологи анализируют последствия религиозных верований для жизни общества, но ни одно научное исследование не может оценить истинность какой бы то ни было религии.
3. Эмиль Дюркгейм утверждает, что благодаря религии люди ощущают силу общества, в котором живут. Как показывает структурно-функциональная парадигма, религия способствует социальной сплоченности и конформизму, а также придает смысл жизни и определяет ее цель.
4. Исходя из парадигмы символического интерекционизма Питер Бергер объясняет создание религиозных верований необходимостью реагировать на житейские трудности и невзгоды.
5. Парадигма социального конфликта позволила Карлу Марксу утверждать, что религия способствует социальному неравенству и сохранению существующего положения вещей. Но есть и другая точка зрения: проанализировав вклад кальвинизма в становление индустриального капитализма, Макс Вебер пришел к выводу, что религия может и благоприятствовать социальным переменам.
6. Церкви как религиозные организации, хорошо встроенные в общества, в которых они функционируют, делятся на два типа — на государственные церкви и деноминации.

7. Секты, возникающие из-за религиозных разногласий, отличает харизматическое лидерство; со стороны же остальных членов общества отношение к ним подозрительное.
8. Культи — это религиозные организации, основанные на новых и нетрадиционных верованиях и обычаях.
9. Основной религией технологически примитивных человеческих обществ был, как правило, анимизм, причем он составлял органическую часть семейной жизни; в более сложных обществах религия оформилась в самостоятельный социальный институт.
10. Последователи шести мировых религий — христианства, ислама, иудаизма, индуизма, буддизма и конфуцианства — составляют 75% человечества.
11. Почти все взрослые американцы заявляют о своих религиозных предпочтениях; 61% идентифицируют себя с религиозными организациями, причем большинство составляют приверженцы разных протестантских конфессий.
12. Насколько религиозной мы считаем свою нацию, зависит от того, какой смысл вкладывается в само понятие «религиозность». Большинство людей говорят, что верят в Бога, но лишь пятая часть американцев регулярно посещает церковь.
13. Секуляризация — ослабление значимости сверхъестественного и сакрального. Некоторые признаки религиозности (такие, например, как принадлежность к основным религиозным организациям) стали теперь в США менее заметными, зато другие (например, сектантство) явно на подъеме. Поэтому маловероятно, что секуляризация означает конец религиозности.
14. Гражданская религия — это квазирелигиозный патриотизм, скрепляющий связи людей с обществом.
15. Для постконфессионального общества характерна тенденция, суть которой в том, что люди ищут пути к духовному совершенствованию вне традиционных религиозных организаций.
16. Фундаментализм выступает против приспособления религии к миру и ратует за возрождение верований, сосредоточенных на потустороннем. Христиане-фундаменталисты защищают буквальное толкование библейских текстов, отрицают религиозный плюрализм и стремятся к личному переживанию Божественного присутствия. Некоторые христианские организации фундаменталистского толка поддерживают политиков-консерваторов.

Основные понятия

Анимизм — представление, согласно которому элементы природного мира являются разумными формами жизни, влияющими на людей.

Вера — представление, опирающееся скорее на убежденность, чем на научные факты.

Государственная церковь — церковь, официально объединенная с государством.

Гражданская религия — квазирелигиозная лояльность, объединяющая индивидов в светском по своей сути обществе.

- Деноминация** — церковь, независимая от государства, принимающего религиозный плюрализм.
- Култ** — религиозная организация, находящаяся в основном вне культурных традиций общества.
- Мирское** — то, что люди определяют в качестве обыденного элемента повседневной жизни.
- Монотеизм** — вера в единую божественную силу.
- Политеизм** — вера во многих богов.
- Религиозность** — значимость религии в жизни индивида.
- Религия** — социальный институт, включающий верования и ритуалы, основанные на представлении о сакральном.
- Ритуал** — формальное, церемониальное поведение.
- Сакральное** — то, что люди почитают за экстраординарное, приводящее в чувство трепета и благоговения.
- Секта** — тип религиозной организации, стоящей особняком от общества.
- Секуляризация** — историческое снижение значимости сверхъестественного и сакрального.
- Теология освобождения** — смешение христианских принципов с политической деятельностью, нередко марксистского содержания.
- Тотем** — объект природного мира, определенный всеми как священный.
- Фундаментализм** — консервативная религиозная доктрина, оппозиционная к рационалистичности и приспособлению к миру, отстаивающая возрождение традиционной, иномирной религии.
- Харизма** — исключительные личные качества, способные превратить аудиторию людей в последователей.
- Церковь** — тип религиозной организации, успешно встроенной в общество как таковое.

Вопросы для размышления

1. В чем заключается принципиальная разница между мирским и божественным, лежащая в основе всех религиозных верований?
2. Объясните смысл утверждения Карла Маркса о том, что религия способствует сохранению существующего положения вещей. Исходя из анализа кальвинизма, выполненного Максом Вебером, сформулируйте контраргументы в пользу того, что религия может быть важной силой, изменяющей общество.
3. Чем отличаются друг от друга церкви, секты и культы? Можно ли сказать, что религиозные организации какого-то одного типа по самой своей сути лучше других? Пожалуйста, поясните свой ответ.
4. Существуют ли свидетельства того, что в США религия становится менее значимым социальным институтом? Почему складывается впечатление, что она, напротив, усиливает свои позиции?

Образование

Тони Сколья сам не знает об этом, но он — живой укор системе школьного образования. Будучи, по мнению педагогов, толковым парнишкой, самый способный из всех четвероклассников, Тони едва справился с проводимыми во всех школах штата тестами умений. Многие его одноклассники завалили их, и результаты тестирования детей, которые учатся в начальной школе *Warren Elementary Shool* города Толидо, оказались одни из самых плохих в штате Огайо.

На другом конце города, другая четвероклассница по имени Сара Беррик учится хорошо. По мнению большинства учителей, она обычная ученица; тестирование Сара прошла достаточно успешно. И вообще средние тестовые баллы учащихся начальной школы *Monclova Elementary School* — едва ли не самые высокие в штате.

Чем объясняется разница в достижениях этих двух учеников? Дело не столько в самих детях, сколько в условиях их жизни. Начальная школа *Warren Elementary*, расположенная в одном из беднейших кварталов города Толидо, столь же неприглядна, как и сам район: здание давно нуждается в ремонте, а классы переполнены. В отличие от нее начальная школа *Monclova Elementary* располагается в одном из самых зажиточных районов города, и благодаря большим деньгам, поступающим от налогоплательщиков, в ней и классы малочисленны, и помещения безупречны.

Другими словами, дети учатся так, как «существуют» их школы. На всей территории штата Огайо — да и на всей территории США — мы наблюдаем одну и ту же картину: дети, посещающие школы, расположенные в богатых районах, учатся значительно лучше, чем их ровесники из бедных кварталов (Трой, 2000).

Почему такие школы, как *Monclova Elementary School*, находящиеся в богатых районах, хорошо справляются с возложенной на них миссией учить подрастающее поколение? Постараемся ответить на этот вопрос в данной главе, посвященной **образованию** — *социальному институту, благодаря которому общество обеспечивает своих членов важными знаниями, в том числе о фундаментальных явлениях действительности, профессиональных навыках и культурных нормах и ценностях.* В таких странах с высоким уровнем доходов, как США, образование осуществляется в рамках **школьной системы** (формального обучения под руководством специально подготовленных педагогов).

Образование во всемирном масштабе

Повсюду — от Новой Англии до Гавайев, от Аляски до Техаса — люди рассчитывают, что подавляющую часть из первых 18 лет своей жизни их дети будут проводить в школе. Однако еще 100 лет тому назад ситуация была совершенно иной: обуче-

В прошлом далеко не все дети в таких бедных странах, как Индия, могли учиться в школе, немало из них были вынуждены работать. Однако за последние несколько десятилетий Индия весьма продвинулась к всеобщему школьному образованию. Однако до сих пор в этой по преимуществу аграрной стране 40% детей посещают лишь начальную школу

ние в школе являлось привилегией, которой пользовалась лишь немногочисленная элита. Но и поныне в бедных странах молодые люди посещают школу лишь в течение нескольких лет.

Школьное обучение и экономическое развитие

Уровень школьного обучения в любом обществе тесно связан с показателями экономического развития. В главе 4 («Общество») уже отмечалось, что наши предки, занимавшиеся охотой и сбором даров природы, жили семьями, у них не было ни правительств, ни церкви, ни школ. Для этих людей «школьное обучение» было всего лишь знаниями и навыками, которые дети получали непосредственно от своих родителей (Nolan & Lensky, 1999).

В странах с низким и средним уровнями доходов, а именно там живет большинство населения планеты, мальчики и девочки посещают школу в течение нескольких лет, но получают только те практические знания, которые нужны им для занятия сельским хозяйством или вообще для выполнения традиционных обязанностей. Возможность изучать литературу, искусства, историю и естественные науки есть только у тех немногих счастливиц, которые настолько богаты, что могут позволить себе не работать. Поэтому нет ничего удивительного, что слово «школа» происходит от древнегреч. слова *schola* — «отдых». В Древней Греции учениками таких знаменитых учителей, как Сократ, Платон и Аристотель, были почти исключительно молодые аристократы. Аналогичным образом обстояло дело и в средневековом Китае, где знаменитый мыслитель Конфуций делился своей мудростью лишь с немногими избранными. Первые колледжи и университеты были основаны в средневековой Европе католической церковью, и в них учились только юноши из привилегированных семей.

Сегодня в странах с низким уровнем доходов школьное обучение организовано по-разному, ибо оно отражает социальную культуру. Например, в Иране оно тесно увязано с исламом. Оно формируется под очень сильным влиянием различных культурных традиций, что заметно на примере таких стран, как Бангладеш (Азия), Замбия (Африка) и Никарагуа (Латинская Америка).

Однако во всех государствах с низким уровнем доходов школьная система имеет одну общую черту: она не обеспечивает общего доступа к знаниям. В беднейших странах, например в странах Центральной Африки, только 50% детей в возрасте, позволяющем пойти в начальную школу, посещают ее; в целом же в мире лишь 50% детей переходят из начального в среднее звено (Najafizadeh & Menperick, 1992). В результате 15% латиноамериканцев, 30% жителей стран Азии и 40% африканцев неграмотны. Об уровне неграмотности можно судить на основании данных, представленных на карте мира 19.1¹.

В странах с высоким уровнем доходов господствует мнение, что все должны учиться в школе. Во-первых, рабочим, использующим технику или компьютеры, нужно иметь хотя бы базовые навыки чтения, письма и выполнения математических операций. Во-вторых, в этих странах грамотность — необходимое условие для существования демократического устройства общества.

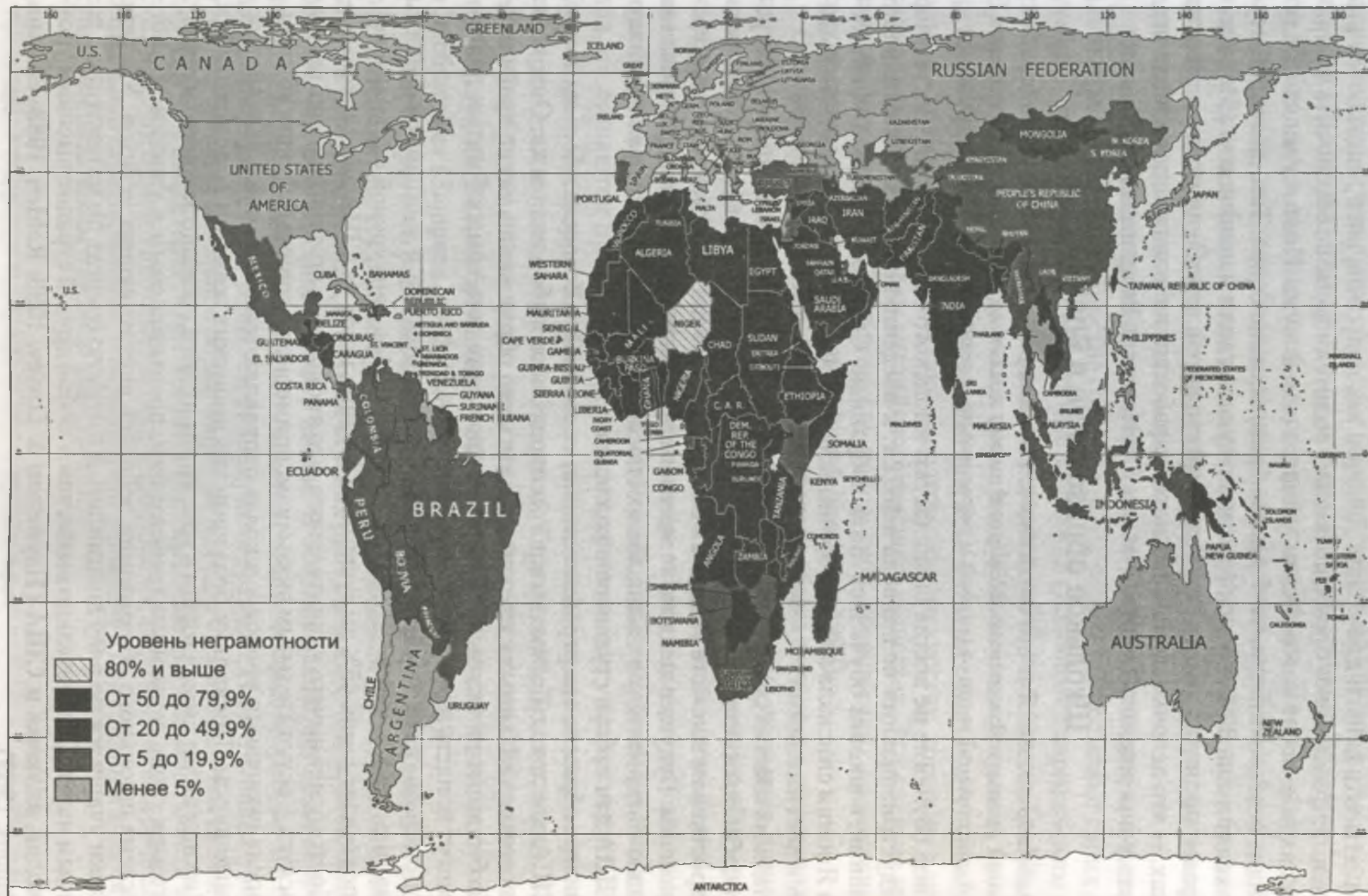
Представленный ниже сравнительный анализ школьного обучения в разных странах иллюстрирует связь между таковым и экономическим развитием. Обратите внимание, что в странах, где уровень доходов весьма высок, реализуются различные подходы к системе образования.

Школьное образование в Индии

Индия — бедная страна. Средний заработок там составляет примерно 7% от американского стандарта, и семь малоимущих нередко нуждаются в деньгах, которые зарабатывают дети. Поэтому, хотя использование труда последних и запрещено законом, многие из индийских детей (особенно девочки, живущие в сельской местности), работают на фабриках — ткут ковры или занимаются другими ремеслами — до 60 часов в неделю, что практически не позволяет им обучаться в школе.

Однако в последние десятилетия система образования в Индии изменилась в лучшую сторону. Начальная его ступень теперь доступна большинству детей, которые, как правило, учатся в переполненных классах, где число учеников (на одного учителя) достигает 60 человек, что в 2 раза превышает средний показатель для США. Это единственное, на что может рассчитывать подавляющая часть индусов. Обучение в классах второй ступени продолжают менее 50% учеников начальной школы, а в колледжи и вовсе поступают единицы. В этой огромной стране грамотных в результате чуть более половины населения.

¹ В странах с высоким уровнем доходов подавляющее большинство граждан умеют читать и писать, и доля неграмотных обычно не превышает 5%. В большинстве государств Латинской Америки число таковых значительно выше, что является одним из следствий невысокого уровня экономического развития. В 27 странах, 20 из которых расположены в Африке, неграмотность — скорее правило, нежели исключение; жители этих регионов мира чаще полагаются на «устную традицию», чем на печатное слово.

Карта мира 19.1. Уровень неграмотности в разных странах мира. *Источник:* United Nations Development Programme, 2001; карта взята из *Peters Atlas of the World*, 1990

На систему образования в Индии также влияют традиции патриархальности. Индусы радуются рождению мальчиков, потому что они и их будущие жены станут зарабатывать деньги для семьи. Девочки же, напротив, воспринимаются как определенное финансовое бремя, поскольку родители должны обеспечить их приданым к свадьбе, после которой дочь уходит в семью мужа. Поэтому многие индусы не видят особого смысла, чтобы дать образование дочерям. Так, до второй ступени доходят лишь 30% девочек (соответствующая доля мальчиков — 45%). Данный образец приводит к тому, что большинство детей, работающих на индийских фабриках, — это девочки; семьи пытаются заработать на дочерях, пока такая возможность у них еще есть (United Nations Development Programme, 1995).

Школьное образование в Японии

30 сентября, Кобе. Японцы отличаются от американцев прежде всего своей большей организованностью. Идущие в школу мальчики и девочки выделяются своей униформой, охапками книг и серьезными, сосредоточенными лицами.

Школьное обучение не всегда было частью японского образа жизни. До тех пор пока индустриализация не привела в 1872 г. к введению системы обязательного образования, в школах обучались лишь избранные. Сегодня организация образования в Японии снискала массу сторонников, ибо ей страна обязана своими выдающимися достижениями.

В младших классах основное внимание уделяется изучению национальных традиций, особенно ответственности человека перед своей семьей. Однако уже в раннем подростковом возрасте учащиеся сталкиваются с системой жестких конкурсных экзаменов. Будущее каждого учащегося определяют результаты тестирования с помощью Батарей тестов специальных способностей (SATB), которая используется в США для отбора студентов в колледжи.

В Японии образование отражает личные способности человека в большей мере, чем в США, где доходы семьи во многом определяют выбор колледжа. Основную часть расходов, связанных с получением высшего образования, несет правительство. Но без высоких экзаменационных баллов даже дети самых богатых родителей не могут попасть в престижный университет.

Как показывает статистика, в Японии больше мужчин и женщин со средним образованием (90%), чем в США (84%). Но благодаря конкурсной системе в колледжи поступает лишь 45% выпускников средних школ (в США доля таковых — 63%). Поэтому нет ничего удивительного, что японские выпускники очень серьезно относятся к вступительным экзаменам: примерно половина будущих абитуриентов после окончания уроков в школах отправляются на специальные подготовительные курсы. Поскольку большинство японских женщин — домохозяйки, многие из них видят смысл жизни в том, чтобы их дети успешно закончили школу.

Благодаря столь серьезным требованиям, предъявляемым к учащимся, японская система школьного образования добилась впечатляющих успехов. Уровень подготовки учащихся по ряду дисциплин, и в первую очередь по математике и естественным наукам, значительно выше, чем в любой другой стране с высоким уровнем доходов, включая и США (Hayneman & Loxley, 1983; Rohlen, 1983; Brinton, 1988; Simons, 1989).

Школьное образование в Великобритании

В средневековье школьное обучение было привилегией английской знати, которая изучала классические дисциплины, ибо ее мало интересовали практические навыки, необходимые для того, чтобы зарабатывать на жизнь. Но поскольку индустриальная революция потребовала наличия образованных рабочих, а рабочий класс, в свою очередь, добивался доступа к образованию, доля населения, обучающегося в школах, возросла. Согласно современному британскому законодательству, все дети до 16 лет должны обучаться в школе.

Однако в системе британского образования сохранились традиционные социальные различия. Большинство состоятельных родителей посылают своих детей в учебные привилегированные частные заведения (подобные американским закрытым школам-интернатам), которые называются «общественными» (*public school*). В этих элитных школах, где учатся примерно 7% английских учеников, преподают не только классические дисциплины; там дети богатых родителей (в первую очередь — «новых богачей») обучаются ораторскому искусству, хорошим манерам и социальным добродетелям английского высшего общества. Эти средние учебные заведения недоступны большинству подростков, посещающих поддерживаемые государством дневные школы (Ambler & Neathery, 1999).

Однако начиная с 1960 г., благодаря тому что была расширена университетская система и в практику вошли конкурсные вступительные экзамены, социальное происхождение перестало играть определяющую роль. Львиную часть расходов на обучение в колледже тех из студентов, кто получил наивысшие баллы, возмещает государство. Однако эти вступительные экзамены менее важны, чем в Японии. Многие из детей обеспеченных родителей, даже не набравшие высоких баллов, не лишаются права учиться в самых престижных университетах Великобритании — Оксфорде, Кембридже — или в не менее престижных американских университетах, к каким относятся Йельский, Гарвардский, Принстонский. Выпускники «Оксбриджа»¹ пополняют ряды правящей элиты: свыше 65% правительственной верхушки Великобритании — обладатели ученых степеней, полученных в «Оксбридже» (Sampson, 1982; Gamble, Ludlam & Baker, 1993).

Из этого краткого рассказа о школьном обучении в Индии, Японии и Великобритании понятно, что решающую роль в его организации играет уровень экономического развития страны. В бедных странах работающих детей, особенно девочек, больше, чем тех, которые учатся в школе. В богатых законодательно закреплено всеобщее среднее образование, что является следствием как потребности в грамотной рабочей силе, так и условием равноправия граждан. Но и в странах с высоким уровнем доходов школьное образование не подчиняется какому-то единому стандарту, о чем свидетельствуют чрезвычайно высокая соревновательность в японских школах, британские школы, сформировавшиеся под влиянием традиционной социальной стратификации, и повышенное внимание к прикладным знаниям, присущее американским учебным заведениям.

¹ Так называют Оксфорд и Кембридж вместе. — *Примеч. перев.*

Школьное образование в США

США были среди первых стран, поставивших перед собой цель победить неграмотность. К 1850 г. в школах обучалась примерно 50% детей в возрасте от 5 до 19 лет. В 1918 г. не осталось ни одного штата, который бы ни принял *Закон об обязательном образовании*, согласно которому все американские дети должны учиться в школе или закончить восьмой класс до 16 лет.

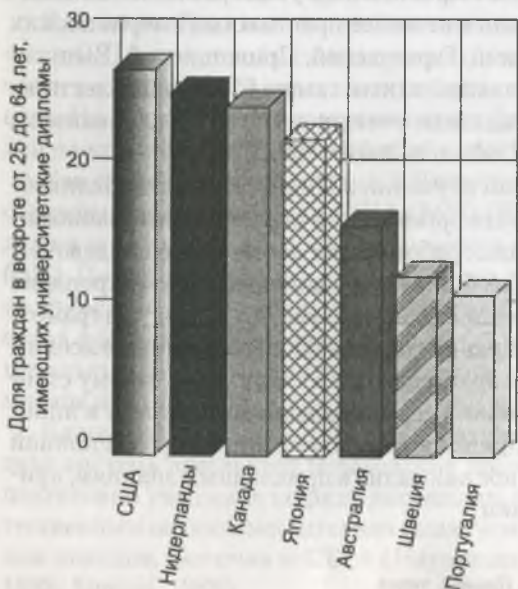
Таблица 19.1

Достижения США в сфере образования, 1919–2000 гг.*

Год	Выпускники средних школ	Выпускники колледжей	Количество лет учебы (медиана)
1910	13,5	2,7	8,1
1920	16,4	3,3	8,2
1930	19,1	3,9	8,4
1940	24,1	4,6	8,6
1950	33,4	6,0	9,3
1960	41,1	7,7	10,5
1970	55,2	11,0	12,2
1980	68,7	17,0	12,5
1990	77,6	21,3	12,4
2000	84,1	25,6	12,7

* Люди в возрасте 25 лет и старше. В число граждан с полным средним образованием включены и студенты колледжей. Доля не закончивших средней школы равна разнице между 100% и долей закончивших ее.

Источник: U.S. Census Bureau, 2000.

Данные, приведенные в табл. 19.1, свидетельствуют, что перелом наступил в середине 1960-х гг. Тогда впервые в истории США большинство взрослых граждан имели среднее образование. Ныне более 80% американцев имеют среднее образование, а 25% — степень бакалавра (они в течение 4 лет обучались в колледже).

Рис. 19.1. Доля граждан, имеющих университетские дипломы, в глобальной перспективе. Источник: U.S. Census Bureau, 2000

ПРАКТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Востребованность на рынке труда: тенденции в специализации бакалавров

Никогда еще в США не было такого количества студентов колледжей, особенно — студенток. Однако и мужчины, и женщины подходят к высшему образованию с прагматичных позиций и стремятся получить степени бакалавров и магистров в таких сферах, где, по их мнению, легко найти работу.

В постиндустриальной экономике «наибольшим спросом» пользуются дипломы бакалавров в области создания парков и заповедников, индустрии отдыха, фитнеса, организации досуга (см. рисунок).

Изменения в количестве полученных дипломов бакалавра (%), 1988–1998.

Число бакалавров в таких областях, как наука о здоровом образе жизни, экология, а также этнография и культурология, также быстро возрастает. Вместе с тем служба подготовки офицеров резерва и военные технологии возглавляют перечень тех сфер, которые утратили популярность в среде будущих бакалавров; следом идут библиотечное дело, коммуникационные технологии и техника и технологии.

Источник: U. S. National Center for Education Statistics, 2001.

На формирование образовательной системы в США повлияли как накопление богатства, так и его демократические принципы. Как считал Томас Джефферсон, новое общество будет демократическим только при условии, если люди смогут «читать о том, что происходит в мире, и понимать происходящее» (цит. по: Honeyswell, 1931, р. 13). Как следует из данных, представленных на рис. 19.1, Соединенным Штатам принадлежит выдающийся рекорд в области образования: ни в одной другой стране нет такого количества обладателей университетских дипломов (U. S. Census Bureau, 2000).

Система школьного образования в США направлена на создание для всех детей *равных возможностей*. Результаты опросов общественного мнения, проведенных

в масштабах всей страны, свидетельствуют о том, что, по мнению большинства, школьное образование имеет решающее значение для достижения успеха; многие также полагают, что всем предоставляется шанс получить образование, соответствующее личным способностям и таланту (NORC, 2001). По правде говоря, в этом мнении отражены не столько достижения, сколько надежды американцев. Так, в начале XX в. высшее образование было недоступно практически всем женщинам, и даже сегодня многие студенты колледжей — выходцы из семей, чей доход превышает средний.

Американская образовательная система делает упор на *прикладные знания*, имеющие непосредственное отношение к работе и интересам человека. Джон Дьюи (1859–1952), философ, занимавшийся проблемами педагогики, ратовал за прогрессивное образование, постоянно модернизирующее учебные программы и приведение их в соответствие с требованиями практики, чтобы знания отвечали запросам жизни.

Отражением такого прагматизма стало то, что нынешние студенты колледжей, выбирая специализацию, исходят из возможности найти удовлетворяющую их работу. Подробнее о том, как изменились интересы студентов, рассказано далее (см. «Востребованность на рынке труда: тенденции в специализации бакалавров»).

Функции школьного образования

Структурно-функциональный анализ системы школьного образования позволяет ответить на вопрос о том, как она влияет на жизнь общества. Одна из главнейших ее функций — социализация. Обучение в школе создает жизненно важную культурную связь между поколениями.

Социализация

Примитивные с технологической точки зрения общества передают свои традиции неформально — от родителей детям. Однако с появлением сложных технологий родственные связи не могут удовлетворить быстро растущие потребности в информации и навыках, и школьное обучение постепенно оформляется в самостоятельный социальный институт, использующий специально подготовленный персонал для передачи знаний, необходимых во «взрослой жизни».

В начальной школе дети получают базовые навыки чтения, письма и арифметического счета. Средняя школа расширяет и дополняет эти знания. Для тех же, кто продолжает свое образование в колледжах, последние служат источником дальнейшей специализации. Кроме того, в школах подрастающие поколения усваивают культурные ценности и нормы. Например, изучая такой раздел политологии, как права и обязанности граждан, учащиеся получают подробную информацию о политической жизни Америки. Порой и ученический коллектив сам по себе преподносит важные уроки. С самых первых лет такие ритуалы, как приветствие флага и исполнение песни «Звездно-полосатый флаг» воспитывают в детях патриотизм. Классные же мероприятия — вроде соревнований по правописанию, особенно если допустивший ошибку участник выбывает из игры, и всевозможных спортивных состязаний — воспитывают дух индивидуализма и конкуренции, уважение к авторитетам и понимание того, что называется честной игрой.

Культурная инновация

Образование не только передает культурные традиции, но и создает их. Стимулируя интеллектуальную любознательность и критическое мышление, школы благоприятствуют возникновению новых идей и их развитию.

Так, сегодня благодаря исследованиям, проводимым преподавателями колледжей, знания во многих областях становятся шире и глубже. Медицинские исследования, которые в течение многих лет осуществлялись в крупнейших университетах, способствовали увеличению продолжительности жизни, а результаты научной деятельности социологов помогают извлекать пользу из того, что мы стали жить дольше.

Социальная интеграция

Школьное образование помогает превратить разнородное множество людей в единое общество. Эта интегративная функция наиболее важна в тех странах, где особенно сильны различия в обществе и где культуры не просто слабо контактируют, но порой враждебны. В прошлом Советский Союз и Югославия связывали со школьной системой надежду на объединение своих разобщенных народов, но в конечном итоге это не оправдалось.

Один из главных путей, позволяющих школьному образованию интегрировать неоднородные в культурном отношении общества, — изучение общего языка, становящегося ключом к свободному общению и основой для национальной идентификации. Разумеется, некоторые этнические меньшинства именно по этой причине противодействуют введению государственного школьного образования. Например, в бывшем Советском Союзе литовцы, украинцы и азербайджанцы возражали против изучения русского языка, полагая, что он несет угрозу их собственным традициям и символизирует их угнетенное положение.

Члены секты амишей, отличающиеся по своей культуре от основного населения США и стремящиеся сохранить данные традиции, исторически боролись за право не посылать своих детей в государственные школы.

100 лет тому назад в США введение закона о всеобщем среднем образовании, совпавшее по времени с прибытием в страну миллионов иммигрантов из Европы, помогло сплотить общество. То же самое происходит и ныне: официальное образование помогает интегрироваться в американское общество большому числу иммигрантов из стран Азии и Латинской Америки, которые, в свою очередь, привносят свое в постоянно изменяющийся «культурный коктейль» США. Поскольку во многих крупных округах расовые и этнические меньшинства по численности уже превосходят «основное» население, в дискуссии по проблемам мультикультурного образования вовлекаются все новые и новые участники (см. главу 3 «Культура»).

Социальная расстановка

Официальное образование помогает молодым людям занимать положение в соответствии с определенными культурными традициями и исполнять роли, благоприятствующие принятому образу жизни общества. В идеале школы выполняют эту миссию потому, что выявляют способности и склонности каждого ученика и в даль-

нейшем оценивают его результаты не столько с позиций его социального происхождения, сколько исходя из его личных достижений.

Однако в действительности учителя настраивают «самых лучших и самых способных» на изучение наиболее сложных и продвинутых курсов, предлагая учащимся с более скромными способностями учебные программы, соответствующие именно их возможностям. Другими словами, превращая личные достоинства в основу будущего социального статуса, школьное обучение воспроизводит систему, при которой положение человека в обществе определяется его способностями.

Латентные функции школьного образования

Помимо этих столь очевидных функций официальное образование выполняет и ряд латентных. Одна из них — забота о ребенке. С ростом числа неполных семей и семей, когда оба супруга работают, школы превращаются в жизненно важные учреждения, снимающие с родителей часть забот о детях.

Отнимая у подростков немало времени и энергии, обучение в школе нередко приучает их к конформизму в тот период жизни, когда риск совершить правонарушение особенно велик. Кроме того, поскольку в образовательных учреждениях немало учащихся, которым уже перевалило далеко за двадцать, вовлеченными в систему образования оказываются тысячи молодых людей, особенно в те периоды, когда трудно найти работу.

Другая латентная функция системы образования — создание круга общения и формирование отношений между людьми. Начало крепкой дружбе, продолжающейся потом всю жизнь, и знакомствам, перерастающим потом в брак, нередко бывает положено в годы учебы в школе или в колледже. Подчас обучение в определенной школе становится неплохой «стартовой площадкой» для будущей карьеры.

Критическая оценка. Структурно-функциональный анализ системы официального образования выявляет как явные, так и латентные (скрытые) формы участия этого социального института в жизни современного общества. Но он умалчивает о главной, принципиальной проблеме, упомянутой в самом начале главы: качество школьного образования, которое получают одни люди, значительно превосходит то, какое доступно другим. Действительно, критики американской системы образования убеждены: она воспроизводит классовую структуру общества.

Анализ проблемы в рамках парадигмы социального конфликта, чему посвящен следующий раздел, ставит именно этот вопрос.

Школьное образование и социальное неравенство

Анализ с позиции социального конфликта противоречит взгляду сторонников структурно-функционального подхода на школьное образование как на меритократическую стратегию развития талантов и способностей людей. Сторонники данной парадигмы считают, что испокон веков обучение в школе соответствует социальному статусу учащихся, благодаря чему и воспроизводит социальное неравенство.

Многие ученые в разных странах мира убеждены: получить образование важнее для мужчин, чем для женщин. Хотя в США разрыв в этом отношении за последние десятилетия существенно сократился, многие женщины все еще традиционно

изучают такие «женские» дисциплины, как литературу, в то время как мужчины специализируются в области математики и технических наук. Уделяя повышенное внимание жизненному опыту людей определенного типа (например, армейских генералов) и одновременно оставляя за кадром жизненные приобретения других групп (например, работающих на фермах женщин), школы поддерживает значимость доминирующих категорий населения. В результате, как станет ясно из дальнейшего изложения, богатые люди имеют значительно больше возможностей в сфере образования, чем бедные.

Социальный контроль

Сторонники парадигмы социального конфликта утверждают, что школьное обучение — средство контроля со стороны общества, навязывающее принятие существующего положения. Разными, порой завуалированными способами школьная система воспроизводит ту иерархию, которая установилась.

Как отмечают Самуэль Баулс и Герберт Гинтис, требование государственного образования возникло в то время (конец XIX в.), когда капиталистам понадобилась грамотная, послушная и дисциплинированная рабочая сила (Bowles & Gintis, 1976). Законодательное закрепление всеобщего среднего образования означало, что в школах иммигранты будут не только изучать английский язык, но и постигать культурные ценности, которые оправдывают капитализм. Покорность, пунктуальность и дисциплина были и остаются частью того, что сторонники теории конфликта называют **скрытой программой** (*неявным внедрением политических или культурных идей в учебном классе*).

Стандартизированное тестирование

Ниже приводится типичный пример вопросов, немало лет используемых в США для оценки способностей детей школьного возраста к обучению:

Художник рисует картины, а _____ сочиняет сонеты.

Ответы:

а) шофер;	в) священник;
б) поэт;	г) плотник.

Правильный ответ — *поэт* (б); художник создает картину точно так же, как поэт сочиняет сонет. Предполагается, что с помощью этого вопроса можно оценить логическое мышление, но, чтобы продемонстрировать подобный навык, нужно точно знать значение всех упомянутых слов. Если учащиеся не изучили, что сонеты — один из жанров западноевропейской поэзии, они, скорее всего, правильно на вопрос не ответят.

Специалисты в области образования утверждают: стандартизация тестов практически полностью исключает возможность подобной необъективности; организации, проводящие тестирование, тщательно изучают формы ответов и исключают из тестов все вопросы, которые могут поставить тестируемых одной расовой или этнической принадлежности в более выгодное положение по сравнению с представителями другой. Однако критики подобного подхода, в свою очередь, убеждены: сама природа формального тестирования отличается определенной

долей классовой, расовой или этнической предрасположенности, потому что вопросы неизбежно отражают культуру, доминирующую в обществе, а потому ставят этнические меньшинства в заведомо менее выгодные условия (Owen, 1985; Crouse & Trusheim, 1988; Putka, 1990).

Распределение по школьным циклам

Несмотря на продолжающиеся дискуссии относительно стандартизированных тестов, в большинстве школ США они используются в качестве основания для **распределения по циклам** (*распределение учащихся в соответствии с разнообразными образовательными программами*). Это общепринятая практика в школах многих других стран с высоким уровнем доходов, включая Великобританию, Францию и Японию.

Официальным оправданием ей служит тот факт, что таким образом учащимся предоставляется обучение, которое соответствует их способностям и мотивации. У молодых людей интересы разнятся: одни хотят изучать языки, другие хотят заниматься искусством или спортом. Учитывая разнообразие склонностей учащихся и стоящих перед ними целей, можно сказать, что единая для всех программа обучения не удовлетворит ни одного из них.

Критики же подобной точки зрения возражают: распределяя учащихся по циклам, школы разделяют людей на победителей и проигравших, при этом учитываются и их способности, и социальное происхождение. Принадлежащие к обеспеченным семьям удачно справляются со стандартизированными тестами, поэтому их включают в группы, нацеленные на поступление в колледжи; другие же дети, как правило, набирают при тестировании меньше баллов и в конце концов оказываются в группах, где обучают только рабочим специальностям. Следовательно, распределение по циклам оказывается эффективным инструментом разделения учащихся — академически и социально — на два разных мира.

Но и это еще не все. Большинство школ стремится обеспечить «высшие циклы» лучшими педагогическими кадрами. Такие учителя относятся к своей работе с особым рвением, уважительнее к детям и предъявляют к ним высокие требования. Те же педагоги, которые работают с учащимися, включенными в «более низкие циклы», чаще нацеливают на заучивание, зубрежку, используют другие, не стимулирующие мышление приемы. Они также уделяют повышенное внимание регламентации жизни учащихся, пунктуальности и уважительному отношению к преподавателям школьной администрации.

Поскольку такую критику проигнорировать невозможно, все американские школы теперь подходят к распределению по циклам с большей осторожностью, не исключая вероятность переход учащихся из одного цикла в другой. В некоторых школах и вовсе отказались от подобной практики. Хотя определенное распределение по циклам и представляется необходимым (чтобы обучение соответствовало способностям учащихся), проведенное достаточно жестко, оно сказывается на академических успехах учащихся и их Я-концепции. Молодые люди, годами обучающиеся по программам «высших циклов», полагают себя необыкновенно умными и способными, в то время как другие учащиеся менее амбициозны, а их самооценки ниже (Bowles & Gintis, 1976; Oakes, 1982, 1985; Hallinan & Williams, 1989; Kilgore, 1991; Gamoran, 1992; Kozol, 1992).

Результаты социологических исследований подтверждают тот факт, что молодые люди, живущие в бедных кварталах и населенных пунктах, испытывают в школах большие неудобства из-за перегруженности классов, плохого обучения и отсутствия финансирования на такие нужды, как школьное оборудование. Должно ли существовать подобное неравенство в стране, граждане которой верят в то, что предназначение школ — дать каждому человеку шанс реализовать свои способности и таланты?

Неравенство среди школ

Как и дети обучаются в школах по-разному, сами учебные заведения кардинально отличаются друг от друга по многим параметрам. Наибольший разрыв существует между государственными и частными школами.

Государственные и частные школы. В 1998 г. 90% американских детей школьного возраста, общая численность которых составляла 51 млн, посещали государственные школы, финансируемые из бюджетов штатов. Остальные учились в частных заведениях.

Большинство из числа последних посещает *приходские школы*, находящиеся в ведении католической церкви. Количество таковых, а теперь в США их насчитывается около 8 тыс., стало быстро увеличиваться 100 лет назад, когда города заполнили миллионы иммигрантов-католиков с детьми. Эти школы помогают вновь приехавшим сохранять свою традиционную веру в обществе, где доминируют протестанты. Ныне, десятилетия спустя после оттока белого населения из крупных городов, во многих приходских школах учатся не только католики, но и чернокожие дети, чьи родители ищут альтернативу местным государственным школам.

Протестанты, особенно представители конфессий фундаменталистского толка, тоже имеют частные школы, которые называются христианскими школами-интернатами. Они особенно востребованы теми родителями, которые либо хотят, чтобы их дети получили религиозное образование и воспитание, либо стремятся к более высоким образовательным и воспитательным стандартам. Предпочитая подобные учебные заведения, некоторые американцы хотят, чтобы их дети учились в однородной с расовой точки зрения среде, ибо закон запрещает раздельное обучение белых и чернокожих детей в государственных школах. В последние годы и афроамериканцы стали рассматривать христианские школы как привлекательную для них альтернативу государственному образованию (James, 1989; Dent, 1996).

Помимо приходских в США действуют также 6 тыс. нерелигиозных частных школ. Многие из них — дорогие и престижные подготовительные учебные центры, которые пользуются особой популярностью у «новых богатых», стремящихся к тому, чтобы их дети общались со своими сверстниками из состоятельных семей, богатство которых накоплено поколениями. Такие учебные заведения, во многом построенные по образу и подобию английских школ-интернатов и укомплектованные блестящими педагогами, направляют большинство своих выпускников в не менее престижные и дорогие частные университеты. Овладев манерами и правилами поведения, приличествующими элите, многие выпускники на протяжении всей жизни поддерживают связи, установившиеся в школьные годы и дающие бесчисленные социальные привилегии.

Можно ли сказать, что частные школы лучше государственных? Результаты проведенных исследований позволяют судить, что учащиеся частных школ добиваются более заметных академических успехов, чем ученики государственных заведений. Похоже, что в первых удается привить детям больший интерес к учебе; возможно, это происходит благодаря тому, что там не бывает перегруженных классов, а контакты учителя с каждым из учеников оказываются теснее. Кроме того, частные школы предъявляют высокие требования как к знаниям, так и к дисциплине учащихся, что способствует созданию более безопасной и спокойной обстановки. У выпускников частных школ больше шансов закончить колледж и получить престижную работу (Coleman, Hoffer & Kilgore, 1981; Coleman & Hoffer, 1987).

Неравенство среди государственных школ. Однако следует понимать (об этом свидетельствует сравнение двух государственных школ в городе Толидо (штат Огайо), приведенное в начале главы), что даже государственные школы неодинаковы. Уиннетка (Winnetka) (штат Иллинойс) — один из самых богатых пригородов США. Здесь на каждого ученика тратится более \$8 тыс. ежегодно (для сравнения: такой бедный регион, как Соккоро, штат Техас, затрачивает менее \$3 тыс.). И даже в пределах одного штата, как следует из вступления к главе, некоторые округа имеют гораздо больше денег (в расчете на одного учащегося), чем другие (Carroll, 1990; Edwards, 1998).

Школы, расположенные в богатых пригородах, дают образование лучшее, чем учебные заведения, находящиеся в центральных районах городов. Этот дисбаланс, создающий благоприятные условия для белых, понуждает организовывать перевозку детей, чтобы в школах установился расовый паритет и были обеспечены равные возможности для всех учащихся. Хотя довозить до школ, расположенных за пределами мест проживания учащихся, приходится лишь 5% таковых, подобная практика вызвала жаркие споры. Ее сторонники утверждают, что правительство станет адекватно финансировать школы, расположенные в районах компактного проживания бедного цветного населения, только в том случае, если в них будут учиться и белые дети из более обеспеченных общин. Критики же отмечают: достаточно велики транспортные издержки; кроме того, это подрывает саму концепцию школьного обучения по месту жительства. Однако обе стороны соглашаются, что, с учетом расового дисбаланса в американских пригородах, нужна эффективная схема автобусных перевозок, которая связала бы города и загородные пункты, но по политическим соображениям такой план никогда не будет реализован.

Результаты исследования, проведенного группой специалистов во главе с Джеймсом Коулмэном и ставшего ныне классическим, подтверждают: в школах, где по преимуществу учатся дети из национальных меньшинств, больше проблем — начиная от переполненных классов и заканчивая неукомплектованными библиотеками и нехваткой лабораторий (Coleman, 1966). Однако авторы предупреждают, что деньги не волшебная палочка, чудесным образом они не улучшат качество преподавания. Важнее совместные усилия и энтузиазм педагогов, родителей и учащихся. Иными словами, даже если бы все школы финансировались одинаково, дети, которым повезло родиться в семьях с более значительным *социальным капиталом* (т. е. чьи родители знают цену школьному обучению, читают им книги и развивают их воображение), все равно учились бы лучше. Вот как прокомментировал разницу между школами Огайо губернатор штата Боб Тафт: «Есть дети, которые до поступления в школу провели за чтением не менее 1000 часов. Но есть и такие, чьи родители сами не умеют читать» (цит. по: Тгоу, 2000, р. А1). Это значит, что надежду на преодоление очевидного в США социального неравенства нельзя связывать только со школами (Schneider et al., 1998; Israel, Beaulieu & Hartless, 2001).

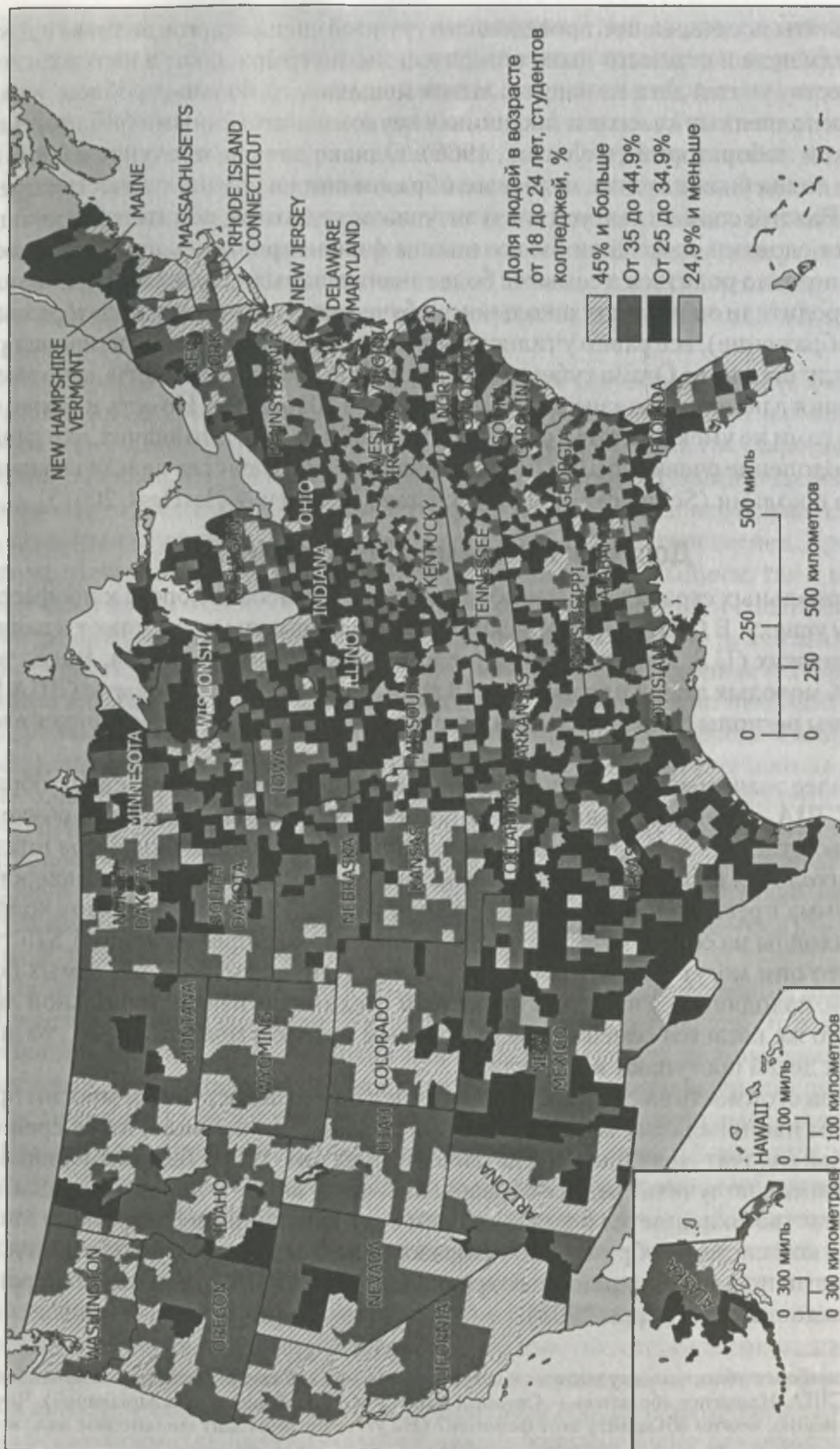
Доступ к высшему образованию

В индустриальных странах высшее образование — столбовая дорога к профессиональному успеху. В США 63% выпускников средней школы приступают к занятиям в колледжах (U.S. National Center for Education Statistics, 20001). Более того, около 33% молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет — студенты. На карте США 19.1 обозначены регионы с максимальным и минимальным числом обучающихся в колледжах¹.

Наиболее значимый фактор, предопределяющий доступность высшего образования в США, — деньги. Колледж — дорогое удовольствие, и плата за обучение быстро растет. Даже в учебных заведениях, финансируемых из бюджетов штатов, за год приходится платить до \$3 тыс., а в особых частных колледжах и университетах эта сумма превышает \$30 тыс. Как следует из рис. 19.2, 75% студентов колледжей — выходцы из семей, которые имеют годовой доход, превышающий \$75 тыс., потому что они могут позволить себе подобное. (Это примерно 20% самых богатых семей, находящихся на самых высоких и средних ступенях социальной лестницы.) Что же касается семей со среднегодовым доходом менее \$20 тыс., то лишь 25% таких детей поступают в колледж.

Высокая стоимость высшего образования делает его недоступным многим представителям национальных меньшинств, чьи доходы, как правило, ниже среднего уровня. Как следует из данных, представленных на рис. 19.3, у белых американцев больше шансов получить среднее образование, чем у афро- и латиноамериканцев; это неравенство сохраняется и в дальнейшем — на каждом из последующих этапов американской системы образования. Образование, конечно, — путь к социальной мобильности, но для преодоления сохраняющегося в США социального неравенства его недостаточно (Erpps, 1995).

¹ В целом наиболее «богатые» студентами колледжей регионы — Северо-Восточное и Западное побережья США. Наименее «богатые» — Средний Запад и Юг (особенно плато Аппалачей). Чем, по вашему мнению, можно объяснить этот феномен? (На ум сразу приходит финансовое положение. Можно ли сказать, что другой причиной оказываются представления людей о равенстве полов?)

Карта США 19.1. Количество студентов колледжей в разных регионах страны.
 Источник: *American Demographics magazine*, Апрель 1993, р. 60

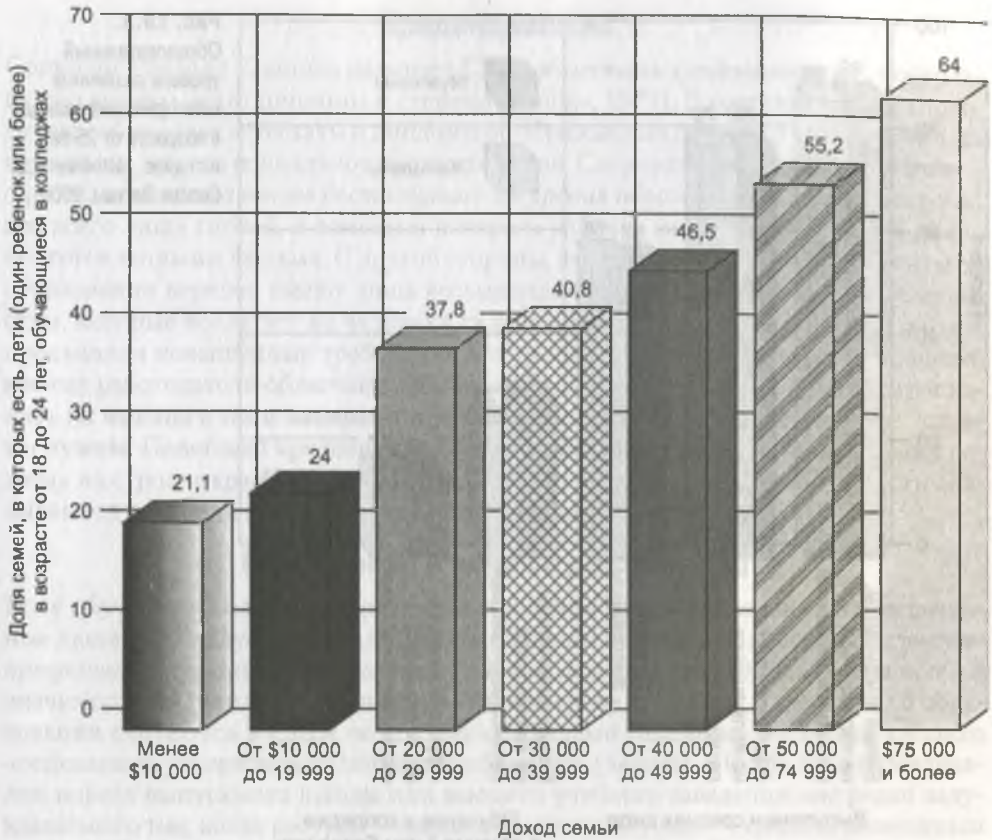

Рис. 19.2. Доступность высшего образования и доход семьи, 2000.

Источник: U. S. Census Bureau, 2001

Окончание колледжа дает многочисленные преимущества, например возможность интеллектуального и духовного роста и больший материальный достаток. За «трудовую жизнь» человека диплом колледжа дополнительно приносит ему примерно \$500 тыс. (Speer, 1994). Данные, подтверждающие справедливость подобного утверждения, приводятся в табл. 19.2. В 1999 г. женщины, имеющие образование 8 классов, законченное среднее и высшее, зарабатывали в среднем \$14 375, \$21 970 и \$36 340 соответственно. Коэффициенты в скобках означают, что получившие дипломы бакалавров зарабатывают в 2,5 раз больше тех, кто имеет незаконченное среднее образование (8 классов и меньше). При равном образовательном уровне мужчины зарабатывают значительно больше, чем женщины; а если он повышается, то «мужской» заработок растет быстрее, чем «женский». Однако при любом гендерном раскладе часть более высокого заработка — следствие высокого образовательного уровня, связана с социальным происхождением: наиболее образованные люди — преимущественно выходцы из богатых семей (те, у кого наиболее благоприятные стартовые условия).

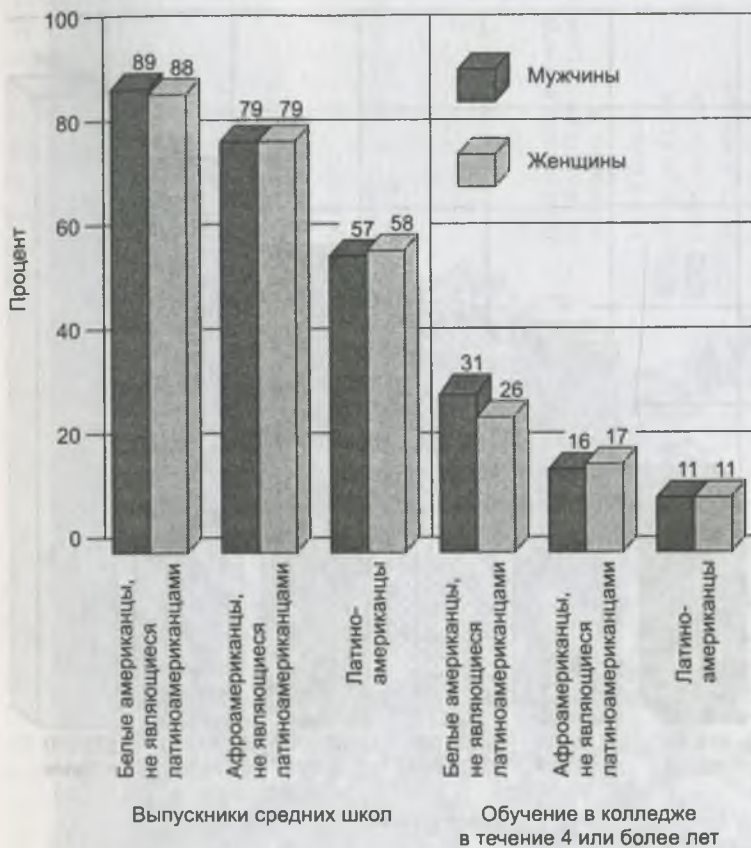

Рис. 19.3. Образовательный уровень различных категорий американцев в возрасте от 25 лет и старше. Источник: U.S. Census Bureau, 2000

Таблица 19.2
Зависимость дохода от пола и образовательного уровня*

Образование	Мужчины	Женщины
Ученая степень	\$96 275 (4,9)	\$56 726 (3,9)
Докторантура	\$76 858 (3,9)	\$56 345 (3,9)
Магистрская степень	\$61 776 (3,1)	\$45 345 (3,2)
Степень бакалавра	\$51 005 (2,6)	\$36 340 (2,5)
1–3 года обучения в колледже	\$37 245 (1,9)	\$26 456 (1,8)
4 года обучения в старшем звене общеобразовательной школы	\$32 098 (1,6)	\$21 970 (1,5)
9–11 лет обучения в школе	\$24 279 (1,2)	\$16 330 (1,1)
0–8 лет обучения в школе	\$19 757 (1,0)	\$14 375 (1,0)

* Данные о людях в возрасте 25 лет и старше, работавших полную рабочую неделю, 1999 г. Цифры в скобках — отношение зарплаток, коэффициент, показывающий, во сколько раз зарплаток человека с образованием превосходит минимальный уровень оплаты труда.

Источник: U. S. Census Bureau, 2000.

Креденциализм

Социолог Рэндалл Коллинз называет США *обществом креденциализма*¹, поскольку оно высоко ценит дипломы и степени (Collins, 1979). В современных, технологичных обществах аттестаты и дипломы об образовании говорят о человеке ничуть не меньше, чем его социальное происхождение. Следовательно, **креденциализм** — *оценка индивида на основе достигнутого им уровня образования*. С одной стороны, это всего лишь способ, с помощью которого рабочие места заполняются хорошо подготовленными людьми. С другой стороны, по мнению Коллинза, документы об образовании нередко имеют лишь весьма отдаленное отношение к тем обязанностям, которые возлагает на человека та или иная должность. В реальной жизни, предъявляя повышенные требования к образовательному уровню претендентов, многие работодатели облегчают себе задачу отбора сотрудников, предпочитая нанять их именно с теми манерами и установками и даже с тем цветом кожи, какие им нужны. Подобный креденциализм — стратегия, аналогичная пропускному режиму на строго охраняемых объектах, благодаря которой важные должности оказываются доступными лишь незначительной части населения.

Привилегии и личные достоинства

Если обучение в колледже — ритуал посвящения мужчин и женщин в обеспеченные люди, как следует из парадигмы социального конфликта, значит, *образование превращает социальные привилегии в личные достоинства*. Однако из-за особой значимости индивидуализма в американской среде аттестаты и дипломы об образовании считаются в США не столько символами семейного богатства, сколько «основанием утверждать наличие способностей» (Sennett & Cobb, 1973). Поздравляя нового выпускника школы или высшего учебного заведения, мы редко задумываемся о том, какие ресурсы — финансовые и культурные — сделали возможным это событие. Между тем известно, что молодые люди из семей, чьи доходы превышают \$100 тыс. ежегодно, «зарабатывают» на выпускных экзаменах в колледжах в среднем 1130 баллов, т. е. более чем на 200 баллов больше, чем молодые люди из семей, годовой доход которых не превышает \$15 тыс.

С той же легкостью исключенные из школ или покинувшие ее причисляются к категории «умственно отсталых», при этом никто не задумывается о социальных условиях, в которых те живут.

Критическая оценка. Стремясь показать, как образование трансформирует привилегии в личные достоинства, а их отсутствие — в личную неполноценность, анализ в рамках парадигмы социального конфликта связывает формальное образование и социальное неравенство. Однако критики возражают, что в этом случае почти не учитываются те возможности продвижения на верхние ступени социальной лестницы, которые образование предоставляет одаренным мужчинам и женщинам из разных социальных слоев. Вопреки утверждению о том, что система обучения поддерживает существующее положение вещей, современные учебные программы колледжей (включая и курсы по социологии) критикуют социальное неравенство по многим направлениям.

¹ От англ. *credentials* — верительные грамоты, мандат. — *Примеч. науч. ред.*

Проблемы, с которыми сталкиваются школы

Сегодня в США школьное образование стало предметом жарких дискуссий. Это, возможно, обусловлено тем, что на него американцы возлагают слишком много надежд. По мнению многих, школа должна предоставить всем учащимся равные возможности, привить им дисциплинированность и развить их воображение. Большинство считает, что государственные учебные заведения не справляются со своими обязанностями. Как свидетельствуют данные, приводимые в табл. 19.3, 50% взрослых американцев оценивают работу школы как «отличную» (А) или «хорошую» (В), но почти столько же респондентов «поставили» школе «тройку» (С) или еще более низкую оценку (Phi Delta Kappa International, 2001).

Таблица 19.3

Как американцы оценивали работу государственных школ в 2001 г.

Оценка	Доля респондентов, %
Отлично (А)	11,0
Хорошо (В)	40,0
Посредственно (С)	30,0
Плохо (D)	8,0
Очень плохо (F)	5,0
Не знаю	6,0

Эти данные — результат опроса общенациональной выборки взрослых американцев, которым задавали следующий вопрос: «Качество работы учащихся нередко оценивают отметками — «отлично», «хорошо», «посредственно», «плохо» и «очень плохо». Представьте себе, что вам нужно оценить качество работы самих государственных школ, расположенных там, где вы живете. Какую оценку вы бы поставили им?»

Источник: Phi Delta Kappa International/Gallup Poll [Online]. См. сайт <http://www.pdkintl.org/kappan/k0109gal.htm>, September 24, 2001

Дисциплина и насилие

Когда многие из нынешних учителей старшего поколения вспоминают свои собственные школьные годы, в качестве «проблем», с которыми сталкивались их педагоги, они называют неумение учеников отвечать по очереди, потребление ими жевательной резинки, несоблюдение требований, предъявляемых к одежде и замусоренные классные комнаты. Сегодня школа сталкивается с такими бедами, как алкогольная и наркотическая зависимость учащихся, подростковая беременность и — о чем свидетельствуют несчастные случаи со смертельным исходом, произошедшие в ряде школ, — откровенным насилием. Поэтому вовсе не удивительно, что лишь немногие полагают, будто школы воспитывают у детей и подростков личную дисциплинированность, видя в этом одновременно непреложную задачу учебных заведений (NORC, 2001, p. 884).

За последние годы насилие унесло жизни учащихся и учителей многих школ в разных концах США. Более того, согласно результатам общенациональных опро-

сов, около 25% учащихся и 11 — учителей считают себя жертвами насилия в стенах школы и за ее пределами (Arnette & Walsleben, 1998).

По мнению большинства опрошенных, сами школы не генерируют насилия; скорее речь идет о влиянии окружающего общества, приводящем к нарушению закона. Однако ныне учителя не обладают прежней властью: за последние десятилетия они утратили многие рычаги воздействия на возмутителей спокойствия, особенно на тех молодых людей, которые мало интересуются учебой (Toby, 1998). Но все-таки у школы достаточно сил, чтобы изменить ситуацию к лучшему. Ключ к решению этих проблем лежит в требовании неукоснительно соблюдать жесткие правила дисциплины, и помочь в этом учителям должны родители, а если потребуется, то и полиция. Как бы остро ни стояла проблема насилия в обществе, школы способны — в союзе с родителями и лидерами общин — защитить и учителей, и учащихся (Gur, 1992).

Пассивность учащихся

Если одни школы страдают от насилия, то другие — от безучастности учеников, и последних значительно больше. Часть вины за подобную пассивность лежит на телевидении, которому нынешнее подрастающее поколение посвящает больше времени, чем школе. Виноваты в этом и родители, уделяющие своим чадам мало внимания. Но частично вину должны разделить и сами учащиеся. Впрочем, и школы внесли свою лепту: пассивность учеников — следствие американской образовательной системы (Coleman, Hoffer & Kilgore, 1981).

Бюрократизм. Небольшие школы, обстановка в которых была почти домашней, существовавшие в бесчисленных общинах 100 лет назад, превратились в огромные фабрики, продукция которых — молодые люди со средним образованием. В своей работе, посвященной изучению средней школы в США, Теодор Сайзер перечисляет 5 причин. По его мнению, они и обуславливают тот факт, что огромные бюрократические школы подрывают систему образования (Sizer, 1984, pp. 207–209).

1. **Вопиющее однообразие.** Бюрократические школы, управляемые извне (как правило, — чиновниками образования из правительства штата), в большинстве случаев игнорируют культурную специфику местных общин и личные потребности детей.
2. **Количественные оценки.** Администрация школы оценивает успехи количественно: посещаемость занятий, число выбывших учеников и сумма баллов, набранных учащимися во время тестирования. Она проходит мимо таких трудно оцениваемых с количественных позиций аспектов школьного обучения, как креативность учеников и энергия и энтузиазм учителей.
3. **Жесткая регламентация.** Руководители сферы образования исходят из того, что 15-летние подростки должны учиться в 10 классе, а учащимся 11 класса необходимо при стандартизированном тестировании вербальных способностей набрать определенную сумму баллов. Крайне редко исключительно одаренным детям, мотивация которых совершенно очевидна, разрешают закончить школу раньше положенного периода. Аналогичным образом поступает система и с теми, кто с трудом осиливает программу: их толкают из класса в класс — независимо от того, усвоили они что-нибудь или нет.

4. **Специализация.** Ученики средней школы изучают испанский под руководством одного педагога, их воспитанием занимается другой, а тренирует на спортивной площадке — третий. Хотя педагоги-специалисты, возможно, и лучше знают свои предметы, в школе нет человека, который знал бы ребенка «в целом» и мог бы оценить его. Для учащихся это разделение труда превращается в бесконечное чередование «50-минуток» в течение всего учебного дня.
5. **Недостаток личной ответственности.** Чрезмерная «бюрократизация» учебного процесса лишает учащихся возможности учиться так, как они хотят. Аналогичная ситуация складывается и с учителями: они не могут сами решать, как и чему учить класс, и не рискуют ускорить процесс обучения из страха разрушить «систему».

Конечно, если учитывать, что в США 50 млн детей школьного возраста, школы, чтобы выполнить возложенную на них миссию, должны быть бюрократическими. Но Сайзер убежден: образование можно сделать более гуманным и восприимчивым к нуждам тех самых учащихся, которым — а именно на это претендует школа — оно и служит. Он рекомендует отказаться от использования негибких расписаний уроков, уменьшить количество учащихся в классах, а чтобы педагоги могли более активно участвовать в жизни своих учеников, давать им более широкую подготовку. В целом, как считает Джеймс Коулмэн, школы должны быть не столько «административно управляемыми», сколько «направляемыми конечным результатом». Возможно, начало этому превращению положит практика, когда решение о выдаче аттестата об окончании средней школы принимается не по количеству лет, проведенных молодым человеком за партой, а на основании его знаний.

Колледж: молчащая аудитория. Ниже приводятся впечатления одного толкового первокурсника, жаждущего получить знания, о престижном колледже, программа которого предполагает обучение в течение четырех лет. Не правда ли, что-то очень знакомое?

Первый год обучения в колледже разочаровал меня. Слишком много студентов, которые стараются работать как можно меньше, слушают курсы, рекомендованные другими студентами как «жизненно важные», и никогда не «берут в голову» ничего, кроме того, что совершенно необходимо. Можно подумать, что мы не слушаем преподавателей, а смотрим телевизор (Forrest, 1984, p. 10).

Пассивность — явление, весьма распространенное в колледжах и в университетах. Марта Э. Гименес называет колледж «молчащей аудиторией», поскольку в ней обычно слышен только один голос — преподавателя (Gimenez, 1989). Социологи не проводят исследования в аудиториях колледжей — поразительный факт, если учесть, сколько времени они там находятся. Исключением стало исследование, выполненное в одном университете, где вместе обучались мужчины и женщины. Его авторы — Дэвид Карп и Уильям Йолс — выяснили, что и в небольших группах во время занятия лишь от нескольких человек можно услышать какие-либо сообщения (Karp & Yoels, 1976). Вывод, к которому пришли исследователи, таков: пассивность — норма поведения в аудитории, а слишком разговорчивые студенты даже раздражают своих товарищей.

Социологи выслушали от студентов разные объяснения, почему те не проявляют инициативу. Среди прочего указывалось: не успели прочитать заданное, боязнь по-

Всем нам прекрасно известны случаи стрельбы в школах, случившиеся в последние годы и вынесенные в газетные заголовки. Страх перед насилием вынудил многие школы предусмотреть меры безопасности и ввести в практику процедуры, которые кажутся более уместным в тюрьмах, чем в учебных заведениях. Как видно на снимке, чтобы предотвратить попадание в школу оружия, представители администрации в присутствии полицейского проводят учащихся через металлодетектор

казаться неумными перед своими товарищами и педагогами. По мнению студентов, в своей пассивности они виноваты сами. Однако авторы полагают, что еще задолго до поступления в колледж они привыкли считать педагогов «экспертами», а изрекаемое ими — истинами в последней инстанции. Поэтому студенты и не считают необходимым внимательно слушать и записывать. В результате, как определили исследователи, лишь 10% учебного времени в колледжах используется для проведения дискуссий, главными действующими лицами в которых являются сами студенты.

Студенты также понимают, что педагоги, как правило, приходят в аудиторию, настроившись на то, чтобы прочесть подготовленную лекцию. Это позволяет педагогам изложить весьма обширный материал, но возможность, предоставляемая формой лекции, реализуется лишь в той мере, в какой удастся избежать «отступлений», вызываемых вопросами и комментариями студентов (Boyer, 1987). В начале каждого курса большинство педагогов выбирают несколько студентов, которые способны делать уместные и не слишком пространственные комментарии. Сочетание подобных образцов и становится причиной пассивности большинства обучающихся в колледжах.

И все же педагоги могут «пробудить студентов к жизни в аудиториях», если станут активнее вовлекать их в учебный процесс. Как показывают результаты одного недавно проведенного исследования, в котором изучалась динамика процесса обучения, четыре педагогические стратегии обеспечивают более высокий уровень студенческой активности:

- обращение к студентам, желающим высказаться, по имени;
- позитивное подкрепление студенческой активности;
- постановка скорее аналитических, нежели фактических вопросов и предоставление студентам времени на обдумывание ответов;
- обращение к студентам с просьбой высказать свое мнение даже в том случае, когда желающих высказаться нет (Auster & MacRone, 1994).

Прекращение учебы

Если одни учащиеся ведут себя пассивно на занятиях, то о других этого не скажешь. *Прекращение учебы* — уход из школы до получения аттестата о среднем образовании — делает молодых людей (многие из которых и так находятся в неблагоприятных условиях) плохо подготовленными к миру труда и ставит их на грань нищеты.

За последние десятилетия число тех, кто покинул школу раньше времени, несколько уменьшилось; в настоящее время 12% молодых людей в возрасте от 16 до 24 лет недоучились, это — 3,6 млн юношей и девушек. В меньшей мере так действуют белые американцы (8%), следом идут афроамериканцы (14%), а замыкают тройку латиноамериканцы (30%) (U.S. National Center for Education Statistics, 2001). Карта США 19.2 позволяет составить представление о том, как эти люди распределяются по округам страны¹.

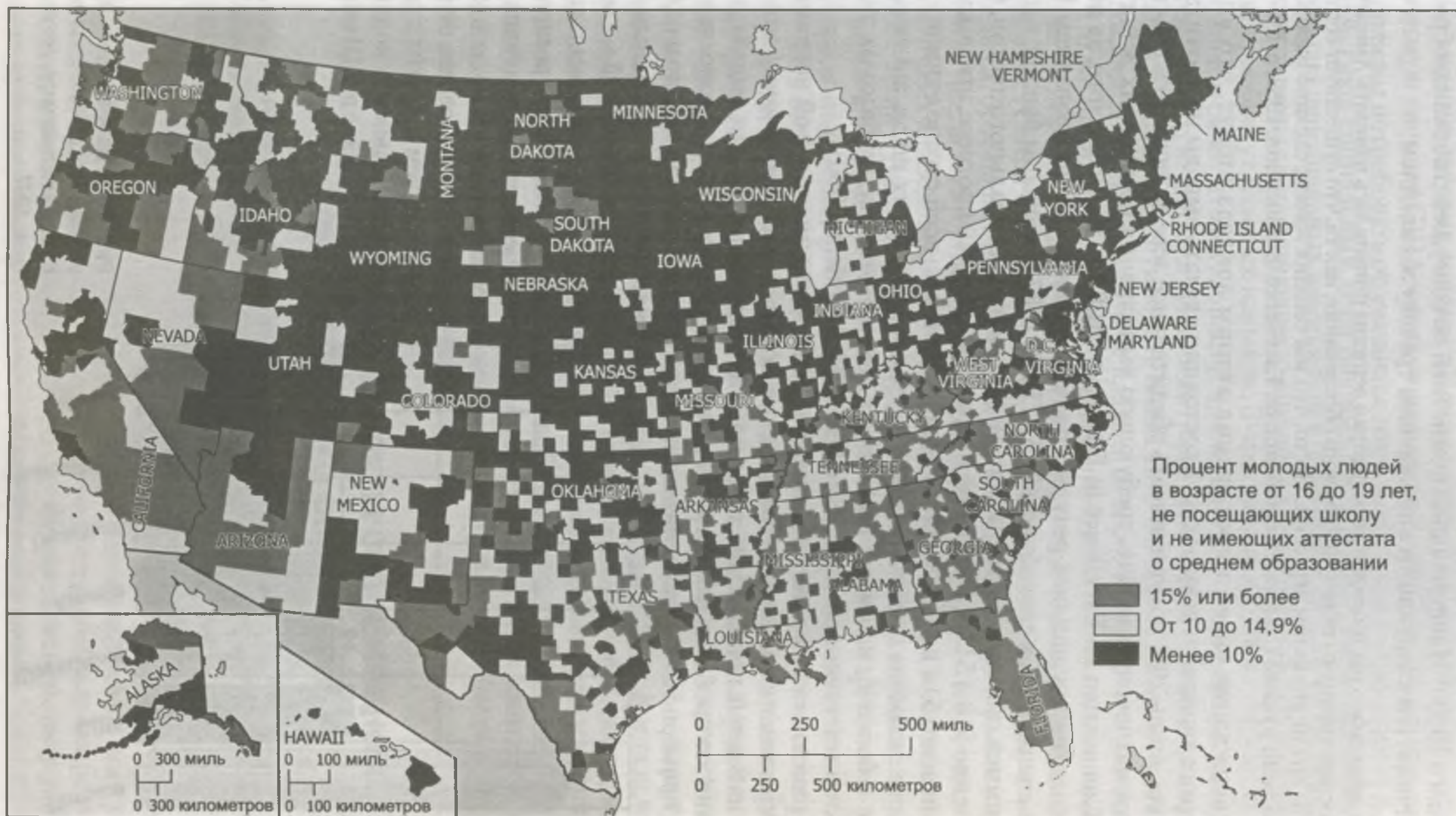
Одни бросают школу из-за проблем с английским языком, другие — забеременев; многие и прежде всего дети из бедных семей, вынуждены идти работать. Число недоучившихся детей из беднейших семей (доля последних составляет 20%) в 7 раз превышает аналогичных показатель тех, кто принадлежит к обеспеченным семьям (доля которых тоже составляет 20%), — 12,3 и 1,8% соответственно (U.S. National Center for Education Statistics, 2001). Согласно этим данным, многие из бросивших школу — дети малообразованных родителей, т. е. из поколения в поколение воспроизводятся неблагоприятные условия (Pirog & Magee, 1997).

Когда-то США лидировали по количеству граждан с законченным средним образованием. Однако в последние годы многие страны значительно усовершенствовали свои системы школьного обучения, в то время как в США произошли лишь незначительные перемены. В результате сегодня по этому показателю страна занимает лишь 23 место, пропустив вперед Канаду, Японию и большинство стран Западной Европы (Desruiseaux, 1998).

Стандарты обучения

Не исключено, что самой серьезной из всех образовательных проблем, с которыми сталкивается американское общество, — качество школьного обучения. «Нация на грани катастрофы» — исчерпывающий доклад, посвященный этому вопросу, был

¹ В округе Холмс (штат Огайо) более половины подростков и молодых людей, не посещающих школу и не имеющих аттестата о среднем образовании, и по этому показателю округ лидирует в США. Большинство жителей там — амиши, и молодые люди рано прекращают учиться, чтобы работать на фермах. Если сравнить разные регионы США, можно сказать, что большинство бросивших школу живут на Юге — от Западной Виргинии до Флориды и от Южной и Северной Каролины до Луизианы и Восточного Техаса. Немало их и на Юго-Западе. Как вы думаете, чем обусловлен подобный феномен?

Карта США 19.2. Распределение бросивших школу молодых людей по округам США. Источник: Atlas of Contemporary America by Rodger Doyle

опубликован в 1983 г. Национальной комиссией по совершенствованию образования. Он начинается следующим внушающим тревогу заявлением:

Если бы враждебно настроенная иностранная держава попыталась навязать Америке такую посредственную систему школьного образования, как та, что существует сегодня, мы бы сочли это актом агрессии. Но то, что мы сегодня имеем, сделано нашими собственными руками (National Commission on Excellence in Education, 1983, p. 5).

В подтверждение своей точки зрения авторы доклада пишут, что «почти 40% 17-летних юношей и девушек не в состоянии сделать выводы из прочитанного материала, лишь 20% могут написать убедительное эссе, и лишь 30% способны решить математическую задачу, требующую выполнения нескольких действий» (National Commission on Excellence in Education, 1983, p. 9). Более того, за последние десятилетия ухудшились результаты тестирования с использованием Батарей тестов специальных способностей (SATB). В 1967 г. медианы баллов, набранных учащимися при прохождении математического и вербального тестов, были соответственно 516 и 543; к 2000 г., несмотря на некоторый прогресс, эти показатели достигли всего 514 и 505. Результаты проведения по всей стране единого государственного экзамена показали: около $\frac{1}{3}$ учащихся средних школ, а в сельской местности — более $\frac{1}{2}$, не имеют ни базовых навыков чтения, ни базовых знаний математики и естественных наук (Sanchez, 1998; Marklein, 2000).

Даже грамотность для многих и то проблема. **Функциональной неграмотностью** — отсутствием навыков чтения и письма, необходимых в повседневной жизни, — страдает 1 из 8 детей, покидающих американские средние школы. Для людей старшего поколения эта проблема еще острее, в результате чего около 40 млн взрослых американцев (примерно 20% населения) читают и пишут как 8-классники, а то и на более

низком уровне. Из данных, представленных на рис. 19.4, следует, что в США функциональная неграмотность — менее распространенное явление, чем в таких странах со средним уровнем доходов, как, например, Польша, но более серьезное, чем в других странах с высоким уровнем доходов (например, в Канаде и в Швеции).

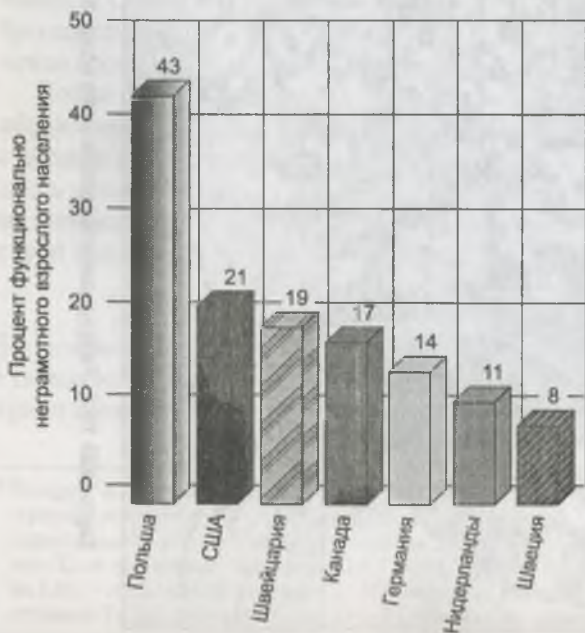

Рис. 19.4. Доля функционально неграмотного взрослого населения в разных странах мира. Источник: Fiske, 1997

По мнению авторов доклада «Нация на грани катастрофы», улучшить образовательную систему США могут только кардинальные меры. Во-первых, все школы должны потребовать от учащихся изучения полных курсов английского языка, математики, социальных, естественных дисциплин, а также овладения навыками работы на персональных компьютерах. Во-вторых, школы не должны переводить из класса в класс неуспевающих учеников; их следует оставлять на второй год, пока те не приобретут базовых навыков. В-третьих, необходимо улучшить подготовку учителей и повысить им зарплату, чтобы привлечь в профессию талантливую молодежь. Вывод из доклада «Нация на грани катастрофы» таков: руководители образования обязаны гарантировать обществу, что школа оправдывает его ожидания, а граждане должны быть готовы платить за хорошее среднее образование.

Что же произошло за годы, прошедшие после выхода в свет этого доклада? В известной мере ситуация улучшилась. В докладе Центра политики в области образования (Center on Education Policy, 2000) отмечается уменьшение количества учащихся, бросающих школу, тенденция к введению более сложных курсов и увеличение числа выпускников, поступающих в колледжи. Несмотря на несколько трагических эпизодов, когда в школах гремели выстрелы, в течение 1990-х гг. уровень насилия в учебных заведениях постепенно снижался. Однако есть основания утверждать, что навыки чтения большинства учащихся начальной школы ниже установленных стандартов, а многие из них вообще не умеют читать. Иными словами, хотя определенные достижения очевидны, работы остается непочтатый край.

Тревожит и то, что американские учащиеся отнюдь не лучшим образом выглядят на фоне своих ровесников из других стран. Хотя расходы на одного учащегося в США больше, чем где бы то ни было, американские восьмиклассники занимают 17 место по уровню подготовки по естественным наукам и 28 — по уровню математической подготовки (Bennett, 1997; Fin & Walberg, 1998). Когда дело доходит до глобальных сравнений, большую роль играют национальные культурные ценности. Например, у американских учащихся мотивация слабее, чем у их японских сверстников, и они меньше работают дома. Кроме того, учебный год в японских школах на 60 дней длиннее, чем в американских. Может быть, один из способов совершенствования школьной системы заключается в том, чтобы заставить учащихся проводить за партой больше времени.

Актуальные аспекты современного американского образования

В американском обществе школы постоянно реагируют на новые вызовы. В заключительном разделе главы будет рассказано о некоторых актуальных и важных проблемах современного образования в США.

Выбор школы

Как полагают некоторые аналитики, американские школы потому учат не столь хорошо, что им неведома конкуренция. Поэтому предоставление родителям права выбирать, где именно учить своих детей, может заставить систему работать лучше. Такова суть политики, получившей название *выбор школы*.

Сторонники данного подхода выступают за создание рынка образовательных услуг, чтобы родители и дети смогли выбрать для себя оптимальное соотношение цены и качества. Согласно предложению, получившему наибольшую поддержку, правительство обеспечивает семьи, в которых есть дети школьного возраста, ваучерами и дает им право потратить причитающиеся деньги на государственную, частную или приходскую школу. В 1990-е гг. в Индианаполисе, Миннеаполисе, Милуоки и Кливленде и в штате Флорида проводился эксперимент по выбору учебного заведения, его целью было заставить государственные школы работать как можно лучше, чтобы завоевать доверие родителей и детей. Кроме того, Детский образовательный фонд (частный, благотворительный) поддержал 40 тыс. учащихся, пожелавших учиться в негосударственных школах, и ныне «на листе ожидания» у него находится более 1 млн детей.

Сторонники такой политики убеждены, что предоставление родителям права самим решать, где учить детей, — единственный способ усовершенствовать деятельность всех школ. Но их оппоненты (в том числе и профсоюзы учителей) считают: этот подход еще должен доказать свою состоятельность. Более того, они убеждены: данные программы подрывают приверженность американцев государственному образованию, и в первую очередь жителей центральных районов городов, где потребность в нем особенно велика (Martinez et al., 1995; Godwin et al., 1998; Cohen, 1999; Forstmann, 1999). Несмотря на давление со стороны администрации Буша, конгресс не спешит узаконить ни одну из систем ваучеров.

Более мягким вариантом выбора школы служат *специальные школы*, и ныне в разных регионах США их уже более тысячи. Они предлагают необходимое техническое оснащение и программы, цель которых — углубленные знания в какой-либо одной определенной области, например в компьютерных технологиях, иностранных языках, естественных науках, математике или в искусстве. В тех микрорайонах, где действуют такие учебные заведения, родители могут выбрать то, которое наилучшим образом соответствует склонностям и способностям их ребенка.

Другой успешный вариант программы выбора школы — *привилегированные школы (charter school)* — государственные учебные заведения, которым предоставлена свобода в экспериментах с новыми подходами и программами. Сейчас в США около 1500 таких школ. Во многих из них учащиеся добиваются хороших академических успехов, что необходимо для продления льготного статуса.

Еще одно достижение движения, поддерживающего путь выбора школы, — *школьное обучение, приносящее прибыль*. Его сторонники считают, что школы, управляемые частными компаниями, приносящими прибыль, могут быть более эффективными, чем те, которые курируются местными администрациями. В частном школьном обучении нет ничего нового: сейчас в США более 25 тыс. учебных заведений, находящихся в ведении частных организаций или религиозных групп. Что является новым, так это небольшое число государственных школ — примерно 250 из 2 тыс. со 120 тыс. учащихся, которыми руководят частные предприятия (Greenwald, 2000).

Как подтверждают результаты исследований, многие государственные школы страдают от чрезмерно раздутого бюрократического аппарата, тратят слишком

много денег, а учат весьма посредственно. Американское общество уже давно ждет, когда конкуренция и частная инициатива улучшат качество образования и снизят его стоимость. Накопленный опыт позволяет утверждать, что приносящие прибыль школы тратят на управленческие структуры значительно меньше средств, чем обычные государственные школы. Но академические результаты обучения в них неодинаковы. Одни компании утверждают, что уровень подготовки учащихся повысился, и одновременно в некоторых городах сокращается количество школ, находящихся в управлении бизнеса. Так, в 1995 г. Балтимор разорвал контракт с корпорацией, в ведении которой с 1992 г. находились 9 городских школ; аналогичные контракты были разорваны также в городах Майами и Хартфорд и в штате Коннектикут. Другим словами, системы государственных школ работают плохо, но способен ли частный бизнес изменить ситуацию к лучшему — это до сих пор остается неясным (Putka & Stecklow, 1994; Kanamine, 1995; Ravitch & Viteritti, 1996; Bennett, 1997; Toch, 1998).

Школьное обучение людей с ограниченными физическими возможностями

Школы, в которых силен бюрократический дух, не готовы к тому, чтобы соответствовать особым потребностям людей с ограниченными физическими возможностями, в том числе и немалого числа из 5 млн американских детей. Им трудно добираться в школу и из школы, а многие, вынужденные пользоваться костылями или инвалидными креслами, не в состоянии преодолевать лестницы и прочие препятствия в самих зданиях. Дети с такими пороками развития, как умственная отсталость, требуют персонального внимания со стороны специально обученных педагогов. В результате они получают среднее образование в государственных школах только благодаря настойчивости и усилиям их родителей и других не остающихся равнодушными к их судьбе граждан.

Примерно 25% детей с ограниченными возможностями обучаются в специально приспособленных для этого учебных заведениях; остальные посещают государственные школы и учатся в обычных классах. Таким образом, большинство школ отказываются от дорогостоящего «специального обучения», предпочитая ему **вовлечение в общий поток** (*включение учащихся, требующих к себе специального подхода, в общую образовательную программу*). Это форма *совместного обучения*, которая лучше всего зарекомендовала себя в случае с детьми, имеющими физические проблемы, которые могут усваивать материал наравне со здоровыми учениками. Более того, совместное обучение в одном классе здоровых детей и детей-инвалидов позволяет первым научиться взаимодействовать с людьми, которые отличаются от них.

Обучение взрослых

В школах и высших учебных заведениях учатся преимущественно дети и молодые люди. Однако за последние годы в США заметно возросла доля обучающихся в возрасте от 25 лет и старше, и сейчас она составляет 36%.

В 1999 г. в той или иной форме обучением были охвачены 76 млн взрослых американцев, возраст которых колебался от 20–30 до 70 лет и старше. Взрослые

ученики — преимущественно женщины, которых в 2 раза больше, чем мужчин, а их доход обычно превышает средний. Среди них есть и люди, которые в свое время бросили среднюю школу, и те, кто сочетают учебу с работой, чтобы получить диплом об окончании колледжа и степень бакалавра или магистра. Но есть и такие, кто уже имеют и дипломы, и научные степени, и пополняют запас своих знаний либо потому, что это нужно для карьеры, либо потому, что пребывание в классе и сам процесс постижения нового доставляют им удовольствие (Speer, 1996; Miller, 1997a).

Проблема педагогических кадров

Одна из проблем, с которой сталкиваются американские школы, — нехватка учителей. Целый ряд факторов, включая низкую заработную плату, фрустрацию и уход на пенсию, а также увеличение общего числа учащихся на фоне уменьшения числа учеников в классах, привели к тому, что ежегодно в США открываются более 200 тыс. учительских вакансий.

Насколько реально их заполнить? Примерно столько же человек ежегодно выпускают колледжи, выдавая дипломы бакалавра или магистра педагогики, но без степеней в конкретных дисциплинах (таких, как математика, биология или английский язык). Действительно, многим выпускникам колледжей непросто пройти государственные сертификационные тесты по тому предмету, который они хотели бы преподавать.

В результате школам пришлось взять на вооружение новые стратегии поиска кадров. Одна из них — «переманивание» на педагогическую работу тех, кто уже сделал успешную карьеру в той или иной области. Чтобы привлечь таких людей, школы упрощают процесс получения учительских сертификатов, предлагают более высокие зарплаты и гарантированные премии и постоянно напоминают о том, что, возможно, нет более важной работы, чем учить подрастающее поколение. Кроме того, многие школьные округа, стремясь к появлению в американских школах как можно большего числа одаренных мужчин и женщин, обращаются на международный рынок труда и активно рекрутируют учителей в таких странах, как Испания, Индия и Филиппины (Dervarics, 1999; Lord, 2001; Philadelphia, 2001).

Разумеется, дискуссии об образовании затрагивают не только те его аспекты, о которых рассказано выше, но и многие другие. Например, обсуждается, почему в школах мало учителей-мужчин.

Взгляд в будущее: образование в XXI веке

Хотя США — мировой лидер в том, что касается доступности колледжей для различных групп населения, американская система государственных школ все еще не избавилась от серьезных проблем, многие из которых уходят своими корнями в само общество. Следовательно, не приходится ожидать, что в наступившем веке школы *самостоятельно* улучшат качество обучения. Улучшение ситуации в школах невозможно без осознания учащимися, педагогами, родителями и местными общинами значимости хорошего образования. Иными словами, проблемы образования — *социальные* вопросы и их быстрого решения нет.

В XX в. в США действовали лишь две модели школьного образования: государственные учебные заведения, руководимые правительственными структурами, и частные, патронируемые неправительственными организациями. Однако в последнее десятилетие появилось немало новых форм, включая школы, приносящие прибыль, и широкий спектр программ «выбора» (Finn & Gau, 1998). Вполне возможно, что в грядущие десятилетия мы станем очевидцами значительных перемен в системе всеобщего среднего образования, которые подсказаны отчасти и изучением социологами результатов применения разных образовательных стратегий.

Но какое бы решение о контроле над системой образования ни было принято в будущем, фактор, который окажет влияние на нее, известен уже сегодня: это новые информационные технологии. Ныне 97% традиционных начальных и средних школ задействуют обучающие компьютеры. Возможности таковых выходят далеко за рамки оказания помощи детям в овладении базовыми навыками; компьютеры могут поднять качество образования на принципиально новый и более высокий уровень. Они способствуют большей активности учащихся в процессе обучения и предоставляют им возможность продвигаться вперед с доступной скоростью. Для учащихся-инвалидов, лишенных возможности писать, компьютеры — более легкий способ самовыражения. Судя по всему, для всех детей и подростков без исключения компьютеризация средних школ (а в некоторых случаях — даже детских садов) — путь значительного ускорения обучения, условие лучшей подготовки к трудовой деятельности в XXI в.

Однако многочисленные достоинства компьютерной техники мешают понять ограниченность возможности таковой. Компьютеры никогда не привнесут в процесс обучения того, что дает интуиция или воображение учителя, его стремление к выполнению своей задачи. Не может компьютер и «нащупать» у ученика того, что один учитель назвал «струнами человеческой неповторимости и креативности», которые открываются скорее при изучении литературы и языка, нежели при простом манипулировании математическими символами. Действительно, хотя компьютеры широко распространены в классах и аудиториях, принципиальное изменение преподавания и обучения или даже замена классической доски пока им не под силу, это дело будущего (Berger, 1991; Elmer-DeWitt, 1991; Skinner, 1997). Не следует полагать, будто технология излечит все недуги, поразившие американскую школу, в том числе устранил насилие и бюрократическую систему. Необходим всеобъемлющий план социальных перемен, которые смогут возродить былые амбиции США — дать всем гражданам первоклассное среднее образование, — та цель, которая до сих пор ускользает от общества.

Резюме

1. Образование — важнейший социальный институт, назначение которого состоит в передаче знаний и навыков и обучении культурным нормам и ценностям. В доиндустриальных обществах, когда не было системы официального образования, дети обучались в семьях; формальные образовательные структуры появились только в индустриальных обществах.

2. США были одной из первых стран, где было введено всеобщее обязательное среднее образование, что отражало как демократические идеалы, так и потребность индустриальной капиталистической экономики.
3. Структурно-функциональный анализ выявляет основные функции школьного обучения, включая социализацию, культурные инновации, социальную интеграцию и сохранение существующей общественной иерархии. К числу неявных функций школьного обучения принадлежат уход за детьми и создание социальных связей.
4. Анализ в рамках парадигмы социального конфликта связывает школьное обучение с классовой, расовой и гендерной иерархией. Официальное образование способствует воспитанию конформистов, которые в будущем должны стать послушными работниками.
5. Стандартизированные тесты достижений вызывают споры об уместности их использования. Одни считают их приемлемыми способами оценки академических способностей и знаний; другие же видят в них инструменты предвзятого отношения к менее привилегированным учащимся, позволяющие отнести их к категории «неполноценных».
6. У распределения по циклам тоже есть как сторонники, так и противники. Первые считают его приемлемой практикой, позволяющей школам учитывать индивидуальные способности и интересы учащихся; вторые же убеждены в том, что благодаря ему дети из привилегированных семей получают более качественное образование.
7. В США основная масса детей и подростков — учащиеся школ, которые финансируются государством. Большинство частных учебных заведений дают религиозное образование. Небольшая доля учащихся, преимущественно из богатых семей, посещают элитные частные подготовительные школы.
8. 25% американцев старше 25 лет — выпускники колледжей, что свидетельствует о возникновении «общества кретенциализма». Люди с дипломами колледжей зарабатывают за свою «трудовую жизнь» значительно больше денег, чем другие члены общества.
9. Большинство взрослых американцев критически относится к государственному среднему образованию. Насилие проникло во многие школы, и в первую очередь в те, которые расположены в бедных кварталах. Бюрократический характер учебных заведений также способствует отсеву из них учащихся и пассивности слушателей.
10. Падение академических стандартов отражается в более низких средних баллах за тесты достижений и в функциональной неграмотности значительной части выпускников средних школ.
11. Движение сторонников выбора школы выросло из стремления сделать учебные заведения более восприимчивыми к потребностям общества. Новые альтернативы среднего образования включают специальные школы, школы, приносящие прибыль, и привилегированные; все они являются предметами непрекращающихся дебатов.

12. Исторически сложилось так, что дети с психическим или физическими ограниченными возможностями, либо обучались в специальных заведениях, либо не учились вовсе. Включение учащихся, требующих к себе специального подхода, в общую образовательную программу значительно расширило круг их возможностей.
13. В США возрастает доля взрослых среди учащихся. Большинство из них — женщины, без отрыва от производства повышающие свою квалификацию.
14. Информационная революция изменяет школьное обучение благодаря компьютеризации. Хотя компьютеры позволяют реализовать интерактивное обучение в темпе, доступном ученику, есть дисциплины, для обучения которых это не годится.

Основные понятия

- Креденциализм** — оценка индивида на основе достигнутого им уровня образования.
- Образование** — социальный институт, благодаря которому общество обеспечивает своих членов важными знаниями, в том числе о фундаментальных явлениях действительности, профессиональных навыках и культурных нормах и ценностях.
- Распределение по циклам** — распределение учащихся в соответствии с различными образовательными программами.
- Скрытая программа** — неявное внедрение политических или культурных идей в учебном классе.
- Функциональная неграмотность** — отсутствие навыков чтения и письма, необходимых в повседневной жизни.
- Школьное обучение** — формальное обучение под руководством специально подготовленных педагогов.

Вопросы для размышления

1. Почему индустриализация заставила разные общества развивать свои системы школьного образования?
2. В чем проявляется влияние экономики, политики и культуры США на систему школьного образования?
3. Почему сторонники структурно-функциональной парадигмы говорят, что система школьного образования важна для жизни общества? Каким образом, по мнению приверженцев парадигмы социального конфликта, формальное обучение способствует сохранению социального неравенства людей?
4. Насколько убедительны исследователи, говорящие о пассивности студентов колледжей в процессе обучения? Если это верно, то каким образом можно добиться большей активности обучающихся?

Новые информационные технологии и социальные институты

С течением времени социальные институты изменяются, и тому есть немало причин. Одна из них — отсутствие в обществе согласия относительно того, как должны функционировать эти социальные институты. Примерами могут служить описанные выше споры о том, какая экономика наиболее эффективна, насколько демократична нынешняя политическая система США, что такое семья, какую роль играет религия в современном обществе, как именно должны учить подрастающее поколение школы.

Изменения вызывает и технология. В эпоху информации с возрастанием роли компьютерных и прочих коммуникационных технологий все социальные институты оказываются в некоем переходном состоянии. В этой части киберсферы кратко рассказывается о том, как влияние компьютерных технологий отражается на некоторых институтах общества.

Экономика, оперирующая символами

Центральное место в новой постиндустриальной экономике занимает компьютер. Как уже отмечалось в главе 15 («Экономика и работа»), ныне труд — не столько изготовление *предметов*, сколько манипулирование *символами*. Это значит, что для достижения успеха в XXI в. овладение грамотностью становится таким же необходимым условием, каким было для рабочих овладение навыками ручного труда 100 лет назад.

По мере того, как индустриализация набирала темп, все больше операций, ранее совершаемых рабочими вручную, стали выполняться машинами. Следовательно, стоит задуматься, не заменят ли в будущем компьютеры многих из тех, кто сегодня занят *умственным трудом*. В конце концов, человеческий мозг способен выполнить в секунду лишь сто операций; самые современные компьютеры обрабатывают информацию в миллиарды раз быстрее.

Кроме того, увеличение массива данных, доступного благодаря Интернету владельцам персональных компьютеров, может сделать излишними многие традиционные специальности. Нужно ли нам будет иметь так много библиотекарей, если возможно просматривать каталоги книг в режиме он-лайн? (Кстати, понадобятся ли и сами библиотеки в их традиционном виде?) Сохранятся ли всевозможные бюро путешествий и транспортные агентства, если каждый сможет без труда ознакомиться с расписаниями авиарейсов, купить билет на выгодных для себя условиях, забронировать номер в отеле и взять на прокат машину, воспользовавшись

В прошлом веке, чтобы сделать необходимые покупки, нужно было обойти магазины на главной улице делового района, который находился в центре каждого из больших и маленьких городов. 50 лет назад люди стали делать покупки в пригородных универсальных магазинах, в более крупных и обезличенных центрах розничной торговли. Сегодня торговля переключалась в киберпространство, где можно найти даже больше товаров, но контактируя с людьми

услугами Сети? Даже хождение по магазинам и то начинает утрачивать былую популярность — растет число покупок, совершаемых у виртуальных коммивояжеров.

И, наконец, создается впечатление, что компьютерные технологии действительно ускоряют развитие мировой экономики. Интернет связывает производителей и потребителей в единый глобальный рынок. Не исключено, что в экономике XXI в., основанной на компьютерах, все возрастающее число сделок будет совершаться с привлечением «виртуальной валюты», которая постепенно вытеснит традиционные бумажные деньги.

Политика в эпоху информационных технологий

Сама природа киберпространства такова, что оно одновременно и глобальное, и не имеет централизованного контроля. Вероятно, с развитием информационных технологий современная система, когда человечество разделено на 192 самостоятельных государства, приобретет новую форму. Иными словами, поскольку государственные границы не являются преградой для информационных потоков, представление о людях, имеющих возможность работать, делать покупки и общаться с другими во всех странах мира, как о гражданах какого-то определенного государства, расположенного в определенной точке земного шара, лишается смысла. Именно эта идея и стоит за недавним созданием Европейского Союза (ЕС), и все возрастающую роль Всемирной торговой организации (ВТО) (см. вступление к главе 20).

Как беспрепятственное распространение информации в мире повлияет на политику? Увеличивая объем доступной информации и облегчая людям общение друг с другом, кибертехнологии, безусловно, будут способствовать развитию демократии. До тех пор, пока коммуникация, основанная на таких технологиях, остается неподконтрольной правительствам, тоталитаризм невозможен.

С другой стороны, если правительства обретут контроль над подобной коммуникацией, у них появится новый мощный инструмент пропаганды и манипулирования своими народами. Правительства, склонные к тирании, возможно, смогут контролировать весь Интернет, но ограничить доступ к нему своих граждан они в состоянии. Подобное дозирование информации, разумеется, станет ударом по демократии. Однако любой народ дорого заплатит за подобную самоизоляцию от развивающегося мира информационных технологий и торговли.

Благодаря новым информационным технологиям идеи и образы в наши дни распространяются по миру с такой скоростью, какой человечество прежде не знало. Эти в сравнительно традиционном обществе. Как вы думаете, как повлияет распространение через Интернет культурной информации из США и других богатых стран на семейный уклад и стремление к образованию в таких обществах, как малайзийское? Будет ли это влияние благотворным или пагубным? Почему?

Будущее семьи

В течение многих веков новые технологии формировали и трансформировали семьи. Индустриальная революция «увела» работу из домов и с ферм на фабрики, превратив семейную и профессиональную жизнь в разные сферы бытия.

В последнее время информационная революция начинает оказывать противоположное влияние: новые компьютерные технологии позволяют людям работать дома (а портативные компьютеры и сотовые телефоны — практически где угодно). Тенденция к *децентрализации* работы означает, что для все возрастающего числа людей граница между офисом и домом перестает существовать. Казалось бы, эта тенденция должна укрепить семейные узы: она позволяет родителям иметь более гибкие рабочие графики и проводить больше времени рядом со своими детьми. Однако в эпоху Интернета телевидение и компьютеры играют все более заметную роль в социализации подрастающего поколения. Иными словами, в будущем члены семьи, похоже, получат возможность проводить вместе больше времени, но вот захотят ли они воспользоваться ею — этот вопрос остается открытым.

Медицина и здравоохранение

Компьютеры не только децентрализуют работу, но и делают более доступной медицинскую помощь. В перспективе многие рутинные медицинские процедуры и анализы (измерение частоты пульса и артериального давления, снятие кардиограммы) будут выполняться дома самими пациентами, которые, имея доступ к персональным компьютерам, станут передавать необходимую информацию персоналу медицинских центров с помощью своих модемов.

Во всем мире количество людей, которым благодаря новым информационным технологиям становится доступной самая квалифицированная медицинская помощь, постоянно растет. В США с помощью специальных сайтов клиники, связывая между собой больных, нуждающихся в пересадке органов, и потенциальных доноров, спасают людей от смерти. В сельских местностях бедных государств практикующие врачи могут с помощью компьютера проконсультроваться у специалистов медицинских центров крупнейших городов и получить информацию, необходимую им для того, чтобы лечение было более эффективным. Так, сравнительно недавно компьютеры сыграли решающую роль в борьбе врачей Центральной Африки со смертельно опасным вирусом лихорадки Эбола: благодаря им медики смогли обмениваться новой информацией, методиками и оборудованием.

Новые информационные технологии вносят существенный вклад в улучшение качества жизни многих людей с ограниченными физическими или психическими возможностями. С одной стороны, специальные компьютерные программы позволяют официальным лицам определять, учитывают ли проекты новых общественных зданий и частных домов потребности таких людей и будут ли посещение или жизнь в этих домах доступны им. С другой стороны, во многих университетских клиниках и больницах специалисты используют компьютерные тренажеры для обучения детей управлению инвалидными колясками и для обучения умственно отсталых взрослых вождению поездов или автобусов. Компьютеры позволяют людям с разными физическими и умственными недостатками совершать виртуальные путешествия, лыжные прогулки и даже полеты на дельтапланах, что еще несколько десятилетий тому назад казалось невозможным (Biggs, 1996).

Социальные институты и новые информационные технологии: взаимное влияние

Новые информационные технологии изменяют все аспекты нашей жизни. Хотя технология и является мощным «агентом перемен», характер общества она не определяет. Но она изменяет границы возможного. Следовательно, важное решение о том, *как* использовать новую технологию и даже *использовать ли ее вообще*, должны принимать сами общества. Решение этих вопросов возвращает к существующим социальным институтам, которые в конечном итоге и определяют, *на кого* в первую очередь должно работать общество.

КОНСТИТУЦИЯ
И СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

ЧАСТЬ V

Социальные изменения

Коллективное поведение и социальные движения

Сиэтл имеет репутацию стильного, спокойного прогрессивного города, сочетающего в себе «мир и любовь» 1960-х и высокие технологии XXI в. Там часто проводятся различные съезды, в конце 1999 г. представители Всемирной торговой организации (ВТО) собрались в Сиэтле, чтобы обсудить глобализацию экономики. ВТО — это международная организация, которая устанавливает правила торговли между разными странами мира.

Однако в это же время в город приехали около 40 тыс. людей, имевших другие представления о глобализации. Всех их — представителей профсоюзов, «зеленых», организаций по защите прав человека, а также студентов — объединила оппозиция политике ВТО. Они считают, что эта организация ставит экономические интересы выше проблем охраны окружающей среды и социальной справедливости. На самом же деле она желает распространить власть крупных корпораций на весь мир.

четырёхдневный митинг разношерстного альянса протестующих привлек большее внимание СМИ, чем сама конференция. Антиглобалисты отстаивают свою позицию и с помощью мирных средств, и прибегая к экстремальным формам ее выражения; по их мнению, расширение власти корпораций угрожает не только состоянию окружающей среды, но и будущему благополучию «обычных» людей в богатых и бедных странах (Kirn, 2000).

Описанная волна протеста в ответ на конференцию ВТО в Сиэтле представляет собой пример **коллективного поведения** (*деятельности, охватывающей большое число людей, часто стихийной, иногда не исключаящей разногласий*). В настоящей главе исследуются различные формы коллективного поведения — толпы, возникновение бунтов, слухов и сплетен, проявление общественного мнения, паники и массовой истерии, следование моде и прихотям, а также социальные движения, направленные на изменение жизни людей во всем мире.

На протяжении почти всего XX в. социологи сосредоточивались на стабильных социальных формах — семье и социальной стратификации. Случаям коллективного поведения они уделяли меньше внимание, считая большинство из них тривиальными, не характерными для общества или даже ненормальными. Однако социальные движения значительно изменяли облик нашего общества: так было в бунтарские 1960-е гг., это заметно и ныне. Поэтому в последние десятилетия социологи стали больше интересоваться всеми формами коллективного поведения (Weller & Quarantelli, 1973; G. Marx & Wood, 1975; Aguirre & Quarantelli, 1983; McAdam, McCarthy, & Zaid, 1988; Turner & Killian, 1993).

Изучение коллективного поведения

Несмотря на всю важность, коллективное поведение трудно поддается социологическому изучению. Это объясняется тремя основными причинами:

1. **Формы коллективного поведения разнообразны.** Оно охватывает чрезвычайно широкий диапазон человеческих действий. Например, не столь очевидной представляется связь между осуществлением прихотей, распространением слухов и действиями толпы.
2. **Формы коллективного поведения сложны.** Слухи возможны в самых разных ситуациях, кажется, что они и появляются из ниоткуда. По непонятным причинам один новый стиль одежды становится модным, а другой — нет. Почему миллионы афроамериканцев так долго терпели свое угнетенное положение, а затем вдруг в середине 1950-х гг. создали движение за гражданские права?
3. **Многие формы коллективного поведения непостоянны.** Социологи без труда могут изучить семью, потому что это относительно постоянный элемент социальной жизни. В то же время явления моды, слухов и бунтов как быстро возникают, так столь же стремительно и прекращаются, что в значительной мере осложняет их исследование.

Некоторые ученые указывают на то, что эти проблемы свойственны не одному коллективному поведению, но и вообще *большинству* форм человеческого поведения (Aguirre & Quarantelli, 1983). Более того, первое не всегда бывает неожиданным; толпы собираются на спортивных состязаниях и музыкальных фестивалях, а это означает, что их можно с успехом изучать и непосредственным образом, и с помощью видеозаписей. Ученые способны предсказать стихийные бедствия и исследовать соответствующие реакции людей. Например, каждый год в США отмечается около 60 сильных смерчей; своевременный прогноз позволяет социологам, интересующимся влиянием катаклизмов на поведение людей, оказаться в нужное время в нужном месте (Miller, 1985). Многие ученые задались целью понять изменения, произошедшие в американском обществе после террористических атак 11 сентября 2001 г.

Социологи обладают обширными знаниями о коллективном поведении, однако многое им еще неизвестно. Наиболее серьезный недостаток этой области науки, по мнению Бениньо Агирре и Э. Л. Кварантелли (Aguirre & Quarantelli, 1983), заключается в том, что социологи еще не разработали теорию, связывающую вместе все различные действия, называемые «коллективным поведением».

Можно с уверенностью сказать, что последние связаны с действиями некоторой **общности, большого количества людей, минимальное взаимодействие между которыми происходит вне традиционных и четко сформулированных норм.** Различают два вида общностей. *Локализованную* образуют люди, физически контактирующие друг с другом; это — поведение толпы людей и проявление бунта. *Распределенная общность, или масса*, — те, кто оказывает взаимное влияние, несмотря на большие расстояния между ними; такого рода отношения, например, характеризуют распространение слухов, выражение общественного мнения и следование моде (Turner & Killian, 1983).

Важно не путать общности и уже известные нам социальные группы (см. главу 7 «Группы и организации»). Три основных отличительных признака общностей таковы:

1. **Общности основаны на ограниченном социальном взаимодействии.** Члены групп взаимодействуют свободным и непосредственным образом. Люди, составляющие толпу или другую локализованную общность, связаны друг с другом очень слабо. Большинство представителей рассредоточенных общностей не взаимодействуют вовсе.
2. **Общности не имеют четких социальных границ.** Члены группы чувствуют свою причастность к целому, что обычно отсутствует у людей, захваченных коллективным поведением. Локализованные толпы могут иметь общий объект внимания (например, человек, собравшийся прыгнуть с крыши дома), но у них нет выраженного чувства единения. Представители распределенных общностей (скажем, «общественности»), столкнувшись с угрозой заболевания сибирской язвой, почти не осознают принадлежности к одному целому. Конечно, ряд проблем разделяет общество на четкие фракции, но подчас нельзя сказать, кто входит в конкретную группу, как, например, в случае «зеленых» или феминистского движения.
3. **Общности создают слабые и нетрадиционные нормы.** Поведение членов группы, как правило, определяется традиционными культурными нормами. Некоторые общности, например пассажиры самолета, соблюдают таковые, однако их взаимодействие обычно ограничивается несколькими вежливыми репликами, не касающимися личных вопросов. Другие общности, например возбужденные футбольные фанаты, громящие по выходе со стадиона имущество других людей, спонтанно устанавливают нетрадиционные нормы поведения (Weller & Quarantelli, 1973; Turner & Kilian, 1993).

Локализованные общности: толпа

Одна из основных форм коллективного поведения — действия толпы, *временного собрания людей, чье внимание сфокусировано на определенном объекте, оказывающих влияние друг на друга*. Историк Питер Ласлетт (Laslett, 1984) отмечает, что толпа — это современный феномен; в средневековой Европе большое число людей собиралось в одном месте — чаще всего только на поле боя. Сегодня на спортивных состязаниях, рок-концертах и даже в крупных университетах можно встретить толпы людей, насчитывающие свыше 25 тыс. человек.

Однако у каждой толпы есть свои особенности. Герберт Блумер (Blumer, 1969) выделил четыре категории таковых.

Случайная толпа — это неопределенная общность людей, которые взаимодействуют слабо или не взаимодействуют вообще. Например, отдыхающие на пляже или зеваки, собравшиеся на месте автомобильной катастрофы, почти не осведомлены друг о друге.

Конвенциональная толпа образуется в результате намеренного планирования; ее можно наблюдать на аукционах, лекциях в колледже или похоронах. В каждом случае взаимодействие людей определяется нормами, соответствующими ситуации.

Экспрессивная толпа формируется вокруг эмоциональных событий — религиозной службы, поединка борцов или празднования Нового года на Таймс-сквер в Нью-Йорке. Главная причина присоединения людей к экспрессивным толпам заключается в возбуждении; это спонтанный и эмоциональный феномен.

Действующая толпа представляет собой общность, характеризующуюся выраженным стремлением; ее образуют, например, люди, «штурмующие» концертный зал или спасающиеся бегством из горящего театра. Она отличается высоким эмоциональным накалом, который может достигать лихорадочного возбуждения и выливаться в насилие, творимое чернью.

Любая толпа способна трансформироваться из одной в другую. Например, в 2001 г. 10 тыс. фанатов (конвенциональная толпа) заполнили стадион в Йоханнесбурге (ЮАР), чтобы посмотреть футбольный матч. После забитого гола они взорвались эмоциями и рванулись на поле. Всего за несколько секунд погибли 47 человек. После восстановления порядка оказалось, что на трибунах и футбольном поле лежат тела погибших, словно это была битва, а не спортивное состязание (Nessman, 2001).

Намеренные действия толпы — не всегда результат накала эмоций. Участники *протестующих* масс — еще одной категории, которую можно добавить в список Блумера, — устраивают стачки, бойкоты, забастовки и марши в политических целях (McPhail & Wohlstein, 1983). Примером этого служит описанная во вступлении демонстрация, прошедшая в Сиэтле в 1999 г. во время заседания ВТО. Люди, которые образуют подобные общности, демонстрируют низкий эмоциональный уровень (свойственный конвенциональной толпе), в то время как другие достаточно эмоциональны, чтобы поступать, подобно членам действующей толпы. Кроме того, иногда протест начинается мирно, а агрессия нарастает при появлении полиции или противников или когда эти люди полны решимости изменить существующее положение дел.

Чернь и бунты

Если действующая толпа прибегает к насильственным действиям, она превращается в *чернь*, эмоционально очень сильно заряженную толпу, готовую к насилию или разрушению. Несмотря на накал эмоций или благодаря им, чернь, как правило, очень скоро рассеивается. Период ее существования зависит от преследуемых людьми целей и от действий лидеров, успокаивающих или, наоборот, будоражащих толпу.

Самый известный пример поведения черни в США — линчевание. Это слово происходит от фамилии Чарльза Линча, колониста из Вирджинии, который пытался самостоятельно поддерживать закон и порядок до появления официальных судов. Вскоре понятие стало синонимом незаконных убийств и насилия.

Линчевание всегда было сопряжено с расовыми мотивами. После Гражданской войны оно превратилось в насильственную форму контроля над свободными афроамериканцами. Те, кто оспаривал превосходство белых, рисковал быть повешенным или сожженным заживо.

Такое совершали, как правило, белые бедняки, почувствовавшие соперничество со стороны освобожденных рабов; пик судов Линча пришелся на 1880–1930 гг. За это время полиция зарегистрировала около 5 тыс. случаев линчевания, хотя, несомненно, на самом деле их было намного больше. Подавляющая часть убийств совершена в южных штатах, где сельская экономика зависела от дешевой и покорной рабочей силы. На западе линчеванию чаще всего подвергались выходцы из Мексики и Азии. Примерно в 25% всех случаев белые линчевали других белых. С женщинами так поступали редко; известно только о 100 жертвах — главным образом не белой расы (White, 1969, первое изд. — 1929; Grant, 1975).

Взбешенная толпа людей, у которых нет никакой конкретной цели, приводит к бунту, который представляет собой *социальный взрыв, отличающийся высоким накалом эмоций, проявлением насилия и неуправляемостью*. В отличие от черни бунтовщики обычно не имеют четких ориентиров, за исключением, возможно, выражения чувства своей неудовлетворенности. Их действия подпитываются неиссякаемым гневом, который воспламеняет любой незначительный инцидент, подталкивающий людей к насилию, уничтожению собственности и избиванию окружающих (Smelser, 1962; M. Rosenfeld, 1997). Если действия черни обычно прекращаются после достижения цели (или окончательного блокирования ее), бунт стихает, когда его участники дадут выход своим эмоциям, или пока полиция или общественные лидеры постепенно не возьмут его под свой контроль.

На протяжении всей истории США бунты возникали как реакция на социальную несправедливость. Например, промышленные рабочие выражали таким образом возмущение условиями труда. В 1886 г. упорная борьба трудящихся на чикагском заводе за 8-часовой рабочий день внезапно вылилась в Хеймаркетский бунт; тогда погибли 11 человек и многие были ранены. Подобные бунты, подталкиваемые гневом и отчаянием, нередко происходят в тюрьмах.

Кроме того, в США с пугающей регулярностью вспыхивают расовые бунты. В первой половине XX в. толпы белых атаковали афроамериканцев в Чикаго, Детройте и других городах. В 1960-е гг. бунты потрясли гетто в ряде городов, когда, казалось бы, обычные события приводили к вспышкам ярости, вызванными предубеждениями и дискриминацией. Внезапный бунт 1992 г. в Лос-Анджелесе породило оправдание полицейских, избивших шофера Родни Кинга. В результате актов насилия и поджогов тогда погибли более 50 человек, тысячи были ранены, а материальный ущерб составил несколько сот миллионов долларов.

В основе бунтов не всегда лежит ненависть. Они также могут начинаться с положительных чувств. Например, в 2000 г. молодой человек, участвовавший в нью-йоркском параде, посвященном национальному дню пуэрториканцев, начал обрызгивать водой молодых женщин. За следующие несколько часов десятки женщин сообщили об оскорблениях, домогательствах и насилии, что, как говорилось в одном заявлении, сопряжено было с «марихуаной, алкоголем, жаркой погодой, буйством гормонов и упущениями в работе полиции» (Barstow & Chivers, 2000). Несколько дней спустя сотни молодых людей пришли в ликующее буйство от победы баскетбольной команды *Los Angeles Lakers* и принялись крушить автомобили, разбивать окна, совершать поджоги и избивать прохожих. По словам одного ученого, в культуре, где возможно все, люди полагают возможным поступать так, как им захочется (Pitts, 2000).

Толпа, чернь и социальные изменения

13 апреля 2001 г., Цинциннати, штат Огайо. Всю неделю в городе бесчинствовали афроамериканцы, возмущенные тем, что полицейские расстреляли невооруженного чернокожего мужчину. Камнями и бейсбольными битами были серьезно изувечены десятки ни в чем не повинных людей – как белых, так и чернокожих. Помогает ли насилие обратить внимание на его причины или только скрывает их?

Чего же люди добиваются, прибегая к бунту? Коллективные действия позволяют таким образом получить власть. Социальные изменения, к которым стремится толпа, начиная с нарушения общественного порядка, оказываются поэтому весьма противоречивыми. На протяжении всей истории защитники существующего положения видят в «черни» угрозу. Люди, приветствующие перемены, напротив, считают такую форму проявлением праведного протеста.

Более того, толпа нередко не преследует вообще никакой политической цели. Например, демонстранты и их противники могут одновременно выкрикивать лозунги в поддержку аборт и против них, отражая весь спектр политических идей (Rude, 1964; Canetti, 1978; Tarrow, 1994).

Объяснение поведения толпы

Чем можно объяснить поведение толпы? Социологи разработали несколько различных теорий.

Теория заражения. Впервые теория коллективного поведения была сформулирована французским социологом Гюставом Лебоном (1841–1931). Согласно *теории заражения* Лебона (Le Bon, 1960, первое изд. – 1895), толпа оказывает гипнотическое влияние на своих членов. Защищенный анонимностью, обеспечиваемой большим числом людей, человек избавляется от личной ответственности и заражается общими эмоциями. Таким образом, толпа подобна живому организму – разжигает эмоции и заставляет людей совершать иррациональные и даже насильственные действия.

Критическая оценка. Идея Лебона, заключающаяся в том, что толпы обеспечивают анонимность и иногда вызывают сильные эмоции, несомненно, верна. Однако, как указывает Кларк Мак-Фейл (McPhail, 1991), многие исследования свидетельствуют, что «беснующаяся толпа» не имеет какого-либо самостоятельного существования: ее действия обусловлены намерениями и решениями конкретных людей. Например, в истории с футбольным матчем в Йоханнесбурге (ЮАР) толпа не просто «сошла с ума». Расследование показало, что на матч было продано слишком много билетов, поэтому стадион оказался переполнен: негде было даже стоять. Когда же попытались втиснуться еще и другие люди, ограждение не выдержало; это и привело к трагическому исходу (Nessman, 2002).

Кроме того, сильные эмоции, которые иногда связаны с коллективным поведением, не всегда иррациональны, как утверждает теория заражения. Напротив, они могут быть результатом логичного и обоснованного чувства несправедливости (Jasper, 1998).

Теория конвергенции. Согласно *теории конвергенции*, поведение толпы продуцируется не ею самой, а конкретными людьми с похожими взглядами. Иными словами, если по теории заражения именно толпа заставляет человека действовать

Некоторые утверждают, что толпа подпитывается необузданными эмоциями, словно она разумное существо. Однако в большинстве случаев ее формируют люди, объединенные чувством несправедливости, чтобы выразить свой гнев и противостоять власти. Несмотря на то что некоторые люди могут поступать иррационально, социальное беспокойство обычно связано с более широкими политическими вопросами (в данном случае 200 тыс. британцев вышли на улицы Лондона в марте 1990 г., выступая против непопулярного налога)

определенным образом, теория конвергенции утверждает противоположное: люди, тяготеющие к определенным действиям, собираются вместе и образуют толпу.

Время от времени в новостях появляются сообщения, что белые люди объединяются, угрожая расправой афроамериканцам, которые пытаются обосноваться в их районе. Как утверждают сторонники теории конвергенции, в таких случаях расовая ненависть или насилие вызваны вовсе не настроениями толпы. Напротив, они созревали какое-то время среди многих местных жителей, а толпа образуется, когда те собираются вместе, чтобы воспротивиться присутствию чернокожих соседей.

Критическая оценка. Связывая поведение толпы с более широкими социальными силами, сторонники теории конвергенции утверждают, что оно не иррационально, как заявлял Лебон. Образующие подобную общность выражают собственные убеждения и ценности (Berk, 1974). Однако стоит поддержать и позицию Лебона: иногда, находясь в толпе, люди совершают поступки, на которые не осмелились бы в одиночку, потому что толпа снимает с них всякую ответственность. Кроме того, она усиливает настрой людей, создавая критическую массу участников с одинаковыми взглядами.

Теория возникающих норм. Ральф Тернер и Льюис Киллиан (Turner & Killian, 1993), пытаясь объяснить, что же движет толпой, разработали *теорию возникающих норм*. По мнению авторов, социальное поведение никогда нельзя предсказать полностью, но если людей объединяют схожие интересы, в толпе могут возникнуть некоторые образцы поведения.

Согласно этим ученым, толпа — общность людей, имеющих различные интересы и мотивы. У менее стабильных — экспрессивных, действующих и протестующих —

нормы могут быть особенно смутными и изменчивыми: например, один человек решает разбить витрину магазина, а другой присоединяется к нему и начинает грабить магазин. Другими словами, люди по ходу дела создают собственные правила.

Критическая оценка. Теория возникающих норм объясняет движущие силы толпы с позиций символического интеракционизма. По мнению Тернера и Киллиана (Turner & Killian, 1972), поведение толпы не является ни иррациональным, как утверждает теория заражения, ни намеренным, как подразумевает теория конвергенции. Несомненно, оно отражает желания участников, однако толпа также управляется нормами, возникающими по мере развития ситуации.

Таким образом, поведение людей в значительной степени определяется принимаемыми решениями, хотя случайные наблюдатели могут это и не осознавать. Например, испуганные зрители, бросающиеся к выходам из горящего театра, кажутся жертвами иррациональной паники, однако сами они воспринимают такое бегство как вполне разумное решение, поскольку ситуация угрожает их жизни.

Кроме того, теория возникающих норм указывает, что составляющие толпу люди принимают различные роли. Некоторые становятся лидерами, другие — их помощниками, рядовыми последователями, пассивными наблюдателями или даже противниками (Weller & Quarantelli, 1973; Zurcher & Snow, 1981).

Рассредоточенные общности: массовое поведение

Коллективное поведение не всегда подразумевает объединение людей в толпы. Существует также понятие **массового поведения**, или *коллективного поведения людей, рассеянных в пределах обширной географической области*.

Слухи и сплетни

Очень часто мы имеем дело со **слухами**, *неподкрепленной информацией, распространяемой неофициальным путем, нередко — из уст в уста*. Конечно, люди обмениваются слухами и при личном общении, однако современные технологии (телефоны, СМИ, Интернет) позволяют распространять их быстрее и на значительные расстояния, о чем не столь уж давно нельзя было даже помыслить.

Слухи характеризуются тремя особенностями.

1. **Процветают в атмосфере неопределенности.** Они возникают, когда люди не обладают точной информацией по важному вопросу. Отсутствие знаний о терроризме и угрозе заражения сибирской язвой при вскрытии писем привело к волне страха после событий 11 сентября 2001 г. (Kaplan, 2001).
2. **Нестабильны.** Передавая их, люди изменяют информацию, обычно выгодным для себя образом. В результате появляется множество различных вариантов слуха.
3. **Их трудно остановить.** Число людей, которым стал известен тот или иной слух, возрастает экспонентным образом, поскольку каждый сообщает информацию нескольким своим знакомым. Со временем слухи угасают, однако единственный способ контролировать их — предоставлять ясную и убедительную фактическую информацию для заслуживающих доверия источников.

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Фабрика слухов: Пол мертв!

Все знают «Битлз». Музыка Джона Леннона, Пола Маккартни, Джорджа Харрисона и Ринго Старра произвела в 1960-е гг. революцию. Однако не всем известно о слухе по поводу смерти Маккартни, который циркулировал, когда группа была на пике популярности.

12 октября 1969 г. молодой человек позвонил ведущему детройтской радиостанции и сказал, что обнаружил «доказательства» смерти Пола Маккартни:

1. В конце песни *Strawberry Fields Forever* с альбома *Magical Mystery Tour* сквозь фоновый шум можно слышать голос, говорящий: «Я похоронил Пола!»
2. Фраза «Номер 9, номер 9, номер 9» из песни *Revolution 9* с альбома *White Album* при проигрывании наоборот напоминает выражение «Очаруй меня, мертвец!»
Два дня спустя студенческая газета Мичиганского университета опубликовала историю, озаглавленную «Маккартни мертв: обнаружены дополнительные улики», после чего миллионы поклонников «Битлз» бросились покупать ее альбомы.
3. На одной из фотографий буклета к *Magical Mystery Tour* в петлицы костюмов Джона, Джорджа и Ринго вдеты красные цветы, а в петлицу Пола — черный.
4. На обложке альбома *Sergeant Pepper's Lonely Hearts Club Band* изображена могила с желтыми цветами, выложенными в форме бас-гитары Пола.
5. На одной из фотографий буклета к этому альбому изображен Маккартни, на рукав которого надета повязка с буквами *OPD*. Действительно ли это эмблема какого-то полицейского отделения или подтверждение того, что Пол «официально признан мертвым (*Officially Pronounced Dead*)?»
6. На обратной стороне обложки того же альбома только Маккартни стоит спиной к камере, а другие музыканты «Битлз» обращены к камере лицом.
7. На обложке альбома *Abbey Road* Джон Леннон выглядит как священник, Ринго Старр одет в черный костюм организатора похорон, а Джордж Харрисон — как рабочий, приготовивший копать могилу. Маккартни, в свою очередь, изображен босиком, а именно так хоронят по тибетскому ритуалу. Позади Пола находится *Volkswagen* с номерным знаком *28 IF*, что, очевидно, означает, что Маккартни было бы 28 лет, если бы (*if*) он был жив.

Согласно этому слуху, Маккартни умер в результате травмы головы, полученной в автомобильной катастрофе в ноябре 1966 г. После несчастного случая руководители звукозаписывающей компании подменили Пола двойником.

Конечно, Пол Маккартни жив-здоров и иногда шутит о том эпизоде. Существуют подозрения, что Пол сам с помощью своих друзей выдумал детали своей «смерти», чтобы подогреть интерес поклонников. Однако этот инцидент имеет и серьезную сторону, показывая, как быстро слухи могут возникать и как долго сохраняться в атмосфере недоверия. В конце 1960-х многие раздосадованные молодые люди были готовы поверить, что СМИ и другие влиятельные заинтересованные силы скрывают смерть Маккартни.

В 1969 г. сам Маккартни опроверг этот слух в журнале *Life*. Однако тысячи недоверчивых читателей заметили, что на другой стороне страницы с фотографией Маккартни была расположена реклама автомобиля: просветив эту страницу, можно было увидеть, что автомобиль находится на уровне груди Маккартни, отделяя его голову от тела. Еще одна улика!

А что думаете вы?

1. Что можно сказать о причинах слухов?
2. Циркулировали ли в вашем студенческом городке в этом году какие-либо слухи? Какие именно?
3. Как вам кажется, слухи полезны или вредны? Почему?

Источники: Rosnow & Fine, 1976; Kapferer, 1992.

Слух может подтолкнуть формирование толпы или иного коллективного поведения. Поэтому для управления информацией во время кризиса чиновники создают соответствующие центры контроля. Однако некоторые слухи циркулируют годами, возможно, потому что нравятся людям; показательный пример этого приведен выше («Фабрика слухов: Пол мертв!»)

Сплетнями называют *слухи, распространяемые о частной жизни людей*. По мнению Чарльза Хортона Кули (Cooley, 1962; первое изд. — 1909), если слухи касаются вопросов, важных для большой аудитории, сплетни интересны ограниченному кругу лиц, знающих конкретного человека. Итак, сфера распространения слухов — обширная, сплетен — локальная.

В сообществах к последним прибегают как к средству социального контроля, превозносящему или унижающему людей, чтобы подчинить их каким-либо нормам. Кроме того, люди распускают сплетни об окружающих, стремясь упрочить собственное положение социальных «инсайдеров»¹, а более влиятельные лица — для сдерживания социальных маргиналов (Baumgartner, 1998; Nicholson, 2001). Однако никакое сообщество не хочет, чтобы сплетни выходили из-под контроля; может быть, именно по этой причине люди, которые *слишком* много сплетничают, часто подвергаются критике.

Общественное мнение и пропаганда

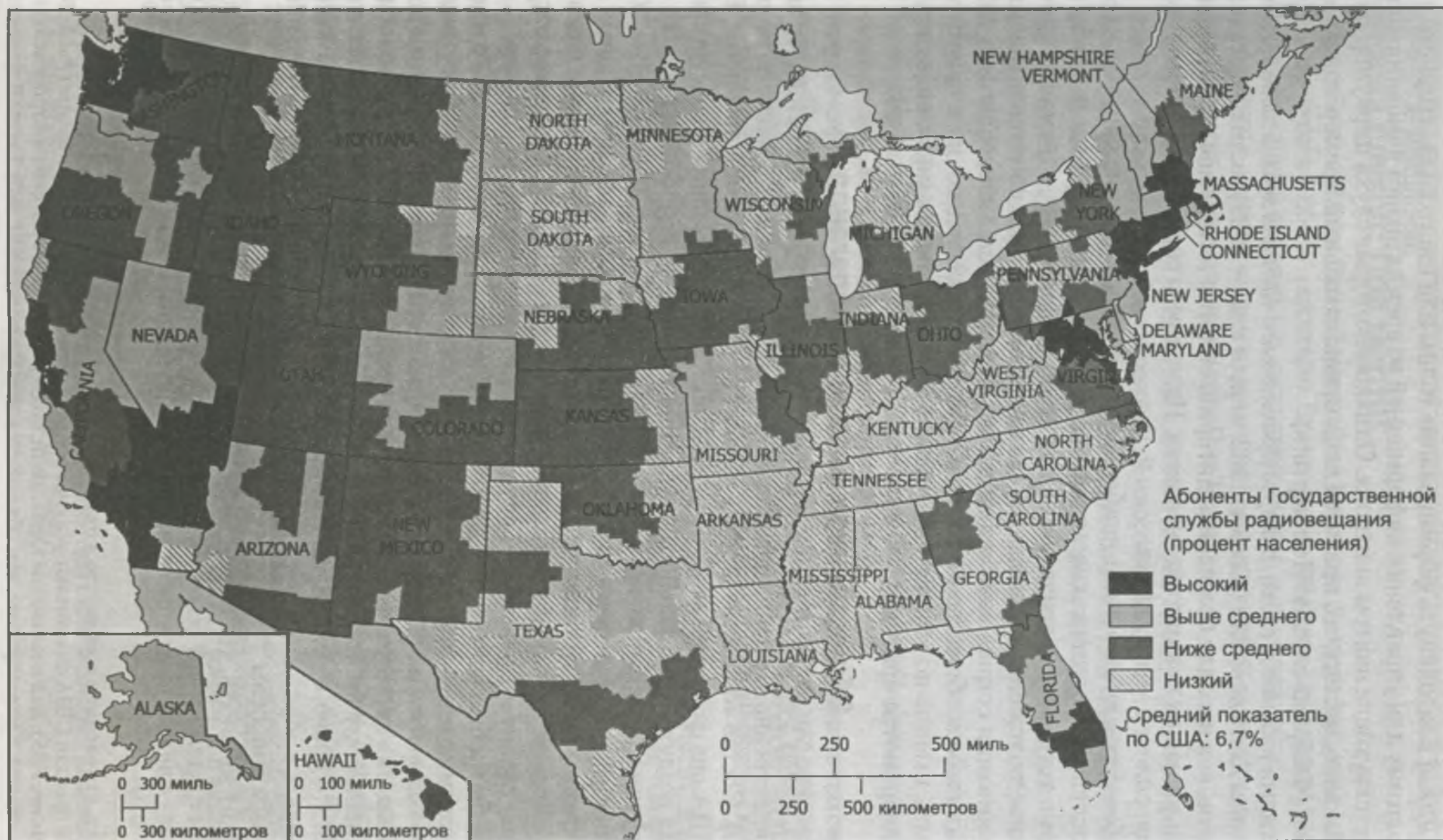
Еще одну форму рассредоточенного коллективного поведения представляет выражение **общественного мнения** (это *широко распространенные установки по спорным вопросам*). Состав «общественности» зависит от рассматриваемой проблемы. В истории США она формировалась по ряду аспектов: от содержания в воде фтора, загрязнения воздуха и социального положения женщин до вопросов о продаже оружия и реформе здравоохранения (Lang & Lang, 1961; Turner, Killian, & Sow, 2001). В последнее время общественность дискутирует по поводу аффирмативных действий, реформы системы социального обеспечения и правительственного финансирования общественного радио и телевидения. На карте США 20.1 показано распределение по стране сторонников Государственной службы радиовещания².

Каким бы ни был вопрос, от 2 до 10% людей не имеют по нему никакого мнения в силу незнания или безразличия. Более того, с течением времени общественный интерес к конкретным проблемам может усиливаться или угасать. Например, около века назад, во время движения женщин за право голоса, в США был высок интерес к социальному положению американок, однако после 1920 г., когда женщины получили это право, он снизился. Начавшаяся в 1960-е гг. вторая волна феминизма снова привела к образованию общественности, имеющей выраженное отношение к гендерным вопросам.

Не стоит забывать, что не все такие суждения одинаково значимы. Некоторые категории людей имеют большее влияние, поскольку лучше образованны, богаче или более осведомлены в сути предмета обсуждения. Как показано в главе 16,

¹ То есть тех, кто входит в сообщество в отличие от «аутсайдеров». — *Примеч. науч. ред.*

² Около 7% граждан США оплачивают услуги Государственной службы радиовещания (*Public Broadcasting System, PBS*). Как показано на карте, люди, поддерживающие *PBS*, сконцентрированы в ряде регионов страны. Как вы думаете, чем объясняется этот феномен?

Карта США 20.1. Поддержка Государственной службы радиовещания в США. Источник: Time (January 16, 1995)

государственную политику в США определяет ряд групп заинтересованных людей, составляющих малую часть населения. В качестве примера таковых можно назвать врачей, которые оказывают сильное влияние на политику США в области здравоохранения, а также членов Национальной ассоциации работников просвещения, определяющих политику в сфере образования.

Группы заинтересованных лиц и политические лидеры пытаются влиять на общественные вкусы и установки, пользуясь средствами пропаганды (*информация, предъявляемая для формирования общественного мнения*). Хотя этот термин имеет негативный оттенок, пропаганда не всегда связана с обманом. Между ней и информацией существует одно тонкое различие, обусловленное главным образом намерениями человека. *Информация* предоставляется для просвещения людей; *пропаганда* — чтобы склонить аудиторию к определенной точке зрения. Политические выступления, коммерческая реклама и даже некоторые лекции в колледжах являются пропагандистскими, поскольку их цель — настроить людей на определенные мысли или действия.

Паника и массовая истерия

Паника — это локализованное коллективное поведение, иррациональная, безумная и часто саморазрушительная реакция людей на угрозу или иной стимул. Классический пример — люди, бегущие к выходам из заполненного театра после крика: «Пожар!» При этом они толкают друг друга и блокируют проходы, в результате чего спастись удается немногим.

К панике близка **массовая истерия**, или **моральная паника** (разновидность расфокусированного коллективного поведения, реакция людей на реальное или воображенное событие в форме иррационального и даже безумного страха). Вне зависимости от того, насколько реальными оказываются причины истерии, множество людей воспринимают их совершенно серьезно.

Подчас ее вызывает общая культура. В истерии превращались страх перед СПИДом (или зараженными этим вирусом), случаи с пропавшими детьми (число которых значительно возросло в 1980-е гг.), появление непристойных материалов в интернете (т. е. порнографии, свободно доступной детям) и вопросы политкорректности (либеральная точка зрения, которая якобы доминирует в образовательных учреждениях и СМИ).

Примеры показывают, что реальная опасность в таких случаях сомнительна. Почему же эти проблемы столь широко распространены? Как сказал Эрик Гуд (Goode, 2000), «СМИ *благодействуют* в атмосфере страха; содействие моральной панике — это их капиталовложения». Итак, не совсем обоснованному страху людей способствует информация, которую они узнают в СМИ (Glassner, 1999).

Массовая истерия может быть вызвана тем же событием, которое в худшем случае повергает людей в хаотическое бегство. Конечно, люди, которые видят окружающих, объятых ужасом, сами пугаются, так что истерия только нарастает. Это случилось и в начале террористической атаки утром 11 сентября 2001 г. Американцы стали свидетелями бесчисленных актов героизма, но и панические настроения распространялись мгновенно, особенно после падения самолета на Пентагон в Вашингтоне. Через 1,5 часа после катастрофы были отданы приказы об

эвакуации, и улицы города оказались переполнены автомобилями — люди пытались выехать за его пределы. Однако основные мосты оказались перекрыты, что вскоре привело к огромным пробкам. Люди чувствовали, что над ними нависла опасность, они не могут найти выхода, а это еще более усилило страх. Никто не знал, как события будут развиваться дальше, поэтому повсюду циркулировали слухи о том, что следует ожидать новых атак, и даже о том, что вода в городе отравлена (Gibbs, 2001).

Мода и увлечения

Еще два вида коллективного поведения — следование моде и увлечения — связаны с участием людей, которые проживают в разных местах. **Мода** — *социальный образец, одобряемый большим числом людей*. Иногда она существует годами, порой изменяется через несколько месяцев. Искусство (включая живопись, музыку, театр и литературу), архитектура, автомобили, одежда, язык и общественное мнение — все это трансформируется по мере того, как определенные идеи входят в моду и выходят из нее.

Лин Лофланд (Lofland, 1973) утверждает, что в доиндустриальных обществах одежда и внешний вид человека соответствуют традиционному *стилю*, почти не изменяющемуся. Женщины и мужчины, богатые и бедняки, юристы и плотники предпочитают различные прически и стили одежды, указывающие на их профессию и социальное положение.

Однако в индустриальных обществах стиль подчиняется изменчивой моде. Современные люди меньше заботятся о традициях и часто с готовностью принимают новый образ жизни. Кроме того, высокая социальная мобильность подразумевает,

Поскольку изменения в странах с высоким уровнем доходов происходят стремительно, внешний вид людей — важная составляющая моды — также меняется в течение непродолжительного периода времени. На 6 фотографиях (слева направо, сверху вниз) изображены женские прически, популярные в 1950-е, 1960-е, 1970-е, 1980-е, 1990-е и 2000-е гг.

что человек заявляет о себе своим собственным видом. Немецкий социолог Георг Зиммель (Simmel, 1971, первое изд. — 1904) писал, что в качестве законодателей моды обычно выступают богачи, потому что именно на них обращено внимание общества и у них есть деньги на приобретение предметов роскоши. Или, как сказал американский социолог Торстейн Веблен (Veblen, 1953, orig. 1899), мода связана с *расточительным потреблением*, когда люди покупают дорогие вещи (от воды в бутылках до автомобилей *Range Rover*), чтобы похвастаться своим богатством.

Люди, желающие казаться богатыми, часто раскупают менее дорогие копии того, что стало модным усилиями богачей. Так мода распространяется вниз по классовой лестнице. Однако когда слишком много обыкновенных людей начинают выглядеть одинаково, она теряет свой престиж, и богатые обращаются к чему-нибудь новому. Другими словами, мода зарождается на 5-х авеню и Родео Драйв, но массовую популярность приобретает только в магазинах уцененных товаров по всей стране.

С 1960-х гг. можно наблюдать обратный феномен, когда богатые подражают моде людей более низкого социального положения. Впервые он проявился в том, что состоятельные студенты колледжей стали покупать синие джинсы, или «дунгари» (так на языке хинди называется грубая ткань). Десятилетиями эту одежду носили рабочие, однако в эпоху движений за гражданские права и антивоенных акций джинсы стали униформой либеральных политических активистов и вскоре приобрели популярность в студенческих городках всей Америки. В настоящее время подобная история происходит с брюками, у которых есть накладные карманы, и с другими деталями культуры хип-хопа: даже самые богатые предприниматели и знаменитости подражают этому стилю гораздо менее состоятельных людей.

Увлечение — *нетрадиционный социальный образец, который люди принимают на короткий промежуток времени*. Увлечение, называемое иногда *манией*, распространено в обществах с высоким уровнем доходов, где многие достаточно богаты, чтобы тратить деньги на забавные, а иногда и бесполезные вещи. В 1950-е гг. два молодых предпринимателя из Калифорнии стали продавать цветной пластиковый вариант популярной австралийской игрушки, — обруч 3 футов в диаметре, который можно было вращать вокруг талии. «Хулахупы» почти сразу же стали общенациональной манией, однако меньше чем через год они вышли из обихода.

Совсем недавно среди детей распространилось увлечение собирать изображения покемонов. Однако популярность тех уже спадает, свидетельствуя, что увлечения периодически становятся частью нашей культуры, а затем сходят на нет (Aguirre, Quarantelli, & Mendoza, 1988).

Чем увлечения отличаются от следования моде? Первые полностью захватывают массовое воображение, но в скором времени исчезают. Мода напротив, отражает базовые культурные ценности — например, индивидуальность и сексуальную привлекательность — и развивается со временем. Следовательно, мода инкорпорируется в культуру общества. Скажем, появление обнаженным в общественном месте — мимолетная прихоть, источники которой опознать не удастся, а вот мода на синие джинсы появилась в горах Калифорнии во время золотой лихорадки более века назад и все еще влияет на дизайн одежды. Такое постоянство объясняет, почему нам нравится, когда нас называют «модными», но огорчаемся, когда нам указывают на наши прихоти (Blumer, 1968; Turner & Killian, 1993).

Социальные движения

Социальным движением называют *организованную деятельность, которая поощряет изменение в обществе или препятствует ему*. Оно, возможно, представляет собой наиболее важный тип коллективного поведения, потому что отличается осознанной организацией и часто продолжительное время сказывается на обществе.

Теперь социальные движения отмечаются чаще, чем ранее. Редкость таковых в доиндустриальную эпоху объясняется существованием жестких традиций. Индустриальные и постиндустриальные общества состоят из различных суб- и контркультур, а это способствует возникновению социальных движений по многим общественным вопросам. Например, в последние десятилетия борьба за права сексуальных меньшинств привела к корректировке законодательства многих городов и нескольких штатов, отмене дискриминации по признаку сексуальной ориентации и официальному разрешению браков между гомосексуалистами, лесбиянками. Как и любое социальное движение, направленное на изменение общества, это вызвало и обратное явление: часть людей, придерживающихся традиционных взглядов и желающих ограничить социальное признание гомосексуализма, также объединились. В современном обществе почти все важные вопросы порождают социальное движение, участники которого приветствуют изменения, и контрдвижение (его активисты сопротивляются переменам) (Lo, 1982; Meyer & Staggenborg, 1996).

Типы социальных движений

Социологи классифицируют социальные движения по двум переменным (Aberle, 1966; Cameron, 1966; Blumer, 1969). Одна отражена вопросом: «На кого направлено изменение?» Некоторые виды движений касаются отдельной категории людей, а другие затрагивают все общество. Вторая связана с вопросом: «Какова степень изменения?» Некоторые движения ратуют за ограниченное изменение общественной жизни, иные же более радикальны. Комбинация таких переменных дает четыре типа социальных движений, как показано на рис. 20.1.

Альтернативные социальные движения менее всего угрожают существующему положению, поскольку приветствуют лишь определенные изменения части людей. В качестве примера можно привести движение «Верные слову», которое убеждает мужчин быть более духовными и внимательными к своим семьям.

		Какова степень изменения?	
		Ограниченное	Радикальное
На кого направлено изменение?	На отдельных людей	Альтернативное социальное движение	Исправительное социальное движение
	На всех людей	Реформистское социальное движение	Революционное социальное движение

Рис. 20.1. Четыре типа социальных движений.
Источник: Aberle, 1966

Исправительные социальные движения также избирательны, однако предусматривают радикальные перемены в жизни участников. Примером служит общество Анонимных алкоголиков, помогающее своим членам обрести трезвый образ жизни.

Реформистские социальные движения направлены на ограниченные социальные корректировки, касающиеся всех людей. Так, образовательное и политическое движение за культурное многообразие, описанное в главе 3 («Культура»), отстаивает социальное равенство людей всех рас и национальностей. Реформистские социальные движения обычно действуют в рамках существующей политической системы. Некоторые из них *прогрессивные* (способствуют внедрению новых социальных образцов), а другие *реакционные* (контрдвижения, направленные на сохранение статус-кво или возрождение социальных образцов прошлого). Например, одни пытаются достичь расового равенства, а другие — сохранить историческое господство белых людей.

Революционное социальное движение — самая крайняя форма; его сторонники добиваются коренного изменения основ всего общества. Преследуя иногда конкретные цели, иногда утопические мечты, его приверженцы отвергают установленные социальные институты как ущербные и предлагают радикально новые варианты. Например, и левые члены коммунистической партии (поддерживающие государственное управление экономикой), и правые сторонники гражданской милиции (выступающие за уничтожение «влиятельного правительства») добиваются радикального изменения нашего образа жизни.

Объяснение социальных движений

Социальные движения порождаются определенными намерениями, сохраняются в течение довольно долгого времени, поэтому социологи считают, что этот тип коллективного поведения легче понять, чем поведение черни или случаи массовой истерии. Существует несколько теорий социальных движений.

Теория депривации. Согласно *теории депривации*, социальные движения зарождаются среди людей, которые испытывают какие-либо лишения. Скажем, направленное на достижение справедливости могут организовать те, кто считает свой доход недостаточным или работает в опасных условиях, а также чувствует себя ущемленным в политических правах или оскорбленным (Morrison, 1978; Rose, 1982).

Теорию депривации иллюстрируют события, произошедшие в южных штатах после окончания гражданской войны: ку-клукс-клан и принятие по инициативе белых людей «законов Джима Кроу», направленных на усиление сегрегации. С окончанием рабства белые потеряли источник бесплатной рабочей силы и социальное превосходство над афроамериканцами. Многие отреагировали на это чувство депривации попытками удержать всех людей других рас «на своем месте» (Dollard et al., 1939). Афроамериканцы, конечно, испытывали до этого гораздо более сильную депривацию, но рабство не позволяло им организовать свои действия. Однако в XX в. они создали движение за расовое равенство.

Как показано в главе 7, депривация — относительное понятие. Вне зависимости от степени богатства и власти люди воспринимают свое положение, сравнивая его с имеющимся у других категорий. Поэтому социологи используют понятие *относительной депривации* (*воспринимаемое как невыгодное положение, которое порождено конкретным сравнением*) (Stouffer et al., 1949; Merton, 1968).

Более века назад Алексис де Токвиль (Tocqueville, 1955, 1-е изд. — 1856) изучал французскую революцию. Почему, спрашивал он, восстание произошло в прогрессивной Франции, а не в Германии с ее более традиционным укладом, где положение крестьян по всем объективным критериям было еще хуже? Ответ Токвиля заключался в том, что каким бы плохим ни было положение немецких крестьян, они не знали ничего, кроме феодальной неволи, и, таким образом, не имели основания испытывать чувство депривации. Французские же крестьяне почувствовали улучшение своей жизни, которое возбудило их ожидания. Поэтому именно они испытывали острую депривацию. Парадокс, по мнению Токвиля, состоял в том, что свобода и рост благосостояния не столько удовлетворили людей, сколько вызвали у них желание добиться лучшей жизни (Tocqueville, 1955, orig. 1856).

Идеи Токвиля помогают понять характер бунтов, произошедших в 1960-е гг. Акции протеста афроамериканцев начались не на Юге, где многие чернокожие жили в отчаянной нищете и где большинство из них даже не были внесены в списки для голосования, а в Детройте, где отмечался бум автомобильной промышленности, безработица в среде афроамериканцев была низкой, а относительное число чернокожих, имевших собственные дома, — самым высоким в стране (Thernstrom & Thernstrom, 1998).

Джеймс К. Дэвис (Davies, 1962) соглашается с тем, что с улучшением жизни люди начинают воспринимать это как должное и ожидают еще большего. Но что происходит, когда рост жизненного уровня приостанавливается или вообще падает? Как показывает рис. 20.2, в этом случае возникает относительная депривация, создающая беспокойство и приводящая к формированию социальных движений, направленных на изменение ситуации.

Критическая оценка. Теория депривации оспаривает предположение, что чаще всего социальные движения организуют люди, чье положение наиболее отчаянное. Согласно данной теории, социальные движения организуются из-за *относительной* депривации. О важности последней при формировании социального движения говорили и Токвиль, и Маркс.

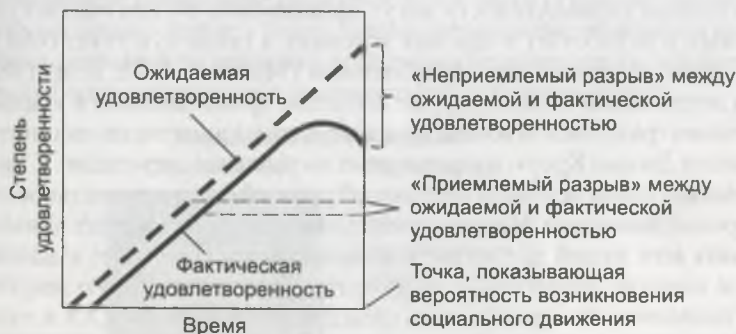

Рис. 20.2. Относительная депривация и социальные движения. *Источник:* Davies, 1962

На этом рисунке сплошная линия отражает рост жизненного уровня. Пунктирная характеризует ожидаемый жизненный уровень, который обычно несколько выше. Джеймс К. Дэвис описывает различие между этими двумя факторами как «приемлемый разрыв между тем, что люди хотят, и тем, что они имеют».

Однако если с ростом ожиданий жизненный уровень падает, разрыв становится неприемлемым.

В этот момент высока вероятность формирования социального движения

Однако большинство людей постоянно испытывают определенного рода неудовлетворенность, и тогда непонятно, почему одни люди создают социальные движения, а другие — нет. Вторая проблема теории депривации заключается в том, что возникает замкнутый круг: социальное движение формируется в результате депривации, но часто единственным ее показателем оказывается само социальное движение (Jenkins & Perrow, 1977). Третий недостаток этого подхода — сфокусированность исключительно на причинах появления социального движения, а не на нем самом (McAdam, McCarthy, & Zaid, 1988).

Теория массового общества. Согласно данной теории, предложенной Уильямом Корнхаузером (Kornhauser, 1959), общественные движения привлекают социально изолированных людей, у которых отсутствует чувство личной значимости. По мнению автора, такие движения возникают в обществах *масс*. Они и *политические*, но и *личностные*, поскольку позволяют людям, которые в противном случае просто плыли бы по течению, почувствовать свою значимость и принадлежность к группе (Melucci, 1989).

Следовательно, как пишет Корнхаузер, к участию в этих движениях наиболее склонны те категории людей, которые обладают слабыми социальными связями. И наоборот, люди, интегрированные в общество, редко становятся их участниками.

Как и Гюстав Лебон, взгляды которого описаны выше, Корнхаузер рассматривает социальные движения с консервативной точки зрения. Их активистами чаще всего становятся психологически уязвимые люди, с готовностью вступающие в группы и поддающиеся манипулированию со стороны лидеров. Корнхаузер полагает, что социальные движения редко бывают демократичными.

Критическая оценка. К чести Корнхаузера стоит сказать, что в своей теории он учитывает и тип общества, которое способствует формированию социальных движений, и особенности вступающих в них людей. Однако если мы попытаемся проверить его идею, то столкнемся с отсутствием точных стандартов, которые позволили бы оценить степень «массовости» общества.

Еще один аспект критики связан с тем, что, объясняя социальные движения потребностями людей в принадлежности к некоей группе, мы недооцениваем направленность на достижение социальной справедливости. Иначе говоря, теория массового общества утверждает, что социальные движения вызваны ущербными людьми, а не социальными изъятиями.

Подтверждают ли исследования данную теорию? На этот вопрос трудно дать определенный ответ. С одной стороны, показано, что социально изолированные люди не играли особой роли в нацистском движении в Германии (Lipset, 1963; Oberschall, 1973). Многие же участники городских бунтов в 1960-е гг. были связаны тесными узами со своими сообществами (Sears & McConahay, 1973). Данные показывают, что большинство молодых людей, вступающих в религиозные движения, также имеют нормальные отношения с членами своей семьи (Wright & Piper, 1986). Наконец, ученые, изучавшие биографии политических активистов 1960-х, не обнаружили признаков их изоляции от общества, а только глубокую и продолжительную преданность политическим целям (McAdam, 1988, 1989; Whalen & Flacks, 1989).

С другой стороны, исследование Франсис Пивен и Ричарда Кловарда (Piven & Cloward, 1977) подтверждает теорию массового общества. Пивен и Кловард об-

наружили, что разрушение обычных социальных образцов способствует формированию социальных движений в среде бедняков. Кроме того, изучая порядки в тюрьме штата Нью-Мексико, Берт Усим (Useem, 1985) обнаружил, что после приостановления тюремных программ, способствовавших формированию социальных связей между заключенными, те стали чаще проявлять недовольство своим положением.

Теория структурной напряженности. Одна из самых влиятельных концепций — *теория структурной напряженности* — была разработана Нейлом Смелзером (Smelser, 1962). Он определил 6 факторов, способствующих формированию социальных движений, а также предположил, какие типы ситуаций вызывают неорганизованные бунты или возмущения черни, а какие порождают высокоорганизованные социальные движения. Для иллюстрации теории Смелзера обратимся к демократическим движениям, полностью изменившим Восточную Европу в конце 1980-х гг.

1. **Фактор структурной обусловленности.** Социальное движение возникает в том случае, когда люди начинают думать, что в их обществе есть серьезные проблемы. В Восточной Европе такими проблемами оказались низкий жизненный уровень и политические репрессии, проводимые национальными правительствами.
2. **Структурная напряженность.** Люди начинают испытывать относительную депривацию, когда общество не отвечает их ожиданиям. Граждане стран Восточной Европы создали демократическое движение, зная, что их жизненный уровень гораздо ниже, чем в странах Запада, и совсем не соответствует ожиданиям, основанным на длительной социалистической пропаганде.
3. **Понимание проблемы.** Для возникновения хорошо организованного социального движения необходима ясная формулировка проблемы, понимание причин ее возникновения и путей решения. Если этого нет, то недовольство людей выльется, скорее всего, в бунт. Ключевую роль в демократическом движении, проявившемся в странах Восточной Европы, сыграли представители интеллигенции, указавшие на экономические и политические изъяны системы и предложившие стратегии демократизации общества.
4. **Факторы ускорения.** Неудовлетворенность зреет долгое время, коллективные действия порождаются только благодаря конкретному событию. В Восточной Европе оно произошло в 1985 г., когда в Советском Союзе к власти пришел Михаил Горбачев, начавший *перестройку*. Ослабление контроля со стороны Москвы жители стран Восточной Европы расценили как историческую возможность реорганизации политического и экономического существования и потребовали большей свободы.
5. **Мобилизация к действиям.** Как только степень обеспокоенности людей конкретным общественным вопросом становится очень высокой, они готовы действовать — распространять листовки, выходить на митинги протеста и образовывать альянсы с организациями, разделяющими их позицию. Первоначальный успех «Солидарности» в Польше, получавшей тайную помощь из США, от администрации Рейгана, и из Ватикана, от папы римского Иоанна Павла II, мобилизовал жителей всей Восточной Европы, потребовавших перемен. С усилением реформистского движения скорость происходящих

преобразований повышалась: то, что в Польше было достигнуто за десятилетие, в Венгрии потребовало нескольких месяцев, а в ряде других стран — всего лишь нескольких недель.

6. **Недостаточный социальный контроль.** Успех любого социального движения в значительной мере зависит от реакции политических чиновников, полиции и армии. Иногда государство решительно подавляет всякое социальное движение, как это произошло с демократическими силами в Китае. Однако Горбачев принял политику невмешательства во внутренние дела стран Восточной Европы, позволив изменить положение вещей. По иронии судьбы, волнение, начавшееся в этих государствах, вскоре распространилось на сам Советский Союз, что положило конец историческому господству коммунистической партии и привело к образованию в 1992 г. нового политического союза.

Критическая оценка. Анализ Смелзера отражает сложность социальных движений и показывает, как различные факторы способствуют их развитию или подавляют его. Теория структурной напряженности также объясняет, почему люди реагируют на проблемы либо созданием организованных социальных движений, либо спонтанным бунтом.

Однако теория Смелзера порождает тот же замкнутый круг, что и анализ Корнхаузера. Социальное движение, утверждает автор, вызвано напряженностью, но единственное ее основание, по-видимому, заключено в самом социальном движении. Наконец, теория структурной напряженности неполна: в ней не отражена зависимость результатов социального движения от позиции СМИ и международной поддержки (Oberschall, 1973; Jenkins & Perrow, 1977; McCarthy & Zaid, 1977; Olzak & West, 1991).

Теория мобилизации ресурсов. *Теория мобилизации ресурсов* указывает на то, что никакое социальное движение не увенчается успехом — и даже не сможет состояться как таковое, если отсутствуют необходимые ресурсы — деньги, труд людей, помещения и коммуникация, доступ к СМИ и позитивный общественный образ. Иными словами, успех любого социального движения зависит от способности его участников привлекать ресурсы, мобилизовать людей и заключать альянсы. Так, китайские студенты, ставшие главной движущей силой демократических выступлений в этой стране (1989 г.), были сгруппированы в пекинских студенческих городках, что позволило им создавать надлежащую коммуникацию и привлекать в свои ряды новых членов (Zhao, 1998). Или, например, полякам и другим народам Восточной Европы, чтобы противостоять социалистической системе, нужны были факсы, ксероксы, телекоммуникационное оборудование, деньги и моральная поддержка, какие и предоставили другие страны. В последние годы чрезвычайно важным ресурсом стал Интернет, позволяющий организациям объединять десятки тысяч людей из всех частей США и привлекать большое число демонстрантов на митинги протеста в Вашингтон или другие города, например в Сиэтл.

Согласно теории мобилизации ресурсов, аутсайдеры могут оказывать не менее важное влияние на результат общественного движения, чем инсайдеры. Поскольку у людей, находящихся в невыгодном социальном положении, по определению нет денег, связей, навыков лидерства и организационных ноу-хау, необходимых для успеха разворачивающегося движения, эту нехватку ресурсов восполняют сим-

патизирующие движению аутсайдеры. В истории США огромную роль в борьбе чернокожих за гражданские права (1960-е гг.) сыграли состоятельные белые люди, в том числе студенты колледжей, а одними из лидеров современного женского движения являются богатые мужчины (Snow, Zurcher & Ekland-Olson, 1980; Killian, 1984; Snow et al., 1986; Baron, Mittman & Newman, 1991; Burstein, 1991; Meyer & Whittier, 1994; Valocchi, 1996).

И наоборот, отсутствие ресурсов ограничивает возможность изменений. В качестве примера можно привести историю эпидемии СПИДа. На первых порах, в начале 1980-х гг., правительство уделяло мало внимания росту заболеваемости, вследствие чего ответственность за лечение и образовательные программы ложилась на сообщества гомосексуалистов Сан-Франциско, Нью-Йорка и других городов. Постепенно, по мере того как все большее число людей стали осознавать важность проблемы, давление общественности заставило органы власти всех уровней выделять больше ресурсов на исследование, лечение СПИДа и соответствующие образовательные программы. Особенно важную роль в этом движении сыграли представители голливудской индустрии развлечений: их деньги, популярность и престиж значительно способствовали преобразованию только зарождающегося социального движения в хорошо организованную, глобальную коалицию политических лидеров и специалистов в сфере образования и здравоохранения.

Критическая оценка. Теория мобилизации ресурсов отражает тот факт, что для успешной реализации социального движения важны два условия — наличие ресурсов и неудовлетворенность людей. Исследования подтверждают принципиальную значимость создания альянсов, открывающих доступ к требуемым ресурсам, и свидетельствуют, что участвующие в движениях, которые плохо подкреплены ресурсами, могут от отчаяния прибегать к насилию, таким образом пытаясь привлечь внимание к проблеме (Grant & Wallace, 1991).

Критики данной теории утверждают, что даже те слои населения, влияние которых незначительно, способны настоять на изменениях, если сумеют эффективно организовать и заручиться поддержкой преданных членов (Donnelly & Majka, 1998). Исследование, проведенное Алдоном Моррисом (Morris, 1981), показывает, что люди не белой расы, бывшие участниками движения за гражданские права 1950-х и 1960-х гг., опирались преимущественно на свои навыки и ресурсы.

Второй недостаток этой теории заключается в том, что она преувеличивает стремление влиятельных людей к изменению существующего положения. Действительно, некоторые белые богачи помогли движению чернокожих за гражданские права, однако чаще всего элита относится к существенным переменам с безразличием или сопротивляется им (McAdam, 1982, 1983; Pichardo, 1995).

В целом успех или неудача социального движения определяется политической борьбой. Наличие сильной, объединенной власти, а также другое движение, противодействующее этому, снижают вероятность его успеха; если правящие круги разобщены, движение имеет больше шансов добиться цели.

Культурная теория. В последние годы социологи поняли, что социальные движения зависят не только от материальных ресурсов и структуры политической власти, но и от культурных символов. То есть в каждой конкретной ситуации степень мобилизации людей при формировании социального движения чаще всего зависит

Одно из новых социальных движений заключается в усилиях людей всего мира запретить использование противопехотных мин. На протяжении долгих лет после окончания военных действий такие мины собирают ужасную дань с гражданских лиц. Эта гора обуви, находящаяся в Берлине, Германия, представляет собой памятник десяткам тысяч искалеченных или погибших в результате взрывов противопехотных мин

от «общности их представлений о мире, которые придают легитимность коллективным действиям и побуждают их» (McAdam, McCarthy & Zald, 1996, p. 6).

Как показывает теория депривации, мобилизация зависит, в частности, от чувства несправедливости. Кроме того, люди должны считать, что они не способны эффективно справиться с ситуацией, действуя по отдельности. Наконец, социальное движение усиливается, когда люди разрабатывают символы и когда возникает ощущение общности, что приводит к сильным чувствам и направляет эмоциональную энергию в организованные действия. Например, антивоенному движению способствовали публикации в СМИ фотографий детей, искалеченных бомбежками во время вьетнамской войны. Так, рассказ в СМИ об атаке на Всемирный торговый центр в 2001 г. (это место позднее стали называть просто *ground zero*¹) содействовал общественной поддержке военной операции против террористов в Афганистане (Morris & Mueller, 1992; Giugni, 1998; Staggenborg, 1998; Gibbs, 2001).

Критическая оценка. Данный подход напоминает нам, что в основе социальных движений лежат не только материальные ресурсы, но и культурные символы. В то же время наиболее действенные из последних (например, флаг, патриотическая и гражданская идеи) помогают поддерживать существующее положение. Вопросы о том, как и когда символы заставляют людей отворачиваться от системы и протестовать против нее, заслуживают дальнейшего исследования.

Теория новых социальных движений. Самый современный теоретический подход к социальным движениям отражает их изменчивый характер. Согласно *теории новых социальных движений*, подчеркиваются отличительные особенности тех движений, которые зародились в постиндустриальных обществах Северной Америки и Западной Европы (Melucci, 1980; McAdam, McCarthy, & Zaid, 1988; Kriesi, 1989; Pakulski, 1993).

¹ *Ground zero* (англ.) — эпицентр атомного взрыва.

Теории социальных движений: резюме

Теория депривации	Социальное движение формируют люди, испытывающие относительную депривацию. Оно представляет собой средство достижения изменений, которые улучшат положение сторонников этого движения. Это движение формируется в том случае, когда не оправдываются растущие ожидания людей
Теория массового общества	Социальные движения поддерживают люди, обладающие слабыми социальными связями. Они чаще всего формируются в периоды общественного кризиса. Дают активистам чувство принадлежности к группе и социального участия
Теория структурной напряженности	Людей объединяет беспокойство по поводу неправильного, по их мнению, устройства общества. Развитие социального движения зависит от многих факторов, в том числе от убежденности в его легитимности и от некоторого ускоряющего события, которое провоцирует действия
Теория мобилизации ресурсов	Люди могут участвовать в социальном движении по всем тем причинам, что описаны выше, а также из-за социальной привязанности к его активистам. Однако результат социального движения в значительной мере зависит от имеющихся ресурсов. Кроме того, важна степень оппозиции в остальном обществе
Культурная теория	Людей привлекают в социальное движение культурные символы, определяющие ту или иную причину как оправданную. Само по себе движение обычно становится символом власти и справедливости
Теория новых социальных движений	Люди, вступающие в социальные движения, задаются вопросами о качестве жизни, и не столько экономического характера. Для движений характерен государственный или международный масштаб. Новым социальным движениям способствует глобализация СМИ и появившихся не столь давно информационных технологий

Во-первых, большинство из них интернациональные; посвящены вопросам глобальной экологии, социального положения женщин и гомосексуалистов, прав животных и терроризма. С усилением процесса глобализации, связывающего между собой страны всего мира, и социальные движения становятся глобальными.

Во-вторых, если традиционные социальные движения, например профсоюзное, вращались главным образом вокруг экономических проблем, новые фокусируются на культурных изменениях и улучшении социального и физического окружения. Например, международное движение в защиту окружающей среды направлено на запрещение действий, вызывающих глобальное потепление и другие экологические проблемы.

В-третьих, большинство социальных движений прошлого опирались на поддержку со стороны рабочего класса, а современные, ставящие в центр внимания неэкономические проблемы, обычно находят поддержку у среднего класса и верхнего его слоя. Это обусловлено тем, что богатые люди склонны к большему консерватизму в экономических вопросах (стремясь защитить свое положение) и либеральнее в социальных (благодаря лучшему образованию) (см. главу 16). Более того, в США

и других странах с высоким уровнем доходов увеличивается число высокообразованных профессионалов — людей, сильнее всего поддерживающих новые социальные движения, а это позволяет предположить, что нас ожидает дальнейшее развитие таковых (Jenkins & Wallace, 1996; Rose, 1997).

Критическая оценка. Одно очевидное достоинство данной теории заключается в том, что она отражает расширение спектра социальных движений, оказывающихся реакцией на глобализацию экономики и укрепление международных политических связей. Эта теория также подчеркивает важную роль СМИ и новых информационных технологий, помогающих объединить людей всего мира в достижении общих политических целей.

Однако критики утверждают, что данный подход преувеличивает различия между социальными движениями прошлого и настоящего. Например, женщин сейчас беспокоят во многом те же проблемы — условия труда и его оплата, которыми профсоюзы занимаются уже много десятилетий. Выступающие же против усиления власти ВТО (см. вступление к главе) считают своей главной целью экономическое равенство стран всего мира.

Каждая из пяти теорий лишь отчасти объясняет причины социальных движений; никакая из них не дает исчерпывающего ответа (Kowalewski & Porter, 1992). Основные их положения приведены в табл. 20.1.

Гендер и социальные движения

Гендер играет значительную роль в социальных движениях. Согласно традиционным для США представлениям, мужчины принимают большее участие в общественной жизни, в том числе чаще возглавляют социальные движения.

Исследуя *Freedom Summer* («Лето свободы») — проект регистрации голосующих в штате Миссисипи 1964 г., — Даг Мак-Адам (McAdam, 1992) обнаружил, что, по мнению большинства людей, регистрация афроамериканцев на фоне враждебного к этому отношения со стороны белых была опасной и, следовательно, «мужской» работой, не пригодной для женщин. Он также обнаружил, что лидеры проекта с большей готовностью назначали женщин-добровольцев на канцелярские и организаторские должности, оставляя основную деятельность мужчинам. На это никак не мог повлиять даже тот фактор, что женщины, включенные в проект «Лето свободы», имели большой стаж участия в движениях и деятельности в организациях. Мак-Адам пришел к выводу, что только наиболее преданные делу сторонницы могли преодолеть гендерные барьеры, присущие данному движению.

Хотя женщины играли и играют ведущие роли во многих социальных движениях (включая аболиционистское и феминистское движения в США), господство мужчин остается нормой даже в тех движениях, которые противостоят существующему положению (Herda-Rapp, 1998).

Стадии социальных движений

Несмотря на различия в социальных движениях, все они развиваются примерно одинаково, как показано на рис. 20.3. Обычно ученые выделяют четыре стадии (Blumer, 1969; Mauss, 1975; Tilly, 1978).

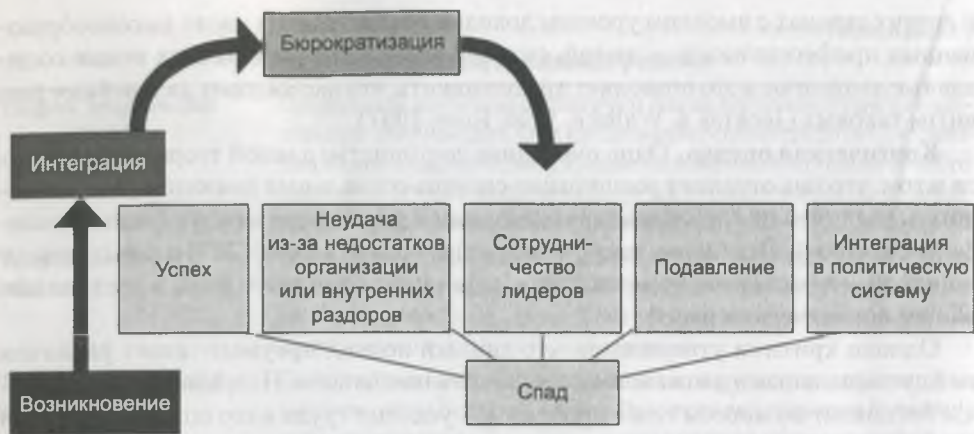

Рис. 20.3. Стадии развития социальных движений

Стадия 1: возникновение. Социальные движения направляются восприятием ситуации как неблагоприятной. Некоторые из них (например, за гражданские права и женское движение) возникли в результате нарастания массовой неудовлетворенности. Другие появляются, когда небольшая передовая группа расширяет осведомленность общества по тому или иному вопросу. Например, активисты гомосексуалистов сначала вызвали общественную озабоченность по поводу проблемы СПИДа.

Стадия 2: интеграция. После возникновения социального движения лидеры должны определить его и разработать стратегию его превращения в массовое. Им необходимо разработать политику и тактику, очертить моральные границы и набрать новых членов. На этом этапе активисты движения могут участвовать в коллективных действиях — например митингах или демонстрациях, чтобы привлечь внимание СМИ и, следовательно, общества. Для получения необходимых ресурсов лидеры движения заключают союзы с другими организациями.

Стадия 3: бюрократизация. Чтобы стать политической силой, социальное движение должно принять бюрократические черты, описанные в главе 7. Таким образом, когда оно становится организованным, его зависимость от харизмы и талантов нескольких лидеров уменьшается, а от квалифицированного персонала — усиливается. Если социальное движение не претерпевает бюрократизации, оно рискует распасться. Например, многие организации активистов из студенческих городков в конце 1960-х «питались энергией» единственного харизматического лидера и впоследствии не смогли долго просуществовать. Напротив, несмотря на меняющееся руководство, Национальная организация женщин имеет развитый аппарат, и можно считать, что она выступает от лица сторонников феминизма.

Однако даже в этом случае бюрократизация иногда препятствует социальному движению. Как обнаружили Франсис Пивен и Ричард Кловард (Piven & Cloward, 1977), изучая социальные движения в истории США, иногда лидеры настолько увлекаются созданием организации, что забывают поддерживать в людях желание изменений. В таких случаях радикальные настроения исчезают.

Стадия 4: спад. В конечном счете большинство социальных движений начинают угасать. Фредерик Миллер (Miller, 1983) указывает четыре причины этого явления.

Во-первых, если участники достигли своих целей, спад указывает на успех. Например, движение женщин за избирательное право прекратилось после того, как это право было им предоставлено. Однако такие очевидные успехи редки, потому что немногие социальные движения имеют единственную цель. Чаще всего одна победа приводит к новым кампаниям. Гендерные проблемы вовсе не ограничиваются правом голоса, поэтому движение женщин спустя некоторое время возродилось.

Во-вторых, движение может прекратить свое существование из-за организационных факторов, к которым относят плохое руководство, потерю интереса у сторонников, недостаточное финансирование или подавление властями. Некоторые люди теряют интерес к движению, когда первоначальный порыв сменяется рутинной работой. Еще одна частая проблема — раздробленность из-за внутренних конфликтов, касающихся целей и стратегий. Например, движение «Студенты за демократическое общество», активисты которого добивались участия в управлении государством и прекращения войны во Вьетнаме, распалось в конце 1960-х гг. на несколько небольших фракций в результате разногласий, касающихся стратегии достижения социальных изменений.

В-третьих, социальное движение может завершиться, если власть заставит лидеров отказаться от преследуемых ими целей, предложив деньги, престижное положение и другие вознаграждения. Как показано в главе 7, «продажность» — один из аспектов железного закона олигархии. То есть лидеры организаций могут использовать свою позицию в целях обогащения. Например, Вернон Джордан, возглавлявший Национальную городскую лигу, стал советником президента Клинтона, богатым и влиятельным вашингтонским «инсайдером». Однако этот процесс имеет и обратное направление: некоторые люди оставляют выгодные, престижные должности и становятся активистами социальных движений. Кэт Стивенс, рок-звезда 1970-х гг., стал мусульманином, взял себе имя Юсуф Ислам и посвятил себя в последние десятилетия распространению этой религии.

Наконец, социальное движение может быть подавлено. Власть способна запугать его участников, создать препятствия привлечению новых членов и даже лишить лидеров свободы. В целом, чем более революционные цели преследует социальное движение, тем усерднее власти пытаются его подавить. До 1990 г. правительство ЮАР преследовало Африканский национальный конгресс (АНК), политическую организацию, выступавшую против государственной политики апартеида. Даже подозрение в сотрудничестве с АНК служило достаточным основанием для лишения человека свободы. В 1990 г. давние ограничения были сняты, а лидер АНК Нельсон Мандела выпущен из тюрьмы; в 1994 г. граждане ЮАР избрали Манделу президентом и начали избавляться от наследия апартеида.

Еще одна (не отмеченная Миллером) причина прекращения активности социального движения заключается в его интеграции в существующую политическую систему. Некоторые движения (обычно после того, как власть осознает их цели) становятся частью системы, более не выступая против существующего положения. Например, стало общепризнанным рабочее движение США; его лидеры контролируют значительные суммы денег и, по мнению некоторых критиков, уже ближе к магнатам бизнеса, которым они противостояли в прошлом, чем к рядовым трудящимся.

Социальные движения и социальные изменения

Роль социальных движений состоит в стимулировании (или подавлении) изменений общества. И какими бы ни были их намерения, успех непостоянен. Несомненно, движение за гражданские права подтолкнуло к достижению в США расового равенства, несмотря на оппозицию ряда иных движений, которые организовали белые (например, *Aryan Nations* («Арийская нация») и ответвления ку-клукс-клана).

Иногда мы забываем об успехах социальных движений прошлого и принимаем как должное изменения, за которые раньше боролись другие люди. Около 100 лет назад в результате возмущения американских рабочих был запрещен детский фабричный труд, ограничена продолжительность трудового дня, повышена безопасность условий работы, а трудящиеся получили право влиять на политику компании. Законы по защите окружающей среды — еще один итог удачных социальных движений XX в. Усилия предшествующих поколений женщин также привели к тому, что наши современницы получили многие права и экономические возможности.

С одной стороны, крупные социальные преобразования — индустриальная революция и установление системы капитализма — способствуют возникновению множества движений, в которых участвуют рабочие и женщины. С другой стороны, усилия как этих групп населения, так и расовых, этнических меньшинств и гомосексуалистов приводят к переменам в обществе. Иными словами, последние — это и причины, и следствия социальных движений.

Взгляд в будущее: социальные движения в XXI веке

Начиная с беспокойных 1960-х гг., отмеченных широким распространением социального протеста, в американском обществе возникает немало различных движений. Иногда напряженность выливается в насилие; например, так происходило при столкновениях демонстрантов с полицией во время съездов мировых лидеров в Сиэтле (1999 г.), Вашингтоне (2000 г.) и Стокгольме (2001 г.). В других случаях борьба носит более сдержанный характер, например во время политических дебатов в конгрессе между демократами, поддерживающими создание более широких «сетей социальной безопасности», и республиканцами, противостоящими «разрастанию государственного влияния». Однако все понимают, что перед Соединенными Штатами стоит множество неотложных проблем, в том числе бедность в средних школах, расовая напряженность, огромные затраты на политические кампании и отсутствие медицинской страховки у десятков миллионов людей. Конечно, люди видят проблемы по-разному и придерживаются различных политических методов их решения. Вообще, социальные движения и поднимаемые ими проблемы всегда имеют *политический* характер (Macionis, 2002).

Социальные движения всегда характеризовали американское общество, и мало кто сомневается, что они сохранятся и в XXI в. Более того, существуют по крайней мере три причины, по которым их масштаб увеличится. Во-первых, проявлениям протеста способствует растущее политическое влияние женщин, афроамериканцев и других исторически обделенных категорий. Во-вторых, глобальное развитие информационных технологий позволяет людям, имеющим доступ к кабельному или спутниковому телевидению и персональному компьютеру, находиться в курсе

политических событий. В-третьих, благодаря новым технологиям и глобализации экономики социальные движения объединяют людей всего мира. Да и многие проблемы имеют глобальный масштаб, поэтому только международное сотрудничество может привести к их решению.

Резюме

1. Коллективное поведение отличается от группового тем, что оно подразумевает ограниченное социальное взаимодействие, неясные социальные границы, а также слабые и часто не связанные с традицией нормы.
2. Поведение толпы (важный тип коллективных действий) принимает различные формы, поэтому говорят о случайной, конвенциональной, экспрессивной и протестующей толпе.
3. Толпы людей, которых отличает высокий эмоциональный накал, способны предпринять насильственные действия. Это поведение черни или бунт. Чернь преследует конкретную цель; разрушительные акции во время бунтов не имеют таковой.
4. На протяжении всей истории действия толпы приводили к социальным переменам, однако они зависят от политических взглядов человека.
5. Сторонники теории заражения считают толпу анонимной, подающейся внушению и нарастанию эмоций. Теория конвергенции связывает ее поведение с личностными особенностями людей, которые ее составляют. Согласно теории возникающих норм, толпы вырабатывают собственные нормы поведения.
6. Одной из форм массового поведения оказывается распространение слухов, что процветает в атмосфере неопределенности. Если слухи связаны с общественными вопросами, сплетни касаются личной жизни человека.
7. Общественное мнение складывается из позиций людей по важным спорным вопросам. Со временем установки общества изменяются; но всегда существует небольшое количество людей, которые не имеют никакого мнения относительно той или иной проблемы.
8. Паника (локальное явление) и массовая истерия (захватывающая все общество) — это типы коллективного поведения; реакция людей на реальные или кажущиеся значимыми события иррациональным, безумным и часто саморазрушительным образом.
9. В индустриальных обществах мода служит источником социального престижа. Увлечение не столь устойчиво, как мода, хотя люди с энтузиазмом поддаются ему.
10. Роль социальных движений заключается в стимулировании изменений или противодействии им. Социологи классифицируют эти движения по количеству людей, которых они затрагивают, и по уровню происходящих изменений.
11. Согласно теории депривации, социальные движения возникают в том случае, когда люди осознают свое положение неблагополучным, сравнивая его с каким-либо стандартом благосостояния.

12. Теория массового общества постулирует, что люди организуют социальное движение, чтобы заручиться чувством принадлежности к группе и морального руководства.
13. Теория структурной напряженности объясняет формирование социального движения совокупным влиянием 6 факторов. Его организации способствуют четко сформулированные претензии и цели; ненаправленный гнев, напротив, чаще всего выливается в бунты.
14. Теория мобилизации ресурсов связывает успех или неудачу социального движения с доступностью ресурсов — таких, как деньги, труд людей и союзы с другими организациями.
15. Сторонники культурной теории считают, что успех социального движения во многом определяется символами и материальными ресурсами.
16. Теория новых социальных движений фокусируется на вопросах качества жизни, которые обычно имеют международный масштаб.
17. Типичное социальное движение проходит несколько последовательных стадий: возникновение (определение общественной проблемы), интеграция (выход на общественную арену), бюрократизация (формирование официальных организационных структур) и спад (в результате неудачи или успеха).
18. Общество, сформированное социальными движениями прошлого, люди воспринимают ныне как данность. Не только движения приводят к переменам, но и сами изменения вызывают социальные движения.

Основные понятия

Бунт — социальный взрыв, отличающийся высоким накалом эмоций, проявлением насилия и неуправляемостью.

Коллективное поведение — деятельность, охватывающая большое число людей, часто стихийная, иногда — сопровождающаяся разногласиями.

Массовая истерия (моральная паника) — разновидность рассредоточенного коллективного поведения, когда люди реагируют на реальное или предполагаемое событие иррациональным и даже безумным страхом.

Массовое поведение — коллективное поведение людей, рассредоточенных на обширной территории.

Мода — социальный образец, одобряемый большим числом людей.

Общественное мнение — широко распространенные установки, касающиеся спорных вопросов.

Общность — большое количество людей, взаимодействие между которыми протекает вне традиционных и четко сформулированных норм.

Относительная депривация — воспринимаемая невыгодность положения, вызванная сравнением с каким-либо стандартом.

Паника — форма локализованного коллективного поведения, реакция людей на угрозу или иной стимул иррациональным, безумным и часто саморазрушительным образом.

- Пропаганда** — информация, предъявляемая с целью формирования общественного мнения.
- Слух** — неподкрепленная информация, распространяемая неофициальным путем, нередко — из уст в уста.
- Социальное движение** — организованная деятельность, поощряющая социальное изменение или препятствующая ему.
- Сплетни** — слухи, распространяемые о частной жизни человека.
- Толпа** — временное собрание людей, чье внимание сфокусировано на определенном объекте, оказывающих влияние друг на друга.
- Увлечение** — нетрадиционный социальный образец, которому люди следуют с энтузиазмом, но непродолжительное время.
- Чернь** — эмоционально очень сильно заряженная толпа, готовая к насилию или разрушению.

Вопросы для размышления

1. Понятие коллективного поведения включает широкий диапазон социальных образцов. Назовите некоторые из них. Каковы их общие черты?
2. Представьте себе последствия футбольного матча, если бурное веселье превратится в разрушительное возбуждение. Как объясняется такое поведение согласно теории заражения, теории конвергенции и теории возникающих норм?
3. 1960-е гг. стали десятилетием и значительного обогащения людей, и широкого распространения социального протеста. Какие социологические идеи помогают объяснить этот очевидный парадокс?
4. Чем некоторые современные социальные движения (связанные с защитой окружающей среды, правами животных и контролем над продажей оружия) отличаются от более ранних кампаний (например, от движения за предоставление рабочим прав на организацию профсоюзов и женского движения за право голоса)?

Социальные изменения: традиционные, современные и постмодернистские общества

5-этажному дому из красного кирпича, расположенному по адресу 253 E на 10-й стрит в Нью-Йорке, уже больше века. В одной из его 20 небольших квартир в 1900 г. проживали 39-летний Джулиус Страйчер, его 33-летняя жена Кристин, иммигрировавшие в Соединенные Штаты из Германии в 1885 г., и их четверо малолетних детей.

Наверное, Страйчеры считали, что достигли немалого успеха. Джулиусу принадлежал небольшой магазин одежды, находившийся в нескольких кварталах от их дома. Кристин оставалась дома, воспитывая детей и занимаясь домашним хозяйством. Как и большинство граждан США того времени, ни Джулиус, ни Кристин не имели среднего образования и работали по 10–12 часов в день 6 дней в неделю. Их доход – средний по тем меркам – составлял около \$35 в месяц, или около \$425 в год (в нынешнем эквиваленте чуть больше \$8 тыс., что все равно намного ниже существующей теперь черты бедности). Почти половину заработанного они тратили на еду; из оставшегося большая часть уходила на оплату жилья.

Сегодня в той же квартире, где значительную часть своей жизни провели Страйчеры, живет одна Дороти Сабо, 80-летняя пенсионерка, ранее работавшая искусствоведом в расположенном неподалеку музее. Ее жизнь во многих отношениях гораздо легче, чем у Страйчеров. Во-первых, когда здесь жили они, в доме не было электричества (люди использовали керосиновые лампы и свечи) и водоснабжения (все понедельники Кристин Страйчер проводила за стиркой, воду для которой она приносила из фонтана, находившегося в конце квартала). В то время еще не было телефонов, телевидения и, конечно же, компьютеров. Сегодня Дороти Сабо воспринимает эти удобства как само собой разумеющееся. Едва ли ее можно назвать богатой, однако ее пенсия и социальные пособия в несколько раз превышают доход Страйчеров.

Сабо беспокоят другие проблемы. Ее волнует состояние окружающей среды, и она часто рассуждает по поводу глобального потепления. Здесь снова поучительно оглянуться в прошлое. Если Страйчеры и их соседи и задумывались об «окружающей среде», то, скорее всего, это было вызвано неприятным запахом, доносящимся с улицы. В то время автомобили только начали появляться в Нью-Йорке; кареты, тележки и трамваи приводились в движение лошадьми, точнее, тысячами лошадей, которые каждый день оставляли на улицах города 60 тыс. галлонов мочи и 2,5 млн фунтов навоза (основано на работе: Simon & Cannon, 2001).

Многие люди сейчас не представляют огромный масштаб изменений, произошедших за минувший век. 100 лет назад люди жили не только значительно труднее, но и намного меньше. Статистика показывает, что средняя продолжительность жизни тогда составляла 46 лет для мужчин и 48 для женщин, а теперь — 74 и 79 лет соответственно.

Несомненно, за прошедшее время многое изменилось к лучшему. Однако, как будет показано в этой главе, социальные изменения имеют не только положитель-

ные, но и отрицательные стороны, порождая новые, неожиданные проблемы. Как мы увидим, первые социологи не могли однозначно оценить *современность*, или изменения, вызванные индустриальной революцией. Ныне социологи видят и хорошие, и плохие аспекты *постсовременности*, недавних преобразований, к которым привели информационная революция и постиндустриальная экономика. Одно очевидно: никогда еще перемены ни были столь стремительны, как теперь.

Что такое социальное изменение?

В предыдущих главах мы рассматривали относительно *статичные* социальные формы, в том числе статус, роль, социальную стратификацию и социальные институты. Однако на наш образ жизни влияет и широкий диапазон *динамичных* сил: от технологических новинок до расширения городов и бюрократизации общества. Все они представляют собой аспекты **социального изменения**, *трансформации культурных и социальных институтов с течением времени*. Этот процесс характеризуются четырьмя отличительными чертами.

1. **Социальное изменение неизбежно.** «Ни в чем нельзя быть уверенным, кроме смерти и налогов» — гласит старая поговорка. Однако, как сказано во вступлении к главе, за прошедший век средняя продолжительность жизни в США почти удвоилась, в результате чего существенно изменились даже наши представления о смерти. В 1900 г. Страйчеры, как и почти все американцы, платили очень низкий подоходный налог или не платили его вообще; за последний век налоги, а также размеры и сфера компетенции различных уровней власти значительно расширились. Иными словами, почти все подвержено изменениям.

Тем не менее некоторые общества трансформируются быстрее других. Как показано в главе 4, основанные на охоте и собирательстве изменяются довольно медленно, тогда как члены современных обществ с высоким уровнем доходов становятся свидетелями значительных изменений перемен в течение жизни одного поколения.

Более того, некоторые элементы культуры изменяются стремительнее остальных. Согласно теории *культурного лага* Уильяма Огбурна (Ogburn, 1964) (см. главу 3), материальная культура (вещи), как правило, претерпевает более быстрые трансформации, чем нематериальная (идеи и установки). Например, генная технология, позволяющая ученым изменять и, возможно, даже создавать жизнь, развивается активнее, чем этические стандарты, с помощью которых следует регламентировать ее использование.

2. **Иногда социальные изменения намеренны, однако чаще всего они происходят без всякого плана.** Индустриальные общества активно поощряют разного рода перемены. Например, ученые ищут более эффективные формы энергии, а рекламные агенты пытаются убедить нас в том, что наша жизнь не будет полноценной без какого-либо устройства. Однако предвидеть все последствия начавшихся изменений практически невозможно.

В 1900 г., когда в США основным транспортным средством оставались лошади, люди предвидели, что появятся автомобили, за один день преодолевающие расстояния, на которые ранее потребовались бы недели или месяцы. Но никто не знал, насколько сильно транспортная мобильность изменит жизнь в США, что семьи будут разделены, города и пригороды преобразятся, а природный мир окажется загрязненным. В 1900 г. в автокатастрофах погибли только 38 американцев (на заре века было всего лишь 8 тыс. «безлошадных экипажей»). Тогда мало кто мог предвидеть, что в последующие годы число жертв автокатастроф столь стремительно возрастет и через 100 лет в авариях будут погибать более 40 тыс. человек в год.

3. **Социальные изменения противоречивы.** История развития автомобильного транспорта показывает, что у социальных изменений есть хорошие и плохие стороны. Индустриальная революция, обусловившая появление автомобиля, сама по себе была противоречивой. Капиталисты приветствовали новые технологии, повышавшие производительность труда и их прибыль, в то время как многие рабочие боялись, что машины сделают их навыки ненужными, и сопротивлялись «прогрессу».

Сегодня, как и в прошлом, изменяющиеся социальные образцы — взаимоотношения между чернокожими и белыми, женщинами и мужчинами, гомосексуалистами и гетеросексуалами — порождают противоречия, касающиеся того, как нам следует жить.

4. **Некоторые изменения имеют большую важность, чем другие.** Некоторые изменения (скажем, прихоть в одежде) мимолетны, в то время как другие (например, распространение компьютеров) длительны и могут повлечь за собой преобразование всего мира. Приведет ли информационная революция к таким же кардинальным изменениям, что и индустриальная? Подобно автомобилям и телевидению, у компьютеризации есть положительные и отрицательные аспекты. Она приводит к созданию новых рабочих мест, и к ликвидации старых, изолирует людей в офисах и в то же время связывает их с помощью глобальных электронных сетей, предоставляет доступ к огромным объемам информации и угрожает вмешательством в личную жизнь.

Причины социальных изменений

Социальные изменения происходят по множеству причин. Кроме того, в мире, связанном современными коммуникационными и транспортными технологиями, какие-либо сдвиги, случившиеся в одном регионе, вызывают перемены во всем мире.

Культура и изменения

В главе 3 («Культура») были указаны три источника культурных изменений. Во-первых, это *изобретения*, дающие начало новым объектам, идеям и социальным образцам. Так, исследование ракетных двигателей, начавшееся в 1940-е гг., привело к изобретению космических кораблей. Сегодня мы воспринимаем эти технологии как данное, и, возможно, в XXI в. космические путешествия станут доступными многим людям.

Сегодня большинство людей, имеющих доступ к компьютеру, живут в таких богатых странах, как США. Однако число пользователей компьютеров растет и в бедных регионах мира. Как, по вашему мнению, новые информационные технологии повлияют на общества с традиционным укладом жизни? Все ли изменения окажутся хороши?

Во-вторых, изменениям могут способствовать *открытия*, совершаемые людьми, которые обращают внимание на детали бытия. Например, развитие медицины улучшает понимание человеческого организма. Это не только непосредственно влияет на здоровье людей, но и увеличивает среднюю продолжительность жизни, что уже привело к «старению» американской нации, как, впрочем, и других с высоким уровнем доходов.

В-третьих, изменения могут быть результатом *диффузии*, или перемещения продукции, людей и информации из одной культуры в другую. Это признавал и Ральф Линтон (Linton, 1937a), который писал, что многие привычные элементы нашей культуры пришли в нее из других стран. Ткань (впервые сделанная в Азии), часы (изобретенные в Европе) и монеты (введенные в Турции) — все это стало частью нашей жизни. Как правило, материальные объекты распространяются быстрее, чем культурные идеи. То есть прорывы в науке совершаются настолько неожиданно (например, клонирование), что мы не успеваем понять, морально ли применение новых технологий.

Важнейшую роль в изменении США на протяжении всей их истории играли иммигранты. В последние десятилетия выходцы из Латинской Америки и Азии внесли новые формы в американскую культуру, что с очевидностью сказывается на внешнем виде, спектре ароматов и звуков в городах Америки. И наоборот, мощь США обеспечивает проникновение в другие общества многих аспектов американской культуры — от чизбургеров и хип-хопа до степеней магистров в сфере управления бизнесом.

Конфликт и изменения

Напряженность и конфликты в обществе также приводят к изменениям. Карл Маркс считал классовый конфликт основной движущей силой, заставляющей общество перейти с одной стадии на другую (см. главу 4 «Общество» и главу 10 «Социальная стратификация»). Он предсказывал, что в результате противоборства

капиталистов и рабочих индустриальное капиталистическое общество подойдет к социалистической системе производства.

Столетие, минувшее после смерти Маркса, показало упрощенность его модели. Однако он оказался прав в том, что социальный конфликт, порождаемый неравенством (не только классовым, но и расовым и гендерным), подталкивает любое общество, в том числе и американское, к изменениям.

Идеи и изменения

Заслуга в понимании социальных изменений принадлежит также Максиму Веберу. Он признавал, что таковые могут быть вызваны и конфликтом, но все же главными причинами оказываются идеи. Например, изменение порождено взглядами людей, имеющих определенную харизму.

Вебер иллюстрировал важность идей на примере того, как религиозные убеждения ранних протестантов способствовали распространению промышленного капитализма (см. главу 4 «Общество»). Возникновение и распространение индустриального капитализма в регионах Западной Европы, где господствовала протестантская мораль, Вебер считал подтверждением своих представлений об идеях как двигателе (Weber, 1958, первое изд. — 1904–1905).

Идеи вызывают и социальные движения. В главе 20 показано, что изменения основаны на решимости людей добиваться общими усилиями, скажем, защиты окружающей среды или более справедливого устройства мира, улучшения жизни угнетаемых. Например, движение за права гомосексуалистов поддержано теми, кто считает, что лесбиянки и геи должны обладать равными с гетеросексуалами правами и возможностями.

Демографические изменения

Характеристики населения также трансформируют общество. Как описано во вступлении к главе, 100 лет назад типичное домохозяйство (4,8 человека) было крупнее, чем ныне (2,6 человека). Теперь женщины имеют меньше детей, люди чаще живут в одиночку. Изменения выражаются еще и в том, что американская нация стареет. В 2000 г. 12% жителей США были старше 65 лет (в 3 раза больше, чем в 1900 г.). В 2030 г. пожилые люди будут составлять 20% населения США (U. S. Census Bureau, 2001). Этой категории уже уделяется повышенное внимание со стороны медиков и работников сферы здравоохранения. Однако подобная тенденция чревата рядом перемен и в других областях, что связано со специфическими требованиями растущего числа пожилых потребителей к жилищным условиям и качеству товаров.

Еще один демографический фактор, способствующий изменениям, — миграция людей (и внутри одной страны, и между разными странами). С 1870 по 1930 г. в промышленные города США приехали десятки миллионов иммигрантов. Еще многие миллионы людей перебрались туда из сельскохозяйственных регионов. В результате сельские сообщества уменьшились, а число городских жителей возросло, и к 1920 г. США стали обществом с подавляющей долей городского населения. Изменения подобного рода происходят и поныне, поскольку люди переезжают из «снежного» пояса в «солнечный», смешиваясь с новыми иммигрантами из стран Латинской Америки и Азии.

В каких регионах США демографические изменения наиболее сильные, а в каких — минимальны? На этот вопрос помогает ответить карта США 21.1, которая показывает, где проживает наибольшее число людей, никуда не переезжавших на протяжении 30 и более лет¹.

Современность

Важную роль в исследовании социальных изменений играет понятие **современности** (*социальные формы, ставшие результатом индустриализации*). Под этим словом обычно подразумевают «настоящее» в связи с «прошлым». Социологи же осмысливают данное понятие как социальные формы, порожденные индустриальной революцией, которая началась в Западной Европе в середине XVIII в. и охватила Соединенные Штаты в течение последующих 50 лет. Говорят также и о **модернизации**², которая представляет собой *процесс социального изменения, начатого индустриализацией*. О некоторых изменениях, произошедших за последний век, можно узнать из табл. 21.1. Соединенные Штаты стали огромной, урбанистической и богатейшей страной, однако существенно изменились и традиционные семьи. Индустриальные технологии привели США к процветанию, но вызвали и ряд проблем экологического характера.

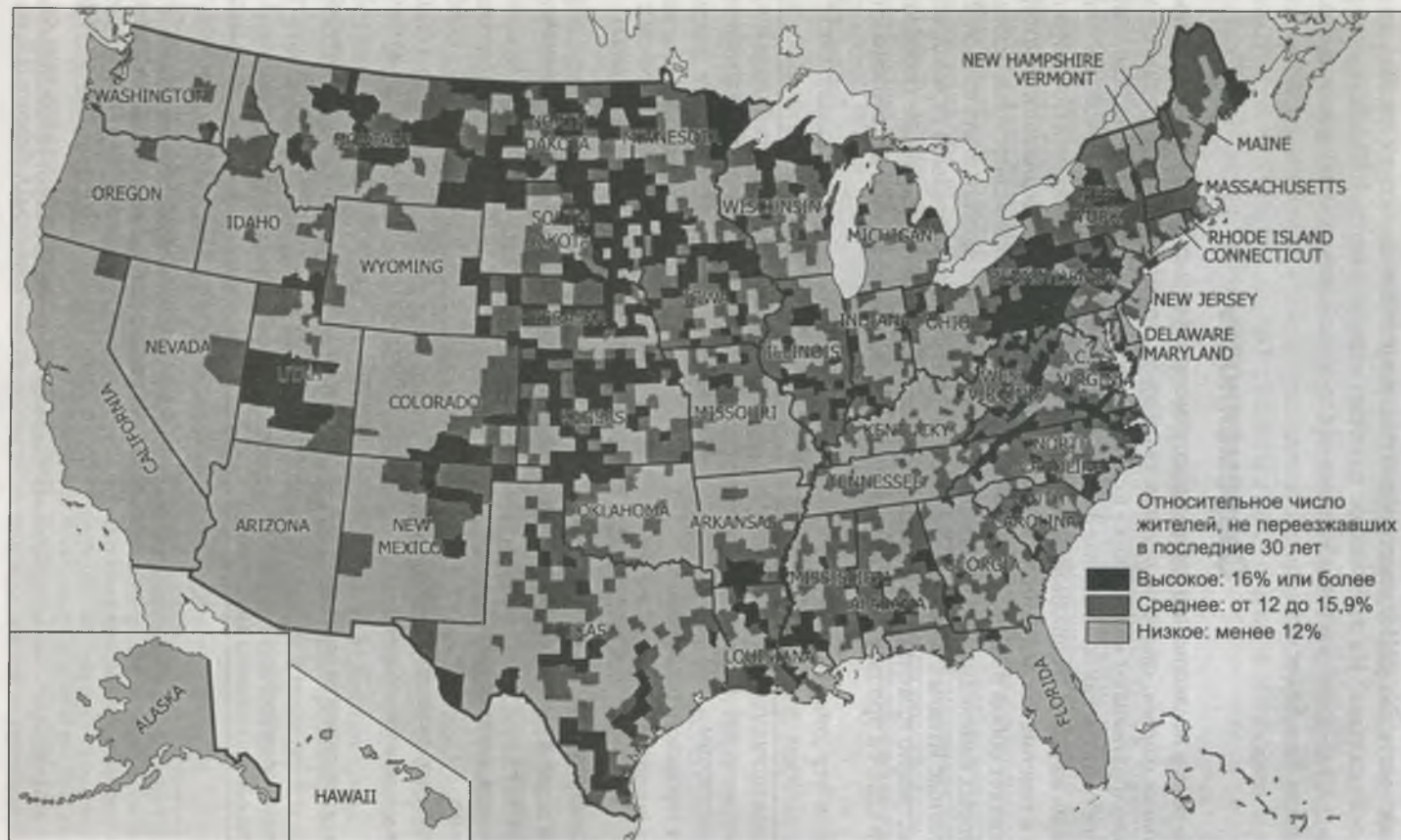
Таблица 21.1

Соединенные Штаты: век изменений

	1900	2000
Население страны	76 млн чел.	281 млн чел.
Процент городского населения	40	80
Средняя продолжительность жизни	46 лет (мужчины); 48 лет (женщины)	74 года (мужчины); 79 лет (женщины)
Медианный возраст	22,9 года	35,3 года
Средний доход в расчете на одно домохозяйство	\$8 тыс. (в эквиваленте 2000 г.)	\$40 тыс. (в эквиваленте 2000 г.)
Часть дохода, которая тратится на питание	43%	15%
Процент домов с канализацией	10	98
Среднее число автомобилей	1 на 2000 домохозяйств	1,3 на каждое домохозяйство
Показатель количества разводов	Примерно 1 развод на 20 браков	Примерно 8 разводов на 20 браков
Среднегодовое потребление нефтепродуктов на одного человека (в галлонах)	34	1100

¹ В целом только около 9% американцев живут на одном месте более 30 лет. Округа с высокой пропорцией «старожилов», как правило, за последние десятилетия подверглись меньшим изменениям. Многие районы в них сохранились со времен Второй мировой войны, и довольно часто там проживают те же семьи, что и раньше. Что можно сказать об этих стабильных регионах? Почему большинство этих округов сельские и удалены от побережья?

² От англ. *modernization* — «осовременивание». Современность иногда именуют в социологии эпохой модерн (*modernity*). — *Примеч. науч. ред.*

Карта США 21.1. Кто остается на одном месте? Оседлость жителей США. Источник: U.S. Census Bureau, 1996

Четыре особенности модернизации

В своем авторитетном исследовании социальных изменений Питер Бергер (Berger, 1977) выделяет четыре особенности модернизации:

1. **Ослабление небольших традиционных сообществ.** Модернизация связана с «постепенным ослаблением, если не уничтожением... относительно сплоченных сообществ, благодаря которым люди обретали чувство солидарности и значимости» (Berger, 1977). Тысячи лет племена, занимавшиеся охотой и собирательством, и сельские общины на территории Европы и Северной Америки представляли собой малые сообщества, в которых социальная жизнь человека вращалась вокруг его семьи и соседей. В таких традиционных мирах каждому отводилось его точно означенное место, которое, хотя и ограничивало выбор, обеспечивало надежное чувство идентичности, принадлежности к целому и целеустремленности.

Малые изолированные сообщества, конечно, еще существуют в удаленных уголках США, однако так живет немного американцев, а их изолированность почти исключительно географическая. Автомобили, телефоны, телевидение и компьютеры порождают у сельских жителей чувство принадлежности к обществу в целом и связывают их с остальным миром.

2. **Расширение возможностей личного выбора.** Члены традиционных доиндустриальных обществ полагали, что их жизнь зависит от внечеловеческих сил — богов, духов или просто судьбы. С ослаблением традиций люди стали рассматривать жизнь как выбор из ряда вариантов; этот процесс Бергер называет *индивидуализацией*. Например, многие граждане США предпочитают определенный «стиль жизни» (а затем выбирают другой), демонстрируя свою открытость переменам.

3. **Усиление социального разнообразия.** Доиндустриальные сообщества характеризуются крепкими семейными узами и прочными религиозными убеждениями, поощряющими одинаковость и препятствующими разнообразию и изменениям. Модернизация способствует развитию рационального научного мировоззрения и ослаблению традиций, в результате люди получают больше возможностей для индивидуального выбора. Рост городов, укрепление бюрократии и социальное смещение людей — все эти факторы обуславливают возникновение различных убеждений и форм поведения.

4. **Ориентация на будущее и возрастающая роль времени.** Если раньше люди были сосредоточены на прошлом, то в современную эпоху они охотнее думают о будущем. Они смотрят вперед с оптимизмом, ожидая, что новые изобретения и открытия улучшат их жизнь.

Современные люди организуют свои повседневные дела с точностью до минуты. Вместе с появлением в позднее средневековье часов европейцы стали исчислять время часами и минутами, а не восходами и заходами солнца и сменами времен года. Поглощенные мыслями о личной выгоде, наши современники требуют точности и соглашаются с утверждением: «Время — деньги». Бергер подчеркивает, что хороший показатель степени модернизации общества — количество людей, носящих наручные часы.

Наконец, следует напомнить, что модернизация послужила импульсом к появлению социологии. Как сказано в главе 1, социология возникла с индустриальной революцией, прокатившейся по Западной Европе, где социальные изменения происходили наиболее быстро. Первые европейские и американские социологи как раз и занимались анализом зарождающегося современного общества и вытекающих из этого положительных и отрицательных последствий для людей.

Фердинанд Тённис: утрата общности

В своей теории *Gemeinschaft* (общности) и *Gesellschaft* (общества) немецкий социолог Фердинанд Тённис (1855—1937) дал объяснение процессу модернизации, которое до сих пор не утратило своей актуальности (оно оказало значительное влияние на работы Питера Бергера). Он рассматривал модернизацию как прогрессирующую утрату *Gemeinschaft*, или человеческой общности (Tönnies, 1963, первое изд. — 1887). Автор считал, что индустриальная революции со свойственным ей акцентированием фактов, эффективности и денег ослабляет социальную структуру семьи и традиций. По мере того, как людей начинают в основном связывать личные интересы, европейские и североамериканские сообщества постепенно утрачивают свои корни и становятся безликими; это состояние Тённис называл *Gesellschaft*.

В начале XX в. на самом деле часть регионов США приближалась к понятию *Gemeinschaft*. Семьи, жившие из поколения в поколение в небольших деревнях и городах, объединяли тяжелый труд и почти неизменный образ жизни. Телефоны (изобретенные в 1876 г.) встречались редко, а первый звонок с одного побережья США на другое был сделан только в 1915 г. Живя без телевидения (появившегося в 1939 г. и получившего широкое распространение только после 1950 г.), люди развлекали себя тем, что часто собирались по вечерам с друзьями и рассказывали истории, делились своими горестями или пели песни. Из-за отсутствия быстрого транспорта (конвейер Генри Форда начал работу в 1908 г., однако автомобили получили широкое распространение только после Второй мировой войны) люди всю свою жизнь жили в одном небольшом городке, который был для них целым миром.

Конечно, в этих малых сообществах происходили расовые, этнические и религиозные конфликты. Однако, по мнению Тённиса, из-за традиционности *Gemeinschaft* люди были «объединены, несмотря на все разделяющие их факторы» (Tönnies, 1963).

Современность выворачивает общества наизнанку, поэтому, писал Тённис, люди становятся «обособленными, несмотря на объединяющие их факторы» (Tönnies, 1963, orig. 1887). Таков мир *Gesellschaft*, в котором большинство людей, особенно в крупных городах, живут среди незнакомцев не обращают никакого внимания на окружающих. В мобильном безличном мире трудно установить доверительные отношения; люди ставят свои личные интересы выше верности группе, а большинство взрослых полагают, что при общении с другими «осторожность не бывает чрезмерной» (NORC, 2001). Поэтому неудивительно, что миллионы мужчин и женщин еженедельно посещают собрания групп поддержки (также состоящих из незнакомых визави), желая, пусть и на время, обрести эмоциональные отношения и найти человека, который просто согласился бы их выслушать (Leerhsen, 1990).

Критическая оценка. Теория *Gemeinschaft* и *Gesellschaft* Тённиса — самая популярная модель объяснения модернизации. Ее сила в том, что в ней учтена совокупность различных аспектов изменения: рост населения, расширение городов и обезличенность социальных взаимодействий.

Однако современная жизнь, хотя и оказывается обезличенной, не лишена полностью духа *Gemeinschaft*. Даже в мире чужих друг другу людей встречается крепкая продолжительная дружба. Традиции особенно сильны в этнических сообществах, жители которых поддерживают тесные связи.

Тённиса упрекают еще и в том, что он почти не учитывал, какие факторы (индустриализация, урбанизация, ослабление семей) выступают причиной, а какие — следствием перемен. По мнению некоторых ученых, он с явной симпатией относился к традиционным обществам (возможно, даже романтизировал их), игнорируя семейные, соседские и дружеские связи в современных.

Эмиль Дюркгейм: разделение труда

Французский социолог Эмиль Дюркгейм, работы которого рассматривались в главе 4 («Общество»), разделял интерес Тённиса к фундаментальным социальным изменениям, вызванным индустриальной революцией. Он считал, что модернизация обусловлена усиливающимся *разделением труда*, или специализацией экономической деятельности (Durkheim, 1964a; первое изд. — 1893). Если люди в традиционных обществах обычно выполняют одинаковые виды деятельности, то в современных играют дифференцированные роли.

Дюркгейм писал, что первые объединены *механической солидарностью*, или общими моральными взглядами. Иными словами, они воспринимают всех окружающих одинаково, поскольку все выполняют такую же работу и принадлежат к одной группе. Предложенное Дюркгеймом понятие механической солидарности близко к *Gemeinschaft* Тённиса.

Макс Вебер утверждал, что отличительным признаком современного общества является рациональное мировоззрение. Почти во всех работах, посвященных современности, Вебер основное внимание уделял тем типам людей, которых считал типичными для своей эпохи: ученым, капиталистам и бюрократам. Все они рациональны до мозга костей: ученые посвящают свою жизнь методичному поиску истины, капиталисты — выгоды, а бюрократы добиваются от окружающих следования системе правил

С модернизацией разделение труда становится все более выраженным. Дюркгейм видел в этом утрату механической солидарности и развитие другого вида взаимосвязей — *органической солидарности*, или взаимозависимости людей, выполняющих специализированную работу. Проще говоря, современные общества объединяют не сходства, а различия: стремясь к удовлетворению собственных потребностей, мы, как правило, зависим от других людей. Органическая солидарность соответствует понятию *Gesellschaft* Тённиса.

Несмотря на очевидные сходства взглядов Дюркгейма и Тённиса, их представления о современности несколько различались. Немецкий социолог отождествлял переход от *Gemeinschaft* к *Gesellschaft* с утратой социальной солидарности, так как в результате него современные люди теряют «естественные» и «органичные» узы, свойственные деревенскому образу жизни, сохраняя только «искусственные» и «механические» связи, какие характеризуют существование больших городов. Дюркгейм по-другому оценивал современность и, чтобы подчеркнуть это, даже использовал терминологию Тённиса, но с совершенно противоположным смыслом. Он называл современное общество «органичным», утверждая, что оно столь же естественно, как любое другое, и описывал традиционные как «механические (регламентированные)». Таким образом, Дюркгейм рассматривал модернизацию не как утрату общности, а как переход от одной общности, в основе которой лежит близость (родство и соседство), к такой, что базируется на экономической независимости (разделение труда). Теория современности Дюркгейма сложнее, чем Тённиса, но она и позитивнее.

Критическая оценка. Представления этих социологов оказали существенное влияние на анализ современности. Дюркгейм придерживался более оптимистичной точки зрения, чем Тённис. Однако он опасался, что современные общества могут стать разнородными и придут в состояние *аномии*, когда нормы и ценности слабы и несогласованы и общество морально почти не направляет человека. Без такой прочной связи люди становятся эгоцентричными и теряют смысл жизни.

Показатели самоубийств, которые Дюркгейм считал верным признаком аномии, за XX в. в США выросли. Более того, недавнее исследование показало, что подавляющим большинством взрослых американцев моральные решения не разделяются на правильные или ошибочные, а представляют собой некую однородную смесь — «оттенки серого» (NORC, 2001).

Однако даже в этом случае общие нормы и ценности, принятые в современных обществах, все еще достаточно сильны, чтобы люди почувствовали значимость и обрели целеустремленность. Более того, каким бы ни был риск аномии, большинство, по-видимому, одобряет свободу личности, предоставляемую современным обществом.

Макс Вебер: рационализация

Макс Вебер, работы которого также рассматривались в главе 4 («Общество»), видел суть современности в замене традиционного мировоззрения рациональным мышлением. В доиндустриальных обществах традиции препятствуют изменениям. Тогда значение слова «истина» было эквивалентно смыслу выражения «всегда происходившее» (Weber, 1978, 1-е изд. — 1921). Однако для современных людей она

представляет собой результат рациональных исчислений. Теперь человек предпочитает эффективность и не питает особого уважения к прошлому, поэтому принимает те социальные образцы, которые позволяют достигнуть целей.

Следуя Тённису и Дюркгейму, которые писали об ослаблении традиций в процессе индустриализации, Вебер объявил, что современное общество «освобождается от иллюзий». Неоспоримые истины прошлого рациональное научное мышление ставит под сомнение. Другими словами, такое общество отворачивается от богов. На протяжении всей своей жизни Вебер изучал различные современные «типы» людей — капиталистов, ученых и бюрократов, мировоззрение которых можно назвать рационалистическим, и именно оно, по мнению Вебера, служит приметой современности.

Критическая оценка. По сравнению с Тённисом и особенно с Дюркгеймом Вебер воспринимал современное общество критически. Он знал, что наука может творить технологические и организационные чудеса, но его беспокоил ее негативный эффект — способность отвлечь человека от фундаментальных вопросов о смысле и цели существования. Вебер боялся, что рационализация, особенно бюрократическая, опутает человека бесконечными правилами и предписаниями.

Наконец, некоторые критики Вебера считают, что отчуждение, причины которого он видел в бюрократии, на самом деле обусловлено социальным неравенством. Это замечание приводит нас к идеям Карла Маркса.

Карл Маркс: капитализм

Для Карла Маркса современное общество было синонимом капитализма; он считал индустриальную революцию *капиталистической* и связывал возникновение буржуазии в средневековой Европе с ростом торговли. По мере того как буржуазия брала под свой контроль возникшую систему производства, она заменяла феодальную аристократию.

Маркс соглашался с тем, что современность ослабляет малые сообщества (о чем писал Тённис), усиливает разделение труда (на что указывал Дюркгейм) и способствует развитию рационального мировоззрения (как считал Вебер). Однако Маркс рассматривал все эти факторы лишь как условия, необходимые для процветания капитализма. Тот способствует вовлечению жителей деревень и малых городов в постоянно расширяющуюся рыночную систему, сконцентрированную в крупных городах; специализация необходима для эффективной работы заводов, а рациональность олицетворяет постоянную заботу капиталистов о получении прибыли.

В предыдущих главах мы обрисовали Маркса как воодушевленного критика капиталистического общества, однако его представления о современности оптимистичны. В отличие от Вебера, считавшего возникшее общество бюрократической «железной клеткой», Маркс верил, что социальный конфликт в капиталистических обществах посеет зерна революции, которая приведет к торжеству социализма. Он полагал, что при помощи индустриальных технологий социалистическое общество улучшит жизнь людей и устранил социальные классы, источник социальных конфликтов и дегуманизации. Хотя Маркс жестко критиковал современный мир, он полагал в будущем установление человеческой свободы, творчества и общности.

Критическая оценка. Теория Маркса — сложная концепция капитализма, однако ее автор недооценивал доминирование бюрократии в современных обществах. В частности, в социалистических странах отрицательные последствия бюрократизации оказываются столь же сильными, а то и более негативными, чем дегуманизация при капитализме. Масштаб народной оппозиции гнету государственной бюрократии иллюстрируют политические потрясения, произошедшие в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе в 1990-е гг.

Теоретический анализ современности

Становление современного мира — трудный процесс, включающий многие аспекты изменений, которые описаны в предыдущих главах и обобщены в табл. 21.2. Как же объяснить столь широкий диапазон перемен, происходящих одновременно? Социологи предлагают два толкования: одно основано на структурно-функциональном подходе, а второе — на теории социального конфликта.

Таблица 21.2

Традиционные и современные общества: общая картина

Элементы общества	Традиционные общества	Современные общества
Культурные образцы		
Ценности	Однородные, сакрализованные; мало суб- и контркультур	Неоднородные, имеют светские основания; много суб- и контркультур
Нормы	Высокая значимость морали, нетерпимость к различиям	Переменчивость морали, терпимость к различиям
Ориентация во времени	Настоящее связано с прошлым	Настоящее связано с будущим
Технология	Доиндустриальная; используется энергия человека и животных	Индустриальная; используются более совершенные источники энергии
Социальная структура		
Статус и роль	Небольшое число статусов, большинство предписаны; мало специализированных ролей	Большое число статусов, некоторые из которых предписаны, а некоторые достигнуты; много специализированных ролей
Взаимоотношения	Обычно родственные; почти отсутствует обезличенность или конфиденциальность	Обычно не связанные только с родством; высокая степень анонимности или конфиденциальности
Передача информации	От человека к человеку	От человека к человеку, а также при помощи СМИ
Социальный контроль	Неофициальные слухи	Официальные законы и полиция
Социальная стратификация	Жесткие формы социального неравенства; низкая мобильность	Гибкие формы социального неравенства; высокая мобильность
Гендерные нормы	Выраженный патриархат; жизнь женщин вращается вокруг домашнего хозяйства	Менее выраженный патриархат; многие женщины имеют оплачиваемую работу

Элементы общества	Традиционные общества	Современные общества
Формы проживания	Малый масштаб; население обычно невелико и распределено по деревням и небольшим городам	Крупный масштаб; население велико и сконцентрировано в крупных городах
Социальные институты		
Экономика	Основана на сельском хозяйстве; многие товары производятся дома; почти нет профессий «белых воротничков»	Основана на массовом промышленном производстве; центрами его становятся заводы; возрастание доли профессий «белых воротничков»
Государство	Небольшое правительство; слабое вмешательство государства в общественные дела	Разветвленное правительство; активное вмешательство государства в дела общества
Семья	Большая семья как основное средство социализации и экономического производства	Семья как ячейка сохраняет некоторые функции социализации, однако скорее представляет собой союз потребления, а не производства
Религия	Религия определяет мировоззрение; незначительный религиозный плюрализм	Ослабление роли религии вместе с развитием науки; заметный религиозный плюрализм
Образование	Официальное образование доступно только членам элиты	Базовое образование становится всеобщим; увеличивается относительное число людей с более высоким уровнем образования
Здоровье	Высокий уровень рождаемости и смертности; низкая средняя продолжительность жизни, обусловленная низким жизненным уровнем и плохим развитием медицинских технологий	Низкий уровень рождаемости и смертности; увеличение средней продолжительности жизни, обусловленное повышением жизненного уровня и усовершенствованием медицинских технологий
Социальные изменения	Происходят медленно; заметны только по прошествии многих поколений	Происходят быстро; проявляются в течение жизни одного поколения

Структурно-функциональная теория: современность как массовое общество

11 ноября. Шоссе 275. Из окна автомобиля мы видим автозаправочные станции BP и Sunoco, магазины K-Mart и Wal-Mart, отель AmeriSuites, мексиканский ресторан Chi Chi и рестораны Bob Evans и McDonald's. Эта дорога окружает Цинциннати, однако с тем же успехом она могла быть в любом другом регионе США.

Если подойти к вопросу широко — основываясь на идеях Фердинанда Тённиса, Эмиля Дюркгейма и Макса Вебера, — то модернизацию следует связать с возникновением *массового общества* (Dahrendorf, 1959; Kornhauser, 1959; Nisbet, 1966, 1969; Stein, 1972; Berger, Berger & Kellner, 1974; Pearson, 1993). **Массовое обще-**

ство — то, в котором *традиционные социальные связи ослаблены промышленностью и бюрократией*. Оно обеспечивает высокую производительность; его члены получают в среднем больший доход, чем когда бы то ни было. В то же время его характеризует ослабление родственных и соседских отношений, поэтому люди часто чувствуют себя социально изолированными. Многие представители массовых обществ материально обеспечены, однако духовно слабы и томятся от моральной неопределенности, незнания, как следует жить.

Массовый масштаб современной жизни. Прежде всего теория массового общества утверждает, что современная жизнь гораздо более масштабна. Перед индустриальной революцией Европа и Северная Америка представляли собой мозаику бесчисленных деревень и мелких городков. В этих небольших сообществах, олицетворявших, согласно Тённису, *Gemeinschaft*, жизнь людей протекала в окружении родственников и определялась общим наследством. Неофициальным, хотя и эффективным, способом гарантировать соответствие стандартам сообщества были слухи. Для таких малых сообществ, в которых моральные ценности сильны, характерна нетерпимость к социальным отличиям; именно в этом и заключается состояние механической солидарности, описанное Дюркгеймом.

Например, до 1690 г. английские законы требовали, чтобы каждый человек регулярно участвовал в христианском таинстве святого причастия (Laslett, 1984). Из всех североамериканских колоний Новой Англии только в Род-Айленде допускались религиозные различия. Поскольку возникновение социальных различий не допускалось, суб- и контркультуры возникали редко, а изменения происходили медленно.

Рост населения, городов и специализация экономической деятельности, вызванные индустриальной революцией, постепенно изменили этот образец. Люди стали воспринимать друг друга согласно профессии (например, как «врача» или «служащего в банке»), а не по принадлежности к группе родственников или по месту жительства. Большинство окружающих стали рассматриваться просто как незнакомые. Личное общение, благодаря которому в деревнях обмениваются новостями, сменили СМИ — газеты, радио, телевидение и компьютерные сети, углубившие процесс социального дробления. Повседневные задания, которые раньше выполнялись членами семьи, друзьями и соседями, постепенно стали сферой ответственности крупных организаций; государственное образование привлекло больше людей в школы, а полиция, юристы и судьи образовали официальную систему правосудия. Даже милосердие перестало быть обязанностью родственников и соседей и оказалось бюрократической деятельностью работающих на различные службы социального обеспечения.

Географическая мобильность и возможность выбора различных жизненных путей ослабляют традиционные ценности. Люди становятся терпимее к социальному разнообразию, защищая индивидуальные права и личную свободу. Расовые, гендерные и религиозные предрассудки считаются устаревшими и несправедливыми, угнетенные меньшинства получают доступ к власти и активнее участвуют в общественной жизни.

Открывшаяся личная свобода оказывается импульсом к развитию немалою числа субкультур. В то же время СМИ поддерживают общенациональную культуру, которая ослабляет традиционные различия, отделявшие ранее регионы страны друг

от друга. По словам одного ученого, «даже в городе Батон-Руж, штат Луизиана, дети уже говорят не “y’all”, а “you guys”¹, как слышат по телевизору» (Gibbs, 2000). Сторонники теории массового общества опасаются, что процесс образования единой массы из людей, имевших разное окружение, чреват всеобщей дегуманизацией.

Непрерывное расширение государственных институтов. В небольших доиндустриальных обществах Европы государство имело столько же власти, что и любовью местный аристократ-землевладелец. Формально странами управляли королевские семьи, однако без эффективных транспортных и коммуникационных средств даже абсолютные монархи обладали гораздо меньшей властью, чем современные политические лидеры.

Технологические достижения позволили правительствам и государственным органам достичь небывалых масштабов и сосредоточить огромную власть. Когда Соединенные Штаты получили независимость от Великобритании, федеральная администрация была крошечной и занималась вопросами национальной безопасности. За прошедшее время она превратила в сферы своих интересов многие другие области социальной жизни: образование, регулирование доходов и условий труда, стандартизацию различных товаров и оказание финансовой помощи больным и безработным. Финансирование этих программ потребовало увеличения налогов: в настоящее время средний работник трудится на государство пять месяцев в год.

В массовом обществе власть принадлежит группе бюрократов, люди же из местных сообществ могут контролировать их жизнь только незначительным образом. Например, государственные чиновники определяют, что школы в регионах должны придерживаться стандартизированной образовательной программы, местные товары необходимо сертифицировать в государственных органах и каждый гражданин должен тщательно вести учет налогов. Возможно, такое регулирование защищает людей и способствует социальному равенству, однако это принуждает нас взаимодействовать с чиновниками и бюрократами, которые остаются для нас безымянными, отдаленными и не воспринимающими конкретные проблемы, что нарушает автономную жизнь семей и сообществ.

Критическая оценка. Сторонники данной теории утверждают, что у трансформации малых сообществ есть положительные аспекты, хотя и утрата части нашего культурного наследия неизбежна. В современном обществе люди обладают большими правами, они терпимее относятся к социальным различиям и уровень их жизни выше (Inglehart & Baker, 2000). Однако существует опасность, о которой предупреждал Вебер, — чрезмерной бюрократизации, а также эгоизма (на что указывал Тённис) и анонии (о чем писал Дюркгейм). Величина современных обществ, сложная их организация и терпимость к различиям уничтожают традиционные ценности и семейные формы, оставляя людей изолированными, бессильными и материалистичными. Как показано в главе 16 («Политика и управление»), серьезной проблемой в США оказалась апатия избирателей. Но стоит ли удивляться, что люди в огромных обществах не верят в возможности одного человека изменить сложившееся положение?

¹ *Y'all* (англ., сокр. от *you-all*) — «вы все», используется при обращении к двум и более собеседникам или к одному человеку, представляющему семью, организацию и т. д.; *you guys* — «парни».

Критики теории массового общества утверждают, что она романтизирует прошлое. И напоминают: многие жители небольших селений покидали свои дома в поисках новых ощущений и лучшей жизни, чем славились крупные города. Кроме того, теория массового общества игнорирует проблемы социального неравенства. По словам ее критиков, она привлекательна для социальных и экономических консерваторов, защищающих традиционную мораль и с безразличием относящихся к историческому положению женщин и других меньшинств.

Теория социального конфликта: современность как классовое общество

Второе толкование современности основано главным образом на идеях Карла Маркса. С точки зрения социального конфликта она представляет собой **классовое общество** (*капиталистическое, с выраженной социальной стратификацией*). Соглашаясь с тем, что современные общества приобрели массовый масштаб, сторонники данного подхода видят суть модернизации в развитии капиталистической экономики, построенной на неравенстве (Miliband, 1969; Habermas, 1970; Polenberg, 1980; Blumberg, 1981; Harrington, 1984).

Капитализм. Следуя Марксу, приверженцы этой теории утверждают, что увеличившийся масштаб социальной жизни — результат ненасытного аппетита капиталистической системы. Производство и потребление постоянно растут, потому что экономика направлена на достижение «все большей» прибыли.

Для капитализма, по мнению Маркса, характерна забота «исключительно о собственной выгоде» (Marx & Engels, 1972, первое изд. — 1848). Эта эгоистичность ослабляет социальные связи, которые когда-то скрепляли небольшие сообщества. Кроме того, при капитализме люди воспринимаются как товар — источник рабочей силы и рынок для капиталистической продукции.

Капитализм поддерживает науку не просто как способ достижения большей производительности, но и как идеологию, оправдывающую существующее положение. То есть современные общества поощряют людей рассматривать человеческое благополучие подобно *технической* головоломке, которую должны разгадать инженеры и другие специалисты, а не как моральную проблему, решение которой заключается в достижении *социальной* справедливости (Habermas, 1970). Например, улучшение здоровья людей в капиталистической культуре связывается с разработкой методов научной медицины, а не с искоренением бедности, которая угрожает жизни немалого числа людей.

Представители бизнеса также поддерживают научную логику, пытаясь увеличить свою прибыль за счет повышения эффективности труда. Как показано в главе 16 («Экономика и работа»), современные капиталистические корпорации благодаря процессам глобализации и превращения в международные организации достигают невиданных размеров и контролируют невообразимые богатства. Следовательно, с точки зрения теории классового общества, увеличение масштабов представляет собой не столько установление *Gesellschaft*, сколько неизбежное и разрушительное следствие капитализма.

Сохранение неравенства. Современность постепенно стирает жесткие границы, которые отделяли знать от обычных людей в доиндустриальную эпоху. Однако,

согласно теории классового общества, элита все равно существует, только теперь в лице миллионеров-капиталистов. В США нет наследственной монархии, однако около 60% частного имущества находится в руках 5% самых богатых американцев.

Какова же роль государства? По мнению приверженцев теории массового общества, оно призвано способствовать достижению равенства и бороться с социальными проблемами. Однако Маркс сомневался, что государство сможет сделать больше, чем незначительные реформы, поскольку, как считал родоначальник марксизма, истинная власть — в руках капиталистов, контролирующих экономику. Другие сторонники теории классового общества указывают: расширение политических прав и повышение жизненного уровня, достигнутые рабочими и представителями меньшинств, — это результат политической борьбы, а не следствие доброй воли правительств. Значит, несмотря на демократические заявления, большинство людей бессильны перед лицом богатой элиты.

Критическая оценка. Общие принципы оценки современного мира, которых придерживаются сторонники теории массового и теории классового общества, приведены в табл. 21.3. Если первые отмечают повышение уровня жизни и разрастание правительства, вторые подчеркивают развитие капитализма и сохранение неравенства.

Таблица 21.3

Две интерпретации современности: резюме

	Массовое общество	Классовое общество
Процесс модернизации	Индустриализация, рост бюрократии	Развитие капитализма
Следствия модернизации	Повышение уровня жизни, развитие государства и других официальных организаций	Расширение капиталистической экономики; сохранение социального неравенства

В теории классового общества не уделяется должное внимание аргументу Дюркгейма, согласно которому люди ныне страдают от аномии; подчеркивается, что они отчуждены и бесправны. Поэтому неудивительно, что интерпретация современности с точки зрения теории классового общества пользуется широким признанием у либералов (и радикалов), поддерживающих достижение равенства и призывающих к всесторонней регуляции капиталистической рыночной экономики (или ее ликвидации).

Классовую теорию критикуют за пренебрежение тем, что современные общества уже добились значительного успеха в установлении равенства. Например, запрещена дискриминация по расовым, этническим и гендерным признакам, и многие люди осознали существование такой социальной проблемы. Значительно выросла терпимость к геям и лесбиянкам; инвалиды также имеют больше прав и возможностей, чем когда бы то ни было. Доход разных категорий людей по-прежнему сильно различается, однако большинство граждан США одобряют неравное вознаграждение, по крайней мере в той степени, в которой оно отражает различия в таланте и усилиях.

Кроме того, мало кто считает, что централизация экономики излечила бы болезни современности, учитывая неспособность социализма создать общий высокий жизненный уровень. Многие проблемы американского общества — от безработицы, бездомности людей и загрязнения окружающей среды до не реагирующего нужным образом правительства — существовали и в социалистических странах, например Советском Союзе.

Современность и человек

И в теории массового, и в теории классового общества рассматриваются крупные социальные изменения, произошедшие в результате индустриальной революции. Однако, опираясь на эти макроуровневые подходы, можно сделать и ряд выводов на микроуровне, касающихся того, как современный мир влияет на жизнь человека.

Массовое общество: проблемы идентичности. Малые, сплоченные некогда сообщества теперь ослаблены; большинство людей обладают большими правами на личную жизнь и свободу выражения своей индивидуальности. Однако теория массового общества утверждает: выраженное социальное разнообразие, усиление чувства изолированности и быстрые социальные изменения затрудняют развитие идентичности человека (Wheelis, 1958; Riesman, 1970; Berger, Berger & Kellner, 1974).

В главе 5 («Социализация») объясняется, что на формирование личности воздействует социальный опыт. Небольшие, однородные и почти не изменяющиеся общества прошлого позволяли установить очень точную, но весьма жесткую идентичность своих членов. Даже сегодня общины аманитов, проживающих в США и Канаде, учат молодых мужчин и женщин «правильному» образу мышления и поведения. Не каждому человеку, родившемуся в таком сообществе, нравятся строгие требования, но у большинства возникает цельная и удовлетворяющая их личная идентичность (ср.: Hostetler, 1980; Graybill & Olshan, 1994).

Массовые общества — совсем иной случай. Социально разнородные и подвижные, они дают людям очень зыбкие основания для определения личной идентичности. Получив право выбирать жизненный путь, многие — особенно обладающие богатством и, следовательно, большей свободой — сталкиваются с различными возможностями. Когда нет стандартов определения того, что же предпочтительно, такой диапазон не помогает, и в толерантных массовых обществах люди полагают один путь не более важным, чем другой. Понятно, почему порой от одной идентичности отказываются в пользу новой, пытаясь отыскать «истинные» образ жизни, отношения и даже религию. Зараженные современным релятивизмом, оставленные без морального компаса, люди лишены уверенности и определенности, какие обеспечивали раньше традиции.

Дэвид Рисман (Riesman, 1970; первое изд. — 1950) считал, что модернизация изменяет **социальный характер** (*формы личности, свойственные членам того или иного общества*). Дондустриальные характеризуются, по терминологии Рисмана, **приверженностью традициям** (*стойкая приверженность образу жизни, проверенному временем*). Члены таких обществ моделируют свою жизнь, оглядываясь на мир предков, так что «прожить хорошую жизнь» — значит «делать то, что всегда делали люди нашего сообщества».

Приверженность традициям соответствует *Gemeinschaft* Тённиса и «механической солидарности» Дюркгейма. Культурно консервативные, приверженные прошлому люди думают и поступают одинаково. В отличие от похожести, отмечаемой иногда в современных обществах, единообразие, вытекающее из сохранения традиций, не предполагает подражания друг другу. Люди похожи потому, что все они опираются на один прочный культурный фундамент. В качестве примера можно привести аманитов: в их культуре традиции связывают всех людей с предками и потомками неразрывной цепью благочестивой жизни.

В разнородных и быстро изменяющихся обществах приверженец традиций считается девиантным, поскольку кажется слишком жестким. Современные люди одобряют гибкость и чуткость к другим; Рисман описывал это как **направленность на других, восприимчивость к последним тенденциям и модам, часто выражающуюся в подражании кому-либо**. Поскольку такая социализация происходит в постоянно изменяющихся обществах, рождается гибкая идентичность человека, характеризующаяся поверхностностью, несогласованностью и подверженностью изменениям. Люди примеривают различные «Я», подобно новой одежде. Они ищут ролевые модели, пытаются поддерживать самоуважение и берутся за различную работу, переезжая при этом с места на место (Goffman, 1959). В традиционном обществе такое «непостоянство» позволяло считать человека ненадежным, однако в изменяющемся современном обществе эта способность приспособливаться почти ко всем окружающим условиям оказывается очень полезной.

Там, где ценится современное, а не традиционное, люди настойчиво добиваются одобрения окружающих, пытаются ухватить важные ролевые модели у представителей своего поколения, а не у стариков. Воздействие сверстников может оказаться невыносимым для тех, кто не имеет четких и неколебимых стандартов. Наше общество побуждает людей быть искренними с самими собой. Но если социальное окружение изменяется стремительным образом, как человеку обрести свое «я» и быть с собой искренним? Эта проблема обуславливает кризис идентичности, широко распространенный в современных индустриальных обществах. «Кто я?» — вот тот большой вопрос, который постоянно задают себе многие из нас. В действительности же проблема заключается не столько в нас самих, сколько в нестабильности современного массового общества.

Классовое общество: проблемы бессилия. В классовой теории влияние современности на людей описывается по-другому: сохраняющееся социальное неравенство свидетельствует о неспособности общества обеспечить своим членам личную свободу. Некоторым предоставлены огромные привилегии, а для остальных жизнь олицетворяет ежедневную борьбу с экономической неуверенностью и терзающим чувством бессилия (Newman, 1993).

Вся невыгодность положения очевидна в случае с меньшинствами. Другой пример — женщины, которые активнее участвуют ныне в жизни общества, но по-прежнему сталкиваются с традиционными барьерами сексизма. Иными словами, сторонники данного подхода не признают утверждение приверженцев теории массового общества, что люди страдают от слишком большой свободы. Наоборот, наше общество все еще не позволяет многим людям принимать полноценное участие в социальной жизни.

Мы склонны рассматривать традиции и современность как противоположности: чем сильнее одно, тем слабее другое. На самом же деле они могут существовать независимо, как, например, в Японии, где тесно переплелись традиционные и современные аспекты жизни

Как показано в главе 12 («Глобальная стратификация»), расширение капитализма в мировом масштабе поставило значительную часть населения Земли под контроль международных корпораций. В результате около 75% мирового дохода сконцентрировано в странах с высоким уровнем доходов, где проживают всего 18% людей. Удивительно ли, спра-

шивают сторонники теории классового общества, что жители бедных странах добиваются большей власти над собственной жизнью?

Чувство бессилия, охватившее людей, побудило Герберта Маркузе (Marcuse, 1964) оспорить идею Макса Вебера, что современное общество рационально. Маркузе, наоборот, заговорил о его иррациональности, поскольку оно не может удовлетворить потребности большого числа людей. Хотя современные капиталистические общества обладают несметными богатствами, почти 1 млрд людей живет в бедности. Кроме того, утверждает Маркузе, совершенствование технологий лишает людей возможности контролировать свою жизнь. Власть концентрируется в руках группу специалистов (а вовсе не большинства людей), контролирующих события и определяющих общественную программу во всех областях, будь то компьютерная техника, производство энергии или здравоохранение. Маркузе отвергал распространённую точку зрения, что технологии *решают* проблемы мира, и утверждал: наука на самом деле *порождает* их. В целом, согласно теории классового общества, люди страдают потому что власть и богатство сосредоточены у небольшой привилегированной группы лиц.

Современность и прогресс

Люди современных обществ ждут социальных перемен и приветствуют их. Мы связываем современность с *прогрессом* (от лат. «движение вперед»), непрерывным улучшением, а стабильность воспринимаем как застой.

ГЛОБАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Означает ли «современность» «прогресс»?**Пример бразильского племени кайапо**

В сгущающейся темноте мерцает пламя. У костра сидит вождь Канхонк, многие годы проводивший свои вечера именно так, за оживленными беседами и рассказами (Simons, 2001). В вечернее время небольшое племя кайапо, проживающее в буйных амазонских лесах Бразилии, полностью погружается в мир своих традиций. Кайапо не имеют письменности, поэтому, только собираясь по вечерам у костра, пожилые люди могут поведать о культуре предков своим детям и внукам. В прошлом такие вечера посвящались рассказам о храбрых воинах кайапо, которые сражались против португальских купцов, наводнивших Южную Америку в поисках рабов и золота.

Однако время идет, но на вечерний ритуал собираются лишь несколько пожилых жителей деревни. «Это все Большой Призрак», — ворчит один мужчина, объясняя ситуацию. Действительно, племя проклято «Большим Призраком»: его голубоватое сияние можно заметить в окнах домов по всей деревне. Дети, а также многие взрослые кайапо смотрят фильмы по телевизору. Спутниковая антенна, установленная в деревне несколько лет назад, привела к таким последствиям, о которых вряд ли кто мог помыслить. В результате, то что врагам племени не удалось сделать с помощью оружия, совершили телепередачи.

Люди кайапо принадлежат к 230 тыс. коренных жителей Бразилии. Они примечательны своеобразной техникой окраски тела и богато украшенной церемониальной одеждой. В 1980-е гг. добыча золота и продажа красного дерева сделала их состоятельными людьми, но перед ними встал вопрос, благословением или проклятием обернулось полученное богатство.

Некоторые говорят, что богатство дает им возможность узнать об окружающем мире, позволяя путешествовать и смотреть телевизор. Другие же, как вождь Канхонк, в этом не уверены. Сидя у костра, он размышляет вслух: «Я говорю, что люди должны покупать полезные вещи — такие, как ножи и рыболовные крючки. Телевидением не наполнишь желудок. Оно только показывает нашим детям и внукам вещи белых людей». Бибтопап, самый старый шаман, кивает в знак согласия: «Ночь — время, когда пожилые люди учат молодых. Телевидение украло ночь» (Simons, 2001).

История кайапо показывает, что изменение — не всегда только «прогресс». Племя входит в эру современности, но этот процесс имеет как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, жизненный уровень кайапо повысился, они получили возможность строить хорошие дома, лучше одеваться и использовать новые технологии (например, телевидение), соединяющие их с большим миром. С другой стороны, достаток значительно ослабил традиции кайапо, и многие из них сейчас удивляются — имея на то все основания, — кем или чем они стали. Подобная драма разыгрывается повсюду, по мере того как изобилие и материализм богатых обществ соблазняют представителей все большего числа традиционных культур, забывающих в результате о своем наследии.

Источник: Simons, 2001.

Будучи столь благосклонными к изменениям, американцы порой считают традиционные культуры отсталыми. Однако у всяких перемен, особенно тех, что ведут к повышению материального благополучия, две стороны. Это слишком сложный процесс, чтобы говорить исключительно о прогрессе (см. «Означает ли «современность» «прогресс»? Пример бразильского племени кайапо»).

Даже обогащение имеет как положительные, так и отрицательные аспекты, о чем свидетельствует пример племени кайапо. Повышение жизненного уровня

в США продлевало жизнь и делало ее комфортнее в материальном смысле. В то же время многие люди удивляются, почему в современном обществе так высок уровень стресса и постоянно не хватает времени на семейный отдых или просто совместное времяпрепровождение.

Наука также имеет свои плюсы и минусы. Согласно данным недавно проведенного исследования, американцы совершенно уверены (намного сильнее, чем жители других стран), что наука улучшает жизнь (Inglehart et al., 2000). В то же время многие взрослые жители США чувствуют, что научные изыскания «слишком быстро изменяет образ жизни» (NORC, 2001).

Новые технологии всегда были противоречивым вопросом. 100 лет назад автомобили и телефоны обеспечили быстроту перемещений и эффективность коммуникации, но в то же время ослабили традиционную привязанность к родному городу и даже к семье. Существует мнение, что компьютеры действуют аналогичным образом: позволяя нам общаться с людьми всего мира, отдаляют нас от соседей; предоставляя доступ к огромным объемам информации, ставят под угрозу нашу частную жизнь. Короче говоря, все мы осознаем, что социальные изменения непрерывно ускоряются, но спорим, являются ли те либо другие изменения прогрессивными или отбрасывают общество назад.

Современность: глобальные различия

1 октября, Кобе, Япония. Проезжая высоко над улицами города по компьютеризированной монорельсовой железной дороге или находясь в поезде, движущемся в Токио со скоростью 200 миль в час, мы воспринимаем Японию как высокотехнологичное общество будущего. Однако в других отношениях это совершенно традиционная страна: женщины здесь редко занимают руководящие посты в компаниях, и их почти нет среди серьезных политиков, молодые люди все еще очень уважают старших, а порядок в общественных местах резко контрастирует с суматохой американских городов.

Япония — одновременно и традиционная, и современная страна. Это противоречие напоминает нам, что старое и новое часто соседствует, причем совершенно неожиданным образом. В Китае древние конфуцианские законы переплетаются с современным социалистическим мышлением. Или, скажем, в Мексике и многих странах Латинской Америки соблюдаются христианские нормы жизни и идет ожесточенная борьба за экономический рост. Иными словами, сочетания традиций и современности встречаются по всему миру.

Постсовременность (постмодерн)

Если современность как феномен возникла после индустриальной революции, возможно ли утверждать, что информационная революция породит постсовременность? Некоторые ученые считают, что так и происходит, говорят о **постмодерне** (социальных формах, характерных для постиндустриальных обществ).

Точный смысл слова «постмодерн» остается предметом споров. Уже несколько десятилетий оно используется в литературных, философских и даже архитектур-

ных работах. Социологи подхватили этот термин на волне социальной критики, которая началась с распространения в 1960-е гг. левых политических взглядов. Существует много вариантов постмодернистского мышления, однако все они предполагают 5 основных аспектов (Bernstein, 1992; Borgmann, 1992; Crook, Pakulski, & Waters, 1992; Hall & Neitz, 1993; Inglehart, 1997; Rudel & Gerson, 1999):

1. **Современность не обеспечила решение важнейших проблем.** Современная эпоха обещала избавить людей от нужды. Однако постмодернисты считают, что XX в. не привел к решению таких социальных проблем, как бедность, и подтверждают это тем, что многие люди все еще в финансовом отношении чувствуют себя неуверенно.
2. **Яркий свет «прогресса» угасает.** Современные люди смотрят в будущее, ожидая, что их жизнь значительно улучшится. Однако члены (и даже лидеры) постмодернистских обществ не так оптимистичны. Более того, воодушевление, сопровождавшее формирование современной эпохи более века назад, уступило место пессимизму; большинство взрослых американцев считают, что жизнь становится хуже (NORC, 2001).
3. **Наука более не даёт ответов на вопросы.** Определяющими чертами современной эры были научный взгляд и убежденность в том, что технологии улучшат жизнь. Однако постмодернисты отмечают, что наука не решила многие старые проблемы (например, медицинские) и даже создала новые (такие, как загрязнение окружающей среды).

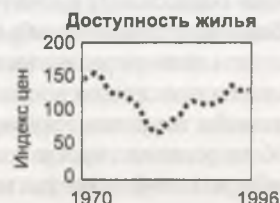
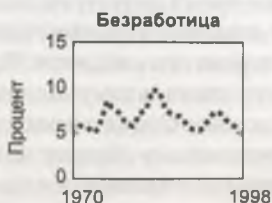
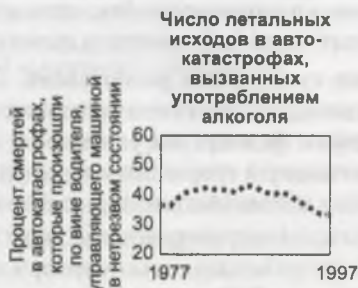
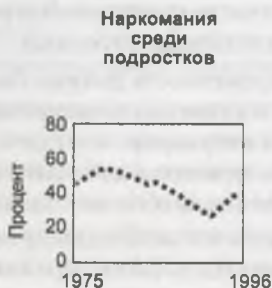
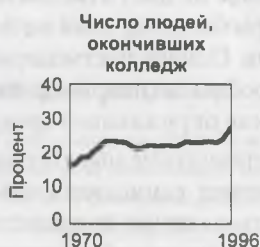
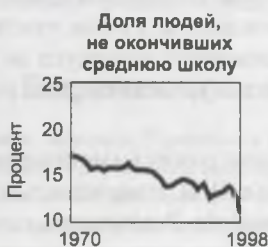
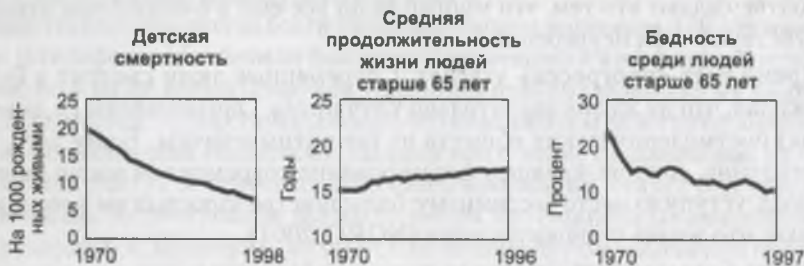
Постмодернистские мыслители упрекают науку в «метанарративности», что подразумевает единственность истины. Они утверждают, что объективная реальность и истина не существуют вообще. Реальность, говорят они, эквивалентна «социальной конструкции»; более того, мы можем «вскрыть противоречия» в науке и увидеть, насколько часто та используется в политических целях, особенно влиятельными социальными группами.

4. **Усиление культурных разногласий.** Современность должна была оказаться эрой индивидуальности и терпимости, но и в этом она не оправдала ожиданий. Сторонники феминизма указывают, что патриархат все еще ограничивает жизнь женщин, а сторонники мультикультурализма добиваются улучшения положения меньшинств, которые еще остаются на обочине социальной жизни. Более того, сейчас, когда многие люди имеют все необходимые им материальные блага, еще большую важность приобрели идеи. Таким образом, постмодерн представляет собой и постматериалистическую эру, когда значительное общественное внимание будут привлекать такие вопросы, как социальная справедливость, защита окружающей среды и права сексуальных меньшинств.
5. **Изменение социальных институтов.** В свое время индустриализация повлекла за собой масштабное преобразование социальных институтов; то же самое происходит и по мере развития постиндустриальных обществ. Например, индустриальная революция поставила в центр жизни *материальные вещи*, а информационная выдвигает на первое место *идеи*. Семья в эпоху постмодерна также уже не соответствует никакому единственному образцу; напротив, люди могут выбирать из множества новых вариантов семейной жизни.

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Отслеживая перемены: улучшается или ухудшается жизнь в США?

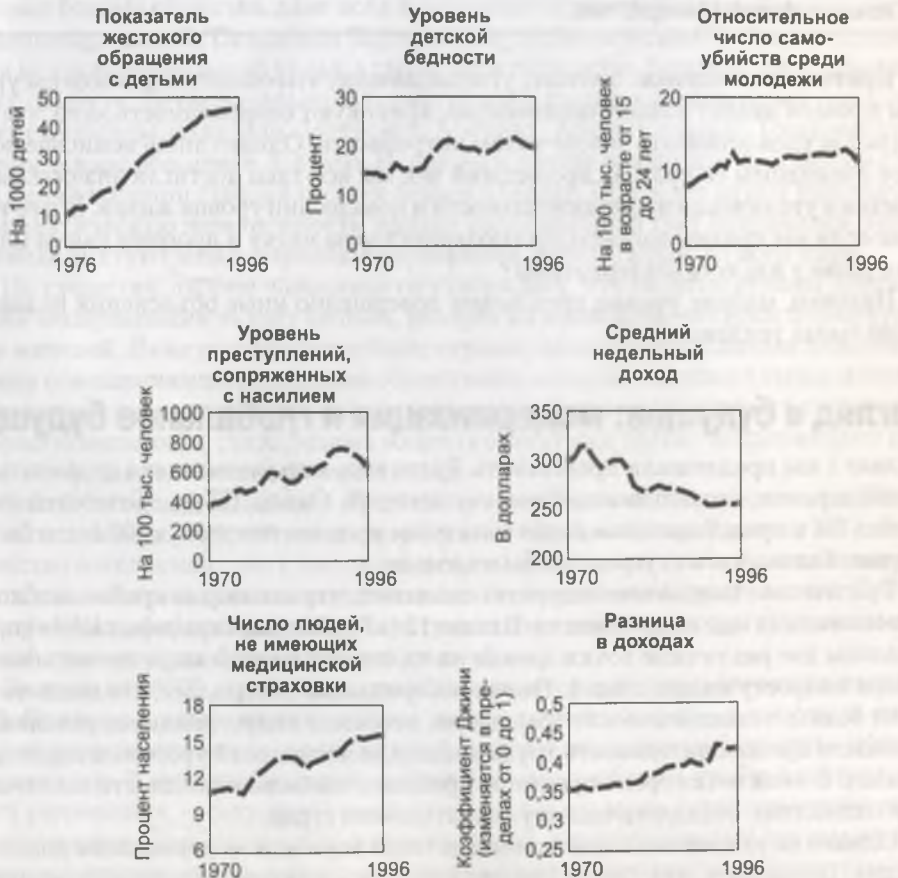
Эту главу мы начали с описания того, какой была жизнь в крупном американском городе в 1900 г. Нетрудно заметить, что во многих отношениях сейчас мы живем лучше, чем наши прадеды и прапрадеды. Однако за последние десятилетия произошли не только положительные изменения. Ниже описаны некоторые тенденции, формирующие американское общество с 1970 г.

Сначала скажем о хорошем: по некоторым оценкам (см. первый ряд графиков), жизнь, несомненно, улучшается. Уровень детской смертности постепенно снижается, а это означает, что все меньше детей умирают вскоре после рождения. Растет число людей, которые доживают до старости; перешагнувшие рубеж 65 лет живут дольше, чем когда бы то ни было. Еще одна хорошая новость: сейчас количество бедняков среди пожилых людей намного меньше, чем в 1970 г. Школьное образование также улучшилось: доля людей, не оканчивающих среднюю школу, снизилась, а число выпускников колледжей, напротив, увеличилось.

Другие показатели не изменились: по некоторым признакам жизнь осталась примерно такой же, что и в 1970-е гг. Например, наркомания среди подростков в 1996 г. оказалась столь же распространенной, что и в предыдущем поколении. Количество смертных случаев в автокатастрофах, вызванных пьянством, почти не уменьшилось. За прошедшие годы безработица возрастала и убывала, однако ее общий уровень остался примерно тем же.

Наконец, в 1996 г. примерно такая же, что и в 1970-м, доля людей могла позволить себе приобретение жилья.

Теперь о плохом: по некоторым оценкам, в том числе касающимся детей, качество жизни в США снизилось. Выросло количество официально зарегистрированных случаев жестокого обращения с детьми, то же характеризует уровень детской бедности и самоубийств среди молодых людей. Хотя в 1990-е гг. реже стали насильственные преступления, но уровень все

равно выше показателей 1970 г. Средний недельный доход — один из индикаторов надежности экономического положения — снижается, в результате для поддержания равновесия семейного бюджета вынуждены работать двое и более членов семьи. Число людей, не имеющих медицинской страховки, также увеличивается. Наконец, в США возрастает экономическое неравенство.

Итак, в целом данные не подтверждают идею о «прогессе». Социальные изменения являются — и, возможно, останутся — сложным процессом, отражающим заданные в стране приоритеты, а также наше стремление к их достижению.

А что думаете вы?

1. Можете ли вы, опираясь на материал предыдущих глав, объяснить какие-нибудь из описанных тенденций? Какие?
2. Какие из тенденций вы считаете наиболее важными? Почему?
3. Как вы думаете, качество жизни в США улучшается или ухудшается? Почему?

Источник: Miringoff & Miringoff, 1999.

Критическая оценка. Ученые, утверждающие, что общества с высоким уровнем доходов входят в эпоху постмодерна, критикуют современность за то, что она не смогла удовлетворить человеческие потребности. Однако лишь немногие полагают очевидным ее крах; за прошедший век мы все-таки достигли значительных успехов в увеличении продолжительности и повышении уровня жизни. Более того, даже если мы примем взгляды постмодернистов на науку и прогресс как на иллюзию, разве у нас есть альтернативы?

Наконец, многие ученые предлагают совершенно иные объяснения недавних социальных тенденций.

Взгляд в будущее: модернизация и глобальное будущее

В главе 1 мы предложили представить, будто весь мир уменьшился до масштабов одной деревни, насчитывающей тысячу жителей. Около 175 ее обитателей относились бы к представителям стран с высоким уровнем доходов, а 200 были бы настолько бедны, что это угрожало бы их жизни.

Трагическое положение бедняков показывает, что некоторые крайне необходимые изменения еще не произошли. В главе 12 («Глобальная стратификация») представлены две различные точки зрения на то, почему во всем мире насчитывается 1 млрд попросту нищих людей. *Теория модернизации* утверждает, что когда-то все были бедны, технологические изменения, особенно индустриальная революция, повысили производительность труда и подняли жизненный уровень в некоторых странах. С этой точки зрения решение проблемы глобальной бедности заключается в содействии технологическому развитию всех стран.

Однако по указанным выше причинам такая всеобщая модернизация довольно трудна. Вспомните, что Дэвид Рисман описывал живущих в доиндустриальных обществах как *приверженных традициям* и склонных сопротивляться изменениям. Поэтому сторонники теории модернизации утверждают: богатые общества должны помочь экономическому развитию бедных стран. Индустриальным державам следует экспортировать технологии в слаборазвитые регионы мира, обучать зару-

бежных студентов и предоставлять бедным странам помощь, стимулирующую экономический рост.

Приведенный в главе 12 обзор теории модернизации показывает, что подобная политика оказалась успешной в Латинской Америке и еще ряде азиатских стран — Тайване, Южной Корее, Сингапуре и Гонконге. Однако она породила и негативные последствия. Люди, придерживающиеся традиционного уклада (например, бразильское племя кайапо), смогли увеличить доходы, но утратили былые ценности и культурное своеобразие, присоединяясь к глобальной *McCulture*¹ западного материализма, поп-музыки, модной одежды и быстрого питания. Один бразильский антрополог так говорит о будущем кайапо: «По крайней мере они быстро поняли последствия просмотра телепередач... Теперь у них есть выбор» (Simons, 2001).

Однако далеко не все считают, что модернизация бедных стран возможна. Согласно второму подходу к глобальной стратификации, *теории зависимости*, современные бедные общества, даже если и пожелают осуществить подобное, не смогут модернизироваться. Основным барьером для экономического развития оказывается не традиционный уклад, а глобальное господство богатых, капиталистических обществ. Первоначально оно выступало в форме колониализма, благодаря чему европейцы захватили Латинскую Америку, Африку и Азию. Торговые отношения вскоре обогатили Англию, Испанию и другие владевшие колониями страны, а сами колонии становились все беднее и беднее. Почти все из них уже получили политическую независимость, однако колониальный гнет сохранился, теперь правила диктуют международные корпорации, действующие во всем мире.

По существу, теория зависимости утверждает, что богатые страны достигли своей модернизации за счет бедных, разоряя их природные ресурсы и эксплуатируя жителей. Даже сегодня беднейшие страны связаны невыгодными экономическими отношениями с развитыми обществами, которые покупают сырье и взамен предлагают недорогие промышленные товары. В целом, заключают сторонники теории зависимости, связи бедных обществ с богатыми только поддерживают имеющиеся формы глобального неравенства.

Какой бы подход ни казался убедительнее, невозможно отграничить изменения, происходящие в США, от тех, что затрагивают остальной мир. В начале XX в. большинство населения стран с высоким уровнем доходов жили в небольших квартирах и имели ограниченное представление об окружающем пространстве. Сейчас, на заре XXI в., мир превратился в одно громадное поселение, потому что жизнь всех людей стала гораздо более взаимосвязанной.

За последние 100 лет мы стали свидетелями невероятных человеческих достижений. Однако решения многих проблем нашего существования — в том числе смысл жизни, разрешение международных конфликтов и искоренение бедности — ускользнули от нас. В этот список можно добавить новые проблемы, требующие неотложного разрешения, — регуляция роста населения и создание устойчивого общества, находящегося в гармонии с окружающей средой. В следующие 100 лет нам необходимо решительно заняться этими вопросами, проявив максимум изобретательности и не оставшись равнодушными. Понимание законов человеческого общества позволяет нам посмотреть на эту задачу с оптимизмом.

¹ Ироничное обозначение стандартизированной, ориентированной на потребление массовой культуры западного типа, ярчайшим образчиком которой является *McDonald's*. — *Примеч. науч. ред.*

Резюме

1. Все общества постоянно трансформируются, но скорость протекания перемен различна. Социальные изменения часто бывают противоречивыми.
2. Социальные изменения представляют собой результат изобретений, открытий, диффузии, а также социальных конфликтов.
3. Современностью называют социальные последствия индустриализации, которая, по мнению Питера Бергера, разрушает традиционные сообщества, расширяет личный выбор, а также усиливает разнообразие взглядов и повышает осведомленность о будущем.
4. Фердинанд Тённис описывал модернизацию как переход от *Gemeinschaft* к *Gesellschaft*, свидетельствующий о прогрессирующей утрате общности и постепенном росте индивидуализма.
5. Эмиль Дюркгейм рассматривал модернизацию общества как следствие усиливающегося разделения труда. По его мнению, механическая солидарность, основанная на совместной деятельности и общих убеждениях, постепенно уступает место органической, когда взаимозависимость людей обусловлена их специализацией.
6. По Максус Веберу, современность заменяет традиции рациональным мировоззрением. Вебер опасался дегуманизации как результата рациональной организации общества.
7. Карл Маркс воспринимал современность в качестве триумфа капитализма над феодализмом. Считая, что капиталистическим обществам свойственны острые социальные конфликты, Маркс поддерживал революционные изменения, направленные на создание социалистической системы.
8. Теория массового общества утверждает, что современность увеличивает масштаб жизни, расширяя роль государства и других официальных организаций в решении задач, ранее выполнявшихся членами одной семьи и их соседями. Культурное разнообразие и быстрые социальные изменения, характерные для современных обществ, затрудняют развитие стабильной идентичности и нахождение смысла жизни.
9. Сторонники теории классового общества полагают, что центральным фактором модернизации на Западе стал капитализм. По их мнению, капиталистическая система, способствующая концентрации богатств в руках немногих людей, приводит к тому, что остальная масса населения заражается чувством бессилия.
10. Социальные изменения слишком сложны и противоречивы, чтобы их можно было отождествлять с социальным прогрессом.
11. «Постмодерном» называют культурные черты постиндустриальных обществ. Основной аспект критики общества с этих позиций заключается в том, что современность (особенно наука) не смогла обеспечить людям преуспевание и благополучие.

12. В глобальном контексте теория модернизации связывает существование бедности с силой традиций. Поэтому некоторые сторонники данного подхода утверждают, что богатые общества должны вмешиваться в дела бедных стран и стимулировать их экономическое развитие.
13. Приверженцы теории зависимости оценивают бедность в международном масштабе как продукт мировой экономической системы. По их мнению, деятельность интернациональных корпораций гарантирует сохранение экономической зависимости бедных стран от более богатых.

Основные понятия

Классовое общество — капиталистическое общество с выраженной социальной стратификацией.

Массовое общество — общество, в котором промышленность и бюрократия ослабили традиционные социальные связи.

Модернизация — процесс социального изменения, начатого индустриализацией.

Направленность на других — восприимчивость к последним тенденциям и модам, часто выражающаяся в подражании другим людям.

Постмодерн — социальные формы, характерные для постиндустриальных обществ.

Приверженность традициям — стойкая приверженность образу жизни, проверенному временем.

Современность — социальные формы, являющиеся результатом индустриализации.

Социальное изменение — трансформация культурных и социальных институтов с течением времени.

Социальный характер — формы личности, свойственные членам того или иного общества.

Вопросы для размышления

1. Насколько удачно, по вашему мнению, Тённис, Дюркгейм, Вебер и Маркс предсказали характер современного общества? В чем их взгляды на современность схожи? В чем различаются?
2. Какие черты побуждают некоторых ученых называть США «массовым обществом»? Почему другие авторы описывают Соединенные Штаты как «классовое общество»?
3. Каковы различия между *аномией* (чертой массового общества) и *отчуждением* (характеристикой классового общества)? Как вы думаете, среди каких категорий американцев наиболее выражен каждый из этих факторов?
4. Почему некоторые ученые считают США обществом эпохи постмодерна? Вы согласны с ними? Почему?

Новые информационные технологии и социальные изменения

В главе 3 («Культура») было представлено понятие *культурного лага*, которое Уильям Огбурн (Ogburn, 1964) использовал для обозначения того факта, что одни элементы культуры трансформируются быстрее остальных. Обычно, как объяснял Огбурн, технологии изменяются довольно быстро, но чтобы привыкнуть к ним, людям нужно много больше времени. Возможно, именно из-за такого «разрыва» мы описываем новые достижения с помощью старых терминов, например, измеряем производительность двигателей в «лошадиных силах» или исследуем «магистраль» киберпространства.

Сам факт того, что развитие науки и технологий опережает нашу способность к их пониманию, делает отношение многих людей к социальным изменениям противоречивым. Национальный опрос показал, что около 40% взрослых американцев согласны с утверждением: «Наука слишком быстро изменяет нашу жизнь, и это проблема» (NORC, 2001). Тем не менее большинство людей оптимистичнее, ожидая, что новые технологии улучшат их жизнь. В этом заключительном разделе «Киберсфера» мы описываем, как эра компьютеров изменяет города, формирует новые типы человеческих сообществ и обеспечивает новые возможности организации людей с целью образования социальных движений.

Рост виртуальных сообществ

Рассмотрим некоторые драматичные изменения, происходившие в Дартмутском колледже, расположенном в Ханovere, штат Нью-Гэмпшир. Это учебное заведение — один из наиболее престижных американских колледжей, находящийся на передовой информационной революции. После подключения всех его общежитий к единой компьютерной сети (это иногда называют моделью «по проводу на подушку») жизнь в студенческом городке значительно изменилась. Вступив в кибернетическую эпоху, студенты, например Артур Дезрозье, обнаружили, что у них остается все меньше поводов покидать свои комнаты. При помощи компьютера Дезрозье, второкурсник Дартмутского колледжа, читает библиотечные книги, печатает курсовые работы, задает вопросы преподавателям, посылает письма своей подруге, общается со старыми школьными друзьями. Самое странное, что Дезрозье часто посылает сообщения двум своим соседям по комнате, в то время как они просто молча смотрят в свои экраны, находясь на расстоянии нескольких футов.

Получив доступ в Интернет, эти тайские студенты смогли присоединиться к международному социальному движению, направленному на защиту прав инвалидов

Наверное, одним из знаков наступившего времени может служить закрытие когда-то популярного ресторана, расположенного совсем рядом с общежитиями, в которых проживают 3 тыс. студентов. Студенческий союз также уже гораздо менее занят, чем всего лишь несколько лет назад. В комнате, раньше использовавшейся для общения, сейчас расположены — вы, наверное, уже догадались — компьютерные терминалы, позволяющие студентам проверить в перерывах между занятиями электронную почту.

В Дартмутском колледже компьютеры никогда не были более популярными. 8 тыс. студентов, преподавателей и сотрудников посылают и получают в общей сложности около 250 тыс. сообщений в день. Никто не сомневается, что новые технологии обеспечивают беспрецедентные возможности доступа к информации и объединяют людей почти всех стран мира. Однако кто-то стал осознавать, что в результате исчезло прежнее местное сообщество. Преподавателей беспокоит, что они все реже и реже видят своих студентов; те же задумались, что им следует чаще встречаться друг с другом. Вот что сказала студентка последнего курса Эбигейл Батлер: «Я знаю таких, кто просиживает пятничные и субботние вечера дома, общаясь по электронной почте с людьми, знакомыми им только по "никам", в то время как другая жизнь проходит мимо. Спустя некоторое время начинаешь остро чувствовать неудовлетворенность таким существованием. Лучше встретиться с кем-нибудь в реальном мире и просто поговорить» (Gabriel, 1996).

Социальные движения: новые способы взаимосвязи

Новые способы общения с людьми способствуют формированию и расширению социальных движений. Сегодня любой человек, интересующийся каким-либо вопросом и имеющий компьютер, может общаться с единомышленниками, спрашивать их и распространять свои идеи, — в общем, участвовать осознанно в социальном изменении. Кроме этого, компьютеры предоставляют доступ к почти неограниченной информации, расположенной на сайтах бесчисленных организаций и людей, предлагающих программы перемен.

Самое важное, что компьютерные технологии облегчают объединение в глобальном масштабе. В качестве примера приведем студентов Римско-католического профессионально-технического училища из Паттайи, Таиланд. Эти молодые люди имеют физические недостатки, которые до наступления информационной эпохи могли вообще оставить их без образования. Однако, используя установленные в училище компьютеры, студенты смогли наладить контакт с сотнями тех, у кого такие же проблемы, из десятков стран всего мира, включая США. Общаясь с ними и посещая различные сайты национальных и международных организаций инвалидов, студенты получили богатые познания. Они с удивлением узнали, что во многих странах приняты законы, которые защищают инвалидов от дискриминации и требуют наличия пандусов у тротуаров и подъездов; они обнаружили, что в зарубежных городах есть автобусы, приспособленные для людей в колясках, а также общественные туалеты, разработанные с учетом всех категорий населения. Вооружившись знанием, студенты этого училища организовали аналогичное движение в своей собственной стране, используя Интернет для просвещения людей и воздействуя на правительственных чиновников, чтобы соответствующие законы были приняты и в Таиланде.

Интернет предоставляет мощные средства коммуникации каждому человеку, но особенно он важен для людей, чьи возможности общения в реальном мире ограничены. Вот как выразил это один тайский студент: «В Сети я не ощущаю себя неполноценным человеком» (Smolan & Erwit, 1996). Далеко не во всех странах мира компьютеры стали обычным делом, но даже в этом случае Интернет приобщает все большее число жителей бедных стран к силе глобального масштаба.

Алфавитный указатель

А

абсолютная бедность 407
авторитаризм 548
авторитет 542
агрокультура 143
андроцентризм 69
анимизм 623
аномия 163
артефакты 115
асексуальность 312
ассимиляция 481
аут-группа 232
афроцентризм 124

Б

базис общества 150
бедность 387, 395
билатеральное наследование 586
бисексуальность 312
богатство 367
брак 581
бунт 692
бюрократическая инерция 245
бюрократический ритуализм 244
бюрократия 161, 240

В

валидность 61
вера 615
включенное наблюдение 79
власть 541
вовлечение в общий поток 679
военно-промышленный комплекс 571
возмездие 291
война 568
вопросник 74
воспроизводимость исследования 65
вторичная группа 226
вторичные половые признаки 303
вторичный
анализ 82
рынок труда 525
сектор экономики 513
выборка 73
высший класс
верхний слой 374
нижний слой 375

Г

гендер 68, 431
и класс 459
и комплементарность 458
гендерная слепота 69
гендерная стратификация 432
гендерные роли 439
генеральная совокупность 73
геноцид 483
гермафродит 303
гетеросексизм 328
гетеросексуальность 312
гипотеза 71
глобальная экономика 514
глобальный подход 29
гомогамия 592
гомосексуальность 312
гомофобия 316
государственный капитализм 520
государство всеобщего
благосостояния 552
гражданская религия 643
группа равных 183
групповое мышление 230
группы по особым интересам 556

Д

двойные стандарты 69
девиантность 259
дедуктивное логическое мышление 87
демократия 545
деноминация 621
диада 232
дискриминация 478
доконвенциональный уровень 176
доминирующий статус 199
дооперациональная стадия 175
достигнутый статус 199
доход 366
драматургический анализ 208

Е

европоцентризм 122

З

зависимая переменная 62
земледелие 141
зеркальное Я 179

И

- Ид 174
- идеальный тип 156
- идеология 348
- изменения культуры 126
- измерение 58
- ин-группа 232
- индуктивное логическое мышление 87
- индустриальная система 144
- институционализированные предубеждения и дискриминация 479
- инструментальное лидерство 227
- интервью 75
- интерпретативная социология 66
- интерференция 69
- исторические виды идеологии 348

К

- капитализм 516
- капитализм всеобщего благосостояния 520
- капиталисты 149
- кастовая система 338
- классовая система 341
- классовое общество 734
- классовое сознание 153
- классовый конфликт 152
- когорта 193
- коллективное поведение 688
- колониализм 413
- комитет политических действий 558
- коммунизм 151, 519
- конвенциональный уровень 176
- конгломераты 533
- контркультура 124
- корпорация 531
- корреляция 62
- креденциализм 669
- критическая социология 67
- культ 622
- культура 101
- культурная интеграция 125
- культурная трансмиссия 107
- культурные универсалии 131
- культурный лаг 126
- культурный релятивизм 128
- культурный шок 103

Л

- либеральный феминизм 462
- личное пространство 213

- личность 170
- ложная корреляция 62
- ложное сознание 150

М

- массовая истерия 699
- массовое общество 731
- массовое поведение 695
- материальная культура 102
- матриархат 436
- матрилокальность 585
- медиализация девиантности 271
- меншинство 452, 472
- меритократия 341
- метод исследования 70
- механическая солидарность 164
- мирское 614
- многонациональные корпорации 414
- мода 700
- модель
 - властной элиты 561
 - марксистская политико-экономическая 561
- модернизация 723
- монархия 544
- моногамия 583
- монополия 533
- монотеизм 624
- моральная паника 699
- мультикультурализм 122

Н

- набор статусов 199
- надежность 61
- настройка 150
- направленность на других 737
- народные обычаи 114
- насилие в семье 605
- наследование 586
- наука 57
- научная социология 57
- научное управление 246
- невербальная коммуникация 210
- независимая переменная 61
- нематериальная культура 102
- неоколониализм 414
- неолокальность 585
- низший класс 378
- нищета 408
- нормы 113
- правы 114
- нуклеарная семья 581

О

обобщенный другой 180
 образование 650
 общественное мнение 697
 общество 139
 общность 689
 объективность 64
 олигополия 533
 операционализация переменной 60
 опережающая социализация 184
 опрос 73
 организационная среда 242
 организованная преступность 277
 органическая солидарность 164
 относительная бедность 405
 относительной депривации 703
 отчуждение 153
 охота и собирательство 140

П

паника 699
 парадигма
 символического интеракционизма 45
 социального конфликта 43
 структурно-функциональная 42
 патриархат 436
 патрилокальность 585
 первичная группа 226
 первичные половые признаки 303
 первичный рынок труда 525
 первичный сектор экономики 513
 переменная 58
 плюрализм 481
 плюралистская модель 560
 позитивизм 40
 пол 302
 полиандрия 585
 полигамия 583
 полигиния 585
 политеизм 624
 политика 541
 политическая революция 564
 понятие 58
 популярная культура 119
 порнография 317, 456
 постиндустриализм 145
 постиндустриальная экономика 512
 постконвенциональный уровень 176
 постмодерн 740
 превращение харизмы в рутинный поряд-
 док 544
 предписанный статус 199

предубеждения 474
 преступление
 без потерпевших 283
 белых воротничков 276
 из ненависти 278
 корпоративное 277
 понятие 259
 против личности 281
 против собственности 283
 приверженность традициям 736
 причина и следствие 61
 пролетарии 149
 пропаганда 699
 проституция 320
 профессиональные союзы 525
 профессия 527

Р

радикальный феминизм 462
 разведение скота 142
 разделение труда 164
 раса 468
 расизм 475
 распределение по циклам 662
 распространение ядерного оружия 572
 расширенная семья 581
 рационализация общества 157
 рационально-легальная власть 543
 рациональность 156
 реабилитация 292
 религиозность 636
 религия 614
 ресоциализация 193
 референтная группа 231
 ритуал 615
 родство 580
 ролевое напряжение 202
 ролевой конфликт 201
 ролевой набор 201
 роль 200

С

сакральные явления 614
 самопрезентация 208
 сверхобобщение 69
 сделка о признании вины 291
 сдерживание путем устрашения 292
 сегрегация 482
 сексизм 436
 сексуальная ориентация 311
 сексуальное преследование 454
 секта 621

секуляризация 641
 семейная единица 580
 семья 580
 сенсомоторная стадия 175
 сеть 235
 символы 105
 система уголовного права 260
 скрытая программа 661
 слухи 695
 смещение рас 482
 современность 723
 сожительство 607
 социализация 170
 социализм 518
 социалистический феминизм 462
 социальная группа 224
 социальная защита 292
 социальная интеграция 27
 социальная мобильность 381
 социальная стратификация 337
 социальная структура 42
 социально-экономический статус 357
 социальное взаимодействие 197
 социальное движение 702
 социальное изменение 719
 социальное конструирование
 реальности 203
 социальные дисфункции 43
 социальные институты 150
 социальные функции структуры 42
 социальный контроль 114, 260
 социальный конфликт 149
 социальный характер 736
 социобиология 132
 социокультурная эволюция 140
 социология 24
 сплетни 697
 средний класс
 верхний слой 376
 нижний слой 376
 средний слой 376
 сведения массовой информации 184
 стадии модернизации (по Росту) 416
 стадия конкретных операций 175
 стадия формальных операций 176
 статистические показатели 60
 статус 198
 статусная согласованность 342
 стереотипы 475
 стигма 270
 структурная социальная мобильность 347
 субкультура 119
 Суперэго 174
 супружеская неверность 592

Т

табу на инцест 305, 587
 тезис Дэвиса—Мура 351
 тезис Сепира—Уорфа 110
 теневая экономика 529
 теология освобождения 620
 теорема Томаса 205
 теоретическая парадигма 42
 теория
 авторитарной личности 476
 возникающих норм 694
 депривации 703
 дифференциальной ассоциации 272
 зависимости 419
 заражения 693
 «козла отпущения» 475
 конвергенции 693
 контроля 272
 конфликта 476
 культурная 708
 культуры 476
 массового общества 705
 мобилизации ресурсов 707
 модернизации 415
 новых социальных движений 709
 понятие 40
 странной идентичности 328
 структурной напряженности 706
 ярлыков 268
 терроризм 565
 техника контроля 62
 технология 116
 типы рабства 411
 тоталитаризм 550
 тотальный институт 193
 тотемы 616
 традиционная власть 542
 традиция 156
 транссексуалы 303
 третичный сектор экономики 514
 триада 233

У

убеждения 110
 увлечение 701
 уголовный рецидивизм 294

Ф

феминизация бедности 389
 феминизм 460
 формальные организации 238

фундаментализм 644

функции

латентные 42

явные 42

функциональная неграмотность 676

Х

харизма 622

харизматическая власть 543

Хоторнский эффект 72

Ц

ценности 110

церовь 620

Ч

чернь 691

Ш

школьная система 650

Э

Эго 174

экзогамия 583

экономика 510

эксперимент 71

экспрессивное лидерство 227

элитарная культура 119

эмпирические данные 57

эндогамия 583

этничность 470

этнометодология 205

этноцентризм 128

Я

Я 178

язык 107

Иностранные термины

I и *Me* 179

Дж. Масионис

СОЦИОЛОГИЯ

9-е издание

Джон Масионис — выдающийся ученый, доктор социологии, профессор. За 25 лет работы в *Kelyon College* он возглавлял факультет антропологии и социологии, руководил междисциплинарной программой гуманитарных исследований, был председателем ученого совета и главой профессорско-преподавательского состава колледжа.

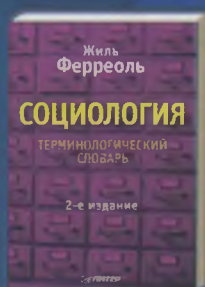
В 1998 г. Дж. Масионис был удостоен награды Ассоциации социологов за выдающийся вклад в педагогику, в том числе за написание учебников и использование новых технологий в социологии.

Профессор Масионис принимает активное участие в зарубежных учебных программах. Его научные интересы широки: общественная жизнь США, межличностные отношения в семье, эффективное преподавание и др.

События, происходящие в последние годы, в частности трагедия 11 сентября 2001 г., вынуждают нас задуматься о том, в каком мире мы живем. Солидная, содержательная и увлекательная, эта книга знакомит читателя с социологией как научной дисциплиной, позволяющей увидеть мир в новом свете. Так, здесь рассматриваются проблемы социальной стратификации, даются основные понятия и теоретические объяснения социального неравенства. На многочисленных примерах показаны исторические изменения в стратификации.

Несколько глав посвящены социальным институтам. Автор размышляет об экономике и труде, ибо большинство социологов признают, что экономика оказывает значительное влияние на все институты общества. Кроме того, в книге затрагиваются важные аспекты глобальных социальных изменений.

Эта книга будет полезна не только социологам и философам, но и широкому кругу читателей, интересующихся проблемами социологии.

оплатежом:

Посетите наш web-магазин:
www.piter.com

ISBN 5-94723-649-4

ПИТЕР
WWW.PITER.COM